

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ III.

**Первыя три статьи переведены под редакцію г. Бачинскаго,
остальныя—под редакцію г. Резнера.**

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ III.

КРИТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

2-е, исправленное издание,

ПОДЪ ОБЩЕЮ РЕДАКЦІЕЮ

В. А. ТЫБЛЕВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА.
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.
1870.

825M11

JP

v.3-4

ПЕЧАТАНО ВЪ ТЕХНОГРАФИИ М. О. ВОЛГА (СНБ., ПО ФОНТАНЪ, № 59).

ЛОРДЪ БЭКОНЪ.

(Июль 1837).

The Works of FRANCIS BACON, Lord Chancellor of England. A new Edition. By BASIL MONTAGU, Esq. 16 vols 8-vo. London. 1825 — 1834. Сочиненія Франсиса Бэкона, лорда-канцлера Англія. Новое изданіе, Базиля Монтэгу. 16 т. въ 8 д. Лондонъ, 1825 — 1834.

Мы приносимъ м-ру Монтэгу сердечную благодарность нашу за это истинно-цѣнное произведеніе. Съ мнѣніями, которыя онъ заявляетъ, какъ біографъ, мы часто несогласны. Но о заслугахъ его, какъ собирателя матеріаловъ, изъ которыхъ образуются мнѣнія, не можетъ быть никакого спора; и мы охотно признаемъ, что средствами къ опроверженію того, что мы можемъ считать только ошибками м-ра Монтэгу, мы въ значительной степени одолжены его подробнымъ и точнымъ изслѣдованіямъ.

Трудъ, употребленный на этотъ томъ, былъ трудомъ любви. Писатель, очевидно, влюбленъ въ свой предметъ. Этотъ предметъ, наполняющій его сердце, постоянно изливается изъ его устъ и изъ его пера. Кто знакомъ съ судилищами, въ которыхъ м-ръ Монтэгу подвизается съ такимъ искусствомъ и успѣхомъ, тому хорошо извѣстно, какъ часто онъ оживлялъ юридическій споръ, приводя какой-нибудь полный значенія афоризмъ или какую-нибудь блестящую иллюстрацію изъ «*De Augmentis*» или изъ «*Novum Organum*». Находящееся предъ нами «*Жизноописаніе*», безъ сомнѣнія, обязано значительной долей своихъ достоинствъ честному и благородному энтузіазму писателя. Это чувство возбуждало дѣятельность м-ра Монтэгу, подерживало его неутомимость, вызвало все его остроуміе и кра-

спорѣчіе; но, съ другой стороны, — мы должны сказать откровенно, — оно въ значительной степени искажило правильность его сужденія.

Мы никакъ не лишены сочувствія къ м-ру Монтэю, даже и въ томъ, что считаемъ его слабостью. Едва ли какое-либо заблужденіе имѣетъ болѣе права на снисходительность, какъ то, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ приписываетъ всякое нравственное превосходство лицамъ, оставившимъ по себѣ несокрушимые памятники своей геніальности. Причины такого заблужденія лежатъ въ сокровеннѣйшихъ тайникахъ челоѳческой природы. Всѣ мы склонны судить о другихъ сообразно производимому ими на насъ впечатлѣнію. Наша оцѣнка какого-нибудь характера всегда много зависитъ отъ того, какимъ образомъ характеръ этотъ дѣйствуетъ на собственные наши интересы и страсти. Мы находимъ труднымъ быть хорошаго мнѣнія о томъ, кто противорѣчилъ или досаждалъ намъ, и готовы допустить всякое извиненіе порокамъ того, кто намъ полезенъ или пріятель. Это, кажется, одно изъ тѣхъ заблужденій, которымъ подверженъ весь родъ челоѳескій и которыя могутъ быть лишь отчасти устранены опытностью и размышленіемъ. На языкѣ Бэкона, это одно изъ *idola tribus*. Отсюда происходитъ, что о нравственной сторонѣ челоѳка, знаменитаго въ литературѣ или изящныхъ искусствахъ, современники часто, а потомство почти всегда, относятся съ необыкновенною благосклонностью. Свѣтъ извлекаетъ удовольствіе или пользу изъ произведеній такого челоѳка. Даже и между современниками, число людей, страдающихъ отъ его личныхъ пороковъ, ничтожно въ сравненіи съ числомъ людей, для которыхъ таланты его составляютъ источникъ удовольствія. Въ нѣсколько лѣтъ исчезаютъ всѣ, кого онъ оскорбилъ. Но произведенія его остаются и служатъ источникомъ наслажденія для милліоновъ. Геній Саллюстія всегда съ нами. Но оскорбленные имъ нумидійцы и несчастные мужья, которые въ неумѣстные часы заставляли его въ домахъ своихъ, забыты. Мы позволяемъ себѣ наслаждаться острою наблюдательностью Кларендона и трезвою величавостью его слога, пока въ историкѣ забываемъ притѣснителя и ханжу. Фальставъ и Томъ Джонсъ пережили лѣсныхъ сторожей, которыхъ колотилъ Шекспиръ, и содержательницъ тавернъ, которыхъ надувалъ Фильдингъ. Великій писатель становится другомъ и благодѣтелемъ своихъ читателей; и они не могутъ судить о немъ иначе, какъ подъ обманывающимъ вліяніемъ дружбы и признательности. Всѣмъ намъ извѣстно, какъ неохотно допускаемъ мы справедливость какого-нибудь позорнаго разсказа о лицѣ, милостіяи

котораго мы пользовались и общество котораго намъ понутру; какъ долго боремся мы съ очевидностью; съ какимъ восторгомъ, когда факты бывають неоспоримы, цѣпляемся мы за надежду, что есть какія-нибудь возможныя объясненія или смягчающія обстоятельства, которыя намъ неизвѣстны. Точно такое чувство питаетъ образованный челоувѣкъ къ великимъ умамъ прошлыхъ временъ. Долгъ его этимъ умамъ неисчислимъ. Они направили его къ истинѣ. Они наполнили его умъ благородными и изящными образами. Они сопутствовали ему во всѣхъ превратностяхъ, были утѣшителями въ горѣ, помощниками въ болѣзни, товарищами въ одиночествѣ. Такого рода дружба не подвержена никакой опасности со стороны случайностей, отъ которыхъ другія привязанности слабѣють или разрываются. Время уходитъ; счастье измѣняется; характеры дѣлаются раздражительными; связи, которыя казались ненарушимыми, ежедневно рвутся изъ-за выгодъ, соперничества или капризовъ. Но ни одна изъ подобныхъ причинъ не можетъ вліять на тихую бесѣду нашу съ величайшими изъ умовъ челоувѣческихъ. Спокойное общеніе это не нарушается никакими ревнивыми или злобными чувствами. Это старыя друзья, у которыхъ лицо никогда не мѣняется, которые всегда тѣ же — въ богатствѣ и въ бѣдности, въ славѣ и въ неизвѣстности. Съ умершими нѣтъ соперничества. Умершіе не могутъ для насъ измѣниться. Платонъ никогда не бываетъ угрюмъ. Сервантесъ никогда не бываетъ блажливъ. Демосокенъ никогда не является не во-время. Данте никогда не засиживается у васъ долго. Никакое различіе политическихъ мнѣній не можетъ отчуждить Цицерона. Никакая ересь не можетъ возбудить отвращенія въ Боссюэтъ.

Итакъ, ничто не можетъ быть естественнѣе того, что челоувѣкъ, одаренный впечатлительностью и воображеніемъ, проицается чувствомъ уваженія и любви къ великимъ людямъ, съ умами которыхъ онъ находится въ ежедневномъ общеніи. Но ничто не можетъ быть достовѣрнѣе того, что люди эти не всегда заслуживали уваженіе и любовь. Нѣкоторые писатели, произведенія которыхъ будутъ до самыхъ отдаленныхъ временъ постоянно поучать и восхищать челоувѣчество, поставлены были въ такія положенія, что дѣйствія ихъ и побужденія такъ хорошо намъ извѣстны, какъ только дѣйствія и побужденія одного челоувѣка могутъ быть извѣстны другому, — и, къ сожалѣнію, поведеніе этихъ писателей было не всегда таково, чтобы могло заслужить одобреніе безпристрастнаго судьи. Но фанатизмъ преданнаго генію поклонника устоитъ противъ всякой очевидности и всякихъ доказательствъ. Характеръ идола составляетъ для

поклонника предметъ вѣры, а въ области вѣры не можетъ быть критики разума. Энтузіастъ держится своего предрасудка съ такимъ безграничнымъ легковѣріемъ и съ такимъ несовѣстливымъ усердіемъ, какіи могутъ встрѣчаться лишь въ самыхъ пламенныхъ приверженцахъ религіозныхъ и политическихъ фикцій. Самыя рѣшительныя доказательства отвергаются; простѣйшія правила нравственности перетолковываются; обширные и важные отдѣлы исторіи искажаются цѣликомъ. Энтузіастъ уродуетъ факты со всею наглостью адвоката, смѣшиваетъ правду съ неправдою со всею ловкостью іезуита, — и все это единственно для того, чтобы человекъ, лежащій уже нѣсколько столѣтій въ своей могилѣ, могъ быть представленъ въ лучшемъ свѣтѣ, нежели заслуживаетъ.

Миддлтоново «Жизнеописаніе Цицерона» служитъ разительнымъ примѣромъ вліянія такого рода пристрастія. Никогда не было характера, который было бы легче разгадать, чѣмъ характеръ Цицерона. Никогда не было ума болѣе проникательнаго и болѣе способнаго въ критику, чѣмъ умъ Миддлтона. Біографъ непременно создалъ бы превосходнѣйшую исторію одной изъ самыхъ занимательныхъ эпохъ, если бы внесъ въ оцѣнку дѣятельности любимаго имъ государственнаго человека хоть весьма малую долю той проникательности и строгости, которыя выказалъ при разборѣ высокихъ притязаній Епифанія и Юстина мученика (1). Но этотъ даровитѣйшій и ученѣйшій человекъ,

«So wary held and wise,
That, as't was said, he scarce received
For gospel what the church believed», (2)

имѣлъ своего рода суевѣріе. Великій иконоборецъ былъ самъ идолопоклонникомъ. Великій *Avvocato del Diavolo*, оспаривая съ немалымъ искусствомъ притязанія Кипріана и Леонасія на мѣсто въ календарѣ, самъ сочинялъ живую легенду въ честь

(1) Сомъерс Миддлтонъ извѣстенъ какъ одинъ изъ самыхъ свободно-мыслящихъ теологовъ XVII вѣка. Въ спорахъ своихъ съ Бенгли и въ сочиненіяхъ: «*Fres Inquiry into the Miraculous Powers of the Church*» и «*Letter from Rome*», онъ подробно излагаетъ свои сомнѣнія касательно чудотворныхъ свойствъ членовъ первыхъ христіанскихъ общинъ, на что и ссылается здѣсь Маколей.

(2) Столь осторожный и умный,
Что, какъ рассказывали, врядъ ли считалъ
Евангеліемъ то, во что вѣровала церковь.

св. Туллия. Онъ выставилъ образцомъ всякой добродѣтели человека, котораго талантовъ и познаній дѣйствительно никогда нельзя преувеличить и который отнюдь не былъ лишенъ привлекательныхъ качествъ, но всею душою котораго владѣли дѣвическое тщеславіе и трусость. Поступки, для которыхъ самъ Цицеронъ, краснорѣчивѣйшій и искуснѣйшій изъ адвокатовъ, не могъ изобрѣсти никакихъ оправданій, поступки, о которыхъ онъ съ угрызениемъ совѣсти и стыдомъ упоминаетъ въ своей интимной перепискѣ, выставляются его биографомъ какъ мудрыя, добродѣтельные и геройскіе. Вся исторія той великой революціи, которая низвергла римскую аристократію, все положеніе партій, характеръ всякаго общественнаго дѣятеля — все тщательно изображается въ ложномъ свѣтѣ, для того, чтобы составить нѣчто похожее на защиту самаго краснорѣчиваго и образованнаго тримера.

Лежащая предъ нами книга напоминаетъ намъ по временамъ «*Жизнеописаніе Цицерона*». Но между ними слѣдующее явное различіе. Д-ръ Миддлтонъ, очевидно, имѣлъ тревожное сознаніе неправоты своего дѣла и поэтому прибѣгалъ къ самымъ криводушнымъ уверткамъ, къ непростительнымъ искаженіямъ и утайкѣ фактовъ. Вѣра же м-ра Монтэгу искренна и слѣпа. Онъ не употребляетъ никакихъ хитростей. Онъ ничего не скрываетъ. Онъ представляетъ намъ факты въ полной увѣренности, что они произведутъ на умы наши то же впечатлѣніе, какое произвели на его умъ. Пристрастіе м-ра Монтэгу выказывается только тогда, когда на основаніи фактовъ онъ принимается разсуждать о побужденіяхъ, и тутъ, онъ оставляетъ самаго Миддлтона далеко позади. Произведеніе его основано на предположеніи, что Бэконъ былъ замѣчательно добродѣтельный человекъ. По дереву м-ръ Монтэгу судитъ о плодѣ. Онъ вынужденъ разсказывать многіе поступки, которые, — будь они совершены кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Бэкона, — никому бы и не снилось защищать; поступки, которые объясняются тотчасъ и вполне, при предположеніи, что Бэконъ былъ человекомъ не особенно-строгихъ правилъ и не особенно-высокой нравственности; поступки, которые инымъ путемъ и не могутъ быть объяснены, если не прибѣгать къ какой-нибудь странной гипотезѣ, не имѣющей и тѣни доказательствъ въ свою пользу. Но, по мнѣнію м-ра Монтэгу, гипотеза вѣроятнѣе, нежели то, чтобы герой его когда-нибудь совершилъ что-либо весьма дурное.

Этотъ способъ защищать Бэкона кажется намъ вовсе небэконовскимъ. Принять характеръ человека за извѣстное и по-

томъ изъ характера заключать о нравственномъ свойствѣ всѣхъ поступковъ чловѣка — есть образъ дѣйствій совершенно противоположный тому, который предлагается въ «*Novum Organum*». Ничто, мы увѣрены, не могло бы повести м-ра Монтэгу къ такимъ значительнымъ отступленіямъ отъ наставленій его учителя, кромѣ особенной заботливости о чести послѣдняго. Мы выберемъ иной путь. Мы попытаемся, пользуясь цѣннымъ пособіемъ, доставленнымъ намъ м-ромъ Монтэгу, составить такое описаніе жизни Бэкона, которое давало бы читателямъ нашимъ возможность правильно оцѣнить его характеръ.

Едва ли нужно говорить, что Франсисъ Бэконъ былъ сынъ сэра Николая Бэкона, который, въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ царствованія Елисаветы, былъ хранителемъ большой печати Англіи. Слава сына затмила славу отца. Но сэръ Николай былъ вовсе недюжинный чловѣкъ. Онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которыхъ легче характеризовать гуртомъ, чѣмъ порознь, умы у которыхъ были сформированы одною системою образованія, которые принадлежали къ одному классу общества, къ одному университету, къ одной партіи, къ одной сектѣ, къ одному управленію, и которые, въ дарованіяхъ, мнѣніяхъ, привычкахъ и судьбахъ своихъ, были до того похожи другъ на друга, что одна характеристика, — мы едва не сказали: одно жизнеописаніе, — можетъ въ значительной мѣрѣ служить для нихъ всѣхъ.

Они были первымъ поколѣніемъ государственныхъ людей по профессіи, которыхъ произвела Англія. До нихъ раздѣленіе труда было въ этомъ отношеніи весьма несовершенно. Распорядителями общественныхъ дѣлъ были, за малыми исключеніями, вдины или духовенство, — вонны, которыхъ грубая отвага не была руководима наукою и смягчена гуманностью, — духовенство, котораго знанія и способности посвящены были, по обыкновенію, на защиту тираніи и лжи. Готспуры, Невилли, Клиффорды — грубые, необразованные и неразумительные, вносили въ совѣтъ свирѣпое и повелительное направленіе, которое приобрѣли среди смуть хищнической войны или мрачнаго бездѣйствія въ замкахъ, снабженныхъ гарнизономъ и обведенныхъ рвами. Съ другой стороны, являлся смиренный и хитрый прелать, свѣдушій во всемъ, что считалось тогда ученостію — пріучившійся въ школахъ владѣть словомъ и въ конфессіональ владѣть сердцами; рѣдко суетвѣрный, но ловко умѣвшій вліять на суетвѣріе другихъ; лживый, какъ естественно и долженъ быть лживъ чловѣкъ, котораго профессія налагала на всякаго, кто не былъ святымъ, необходимость быть лицемеромъ; себялюбив-

ный, какъ естественно и долженъ быть себялюбивъ человекъ, не живущій возможности связать себя семейными узами и не питающій надежды на законное потомство; болѣе преданный своему ордену, чѣмъ своему отечеству, и управлявшій государственными дѣлами Англїи, постоянно бросая косвенный взглядъ на Римъ.

Но возрастаніе богатства, успѣхи званія и реформа религіи произвели великую перемѣну. Дворяне перестали быть военачальниками, духовенство перестало владѣть монополією знанія, — и появился новый и замѣчательный родъ государственныхъ дѣтелей.

Эти люди не происходили изъ тѣхъ классовъ, которые до того времени почти исключительно снабжали государство савошниками. Всѣ они были міряне; но всѣ были люди науки, люди мира. Они не были членами аристократіи. Они не наследовали никакихъ титуловъ, никакихъ обширныхъ помѣстій, никакихъ полчищъ свиты, никакихъ укрѣпленныхъ замковъ. Однако они не принадлежали и къ низшему классу, подобно тѣмъ людямъ, которыхъ завистливые къ власти дворянства государи возводили иногда изъ кузницы или чеботарни до высшихъ должностей въ государствѣ. Всѣ они были джентльмены по рожденію. Всѣ они получили всестороннее образованіе. Замѣчательно, что всѣ они были членами того же университета. Два великія національныя средоточія науки тогда уже приобрѣли тотъ характеръ, который каждый изъ нихъ сохраняетъ до сихъ поръ. По умственной дѣятельности и по готовности допускать улучшенія, перевѣсъ былъ тогда, какъ и понынѣ, на сторонѣ менѣ древняго и блестящаго учрежденія. Кембриджъ имѣлъ честь воспитывать тѣхъ знаменитыхъ протестантскихъ епископовъ, которыхъ Оксфордъ имѣлъ честь сожигать, и въ Кембриджъ образовались умы тѣхъ государственныхъ людей, которымъ преимущественно слѣдуетъ приписать прочное установленіе на сѣверѣ Европы реформированной религіи.

Государственные люди, о которыхъ мы говоримъ, провели молодость свою среди непрерывнаго шума теологическихъ споровъ. Мнѣнія находились еще въ состояніи хаотической анархїи, перемѣшиваясь, раздѣляясь, подвигаясь, отступая. Иногда упорное изувѣрство консерваторовъ, казалось, готово было взять верхъ. Потомъ стремительный натискъ реформаторовъ двигалъ на мгновеніе все передъ собою. Тутъ опять сопротивляющаяся масса дѣлала отчаянное усиліе, останавливала движеніе и медленно обращала его вспять. Шаткость, которая выказывалась въ то время въ англійскомъ законодательствѣ и ко-

торуую принято было приписывать своеправію и силѣ одной или двухъ личностей, была въ сущности шаткостью націи. Не въ одномъ только умѣ Генриха новое богословіе брало перевѣсъ сегодня, а завтра возстановлялось опять вліяніе уроковъ мамы и законоучителя. Не въ одномъ только домѣ Тюдоровъ оппозиція жены раздражала мужа, сынъ расходился во мнѣніяхъ съ отцомъ, братъ преслѣдовалъ сестру, одна сестра преслѣдовала другую. Принципы консерватизма и реформы вели свою борьбу въ каждой части общества, въ каждой конгрегаціи, въ каждой школѣ, у очага каждой семьи, въ тайникахъ каждаго мыслящаго ума.

Среди этого-то броженія развились умы людей, которыхъ мы описываемъ. Они родились реформаторами. Они принадлежали отъ природы къ тому разряду людей, которые всегда образуютъ собою передовые ряды великаго умственнаго движенія. Поэтому, всѣ они и каждый изъ нихъ были протестантами. Въ дѣлѣ религіи, — хотя и нѣтъ вовсе основанія сомнѣваться въ ихъ искренности, — они, однако, отнюдь не были ревнителями. Ни одинъ изъ нихъ не желалъ подвергать себя ни малѣйшему риску въ царствованіе Маріи. Ни одинъ изъ нихъ не содѣйствовалъ неудачной попыткѣ Нортумберланда въ пользу ея невѣстки. Ни одинъ изъ нихъ не участвовалъ въ отчаянныхъ замыслахъ Віатта. Они старались приискать себѣ занятіе на материкѣ; если же оставались въ Англіи, то слушали обѣдню и соблюдали постъ съ большою благопристойностью. Когда прошли эти мрачныя и опасныя времена, и корона перешла къ новому государю, тогда они взялись руководить реформою церкви. Но они дѣйствовали не съ запальчивостью богослововъ, а съ покойною рѣшимостью государственныхъ людей. Они дѣйствовали не такъ, какъ поступили бы люди, считавшіе римское богослуженіе системою, до того оскорбительною для божества и до того гибельною для души, что ее не слѣдовало допускать ни на одну часть. Нѣтъ: они дѣйствовали какъ люди, которые считали спорныя пункты между христіанами въ сущности неважными и которыхъ не удерживали никакія угрызения совѣсти отъ исповѣданія — какъ они прежде это дѣлали — католической вѣры Маріи, протестантской вѣры Эдуарда, или любой изъ многочисленныхъ посредствующихъ комбинацій, созданныхъ своеправіемъ Генриха или рабскою политикою Кранмера, изъ ученій обѣихъ враждебныхъ партій. Они разсудительно вглядывались въ положеніе дѣлъ своей страны и континента, убѣждались въ направленіи общественнаго мнѣнія — и тогда избирали свое мѣсто. Они становились во главѣ протестантовъ Европы и подвергали

риску всю свою славу и всё свои богатства за успѣхъ своей партіи.

Нѣтъ надобности рассказывать, какъ ловко, какъ рѣшительно, какъ славно управляли они политикою Англiи въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ, полныхъ событій; какъ они преуспѣли въ дѣлѣ соединенія своихъ друзей и разединенія своихъ враговъ; какъ они унизили гордость Филиппа; какъ они поддерживали непобѣдимый духъ Колинъи; какъ они освободили Голландію отъ тираніи; какъ они основали морское величіе своего отечества; какъ они перехитрили искусныхъ политиковъ Испаніи и укротили звѣрскихъ шотландскихъ предводителей. Нельзя отрицать, что они совершили много такихъ дѣлъ, которыя справедливо навлекли бы на государственнаго человѣка нашего времени порицанія самаго серьезнаго свойства. Но если мы примемъ въ соображеніе состояніе нравственности въ ихъ время и безсовѣстный характеръ противниковъ, съ которыми приходилось бороться, то мы должны признать, что имена ихъ не безъ причины составляютъ и по настоящее время предметъ благоговѣнія для соотечественниковъ.

Безъ сомнѣнія, въ ихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ было много различія. Но у нихъ было и сильное семейное сходство. Складъ ихъ умовъ былъ замѣчательно здравый. Ни одна особенная способность не была преимущественно развита; но цѣлое было равномерно проникнуто мужественнымъ здоровьемъ и крѣпостью. Они были людьми образованными. Умы ихъ, отъ природы и вслѣдствіе упражненій, были хорошо приспособлены къ теоретическимъ изслѣдованіямъ. Больше обстоятельностью, нежели какимъ-нибудь сильнымъ стремленіемъ наклонностей, были они доведены до принятія значительнаго участія въ практической жизни. Однако никто въ практической жизни не былъ болѣе ихъ чистъ отъ недостатковъ исключительныхъ теоретиковъ и педантовъ. Никто не слѣдилъ внимательнѣе за знаменіями времени. Никто не обладалъ болѣшимъ практическимъ знаніемъ челоуѣческой природы. Политика ихъ вообще отличалась болѣе бдительностью, умѣренностью и стойкостью, нежели изобрѣтательностью или духомъ предпринимчивости.

Складъ ихъ рчи, устной или письменной, соответствовалъ ихъ отличному смыслу. Краснорѣчіе ихъ было менѣе плодovито и менѣе замысловато, но гораздо чище и мужественнѣе, нежели краснорѣчіе слѣдующаго поколѣнія. Это было краснорѣчіе людей, жившихъ съ первыми переводчиками Библии и съ авторами Общаго Молитвенника. Оно было свѣтло, величаво, солидно и весьма слабо подернуто той аффектаціей, которая искажала

слогъ талантливѣйшихъ людей послѣдующаго времени. Если — какъ это иногда случалось — эти государственные дѣятели были поставлены въ необходимость принимать участіе въ богословскихъ спорахъ, отъ которыхъ зависѣли тогда драгоцѣннѣйшіе интересы государства, то они исполняли это такъ, какъ будто вся жизнь ихъ проведена была въ духовныхъ академіяхъ и на конвокаціяхъ.

Въ нравѣ этихъ знаменитыхъ мужей было нѣчто, ограждавшее ихъ противъ обратившагося въ поговорку непостоянства какъ двора, такъ и толпы. Никакая интрига, никакой союзъ соперниковъ не могли лишить ихъ довѣрія государя. Ни одинъ парламентъ не вооружался противъ ихъ вліянія. Ни одна толпа не связывала ихъ именъ съ какимъ-нибудь ненавистнымъ притѣсненіемъ. Власть ихъ прекращалась только съ ихъ жизнью. Въ этомъ отношеніи судьба ихъ представляетъ въ высшей степени замѣчательную противоположность съ судьбою предприимчивыхъ и блестящихъ политическихъ дѣятелей предшествовавшего и слѣдовавшаго за ними поколѣнія. Борлей былъ министромъ въ продолженіе 40 лѣтъ. Сэръ Николай Бэконъ хранилъ большую печать болѣе 20 лѣтъ. Сэръ Вальтеръ Мельдей былъ канцлеромъ казначейства 23 года. Сэръ Томасъ Смитъ былъ государственнымъ секретаремъ 18 лѣтъ; сэръ Франсисъ Вальсингамъ почти такъ же долго. Всѣ они умерли, занимая должности и пользуясь какъ общественнымъ уваженіемъ, такъ и королевскою милостью. Совершенно иною была судьба Вольска, Кромвелля, Норфолька, Сомерсета и Нортумберланда. Далеко иная была также судьба Эссекса, Ралея и того, еще болѣе знаменитаго человѣка, жизнь котораго мы намѣрены разсмотрѣть.

Разъясненіе этого обстоятельства заключается, быть можетъ, въ девизъ, который сэръ Николай Бэконъ выставилъ надъ входомъ въ свою залу въ Горгамберн: *Mediocris firma*. Правило это было постоянно присуще его уму и уму его сотоварищей. Они больше заботились о глубинѣ закладки фундамента своей власти, нежели о возведеніи постройки до замѣчательной, но непрочной высоты. Ни одинъ изъ нихъ не добивался быть единственнымъ министромъ. Ни одинъ изъ нихъ не возбуждалъ зависти чваннымъ выказываніемъ богатства и вліянія. Ни одинъ изъ нихъ не пытался затмить старинную аристократію королевства. Они не имѣли ребяческой любви къ титуламъ, характеризующей придворныхъ счастливецъ того поколѣнія, которое предшествовало имъ, и того, которое слѣдовало за ними. Только одинъ изъ поименованныхъ нами людей сдѣланъ

былъ перомъ, да и то онъ удовольствовался низшею степенью перства (3). Что касается денегъ, то ни одинъ изъ нихъ не могъ, въ тотъ вѣкъ, по справедливости считаться алчнымъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже и въ наше время заслужили бы славу высокаго безкорыстія. Ихъ вѣрность государству была неподкупна. Ихъ частная нравственность была безукоризненна. Ихъ домашній бытъ былъ скромнень и благоустроенъ.

Между этими государственными людьми сэръ Николай Бэконъ считался обыкновенно занимавшимъ мѣсто возлѣ Борлея. Камденъ называлъ его: *Sacris conciliis alterum columen*, а Джоржъ Бохананъ:

«*diu Britannici
Regni secundum columen*».

Второю женою сэра Николая и матерью Франсиса Бэкона была одна изъ дочерей сэра Антонія Кука, человека замѣчательной учености, бывшаго наставникомъ Эдуарда VI. Сэръ Антоній обращалъ значительное вниманіе на образованіе своихъ дочерей и дожилъ до поры ихъ блестящаго и счастливаго замужества. Ихъ классическія познанія дѣлали ихъ замѣчательными даже между славившимися женщинами того вѣка. Катерина, въ послѣдствіи леди Киллигрю, писала латинскіе гекзаметры и пентаметры, которые съ честью могли бы явиться въ «*Musae Etonenses*». Мильдредъ, жену лорда Борлея, описываетъ Роджеръ Аскамъ какъ наилучшаго ученаго по части греческой литературы между молодыми женщинами Англіи, за исключеніемъ все-таки леди Дженъ Грей. Анна, мать Франсиса Бэкона, была замѣчательна, какъ лингвистъ и какъ теологъ. Она вела переписку по-гречески съ епископомъ Джюзлемъ и такъ вѣрно перевела съ латинскаго его «*Apologia*», что ни онъ, ни архіепископъ Паркеръ не могли присовѣтовать ни одного измѣненія. Она перевела также съ тосканскаго рядъ проповѣдей Бернарда Окино о судьбѣ и свободной волѣ. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что Окино былъ однимъ изъ членовъ того маленькаго и неустрашимаго кружка итальянскихъ реформаторовъ, которые были одинаково преданы анаѳемѣ въ Виттенбергѣ, Женевѣ, Цюрихѣ и Римѣ и отъ которыхъ социніанская секта ведетъ свое начало.

Леди Бэконъ была, по тогдашнему времени, безспорно

(3) Борлей.

дамою высокаго образованія. Но мы не должны позволить себѣ впасть въ заблужденіе, полагая, что она и сестры ея были образованнѣе многихъ изъ современныхъ намъ женщинъ. Касательно этого предмета существуетъ, кажется, много недоразумѣній. Мы часто слышали, какъ люди, желавшіе, — какъ желаютъ почти всѣ люди со смысломъ, — чтобы женщины получали высокое образованіе, съ восторгомъ говорили объ англійскихъ дамахъ XVI вѣка и соболѣзновали, что не могутъ найти теперь дѣвицы, похожей на тѣхъ прекрасныхъ ученицъ Аскама и Эльмера, которыя за рукодѣліемъ своимъ сравнивали слогъ Исократы и Лизія и которыя, въ то время какъ звучали охотничьи рога и собаки заливались лаемъ, сидѣли въ уединенномъ теремѣ, не сводя глазъ съ безсмертныхъ страницъ, повѣствующихъ о томъ, какъ кротко и твердо первый великій мученикъ умственной свободы взялъ чашу изъ рукъ своего плачущаго тюремщика. Но сожалѣнія эти имѣютъ, безъ сомнѣнія, весьма мало основанія. Мы никакъ не желали бы унижить леди XVI вѣка или ихъ занятія. Но мы думаемъ, что люди, превозносящіе этихъ женщинъ на счетъ нашего времени, упускаютъ изъ-виду одно весьма замѣтное и весьма важное обстоятельство. Во времена Генриха VII и Эдуарда VI, человекъ, не читавшій по-гречески или по-латыни, не могъ читать ничего, или почти ничего. Итальянскій языкъ былъ единственнымъ новѣйшимъ языкомъ, имѣвшимъ кое-что достойное назваться литературою. Всѣ дѣянія книги, существовавшія тогда на мѣстныхъ нарѣчіяхъ Европы, едва-ли заняли бы одну полку. Англія не имѣла еще драмъ Шекспира и «*Королевы волшебницъ*», Франція — «*Опытовъ*» Монтэня, Испанія — «*Донъ-Кихота*». Осматривая хорошо снабженную бібліотеку, много ли можемъ мы найти англійскихъ или французскихъ книгъ, существовавшихъ въ то время, когда воспитывались леди Дженъ Грей и королева Елисавета? Чоусеръ, Гауеръ, Фруассаръ, Коминъ, Равле составляютъ почти весь каталогъ. Поэтому было безусловно необходимо, чтобы женщина или оставалась вовсе безъ образованія, или получала образованіе классическое. И дѣйствительно, безъ знанія одного изъ древнихъ языковъ, никто не могъ имѣть яснаго понятія о томъ, что происходило въ политическомъ, литературномъ и религіозномъ мірѣ. Латинскій языкъ въ XVI ст. былъ всею тѣмъ, — и даже больше, — чѣмъ былъ французскій въ XVIII. Латинскій былъ языкомъ дворовъ, какъ и языкомъ школъ. Онъ былъ языкомъ дипломатіи; онъ былъ языкомъ богословской и политической полемики. Будучи языкомъ, установившимся въ то время, какъ живые языки по-

стоянно колебались, и будучи извѣстенъ всему ученому и образованному міру, онъ дѣлался языкомъ почти cadaго писателя, стремившагося къ обширной и прочной славѣ. Человѣкъ, не свѣдущій въ этомъ языкѣ, былъ лишень всякаго знакомства не только съ Цицерономъ и Виргиліемъ, не только съ громадными трактатами о каноническомъ правѣ и богословскихъ ученіяхъ, но и съ самыми занимательными мемуарами, государственными бумагами и памфлетами своего времени; мало того — даже съ самыми любимыми поэтическими произведеніями и самыми популярными сатирическими шутками, которыя были сочиняемы на преходящія, временныя темы: съ поздравительными стихами Боханана, съ «діалогами» Эразма, «съ посланіями» Гуттена.

Теперь уже не то. Всѣ политическіе и религіозные споры ведутся на новѣйшихъ языкахъ. Древніе нарѣчія употребляются только при объясненіи древнихъ авторовъ. Великія произведенія гениевъ Аѳинъ и Рима все еще остаются, правда, тѣмъ, чѣмъ и были. Но хотя ихъ безусловная цѣнность осталась та же, цѣнность ихъ относительная, — при сравненіи со всею массою умственныхъ богатствъ, которыми обладаетъ человѣчество, — постоянно понижалась. Они составляли все умственное сокровище нашихъ предковъ. Они составляютъ лишь часть нашихъ сокровищъ. Надъ чьей трагедіей могла бы плакать леди Дженъ Грей, надъ чьей комедіей могла бы она смѣяться, еслибъ древніе драматическіе писатели не были въ ея бібліотекѣ? Новѣйшій читатель можетъ обойтись безъ «*Эдипа*» и «*Медеи*», когда у него есть «*Отелло*» и «*Гамлетъ*». Если онъ ничего не знаетъ о Пиргополиняхъ и Трасо, зато онъ коротко знакомъ и съ Бабадишемъ, и съ Бессомъ, и съ Пистошемъ, и съ Паролесомъ. Если онъ не имѣетъ возможности наслаждаться прелестною ироніею Платона, зато можетъ найти нѣкоторое вознагражденіе въ ироніи Паскаля. Если ему недоступно «*Nephelococcygia*», то онъ можетъ найти убѣжище въ Лиллипутъ. Мы надѣемся, что не будемъ обвинены въ недостатокъ почтенія къ тѣмъ великимъ націямъ, которымъ человѣчскій родъ обязанъ искусствомъ, наукою, изящнымъ вкусомъ, гражданскою и умственною свободою, — если скажемъ, что фондъ, завѣщанный намъ ими, былъ такъ старательно употребленъ въ дѣло, что наростіе проценты превышаютъ теперь капиталъ. Мы полагаемъ, что книги, написанныя на языкахъ западной Европы, въ теченіе послѣднихъ 250 лѣтъ, — включая, разумѣется, переводы съ древнихъ языковъ, — превосходятъ по цѣнности всѣ книги, существовавшія на свѣтѣ въ началѣ этого періода. Съ

новѣйшими европейскими языками англичанки знакомы, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и англичане. Поэтому, когда мы сравниваемъ познанія леди Дженъ Грей съ познаніями образованной молодой женщины нашего времени, мы не колеблемся признать превосходство за послѣдней. Мы надѣемся, что читатели наши простятъ это отступленіе. Оно длинно, но едва ли можетъ быть названо неумѣстнымъ, если направлено къ убѣжденію читателей въ ошибочности ихъ мнѣнія, будто бы пра-пра-бабушки ихъ пра-пра-бабушекъ были болѣе образованными женщинами, нежели ихъ сестры и жены.

Франсисъ Бэконъ, младшій сынъ сэра Николая, родился въ Юркъ-Гауэѣ, мѣстопребываніи своего отца, на Страндѣ, 22 января 1561 года. Здоровье Франсиса было весьма слабое, и этому обстоятельству могутъ отчасти быть приписаны ранняя серьезность и любовь къ усидчивымъ занятіямъ, отличившія Франсиса отъ другихъ мальчиковъ. Всѣмъ извѣстно, какъ преждевременное развитіе ума Бэкона и важность его поступки тѣшили королеву, и какъ она обыкновенно называла его своимъ молодымъ лордомъ—хранителемъ печати. Рассказываютъ, что еще въ дѣтствѣ онъ украдкою уходилъ отъ своихъ товарищей къ одному своду въ St. James's Fields, для изслѣдованія причины особеннаго эхо, которое онъ тамъ замѣтилъ. Достоверно, что на двѣнадцатомъ году отъ роду онъ занимался уже весьма замысловатыми изслѣдованіями по части фокусовъ, — вещью, заслуживающею, по справедливому замѣчанію профессора Догалда Стьюарта, гораздо большаго вниманія со стороны философовъ, нежели какимъ она когда-либо пользовалась. Все это мелочи. Но знаменитость, которой впоследствии достигъ Бэконъ, дѣлаетъ ихъ интересными.

На тринадцатомъ году онъ поступилъ въ Trinity College въ Кембриджъ. Это знаменитое учебное заведеніе пользовалось особеннымъ расположеніемъ лорда-казначея и лорда-хранителя печати, и въ письмѣ, помѣченномъ ровно мѣсяць спустя по поступленіи туда Франсиса Бэкона, всенародно признало пользу, пріобрѣтенную отъ покровительства лордовъ. Директоромъ коллегіи былъ Витгифтъ, впоследствии архіепископъ кентерберійскій, человекъ ограниченнаго ума, низкаго и деспотическаго характера, священникъ, достигшій власти подобострастіемъ и лестью и употреблявшій власть эту на ирелѣдованіе какъ тѣхъ, которые соглашались съ Кальвиномъ на счетъ церковнаго управленія, такъ и тѣхъ, которые не соглашались съ Кальвиномъ касательно ученія объ отверженіи. Онъ былъ тогда въ состояніи куколки, превращающейся изъ червячка въ крылатаго

дракона, чѣмъ-то въ родѣ промежуточнаго коротышки между льстецомъ и гонителемъ. Считая необходимымъ расточать лесть предъ министрами, онъ вознаграждалъ себя за то разными мелочными деспотическими распоряженіями въ училищѣ. Несправедливо однако было бы отказать ему въ похвалѣ за важную услугу, оказанную имъ около этого времени просвѣщенію. Онъ энергически возсталъ противъ тѣхъ, которые желали поставить Trinity College въ зависимость отъ Вестминстерскаго училища; и этимъ поступкомъ, — единственнымъ, сколько намъ помнится, хорошимъ поступкомъ въ его долгой общественной жизни, — онъ спасъ лучшее учебное заведеніе въ Англіи отъ постыдной участи King's College и New College.

Утверждали нерѣдко, что Бэконъ еще въ коллегіи задумалъ тотъ великій умственный переворотъ, съ которымъ неразлучно соединено его имя. Свидѣтельства объ этомъ, однако, едва ли достаточны для доказательства въ сущности столь невѣроятной вещи, чтобы, даже въ такомъ мощномъ и дѣятельномъ умѣ, могъ такъ рано составиться какой-нибудь опредѣленный планъ подобнаго рода. Достоверно, что послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Кембриджѣ, Бэконъ вышелъ оттуда, унося съ собою глубокое презрѣніе къ господствовавшему тамъ методу ученія; твердое убѣжденіе, что система академическаго образованія въ Англіи радикально дурна, справедливое презрѣніе къ пустякамъ, на которые послѣдователи Аристотеля тратили свои силы, и не слишкомъ большое уваженіе къ самому Аристотелю.

На шестнадцатомъ году отъ рожденія Бэконъ посѣтилъ Парижъ и пробылъ тамъ нѣсколько времени, подъ попеченіемъ сэра Амаса Полета, посланника Елисаветы при французскомъ дворѣ, даровитѣйшаго и честнѣйшаго изъ многихъ достойныхъ людей, которыхъ она умѣла отличить. Франція была тогда въ жалкомъ и тревожномъ состояніи. Гугеноты и католики напрягали всѣ свои силы для самой жестокой и продолжительной борьбы, между тѣмъ какъ государь, обязанность котораго была защищать и обуздывать обѣ стороны, дотогу унижался своими пороками и безразсудствами, что не имѣлъ вліянія ни на одну изъ нихъ. Бэконъ объѣхалъ однако нѣкоторыя провинціи и, кажется, провелъ нѣсколько времени въ Поатье. Многое доказываетъ, что во время своего пребыванія на материкѣ онъ не оставлялъ литературныхъ и ученыхъ занятій. Но вниманіе его было, кажется, преимущественно обращено на статистику и дипломатію. Онъ написалъ въ это время свои «*Замѣтки о положеніи Европы*», напечатанныя въ собраніи его сочиненій. Онъ внимательно изучалъ искусство разбирать

секретные шифры и изобрѣлъ одинъ шифръ до того замысловатый, что нѣсколько лѣтъ спустя призналъ его достойнымъ занять мѣсто въ сочиненіи: «*De Augmentis*». Получивъ среди этихъ занятій, въ февралѣ 1580 года, извѣстіе о внезапной кончинѣ отца, онъ тотчасъ возвратился въ Англію.

Это событіе разрушило надежды Бэкона. Молодому человѣку желательно было получить обезпеченіе, которое дало бы ему возможность посвятить себя литературѣ и политикѣ. Онъ обратился съ просьбою о томъ къ правительству; и страннымъ кажется, что просьба его осталась тщетною. Желанія его были умѣрены. Наслѣдственныя права его на занятіе мѣста въ администраціи были значительны. Королева знала его лично и съ благопріятной стороны. Дядя его былъ первымъ министромъ, а самъ Бэконъ обладалъ такими способностями, что всякій министръ охотно бы принялъ его на государственную службу. Не смотря однако на все это, поиски его были безуспѣшны. Дѣло въ томъ, что семейство Секселей не любило Бэкона и дѣлало все, допускаемое приличіемъ, чтобы не давать ему возвыситься. Нѣтъ никакихъ данныхъ, по которымъ можно было бы судить, что Бэконъ заслужилъ чѣмъ-нибудь подобную нелюбовь; да и нисколько не вѣроятно, чтобы человѣкъ кроткаго отъ природы нрава, вѣжливый въ обращеніи, всю жизнь свою весьма тщательно заботившійся о своей карьерѣ и въ которомъ опасеніе оскорбить сильнаго доходило даже до предсудительной крайности, — чтобы такой человѣкъ могъ возбудить справедливое противъ себя неудовольствіе въ родственникѣ, имѣвшемъ возможность или оказать ему важную услугу, или рѣшительно повредить. Вотъ, по нашему мнѣнію, настоящее объясненіе этого факта. Робертъ Сексель, второй сынъ лорда-казначея, былъ только нѣсколькими мѣсяцами моложе Бэкона. Онъ получилъ самое тщательное образованіе, былъ еще въ дѣтствѣ посвященъ въ тайны дипломатіи и придворныхъ интригъ и теперь готовился выступить на поприще публичной дѣятельности. Самымъ задушевнымъ желаніемъ Борлея было передать власть свою преемственно этому любимому сыну. Но даже отеческое пристрастіе Борлея не помышало ему замѣтить, что Робертъ, при всѣхъ своихъ познаніяхъ и дарованіяхъ, не могъ выдерживать соперничества со своимъ двоюроднымъ братомъ Франсисомъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, единственное, рациональное объясненіе поведенія лорда-казначея. М-ръ Монтэгу болѣе свисходителенъ. Онъ полагаетъ, что Борлей дѣйствовалъ подъ влияніемъ лишь привязанности къ своему племяннику и «мало былъ расположенъ поощрять въ немъ привычку надѣяться на

другихъ болѣе, чѣмъ на самого себя; и пускаться по сыпучимъ пескамъ политики, вмѣсто того, чтобъ избрать вѣрное поприще адвоката.» Если таковы были убѣжденія Борлея, то странно покажется, какъ могъ онъ дозволить своему сыну пуститься на сыпучіе пески, отъ которыхъ такъ заботливо предостерегалъ своего племянника. Но дѣло въ томъ, что, если Борлей былъ такъ расположенъ, то онъ легко бы могъ доставить Бэкону хорошее обезпеченіе, неподверженное никакому риску. Но извѣстно, что онъ выказалъ такъ же мало расположенія къ доставленію своему племяннику возможности жить изъ профессіи, какъ и къ доставленію ему возможности жить безъ профессіи. Мы нѣсколько не сомнѣваемся, что и самъ Бэконъ объяснялъ поведеніе своихъ родныхъ завистью къ его способностямъ. Въ письмѣ къ Вильерсу, писанномъ нѣсколькими годами позже, находимъ слѣдующія выраженія: «Покровительствуй, поощрай и возвышай людей способныхъ во всѣхъ родахъ, степеняхъ и званіяхъ. Во времена Сесилей, — какъ отца, такъ и сына, — способныхъ людей умышленно я съ намѣреніемъ притѣсляли.»

Каковы бы ни были побужденія Борлея, — намѣреніе его было неизмѣнно. Просьбы, съ которыми Франсисъ обращался къ дядѣ и теткѣ, были усердны, покорны и почти подобострастны. Онъ былъ образованнѣйшимъ и подававшимъ самыя блестящія надежды молодымъ человѣкомъ своего времени. Отецъ его былъ шуриномъ, полезавшимъ сотрудникомъ и ближайшимъ другомъ министра. Но всѣ эти обстоятельства ни къ чему не послужили бѣдному Франсису. Волею-неволею онъ приужденъ былъ приняться за изученіе законовъ. Онъ поступилъ въ Gray's Inn, гдѣ и трудился въ неизвестности нѣсколько лѣтъ.

Трудно сказать, до чего могли простираться пріобрѣтенныя имъ познанія въ юриспруденціи. Человѣку съ его дарованіями было, конечно, не трудно пріобрѣсти ту весьма умѣренную долю технического знанія, которое, въ соединеніи съ быстротою соображенія, тактомъ, находчивостью, остроуміемъ, краснорѣчіемъ и знаніемъ свѣта, бываетъ достаточнымъ для доставленія адвокату величайшей извѣстности по его части. Мнѣніе, высказанное однажды объ немъ королевою Елисаветою, было, кажется, всеобщимъ мнѣніемъ. «Бэконъ, сказала она, обладаетъ большимъ умомъ и обширными познаніями; но по части законовѣдѣнія онъ не глубокий знатокъ». Мы подозреваемъ, что семейство Сесилей старалось изподтишка всѣми силами распространять подобное мнѣніе. Кокъ, съ свойственною ему злопамятностью и наглостью, провозглашалъ его открыто. Люди

охотѣе всего вѣрять слухамъ, которые унижаютъ геній и утѣшаютъ зависть сознающей себя посредственности. Для безтолковаго первокласснаго адвоката, предшественника того, который, сто пятьдесятъ лѣтъ спустя, «качалъ головою, когда заходила рѣчь объ умѣ Морреля,» было, должно быть, невыразимо утѣшительно знать, что глубочайшій мыслитель и образованнѣйшій ораторъ вѣка весьма несовершенно знакомъ былъ съ закономъ касательно *bastard eigné* и *mulier puisné* и смѣшивалъ право собственности на рыболовство съ общимъ правомъ рыболовства. (*Right of free fishery* и *right of common of piscary*).

Извѣстно, что ни одинъ человекъ въ томъ вѣкѣ, или даже полтора ста лѣтъ спустя, не былъ знакомъ лучше, Бэкона, съ философіею права. Техническихъ его познаній, при его удивительныхъ способностяхъ и вкрадчивой ловкости, было совершенно достаточно для доставленія ему клиентовъ. Онъ поднялся весьма быстро на этомъ поприщѣ и вскорѣ сталъ надѣяться быть призваннымъ къ рѣшеткѣ. По этому случаю онъ обратился къ лорду Борлею, но получилъ грубый отказъ. О причинахъ этого отказа мы можемъ въ нѣкоторой степени судить по дошедшему до насъ отвѣту Бэкона. Кажется, что старшій лордъ, котораго характеръ отъ лѣтъ и подагры нисколько не измѣнился къ лучшему и который любилъ выказывать свое нерасположеніе къ блестящимъ и остроумнымъ молодымъ людямъ возникавшаго поколѣнія, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать Франсису строгій выговоръ за его тщеславіе и недостатокъ уваженія къ старшимъ. Франсисъ, самымъ почтительнымъ тономъ, благодарилъ лорда-казначея за урокъ и обѣщалъ имъ воспользоваться. Между тѣмъ посторонніе были менѣе несправедливы къ молодому юристу, чѣмъ его ближайшій родственникъ. На двадцать-шестомъ году своей жизни онъ сдѣлался старшиною своей корпораціи, а чрезъ два года послѣ того былъ назначенъ докладчикомъ (*Leant reader*). Наконецъ въ 1590 году онъ впервые получилъ нѣкоторый признакъ расположенія къ нему двора. Онъ присягнулъ на званіе экстраординарнаго королевскаго адвоката. Но это почетное отличіе не доставляло никакой денежной выгоды. Онъ, поэтому, продолжалъ хлопотать у своихъ сильныхъ родственниковъ о мѣстѣ, которое дало бы ему возможность жить безъ рабскаго труженничества на своемъ поприщѣ. Съ терпѣніемъ и кротостью, доходившими, кажется, до низости, переносилъ онъ угрюмыя выходки дяди и насмѣшливыя замѣчанія двоюроднаго брата, направленные противъ умозрителей, погруженныхъ въ философ-

скія мечты и черезъ-чуръ умныхъ для того, чтобы быть въ состояніи исполнять обязанности государственной службы. Наконецъ Сксилли расщедрились и доставили ему кандидатство на должность регистратора въ Звѣздной палатѣ. Это было мѣсто доходное; но какъ протекло много лѣтъ прежде, чѣмъ оно ему досталось, то онъ все-таки былъ въ необходимости добывать себѣ насущный хлѣбъ.

Въ парламентъ, собранномъ въ 1593 году, Бэконъ засѣдалъ какъ членъ отъ Миддлсекскаго графства, и вскорѣ приобрѣлъ славу дебатера. Изъ немногихъ удѣльвшихъ рѣчей его легко замѣтить, что онъ отличался тою же сжатостію выраженія и богатствомъ мыслей, которыя находимъ въ его сочиненіяхъ, и что обширныя познанія его въ литературѣ и исторіи давали ему возможность занимать своихъ слушателей чрезвычайнымъ разнообразіемъ иллюстрацій и намековъ, которыя обыкновенно употреблялись удачно и кстати, но которыя, вѣроятно, не менѣе пришлись бы по вкусу тому вѣку, хотя бы были и такими, какіе въ настоящее время считались бы ребяческими или педантскими. Очевидно также, что онъ, — какъ и слѣдовало ожидать, — былъ совершенно чуждъ недостатковъ, встрѣчаемыхъ обыкновенно у адвоката, который, достигнувъ извѣстности на своемъ поприщѣ, поступаетъ въ палату общинъ; что онъ имѣлъ привычку разсматривать всякій важный вопросъ не въ отдѣльныхъ его частяхъ, а въ цѣломъ; что онъ мало пускался въ утонченности, и что въ разсужденіяхъ его виднѣвъ былъ скорѣе обширный, чѣмъ тонкій умъ. Бэнъ Джонсонъ, самый безукоризненный судья, описалъ краснорѣчіе Бэкона словами, которыя не мѣшаетъ повторить, хотя они часто уже приводились. «Въ мое время случился знаменитый ораторъ, рѣчь котораго была полна достоинства. Гдѣ онъ могъ обойтись безъ насмѣшки, языкъ его благородно выражалъ порицаніе. Никогда и никто не говорилъ съ большею ясностью, съ большею сжатостію, съ большимъ вѣсомъ, и не допускалъ въ рѣчахъ своихъ меньше пустоты и празднословія. Каждая часть его рѣчи имѣла своего рода красоту. Слушатели его не могли кашлянуть или отвести отъ него глазъ — безъ потери. Говоря, онъ господствовалъ и дѣлалъ судей, по своему усмотрѣнію, то сердитыми, то довольными. Никто лучше его не владѣлъ ихъ страстями. Всѣ слушавшіе его боялись только того, чтобы онъ не пересталъ говорить». Такъ какъ здѣсь упоминается о судьяхъ, то можно бы подумать, что Джонсонъ слышалъ Бэкона только у судейской рѣшетки. Дѣйствительно, мы думаемъ, что палата общинъ была въ то время почти недоступна для постороннихъ лицъ.

Невѣроятно, чтобы человекъ съ такою тонкою наблюдательностью, какъ Бэконъ, сталъ говорить въ парламентѣ точно такъ же, какъ говорилъ въ судѣ королевской скамьи. Но прелесть манеры и языкъ мнѣли, должно быть, много общаго у королевскаго адвоката и у представителя шира.

Бэконъ попытался играть трудную роль въ политикѣ. Онъ желалъ быть въ одно и то же время любимцемъ двора и любимцемъ толпы. Еслибъ кому-либо могла удасться подобная попытка, то, конечно, можно было ожидать, что человекъ съ такими рѣдкими дарованіями, съ разсудкомъ, такъ рано созрѣвшимъ, съ такимъ покойнымъ характеромъ и съ такими приятными манерами успѣетъ въ этомъ. И дѣйствительно, онъ не совсѣмъ потерпѣлъ неудачу. Однажды, впрочемъ, онъ предался норму патриотизма, за который поплатился долгимъ и горькимъ рискованіемъ и котораго никогда болѣе не осмѣлился повторить. Дворъ требовалъ большихъ денежныхъ субсидій и притомъ со скорою уплатою. Отрывки Бэконовой рѣчи дышатъ духомъ Долгаго парламента.

«Прежде чѣмъ все это будетъ уплачено, — сказалъ онъ, — джентльмены должны продать свою серебряную посуду, а фермеры мѣдную; что же касается до насъ, то мы находимся здѣсь не для того, чтобы слегка ощупывать раны государства, а для того, чтобы ихъ излѣчить. Опасности заключаются въ слѣдующемъ. Впервыхъ, мы возбудимъ неудовольствіе и подвергнемъ риску безопасность ея величества, которая должна основываться болѣе на любви народа, чѣмъ на его богатствѣ. Въ вторыхъ, допустивъ это въ подобномъ случаѣ, другіе государи станутъ потомъ требовать того же, такъ что мы примемъ дурной прецедентъ для себя и для своихъ потомковъ; исторія же убѣждаетъ насъ, что англичане менѣе всѣхъ другихъ народовъ способны подчиняться, унижаться или быть произвольно облагаемы податями». Королева и ея министры въ высшей степени оскорбились подобнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Дѣйствительно, надменные и вспыльчивые Тюдоры нерѣдко посылали въ Тоуэръ честныхъ членовъ палаты общинъ за гораздо меньшія вещи. Молодой патриотъ унижился до самыхъ подлыхъ извиненій. Онъ заклиналъ лорда-казначая быть сколько-нибудь милостивымъ къ своему бѣдному слугѣ и свойственнику. Онъ оплакивалъ свое положеніе передъ лордомъ хранителемъ печати въ письмѣ, которое можетъ стать наряду съ самымъ недостойнымъ изъ посланій Цицерона, писанныхъ имъ во время изгнанія. Урокъ не пропасть даромъ: Бэконъ никогда болѣе не провинялся подобнымъ образомъ.

Тутъ онъ убѣдился, что нечего рассчитывать на покровительство тѣхъ сильныхъ родственниковъ, у которыхъ онъ добивался его съ такой покорной настойчивостью въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, и обратилъ свои взоры въ иную сторону. Между царедворцами Елисаветы появился было въ послѣднее время новый любимецъ, молодой, знатный, богатый, образованный, краснорѣчивый, храбрый, великодушный, честолюбивый; любимецъ, получавшій отъ сѣдовласой королевы такіе знаки вниманія, какихъ она врядъ ли удостоивала Лейстера въ пору страстей; любимецъ, бывшій въ одно и то же время украшеніемъ двора и кумиромъ Сити, общимъ покровителемъ литераторовъ и воиновъ и общимъ убѣжищемъ гонимыхъ католиковъ и гонимыхъ пуританъ. Расчетливая осторожность, способствовавшая Борлею направлять свой путь среди столькихъ опасностей, и обширная опытность, приобретенная имъ въ столкновѣніяхъ съ двумя поколѣніями товарищей и соперниковъ, казались едва достаточными для поддержанія его въ этомъ новомъ совиѣстничествѣ; — а Робертъ Сексиль изнемогалъ отъ страха и зависти при видѣ возростающей славы и вліянія Эссекса.

Хотя исторія партій, раздѣлявшихъ дворъ и кабинетъ Елисаветы къ концу ея царствованія, весьма назидательна, но отнюдь не пріятна и не занимательна. Обѣ партіи прибѣгали къ средствамъ, обычнымъ у безсовѣстныхъ государственныхъ людей, и ни одна изъ нихъ не имѣла и даже не думала имѣть въ виду какую-нибудь серьезную цѣль. Общество отдыхало тогда послѣ одного большаго напряженія и собиралось съ силами для другаго. Сильный и страшный порывъ, съ которымъ человѣческой умъ стремился впередъ на поприщѣ истины и свободы, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, послѣдовавшихъ за отдѣленіемъ Лютера отъ римской церкви, уже прошелъ. Между протестантизмомъ и папизмомъ установился почти тотъ же рубежъ, какой существуетъ и понынѣ. Англія, Шотландія и сѣверныя королевства были на одной сторонѣ; Ирландія, Испанія, Португалія, Италія на другой. Межа проходила, какъ проходила и теперь, чрезъ средину Нидерландовъ, Германіи и Швейцаріи, раздѣля провинцію отъ провинціи, курфиршество отъ курфиршества, кантонъ отъ кантона. Францію можно было считать страной, въ которой споръ еще не былъ рѣшенъ. Съ того времени оба вѣроисповѣданія могли сдѣлать немногимъ больше, какъ удержать за собою свои мѣста. Незначительныя случайныя вторженія, пожалуй, бывали; но общая граница оставалась та же. Въ продолженіе двухсотъ-пятидесяти лѣтъ ни одно большое общество не возстало какъ одинъ человѣкъ и не освободо-

дилось однимъ могучимъ усиленіемъ отъ вѣковаго суевѣрія. Это зрѣлище было обыкновеннымъ въ XVI столѣтіи. Почему же оно перестало быть такимъ же? Почему за такимъ сильнымъ движеніемъ послѣдовало такое продолжительное спокойствіе? Реформатское ученіе не менѣе ладитъ съ разумомъ и откровеніемъ теперь, чѣмъ прежде. Общественное мнѣніе, конечно, не менѣе просвѣщено теперь, чѣмъ прежде. Почему же протестантизмъ, увлекавшій все за собою во времена сравнительно слабѣйшей цивилизаціи и меньшей свободы, не сдѣлалъ примѣтныхъ успѣховъ въ вѣкъ умствованія и терпимости; почему Лютеры, Кальвины, Ноксы и Цвингли не оставили вовсе преемниковъ; почему въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ перешло отъ римской церкви менѣе прозелитовъ, чѣмъ сколько ихъ иногда привлекалось въ одинъ годъ во времена Реформаціи? Вотъ вопросъ, всегда казавшійся намъ однимъ изъ любопытнѣйшихъ и занимательнѣйшихъ въ исторіи. Быть можетъ, мы попытаемся разрѣшить его при какомъ-нибудь другомъ случаѣ. Теперь же достаточно сказать, что къ концу царствованія Елисаветы протестантская партія, — говоря языкомъ Апокалипсиса, — оставила прежнюю любовь свою и перестала творить прежнія дѣла свои (4).

Великая борьба XVI вѣка кончилась. Великая борьба XVII еще не начиналась. Исповѣдниковъ временъ Маріи уже не было въ живыхъ. Члены Долгаго парламента находились еще въ колыбели. Паписты потеряли всякую власть въ государствѣ. Пуритане не достигли еще сколько-нибудь грозныхъ размѣровъ власти. Правда, что ученый, близко знакомый съ исторіею слѣдующаго поколѣнія, можетъ легко распознать въ дѣйствіяхъ послѣднихъ парламентовъ Елисаветы зародышъ великихъ и вѣчно памятныхъ событій. Но для глазъ современника ничего этого не было замѣтно. Двѣ партіи честолюбцевъ, боровшихся за власть, не расходились во мнѣніяхъ ни по одному важному общественному вопросу. Обѣ онѣ принадлежали къ установленной церкви. Обѣ изъявляли неограниченную преданность королевѣ. Обѣ одобряли войну съ Испаніею. Сколько намъ извѣстно, нѣтъ основанія думать, чтобы онѣ расходились во взглядахъ относительно престолонаслѣдія. Конечно, ни одна изъ партій не имѣла въ виду никакой важной преобразовательной мѣры. Ни одна изъ нихъ не пыталась облегчить какую-нибудь общественную тягость. Самая ненавистная и гибельная тягость,

(4) Гл. II, 4 — 5.

нодь которою страдала тогда нація, служила источникомъ вы-
тодь для обѣихъ партій и отстаивалась обѣими съ равнымъ
усердіемъ. Ралю была предоставлена монополія картъ; Эс-
сексу — монополія сладкихъ винъ. Въ сущности единственнымъ
поводомъ къ распрѣ между партіями было то, что онѣ не могли
согласиться на счетъ распределенія между собою власти и права
раздачи должностей.

Въ политическомъ поведеніи Эссекса ничто не даетъ ему
права на уваженіе; а сожалѣніе, съ которымъ мы взираемъ на
его преждевременный и ужасный конецъ, слабѣетъ при мысли,
что онъ рисковалъ жизнью и состояніемъ своихъ преданнѣй-
шихъ друзей и старался ввергнуть всю страну въ смятеніе изъ
чисто-личныхъ видовъ. Нельзя все-таки не принять глубокаго
участія въ столь храбромъ, отважномъ и великодушномъ чело-
вѣкѣ, который велъ себя въ отношеніи своей государыни со
смѣлостью, дотогѣ не встрѣчавшеюся ни въ одномъ изъ под-
данныхъ, а въ отношеніи своихъ подчиненныхъ — съ деликат-
ностью, какая рѣдко встрѣчалась во всякомъ иномъ начальникѣ.
Не походя на толпу обыкновенныхъ благодѣтелей, онъ желалъ
вышата не благодарность, а привязанность. Онъ старался,
чтобы люди, къ которымъ онъ былъ дружелюбенъ, относились
къ нему, какъ къ равному имъ. Его умъ, пылкій, воспріимчи-
вый и отъ природы расположенный восхищаться всѣмъ вели-
кимъ и прекраснымъ, былъ очарованъ геніемъ и знаніями Бэ-
кона. Между ними образовалась вскорѣ тѣсная дружба, дружба,
которой суждено было имѣть мрачный, грустный и постыдный
исходъ.

Въ 1594 году открылась вакансія генераль-атторнея, и Бэ-
конъ надѣялся получить это мѣсто. Эссексъ хлопоталъ за
своего друга, какъ за самого себя: онъ просилъ, упрекалъ,
объщалъ, грозилъ — но все понапрасну. Въроятно, нелюбовь
Скислей къ Бэкону возрасла вслѣдствіе отношеній, образовав-
шихся въ послѣднее время между нимъ и графомъ. Робертъ
готовился въ то время на мѣсто статсъ-секретаря. Однажды
случилось ему быть въ одной каретѣ съ Эссексомъ, и между
ними завязался слѣдующій разговоръ. «Милордъ, сказалъ сэръ
Робертъ, королева рѣшила, чтобы генераль-атторней былъ
назначенъ безъ дальнѣйшаго отлагательства. Скажите мнѣ, по-
жалуйста, милордъ, кому вы станете благоволить?» — «Вашъ
вопросъ удивляетъ меня,» возразилъ графъ. «Вы, конечно,
знаете, что я противъ всего свѣта готовъ стоять за вашего
двоюроднаго брата, Франсиса Бэкона.» — «Боже мой! вскри-
чалъ Скисль, не бывшій въ состояніи удержаться: — и удивля-

юсь, что вы, милордъ, тратите ваши усилія на такое несбыточное дѣло. Можете ли вы указать примѣръ, чтобы когда-нибудь столь неопытный молодой человекъ былъ назначенъ на такое важное мѣсто?» Подобное возраженіе было весьма неловко со стороны человека, со дня-на-день ожидавшаго мѣста статсъ-секретаря, не смотря на то, что былъ моложе Бэкона. Премахъ былъ слишкомъ очевиденъ, чтобы ускользнуть отъ Эссекса, который рѣдко удерживался высказать свое мнѣніе. «Я не справлялся, — сказалъ онъ: — занимали ли когда-нибудь молодые люди мѣсто генераль-атторнея; но я бы могъ назвать вамъ, сэръ Робертъ, человека моложе Франсиса, съ меньшими познаніями и столь же неопытнаго, который домогается и добивается всѣми силами мѣста, несравненно болѣе важнаго.» На это сэръ Робертъ могъ только сказать, что считаетъ свои способности соответственными мѣсту, которое надѣется получить, и что долговременная служба его отца заслуживаетъ подобной награды со стороны королевы. Какъ будто его способности могли выдержать сравненіе съ дарованіями его двоюроднаго брата, или какъ будто сэръ Николай Бэконъ не оказалъ никакой услуги государству! Затѣмъ Сесиль намекнулъ, что если Бэконъ захочетъ довольствоваться мѣстомъ солиситора, то королевѣ, можетъ быть, легче будетъ это переварить. «Не толкуйте мнѣ о перевариваніяхъ, возразилъ благородный и пылкій графъ. Мѣсто генераль-атторнея я долженъ получить для Франсиса и на это употребляю всю мою власть, силу, вліяніе и связи; я добуду для него это мѣсто зубами и ногтями отъ кого бы то ни было; и если кто-нибудь вырветъ это мѣсто изъ моихъ рукъ для другаго, то заплатится кое-чѣмъ, прежде чѣмъ его получить. Въ этомъ будьте увѣрены, сэръ Робертъ: я теперь высказываюсь вполне; что же касается до меня лично, то мнѣ кажется страннымъ, сэръ Робертъ, съ вашей стороны и со стороны лорда-казначей, что у васъ обоихъ достаетъ охоты давать чужому человеку предпочтеніе передъ вашимъ близкимъ родственникомъ: если вы звѣсите на всѣхъ его достоинствахъ во всѣхъ отношеніяхъ съ достоинствами его соперника, за исключеніемъ развѣ какихъ-нибудь пяти лѣтъ поступленія его на судебное поприще прежде Франсиса, то въ любви изъ всѣхъ другихъ отношеній вы не найдете между ними никакого сравненія».

Когда вакансія генераль-атторнея была замѣшена, графъ убѣждалъ королеву назначить Бэкона генераль-солиситоромъ. На этотъ разъ старый лордъ-казначей не противился болѣе домогательствамъ своего племянника. Но послѣ спора, продолжав-

шагося полтора года, спора, въ которомъ Эссексъ, выражаясь его собственными словами, «употребилъ всю свою власть, силу, вліяніе и связи», нѣсто было отдано другому. Эссексъ очень чувствовалъ эту неудачу, но нашелъ себѣ утѣшеніе въ самой широкой и деликатной щедрости. Онъ подарилъ Бэкону помѣстье въ Твикенгамъ, стоившее около двухъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ; и это онъ сдѣлалъ, какъ признавался Бэконъ нѣсколько лѣтъ спустя, «такъ любезно и благородно, что само себѣ даренія имѣлъ болѣе цѣны, чѣмъ самый подарокъ».

Вскорѣ послѣ этихъ событій, Бэконъ впервые явился предъ публикою какъ писатель. Въ началѣ 1597 года онъ издалъ въ свѣтъ небольшой томъ своихъ «*Опытовъ*», который, — бывъ впоследствии увеличенъ неоднократными прибавленіями, — сдѣлался въ нѣсколько разъ больше своего первоначальнаго объема. Это небольшое сочиненіе сдѣлалось, — какъ оно и заслуживало этого — чрезвычайно популярнымъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, оно вышло вторымъ изданіемъ, было переведено на латинскій, французскій и итальянскій языки и, кажется, сразу упрочило литературную славу автора. Не смотря на то, что слава Бэкона росла, положеніе его было все-таки стѣснительное. Его денежные обстоятельства были крайне затруднительны. Однажды его остановили на улицѣ, по иску золотыхъ дѣлъ мастера, за долгъ въ триста фунтовъ стерлинговъ, и препроводили въ долговое отдѣленіе въ Кольманъ-Стритъ.

Между тѣмъ Эссексъ былъ неутомимъ въ своемъ дружескомъ усердіи. Въ 1596 году онъ отправился моремъ въ достопамятную экспедицію свою къ берегамъ Испаніи. Въ самую минуту, когда приходилось садиться на корабль, онъ писалъ къ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей, поручая имъ заботиться, во время его отсутствія, о судьбѣ Бэкона. Онъ возвратился, ознаменовавъ себя блестящѣйшимъ военнымъ подвигомъ, какой только былъ совершенъ англійскимъ оружіемъ на материкѣ въ продолжительный періодъ времени, истекшій между Азенкурскимъ и Бленгеймскимъ сраженіями. Его мужество, дарованія, гуманный и великодушный характеръ сдѣлали его кумиромъ соотечественниковъ и вызвали похвалы побѣжденныхъ имъ враговъ (*). Онъ всегда былъ гордъ и упрямъ; а теперь блестящія успѣхи его, казалось, сдѣлали эти недостатки еще болѣе замѣтными. Но къ другу своему Франсису онъ остался такимъ, какимъ былъ и прежде. Бэкону пришло въ голову по-

(*) См. СЕРВАНТЕСА: «*Novela de la Espanola Inglesa.*»

править свое состояніе женитьбою, и онъ сталъ ухаживать за вдовою, по имени Гаттонъ. Эксцентричныя манеры и крутой нравъ этой женщины дѣлали ее неприятною и несносною для всѣхъ, бывшихъ въ какихъ-либо съ нею сношеніяхъ. Но Бэконъ не замѣчалъ ея недостатковъ, или, можетъ быть, рѣшился не обращать на нихъ вниманія ради ея огромнаго богатства. Эссексъ предстательствовалъ за друга своего съ обычнымъ своимъ усердіемъ. Письма графа къ лэди Гаттонъ и ея матери сохранились до сихъ поръ и дѣлаютъ ему большую честь. «Если бы, — писалъ онъ, — она была моею сестрою или моею дочерью, то, повѣрьте, я такъ же смѣло рѣшился бы способствовать этому браку, какъ теперь убѣждаю къ тому васъ»; и въ другомъ мѣстѣ: «если мое слово имѣетъ значеніе, то повѣрьте, что будь мнѣ кто-нибудь такъ близокъ, какъ она вамъ, я скорѣе бы выдалъ ее замужъ за него, чѣмъ за всякаго другаго человека съ гораздо большими титулами.» Къ счастью для Бэкона, сватовство не состоялось. Лэди одолжила его не однимъ только отказомъ. Она приняла предложеніе его врага и, вступивши въ бракъ съ ограниченнымъ и безсердечнымъ педантомъ сэромъ Эдуардомъ Кокомъ, старалась всѣми силами сдѣлать его настолько несчастнымъ, насколько онъ того стоилъ.

Въ это время счастье Эссекса, достигшее своего апогея, стало клониться къ упадку. Онъ обладалъ, правда, всѣми качествами, которыя быстро доводятъ людей до величія. Но онъ не имѣлъ ни добродѣтелей, ни пороковъ, дающихъ людямъ возможность долго сохранять величіе. Его откровенность, его сильная чувствительность къ оскорбленіямъ и несправедливости не могли нравиться королевѣ, отъ природы не терпѣвшей сопротивленія и привыкшей, въ теченіе сорока лѣтъ, къ самой безразсудной лести и къ самой подлой подчиненности. Дерзкая и полная презрѣнія манера его въ обращеніи съ врагами возбуждала въ нихъ смертельную ненависть. Его управленіе въ Ирландіи было неудачно и во многихъ отношеніяхъ весьма достойно порицанія. Хотя блистательная храбрость и энергическая дѣятельность дѣлали его удивительно способнымъ къ предпріятіямъ такого рода, какъ кадикское, зато онъ не обладалъ осторожностью, терпѣніемъ и рѣшительностью, необходимыми для веденія продолжительной войны, въ которой затрудненія нужно было преодолевать постепенно, въ которой приходилось переносить множество лишеній и въ которой не представлялось возможности совершать много блистательныхъ подвиговъ. Еще менѣе былъ онъ способенъ къ исполненію гражданскихъ обязанностей своего высокаго поста. Краснорѣчивый и

образованный, онъ не былъ, однако, ни въ какомъ отношеніи государственныиъ человѣкомъ. Правда, что народъ все-таки продолжалъ смотрѣть съ любовью даже на его недостатки. Но дворъ пересталъ уважать его даже за достоинства, которыми онъ дѣйствительно обладалъ. Человѣкъ, на котораго онъ преимущественно надѣялся во время упадка своего вліанія, которому довѣрялъ тайну своихъ затруднительныхъ обстоятельствъ, къ совѣтамъ котораго прибѣгалъ, ходатайство котораго, употреблялъ въ дѣло — былъ другъ его Бэконъ. Но приходится высказать грустную истину. Этотъ другъ, котораго онъ такъ любилъ, которому онъ такъ довѣрялъ, — игралъ главную роль въ сверженіи графа, въ пролитіи его крови и въ очерненіи его памяти.

Будемъ однако справедливы къ Бэкону. По нашему мнѣнію, онъ до послѣдней минуты не имѣлъ желанія вредить Эссексу и даже искренно старался быть ему полезнымъ, пока считалъ возможнымъ дѣлать это, не вреда самому себѣ. Совѣтъ, данный имъ своему благородному покровителю, былъ самый благоразумный. Онъ дѣлалъ все отъ него завиствшее, чтобы отговорить Эссекса отъ принятія на себя управленія Ирландіею, «потому что, — говорилъ онъ, — насколько возможно человѣку судить о будущихъ случайностяхъ, настолько ясно я видѣлъ, что паденіе графа было какъ-бы связано судьбою съ его поѣздкой въ Ирландію.» Предсказаніе сбылось. По возвращеніи оттуда, Эссексъ попалъ въ немилость. Бэконъ пытался быть посредникомъ между своимъ другомъ и королевою и, мы думаемъ, честно употреблялъ для этой цѣли все свое искусство. Но предпринимаемое дѣло было слишкомъ трудно, деликатно и опасно даже для такого осторожнаго и ловкаго агента. Ему пришлось ладить съ двумя личностями, равно гордыми, злопамятными и необузданными. Ему приходилось въ Эссексъ-гаузѣ умирять ярость молодого героя, раздраженнаго неоднократно обидами и униженіями, а потомъ отправляться въ Вайтголлъ, чтобы смягчать брызгливость королевы, нравъ которой, никогда не отличавшейся кротостью, сдѣлался болѣзненно-раздражительнымъ отъ старости, упадка силъ и долгой привычки слушать лесть и требовать безусловнаго повинновенія. Трудно служить двумъ господамъ. При такой обстановкѣ, едва ли Бэкону было возможно направлять свой путь такъ, чтобы не дать одному, или обоимъ этимъ лицамъ, повода къ неудовольствію. Нѣкоторое время онъ дѣйствовалъ такъ честно, какъ только можно было справедливо ожидать при столь запутанныхъ обстоятельствахъ. Наконецъ онъ увидѣлъ, что, пытаясь поддержать положеніе другаго, онъ

рисковалъ поколебать свое собственное. Онъ навлекъ на себя негодованіе обѣихъ сторонъ, которыми желалъ примирить. Эссексъ находилъ, что у Бэкона, какъ друга, недостаетъ усердія; а Елисавета находила, что у него, какъ подданнаго, недостаетъ почтительности. Графъ видѣлъ въ немъ шпиона королевы; а королева — клевету графа. Примиреніе, котораго онъ старался достигнуть, оказалось крайне ненадежнымъ. Тысячи признаковъ, видныхъ для глазъ и менѣе пронизательныхъ, свидѣтельствовали, что паденіе его покровителя близко. Сообразно съ этимъ онъ избралъ свой путь. Когда Эссексъ былъ призванъ въ совѣтъ для отвѣта за свое поведеніе въ Ирландіи, Бэконъ, послѣ слабой попытки устранить себя отъ участія въ процессѣ противъ друга, покорился волѣ королевы и явился у рѣшетки для поддержанія обвиненій. Но зрѣлище болѣе мрачное было еще впереди. Несчастный молодой нобльменъ, растерявшійся отъ отчаянія, покусился на безразсудное и преступное дѣло, подвергавшее его строжайшей отвѣтственности предъ закономъ. Какой путь слѣдовало избрать Бэкону? Это былъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ сказываются люди. Для человѣка съ возвышенною душою богатство, власть, благосклонность двора, даже личная безопасность ничего бы не значили въ сравненіи съ дружбой, признательностью и честью. Такой человѣкъ сталъ бы на сторону Эссекса въ судѣ, «употребилъ бы всю свою власть, силу, вліяніе и связи», чтобы исхodataйствовать смягченіе приговора; посѣщалъ бы ежедневно тюрьму; принималъ бы послѣднія распоряженія осужденнаго и его послѣднее объятіе на эшафотѣ; употребилъ бы всѣ силы ума, чтобы предохранить отъ оскорбленія имя своего великодушнаго, хотя и заблуждавшагося друга. Обыкновенный человѣкъ не захотѣлъ бы подвергаться ни опасности, поддерживая Эссекса, ни безславію, нападая на него. Бэконъ не сохранялъ даже нейтралитета. Онъ явился адвокатомъ противъ подсудимаго. Въ этомъ положеніи онъ не ограничился тѣмъ, чего было бы слишкомъ достаточно для произнесенія приговора. Онъ употребилъ весь свой умъ, краснорѣчіе и познанія не для способствованія къ осужденію, — ибо обстоятельства были такого рода, что осужденіе было неизбежно, — но для того, чтобы лишить несчастнаго подсудимаго всѣхъ оправданій, которыя, не имѣя силы предъ закономъ, послужили бы однако къ уменьшенію нравственной виновности преступника и которыя, поэтому, хотя и не извинили бы перовъ въ его оправданіи, могли бы склонить королеву къ помилованію. Графъ приводилъ въ защиту своихъ безумныхъ поступковъ то, что онъ былъ окруженъ сильными и

запоренными врагами, что они его разорили, что они истребили на его жизнь и что ихъ преслѣдованіа довели его до отчаяннѣйшаго. Все это была правда, и Бэконъ хорошо зналъ, что это была правда. Но онъ притворился, будто вѣдѣть въ этомъ одну пустую отговорку. Онъ сравнивалъ Эссекса съ Пизистратомъ, который, подъ предлогомъ угрожавшей ему опасности быть убитымъ и показывая имъ самимъ же нанесенныя себѣ раны, успѣлъ ввести въ Афинахъ тираннію. Подсудимый не могъ болѣе этого вынести. Онъ прервалъ своего неблагоприятнаго друга, приглашая его оставить роль адвоката, выступить въ качествѣ свидѣтеля и сказать лордамъ, не признавалъ ли прежде и неоднократно Франсисъ Бэконъ справедливость того, что теперь выдаетъ за пустыя отговорки. Больно продолжать этотъ плачевный разговоръ. Бэконъ отвѣчалъ на вызовъ графа уклончиво и, какъ будто находя сравненіе съ Пизистратомъ не довольно оскорбительнымъ, сдѣлалъ другой, еще болѣе непростительный намекъ. Онъ уподобилъ Эссекса герцогу Генриху Гизу, а безразсудную попытку въ Сити дню парижскихъ баррикадъ. Трудно сказать, почему Бэконъ прибѣгалъ къ подобнымъ доводамъ. Они были совершенно не нужны для полученія обвинительнаго приговора, а между тѣмъ должны были непремѣнно произвести сильное впечатлѣніе на умъ надменной и ревнивой государыни, отъ воли которой зависѣла участь графа. Малѣйшаго намека на унижительную опеку, въ которой лотарингскій домъ держалъ послѣдняго Валуа, было достаточно, чтобы ожесточить ея сердце противъ человѣка, который, по своему званію, воинской славѣ и популярности у гражданъ столицы, имѣлъ нѣкоторое сходство съ предводителемъ Лиги.

Эссексъ былъ приговоренъ къ смерти. Бэконъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго усилія, чтобы спасти его, не смотря на то, что при тогдашнихъ чувствахъ королевы онъ могъ ходатайствовать за своего благодѣтеля, быть можетъ, съ успѣхомъ и, конечно, безъ всякой серьезной опасности для самого себя. Несчастнѣйшій яблымень былъ казненъ. Участь его возбудила сильныя и, пожалуй, не совсѣмъ справедливыя чувства состраданія и негодованія. Граждане Лондона встрѣтили королеву мрачными взорами и слабыми выраженіями радости. Она признала приличнымъ обнародовать оправданіе своихъ послѣднихъ дѣйствій. Въ ролюмному другу, способствовавшему къ отнятію жизни у графа, поручено было нанести ударъ добруму имени графа. Королева читала нѣкоторыя изъ сочиненій Бэкона и они ей очень понравились. Въслѣдствіе того на него надлежало написать: «*A Declaration of the Practices and Treasons attempted and committed by Ro-*

bet Earl of Essex. Сочиненіе это было напечатано по распоряженію правительства. Въ слѣдующее царствованіе Бэконъ не нашелъ ни одного слова въ защиту этого произведенія, избилловавшаго выраженіями, которыхъ ни одинъ великодушный врагъ не употребилъ бы относительно человѣка, такъ дорого искупившаго свою вину. Бэконъ оправдывался только тѣмъ, что онъ писалъ это по приказанію; что онъ считалъ себя не болѣе, какъ секретаремъ, что онъ имѣлъ подробныя инструкціи, какъ говорить о каждой сторонѣ предмета, и что въ сущности ему принадлежали только распредѣленіе и слогъ въ этомъ сочиненіи.

Намъ прискорбно высказать, что все поведеніе Бэкона въ этомъ случаѣ кажется м-ру Монтэю не только извинительнымъ, но даже заслуживающимъ высокаго уваженія. Честность и доброжелательство этого джентльмена до такой степени извѣстны, что читатели наши станутъ, по всей вѣроятности, теряться въ догадкахъ, какимъ образомъ онъ могъ дойти до такого необыкновеннаго заключенія; и мы почти опасаемся, что они заподозрятъ нашу правдивость, если мы перескажемъ главнѣйшіе доводы, приводимые имъ.

Чтобы избавить Бэкона отъ обвиненія въ неблагодарности, м-ръ Монтэю пыгается доказать, что Бэконъ былъ болѣе связанъ обязательствами къ королевѣ, чѣмъ къ Эссексу. Не легко открыть, въ чемъ заключались эти обязательства. Мѣсто королевскаго адвоката и кандидатство на должность были, конечно, милостями далеко низшими противъ личныхъ и наследственныхъ правъ Бэкона. Милости эти не стоили королевѣ ни гроша и не доставили кошельку Бэкона ни гроша. И такъ, нужно было отыскать какое-нибудь другое основаніе правъ Елисаветы на признательность. М-ръ Монтэю сознавалъ это и самъ. «Быть можетъ, величайшею милостью съ ея стороны было,—говоритъ онъ,—то, что она не быстро подвигала Бэкона впередъ, и заставляла нести тяжкое бремя въ молодости, не лишая его своего расположенія. Вотъ чѣмъ онъ былъ обязанъ Елисаветѣ». Этимъ онъ дѣйствительно былъ ей обязанъ. Будучи сыномъ одного изъ старѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ министровъ, будучи самъ способнѣйшимъ и образованнѣйшимъ молодымъ человѣкомъ своего вѣка, онъ былъ осужденъ ею на трудъ, неизвѣстность и бѣдность. Она плохо оцѣнила его достоинства. Она посадила его самымъ повелительнымъ образомъ, когда онъ въ парламентѣ отважился разыграть самостоятельную роль. Она отказала ему въ повышеніи, на которое онъ имѣлъ всѣ права. И онъ былъ обязанъ тѣмъ, что томился въ долговомъ отдѣле-

ни по иску въ триста фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ люди моложе его, ничуть не выше его по происхожденію и гораздо ниже его по личнымъ достоинствамъ, занимали высшія мѣста въ государствѣ, приобретая помѣстье за помѣстьемъ и воздвига дворцы за дворцомъ. Конечно, если Бэконъ былъ обязанъ благодарностью Елисаветъ, то онъ не былъ вовсе обязанъ Эссексу. Если, дѣйствительно, королева была лучшимъ его другомъ, въ такомъ случаѣ графъ былъ его злѣйшимъ врагомъ. Мы удивляемся, что м-ръ Монтэгу не подвинулъ доказательствъ немного дальше. Онъ могъ бы, пожалуй, утверждать, что Бэкону было извинительно мстить человѣку, который старался избавить его молодость отъ благотворнаго ига, наложеннаго на нее королевою; который желалъ повысить его быстро, и не до-вольствуясь попыткой навязать ему мѣсто генераль-атторнея, былъ до того жестокосерденъ, что подарилъ ему помѣстье.

Мы едва вѣримъ, что м-ръ Монтэгу говоритъ серьезно, когда онъ потомъ увѣряетъ насъ, что Бэконъ обязанъ былъ, ради общественной пользы, не разрушать своихъ надеждъ на повышение, и что онъ принялъ участіе въ процессѣ противъ Эссекса изъ желанія достигнуть власти, которая дала бы ему возможность быть полезнымъ для своей страны. Мы, право, не знаемъ другаго способа опровергать подобныя увѣренія, какъ только повторяя ихъ. Все, что не заключаетъ въ себѣ противорѣчія, бываетъ возможно. Возможно, конечно, что причинами, побудившими Бэкона дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ, могли быть: признательность къ королевы за то, что она держала его въ бѣдности, и желаніе принести пользу своимъ ближнимъ, занимая высокой постъ. Также возможно, что Боннеръ могъ быть хорошимъ протестантомъ, когда онъ, проникнувшись увѣжденіемъ, что кровь мучениковъ есть сѣмя церкви, геройски принялъ на себя всѣ тягости и весь позоръ гоненій, для того чтобъ внушить англійской націи сильную и продолжительную ненависть къ папизму. Также возможно, что Джеффризъ былъ пламеннымъ поборникомъ свободы, и что онъ обезглавилъ Альджерона Сидни и сжегъ Елисавету Гонтъ для того только, чтобы произвести реакцію, которая повела бы къ органиченію прерогативы. Возможно и то, что Тортель умертвилъ Вира для того только, чтобъ промолвить на англійскую молодежь впечатлѣніе и тѣмъ предостеречь ее противъ игры и дурнаго общества. Возможно еще и то, что Фонтлерой поддѣлался подъ власть атторнея единственно для того, чтобы своею участію обратить вниманіе публики на недостатки уголовныхъ законовъ. Мы говоримъ,

что эти вещи возможны. Но онъ до такой безумной степени невѣроятны, что человекъ, который бы сталъ дѣйствовать по подобнымъ предположеніямъ, годился бы только для Ст.—Дуксваго дома умалишенныхъ. Мы не понимаемъ, какъ можно допускать въ исторію предположенія, по которымъ ни одинъ здравомыслящій человекъ не станетъ дѣйствовать въ обыкновенной жизни.

Мнѣніе м-ра Монтегю, будто Бэконъ желалъ власти только для того, чтобы дѣлать члѣовчеству добро, кажется намъ нѣсколько страннымъ, когда смотримъ, какимъ образомъ Бэконъ пользовался властью впоследствии и какъ онъ ее лишился. Конечно, услуга, оказанная имъ члѣовчеству тѣмъ, что онъ захватилъ золотыя монеты лэди Вартоу и шкатулку сэра Джона Квинеди, была не настолько важна, чтобы оправдать все средства, какія могли бы повести къ этой пѣли. Если мнѣніе это пришлось бы выразить откровенно, то оно, кажется, свелось бы на слѣдующее: Бэконъ былъ подобострастнымъ адвокатомъ для того, чтобы быть впоследствии подкупнымъ судьей.

М-ръ Монтегю утверждаетъ, что только невѣжда и неразумительный человекъ можетъ осуждать Бэкона за дѣйствія его по званію королевскаго адвоката, и что нельзя извинять ни одного адвоката, еслибъ онъ вздумалъ совѣститься при выборѣ средствъ въ дѣлѣ стороны, за которую онъ стоитъ. Мы не станемъ теперь разсматривать: согласны ли съ разумомъ и нравственностью начала, которыми руководствуются въ подобныхъ случаяхъ англійскіе адвокаты; правильно ли, чтобы человекъ, съ парикомъ на головѣ и лентою на шеѣ, могъ бы дѣлать за гневю то, что, безъ этихъ атрибутовъ, онъ считалъ бы дурнымъ и позорнымъ сдѣлать и за пѣву царства; правильно ли, чтобы, — не только при предположеніи, но даже при полной увѣренности въ справедливости какихъ-нибудь показаній, — онъ могъ дѣлать все, что только возможно, посредствомъ софизмовъ, краснорѣчія, торжественнаго увѣренія, гнѣвныхъ восклицаній, тѣлодвиженій, игры физиономіи, устрашенія одного честнаго свидѣтеля и смущенія другаго, — для того, чтобы заставить присяжныхъ думать, что показанія эти ложны. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ надобности рѣшать эти вопросы. Съ правилами, однажды принятыми въ известномъ званіи, — хороши ли онъ или дурны, — многіе умные и добродѣтельные люди сообразовались прежде и сообразуются теперь. Слѣдовательно, если Бэконъ дѣлалъ не больше, чѣмъ требовали отъ него эти правила, то мы охотно допустимъ, что онъ былъ безвѣнъ, или по крайней мѣрѣ достоинъ извиненія. Но мы ду-

маемъ, что его поведеніе нельзя оправдать никакими правилами профессіи, теперь принятыми, или когда-либо существовавшими въ Англіи. Въ уголовныхъ дѣлахъ, въ которыхъ подсудимому отказывалось въ содѣйствіи адвоката, а въ особенности когда дѣло шло о смертномъ приговорѣ, всегда было принято, что адвокаты короны имѣли право и обязанность соблюдать добросовѣстность. Правда, что послѣ революціи, когда парламентъ сталъ мстить за невинную кровь, пролитую послѣдними Стюартами, сдѣлана была слабая попытка защищать законовѣдцовъ, принимавшихъ участіе въ убійствѣ сэра Томаса Армстронга, на томъ основаніи, что они дѣйствовали согласно съ ихъ званіемъ. Этотъ плохой софизмъ былъ однако заглушенъ порицаніями палаты общинъ. «Дѣла никогда не пойдутъ хорошо,—сказалъ м-ръ Фоли, — пока нѣкоторые изъ этого званія не подвергнутся ответственности для примѣра другимъ.» «Есть на свѣтѣ новый родъ чудовищъ,—сказалъ младшій Гампденъ,—которыя прибѣгаютъ къ краснорѣчію, чтобы приговорить человѣка къ смерти; я называю ихъ кровопійцами. Сойеръ преступникъ и совершенно виновенъ въ этомъ убійствѣ.» «Я говорю для очищенія моей совѣсти, — сказалъ м-ръ Гарровей, — я не хочу, чтобы кровь этого человѣка вопіяла противъ меня. Сойеръ требовалъ приговора и казни надъ нимъ. Я считаю его виновникомъ смерти этого человѣка. Дѣлайте съ нимъ, что хотите.» «Если званіе законовѣда, при такомъ взглядѣ на вещи,—говорилъ старшій Гампденъ, — даетъ человѣку власть убивать, то изъ собственнаго интереса всѣмъ людямъ слѣдуетъ возстать противъ этого званія и уничтожить его.» (*) Да и не одни необразованные деревенскіе джентльмены говорили такимъ образомъ; тотъ же взглядъ на предметъ выражалъ одинъ изъ даровитѣйшихъ и наименѣе совѣстливыхъ юристовъ того вѣка—сэръ Вилльямъ Вилльямсъ. Онъ говорилъ, что не колебался принять участіе въ процессѣ епископовъ, потому что имъ было даровано право имѣть адвокатовъ. Но онъ утверждалъ, что тамъ, гдѣ подсудимому не дозволено имѣть адвоката, коронный адвокатъ обязанъ былъ вести себя добросовѣстно, и что всякій юристъ, пренебрегающій этою обязанностью, — предатель закона. Но нѣтъ надобности приводить авторитеты. Известно всякому, когда-либо заглядывавшему въ судъ четвертныхъ засѣданій, что въ уголовныхъ процессахъ адвокаты поступаютъ

(*) Дѣло Армстронга и участіе въ этомъ дѣлѣ Сойера изложено въ 5-й части «Исторіи Англіи» гл. XV.

добросовѣстно; и для всякаго человѣка съ здравымъ смысломъ очевидно, что еслибѣ они не соблюдали такой добросовѣстности, то были бы сословіемъ болѣе ненавистнымъ, чѣмъ тѣ итальянскіе браво, которые имѣли обыкновеніе наниматься въ убійцы.

Бэконъ явился обвинителемъ человѣка, который, конечно, былъ виновенъ въ тяжкомъ преступленіи, но который былъ его благодѣтелемъ и другомъ. Онъ сдѣлалъ больше этого. Онъ совершилъ поступокъ, въ которомъ не могъ бы быть оправданъ даже человѣкъ, никогда не выдавшій Эссекса. Онъ употребилъ все искусство адвоката, чтобъ представить поведеніе подсудимаго менѣе извинительнымъ и болѣе опаснымъ для государства, нежели оно было на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ все, чего только могъ бы требовать отъ него долгъ званія, оостояло въ веденіи процесса такимъ образомъ, чтобы осужденіе сдѣлалось неизбѣжнымъ. По сущности дѣла не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что графъ будетъ признанъ виновнымъ. Характеръ преступленія не былъ двусмысленъ. Оно было совершено недавно, среди бѣлаго дня, на улицахъ столицы, въ присутствіи многихъ тысячъ народа. Если когда-либо былъ случай, не представлявшій адвокату искушенія прибѣгать къ постороннимъ доводамъ, для того, чтобъ ослѣпить разсудокъ и воспламенить страсти судей, то, безъ сомнѣнія, это былъ процессъ Эссекса. Къ чему же было прибѣгать къ доводамъ, которые, нисколько не увеличивая важности дѣла, съ легальной точки зрѣнія, служили къ увеличенію нравственной вины пагубнаго замысла и къ возбужденію опасенія и злобы въ той сторонѣ, откуда единственно графъ могъ ожидать помилованія? Къ чему было напоминать слушателямъ о козняхъ древнихъ тирановъ? Для чего было отвергать тотъ фактъ, о которомъ было всѣмъ извѣстно, что сильная придворная партія давно старалась погубить подсудимаго? Къ чему, сверхъ всего, проводить параллель между несчастнымъ подсудимымъ и самымъ злобнымъ и самымъ успѣшнымъ мятежникомъ того вѣка? Развѣ было рѣшительно невозможно сдѣлать все, чего требовалъ долгъ званія, не напоминая подозрительной государынѣ о лигѣ, о баррихадахъ и о всѣхъ униженіяхъ, которымъ подвергъ Генриха III слишкомъ могущественный подданный?

Но допустивъ доводы, приводимые м-ромъ Монтэгу въ оправданіе дѣяній Бэкона, какъ адвоката, что скажемъ мы о «*Declaration of the Treasons of Robert Earl of Essex*»? Тутъ по крайней мѣрѣ долгъ званія не могъ служить отговоркой. Даже тѣ, которые могутъ считать естественнымъ дѣломъ для адвоката вѣшать, расщипать и четверговать своихъ благодѣтелей, врядъ ли

поставить ему въ обязанность сочинять ругательные памфлеты на этихъ благодѣтелей тогда, когда они уже покоятся въ могилѣ. Бэконъ приводилъ въ свое оправданіе, что не содержаніе книги, а только слогъ принадлежалъ ему. Но для чего было облекать въ слова подобное содержаніе? Развѣ нельзя было найти какого-нибудь продажнаго писателя, безъ совѣсти и стыда, который взялся бы представить въ преувеличенномъ видѣ заблужденія благородной души, уже искупленная столь дорогою цѣною? Каждый вѣкъ производитъ подобныя звенья между человѣкомъ и обезьяной. Каждый вѣкъ изобилуетъ Ольдмиксонами, Кенриками и Антоніями Паскинами. Но слѣдовало ли Бэкону тоже безчестить свои дарованія? Развѣ онъ не могъ чувствовать, что, заботясь объ округленіи и знакахъ препинанія какого-нибудь періода, диктованнаго завистью Сеснля, или облекая въ благовидную форму какую-нибудь клевету, выдуманную малодушною злобою Кобгама, онъ грѣшилъ не только противъ чести своего друга, но и противъ своей собственной? Развѣ онъ не могъ чувствовать, что въ собственномъ его униженіи были унижены литература, краснорѣчіе и философія?

Настоящее объясненіе всего этого совершенно очевидно, и только лицепріятіе, усилившееся до господствующей страсти, можетъ помѣшать кому-нибудь видѣть его. Бэконъ не обладалъ высокими нравственными качествами. Мы не говоримъ, что онъ былъ дурнымъ человѣкомъ. Онъ не былъ безчеловѣченъ или жестокосерденъ. Онъ велъ себя со скромностью, не смотря на свои высокія гражданскія почести и еще высшія почести, заслуженныя его умомъ. Ему доводилось весьма рѣдко — и то врядъ ли — относиться къ кому-нибудь со злобою и дерзостью. Никто охотнѣе не подставлялъ лѣвой ланиты тому, кто ударялъ его въ правую. Никто искуснѣе не умѣлъ отклонить гнѣва кроткимъ отвѣтомъ. Ни одинъ человѣкъ, заслуживающій малѣйшаго довѣрія, не обвинялъ его въ распутствѣ. Ровность его характера, чрезвычайная вѣжливость и почтенная внѣшность производили благопріятное впечатлѣніе на людей, видѣвшихъ его въ такихъ положеніяхъ, въ которыхъ нравственныя правила не подвергались сильнымъ искушеніямъ. Недостатками его были, — мы пишемъ это съ прискорбіемъ — холодность сердца и низость души. Онъ, кажется, не способенъ былъ чувствовать сильную привязанность, подвергаться большимъ опасностямъ и приносить великія жертвы. Желанія его были устремлены на блага міра сего. Богатство, первенство, титулы, патронатъ, жезлъ, печати, аристократическая корона, обширные дома, прекрасные

сады, богатая помѣстья, массивные серебряные сервизы, блистательные обои и изысканные кабинеты, имѣли для него такую же прелесть, какъ и для тѣхъ царедворцевъ, которые становились въ грязь на колѣни, когда мимо ихъ проходила Елисавета, и потомъ спѣшили домой писать королю шотландскому, что Ея Милость, кажется, скоро лопнетъ. Ради этихъ вещей, онъ унижался до всего и переносилъ все. Ради ихъ, онъ доходилъ до самыхъ подобострастныхъ просьбъ, и когда его несправедливо и грубо отталкивали, благодарилъ оттолкнувшихъ его и возобновлялъ свои просьбы. Ради этихъ вещей, чуть замѣтивъ, что королеву оскорблялъ малѣйшій признакъ самостоятельности въ парламентъ, онъ смирился передъ нею въ прахъ и молилъ о прощени въ выраженіяхъ, болѣе свойственныхъ изблеченному вору, чѣмъ представителю шира. Ради этихъ вещей, онъ присталъ къ лорду Эссексу и ради ихъ же отсталъ отъ него. Онъ защищалъ предъ королевою дѣло своего покровителя до тѣхъ поръ, пока думалъ, что изъ этого можетъ извлечь для себя пользу. Мало того, онъ пошелъ дальше, не обладая теплою чувствъ, онъ все-таки не лишень былъ доброты: онъ защищалъ это дѣло до тѣхъ поръ, пока думалъ, что могъ защищать его безъ вреда для себя. Но когда стало ясно, что Эссексъ шель стремглавъ къ своей гибели, тогда Бэконъ началъ трепетать за собственную судьбу. То, чего ему приходилось опасаться, конечно, не очень бы потревожило человѣка съ возвышеннымъ характеромъ. Это не была смерть. Это не было тюремное заключеніе. Это была утрата расположенія двора. Это было положеніе человѣка, оставленнаго позади другихъ на поприщѣ честолюбія. Это было приобрѣтеніе досуга, чтобъ окончить свое сочиненіе: «*Instauratio Magna*». Королева стала холодно обращаться съ нимъ, а придворные стали видѣть въ немъ человѣка обличеннаго. Онъ рѣшился перемѣнить свой образъ дѣйствій и пуститься по новому пути съ такою энергіею, чтобъ наверстать потерянное время. А рѣшившись раздѣйствовать противъ своего друга и зная притомъ, что на него самого смотрять съ подозрѣніемъ, онъ дѣйствовалъ съ болѣе усердіемъ, чѣмъ сколько было нужно или извинительно, если бы онъ дѣйствовалъ противъ посторонняго человѣка. Онъ употребилъ свои адвокатскіе таланты на пролитіе крови графа, а свои литературные таланты — на очерненіе его памяти.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что поведеніе Бэкона возбудило въ то время сильное и всеобщее порицаніе. Конечно, пока жива была Елисавета, чувство это, хотя и глубоко сознаваемое, не выражалось громко. Но великая перемѣна была

близка. Здоровье королевы давно уже клонилось къ упадку; а тутъ къ вліянію старости и недуга присоединилось еще сильное душевное страданіе. Несчастная меланхолія, овладѣвшая ею въ послѣдніе дни ея жизни, приписывалась обыкновенно ея глубокому сожалѣнію объ Эссексѣ. Но, по нашему мнѣнію, уныніе ея слѣдовало бы приписать отчасти физическимъ причинамъ, а отчасти поведенію ея придворныхъ и министровъ. Они употребляли всѣ усилія, чтобы скрыть отъ нея интриги, веденныя ими при шотландскомъ дворѣ. Но ея тонкую проницательность нельзя было такъ обмануть. Она, конечно, не знала всего; но знала, что она окружена была людьми, ожидавшими съ нетерпѣніемъ новаго міра, который долженъ былъ открыться съ ея смертью, — людьми, которые никогда не были привязаны къ ней по чувству, а теперь были весьма слабо привязаны къ ней даже по расчету. Подобострастіе и лесть не могли скрыть отъ нея горькой истины, что тѣ, кому она довѣряла и кого возвысила, никогда не любили ея и быстро переставали бояться ея. Не имѣя возможности отмстить за себя и не жалуясь изъ гордости, она изнывала отъ горя и злобы, и наконецъ, утомленная свѣтомъ и гнушаясь имъ, умерла, послѣ долгаго поприща могущества, счастья и славы.

Іаковъ взошелъ на престоль, и Бэконъ употребилъ все свое искусство для пріобрѣтенія и на свою долю частички благосклонности новаго властелина. Дѣло было не трудное. Іаковъ, какъ человекъ и какъ государь, имѣлъ множество недостатковъ, но въ числѣ ихъ не было неспособности цѣнить гений и званій. Дѣйствительно, въ немъ было какъ-бы двѣ личности: съ одной стороны, остроумный и начитанный ученый человекъ, который писалъ, велъ диспуты и говорилъ рѣчи; съ другой стороны — нервный, сумасбродный глупецъ, который дѣйствовалъ. Если бы онъ былъ каноникомъ *Christ Church* или вестминстерскимъ пребендаріемъ, то, вѣроятно, оставилъ бы потомству имя, достойное уваженія; заслужилъ бы почетное мѣсто въ ряду переводчиковъ библіи и богослововъ, участвовавшихъ на Дортрехтскомъ соборѣ; а въ литературномъ мірѣ его не считали бы слабымъ соперникомъ Воссія и Казовона. (*) Но судьба поставила его въ положеніе, въ которомъ слабости его покрыли его безславіемъ, а достоинства не принесли ни малѣйшей чести. Въ коллегіи такому ученому человекѣ охотно про-

(*) Замѣчательные критики по части классической литературы, современники Бэкона.

стили бы много странностей и ребячества. Но на престолъ ученость только выставила его педантомъ и глупцомъ.

Бэконъ былъ благосклонно принятъ при дворѣ, и вскорѣ увидѣлъ, что, со смертью королевы, шансы къ возвышенію нисколько для него не уменьшились. Онъ сильно желалъ быть пожалованнымъ въ званіе найта, по двумъ довольно забавнымъ причинамъ. Король произвелъ уже въ найты половину Лондона, и Бэконъ былъ единственнымъ челоѡкомъ безъ титула за королевскимъ столомъ въ Gray's Inn. Это было для него не очень пріятно. При томъ же, — выражаясь его собственными словами, — «одна хорошенькая дѣвушка, дочь ольдермана, пришла ему по-сердцу». Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, Бэконъ обратился къ своему двоюродному брату, Роберту Сксмлю, съ просьбою, «не будетъ ли милости его лордства употребить свое вліяніе въ его пользу». Домогательство было успѣшно, Бэконъ былъ однимъ изъ трехсотъ джентльменовъ, которые въ день коронаціи имѣли честь, — если это можно назвать честью, — быть возведенными въ кавалеры. Вскорѣ послѣ того хорошенькая дѣвушка, дочь ольдермана Барнгама, согласилась быть супругою сэра Франсиса.

Хотя, судя по всему, смерть Елисаветы улучшила положеніе Бэкона, но въ одномъ отношеніи она была несчастнымъ для него событіемъ. Новый король всегда любилъ лорда Эссекса и, немедленно по восшествіи на престолъ, сталъ оказывать расположеніе къ дому Девру и къ тѣмъ, которые не покинули этотъ домъ во время постигшихъ его несчастій. Всѣ стали тогда свободно говорить о плачевныхъ событіяхъ, въ которыхъ Бэконъ принималъ такое значительное участіе. Едва успѣло остынуть тѣло Елисаветы, какъ общественное чувство стало проявляться знаками уваженія къ лорду Соутгamptonу. Этотъ образованный нобльменъ, о которомъ отдаленнѣйшіе потомки будутъ вспоминать, какъ о великодушномъ, просвѣщенномъ покровителѣ Шекспира, пользовался уваженіемъ современниковъ преимущественно за преданность и любовь, которыя онъ питалъ къ Эссексу. Онъ былъ судимъ и приговоренъ къ смерти вмѣстѣ съ своимъ другомъ; но королева пощадила его жизнь, и въ день ея кончины онъ все еще томился въ заключеніи. Толпа посѣтителей спѣшила въ Тоуэръ поздравить его съ близкимъ освобожденіемъ. Бэконъ не смѣлъ присоединиться къ этой толпѣ. Большинство громко его осуждало; а совѣсть говорила ему, что общественный голосъ слишкомъ правъ. Онъ извинялся предъ Соутгamptonомъ въ письмѣ, выраженія котораго можно бы назвать позорно-рабскими, еслибъ онъ, — какъ полагаетъ м-ръ

Монтэгу, — сдѣлалъ только то, что былъ обязанъ сдѣлать, какъ подданный и адвокатъ. Онъ сознавался въ опасеніи, что присутствіе его можетъ показаться оскорбительнымъ и что его увѣренія въ уваженіи нисколько не будутъ вѣрны. «Между тѣмъ, писалъ онъ, это — какъ Богъ знаетъ что, — справедливо, что эта великая перемѣна произвела во мнѣ только ту перемѣну относительно вашего лордства, что я могу съ увѣренностью быть теперь для васъ тѣмъ, чѣмъ, поистинѣ, былъ и прежде.»

Мы не знаемъ, какъ Соутгэмптонъ принялъ эти извиненія. Но извѣстно, что общественное мнѣніе выразилось противъ Бэкона самымъ яснымъ образомъ. Вскорѣ послѣ своей женитьбы, онъ напечаталъ оправданіе своего поведенія, въ формѣ письма къ графу Девону. Этотъ трактатъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, только чрезмѣрную скверность дѣла, въ пользу котораго и подобный талантъ могъ такъ мало сказать.

Невзвѣрно, чтобы оправданіе Бэкона произвело большое вліяніе на современниковъ. Но неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное его поведеніемъ, изгладилось, повидимому, постепенно. Дѣйствительно, нужна какая-нибудь особенная причина, чтобы человекъ, подобный ему, долго оставался непопулярнымъ. Его дарованія спасли его отъ презрѣнія, его характеръ и обращеніе — отъ ненависти. Нѣтъ такой грязной исторіи, которую не могъ бы заставить забыть человекъ съ большими способностями, когда способности эти соединены съ осторожностью, веселымъ нравомъ, терпѣніемъ и ласковымъ обращеніемъ, — человекъ, приносящій ежедневно жертву Немезидѣ, къ тому же пріятный собесѣдникъ, услужливый, хотя и не пылкій другъ, и опасный, но примиримый врагъ. Воллеръ (?) въ слѣдующемъ поколѣніи былъ превосходнымъ образцомъ подобной личности. Дѣйствительно, у Воллера гораздо больше общаго съ Бэкономъ, нежели это можетъ казаться на первый взглядъ. На высшія умственные дарованія великаго англійскаго философа и на геній, произведшій безсмертную эпоху въ исторіи науки, Воллеръ, правда, не имѣлъ никакихъ притязаній. Но умъ Воллера, въ своей мѣрѣ, имѣлъ сходство съ умомъ Бэкона и былъ, такъ сказать, выкроенъ изъ ума Бэкона. По качествамъ, дѣлающимъ человека предметомъ вниманія и уваженія для потомства, ихъ нельзя сравнивать. Но по качествамъ, которыя преимущественно дѣ-

(?) EDMUND WALLER — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ царствованія Карла II и Іакова II; онъ приобрѣлъ также извѣстность какъ членъ парламента и сторонникъ обоихъ королей. Маколей часто упоминаетъ о немъ въ 1 ч. «Ист. Англій» и во 2-мъ т. «Опытоев».

даютъ человека извѣстнымъ для современниковъ, между ними было разительное сходство. Какъ свѣтскіе люди, какъ придворные, какъ товарищи, какъ союзники, какъ враги, они имѣли почти тѣже достоинства и тѣже недостатки. Они не были злобны. Они не были тираны. Но у нихъ не доставало душевной теплоты и возвышенныхъ чувствъ. Много было вещей, которыя они любили больше добродѣтели, и которыхъ страшился болѣе, нежели виновности. Не смотря на то, что они унижались до поступковъ, которыхъ описаніе, даже въ самыхъ пристрастныхъ разсказахъ, невозможно читать безъ сильнаго порицанія и презрѣнія,—публика однако по прежнему смотрѣла на нихъ съ чувствомъ, не легко отличавшимся отъ уваженія. Гипербола Юлія, казалось, вполне оправдывалась въ отношеніи къ нимъ. «На ихъ чель позоръ стыдился пребывать.» (*) Каждый, повидимому, желалъ набросить покрывало на мрачную сторону ихъ поведенія столь же усердно, какъ еслибъ дѣло шло о его собственномъ поведеніи. Кларендонъ, питавшій и имѣвшій основаніе питать сильную личную нелюбовь къ Воллеру, отзывался о немъ слѣдующимъ образомъ. «Чтобъ характеризовать превосходство и силу его остроумія и пріятность его бесѣды, достаточно сказать, что качества эти были такого размѣра, что могли прикрыть собою цѣлый міръ весьма большихъ недостатковъ, т. е. прикрыть ихъ на столько, что они не ставились ему въ вину. Недостатки эти были: скарденность самага низкаго свойства, низость и недостатокъ мужества, чтобъ устоять въ какомъ-нибудь благородномъ предпріятіи; вкрадчивость и подобострастная лживость въ такой степени, что или удовлетворялась самая тщеславная и самая надменная натура.... Качества эти имѣли силу примирять его съ тѣми, кого онъ наиболѣе оскорблялъ и раздражалъ, и сохранились до самой старости съ такимъ рѣдкимъ счастьемъ, что общество его оставалось пріятно тамъ, гдѣ былъ ненавистенъ его нравъ, а самъ онъ возбуждалъ по крайней мѣрѣ сожалѣніе тамъ, гдѣ его болѣе всего ненавидѣли.» Многое изъ этого, съ нѣкоторымъ смягченіемъ, можно было примѣнить къ Бэкону. Вліяніе Воллеровыхъ талантовъ, манеръ и дарованій исчезло вмѣстѣ съ нимъ, и свѣтъ произнесъ надъ его личностью справедливый приговоръ. Нѣсколько плавно написанныхъ строкъ не достаточно для того, чтобъ подкупить приговоръ потомства. Но вліяніе Бэкона чувствуется и будетъ долго чувствоваться во всемъ просвѣщенномъ мірѣ. Какъ ни снисходительно судили о

(*) «Ромео и Юлія», дѣйств. III, сц. 3.

нѣмъ современники, но потомство судило еще снисходительнѣе. Куда бы мы ни обратили наши взоры, вездѣ встрѣтимъ трофей этого могучаго ума въ полномъ блескѣ. Мы судимъ Манлія въ виду Капитолія.

Въ царствованіе Іакова, Бэконъ достигалъ быстро счастья и милостей. Въ 1604 году онъ былъ назначенъ королевскимъ адвокатомъ съ годовымъ гонораріемъ въ сорокъ фунтовъ стерлинговъ; притомъ ему положена была пенсія въ шестьдесятъ фунтовъ стерлинговъ. Въ 1607 онъ сдѣланъ былъ генераль-солиситоромъ, а въ 1612 — генераль-атторнеемъ. Онъ по прежнему отличался въ парламентѣ, въ особенности своими стараніями въ пользу прекрасной мѣры, близкой сердцу короля, — въ пользу соединенія Англій съ Шотландією. Нетрудно было для такого ума найти много неопровержимыхъ доводовъ въ защиту подобнаго плана. Онъ руководилъ въ палатѣ казначейства важнымъ вопросомъ о *Post Nati* (*), и рѣшеніе судей — рѣшеніе, законность котораго можетъ подлежать сомнѣнію, но благотворное дѣйствіе котораго не можетъ быть не признано, приписывалось въ значительной степени его искусству. При своей дѣятельности въ палатѣ общинъ и въ судахъ, онъ все еще находилъ досугъ для занятій литературою и философією. Превосходный трактатъ «*Audvancemet of Learning*» впоследствии разросшійся въ «*De Augmentis*», появился въ 1605 году. Произведеніе, подъ заглавіемъ «*The Wisdom of the Ancients*», которое считалось бы образцовымъ произведеніемъ ума и учености, еслибъ принадлежало какому-либо иному писателю, но которое не много прибавляетъ къ славѣ Бэкона, было напечатано въ 1609 году. Между тѣмъ подвигалось впередъ, хотя и медленно, его сочиненіе: «*Novum Organum*». Нѣкоторые замѣчательные ученые удостоились видѣть очерки или отдѣльныя части этой необыкновенной книги; и, хотя они не были вообще расположены допустить основательность взглядовъ автора, но отзывались съ величайшимъ удивленіемъ о его геніальности. Сэръ Томасъ Бодли, основатель одной изъ великолѣпнѣйшихъ библиотекъ Англій (*), принадлежалъ къ числу тѣхъ упорныхъ консерваторовъ, которымъ надежды, съ какими Бэконъ взиралъ на будущія судьбы чело-вѣчества, казались совершенными химерами, и которые смот-

(*) Дѣло о натурализаціи въ Англій всѣхъ шотландцевъ, родившихся послѣ востшествія на англійскій престолъ Іакова I.

(*) Въ Оксфордѣ; она содержитъ теперь до 500,000 томовъ и 30,000 рукописей.

рѣли съ недовѣрчивостію и отвращеніемъ на новое направле-
ніе новыхъ отщепенцевъ философіи. Но прочитавши «*Cogitata
et Visa*», — одинъ изъ самыхъ драгоценныхъ отдѣльныхъ лист-
ковъ, изъ которыхъ впоследствии составилъ обширный прори-
цательный томъ, — даже Бодли сознался, что, «какъ въ этихъ
предметахъ, такъ и во всемъ планѣ и содержаніи книги, Бэ-
конъ выказалъ себя мастеромъ своего дѣла», и что «нельзя
отрицать, что весь трактатъ полонъ отборныхъ мыслей о на-
стоящемъ состояніи наукъ и дѣльныхъ взглядовъ на средства
къ ихъ развитію». Въ 1612 году вышло новое изданіе «*Essay's*»
съ прибавленіями, превосходившими первоначальное изданіе
какъ объемомъ, такъ и достоинствомъ. Но всѣ эти занятія не
отвлекли вниманія Бэкона отъ самой трудной, самой славной,
самой полезной работы, какую могли совершить его могучія
дарованія — «приведенія въ извѣстность и собранія въ одно
цѣлое, — выражаясь его собственными словами, — законовъ
Англіи».

Къ несчастію, въ то же самое время онъ старался исказить
эти законы для самыхъ низкихъ цѣлей тираніи. Когда Оли-
веръ Ст. Джонъ былъ представленъ въ Звѣздную палату за
высказанное мнѣніе, что король не имѣетъ права взимать
беневоленцій, и былъ за свое мужественное и согласное съ
конституціонными правами поведеніе приговоренъ къ тюрем-
ному заключенію на срокъ по усмотрѣнію короля и къ денеж-
ному штрафу въ пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, тогда Бэ-
конъ явился адвокатомъ со стороны короны. Около того же
времени онъ принималъ сильное участіе въ дѣлѣ, еще болѣе
гнусномъ. Одинъ пожилой священникъ, по имени Пичамъ,
обвинялся въ измѣнѣ, на основаніи нѣкоторыхъ выраженій въ
проповѣди, найденной у него въ кабинетѣ. Эта проповѣдь,
была ли она писана имъ, или нѣтъ, но произнесена имъ никогда не
была. Не видно было даже, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе произ-
нести ее. Самые подобострастные юристы тѣхъ рабскихъ вре-
менъ принуждены были сознаться, что какъ самый фактъ, такъ
и смыслъ закона, представляли большія затрудненія къ обвине-
нію. Бэкону было поручено устранить эти затрудненія. Ему
поручили разрѣшить вопросъ о смыслѣ закона посредствомъ
сообщанія съ судьями, а вопросъ о фактѣ посредствомъ пытки
надъ подсудимымъ.

Трое изъ членовъ королевскаго суда были сговорчивы; но
четвертый, Кокъ, былъ человѣкъ не такого рода. При всемъ
своемъ педантизмѣ, ханжествѣ и грубости, онъ обладалъ ка-
чествами, имѣвшими большое, хотя и очень непріятное сход-

ство съ нѣкоторыми изъ величайшихъ достоинствъ государственнаго человѣка. Онъ составлялъ исключеніе изъ правила, которое мы вообще считаемъ вѣрнымъ, что люди, попирающіе ногами слабыхъ, всегда готовы пресмыкаться предъ сильными. Онъ обращался чрезвычайно грубо съ младшими сослуживцами въ судѣ, и весьма жестоко съ подсудимыми въ процессахъ, гдѣ дѣло шло объ ихъ жизни. Но онъ возставалъ мужественно противъ короля и его любимцевъ. Ни одинъ человѣкъ того времени не выказалъ себя съ такой неблагоприятной стороны, когда имѣлъ дѣло съ низшимъ и когда былъ неправъ. Но съ другой стороны — надобно быть справедливымъ — ни одинъ человѣкъ того времени не выказалъ себя въ такомъ выгодномъ свѣтѣ, когда имѣлъ дѣло со старшими и когда былъ правъ. Въ подобныхъ случаяхъ его полусдержанная наглость и непреодолимое упрямство давали ему видъ, внушавшій уваженіе и симпатію, въ сравненіи съ подлымъ раболѣпствомъ адвокатуры и суда. Въ настоящемъ случаѣ онъ былъ непреклоненъ и суровъ. Онъ объявлялъ, что со стороны судей въ высшей степени предосудительно совѣщаться съ короннымъ юристомъ объ уголовныхъ преступленіяхъ, которыя они должны были впоследствии рѣшать; и нѣкоторое время твердо держался въ сторонѣ. Но Бэконъ былъ столь же искусенъ, сколько и настойчивъ. «Я не совсѣмъ теряя надежду,—говорилъ онъ въ письмѣ къ королю,— что даже лордъ Кокъ не будетъ стоять особнякомъ, если я только какимъ-нибудь темнымъ образомъ намекну ему, что обойдутся и безъ него». Черезъ нѣсколько времени ловкость Бэкона восторжествовала: Кокъ угрюмо и неохотно послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей. Но для уличенія Пичамъ нужно было приискать факты, равно какъ и законы. Вслѣдствіе этого, несчастный старикъ подвергся пыткамъ, и, во время страшныхъ мученій, былъ допрашиваемъ Бэкономъ, — но тщетно. Никакого признанія не могли исторгнуть у него; и Бэконъ писалъ королю, жалуясь, что Пичамъ одержимъ нѣмымъ бѣсомъ. Наконецъ начался судъ. Приговоръ былъ произнесенъ, но умки были до того пусты, что правительству стыдно было привести приговоръ въ исполненіе; и Пичаму дозволено было влечь въ тюрьмѣ остатокъ дней своихъ.

М-ръ Монтэгу рассказываетъ всю эту ужасную исторію правдиво. Онъ не утаиваетъ и не искажаетъ ни одного существеннаго факта. Но онъ не видитъ однако въ поведеніи Бэкона ничего, заслуживающаго порицанія. Онъ утверждаетъ весьма справедливо, что людей одного вѣка не слѣдуетъ кѣрять иррочно другаго; что сэра Матью Гэля нельзя назвать

дурнымъ человѣкомъ, потому что онъ допустилъ казнить женщину, обвиняемую въ колдовствѣ; что потомство будетъ несправедливо, если станетъ упрекать судей нашего вѣка въ продажѣ мѣстъ въ судахъ, согласно принятому обычаю, какъ бы ни былъ дурень этотъ обычай, и что Бэконъ имѣетъ право на подобное снисхожденіе. «Преслѣдовать поклонника истинны, — говорить м-ръ Монтэгу, — за его сопротивленіе укоренившимся обычаямъ, и осуждать его въ послѣдующіе вѣка за то, что онъ не сопротивлялся имъ съ большею энергією, суть заблужденія, которыя не исчезнутъ до тѣхъ поръ, пока не исчезнетъ желаніе возвышаться на счетъ другихъ».

Мы не споримъ съ м-ромъ Монтэгу на счетъ его общаго положенія. Мы согласны съ каждымъ его словомъ. Но идетъ ли оно къ настоящему случаю? Правда ли, что во времена Іакова I существовалъ такой обычай, что коронныя юристы вступали съ судьями въ тайныя совѣщанія по уголовнымъ дѣламъ, которыхъ рѣшеніе предстояло этимъ судьямъ? Конечно, нѣтъ. На той самой страницѣ, гдѣ м-ръ Монтэгу утверждаетъ, «что въ тогдашнее время едва ли считалось предосудительно дѣйствовать на судью стороной,» онъ же съ точностью приводитъ слова сэра Эдуарда Кока объ этомъ предметѣ: «подъ влияніемъ такихъ тайныхъ исповѣдей, небывалыхъ, вредныхъ и несогласныхъ съ обычаями королевства, — я не заявлю, каково мое мнѣніе.» Возможно ли предположить, что Кокъ, который былъ тринадцать лѣтъ генераль-атторнеемъ, вель гораздо большее число важныхъ государственныхъ процессовъ, чѣмъ всякій другой юристъ, упоминаемый въ англійской исторіи, и съ того мѣста перешелъ почти прямо на первое мѣсто въ первомъ уголовномъ судѣ королевства, — изумился бы приглашенію вступить въ совѣщаніе съ короннымъ адвокатомъ и назвалъ бы поступокъ этотъ небывалымъ, если бы онъ дѣйствительно былъ принятъ обычаемъ? Намъ хорошо извѣстно, что когда дѣло шло объ имуществѣ, у судей было въ то время общепринятое, хотя впрочемъ и весьма неизвинительное обыкновеніе, выслушивать просителей частнымъ образомъ. Но обычай втайнѣ сговариваться съ судьями для постановленія смертнаго приговора, былъ, мы думаемъ, новъ, во первыхъ потому, что Кокъ, понимавшій въ свое время дѣла эти лучше всякаго другаго, утверждалъ, что это явленіе небывалое, а во вторыхъ потому, что ни Бэконъ, ни м-ръ Монтэгу не указали ни на одинъ прецедентъ.

Въ чемъ же дѣло? А вотъ въ чемъ: Бэконъ не слѣдовалъ какому-нибудь обычаю, который тогда считался приличнымъ. Онъ даже

не былъ послѣднимъ изъ цѣпкихъ приверженцевъ стариннаго злоупотребленія. Принадлежать къ этой категоріи было бы уже достаточно безчестнымъ для подобнаго человѣка. Но и это было бы почетнымъ въ сравненіи съ той категоріей, къ которой онъ принадлежалъ. Онъ былъ виновенъ въ попыткѣ ввести въ судилища ненавистное злоупотребленіе, неимѣвшее прецедента. По своимъ дарованіямъ, онъ былъ способнѣе всякаго другаго англичанина на дѣло усовершенствованія отечественныхъ законовъ. Но, къ несчастію, мы видимъ, что онъ не совѣстился употреблять свои громадныя дарованія на то, чтобъ ввести въ эти законы небывалыя и самыя гнусныя учрежденія.

Тоже или почти тоже можно сказать о пыткѣ Пичама. Еслибъ это была правда, что въ царствованіе Іакова I было общепринятымъ и непередосудительнымъ дѣломъ подвергать подсудимыхъ пыткѣ, то мы поставили бы это обстоятельство въ извиненіе, хотя въ дѣлѣ такого человѣка, какъ Бэконъ, мы допускаемъ извиненіе не такъ охотно, какъ въ дѣлѣ обыкновеннаго юриста или политика. Но дѣло въ томъ, что юристы тѣхъ времянь обыкновенно признавали употребленіе пытки дѣломъ незаконнымъ, а публика гнушалась имъ, какъ варварскимъ. Болѣе какъ за тридцать лѣтъ до процесса Пичама, эта мѣра была такъ сильно порицаема общественнымъ мнѣніемъ, что лордъ Борлей призналъ нужнымъ печатно оправдываться, что случайно прибѣгнулъ къ ней. Но, не смотря на то, что опасности, угрожавшія тогда правительству, были совершенно иного рода, чѣмъ опасности, которыхъ можно было ожидать отъ какой бы то ни было вещи, написанной Пичамомъ; не смотря на то, что жизнь королевы и драгоценнѣйшіе интересы государства находились въ опасности; не смотря на то, что при подобныхъ обстоятельствахъ можно было бы по-видимому всѣ обыкновенные законы принести въ жертву высочайшему закону — общественной безопасности, — страна однако не удовлетворилась оправданіемъ Борлея и королева сочла нужнымъ издать повелѣніе, положительно запрещающее подвергать, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, государственныхъ преступниковъ пыткѣ. Съ того времени пытка, бывшая всегда ненавистною и незаконною мѣрою, была окончательно вытѣснена изъ употребленія. Извѣстно также положительно, что въ 1628 году, — черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Бэконъ отправился въ Туэръ слушать стои Пичама, — судьи рѣшили, что Фельтона, преступника, не заслуживающаго и, вѣроятно, не ожидавшаго никакого особеннаго снисхожденія, — нельзя по закону подвергать пыткѣ. По-

этому мы говоримъ, что Бэконъ находится въ совершенно иномъ положеніи, чѣмъ то, въ которое старается поставить его м-ръ Монтэю. Бэконъ былъ здѣсь явно позади своего вѣка. Онъ была однимъ изъ послѣднихъ орудій власти, которая упорствовала въ употребленіи мѣры, самой варварской, самой безсмысленной, какая когда-либо безчестила законодательство, мѣры, которой въ предшествовавшемъ поколѣніи стыдилась Елисавета и ея министры, мѣры, для защиты которой, нѣсколько лѣтъ спустя, не хватило духу, ни безстыдства ни у одного изъ сикофантовъ любой юридической корпораціи (*).

Бэконъ, далеко позади своего вѣка! Бэконъ, далеко позади сэра Эдуарда Кока! Бэконъ, поддерживающій отжившія злоупотребленія! Бэконъ, противодействующій прогрессу! Бэконъ, силлящійся двинуть вспять умъ человѣческой! Слова эти кажутся странными. Въ нихъ звучитъ какое-то противорѣчіе. Но на дѣлѣ было именно такъ. Объясненіе этого обстоятельства не трудно найти всякому человѣку, не ослѣпленному предубѣжденіемъ. М-ръ Монтэю не вѣрится, чтобы такой необыкновенный человѣкъ, какъ Бэконъ, былъ повиненъ въ дурномъ дѣлѣ; какъ будто вся исторія не состоитъ изъ дурныхъ дѣлъ необыкновенныхъ людей, какъ будто всѣ извѣстнѣйшіе гонители и враги рода человѣческаго, всѣ основатели самовольныхъ правительствъ и ложныхъ религій, не были также необыкновенными людьми, и какъ будто $\frac{9}{10}$ несчастій, удручавшихъ родъ человѣческой, имѣетъ какой-либо иной источникъ, а не сочетаніе великаго ума съ низкими побужденіями.

Бэкону это хорошо было извѣстно. Онъ сказалъ намъ, что есть люди «*scientia tanquam angeli alati, cupiditatibus vero tanquam serpenets qui humi reptant*» (10). Да и не нужно было обладать ни его удивительною проникательностью, ни его глубокимъ зна-

(*) Вскорѣ по составленіи настоящей статьи, м-ръ Джардинъ издалъ въ свѣтъ весьма ученое и умное изслѣдованіе объ употребленіи пытки въ Англіи. Мы не признали, однако, нужнымъ сдѣлать какую-либо переимѣну въ нашихъ замѣчаніяхъ по дѣлу Пичама.

Предѣлы подстрочнаго примѣчанія не дозволяютъ намъ войти въ подробное рассмотрѣніе обширнаго вопроса, поднятаго м-ромъ Джардиномъ. Достаточно замѣтить, что всѣ доводы, которыми онъ старается доказать, что употребленіе пытки было искони законнымъ дѣйствіемъ королевской прерогативы, можно привести съ равною и, пожалуй, даже съ большею силою въ доказательство законности benevolenціи, корабельной подати. Момпессоновой привилегіи, заточенія Элиота и всѣхъ безъ исключенія злоупотребленій, осуждаемыхъ «Прошеніемъ о Правѣ» и «Деклараціею Правъ».

(10) «По знанію — парящіе ангелы; а по похотямъ — пресмыкающіеся въ прахѣ змѣи.» — «*De Augmentis.*» Lib V. Cap I.

ниемъ человѣческаго сердца, чтобы сдѣлать подобное открытіе. Дѣйствительно, ему слѣдовало только заглянуть внутрь себя. Различіе между парящимъ ангеломъ и пресмыкающеюся змѣею было только изображеніемъ различія между Бэкономъ-философомъ и Бэкономъ-генералъ-атторнеемъ, между Бэкономъ, ищущимъ истины, и Бэкономъ, ищущимъ мѣста хранителя печати. Люди, разсматривающіе только одну половину его личности, будутъ отзываться о немъ или съ безусловнымъ удивленіемъ, или съ безусловнымъ презрѣніемъ. Правильно же о немъ судятъ только тѣ, которые однимъ взглядомъ обнимаютъ Бэкона-мыслителя и Бэкона-дѣятеля. Имъ нисколько не будетъ трудно понять, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ далеко опередить свой вѣкъ и далеко отстать отъ него, быть съ одной стороны смѣлѣйшимъ и полезнѣйшимъ нововводителемъ, а съ другой—упорнѣйшимъ поборникомъ самыхъ гнусныхъ злоупотребленій. Въ ученomъ кабинетѣ рѣдкія дарованія его были руководимы благороднымъ честолюбіемъ, широкою филантропіею и неподдѣльною любовью къ истинѣ. Тамъ не совращало его съ прямого пути никакое искушеніе. Тома Аквинскій не могъ платить жалованья, Дунсъ Скотъ не могъ возвести въ достоинство пера. *Magister Sententiarum* не могъ дарить правомъ на богатія преемничества ("). Совершенно иное было положеніе великаго философа, когда онъ, оставляя ученый кабинетъ и лабораторію, смѣшивался съ толпой, наполнившей галлерей Вайтголла. Во всей этой толпѣ не было, конечно, человѣка, столь способнаго оказать великія и прочныя услуги человѣчеству, какъ Бэконъ. Но во всей этой толпѣ не было и сердца, болѣе дорожившаго вещами, которыхъ никто не долженъ ставить необходимыми для своего счастья, — вещами, которыя часто можно пріобрѣсти, только жертвуя праводушіемъ и честью. Быть путеводителемъ человѣчества на поприщѣ прогресса; основать на развалинахъ древнихъ умственныхъ династій болѣе благодѣствующее и болѣе прочное царство; заслужить у отдаленнѣйшаго потомства имя знаменитѣйшаго между благодѣтелями человѣческаго рода: всего этого могъ достигнуть Бэконъ. Но все это ни къ чему не служило ему, когда какой-нибудь адвокатъ-крючкотворъ одного изъ специальныхъ судовъ становился выше его; когда

(“) Дунсъ Скотъ — схоластикъ XIV в., противникъ Тома Аквинскаго. — Петръ Ломбардскій, — ученикъ Авеяра, авторъ знаменитаго трактата объ изрѣченіяхъ отцовъ церкви: «*Sententiarum libri IV*»; извѣстенъ также подъ именемъ: «*Magister sententiarum*».

какому-нибудь полновѣсному деревенскому джентльмену доставалось передъ нимъ первенство, благодаря купленной дворянской коронѣ; когда какой-нибудь сводникъ, пользовавшійся счастьемъ имѣть хорошенькую жену, получалъ болѣе благосклонный привѣтъ отъ Боккингама; когда какому-нибудь шуту, посвященному во всѣ новѣйшіе скандалы двора, удавалось вызвать болѣе громкій смѣхъ Іакова.

Недостойное честолюбіе Бэкона вѣнчалось успѣхомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Благодаря своей пронзательности, онъ заранѣе замѣтилъ, кому предстояло сдѣлаться самымъ сильнымъ человѣкомъ въ королевствѣ. Предугадывая расположеніе короля, прежде чѣмъ оно сдѣлалось извѣстнымъ самому королю, онъ присталъ къ Вильерсу, тогда какъ толпа царедворцевъ не столь догадливая продолжала еще ласкаться къ Сомерсету. Вліяніе же младшаго фаворита усиливалось со дня на день. Борьба между совѣстниками могла бы однако длиться долго, еслибъ не ужасное преступленіе, которое, вопреки всѣмъ изслѣдованіямъ и догадливости историковъ, все еще покрыто мракомъ ⁽¹²⁾. Сомерсетъ, впадшій въ немилость постепенно и почти незамѣтно, полетѣлъ стремглавъ; а Вильерсъ, оставшись безъ соперника, быстро поднялся до такой высоты могущества, какой, со времени Вольси, не достигалъ еще ни одинъ подданный.

Между двумя знаменитыми царедворцами, которые въ разные времена покровительствовали Бэкону, было много общаго. Трудно сказать, кто изъ нихъ, Эссексъ или Вильерсъ, отличался болѣе тою привлекательностью наружности и манеръ, которая всегда цѣнилась при дворахъ гораздо выше, чѣмъ въ сущности того стоила. Оба они были отъ природы храбры и оба, подобно большей части природныхъ храбрецовъ, были откровенны и неосторожны. Оба были опрометчивы и упорны. Оба лишены способностей и знаній, необходимыхъ для государственныхъ людей. Между тѣмъ оба, полагаясь на достоинства, отличавшія ихъ на турнирахъ и балахъ, добивались управленія государствомъ. Оба были обязаны своимъ возвышеніемъ личной привязанности своихъ властелиновъ; и въ обоихъ случаяхъ эта привязанность была такого страннаго свойства, что приводила въ недоумѣніе наблюдателей, приводить до сихъ поръ въ недоумѣніе историковъ и подала поводъ къ весьма скандальнымъ догадкамъ, которыя мы готовы считать неосновательными. Оба фаворита обходились съ государями, расположеніемъ которыхъ пользовались, съ грубостью, доходившею до

(12) Убіенство Овербѣри.

дерзости. Эта дерзость погубила Эссекса, имѣвшего дѣло съ натурою, столь же гордою, какъ и его собственная, и привыкшею въ продолженіе почти полувѣка, къ глубочайшей почтительности. Но между надменною дочерью Генриха и ея преемникомъ была большая разница. Іаковъ былъ робокъ отъ колыбели. Его нервы, слабые отъ природы, не были укрѣплены ни размышленіемъ, ни навыкомъ. До прибытія въ Англію жизнь его представляла рядъ огорченій и униженій. При всѣхъ своихъ высокихъ понятіяхъ объ источникѣ и размѣрѣ своихъ прерогативъ, онъ никогда не умѣлъ владѣть собою ни на одинъ день. Вопреки своему королевскому сану и вопреки своимъ деспотическимъ теоріямъ, онъ былъ до послѣдней минуты рабомъ въ душѣ. Вильерсъ обращался съ нимъ какъ съ рабомъ; и эта система въ обращеніи, принятая, какъ намъ кажется, только своевратно, удалась такъ же хорошо, какъ если бы она была политической системою, придуманною послѣ зрѣлаго размысленія.

По великодушію, чувствительности и способности къ дружбѣ, Эссексъ далеко превосходилъ Боккингамъ. Дѣйствительно, о Боккингамѣ врядъ ли можно сказать, что онъ имѣлъ друга, за исключеніемъ двухъ государей, на которыхъ онъ подъ рядъ имѣлъ такое удивительное вліяніе. Эссекса народъ обожалъ до послѣдней минуты его жизни. Боккингамъ всегда былъ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ, за исключеніемъ, быть можетъ, весьма короткаго времени послѣ его возвращенія изъ ребяческой поѣздки въ Испанію. Эссексъ палъ жертвою строгости правительства, среди сѣтованій народа. Боккингамъ, проклинаемый народомъ и публично признанный народными представителями за общественнаго врага, палъ отъ руки человѣка, вышедшаго изъ среды народа, никѣмъ не оплаканный, кромѣ своего властелина.

Отношенія обоимъ фаворитовъ къ Бэкону были въ высшей степени характеристичны и могутъ служить нагляднымъ примѣромъ старой, но вѣрной поговорки, что человѣкъ обыкновенно больше расположенъ любить тѣхъ, кого самъ облагодѣтельствовалъ, чѣмъ тѣхъ, отъ кого получалъ благодѣянія. Эссексъ осыпалъ Бэкона благодѣяніями, а все-таки полагалъ, что еще недовольно сдѣлалъ для него. Могущественному и богатому nobleмену, кажется, никогда не приходило въ голову, что бѣдный адвокатъ, которому онъ оказывалъ такую великодушную дружбу, былъ ему не-ровна. Мы нисколько не сомнѣваемся, что графъ говорилъ совершенно искренно, объявляя, что охотно бы отдалъ свою сестру или дочь въ замужство своему другу.

Вообще, Эссексъ даже черезчуръ сознавалъ свои собственные достоинства, но, казалось, былъ далекъ отъ мысли, что Бэконъ былъ когда-либо чѣмъ ему обязанъ. Въ тотъ ужасный день, когда они свидѣлись въ послѣдній разъ у рѣшетки лордовъ, Эссексъ упрекалъ своего вѣроломнаго друга въ жестокосердіи и неискренности, но нисколько въ неблагодарности. Даже въ подобную минуту, болѣе горькую, чѣмъ горечь самой смерти, это благородное сердце было слишкомъ возвышенно, чтобъ излиться подобнымъ упрекомъ.

Вильерсъ, напротивъ, былъ многимъ обязанъ Бэкону. Въ началѣ ихъ знакомства, сэръ Франсисъ былъ уже человѣкомъ зрѣлыхъ лѣтъ, съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ и съ установившеюся славою государственнаго дѣятеля, адвоката и писателя. Вильерсъ былъ почти мальчикомъ и младшимъ сыномъ въ семействѣ, тогда немного извѣстномъ. Онъ только-что вступалъ на придворное поприще, и лишь проникательнѣйшіе наблюдатели могли въ то время замѣтить, что онъ былъ способенъ опередить всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Поддержка и совѣты такого знаменитаго человѣка, какъ генералъ-атторней, должны были имѣть величайшую важность для молодого удалца. Хотя Вильерсъ былъ кліентомъ Бэкона, но онъ былъ далеко не такъ горячо привязанъ къ Бэкону, и далеко не такъ деликатенъ въ своихъ къ нему отношеніяхъ, какъ Эссексъ.

Впрочемъ надобно отдать справедливость новому фавориту, что онъ не медлилъ употребить свое вліяніе въ пользу своего знаменитаго друга. Въ 1616 году сэръ Франсисъ былъ назначенъ членомъ Тайнаго совѣта, а въ мартъ 1617 года, по удаленіи лорда Бракли — хранителемъ большой печати.

Седьмого мая, въ первый день засѣданія, Бэконъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вестминстерскую залу. По правую его сторону ѣхалъ лордъ-казначей, а по лѣвую — лордъ малой печати; впереди его тянулась длинная процессія студентовъ и экзекуторовъ; а за нимъ слѣдовали во множествѣ перы, тайные совѣтники и судьи. По прибытіи въ палату, онъ обратился къ блистательной аудиторіи съ серьезною и важною рѣчью, которая доказываетъ, какъ хорошо онъ понималъ тѣ судебныя обязанности, которыя впоследствии исполнялъ такъ дурно. Даже въ эту минуту, — по понятіямъ толпы и, можетъ быть, по его собственному мнѣнію — наилучшую въ его жизни, онъ бросилъ взглядъ томной привязанности на тѣ благородныя занятія, съ которыми, повидимому, ему предстояло разстаться. «Досужее время трехъ длинныхъ вакацій, — сказалъ онъ, — я сберегу въ нѣкоторой степени отъ государственныхъ дѣлъ, для размышле-

нѣ, искусствѣ и наукѣ, къ которымъ отъ природы я чувствую смѣтливую наклонность».

Годы, въ продолженіе которыхъ Бэконъ занималъ должность хранителя большой печати, принадлежать къ самымъ мрачнымъ и самымъ постыднымъ въ англійской исторіи. Внутри и внѣ государства всѣ дѣла велись дурно. На первомъ планѣ стояла казнь Рале, которая, будь она совершена надлежащимъ образомъ, могла бы еще быть извинительна, но которая, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, ее сопровождавшимъ, должна считаться, малодушнымъ убійствомъ. Но худшее было впереди: рѣзня въ Богеміи, успѣхи Тилли и Спинолы, завоеваніе Поальяца, изгнаніе королевскаго зятя, преобладаніе австрійскаго дома на материкѣ, погрѣшеніе протестантизма и вольностей германскихъ государствъ. Между тѣмъ нервѣшительная и трусливая политика Англии служила предметомъ насмѣшки для всѣхъ европейскихъ націй. Любовь къ миру, о которой толковалъ Іаковъ, даже доведенная до безтактной крайности, заслуживала бы уваженія, если бы происходила изъ привязанности къ народу. Но дѣло въ томъ, что въ то время, какъ ему слѣдовало ничего не щадить для защиты естественныхъ союзниковъ Англии, онъ прибѣгалъ, безъ зазрѣнія совѣсти, къ самымъ незаконнымъ и отягочительнымъ мѣрамъ для того, чтобъ дать Боккингаму и его роднѣ возможность превзойти блескомъ древнюю аристократію королевства. Беневоленціи вынуждались; патенты на монополіи умножились. Всѣ средства, которыя могли быть употреблены для пополненія обнищавшей казны къ концу разорительной войны, пускались въ ходъ въ этотъ періодъ позорнаго мира.

Недостатки администраціи слѣдуетъ преимущественно приписать слабости короля, а также легкомыслію и насильству фаворита. Невозможно однако отвергать, что извѣстная доля вины лежитъ и на лордѣ-хранителѣ большой печати. Особенно долженъ онъ нести отвѣтственность за гнусные патенты, проходившіе чрезъ его руки, когда онъ хранилъ большую печать. Въ рѣчи, произнесенной имъ при первомъ вступленіи въ палату, онъ обязался исполнять эту важную часть своей должности съ величайшею осторожностью и безпристрастіемъ. Онъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать открыто, дабы люди видѣли, что онъ руководствуется не особеннымъ какимъ-нибудь направленіемъ или цѣлью, а общимъ правиломъ. М-ру Монтэгю хотѣлось бы убѣдить насъ, что Бэконъ дѣйствовалъ согласно съ этими завѣреніями, и онъ говоритъ, что «могущество фаворита не устрашало лорда-хранителя большой печати отъ отказа въ привилегіяхъ и патентахъ, когда этого требовалъ долгъ обществен-

ной его службы». Развѣ м-ръ Монтэгю считаетъ патенты на монополію хорошимъ дѣломъ? Или — не хочетъ ли онъ сказать этимъ, что Бэконъ отказывалъ во всѣхъ патентахъ на монополію, которые были ему представлены? Изъ всѣхъ патентовъ въ исторіи Англій, самый позорный былъ патентъ, выданный на исключительное производство золотого и серебрянаго галуна, сэру Джильсу Монпессону, котораго считаютъ оригиналомъ Массинджерова *Overreach*, — и сэру Франсису Мичеллю, съ котораго, какъ полагаютъ, срисованъ *Justice Greedy*. Слѣдствіемъ этой монополіи было, разумеется, то, что, къ великому ущербу публики, металлъ, употребляемый для этого производства, былъ съ подмѣсью. Но это еще бездѣлица; лица, пользовавшіяся привилегіями, облечены были такою значительною властью, какая едва ли давалась когда-либо откупщикамъ доходовъ въ странахъ съ наихудшей администраціей. Они имѣли право обыскивать дома, задерживать контрабандистовъ; и пользовались этимъ ужаснымъ правомъ для достиженія гораздо имѣвшихъ цѣлей, чѣмъ даже тѣ, противъ которыхъ власть эта была дана имъ; они употребляли ее для отщепенія застарѣлой злобы и для оболъщенія женскаго цѣломудрія. Развѣ въ подобныхъ случаяхъ долгъ общественной службы не требовалъ заступничества со стороны лорда-хранителя большой печати? И развѣ лордъ-хранитель вступился въ это дѣло? Да, онъ вступился. Онъ писалъ къ королю, что «убѣдившись въ годности производства золотыхъ и серебряныхъ тканей, находить удобнымъ устроить это дѣло», что «по всей вѣроятности, оно будетъ очень прибыльно для его величества» и, что поэтому, «хорошо было бы порѣшить его какъ можно скорѣе». Все это значитъ, что родня Вильерса хотѣла имѣть пая съ *Overreach* и *Greedy* въ грабежъ публики. Вотъ какимъ образомъ вступался въ дѣло верховный блюститель законовъ, когда королевскій любимецъ домогался патентовъ, прибыльныхъ для своей родни и своихъ клевретовъ, но разорительныхъ и стѣснительныхъ для массы народа. Помогши привилегированнымъ лицамъ получить эту монополію, Бэконъ помогалъ имъ также и въ мѣрахъ, которыя они принимали, чтобъ удержать за собою эту монополію. По его распоряженію, нѣкоторые лица были подвержены тюремному заключенію за ослушаніе его тираническому повелѣнію. Нѣтъ надобности говорить болѣе. Читатели наши могутъ теперь судить, дѣйствовалъ ли Бэконъ въ дѣлѣ о патентахъ согласно съ своими завѣреніями и заслуживалъ ли онъ похвалы, которымъ осыпалъ его біографъ.

Судебная дѣятельность Бэкона не менѣе достойна порицанія. Во многихъ изъ своихъ рѣшеній онъ слѣдовалъ указаніямъ Боккингама. Бэконъ зналъ не хуже всякаго, что судья, руководствующійся посторонними побужденіями, безчеститъ свой постъ. До возвышенія своего на президентское мѣсто, самъ онъ сильно убѣждалъ въ томъ Вильерса, который только-что вступалъ тогда на свое поприще. Въ письмѣ своемъ къ молодому царедворцу, наполненномъ совѣтами, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «ни въ какомъ случаѣ не давайте угворить себя къ вмѣшательству словесному или письменному въ дѣла, подлежащія какому-нибудь судебному мѣсту; и не дозволяйте дѣлать это ни одному важному лицу тамъ, гдѣ можете воспрепятствовать. Если посредничество беретъ верхъ, оно вредитъ правосудію; если же судья настолько справедливъ и мужественъ, — какимъ онъ и долженъ быть, — что не поддается, то все-таки ходатайство оставляетъ за собою тѣнь подозрѣнія». Бэконъ не пробылъ однако и мѣсяца хранителемъ большой печати, какъ Боккингамъ сталъ вмѣшиваться въ дѣла канцлерскаго суда; и вмѣшательство Боккингама, какъ и можно было того ожидать, было успѣшно.

Разсужденія м-ра Монтэрю о томъ превосходномъ мѣстѣ, которое мы привели выше, чрезвычайно забавны. «Никто, говоритъ онъ, не сознавалъ глубже Бэкона золь, проистекавшихъ въ то время отъ вмѣшательства короны и государственныхъ людей въ рѣшенія судей. Какъ прекрасно увѣщевалъ онъ Боккингамъ, не обращавшаго, какъ оказалось, никакого вниманія на всевозможныя увѣщанія». Мы бы рады были знать, какимъ образомъ можно ожидать, чтобы увѣщанія уважались тѣмъ, кто ихъ получаетъ, когда ими совершенно пренебрегаетъ тотъ, кто даетъ ихъ. Мы не защищаемъ Боккингамъ: но что значила его вина въ сравненіи съ виной Бэкона? Боккингамъ былъ молодъ, несвѣдущъ, легкомысленъ, ошеломленъ своимъ быстрымъ возвышеніемъ и высотой своего положенія. Что онъ ревностно желалъ быть полезнымъ своимъ родственникамъ, льстецамъ и любовницамъ; что онъ не вполне сознавалъ огромную важность безукоризненнаго отправления правосудія; что онъ болѣе думалъ о тѣхъ, съ которыми былъ связанъ частными узами, чѣмъ объ общественномъ благѣ, — все это было совершенно естественно и несовѣмъ непростительно. Тѣ, которые ввѣряютъ власть блажному, горячему и несвѣдущему мальчику, больше его заслуживаютъ порицанія за вредъ, который онъ можетъ причинить посредствомъ этой власти. Отъ веселаго пажа, возвысившагося, по странному капризу судьбы, на первое мѣсто въ

государствѣ, конечно, нельзя было ожидать серьезнаго понятія, о правилахъ, которыя должны руководить судебными рѣшеніями. Бэконъ же былъ способнѣйшимъ изъ тогдашнихъ государственныхъ людей въ Европѣ. Ему было почти шестьдесятъ лѣтъ. Онъ много, и съ хорошею цѣлью, размышлялъ объ общихъ началахъ закона. Онъ ежедневно, въ теченіе многихъ лѣтъ, принималъ участіе въ отправленіи правосудія. Невозможно, чтобы человѣкъ, обладающій даже десятою долею его проницательности и опытности, не зналъ, что судья, позволяющій друзьямъ и покровителямъ диктовать себѣ опредѣленія, нарушаетъ простѣйшія основанія своего долга. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, онъ сознавалъ это хорошо; и выражалъ это превосходно. Его дурныя поступки въ этомъ случаѣ, да и въ другихъ, нельзя приписать недостатку ума. Они происходили отъ совершенно иной причины.

Человѣкъ, унижавшійся до подобныхъ услугъ другимъ, не могъ быть совѣстливъ въ выборѣ средствъ къ собственному обогащенію. Онъ и его подчиненные принимали большіе подарки отъ лицъ, имѣвшихъ дѣла въ канцлерскомъ судѣ. Трудно свести итогъ суммамъ, которыя онъ награбилъ такимъ образомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ получилъ гораздо болѣе, чѣмъ было доказано въ его процессѣ, хотя, быть можетъ, и менѣе, чѣмъ сколько подозрѣвала публика. Враги опредѣляли его незаконныя пріобрѣтенія въ сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Но, вѣроятно, это было преувеличеніе.

Много прошло времени, прежде чѣмъ насталъ день расчета. Въ промежутокъ между вторымъ и третьимъ парламентами временъ Іакова, странною неограниченно управляла корона. Лордъ-хранитель большой печати имѣлъ самыя блестящія виды. Важный постъ, имъ занимаемый, выказывалъ еще ярче блескъ его дарованій и придавалъ еще болѣе прелести спокойствію его характера, его вѣжливому обращенію и краснорѣчивой бесѣдѣ. Ограбленный истецъ могъ роптать. Строгій патріотъ-пуританинъ могъ, въ своемъ уединеніи, сѣтовать о томъ, что человѣкъ, котораго Богъ надѣлилъ безъ мѣры всѣми способностями, дающими людямъ право стоять во главѣ великихъ преобразованій, находился въ числѣ приверженцевъ самыхъ гнусныхъ злоупотребленій. Но ропоть истца и сѣтованія патріота врядъ ли имѣли доступъ до верховной власти. Король и министръ, властвовавшій надъ королемъ, ласкали своего знаменитаго льстеца. Цѣлая толпа царедворцевъ и нобльменовъ усердно заискивала его расположенія. Люди умные и ученые съ восторгомъ привѣтствовали возвышеніе человѣка, такъ явно доказавшаго, что съ глубокою

ученостью и блестящимъ умомъ можно постигать лучше всякаго труженика-неуча искусство преуспѣянiя въ свѣтъ.

Разъ, и только одинъ разъ, этотъ путь благоденствiя прерванъ былъ на минуту. Казалось, что даже Бэкона мозгъ не былъ достаточно силенъ, чтобы безъ разстройства вынести опьяняющее дѣйствiе такого благополучiя; ибо чрезъ нѣсколько времени послѣ своего возвышенiя онъ обнаружилъ небольшой недостатокъ той осторожности и самообладанiи, которымъ болѣе даже, чѣмъ его превосходнымъ дарованiямъ, слѣдовало приписать его возвышенiе. Онъ отнюдь не имѣлъ способности сильно ненавидѣть. Температура его мстительности, равно какъ и его признательности, врядъ ли была когда-либо болѣе чѣмъ тепловата. Но былъ одинъ человекъ, къ которому онъ давно питалъ злобу, хотя тщательно подавляемую, но, быть можетъ, тѣмъ сильнѣйшую. Оскорбленiя и обиды, какiя онъ, будучи еще молодымъ человекомъ, добивавшимся извѣстности и практики по своему званiю, испыталъ отъ сэра Эдуарда Кока, были такого рода, что могли бы озлобить самую миролюбивую натуру. Около того времени, когда Бэконъ получилъ печати, Коку, за свое упорное сопротивленiе королевскому произволу, лишился мѣста въ судѣ Королевской скамьи и съ тѣхъ поръ томился въ удаленiи. Но оппозицiя Кока двору была, какъ намъ кажется, не слѣдствiемъ честныхъ принциповъ, но дурнаго права. При злобѣ и угрюмости у него не доставало истинной силы и достоинства характера. Упрямство его, неподдержанное благородными побужденiями, не устояло противъ немилости. Онъ хлопоталъ о примиренiи съ временщикомъ, и исканiя его были успѣшны. Сэръ Джонъ Вильерсъ, братъ Боккингама, искалъ богатой жены. У Кока было огромное состоянiе и незамужняя дочь. Ударили по рукамъ. Но леди Коку, та самая, которую двадцать лѣтъ передъ тѣмъ Эссексъ сваталъ Бэкону, не хотѣла слышать о замужествѣ. Послѣдовала сильная и постыдная семейная ссора. Мать увезла дѣвушку укрдкой. Отецъ преслѣдовалъ ихъ и силою возвратилъ назадъ дочь свою. Король былъ тогда въ Шотландiи, и Боккингамъ сопровождалъ его туда. Во время ихъ отсутствiя Бэконъ управлялъ дѣлами въ Англiи. Онъ чувствовалъ къ Коку такую недоброжелательность, какую только по своей натурѣ онъ могъ чувствовать къ кому-либо. Его мудрость убаюкана была счастьемъ. Въ недобрый часъ онъ рѣшился вмѣшаться въ распри, волновавшiя домъ врага. Онъ принялъ сторону супруга, поддерживалъ генераль-атторнея при представленiи въ Звѣздную палату жалобы противъ супруга, и писалъ письма къ королю и

его любимцу противъ предполагаемаго брака. Сильныя выраженія, какія онъ употреблялъ въ этихъ письмахъ, показываютъ, что, при всей своей прозорливости, онъ не совсѣмъ зналъ свое положеніе и не вполне былъ знакомъ какъ со степенью власти Боккингама, такъ и съ перемѣною, какую обладаніе этой властью произвело въ характеръ Боккингама. Ему вскорѣ данъ былъ урокъ, котораго онъ никогда не забывалъ. Временщикъ, получая извѣстія о вѣшателствѣ лорда-хранителя печати, сильно негодовалъ и приводилъ короля въ настроеніе еще болѣе гнѣвное. Бэконъ вдругъ увидѣлъ свою ошибку и всевозможныя ея послѣдствія. Онъ былъ напущенъ, если не упоенъ, величіемъ. Ударъ протрезвилъ его мгновенно. Онъ вполне очнулся. Онъ смиренно извинился въ своемъ вѣшателствѣ. Онъ приказалъ генералъ-атторнею остановить судебный ходъ дѣла противъ Кока. Онъ послалъ сказать леди Кокъ, что ничего для нея не можетъ сдѣлать. Онъ извѣстилъ оба семейства, что желаетъ способствовать союзу. Послѣ этихъ доказательствъ раскаянія, онъ рѣшился явиться лично предъ Боккингамомъ. Но молодой выскочка не полагалъ, чтобы достаточно уже унижилъ старика, своего бывшего друга и благодѣтеля, высочайшаго гражданскаго сановника въ государствѣ и знаменитѣйшаго ученаго въ мірѣ. Говорятъ, что два дня сряду Бэконъ являлся въ домъ Боккингама, что въ эти два дня онъ вынужденъ былъ оставаться въ передней, между лакеями, сидя съ большою печатью Англіи у боку, на старомъ деревянномъ ларѣ, и что когда наконецъ онъ былъ допущенъ, то бросился на полъ, цѣловалъ ноги у временщика, и говорилъ, что до тѣхъ поръ не встанетъ, пока не будетъ прощенъ. Сэръ Антоній Вальдонъ, на авторитетъ котораго основанъ этотъ рассказъ, могъ, пожалуй, преувеличить низость Бэкона и наглость Боккингама. Но трудно вообразить, чтобы столь обстоятельный рассказъ, написанный человѣкомъ, который утверждаетъ, что присутствовалъ при этомъ случаѣ, могъ быть совершенно безъ основанія; и, къ несчастью, въ характеръ какъ временщика, такъ и лорда-хранителя печати, немного найдется такого, что дѣлало бы рассказъ невѣроятнымъ. Достоверно, что примиреніе имѣло мѣсто на условіяхъ унижительныхъ для Бэкона, который никогда болѣе не осмѣливался перечить ни одному изъ напѣреній кого-либо, носившаго имя Виллерса. Онъ наложилъ крѣпкую узду на тѣ гнѣвныя страсти, которыя первый разъ въ его жизни одержали верхъ надъ его благоразуміемъ. Онъ подчинился формальностямъ примиренія съ Кокомъ, и изыскивая случай выказать вѣжливость и избѣгая всего, что

когда бы произвели столкновение, онъ всѣми силами старался укротить неукротимую свирѣлость своего стараго врага.

Вообще, однако, жизнь Бэкона, когда онъ былъ хранителемъ большой печати, была, по наружности, весьма завидная. Въ Лондонѣ онъ жилъ съ большимъ достоинствомъ въ Йоркъ-Гаусъ, почтенномъ жилищѣ отца своего. Здѣсь-то въ январѣ 1620, среди блестящаго круга друзей, онъ праздновалъ свое вступленіе въ шестидесятый годъ жизни. Онъ промѣнялъ тогда званіе хранителя печати на высшій титулъ канцлера. Бенъ Джонсонъ былъ въ числѣ присутствовавшихъ, и написалъ по этому поводу нѣсколько самыхъ удачныхъ изъ своихъ шероховатыхъ стиховъ. Все, рассказываетъ онъ намъ, казалось улыбавшимся въ старомъ домѣ, «огонь, вино, люди». Видъ просвѣщеннаго хозяина, послѣ жизни, неотмѣченной никакимъ большимъ злополучіемъ, вступающаго въ свѣжую старость, среди богатствъ, власти, высокихъ почестей, при полной умственной дѣятельности и обширной литературной славѣ, сдѣлалъ сильное впечатлѣніе на поэта, если можно судить по слѣдующимъ хорошо извѣстнымъ стихамъ:

«England's high Chancellor, the destined heir,
In his soft cradle, to his father's chair,
Whose even thread the Fates spin round and full
Out of their choicest and their whitest wool» (15).

Въ промежутки отдыха между политическими и судебными занятіями, Бэконъ имѣлъ обыкновеніе удаляться въ Горгамбѣри. Въ этомъ мѣстѣ занятіемъ его была литература, а его любимую забавою садоводство, которое въ одномъ изъ самыхъ интересныхъ своихъ «*Опытовъ*» онъ называетъ «чистѣйшимъ изъ человѣческихъ удовольствій». На великолѣпныхъ земляхъ своихъ воздвигъ онъ убѣжище, стоявшее 10 т. ф., и отправлялся туда, когда желалъ избѣгнуть всякихъ посѣтителей и предаться вполне ученымъ занятіямъ. Въ такихъ случаяхъ, нѣсколько молодыхъ людей отличныхъ дарованій были иногда товарищами его уединенія; и между ними зоркій глазъ его вскорѣ замѣтилъ превосходныя способности Томаса Гоббса. Невѣроятно, однако, чтобы онъ вполне оцѣнилъ дарованія ученика своего, или пред-

(15) Великій канцлеръ Англій еще въ нѣжной колыбели былъ предназначенъ занять мѣсто отца его;
Ровную нить Парки ткуть кругло и полно изъ
Своей отборнѣйшей и бѣлѣйшей шерсти.

видѣлъ обширное вліяніе, какъ хорошее, такъ и дурное, какое этому сильнѣйшему и пронидательнѣйшему изъ умовъ человеческихъ суждено было произвести на два слѣдующія поколѣнія.

Въ январѣ 1621, Бэконъ достигъ зенита своихъ благополучій. Онъ только-что издалъ «*Novum Organum*», и эта необыкновенная книга вызвала самыя жаркіе отзывы удивленія со стороны способнѣйшихъ людей въ Европѣ. Онъ достигъ почестей далеко иного рода, но, быть можетъ, не менѣе ему дорогихъ. Онъ былъ сдѣланъ барономъ Веруламскимъ, а потомъ достигъ болѣе высокаго достоинства виконта Сентъ-Альбансъ. Дипломъ его начертанъ былъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, и принцъ Валлійскій подписалъ его, какъ свидѣтель. Обрядъ инвеституры совершенъ былъ съ великою пышностью въ Теобальдсѣ, и Боккингамъ согласился быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Потомство чувствовало, что величайшій изъ англійскихъ философовъ не могъ извлечь никакого приращенія въ достоинствѣ изъ любого титула, какой могъ пожаловать Іаковъ, и, вопреки королевской грамоты, упорно отказывалось разжаловать Франсиса Бэкона въ виконта Сентъ-Альбансъ.

Въ нѣсколько недель замѣчательнымъ образомъ подверглась испытанію цѣнность тѣхъ предметовъ, ради которыхъ Бэконъ запятналъ свою честность, уступилъ свою независимость, нарушилъ самыя священныя обязанности дружбы и благодарности, льстилъ посредственности, преслѣдовалъ невиннаго, сговаривался съ судьями, мучилъ заключенныхъ, грабилъ истцовъ, расточалъ на жалкія интриги всѣ силы превосходящійшимъ образомъ устроеннаго ума, какимъ когда-либо одаренъ былъ чловѣкъ. Быстрый и страшный переворотъ былъ подъ рукою. Созванъ былъ парламентъ. Послѣ шестилѣтняго молчанія приходилось снова слышать голосъ народа. Не болѣе какъ чрезъ три дня послѣ параднаго обряда, который совершенъ былъ въ Теобальдсѣ въ честь Бэкона, собрались палаты.

Какъ и всегда, недостатокъ въ деньгахъ заставилъ короля созвать парламентъ. Должно, однако, полагать, что еслибъ онъ или министры были сколько-нибудь знакомы съ состояніемъ общественнаго настроенія, они попробовали бы любое средство или перенесли бы любое неудобство скорѣе, чѣмъ отважиться стать передъ лицомъ депутатовъ справедливо раздраженной націи. Но они не распознавали времени. Дѣйствительно, почти всѣ политическіе промахи Іакова и его болѣе несчастнаго сына возникли отъ одной большой ошибки. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, предшествовавшихъ Долгому парламенту, про-

исходила большая и прогрессивная переѣна въ общественномъ мнѣніи. Свойства и степени этой переѣны нисколько не понимали ни первые два короля изъ дома Стюартовъ, ни любой изъ ихъ совѣтниковъ. Что нація всякій годъ становилась болѣе и болѣе недовольною, что каждая палата общинъ была болѣе неподатлива, чѣмъ предшествовавшая ей, это были факты, которыхъ невозможно было не замѣтить. Но дворъ не могъ понять, отчего это было такъ. Дворъ не понималъ, что англійскій народъ и англійское правленіе, хотя нѣкогда соотвѣтствовавшіе другъ другу, теперь не соотвѣтствовали болѣе, что нація переросла свои древнія учрежденія, съ каждымъ днемъ чувствовала болѣе и сильнѣе ихъ неудобства, напирала на нихъ, и вскорѣ должна была сквозь нихъ прорваться. Тревожныя явленія, существованіе которыхъ не могъ отвергать ни одинъ льстецъ, приписывались всякой другой причинѣ, кромѣ истинной. «Въ первомъ моемъ парламентѣ, говорилъ Іаковъ, я былъ новичкомъ; а въ слѣдующемъ завелся родъ звѣрей, называемыхъ «undertakers». Въ третьемъ парламентѣ врядъ ли можно было назвать его новичкомъ, - и эти звѣри-предприниматели не существовали. Однако, этотъ третій парламентъ причинилъ ему больше хлопотъ, нежели первый или второй.

Какъ скоро собрался парламентъ, палата общинъ тотчасъ же приступила умѣреннымъ и почтительнымъ, но самымъ рѣшительнымъ образомъ, къ обсужденію общественныхъ тягостей. Первые ея нападенія направлены были противъ тѣхъ ненавистныхъ привилегій, подъ прикрытіемъ которыхъ Боккингамъ и его клеветы грабили и угнетали націю. Сила, съ какою эти дѣла были ведены, распространила страхъ во всемъ дворѣ: Боккингамъ считалъ себя въ опасности и, въ тревогъ своей, прибѣгнулъ за совѣтомъ къ Вестминстерскому декану Вильямсу, имѣвшему съ недавняго времени значительное на него вліяніе. Личность эта была уже очень полезна временщику въ весьма шекотливомъ дѣлѣ. Боккингамъ сердечно желалъ жениться на леди Катринѣ Маннерсѣ, дочери и наследницѣ графа Ротланда. Но затрудненія были большія. Графъ былъ спѣсивъ и несговорчивъ, а молодая леди была католичка. Вильямсъ смягчилъ гордость отца, и нашелъ аргументы, которыми, по крайней мѣрѣ, на время успокоилъ совѣсть дочери. За эти услуги онъ награжденъ былъ значительною церковною должностію, и тутъ-то сталъ быстро подниматься на то самое мѣсто относительно Боккингамъ, которое прежде занималъ Бэконъ.

Вильямсъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые бываютъ умнѣе относительно другихъ, чѣмъ относительно себя. Его об-

шественная жизнь была несчастна, и сдѣлалась несчастною вслѣдствіе страннаго недостатка въ немъ разсудительности и самообладанія въ разныхъ важныхъ обстоятельствахъ: Но данный имъ въ настоящемъ случаѣ совѣтъ не обнаружилъ вовсе недостатка въ житейской мудрости. Онъ совѣтовалъ временщику оставить всякую мысль о защитѣ монополій, прискаты какое-нибудь иностранное посольство для своего брата сэра Эдуарда, который сильно былъ замѣшанъ въ подлостяхъ Момпессона, и предоставить прочихъ виновниковъ правосудію парламента. Боккингамъ принялъ совѣтъ этотъ съ самыми жаркими выраженіями благодарности и объявилъ, что съ груди его точно бремя скатилось. Тогда онъ отправился съ Вильямсомъ къ королю. Они нашли его занятымъ важными совѣщаніями съ принцемъ Карломъ. Планъ дѣйствій, предложенный деканомъ, былъ вполне разсмотрѣнъ и одобренъ во всѣхъ частяхъ своихъ.

Первыми жертвами, которыхъ дворъ предоставилъ мшенію общинъ, были сэръ Джильзъ Момпессонъ и сэръ Франсисъ Мичелль. Это было за нѣсколько времени прежде, чѣмъ Бэконъ началъ питать нѣкоторыя опасенія. Его дарованія и ловкость доставили ему въ палатѣ, которой онъ съ недавняго времени сталъ членомъ, большое вліяніе, что онъ, естественно, и должны были произвести въ любомъ собраніи. Въ палатѣ общинъ онъ имѣлъ много личныхъ друзей и много жаркихъ поклонниковъ. Но, наконецъ, спустя около шести недѣль послѣ собранія парламента, буря разразилась.

Комитетъ нижней палаты назначенъ былъ для обревизованія судовъ. Пятнадцатаго марта предсѣдатель этого комитета, сэръ Робертъ Филипсъ, членъ за Батъ, доложилъ, что были открыты большія злоупотребленія. «Лицо, сказалъ онъ, противъ котораго эти вещи приводятся, есть никто иной какъ лордъ-канцлеръ. человекъ до того надѣленный всѣми дарованіями, какъ природы, такъ и искусства, что я ничего больше объ немъ не скажу, не будучи въ состояніи сказать достаточно». Сэръ Робертъ приступилъ тогда къ изложенію, самымъ умѣреннымъ образомъ, сущности обвиненій. Никто, по имени Обри, имѣлъ дѣло, подлежащее суду государственной канцеляріи. Онъ почти разоренъ былъ судебными издержками, и терпѣвіе его истощилось отсрочками суда. Онъ получилъ намекъ отъ кого-то изъ блюдолизовъ канцлера, что подарокъ сотни ф. ст. ускорила бы дѣло. У бѣдняги не было требуемой суммы. Прискавъ, однако, рстовщика, снабдившаго его этою суммою за высокой процентъ, онъ понесъ ее въ Йоркъ-Гаусъ. Канцлеръ взялъ деньги, а подчиненные его завѣрили истца, что все пойдетъ

за ладъ. Оври былъ, однако, обмануть въ ожиданіи: ибо, послѣ значительной проволочки, «убійственное рѣшеніе» объявлено было противъ него. Другой истецъ, по имени Иджертоиъ, жаловался, что двое изъ канцлерскихъ шакаловъ склонили его принести канцлеру въ подарокъ 400 ф. ст., и что, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ получить рѣшенія въ свою пользу. Очевидность этихъ фактовъ была поразительна. Друзья Бэкона могли только упросить палату приостановить свой приговоръ и отправить дѣло къ лордамъ, въ формѣ менѣе оскорбительной, нежели обвиненіе.

Девятнадцатаго марта король отправилъ къ общинамъ посланіе, выражая свое глубокое сожалѣніе, что столь высокое лицо, какъ канцлеръ, могло быть заподозрѣно въ дурномъ поступкѣ. Его величество объявлялъ, что вовсе не имѣетъ желанія прикрывать виновнаго отъ правосудія, и предлагалъ назначить для изслѣдованія дѣла новый родъ судилища, составленный изъ 18-ти комиссаровъ, выбранныхъ изъ членовъ обѣихъ палатъ. Общины не были расположены отступить отъ обычнаго образа дѣйствій. Въ тотъ же день онъ имѣли совѣщаніе съ лордами и передали главные пункты обвиненія противъ канцлера. При этомъ совѣщаніи Бэконъ не присутствовалъ. Удрученный стыдомъ и угрызеніемъ совѣсти и покинутый всѣми, на кого онъ по слабости возлагалъ свое упованіе, онъ затворился въ своей комнатѣ отъ глазъ людскихъ. Упадокъ его духа вскорѣ разстроилъ и его тѣло. Боккингамъ, посѣтившій Бэкона по приказанію короля, «нашелъ лорда весьма больнымъ и унылымъ». Изъ трогательнаго письма, которое несчастный человекъ адресовалъ къ перамъ, видно, что онъ не надѣялся и не желалъ пережить свой позоръ. Въ продолженіе многихъ дней онъ оставался въ постели, отказываясь видѣть какое-либо человѣческое существо. Онъ страстно просилъ окружающихъ — оставить его, позабыть объ немъ, никогда болѣе не произносить его имени, никогда не вспоминать, что былъ такой человекъ на свѣтѣ. Между тѣмъ новые случаи продажности доводились всякій день до свѣдѣнія его обвинителей. Число обвиненій быстро возрасло отъ двухъ до двадцати трехъ. Лорды входили въ разсмотрѣніе дѣла съ похвальною бодростью. Нѣкоторые свидѣтели были допрашиваемы у рѣшетки палаты. Назначенъ былъ избранный комитетъ для отобранія показаній прочихъ, и слѣдствіе шло быстро, какъ вдругъ, 26 марта, король отсрочилъ парламентъ на три недѣли.

Мѣра эта оживила надежды Бэкона. Онъ воспользовался, сколько могъ, этою короткою отсрочкою. Онъ пытался дѣй-

ствовать на слабый умъ короля. Онъ призывалъ на помощь всѣ сильнѣйшія чувства Іакова, его опасенія, его тщеславіе, его высокія понятія о прерогативѣ. Совершитъ ли Соломонъ своего времени столь грубую ошибку, чтобы ободрить притязательный духъ парламентовъ? Преклонится ли передъ шумною толпою помазанникъ Божій, отвѣтственный одному только Богу? «Тѣ, восклицалъ Бэконъ, которые посягаютъ теперь на канцлера, вскорѣ посягнуть на корону. Я — первая жертва. Желаю, чтобы я былъ и послѣдняя». Но все его краснорѣчіе и ловкость были тщетны. Дѣйствительно, чтобы м-ръ Монтэгу ня говорилъ, мы твердо убѣждены, что спасти Бэкона, не прибѣгая къ ибрамъ, которая потрясла бы государство, было не во власти короля. Корона не имѣла на парламентъ достаточнаго вліянія, чтобы добиться оправданія въ дѣлѣ, въ которомъ виновность была такъ ясна. И распустить парламентъ, который признавался всѣми однимъ изъ лучшихъ парламентовъ, когда-либо засѣдавшихъ, который дѣйствовалъ либерально и почтительно по отношенію къ государю и который пользовался въ высочайшей степени благосклонностью народа, — для того только, чтобы остановить серьезное, умѣренное и конституціонное изслѣдованіе личной подкупности перваго судьи въ королевствѣ, было бы ибромъ болѣе постыдною и нелѣпою, чѣмъ любая изъ навлекшихъ гибель на домъ Стюартовъ. Такая ибра была бы столько же пагубною для чести канцлера, какъ и уличеніе, а между тѣмъ подвергала бы опасности самое существованіе монархіи. Король, дѣйствуя по совѣту Вильямса, весьма дѣльно отказался вступать въ опасную борьбу съ своимъ народомъ для того только, чтобы спасти отъ законнаго приговора министра, котораго невозможно было спасти отъ безчестія. Онъ совѣтовалъ Бэкону повиниться, и обѣщалъ сдѣлать все, что было въ его власти, для смягченія наказанія. М-ръ Монтэгу крайне негодуетъ за это на Іакова. Но, хотя мы вообще весьма мало склонны восхищаться поступками этого государя, мы, дѣйствительно, думаемъ, что совѣтъ его Бэкону, судя по всѣмъ обстоятельствамъ, былъ наилучшимъ совѣтомъ, какой можно было дать.

Семнадцатаго апрѣля палаты снова собрались, и лорды возобновили свои изслѣдованія злоупотребленій суда государственной канцеляріи. Двадцать втораго числа Бэконъ приготовилъ къ перамъ письмо, которое принцъ Валлійскій согласился передать. Въ этомъ искусномъ и трогательномъ сочиненіи, канцлеръ сознавался въ винѣ своей, въ осторожныхъ и общихъ выраженіяхъ и, сознаваясь въ ней, старался въ то же время смягчить

ее. Этого, однако, судьи его не считали достаточнымъ. Они требовали болѣе точнаго признанія, и послали ему копію съ обвинительныхъ пунктовъ. Тридцатаго числа онъ подалъ записку, въ которой, съ малыми и неважными оговорками, допускалъ истину приведенныхъ противъ него обвиненій, и отдавалъ себя совершенно на произволъ перовъ. «Послѣ обдуманнаго разсмотрѣнія обвинительныхъ пунктовъ, говорилъ онъ, углубляясь въ собственную совѣсть и призывая къ отчету память мою, насколько я въ силахъ, и сознаюсь ясно и откровенно, что виновенъ въ продажности, и отказываюсь отъ всякой защиты».

Лорды рѣшили, что признаніе канцлера было, повидимому, полное и откровенное и отправили комитетъ, чтобъ узнать отъ него, было ли оно дѣйствительно подписано имъ самимъ. Депутаты, между которыми былъ Соутгамптонъ, общій другъ, много лѣтъ тому назадъ, Бэкона и Эссекса, исполнили обязанность свою съ большою деликатностью. Дѣйствительно, мученія такого духа и униженіе такого имени могли бы легко смягчить самыя неумолимыя натуры. «Милорды, сказалъ Бэконъ, это мое дѣло, моя рука, мое сердце. Я умоляю васъ, лорды, сжалясь надъ сломаннымъ тростникомъ». Они удалились; а онъ снова ушелъ въ свою комнату въ глубочайшемъ уныніи.

Въ слѣдующій день экзекуторъ и помощникъ церемоніймейстера палаты лордовъ пришли провожать его въ Вестминстеръ, гдѣ долженъ былъ быть произнесенъ приговоръ. Но они нашли Бэкона до того нездоровымъ, что онъ не могъ оставить постели; и эта причина его отсутствія была охотно принята. Ни на одной сторонѣ не замѣтно было ни малѣйшаго желанія увеличить его униженіе.

Приговоръ былъ, однако, строгій, тѣмъ болѣе строгій, безъ сомнѣнія, что лорды знали, что онъ не будетъ исполненъ, и имѣли превосходный случай выказать, дешевымъ образомъ, непреклонность своего правосудія и отвращеніе къ продажности. Бэконъ приговоренъ былъ къ уплатѣ 40 т. ф. ст. пени и къ заключенію въ Тоуэръ на время по произволу короля. Онъ объявленъ былъ неспособнымъ занимать какую-либо должность въ государствѣ или засѣдать въ парламентъ и удаленъ пожизненно отъ двора. Такимъ бѣдствіемъ и срамомъ кончилось это длинное поприще житейской мудрости и житейскаго благоденствія.

Даже въ этомъ случаѣ м-ръ Монтэгю не покидаетъ своего героя. Онъ, кажется, дѣйствительно думаетъ, что привязанность издателя должна быть такою же преданною, какъ и привязан-

ность влюбленных м-ра Мура; и не может понять назначеній биографіи,

«if't is not the same
Through joy and through torment, through glory and shame» (14)

Онъ увѣряетъ насъ, что Бэконъ былъ невиненъ, что онъ имѣлъ средства представить совершенно удовлетворительную защиту, что когда онъ «ясно и откровенно сознался, что былъ виновенъ въ продажности», и когда потомъ торжественно утверждалъ, что признаніе его было «его дѣломъ, его рукой, его сердцемъ», онъ говорилъ великую ложь, и удерживался отъ представленія доказательствъ своей невинности потому, что не смѣлъ ослушаться короля и его любимца, которые, ради личныхъ своихъ видовъ, понуждали его повиниться.

Но, во-первыхъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода думать, что, еслибъ Іаковъ и Боккингамъ полагали, что Бэконъ имѣетъ дѣльную защиту, они отклоняли бы его отъ представленія такой защиты. Что могло бы побудить ихъ къ этому? М-ръ Монтэю безпрестанно повторяетъ, что въ ихъ интересахъ было пожертвовать Бэкономъ. Но онъ упускаетъ изъ виду явное различіе. Въ интересахъ ихъ было пожертвовать Бэкономъ виновнымъ, но не безвиннымъ. Іаковъ весьма естественно не хотѣлъ подвергаться опасности, защищая своего канцлера противъ парламента. Но еслибъ канцлеръ въ состояніи былъ посредствомъ довода получить оправданіе отъ парламента, мы нисколько не сомнѣваемся, что какъ король, такъ и Вильгельсъ, душевно этому радовались бы. Они радовались бы не только изъ дружбы къ Бэкону, — которая, впрочемъ, кажется, была такъ же искренна, какъ и многія дружбы этого рода, — но изъ личныхъ побужденій. Ничто не могло бы усилить правительство болѣе, чѣмъ такая побѣда. Король и его любимецъ отступились отъ канцлера потому, что они не въ состояніи были отклонить его позора, и не хотѣли раздвѣять его. М-ръ Монтэю ошибочно принимаетъ дѣйствіе за причину. Онъ думаетъ, что Бэконъ не доказывалъ своей безвинности оттого, что не былъ поддержанъ дворомъ. Истина, очевидно, состоитъ въ томъ, что дворъ не посмѣлъ поддерживать Бэкона потому, что тотъ не могъ доказать своей безвинности.

(14) Если ова не остается неизмѣнною
Въ радости и въ горѣ, въ славѣ и срамѣ.

Далѣе, страннымъ кажется, что м-ръ Монтэю не замѣтилъ, что, стараясь защищать честь Бэкона, онъ въ дѣйствительности бросаетъ на нее гнуснѣйшее пятно. Онъ приписываетъ своему кумиру степень низости и испорченности, болѣе отвратительную, чѣмъ сама судейская продажность. Продажный судья можетъ имѣть многія хорошія качества. Но человѣкъ, который, чтобъ понравиться сильному покровителю, торжественно объявляетъ себя виновнымъ въ продажности, когда онъ увѣренъ въ своей невинности, долженъ быть чудовищемъ раболѣпія и безстыдства. Бэконъ, не говоря ничего о его высочайшихъ правахъ на уваженіе, былъ джентльменъ, нобльменъ, ученый, государственный дѣятель, человѣкъ, высоко уважаемый въ обществѣ, человѣкъ весьма пожилой. Возможно ли повѣрить, чтобы такой человѣкъ, въ угоду кому бы то ни было, самъ безвозвратно погубилъ свое доброе имя? Вообразите сѣдовласаго судью, обремененнаго годами и покрытаго почестями, который со слезами и трогательными завѣреніями сознается въ своемъ раскаяніи и чистосердечіи, сознается, что онъ виновенъ въ безстыдныхъ незаконныхъ дѣйствіяхъ; неоднократно и торжественно утверждаетъ истину своего признанія, подписываетъ его своей собственной рукою, покоряется уличенію, подвергается унижительному приговору и признаетъ его справедливостью, — и все это тогда, когда можетъ доказать, что поступки его безукоризненны! Этому нельзя вѣрить. Но, даже допуская справедливость этого, что должны мы думать о такомъ человѣкѣ, — если онъ только заслуживаетъ носить имя человѣка, — который, все, чѣмъ короли и ихъ любимцы могутъ награждать, считаетъ дороже чести, или все, чѣмъ они могутъ наказывать, — страшнѣе безестія?

Отъ этого позорнѣйшаго обвиненія мы вполне очищаемъ Бэкона. Онъ не имѣлъ никакой защиты; и усердное стараніе м-ра Монтэю составить для него защиту совсѣмъ не удалось.

Есть два основанія, на которыхъ м-ръ Монтэю опираетъ дѣло: первое, что приниманіе подарковъ было въ употребленіи, и, — что, по видимому, для него то же, — не было безчестнымъ; второе, что подарки эти не брались какъ взятки.

М-ръ Монтэю приводитъ многіе факты для поддержанія перваго своего положенія. Онъ не довольствуется показаніемъ, что многіе англійскіе судьи прежде принимали подарки отъ истцовъ, но собираетъ подобные примѣры у иностранныхъ народовъ и въ древнія времена. Онъ идетъ назадъ, къ греческихъ республикамъ, и старается насильно воспользоваться строкою Гомера и выраженіемъ Плутарха, которыя, мы думаемъ, врядъ ли могутъ служить его цѣли. Золото, о которомъ говоритъ Гомеръ,

не было назначено для подкупа судей, но платилось въ судъ въ пользу выигравшей тяжбу стороны; а награды, которыя Периклъ, по словамъ Плутарха, распределялъ между членами военныхъ судилищъ, были законнымъ жалованьемъ, выплачиваемымъ изъ общественнаго дохода. Мы можемъ снабдить м-ра Монтэю мѣстами гораздо болѣе рѣзкими. Гезиодъ, подвергшійся, подобно бѣдному Обри, «убійственному рѣшенію» суда г. Аскры, до того забылъ приличіе, что называлъ ученыхъ лица, предсѣдательствовавшія въ этомъ судилищѣ, *ραβίληας βίροφαγους* (15). Плутархъ и Діодоръ передали позднѣйшимъ временамъ почтенное имя Анита (16), Антемонова сына, перваго отвѣтчика, который, помимо всѣхъ предосторожностей, какія принципальность Солоня могла придумать, успѣлъ подкупить военныхъ судей. Мы дѣйствительно такъ далеки отъ того, чтобы завидовать м-ру Монтэю въ пособіи Греціи, что отдадимъ ему и Римъ въ придачу. Мы признаемъ, что почтенные сенаторы, судившіе Верра (17), получали подарки болѣе цѣнные, чѣмъ были помѣстья Юркъ-Гаусъ и Горгамбѣри, вмѣстѣ взятыя, и что не менѣе почтенные сенаторы и члены народнаго собранія, показавшіе вѣру въ *alibi* Клодія (18), получали еще болѣе необыкновенныя доказательства уваженія и благодарности со стороны отвѣтчика. Однимъ словомъ, мы охотно допускаемъ, что до бѣконовскаго времени и въ бѣконовское время судьи имѣли обыкновеніе получать подарки отъ истцовъ.

Но защита ли это? Мы не думаемъ. Грабительства Кака и Вараввы (19) нисколько не оправдываютъ грабежей Турпинна. Поступокъ двухъ негодяевъ, клятвенно свидѣтельствовавшихъ противъ жизни Набота (*), никогда не проводится въ оправданіе клятвопреступленій Отса и Данджерфильда. М-ръ Мон-

(15) «Властители, пожирающіе подарки.»

(16) Глава демократической партіи въ Аѣинахъ, свергнувшій владычество *тридцати*; впоследствии онъ былъ изгнанъ изъ Аѣинъ.

(17) Кай Корнелій Верръ 70 г. до Р. Х.) былъ обвиненъ въ разореніи провинціи Сициліи во время управленія его. Обвиненіе было защищаемо Цицерономъ.

(18) Публий Клодій Пульхеръ (62 г. до Р. Х.) былъ обвиненъ въ оскорбленіи богини *Vona Dea* тѣмъ, что переодевшись въ женское платье прокрадся на празднество этой богини. Онъ оправдался бытностью во время торжества въ другомъ мѣстѣ (*alibi*).

(19) Какъ — пастухъ, укравшій быка у Геркулеса и умерщвленный имъ (Лив. I, 7). — Варавва — разбойникъ, прощенный вмѣсто Иисуса. (Ев. Матѣ. 27, 17 и слѣд.)

(*) *Кн. Царствъ*, гл. 21.

тѣмъ смѣшиваетъ двѣ вещи, которыя тщательно слѣдуетъ отличать другъ отъ друга, если желаемъ составить правильное мнѣніе о характерахъ людей иныхъ странъ и иныхъ временъ. То обстоятельство, что безнравственный поступокъ, въ извѣстномъ обществѣ, считается обыкновенно невиннымъ, составляетъ достаточное оправданіе для отдѣльнаго лица, которое, будучи членомъ этого общества и усвоивши себѣ понятія его, совершаетъ этотъ поступокъ. Но обстоятельство, что множество людей имѣютъ обыкновеніе совершать безнравственные поступки, вовсе не оправданіе. Мы бы сочли несправедливымъ называть св. Людовика гнуснымъ человѣкомъ оттого, что въ тотъ вѣкъ, когда на вѣротерпимость смотрѣли какъ на грѣхъ, онъ преслѣдовалъ еретиковъ. Мы сочли бы несправедливымъ назвать друга Купера, Джона Ньютона, лицеизмомъ и извергомъ потому, что во времена когда на торгъ невольниками самые почтенные люди смотрѣли обыкновенно какъ на невинную и выгодную торговлю, онъ отправился въ Гвинею съ большимъ запасомъ молитвенниковъ и ручныхъ оковъ. Но то обстоятельство, что въ Лондонѣ 20 т. воровъ, не есть оправданіе для негодая, который схваченъ при взломѣ лавки. Никого нельзя хулить за то, что онъ не дѣлаетъ открытій по части морали, что не находитъ дѣйствительно дурнымъ того, что всякій иной считаетъ хорошимъ. Но если человѣкъ совершаетъ поступокъ, который и онъ и окружающіе признаютъ дурнымъ, въ такомъ случаѣ для него не служитъ оправданіемъ, что многіе другіе совершали тотъ же поступокъ. Намъ бы стыдно было терять такъ много времени на указаніе столь яснаго различія, еслибъ м-ръ Монтэгу, какъ кажется, не упустилъ его изъ виду.

Но приложимъ эти начала къ настоящему дѣлу; пусть м-ръ Монтэгу докажетъ, что, въ бѣконовское время, продѣлки, за которыя Бѣконъ былъ наказанъ, считались обыкновенно невинными; и тогда мы согласимся, что онъ рѣшилъ свою задачу. Не это трудная задача. Что эти продѣлки были обыкновенны — мы согласны. Но онѣ были обыкновенны какъ были и всегда будутъ обыкновенны всякія злодѣянія, къ которымъ побуждаютъ сильныя искушенія. Онѣ были обыкновенны точно такъ же, какъ всегда были обыкновенны воровство, обманъ, клятвопреступленіе, прелюбодѣяніе. Онѣ были обыкновенны не потому, чтобъ люди не знали, что было правымъ дѣломъ, но потому, что люди любили дѣлать то, что было неправымъ дѣломъ. Онѣ были обыкновенны, хотя запрещены закономъ. Онѣ были обыкновенны, хотя осуждены общественнымъ мнѣніемъ. Онѣ были обыкновенны оттого, что въ тотъ вѣкъ законъ и общественное мнѣ-

ніе въ совокупности не имѣли достаточной силы для обузданія алчности-могущественныхъ и безнравственныхъ блюстителей правосудія. Онѣ были обыкновенны, какъ обыкновеннымъ будетъ всякое преступленіе, когда прибыль, къ которой оно ведетъ, велика, а вѣроятность наказанія мала. Но будучи обыкновенными, онѣ повсемѣстно признавались нисколько неизвинительными; онѣ были въ высшей степени ненавистны; и, хотя многіе были въ нихъ виновны, но никто не смѣлъ публично въ нихъ сознаваться и оправдывать ихъ.

Мы могли бы представить тысячу доказательствъ, что мнѣніе, господствовавшее тогда относительно этихъ продѣлокъ, было такое, какимъ мы его описали. Но для насъ будетъ довольно сослаться на одного лишь свидѣтеля, честнаго Гугъ Латимера. Его проповѣди, сказанныя болѣе чѣмъ за 70 лѣтъ до изслѣдованія бѣконовскихъ поступковъ, изобилуютъ рѣзкими нападеніями на тѣ самые поступки, въ которыхъ Бѣконъ былъ виновенъ и которыхъ, какъ м-ръ Монтэгю по-видимому думаетъ, никто не считалъ достойными порицанія, пока Бѣконъ не былъ за нихъ наказанъ. Мы могли бы легко наполнить двадцать страницъ простымъ, но справедливымъ и рѣзкимъ краснорѣчіемъ славнаго стараго епископа. Мы изберемъ немногія мѣста, только какъ вѣрные образчики остальнаго. «*Omnes diligunt munera.*» Они всѣ любятъ взятки. Взятничество есть княжескій способъ воровать. Они хотятъ платы отъ богатаго, или за рѣшеніе противъ бѣднаго, или за то, чтобъ отложить дѣло бѣдняка. Это благородное воровство властителей и блюстителей правосудія. Они взятчники. Въ настоящее время они называютъ это приличными благодарностями. Сбросьте прикрасы съ этой благодарности, и называйте ее по имени — взятками.» Или: «Камбизъ былъ великій императоръ, неуступавшій нашему властелю. Онъ имѣлъ подъ собою многихъ лордовъ-депутатовъ, лордовъ-предсѣдателей и намѣстниковъ. Давно уже читалъ я исторію. Случилось, что онъ имѣлъ во власти, въ одномъ изъ своихъ владѣній, человѣка продажнаго, взятотника, угодника богачей; онъ бросался на подарки такъ же быстро, какъ бросаются на пудингъ; это былъ мастеръ въ своей мастерской, готовившій изъ своего сына великаго человѣка, какъ гласитъ старая поговорка: счастливо дитя, котораго отецъ знаетъ съ дьяволомъ. Вопль бѣдной вдовы дошелъ до ушей императора, вѣлѣвшаго вслѣдствіе того содрать кожу съ живаго судьи, и разложить ее на судейскомъ стулѣ, чтобы всѣ судьи, которымъ впоследствии придется судить, садились на той же кожѣ. Конечно, это была красивая вывѣска, красивый монументъ, —

вытѣска судейской кожи. Я молю Бога, чтобы мы когда-нибудь увидѣли такую кожу въ Англіи.» — «Я увѣренъ, — говорить онъ въ другой проповѣди, — что это scala inferni, прямой путь въ адъ — быть алчнымъ, брать взятки и извращать правосудіе. Еслибъ судья спрашивалъ меня о дорогѣ въ адъ, я бы показалъ ему эту дорогу. Вопервыхъ, пусть онъ будетъ алчнымъ чело-вѣкомъ; пусть сердце его заразится алчностью. Потомъ, пускай онъ идетъ немного дальше и беретъ взятки, и, наконецъ, извращаетъ правосудіе. Тутъ мать, и дочь и дочерина дочь. Корыстолюбіе есть мать: она поражаетъ взяточничество, а взяточничество — извращеніе судейскаго рѣшенія. Здѣсь для составленія полной компаніи не достаетъ четвертой вещи, которою, клянусь Богомъ, долженъ быть hangman tuum, тиборнскій галстукъ; и еслибъ дѣло шло о судѣ королевской скамьи, верховномъ судѣ Англіи, пусть — о самомъ лордѣ-канцлерѣ: на Тиборнѣ его.» Мы приведемъ еще одно только мѣсто. «Тотъ, кто бралъ взятки серебряными чашками и кружками, думаетъ, что это никогда не обнаружится. Но пусть же ему будетъ извѣстно, что я объ этомъ знаю, и я знаю объ этомъ не одинъ; кромѣ меня многіе знаютъ объ этомъ. О, взяточникъ и взяточничество! Тотъ никогда не былъ хорошимъ чело-вѣкомъ, который будетъ такъ брать взятки. И не могу я повѣрить, что взяточникъ будетъ хорошимъ судьей. Мнѣ никогда не будетъ весело въ Англіи, пока я насъ не будутъ кожи такихъ господъ. Ибо къ чему подкупы тамъ, гдѣ люди дѣлаютъ свое дѣло честно?»

Это былъ языкъ не великаго философа, сдѣлавшаго новыя открытія въ нравственной и политической наукѣ. Это была простая рѣчь простаго чело-вѣка, который вышелъ изъ массы народа, сильно симпатизировалъ его нуждамъ и чувствамъ, и смѣло высказывалъ его мнѣнія. За безстрашный способъ, какимъ смѣлый старикъ Гугъ обнаруживалъ злодѣянія людей въ горностаевыхъ пелеринкахъ и золотыхъ воротничкахъ, лондонцы рукоплескали ему, когда онъ проходилъ вдоль по Странду, чтобы сказать проповѣдь въ Байтголлъ, добивались прикоснуться къ его одеждѣ, и восклицали: «хорошенько ихъ, отецъ Латимеръ!» Ясно изъ мѣстъ, приведенныхъ нами и изъ пятидесяти другихъ, которыя мы могли бы привести, что, за долго еще до рожденія Бэкона, приниманіе судьейю подарковъ считалось дурнымъ и постыднымъ дѣломъ, что красивыя слова, подъ которыми было въ модѣ скрывать столь гнусныя продѣлки, даже тогда видны были насквозь простому народу, что разница, на которую на-пираетъ и-ръ Монтэгу, между вѣжливостями и взятками даже тогда осмѣивалась какъ чистая прикраса. Есть, пожалуй, нѣко-

торое ораторское преувеличеніе въ томъ, что говорить Латинкръ о тиборнскомъ галстухѣ и вывѣскѣ судейской кожи; но фактъ, что онъ смѣлъ употреблять такія выраженія, весьма достаточенъ для доказательства, что судьи, получающіе подарки, приниматели серебряныхъ чашъ и кружекъ, считались такими язвами общества, что почтенный богословъ могъ, безъ малѣйшаго нарушенія христіанскаго милосердія, публично молить Бога объ открытіи ихъ и соразмѣрномъ наказаніи.

М-ръ Монтэю говоритъ намъ весьма справедливо, что мы не должны переносить мнѣнія нашего вѣка въ прежній вѣкъ. Но онъ самъ сдѣлалъ большую ошибку, чѣмъ та, противъ которой онъ предостерегъ своихъ читателей. Безъ всякаго доказательства, — мало того, въ виду сильнѣйшаго противъ него доказательства, онъ приписываетъ людямъ прежняго вѣка рядъ мнѣній, которыхъ ни одинъ народъ никогда не держался. Но любая гипотеза болѣе вѣроятна въ глазахъ его, нежели то, чтобы Бэконъ могъ быть безчестнымъ человѣкомъ. Мы твердо увѣрены, что, найдись документы, которые бы неоспоримо доказали, что Бэконъ замѣшанъ былъ въ отравленіи сэра Томаса Овербери, м-ръ Монтэю и тогда сказалъ бы намъ, что въ началѣ XVII столѣтія не считалось предосудительнымъ со стороны человѣка класть мышьякъ въ супъ своихъ друзей, и что мы должны винить не Бэкона, но вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ.

Но зачѣмъ намъ прибѣгать къ какому-либо иному доказательству, когда само дѣлопроизводство противъ лорда Бэкона есть наилучшее въ этомъ случаѣ доказательство? Когда м-ръ Монтэю говоритъ намъ, что мы не должны переносить мнѣній нашего вѣка на бэконовское время, онъ, кажется, совсѣмъ забываетъ, что Бэконъ былъ обвиненъ, судимъ, уличенъ и приговоренъ людьми бэконовскаго же времени. Развѣ они не знали, каковы были ихъ собственныя мнѣнія? Неужели имъ неизвѣстно было, считали ли они приниманіе судьями подарковъ преступленіемъ, или нѣтъ? М-ръ Монтэю горько жалуется на то, что Бэкона склонили удержаться отъ представленія защиты. Но еслибъ защита Бэкона походила на защиту, составленную для него въ лежащемъ передъ нами томѣ, то не нужно было бы и беспокоить ея палаты. Лорды и общины не нуждались въ Бэконѣ для указанія ихъ внутреннихъ убѣжденій, для объясненія, что они не считаютъ совсѣмъ преступными такого рода проѣлки, въ какихъ они его обличили. Положеніе м-ра Монтэю можетъ по справедливости быть такъ выражено: это было весьма жестоко, что современники Бэкона полагали неправымъ съ его

сторонѣ дѣломъ то, что они не считали неправымъ дѣломъ. Дѣйствительно жестоко; и притомъ нѣсколько невѣроятно. Скажетъ ли кто-либо, что общины, обвинявшія Бэкона за прини- маніе подарковъ, и лорды, присуждавшіе его къ пени, заклю- ченію и лишенію правъ за приниманіе подарковъ, не знали, что приниманіе подарковъ было преступленіемъ? Или, скажетъ-ли кто-либо, что Бэконъ не зналъ о томъ, что извѣстно было всей палатѣ общинъ и всей палатѣ лордовъ? Кто не готовъ поддер- живать одно изъ этихъ нечлѣпныхъ положеній, тотъ не можетъ отвергать, что Бэконъ совершилъ то, что онъ считалъ преступ- леніемъ.

Нельзя утверждать, что палаты искали случая погубить Бэ- кона, и что онъ поэтому подвели его подъ наказаніе по обви- неніямъ, которыя онъ сами полагали маловажными. Нигдѣ не было ни малѣйшаго признака расположенія поступать съ нимъ жестоко. Во всемъ судопроизводствѣ не было никакого слѣда личной злобы или ожесточенія партій въ которой-нибудь изъ палатъ. Дѣйствительно, мы смѣло скажемъ, что ни одинъ го- сударственный процессъ въ нашей исторіи не дѣлаетъ больше чести всѣмъ, принимавшимъ въ немъ участіе, какъ слѣдвате- лямъ, такъ и судьямъ. Приличіе, достоинство, духъ обществен- ной пользы, правосудіе, смягченное, но неослабленное состраданіемъ, которыя видны были во всѣхъ частяхъ дѣлопроизводства, сдѣлали бы честь самымъ почтеннымъ общественнымъ дѣателямъ нашихъ временъ. Обвинители, исполняя свою обязанность от- носительно своихъ довѣрителей обнаруженіемъ злодѣяній канц- лера, говорили съ удивленіемъ о многихъ его высокихъ каче- ствахъ. Лорды, осуждая его, восхваляли его за откровенность признанія, и избавили его отъ униженія явиться публично у ихъ рѣшетки. Такъ сильно сообщалось хорошее расположеніе, что даже сэръ Эдуардъ Кокъ, первый разъ въ своей жизни, велъ себя какъ джентльменъ. Ни одинъ преступникъ никогда не имѣлъ болѣе умѣренныхъ слѣдователей, какъ Бэконъ. Никакой пре- ступникъ никогда не имѣлъ болѣе благосклонныхъ судей. Если онъ былъ уличенъ, такъ это потому, что невозможно было оправдать его, не нанося грубѣйшаго оскорбленія правосудію и здравому смыслу.

Другой аргументъ м-ра Монтэгу, именно, что Бэконъ, хотя бралъ подарки, но не бралъ взятокъ, кажется намъ столь же ничтожнымъ, какъ и тотъ, когорый мы разсматривали. Дѣйст- вительно, мы могли бы довольствоваться тѣмъ, что предоставили бы отвѣчать на это доказательство самому простому человѣку изъ числа нашихъ читателей. Демосокенъ съ презрѣніемъ упо-

миналъ объ этомъ жемудри болѣе нежели 2000 лѣтъ тому назадъ. Латимеръ отзывался о томъ же съ такимъ пренебреженіемъ: «Сбросьте прикрасы, говорилъ онъ, и называйте эти вещи ихъ именемъ — взятками.» Надобно замѣтить, что м-ръ Монтэгу старается, нѣсколько невѣрно, уподобить подарки, какіе получалъ Бэконъ, возмездіямъ, которыя истцы платили членамъ французскихъ парламентовъ. Французскій блюститель правосудія имѣлъ законное право на это вознагражденіе; и величина награды была установлена закономъ. Вопросъ не въ томъ, хорошъ ли этотъ способъ вознаграждать судей. Но какое сходство между платами этого рода и подарками, какіе получалъ Бэконъ, подарками, которые не были утверждены закономъ, которые не дѣлались въ глазахъ всѣхъ и которыхъ размѣръ устанавливался только частной сдѣлкой между судьей и истцомъ?

Наконецъ, это чистая насмѣшка говорить, что Бэконъ не думалъ поступать подкупно, такъ какъ онъ пользовался содѣйствіемъ значительныхъ людей, епископовъ, тайныхъ совѣтниковъ и членовъ парламента; какъ будто вся исторія этого поколѣнія не наполнена низкими поступками высокихъ лицъ; какъ будто это неизвѣстно, что люди, столь же высоко стоявшіе, какъ и любяя изъ чучель, которыхъ Бэконъ употреблялъ въ дѣло, сводничали Сомерсету, и отправили Оверверри.

«Но, говорить м-ръ Монтэгу, подарки эти дѣлались открыто и всенародно.» Это было бы дѣйствительно сильнымъ аргументомъ въ пользу Бэкона. Но мы отвергаемъ этотъ фактъ. Въ одномъ, и лишь въ одномъ изъ случаевъ, гдѣ Бэконъ обвинялся въ полученіи подарковъ подкупно, оказывается, что онъ получилъ подарокъ публично. Это было въ дѣлѣ, возникшемъ между обществомъ аптекарей и обществомъ москотельщиковъ. Бэконъ, въ признаніи своемъ, сильно нациралъ на то, что въ этомъ случаѣ онъ взялъ подарокъ публично, какъ на доказательство, что не взялъ его подкупно. Но ясно ли, что, еслибъ онъ бралъ подарки, упомянутые при другихъ обвиненіяхъ, такимъ же публичнымъ образомъ, онъ опирался бы на это обстоятельство въ отвѣтъ на обвиненія? Фактъ, что онъ настаиваетъ такъ сильно на публичности одного особеннаго подарка, есть самъ-по-себѣ достаточное доказательство, что другіе подарки взяты были не публично. Ясно, отчего онъ этотъ подарокъ взялъ публично, остальные тайно. Онъ въ этомъ случаѣ дѣйствовалъ открыто, потому что дѣйствовалъ честно. Онъ въ этомъ случаѣ не засѣдалъ судебнымъ образомъ. Онъ приглашенъ былъ для того, чтобы произвести между двумя сторонами дружескую

нум сдѣлку. Обѣ были довольны его рѣшеніемъ. Обѣ соединилось сдѣлать ему подарокъ въ вознагражденіе за его хлопоты. Было ли совсѣмъ деликатно со стороны челоуѣка въ его положеніи принимать подарокъ при такихъ обстоятельствахъ, можетъ подлежать вопросу. Но нѣтъ никакого основанія въ этомъ случаѣ обвинять его въ продажности.

Къ несчастью, тѣ самыя обстоятельства, которыя доказываютъ его безвинность въ этомъ случаѣ, доказываютъ, что онъ виновенъ былъ въ прочихъ. Одинъ разъ, и только одинъ разъ, онъ показываетъ, что получилъ подарокъ публично. Изъ этого естественно слѣдуетъ, что во всѣхъ прочихъ случаяхъ, упомянутыхъ въ приведенныхъ противъ него пунктахъ, онъ получалъ подарки тайно. Разсматривая единственный случай, въ которомъ онъ показываетъ, что получилъ подарокъ публично, мы находимъ, что это также и единственный случай, гдѣ не было грубой предосудительности въ полученіи подарка. Возможно ли тогда сомнѣваться, что причина къ неприниманію имъ прочихъ подарковъ такимъ же публичнымъ образомъ была та, что вниманіе ихъ онъ считалъ дѣломъ неправоымъ? Остается еще одинъ аргументъ, съ-виду правдоподобный, но легко допускающій полное опроверженіе. Два главные просителя, Оври и Мджертонъ, оба сдѣлали канцлеру подарки. Но онъ рѣшилъ противъ нихъ обоихъ. Поэтому, онъ не получилъ этихъ подарковъ въ видѣ подкуповъ. «Жалобы его обвинителей заключались, говорить и-ръ Монтэгю, не въ томъ, что подарки имѣли, но въ томъ, что они не имѣли вліянія на приговоръ Бэкона, — такъ какъ онъ рѣшилъ противъ дарителей.»

Дѣло въ томъ, что этимъ именно путемъ и открывается обыкновенно обширная система подкуповъ. Нисколько не вѣроятно, чтобы челоуѣкъ, получившій посредствомъ подкупа рѣшеніе въ свою пользу, выступалъ произвольно обвинителемъ. Онъ доволенъ. Онъ имѣетъ свое *quid pro quo*. Его не заставляютъ ни корыстныя, ни мстительныя побужденія выводить эту сдѣлку передъ публику. Напротивъ, у него такіе же сильные поводы къ сдерживанію своего языка, какіе можетъ имѣть и самъ судья. Но когда судья беретъ взятки, какъ, мы думаемъ, бралъ ихъ Бэконъ, въ обширномъ размѣрѣ, и имѣетъ многихъ агентовъ, высматривающихъ всюду добычу, то случается иногда, что онъ получаетъ взятку съ обѣихъ сторонъ. Случается иногда, что онъ получаетъ деньги отъ истцовъ, которые столь явно неправы, что онъ не можетъ, съ соблюденіемъ приличія, сдѣлать что-либо въ ихъ пользу. Такимъ образомъ онъ кое-когда принужденъ будетъ произвести рѣшеніе противъ лица, отъ кото-

раго получилъ подарокъ, и дѣлаетъ это лицо своимъ смертельнымъ врагомъ. Цѣлыя сотни людей, получившихъ то, за что они заплатили, остаются покойны. Шумятъ лишь двое или трое, которые заплатили и не могутъ похвастаться покупкой.

Извѣстный случай Гоэзмановъ служитъ тому примѣромъ. Бомарше имѣлъ важный процессъ, поступившій на разсмотрѣніе парижскаго парламента. Г-нъ Гоэзманъ былъ судьей, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло рѣшеніе. Сдѣланъ былъ намекъ Бомарше, что г-жу Гоэзманъ можно бы умилоствивить подаркомъ. Бомарше предложилъ кошелекъ съ золотомъ барынь, которая приняла это весьма любезно. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что эти вещи никогда не были бѣ извѣстны свѣту, еслибѣ рѣшеніе суда было въ пользу Бомарше. Но онъ проигралъ свое дѣло. Почти вся сумма, которую онъ истратилъ на подкупы, была немедленно возвращена; и тѣ, которые провели его, вѣроятно, думали, что онъ не захочетъ, ради одного угожденія своей злобѣ, разглашать сдѣлку, которая была бесчестна какъ съ его, такъ и съ ихъ стороны. Они его мало знали. Онъ вскорѣ научилъ ихъ проклинать день, въ который они посмѣли шутить съ человѣкомъ столь истительнаго и бурнаго характера, такого неустрашимаго безстыдства и такихъ превосходныхъ способностей къ полемикѣ и сатирѣ. Онъ заставилъ парламентъ наложить на Гоэзмана унизительное клеймо. Онъ засадилъ г-жу Гоэзманъ въ монастырь. И до той минуты, когда уже было слишкомъ поздно остановиться, его возбужденныя страсти не дали ему вспомнить, что онъ могъ погубить ихъ только разглашеніями гибельными для него самого. Мы могли бы представить другіе примѣры. Но этого не нужно. Каждый, хорошо знакомый съ человѣческой натурою, непременно увидитъ, что, еслибѣ ученіе, за которое ратуетъ м-ръ Монтэгу, было допущено, общество лишилось бы почти единственной возможности, какую оно имѣетъ, открывать сдѣлки продажныхъ судей.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Приговоръ Бэкона едва только былъ произнесенъ, какъ тутъ же былъ и снягченъ. Онъ, правда, отправленъ былъ въ Тоуэръ. Но это была только формальность. Черезъ два дня онъ былъ освобожденъ и вскорѣ потомъ, удалился въ Гогамбѣръ. Корона скоро избавила его отъ пени. Затѣмъ ему дозволено было являться ко двору; и наконецъ, въ 1624 году, и остальное его наказаніе было сложено. Онъ могъ снова занять мѣсто въ палатѣ лордовъ и былъ дѣйствительно призванъ въ слѣдующій парламентъ. Но лѣта, немощь и, пожалуй, стыдъ, воспрепятствовали ему присутствовать. Пра-

ительство назначило ему пенсіонъ въ 1200 £. ст. въ годъ; а весь его годичный доходъ считаетъ м-ръ Монтэгу въ 2500 £. ст., — сумма, которая была, вѣроятно, выше средней цѣны дохода нобльмена того поколѣнія, и была, конечно, достаточна для комфорта и даже для блеска. Къ несчастію, Бэконъ любилъ наружный блескъ и не привыкъ входить въ подробности домашняго хозяйства. Его не легко можно было уговорить отказаться отъ какой-либо части великолѣпія, съ которымъ онъ свыкся во время своего могущества и благоденствія. Никакой гнетъ нужды не могъ заставить его разстаться съ лѣсами Горгамбера. «Я не хочу, говорилъ онъ, быть ошипану.» Онъ путешествовалъ съ такимъ пышнымъ парадомъ и съ такою многочисленною свитою, что принцъ Карлъ, встрѣтившійся съ нимъ однажды на дорогѣ, воскликнулъ съ удивленіемъ: «Что мы ни дѣлай, намъ не сбить спеся съ этого человѣка.» Эта безпечность и чванство часто доводили Бэкона до стѣснительнаго положенія. Онъ принужденъ былъ разстаться съ Йоркъ-Гаусомъ, и, на время своихъ посѣщеній Лондона, поселяться въ прежней своей квартирѣ въ Gray's Inn. У него были другія огорченія, сущность которыхъ въ точности неизвѣстна. Изъ его духовнаго завѣщанія видно, что нѣкоторые поступки жены много его расстраивали и раздражали.

Но при всѣхъ его денежныхъ затрудненіяхъ или супружескихъ непріятностяхъ, умственныя силы его все-таки не ослабѣвали. Тѣ благородныя ученныя занятія, для которыхъ онъ находилъ досугъ среди трудовъ по своему званію и придворныхъ интригъ, придали послѣднему грустному періоду его жизни достоинство выше того, какимъ могли бы надѣлать власть или титулы. Обвиненный, уличенный, осужденный, удаленный съ позоромъ отъ лица своего государя, исключенный изъ совѣщаній своихъ благородныхъ товарищей, обремененный долгами, заклеянный безчестіемъ, изнемогающій подъ бременемъ лѣтъ, горестей и недуговъ, Бэконъ все-таки былъ Бэкономъ. «Мое мнѣніе объ его личности, — прекрасно говоритъ Бенъ Джонсонъ, — никогда не возвышалось его мѣстомъ или титулами; но я уважалъ и уважаю его за величіе, которое было свойственно ему самому; въ этомъ онъ всегда казался мнѣ однимъ изъ величайшихъ и достойнѣйшихъ удивленія людей. Въ его злополучіи я всегда молилъ, чтобы Богъ надѣлилъ его крѣпостью; ибо въ величіи онъ не могъ нуждаться.»

Услуги, какія Бэконъ оказывалъ литературѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ своей жизни, среди десяти тысячъ помѣхъ и огорченій, увеличиваютъ сожалѣніе, съ какими мы размыш-

яемъ о многихъ годахъ, потриченныхъ имъ, говоря словами сэра Томаса Бодли, «на изученіе того, что было недостойно такого учащагося.» Онъ началъ сборникъ английскихъ законовъ, исторію Англiи при государяхъ изъ дома Тюдоровъ, руководство къ естественной исторiи, философскій романъ. Онъ дѣлалъ обширныя и драгоценныя прибавленія къ своимъ «*Опыткамъ*.» Онъ издалъ безцѣнный трактатъ «*De Augmentis Scientiarum*.» Самыя бездѣлицы, какими онъ забавлялся въ часы горя и расслабленія, носятъ отпечатокъ его ума. Лучшее въ мірѣ собраніе остроумствъ есть то, которое онъ диктовалъ на память, не прибѣгая ни къ какой книгѣ, въ то время, когда болѣзнь сдѣлала его неспособнымъ къ серьезному занятію.

Великому апостолу опытной философіи суждено было сдѣлаться ея мученикомъ. Ему пришло въ голову, что свѣтъ можно бы употребить съ пользою для предохраненія животныхъ веществъ отъ гніенія. Въ весьма холодный день, въ началѣ весны 1626 года, онъ вышелъ изъ своей кареты близъ Гайгета, для того, чтобъ сдѣлать опытъ. Онъ зашелъ на мызу, купилъ птицу и собственными руками набивалъ ее свѣгомъ. Во время этого занятія онъ вдругъ почувствовалъ ознобъ и вскорѣ до того сдѣлался нездоровъ, что не могъ возвратиться въ Gray's Inn. Графъ Арондель, съ которымъ онъ былъ хорошо знакомъ, имѣлъ домъ у Гайгета. Бэконъ былъ отправленъ въ этотъ домъ. Графъ былъ въ отсутствіи; но прислуга, которой порученъ былъ домъ, обнаружила большое уваженіе и вниманіе къ знаменитому гостю. Здѣсь, послѣ болѣзни, продолжавшейся около недѣли, онъ скончался рано утромъ въ день Пасхи 1626 года. Его умъ сохранилъ, повидимому, до конца свою силу и живость. Онъ не позабылъ птицы, которая причинила его смерть. Въ послѣднемъ письмѣ, писанномъ пальцами, не бывшими въ состояніи, какъ онъ говорилъ, твердо держать пера, онъ не забылъ упомянуть о томъ, что опытъ со свѣгомъ «удался отлично хорошо.»

Наше мнѣніе о нравственномъ характерѣ этого великаго человека было уже достаточно высказано. Еслибъ жизнь его проведена была въ литературномъ уединеніи, то, по всей вѣроятности, онъ удостоился бы считаться не только великимъ философомъ, но почтеннымъ и добродушнымъ членомъ общества. Но ни принципы его, ни нравъ его не были такого рода, чтобъ имъ можно было довѣряться, когда приходилось бороться съ сильными искушеніями и презирать серьезныя опасности.

Въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ съ особенною краткостью, энергіею, достоинствомъ и пафосомъ выражалъ груст-

ное сознание, что дѣйствія его были не таковы, чтобы дать ему право на уваженіе тѣхъ, на глазахъ которыхъ прошла его жизнь, и, въ то же время, высказывалъ гордую увѣренность въ томъ, что его сочиненія упрочили за нимъ высокое и всегдашнее мѣсто между благодѣтелями человечества. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы понимаемъ тѣ разительныя слова, которыя часто приводились, но которыя мы должны привести еще разъ: «Что касается имени моего и памяти, то я предоставляю это благосклонному обсужденію людей, чужеземнымъ народамъ и слѣдующему вѣку.»

Его увѣренность была основательная. Со дня его смерти, слава его постоянно возрастала; и мы нисколько не сомнѣваемся, что имя его будетъ передаваться съ благоговѣніемъ позднѣйшимъ вѣкамъ и отдаленнѣйшимъ краямъ образованнаго міра.

Главная особенность Бэконовой философіи, кажется намъ, та, что она имѣла свою цѣлью вещи совсѣмъ различныя отъ тѣхъ, которыя были задачею его предшественниковъ. Это была его собственное мнѣніе. «*Finis scientiarum, non bene positus est*» (20). «*Omnium gravissimus error in deviatione ad ultimo doctrinarum fine consistit*» (21). «*Nec ipsa meta, quod sciam, mortalium posita est et defixa*» (22). Чѣмъ тщательнѣе разсматриваются его произведенія, тѣмъ яснѣе, мы думаемъ, окажется, что въ этомъ былъ истинный ключъ къ цѣлю его системъ, и что онъ употреблялъ не тѣ способы, какіе употреблялись другими философами, потому что желалъ достигнуть цѣли совсѣмъ иной.

Что же это была за цѣль, которую предположилъ себѣ Бэконъ? Это было, употребляя его собственное выразительное слово, «плодъ». Это было умноженіе человѣческихъ наслажденій и облегченіе человѣческихъ страданій. Это было «облегченіе людской доли» (24). Это было «*commodis humanis inservire*» (25). Это было «*efficaciter operari ad sublevanda vitae humanae*

(20) «Цѣль наукъ никѣмъ еще не установлена.» — «*Novum Organum*», Lib I Aph. 81.

(21) «Наиболѣе тяжкое общее заблужденіе состоитъ въ непониманіи конечной цѣли наукъ.» — «*De Augmentis*», Lib. 1.

(22) «Да и самая цѣль эта, — сколько знаю, — ни для кого изъ смертныхъ не открыта еще и не установлена.» — «*Cogitata et visa*.»

(23) «*Advancement of Learning*», Book 1.

(24) «Способствовать удобствамъ жизни человѣческой.» — «*De Augmentis*» Lib. 7 Cap. 1.

incommoda» (24). Это было «*dotare vitam humanam novis inventis et copiis*» (25). Это было «*genus humanum novis operibus et potestatibus continuo dotare*» (26). Это былъ предметъ всѣхъ его умозрѣній во всякой области науки, въ естествознаніи, въ законовѣдѣніи, въ политикѣ, въ этикѣ.

Два слова образуютъ ключъ ученія Бэкона: польза и прогрессъ. Древняя философія презирала быть полезною, довольствовалась быть неподвижною. Она усердно занималась теоріями нравственнаго совершенства, которыя до того были возвышенны, что никогда не могли быть ничѣмъ болѣе, какъ теоріями, попытками разрѣшить неразрѣшимыя загадки, увѣщаніями достигать недостижимыхъ состояній духа. Она не могла понизиться до скромной роли — служить благосостоянію людей. Всѣ философскія школы презирали эту роль, какъ унижительную; нѣкоторыя порицали ее, какъ безнравственную. Однажды, правда, Поссидоній, замѣчательный писатель временъ Цицерона и Цезаря, до того забылся, что къ высшимъ благодѣяніямъ, какими человечество одолжено философамъ, причислялъ открытіе теоріи арки и введеніе употребленія металловъ. Эта похвала была признана оскорбленіемъ и подверглась живымъ нападкамъ. Сенекка съ жаромъ отвергаетъ эти оскорбительные комплименты (*). Во все не дѣло философамъ, по его мнѣнію, учить людей воздвигать надъ собою крыши со сводами. Истинный философъ не заботится о томъ, имѣть ли онъ крышу со сводами, или какую бы то ни было крышу. Во все не дѣло философамъ учить людей употребленію металловъ. Она учить насъ быть независимыми отъ всякаго матеріальнаго вещества, отъ всякаго механическаго изобрѣтенія. Мудрый человекъ живетъ согласно съ природою. Вмѣсто того, чтобъ стараться объ умноженіи физическихъ удобствъ жизни, онъ жалѣетъ о томъ, что жребій его не выпалъ въ тотъ золотой вѣкъ, когда родъ человеческій не имѣлъ другой защиты отъ холода, кромѣ кожъ дикихъ звѣрей, и иной охраны отъ солнца, кромѣ пещеры. Приписывать такому человеку какое-либо участие въ изобрѣтенія или усовершенствованіи плуга, корабля или мельницы — есть оскорбленіе. «Въ мое

(24) «Дѣйствительно способствовать устраненію тягостей жизни человеческой» — «*De Augmentis*» Lib. 2, Cap. 2.

(25) «Одарить человеческую жизнь новыми изобрѣтеніями и благами». — «*Novum Organum*» Lib. I Aph. 81.

(26) «Непрерывно одарять родъ человеческій новыми твореніями и силами». — «*Cogitata et visa*».

(*) Seneca, Epist. 90.

время, говорить Сенека, были изобрѣтенія этого рода: прозрачныя окна, трубы для распространенія теплоты равномерно во всѣхъ частяхъ строенія, скоропись, которая доведена была до такого совершенства, что пишущій можетъ идти наравнѣ съ самымъ быстрымъ ораторомъ. Но изобрѣтать такія вещи составляетъ трудъ самыхъ низкихъ рабовъ; философія лежитъ глубже. Не ея дѣло учить людей употребленію рукъ. Предметомъ ея ученій есть образованіе души. «Non est, inquam, instrumentorum ad usus necessarios opifex» (27). Еслибъ *non* было выпущено, то послѣдняя фраза была бы не дурнымъ изображеніемъ Бэконовою философія, и дѣйствительно, походила бы весьма много на нѣкоторыя выраженія въ «*Novum Organum*». «Намъ, пожалуй, еще скажутъ, восклицаетъ Сенека, что первый башмачникъ былъ философъ». Съ нашей стороны, если бы мы были принуждены сдѣлать выборъ между первымъ башмачникомъ и авторомъ трехъ книгъ о гнѣвѣ, мы объявили бы себя въ пользу башмачника. Пожалуй, сердиться хуже, чѣмъ промокнуть. Но башмаки предохраняли миллионы людей отъ сырости; а мы сомнѣваемся, удержалъ ли Сенека кого-либо отъ гнѣва.

Весьма лишь неохотно можетъ быть доведенъ Сенека до признанія, что какой-либо философъ обращалъ малѣйшее вниманіе на вещь, которая могла бы сколько-нибудь способствовать тому, что простой народъ считалъ бы благосостояніемъ человѣчества. Онъ трудится надъ тѣмъ, чтобъ оправдать Демокрита отъ постыднаго обвиненія въ построеніи первой арки, и Анахарсиса отъ обвиненія въ изобрѣтеніи гончарнаго станка. Онъ принужденъ сознаться, что такого рода вещь могла случиться; и можетъ тоже случиться, говорить онъ намъ, что философъ будетъ скороходъ. Но не лежитъ въ его характеръ, какъ философа, чтобы онъ или выигрывалъ пари при бѣганьи въ запуски, или изобрѣталъ машину. Конечно, нѣтъ. Дѣломъ философа было: съ двумя миллионами стерлинговъ, отданными въ ростъ, декламировать похвалы бѣдности, обдумывать эпиграмматическія фантазіи о злѣ роскоши, въ садахъ, возбуждавшихъ зависть государей; говорить высокопарно о свободѣ, лѣстя наглѣмъ и развѣженнымъ отпущенникамъ тирана; прославлять божественную красоту добродѣтели тѣмъ самымъ перомъ, которое только-что предъ тѣмъ писало въ защиту смертоубійства, совершеннаго сыномъ надъ матерью.

(27) «Она не есть приготовительница необходимыхъ для общаго употребленія орудій».

Отъ презрѣтства этой философіи, гордящейся своею бесполезностью, пріятно возвратиться къ урокамъ великаго англійскаго учителя. Мы почти можемъ простить всѣ недостатки Бэконовой жизни, читая это особенно прелестное и достойное мѣсто. «Ego certe, ut de me ipso, quod res est, loquar, et in iis quae nunc edo, et in iis quae in posterum meditor, dignitatem ingenii et nominis mei, si qua sit, saepius et volens projicio, dum commodis inserviam; quique architectus fortasse in philosophia et scientiis esse debeam, etiam operarius, et bajulus, et quidvis demum fio, cum haud pauca quae omnino fieri necesse sit, alii autem ob innatam superbiam, subterfugiant, ipse sustineam et exsequar.»⁽²⁸⁾ Эта *филактрица*, которая, какъ онъ говорилъ въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ первыхъ писемъ своихъ, «до того укрѣплялась въ его духѣ, что ее нельзя было удалить», — это величественное смиреніе, эта увѣренность, что въ глазахъ мудреца ничто недостаточно важное, чтобы доставить удовольствіе или страданіе послѣдному изъ людей, не можетъ быть слишкомъ незначительнымъ, — есть великая характеристическая черта, существенное свойство философіи Бэкона. Мы находимъ эту мысль во всемъ, что Бэконъ писалъ о естествовѣдѣніи, законахъ, морали. И думаемъ, что изъ этой особенности проистекли прямо и почти необходимо всѣ прочія особенности его системы.

Духъ, которымъ проникнуто то мѣсто Сенеки, на которое мы ссылались, заражалъ всю древнюю философію, со времени Сократа и овладѣлъ умами, съ которыми умъ Сенеки не можетъ и на мгновеніе сравниться. Имъ провиннуты діалоги Платона. Его слѣды можно видѣть ясно во всѣхъ частяхъ произведеній Аристотеля. Бэконъ дѣлаетъ намеки, изъ которыхъ можно заключить, что, по его мнѣнію, преобладаніе этого чувства слѣдовало въ значительной степени приписать влиянію Сократа. Нашъ великій соотечественникъ, очевидно, не смотрѣлъ на переворотъ, произведенный въ философіи Сократомъ,

⁽²⁸⁾ Я, по крайней мѣрѣ, — чтобы говорить о себѣ дѣло, — въ томъ, что теперь издано, и въ томъ, что готовлю въ будущемъ, сознательно и охотно жертвую достоинствомъ своего ума и имени — если таковое у меня есть. Тамъ, гдѣ въ наукахъ и философіи мнѣ слѣдовало бы, можетъ быть, быть архитекторомъ, я буду вмѣстѣ съ тѣмъ работникомъ, носильщикомъ и чѣмъ угодно, такъ какъ я возьму на себя и исполню многое изъ того, что непременно должно быть сдѣлано и чего бѣгутъ другіе, вслѣдствіе врожденной имъ гордости.» — «*De Augmentis*» Lib. 7. Cap. I.

какъ на счастливое событіе, и постоянно утверждалъ, что прежніе греческіе мыслители, въ особенности Демокритъ, были, судя по всему, выше своихъ болѣе прославленныхъ преемниковъ ^(а).

Конечно, если судить о деревѣ, которое сажалъ Сократъ и поливалъ Платонъ, по его цвѣтамъ и листьямъ, то оно красивѣйшее изъ деревьевъ. Но если мы примѣняемъ къ двлу простую пробу Бэкона, если судимъ о деревѣ по его плодамъ, то мнѣніе наше объ этомъ деревѣ можетъ, пожалуй, быть менѣе выгоднымъ. Если сложить всѣ полезныя истины, которыми мы обязаны этой философіи, то до чего дойдетъ ихъ итогъ? Мы находимъ, дѣйствительно, обильныя доказательства, что нѣкоторые изъ занимавшихся этою философіею были люди первокласснаго ума. Мы находимъ въ ихъ произведеніяхъ безподобные образчики какъ діалектическаго, такъ и риторическаго искусства. Мы нисколько не сомнѣваемся, что полемика древнихъ была настолько полезна, насколько она служила къ упражненію способностей спорящихъ; ибо вѣтъ столь пустой полемики, которая бы не была полезна въ этомъ отношеніи. Но когда мы ищемъ чего-нибудь большаго, чего-нибудь умножающаго удобства человѣческаго рода или облегчающаго его бѣдствія, тогда мы принуждены признаться разочарованными. Мы принуждены сказать вмѣстѣ съ Бэкономъ, что эта прославленная философія не привела ни къ чему, кромѣ словопренія, что она не была ни виноградникомъ, ни оливковой плантаціею, а запутаннымъ лѣсомъ изъ шиповника и волчка; блуждавшіе въ этомъ лѣсу выносили много царапинъ, но никакой пищи ^(б).

Мы охотно признаемъ, что нѣкоторые изъ учителей этой безплодной мудрости были изъ числа величайшихъ людей, какихъ свѣтъ когда-либо видѣлъ. Если мы допускаемъ справедливость Бэконова порицанія, то допускаемъ это съ сожалѣніемъ, похожимъ на то, какое чувствовалъ Дантъ, когда узналъ о судьбѣ тѣхъ знаменитыхъ язычниковъ, которые обречены были на пребываніе въ первомъ кругѣ ада:

«Gran duol mi prese al cuor quando lo'ntesi,
Perocché gente di molto valore
Conobbi che'n quel limbo eran sospesi» ^(в).

(а) «*Novum Organum*», Lib. I. Aph. 71. 79. — «*De Augustinis*», Lib. 3. Cap. 4. — De principiis, atque originibus. — «*Cogitata et visa*», Redargutio philosophiarum.

(б) «*Novum Organum*», Lib. I. Aph. 73.

(в) «Отъ этихъ словъ, глубокая скорбь сжала мое сердце: здѣсь страдали мужи высокаго достоинства въ неизвѣстности о будущей участи.» Данте: «Адъ», IV, 43 — 45.

Но въ сущности само удивленіе, которое мы чувствуемъ къ великимъ философамъ древности, заставляетъ насъ принять то мнѣніе, что ихъ умственныя силы были систематически дурно направлены. Ибо какъ же иначе могло бы случиться, чтобъ подобныя способности столь мало сдѣлали для человѣчества? Пѣшеходъ можетъ обнаружить столько же мускульной силы на ступальной мельницѣ, сколько и на большой дорогѣ. Но на дорогѣ сила его навѣрное унесетъ его впередъ, а на ступальной мельницѣ онъ не подвинется и на дюймъ. Древняя философія была такою мельницею, а не дорогой. Она составлена была изъ коловратныхъ вопросовъ, изъ споровъ, всегда начинавшихся съизнова. Это было изобрѣтеніе для того, чтобы съ большими усилиями не двигаться впередъ. Мы должны признаться, что, рассматривая ученія Академіи и Портика, — даже такъ, какъ они являются въ свѣтломъ блескѣ неподобнаго Цицероновскаго слога, — намъ не разъ хотѣлось проворчать съ угрюмымъ центуриономъ у Персія: «*Cur quis non grandeat hoc est?*»⁽⁸⁰⁾ Что есть высочайшее благо? боль есть ли зло? всѣ ли вещи предопредѣлены судьбою? можемъ ли мы быть увѣрены въ чьемъ-либо? можемъ ли мы быть увѣрены, что мы не увѣрены ни въ чемъ? можетъ ли мудрецъ быть несчастенъ? всѣ ли отступленія отъ правды равномѣрно достойны порицанія? — такіе вопросы и подобные имъ занимали умы, языки и перья способнѣйшихъ людей образованнаго міра въ теченіе многихъ столѣтій. Этотъ родъ философіи, очевидно, не могъ быть прогрессивнымъ. Она могла, правда, изощрять и усиливать умы тѣхъ, которые посвящали себя ей; но то же могли сдѣлать и пренія правовѣрныхъ лиллипутянцевъ и еретическихъ блефускудианцевъ о толстыхъ и тонкихъ концахъ яицъ. Но такія пренія ничего не могли прибавить къ суммѣ знанія. Человѣческой умъ, поэтому, вмѣсто того, чтобъ идти, отмѣчалъ только время. Онъ принималъ на себя такой трудъ, какого было бы достаточно, чтобъ двинуть его впередъ; а между тѣмъ оставался на томъ же мѣстѣ. Не было никакого накопленія истины, никакого наслѣдія истины, приобретеннаго трудомъ одного поколѣнія и завѣщаннаго другому, чтобы опять передать его съ огромными прибавленіями третьему. Гдѣ философія эта была во времена Цицерона, тамъ она оставалась и во времена Сенеки, и тамъ же оставалась во времена Флаворина. Тѣ же школы все еще боролись, при помощи тѣхъ же неудовлетворительныхъ аргументовъ, по до-

(80) «Такъ вотъ изъ-за чего иной забываетъ ѣдать.»

воду тѣхъ же безконечныхъ вопросовъ. Не было недостатка въ остроуміи, усердіи, трудолюбіи. Были все признаки умственной обработки, за исключеніемъ жатвы. Было въ изобиліи паханіе, бороньба, собираиіе, молотьба. Но житницы содержали въ себѣ лишь головню и жниво.

Древніе философы не пренебрегали естественными науками; но они не занимались ими съ цѣлью увеличить власть чело-вѣка и улучшить его бытъ. Плато безплодія распространилось отъ этическихъ умозрѣній къ физическимъ. Сеника писалъ много о естествовѣдѣніи и прославлялъ важность его изученія. Но почему? Не потому, что оно стремилось смягчить страданія и умножить удобства жизни, расширить владычество чело-вѣка надъ вещественнымъ міромъ; но единственно потому, что оно стремилось возвысить духъ надъ низкими заботами, отдѣлить его отъ тѣла, изощрять его утонченность въ рѣшеніи самыхъ темныхъ вопросовъ (*). Такимъ образомъ на естествовѣдѣніе смотрѣли только со стороны умственного упражненія. Оно сдѣ-лалось вспомогательнымъ средствомъ къ искусству диспутиро-ванія и оказалося поѣтому совсемъ безплоднымъ въ дѣлѣ по-лезныхъ открытій.

Была одна школа, которая, какъ бы нелѣпы и пагубны ни были нѣкоторыя изъ ея ученій, должна была, казалось бы, удо-стоиться исключенія изъ общаго приговора, какой Бэконъ про-язнесъ надъ древними школами мудрости. Отъ послѣдователей Эпикура, который относилъ все счастье къ тѣлесному удо-вольствію, а все бѣдствіе къ тѣлесному страданію, можно было ожидать, что они станутъ стремиться къ улучшенію собствен-наго матеріальнаго быта и быта своихъ ближнихъ. Но мысль эта никогда, кажется, не приходила въ голову ни одному члену этой школы. Дѣйствительно, ихъ мнѣніе, по рассказамъ ихъ великаго поэта, состояло въ томъ, что не слѣдуетъ ожидать болѣе никакихъ улучшеній въ искусствахъ, которыя способ-ствуютъ къ удобству жизни.

«Ad victum quae flagitat usus
Omnia jam ferme mortalibus esse parata» (81).

Это довольствующееся уныніе, это расположеніе восторгаться тѣмъ, что было сдѣлано, и имѣть въ виду, что ничего болѣе

(*) Seneca, *Nat. Quaest.* praef. Lib. 8.

(81) Чего требуетъ жизнь, почти все уже приготовлено смерти
ному. — Лукрецій.

не будетъ сдѣлано, есть рѣзкая характеристическая черта всѣхъ школъ, предшествовавшихъ школъ плода и прогреса. Какъ далеко эпикуреецъ и стоикъ ни расходились во многихъ пунктахъ, но они, кажется, совершенно были согласны въ своемъ презрѣннн къ стремленіямъ столь вульгарнымъ, чтобъ цѣлю ихъ была польза. Философія обоихъ была болтливая, декламирующая, фразерствующая, спорливая философія. Вѣкъ за вѣкомъ они продолжали повторять свои враждебные ратные крики: «добродѣтель» и «наслажденіе»; и въ концѣ оказалось, что эпикуреецъ прибавилъ столь же мало къ количеству наслажденій, сколько и стоикъ къ количеству добродѣтели. На пьедесталѣ Бэкона, а не Эпикура, должны быть написаны эти благородныя строки:

«O tenebris tantis tam clarum extollere lumen
Qui primus potuisti, illustrans commoda vitae» (82).

Въ пятомъ столѣтн христіанство побѣдило язычество, а язычество заразило христіанство. Церковь была теперь побѣдоносною и испорченною. Обряды Пантеона перешли въ ея богослуженіе, хитросплетенія Академіи — въ ея вѣрованіе. Въ злой день, хотя съ большою пышностью и торжественностью, — мы говоримъ словами Бэкона, — былъ заключенъ злополучный союзъ между старою философіею и новою вѣрою (*). Вопросы далеко отличные отъ тѣхъ, которые занимали остроуміе Пиррона и Карнеада, но точно такъ же утонченныя, точно такъ же безконечныя, и точно такъ же бесполезныя, приводили въ движеніе умы живыхъ и говорливыхъ грековъ. Когда ученость стала оживать на Западѣ, подобныя пустыя занимали проныпательныя и сильныя умы схоластиковъ. Была новое сѣяніе вѣтра и новая жатва вихря. Великое дѣло улучшенія быта человѣческаго рода все-таки считалось недостойнымъ ученаго. Тѣ, которые предпринимали этотъ трудъ, если совершаемое ими могло быть удобопонятно, презирались какъ ремесленники; если же нѣтъ, то находились въ опасности, что ихъ сожгутъ, какъ колдуновъ.

Не можетъ быть сильнѣйшаго доказательства, въ какой степени человѣческой умъ былъ дурно направленъ, какъ исторія двухъ величайшихъ событій, которыя имѣли мѣсто въ теченіи среднихъ вѣковъ. Мы говоримъ объ изобрѣтеніи пороха и кни-

(82) «Въ такомъ мракѣ столь яркій свѣтъ разлить кто первый могъ, освѣщая наслажденія жизни.»

(*) «*Cogitata et visa.*»

гопечатанія. Время обоихъ неизвѣстно. Виновники обоихъ неизвѣстны. Да и не отъ того это произошло, что люди были слишкомъ грубы и невѣжественны, чтобъ оцѣнить умственное превосходство. Изобрѣтатель пороха былъ, какъ видно, современникомъ Петрарки и Боккаччо. Изобрѣтатель книгопечатанія былъ, вѣроятно, современникомъ Николая V, Козьмы Медичи и множества знаменитыхъ ученыхъ. Но умъ человеческій все-еще хранилъ то гибельное направленіе, какое онъ получалъ за 2000 лѣтъ. Георга Трапезундскаго и Марсильо Фичино⁽³³⁾ не легко было убѣдить, что типографскій станокъ больше сдѣлалъ для человѣчества, чѣмъ они сами, или чѣмъ тѣ древніе писатели, которыхъ они были восторженными приверженцами.

Наконецъ наступало время, когда суждено было пасть той безплодной философіи, которая въ теченіе столькихъ вѣковъ занимала способности даровитѣйшихъ людей. Она являлась въ разныхъ покроухъ. Она смѣшалась со многими вѣрованіями. Она пережила перевороты, во время которыхъ погибли государства, религіи, языки, племена. Гонимая изъ древнихъ своихъ притоновъ, она нашла убѣжище въ той церкви, которую преслѣдовала, и, подобно дерзновеннымъ демонамъ поэта, заняла свое мѣсто.

«next the seat of God,
And with its darkness dared affront his light»⁽³⁴⁾.

Слова, и еще слова, и одни лишь слова составляли весь плодъ всего труда всѣхъ знаменитѣйшихъ мудрецовъ 60-ти поколѣній. Но дни этого безплоднаго избытка были сочтены.

Многія причины приготовили общественный духъ къ переизмѣнѣ. Изученіе разнообразнѣйшихъ древнихъ писателей, хотя и не давало правильнаго направленія философскимъ изслѣдованіямъ, но много способствовало къ разрушенію того слѣпаго поклоненія авторитету, которое преобладало, когда господствовалъ одинъ только Аристотель. Появленіе флорентинской секты платониковъ, къ которой принадлежали нѣкоторые изъ лучшихъ умовъ XV столѣтія, — было немаловажнымъ событіемъ. Простое замѣ-

⁽³³⁾ Георгъ Трапезундскій — секретарь папы *Евгенія IV* и знаменитый въ свое время учитель философіи (+ 1182). — Марсильо Фичино — учитель философіи въ Платоновой академіи, основанной во Флоренціи Козьмою Медичи (+ 1499).

⁽³⁴⁾ «Близъ престола Господа и со своимъ иракомъ дерзала выступать противъ его свѣта».

неніе перипатетической философіи академической принесло бы, дѣйствительно, мало добра. Но любая вещь была лучше, чѣмъ старая привычка неразсуждающаго раболѣпія. Что-нибудь да значило имѣть возможность выбора тирановъ. «Искра свободы, какъ правильно замѣтилъ Гиввонъ, произошла отъ этого столкновенія противоположнаго рабства.»

Можно было бы упомянуть и о другихъ причинахъ. Но мы главнымъ образомъ одолжены великимъ переворотомъ въ философіи великому перевороту въ религіи. Связь между школами и Ватиканомъ была исконна столь тѣсная, что тѣ, которые отбросили владычество Ватикана, не могли долѣе признавать авторитетъ школъ. Большая часть вождей раскола относилась къ перипатетической философіи съ презрѣніемъ, и отзывалась объ Аристотелѣ, какъ будто бы Аристотель былъ ответственъ за всѣ догматы Томы Аквинскаго. «*Nullus apud Lutheranos philosophiam esse in pretio*»⁽³⁵⁾ былъ упрекъ, который громкогласно повторяли защитники Римской церкви, и который многіе изъ протестантскихъ коноводовъ считали комплиментомъ. Врядъ ли какой-либо текстъ приводился реформатами чаще, чѣмъ тотъ, въ которомъ св. Павелъ остерегаетъ колоссянъ не допускать, чтобы кто-нибудь прельстилъ ихъ философіею. Лютеръ, почти въ началѣ своего поприща, доходилъ до того, что объявлялъ, будто бы никто не могъ въ одно время подвизаться съ успѣхомъ въ школѣ Аристотеля и въ школѣ Христа. Цвингли, Буцеръ, Петръ Мученикъ, Кальвинъ говорили подобнымъ же языкомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ шотландскихъ университетовъ, Аристотелева система была вытѣснена системою Рамуса⁽³⁶⁾. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ родился Бэконъ, господство схоластической философіи потрясено было до своихъ основаній. Въ умственномъ мѣрѣ была анархія, подобная той, какая въ политическомъ мѣрѣ часто слѣдуетъ за низверженіемъ стараго и глубоко вкоренившагося правленія. Древность, давность, звукъ великихъ именъ, перестали устрашать челоувѣчество. Династія, владычествовавшая издревле, прекратилась; и опустѣвшій тронъ предоставленъ былъ борьбѣ соискателей.

Первое дѣйствіе этого великаго переворота, какъ весьма

⁽³⁵⁾ «У лютеранъ философія не имѣетъ никакого значенія.»

⁽³⁶⁾ Реттус Рамус (Pierre de la Ramée) — математикъ и гуманистъ XVI вѣка, профессоръ парижскаго университета. Будучи однимъ изъ самыхъ жаркихъ противниковъ схоластико-перипатетической философіи, онъ положилъ основаніе цѣлой школѣ (Рамисты).

правильно замѣтилъ Бэконъ (*), состояло въ присвоеніи на нѣкоторое время ненадлежащей важности однимъ престелямъ слога. Новый родъ ученыхъ, Аскамы и Бохананы, напитанные лучшими произведеніями Августова вѣка, смотрѣли съ отвращеніемъ на сухой, шероховатый и варварскій слогъ респондентовъ и оппонентовъ. Они гораздо менѣе заботились о содержаніи своего произведенія, чѣмъ объ его формѣ. Имъ удалось преобразовать латынь; но они никогда даже и не добивались произвести реформу въ философіи.

Въ это время явился Бэконъ. Вовсе неправильно утверждать, какъ это часто дѣлалось, что онъ первый возсталъ противъ Аристотелевой философіи, когда она была на высотѣ своего могущества. Авторитетъ этой философіи, какъ мы показали, получилъ гибельный ударъ задолго до рожденія Бэкона. Многие мыслители, между которыми болѣе всѣхъ извѣстенъ Рамузь, пытались съ недавняго времени образовать новыя школы. Бэконовы собственныя выраженія о состояніи общественнаго мнѣнія во время Лютера ясны и сильны: «Accedebat, говорить онъ, *odium et contemptus, illis ipsis temporibus ortus erga Scholasticos.*» И въ другомъ мѣствъ: «*Scholasticorum doctrina despectui prorsus haberi coepit tanquam aspera et barbara*» (37). Роль, какую Бэконъ игралъ въ этой великой перемѣнѣ, была роль не Ровесьера, но Бонапарта. Старый порядокъ вещей былъ разрушенъ. Нѣкоторые слѣпые приверженцы лѣляли съ преданнымъ вѣроподданничествомъ воспоминаніе о падшей монархіи, и старались всѣми силами произвести реставрацію. Но большинство отнюдь не было въ такомъ настроеніи. Освободившись, но не зная, какъ пользоваться своею свободою, оно не приняло никакого опредѣленнаго направленія и не нашло ни одного вожда, способнаго руководить имъ.

Этотъ вождь наконецъ явился. Философія, которой онъ научилъ, была существенно новою. Она отличалась отъ философіи прославленныхъ древнихъ учителей не только по методу, но и по предмету. Предметомъ ея было благо человечества, въ томъ смыслѣ, въ какомъ масса человечества всегда понимала и всегда будетъ понимать слово благо. «*Meditor*, говорилъ Бэконъ, *instauracionem philosophiæ ejusmodi quæ nihil inanis*

(*) «*De Augmentis*,» Lib. I.

(37) «Присоединились ненависть и презрѣніе, которыя именно въ то время возникли противъ схоластиковъ.» — «Ученіе схоластиковъ начинало, какъ грубое и варварское, вызывать презрѣніе.» — Оба эти мѣста находятся въ первой книгѣ «*De Augmentis*.»

aut abstracti habeat, quæque vitæ humanæ conditiones in melius provehat» (36).

Различіе между философіею Бэкона и философіею его предшественниковъ ничѣмъ, кажется, не можетъ быть лучше выяснено, какъ сравненіемъ его взглядовъ на нѣкоторые важные предметы со взглядами Платона. Мы избираемъ Платона потому, что онъ, мы думаемъ, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способствовалъ тому, чтобъ дать умамъ теоретиковъ направленіе, которое они сохранили, пока не получили отъ Бэкона новаго толчка въ діаметрально противоположномъ направленіи.

Любопытно досмотрѣть, какъ различно эти великіе люди оцѣнивали стоимость каждаго рода знанія. Возьмите напримѣръ ариметику. Платонъ, сказавъ слегка объ удобствѣ умѣть считать и вычислять въ обыкновенныхъ сдѣлкахъ жизни, переходитъ къ тому, что онъ считаетъ гораздо болѣе важною выгодною. Изученіе свойствъ чиселъ, говоритъ онъ намъ, пріучаетъ умъ къ созерцанію чистой истины и возвышаетъ насъ надъ матеріальною вселенною. Онъ желалъ бы, чтобы ученики его предавались этому изученію, не для того, чтобъ умѣть купить или продать, равно не для того, чтобъ сдѣлаться способными быть лавочниками или странствующими торговцами, но для того, чтобъ научиться отвлекать умы свои отъ вѣчно измѣняющагося зрѣлища этого видимаго и осязаемаго міра и устремлять ихъ на неизмѣнную сущность вещей (а).

Бэконъ, съ другой стороны, цѣнилъ эту отрасль знанія только по ея употребленію относительно того видимаго и осязаемаго міра, который Платонъ такъ презиралъ. Бэконъ говоритъ съ пренебреженіемъ о мистической ариметикѣ позднѣйшихъ послѣдователей Платона и сѣтуетъ о склонности человечества употреблять на предметы чистаго любопытства способности, все напряженіе которыхъ требуется для цѣлей прочной пользы. Онъ совѣтуетъ ариметикамъ оставить эти пустяки и заняться составленіемъ удобныхъ выраженій, которыя могли бы быть пригодными при физическихъ изслѣдованіяхъ (б).

Тѣ же причины, которыя побуждали Платона рекомендовать изученіе ариметики, побуждали его рекомендовать также изученіе математики. Обыкновенная толпа геометровъ, говоритъ

(36) «Я намѣреваюсь ввести философію, которая не содержала бы ничего пустаго или отвлеченнаго и улучшала бы условія человѣческой жизни.» — «*Redargutio Philosophiarum*.»

(а) «*Республика*» Платона, кн. 7.

(б) «*De Augmentis*» Lib. 3. Cap. 6.

онъ, не пойметъ его. Они всегда имѣютъ въ виду практическую цѣль. Они не знаютъ, что дѣйствительная польза науки состоитъ въ томъ, чтобъ вести людей къ званію отвлеченной существенной, вѣчной истины (а). Дѣйствительно, если мы должны вѣрить Плутарху, то Платонъ мнѣніе это простираетъ до того, что считалъ униженіемъ геометріи приложеніе ея къ какой-либо общепользующей цѣли. Архитъ, кажется, устроилъ на математическихъ началахъ машины чрезвычайной силы (б). Платонъ говорилъ противъ этого съ своимъ другомъ и объявилъ, что это значило унижать благородную умственную дѣятельность до низкаго ремесла, приличнаго лишь плотникамъ и колесникамъ. Дѣлю геометріи, говорилъ онъ, обучать умъ, а не служить низкимъ потребностямъ тѣла. Его вмѣшательство было удачно; и съ того времени, по словамъ Плутарха, наука механиковъ считалась недостойною вниманія философа.

Архимедъ въ позднѣйшее время подражалъ Архиту и превзошелъ его. Но даже Архимедъ не былъ свободенъ отъ господствовавшаго мнѣнія, будто геометрія унижала себя, будучи употребляема къ произведенію чего-либо полезнаго. Съ трудомъ лишь онъ склонился снизойти отъ теоріи къ практикѣ. Онъ почти стыдился тѣхъ изобрѣтеній, которыя были удивленіемъ враждебныхъ націй, и всегда говорилъ о нихъ презрительно, какъ о сущихъ развлеченіяхъ, какъ о пустякахъ, которые могли быть дозволены математикѣ въ видѣ отдыха для его ума, послѣ напряженнаго занятія высшими отраслями его науки.

Мнѣніе Бэкона объ этомъ предметѣ было диаметрально противоположно мнѣнію древнихъ философовъ. Онъ цѣнилъ геометрію преимущественно, если не единственно, вслѣдствіе той пользы, которая Платону казалась столь низкою. И замѣчательно, что чѣмъ долѣе Бэконъ жилъ, тѣмъ чувство это становилось сильнѣе. Когда въ 1603 г. онъ писалъ двѣ книги объ успѣхѣ званія, то напиралъ на выгоды, какія человечество извлекало изъ прикладной математики; но въ то же время допускалъ, что благотворное дѣйствіе, производимое на умъ изученіемъ математики, — хоти и побочная польза, — было «не менѣе важно, чѣмъ то, которое составляло главную и предположенную цѣль.» Но очевидно, что взглядъ его подвергся пе-

(а) «Республика» Платона, кн. 7.

(б) Плутархъ, Sympos, VIII, и жизнеописаніе Марцелла. О машинахъ Архита упоминаетъ также Авль Геллій и Диогенъ Лазерцій.

ремствъ. Когда, почти 20 лѣтъ спустя, онъ издалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «*De Augmentis*», составляющее трактатъ объ успѣхѣ науки, значительно умноженный и тщательно исправленный, то сдѣлалъ важныя измѣненія въ части, относящейся къ математикѣ. Онъ строго порицалъ высокія притязанія математиковъ, «*delicias et fastum mathematicorum*»⁽³⁹⁾. Принимая благосостояніе человѣческаго рода за цѣль знанія^(*), онъ объявилъ, что математическія науки не могли имѣть права на болѣе высокое мѣсто, какъ только придаточныхъ и вспомогательныхъ наукъ. Математика, говоритъ онъ, есть прислужница естествовѣдѣнія; она должна поступать сообразно съ этимъ; и онъ объявляетъ, что не можетъ постигнуть, какимъ это несчастнымъ случаемъ приключилось, что она дерзаетъ заявлять права свои на первенство предъ своею повелительницею. Онъ предсказываетъ,—и это предсказаніе заставило бы вздрогнуть Платона,— что чѣмъ болѣе и болѣе дѣлается открытій въ естественныхъ наукахъ, тѣмъ болѣе и болѣе будетъ отраслей прикладной математики. Объ этой побочной пользѣ, важность которой онъ за двадцать лѣтъ прежде такъ высоко цѣнилъ, не говорится ни одного слова. Этотъ пропускъ не могъ быть слѣдствіемъ одной лишь оплошности. Его собственный трактатъ былъ передъ нимъ. Изъ этого трактата онъ умышленно вычеркивалъ все, что только было въ пользу изученія чистой математики, вставлялъ многія рѣзкія сужденія о ревностныхъ поклонникахъ этого изученія. Этотъ фактъ, по нашему мнѣнію, допускаетъ только одно объясненіе. Любовь Бэкона къ тѣмъ занятіямъ, которыя прямо стремятся къ улучшенію быта человѣчества, и его недовѣріе ко всѣмъ занятіямъ чисто любознательнымъ, сильно разрослись въ немъ и превзошли, быть можетъ, мѣру. Онъ боялся употребить какое-либо выраженіе, которое могло бы имѣть слѣдствіемъ склонить иного даровитаго человѣка къ употребленію для умозрѣній, полезныхъ лишь уму теоретиковъ, хоть одного часа, который могъ бы быть употребленъ на распространеніе владычества человѣка надъ веществомъ^(b). Если Бэконъ здѣсь ошибался, то мы должны признаться, что ошибку его мы вполне предпочитаемъ противоположной ошибкѣ Платона. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго смисхожденія къ философін, которая,

(39) «Самовосхищеніе и гордость математиковъ».

(*) *Usui et commodis hominum consulimus.*

(b) Сравн. мѣсто, относящееся къ математикѣ во второй книгѣ объ успѣхѣ знанія, съ «*De Augmentis*», Lib 3. Cap. 6.

подобно римскимъ матронамъ, глотавшимъ abortивныя средства для сохраненія своихъ талій, старается быть безплодною изъ опасенія унизиться.

Перейдемъ къ астрономіи. Это была одна изъ наукъ, къ занятіямъ которой Платонъ побуждалъ своихъ учениковъ, но по причинамъ, весьма далекимъ отъ обыкновеннаго образа мыслей. «Слѣдуетъ ли намъ помѣстить астрономію, говоритъ Сократъ, между предметами изученія?» (a) «Я думаю, что слѣдуетъ, отвѣчаетъ его молодой другъ Главконъ: для военныхъ цѣлей, равно какъ для земледѣлія и для мореплаванія, полезно имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія о временахъ года, мѣсяцахъ и годахъ.» «Для меня забавно, говоритъ Сократъ, видѣть, какъ вы боитесь, чтобы обыкновенная толпа народа не обвинила васъ въ рекомендаціи бесполезныхъ знаній.» Затѣмъ чистымъ и великолѣпнымъ слогомъ, какой, — какъ говорилъ Цицеронъ, — употребилъ бы Юпитеръ, если бъ Юпитеръ говорилъ по-гречески, онъ пускается объяснять, что польза астрономіи состоитъ не въ увеличеніи обыкновенныхъ удобствъ жизни, но въ способствованіи къ возвышенію духа до созерцанія вещей, которыя могутъ быть постигнуты однимъ только чистымъ разумомъ. Знаніе дѣйствительнаго движенія небесныхъ тѣлъ Сократъ считаетъ маловажнымъ. Явленія, которыя украшаютъ небо во время ночи, подобны, говоритъ онъ, фигурамъ, которыя геометръ чертитъ на пескѣ; они лишь примѣры, лишь вспомогательныя средства для слабыхъ умовъ. Мы должны идти за предѣлы ихъ; мы должны оставить ихъ безъ вниманія; мы должны достигнуть до астрономіи, которая такъ же независима отъ дѣйствительныхъ небесныхъ свѣтилъ, какъ и геометрическая истина независима отъ линій дурно начерченнаго чертежа. Кажется, это сходно, если не тождественно съ астрономіей, которую Бэконъ сравнивалъ съ быкомъ Прометея (b), гладкошерстою, крутобкою шкурою, набитою мусоромъ, красвою на взглядъ, но не содержащею ничего для вды. Онъ жаловался на то, что астрономія, къ своему великому вреду, отдѣлена была отъ естествовѣдѣнія, котораго она была одною изъ благороднѣйшихъ областей, и присоединена была къ области математики. Свѣтъ нуждался, говорилъ онъ, въ совѣтъ иной астрономіи, въ живой астрономіи (c), въ астрономіи, которая представила бы природу,

(a) «Республика» ПЛАТОНА, кн. 7.

(b) «De Augmentis,» Lib. III Cap. 4.

(c) Astronomia viva.

движеніе и вліянія небесныхъ тѣлъ такими, какими они являются въ дѣйствительности (а).

На величайшее и полезнѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ изобрѣтеній, на изобрѣтеніе азбучныхъ письменъ, Платонъ не смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Онъ, кажется, думалъ, что употребленіе буквъ подѣйствовало на человѣчскій духъ точно такъ же, какъ дѣйствуетъ, говорятъ, на человѣческое тѣло употребленіе станка при ученіи ходить, или пробокъ при ученіи плавать. Это была опора, которая, по его мнѣнію, скорѣ сдѣлалась необходимою для того, кто ею пользовался, которая сильное напряженіе дѣлала сперва ненужнымъ, а потомъ невозможнымъ. Умственные способности, по его понятіямъ, развились бы полнѣе безъ этого обманчиваго пособія. Люди были бы принуждены упражнять разумокъ и память, и, глубокимъ, прилежнымъ размышленіемъ, усваивать себѣ вполне истину. Теперь, напротивъ, много знанія начертано на бумагѣ, но мало врѣзалось въ душу. Человѣкъ увѣренъ, что онъ можетъ найти мгновенно знаніе, когда въ немъ нуждается. Онъ поэтому не заботится удержать его въ своемъ умѣ. О такомъ человѣкѣ нельзя сказать въ строгомъ смыслѣ, что онъ знаетъ что-нибудь. Онъ имѣетъ видъ мудрости безъ ея сущности. Эти мнѣнія Платонъ вложилъ въ уста древняго египетскаго короля (b). Но изъ контекста явствуетъ, что они были его собственныя; и таковы они были по разумѣнію Квинтиліана (c). Дѣйствительно, они совершенно согласуются съ цѣлою системою Платона.

Бэконовы взгляды, какъ легко можно предполагать, были далеко иные (d). Силы памяти, замѣчаетъ онъ, безъ помощи письма, мало могутъ способствовать успѣхамъ какой-либо полезной науки. Онъ признаетъ, что память посредствомъ упражненія можетъ быть доведена до такой степени, что будетъ въ состояніи совершать самыя необыкновенныя подвиги. Но подвигамъ этимъ онъ придаетъ мало цѣны. Привычки ума его, говоритъ онъ намъ, таковы, что онъ не расположенъ высоко цѣнить любое дарованіе, какъ бы рѣдко оно ни было, если только оно не приноситъ человѣчеству никакой практической пользы.

(a) Quæ substantiam et motum et influxum coelestium. prout re vera sunt, proponat. «Сравни. этотъ языкъ съ языкомъ Платона:» τὰ δ' ἐν τῷ οὐρανῷ ἔαδονεν.»

(b) Платоново соч. «Θεορ.»

(c) Quintillian, XI.

(d) «De Augmentis» Lib. V. Cap. 5.

Что касается до этихъ чудесныхъ подвиговъ памяти, то онъ ставитъ ихъ на ряду съ представленіями плясуновъ на канатъ и скомороховъ. «Оба дѣйствія, говоритъ онъ, во многомъ между собою сходны. Одно есть злоупотребленіе тѣлесныхъ силъ; другое — злоупотребленіе умственныхъ силъ. Оба могутъ, пожалуй, возбуждать наше удивленіе; но ни одно изъ нихъ не имѣетъ права на наше уваженіе.»

Польза медицинскій науки казалась Платону весьма спорнымъ вопросомъ (*). Онъ, правда, не возражалъ противъ быстрыхъ лѣченій отъ острыхъ болѣзней, или отъ поврежденій, произведенныхъ приключеніями. Но искусство, которое оказываетъ сопротивленіе медленному подкапыванію хроническаго недуга, которое исправляетъ организмы, изнуренные распутствомъ, раздутые обжорствомъ, или воспаленные виномъ, которое поощряетъ сластолюбіе, смягчая естественное наказаніе сластолюбца, и продолжаетъ существованіе, когда умъ пересталъ сохранять всю свою энергію, — нисколько не пользуется его уваженіемъ. Жизнь, продолжаемую медицинскимъ искусствомъ, онъ называлъ долгою смертью. Практика медицинскаго искусства должна, говорилъ онъ, быть терпима настолько, насколько искусство это можетъ служить къ врачеванію случайныхъ болѣзней людей, которыхъ тѣлосложеніе хорошо. Что касается тѣхъ, у кого тѣлосложеніе плохо, то пускай они умираютъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Такіе люди не годятся для войны, для гражданской службы, для управленія своими домашними дѣлами, для серьезныхъ ученыхъ занятій и для умозрѣнія. Если они пускаются въ какое-либо сильное умственное занятіе, то имъ мѣшаетъ головокруженіе и тяжесть головы, и все это они взваливаютъ на счетъ философіи. Лучшею вещью могло бы быть для такихъ несчастныхъ — покончить заранѣе съ жизнью. Онъ приводитъ мнѣической авторитетъ для поддержанія этого ученія, и припоминаетъ своимъ ученикамъ, что практика сыновей Эскулапа, по описанію Гомера, простиралась только до врачеванія наружныхъ поврежденій.

Далеко иная была философія Бэкона. Изъ всѣхъ наукъ та, которая возбуждала въ немъ, кажется, самый большой интересъ, была наука, которая, по мнѣнію Платона, не должна быть терпима въ благоустроенномъ обществѣ. Дѣлать людей совершенными не входило вовсе въ составъ Бэконова плава. Его скромною цѣлью было доставленіе удобствъ несовершеннымъ

(*) «Республика» Платона, кн. 3.

людямъ. Благость его философіи походила на благость общаго отца, котораго солнце восходитъ надъ злымъ и надъ добрымъ, котораго дождь нисходитъ для праведнаго и неправеднаго. По мнѣнію Платона, человѣкъ созданъ былъ для философіи; по мнѣнію Бэкона, философія создана была для человѣка; она была средствомъ для цѣли; а этою цѣлью было, умноженіе удовольствій и смягченіе страданій цѣлыхъ милліоновъ людей, которые не философы и не могутъ быть философами. Что съ больнымъ, который находилъ большое удовольствіе въ томъ, что его катали вдоль террасы, который лакомился своимъ варенымъ цыпленкомъ и своимъ слабымъ виномъ съ водою, и который наслаждался сердечнымъ смѣхомъ при разказахъ о королевіи Наваррской, слѣдовало обходиться какъ съ *caput iurinum*, оттого что онъ не могъ читать Тимея безъ головной боли, — было понятіе, которое гуманность англійской философской школы вполне отвергала. Бэконъ не считалъ бы дѣломъ недостойнымъ философа, выдумать для такого больнаго усовершенствованный стулъ въ саду, придумать какой-либо способъ, чтобъ лекарства его сдѣлать болѣе вкусными, изобрѣсти кушанья, которыми онъ могъ бы наслаждаться, и подушки, на которыхъ онъ могъ бы покоемъ крѣпкимъ сномъ; и все это — даже тогда, еслибъ не было ни малѣйшей надежды, что умъ бѣднаго страдальца возвысится когда-либо до созерцанія идеальной красоты и идеальнаго блага. Какъ Платонъ приводилъ религіозныя легенды Греціи для оправданія своего презрѣнія къ болѣе сокровеннымъ сторонамъ врачебнаго искусства, такъ Бэконъ защищалъ достоинство этого искусства, обращаясь къ примѣру Христа, и напоминалъ людямъ, что великій лекаръ души не пренебрегалъ быть также лекаремъ тѣла (*).

Когда мы переходимъ отъ науки медицинскій къ наукѣ законодательной, то находимъ одинакое различіе между системами этихъ двухъ великихъ людей. Платонъ, въ началѣ разговора о законахъ, ставитъ основнымъ принципомъ, что цѣль законодательства — дѣлать людей добродѣтельными. Не нужно указывать на странныя заключенія, къ какимъ приводитъ такое положеніе. Бэконъ хорошо зналъ, до какой степени счастье всякаго общества должно зависѣть отъ добродѣтели его членовъ; и онъ также зналъ, что законодатели могутъ и чего не могутъ сдѣлать для того, чтобъ вызывать добродѣтели. Взглядъ, какой онъ высказалъ на цѣль законодательства и на главныя средства къ

(*) «*De Augmentis*» Lib. IV, Cap. 2.

достиженію этой цѣли, всегда казался намъ отъѣнно удачнымъ, даже среди многихъ удачныхъ мѣсть въ томъ же родѣ, которыми изобилуютъ его произведенія. «Finis et scopus quem leges intueri atque ad quem iussiones et sanctiones suas dirigere debent, non alius est quam ut cives feliciter degant. Id fiet si pietate et religione recte instituti, moribus honesti, armis adversus hostes externos tuti, legum auxilio adversus seditiones et privatas iniurias muniti, imperio et magistratibus obsequentes, copiis et opibus locupletes et florentes fuerint» (40). Цѣль — благосостояніе народа. Средства: распространеніе нравственнаго и религіознаго воспитанія; радѣніе о всякой вещи, служащей для защиты противъ внѣшнихъ враговъ; поддержаніе внутренняго порядка; установленіе судебной, финансовой и коммерческой системы, при которой возможно было бы быстро накоплять богатства и безопасно ими пользоваться.

Даже относительно формы, въ какой законы должны быть начертаны, существуетъ замѣчательное различіе во взглядахъ между грекомъ и англичаниномъ. Платонъ считалъ предисловіе существеннымъ; Бэконъ считалъ его вреднымъ. Каждый былъ вѣренъ себѣ. Платонъ, смотря на нравственное улучшеніе народа, какъ на цѣль законодательства, правильно заключалъ, что законъ, который повелѣваетъ и угрожаетъ, но который не убѣждаетъ разума и не трогаетъ сердца, долженъ быть весьма несовершеннымъ закономъ. Для него недостаточно было отклонить страхомъ отъ воровства человѣка, который въ душѣ все-таки продолжалъ быть воромъ; удержать сына, ненавидѣвшаго мать свою, отъ нанесенія ей побоевъ. Единственное повиновеніе, которому онъ придавалъ много цѣны, было повиновеніе, которое просвѣщенное сознаніе оказываетъ разуму, и которое добродѣтельное настроеніе оказываетъ правиламъ нравственности. Онъ, кажется, дѣйствительно думалъ; что, предпославъ каждому закону краснорѣчивое и трогательное увѣщаніе, онъ устранилъ бы нужду въ карательныхъ мѣрахъ. Бэконъ не питалъ вовсе такихъ романическихъ надеждъ; и ему хорошо было извѣстно практическое неудобство рекомендуемаго Платономъ

(40) «De Augustis», Lib. VIII. Cap. 8, Aph. 5 — Цѣль, которую видѣютъ въ виду законы, и къ которой должны быть направлены вѣ предписанія и велѣнія, — есть ничто иное, какъ счастье гражданъ. А оно достигается, когда граждаде будутъ основательно оставлены въ религіи и благочестіи, чисты въ нравахъ, защищены оружіемъ отъ внѣшнихъ враговъ, ограждены закономъ отъ возмущеній в частныхъ оскорбленій, послушны правительству в властямъ, богаты.»

пути. «Neque nobis, говоритъ онъ, prologi legum, qui inepti olim habiti sunt, et leges introducunt disputantes non jubentes, utique placerent, si priscos mores ferre possemus... Quantum fieri potest prologi evitentur, et lex incipiat a jussione» (41).

Каждый изъ великихъ людей, которыхъ мы между собою сравнили, намѣревался пояснить свою систему философскимъ романомъ; и каждый оставилъ свой романъ недоконченнымъ. Усиль Платонъ кончить «Критиаса», тогда сравненіе между этимъ благороднымъ вымысломъ и «Новою Атлантидою» доставило бы намъ, вѣроятно, примѣры еще болѣе разительные, чѣмъ любой изъ тѣхъ, которые мы представили. Забавно подумать, съ какимъ ужасомъ онъ смотрѣлъ бы на такое заведеніе, какъ Соломоновъ Домъ, воздвигающееся въ его республикѣ; съ какимъ ожесточеніемъ приказалъ бы сломать лабораторію для приготовления винъ, благовоній и лекарствъ; и съ какою неумолимою жестокостью прогналъ бы за предѣлы республики всѣхъ сотоварищей этого общества, продавцевъ свѣта и хищниковъ, лампы и рудокоповъ.

Сложивъ все вмѣстѣ, мы должны сказать, что цѣлью Платоновой философіи было возвысить человѣка въ собственномъ сознаніи до божества. Цѣлью Бэконовой философіи было снабдить человѣка тѣмъ, чего онъ требуетъ, оставаясь человѣкомъ. Цѣлью Платоновой философіи было возвысить насъ далеко надъ обыкновенными потребностями. Цѣлью Бэконовой философіи было удовлетворить нашимъ обыкновеннымъ потребностямъ. Первая цѣль была благородная; но послѣдняя была достижимая. Платонъ стрѣлялъ изъ хорошаго лука; но, подобно Виргиліеву Аяксу, онъ мѣтилъ въ звѣзды; и поэтому, хотя вовсе не было недостатка ни въ силѣ, ни въ искусствѣ, выстрѣлъ былъ потерянъ. Стрѣла его, правда, оставила за собою ослѣпительно лучезарный слѣдъ, но не попала ни во что.

«Volans liquidis in nubibus arsit arundo
Signavitque viam flammis, tenuisque recessit
Consumpta in ventos» (42).

Бэконъ устремилъ глазъ свой на цѣль, находившуюся на землѣ, въ разстояніи выстрѣла, и попалъ какъ разъ въ мѣту. Философія

(41) «De Augustis», Lib. VIII. Cap. 3. Aph. 69.

(42) «Лета въ влажныхъ облакахъ, стрѣла заблестала, обозначила свой путь пламенемъ и умаяясь исчезла, разсыпавшись въ воздухъ.» Виргилій: «Энеида» V. 525 — 527.

Платона начиналась словами и кончалась словами, благородными, правда, словами, такими словами, какихъ слѣдовало ожидать отъ изящнѣйшаго изъ человѣческихъ умовъ, имѣвшаго безграничную власть надъ изящнѣйшимъ изъ человѣческихъ языковъ. Философія Бэкона начиналась наблюденіями и кончалась искусствами.

Древніе философы хвастались, что ихъ ученіе образовало умы людей къ высокой степени мудрости и добродѣтели. Это было, правда, единственное практическое благо, какое наиболее прославленные изъ этихъ учителей даже только думали совершить; и несомнѣнно, еслибъ они совершили это, то заслужили бы далеко высшую похвалу, чѣмъ еслибъ открыли самыя цѣлебныя лекарства или соорудили могущественнѣйшія машины. Но дѣло въ томъ, что въ тѣхъ самыхъ предметахъ, въ которыхъ единственно они публично заявляли, что дѣлаютъ что-нибудь хорошее для человѣчества, въ тѣхъ самыхъ предметахъ, ради которыхъ они пренебрегали всѣми обыкновенными интересами человѣчества, они не сдѣлали ничего или хуже, чѣмъ ничего. Они общались то, что было исполнимо; они пренебрегали тѣмъ, что было исполнимо; они наполняли свѣтъ длинными словами и длинными бородами; и оставили его такимъ же искорченнымъ и такимъ же невѣжественнымъ, какимъ и нашли его.

Акръ земли въ Миддльсаксѣ лучше, чѣмъ княжество въ Утопії. Малѣйшее дѣйствительное благо лучше, чѣмъ великолѣпнѣйшія обѣщанія невозможностей. Мудрецъ стойковъ былъ бы, безъ всякаго сомнѣнія, высшимъ предметомъ, чѣмъ паровая машина. Но паровыя машины существуютъ; а мудрецъ стойковъ еще не родился. Философія, которая бы дѣлала человѣка способнымъ чувствовать себя совершенно счастливымъ во время мученій боли, была бы лучше, чѣмъ философія, которая утишаетъ боль. Но мы знаемъ, что есть средства, которыя могутъ утишить боль, и знаемъ, что древнимъ мудрецамъ зубная боль была точно такъ же непонутру, какъ и ихъ ближнимъ. Философія, которая искореняла бы любостыжаніе, была бы лучше, чѣмъ философія, которая придумала бы законы для обезпеченія собственности. Но возможно составить законы, которые въ весьма значительной степени будутъ охранять собственность. А мы не понимаемъ, какъ которая-либо изъ побудительныхъ причинъ, предлагаемыхъ древними философами, могла бы искоренить любостыжаніе? Мы знаемъ, что философы нисколько не были лучше прочихъ людей. Изъ свидѣтельства друзей, равно какъ и враговъ, изъ признаній Эпиктета и Скептика, равно какъ и изъ насмѣшекъ Лукіана и жестокой брани Ювенала,

явствуетъ, что эти учителя добродѣтели имѣли всѣ пороки своихъ ближнихъ, съ придаточнымъ порокомъ лицемерія. Нѣкоторые люди могутъ считать предметъ Боженовой философіи низкимъ предметомъ; но они не могутъ отрицать, что, — высокъ ли, низокъ ли, — онъ былъ достигнутъ. Они не могутъ отрицать, что каждый годъ дѣлаетъ прибавленіе къ тому, что Баконъ называлъ «плодомъ». Они не могутъ отрицать, что человечество сдѣлало и дѣлаетъ большіе и настоянныя успѣхи на пути, указанномъ ему Боженомъ. Было ли какое-либо подобное прогрессивное движеніе у древнихъ философовъ? Проораторствовавъ 800 лѣтъ, сдѣлали ли они свѣтъ лучшимъ, чѣмъ онъ былъ до того? Мы думаемъ, что между самими философами, вмѣсто прогрессивнаго улучшенія, была прогрессивная порча. Низкое суетврїе, которое Демокритъ или Анаксагоръ отвергнувъ бы съ презрѣніемъ, прибавляло окончательный позоръ къ длиннымъ бреднямъ стоической и платонической школъ. Тѣ неудачныя попытки прозаисосить внятю, которыя столь милы и интересны въ ребенкѣ, неприятны и противны для насъ въ взросломъ паразитикѣ; и точно такъ же, тѣ дикіе мнелогическіе вымыслы, которые прельщаютъ насъ, когда мы слышимъ ихъ въ лепетѣ греческой поэзіи во время ея дѣтства, возбуждаютъ въ насъ смѣшанное чувство жалости и отвращенія, когда ихъ бормочетъ греческая философія въ ея пожиломъ возрастѣ. Мы знаемъ, что ружья, ножевой товаръ, зрительныя трубки, часы — лучше въ наше время, чѣмъ они были во время нашихъ отцовъ, и были лучше во время нашихъ отцовъ, нежели во время нашихъ дѣдовъ. Философія, которая хвасталась, что предметомъ ея было возвышеніе и очишеніе духа, и которая ради этого предмета пренебрегла низкою должностью споспѣшествовать тѣлеснымъ удобствамъ, — процвѣтала среди высочайшихъ почестей въ теченіе многихъ столѣтій. Мы поэтому могли бы клоняться къ предположенію, что въ это время должно было произойти въ людяхъ огромное нравственное улучшеніе. Такъ ли это было? Вагляните на школы этой мудрости за 4 вѣка до христіанской эры и 4 вѣка послѣ этой эры. Сравните людей, которыхъ эти школы образовали въ эти два періода. Сравните Платона и Ливанія. Сравните Перикла и Юліана. Эта философія разглашала, — мало того, хвасталась, что она была бесполезна для всякой цѣли, кромѣ одной. Достигла ли она этой одной цѣли?

Предположите, что Юстинианъ, когда закрылъ школы Аемнъ, обратился къ послѣднимъ немногимъ мудрецамъ, — все еще посѣщавшимъ Портикъ и бродившимъ около старинныхъ чинаръ, — съ тѣмъ, чтобы они доказали свое право на общественное ува-

женіе; предположите, что онъ сказалъ: «Тысячелѣтіе протекло съ тѣхъ поръ, какъ въ этомъ знаменитомъ городѣ Сократъ приводилъ въ тупикъ Протагора и Гиппия; въ теченіе этой тысячи лѣтъ огромное число способнѣйшихъ людей каждаго поколѣнія употребляло постоянныя усилія, чтобъ довести до совершенства философію, которой вы научаете; этой философіи оказывали щедрѣе покровительство могущественные люди; послѣдователи ея были въ высочайшемъ уваженіи у общества; она привлекала къ себѣ почти весь сокъ и силу человѣческаго ума. И что она сдѣлала? Какой полезной истинѣ, которой бы мы равновѣрно не узнали и безъ нея, научила она насъ? Къ какому дѣлу сдѣлала она насъ способными, котораго бы мы не были въ состояніи совершать равнымъ образомъ и безъ нея?» Такіе вопросы, мы думаемъ, привели бы въ замѣнательство Симплиція и Исидора. Спросите послѣдователя Бэкона, что новая философія, какъ она называлась во время Карла II; сдѣлала для человѣчества. — и отвѣтъ его готовъ: «Она продлила жизнь; она смягчила страданіе; она искоренила недуги; она увеличила плодородіе почвы; она доставила мореходу новыя средства безопасности; она снабдила война новымъ оружіемъ; она связала большія рѣки и лиманы мостами невѣдомой отцамъ нашимъ формы; она безвредно направляла молнію съ неба къ землѣ; она освѣтила ночь дневнымъ блескомъ; она расширила предѣлы человѣческаго зрѣнія; она увеличила силу человѣческихъ мускуловъ; она ускорила движеніе; она уничтожила разстояніе; она облегчила сообщеніе, переписку, всѣ дружественныя услуги, всѣ дѣловыя сообщенія; она дала человѣку возможность спускаться до глубины моря, парить въ воздухѣ, проникать безопасно въ зловредныя углубленія земли, провзжать оушу въ колесницахъ, которыя быстро несутся безъ лошадей, и океанъ на корабляхъ, которые дѣлаютъ въ часъ десять узловъ противъ вѣтра. Все это составляетъ лишь часть ея плодовъ, и притомъ ея первыхъ плодовъ. Ибо это такая философія, которая никогда не остается въ покоѣ, которая никогда не достигала цѣли, которая никогда не бываетъ совершенною. Законъ ея — прогрессъ. Точка, которая вчера была невидимою, становится нынче мѣстомъ ея отдыха, и будетъ завтра мѣстомъ ея отправленія.»

Какъ ни велики и разнообразны были способности Бэкона, но своею обширною и прочною славою онъ главнымъ образомъ обязанъ тому, что всѣ эти способности получала свое направленіе отъ здраваго смысла. Его любовь къ обыкновенной пользѣ, его симпатія къ популярнымъ понятіямъ добра и зла; и открытость, съ какою онъ призывался въ этой симпатіи, состав-

ляютъ тайну его вліянія. Въ его системѣ не было никакого фразерства, никакой мечты. У него не было никакой мази для сломанныхъ костей, никакихъ мязичныхъ теорій *de finibus*, никакихъ аргументовъ, чтобъ сбивать людей съ толку. Онъ зналъ, что люди и философы, подобно прочимъ людямъ, любятъ действительно жизнь, здоровье, удобство, честь, безопасность, общество друзей, и не любятъ действительно смерти, болѣзни, страданія, бѣдности, позора, опасности, разлуки съ тѣми, къ кому они привязаны. Онъ зналъ, что религія рѣдко искореняетъ эти чувства, хотя она часто регулируетъ и умѣряетъ ихъ; да и не считалъ онъ желательнымъ для человѣчества, чтобы они были искоренены. Планъ искорененія ихъ посредствомъ такихъ причудъ, какъ причуды Сенеки, или посредствомъ такихъ силлогизмовъ, какъ силлогизмы Хризиппа, былъ слишкомъ превратный, чтобъ хоть на мгновеніе могъ удержаться въ такомъ умѣ, какъ Бэконовъ. Онъ не понималъ, что за мудрость могла быть въ измѣненіи названій тамъ, гдѣ невозможно было измѣнить вещей; въ отрицаніи, что слѣпота, голодь, подагра, пытка были зломъ, и обозначеніи ихъ между тѣмъ *акроуіумена* (непредпочтительное); въ непризнаваніи, что здоровье, безопасность, изобиліе были хорошія вещи, и обозначеніи ихъ между тѣмъ именемъ *адіафора* (безразличное). Въ своихъ мнѣніяхъ объ этихъ предметахъ онъ не былъ ни стоикомъ, ни эпикурейцемъ, ни академикомъ, но былъ тѣмъ, что стоики, эпикурейцы и академики назвали бы чистымъ *идіотисъ*, обыкновеннымъ лишь человѣкомъ. И оттого то именно, что онъ былъ таковымъ, имя его составляетъ столь великую эпоху въ исторіи міра. Оттого, что онъ копалъ глубоко, онъ былъ въ состояніи воздвигать высоко. Оттого, что для закладки своихъ основаній онъ спускался въ тѣ части человѣческой природы, которыя лежатъ низко, но не подвержены перемѣнѣ, — зданіе, которое онъ воздвигалъ, поднялось до такой величественной высоты и стоитъ съ такою непоколебимою крѣпостью.

Намъ иногда приходило въ голову, что можно бы написать забавный вымыселъ, въ которомъ бы ученикъ Эпиктета и ученикъ Бэкона введены были какъ спутники. Они приходятъ въ деревню, гдѣ только что начала свирѣпствовать оспа, и находятъ дома запертыми, сообщеніе прерваннымъ, больныхъ покинутыми, матерей плачущими въ ужасѣ надъ своими дѣтьми. Стоикъ завѣряетъ смущенное населеніе, что въ оспѣ нѣтъ ничего худого и что для мудреца болѣзнь, безобразіе, смерть, потеря друзей не суть бѣдствія. Бэконіанецъ вынимаетъ ланцетъ и начинаетъ прививать оспу. — Они находятъ рудокоповъ

въ большомъ смущеніи. Взрывомъ зловредныхъ газовъ только что были убиты многіе изъ тѣхъ, которые находились въ работѣ; оставшіеся въ живыхъ боятся рискнуть войти въ пещеру. Стоикъ утѣряетъ ихъ, что такое приключеніе есть ничто иное, какъ чистое *ἀποπροήρητον* (недостойное предпочтенія). Бэконіанецъ, который не обладаетъ такимъ изящнымъ словомъ, довольствуется придуманіемъ предохранительнаго фонаря. — Они находятъ купца, потерпѣвшаго кораблекрушеніе, ломающимъ себѣ руни на берегу. Его судно съ драгоценнымъ грузомъ только что пошло ко дну, и онъ мгновенно доведенъ отъ богатства до нищеты. Стоикъ увѣщаетъ его не искать счастья въ вещахъ, которыя лежатъ внѣ его, и повторяетъ всю главу Эпиктета *πρὸς τοὺς ἀπὸν πόρταν δεδωκότας* (къ боящимся бѣдности). Бэконіанецъ устраиваетъ водолазныи колоколь, спускается въ немъ ко дну и возвращается оттуда съ драгоценнѣйшими изъ потонувшихъ предметовъ. Легко было бы умножить число иллюстрацій разницы между философіею шиповъ и философіею плода, философіею слова и философіею дѣла.

Бэконъ обвинялся въ преувеличеніи важности тѣхъ наукъ, которыя способствуютъ къ физическому благосостоянію человѣка, и въ пониженіи важности нравственной философіи; и нельзя отрицать, что лица, читающія «*Novum Organum*» и «*De Augmentis*», не обращая вниманія на обстоятельства, при которыхъ произведенія эти были написаны, найдутъ многое, что повидимому можетъ поддержать обвиненіе. Между тѣмъ вѣрно, что хотя въ практикѣ онъ часто весьма ошибался и хотя, какъ доказываютъ его историческое произведеніе и его «*Опытн.*», онъ даже въ теоріи не имѣлъ весьма точныхъ взглядовъ на предметы политической нравственности, однако онъ былъ до такой степени умнымъ человѣкомъ, что не могъ не знать, какъ много наше благосостояніе зависитъ отъ правильности управленія нашихъ умовъ. Миръ, къ которому стремились его желанія, не былъ, какъ нѣкоторые люди, кажется, воображаютъ себѣ, миромъ водяныхъ колесъ, механическихъ ткацкихъ станковъ, паровозовъ, сластолюбцевъ и плутовъ. Онъ былъ бы такъ же готовъ, какъ и самъ Зенонъ, утверждать, что никакія тѣлесныя удобства, которыя могли быть изобрѣтены искусствомъ и трудомъ сотни поколѣній, не доставили бы счастья человѣку, котораго духъ находится подъ тираніею распутной похоти, зависти, ненависти или страха. Если онъ иногда, повидимому, приписывалъ важность слишкомъ исключительно искусствамъ, которыя умножаютъ наружныя удобства нашего рода, то причина этому очевидна. Искусства эти были весьма не-

свойственно унижены. Они были представлены недостойными вниманія человека съ изящнымъ воспитаніемъ. «Cogitavit, говорить Бэконъ о самомъ себѣ, eam esse opinionem sive estimationem humidam et damnosam, minui nempe majestatem mentis humanæ, si in experimentis et rebus particularibus, sensui subjectis, et in materia terminatis, diu ac multum veretur: praesertim cum hujusmodi res ad inquirendam laboriosæ, ad meditandum ignobiles, ad discendum asperæ, ad practicam illiberales, numero infinitæ, et subtilitate pusillæ videri soleant, et ob hujusmodi conditiones, gloriæ artium minus sint accommodatæ» (42). Это мнѣніе казалось ему «omnia in familia humana turbasse» (43). Оно несомнѣнно было причиною того, что многія искусства, которыя были весьма полезны и которыя способны были быть въ высшей степени усовершенствованы, заброшены были мыслителями и предоставлены столярамъ, каменщикамъ, кузнецамъ, ткачамъ, аптекарямъ. Нужно было отстоять достоинство этихъ искусствъ, выдвинуть ихъ рельефно впередъ, провозгласить, что такъ какъ они имѣютъ весьма серьезное вліяніе на человеческое счастье, то и не могутъ быть недостойными вниманія величайшихъ человеческихъ умовъ. При томъ, лишь иллюстраціями, почерпнутыми изъ этихъ искусствъ, Бэконъ могъ весьма легко пояснить свои принципы. Лишь посредствомъ усовершенствованій, произведенныхъ въ этихъ искусствахъ, основательность его принциповъ могла весьма скоро и рѣшительно быть подвержена испытанію и сдѣлаться очевидною для обыкновенныхъ умовъ. Онъ дѣйствовалъ подобно мудрому военачальнику, который ослабляетъ всякую другую часть своей линіи, чтобы усилить пунктъ, на который непріятель нападаетъ съ особеннымъ ожесточеніемъ.

(42) «Cogitata et visa». Выраженіе *opinio humida* (мокрое мнѣніе) можетъ показаться страннымъ читателю, непривыкшему къ Бэконовскому слогу. Это намекъ на изрѣченіе темнаго Гераклита: «Сухой свѣтъ есть лучшій.» Подъ сухимъ свѣтомъ Бэконъ понималъ свѣтъ ума, неомраченнаго туманами страсти, корысти или предрассудка.

(43) «Размышляя, что мокро и достойно осужденія мнѣніе — будто бы умилается величіе человеческого ума, если онъ долго и много вращался среди опытовъ и частности, подверженныхъ чувству и ограниченныхъ по веществу: въ особенности потому, что эти вещи обыкновенно являются трудными для изслѣдованій, неблагородными для размышленій, негладкими для изученія, низкими въ практикѣ, безвѣчными по числу и ничтожными по милости, и вслѣдствіе такихъ условий мало вліяющими на достоинству наукъ.»

«Все рухнетъ въ семьѣ чуждѣчества.»

емъ, и отъ участи котораго можетъ по всей вѣроятности, зависѣть исходъ ораженія. Въ «*Novum Organum*», однако, онъ ясно и весьма правдиво объявляетъ, что его философія есть столько же нравственная философія, сколько и натуральная философія, что, хотя его иллюстраціи почерпнуты изъ естественныхъ наукъ, принципы, которые онъ намѣренъ пояснить этими иллюстраціями, приложимы точно такъ же къ этическимъ и политическимъ изысканіямъ, какъ и къ изысканіямъ о природѣ теплоты и прозябанія (*).

Онъ часто рассуждалъ о предметахъ нравственныхъ, и прилагалъ къ этимъ предметамъ тотъ взглядъ, который составлялъ сущность всей его системы. Онъ оставилъ намъ многія удивительныя практическія замѣчанія о томъ, что онъ, вѣсколько нагнуто, называлъ георгиками ума, — объ умственной обработкѣ, которая стремится къ произведенію хорошихъ наклонностей. Нѣкоторыя лица, говорилъ онъ, могли бы обвинять его въ томъ, что онъ тратитъ трудъ на предметъ до того простой, что предшественники его съ презрѣніемъ оставили его въ сторонѣ. Онъ желалъ напомнить такимъ лицамъ, что онъ объявлялъ въ самомъ началѣ, что предметъ его изысканій не блестящее и поразительное, но полезное и истинное, не обольстительныя оновидніи, которыя выступаютъ чрезъ блестящіе ворота изъ слововой кости, но болѣе скромныя дѣйствительности ворота изъ рога (b).

Вѣрный этому принципу, онъ не пускался ни въ какія высокопарныя рѣчи о сообразности вещей, вседостаточности добродѣтели и достоинствъ человѣческой природы. Онъ вовсе не вдавался въ такіе звучные пустяки, которыми Болинброкъ, по собственнымъ его словамъ, утѣшалъ себя въ изгнаніи, и въ которыхъ Цицеронъ напрасно искалъ утѣшенія послѣ потери Туллія (44). Казуистическія тонкости, занимавшія вниманіе проищательнѣйшихъ умовъ его времени, не имѣли, повидимому, никакой для него привлекательности. Отъ докторовъ, которыхъ Эскобартъ сравнивалъ впоследствии съ четырьмя зѣбрами и двадцатью четырьмя старѣйшинами въ Апокалипсисѣ, Бэконъ отдѣлывался съ весьма презрительною краткостью. «*Ipseque plerumque evadunt et futiles*» (45). Да и никогда не касался онъ тѣхъ загадокъ, которыя приводили въ тупнякъ сотни поколѣній,

(*) «*Novum Organum*», Lib. 1, Aph. 127.

(b) «*De Augmentis*», Lib. 7. Cap. 3.

(44) Дочь Цицерона.

(45) «Большою частью она оказываются пусты и вычужны. — «*De Augmentis*», Lib. VII. Cap. 2.

и будутъ озадачивать еще сотни другихъ. Онъ не говорилъ ни-
 чего объ основаніяхъ нравственной обязанности, или о свободѣ
 человѣческой воли. Онъ не имѣлъ нислѣднейшей склонности за-
 ниматься работами, похожими на работы осужденныхъ на вѣч-
 нна муки въ греческомъ Тартарѣ — вѣчно прѣсть на той же
 пралкѣ у того же веретена, вѣчно глядѣть съ жадностью на
 тѣ же обольстительныя виноградныя кисти, вѣчно вливать воду
 въ тѣ же бездонныя бочки, вѣчно ходить взадъ и впередъ по
 той же скучной тропинкѣ за тѣмъ же скатывающимся камнемъ.
 Онъ увѣщевалъ своихъ учениковъ продолжать изысканія совсѣмъ
 много рода, смотрѣть на нравственную науку, какъ на науку
 практическую, науку, которой задачею было врачевать недуги
 и волненіе духа, и которая могла совершенствоваться лишь по-
 средствомъ метода, похожаго на тотъ, какой усовершенство-
 вала медицину и хирургію. Правоучители, говорилъ онъ, должны
 взяться сильно за дѣло для того, чтобы открыть, какія суть на-
 стоящія дѣйствія, производимыя на человѣческой характеръ осо-
 бенными родами воспитанія, потворствомъ особеннымъ привыч-
 камъ, чтеніемъ особенныхъ книгъ, обществомъ, соревнованіемъ,
 подражаніемъ. Тогда мы могли бы надѣяться отыскать, какой
 способъ воспитанія представляетъ наиболѣе вѣроятности, чтобы
 сохранить и возстановить нравственное здоровье (*).

Какимъ онъ былъ, какъ натуралистъ и психологъ, такимъ онъ
 былъ тоже и какъ теологъ. Мы убѣждены, что онъ искренно
 вѣровалъ въ божественный авторитетъ христіанскаго открове-
 нія. Ни въ его произведеніяхъ, ни въ какихъ-либо другихъ
 произведеніяхъ нельзя найти ничего болѣе краснорѣчиваго и
 трогательнаго, чѣмъ нѣкоторыя мѣста, писанныя повидимому
 подъ вліяніемъ сильнаго набожнаго чувства. Онъ любилъ рас-
 пространяться о способности христіанской религіи совершать
 многія такія вещи, которыя древняя философія могла только
 обѣщать. Онъ любилъ считать эту религію залогомъ любви,
 уздою дурныхъ страстей, утѣшеніемъ несчастнаго, опорой
 робкаго, надеждою умирающаго. Но споры объ отвлеченныхъ
 предметахъ теологіи врядъ ли, кажется, сколько-нибудь при-
 влекали на себя его вниманіе. Въ томъ, что онъ писалъ о цер-
 ковномъ управленіи, онъ обнаруживалъ, настолько, насколько смѣлъ,
 духъ вѣротерпимости и милосердія. Онъ вовсе не заботился о
 Гомоусіанахъ и Гомоусіанахъ Монотелитахъ и Несторіанахъ.
 Онъ жилъ въ томъ вѣкѣ, когда диспуты о самыхъ тонкостяхъ

(*) Ib. lib. 7. Cap. 3.

богословія возбуждали сильный интересъ во всей Европѣ, и нигдѣ столько, какъ въ Англіи. Онъ находился въ самомъ центрѣ борьбы. Онъ былъ въ силѣ во время Дортрехтскаго синода, и должно быть, по цѣлымъ мѣсяцамъ былъ ежедневно оглушаемъ толками о предъизбраніи, отверженіи и неизмѣнной благодати. Однако мы не помнимъ ни одной строки изъ его произведеній, во которой можно было бы заключать, чтобы онъ былъ калъвинистъ или арминіанинъ. Въ то время, какъ свѣтъ былъ наполненъ шумомъ спорливой философіи и спорливой теологіи, Бэконова школа, подобно Альворти, сидящему между Сквэромъ и Твакомомъ⁽⁴⁶⁾, хранила спокойный нейтралитетъ, полунасмѣшливый, полудобродушный, и, довольствуясь прибавкою къ суммѣ практическаго блага, оставляла словопреніе тѣмъ, кому оно приходилось посердцу.

Мы долго задержались надъ цѣлью Бэконовой философіи, оттого что изъ особенностей этой цѣли по необходимости истекали всѣ прочія особенности этой философіи. Дѣйствительно, врядъ ли кто-либо, предложившій себѣ ту же задачу, что и Бэконъ, не попадетъ на тѣ же средства.

Мы полагаемъ, что вульгарное понятіе о Бэконѣ состоитъ въ томъ, будто бы онъ изобрѣлъ новый методъ доходить до истины, который называется наведеніемъ, и будто бы онъ открылъ нѣкоторый обманъ въ силлогистическомъ уствованіи, которое было въ ходу до его времени. Это понятіе почти столь же основательно, сколько и понятіе людей, которые, въ средніе вѣка, воображали себѣ, что Виргилій былъ большой колдунъ. Многіе однако, которые до тѣхъ значительной степени хорошо знакомы съ дѣломъ, что не могутъ рассказывать подобной безсмыслицы, имѣютъ, мы думаемъ, невѣрные понятія о томъ, что именно Бэконъ сдѣлалъ по этому предмету.

Методъ наведенія употреблялся съ самаго начала міра каждымъ человѣческимъ существомъ. Онъ постоянно прилагается къ дѣлу самымъ невѣжественнымъ мужикомъ, самымъ безсмысленнымъ школьникомъ, всякимъ груднымъ ребенкомъ. Этотъ методъ приводитъ мужика къ заключенію, что если онъ съѣсть ячмень, то не будетъ поминать пшеницы. Посредствомъ этого метода школьникъ узнаетъ, что пасмурный день лучший для ловли форелей. Самъ младенецъ, мы думаемъ, руководствуется наведеніемъ, ожидая молока отъ своей матери или кормилицы, а нисколько не отъ отца.

(46) Дѣйствующія лица въ романѣ «Tom Jones».

Не только несправедливо, что Бэконъ изобрѣлъ методъ наведенія, но несправедливо также и то, что онъ первый подвергъ этотъ методъ правильному анализу и объяснилъ его употребленіе. Аристотель задолго еще до него указалъ нелѣпость того предположенія, будто бы силлогистическое умствование могло когда-либо привести людей къ открытію какого-нибудь новаго принципа; доказавъ, что такія открытія должны дѣлаться посредствомъ наведенія, и одного лишь наведенія; и изложилъ исторію индуктивнаго процесса, правда, сжато, но съ большою ясностью и точностью.

Притомъ же, мы не думаемъ придавать много практической важности тому анализу индуктивнаго метода, какой Бэконъ представилъ во второй книгѣ «*Novum Organum*». Правда, это обработанный и точный анализъ. Но это анализъ того, что мы всѣ дѣлаемъ съ утра до ночи, и что мы продолжаемъ дѣлать даже во время нашихъ сновидѣній. Простой человѣкъ находитъ свой желудокъ не въ порядкѣ. Онъ никогда не слышалъ имени лорда Бэкона. Но онъ поступаетъ совершенно согласно съ правилами, изложенными во второй книгѣ «*Novum Organum*», и убѣждается, что пироги съ мясомъ надѣлали эту бѣду. «Я ѣлъ пироги съ мясомъ въ понедѣльникъ и въ среду, и не спалъ всю ночь отъ дурнаго пищеваренія». Это есть *comparentadia intellectum instantiarum convenientium*. «Я не ѣлъ ихъ вовсе во вторникъ и въ пятницу, и чувствовалъ себя совершенно хорошо.» Это есть *comparentia instantiarum in proximo quas natura data privantur*. «Я ѣлъ ихъ весьма мало въ воскресеніе, и мнѣ вечеромъ слегка не здоровилось. Но въ день Рождества я ѣлъ за обѣдомъ почти одни пироги, и былъ до того боленъ, что находился въ большой опасности.» Это есть *comparentia instantiarum secundum magis et minus*. «Водка, которую я пилъ, не могла быть тому причиною. Ибо я пилъ водку ежедневно съ давнихъ поръ, и мнѣ отъ этого не было хуже.» Это есть *rejectio naturarum*. Нашъ больной доходитъ, следовательно, до того, что Бэконъ называетъ *Vindemiatio*, и объявляетъ, что пироги съ мясомъ ему не понатуръ.

Повторяемъ, что мы не оспариваемъ ни остроумія, ни точности теорій, содержащейся во второй книгѣ «*Novum Organum*»; но мы думаемъ, что Бэконъ весьма преувеличилъ ея полезность. Мы полагаемъ, что процессъ наведенія, подобно многимъ другимъ процессамъ, не можетъ совершаться лучше оттого только, что люди знаютъ, какимъ образомъ они его совершаютъ. Вильгельмъ Телль не былъ бы отъ этого ни на волосъ способенъ расколоть яблоко, если бъ зналъ, что его стрѣла должна опи-

сать параболу подь вліаніемъ земнаго притяженія. Кэпталъ Барклей не былъ бы отъ этого способанъ проходить тысячу миль въ тысячу часовъ, еслибъ зналъ мѣсто и названіе каждой мышцы своихъ ногъ. Господинъ Журденъ, вѣроятно, не произносилъ правильнѣе буквы Д и Ф, послѣ того какъ узналъ, что Д произносится чрезъ прикосновеніе зубовъ къ концу языка, а Ф — когда верхніе зубы ставятся на нижнюю губу. Мы не замѣчаемъ, чтобъ изученіе грамматики дѣлало хоть малѣйшую разницу въ образъ рѣчи людей, которые всегда жили въ хорошемъ обществѣ. Ни одинъ лондонецъ изъ десяти тысячъ не скажетъ правилъ для надежащаго употребленія *will* и *shall*. Однако ни одинъ лондонецъ изъ милліона никогда не ставитъ не-кстати свое *will* и *shall*. Докторъ Робертсонъ могъ бы, несомнѣнно, написать блестящую диссертацию объ употребленіи этихъ словъ. Однако, даже въ послѣднемъ своемъ произведеніи, онъ иногда ставитъ ихъ смѣшно неумѣстно. Никто не употребляетъ фигуры рѣчи болѣе кстати оттого, что знаетъ, что одна фигура называется метонимія, а другая синекдоха. Ломовой извощикъ въ сердцахъ восклицаетъ: «Красивъ парень,» не подозревая того, что онъ произноситъ иронию и что иронія есть одна изъ четырехъ главныхъ троповъ. Самые опытные и разборчивые знатоки дѣла никогда не считали древнихъ системъ риторики сколько-нибудь полезными для образованія оратора. «*Ego hanc vim intelligo, говорилъ Цицеронъ, esse in præceptis omnibus, non ut ea secuti oratores eloquentiæ laudem sint adepti, sed quæ sua sponte homines eloquentes facerent, ea quosdam observasse, atque id egisse; sic esse non eloquentiam ex artificio, sed artificium ex eloquentia natum*» (47). Мы должны признаться, что пытаемъ то же мнѣніе касательно изученія логики, какое Цицеронъ питалъ касательно изученія риторики. Здравомыслящій человекъ оставляетъ дѣлать день силлогизмы по *celarent* и *cossare*, не подозревая этого; и, хотя онъ можетъ не знать, что такое *ignoratio elenchi*, не затруднится однако открыть его, коль скоро оно ему попадается; что можетъ случаться всякій разъ, какъ только онъ встрѣчается съ почтеннымъ магистромъ, провѣтавшимся образцами и фигурами силлогизмовъ въ оксфордскихъ корридо-

(47) «Я признаю во всѣхъ привадахъ не то значеніе, что, сабжу имъ, ораторы достигли славы краснорѣчія; нѣтъ, краснорѣчивые люди употребляли самобытно извѣстные приемы, которые другими были замѣчательны и исполняемы. Такъ что не краснорѣчіе порождено искусствомъ, а искусство краснорѣчіемъ. — «*De Oratore*» 1, 82.

рахъ. Нельзя слишкомъ надвигаться на «*Organum*» Аристотеля, рассматривая его только какъ умственный подвигъ. Но чѣмъ болѣе мы сравниваемъ отдѣльные лица другъ съ другомъ, школу со школою, націю съ націею, поколѣніе съ поколѣніемъ, тѣмъ болѣе приныкаемъ къ мнѣнію, что знаніе теорій логики нисколько не стремится къ тому, чтобы сдѣлать людей хорошими мыслителями.

То, что Аристотель сдѣлалъ для силлогистическаго процесса, Бэконъ, во второй книгѣ «*Novum Organum*», сдѣлалъ для индуктивнаго процесса; то есть, онъ сдѣлалъ хорошій анализъ его. Правила его совершенно приличны; но мы не нуждаемся въ нихъ, оттого что они извлечены изъ нашей собственной постоянной практики.

Но, хотя всякій постоянно совершаетъ процессъ, описанный во второй книгѣ «*Novum Organum*», нѣкоторые люди совершаютъ его хорошо, а нѣкоторые совершаютъ его дурно; нѣкоторые посредствомъ его приводятся къ истинѣ, а нѣкоторые въ заблужденію. Онъ велъ Франклина къ открытію свойствъ молніи. Онъ велъ цѣлыя тысячи людей, у которыхъ мозгъ былъ хуже, чѣмъ у Франклина, къ взрванію въ животный магнетизмъ. Но это происходило не отъ того, что во Франклинѣ совершился процессъ мышленія, описанный Бэкономъ, а въ олураченныхъ Мисмеромъ иной процессъ. *Comparentia* и *rejectiones*, которыхъ мы представили примѣры, найдутся въ самыхъ ошибочныхъ наведеніяхъ. Мы слышали, что одинъ знаменитый судья прошедшаго поколѣнія вѣлъ привычку шутя излагать послѣ объѣда теорію того, что обыкновеніе носить тройное или было причиною преобладанія якобинизма. Онъ приводилъ съ одной стороны Чарльза Джемса Фокса, Ричарда Бринсли Шеридана, Джона Горна Тука, Джона Фильпота Коррана, Самюэля Тайлора Кольриджа, Теовальда Вольфа Тона. Это были *instantia convenientes*. Потомъ онъ начиналъ приводить, какъ случаи *absentia in proximo*, Вилліама Питта, Джона Скотта, Вилліама Виндагама, Самюэля Горсли, Генри Дондаса; Эдмунда Борка. Онъ могъ бы перейти къ случаямъ *secundum magis et minus*. Обыкновеніе давать дѣтямъ тройныя имена нѣкоторое время весьма распространялось, и якобинизмъ тоже распространялся. Обыкновеніе давать дѣтямъ тройныя имена болѣе въ-ходу въ Америкѣ, чѣмъ въ Англіи. Въ Англіи мы все-таки имѣемъ короля и палату лордовъ; но американцы — республиканцы. *Rejectiones* тутъ очевидны. Боркъ и Теовальдъ Вольфъ Тонъ — оба ирландцы, поэтому быть ирландцемъ не составляетъ причины якобинизма. Горсли и

Горнъ Тукъ — оба священнослужителя; поэтому быть священнослужителемъ не составляетъ причины якобинизма. Фоксъ и Виндгамъ — оба воспитывались въ Оксфордѣ; поэтому быть воспитаннымъ въ Оксфордѣ не составляетъ причины якобинизма. Питтъ и Горнъ Тукъ оба воспитывались въ Кембриджѣ; поэтому быть воспитаннымъ въ Кембриджѣ не составляетъ причины якобинизма. Этимъ путемъ нашъ индуктивный философъ доходитъ до того, что Бэконъ называетъ the Vintage, уборкою винограда, и объявляетъ, что ношеніе тройныхъ именъ есть причина якобинизма.

Вотъ наведеніе, согласующееся съ анализомъ Бэкона и оцѣнчивающееся уродливою мелзпостью. Въ чемъ же состоитъ разница этого наведенія отъ наведенія, которое приводитъ насъ къ заключенію, что присутствіе солнца есть причина того, что мы имѣемъ болѣе свѣта днемъ, чѣмъ ночью? Разница, очевидно, состоитъ не въ качествѣ случаевъ, но въ количествѣ ихъ; то есть, разница состоитъ не въ той части процесса, для которой Бэконъ представилъ точныя правила, но въ томъ обстоятельствѣ, для котораго не возможно представить никакого точнаго правила. Еслибъ ученый виновникъ теоріи о якобинизмѣ расширилъ немного который-нибудь изъ своихъ списковъ, то система его рушилась бы. Именъ Тома Пена и Вилліама Виндгама Гренвилла было бы достаточно, чтобъ покончить дѣло.

Намъ кажется, поэтому, что разница между правильнымъ и неправильнымъ наведеніемъ не заключается въ томъ, что виновникъ правильнаго наведенія совершаетъ процессъ, разобранный во второй книгѣ «*Novum Organum*», а виновникъ неправильнаго наведенія иной процессъ. Они оба совершаютъ тотъ же процессъ. Но одинъ совершаетъ его безъ толку или небрежно; другой совершаетъ его терпѣливо, внимательно, проицательно и разсудительно. Правила же мало могутъ способствовать къ тому, чтобы сдѣлать людей терпѣливыми и внимательными, а еще менѣе къ тому, чтобы сдѣлать ихъ проицательными и разсудительными. Хорошо говорить людямъ, чтобы они остерегались отъ предразсудковъ, не вѣрили фактамъ слабо доказаннымъ, не довольствовались скуднымъ собраніемъ фактовъ, выбили себя изъ головы *idola*, которые такъ прекрасно описалъ Бэконъ. Но правила эти до такой степени общи, что не могутъ принести большой практической пользы. Вопросъ въ томъ: что есть предразсудокъ? До какихъ поръ недовѣрчивость, съ какою я слушаю проповѣдованіе новой теоріи, продолжаетъ быть осторожною и спасительною недовѣрчивостью? Когда она становится *idolum specus*, неразумнымъ упорствомъ слишкомъ

скептическаго духа? Что есть слабое доказательство? Какое собраніе фактовъ скудно? Достаточно ли будетъ десяти случаевъ, или пятидесяти, или сотня? Во сколько мѣсяцевъ первыя человѣческія существа, поселившіяся на берегахъ океана. были бы въ правѣ думать, что луна имѣетъ вліяніе на приливы и отливы? Послеъ сколькихъ опытовъ Дженнеръ имѣлъ бы право думать, что открылъ предохранительное средство отъ оспы? Вотъ вопросы, на которые было бы весьма желательно имѣть точный отвѣтъ, но, къ счастью, это такіе вопросы, на которые нельзя представить никакого точнаго отвѣта.

Мы думаемъ, потому что возможно составить точныя правила, какъ это сдѣлалъ Бэконъ, для совершенія той части индуктивнаго процесса, которую всѣ люди совершаютъ одинаково; но что эти правила, хотя и точны, ненужны, потому что въ дѣйствительности они только говорятъ намъ дѣлать то, что мы дѣлаемъ. Мы думаемъ, что невозможно составить какое-либо точное правило для совершенія той части индуктивнаго процесса, которую великій естествоиспытатель совершаетъ однимъ путемъ, а суетврная старуха другимъ.

Въ этомъ, мы думаемъ, Бэконъ ошибался. Онъ, конечно, приписывалъ своимъ правиламъ важность, которой они не имѣли. Онъ доходилъ до положенія, что еслибъ его методъ дѣланія открытій былъ усвоенъ, тогда немного зависло бы отъ степени силы и пронипательности какого-либо ума; что всѣ умы были бы доведены до одного уровня; что его философія походила на циркуль или на линейку, которые уравниваютъ всѣ руки и дѣлаютъ способнымъ самаго неопытнаго человѣка чертить болѣе правильныи кругъ или линію, чѣмъ могутъ произвести лучшіе чертежники безъ такого пособія (*). Это, въ самомъ дѣлѣ, кажется намъ столь же безумнымъ, какъ было бы безумно со стороны Линдла Моррея провозглашать, что всякій, кто выучилъ бы его грамматику, будетъ писать такимъ же хорошимъ англійскимъ языкомъ, какъ Драйденъ, или со стороны весьма даровитаго писателя, архіепископа дублинскаго, обѣщать, что всѣ читатели его логики будутъ мыслить подобно Чиллингворту, и что всѣ читатели его риторики будутъ говорить подобно Борку. Что Бэконъ въ этомъ пунктѣ совершенно ошибался — врядъ ли можетъ теперь подлежать спору. Его философія процвѣтала въ теченіе 200 лѣтъ, и не произвела вовсе этой нивеллировки. Разстояніе между человѣкомъ талантливымъ

(*) «*Novum Organum*» Præf. and Lib. 1. Aph. 122.

и человѣкомъ бездарнымъ такъ же велико, какъ и всегда, и никогда не бываетъ замѣтнѣе, чѣмъ въ то время, когда они пускаются въ изысканія, которые требуютъ постояннаго употребленія наведенія.

Ясно, что мы не смотримъ на остроумный Бэконовскій анализъ индуктивнаго метода какъ на весьма полезное дѣло. Бэконъ не былъ, какъ мы уже сказали, изобрѣтатель индуктивнаго метода. Онъ даже не былъ человѣкомъ, который впервые разбиралъ индуктивный методъ правильно, — хотя онъ несомнѣнно разбиралъ его подробнѣе, чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ. Онъ не былъ человѣкомъ, который впервые показалъ, что лишь посредствомъ индуктивнаго метода новая истина могла быть открыта. Но онъ былъ человѣкъ, который впервые направилъ умы мыслящихъ людей, долгое время занимавшихся словопрениемъ, на открытiе новой и полезной истины; и, поступая такимъ образомъ, онъ вдругъ далъ индуктивному методу ту важность и достоинство, которыя никогда прежде не принадлежали ему. Дороги этой онъ не создавалъ; дороги этой онъ не открылъ; онъ не былъ даже человѣкомъ, который впервые измѣрилъ ее и составилъ на карту. Но онъ былъ человѣкъ, впервые обратившій общественное вниманiе на неистощимый рудникъ богатства, который былъ совершенно заброшенъ и который былъ доступенъ лишь по этой дорогѣ. Поступая такимъ образомъ, онъ заставилъ высшiй классъ путешественниковъ посвятить ту дорогу, которую прежде топали лишь поселяне и разношники.

То, что въ его системѣ принадлежало по преимуществу ему, — есть цѣль, которую онъ предложилъ себѣ. Когда цѣль была дана, въ выборѣ средствъ, какъ намъ кажется, не легко можно было ошибаться. Еслибъ другiе стремились къ тому же предмету, какъ и Бэконъ, то мы полагаемъ навѣрное, что они употребили бы тотъ же методъ. Трудно было бы убѣдить Сенеку, что изобрѣтенiе предохранительнаго фонаря было занятiемъ достойнымъ философа. Было бы трудно также уговорить Θому Аквинскаго низойти отъ составленiя силлогизмовъ до составленiя пороха. Но Сенека никогда и на минуту не усумнился бы въ томъ, что предохранительный фонарь могъ быть изобрѣтенъ лишь посредствомъ цѣлаго ряда опытовъ. Θома Аквинскiй никогда бы не подумалъ, чтобы его силлогизмы *barbara* и *baralipon* могли сдѣлать его способнымъ опредѣлить отношенiе, въ какомъ древесный уголь долженъ быть въ селитрѣ въ фунтѣ пороха. Ни здравый смыслъ, ни Аристотель не дозволили бы ему впасть въ такую нелѣпость.

Побуждая людей къ открытію новой истины, Бэконъ чрезъ это побуждалъ ихъ употреблять индуктивный методъ, единственный методъ, — даже по рѣшенію древнихъ философовъ и самихъ схоластиковъ, — посредствомъ котораго можетъ быть открыта новая истина. Побуждая людей къ открытію полезной истины, онъ чрезъ это впагалъ въ нихъ стремленіе къ совершенію индуктивнаго процесса хорошо и тщательно. Его предшественники, по собственному его выраженію, не толковали, но предполагали природу. Они довольствовались первыми принципами, до которыхъ доходили посредствомъ самаго скуднаго и нерыбдаго наведенія. И отчего это происходило? Это происходило, мы думаемъ, оттого, что ихъ философія не предлагала себѣ никакой практической цѣли, что она была только упражненіемъ ума. Человѣкъ, которому нужно придумать новую машину или новое лекарство, имѣетъ сильную побудительную причину наблюдать точно и терпѣливо, и дѣлать опытъ за опытомъ. Но человѣкъ, которому только нужна тема для словопренія или витійствованія, не имѣетъ отиудь такой побудительной причины. Онъ поэтому довольствуется посылками, основанными на предположеніи, или на самомъ скудномъ и поспѣшномъ наведеніи. Такъ, мы думаемъ, поступали схоластики. Изъ своихъ нецѣльныхъ посылокъ они чисто выводили заключенія съ большимъ искусствомъ; и какъ цѣлью ихъ было *casensum subjugare, non res* (a) — одержать верхъ въ спорѣ, а не одержать верхъ надъ природою, то они были послѣдовательны. Ибо какъ-разъ столько же логическаго искусства можно было выказать въ умствованіи при ложныхъ послылкахъ, сколько и при истинныхъ. Но послѣдователи новой философіи, поставивъ для себя цѣлью открытіе полезной истины, должны были бы потерпѣть совершенную неудачу въ достиженіи этой цѣли, еслибъ довольствовались построеніемъ теоріи на поверхностномъ наведеніи.

Бэконъ замѣтилъ (b), что въ тѣ вѣка, когда философія была въ застоѣ, механическія искусства совершенствовались. Отчего это было? Очевидно, оттого, что механикъ не довольствовался такимъ небрежнымъ родомъ наведенія, какимъ удовлетворялся философъ. Отчего же философъ легче удовлетворялся, чѣмъ механикъ? Очевидно, оттого, что предметомъ механика было претворять вещи, въ то время какъ предметомъ философа было

(a) «*Novum Organum*», Lib. 1. Aph. 29.

(b) «*De Augmentis*», Lib. 1.

только претворять слова. Тщательнаго наведенія вовсе не нужно для составленія хорошаго силлогизма. Но оно необходимо нужно для того, чтобы сдѣлать хорошій башмакъ. Механики, поэтому, всегда были, — насколько простиралась область ихъ скромнаго, но полезнаго ремесла, — не предполагаемыми, а толкователями природы. И когда возникла философія, предметомъ которой было сдѣлать въ большомъ размѣрѣ то, что механики дѣлаютъ въ маломъ размѣрѣ, — расширить власть и пособіе нужамъ человѣка, — тогда вѣрность посылокъ, которая въ логическомъ смыслѣ дѣло совсѣмъ неважное, стала дѣломъ величайшей важности; и небрежное наведеніе, которымъ удовольвовались прежде люди науки, по необходимости уступило мѣсто болѣе точному и удовлетворительному наведенію.

То, что Бэконъ сдѣлалъ для индуктивной философіи, можетъ, мы думаемъ, по справедливости быть выражено такъ. Предметы предшествовавшихъ мыслителей были такого рода предметы, которыхъ можно было достигнуть безъ тщательнаго наведенія. Эти мыслители, слѣдовательно, не совершали индуктивнаго процесса тщательно. Бэконъ двинулъ людей къ преслѣдованію цѣли, которая могла быть достигнута только помощью наведенія, и притомъ помощью наведенія, тщательно совершеннаго; и вслѣдствіе того наведеніе совершалось тщательно. Мы не думаемъ, чтобы важность того, что Бэконъ сдѣлалъ для индуктивной философіи, могла быть когда-либо преувеличена. Но мы думаемъ, что свойство означанныхъ имъ услугъ часто понимается ошибочно, и не было вполне понято даже имъ самимъ. Не чрезъ то, что онъ снабдилъ философовъ правилами для удовлетворительнаго совершенія индуктивнаго процесса, — но чрезъ то именно, что онъ снабдилъ ихъ побудительною причиною для совершенія не иначе какъ удовлетворительно, — оказалъ онъ обществу столь великое благодѣяніе.

Дать человѣческому уму направленіе, которое бы онъ сохранялъ цѣлыя столѣтія, есть рѣдкая прерогатива немногихъ могущественныхъ гениевъ. Не можетъ, поэтому, быть неинтересно развѣдывать, какой нравственный и умственный складъ дѣлалъ Бэкона способнымъ производить на міръ столь обширное вліяніе.

Въ природѣ Бэкона, — мы говоримъ о Бэконѣ-философѣ, а не о Бэконѣ-законовѣдѣ и политикѣ, — было особенное соединеніе смѣлости и трезвости. Общанія, которыя онъ дѣлалъ человѣчеству, могли бы поверхностному читателю казаться похожими на изступленныя рѣчи, какія великій драматическій писатель вложилъ въ уста одного восточнаго завоевателя, полусумасшедшаго отъ счастья и сильныхъ страстей:

«He shall have chariots easier than air,
Which I will have invented; and thyself
That art the messenger shall ride before him,
On a horse cut out of an entire diamond,
That shall be made to go with golden wheels,
I know not how yet». (48).

Но Бэконъ совершилъ, что обѣщалъ. Въ самомъ дѣлѣ, Флетчеръ не посмѣлъ бы заставить своего Арбака обѣщать, въ самыхъ дикихъ припадкахъ его изступленія, и десятую долю того, что совершила Бэконовская философія.

Истинная философская натура можетъ, мы думаемъ, быть описана въ четырехъ словахъ; много надежды, мало вѣры; расположеніе думать, что любая вещь, какъ бы она ни была необыкновенна, можетъ быть сдѣлана; нерасположеніе думать, что что-либо необыкновенное было сдѣлано. Въ этихъ пунктахъ, кажется намъ, что складъ Бэконова ума былъ безусловно совершененъ. Онъ былъ вмѣстѣ и Маммонъ и Сорли своего друга Бэна Джонсона. Сэръ Эпикуръ не предавался дѣяніямъ болѣе великолѣпнымъ и гигантскимъ. Сорли не разбиралъ доказательства съ болѣе строгою и болѣе провинцательною недовѣрчивостію.

Въ тѣсной связи съ этой особенностью Бэконовой природы, была рѣзкая особенность его разума. Съ большою подробностію наблюдательности онъ соединялъ такую обширность пониманія, какую никогда еще не было надѣлено ни одно человѣческое существо. Узкій, изящный умъ Лаврюкра не обладалъ болѣе тонкимъ чутьемъ, чѣмъ широкій умъ Бэкона. Его «Опыты» содержатъ обильныя доказательства тому, что ни одна тонкая черта характера, ни одна особенность при устроеніи дома, сада, или придворнаго маскарада, не могли ускользнуть отъ взора человѣка, котораго умъ способенъ былъ вмѣщать въ себя весь міръ знанія. Умъ его походилъ на наметъ, который фея Парибану дала принцу Ахмеду. Сверните его — и онъ казался игрушкою для ручки какой-нибудь леди. Разверните его — и цѣлыя полчища могущественныхъ султановъ могли бы отдыхать подъ его тѣнью.

(48) «У него будутъ колесницы легче чѣмъ воздухъ,
Которыя у меня будутъ изобрѣтены; а ты самъ,
Будучи посланнымъ, поѣдешь передъ нимъ
На конѣ, высѣченномъ изъ цѣльнаго алмаза.
Который будетъ идти на золотыхъ колесахъ,
Я не знаю еще, какимъ образомъ».

Въ остротѣ наблюдательности онъ имѣлъ равныхъ себѣ, хотя, быть можетъ, никогда не былъ превзойденъ. Но широта ума принадлежала ему одному. Взглядъ, съ какимъ онъ обозрѣвалъ умственную вселенную, походилъ на взглядъ, который архангелъ, съ золотого порога небесъ, бросилъ внизъ на новое твореніе.

«Round he surveyed, — and well might, where he stood
So high above the circling canopy
Of night's extended shade, — from eastern point
Of Libra, to the fleecy star which bears
Andromeda far off Atlantic seas
Beyond the horizon.» (49).

Его знаніе отличалось отъ знанія другихъ людей, какъ земной глобусъ отличается отъ атласа, который на каждомъ листѣ содержитъ иную страну. Города и дороги Англии, Франціи и Германіи лучше изображены на атласѣ, чѣмъ на глобусѣ. Но въ то время, какъ мы смотримъ на Францію, мы нисколько не видимъ Германіи. Мы можемъ прибѣгнуть къ атласу, чтобъ узнать взаимныя положенія и разстоянія Йорка и Бристоля, или Дрездена и Праги. Но онъ бесполезенъ, если намъ нужно знать взаимныя положенія и разстоянія Франціи и Мартиники, или Англии и Канады. На глобусѣ мы не найдемъ всѣхъ торговыхъ городовъ въ нашихъ окрестностяхъ; но мы изъ него узнаемъ сравнительное протяженіе и относительное положеніе всѣхъ государствъ земли. «Я избралъ, — говорилъ Бэконъ въ письмѣ, писаномъ, когда ему было только 31 годъ, къ своему дядѣ, лорду Борлею, — я избралъ своимъ занятіемъ все знаніе.» Со стороны всякаго другаго молодого человѣка, даже со стороны любяго другаго человѣка, это была бы смѣшная выходка выскокнѣрія. Были тысячи лучшихъ математиковъ, астрономовъ, химиковъ, физиковъ, ботаниковъ, минераловъ, чѣмъ Бэконъ. Никто не обратился бы къ произведеніямъ Бэкона для изученія какой-нибудь особенной науки или искусства, точно такъ какъ никто не обратился бы къ двѣнадцати-дюймовому глобусу, для того чтобы найти свою дорогу отъ Кеннингтонской заставы до Клапгамъ-Коммонъ. Искусство, которому научалъ Бэконъ, было

(49) «Кругомъ онъ обозрѣвалъ, — и могъ это дѣлать оттуда, гдѣ стоялъ
Такъ высоко надъ кружащимся быдлахинномъ
Распростертой ночной тѣни, — отъ восточной точки
Вѣсовъ до рунистой звѣзды, которая уноситъ
Авдромеду далеко за атлантическія воды,
За предѣлы горизонта.»

искусство изобрѣтать искусства. Знаніе, въ которомъ Бэконъ превосходилъ всѣхъ людей, было знаніе взаимныхъ отношеній всѣхъ областей знанія.

Способъ, какимъ онъ сообщалъ свои мысли, былъ свойственъ лишь ему одному. У него не было и слѣда того спорливаго настроенія, которое онъ часто порицалъ въ своихъ предшественникахъ. Онъ совершалъ огромную умственную революцію наперекоръ огромной массѣ предразсудковъ; а между тѣмъ никогда не вдавался ни въ какую полемику. Мало того, во всѣхъ его философскихъ произведеніяхъ, мы не можемъ въ настоящую минуту припомнить ни одного мѣста, которое имѣло бы полемическій характеръ. Всѣ эти произведенія могли бы весьма хорошо быть изложены въ формѣ, которую онъ усвоилъ себѣ въ произведеніи подъ заглавіемъ «*Cogitata et visa*»: Francisus Baconus sic cogitavit.» Вотъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову: взвѣсьте ихъ хорошо, и примите ихъ или оставьте ихъ въ сторонѣ.

Борджиа говорилъ о знаменитой экспедиціи Карла VIII, что французы завоевали Италію не сталью, а мѣломъ; потому что единственный подвигъ, какой они считали нужнымъ для занятія войскомъ какого-либо мѣста, состоялъ въ томъ, чтобъ помѣтить двери домовъ, гдѣ они думали стоять на квартирахъ. Бэконъ часто приводилъ это сказаніе, и любилъ примѣнять его къ побѣдамъ ума своего (*). Его философія, говорилъ онъ, приходила какъ гость, а не какъ врагъ. Она не встрѣчала никакого затрудненія въ безспорномъ доступѣ ко всякому уму, годному, по своему устройству и по своей способности, къ принятію ея. Мы думаемъ, что во всемъ этомъ онъ поступалъ весьма разсудительно, вопервыхъ, оттого что, какъ онъ самъ замѣтилъ, разница между его школою и другими школами была до такой степени существенна, что едва ли былъ какой-нибудь общій пунктъ, на которомъ могла бы происходить полемическая битва; а вовторыхъ, оттого что умъ его, въ высшей степени наблюдательный, по преимуществу способный къ заключеніямъ и ѣмкій, не былъ, мы думаемъ, ни образованъ природою, ни вышколенъ привычкою для діалектическаго боя.

Хотя Бэконъ не вооружалъ своей философіи оружіемъ логики, зато онъ расточительно украшалъ ее всѣми богатѣйшими декорациями риторики. Его краснорѣчіе, хотя не лишенное испорченности вкуса его времени, могло бы одно дать ему право

(*) «*Novum Organum*», Lib. I. Aph. 85. и въ иныхъ мѣстахъ.

на высокое мѣсто въ литературѣ. Онъ имѣлъ удивительный талантъ укладывать мысли плотно, и дѣлать ихъ удобоносимыми. Въ остроуміи, — если подъ остроуміемъ разумется способность водитьчати аналогіи между предметами, не имѣющими по-видимому ничего между собою общаго, — онъ никогда не имѣлъ равнаго себѣ, неисключая даже Коули, ни даже автора «Гудибраса». Дѣйствительно, онъ обладалъ этою способностью, или скорѣе эта способность обладала имъ, до болѣзненной степени. Когда онъ предавался этому не въ мѣру, какъ онъ дѣлалъ это въ «*Sapientia Veterum*» и въ концѣ второй книги «*De Augmentis*», тогда подвиги, которые онъ совершалъ, были не только удивительны, но ужасающи, и почти оскорбительны. Въ этихъ случаяхъ мы дивимся ему, какъ поселяне въ ярмарочный день дивятся фокуснику, и едва можемъ удержаться отъ мысли, что въ немъ, должно быть, сидитъ дьяволъ.

Это, однако, были лишь причуды, въ которыхъ кое-когда размыгрывалось его остроуміе, и врядъ ли съ иною цѣлью какъ только для того, чтобы удивить и позабавить. Но иногда случалось, что, во время его занятій серьезными и глубокими изслѣдованіями, остроуміе его одерживало верхъ надъ всѣми другими его способностями, и приводило его къ такимъ нелѣпостямъ, въ какія невозможно было впасть ни одному тупоумному человѣку. Мы представимъ самый рѣзкій случай, какой въ настоящую минуту приходитъ намъ въ голову. Въ третьей книгѣ «*De Augmentis*» онъ говоритъ намъ, что есть нѣкоторые принципы, которые свойственны не только одной наукѣ, но и многимъ. Та часть философія, которая занимается этими принципами, означена въ его номенклатурѣ какъ *philosophia prima*. Онъ потомъ начинаетъ приводить нѣкоторые изъ принциповъ, съ которыми эта *philosophia prima* имѣетъ дѣло. Одинъ изъ нихъ такой: заразительная болѣзнь можетъ вѣроятнѣе сообщиться, когда находится въ своемъ развитіи, нежели когда достигла своей высшей точки. Это, говоритъ онъ, вѣрно въ медицинѣ. Оно также вѣрно и въ нравственныхъ наукахъ: ибо мы видимъ, что примѣръ весьма распутныхъ людей менѣе оскорбляетъ нравственное чувство публики, чѣмъ примѣръ людей, въ которыхъ порокъ не уничтожилъ еще всѣхъ хорошихъ качествъ. Дальше онъ говоритъ намъ, что въ музыкѣ диссонансъ, оканчивающійся созвучіемъ, приятенъ, и что то же можетъ быть замѣчено въ душевныхъ движеніяхъ. Потомъ еще говоритъ онъ намъ, что въ физикѣ энергія, съ которою дѣйствуетъ принципъ, часто усиливается отъ сопротивленія противодействующаго принципа, и что то же происходитъ въ борьбахъ партій. Еслибъ

въ составленіи такихъ замысловатыхъ и блестящихъ уподобленій, дѣйствительно заключаемыхъ *philosophia prima*, то мы совершенно увѣрены, что величайшимъ философскимъ произведеніемъ XIX столѣтія было бы произведеніе м-ра Муга »*Lalla Rookh*«. Приведенныя нами уподобленія весьма удачны. Но чтобы такой человекъ, какъ Бэконъ, принималъ ихъ за болѣе чѣмъ удачныя, чтобы считалъ открытіе такихъ уподобленій важною частью философіи — это всегда казалось надъ однимъ изъ самыхъ странныхъ фактовъ въ исторіи литературы.

Дѣло въ томъ, что умъ его удивительно быстро подмѣчалъ всякаго рода аналогіи. Но, подобно многимъ знаменитымъ людямъ, какъ живущимъ, такъ и умершимъ, которыхъ мы могли бы назвать, у него иногда оказывался странный недостатокъ въ способности различать раціональныя аналогіи отъ фантастическихъ; аналогіи, которыя служатъ доказательствами, отъ аналогій, которыя суть только иллюстраціи; аналогіи, которыя епископъ Ботлеръ столь искусно обнаружилъ между религіею естественною и религіею основанною на откровеніи, отъ аналогій, которыя Аддисонъ открылъ между рядомъ греческихъ боговъ, изваянныхъ Фидіасомъ, и рядомъ англійскихъ королей, писанныхъ Кнеллеромъ. Этотъ недостатокъ въ умѣнн дѣлать различія приводилъ людей ко многимъ страннымъ политическимъ умозрѣніямъ. Сэръ Вилліамъ Темплъ выводилъ теорію правленія изъ свойствъ пирамиды. Вся фанансовая система м-ра Соути основана на явленіяхъ испаренія и дождя. Въ теологіи это превратное остроуміе произвело еще большій сунбуръ. Начиная со временъ Иринея и Оригена вплоть до настоящаго времени, не было ни единого поколѣнія, въ которомъ бы великіе богословы не доходили до самыхъ нелѣпыхъ толкованій св. Писанія, вслѣдствіе лишь одной неспособности различать аналогіи переносныя, — употребляя схоластическую фразу, — отъ аналогій метафорическихъ (*). Странно, что Бэконъ самъ зачислилъ этотъ родъ заблужденія между *idola specus*, и говорить объ немъ такимъ языкомъ, который, кажется; обнаруживаетъ, что онъ чувствовалъ и себя подверженнымъ этому заблужденію. Онъ говоритъ, что это порокъ мелкихъ умовъ придавать слишкомъ много важности слабымъ различіямъ; это порокъ, съ другой стороны, высокихъ несосредоточенныхъ умовъ давать слишкомъ много значенія слабымъ сходствамъ; и онъ

(*). См. нѣкоторыя любопытныя замѣчанія по этому предмету въ Bishop Berkeley's *Minute philosopher*, Dialogue IV.

прибавляетъ, что, когда послѣдней наклонности черезчуръ по-творствовать, она доводитъ людей до того, что они хватаются за тѣнь вмѣсто дѣйствительности (а).

Однако, мы не пожелаемъ бы, чтобы остроуміе Бэкона было менѣе плодотворно. Ибо, не говоря уже ничего объ удовольствіи, какое оно доставляетъ, оно въ огромномъ большинствѣ случаевъ употреблялось на то, чтобы сдѣлать темную истину ясною, чтобы сдѣлать отталкивающую истину привлекательною, чтобы навсегда запечатлѣть въ умѣ истину, которая иначе могла бы оставить лишь временное впечатлѣніе.

Поэтическая способность Бэконова духа была сильна, но не въ такой степени, какъ его остроуміе, чтобы иногда захватывать мѣсто его разума, и дѣлаться тираномъ всего человѣка. Ни одно воображеніе никогда не было столь сильно и вмѣстѣ столь подчинено. Оно никогда не шевелилось иначе, какъ по сигналу со стороны здраваго смысла. Оно останавливалось при первой задержкѣ со стороны здраваго смысла. Однако, хотя пріученное къ такому повиновенію, оно представило благородныя доказательства своей силы. Дѣйствительно, значительная доля Бэконовой жизни проведена была въ призрачномъ мірѣ, среди вещей столь же странныхъ, какъ любая изъ описанныхъ въ арабскихъ сказкахъ или въ тѣхъ романахъ, надъ которыми священникъ и цирюльникъ Донъ-Кихотовой деревни совершали столь жестокое auto-da-fe; среди зданій болѣе пышныхъ, нежели дворецъ Алладина, фонтановъ болѣе дивныхъ, нежели золотая вода Паризады, ѣзды болѣе быстрой, нежели крылатый конь Руджіеро, оружія болѣе страшныхъ, нежели копье Астольфо, лекарствъ болѣе цѣлебныхъ, нежели бальзамъ Фіерабраса. Однако, въ его великолѣпныхъ грѣзахъ не было ничего дикаго, а было лишь то, что одобрялъ трезвый умъ. Онъ зналъ, что всѣ тайны, — которыя, по вымысламъ поэтовъ, находились въ книгахъ волшебниковъ, — ничтожны въ сравненіи съ могущественными тайнами, которыя дѣйствительно написаны въ книгѣ природы, и которыя со временемъ и при терпѣи прочтутся въ ней. Онъ зналъ, что чудеса, производимыя всякими талисманами въ баснѣ, суть бездѣлицы въ сравненіи съ чудесами, которыхъ можно рационально ожидать отъ философіи «плода», и что, еслибъ слова его запали глубоко въ умы людей, то произвели бы такія дѣла, какихъ суевѣріе никогда не приписывало волшебствамъ Мерлина и Майкеля Скота. Здѣсь-то онъ лю-

(а) «*Novum Organum*», lib 1. Aph. 55.

билъ давать полную волю своему воображенію. Онъ любилъ рисовать предъ собою свѣтъ такимъ, какииъ бы онъ былъ, еслибъ его философія, по собственному его благородному выраженію, «расширила предѣлы человѣческой власти» (*). Мы могли бы сослаться на многіе примѣры. Но будемъ довольствоваться самыми сильными, — описаніемъ дома Соломона въ Новой Атлантидѣ. Большая часть Бэконовыхъ современниковъ и нѣкоторые люди нашего времени могли бы, безъ сомнѣнія, считать это замѣчательное мѣсто остроумнымъ хвастовствомъ, дополненіемъ къ страннымъ приключеніямъ Синбада или барона Мюнхгаузена. По правдѣ же, нельзя найти ни въ одномъ человѣческомъ сочиненіи мѣста, которое бы рѣже отличалось глубокою и свѣтлою мудростью. Смѣлость и оригинальность этого вымысла гораздо менѣе удивительна, чѣмъ тонкая разборчивость, тщательно выключавшая изъ этого длиннаго перечня чудесъ всякую вещь, которая могла быть объявлена невозможною; всякую вещь, о которой можно было доказать, что она лежитъ за предѣлами могущества волшебства наведенія и времени. Уже нѣкоторыя части, и не наименѣе поразительныя, — этого знаменитаго пророчества исполнились даже буквально; цѣлое же пророчество, толкуемое согласно его духу, ежедневно исполняется воюду вокругъ насъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ обстоятельствъ въ исторіи Бэконова ума есть порядокъ, въ которомъ развивались его способности. У него плодъ являлся первымъ и оставался до конца; цвѣты же появлялись лишь впоследствии. Вообще, развитіе воображенія относится къ развитію разсудка, какъ возрастъ дѣвочки къ возрасту мальчика. Воображеніе достигаетъ, въ болѣе ранній періодъ, полного развитія своей красоты, своей силы и своей плодовитости, а такъ какъ оно прежде созреваетъ, то прежде и увядаетъ. Оно вообще теряетъ нѣсколько въ своемъ цвѣтѣ и свѣжести, прежде чѣмъ болѣе серьезныя способности достигаютъ зрѣлости; и обыкновенно засыхаетъ и дѣлается бесплоднымъ, въ то время какъ эти способности все еще сохраняютъ всю свою силу. Рѣдко случается, чтобы воображеніе и разсудокъ развивались вмѣстѣ. Еще рѣже случается, чтобы разсудокъ развивался быстрее, чѣмъ воображеніе. Это однако, кажется, случилось съ Бэкономъ. Его отрочество и молодость были, кажется, особенно степенны. Его гигантскій планъ философской реформы былъ задуманъ, по словамъ нѣко-

(*) «*New Atlantis*».

тарыхъ писателей, прежде чѣмъ ему было 15 лѣтъ, и безъ сомнѣнія, составленъ былъ еще въ молодости. Онъ наблюдалъ такъ же неусыпно, обдумывалъ такъ же глубоко и судилъ такъ же трезво, когда представлялъ свѣту свое первое произведеніе, какъ и въ концѣ своего длиннаго доприща. Но по краснорѣчію, предмету, разнообразію выраженія и богатству образности, позднѣйшія его сочиненія гораздо выше произведеній его молодости. Въ этомъ отношеніи исторія его ума имѣетъ нѣкоторое сходство съ исторіею ума Борка. Трактатъ *о выхономъ и прекрасномъ* — хотя писанный о такомъ предметѣ, о которомъ самый холодный метафизикъ врядъ ли могъ бы трактовать, не пускаясь иногда въ цвѣтущій слогъ, — есть наименѣе украшенный изъ всѣхъ произведеній Борка. Онъ вышелъ въ свѣтъ, когда Борку было 25 или 26 лѣтъ. Когда Боркъ на своемъ сороковомъ году писалъ *мысли о причинахъ существующихъ неудовольствій*, тогда умъ его и разумокъ достигли полной своей зрѣлости; но краснорѣчіе его было еще въ своемъ блестящемъ разсвѣтѣ. На пятидесятомъ году, краснорѣчіе его было уже настолько богато, насколько это допускалось хорошимъ вкусомъ; а когда онъ умиралъ, почти на семидесятомъ году, тогда оно сдѣлалось до непріятности роскошнымъ. О душевныхъ движеніяхъ, производимыхъ горами и водопадами, образцовыми произведеніями живописи и ваянія, лицами и шеями красивыхъ женщинъ, онъ писалъ въ своей юности слогомъ парламентскаго доклада. Въ своей старости онъ разбиралъ договоры и тарномъ самымъ пламеннымъ и блестящимъ языкомъ романа. Страннымъ кажется, чтобы *«Essay on the Sublime and Beautiful»* и *«Letter to a Noble Lord»* могли быть произведеніями одного и того же человѣка. Но еще страннѣе, что первый могъ быть произведеніемъ его молодости, а второе произведеніемъ его старости.

Мы представимъ весьма краткіе образцы двухъ ологовъ Бэкона. Въ 1597 году онъ писалъ такъ: «Хитрые люди презираютъ ученостью; простые люди удивляются ей; а мудрые люди пользуются ею, ибо она не научаетъ употребленію ея: эта мудрость видъ ея, и приобрѣтается наблюденіемъ. Читай не для того, чтобъ противорѣчить, и не для того чтобъ вѣрить, но для того чтобъ завѣривать и разсуждать. Нѣкоторыя книги слѣдуетъ отдавать, другія проглотить, а немногіе разжевать и дегерарить. Чтеніе дѣлаетъ человѣка обильнымъ, бесѣда находчивымъ, а писаніе точнымъ. И, поэтому, если человѣкъ пишетъ мало, то ему нужно имѣть большую память; если онъ бесѣдуетъ мало, то ему надобно имѣть присутствіе остроумія: а если

онъ читаетъ мало, то надо имѣть много искусства, чтобъ казаться знающимъ то, чего онъ не знаетъ. Историческія сочиненія дѣлаютъ людей мудрыми, поэтическія произведенія остроумными, математика тонкими, естествовѣдѣніе глубокими, нравственныя науки серьезными, логика и риторика способными къ диспуту.» Врядъ-ли будетъ подлежать спору, что это такое мѣсто, которое должно быть «разжевано и переварено.» Мы не думаемъ, чтобы самъ Фукидидъ сжалъ гдѣ-либо столь много мысли на столь маломъ пространствѣ.

Въ прибавленіяхъ, которыя Бэконъ впоследствии дѣлалъ къ «*Опытамъ*», нѣтъ ничего, по истинѣ или по вѣсу, выше того, что мы привели. Но слогъ его постоянно становился богаче и мягче. Слѣдующее мѣсто, впервые вышедшее въ свѣтъ въ 1625 году, покажетъ степень перемѣны: «Благополучіе есть благодать Ветхаго Завета; злополучіе есть благодать Новаго, которая содержитъ въ себѣ большее благословеніе и яснѣйшее доказательство божеской милости. Однако, даже въ Ветхомъ Заветѣ, если вы внимаете арфѣ Давида, то услышите столько же погребальныхъ пѣсней, сколько и благодарственныхъ гимновъ; и кисть святаго духа работала болѣе при описаніи скорбей Іова, чѣмъ благоденствій Соломона. Благополучіе существуетъ не безъ многихъ опасеній и досадъ; а злополучіе существуетъ не безъ отрадъ и надеждъ. Мы видимъ въ шитьѣ и вышиваніи, что пріятнѣе имѣть веселую работу на печальномъ и серьезномъ фонѣ, нежели имѣть мрачную и грустную работу на свѣтломъ фонѣ. Судите, поэтому, объ удовольствіи сердца по удовольствію глаза. Конечно, добродѣтель подобна драгоценнымъ благовоннымъ веществамъ, дѣлающимся болѣе душистыми, когда ихъ сожигаютъ или растираютъ; ибо благополучіе лучше открываетъ порокъ, а злополучіе лучше открываетъ добродѣтель».

«*Опытами*» своими Бэконъ лучше всего извѣстенъ большинству. О «*Novum Organum*» и «*De Augmentis*» много говорятъ, но мало ихъ читаютъ. Правда, они произвели огромное вліяніе на мнѣнія человечества; но они произвели это чрезъ посредство промежуточныхъ агентовъ. Они двинули умы, которые въ свою очередь двинули мѣръ. Въ однихъ лишь «*Опытмахъ*» умъ Бэкона приводится въ непосредственное прикосновеніе съ умами обыкновенныхъ читателей. Тутъ онъ открываетъ школу для всѣхъ и говоритъ къ простымъ людямъ, языкомъ, который всякому понятенъ, о вещахъ, въ которыхъ всякій заинтересованъ. Онъ такимъ образомъ далъ тѣмъ людямъ, которые безъ этого должны были принимать его заслуги на-вѣру, возможность су-

дять самимъ; и масса читателей, въ теченіе многихъ поколѣній, признала, что человекъ этотъ, съ такимъ полнымъ искусствомъ трактовавшій о вопросахъ, съ которыми она была близко знакома, должно быть вполне заслуживалъ всю похвалу, расточаемую ему тѣми, которые сидѣли въ его школѣ избранныхъ.

Не унижая нисколько удивительнаго трактата «*De Augmentis*», мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, величайшимъ произведеніемъ Бэкона есть первая книга «*Novum Organum*». Всѣ особенности его необыкновеннаго ума находятся тамъ въ высочайшемъ совершенствѣ. Многіе изъ афоризмовъ, въ особенности тѣ, въ которыхъ онъ представляетъ примѣры вліянія *idola*, обнаруживаютъ тонкость наблюдательности, которая никогда не была превзойдена. Каждый отдѣлъ этой книги горитъ остроуміемъ, но остроуміемъ, которое употребляется только для того, чтобы украсить истину и представить ее наглядно. Ни одна книга никогда не сдѣлала столь великаго переворота въ образѣ мыслей, не опрокинула столь многихъ предразсудковъ, не ввела такъ много новыхъ мнѣній. Однако ни одна книга не была никогда написана въ менѣе полемическомъ духѣ. Она, подлинно, завоевываетъ мѣломъ, а не сталью. Предложеніе за предложеніемъ входитъ въ умъ, принимается не какъ названный гость, но какъ желанный другъ, и хотя прежде незнакомый, дѣлается вдругъ домашнимъ. Но чему мы больше всего удивляемся, такъ это обширной виѣстимости того ума, который безъ напряженія сразу обнимаетъ всѣ области науки, все прошедшее, настоящее и будущее, всѣ заблужденія двухъ тысячелѣтій, всѣ ободряющія знаменія переходящихъ временъ, всѣ свѣтлыя надежды грядущаго вѣка. Коули, который былъ изъ числа самыхъ пылкихъ и не изъ числа наименѣе разборчивыхъ послѣдователей новой философіи, сравнилъ Бэкона, въ одной изъ своихъ прекраснѣйшихъ повѣй, съ Моисеемъ, стоящимъ на горѣ Писга. Это сравненіе принимается, мы думаемъ, особенно удачно къ Бэкону. какимъ онъ является въ первой книгѣ «*Novum Organum*». Тутъ мы видимъ великаго законодателя, озирающагося со своего уединеннаго возвышенія на безконечное пространство; позади его пустыня сухихъ несковъ и горькихъ водъ, въ которой перебивало вѣскольکو поколѣній, всегда двигавшихся, однако никогда не подвигавшихся впередъ, не собиравшихъ никакой жатвы и не строившихъ никакихъ постоянныхъ жилищъ; впередъ его прекрасная земля, земля обѣтованная, земля кипящая молокомъ и медомъ. Въ то время, какъ толпа внизу видѣла только плоскую безплодную пустыню, въ которой она такъ долго странствовала, ограниченную со всѣхъ сторонъ близкимъ

горизонтомъ, или прерываемую только какими-нибудь обманчивымъ миражемъ, — онъ смотрѣлъ съ гораздо высшаго мѣста на болѣе прелестную страну, слѣдя своимъ глазомъ за длиннымъ теченіемъ оплодотворяющихъ рѣкъ, бѣгущихъ по обширнымъ пастбищамъ подъ мосты великихъ столицъ, измѣрялъ разстоянія рынковъ гаваней, и распредѣлялъ всѣ эти богатые страны отъ Дана до Вирсавіи.

Больно переходить отъ разсматриванія философіи Бэкона къ разсматриванію его жизни. Однако безъ этого перехода невозможно надлежащимъ образомъ оцѣнить его силъ. Онъ оставилъ университетъ въ болѣе раннемъ возрастѣ, чѣмъ тотъ, въ которомъ большая часть поступають туда. Будучи еще мальчикомъ, онъ погрузился въ среду дипломатической дѣятельности. Оттуда онъ перешелъ къ изученію обширной технической системы правовѣдѣнія, и черезъ цѣлый рядъ многотрудныхъ должностей, проложилъ себѣ дорогу къ высочайшему посту своей профессіи. Между тѣмъ онъ игралъ дѣятельную роль въ каждомъ парламентѣ; онъ былъ совѣтникомъ короны, онъ ухаживалъ съ величайшимъ прилежаніемъ и ловкостью за всеми, чья благосклонность могла по вѣроятности быть ему полезна; онъ жилъ много въ обществѣ; онъ принималъ къ свѣдѣнію малѣйшія особенности его настроенія и малѣйшія перемѣны моды. Врядъ ли какой-либо человекъ велъ болѣе неутомимую жизнь, чѣмъ та, которую велъ Бэконъ начиная съ шестнадцатилѣтняго до шестидесятилѣтняго своего возраста. Едва ли кто-либо имѣлъ болѣе права на званіе вполне-свѣтскаго человека. Основать новую философію, дать новое направленіе умамъ мыслителей, было забавою его досуга, дѣломъ часовъ, иногда украдкою урваныхъ отъ шерстянаго вѣшка и засѣданій совѣта. Это разсматриваніе, усиливая удивленіе, съ какимъ мы глядимъ на умъ его, усиливаетъ тоже наше сожалѣніе, что такой умъ могъ такъ часто быть употребленъ недостойнымъ образомъ. Онъ хорошо зналъ о лучшемъ поприщѣ, и рѣшился было, однажды слѣдовать по немъ. «Я признаюсь, — говорилъ онъ въ письмѣ, писанномъ еще въ молодости, — что мои умственные виды настолько же обширны, насколько гражданскіе мои виды умеренны.» Еслибъ его гражданскіе виды продолжали быть умеренными, то онъ былъ бы не только Моисеемъ, но и Иисусомъ Навяномъ философіи. Онъ исполнилъ бы огромную часть собственныхъ великолѣпныхъ предсказаній. Онъ повелъ бы своихъ приверженцевъ не только до рубежа обѣтованной земли, но въ самое сердце ея. Онъ бы не только указалъ на добычу, но и раздѣлялъ бы ее. А сверхъ всего, онъ оставилъ бы не только

великое, но и незапятнанное имя. Человѣчество могло бы тогда уважать своего знаменитаго благодѣтеля. Мы бы тогда не были принуждены смотрѣть на его характеръ съ удивленіемъ, къ которому примѣшивается презрѣніе; съ признательностью, къ которой примѣшивается отвращеніе. Намъ бы тогда не приходилось жалѣть о томъ, что есть столько доказательствъ узкости и себялюбія сердца, доброжелательность котораго была однако довольно велика для того, чтобъ обнимать всѣ племена и всѣ вѣка. Намъ бы не пришлось тогда краснѣть за криводушіе самаго преданнаго поклонника умозрительной истины, за раболѣніе самаго отважнаго бойца умственной свободы. Мы бы тогда не видѣли одного и того же человѣка то далеко опережавшимъ свое поколѣніе, то далеко остававшимся позади его. Мы бы тогда не были приневолены сознаться, что тотъ, кто первый трактовалъ о законодательствѣ какъ о наукѣ, былъ въ числѣ послѣднихъ англичанъ, которые употребляли въ дѣло пытку; что тотъ, кто первый призывалъ философовъ къ великому дѣлу толкованія природы, былъ однимъ изъ числа послѣднихъ англичанъ, которые продавали правосудіе. И мы бы тогда заключили нашъ обзоръ жизни, проведенной тихо, честно, благодѣтельно, «въ рачительныхъ наблюденіяхъ, основательныхъ заключеніяхъ и полезныхъ изобрѣтеніяхъ и открытіяхъ,» (*) съ чувствами весьма различными отъ тѣхъ, съ какими мы теперь отворачиваемся отъ пестраго зрѣлища такой славы и такого позора.

(*) Изъ письма Бэкона къ лорду Верлею

СЭРЪ ВІЛЛІАМЪ ТЕМПЛЬ.

(Октябрь, 1838)

«*Memoirs of the Life, Works, and Correspondence of sir William Temple.*» By the Righth Hon. THOMAS PEREGRINE COURTENAY. 2 vols, 8-vo. London: 1836.

«Мемуары о жизни, произведеніяхъ и перепискѣ сэра *Вилліама Тем-пла*». Соч. достопочтеннаго Томаса Перегрина Кортнея. 2 тома 8-о. Лондонъ. 1836.

М-ръ Кортней долгое время былъ весьма извѣстенъ въ политическомъ мірѣ, какъ трудолюбивый и полезный общественный дѣятель, и какъ честный, послѣдовательный членъ парламента. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ умѣренныхъ и, въ то же время, однимъ изъ наименѣ гибкихъ членовъ консервативной партіи. Поведеніе его въ нѣкоторыхъ вопросахъ было, правда, до того вигское, что какъ одобрявшіе, такъ и порицавшіе его, равно усумнились въ правъ м-ра Кортнея считаться торіемъ. Но торизмъ свой, какимъ онъ былъ, м-ръ Кортней твердо сохранилъ при всѣхъ перемѣнахъ счастья и моды; и удалился, наконецъ, съ публичнаго поприща, не оставляя за собою, мы надѣемся, ни одного личнаго врага и унося уваженіе и расположеніе многихъ, далеко несогласныхъ съ его мнѣніями.

Эта книга, плодъ досуга м-ра Кортнея, начинается предисловіемъ, гдѣ онъ сообщаетъ намъ, что услуги, оказанныя ему съ разныхъ сторонъ, «убѣдили его, что литература скорѣе политики развиваетъ кроткія чувства и скорѣе ведетъ къ пріятной жизни». Мы искренно радуемся, что м-ръ Кортней такъ до-

волею своими новыми занятіями, и сердечно поздравляемъ его съ мѣною, къ которой привели его событія, и на которую, какъ она ни выгодна, немцыоге рѣшаются, не будучи къ тому вынуждены. У него, по нашему мѣнію, мало причинъ завидовать кому-либо изъ подвизающихся еще на томъ поприщѣ, на которомъ, разставаясь съ умственными и общественными удовольствіями, проводя ночи безъ сна, а дѣто безъ малѣйшаго проблеска красоты природы, — они могутъ ожидать, никакъ не болѣе достиженія той многотрудной, ненавистой и крѣпко стерегомой неволи, которую какъ-бы въ насмѣшку называютъ властью.

Лежащіе передъ нами томы имѣютъ, по справедливости, право на похвалу за прилежаніе, заботливость, здравое сужденіе и безпристрастіе; качества этихъ достаточно, чтобы книгу сдѣлать цѣнною, но не вполне достаточно, чтобы сдѣлать ее удобочитаемою. М-ръ Кортней не достаточно изучилъ искусство выбирать и сжимать матеріалы. Свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ намъ, слѣдуетъ, кажется, пока считать почти сырми матеріаломъ. Для фабрикантовъ матеріалъ этотъ будетъ весьма полезенъ; но онъ не въ такомъ еще видѣ, чтобы имъ могъ пользоваться праздный потребитель. Выражаясь безъ метафоры, мы опасаемся, чтобы сочиненіе это для читающихъ ради самаго чтенія не было менѣе пріятно, нежели для читающихъ съ цѣлю писать.

Хотя мы крайне не желаемъ ссориться съ м-ромъ Кортнеемъ по поводу политики, не можемъ однакожъ не прибавить, что книга его нисколько не была бы хуже, еслибъ заключала въ себѣ поменѣ выходокъ противъ вигговъ настоящаго времени. Выходки эти не только неумѣстны въ историческомъ сочиненіи, но нѣкоторыя изъ нихъ по сущности своей скорѣе были бы приличны издателю третье-класснаго журнала партій, нежели джентльмену съ познаніями и способностями м-ра Кортнея. Намъ говорить, наприимѣръ: «замѣчательное обстоятельство, хорошо извѣстное всякому, знакомому съ исторіею, но скрываемое новыми вигами, что либеральные политики въ XVII столѣтіи и большая часть ихъ въ XVIII никогда не распространяли либеральностей своихъ на природныхъ ирландцевъ или послѣдователей древней религіи». Какой 15-тилѣтній школьникъ не знаетъ этого замѣчательнаго обстоятельства? Какой прежній или настоящій вигъ былъ когда-либо такимъ идиотомъ, чтобы думать о возможности скрыть это? Мы, дѣйствительно, могли бы точно также сказать: замѣчательное обстоятельство, хорошо извѣстное всякому, близко знакомому съ исторіею, но тща-

геллю окривляемое духовенствомъ господствующей церкви; что Англія въ XV столѣтіи была въ сообщеніи съ Римомъ. Намъ хотѣлось бы сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія по поводу другаго мѣста, которое кажется намъ заключеніемъ рѣчи, назначенной для произнесенія противъ билля о реформѣ; но мы удерживаемся.

Мы сомнѣваемся, чтобы память и-ра Виллелама Темпля могла быть многими обидана изслѣдованіямъ и-ра Кортена. Темпль — одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ свѣтъ, мало зная, согласился много восхвалять, и которые, поэтому, скорѣе могутъ проиграть, чѣмъ выиграть отъ близкаго анализа. Онъ не лжашется, впрочемъ, справедливыхъ нравъ на самое почетное мѣсто среди государственныхъ людей своего времени. Немногіе изъ нихъ равнялись съ нимъ или превосходили его дарованіями; за то они не пользовались хорошею славою въ дѣлѣ честности. Можно бы назвать немногихъ, патріотизмъ которыхъ былъ чище, благороднѣе и безкорыстнѣе его патріотизма; зато они не были людьми замѣчательныхъ способностей. По нравственности онъ былъ выше Шартсверки; по уму — выше Росселя.

Сказать о человѣкѣ, что онъ занималъ высокое положеніе въ адолу дурнаго управленія, испорченности, гражданскихъ и релігіозныхъ крамолъ; что онъ, тѣмъ не менѣе, не запятналъ себя силой и повсе не принималъ участія въ какомъ-либо великомъ злодѣяніи; что онъ приобрѣлъ уваженіе распутнаго двора и бурнаго народа, не будучи обвиняемъ ни въ какомъ гнусномъ содѣяствіи кому-либо изъ нихъ, — служить, кажется, весьма высокою похвалою; и все это, по справедливости, можно сказать о Темплѣ.

Однако Темпль — человѣкъ не въ нашъ вкусъ. Нравъ нехорошій отъ природы, но сдерживаемый строгимъ самообладаніемъ; постоянное вниманіе къ благовидности; рѣдкая осторожность въ веденіи той игры, состоящей изъ ловкости и удачи, которая называется человеческою жизнью; склонность лучше довольствоваться малымъ и вѣрнѣе выигрывать, чѣмъ продолжать игру, удвоивъ ставку, — кажутся намъ наиболѣе замѣчательными чертами его характера. Этотъ родъ умѣренности, въ соединеніи съ весьма значительными способностями, — какъ это было и у Темпля, — едва ли при обыкновенныхъ обстоятельствахъ отличается отъ высочайшей и самой безукоризненной честности; а между тѣмъ можетъ вполне быть совмѣстимъ съ шаткостью началъ, съ холодною сердца и съ самымъ сильнымъ эгоизмомъ. У Темпля, мы полагаемъ, не было достаточной теплоты и возвышенности чувствъ, чтобы заслужить.

на добродѣтельнаго человѣка. Онъ не измѣнялъ своему отечеству и не притѣснялъ его; мало того, онъ оказывалъ ему значительныя услуги; но онъ ничѣмъ не рисковалъ для него. Никакія искушенія со стороны короля или оппозиціи не могли заманить его выступить приверженцемъ самовольныхъ или крайнихъ мѣръ. Но онъ всячески старался не задѣть кого-либо энергическимъ сопротивленіемъ такимъ мѣрамъ. Онъ никогда не выставялся рѣзко впередъ на глазахъ общества, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда почти увѣренъ былъ въ выигрышъ и когда не могъ проиграть; случаевъ, когда все — польза государства, виды двора и страсти массы казались на минуту совпадавшими. Пользуясь разсудительно многими изъ этихъ рѣдкихъ мгновеній, ему удалось упрочить за собою высокую репутацію мудрости и патриотизма. По прошествіи благопріятнаго кризиса, онъ не рисковалъ приобрести славою. Онъ избѣгалъ высокихъ должностей въ государствѣ съ осторожностью почти малодушною и ограничивался тихими и отдѣльными областями общественной службы, гдѣ, не возбуждая зависти, могъ пользоваться скромными, но вѣрными преимуществами. Когда страна приходила въ такое положеніе, что невозможно было, безъ нѣкоторой опасности, принимать какое-либо участіе въ политикѣ, онъ удалялся въ свою библіотеку и фруктовый садъ и, въ то время какъ нація стонала подъ гнетомъ или оглашалась смятеніемъ и шумомъ междоусобной войны, забавлялся сочиненіемъ мемуаровъ и подвязываніемъ абрикосовыхъ деревьевъ. Его политическое поприще имѣло нѣкоторое сходство съ военнымъ поприщемъ Людовика XIV. Людовикъ, чтобы неудачно не уронить своего королевскаго достоинства, никогда не являлся при осадѣ до тѣхъ поръ, пока самые искусные офицеры его арміи не доносили ему о неминуемомъ паденіи укрѣпленія. Удостоверившись въ этомъ, монархъ, въ шлемѣ и латахъ, являлся среди намѣтовъ, созывалъ военные совѣты, предписывалъ условія капитуляціи, принималъ ключи крѣпостей и потомъ возвращался въ Версаль выслушивать, какъ льстецы повторяли ему, что Тюренъ разбитъ былъ при Маріенталѣ, что Конде принужденъ былъ снять осаду Арраса, и что единственнымъ воинемъ, котораго слава никогда не была помрачена неудачею, былъ Людовикъ Великій. Однако Конде и Тюренъ будутъ всегда считаться полководцами совсѣмъ другаго рода, чѣмъ непобѣдимый Людовикъ; и мы должны сознаться, что многіе государственные люди, дѣлавшіе большіе промахи, кажутся намъ заслуживающими большаго уваженія, чѣмъ непогрѣшимый Темпль. Непогрѣшимость его, дѣйствительно, слѣдуетъ преимущественно приписать.

его крайнему опасенію всякой отвѣтственности, его рѣшимости скорѣе оставить страну свою въ бѣдѣ, чѣмъ подвергнуться на-
лѣйшей возможности быть самому въ бѣдѣ. Онъ имѣлъ, ка-
жется, отвращеніе къ опасности; а нельзя не согласиться, что
опасности, которымъ подвергался публичный дѣятель, въ эти
дни борьбы тиранніи съ мятежомъ, были самаго серьезнаго рода.
Онъ не могъ выносить неловкаго положенія ни физическаго, ни
нравственнаго. Когда во время дипломатическихъ путешествій
экипажъ его сѣзжалъ немного съ хорошей дороги на дурную
и ему приходилось укатывать ее, — сѣтованія его были вполне
забавны. О томъ, какъ день или два онъ ѣхалъ по дурной
Вестфальской дорогѣ, какъ одну ночь проспалъ на соломѣ, какъ
путешествовалъ въ зимнее время, когда снѣгъ покрывалъ землю,
онъ рассказываетъ какъ объ экспедиціи къ сѣверному полюсу
или къ источникамъ Нила. Этотъ родъ болѣзненной изнѣжен-
ности, эта привычка лелѣять себя, видны во всѣхъ его поступ-
кахъ. Онъ любилъ славу, но не любовью восторженной и бла-
городной души. Онъ любилъ ее какъ цѣль, а вовсе не какъ
средство; какъ роскошь, а вовсе не какъ орудіе, полезное для
другихъ. Онъ собиралъ и копилъ ее съ робкою бережливостью
скряги; и никогда не употреблялъ кладъ этотъ на какое-либо
предпріятіе, какъ бы добродѣтельно и полезно оно ни было,
если только предстоялъ рискъ потерять хоть одну его частичку.
Не диво, если такая личность сдѣлала мало или не сдѣлала
ничего, что заслуживаетъ положительнаго порицанія. Но отъ
человѣка, одареннаго такими способностями и поставленнаго
въ такомъ положеніи, можно, по справедливости, требовать
гораздо большаго. Будь Темпль представленъ передъ адскимъ
судилищемъ Данта, онъ не былъ бы осужденъ на пребываніе
въ глубочайшихъ сокровенностяхъ бездны. Его не варили бы
въ вѣстѣ съ Донди въ аломъ ключѣ Буликамъ, не ввергли бы
въ вѣстѣ съ Давви въ кипящую смолу Малекольги и не заморо-
зили бы въ вѣстѣ съ Чорчиллемъ въ вѣчныхъ льдахъ Джіудекки;
но его, пожалуй, помѣстили бы въ темномъ преддверіи, возлѣ
тѣни того безславнаго первосвященника,

«*Che fece per viltate il gran rifiuto*» (1).

Никто, разумѣется, не обязанъ оставаться политикомъ, такъ
точно, какъ не обязанъ оставаться и войномъ; и для оставле-

(1) «Который, побуждаемый низостью, сдѣлалъ великій отказъ.»
Дантъ: *Адъ*, пѣснь III, стихъ 60. — Маколей, вѣроятно, видѣлъ въ
этомъ стихѣ намекъ на папу Целестина V, который, по прояскамъ
Бонифация VIII, отказался отъ папской тиары.

нія какъ политическаго, такъ и военнаго поприща существуютъ вполне честные способы. Но ни на одномъ изъ этихъ поприщъ никто не въ правѣ пользоваться всею его сладостью, устранивъ всю его горечь. Кто остается въ военной службѣ только въ мирное время, кто является на смотрахъ въ Гайдъ-Паркъ, кто сопровождаетъ государя въ палату лордовъ и обратно съ величайшею храбростію и преданностію и уклоняется отъ службы, какъ скоро предстоитъ вѣроятность быть отправленнымъ въ экспедицію, — тотъ, по справедливости, считается человѣкомъ, обезславившимъ себя. Нѣкоторая часть порицанія, заслуженнаго такимъ параднымъ воиномъ, можетъ справедливо падать и на чисто параднаго политика, уклоняющагося отъ своихъ обязанностей, какъ скоро онѣ становятся трудными и неприємными, то есть, какъ скоро становится особенно важнымъ исполнять ихъ съ рѣшимостію.

Хотя мы, дѣйствительно, далеко не считаемъ Темпля образцовымъ государственнымъ человѣкомъ, хотя мы ставимъ его ниже многихъ государственныхъ людей, сблавшихъ весьма большія ошибки, — мы не можемъ однако отвергать, что, въ сравненіи съ своими современниками, онъ составляетъ чрезвычайно почтенное явленіе. Реакція, послѣдовавшая за побѣдою народной партіи надъ Карломъ I, произвела вредное дѣйствіе на національный характеръ; и дѣйствіе это было наиболѣе замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ и классахъ, которые сильнѣе всего возбуждены были новымъ переворотомъ. Поврежденіе было сильнѣе въ Лондонѣ, чѣмъ въ провинціяхъ, а наиболѣе сильно — въ придворныхъ и оффиціальныхъ кружкахъ. Почти все уцѣлѣвшее изъ того, что было хорошаго и благороднаго въ кавалерахъ и круглоголовыхъ 1642 г., можно было найти теперь въ среднихъ классахъ. Побужденія и чувства, породившія Великую Ремонстрацію, были еще сильны между непреклонными йомевами и скромными, богобоязненными купцами. Духъ Дерви и Клапеля пылалъ еще во многихъ отдаленныхъ замкахъ; но между тѣми политическими вождями, которые во время Реставраціи были еще молоды или въ самой силѣ зрѣлаго возраста, не было ни Соутгэмптона, ни Вэна, ни Фокланда, ни Гампдена. Между возвышающимися царедворцами едва ли возможно было найти ту чистую, пламенную и твердую преданность, которая въ предшествовавшее царствованіе осталась непоколебимою на поляхъ несчастной битвы, на чужеземныхъ чердакахъ или въ подвалахъ и у рѣшетки верховнаго суда. Столь же мало, или еще менѣе, могли новые вожди партій имѣть притязаніе на великія качества государственныхъ дѣяте-

лей, стоявшихъ во главѣ Долгаго парламента. Гамиденъ, Пмиъ, Ввиъ, Кромвелль отличаются отъ искусѣйшихъ политиковъ слѣдующаго поколѣнія всѣми рѣзкими очертаніями, какими разнятся люди, производящіе революціи, отъ людей произведенныхъ революціями. Коноводъ въ великомъ переворотѣ, человекъ, шевелящій спящее общество и испровергающій глубоко вкоренившуюся систему, можетъ, пожалуй, быть весьма испорченнымъ человекомъ; но едва ли онъ можетъ быть лишень нѣкоторыхъ нравственныхъ качествъ, исторгающихъ даже у враговъ невольное удивленіе: твердости намѣренія, силы воли, энтузіазма, который, скрываясь иногда подъ видомъ спокойствія, бываетъ тѣмъ не менѣе свирѣпымъ или стойкимъ, и торжествуетъ надъ силою обстоятельствъ и противоборствомъ строптивыхъ умовъ. Эти качества, въ различномъ сочетаніи со всевозможными добродѣтелями и пороками, могутъ, мы думаемъ, встрѣтиться въ большей части виновниковъ гражданскихъ и религіозныхъ движеній: въ Цезарь, Магометъ, Гильдербрандъ, Доминикъ, Лютеръ, Ровеспьеръ; и качества эти не въ маломъ количествѣ находились у предводителей партій, противной Карлу I. Характеръ людей, умы которыхъ образуются среди замѣшательства, слѣдующаго за великимъ переворотомъ, бываетъ обыкновенно совсѣмъ иной. Естественныя качества говорятъ намъ, что теплота производитъ разрѣженіе воздуха; а разрѣженіе воздуха производитъ холодъ. Такъ точно рвеніе производитъ перевороты; а перевороты производятъ людей, лишенныхъ къ чему бы то ни было рвенія. Политическіе дѣятели, о которыхъ мы говоримъ, каковы бы ни были вхъ природныя способности и мужество, почти всегда отличаются особеннымъ легкомысліемъ, особеннымъ непостоянствомъ, легкимъ, безразличнымъ взглядомъ на самые важныя вопросы, готовностью предоставить направленіе своихъ дѣйствій судьбѣ и народному мнѣнію, понятіемъ, что одно общественное дѣло почти такъ же хорошо какъ и другое, и твердымъ убѣжденіемъ, что гораздо лучше быть наемникомъ въ самомъ худшемъ дѣлѣ, чѣмъ мученикомъ въ самомъ лучшемъ.

Совершенно то же было съ англійскими государственными дѣятелями слѣдовавшаго за Реставраціею поколѣнія. У нихъ не было ни энтузіазма кавалера, ни энтузіазма республиканца. Они съ раннихъ норъ освободились отъ владычества старинныхъ чувствъ и обычаевъ; но не развили въ себѣ сильной страсти къ нововведенію. Привыкнувъ видѣть, какъ древнія учрежденія потрясались, падали и лежали вокругъ нихъ въ развалинахъ, привыкнувъ жить подъ сѣнявшими другъ-друга государственными

устройствами, среднее существованіе которыхъ продолжалось около 12 мѣсяцевъ, они не питали ни малѣйшаго религіознаго благоговѣнія къ старинѣ; у нихъ вовсе не было того настроенія духа, которое естественно порождается постояннымъ сохраненіемъ незапамятной старины и неподвижной прочности. Привыкнувъ, съ другой стороны, видѣть, какъ всякая перемена начинается пламенною надеждою, а кончается разочарованіемъ, какъ за безумными надеждами и пророчествами опрометчивыхъ и фанатическихъ нововводителей слѣдуютъ стыдъ и замѣшательство, они пріучились смотрѣть на проявленія общественнаго духа и на планы реформъ съ недоувѣрчивостію и презрѣніемъ. Они говорили иногда языкомъ вѣрныхъ подданныхъ, иногда языкомъ лживыхъ друзей отчизны. Но ихъ тайное вѣрованіе заключалось повидимому въ томъ, что вѣрноподданничество было однимъ великимъ заблужденіемъ, а патриотизмъ— другимъ. Если они дѣйствительно и питали какое-либо пристрастіе къ монархической или народной сторонѣ конституціи, къ епископству или пресвитеріанизму, то пристрастіе это было слабо и вяло, и не только не побуждало, какъ во времена ихъ предковъ, страха изгнанія, конфискаціи и смерти, но рѣдко имѣло силу устоять противъ слабѣйшаго толчка личнаго честолюбія или личнаго страха. Такова была ткань пресвитеріанизма Лодердалля и теоретическаго республиканизма Галифакса. Чувство народной чести казалось угасшимъ. Въ глазахъ большинства людей послѣдовательность считается пробнымъ камнемъ честности общественнаго дѣятеля. Проба эта, хотя весьма недостаточная, бываетъ пожалуй наилучшею, какую наблюдатели, за исключеніемъ самыхъ проникательныхъ и самыхъ близкихъ, способны примѣнить къ дѣлу, и, несомнѣнно, даетъ людямъ возможность составить оцѣнку характеровъ великихъ личностей, въ цѣломъ наиболѣе приближающуюся къ точности. Но въ продолженіе послѣдней половины XVII столѣтія непослѣдовательность по необходимости перестала считаться безчестіемъ; и человѣка не болѣе упрекали за его непослѣдовательность, какъ упрекають чернаго въ Томбуку за его цвѣтъ. Никто не стыдился признаться въ томъ, что было общимъ между нимъ и цѣлою націею. Въ короткій промежутокъ лѣтъ около семи, верховная власть находилась въ рукахъ Долгаго парламента, совѣта офицеровъ, Барбонскаго парламента, снова совѣта офицеровъ, протектора согласно *«Правительственному акту»* и протектора согласно *«Почтительному прошенію и совѣту»*, снова Долгаго парламента, третьяго совѣта офицеровъ, въ третій разъ Долгаго парламента, Конвента и короля. Въ такія времена, по-

слѣдовательность бываетъ до того неудобна для человѣка, придерживающагося ея, и для всѣхъ находящихся съ нимъ въ связи, что перестаетъ быть добродѣтью и считается своеправнымъ упрямствомъ и пустою совѣстливостью. Дѣйствительно, въ такія времена хорошей гражданности можетъ по долгу быть обязанъ служить цѣлому ряду правленій. Блекъ дѣлалъ это на одномъ поприщѣ, а Гель на другомъ; и поведеніе обоихъ одобрено было потомствомъ ⁽²⁾. Но ясно, что, если непоследовательность въ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросахъ перестаетъ быть упрекомъ, непоследовательность въ вопросахъ меньшей важности не должна, по всей вѣроятности, считаться безчестіемъ. Въ странѣ, гдѣ многіе весьма честные люди, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, поддерживали правленіе то протектора, то Охвостыя, то короля, не должно, по всей вѣроятности, было стыдиться покинуть свою партію ради мѣста, или подавать голосъ за билль, которому противился.

Общественные дѣятели послѣдовавшихъ за Реставраціею временъ отнюдь не имѣли недостатка въ мужествѣ или дарованіяхъ; и нѣкоторые роды талантовъ были у нихъ, повидимому, развиты до значительной — можно бы почти сказать — болѣзненной и неестественной степени. Ни Фераментъ въ древнія времена, ни Талейранъ въ новѣйшія, не были болѣе тонкими знатоками всѣхъ оттѣнковъ человѣческаго характера и всѣхъ признаковъ наступающей переменны, чѣмъ нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ того времени. Способность ихъ въ предугадываніи вещей высокой важности, по признакамъ невидимымъ и непонятнымъ для другихъ, походила на волшебство. Но жребій Рувиима тяготѣлъ на нихъ всѣхъ: «Непостоянный какъ вода, не подымешься ты» ⁽³⁾.

Свойства эти бывають способны къ безчисленнымъ видоизмѣненіямъ, смотря по безчисленному разнообразію ума и права, въ которыхъ проявляются. Люди съ безпокойными умами и сильнымъ честолюбіемъ слѣдовали по страшно эксцентричному пути: бросались своеправно изъ одной крайности въ другую; служили и измѣняли поочередно всѣмъ партіямъ; попеременно выставляли свои мѣдые лбы въ первыхъ рядахъ самыхъ испорченныхъ правительствъ и самыхъ крамольныхъ оппозицій; посвящены были въ самыя преступныя тайны то Кабали,

⁽²⁾ Робертъ Влаке — адмиралъ, прославившійся многочисленными побѣдами во время войны съ голландцами. — Matthew Hale — судья и ученый времени Кромвелля и Реставраціи.

⁽³⁾ Кн. Бытія гл. 49. ст. 4.

то Райгаусскаго заговора; отрекались отъ своей вѣры, чтобы пріобрѣсти милость своего государя, замышляя притомъ тайно его низверженіе; исповѣдывались у іезуитовъ, имѣя въ карманахъ шифрованныя письма отъ принца Оранскаго; вели переписку съ Гагой, будучи въ должностяхъ при Іаковѣ, и стали вести переписку съ Сен-Жерменскимъ дворомъ, какъ скоро облобызали за полученныя должности руки Вильгельма. Но Темпль не былъ изъ числа такихъ людей. Онъ не былъ лишень честолюбія. Но оно не было честолюбіемъ такой души, въ которой неудовлетворенное честолюбіе замѣняетъ мученія ада, гложетъ подобно червию неумирающему и сожигаетъ подобно огню непотухающему. Принципъ его состоялъ въ томъ, чтобы сперва упрочить себѣ безопасность и удобства, и предоставить потомъ величію явиться, когда ему вздумается. Оно являлось, онъ наслаждался имъ; и, въ первую же минуту, какъ нельзя было долѣе безопасно и спокойно наслаждаться имъ, онъ съ удовольствіемъ отказался отъ него. Онъ не былъ, кажется, изъять отъ господствовавшей тогда политической безнравственности. Душа его подверглась заразѣ, но подверглась ей *ad modum resipientis*, въ столь смягченной формѣ, что недалновидный судья могъ бы усумниться, чтобы зараза эта была тою же сильною моровою язвою, которая свирѣпствовала повсюду. На болѣзни отразилась природная вялость больного. Общая порча, смягченная его спокойною и непредпримчивою натурою, обнаружилась упущеніями и уклоненіями, а не положительными злодѣяніями; и его бездѣйствіе, хотя иногда трусливое и эгоистическое, становится достойнымъ уваженія въ сравненіи съ злонамѣренною и вѣроломною неугомонностью Шэфтесбѣри и Сондерланда.

Темпль происходилъ изъ рода, хотя древняго и почтеннаго, но едва ли до него встрѣчающагося въ нашей исторіи; родъ этотъ, однако, долго послѣ его смерти, производилъ столь многихъ знаменитыхъ людей, и образовалъ такія замѣчательныя связи, что имѣлъ, правильнымъ и законнѣрнымъ образомъ, едва ли меньшее вліяніе въ государствѣ, чѣмъ то, котораго, совсѣмъ въ иные времена и совсѣмъ иными средствами, родъ Невилля достигъ въ Англіи, а родъ Дугласа въ Шотландіи. Въ послѣдніе годы Георга II и во все царствованіе Георга III, члены этого разросшагося и могущественнаго семейства находились почти постоянно во главѣ или правительства, или оппозиціи. Были времена, когда родня, *cousinhood* — какъ однажды ее прозвали, могла бы одна снабдить почти всѣми матеріалами, нужными для постройки сильнаго кабинета. Въ

теченіе 50-ти лѣтъ три первые лорда казначейства, три государственные секретаря, два хранителя малой печати и четыре первые лорда адмиралтейства были назначены изъ числа сыновей и внуковъ графини Темпль.

Такое блестящее было состояніе старшей отрасли семейства Темпль, продолжавшееся наслѣдствомъ съ женской стороны. Вилліамъ Темпль — первый въ ряду, достигшемъ въ некоторой степени великой исторической знаменитости, принадлежалъ къ младшей отрасли. Отецъ его, сэръ Джонъ Темпль, былъ начальникомъ государственнаго архива въ Ирландіи и отличился, между тайными совѣтниками этого королевства, рвеніемъ, съ какимъ поддерживалъ народное дѣло въ началѣ борьбы между короною и Долгимъ парламентомъ. Онъ былъ арестованъ по приказанію герцога Ормонда, но получилъ свободу вслѣдствіе обмѣна, явился въ Англію и тамъ засѣдалъ въ палатѣ общинъ, какъ депутатъ отъ Чичестера. Онъ присталъ къ пресвитеріанской партіи, и былъ однимъ изъ умѣренныхъ членовъ, вотировавшихъ въ исходѣ 1648 года за веденіе съ Карломъ переговоровъ на основаніяхъ, которыя государь этотъ самъ принималъ, и вслѣдствіе того почти безъ церемоніи удаленныхъ изъ палаты полковникомъ Брайдомъ. Сэръ Джонъ, между тѣмъ, примирился, кажется, съ побѣдоносными индепенентами; ибо въ 1653 году онъ снова вступилъ въ должность свою въ Ирландію.

Сэръ Джонъ Темпль женатъ былъ на сестрѣ знаменитаго Генри Гаммонда, ученаго и благочестиваго богослова, въ теченіе междоусобной войны принимавшаго съ явнымъ усердіемъ сторону короля и лишившагося, послѣ побѣды парламента, своей церковной должности. Вслѣдствіе потери, какую при этомъ понесъ Гаммондъ, онъ удостоился, — на странномъ языкѣ того новаго племени оксоніанскихъ сектаторовъ, соединившихъ худшія стороны іезуита съ худшими сторонами оранжиста (*), — быть отличеннымъ именами: Гаммонда, пресвитера, доктора и исповѣдника.

Вилліамъ Темпль, старшій сынъ сэра Джона, родился въ Лондонѣ въ 1628 году. Онъ получилъ первое воспитаніе подъ надзоромъ дяди съ материнной стороны, потомъ отправленъ былъ въ училище въ Бишопъ-Стортфордъ и на семнадцатомъ

(*). Названіе, данное ирландскими католиками протестантскимъ сторонникамъ Вильгельма Оранскаго. Съ конца прошлаго столѣтія *Orangemen* получили совсѣмъ иное значеніе, образовавъ правильный и обширный союзъ.

году поступилъ въ Emmanuel College, въ Кембриджъ, гдѣ знаменитый Кодвортъ былъ его наставникомъ (*). Времена не благоприятствовали ученію. Междуѣдობная война тревожила даже тихіе переходы и лужайки Кембриджа, производила сильныя перевороты въ учрежденіяхъ и дисциплинѣ коллегій и волновала умы учащихся. Темпль утратилъ въ коллегіи все ничтожное знаніе греческаго языка, которое принесъ съ собою изъ Бишопъ-Стортфорда, и никогда не вознаграждалъ потери; обстоятельство это едва ли стоило бы вниманія, еслибъ не тотъ почти невѣроятный фактъ, что спустя 50 лѣтъ онъ дошелъ до такой неаппетитности, что въ вопросахъ изъ греческой исторіи и филологіи выступилъ съ собственнымъ авторитетомъ противъ авторитета Бейтлі. Онъ не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ ни въ старой философіи, догравшей еще въ кембриджскихъ школахъ, ни въ новой, основателемъ которой былъ лордъ Бэконъ. Но до конца своей жизни онъ продолжалъ говорить о первой съ невѣжественнымъ восторгомъ, а о послѣдней съ столь же невѣжественнымъ презрѣніемъ.

Послѣ двухлѣтняго пребыванія своего въ Кембриджъ, онъ оставилъ его, не получивъ ученой степени, и отправился путешествовать. Онъ былъ тогда, кажется, живымъ, приятнымъ, свѣтскимъ молодымъ человѣкомъ, никакъ не начитаннымъ, но посвященнымъ во всѣ поверхностныя знанія джентльмена и способнымъ быть принятымъ во всѣ образованныя общества. Въ политикѣ онъ объявлялъ себя реалистомъ. Его мнѣнія о религіозныхъ предметахъ были повидимому таковы, какихъ можно было ожидать отъ молодаго человѣка быстрого ума, получившаго несвязанное воспитаніе, не углублявшагося мыслью, получившаго отвращеніе къ угрюмой суровости пуританъ, окруженнаго съ дѣтства суматохою противоборствующихъ сектъ и легко пріучившагося, поэтому, питать ко всѣмъ имъ безпристрастное презрѣніе.

На пути своемъ во Францію онъ повстрѣчался съ сыномъ и дочерью сэра Питера Осворла. Сэръ Питеръ держалъ островъ Гернси въ покорности королю, и молодые люди, подобно своему отцу, горячо стояли за королевское дѣло. Въ гостиницѣ, гдѣ они остановились на островѣ Вайтъ, братъ забавлялся расписываніемъ на окнахъ своего мнѣнія о господствующихъ властяхъ. За этотъ враждебный поступокъ все общество

(*) RALPH CUDWORTH — богословъ и философъ, авторъ «*Discourse concerning the true Nature of the Lords Supper*».

было арестовано и представлено губернатору. Сестра, полагаясь на вниманіе, какое, даже въ эти смутныя времена, едва ли хотъ одинъ джентльменъ какой-либо партіи замедлялъ когда-либо оказывать, если дѣло касалось женщины, приняла вину на себя и была немедленно освобождена со своими спутниками.

Это приключеніе произвело, естественно, глубокое впечатленіе на Темпля. Онъ былъ только 20-ти лѣтъ. Дороти Осборнъ была 21-го года. Она была, говорятъ, красавица; и есть много доказательствъ, что щедро надѣлена была ловкостью, живостью и нѣжностью, свойственною ея полу. Темплъ вскорѣ сдѣлался, говоря языкомъ того времени, ея слугою, и она отвѣчала на его вниманіе. Но противъ ихъ желаній были трудности столь же большія, какъ и трудности, растагивающія иногда романъ до пятого тома. Когда началось ухаживаніе, отецъ героя заставлялъ въ Долгомъ парламентѣ; отецъ героини командовалъ на Гернси за Карла. Даже и тогда, когда война кончилась и сэръ Питеръ Осборнъ возвратился въ помѣстье свое Чиксандсъ, надежды влюбленныхъ едва ли были менѣе мрачны. Сэръ Джонъ Темплъ имѣлъ въ виду для сына своего болѣе выгодную связь. Дороти Осборнъ была между тѣмъ осаждаема такимъ же количествомъ поклонниковъ, какое привлекалось въ Бельмонтъ молвою Порціи. Въ числѣ ихъ самый замѣчательный былъ Генри Кромвеллъ. Лишенный способности, энергіи, величія своего знаменитаго отца, лишенный также кроткихъ и мирныхъ качествъ своего старшаго брата, этотъ молодой человѣкъ былъ, можетъ-быть, болѣе страшнымъ соперникомъ въ любви, нежели былъ бы тотъ или другой изъ нихъ. М-съ Гютчнсонъ, выражаясь языкомъ степенныхъ и пожилыхъ людей, описываетъ его, какъ «наглаго безумца,» и «распутнаго, безбожнаго кавалера.» Эти выраженія, вѣроятно, означаютъ, что онъ былъ одною изъ тѣхъ личностей, которыя между молодыми, необузданными людьми могли бы считаться совершенными джентльменами. Дороти любила собакъ болѣе крупной и болѣе страшной породы, чѣмъ тѣ, которыя лежатъ на нѣжныхъ каминныхъ коврахъ; и Генри Кромвеллъ обѣщался, что высшіе сановники Дублина будутъ употреблены въ дѣло, чтобы доставить ей прекрасную ирландскую борзую собаку. Ей, по видимому, весьма льстило его вниманіе, хотя отецъ его былъ тогда только лордъ-генералъ, а еще не протекторъ. Любовь однако восторжествовала надъ честолюбіемъ, и молодой женщиной, кажется, никогда не приходилось раскаиваться въ своемъ рѣшеніи, хотя, въ письмѣ, писанномъ какъ разъ въ то время, когда по всей Англіи раздавались вѣсти о насильствен-

номъ распущеніи Долгаго парламента, она не могла удержаться, не напомнить Темплю, съ прощательнымъ тщеславіемъ, «какого величія она могла бы достигнуть, если бы настолько была умна, чтобы принять предложеніе Г. К.»

Темплю приходилось страшиться не одного только вліянія соперниковъ. Родня его возлюбленной смотрѣла на него съ личнымъ недоброжелательствомъ и отзывалась о немъ, какъ о безнравственномъ удалицѣ, безъ чести и вѣры, готовомъ, ради мѣста, оказать услугу какой бы то ни было партіи. Это былъ, дѣйствительно, весьма искаженный взглядъ на характеръ Темпли. Однако характеръ, даже въ самомъ искаженномъ своемъ видѣ, представленный самыми раздраженными и предубѣжденными умами, сохраняетъ обыкновенно нѣкоторыя черты свои. Ни одинъ каррикатуристъ не представлялъ никогда м-ра Питта Фальстафомъ или м-ра Фокса скелетомъ; и ни одинъ сочинитель пасквилей не приписывалъ никогда бережливости Шкридану или расточительности Мальборо. Надобно сознаться, что складъ ума, который панегиристы Темпли удостоили названія философскаго индифферентизма, и который, при всей своей умѣстности въ пожиломъ и опытномъ государственномъ дѣятелѣ, являлся въ молодомъ человѣкѣ нѣсколько противнымъ, могъ легко показаться оскорбительнымъ семейству, готовому сражаться или выносить пытки за своего изгнаннаго короля и за свою гонимую церковь. Бѣдная дѣвушка была крайне оскорблена и раздражена этими обвиненіями противъ ея возлюбленнаго; горячо защищала его заочно и обращалась къ нему самому съ нѣкоторыми весьма нѣжными и заботливыми увѣщаніями, завѣряя его тутъ-же въ своемъ упованіи на его честь и добродѣтель. Однажды она была чрезвычайно возбуждена языкомъ, какимъ одинъ изъ ея братьевъ отзывался о Темплѣ. «Мы наговорились до усталости, говоритъ она, онъ отказывался отъ меня, а я заявляла свое презрѣніе къ нему.»

Почти семь лѣтъ продолжалось это трудное сватовство. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній касательно образа жизни Темпли въ теченіе этого времени. Но онъ велъ, кажется, скитальческую жизнь то на материкѣ, то въ Ирландіи, то въ Лондонѣ. Онъ изучалъ французскій и испанскій языки и забавлялся сочиненіемъ «опытовъ» и романовъ; такое занятіе послужило, по крайней мѣрѣ, къ образованію его слога. Образчикъ этихъ начальныхъ сочиненій, приведенный м-ромъ Кортнеемъ, нисколько не заслуживаетъ презрѣнія: дѣйствительно, тутъ встрѣчается одно мѣсто, гдѣ говорится о симпатіи и антипатіи, которое могло быть только произведеніемъ ума, привычнаго тща-

тельно размышлять о собственныхъ дѣйствіяхъ, и которое напоминаетъ намъ лучшія мѣста въ Монтень.

Темпль, по-видимому, велъ самую дѣтельную переписку съ своей возлюбленною. Его письма затеряны, но ея уцѣлѣли; и многія изъ нихъ встрѣчаются въ этихъ томахъ. М-ръ Кортней обнаруживаетъ нѣкоторое сомнѣніе, будетъ ли онъ оправданъ своими читателями за помѣщеніе этихъ посланій въ такомъ огромномъ количествѣ. Мы желаемъ только, чтобы ихъ было вдвое столько же. Дѣйствительно, весьма немногое встрѣчается въ дипломатической перепискѣ того поколѣнія, что было бы въ такой же степени достойнымъ чтенія. «Достоинство исторіи» есть пошлая фраза, которую чрезвычайно любятъ плохіе историки. Одинъ писатель имѣетъ въ рукахъ нѣкоторые анекдоты, которые могли бы самымъ разительнымъ образомъ уяснить дѣйствіе миссиссипійскаго предпріятія на нравы и обычаи парижанъ. Но онъ устраняетъ эти анекдоты, потому что они слишкомъ низки для достоинства исторіи. Другой чувствуетъ сильное искушеніе упомянуть о нѣкоторыхъ фактахъ, увазывающихъ на гнусное состояніе англійскихъ тюремъ 200 лѣтъ тому назадъ. Но ему едва ли приходитъ въ голову, чтобы страданія дюжины преступниковъ, живущихъ кучей на голыхъ кирпичкахъ пространствомъ въ 15 кв. футовъ, могли составлять предметъ совмѣстный съ достоинствомъ исторіи. Иной изъ уваженія къ достоинству исторіи рассказываетъ о царствованіи Георга II, не упомянуть ни слова о проповѣдываніи Вайтфилда въ Мурфилдсѣ (*). Какъ возможно, чтобы писатель, который въ состояніи говорить о сенатахъ, конгрессахъ государей, прагматическихъ санкціяхъ, равелинахъ, контръ-эскарпахъ, сраженіяхъ, гдѣ 10 тысячъ человекъ бывають убиты, а 6 тысячъ человекъ съ 50-ю знаменами и 80-ю пушками взяты въ плѣнъ, — унижался до разсказа о биржѣ, Ньюгетѣ, театрѣ, скинии?

Трагедія имѣетъ свое «достоинство», такъ же какъ и исторія, а сколько трагическое искусство одолжено этому достоинству, можетъ судить всякій, кто величественные александрійскіе стихи, въ которыхъ сеньоръ Орестъ и мадамъ Андромаха выражаютъ свои жалобы, сравнитъ съ болтовнею безумнаго въ «Лирѣ» и кориняцы въ «Ромео и Юлія».

(* GEORGE WHITEFIELD — глава кальвинистскихъ методистовъ, прославившійся своими проповѣдями въ Англии и Америкѣ. Въ Мурфилдсѣ построилъ онъ скинію, гдѣ и продолжалъ проповѣди, когда лишенъ былъ возможности проповѣдывать въ городской церкви.

Совершенно справедливо, что историкъ не долженъ разсказывать пустяковъ, а долженъ ограничиваться тѣмъ, что важно. Но многіе писатели никогда, кажется, не обращали вниманія на то, отъ чего зависитъ историческая важность событія. Они, кажется, не знаютъ, что важность факта, когда фактъ этотъ разсматривается относительно непосредственныхъ своихъ послѣдствій, и важность того же факта, когда фактъ этотъ разсматривается, какъ часть матеріала для построенія науки, суть двѣ весьма различныя вещи. Количество добра или зла, произведеннаго какимъ-либо происшествіемъ, никакъ не бываетъ необходимо пропорціонально количеству свѣта, бросаемаго этимъ происшествіемъ на путь, какимъ добро или зло можетъ въ послѣдствіи быть сдѣлано. Отравленіе короля составляетъ въ извѣстномъ смыслѣ гораздо болѣе серьезное дѣло, нежели отравленіе крысы. Но отравленіе крысы можетъ быть эроу въ химіи; а король можетъ быть отравленъ такими обыкновенными средствами и въ сопровожденіи такихъ обыкновенныхъ припадковъ, что ни одинъ ученый журналъ не обратитъ вниманія на это происшествіе. Процессъ въ 100 тысячъ фунтовъ стерлинговъ бываетъ въ извѣстномъ смыслѣ болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ процессъ въ 50 ф. стерл. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что ученые джентльмены, сообщающіе о судебныхъ дѣлопроизводствахъ, должны давать болѣе полный отчетъ о тяжбѣ въ 100 тыс. ф., нежели о тяжбѣ въ 50 фунт. Ибо дѣло, отъ котораго зависитъ огромная сумма, можетъ быть важно только въ частности для истца или для отвѣтника. Дѣло же, съ другой стороны, отъ котораго зависитъ ничтожная сумма, можетъ быть поводомъ къ установленію какого-нибудь важнаго начала, интересующаго половину семействъ въ королевствѣ. Точно то же бываетъ съ тѣми предметами, о которыхъ приходится говорить историкамъ. Для азиянина, во время Пелопонезской войны, результатъ сраженія при Деліумѣ былъ гораздо важнѣе, чѣмъ участь комедіи «Всадники» (7). Но для насъ фактъ, что комедія «Всадники» имѣла на азиатской сценѣ успѣхъ, гораздо важнѣе, нежели фактъ, что азиатская фаланга уступила при Деліумѣ. Ни то, ни другое событіе, не имѣетъ теперь никакой существенной важности. Мы нисколько не находимся въ опасности быть пронзенными евскими копьями. Мы не осмѣяны во «Всадникахъ». Для насъ важность обеихъ событій заключается въ цѣлности общей истины, которая можетъ изъ нихъ быть почерпнута. Ка-

(7) АРІСТОФАНЪ.

кую общую истину извлекаемъ мы изъ дошедшихъ до насъ разсказовъ о битвѣ при Деліумѣ? Весьма немногихъ болѣе той истины, что когда двѣ арміи сражаются, то нѣтъ невѣроятности, что одна изъ нихъ будетъ сильно побита, — истина, которую, мы думаемъ, не трудно было бы постигнуть, даже еслибъ сраженіе при Деліумѣ совсѣмъ исчезло изъ памяти людей. Но человекъ, познакомившійся съ комедіею «Всадники» и съ исторіею этой комедіи, вдругъ чувствуетъ, что умъ его сталъ шире. Общество представляется передъ нимъ въ новомъ видѣ. Онъ могъ много читать и путешествовать. Онъ могъ посѣтить всѣ страны Европы и цивилизованныя націи Востока. Онъ могъ дѣлать наблюденія надъ нравами многихъ варварскихъ племенъ. Но здѣсь встрѣтитъ онъ нѣчто совсѣмъ различное отъ всего, что встрѣчалъ между образованными и дикими народами. Здѣсь онъ находитъ общество непохожее, въ политическомъ умственномъ и нравственномъ отношеніи, ни на одно общество, о которомъ онъ имѣетъ возможность составить себѣ понятіе. Вотъ истинно драгоценная часть исторіи, зерно, которое нѣкоторые молотильщики тщательно отдѣляютъ отъ мякины, для того, чтобы собрать мякину въ житницу, а зерно отбросить въ огонь.

Будучи такихъ мѣтній, мы радуемся, что узнали такъ много, и охотно желали бы узнать побольше о любовныхъ отношеніяхъ сэра Вилліама и его возлюбленной. Въ XVII столѣтіи, конечно, личность Людовика XIV была гораздо важнѣе возлюбленной Темпля. Но смерть и время уравниваютъ все. Для насъ ничего не значитъ ни великій король, ни бедфордширская красавица, ни пышный рай Марли, ни любимая прогулка мистриссъ Осборнъ «на прилегавшемъ вплоть до самаго дома общинномъ лугу, гдѣ множество молодыхъ дѣвочекъ пасли обыкновенно овецъ и коровъ и сидѣли въ тѣни, распѣвая баллады». Людовикъ и Дороти превратились одинаково въ прахъ. Бумагопрядильная фабрика стоитъ на развалинахъ Марли, а Осборны перестали пребывать подъ старинною крышею Чиксавдса. Но въ любовныхъ письмахъ, изданныхъ м-ромъ Кортнеемъ, мы находимъ столько свѣдѣній, ради которыхъ стоитъ изучать отдаленныя событія, что за подобныя интересныя записочки мы бы съ радостью отдали вѣну любыхъ государственныхъ бумагъ вдесятеро больше ихъ по вѣсу. Какъ же англійскія дѣвицы проводили время 180 лѣтъ тому назадъ, въ какой степени образованы были умы ихъ, что составляло ихъ любимыя чтенія, какая степень свободы давалась имъ, какъ онѣ употребляли эту свободу, какія качества онѣ наиболѣе цѣнили въ

мужчинахъ, и какія доказательства любви приличіе позволяло имъ выказывать избраннымъ поклонникамъ,—свѣдѣнія обо всемъ этомъ для насъ, безъ сомнѣнія, столь же важны, какъ и всѣ подробности о завладѣніи Франш-Конте и о Нимвегенскомъ трактатѣ. Взаимныя отношенія двухъ половъ кажутся намъ, по крайней мѣрѣ, столь же важными, какъ и взаимныя отношенія двухъ какихъ бы то ни было въ мѣрѣ правительствъ; и рядъ писемъ добродѣтельной, любезной и умной дѣвушки, назначенныхъ для взоровъ одного лишь ея возлюбленнаго, никогда почти не преминетъ бросить нѣкоторый свѣтъ на отношенія половъ. Между тѣмъ вполне возможно—что и засвидѣтельствуетъ каждый, дѣлавшій какія-либо историческія изслѣдованія—прочестъ цѣлыя кипы дипломатическихъ депешъ и протоколовъ, не уяснивъ себѣ ни на волосъ отношеній между правительствами.

М-ръ Кортни провозглашаетъ себя однимъ изъ поклонниковъ Дороти Осборнъ и надѣется увеличить ихъ число обнаруженіемъ ея писемъ. Мы должны объявить себя его соперникомъ. Она дѣйствительно была, по-видимому, самая очаровательная молодая женщина: скромна, великодушна, любезна, умна и жива; она была роялистка, — чего и слѣдовало ожидать по ея родственнымъ связямъ, — но безъ малѣйшаго отбѣика той политической рѣзкости, которая столь же неестественна, какъ и длинная борода у женщины; она была религіозна и при слухѣ впадала въ очень милый и привлекательный родъ проповѣданія, однако, — не настолько религіозна, чтобы не принимать участія въ тѣхъ развлеченіяхъ, какія представлялъ Лондонъ въ меланхолическое управленіе пуританъ, или не похотѣть немного надъ смѣшною проповѣдью богослова, считавшагося однимъ изъ великихъ свѣтилъ вестминстерскаго собранія. Она имѣла легкую наклонность къ кокетству, совершенно, однако, совѣстную съ горячею и безкорыстною привязанностью, и легкую наклонность къ сатирѣ, рѣдко однако переступавшей предѣлы добродушія. Она любила чтеніе; но ея предметы изученія были не тѣ, какіе любила королева Елисавета или леди Дженъ Грэй. Она читала стихи Коули и лорда Бруггилля, французскіе мемуары, рекомендованные ея возлюбленнымъ, и путешествія Фернанда Мендесъ Пянто. Но ея любимыми книгами были тѣ увѣсистыя французскіе романы, о которыхъ новѣйшіе читатели знаютъ по преимуществу изъ забавной сатиры Шарлотты Ленноксъ. Она не могла, впрочемъ, удержаться отъ смѣха надъ отвратительнымъ англійскимъ языкомъ, на какой оми была переведены. Ея собственный слогъ весьма притѣненъ; и писема ея нисколько не теряютъ отъ нѣкоторыхъ

мѣсть, гдѣ насмѣшка и нѣжность сливаются въ весьма привлекательную вычурность.

Когда наконецъ постоянство любящихся сердець восторжествовало надъ всѣми препятствіями, представлявшимися ихъ союзу со стороны родни и соперниковъ, ихъ постигло еще болѣе серьезное несчастіе. Бѣдная мистриссъ Осборнъ заболѣла отъ оспы, и хотя осталась жива, но вся красота ея погибла. Этому весьма тяжкому испытанію подвергались нерѣдко симпатія и честь любящихся сердець того времени. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ, что м-съ Гютчинсонъ рассказываетъ намъ о себѣ самой. Гордая, какъ душа Кормелин, душа этой пожилой матроны таетъ, по-видимому, въ давно забытой нѣгѣ, рассказывая, какъ ея возлюбленный полковникъ женился на ней чуть только она могла выходить изъ комнаты, въ то время, какъ священникъ и всѣ свидѣтели боялись взглянуть на нее. «Но Богъ, прибавляетъ она съ граціознымъ тщеславіемъ, вознаградилъ его честность и постоянство, возвративъ мнѣ прежнюю наружность.» Темпль выказалъ при этомъ случаѣ ту же честность и постоянство, какія дѣлали столько чести полковнику Гютчинсону. Время ихъ брака неизвѣстно съ точностью. Но м-ръ Кортней предполагаетъ, что онъ произошелъ въ исходѣ 1654 года. Начиная съ того времени, Дороги теряется изъ виду, и мы принуждены составить себѣ мнѣніе о взаимныхъ отношеніяхъ, въ какихъ находились супруги, изъ весьма слабыхъ указаній, которыя легко могутъ ввести насъ въ обманъ.

Темпль вскорѣ отправился въ Ирландію, и проживалъ съ отцомъ своимъ, частью въ Дублинѣ, частью въ графствѣ Барло. Ирландія была, вѣроятно, въ то время, сравнительно съ Англіею, болѣе приятнымъ мѣстопребываніемъ для высшихъ классовъ общества, чѣмъ когда-либо прежде или послѣ. Ни въ одной части государства превосходство способностей Кромвелля и сила его характера не выказались въ такой значительной степени. Онъ не властенъ былъ, да вѣроятно не былъ и склоненъ управлять этимъ островомъ наилучшимъ образомъ. Возмущеніе ирландцевъ возбудило къ нимъ въ Англіи сильное религіозное и національное отвращеніе; и нѣтъ никакого основанія думать, что протекторъ былъ настолько выше своего вѣка, чтобы освободиться отъ господствовавшего чувства. Онъ покорилъ ихъ; онъ зналъ, что они были въ его власти, и считалъ ихъ шайкою злодѣевъ и идолопоклонниковъ, съ которыми милостиво обращался, если не подвергали ихъ острію меча. Съ сопротивлявшимися онъ воевалъ подобно тому, какъ евреи воевали съ жителями земли Ханаанской. Дроггеда былъ второй Іеру-

хонъ; а Вексфордъ второй Аи. (*) Остаткамъ древняго населенія побѣдитель даровалъ такой же миръ, какой Израиль даровалъ жителямъ Гаваона. Онъ сдѣлалъ ихъ дровосѣками и носильщиками воды. Но, въ хорошемъ или въ дурномъ, онъ не могъ быть инымъ какъ великимъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ Ирландія нашла бы въ немъ самаго справедливаго и благодѣтельнаго правителя. Она нашла въ немъ тирана; не мелочнаго, докучливаго тирана, какіе долго были ея проклятіемъ и срамомъ; но одного изъ тѣхъ страшныхъ тирановъ, какіе, въ длинныя промежутки времени, посылаются повидимому на землю, подобно ангеламъ-мстителямъ, съ высокимъ порученіемъ разрушенія и обновленія. Онъ не былъ человѣкомъ подлунъ, низкихъ оскорбленій и неохотныхъ уступокъ. Его протестантскій перевѣсъ не былъ перевѣсомъ лентъ, скрипокъ, статуй и процесій. Ему бы никогда и въ голову не пришло уничтожить уголовныя законы и отнять у католиковъ избирательное право, дать имъ избирательное право и исключить ихъ изъ парламента, допустить ихъ въ парламентъ и отказать имъ въ полномъ и равномъ участіи во всѣхъ благахъ общественныхъ и правительственныхъ. Мелочное преслѣдованіе было дѣломъ наиболѣе чуждымъ его ясному уму и его повелительному характеру. Онъ умѣлъ оказывать терпимость, и умѣлъ разрушать. Его управленіе въ Ирландіи было управленіемъ, основаннымъ на началахъ, называемыхъ теперь оранскими, и проводилось самымъ искуснымъ, самымъ непоколебимымъ, самымъ неустрашимымъ, самымъ неутомимымъ образомъ, до самыхъ крайнихъ послѣдствій, къ какимъ вели эти начала; и еслибъ оно продолжилось, то неизбежно произвело бы дѣйствіе, которое онъ задумалъ: совершенное разложеніе и пересозданіе общества. У него была въ виду великая и опредѣленная цѣль: сдѣлать Ирландію коренною англійскою, сдѣлать Ирландію вторымъ Йоркшвромъ или Норфолькомъ. При тогдашнемъ рѣдкомъ населеніи Ирландіи, цѣль эта не была недостижимою; и вполнѣ основательно можно полагать, что — продлись его политика 50 лѣтъ — цѣль эта была бы достигнута. Вмѣсто переселенія, какое мы теперь видимъ изъ Ирландіи въ Англію, въ его управленіе было постоянное и многочисленное переселеніе изъ Англіи въ Ирландію. Этотъ приливъ народонаселенія стремился

(*) Drogheda — городъ въ Лейнстерѣ. Wexford — главный городъ провинціи того же имени. Аи — городъ въ Палестинѣ (Быт. 12, 8. 18, 9).

почти такъ же сильно, какъ тотъ, который стремится теперь изъ Массачузетса и Коннектикута къ штатамъ по ту сторону Огіо. Природное племя подавалось назадъ передъ подвигающимся авангардомъ англо-саксонскаго народонаселенія, подобно американскимъ индѣйцамъ или племенамъ Южной Африки, отступающимъ теперь назадъ передъ бѣлыми поселенцами. Тѣ страшныя явленія, которыми почти неизмѣнно сопровождается основаніе образованныхъ колоній въ необразованныхъ странахъ и которыя извѣстны были европейскимъ націямъ только по отдаленнымъ и сомнительнымъ слухамъ, представлялись теперь публично ихъ взорамъ. Слова «истребленіе», «искорененіе» часто слышались изъ устъ англійскихъ поселенцевъ глубины Лейнстера и Монстера — слова жестокаго, но, въ жестокости своей заключающія болѣе милости, чѣмъ гораздо болѣе мягкія выраженія, принятая съ тѣхъ поръ университетами и одобренныя парламентами. Подлинно, больше милосердія заключается въ истребленіи сотни тысячъ человѣческихъ существъ за-разъ и выполненіи порожняго мѣста благоустроеннымъ народонаселеніемъ, чѣмъ въ дурномъ управленіи милліонами людей въ теченіе длиннаго ряда поколѣній. Мы гораздо легче можемъ извинить страшныя жестокости, причиненныя ради великой цѣли, чѣмъ безконечный рядъ мелкихъ притѣсненій и угнетеній, причиняемыхъ вовсе безъ всякой рациональной цѣли.

Ирландія быстро дѣлалась англійскою. Цивилизація и богатство дѣлали быстрые успѣхи почти въ каждой части острова. Дѣйствія этого желѣзнаго деспотизма описаны намъ враждебнымъ очевидцемъ, весьма замѣчательнымъ языкомъ. «И что еще удивительнѣе, говоритъ лордъ Кларендонъ, все это было сдѣлано и въ промежутокъ нѣсколько болѣе двухъ лѣтъ, доведено до такой степени совершенства, что возникли многія строенія, какъ для украшенія, такъ и для пользы; стройно и правильно насаженныя рощи, заборы и ограды появились всюду въ королевствѣ; между жителями производились сдѣлки на весьма значительныя суммы; при бракахъ опредѣлялись вдовыя деньги; и всѣ прочія передачи и сдѣлки совершались какъ въ королевствѣ, въ которомъ все покойно и не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія касательно силы документовъ.»

Къ ирландскимъ вопросамъ Темпль относился совершенно какъ колонистъ и членъ господствующей касты. Онъ такъ же мало заботился о благосостояніи остатковъ древняго кельтскаго народонаселенія, какъ англійскій фермеръ на берегахъ Лебединой рѣки заботится о ново-голландцахъ или голландскій поселенецъ на Мысѣ Доброй Надежды о каффрахъ. Годы, про-

веденные имъ въ Ирландіи, когда Кромвеллева охмена была въ полной силѣ, онъ всегда описываетъ какъ «годы большого удовольствія.» Фермерство, садоводство, дѣла графства и чтеніе, скорѣе пріятное, чѣмъ серьезное, занимали его время. Въ полѣтикъ онъ не принималъ никакого участія и, спустя много лѣтъ, приписывалъ свое бездѣйствіе любви къ древней конституціи, которая, говорилъ онъ, «не дозволяетъ ему участвовать въ публичныхъ дѣлахъ, пока не очистится дорога къ благополучной реставраціи короля.» Не видно, дѣйствительно, чтобы ему предлагалась какая-либо должность. Если же онъ отказывался, на самомъ дѣлѣ, отъ какого-либо мѣста, то мы можемъ, безъ большаго нарушенія любви къ ближнему, приписать отказъ этотъ скорѣе осторожности, которая всю жизнь не допускала его подвергаться какой-либо опасности, чѣмъ пламенности его вѣрно-подданическихъ чувствъ.

Въ 1660 году, онъ впервые явился на публичнои поприщѣ. Онъ заставлялъ въ собраніи, которое, среди всеобщаго замѣшательства, предшествовавшаго реставраціи, созвано было въ Дублинѣ начальниками ирландской арміи. Послѣ возвращенія корабля ирландскій парламентъ созывался правильно, и Темпль представлялъ въ немъ графство Карло. Подробности его поведенія въ этомъ положеніи намъ неизвѣстны. Но намъ извѣстно вообще — и легко можно тому повѣрить — что онъ выказалъ большую умѣренность и большую способность къ дѣламъ. Вѣроятно, онъ отличался также въ преніяхъ: много лѣтъ спустя онъ говорилъ, что «друзья его въ Ирландіи обыкновенно думали, что если у него былъ какой-либо талантъ, такъ на этомъ поприщѣ.»

Въ маѣ 1663 года, ирландскій парламентъ былъ отсроченъ, и Темпль съ женою своею отправился въ Англію. Ежегодный доходъ его простирался до 500 ф. стерл., — сумма достаточная въ то время для потребностей семейства, примыкавшаго къ моднымъ кружкамъ общества. Онъ провелъ два года въ Лондонѣ, гдѣ, повидимому, велъ ту покойную жизнь праздношатающагося, которая наилучше шла къ его характеру.

Онъ не забывалъ, впрочемъ, своихъ интересовъ. Онъ привезъ съ собою рекомендательныя письма отъ герцога Ормонда, въ то время лорда-наместника Ирландіи, къ Кларендону и къ Генри Бенякету, лорду Арлингтону, бывшему тогда государственнымъ секретаремъ. Кларендонъ былъ во главѣ правительства. Но власть его видимо падала и должна была, навѣрное, всякій день болѣе и болѣе клониться къ упадку. Наблюдатель, гораздо менѣе прозорливый, нежели Темпль, могъ легко видѣть, что канцлеръ былъ человѣкомъ, принадлежавшимъ

къ отшедшему міру, представителемъ прошлаго вѣка, обветшалаго образа мыслей, несовременныхъ пороковъ и еще менте современныхъ добродѣтелей. Долгое изгнаніе сдѣлало его чужимъ въ его родной странѣ. Умъ его, раздраженный столкновѣніями и личными страданіями, былъ гораздо болѣе озлобленъ противъ популярныхъ и снисходительныхъ мѣръ, чѣмъ въ началѣ междоусобной войны. Онъ тосковалъ по благовидной тиранніи вѣрежяго Вайтголя, и по днямъ того короля-святости, который лишалъ народъ свой денегъ и ушей, но не трогалъ его женъ и дочерей; Кларкдонъ съ трудомъ могъ мириться съ дворомъ, имѣвшимъ сераль и не имѣвшимъ Звѣздной палаты. Избравши такой путь, онъ становился всякій день болѣе и болѣе ненавистнымъ какъ государю, любившему удовольствіа гораздо болѣе прерогативъ, такъ и народу, страшившемуся королевскихъ прерогативъ гораздо болѣе, чѣмъ королевскихъ удовольствій. Наконецъ, дворъ возненавидѣлъ его болѣе, чѣмъ какой-либо вождь оппозиціи, а парламентъ болѣе, чѣмъ никакой-либо придворный сводникъ.

Невѣроятно было, чтобы Темпль, котораго главнымъ руководящимъ правиломъ было не задѣвать ни одной партіи, могъ пристать къ падающему величію министра, котораго вся забота въ жизни состояла въ томъ, чтобы обижать всѣ партіи. Арлвигтонъ, котораго вліяніе постепенно возрастало, по мѣрѣ того, какъ вліяніе Кларкдона уменьшалось, былъ самымъ полезнымъ покровителемъ, къ какому могъ прильнуть молодой искатель приключеній. Этотъ государственный человекъ, безъ добродѣтели, мудрости и силы духа, достигъ величія въѣшними качествами и былъ простымъ твореніемъ времени, обстоятельство и общества. Гордая сдержанность въ обращеніи, приобретенная имъ во время пребыванія въ Испаніи, вызывала насмѣшку всѣхъ, считавшихъ обычай французскаго двора единственнымъ мѣриломъ хорошаго воспитанія, но служила къ возбужденію въ толпѣ благосклоннаго мнѣнія о его проникательности и важности. Въ такихъ положеніяхъ, гдѣ торжественность Экуріала была бы неумѣстной, онъ отбрасывалъ ее въ сторону безъ затрудненія, и разговаривалъ съ большимъ юморомъ и живостью. Въ то время, какъ толпа толковала о важномъ видѣ Беннета (*), веселость его всегда встрѣчала лаковый приемъ въ королевскомъ кабинетѣ. Въ то время, какъ Боккингамъ въ передней

(* «Важный видъ Беннета былъ притворствомъ» — стихъ въ одной изъ лучшихъ политическихъ поэмъ того вѣка.

передразнивалъ, для потѣхи мистриссъ Стюартъ, пышную кастельскую поступь секретаря, этотъ величественный донъ въ кабинетъ короля представлялъ трезвые совѣты Кларендона до такой степени въ свѣтлѣнѣ видѣ, что король плакалъ отъ смѣха, а канцлеръ отъ досады. Никогда, можетъ быть, не было чело-вѣка, котораго наружность въ обращеніи производила бы столь различныя впечатлѣнія на различныхъ людей. Графъ Гамильтонъ, напримѣръ, описываетъ его какъ глупаго формалиста, который сдѣланъ былъ секретаремъ единственно по своему талентованному и важному виду. Кларендонъ, съ другой стороны, представляетъ его чело-вѣкомъ, котораго «лучшею способностью была насмѣшливость,» и который «нравился королю своимъ забавнымъ и пріятнымъ нравомъ.» Дѣло, кажется, состоитъ въ томъ, что Беннетъ, лишенный всѣхъ высшихъ качествъ министра, обладалъ удивительнымъ талантомъ дѣлаться, по наружному виду, всѣмъ для всѣхъ. Онъ имѣлъ двойкій видъ: видъ дѣловаго и серьезнаго чело-вѣка для публики, которой онъ желалъ внушить уваженіе, и видъ веселаго чело-вѣка для Карла, по мнѣнію котораго величайшая услуга, какую можно было оказать государю, состояла въ томъ, чтобы его забавлять. Однако оба эти вида были личинами, которыя онъ клалъ въ сторону, какъ только онъ исполнилъ свое дѣло. Спустя долгое время, когда онъ удалился къ своему звѣринцу и своимъ рыбнымъ прудамъ въ Соффолькъ и не имѣлъ никакой побудительной причины разыгрывать роль гидаляго или буфона, Ивлингъ — судья опытный и прозорливый, часто говаривалъ съ нимъ, и отзывался о немъ, какъ о чело-вѣкѣ чрезвычайно приличныхъ манеръ и чрезвычайно пріятномъ собесѣдникѣ.

Кларендонъ, гордый и повелительный отъ природы, раздраженный временемъ и болѣзнью и полагавшійся на свои таланты и заслуги, не искалъ никакихъ новыхъ союзниковъ. Онъ, повидному, находилъ родъ угрюмаго удовольствія унижать и раздражать всякій возвышающійся талантъ въ королевствѣ. Его связи ограничивались почти исключительно ежедневно суживавшимся, тѣснымъ кружкомъ старыхъ кавалеровъ, бывшихъ друзьями его молодости или товарищами его изгнанія. Арлингтонъ, съ другой стороны, всюду набиралъ приверженцевъ. Ни у кого не было болѣе личныхъ послѣдователей, и никто не старался болѣе оказывать услуги своимъ приверженцамъ. У него сдѣлалось родомъ привычки выдвигать своихъ подчиненныхъ до собственнаго уровня и потомъ горько жаловаться на ихъ неблагодарность, оттого что они не хотѣли оставаться долѣе его подчиненными. Онъ точно такимъ образомъ поссорился пооче-

редно съ двумя казначеями, Гиффордъ и Дави. Къ Арлингтону Темпль и прильнулъ; онъ не щадилъ жаркихъ завѣреній въ привязанности и — грустно сказать — даже грубой и почти идолопоклоннической лести. Въ непродолжительномъ времени онъ получилъ свою награду.

Въ отношеніи къ иностраннымъ державамъ Англія находилась въ положеніи весьма различномъ отъ того, которое она занимала во время блестящаго управленія протектора. Она занята была войною съ Соединенными Провинціями, въ то время управляемыми почти съ королевскою властью великимъ пенсіонаріемъ Іоанномъ де-Виттомъ; и хотя ни одна война не обходилась королевству такъ дорого, ни одна не велась никогда слабѣе и хуже. Франція объявила себя въ пользу Генеральныхъ Штатовъ. Данія, повидимому, готова была принять ту же сторону. Испанія, негодуя на тѣсный политическій и брачный союзъ, который Карлъ заключилъ съ домою Браганцскимъ, не была расположена оказать ему какую-либо помощь. Великая лондонская морская язва остановила торговлю, разсѣяла министровъ и дворянство, привела въ бездѣйствіе всѣ отрасли общественной службы и увеличила мрачное неудовольствіе, которое дурное управленіе начало возбуждать во всей націи. Англія имѣла одного континентальнаго союзника, епископа Мюнстерскаго, неугомоннаго и честолюбиваго прелата, который былъ воспитанъ какъ солдатъ и оставался солдатомъ во всѣхъ своихъ вкусахъ и наклонностяхъ. Онъ ненавидѣлъ голландцевъ за вмѣшательство въ дѣла его епархіи и объявилъ себя готовымъ подвергнуться опасности своимъ малымъ владѣніямъ ради возможности мести. Онъ отправилъ, поэтому, въ Лондонъ страннаго рода посланника, бенедиктинскаго монаха, говорившаго дурно по-англійски и смотрѣвшаго, говорятъ лордъ Кларкendonъ, «извощикомъ». Эта личность привезла письмо отъ епископа, предлагавшаго напастъ съ суши на голландскія владѣнія. Англійскіе министры усердно приняли предложеніе и обѣщали своему новому союзнику денежное вспомошествованіе въ 500,000 рейхсталеровъ. Рѣшено было отправить въ Мюнстеръ англійскаго агента, и Арлингтонъ, вѣдомству котораго подлежало дѣло, назначилъ на этотъ постъ Темпля.

Темпль принялъ порученіе и исполнилъ его къ удовольствію своихъ поручителей, хотя весь планъ кончился ничѣмъ, и епископъ, узнавъ, что Франція присоединилась къ Голландіи, послѣдшилъ, спрятавъ въ нармазъ часть субсидій, заключить отдѣльный миръ. Темпль, въслѣдствіи времени, не съ большимъ удовольствіемъ взиралъ на эту часть своей жизни и извинялся

въ томъ, что принялъ на себя переговоры, изъ которыхъ мало могло выйти добраго, — говоря, что былъ тогда молодъ и совершеннымъ новичкомъ въ дѣлахъ. Дѣйствительно, трудно было выбрать для него положеніе, гдѣ бы замѣчательные дипломатическіе таланты, которыми онъ обладалъ, могли выказаться съ меньшимъ успѣхомъ. Онъ не зналъ нѣмецкаго языка и не легко принаравливался къ обычаямъ народа. Онъ не могъ выносить много вина, а только сильный питухъ и могъ имѣть нѣкоторую надежду на успѣхъ въ вестфальскомъ обществѣ. Однако, при всѣхъ этихъ невыгодныхъ условіяхъ, онъ до того удовлетворительно исполнилъ свое порученіе, что сдѣланъ былъ барономъ и назначенъ резидентомъ при вице-королевскомъ дворѣ въ Брюсселѣ.

Брюссель гораздо лучше соответствовалъ Темплю, нежели дворцы германскихъ принцевъ, пьянствовавшихъ и охотившихся за кабанями. Онъ занималъ теперь одинъ изъ самыхъ важныхъ обсерваціонныхъ постовъ, на какомъ могъ быть поставленъ дипломатъ. Онъ находился на землѣ великой нейтральной державы, между владѣніями двухъ великихъ державъ, бывшихъ въ войнѣ съ Англіею. Изъ этой превосходной школы онъ вскорѣ явился самымъ совершеннымъ дипломатическимъ посредникомъ своего времени.

Между тѣмъ правительство Карла претерпѣло рядъ унижительныхъ несчастій. Безумство двора расточило всѣ средства, доставленныя парламентомъ для поддержанія наступательныхъ дѣйствій. Рѣшено было вести только оборонительную войну; но даже для оборонительной войны обширныя средства Англіи, находясь въ распоряженіи пустыхъ людей и общественныхъ грабителей, оказались недостаточными. Голландцы оскорбляли британскіе берега, вошли въ Темзу, взяли Ширнесъ и простерли опустошенія свои до Чатама. Пламя отъ горѣвшихъ на рѣкѣ кораблей видно было въ Лондонѣ; разнесся слухъ, что иностранная армія высадилась въ Гревсендѣ, и военные люди серьезно предложили оставить Тоуэръ. До такой бездны позора довело дурное управленіе эту гордую и побѣдоносную страну, которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ предписывала свою волю Мазарини, Генеральнымъ Штатамъ и Ватикану. Англійское министерство, унижаемое событіями войны и страшась справедливаго гнѣва парламента, поспѣшило кое-какъ заключить въ Бредѣ миръ съ Голландіею и Франціею.

Но готовилась новая сцена. Уже съ нѣкотораго времени явно было для проникательныхъ наблюдателей, что Англіи и Голландіи угрожала общая опасность, гораздо сильнѣе всякой опаснос-

сти, какой онъ имѣли поводъ страшиться другъ отъ друга. Нечего было болѣе бояться стараго врага ихъ независимости и религіи. Скипетръ отошелъ отъ Испаніи. Эта могущественная имперія, въ которой никогда не заходило солнце, сокрушившая вольности Италіи и Германіи, наполнявшая своими арміями Парижъ и покрывавшая своими кораблями британскія моря, зависѣла отъ произвола всякаго грабителя. Европа въ смущеніи замышляла быстрое возрастаніе новой и болѣе грозной державы. Люди смотрѣли на Испанію и видѣли только слабость, прикрываемую и увеличиваемую гордостью; владѣнія обширныя и слабыя, — приманчивыя, безпомощныя и беззащитныя; порожнее казначейство; угрюмую и бездѣйственную націю; дитя на престолѣ; факціи въ совѣтѣ; министровъ, служившихъ только самимъ себѣ, и солдатъ, страшныхъ только для своихъ земляковъ. Люди смотрѣли на Францію и видѣли обширную и сплошную территорію, богатую почву, центральное положеніе, смѣлый, бойкій и смысленный народъ, огромные доходы, многочисленныя и хорошо дисциплинированныя войска; видѣли дѣятельнаго и честолюбиваго государя, во цвѣтѣ лѣтъ, окруженнаго безподобно-искусными генералами. Только способность, сила и единство со стороны сосѣдей могли противоудѣйствовать планамъ Людовика. Способность и сила находились доселѣ въ совѣтахъ одной лишь Голландіи, единства же въ Европѣ не было. Вопросъ о португальской независимости отдѣлялъ Англію отъ Испаніи. Старинная вражда, недавнія столкновенія, морскія притязанія, коммерческое соперничество отдѣляли Англію на столько же, и отъ Соединенныхъ Провинцій.

Главною цѣлью Людовика, отъ начала до конца его царствованія, было пріобрѣтеніе тѣхъ обширныхъ и цѣнныхъ провинцій испанской монархіи, которыя прилегали къ восточной границѣ Франціи. Еще до заключенія трактата въ Бредѣ, онъ вторгся въ эти провинціи. Теперь онъ подвигалъ свои завоеванія почти безъ всякаго сопротивленія. Крѣпости сдавались одна за другою. Самъ Брюссель былъ въ опасности; и Темпль заблагоразсудилъ отправить жену свою и дѣтей въ Англію. Но сестра его, леди Джиффардъ, жившая у него съ нѣкотораго времени и бывшая, повидимому, въ семействѣ его лицомъ болѣе важнымъ, чѣмъ его жена, все еще оставалась съ нимъ.

Де-Виттъ съ болѣзненнымъ безпокойствомъ смотрѣлъ на успѣхъ французскаго оружія. Но не по силамъ было одной Голландіи спасти Фландрію; а трудность образовать для этой цѣли обширную коалицію казалась почти непреодолимою. Людовикъ, дѣйствительно, притворялся въ умѣренности. Онъ объявилъ себя

готовымъ приступить къ мировой сдѣлкѣ съ Испанією. Но предложенія эти были, безъ сомнѣнія, одними лишь завѣреніями, съ цѣлью успокоить опасенія сосѣднихъ державъ; а какъ положеніе его становилось всякій день болѣе и болѣе выгоднымъ, то слѣдовало ожидать, что онъ возвыситъ свои требованія.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Темпль получилъ отъ англійскаго министерства позволеніе совершить инкогнито поездку въ Голландію. Онъ прибылъ въ Гагу вмѣстѣ съ ледь ДжиФфлардъ. У него не было никакого оффиціального порученія, но онъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ представиться де-Витту. «Единственное дѣло мое, сэръ, говорилъ онъ, видѣть всѣ достопримѣчательности въ вашей странѣ, и я весьма недостаточно исполнилъ бы свое намѣреніе, еслибъ ухалъ, не выдавши васъ.» Де-Виттъ, составившій себѣ по слуху высокое мнѣніе о Темплѣ, былъ доволенъ комплиментомъ и отвѣчалъ съ искренностью и радушіемъ, которыя сразу повели къ дружбѣ. Два государственные мужа разговаривали покойно о причинахъ, отчуждавшихъ Англію отъ Голландіи, поздравляли другъ друга съ миромъ и потомъ начали разсуждать о новыхъ опасностяхъ, угрожавшихъ Европѣ. Темпль, не бывъ уполномоченъ сказать что-либо отъ имени англійскаго правительства, выражался весьма осторожно. Де-Виттъ, бывши самъ голландскимъ правительствомъ, не имѣлъ никакой причины быть осторожнымъ. Онъ объявилъ открыто, что желаніемъ его было видѣть всеобщую коалицію, составленную для спасенія Фландріи. Его простота и откровенность изумили Темпля, привыкшаго къ дритворной торжественности своего покровителя-секретаря и къ вѣчному двоедушію и уверткамъ, считавшимся высокими подвигами политики между испанскими дипломатами въ Брюсселѣ.

«Кто только, — писалъ онъ къ Арлингтону, — имѣетъ дѣло съ м-ромъ де-Виттомъ, долженъ идти тѣмъ же простымъ путемъ, котораго онъ держался въ своихъ переговорахъ, безъ утонченностей, прикрасъ или затемненія сущности дѣла.» Темпль едва ли менѣе пораженъ былъ скромнымъ жилищемъ и умѣреннымъ столомъ перваго гражданина богатѣйшей въ мірѣ державы. Въ то время, какъ Кларендонъ изумлялъ Лондонъ жилищемъ болѣе пышнымъ, чѣмъ дворецъ его повелителя, въ то время, какъ Арлингтонъ расточалъ свое нечестиво-приобрѣтенное богатство на ловлю дичи, оранжерейные сады и безконечныя теплицы Юстона, — великій государственный человекъ, который разрушилъ всѣ ихъ планы завоеванія и котораго гремачія пушки они слышали съ ужасомъ даже въ галлереяхъ Вайтголла, дер-

жалъ только одного служителя, гулялъ по улицамъ въ самомъ простомъ платьѣ и никогда не употреблялъ экипажа иначе, какъ для церемонныхъ визитовъ.

Темпль, о свиданіи своемъ съ де-Виттомъ, отправилъ полный отчетъ къ Арлингтону, раздѣлявшему въ ту пору съ герцогомъ Боккингамомъ, вслѣдствіе паденія канцлера, главное управленіе дѣлами. Арлингтонъ не обнаруживалъ никакого расположенія сойтись съ голландскимъ министромъ. Дѣйствительно — это было вполне доказано, спустя нѣсколько лѣтъ — какъ онъ, такъ и его повелитель совершенно готовы были купить средства къ дурному управленію Англіею уступкою Франціи не только Фландріи, но и всего континента. Темпль, — видя ясно, что настала минута, когда можно было примирить страну свою съ Голландіею, примирить Карла съ парламентомъ, обуздать власть Людовика, изгладить срамъ послѣдней позорной войны, возстановить Англію на томъ же мѣстѣ въ Европѣ, которое она занимала при Кромвеллѣ, — дѣлался болѣе и болѣе настоятельнымъ въ своихъ представленіяхъ. Отвѣты Арлингтона были въ некоторое время холодны и двусмысленны. Но событія, послѣдовавшія за собраніемъ парламента осенью 1667 года, произвели, повидимому, совершенную перемену въ его взглядахъ. Неудовольствіе націи было глубокое и общее. Управленіе подверглось нападеніямъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Король и министры не безуспѣшно старались свалить на Кларендона вину за прошлыя неудачи; но хотя общины и рѣшили, чтобы бывшій канцлеръ сдѣлался первою жертвою, однако отнюдь не видно было, что онъ будетъ и послѣднею. Въ теченіе преній секретарь лично подвергался весьма ѣдымъ нападеніямъ. Одно изъ рѣшеній нижней палаты противъ Кларендона было въ сущности порицаніемъ внѣшней политики правительства, какъ слишкомъ преданной Франціи. Этимъ событіямъ преимущественно мы готовы приписать происшедшую при томъ кризисѣ перемену въ политикѣ Англіи. Министерство почувствовало, повидимому, что если только оно желало извлечь какую-либо пользу изъ паденія Кларендона, то необходимо было отказаться отъ того, что считалось Кларендоновскою системою, и приобрести довѣріе націи какою-либо блестящею и популярною мѣрою. Поэтому, въ декабрь 1667 года Темпль получилъ депешу, содержащую въ себѣ инструкціи величайшей важности. Планъ, который онъ предлагалъ съ такимъ усердіемъ, былъ одобренъ; и ему приказывалось повидаться съ де-Виттомъ какъ можно скорѣе и удостовѣриться въ томъ, согласны ли штаты вступить съ Англіею въ наступательный и оборонитель-

ный союзъ противъ намѣреній Франціи. Темпль, сопровождаемый своею сестрою, тотчасъ отправился въ Гагу и представилъ великому пенсіонарію предложенія англійскаго правительства. Голландскій государственный человѣкъ отвѣчалъ съ свойственною ему прямою, что онъ вполне готовъ приступить къ оборонительному союзу, но что основнымъ принципомъ иностранной политики штатовъ было не составлять никакого наступательнаго союза, ни при какихъ обстоятельствахъ. Съ этимъ отвѣтомъ Темпль посѣтилъ изъ Гаги въ Лондонъ, имѣлъ аудіенцію у короля, рассказалъ, что происходило между нимъ и де-Виттомъ, старался удалить неблагоприятное мнѣніе, которое составилось при англійскомъ дворѣ о великомъ пенсіонарѣ, и имѣлъ удовольствіе успѣть во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ. Вечеромъ 1-го января 1668 г. собрался совѣтъ, въ которомъ Карлъ объявилъ свое рѣшеніе соединиться съ голландцами на предложенныхъ имъ условіяхъ. Темпль и его неутомимая сестра немедленно отплыли снова въ Гагу и, выдержавъ сильную бурю, подвергнувшись большой опасности, прибыли къ мѣсту своего назначенія.

Въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, отношенія между Темплемъ и де-Виттомъ были необыкновенно честны и откровенны. Когда они встрѣтились, Темпль началъ краткимъ повтореніемъ того, что происходило при послѣднемъ ихъ свиданіи. Де-Виттъ, столь же мало способный лгать лицомъ, какъ и языкомъ, выражалъ видомъ своимъ согласіе во все продолженіе переча; по окончаніи его онъ сказалъ, что память Темпля была совершенно вѣрна, и благодарилъ его за то, что онъ поступалъ такимъ точнымъ и искреннимъ образомъ. Темпль извѣстилъ тогда великаго пенсіонарія, что король англійскій рѣшилъ согласиться съ планомъ оборонительнаго союза. Де-Виттъ не ожидалъ столь посѣпшнаго рѣшенія; и лицо его обнаруживало какъ удивленіе, такъ и удовольствіе. Но онъ не отступалъ, и посѣпно было улажено, чтобы Англія и Голландія соединились, съ цѣлю принудить Людовика остаться при мировой сдѣлкѣ, предложенной имъ прежде. Слѣдующимъ за тѣмъ дѣломъ двухъ государственныхъ людей было склонить еще одно правительство къ принятію участія въ ихъ союзѣ. Победы Густава и Торстенсона, и политическіе таланты Оксвистирны доставили Швеціи значеніе въ Европѣ, несравнимое съ ея дѣйствительнымъ могуществомъ: принцы сѣверной Германіи находились въ большомъ отъ нея страхѣ; и де-Виттъ, вмѣстѣ съ Темплемъ, согласны были, что еслибъ Швеція склонилась пристать къ союзу, то союзъ этотъ былъ бы

слишкомъ сильною преградою для Франціи, чтобы она противъ него отважилась.» Темпль отправился въ тотъ же вечеръ къ графу Дона, шведскому послу въ Гагъ, сълъ самымъ безцеремоннымъ образомъ и, съ видомъ искренности и благорасположенія, помощью которыхъ ему часто удавалось доставлять своимъ дипломатическимъ предложеніямъ хорошій пріемъ, объяснилъ бывшій въ разсмотрѣніи планъ. Дона былъ весьма доволенъ и польщенъ. Онъ не былъ облеченъ полномочіемъ къ заключенію столь важнаго трактата. Но онъ усердно совѣтовалъ, чтобы Темпль и де-Виттъ дѣйствовали съ своей стороны безотлагательно, и былъ, повидимому, увѣренъ, что Швеція согласится. Обыкновенный ходъ общественныхъ дѣлъ въ Голландіи былъ слишкомъ медлителенъ для этой неожиданности; а де-Виттъ, казалось, нѣсколько совѣстлся нарушать установленныя формы. Но настоятельность и ловкость Темпля обошли. Генеральные штаты приняли отвѣтственность за заключеніе трактата съ строгою, безпримѣрною въ лѣтописяхъ федераціи и дѣйствительно несомвѣстною съ ея основными законами. Впрочемъ, общественное настроеніе во всѣхъ провинціяхъ было въ такомъ состояніи, что неправильность эта не только была прощена, но и одобрена. Когда документъ былъ формально подписанъ, голландскіе комиссары обнимали англійскаго уполномоченнаго съ пламеннѣйшими выраженіями дружбы и упованія. «Въ Бредѣ, воскликнулъ Темпль, мы обнимались какъ друзья; здѣсь — какъ братья.»

Этотъ достопамятный переговоры занималъ только пять дней. Де-Виттъ осыпалъ Темпля самыми лестными комплиментами за совершеніе въ столь короткое время того, что при иномъ веденіи было бы дѣломъ цѣлыхъ мѣсяцевъ; а Темпль въ своихъ депешахъ отзывался о де-Виттѣ въ равномерно лестныхъ выраженіяхъ. «Я долженъ прибавить еще, отдавая и-ру де-Витту справедливость, что я нашелъ его столь простымъ, прямымъ и честнымъ въ продолженіе этого дѣла, сколько могъ быть кто-либо, хотя часто тугимъ въ пунктахъ, изъ которыхъ страна его могла извлечь какія-нибудь выгоды; и я ипѣю всевозможныя основанія быть имъ довольнымъ, что же касается его рачительности, то я увѣренъ, что ни у кого никогда не было ея болѣе. Въ эти пять дней, по крайней мѣрѣ, никто изъ насъ не проводилъ праздно времени, ни днемъ, ни ночью.»

Швеція охотно приступила къ союзу, извѣстному въ исторіи подъ именемъ Тройственнаго союза; послѣ нѣкоторыхъ признаковъ дурнаго расположенія со стороны Франціи, результатомъ было всеобщее примиреніе.

Тройственный союзъ можетъ разсматриваться въ двоякомъ свѣтѣ, какъ мѣра внешней политики и какъ мѣра внутренней политики; въ обоихъ онъ кажется намъ заслуживающимъ всей похвалы, какая на него расточалась.

Д-ръ Лингардъ — безъ сомнѣнія, весьма способный и свѣдущій писатель, но у котораго главное основное правило въ сужденіи, повидимому, то, что популярное мнѣніе въ историческомъ вопросѣ не всегда бываетъ правильнымъ — отзывается весьма презрительно объ этомъ знаменитомъ трактатѣ; и м-ръ Кортвей, который нисколько не смотритъ на Темпля съ тѣмъ глубокимъ благоговѣніемъ, какое обыкновенно встрѣчается у биографовъ, сдѣлалъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ большія уступки д-ру Лингарду.

Сужденіе д-ра Лингарда состоитъ попросту въ слѣдующемъ: Тройственный союзъ только заставилъ Людовика примириться на условіяхъ, на которыхъ онъ предлагалъ мириться еще до составленія союза. Какъ же тогда можно сказать, что союзъ этотъ осадилъ его и предохранилъ Европу отъ его честолюбія? Но осужденіе это, очевидно, не имѣетъ вовсе никакой силы, развѣ нужно предполагать, что Людовикъ считалъ бы себя связаннымъ прежними своими предложеніями, еслибъ союзъ и не состоялся; если же д-ръ Лингардъ считаетъ предположеніе это рациональнымъ, намъ бы хотѣлось сказать ему словами великаго, политика и-съ Вестернъ^(*): «Дѣйствительно, братецъ, вы были бы прекраснымъ посланцемъ для переговоровъ съ французами. Они бы скоро увѣрили васъ, что берутъ города вслѣдствіе только оборонительнаго принципа». По нашему понятію, Людовикъ сдѣлалъ съ своей стороны предложеніе, чтобы только отклонить такіа мѣры, какъ Тройственный союзъ, и держалъ своего предложенія только вслѣдствіе этого союза. Онъ отказалъ въ согласіи на перемиріе. Онъ сдѣлалъ всѣ приготовленія къ зимней кампаніи. Въ ту же недѣлю, когда Темплъ и Штаты заключили между собою договоръ въ Гагъ, французскія войска вторглись въ Франшь-Конте, и въ три недѣли вся провинція была завоевана. Эту добычу Людовикъ принужденъ былъ возвратить. А что его понудило? Показалась ли она ему слишкомъ ничтожною? Напротивъ, присоединеніе Франшь-Конте къ его королевству было однимъ изъ любимыхъ плановъ его жизни. Былъ ли онъ удержанъ уваженіемъ къ своему слову? Могъ ли чувствовать себя связаннымъ словомъ въ этомъ одномъ только

(*) Личность въ «Томъ Ловелъ», Фидльдинга.

случаѣ тотъ, кто никогда ни въ какомъ другомъ дѣлѣ своего царствованія не обнаруживалъ ни малѣйшаго уваженія къ самымъ торжественнымъ обязательствамъ, кто нарушалъ Пиренейскій трактатъ, кто нарушалъ Ахенскій трактатъ, кто нарушалъ Нимвегенскій трактатъ, кто нарушалъ Раздѣльный трактатъ, кто нарушалъ Утрехтскій трактатъ? Можетъ ли кто-либо, знакомый съ его характеромъ и со всею его политикою, усомниться, что, еслибъ сосѣднія державы оставались покойными зрителями, онъ тотчасъ бы возвысилъ свои требованія? Какъ же тогда поставленъ вопросъ? Онъ желалъ удержать Франшъ-Конте. Онъ уступилъ Франшъ-Конте не изъ уваженія къ своему слову. Отчего же уступилъ онъ Франшъ-Конте? Мы отвѣчаемъ, какъ вся Европа отвѣчала въ то время: отъ страха передъ Тройственнымъ союзомъ.

Но допустимъ, что Людовикъ дѣйствительно не былъ задержанъ въ своихъ успѣхахъ этою славною лигою. Извѣстно, однако, что и тогда, и долгое время спустя, свѣтъ вѣрилъ, что онъ былъ задержанъ именно ею, и это было господствующимъ мнѣніемъ какъ во Франціи, такъ и въ прочихъ странахъ. Поэтому, Темплю удалось, по крайней мѣрѣ, возвысить значеніе своей страны и понизить значеніе сопернической державы. Тутъ споръ не имѣетъ мѣста. Какъ бы ни рыться въ старыхъ государственныхъ бумагахъ, никогда нельзя будетъ отыскать никакого документа, который могъ бы поколебать слѣдующіе факты: что Европа считала честолюбіе Франціи обузданнымъ тремя державами; что Англія, бывшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ послѣднею въ числѣ націй, принужденная оставить свои моря, неспособная защищать устья своихъ рѣкъ, снова заняла почти такое же высокое мѣсто въ глазахъ своихъ сосѣдей, какое она занимала во времена Елисаветы и Оливера; и что вся перемѣна въ мнѣніи произведена была въ пять дней благоразумными и рѣшительными совѣтами, безъ единого выстрѣла. Едва ли подлежитъ спору, что это совершенно было Тройственнымъ союзомъ, и поэтому, еслибы онъ даже ничего болѣе не сдѣлалъ, все-таки долженъ считаться образцовымъ произведеніемъ дипломатіи.

Разсматриваемый какъ мѣра внутренней политики, трактатъ этотъ, равномерно, кажется, заслуживаетъ одобренія. Онъ много способствовалъ къ смягченію неудовольствій, къ примиренію съ народомъ, который, при негодномъ управленіи, сталъ стыдиться и за него, государя, и за себя. Онъ былъ въ родѣ залога хорошаго внутренняго правленія. Внѣшнія отношенія королевства имѣли въ то время самую тѣсную связь съ нашею внутреннею

политикою. Начиная съ реставраціи до вступленія на престолъ ГанOVERскаго дома, Голландія и Франція были для Англіи тѣмъ, чѣмъ всадникъ съ правой стороны и всадникъ съ лѣвой, въ прекрасной балладѣ Бюргера, были для Вильдграфа — хорошимъ и дурнымъ совѣтникомъ, ангеломъ свѣта и ангеломъ тьмы. Вліяніе Франціи было неразрывно связано съ перевѣсомъ тиранинъ во внутреннихъ дѣлахъ. Вліяніе Голландіи было неразрывно связано съ перевѣсомъ политической свободы и взаимной вѣротерпимости протестантскихъ сектъ. Какое гибельное и унизительное вліяніе предстояло Людовику производить на британскія совѣщанія, каковы изъавленіемъ странъ нашей предстояло быть, одолженной Штатамъ, — нельзя было предвидѣть въ то время, когда заключенъ былъ Тройственный союзъ. Однако, даже тогда всѣ проищательные люди считали хорошимъ признаменованіемъ для англійской конституціи и реформатской религіи, что правительство пришло къ Голландіи и приняло твердое и нѣсколько враждебное положеніе относительно Франціи. Мѣра была тѣмъ болѣе славною, что составляла совершенное исключеніе. Это было единственное отъянно-хорошее дѣло, совершенное правительствомъ въ промежутокъ времени между реставраціею и революціею (*). Всякій, принимавшій участіе въ этомъ дѣлѣ, и нѣкоторые, не имѣвшіе въ немъ вовсе никакого участія, добивались доли славы. Самые бережливые республиканцы готовы были жаловать деньги для приведенія въ дѣйствіе приготовительныхъ мѣръ этого популярнаго союза; и великій горійскій поэтъ того времени, въ лучшихъ своихъ сатирахъ, неоднократно говорилъ съ уваженіемъ о Тройственномъ союзѣ.

Эти переговоры подняли славу Темпля какъ внутри, такъ и внѣ королевства до огромной высоты, — даже до такой высоты, что она возбудила, кажется, зависть въ другъ его, Арлингтона. Въ то время, какъ Лондонъ и Амстердамъ оглашались криками радости, секретарь, весьма холоднымъ официальнымъ языкомъ, сообщалъ другу своему одобреніе короля; и какъ правительство ни расточало титулы и деньги, самый способный слуга его не получалъ ни того, ни другаго.

Слѣдующая миссія Темпля была въ Ахенъ, гдѣ собирався общій конгрессъ для довершенія дѣла Тройственного союза. На

(*) «Единственное хорошее общественное дѣло, какое было сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ король прибылъ въ Англію.» — *Pepys's «Diary»*, February 14. 1667—8.

пути своемъ онъ получалъ обильныя доказательства почета, которыми пользовался. Залпы раздавались со стѣнъ городовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ; жители стремились на улицы, чтобы видѣть его; а городскія власти привѣтствовали его рѣчами и банкетами. По окончаніи переговоровъ въ Ахенѣ, онъ назначенъ былъ посломъ въ Гагу. Но въ обѣихъ этихъ миссіяхъ онъ испыталъ много досады вслѣдствіе суровой и, дѣйствительно, несправедливой скупости правительства. Расточительные въ отношеніи ко многимъ недостойнымъ искателямъ, министры оказались скупцами въ отношеніи къ одному. Они тайнѣ питали нелюбовь къ его политикѣ, и за униженіе, вслѣдствіе принятія его мѣръ, вознаграждали себя, повидимому, тѣмъ, что обрѣзывали его жалованье и медлили назначеніемъ ему подъемныхъ денегъ.

Въ Гагѣ онъ съ радушіемъ принятъ былъ де-Виттомъ и съ самыми явными знаками уваженія генеральными штатами. Положеніе его въ одноиъ пунктѣ было крайне шекотливо. Принцъ Оранскій, наследственный глава противной управленію де-Витта партіи, былъ племянникомъ Карла. Сохранить довѣріе господствовавшей партіи, не обнаруживая ни малѣйшаго неуваженія къ столь близкому родственнику своего повелителя, было не легкою задачею. Но Темпль извертывался такъ ловко, что былъ, повидимому, въ большой милости какъ у великаго пенсіонарія, такъ и у принца.

Вообще, годы, проведенные имъ въ Гагѣ, не смотря на нѣкоторыя денежныя затрудненія, причиненныя недоброжелательствомъ англійскихъ министровъ, прошли для него весьма пріятно. Онъ пользовался высочайшимъ личнымъ уваженіемъ, окруженъ былъ предметами въ высшей степени интересными для человека съ его наблюдательнымъ направленіемъ ума. У него не было ни тягостнаго труда, ни тяжелой отвѣтственности; и если онъ не имѣлъ удобнаго случая прибавить что-либо къ своей высокой славѣ, за то не подвергался никакой опасности повредить ей.

Но дурныя времена были близки. Хотя Карлъ склонился мнунто на сторону благоразумной и достойной политики, сердце его всегда было на сторонѣ Франціи; и Франція употребляла всѣ обольстительныя средства, чтобы приманить его назадъ. Его нетерпимость ограниченія, его алчность къ деньгамъ, его страсть къ красотѣ, его семейныя привязанности, всѣ его вкусы всѣ его чувства употреблены были въ дѣло съ величайшею ловкостью. Кабинетъ его составленъ былъ изъ такихъ людей, какихъ производило это поколѣніе, и единственно одно это поколѣніе;

изъ людей, на нахальныя мерзости которыхъ переметчики и барышники нашего времени смотрятъ съ такимъ же восторженнымъ отчаяніемъ, съ какимъ наши ваятели разсматриваютъ Тезея, а наши живописцы — картины Рафаэля. Быть истымъ, сердечнымъ, смертельнымъ врагомъ вольностей и религіи націй считалось въ этомъ мрачномъ конклавѣ почетнымъ отличіемъ, — отличіемъ, составлявшимъ принадлежность лишь дерзновеннаго и пылаго Клиффорда. Его сообщники были люди, для которыхъ все върованія и все конституціи были одинаковы; которые равно готовы были исповѣдывать вѣру Женевы, Ламбета и Рима; которые равно готовы были служить орудіями власти безъ малѣйшаго вѣроподобническаго чувства, и поджигателями мятежа безъ малѣйшаго рвенія къ свободѣ.

Едва ли возможно было, даже для такого проникательнаго человѣка, какъ де-Виттъ, предвидѣть, до какой бездны злодѣнія и позора достигнетъ это отвратительное управленіе. Однако, великаго пенсіонарія тревожили многіе признаки большаго несчастья, которое должно было постигнуть Европу: посѣщеніе герцогинею Орлеанскою своего брата, необъяснимая миссія Бейкингамъ въ Парижъ, внезапное занятіе французами Лотарингіи. Тревожное состояніе де-Витта возросло, когда онъ узналъ, что Темпль получилъ предписаніе отправиться немедленно въ Лондонъ. Де-Виттъ настоятельно требовалъ объясненія. Темпль весьма чистосердечно отвѣчалъ, что онъ надѣется на принятіе англійскими министрами основаній Тройственнаго союза. «Я могу отвѣчать, сказалъ онъ, только за себя. Это я могу сдѣлать. Если будетъ принята иная система, то я никогда не буду имѣть въ ней никакого участія. Я такъ и сказалъ королю, и оправдаю слова свои. Если я возвращусь, вы узнаете больше; а если не возвращусь, вы догадаетесь больше.» Де-Виттъ улыбался и отвѣчалъ, что онъ будетъ вадѣяться на лучшее и сдѣлаетъ все, что въ его власти, для отклоненія другихъ отъ составленія неблагопріятныхъ предположеній.

Въ октябрѣ 1670 года Темпль прибылъ въ Лондонъ, и немедленно все худшія его подозрѣнія болѣе чѣмъ подтвердились. Онъ отправился въ домъ секретаря и принужденъ былъ дожидаться $1\frac{1}{2}$ часа въ прихожей, пока лордъ Ашли находился въ кабинетѣ съ Арлингтономъ. Когда наконецъ двери растворились, Арлингтонъ сухо и холодно дѣлалъ пустые вопросы о путешествіи и потомъ, для избѣжанія необходимости поговорить о дѣлѣ, позвалъ дочь свою, прелестную дѣвочку трехъ лѣтъ, задолго послѣ того описанную поэтами, «украшенную всеми цвѣтами улыбающейся природы», и которую Ивелинъ, одинъ

изъ свидѣтелей ея злополучнаго брака, плачевно описывалъ какъ «предѣстившее, исполненное надеждъ, красивѣйшее дитя и притомъ добродѣтельнѣйшее.» Невозможенъ былъ никакой особенный разговоръ, и Темпль, у котораго тщеславіе, при всемъ природномъ или философскомъ индифферентизмѣ, было довольно слабою струною, сильно почувствовалъ этотъ поступокъ. На слѣдующій день онъ представился королю, который вышелъ подышать утреннимъ воздухомъ и кормилъ въ паркѣ своихъ утокъ. Карлъ былъ въжливъ, но, подобно Арлингтону, тщательно избѣгалъ всякаго разговора о политикѣ. Темпль нашелъ, что всѣ его самые почтенные друзья были совершенно отчуждены отъ тайнъ внутренняго совѣта и въ безпокойствѣ и страхѣ ожидали, что выйдетъ изъ этихъ таинственныхъ совѣщаній. Наконецъ лучъ свѣта блеснулъ передъ нимъ. Дерзкій нравъ и свирѣпыя страсти Кляффорда дѣлали его изъ всѣхъ самымъ неспособнымъ хранить важную тайну. Въ сильномъ порывѣ онъ сказалъ Темплю, что Штаты вели себя низко, что де-Виттъ былъ плутъ и бездѣльникъ, что несомнѣнно было съ достоинствомъ короля Англіи или всякаго другаго короля имѣть какое-либо дѣло съ такими негодаями; что это слѣдовало бы сдѣлать извѣстнымъ всему міру и что обязанностью министра въ Гагѣ было объявить это публично. Темпль удерживался, на сколько могъ, и отвѣчалъ спокойно и твердо, что онъ не объявилъ бы ничего подобнаго и что, еслибъ онъ вызванъ былъ дать свое мнѣніе о Штатахъ и ихъ министрахъ, то сказалъ бы въ точности, что думалъ.

Теперь онъ видѣлъ ясно, что буря собиралась быстро; что великій союзъ, который онъ образовалъ и берегъ съ отеческою заботливостью, готовъ былъ расторгнуться; что приближался времена, когда ему необходимо придется, если только онъ останется на публичномъ поприщѣ, или принять рѣшительно сторону противъ двора, или подвергнуть опасности высокое мнѣніе, какимъ онъ пользовался внутри и внѣ отечества. Онъ сталъ готовиться къ тому, чтобы вполне удалиться отъ дѣлъ. Онъ расширилъ небольшой садъ, купленный имъ въ Шинъ, и употребилъ въ некоторую сумму на украшеніе своего тамошняго дома. Онъ все-еще вѣжливательно считался посломъ въ Голландіи, и англійскіе министры не переставали, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, льстить Штаты надеждою на его скорое возвращеніе. Наконецъ, въ іюнь 1671 года, планы кабинета созрѣли. Позорный трактатъ съ Франціею былъ ратификованъ. Пора обмана прошла, и настала пора наглости и насилія. Темпль получилъ формальную отставку; облобызалъ руку короля; награжденъ былъ

за свои услуги тѣмъ неопредѣленными комплиментами и объщаніями, которые такъ мало стоили холодному сердцу, легкому нраву и поворотливому языку Карла, и спокойно удалился къ своему гнѣздышку, какъ онъ называлъ его, въ Шинь.

Тамъ онъ забавлялся садоводствомъ и велъ его такъ успѣшно, что слава его фруктовыхъ деревъ вскорѣ распространилась повсюду. Но главнымъ его утѣшеніемъ была литература. Онъ смолоду, какъ мы упомянули, имѣлъ привычку забавляться сочиненіемъ. Ясный и пріятный языкъ его депешъ рано обратилъ на себя вниманіе его начальниковъ и, до заключенія мира въ Бредѣ, онъ, по просьбѣ Арлингтона, издалъ брошюру о войнѣ; о брошюрѣ этой теперь ничего неизвѣстно, развѣ что она въ свое время имѣла нѣкоторую цѣну и что Карлъ, не плохой судья, призналъ ее весьма хорошо написанною. Незадолго до начала своего пребыванія въ Гагъ, Темплъ написалъ также трактатъ о состояніи Ирландіи, въ которомъ высказалъ всѣ чувства кромвелліанца. Онъ постепенно выработалъ себѣ слогъ чрезвычайно ясный и благозвучный, наружно, правда, обезображенный галлицизмами и испанизмами, нахватаемыми въ путешествіяхъ и переговорахъ, но въ основаніи чисто-англійскій, обыкновенно лившійся съ беззаботною простотою и по временамъ возвышавшійся даже до пидероновскаго изящества. Длина его фразъ была часто замѣчена. Но, по правдѣ, длина эта только кажущаяся. Критикъ, считающій одною фразою все, что находится между двумя точками, назоветъ, безъ сомнѣнія, фразы Темпля длинными. Но критикъ, разсматривающій ихъ тщательно, увидитъ, что онѣ не переполнены вводными предложеніями, что едва ли расположеніе ихъ бываетъ когда-либо запутаннымъ, что онѣ составились только накопленіемъ и что иногда, посредствомъ простаго пропуска союза и замѣны точки-съ-запятою точкою, ихъ можно бы разбить, безъ всякой перемѣны въ порядкѣ словъ, на весьма короткіе періоды, не жертвуя ничѣмъ, кромѣ благозвучія. Напротивъ, длинныя фразы Гукера и Кларендона суть дѣйствительно длинныя фразы и не могутъ быть превращены въ короткія, не бывъ совершенно разобраны на части.

Изъ произведеній Темпля, написанныхъ имъ въ первое его удаленіе отъ официальныхъ занятій, наилучше извѣстны слѣдующія: «Опытъ о правленіи», который кажется намъ чрезвычайно дѣтскимъ, и «Разсказъ о Соединенныхъ Провинціяхъ», который мы считаемъ образцовымъ въ своемъ родѣ. Кто только сравнитъ эти два произведенія, тотъ, вѣроятно, согласится съ нами въ мнѣніи, что Темплъ не былъ очень глубокимъ и точнымъ логикомъ, но былъ отличнымъ наблюдателемъ; что у него

не было призванія къ философскому умозрѣнію, но что онъ былъ способенъ отличиться какъ писатель мемуаровъ и путешествій.

Въ то время, какъ Темпль увлеченъ былъ этими занятіями, великая буря, давно собиравшаяся надъ Европою, разразилась съ такою яростью, что нѣкоторое время угрожала, повидимому, паденіемъ всѣмъ либеральнымъ правительствамъ и всѣмъ протестантскимъ церквамъ. Франція и Англія, не прибѣгая къ малѣйшему благовидному предлогу, объявили войну Голландіи. Несмѣтная войска Людовика устремились чрезъ Рейнь и вторглись въ территорію Соединенныхъ Провинцій. Голландцы, казалось, были въ оцѣпенѣніи отъ ужаса. Большіе города открывали разсѣяннѣмъ отрядамъ свои ворота. Поляки бросали оружіе, не выдавши непріятели. Гельдернъ, Обериссель, Утрехтъ были наводнены завоевателями. Огни французскаго лагеря видны были со стѣнъ Амстердама. Въ первомъ бѣшенствѣ отчаянія, преданный на жертву народъ обратилъ свою ярость противъ знаменитѣйшихъ изъ своихъ согражданъ. Де-Рюйтеръ съ трудомъ былъ спасенъ отъ убійцъ. Де-Виттъ растерзанъ былъ разсвирѣпѣвшею чернью. Для республики не оставалось никакой надежды, кромѣ неустрашимаго, пылкаго, неутомимаго, непобѣдимаго духа, пылавшаго подъ холодною наружностью молодаго принца Оранскаго.

Этотъ великій человѣкъ разомъ сталъ на полную высоту своей роли и показалъ себя достойнымъ потомкомъ той отрасли героевъ, которые защищали вольности Европы противъ Австрійскаго дома. Ничто не могло поколебать его вѣрности странѣ своей: ни его тѣсная связь съ королевскою фамиліею Англіи, ни самыя усиленныя ходатайства, ни самыя заманчивыя предложенія. Духъ націи, тотъ самый духъ, который выдержалъ великую борьбу противъ исполнскаго могущества Филиппа, ожилъ во всей своей силѣ. Планы, какіе внушаетъ благородное отчаяніе и за которыми почти всегда быстро слѣдуетъ лучъ надежды, важно обсуживались государственными людьми Голландіи. Прорвать свои плотины; снарядить свои корабли; оставить страну свою, со всѣми ея чудесами искусства и промышленности, съ ея городами, каналами, виллами, пастбищами и тюльпанными цвѣтниками, поглощенною волнами Нѣмецкаго моря; перенести въ отдаленную страну свою кальвинистскую вѣру и свои старинныя батавскія вольности; основать, при благопріятнѣйшихъ, быть можетъ, обстоятельствахъ, новую ратушу своей республики, подъ ивыми созвѣздіями и среди чуждой растительности, на Молуккскихъ островахъ восточныхъ морей: вотъ каковы были планы, для составленія которыхъ у націи доставало

духу; а рѣдко бываетъ, чтобы люди, у которыхъ достаетъ духу на составленіе такихъ плановъ, доведены были до необходимости ихъ выполнять.

Въ короткое время союзники сдѣлали успѣхи выше своихъ ожиданій. Это была ихъ счастливая минута. Они не позаботились воспользоваться ею. Она прошла и болѣе не возвращалась. Принцъ Оранскій остановилъ успѣхи французскихъ войскъ. Людовикъ возвратился въ Версаль искать забавъ и лести. Страна была подъ водою. Зима приближалась. Настали свѣршныя бури. Флоты союзныхъ королей не могли долѣе держаться въ морѣ. Республика получила отсрочку; обстоятельства же были такого рода, что отсрочка, въ военномъ отношеніи, была важнымъ дѣломъ, въ политическомъ же — почти рѣшительнымъ.

Союзъ противъ Голландіи, при всей своей грозности, былъ однако такого свойства, что удача для него была вовсе невозможна, если не была достигнута сразу. Англійскіе министры не могли продолжать войны безъ денегъ. Они могли законно получить деньги только отъ парламента; а имъ крайне не хотѣлось созвать парламентъ. Мѣры, принятія Карломъ внутри государства, были даже болѣе непопулярны, чѣмъ его вѣншія политика. Трактатомъ съ Людовикомъ онъ обязался возстановить въ Англійи католическую религію и, вслѣдствіе этого навлеченія, вступилъ на ту самую стезю, по которой шелъ впоследствии братъ его съ большимъ упорствомъ и къ болѣе пагубному исходу. Король, своею единою властью, уничтожилъ законы противъ католиковъ и другихъ диссидентовъ. Содержаніе «декларациіи объ индульгенціи» раздражало одну половину его подданныхъ, а форма — другую. Либеральные люди радовались бы, видя терпимость, дарованную, по крайней мѣрѣ, всѣмъ протестантскимъ сектамъ. Многіе высокоцерковники ничего не имѣли противъ разрѣшающей власти короля. Но актъ терпимости, совершенный неконституціоннымъ путемъ, возбуждалъ оппозицію всѣхъ ревностно-стоявшихъ какъ за церковь, такъ и за права народа, то есть 99 англичанъ изъ 100. Министрамъ, поэтому, крайне не хотѣлось собрать палаты. Какъ ни беззащитны и отчаянны были ихъ совѣты, однако самый отважный изъ этихъ людей слишкомъ много дорожилъ своею шею, чтобы даже подумать прибѣгнуть къ добродетельнымъ даяніямъ, малымъ печатямъ, корабельной подати или какимъ-либо другимъ незаконнымъ средствамъ вынужденія, которыя знакомы были предъидущему вѣку. Дерзкій обманъ прекращенія платежей казначейства доставилъ имъ около 1.200,000 фунт. стерл.; но этой суммы, даже въ лучшихъ рукахъ, не достало бы на военные издержки

одного года. И то былъ шагъ, который не могъ никогда повториться, шагъ, который, подобно многимъ нарушеніямъ общественнаго довѣрія, причинилъ, какъ вскорѣ оказалось, денежные затрудненія поважнѣе тѣхъ, какія онъ устранилъ. Всѣ деньги, какія можно было достать, истратились; Голландія не была завоевана; единственнымъ прибѣжищемъ для самого короля былъ парламентъ.

Еслибъ общіе выборы произошли въ эту критическую минуту, то, по всей вѣроятности, страна отправила бы представителей, такъ же рѣшительно враждебныхъ двору, какъ тѣ, которые собрались въ ноябрѣ 1640 года; вся внутренняя и внѣшняя политика правительства тотчасъ была бы измѣнена; а члены Кабала поплатились бы за свои преступленія на Тоуэръ-Гидль. Но палата общинъ все еще была та же, какая избрана была за 12 лѣтъ передъ тѣмъ, среди восторговъ радости, раскаянія и вѣрнопопданничества, слѣдовавшихъ за Реставраціею; и не шадилось никакихъ трудовъ, чтобы привязать ее къ двору мѣстами, пенсіями и подарками. Для большинства народа она едва ли была менѣе ненавистною, чѣмъ самъ кабинетъ. Хотя она невдуръ приступила къ тѣмъ сильнымъ мѣрамъ, какія, по всей вѣроятности, приняла бы новая палата, однако была угрюма и неподатлива и разстраивала, исподоволь, правда, и постепенно, но самымъ дѣйствительнымъ образомъ, все, что устроили министры. Въ одно засѣданіе она уничтожила ихъ систему внутренняго управленія. Въ другое засѣданіе она нанесла смертельный ударъ ихъ внѣшней политикѣ.

Разрѣшающая власть была первымъ предметомъ нападенія. Общины не одобряли прямо войны, но, пока, онъ прямо и не осуждала ее; онъ даже хотѣли доставить королю пособіе для продолженія военныхъ дѣйствій, съ условіемъ, что онъ загладитъ внутреннія обиды, между которыми «декларация объ индугенціи» занимала первѣйшее мѣсто.

Шэфтсвѣри, бывшій тогда канцлеромъ, видѣлъ, что игра была кончена; что онъ получилъ все, что можно было получить, придерживаясь стороны деспотизма и папизма, и что пора уже было подумать о томъ, чтобы сдѣлаться демагогомъ и хорошимъ протестантомъ. Лордъ-казначей Клиффордъ, по своей дерзости, откровенности, рвенію къ католической религіи и по такимъ чертамъ характера, которыя, въ сравненіи съ подлостью его товарищей, можно бы почти назвать честностью, обреченъ былъ сдѣлаться козломъ отпущенія всего заговора. Король явился лично въ палату перовъ съ цѣлью просить лордовъ взять на себя посредничество между ними и общинами касательно

«декларациі объ индульгенціи». Онъ оставался въ палатѣ въ то время, какъ рѣчь его подвергалась разсмотрѣнію; это онъ обыкновенно дѣлалъ: пренія забавляли его усталую душу и стоили иногда, какъ онъ обыкновенно говорилъ, комедіи. Болѣе внезапнаго поворота, чѣмъ тотъ, какой произвело это достопамятное преніе, его величество навѣрное никогда не видалъ ни въ одной комедіи, основанной на интригѣ, ни въ собственномъ своемъ театрѣ, ни въ театрѣ герцога Йоркскаго. Лордъ-казначей, съ характеристическимъ жаромъ и неустранимостью, говорилъ въ защиту деклараціи. Когда онъ сѣлъ, лордъ-канцлеръ всталъ съ президентскаго стула и, къ изумленію короля и палаты, нападалъ на Клиффорда, нападалъ на декларацію, въ пользу которой онъ самъ говорилъ въ совѣтѣ, оставилъ всю политику кабинета и объявилъ себя на сторонѣ палаты общинъ. Даже тогдашній вѣкъ не бывалъ свидѣтелемъ столь ужаснаго зрѣлища наглости.

Король, по совѣту французскаго двора, заботившагося гораздо болѣе о войнѣ на континентѣ, чѣмъ объ обращеніи англійскихъ еретиковъ въ католическую вѣру, рѣшился спасти вышнюю свою политику на счетъ плановъ своихъ въ пользу католической церкви. Онъ получилъ денежное пособіе и за эту уступку уничтожилъ «декларацию объ индульгенціи» и, прежде чѣмъ отсрочилъ палаты, формально отрекся отъ разрѣшающей власти.

Но онъ такъ же мало могъ продолжать войну, какъ и поддерживать свою самовольную систему внутри государства. Его министерство, подвергшееся измѣнѣ внутри себя и жестокимъ нападеніямъ извнѣ, быстро распадалось. Клиффордъ отказался отъ бѣлаго жезла и удалился къ лѣсамъ Огбрука, обвѣщая, съ горькими слезами, никогда болѣе не видѣть этого бурнаго горюда и этого вѣроломнаго двора. Шэфтсвѣри получилъ приказаніе возвратитъ большую печать и тотчасъ перенесъ свой мѣдвнй лобъ и свой ядовитый языкъ въ ряды оппозиціи. Оставшіеся члены Кабала не имѣли ни дарованій бывшаго канцлера, ни мужества и энтузіазма бывшаго казначея. Они не только не были въ состояніи преслѣдовать прежние свои планы, но дрожали за свои помѣстья и головы. Какъ скоро парламентъ собрался снова, онъ началъ роптать противъ союза съ Франціею и войны съ Голландіею; и ропотъ этотъ постепенно усиливался до неистоваго и страшнаго крика. Сильныя мѣры приняты были противъ Лодкердаля и Боккинггала. Обвинительные пункты приведены были противъ Арлингтона. О Тройственномъ союзѣ упоминалось съ уваженіемъ во всякомъ преніи; и взоры

всѣхъ обратились къ тихому фруктовому саду, гдѣ виновникъ этой великой лиги забавлялся чтеніемъ и садоводствомъ.

Темпль потребованъ былъ къ королю, и тутъ возложена была на него обязанность уладить отдѣльный миръ съ Голландіею. Испанскій посолъ при лондонскомъ дворѣ уполномоченъ былъ Генеральными Штатами вести дѣло отъ ихъ имени. Темпль скоро съ нимъ поладилъ; а въ три дня трактатъ былъ заключенъ.

Высочайшія государственныя почести были теперь доступны для Темпля. По удаленіи Клиффорда, бѣлый жезлъ врученъ Томасу Осборну, который вскорѣ послѣ того получилъ титулъ графа Данви, былъ въ родствѣ съ леди Темплъ и, много лѣтъ тому назадъ, путешествовалъ и игралъ въ мячъ съ сэромъ Вилліамомъ. Данви былъ корыстолюбивый и несчастный человекъ, но отнюдь не лишенъ способностей или разсудка. Онъ былъ, дѣйствительно, гораздо лучшимъ совѣтникомъ, чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ, кому Карлъ дотоле довѣрялъ. Кларендонъ былъ человекомъ инаго поколѣнія, и ни мало не понималъ общества, которымъ ему приходилось управлять. Члены Кабали были министрами иностранной державы и врагами господствующей церкви и, вслѣдствіе того, подняли противъ себя и своего повелителя неодолимую бурю національной и религіозной ненависти. Данви желалъ усилить и расширить прерогативу; но онъ понималъ, что это возможно было сдѣлать только посредствомъ полнаго измѣненія системы. Онъ зналъ англійскій народъ и палату общинъ; онъ зналъ, что путь, который Карлъ недавно избралъ, при упорномъ по немъ слѣдованіи, могъ бы легко кончиться передъ окнами паршественной залы Вайтголла. Онъ видѣлъ, что истинною политикою короны было соединиться не со слабыми, ненавистными, поправными католиками, но съ сильною, богатою, популярною, господствующею церковью Англии, — довѣряться помощи не иностраннаго государя, котораго пособія могли получаться только на условіяхъ вассальства, но старой партіи кавалеровъ, помѣстной джентри, духовенства и университетовъ. Соединяя вокругъ трона всю силу роялистовъ и высокоцерковниковъ и безгранично употребляя въ дѣло всѣ источники подкупа, онъ надѣялся сладить съ парламентомъ. Неудачу въ этомъ слѣдуетъ приписать менѣе ему самому, чѣмъ его властелину. За безчестныя сношенія, которыя все еще поддерживались съ французскимъ дворомъ, Данви заслуживалъ мало порицанія или нисколько его не заслуживалъ, хотя претерпѣлъ всю кару.

Данви, при большихъ своихъ парламентскихъ талантахъ, мало обращалъ вниманія на европейскую политику и желалъ

помощи такого лица, на которое могъ бы полагаться въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого предположено было назначеніе Темпля государственнымъ секретаремъ. Арлингтонъ былъ единственный членъ Кабала, который сохранялъ еще должность въ Англіи. Настроеніе палаты общинъ дѣлало необходимымъ удалить его или, лучше сказать, потребовать отъ него продажи мѣста: въ то время большія государственныя должности покупались и продавались, какъ теперь мѣста въ арміи. Темплъ былъ извѣщенъ, что получить печати, если заплатить 6000 ф. ст. Арлингтону. Сдѣлка эта ничего не имѣла въ себѣ нечестнаго, по понятіямъ того времени, и помѣщеніе капитала было бы не дурно: мы думаемъ, что въ то время прибыли, какія государственныя секретарь могъ получать, не дѣлая ничего, что считалось бы негоднымъ, были весьма значительны. Друзья Темпля предложили ссудить ему денегъ; но онъ вполне рѣшился не принимать мѣста съ такою большою отвѣтственностью, въ столь бурныя времена, и при государѣ, на котораго такъ мало можно было положиться, и принявъ посольство въ Гагу, предоставляя Арлингтону найти другаго покупателя.

Передъ отъѣздомъ изъ Англіи Темплъ имѣлъ длинную аудіенцію у короля, передъ которымъ сильно осуждалъ мѣры, принятыя послѣднимъ министерствомъ. Король сознавался, что дѣла шли плохо. «Но, сказалъ онъ, еслибъ я имѣлъ хорошихъ слугъ, то могъ бы сдѣлать хорошее дѣло.» Темплъ встревоженъ былъ такою рѣчью и заключилъ изъ этого, что система Кабала не была покинута, а только отсрочена. Онъ, поэтому, считалъ своею обязанностью идти, какъ онъ выражался, «до дна дѣла.» Онъ серьезно представлялъ королю невозможность ввести въ Англію неограниченное правленіе или католическую религію и заключилъ повтореніемъ замѣчанія, слышаннаго имъ въ Брюсселѣ отъ м-ра Гурвиля, весьма умнаго француза, хорошо извѣстнаго Карлу: «король Англіи, говорилъ Гурвиль, который хочетъ быть человѣкомъ своего народа, есть величайшій король въ мірѣ; но если онъ желаетъ быть больше, тогда онъ, по истинѣ, ровно ничто!» Король обнаруживалъ въ продолженіе этой лекціи нѣкоторые признаки нетерпѣнія, но положилъ, наконецъ, ласково свою руку на плечо Темпля и сказалъ: «Вы правы, и Гурвиль тоже; и я буду человѣкомъ моего народа».

Въ этой увѣренности Темплъ отправился въ Гагу въ июль 1674 г. Голландія была теперь безопасна, а Франція окружена была со всехъ сторонъ врагами. Испанія и имперія вооружились съ цѣлью заставить Людовика отказаться ото всего, что онъ приобрѣлъ со времени Пиренейскаго трактата. Съ цѣлью

положить конецъ войнѣ, открытъ былъ конгрессъ въ Нимвегенѣ, при посредничествѣ Англіи, въ 1675; и на конгрессѣ этотъ отправленъ былъ Темпль. Дѣло примиренія, однако, подвигалось весьма медленно. Воюющія державы были еще въ разгарѣ, а посредническая держава была нерѣшительна и неискренна.

Между тѣмъ оппозиція въ Англіи становилась болѣе и болѣе грозною и рѣшилась, повидимому, принудить короля къ войнѣ съ Франціею. Карлъ желалъ сдѣлать нѣкоторыя назначенія, чтобы усилить администрацію и пріобрѣсти довѣріе публики. Никто болѣе Темпля не былъ уважаемъ націю, а между тѣмъ онъ никогда не участвовалъ ни въ одной оппозиціи какому-либо правительству. Въ 1677 г. онъ вытребованъ былъ изъ Нимвегена. Карлъ принялъ его съ ласками, усердно настаивалъ, чтобы онъ принялъ печати государственнаго секретаря, и общалъ взять на себя половину издержекъ по выкупу мѣста отъ занимавшаго его. Темпль восхищенъ былъ ласковостію и вѣжливостію королевскаго обращенія и оживленнымъ разговоромъ его величества; но его благоразуміе нельзя было такъ усыпить. Онъ спокойно и твердо отказывался. Король притворно принималъ его отъѣзды за одни только шутки и весело сказалъ: «Подите, убирайтесь въ Шинъ. Мы не дождемся отъ васъ ничего хорошаго, пока вы тамъ не побываете; а когда отдохнете, пріѣзжайте снова сюда.» Темпль удалился и пробылъ два дня на своей виллѣ, но возвратился въ городъ въ томъ же настроеніи, и король принужденъ былъ согласиться по крайней мѣрѣ на отсрочку.

Но въ то же время, какъ Темпль такъ тщательно избѣгалъ отвѣтственности за принятіе участія въ общемъ управленіи дѣлами, онъ представлялъ разительное доказательство той неослабной чуткости, которая дѣлала его способнымъ изыскивать пути къ отличію безъ риска. Онъ игралъ главную роль въ событіи, которое въ свое время встрѣчено было общимъ радостнымъ пріѣздомъ и дало потомъ результаты величайшей важности. Это былъ бракъ принца Оранскаго и принцессы Маріи.

Въ слѣдующемъ году Темпль возвратился въ Гагу; въ исходѣ 1678 онъ получилъ приказаніе отправиться отсюда въ Нимвегенъ, для подписанія пустаго и неудовлетворительнаго трактата, которымъ на короткое время прекращены были смуты Европы. Онъ много ворчалъ на то, что отъ него требовалось приложить свое имя къ плохимъ статьямъ, которыхъ онъ не составлялъ, и еще болѣе на то, что ему приходилось путешествовать въ весьма холодную погоду. Наконецъ, нѣкоторыя затрудненія со стороны этикета не дозволяли ему подписаться, и

онъ возвратился въ Гагу. Едва онъ прибылъ туда, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что король, котораго затрудненія были теперь гораздо больше, чѣмъ когда-либо, вполнѣ рѣшился немедленно назначить его государственнымъ секретаремъ. Темплъ въ третій разъ отказался отъ этого высокаго мѣста и сталъ готовиться къ поѣздкѣ въ Италію, думая, безъ сомнѣнія, гораздо пріятнѣе провести время среди картинъ и развалинъ, чѣмъ въ такомъ омутѣ политическаго и религіознаго сумасбродства, какое свирѣпетовало тогда въ Лондонѣ.

Но король находился въ чрезвычайной крайности, и не легко было долге отъ него отдѣлываться. Темплъ получилъ положительныя приказанія тотчасъ отправиться въ Англію. Онъ повиновался и нашелъ страну въ болѣе ужасномъ состояніи, чѣмъ представлялъ себѣ.

Страшно бываетъ время, когда неудовольствіе націи, не мелкое и капризное неудовольствіе, но неудовольствіе, постоянно накоплявшееся въ теченіе многихъ лѣтъ, достигаетъ наконецъ полной зрѣлости. Нѣсколько дальновидныхъ людей предсказываютъ приближеніе этого времени, но предсказываютъ тщетно. Для большинства эта дурная пора настаетъ точно такъ же, какъ полное затмѣніе солнца въ полдень для дикарей. Общество, которое не задолго до того было въ совершенно спокойномъ состояніи, вдругъ испытываетъ страшнѣйшія судороги и находится, по-видимому, на рубежѣ распадѣнія; а правители, которые — пока зло было исправимо обыкновенными средствами — и не помышляли о его существованіи, стоятъ въ изумленіи, пораженные паническимъ страхомъ, безъ надежды, безъ помощи среди общаго смятенія. Это поколѣніе видѣло одинъ такой случай. Дай Богъ, чтобы мы никогда не видѣли другаго. При такомъ-то положеніи Темплъ высадился на англійскую почву, въ началѣ 1679.

Парламентъ едва упомянулъ о сношеніяхъ короля съ Франціею; гнѣвъ его несправедливо направленъ былъ противъ Данви, котораго поведеніе въ этомъ дѣлѣ, судя по всему, заслуживало скорѣе похвалы, чѣмъ порицанія. Паниетскій заговоръ, умерщвленіе Годфри, безчестныя выдумки Отса, открытіе бумагъ Кольмана раздражили націю до бѣшенства. Все негодованіе, порожденное восемнадцатью годами дурнаго управленія, проявилось разомъ. Въ эту минуту королю посовѣтовали распустить парламентъ, который избранъ былъ тотчасъ послѣ его возвращенія и который, не смотря на значительную перемѣну, какой съ тѣхъ поръ подвергся въ своемъ составѣ, былъ все-таки гораздо глубже проникнутъ стариннымъ духомъ кавалеровъ, чѣмъ

какой-либо изъ предшествовавшихъ или могшихъ слѣдовать за ними. Общія выборы начались и происходили съ такимъ возбужденіемъ, какое никогда не извѣстно было прежде. Теченіе яростно стремилось противъ двора. Ясно было, что большинство новой палаты общинъ будутъ составлять — употребляя выраженіе, вошедшее въ моду нѣсколько мѣсяцевъ спустя — рѣшительные виги. Карлъ нашелъ необходимымъ уступить силѣ общественнаго настроенія. Герцогъ Йоркскій намѣренъ былъ удалиться въ Голландію. «Я никогда, — говоритъ Темпль, видѣвшій уничтоженіе монархій, распушеніе Долгаго парламента, паденіе протектората, манифестацію Монка противъ Охвостья, — и никогда не видѣлъ большаго замѣшательства въ умахъ людей.»

Король съ крайнею настойчивостью упрасивалъ теперь Темпля принять печати. Денежная часть этой сдѣлки не представляла болѣе никакого затрудненія, и серъ Виллямъ уже не былъ такъ рѣшителенъ въ своемъ отказѣ, какъ прежде. Онъ потребовалъ три дня на то, чтобы разсмотрѣть положеніе дѣлъ и взвѣсить собственныя чувства, и пришелъ къ заключенію, что «сцена не годилась для такого актера, какииъ онъ себя звалъ.» Однако онъ чувствовалъ, что, отказывая въ помощи королю, въ такую критическую минуту, онъ могъ бы нанести большое оскорбленіе и подвергнуться большому порицанію. Онъ велъ себя съ обыкновенною ловкостью. Онъ притворно выказалъ большое желаніе засѣдать въ парламентѣ, счумѣлъ однако оказаться неуспѣшнымъ кандидатомъ, и когда выборы кончились повсюду, сталъ объяснять, что бесполезно было бы ему принять печати, пока не будетъ допущенъ въ палату общинъ; такимъ образомъ онъ успѣлъ отклонить отъ себя ту важную роль, какую другіе желали ему навязать.

Парламентъ собрался и насиліемъ мѣръ своихъ превзошелъ всякое ожиданіе. Даже Долгій парламентъ, при гораздо болѣешемъ раздраженіи, былъ сначала менѣе ожесточенъ. Казначей былъ тотчасъ удаленъ отъ должности, обвиненъ и отправленъ въ Тоуэръ. Приняты были сильныя и жестокія мѣры по дѣлу папистскаго заговора. Общины приготовились идти гораздо дальше, вырвать изъ рукъ короля право помилованія въ случаѣ важныхъ политическихъ преступленій и измѣнить порядокъ престолонаслѣдія. Карлъ былъ въ совершенномъ замѣшательствѣ и страхѣ. Темпль видѣлся съ нимъ почти ежедневно и считалъ его глубоко проникнутымъ сознаніемъ своихъ заблужденій и жалкаго положенія, въ какое они его привели. Совѣщанія Темпля и короля становились продолжительнѣе и откровеннѣе, и первый начиналъ льстить себя надеждою, что въ состояніи будетъ

внутри примирить партіи, какъ вы примирилъ непріязненные державы; что въ состояніи будетъ внушать планъ, который укротитъ всякія вражды, загладитъ память всѣхъ прошлыхъ обидъ, обезпечитъ націю отъ дурнаго управленія и защититъ корону отъ посягательствъ парламента.

Планъ Темпля заключался въ томъ, чтобы существовавшій тогда тайный совѣтъ, изъ 50 членовъ, былъ распушенъ; чтобы не было болѣе малаго внутренняго совѣта, подобнаго тому, который означался тогда именемъ кабинета; чтобы назначенъ былъ новый тайный совѣтъ изъ 30 членовъ, чтобы король обязался управлять подъ постояннымъ руководствомъ этого собранія, допустилъ, чтобы всѣ и всякаго рода дѣла его свободно обсуждались въ этомъ совѣтѣ, и не оставлялъ ни малѣйшаго общественнаго дѣла для секретнаго комитета.

Пятнадцать изъ членовъ этого новаго совѣта должны были быть высокіе государственные сановники. Прочіе пятнадцать должны были быть независимые нобльмены и джентльмены съ наибольшимъ вѣсомъ въ странѣ. При назначеніи ихъ особенное вниманіе слѣдовало обращать на размѣръ ихъ состоянія. Весь годичный доходъ совѣтниковъ оцѣнивался въ ³⁰⁰/т. фунт. стерл. Годичный доходъ всѣхъ членовъ палаты общинъ не предполагался превышающимъ ⁴⁰⁰/т. фунт. стерл. Назначеніе богатыхъ совѣтниковъ Темплъ представлялъ какъ «главное условіе, необходимое для этого учрежденія».

Планъ этотъ былъ предметомъ частаго разговора между королемъ и Темплемъ. Когда мѣсяцъ прошелъ въ разсужденіяхъ, къ которымъ, по-видимому, не допускалось никакое третье лицо, Карлъ объявилъ себя довольнымъ удобствомъ предложенной мѣры и рѣшился привести ее въ дѣйствіе.

Весьма жаль, что Темплъ не оставилъ намъ никакого извѣстія объ этихъ совѣщаніяхъ. Поэтому историкамъ остались только собственныя догадки о необыкновенномъ планѣ «этого учрежденія», какъ самъ Темплъ его называетъ. Мы не можемъ сказать, чтобы какое-либо изъ данныхъ до сихъ поръ объясненій казалось намъ совершенно удовлетворительнымъ. Дѣйствительно, почти всѣ писатели, съ которыми мы совѣтовались, смотрятъ, по-видимому, на перемѣну эту только какъ на административную перемѣну, и съ этой точки зрѣнія они вообще ее одобряютъ. М-ръ Кортней, который очевидно разсматривалъ предметъ этотъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ часто посвящалось ему, считаетъ, по-видимому, планъ Темпля весьма страннымъ, непонятнымъ и нелѣпымъ. Мы же, съ весьма большою недовѣрчивостью, предлагаемъ собственное разрѣшеніе того, что

мы всегда считали одною изъ великихъ загадокъ англійской исторіи. Мы сильно подозреваемъ, что назначеніе новаго тайнаго совѣта было дѣйствительно гораздо замѣчательнѣйшимъ событіемъ, нежели вообще предполагалось, и что Темпъ имѣлъ въ виду совершить, подъ предлогомъ административной перемѣны, прочное измѣненіе въ конституціи.

Планъ этотъ, разсматриваемый только какъ планъ для образованія кабинета, имѣетъ столь очевидное неудобство, что мы не можемъ легко вѣрить, чтобы образованіе кабинета было главною цѣлью Темпля. Одна численность новаго совѣта была бы весьма серъезнымъ возраженіемъ. Самые многочленные кабинеты новѣйшихъ временъ не состояли, мы думаемъ, болѣе чѣмъ изъ пятнадцати членовъ. Даже это число считалось вообще слишкомъ большимъ. Маркизъ Веллесли, котораго мнѣніе по вопросу исполнительной администраціи заслуживаетъ такого же уваженія, какъ и мнѣніе любого государственнаго чловѣка, какого когда-либо произвела Англія, высказывалъ, въ теченіе министерскихъ переговоровъ 1812 года, свое убѣжденіе, что даже тринадцать членовъ было слишкомъ большимъ числомъ. Но въ кабинетъ изъ тридцати членовъ какая представляется возможность единства, тайны, посрѣдственности — любого изъ качествъ, какія должно имѣть подобное собраніе? Еслибъ, дѣйствительно, члены такого кабинета были тѣсно между собою связаны выгодно, еслибъ они всѣ были глубоко заинтересованы въ прочности администраціи, еслибъ большинство зависѣло отъ малаго числа коноводовъ, то тридцать могло бы, пожалуй, дѣйствовать такъ же, какъ дѣйствовало бы и меньшее число, хотя медленнѣе, неудобнѣе и съ большимъ рискомъ неумѣстныхъ разглашеній. Но совѣтъ, предложенный Темплемъ, былъ составленъ такъ, что еслибъ, вмѣсто тридцати членовъ, онъ заключалъ только десять, то все-таки былъ бы самымъ неповоротливымъ и несогласнымъ кабинетомъ, какой когда-либо существовалъ. Одна половина членовъ должна была состоять изъ лицъ безъ всякой должности, лицъ, не имѣвшихъ никакого повода подвергать свои мнѣнія опасности или принимать на себя какую-либо отвѣтственность за непопулярную мѣру, лицъ, слѣдовательно, отъ которыхъ можно было ожидать, что какъ скоро настанетъ критическая минута, требующая самаго сердечнаго содѣйствія, они отступятся отъ прочихъ и всячески будутъ затруднять ходъ общественнаго дѣла. Условіе, чтобы они были людьми съ огромнымъ состояніемъ, только вредило дѣлу. Палата общинъ есть собраніе ограничивающее; поэтому желательно, чтобы оно въ болѣешиъ размѣрѣ состояло изъ людей съ независимымъ со-

стояніемъ, которые ничего не получаютъ и ничего не жадутъ отъ правительства. Но исполнительными учрежденіями представляютъ совершенно иное. Ихъ дѣло не удерживать, а двигать. Слѣдовательно, тѣ самыя вещи, которыя бывають достоинствами парламентовъ, могутъ быть недостатками кабинетовъ. Мы съ трудомъ можемъ представить себѣ большое зло для страны, чѣмъ администрація, члены которой были бы такъ же независимы другъ отъ друга и такъ же мало были бы въ необходимости дѣлать взаимныя уступки, какъ бывають и должны быть представители Лондона и Девоншира въ палатѣ общинъ. Итакъ, новый совѣтъ Темпля долженъ былъ заключать пятнадцать членовъ, не занимающихъ никакихъ должностей и состояніе которыхъ среднимъ числомъ должно было давать 10 т. ф. ст. въ годъ, т. е. доходъ, который, по потребностямъ знатнаго лица того времени, равнялся, по крайней мѣрѣ, 30 т. въ годъ въ наше время. Слѣдовало ли ожидать, что такіе люди даромъ захотятъ взять на себя трудъ и отвѣтственность министровъ и непопулярность, какую наилучшіе министры должны иногда быть готовыми выносить безстрашно. Могло ли быть малѣйшее сомнѣніе, что внутри самаго кабинета вскорѣ образуется оппозиція и что слѣдствіемъ этого будетъ раздѣленіе, ссора, медленность въ дѣйствіяхъ, разглашеніе тайнъ — все, что наиболѣе чуждо характеру исполнительнаго совѣта?

Возможно ли представить себѣ, чтобы соображенія столь важныя и столь очевидныя могли совсѣмъ ускользнуть отъ человѣка съ проникательностью и опытностью Темпля? Одно изъ двухъ кажется намъ вѣрнѣе: или что проектъ его былъ дурно понятъ, или что таланты его къ общественнымъ дѣламъ были преувеличены.

Мы склоняемся къ тому мнѣнію, что проектъ его былъ дурно понятъ. Новый совѣтъ, какъ мы показали, былъ бы чрезвычайно плохимъ кабинетомъ. Заключение, какое мы расположились извлечь, состоитъ въ томъ, что совѣтъ предназначался для иной цѣли, а не просто быть кабинетомъ. Барильонъ употребилъ четыре или пять словъ, которыя содержать, кажется, ключъ всей тайны. М-ръ Кортней называетъ ихъ словами, полными значенія; но онъ, если мы не ошибаемся, не постигаетъ всей ихъ силы. «*Ce sont des États, говорить Барильонъ, non des conseils.*»

Чтобы ясно понять, какіе по нашему мнѣнію были виды Темпля, читатель долженъ вспомнить, что правленіе Англій, въ эту эпоху и въ теченіе почти восьмидесяти лѣтъ до того, было въ переходномъ состояніи. Перемѣна, хотя и прикрытая древними импе-

намъ и формамъ, но оттого не менѣе дѣйствительная и обширная, дѣлала постоянные успѣхи. Теорія конституцій, основныя законы, которыми опредѣляются права трехъ отраслей законодательной власти, не подверглись въ своей сущности никакой перемѣнѣ между временемъ Елисаветы и временемъ Вильгельма III. Знаменитѣйшіе законы XVII столѣтія по этимъ предметамъ, «*Прошеніе о правахъ*», «*Декларація правъ*», составляютъ одни только объявленія. Они имѣютъ значеніе простыхъ повтореній древняго политическаго устройства Англіи. Свободное правленіе не вводится ими какъ спасительное улучшеніе; но требуется какъ несомнѣнное и незапамятное наследіе. Тѣмъ не менѣе, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что въ теченіе періода, о которомъ мы говоримъ, взаимныя отношенія всѣхъ сословій государства подвергались, практически, совершенному измѣненію. Буква закона могла остаться неизмѣненною; но въ началѣ XVII столѣтія рѣшительно преобладающею въ государствѣ была, фактически, власть короны, а въ концѣ того же столѣтія рѣшительно преобладающею сдѣлалась, фактически, власть парламента, въ особенности же нижней палаты. Въ началѣ столѣтія, государь безпрестанно нарушалъ, встрѣчая незначительное сопротивленіе или даже вовсе его не встрѣчая, очевидныя права парламента. Въ концѣ столѣтія, парламентъ фактически забралъ все, чего хотѣлъ, изъ прерогативъ короны. Государь удержалъ тѣнь той власти, которой сущность была въ рукахъ Тюдоръ. У него было законодательное *вето*, котораго онъ никогда не смѣлъ употребить въ дѣло; власть назначать министровъ, къ удаленію которыхъ онъ во всякое время могъ быть принужденъ адресомъ общины; власть объявлять войну, которую, безъ парламентской поддержки, нельзя было вести ни единого дня. Итакъ, палаты парламента были не простыми законодательными собраніями, не одними только ограничивающими собраніями. Онѣ были великими государственными совѣтами, голосъ которыхъ, раздаваясь громко и твердо, составлялъ рѣшеніе по всѣмъ вопросамъ вѣшной и внутренней политики. Не было ни одной части во всей системѣ правленія, въ которую онѣ не имѣли бы власти вмѣшиваться совѣтомъ, равносильнымъ повелѣнію; и если онѣ удерживались отъ вмѣшательства въ нѣкоторыя области исполнительной администраціи, то дѣлали это собственно вслѣдствіе умѣренности и довѣрія, какое имѣли къ министрамъ короны. Нѣтъ, можетъ быть, въ исторіи примѣра столь полнаго измѣненія конституціи государства въ практикѣ, несопровождаемаго никакимъ соответственнымъ измѣненіемъ въ теоріи. Прикрытое преобразование римской респуб-

лени въ деспотическую монархію; при долгомъ управленіи Августа, представляеть, быть можетъ, самую близкую параллель.

Эта великая перемѣна не произошла безъ оманнаго и постоыннаго сопротивленія со стороны королей изъ дома Стюартовъ. До 1642 года сопротивленіе это имѣло вообще открытій, насильственный и беззаконный характеръ. Если общины отказывали въ дарахъ, государь обиралъ беневоленціи. Если общины обвиняли министра-любимца, государь ввергаль предводителей оппозиціи въ тюрьму. Изъ всякъ усилій подавить парламентъ деспотическою силою, безъ законнаго предлога, послѣднимъ, знаменитѣйшимъ и негоднѣйшимъ было покушеніе схватить палаты членовъ. Попытка эта была сигналомъ къ междоусобной войнѣ и имѣла слѣдствіемъ восемнадцать лѣтъ кровопролитія и смутенія.

Дни смуты прошли; негнѣшники возвратились; троякъ опять было воздвигнуто на своемъ высочкомъ мѣстѣ; верхово и іерархін получили свой пружній блззкъ. Основные законы, перечисленные въ *«Промѣнѣ о правѣ»*, опять торжественно были признаны. Та же была теорія англійской конституціи шть день, когда въ Вайтхоллѣ палаты съ колѣноприслоненіемъ облобызали руку Карла II, и въ день, когда отецъ его поднялъ въ Ноттингемѣ королевское знамя. Періодъ сумасбродной илліности, *hysterica passio* върноподданническаго раскаянія и любви былъ коротокъ. Но душевныя движенія этого рода скоросныи; а интереса, отъ которыхъ зависитъ прогрессъ великихъ обществъ, постоянны. Восторгъ примиренія некорѣ миновалъ, и старая борьба возобновилась.

Старая борьба возобновилась, но не советамъ на старій ладъ. Государь не былъ дѣйствительно человѣкомъ, котораго удержало бы отъ самыхъ грубыхъ нарушеній закона всякое обыкновенное предостереженіе. Но полученное имъ предостереженіе не было обманованнымъ. Вокругъ него повсюду были свѣтлы слѣды мести угнетенной націи: поля, на которыхъ пролита была благороднѣйшая кровь острова; замки, разрушенные пушками парламентской арміи; зала, гдѣ засѣдалъ провозный трибуналъ, въ рѣшеткѣ котораго приведенъ былъ, между пачеурными рѣдкими копейшникомъ, вѣнчаный васлѣдникъ сотни королей; величественныя палаты, передъ которыми великая казнь совершена была безстрашно въ виду неба и земли. Государь Реставраціи, предостереженный судьбою своего отца, никогда не посмѣлъ на падеть на парламенты свои съ великимъ и самовольнымъ насиліемъ. То посредствомъ самаго парламента, то посредствомъ судей, пытался онъ возвратитъ коронѣ ея преобладаніе. Онъ не

чалъ при весьма благопріятныхъ обстоятельствахъ. Парламентъ 1661 года созванъ былъ въ то время, когда нація полна еще была радости и униженія. Значительное большинство палаты общинъ составляли ревностные роялисты. Всѣ роды вліянія, доставляемые патронатомъ короны, употреблялись безгранично. Подкупи возведены были въ систему. Король, ни для чего много неспособный сбросить деньги отъ своихъ удовольствій, сберегалъ ихъ для подкуповъ. Въ то время, когда защита береговъ была заброшена, когда корабли гнили, когда арсеналы опустѣли, когда буйныя толпы матросовъ, не получавшихъ платы, шибѣли на улицахъ приморскихъ городовъ, — въ казначействѣ все еще можно было кое-что сгрести для членовъ палаты общинъ. Золото Франціи щедро употреблялось для той же цѣли. Однако оказалось, — какъ дѣйствительно можно было предвидѣть, — что есть естественная граница дѣйствию, какое могли производить подобныя средства. Есть одна вещь, которую самые продажные сенаты не хотятъ продать; а эта вещь есть власть, которая дѣлаетъ ихъ стоящими кушанъ. Тѣ самыя эгоистическія побужденія, которыя заставляли ихъ брать плату за каждую подачу голоса, заставляютъ ихъ противиться всякой мѣрѣ, которая имѣла бы слѣдствіемъ пониженіе важности и потому и цѣны ихъ голосовъ. Доходомъ своей власти они совершенно готовы торговать. Но ихъ не легко уговорить разстаться съ малѣйшею долею капитала. Любопытно наблюдать, какъ во время долгаго существованія этого парламента, прозваннаго современниками пенсіонарнымъ парламентомъ, власть короны, при всѣхъ, повидимому, благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, постоянно клонилась къ упадку, а власть общинъ постоянно возвышалась. Собранія палатъ были чаще, чѣмъ въ прежнія царствованія; ихъ вышательства были докучливѣе для правительства, чѣмъ въ прежнія царствованія; онѣ стали заключать миръ, вести войну, низвергать министерства, если и не создавать ихъ. Появился уже новый классъ государственныхъ людей, послыханный до того времени, но съ тѣхъ поръ сдѣлавшійся обыкновеннымъ. При Тюдорахъ и первыхъ Стюартахъ политика возвышалась обыкновенно до власти придворными кознями или ловкостью и познаніемъ въ дѣлахъ. Со времени Карла II до нашихъ временъ иной родъ таланта, именно талантъ парламентскій, сдѣлался наиболее цѣннымъ изъ всѣхъ качествъ англійскаго государственнаго человѣка. Онъ замѣнялъ всѣ другія качества. Онъ прикрывалъ невѣжество, слабость, опрометчивость, самое дурное управленіе. Великій дипломатъ — ничто въ сравненіи съ великимъ дебатеромъ; и министру, который можетъ

сказать усѣвшію рѣчь, нужно мало беспокоиться о неудачной экспедиціи. Талантъ этотъ дѣлалъ людей судьями безъ законовѣдѣнія, дипломатами безъ французскаго языка; отправлялъ въ адмиралтейство людей, не распознававшихъ кормы корабля и его бургшприта, и въ Индійскій совѣтъ людей, не знавшихъ разницы между рунією и нагодюю; сдѣлалъ секретаря иностранныхъ дѣлъ изъ м-ра Питта, никогда, какъ говоритъ Георгъ II, не открывавшаго Вателя, и чуть-чуть не сдѣлалъ канцлера назначеннаго изъ м-ра Шкридана, но бывшаго въ состояніи вѣрно дѣлать дѣленіе. Этотъ то родъ таланта выдвинулъ Клиффорда изъ неизвестности и поставилъ во главѣ управленія. Этому таланту Осборнъ, по рожденію простой провинціальный джентльменъ, одолженъ былъ своимъ блыномъ жезломъ, своимъ орденномъ Подвязки, и своимъ титуломъ герцога. Посягательство власти парламента на власть короны уподобилось рову или дѣйствию какого-нибудь великаго закона природы. Воли отдѣльнаго лица на тронѣ или отдѣльныхъ лицъ въ обѣихъ палатахъ ставилась, повидимому, ни во что. Король могъ быть падкимъ на посягательства; однако, что-то постоянно отталкивало его назадъ. Парламентъ могъ быть вѣрноподданнымъ, даже рабскимъ; однако что-то постоянно влекло его впередъ.

Эти вещи дѣлались съ зеленымъ деревомъ; что же должно было дѣлаться съ сухимъ? (10) Папистскій заговоръ и общіе выборы явились вѣсть и нашли народъ предрасположеннаго къ самому сильному возбужденію. Составъ палаты общинъ измѣнился. Парламентъ исполненъ былъ людьми, которые клонились въ республиканизму въ политикѣ и къ пресвитеріанизму въ религіи. Они не успѣли собраться, какъ тотчасъ стали нападать на правительство, и еслибъ атака удалась, то сдѣлала бы ихъ верховными въ государствѣ.

Чѣмъ должно было это кончиться? Для насъ, видѣвшихъ результатъ, вопросъ представляетъ мало затрудненій. Но для государственнаго человѣка времени Карла II, для государственнаго человѣка, желавшаго сохранить монархію въ прежней ея верховности, не лишиа парламента его правъ, вопросъ долженъ былъ показаться весьма запутаннымъ.

Кларендонъ, бывшій министромъ, боролся противъ возрастающей силы общинъ честно, пожалуй, но, по своему обыкновенію, упорно, надменно и наступательно. Онъ былъ за предоставленіе имъ давнишней ихъ власти, но ни на-волосъ болѣе.

(10) Кооп. отъ Луки, гл. 23, стр. 31.

Онъ, некогда бы не дождался для короны права занимать съ народа подати безъ согласія парламента. Но когда парламентарь въ первую голландскую войну, весьма естественно требовать объясненія, какъ случилось, что деньги, вотираванныя имъ, прогавели столь малое дѣйствіе, и сталъ допрашивать, чьязъ руки онъ проши и на что были израсходованы, то Кларендонъ смотрѣлъ на это какъ на чудовищную новизну. Онъ сказалъ королю, какъ самъ говоритъ, «что заботливость его не можетъ быть излишня въ защитѣ правъ парламента и что король, онъ надѣется, не нарушитъ ни одного изъ нихъ; но онъ желаетъ, чтобы король равномерно позаботился устранить превращеніе власти въ парламента и не позволялъ ему простираться эту власть на предметы, нисколько до него не касающіеся: удержатъ парламента въ его надлежащихъ предѣлахъ и границахъ, такъ же необходимо, какъ и предохранить его отъ вторженій; посяданіе дѣло — такое новое посягательство, которому нѣтъ основанія.» Я привожу одинъ только случай. Легко можно было бы представить и другіе.

Пустосвятство, сильныя страсти, спешивость и пренебреженіе, дѣлавшія великія способности Кларендона источникомъ почти одного только зла и для него самого, и для публики, во имѣли мѣста въ характерѣ Темпля. Впрочемъ, ему, какъ и Кларендону, быстрая перемена, происходившая въ практическомъ развѣтѣ конституціи, принимала бодыщее безпокойствіе, тѣмъ болѣе, что Темплъ некогда не заставлялъ въ англійскомъ парламента и ядому, смотрѣлъ на него безъ того дристрастія, какое люди естественнао чувствуютъ къ сословію, къ которому принадлежатъ, и къ доприну, на которомъ таланты ихъ выказались съ выгодной стороны.

Невозможно было силою вырвать у палаты общины ея народо-приобретенную власть; да и не такой человекъ былъ Темплъ, чтобы одобрить подобную мѣру, даже еслибъ она была возможна. Не возможно ли было склонить палату общины выдусить изъ рукъ своихъ эту власть? Возможно ли было, чтобы великая контръ-революція совершалась такимъ же точно образомъ, безъ всякой перемены въ иеружной формѣ правленія, какъ совершилась великая революція? Возможно ли было привести королю и парламента почти въ такое же относительное положеніе, въ какомъ они находились въ царствованіе Едварда вѣдты, и могло ли это произойти безъ обнаженія меча, безъ казни и съ общаго согласія націи?

Англійскій народъ — такъ взронтно разсуждалъ Темплъ — не потерпитъ, чтобы имъ управляла неограниченная власть госу-

дурнѣ, да и не долженъ онъ такимъ образомъ управлять. Теперь нѣтъ нѣкаго ограниченія, кромѣ парламента: Не легко назначить предѣлы, отдѣляющіе власть, ограничивающую правителей отъ власти правленія. Поэтому парламентъ, поддерживаемый надеждою, быстро тянется къ себѣ всю власть правительства. Еслибъ возможно было придумать какую-нибудь другую узду на власть короны, узду менѣе жесткую для государя, чѣмъ та, чѣею онъ теперь постоянно мучится, но которая могла бы назваться народу достаточнымъ обезпеченіемъ противъ дурнаго управления, то парламенту, вѣроятно, менѣе стали бы вѣнчаться и въ своемъ вѣнчателствѣ менѣе были бы поддерживаемы общественнымъ мнѣніемъ. Для того, чтобы рука короля не была туго связана другими людьми, нужно ему согласиться слегка связать ихъ самому себѣ. Для того, чтобы ограничивающее собраніе не могло завладѣть исполнительной администраціею, слѣдуетъ сословію, управляющему исполнительною администраціею, придать нѣкоторый характеръ ограничивающаго собранія. Парламентъ всякій день присвоиваетъ себѣ теперь значительную часть функций тайнаго совѣта. Мы должны установить это зна, надвѣсивъ тайный совѣтъ нѣкоторыми свойствами парламента. Пусть нація увидитъ, что все дѣйствіе короля направляются кабинетомъ, составленнымъ изъ представителей всѣхъ сословій государства, кабинетомъ, состоящимъ не изъ однихъ только должностныхъ лицъ, но изъ независимыхъ и популяр-ныхъ волеяковокъ и джентльменовъ, съ огромными состояніями, безъ жалованья, неспособныхъ жертвовать общественнымъ благомъ, въ которомъ они сами сильно заинтересованы, и значеніемъ, которыми пользуются въ странѣ, — въ угожденіе двору, отъ котораго они ничего не получаютъ. Когда обыкновенная администрація будетъ находиться въ такихъ именно рукахъ, народъ будетъ совершенно доволенъ, видя, что парламентъ сдѣлался чѣмъ, чѣмъ былъ прежде, — уздою на особый случай. Онъ охотно согласится, чтобы палата общинъ собиралась для короткой сессіи только разъ въ три года и принимала столь же мало участія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ и сто лѣтъ тому назадъ.

Вѣроятно, такимъ образомъ рассуждалъ Темпль: ибо при такой гипотезѣ планъ его понятенъ, а при всякой иной гипотезѣ планъ его для насъ, какъ и для м-ра Кортяка, представляется крайне непонятнымъ и безсмысленнымъ. Совѣтъ этотъ былъ въ странномъ смыслѣ чѣмъ, чѣмъ называлъ его Барильонъ: собраніемъ всѣхъ чинавъ. Такъ являются представители всѣхъ большихъ чинавъ общества: церкви, судебной власти, короля, общины.

Изъятіе одной половиною совѣтниковъ отъ коронной должности, изъятіе вполнѣ нецѣльное, если считать совѣтъ чисто-исполнительнымъ вѣдомствомъ, тотчасъ становится совершенно рѣзюнальнымъ, если на совѣтъ смотрѣть какъ на вѣдомство, имѣющее цѣлью ограничивать корону и притомъ отправлять власть короны, выношать нѣкоторыя функціи парламента и вѣсть съ тѣмъ функціи кабинета. Мы видимъ тоже, почему Темплъ такъ сильно налегалъ на частное имущество членовъ, почему вводилъ сравненіе между ихъ совокупными доходами и совокупными доходами членовъ палаты общинъ. Сравненіе это было бы безъ всякаго значенія на случай простаго кабинета. Оно получаетъ огромное значеніе въ учрежденіи, имѣющемъ цѣлью задержать собою, въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ отправленіяхъ, палату общинъ.

Намъ трудно удержаться отъ мысли, что идея объ этомъ парламентѣ въ маломъ видѣ внушена была Темплю тѣмъ, что онъ лично видѣлъ въ Соединенныхъ Провинціяхъ. Первоначальное собраніе генеральныхъ штатовъ состояло, какъ онъ разсказываетъ намъ, болѣе чѣмъ изъ 800 лицъ. Но это многолюдное собраніе представлено было меньшимъ совѣтомъ, который заключалъ въ себѣ около 30 членовъ, носилъ названіе и исправлялъ обязанности генеральныхъ штатовъ. Наконецъ настоящіе штаты совѣтъ перестали собираться; и власть ихъ, хотя въ теоріи была еще составною частью конституціи, сдѣлалась на практикѣ обветшалюю. Мы, разумѣется, не предполагаемъ, что Темплъ ожидалъ или желалъ, чтобы парламенты вышли такимъ образомъ изъ употребленія; но онъ надѣялся, кажется, что нѣчто подобное на то, что случалось въ Голландіи, произойдетъ и въ Англіи, в то значительная часть функцій, присвоенныхъ недавно парламентомъ, перейдетъ покойно въ руки миниатюрнаго парламента, который онъ предлагалъ создать.

Будь планъ этотъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, подвергнуть опыту въ болѣе ранній періодъ, при болѣе спокойномъ состояніи общественныхъ умовъ и лучшимъ государемъ, мы вислолько не увѣрены, что онъ не достигъ бы цѣли, для которой былъ назначенъ. Узда, налагаемая на короля совѣтомъ тридцати, имъ самимъ избранныхъ, была бы дѣйствительно слабою, въ сравненіи съ уздою, налагаемою парламентомъ. Но она была бы постоянна. Она была бы въ дѣйствиіи ежегодно и круглый годъ; до Революціи же сессіи парламента были кратковременны, а ваканціи продолжительны. Совѣтъ, представленіями своими, впрямую, отвратилъ бы нѣкоторыя весьма уродливыя и гнусныя явленія, а повтому отвратилъ бы неудовольствія, верожаемая

такими истрами, и свасительные законы, бывающіе продохъ тѣхъ неудовольствій. Мы думаемъ, напримѣръ, что вторая голландская война никогда бы не была одобрена такимъ совѣтомъ, какой предлагалъ Темпль. Мы вполне увѣрены, что о прекращеніи платежей казначейства никогда бы даже и помину не было въ такомъ свѣтѣ. Народъ, довольный мыслью, что лордъ Кавендишъ и м-ръ Поулъ, безъ должностей и безъ жалованія, ежедневно представляютъ о его тягостяхъ и защищаютъ его права въ присутствіи короля, совѣтъ не такъ много вздыхалъ бы по парламенту. Парламенту, еслибъ онъ собрался, пришлось бы нападать на злоупотребленія менѣе разительныя и въ меньшемъ количествѣ. Менѣе было бы злоупотребленій и менѣе реформъ. Мы не исмытали бы ни бдѣствій отъ Кабала, ни благодати отъ *Habeas Corpus Act'a*. Между тѣмъ совѣтъ, разсматриваемый какъ исполнительное вѣдѣнство, былъ бы — еслибъ и въ некоторой, но крайней мѣрѣ, часть его власти не была поручена меньшему собранію — слабымъ, ишкотнымъ, разногласнымъ, непригоднымъ ни для одного дѣла, требующаго тайны и посвященности, въ особенности же непригоднымъ для военной администраціи.

Революція совѣтъ иными путемъ положила конецъ долгой распрѣ между королемъ и парламентомъ. Съ тѣхъ поръ палата общинъ ишла переводъ въ государство. Кабинетъ, съ того времени, былъ въ сущности комитетомъ, назначаемымъ королю изъ преобладающей въ парламентѣ партіи. Хотя меньшинство въ палатѣ общинъ постоянно предлагаетъ порицаніе исполнительныхъ мѣръ или требуетъ бумагъ, по которымъ бы палата могла пронавестить сужденіе о такихъ мѣрахъ, предложенія эти едва-ли когда-нибудь проходятъ; и если предложеніе такого рода проходитъ вопреки желанію правительства, то перевѣна министерства является почти необходимымъ слѣдствіемъ. Возрастающая и борющаяся власть всегда порождаетъ болѣе заботъ и трудностей править ею, нежели установленная власть, и палата общинъ причиняла безконечно болѣе хлопотъ министрамъ Карла II, чѣмъ всякимъ министрамъ воедишнихъ временъ; ибо при Карлѣ II палата порочила министровъ, въ которыхъ не была увѣрена. А какъ переводъ ея теперь вполне установленъ, то она намъ довлѣетъ министрамъ, или удаляетъ ихъ. Такое положеніе дѣлъ несомнѣнно гораздо лучше, чѣмъ то, которое желалъ ввести Темпль. Нынешній кабинетъ представляетъ собою гораздо лучшій исполнительный совѣтъ, чѣмъ Темплевъ. Худшая палата общинъ, засѣдавшая со времени Революціи, оказывалась гораздо услѣдшійшею удаю противъ дурнаго управ-

денія, чѣмъ былъ-бы его пятнадцать независимыхъ совѣтниковъ. Впрочемъ, принимая все въ соображеніе, наша шажетя; что планъ его былъ произведеніемъ наблюдательнаго, заманливаго и ловковаго ума.

При этомъ случаѣ, какъ и при всякомъ другомъ, гдѣ Темпль рельефно выдавался, онъ имѣлъ особенное счастье нравиться какъ публикѣ, такъ и государю. Велика была всеобщая радость, когда стало-ся известнымъ, что прежній совѣтъ, составленный изъ самыхъ ненавистныхъ орудій власти, распущенъ, что шилые внутренніе комитеты, одлащавшіяся ненавистными, по сѣвѣннмъ еще воспоминаніямъ о Кабали, должны выйти изъ употребленія, и что король не приметъ никакой мѣры, пока она не будетъ обсуждена и одобрена собраніемъ, которое составлено заглавную изъ независимыхъ джентльменовъ и нобльменовъ и въ которомъ засѣдаютъ тайнѣ лица, какъ Россель; Кавендишъ, и самъ Темпль. Горожане и поселяне были въ упоеніи отъ радости. Звонили въ колокола; закигали потѣшныя огни; и восторженные возгласы англичанъ отзывались въ гонимыхъ, считавшихъ вліяніе, произведенное Темплемъ, вѣрнымъ предзнаменованіемъ блага для Европы. Много, дѣйствительно, говоритъ въ пользу проницательности Темпля обстоятельство, что каждая изъ великихъ мѣръ его правилось въ подобное время всякой партіи, которой онъ жегалъ съ какою нибудь цѣлью нравиться. Такъ было съ Тройственнымъ союзомъ, съ трактатомъ, положившимъ конецъ второй Голландской войнѣ, съ бракосочетаніемъ принца Оранскаго и, наконецъ, съ учрежденіемъ этого новаго совѣта.

Единственными ворчунами были тѣ популярныя сѣдн палати общинъ, которые не вошли въ составъ тридцати; и если взглянуть на мѣру эту правилель, они были ижеже людьми, являвшими достаточную причину ворчать. Они были тѣми ижеже людьми, которыхъ дѣятельность и вліяніе новый совѣтъ долженъ былъ разрушить.

Но блестящія надежды в громогласныя одобренія, какими встрѣчено было обларедованіе этого плана, весьма скоро прекратилась. Вѣроломное легкомысліе короля и честолюбіе коноводовъ партій произвели немедленную, великую и несправильную неудачу плана, который ничѣмъ не могъ быть доведенъ до успѣшнаго результата, какъ только твердостью, общественнымъ смысломъ и самоотверженіемъ со стороны вѣхъ участвовавшихъ въ немъ. Даже прежде чѣмъ проектъ былъ опубликованъ, синоники его имѣлъ уже основанія описаться его неудача. Значительное означало затрудненіе при составленіи списка совѣт-

низость. Въ особѣности были двѣ личности, кромѣ того-рыхъ король и Темнъ не могли согласиться, — двѣ личности, сильно сраженные пороками, общими английскимъ государственнымъ людямъ того времени, но-незамѣнимыя по своимъ талантамъ, доводу и влиянію. Это были графъ Шлафтоверъ и Джорджъ Сазилъ сынъ Галафанта.

У греческаго софиста любимымъ упражненіемъ было писать панегрику лицамъ, которыхъ безпривѣтвенность вошла въ пословицу. Онъ писалъ панегрику отъ имени Исократу панегрику Бувирису; а Исократъ самъ написалъ другой, дошедшій до насъ. Такого же рода, вѣроятно, честнѣе побуждая недавно некоторыхъ писателей восхвалять Шлафтоверъ. Но попытки напрасны. Обвиненія противъ него основаны на доказательствахъ, котораго нельзя лишать силой никакими аргументами, придуманными человеческимъ остроуміемъ, и никакими свидѣніями, хранящимися въ старыхъ сундукахъ и конторкахъ.

Это первый фактъ, что Шлафтоверъ, какъ-разъ передъ Реставраціею, объявилъ царевичамъ, что будь онъ проклятымъ и думюю, если допустить, чтобъ хоть одинъ волосъ съгнѣтъ съ головы ихъ, и что тотчасъ послѣ Реставраціи онъ былъ однимъ изъ судей, притворившихъ ихъ къ смерти. Известно, что онъ былъ главнымъ членомъ самой гнусной администраціи, когда-либо существовавшей, и что потому онъ былъ главнымъ членомъ самой гнусной оппозиціи, когда-либо существовавшей. Известно, что, обладая властью, онъ не побоялся нарушить главный основной принципъ конституціи, чтобы вознестись надъ закономъ, и что, лишившись власти, онъ не колебался преступить всѣхъ принципъ правосудія, чтобы ихъ погубить. Были въ то время некоторые честные люди, какъ Уиллаиъ Пэнкъ, которые долго дрожали въ нерешительности, что охотно согласились бы видѣть ее установленною даже злоупотребленіемъ прерогативы. Были многіе честные люди, которые такъ сильно отрицались самовольной власти, что по причинѣ союза между нацизмомъ и самовольною властью, они расположены были охотно отнестись къ ней въ нерешительности. Но оба эти класса мы смотримъ свысока, хотя оба считаемъ неправыми. Но Шлафтоверъ не принадлежалъ ни къ одному изъ нихъ. Онъ соединилъ въ себѣ все, что было худшаго въ обоихъ. Отъ бывшихъ въ заблужденіи друзей въротерности онъ заимствовалъ ихъ презрѣніе къ конституціи, а отъ заблуждавшихся друзей гражданской свободы — ихъ презрѣніе къ правамъ совѣсти. Мы никакъ не можемъ допустить,

чтобы поведеніе Шлѣтсвѣри, какъ члена Кабали, выкупалось поведеніемъ его, какъ коновода оппозиціи. Напротивъ, жизнь его была такова, что каждая часть ее, какъ бы искуснымъ устройствомъ, отражала позоръ на всю прочіи. Мы бы никогда не узнали, какимъ отпѣтымъ мерзавцемъ онъ былъ при мѣстѣ, еслибы не знали, какимъ отчаяннымъ возмутителемъ онъ былъ, оставившись мѣста. Чтобы судить о немъ правильно, мы должны помнить, что Шлѣтсвѣри, который, при должности, былъ главнымъ виновникомъ «Декларации объ индивидуаліи», былъ тотъ же Шлѣтсвѣри, который, оставившись должности, возбуждалъ и поддерживалъ дикую ненависть лондонской черни противъ того самаго класса, которому эта «Декларация объ индивидуаліи» должна была принести незаконное облегченіе.

Забавно видѣть оправданія, составленныя въ его пользу. Мы представимъ два образчика. Признано, что онъ принадлежалъ къ министерству, заключившему союзъ съ Франціей противъ Голландіи, и что союзъ этотъ былъ весьма пагубенъ. Чѣмъ же защищаютъ Шлѣтсвѣри? Даже тѣмъ, что онъ открылъ кабинетныя тайны своего влестелина курфюрстамъ саксонскому и бранденбургскому и пытался возбудить всю протестантскіи державы Германіи для защиты Штатовъ. Потомъ признано, что онъ сильно замѣшанъ былъ въ «Декларации объ индивидуаліи» и что поведеніе его при этомъ случаѣ было не только неконституціонное, но и совершенно несообразное съ путемъ, избраннымъ имъ позже относительно послѣдователю китольчской вѣры. Какая же здѣсь защита? Его оправдываютъ даже тѣмъ, что онъ думалъ только заманить тайныхъ наистовъ заявить о себѣ и сдѣлаться такимъ образомъ явномъ цѣлью публичной мести. Всякій разъ, какъ онъ обвиняется въ одной изъ этихъ, защищающіе его адвокаты признаются въ двухъ. Лучше бы имъ не трогать его. Для него нѣтъ выхода. Каждая лазейка, которою онъ можетъ вылезти изъ своего настоящаго положенія, выводитъ его въ еще болѣе глубокую и болѣе гнусную бездну позора. Тщетная попытка, говорить пословица, вымыть дѣбала зеіона; но бѣлить зеіона, покрывая его комьями слоена черной краски, еще болѣе необыкновенное предпріятіе. Что Шлѣтсвѣри, въ теченіе своей безчестной и мстительной оппозиціи двору, оказалъ странъ своей одну или двѣ весьма полезныя услуги, это мы допускаемъ. Онъ даже, мы думаемъ, имѣетъ полное право—если въ этомъ есть какая-нибудь слава—на то, чтобы имя его вѣчно было связано съ «*Habeas Corpus Actomъ*», такимъ точно образомъ, какъ имя Гвирриха VIII

связано съ реформаціею церкви, а имя Джонъ Вилькса съ самыми священными правами избирателей.

Еще при жизни Шафтсвѣри личность его была тщательно изображена двумя величайшими писателями въна: Ботлеромъ — съ характеристическимъ блескомъ остроумія; Драйденомъ — съ болѣе даже чѣмъ характеристическою энергіею и возвышенностью; обоими — со всѣмъ вдохновеніемъ ненависти. Яркая образность Ботлера меркнетъ при болѣе блестящемъ сіяніи великолѣпной сатирической музы Драйдена, величаво грядущей въ царственной мантии, заимствованной отъ болѣе августѣйшихъ сестеръ этой музы. Но характеристики эти все-таки заслуживаютъ сравненія. Читатель сразу замѣтитъ значительную разницу между Ботлеровымъ

«politician,
With more heads than a beast in vision» (11),

и Ахитофелемъ Драйдена. Ботлеръ налегаетъ на безнравственную переувѣчивость Шафтсвѣри, на его удивительное и почти инстинктивное искусство распознавать приближеніе перемѣны счастья и на ловкость, съ какою онъ выпутывался изъ сѣтей, оставляя сообщниковъ своихъ гибнуть въ нихъ.

«Our state-artificer foresaw
Which way the world began to draw.
For as old sinners have all points,
O'th' compass in their bones and joints,
Can by their pangs and aches find
All turns and changes of the wind,
And better than by Napier's bones
Feel in their own the age of moons:
So guilty sinners in a state
Can by their crimes prognosticate,
And in their consciences feel pain
Some days before a shower of rain
He, therefore, wisely cast about
All ways he could to ensure his throat.» (12)

(11) «Политикомъ съ большимъ числомъ головъ, чѣмъ звѣрь въ видѣнн.»

(12) «Нашъ артистъ государственнаго дѣла предвидѣлъ,
Въ какую сторону сѣтъ начиналъ тянуть.
Ибо, какъ старые грѣшники, — у которыхъ всѣ румбы
Компаса въ костяхъ и суставахъ, —
Могутъ посредствомъ мукъ и ломоты узнавать
Всѣ направленія и перемѣны вѣтра
И лучше, чѣмъ помощью Непирова изобрѣтенія,

Напротивъ, въ великомъ Драйденовомъ протестъ сильная страсть, неутолимая жажда, сивлостъ, доходящая до безумія, являются самыми рѣзкими чертами. Ахитофель есть одинъ изъ «великихъ умовъ, близкихъ къ безумію». Или —

«A daring pilot in extremity,
Pleased with the danger when the waves went high,
He sought the storms; but, for a calm upfit,
Would steer too nigh the sands to boast his wit.» (12) (a)

Время появленія двухъ поэмъ объясняетъ, мы полагаемъ, это различіе. Третья часть «Гудибраса» появилась въ 1678, когда Шлэфтсвѣри не совсѣмъ еще раскрылся. Онъ, правда, былъ

Ощущаютъ въ собственныхъ костяхъ лунныя фазы, —
Такъ и люди, виновные въ грѣхахъ противъ государства,
Могутъ своими преступленіями предѣлать
И въ совѣсти чувствовать мученіе
За нѣсколько дней передъ дождевымъ ливнемъ.
Онъ, поэтому, умно помышляетъ
(1) всевозможныхъ средствахъ, чтобы обезопасить свое
горло.»

(12) «Смѣлый лоцманъ въ крайности,
Любимій опасность вздымающихся волнъ,
Онъ искалъ бурь; но, не соответствуя штилю,
Правилъ бы слишкомъ близко песковъ, чтобы похвастать
своимъ искусствомъ.»

(a) Никогда, кажется, не было замѣчено, что двѣ изъ самыхъ рѣзкихъ строкъ въ изображеніи Ахитофеля заимствованы изъ самаго темнаго уголка. Въ «Исторіи турокъ» Нольса, напечатанной болѣе чѣмъ за 60 лѣтъ до появленія «Ассаломъ и Ахитофеля», находятся слѣдующіе стихи, подъ портретомъ султана Мустафы I-го:

Greatness on goodness loves to slide, not stand,
And leaves for Fortune's ice Vertue's firm land.»

Стихи Драйдена слѣдующіе:

«But wild Ambition loves to slide, not stand,
A Fortune's ice prefers to Vertue's land.»

Обстоятельство это тѣмъ болѣе замѣчательно, что у Драйдена нѣтъ, действительно, ни одного куплета, который бы хорошему критику показался болѣе Драйденовскимъ. Чѣмъ тотъ, въ которомъ вся мысль и почти все выраженіе украдены. Говоря объ этомъ предметѣ, мы не можемъ удержаться отъ замѣчанія, что м-ръ Кортниѣй несправедливо поступилъ относительно Драйдена, приписывая ему по оплошности нѣкоторые слабыя строки, находящіяся въ части поэмы, сочиненной Тэтомъ.

назначенномъ каждой партіи въ государствѣ, но наказы его были удачны. Слѣдуетъ ли приписать это случаю или чуткости, но онъ каждый разъ такъ принареживалъ свой побѣдъ, что, считая, повидному, переходило съ нѣмъ всегда отъ одной стороны къ другой. Степень его вѣроломства была извѣстна; но его дерзость и свирѣпость злобныхъ страстей тогда только явились обнаружилась, когда Пэиистскій заговоръ снабдилъ его чуднымъ орудіемъ, достаточно, повидному, сильнымъ для всѣхъ его намѣреній. Его послѣдующее поведеніе показывало, несомнѣнно, большую способность, но не того рода способность, которою онъ сперва такъ отличался: онъ былъ теперь упрямъ, горячъ, полонъ пылкой увѣренности въ своей мудрости и въ своемъ счастьи. Онъ, котораго слава, какъ политическаго тактика, основывалась дотошъ, главнымъ образомъ, на его искусныхъ отступленіяхъ, старался теперь лопать все мосты за собою. Планы его были воздушные замки; рѣчь его была хвастовствомъ. Онъ нисколько не думалъ объ утрь: онъ поступалъ съ дворомъ, какъ будто король былъ уже пѣвникомъ въ его рукахъ: онъ полагался на благосклонность толпы, какъ будто непостоянство этой благосклонности неизвѣстно было даже по словашъ. Привѣтны наступавшей реакціи распознавались людьми гораздо менѣе провидательными, чѣмъ онъ, и отстранили отъ него людей большей послѣдовательности, чѣмъ та, на которую онъ когда-либо могъ имѣть притязаніе. Но они для него не существовали. Совѣты Ахитофея, ть совѣты, которые почитались какъ прорицанія божественнаго оракула, обращались нмъ въ глупость. Онъ, нѣд ния вошло въ поговорку за вѣрность, съ какою онъ предвидѣлъ опасность, и за гибкость, съ какою избѣгалъ ея, будучи теперь окруженъ со всѣхъ сторонъ сѣтими и смертью, пораженъ былъ, повидному, слѣпотою столь же удивительною, какъ и прежняя его прозорливость, и, не обращая ни въправо, ни вълѣво, съ отчаяніемъ отважностью шло прямо на встрѣчу своему жребію. Итакъ, заблаговременно приобрѣтъ и долго сокращая славу непогрѣшительной мудрости и независимаго успѣха, онъ дождалъ до того, что увидѣлъ полное разрушеніе, произведенное его необузданными страстями; увидѣлъ великую партію, которой предводительствовалъ, побуждаемую, разсѣянную и поранную; увидѣлъ всю свою адскую армію лидерію живыхъ свидѣтелей, пристрастныхъ шерифовъ, помѣшанныхъ прѣсужныхъ, несправедливыхъ судей, кровожадной черни — готовою обратиться противъ него же и самыхъ прѣданныхъ его приверженцевъ; бѣжалъ изъ того гордаго Сити, благосклонность котораго возвысила его почти до званія цера.

дворца; укрывался въ несопрятныхъ убѣжищахъ; приривчалъ съ-
дую голову свою позорными личинами и умеръ въ безнадеж-
номъ изгнаніи, защищенный великодушнымъ государствомъ,
жестоко нѣтъ обиженнымъ и оскорбленнымъ, отъ мести власто-
любива, милость котораго онъ приобрѣлъ однимъ рядомъ престу-
пленій, а утратилъ другимъ.

Галифаксъ, вмѣстѣ съ Шафтсбѣри и со всѣми почти по-
литическими дѣятелями того времени, имѣлъ весьма шаткую
правдивость, когда дѣло касалось народа; но въ Галифаксѣ
господствовавшая зараза подвергалась видоизмѣненію вслѣдствіе
совѣтъ особеннаго склада какъ сердца, такъ и головы, вслѣд-
ствіе натуры, совершенно лишенной жолчи, и вслѣдствіе тон-
каго и свѣтческаго ума. Онъ мѣнялъ путь свой такъ же часто,
какъ и Шафтсбѣри, но не мѣнилъ его въ той же мѣрѣ и въ
той же направленіи. Шафтсбѣри былъ совершенною проти-
воположностью триммера. Онъ обыкновенно расположенъ былъ
напрягать всѣ силы, чтобы возвысить сторону, бывшую сверху,
и понизить сторону, бывшую внизу. Онъ переходилъ отъ одной
крайности къ другой. Держась какой-либо партіи, онъ былъ
весь за нее; оставляя ее, онъ былъ весь противъ нея. Гали-
факсъ былъ преимущественно триммеръ, триммеръ какъ по уму,
такъ и по всей натурѣ. Названіе это утверждено за нимъ его
современниками; и онъ до такой степени мало стыдился этого
названія, что принималъ его какъ почетное. Онъ переходилъ отъ
факціи къ факціи. Но, вмѣсто того, чтобы усваивать себѣ какъ
возжигать страсти тѣхъ, къ которымъ присоединялся, онъ пы-
тался нѣсколько распространить между ними духъ тѣхъ, кото-
рыхъ онъ только-что оставилъ. Когда онъ дѣйствовалъ заодно
съ оппозиціею, въ немъ заподозривали придворнаго шпіона;
когда же присоединялся къ двору, всѣ торіи пугались его рес-
публиканскихъ доктринъ.

Онъ не имѣлъ недостатка ни въ доводахъ, ни въ краснорѣ-
чій, чтобы выказать въ лучшемъ свѣтѣ то, что обыкновенно
считалось его шаткою политикою. Онъ колебался, говорилъ
онъ, какъ умѣренный полкъ колеблется между нестерпимымъ
жаромъ и нестерпимымъ холодомъ, какъ хорошее правленіе ко-
леблется между деспотизмомъ и анархіею, какъ истинная цер-
ковь колеблется между заблужденіями паниста и заблужденіемъ
анабаптиста. Защита эта не была лишена значенія: хотя сущо-
ствуютъ обильныя доказательства того, что честность его не
нигла силы сопротивляться искушеніямъ, которыми подверга-
лась иногда его корыстолюбіе и тщеславіе однако отвращеніе
его къ крайностямъ и нравъ его, отъ природы, повидимому,

неизлечимый и сострадательный, охраняли его отъ всякаго участія въ худшихъ преступленіяхъ его времени. Если оба партіи обвиняли его въ томъ, что онъ оставалъ ихъ, за то оба принуждены были согласиться, что онъ многими былъ обязанъ его человеколюбію и что, хотя онъ былъ ненадежнымъ другомъ, зато былъ легко-примиримымъ врагомъ. Онъ вотиrowалъ въ пользу лорда Стаффорда — жертвой виговъ; онъ старался всеми силами спасти лорда Росселя — жертву торіевъ: и ни, принявъ все въ соображеніе, расположилъ думать, что публичная жизнь его, хотя далеко, правда, не безосшибочна, носить на себѣ столь же мало большихъ пятенъ, какъ и жизнь любого политика, принимавшаго дѣятельное участіе въ дѣлахъ, въ продолженіе смутнаго и бѣдственнаго періода десяти лѣтъ, протекшихъ между паденіемъ лорда Дамви и Революціею.

Умъ его гораздо менѣе направленъ былъ на частныя наблюденія и гораздо болѣе на общія умозрѣнія, чѣмъ умъ Шлетсвѣри. Шлетсвѣри зналъ короля, советъ, парламентъ и Сити лучше, чѣмъ Галифаксъ; но Галифаксъ написалъ бы гораздо лучшій трактатъ о политической наукѣ, чѣмъ Шлетсвѣри. Шлетсвѣри блисталъ болѣе въ совѣщаніяхъ, а Галифаксъ въ полемикѣ: Шлетсвѣри болѣе былъ плодовитъ на уловки, а Галифаксъ на доводы. Никакое произведеніе пера Шлетсвѣри не выдержитъ сравненія съ политическими трактатами Галифакса. Дѣйствительно, въ прозаическихъ сочиненіяхъ того времени находится весьма немного, что было бы столь достойнымъ чтенія, какъ *«the Character of a Trimmer»* и *«the Anatomy of an Equivalent»*. Въ этихъ произведеніяхъ нѣтъ особенно поразжающаго страста автора къ обобщенію. Онъ трактовалъ о самыхъ раздражительныхъ предметахъ въ самыя бурныя времена; онъ не поставленъ былъ въ самой срединѣ междоусобной стычки; а между тѣмъ въ этихъ сочиненіяхъ нѣтъ никакой язвительности, ничего возмутительнаго, личнаго. Онъ сохраняетъ видъ холоднаго превосходства, нѣкоторое философское спокойствіе, которое нисколько удивительно. О каждомъ вопросѣ онъ трактуетъ, какъ о вопросѣ eternalномъ: начинается самыя отдаленными положеніями, доказываетъ эти положенія общими началами и часто, окончивъ выводъ своей теоремы, предоставляетъ читателю дѣлать приложеніе, не прибавляя ни одного намѣка на отдѣльныя лица или текущія событія. Это теоретическое направленіе ума дѣлало его плохимъ совѣтникомъ въ случаяхъ, требовавшихъ посильности. Онъ приводилъ съ удивительною легкостью и плодовитостью доводы, отвѣты на эти доводы, возраженія на эти отвѣты, общія положенія поли-

твенъ и последствіе излученъ изъ исторіи. Но Шлофгеръ былъ человѣкъ быстрой рѣшимости. О парламентскомъ красноречіи этихъ знаменитыхъ современниковъ мы можемъ судить только по преданію, и, судя такимъ образомъ, мы расположены думать, что, хотя Шлофгеръ былъ отличнымъ ораторомъ, превосходящаго принадлежавшаго Галлифакса. Действительно, находчивость Галлифакса въ провѣн, обширность его знанія, остроуміе его сужденія, илюстраціи его выраженія и звонкая частота въ предметъ его голоса производили, повидному, сильнѣйшее впечатлѣніе на его современниковъ. Драйденомъ онъ описанъ какъ че-

«of piercing wit and pregnant thought,
 Endued by nature and by learning taught
 To move assemblies». (14)

Его вліяніе потеряно для насъ безвозвратно, подобно вліянію Соммерса, Боллингброка, Чарльса Тауризганда и многихъ другихъ, привыкшихъ подниматься среди безднанныго океана снованій и садиться среди взрывовъ одобрятельнаго рукоплесканія. Но старежины, вожжиавшіеся красноречіемъ Цезаря въ полномъ блескѣ его ризантіи и красноречіемъ Пятъ въ блестящемъ его расцвѣтѣ, не-таки барютали, что они не слышали ничего подобнаго великимъ рѣчамъ, когда Галлифакса во пѣвду «была объ исключеніи». Вліяніе Шлофгера на обширныхъ собраніяхъ было безвизирно. Галлифаксъ, по всему своему характеру, нравственному и умственному, не годился для роли демагога. Превосходство его чувствительности въ малыхъ кружкахъ и болѣе всего въ палатѣ лордовъ.

Шлофгеръ весьма мало, повидному, заботился о теоріяхъ правленія. Галлифаксъ былъ, въ теоріи, ослыннымъ республиканцемъ и не скрывалъ этого. Наслѣдственную монархію и аристократію онъ часто дѣлалъ предметомъ своей явной насмѣлки, развѣ въ то же время за дворъ и повышался ступень за ступенью въ персикѣ. Этими путемъ онъ старался удовлетворить яраза и умственному своему тщеславію и своему болѣе общеповенному честолюбію. Онъ привлекалъ къ себѣ ирривію толпы и въ возмездіе за это говорилъ согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. У него былъ большой талантъ къ разго-

(14) «провинциально острого ума и глубокой мысли,
 Одаренный природою и образованный наукою
 На то, чтобы двигать собраніями».

вору; чувство смѣшнаго было у него необыкновенно тонко, и съ рѣдкимъ, повидимому, искусствомъ умѣлъ онъ удержать за собою славу хорошаго воспитаннаго и добродушнаго человѣка, предаваясь, между тѣмъ, по обыкновенію, сильной наклонности къ насмѣшкѣ.

Темпль желалъ включить Галифакса въ новый совѣтъ и исключить изъ него Шафтсвѣри. Король сильно не желалъ Галифакса, къ которому почувствовалъ большое отвращеніе, необъяснимое и не долго продолжавшееся. Темпль отвѣчалъ, что Галифаксъ отличный человѣкъ, какъ по своему положенію, такъ и по своимъ способностямъ, и что, будучи исключенъ, онъ сдѣлаетъ противъ новаго учрежденія все, что только можетъ быть сдѣлано краснорѣчіемъ, сарказмомъ и интригою. Всѣ, съ кѣмъ по этому дѣлу совѣтовались, были того же мнѣнія; и король уступилъ, но не прежде, какъ Темпль бросился почти на колѣни. Какъ скоро статья эта была улажена, король тотчасъ объявилъ, что онъ хотѣлъ бы сохранить тоже и Шафтсвѣри. Темпль снова прибѣгнулъ къ мольбамъ и представленіямъ. Карлъ сказалъ ему, что вражда Шафтсвѣри была бы столько же, по крайней мѣрѣ, страшна, какъ и вражда Галифакса, — и это было справедливо; но Темпль могъ бы дѣлать, что, надвѣя властью Галифакса, они приобретали друга, а надвѣя властью Шафтсвѣри, они только усиливали врага. Напрасны были разсужденія и протесты. Король только смѣялся, да шутилъ надъ гнѣвомъ Темпля; а Шафтсвѣри не только допущенъ былъ къ присягѣ, какъ членъ совѣта, но и назначенъ лордомъ-президентомъ.

Темпль такъ сильно оскорбленъ былъ этимъ поступкомъ, что разъ даже рѣшился было умыть руки отъ новой администраціи и серьезно помышлялъ о томъ, чтобы сдѣлаться неправоспособнымъ къ засѣданію въ совѣтъ, устранившись отъ принятія таинства. Но настоятельныя просьбы леди Темпля и леди Джин-Фардъ склонили его отказаться отъ этого намѣренія.

Совѣтъ организованъ былъ 21 апрѣля 1679, и, въ нѣсколько часовъ, нарушенъ былъ одинъ изъ основныхъ принциповъ, на которыхъ онъ былъ созданъ. Образовался секретный комитетъ или, говоря по нынѣшнему, кабинетъ изъ 9-ти членовъ. Но какъ въ комитетъ этотъ включены были Шафтсвѣри и Моммутъ, то онъ и содержалъ въ себѣ элементы, настолько имѣвшіе характеръ факціи, насколько нужно было, чтобы задержать ходъ всякаго дѣла. Вслѣдствіе этого, вскорѣ возникъ малый внутрешній кабинетъ, состоявшій изъ Эссекса, Сондерланда, Галифакса и Темпля. Между этими 4-мя лицами существо-

вало, и некоторое время, совершенное согласіе и довѣріе. Но собранія 30-ти членовъ были безпокойны. Шлѣтсвѣри и Галлифаксъ, предводители противоположныхъ партій, разививались острыми фразами. Въ совѣтъ Галлифаксъ обыкновенно имѣлъ преимущество. Но вскорѣ обнаружилось, что Шлѣтсвѣри все еще имѣлъ за собою большинство палаты общинъ. Неудовольствія затихшія на время вслѣдствіе перемѣны министерства, снова возникли вдвое сильнѣе прежняго; и единственнымъ слѣдствіемъ, какое, повидимому, произвели послѣднія мѣры, было то, что лордъ-президентъ, со всѣмъ достоинствомъ и властью, принадлежавшими его высокому мѣсту, стоялъ во главѣ оппозиціи. Обвиненіе лорда Даливи продолжалось усердно. Общины рѣшили исключить изъ престолонаслѣдія герцога Юркскаго. Всякія предложенія къ сдѣлкѣ были отринуты. Не слѣдуетъ забывать, впрочемъ, что среди замѣшательства, однакъ безцѣнный законъ, — единственное благодѣяніе, какое Англія извлекла изъ смуты того періода, но благодѣяніе легко-способное уравновѣситъ большое количество зла, — *Nabeas Cognus Acti*, прошелъ черезъ палаты и былъ утвержденъ королемъ.

Король, находя парламентъ столь же докучливымъ, какъ и въ прежнія времена, рѣшился его отсрочить — и сдѣлалъ это, не заявивъ даже о своемъ намѣреніи совѣту, представленіямъ котораго онъ обязался, только мѣсяць тому назадъ, руководствоваться въ управленіи. Совѣтники были вообще недовольны, и Шлѣтсвѣри клялся съ большимъ жаромъ, что, еслибъ онъ могъ открыть тайныхъ въ этомъ дѣлѣ руководителей, они заплатились бы своими головами.

Парламентъ разошелся; Лондонъ опустѣлъ, и Темпъ удалился въ свою виллу, откуда, въ дни совѣта, онъ отправлялся въ Гамптонъ-Кортъ. Постъ секретаря снова сильнѣе и сильнѣе навязывали ему властелинъ его и трое товарищей по внутреннему кабинету. Галлифаксъ, въ особенности, смѣясь грозилъ съечь домъ въ Шинъ. Но Темпъ былъ непоколебимъ. Его короткій опытъ въ англійской политической жизни ему опротивѣлъ. Темпъ до такой степени чувствовалъ бремя тяготѣвшей уже на немъ ответственности, что не имѣлъ ни малѣйшаго желанія его увеличивать.

Когда время, назначенное для отсрочки, было почти на исходѣ, вставала необходимость подумать о томъ, какой путь слѣдовало избрать. Король и четверо довѣренныхъ его руководителей думали, что съ новымъ парламентомъ, вѣроятно, можно будетъ легче сладить и что, вѣроятно, онъ не будетъ неподатливѣе тогдашняго, а потому рѣшились на распушеніе парла-

мента. Но когда вопросъ предложенъ былъ въ совѣтъ, большинство, — завидовавшее, казалось, малому, управлявшему яружму и не желавшее принимать на себя непопулярность прайтельственныхъ мѣръ, будучи удалено отъ всякой власти, — присоединилось къ Шэфтсвѣри, а члены кабинета остались одни въ меньшинствѣ. Король, между тѣмъ, уже рѣшился, и далъ приказаніе тотчасъ распустить парламентъ. Совѣтъ Темпля былъ теперь не болѣе обыкновеннаго тайнаго совѣта, если не былъ еще нѣсколько менше; и хотя Темплъ сваливалъ вину въ этомъ на короля, на лорда Шэфтсвѣри, на всякаго, кромѣ себя самого, но ясно, что неудачу этого плана слѣдуетъ преимущественно приписать существеннымъ его недостаткамъ. Совѣтъ Темпля былъ слишкомъ многолюденъ для отправленія обязанности, требовавшей поспѣшности, тайны и единодушнаго содѣйствія. Поэтому, внутри совѣта образовался кабинетъ. Кабинетъ и большинство совѣта были въ разногласіи, — и, какъ слѣдовало ожидать, кабинетъ одержалъ верхъ. Четыре голоса осилили двадцать шесть. Этотъ случай обнаруживаетъ, что собранія тридцати не только были бесполезны, но положительно вредны.

При послѣдовавшихъ выборахъ Темплъ избранъ былъ отъ кембриджскаго университета. Единственное возраженіе, сдѣланное ему членами этого ученаго сословія, заключалось въ томъ, что онъ, въ небольшомъ сочиненіи своемъ о Голландіи, слишкомъ одобрялъ снисходительную политику штатовъ; и недостатокъ этотъ, какъ ни серьезенъ, былъ прощенъ ему изъ уваженія къ его высокой репутациіи и къ сильнымъ рекомендаціямъ, какими снабдилъ его дворъ.

Въ продолженіе лѣта онъ оставался въ Шинъ и забавлялся разведеніемъ дынь, предоставивъ тремъ прочимъ членамъ внутренняго кабинета все управленіе общественными дѣлами. По какой-то необъяснимой причинѣ они стали около этого времени чуждаться его. Они, повидимому, нисколько не были рѣсержены поведеніемъ Темпля и не пытали лично къ нему отвращенія. Но они, вѣроятно, измѣрили его способности и убѣдились, что онъ не годился для этого смутнаго времени и былъ бы для нихъ одною только помѣхою. Будучи сами провиниты честолюбіемъ, они презирали его любовь къ спокойствію. Привыкши къ большимъ ставкамъ въ азартной политической игрѣ, они презирали его грошовую игру. Они взирали на его осторожныя мѣры съ такимъ презрѣніемъ, съ какимъ игроки за общимъ столомъ, въ повѣсти сэра Вальтера Скотта, смотрѣли на привычку Nigel'a никогда не трогать карты иначе.

какъ когда онъ увѣренъ былъ въ выигрышѣ. Темплъ вскорѣ нашелъ, что онъ не былъ посвященъ въ ихъ тайны. Около этого времени король опасно заболѣлъ. Герцогъ Йоркскій, по полученіи извѣстія, возвратился изъ Голландіи. Внезапное появленіе ненавидимаго папистскаго наслѣдника возбудило во всей странѣ безпокойство. Темплъ былъ весьма изумленъ и встревоженъ. Онъ поспѣшилъ въ Лондонъ и навѣстилъ Эссекса, который притворился удивленнымъ и огорченнымъ, но не могъ скрыть насмѣшливой улыбки. Темплъ видѣлся потомъ съ Галлифаксомъ, который много съ нимъ разговаривалъ о пріятностяхъ деревенской жизни, о заботахъ службы и о суетѣ всякихъ дѣлъ человѣческихъ, но тщательно избѣгалъ политики и, когда рѣчь коснулась возвращенія герцога, только вздыхалъ, качалъ головою, пожималъ плечами и возносилъ вверхъ глаза и руки. Въ короткое время Темплъ нашелъ, что его два друга смѣялись надъ нимъ и сами призвали герцога, для того, чтобы его высочество, въ случаѣ смерти короля, могъ быть на мѣстѣ для разрушенія плановъ Монмута.

Онъ вскорѣ убѣдился еще болѣе сильнымъ доказательствомъ, что хотя онъ собственно не оскорбилъ своего властелина и своихъ товарищей по кабинету, но пересталъ пользоваться ихъ довѣріемъ. Результатъ общихъ выборовъ былъ рѣшительно неблагопріятенъ для правительства; и Шотсвѣри съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда соберутся палаты. Король, руководимый совѣтомъ внутренняго кабинета, рѣшился на поступокъ величайшей важности. Онъ сказалъ совѣту, что намѣренъ отсрочить новый парламентъ на годъ, и требовалъ, чтобы совѣтъ не возражалъ, такъ какъ, по словамъ короля, предметъ былъ имъ вполне обдуманъ и рѣшеніе твердо принято. Всѣ непосвященные въ тайну были поражены какъ громомъ, и Темплъ въ такой же степени, какъ и любой изъ другихъ. Многие члены встали и просили выслушать ихъ доводъ противъ отсрочки. Но король заставилъ ихъ молчать и объявилъ, что рѣшеніе его было неизмѣнно. Темплъ, сильно оскорбленный способомъ, какимъ поступлено было съ нимъ самимъ и съ совѣтомъ, говорилъ съ большимъ жаромъ. Онъ не намѣренъ былъ, говорилъ онъ, ослушиваться короля, возражая противъ мѣры, насчетъ которой его величество не хотѣлъ слушать никакого аргумента; но онъ усерднѣе умолялъ бы его величество распустить настоящій совѣтъ, если онъ неспособенъ подавать совѣты, и избрать другой; ибо нелзпо было имѣть совѣтниковъ, которые не совѣтовали, а созывались только для того, чтобы быть вѣными свидѣтелями чужихъ дѣйствій. Король

слушалъ вѣжливо. Но членовъ кабинета попрекъ этотъ весьма озлобилъ, и съ того дня Темпль почти столько же отчужденъ былъ отъ нихъ, сколько и отъ Шатсвѣри.

Онъ желалъ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ. Но какъ-разъ въ это время лордъ Россель, лордъ Кавендишъ и нѣсколько другихъ совѣтниковъ популярной партіи отправились къ королю всѣ разомъ, высказали свое сильное неодобреніе его мѣръ и просили извиненія, что не могутъ болѣе присутствовать въ совѣтѣ. Темпль боялся, чтобы его не заподозрили, — если онъ тоже удалится, — въ томъ, что онъ дѣйствуетъ заодно съ этими отъявленными противниками двора и намѣренъ избрать путь враждебный правительству. Онъ, поэтому, продолжалъ ходить изрѣдка въ совѣтъ; но не принималъ болѣе никакого положительнаго участія въ управленіи общественными дѣлами.

Наконецъ, время долгой отсрочки близилось къ исходу. Въ октябрѣ 1680 собрались палаты, и великій вопросъ объ «Исключеніи» снова былъ поднятъ. Немногіе, кажется, парламентскіе споры въ нашей исторіи вызвали болѣе блестящихъ талантовъ; ни одни, навѣрное, не вызвали болѣе сильныхъ страстей. Вся нація была охвачена духомъ партіи. Джентльмены всякой провинціи, промышленники всякаго города, ученики всякой публичной школы раздѣлялись на эксклюзионистовъ и *abhogger*’овъ. Книжныя лавки завалены были брошюрами о священности наслѣдственнаго права, о всемогуществѣ парламента, объ опасностяхъ папистскаго правленія. Среди этого броженія Темпль въ первый разъ занялъ свое мѣсто въ палатѣ общинъ.

Случай былъ одинъ изъ важнѣйшихъ. Его таланты, его долго-временная опытность въ дѣлахъ, его незапятнанная репутація какъ публичнаго дѣятеля, высокіе посты, какіе онъ занималъ, отличали его, повидимому, какъ человека, отъ котораго многое могло зависѣть. Онъ остался вѣренъ себѣ. Онъ видѣлъ, что, поддерживая «Исключеніе», онъ дѣлалъ короля и вѣроятнаго наслѣдника своими врагами, и что, сопротивляясь «Исключенію», дѣлался предметомъ ненависти безсовѣстнаго и буйнаго Шатсвѣри. Онъ не оказалъ ни поддержки, ни сопротивленія. Онъ преспокойно удалился изъ палаты. Мало того, онъ старался, какъ самъ рассказываетъ намъ, никогда не разсуждать объ этомъ вопросѣ, въ какомъ бы то ни было обществѣ. Лоренсъ Глэйдъ, впоследствии графъ Рочестеръ, спрашивалъ его, почему онъ не присутствовалъ на своемъ мѣстѣ. Темпль отвѣчалъ, что онъ поступалъ согласно совѣту Соломона, не сопротивляться сильному и не браться останавливать теченіе

рѣки. Глйдъ возразилъ: «Вы мудрый и тихій человекъ.» И это, пожалуй, правда. Но, конечно, такіе мудрые и тихіе люди не имѣютъ вовсе призванія быть членами парламента въ одесныя времена.

Одной сессіи было вполне достаточно для Темпля. Когда парламентъ былъ распущенъ и другой созванъ въ Оксфордъ, Темплъ имѣлъ аудіенцію у короля и просилъ сказать ему, желаетъ ли его величество, чтобы онъ оставался въ парламентѣ. Карлъ, умѣвшій чрезвычайно быстро подмѣчать слабости всѣхъ приближавшихся къ нему, безъ сомнѣнія, зналъ Темпля насквозь и цѣнилъ парламентскую поддержку столь холоднаго и осторожнаго друга по ея настоящему достоинству. Онъ отвѣчалъ добродушно, но, кажется, нѣсколько презрительно: «Я подозреваю, что, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, ваше поступленіе въ палату не сдѣлаетъ много пользы. Я думаю, вы можете ее оставить». Серъ Вилліамъ, поэтому, уведомилъ своихъ избирателей, что онъ не обратится къ нимъ болѣе за голосами, и отправился въ Шинъ, рѣшившись никогда болѣе не вмѣшиваться въ общественныя дѣла. Онъ вскорѣ нашелъ, что король былъ имъ недоволенъ. Карлъ, дѣйствительно, увѣрялъ съ обычною своею мягкостью, что онъ не сердился, нисколько не сердился. Но чрезъ нѣсколько дней онъ вычеркнулъ имя Темпля изъ списка тайныхъ совѣтниковъ. Темплъ объявляетъ, что онъ самъ не въ состояніи постичь, почему это было сдѣлано. Но, конечно, едва ли для этого требовалось его продолжительныхъ и обширныхъ сношеній со свѣтомъ, чтобы понять, что бываютъ обстоятельства, когда люди считаютъ всѣхъ, которые не за нихъ, стоящими противъ нихъ; что бываютъ обстоятельства, когда нерадивый другъ, который нисколько не хочетъ ни безпокоить себя, ни сдѣлать малѣйшаго усилія, ни подвергнуться малѣйшей опасности, болѣе противенъ, чѣмъ врагъ. Карлъ надѣялся, что хорошая репутація Темпля породитъ довѣріе къ непопулярному и задогматическому правительству. Но его величество вскорѣ нашелъ, что эта хорошая репутація походила на предметы убранства, которые встрѣчаются въ гостинныхъ весьма аккуратныхъ старыя барыни и черезъ-чуръ чисты для употребленія. Эта чрезмѣрная опрятность была совсѣмъ не въ-порѣ. Ни одна партія не нуждалась въ человекѣ, который боялся принимать въ чемъ-либо участіе, подвергнуться порицанію или нажить враговъ. Были, вѣроятно, многіе хорошіе и умѣренные люди, которые съ радостью встрѣтили бы появленіе почтеннаго посредника. Но

Темпъ не былъ посредникомъ. Онъ былъ просто лицомъ нейтральнымъ.

Впрочемъ, онъ вырвался наконецъ изъ публичной жизни и очутился на свободѣ, чтобъ предаться любимымъ своимъ занятіямъ. Состояніе его было достаточно. Онъ имѣлъ около 1½ тысячъ въ годъ, притомъ мѣсто начальника архива въ Ирландіи, которое онъ занялъ послѣ отца своего и которое было тогда чистымъ пожизненнымъ доходомъ безъ дѣла и нисколько не требовало пребыванія на мѣстѣ. Онъ пользовался громкою славой какъ дипломатъ и какъ писатель. Онъ рѣшился жить безопасно, привольно, оставляя свѣтъ идти своимъ порядкомъ, и исполнилъ свое намѣреніе.

Настали болѣе мрачныя времена. Оксфордскій парламентъ былъ распущенъ. Торіи торжествовали. Страшная мечь направлена была противъ вождей оппозиціи. Темпъ узналъ въ своемъ уединеніи о несчастной судьбѣ многихъ прежнихъ своихъ товарищей по совѣту. Шэфтсвѣри убѣжалъ въ Голландію. Россъ умеръ на эшафотѣ. Эссексъ умножилъ страдальцевъ вравыхъ лѣтописей Тоуэра еще болѣе печальнымъ и ужаснымъ разказомъ. Монмутъ, въ предсмертныхъ мукахъ и мольбахъ, обвился около колѣвъ оскорбленнаго имъ суроваго ади, вкусилъ горечь хуже смертной, горечь видѣть униженіе свое напраснымъ. Тиранинъ попиралъ вольности и религію королевства. Духъ народный воспрянулъ отъ гнѣта. Нерасположеніе проникло даже до замковъ роялистовъ, до переходовъ Вестминстера, до оксфордскихъ школъ, до дворцовой гауптвахты, до самаго очага и спальни государя. Но смуты, волновавшія всю страну, не достигали до тихой оравжерей, гдѣ Темпъ, потратилъ въ пустякахъ многіе годы, не заглянувъ ни разу въ Лондонъ. Онъ изрѣдка являлся въ ричмондскомъ или виндзорскомъ кружкѣ. Но въ эти опасныя времена онъ говорилъ, повторялъ обыкновенно одно: что онъ останется хорошимъ подданнымъ, но съ политикою покончилъ.

Настала Революція: онъ оставался строго нейтральнымъ во время короткой борьбы и потомъ присталъ къ новому порядку вещей съ тѣмъ же вѣрнымъ вѣрноподданничествомъ, какое выказывалъ къ прежнимъ своимъ властелинамъ. Онъ являлся ко двору Вильгельма III въ Виндзорѣ, а Вильгельмъ обѣдалъ у него въ Шинѣ. Но, не смотря на самыя настойчивыя упрашиванія, Темпъ отказывался отъ принятія должности государственнаго секретаря. Отказъ, очевидно, происходилъ дѣшъ вслѣдствіе отвращенія его къ безпокойству и опасности, а не вслѣдствіе какой-либо щекотливости совѣсти или чести, какъ

желали бы увѣрить насъ нѣкоторые изъ его почитателей. Въдѣ согласился же онъ, чтобы сынъ его занялъ должность секретаря въ военномъ вѣдомствѣ при новомъ государѣ. Этотъ несчастный молодой человекъ, чрезъ недѣлю послѣ своего назначенія, лишилъ себя жизни отъ огорченія, находя, что совѣты его привели короля къ нѣкоторымъ неблаговиднымъ мѣрамъ относительно Ирландіи. Онъ, кажется, наследовалъ отъ отца чрезмѣрную чувствительность къ неудачѣ, не наследовавъ въ тоже время того особеннаго благоразумія, которое удерживало отца его вдали отъ всякаго положенія, гдѣ возможно было опасаться какой-нибудь серьезной неудачи. Ударъ палъ тѣшко на семейство. Въ глубокомъ уныніи оно удалилось въ Муръ-Паркъ, предпочитая его теперь Шину, вслѣдствіе ббльшаго равстоянія отъ Лондона. Въ этомъ мѣстѣ (*), весьма въ то время уединенномъ, Темпль провелъ остатокъ дней своихъ. Воздухъ приходился по немъ. Почва была плодородна и пригодна для праитическаго фермера и садовника. Цвѣтники расположены были съ тою правильностью угловъ, которою сэръ Вилліамъ любовался въ цвѣтникахъ Гарлема и Гага. Прелестный ручеекъ, стекая съ холмовъ Сорри, окружалъ помѣстье. Но тогдашніе любители живописнаго болѣе, вѣроятно, восхищались узкимъ, окаймленнымъ террасою каналомъ, который пересѣкалъ садъ. Домъ былъ небольшой, но чистъ и хорошо меблированъ, окрестности весьма скудно населены. Темпля не навѣщали никто, кромѣ немногихъ друзей, которымъ приходила охота проѣхать 20 или 30 миль, чтобы съ нимъ повидаться, да изрѣдка иностранца, котораго приводило въ Муръ-Паркъ любопытство взглянуть на виновника Тройственнаго союза.

Здѣсь, въ маѣ 1694, умерла леди Темпль. Со времени ея замужства мы мало объ ней знаемъ, развѣ только что письмами ея всегда восхищались и что она имѣла честь вести постоянную переписку съ королевою Марією. Леди Джеффардъ, бывшая всегда, насколько видно, въ отличныхъ отношеніяхъ со своею невѣсткою, все-еще проживала у сэра Вилліама:

Но въ Муръ-Паркъ были другіе сожителн, которые заслуживаютъ гораздо большаго вниманія. Эксцентрическій, неуклюжій, непріятный молодой ирландецъ, который едва-едва не прова-

(* М-ръ Кортней (vol ii. p. 160) смѣшиваетъ Moor Park въ Сорри, гдѣ проживалъ Темпль, съ Moor-Park'омъ въ Гертфордширѣ, который прославленъ въ «*Essay on Gardening*.»

лился на экзаменѣ въ Дублинѣ, жилъ у сэра Вилліама, въ должности секретаря, за столъ и 20 фунтовъ въ годъ, обѣдалъ за вторымъ столомъ, писалъ плохіе стихи въ похвалу своего покровителя и ухаживалъ за весьма хорошенькою, черноглазою молодою дѣвушкою, бывшею въ услуженіи у леди Джеффардъ. Темплю врядъ ли подозрѣвалъ, что грубая наружность его подчиненнаго скрывала гений равномѣрно годный для политическаго и для литературнаго поприща, гений, которому суждено было потрясать великими государствами, возбуждать смѣхъ и ярость цѣлыхъ милліоновъ и оставить по себѣ потомству память, которая можетъ сгнубить только съ англійскимъ языкомъ. Врядъ ли Темплю приходило въ голову, что любезничаніе въ его людской, едва, быть можетъ, удостоившееся его шутки, было началомъ долгой несчастной любви, которая должна была прославиться, въ такой же мѣрѣ, какъ и страсть Петрарки или Абельара. Секретарь сэра Вилліама былъ Джонатанъ Свифтъ. Горничною леди Джеффардъ была бѣдная Стелла.

Свифтъ не сохранилъ никакого пріятнаго воспоминанія о Муръ-Паркѣ. И мы легко можемъ понять, что такое положеніе, какъ его, должно было казаться невыносимо тяжкимъ чело­вѣку спѣсивому, раздражительному и увѣренному въ превосходствѣ своихъ способностей. Спустя долгое время, когда онъ, въ пазатѣ прошеній, бывалъ окруженъ перами, украшенными орденомъ Подвязки, или острилъ и риемовалъ съ министрами, распивая Monte-Pulciano государственнаго секретаря Скентъ-Джона, Свифтъ вспоминалъ съ глубокимъ и болезненнымъ чувствомъ, въ какомъ жалкомъ положеніи бывалъ онъ обыкновенно по цѣлымъ днямъ, когда ему казалось, что сэръ Вилліамъ дурно что-нибудь отъ него принялъ. Свифтъ съ трудомъ могъ взрѣть, чтобы онъ, Свифтъ, который журилъ лорда-казначей, шутилъ надъ начальникомъ арміи и выступалъ противъ гордости герцога Боккингамширскаго съ гордостью еще болѣе непреклонною, могъ быть тотъ самый чело­вѣкъ, который проводилъ цѣлыя ночи въ тоскливой безсонницѣ, задумываясь надъ косымъ взглядомъ или угрюмымъ словомъ своего покровителя. «Право,—писалъ онъ къ Стеллѣ съ горькою шутливостью,—сэръ Вилліамъ губилъ хорошаго джентльмена.» Однако, отдавая Темплю справедливость, мы должны сказать, что нѣтъ никакой причины думать, чтобы Свифтъ былъ болѣе несчастливъ въ Муръ-Паркѣ, чѣмъ, при такомъ же положеніи, онъ могъ бы быть подъ οποю крышею въ Англїи. Мы думаемъ тоже, что умъ Свифта былъ не малымъ обязанъ уму Темпли. Всякаго разсудительнаго читателя должны поражать

особенности, какими отличаются политическія брошюры Свифта отъ всѣхъ подобныхъ произведеній исключительно-литераторовъ. Пусть кто-нибудь, напримѣръ, сравнитъ «*Conduct of the Allies*» или «*the Letter to the October Club*», съ Джонсоновымъ «*False Alarm*», или съ «*Taxation по Tyranny*», и онъ пораженъ будетъ разницею, о которой мы говоримъ. Онъ можетъ, пожалуй, считать Джонсона выше Свифта. Онъ можетъ, пожалуй, предпочитать слогу Джонсона слогу Свифта. Но онъ сразу увидитъ, что Джонсонъ пишетъ, какъ человѣкъ, который никогда не выходилъ изъ своего кабинета. Свифтъ же пишетъ, какъ человѣкъ, который всю жизнь свою провелъ среди общественныхъ занятій, и которому самыя важныя государственныя дѣла были такъ же близко знакомы, какъ и его медвѣьиные счеты.

«Turn him to any cause of policy,
The Gordian knot of it he will unloose,
Familiar as his garter» (15).

Разница, однимъ словомъ, между политическою брошюрою Джонсона и политическою брошюрою Свифта такъ же велика, какъ и разница между описаніемъ сраженія м-ромъ Соути и описаніемъ того же сраженія полковникомъ Непиромъ. Невозможно сомнѣваться, что превосходство Свифта слѣдуетъ приписать въ значительной мѣрѣ его долгимъ и близкимъ отношеніямъ къ Темплю.

Дѣйствительно, какъ ни удалены были аллеи и цвѣточные горшки Муръ-Парка отъ центровъ дѣятельности и честолюбія, Свифтъ имѣлъ вполне удобный случай познакомиться съ сокровенными причинами многихъ великихъ событій. Вильгельмъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ Темплемъ и при случаѣ навѣщалъ его. Весьма мало извѣстно изъ того, что между ними происходило. Извѣстно, впрочемъ, что когда *Triennial Bill* (16) прошелъ обѣ палаты, его величество, крайне не желая утвердить его, послалъ Портланда узнать мнѣніе Темпля. Находилъ ли Темплъ, что билль самъ по себѣ былъ хорошъ, этого не видно, но онъ видѣлъ ясно, какъ неблагоприятно было бы

(15) «Употребите его на любое политическое дѣло: Онъ разрѣшитъ въ немъ Гордіевъ узелъ Столь же легко, какъ свою подвязку.»

(16) О трехлѣтнемъ срокѣ парламента. Объ этомъ подробно говорится въ 7-й части «*Истории Англіи*».

со стороны короля, въ такомъ положеніи, въ какомъ находился Вильгельмъ, вступать въ споръ со своимъ парламентомъ, и поручилъ Свифту составить по этому предмету записку, которая, впрочемъ, не убѣдила короля.

Главнымъ занятіемъ Темпля въ преклонныя дѣта была литература. Послѣ своего окончательнаго удаленія отъ дѣлъ онъ писалъ свои весьма занимательные мемуары, исправлялъ и переписывалъ многія изъ своихъ писемъ и издавалъ по разнымъ предметамъ многочисленныя трактаты, изъ которыхъ, по нашему мнѣнію, наилучшій — трактатъ о садоводствѣ. Слогъ его «опытовъ» вообще превосходенъ, почти всегда пріятенъ, а иногда величественъ и блестящъ. Содержаніе обыкновенно бываетъ гораздо низшаго достоинства, чему повѣрить не трудно будетъ нашимъ читателямъ, если мы прибавимъ, что м-ръ Кортней, — біографъ, то есть, литературный вассалъ, обязанный по незапамятному ленному праву вести своему господину почтёвіе, помощь, защиту и всѣ прочія обычныя повинности, — сознается, что не можетъ дать мнѣнія объ его *«Essay on Heroic Virtue»*, потому что не можетъ прочесть его безъ пропусковъ; обстоятельство это тѣмъ болѣе насъ поражаетъ, что мы знаемъ, какъ долго м-ръ Кортней былъ въ индійскомъ департаментѣ и сколько тысячъ параграфовъ плодovitаго officialнаго краснорѣчія Востока онъ долженъ былъ прочесть.

Одно изъ сочиненій сэра Вилліама заслуживаетъ, впрочемъ, вниманія, не по внутреннему, правда, достоинству, но по свѣту, какой оно бросаетъ на нѣкоторыя любопытныя слабости его характера, и по необыкновеннымъ дѣйствіямъ, какія оно произвело въ литературной республикѣ. Самая пустая и достойная презрѣнія полемика возникла во Франціи касательно сравнительнаго достоинства древнихъ и новѣйшихъ писателей. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы вопросъ въ то время обсуживался на тѣхъ широкихъ философскихъ началахъ критики, какія руководили сужденіями Лессинга и Гердера. Но можно было ожидать, что тѣ, которые принимались за рѣшеніе задачи, потрутся, по крайней мѣрѣ, прочесть и цѣнать авторовъ, о достоинствахъ которыхъ имъ приходилось произносить приговоръ. Но безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что между диспутантами, которые шумѣли, одни за древнихъ, другіе за новѣйшихъ, весьма немногіе были порядочно знакомы съ древнею или новѣйшею литературою, и врядъ ли былъ хоть одинъ хорошио знакомъ съ обѣими. Въ забавномъ предисловіи Расина къ *«Ифигеніи»* читатель можетъ найти весьма смѣшную, приведенную тамъ ошибку, въ какую

одинъ изъ поборниковъ новѣйшихъ писателей былъ вовлеченъ однимъ мѣстомъ въ «Альцестъ» Эврипида. Другой писатель до того непостижимо невѣжественъ, что бранитъ Гомера за смѣшеніе четырехъ греческихъ діалектовъ, дорического, іоническаго, эолическаго и аттического: это то же, говорить онъ, какъ еслибъ французскій поэтъ сталъ пестрить гасконскими и пикардскими фразами свой чистый парижскій слогъ. Съ другой стороны, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что защитники древнихъ писателей совершенно незнакомы были съ величайшими произведеніями позднѣйшихъ временъ; правда, и защитники новѣйшихъ не отличались большими свѣдѣніями. Параллели, составленныя въ теченіе этого спора, невыразимо смѣшны. Бальзакъ избранъ былъ соперникомъ Цицерона. О Корнелѣ говорилось, что онъ соединяетъ достоинства Эсхила, Софокла и Эврипида. Намъ желательно было бы видѣть Прометея на Корнелевскій ладъ. «Lettres provinciales» — безспорно образцовыя произведенія по логикѣ, остроумію и краснорѣчію — поставлены были выше всѣхъ произведеній Платона, Цицерона и Лукіана въ совокупности, особенно по искусству діалога, искусству, въ которомъ, какъ оказывается, Платонъ далеко превосшелъ всѣхъ, и въ которомъ, какъ извѣстно, Паскаль, великій и удивительный въ другихъ отношеніяхъ, является весьма слабымъ.

Эта дѣтская полемика проникла въ Англію, и какой-то злой демонъ внушилъ Темплю мысль взяться за защиту древнихъ. Относительно способностей его для этой задачи достаточно сказать, что онъ не зналъ ни слова по-гречески. Но тщеславіе его, изрядно сдерживаемое осторожностью въ то время, когда онъ находился въ столкновеніяхъ дѣятельной жизни и окруженъ былъ соперниками, теперь, когда онъ долго прожилъ въ уединенія и привыкъ считать себя первѣйшимъ членомъ всеоо кружка, дѣлало его слѣпымъ къ собственнымъ недостаткамъ. Въ недобрый часъ издалъ онъ «*Опытъ о древней и новѣйшей учености*». Слогъ этого трактата очень хорошъ; содержаніе же смѣшно и ничтожно до послѣдней степени. Тамъ читаемъ мы, какъ Ликургъ путешествовалъ въ Индію и вынесъ оттуда спартанскіе законы; какъ Орфей дѣлалъ путешествія съ ученою цѣлью и достигъ той глубокой учености, которою прославился во всѣхъ позднѣйшихъ вѣкахъ; какъ Пифагоръ провелъ двадцать два года въ Египтѣ и, получивши тамъ ученую степень, прожилъ еще двѣнадцать лѣтъ въ Вавлонѣ, гдѣ маги допустили его ad eundem; какъ древніе браминны жили по 200 лѣтъ; какъ греческіе философы самыхъ ран-

нихъ время предсказывали землетрясенія и моровыя извы и волшебствомъ усмиряли бунты, и на сколько Нинъ превышалъ способностями любаго изъ своихъ преемниковъ на ассирійскомъ престолѣ. Новѣйшіе писатели, признается сэръ Вилліамъ, открыли кровообращеніе; но, съ другой стороны, у нихъ совершенно затерялось искусство заклинанія; да и не можетъ ни одинъ новѣйшій скрипачъ околдовать игрою своею рыбу, птицу и змѣю. Онъ рассказываетъ намъ, что «Θалесъ, Пифагоръ, Демокритъ, Гиппократъ, Платонъ, Аристотель и Эпикуръ сдѣлали большіе успѣхи въ разныхъ областяхъ науки, нежели кто-либо изъ ихъ преемниковъ»,—что совершенно такъ же нелѣпо, какъ еслибъ онъ сказалъ, что величайшія имена въ Британской наукѣ: Мерквинъ, Майкель, Скоттъ, д-ръ Сиденгамъ (17) и лордъ Бэконъ. Дѣйствительно, способъ, какимъ Темпль смѣшиваетъ историческое съ баснословнымъ, напоминаетъ намъ тѣ классическіе лексиконы, назначенные для употребленія въ школахъ, гдѣ Нарцисъ, влюбленный въ самого себя, и Нарцисъ, вольноотпущенный Клавдія, Поллуксъ, сынъ Юпитера и Леды, и Поллуксъ, авторъ «*Ономастикона*», помѣщены подъ тѣми же заглавіями и рассматриваются, какъ личности равномѣрно дѣйствительныя. Дѣйствіе этого размѣщенія походить на дѣйствіе, какое произвелъ бы лексиконъ новѣйшихъ именъ, составленный изъ такихъ статей, какъ слѣдующая: «Джонсъ, Вилліамъ — превосходный ориенталистъ и одинъ изъ судей верховнаго судилища въ Бенгаліи; Дэви, — бѣсъ, который губить корабли; Томасъ — найденышъ, воспитанный м-ромъ Ольворти.» Изъ такихъ-то, кажется, источниковъ Темпль почерпалъ все, что онъ зналъ о древнихъ. Онъ помѣщаетъ сказку объ Орфѣе между олимпійскими играми и сраженіемъ при Арбеллахъ, какъ будто у насъ точно тѣ же причины вѣрить, что Орфей лирою своею укрощалъ дикихъ звѣрей, какія мы имѣемъ, чтобъ повѣрить, что въ Пизѣ были ристалища или что Александръ побѣдилъ Дарія.

Онъ поступаетъ немногимъ лучше, когда принимается за новѣйшихъ. Онъ даетъ намъ каталогъ тѣхъ, кого считаетъ величайшими писателями позднѣйшихъ временъ. Достаточно ска-

(17) Амброзе Мерквинъ—немецкое лицо британской исторіи, которому приписываютъ нѣкоторые литературныя произведенія; Миснаелъ Скоттъ—шотландскій негодіантъ, авторъ очень извѣстныхъ въ Англіи очерковъ «Tom Cringle's Log». Д-ръ Томасъ Сиденгамъ—медики и писателя XVII вѣка, пользовавшійся извѣстностью у своихъ современниковъ.

зять, что въ своемъ списокѣ итальянцевъ онъ не помѣстилъ Данте, Петрарку, Аріоста и Тассо; въ своемъ списокѣ испанцевъ—Лопе и Кальдрона; въ своемъ списокѣ французовъ—Паскаля, Боссюэта, Мо'льера, Корнелия, Расина и Буало; а въ своемъ списокѣ англичанъ—Чоусера, Спенсера, Шекспира и Мильтона.

Среди всей этой огромной массы нецѣпостей одинъ параграфъ выдается преимущественно. Ученіе Темпля, — не очень утѣшительное ученіе, — состоитъ въ томъ, что родъ человѣчскій постоянно вырождается, и что всякаго рода древнѣйшія книги суть наилучшія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ заявляетъ, что басни Эзопа суть лучшія басни, а письма Фалариса—лучшія въ мірѣ письма. О достоинствѣ писемъ Фалариса онъ распространяется съ большимъ жаромъ и въ чрезвычайнѣе удачныхъ выраженіяхъ; дѣйствительно, едва ли мы могли бы выбрать лучшій образецъ граціозной и свободной величавости, до какой возвышается иногда слогъ Темпля въ этомъ несчастномъ мѣстѣ. Ему извѣстно, говоритъ онъ, что нѣкоторые ученые или считающіеся учеными, какъ напримѣръ Полиціанъ, оспаривали неподдѣльность этихъ писемъ; но о такихъ сомнѣніяхъ онъ отзывался съ величайшимъ презрѣніемъ. Однако, совершенно извѣстно: во-первыхъ, что письма весьма плохи; во-вторыхъ, что они подложны, и въ-третьихъ, что, плохи ли они или хороши, подложны ли или нѣтъ, — Темплъ не могъ ничего знать объ ихъ содержаніи, такъ какъ онъ не болѣе въ состояніи былъ объяснить въ нихъ хоть одну строку; чѣмъ разобрать іероглифъ египетскаго обелиска.

«Опытъ», какъ онъ ни глупъ, былъ чрезвычайно хорошо принятъ, какъ въ Англіи, такъ и на континентѣ. И причина этому ясна. Знакомые съ классиками ученые, видѣвшіе его нецѣпость, находились вообще на сторонѣ древнихъ и скорѣе расположены были прикрывать, чѣмъ обнаруживать промахи союзника; поборники новѣйшихъ писателей были вообще такъ же невѣжественны, какъ и самъ Темплъ; а масса была въ восхищеніи отъ его плавиаго и мелодическаго слога. Впрочемъ, ему суждено было поплатиться,—какъ онъ и стоилъ этого,— за свое тщеславіе и безуміе.

Коллегія Христовой церкви въ Оксфордѣ справедливо славилась тогда всюду, какъ мѣсто, гдѣ съ успѣхомъ занимались наиболѣе легкими отраслями классической учености. Съ серьезною стороною филологіи ни наставники, ни воспитанники не были ни мало знакомы. Они считали себя Скалигерани, какъ насмѣшливо говорилъ Бентли, если могли написать нѣсколько

латинскихъ стиховъ съ двумя лишь или тремя небольшими ошибками. Изъ этой коллегіи вышло новое изданіе писемъ Фалариса, которыя были рѣдки, и на которыя со времени появленія «*Опыта*» Темпля оказался спросъ. Номинальнымъ издателемъ былъ Чарльзъ Бойль, молодой человекъ благородной фамилии и подававшій большія надежды; но некоторые старшіе члены коллегіи содѣйствовали ему. Когда сочиненіе это готовилось къ выходу, пустая ссора, случившаяся, должно быть, вслѣдствіе оплошности и ложныхъ толковъ книгопродавца, возникла между Бойлемъ и королевскимъ бібліотекаремъ Ричардомъ Бентли. Бойль, въ предисловіи къ своему изданію, помѣстилъ колкую критику на Бентли. Бентли отиистилъ за это, доказывая, что письма Фалариса были поддѣльны, и въ замѣчаніяхъ своихъ по этому предмету отзывался о Темплѣ безъ неприличія, но и не съ большимъ уваженіемъ.

Темплъ,—совершенно не привыкшій къ иному обращенію, кромѣ самаго почтительнаго, всегда удалявшійся, даже во время политической своей жизни, отъ всякаго грубаго столкновенія и обыкновенно умѣвшій удачно избѣгать его, сдѣлавшись, притомъ, вслѣдствіе продолжительнаго уединенія и лести, болѣе щекотливымъ, пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе, жаловался, весьма несправедливо, на злоязычную насмѣшку Бентли и объявлялъ, что онъ началъ было отвѣтъ, но отложилъ его въ сторону, «не имѣя никакого желанія состязаться съ такимъ низкимъ, тупоумнымъ и невоспитаннымъ педантомъ». Что бы ни думали о настроеніи духа, какое при этомъ случаѣ выказалъ Темплъ, мы не можемъ достаточно похвалить его благоразумія въ томъ, что онъ не кончилъ и не печаталъ своего отвѣта, который былъ бы, конечно, весьма необыкновеннымъ произведеніемъ.

Онъ, впрочемъ, не остался безъ защитниковъ. Подобно Гектору, сраженному Аяксомъ, онъ мгновенно покрытъ былъ густою кучею щитовъ.

*Οὐτις ἔδυνήσατο πομένα λαῶν
Οὐτάδας, οὐδὲ βαλεῖν πρὶν γὰρ περιβήσαν ἄρστος,
Πουλυδάμας τε, καὶ Λίνειας, καὶ δῖος Λυγῆωρ,
Σαρπηδῶν τ' ἄρχος Λυχίων, καὶ Γλαῦκος ἀμύμων (18).*

(18) Но не могъ ни единый владыкъ народовъ
Язвы нанести, ни ударить; не медля его окружили
Вов храбрѣйшіе: Полидомасъ и Эней и Агѣноръ,
Лвій царь Сарведонъ, и воинственный Глаукъ непорочный.
• *Иліада* пер. Гнѣдича XIV, 423—426.

Коллегія вооружилась; хотя она была, кажется, въ то время почти совершенно лишена строгой и точной учености, однако ни одно академическое общество не могло представить большаго собранія ораторовъ, остроумныхъ людей, политиковъ, шутливыхъ удалцовъ, соединявшихъ въ себѣ поверхностныя познанія ученаго съ манерами и приемами свѣтскаго человѣка; это грозное сословіе рѣшилось попробовать, до какой степени колкія возраженія, ловкія фразы, увѣренность, надувательство и пронырство могли заступитъ мѣсто нѣкотораго познанія въ греческомъ языкѣ, по вопросу: было ли греческое произведеніе поддѣльно или нѣтъ.

Явился отвѣтъ Бентли, съ подписью Бойлз, но на самомъ дѣлѣ написанный Аттербѣри при помощи Смалъриджа и другихъ. Книга эта весьма замѣчательна и часто напоминаетъ намъ слова Гольдсмита, что французы были бы лучшими поварами въ свѣтѣ, еслибъ у нихъ были нѣкоторые мясные припасы, потому что они умѣютъ сдѣлать десять блюдъ изъ крапивной головки. Книга, дѣйствительно, заслуживаетъ похвалы — каково бы ни было, впрочемъ, значеніе этой похвалы — въ томъ смыслѣ, что это есть лучшая изъ книгъ, когда-либо написанныхъ въ защиту неправаго дѣла человѣкомъ, неимѣвшимъ о самомъ дѣлѣ ни малѣйшаго понятія. Ученость этой конфедераціи есть ученость школьника, да еще и не отличнаго школьника; но она употреблена въ дѣло съ искусствомъ и ловкостью самыхъ способныхъ, хитрыхъ и опытныхъ людей; она расплющена въ самый тончайшій листъ и расположена такимъ образомъ, чтобы казаться въ десять разъ больше, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. Исполнѣ удивительна та изворотливость, съ какою союзники избѣгаютъ задѣвать за стороны предмета, съ которыми они, какъ сами знаютъ, не въ силахъ сладить. Изрѣдка, правда, они дѣлаютъ постыдные промахи, за что старикъ Босви, у котораго они учились, порядкомъ выдралъ бы ихъ. Но обстоятельство это лишь возвышаетъ въ нашемъ мнѣніи таланты, вступившіе въ такую борьбу съ такими скудными средствами. Пусть читатели, незнакомые съ полемикою, вообразятъ себѣ, что французъ, знающій англійскій языкъ какъ разъ на столько, чтобы читать съ лексикономъ газету «*Spectator*», выступаетъ для защиты дѣйствительнаго существованія ирландскаго Вортисгерпа противъ Малона (19); — и они будутъ имѣть нѣкото-

(19) WORTISGERP—ирландскій король.—EDMUND MALONE—ирландскій писатель конца XVІІІ

рое помятіе о подвигѣ, какой Аттервѣрмъ имѣлъ дерзость предпринять и который въ некоторое время считался совершеннымъ имъ.

Призракъ вскорѣ былъ разсвѣтъ. Отвѣтъ Бентли рѣшилъ вопросъ навсегда и утвердилъ за нимъ право на первое мѣсто между классическими учеными. И несправедливо относительно его поступаютъ тѣ, которые представляютъ полемику эту какъ борьбу между умомъ и ученостью. Хотя на сторонѣ Бойля оказывается жалкій недостатокъ учености, но нѣтъ недостатка въ умѣ на сторонѣ Бентли. И другія качества, столь же важными, какъ умъ или ученость, явно видны въ книгѣ Бентли: рѣдкая прозорливость, неподражаемая способность соображенія, совершенное умѣнье владѣть всѣми орудіями логики. Онъ былъ много одоленъ страшному шуму, который поднять былъ противъ него ложными толкованіями, сарказмами и интригами его противниковъ, — шуму, въ которомъ принимали участіе модные и политическіе кружки и который повторялся, какъ эхо, цѣлыми тысячами людей, не знавшихъ о томъ, господствовалъ ли Фаларисъ въ Сициліи или Сіамъ. Нравъ Бентли, смѣлый даже до опрометчивости, самоувѣренный даже до небрежности и гордый даже до наглої свирѣпости, напуганъ былъ въ первый и въ послѣдній разъ, напуганъ, не до низости или трусости, но до осмотрительности и умѣренности. Въ этотъ разъ онъ не подвергался никакимъ опасностямъ; онъ не оставлялъ ни одной слабой стороны безъ защиты; онъ нисколько не игралъ въ парадоксы и, сверхъ всего, онъ не платилъ врагамъ своимъ обидою за обиду. Почти во всемъ, что онъ написалъ, мы можемъ открыть доказательства таланта и учености. Но только здѣсь, именно, его талантъ и ученость были, повидимому, постоянно подъ руководствомъ здраваго смысла и хорошаго настроенія. Здѣсь мы не находимъ нисколько того безумнаго упованія на свои силы и свое счастье, какое онъ обнаружилъ, когда предпринялъ издать Мильтона; ни слѣда той испорченной изобрѣтательности, которая безобразитъ столь многія изъ его примѣчаній къ Горацию; ни тѣни той презрительной безпечности, за которую онъ подвергается острому и ловкому нападенію Миддлтона; ни мало того сумасброднаго хвастовства и дикой грубости, которыми въ послѣдствіи онъ обезчестилъ свои ученые труды и свою профессію и унижился почти до уровня де-Повъ (20).

(20) *Jonahh Cornelius de Pauw* — голландскій филологъ первой половины XVIII в., отличавшійся высокомѣріемъ и наглостью своихъ произведеній.

Темпль не дожидъ до того, чтобы быть свидѣтелемъ полного и неизгладимаго разгрома своихъ защитниковъ. Онъ умеръ въ счастливую минуту, какъ разъ послѣ появленія книги Бойля, въ то время, когда вся Англія сѣдалась тому, какъ ученые Христовой церкви обходились съ педантомъ. Въ книгѣ Бойля Темпль восхвалялся въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и сравнивался съ Мемміемъ; сравненіе не очень удачно: почти единственная, дошедшая до насъ характеристическая черта Меммія заключается въ томъ, что въ бурныя времена онъ считалъ своимъ долгомъ предаться исключительно политикѣ и что друзья его не смѣли входить къ нему съ своими философскими и политическими произведеніями иначе, какъ во время спокойствія и благоденствія республики. По этому-то поводу Лукрецій возсылаетъ къ богамъ превосходную молитву о мирѣ, которою начинается его поэма:

-Nam neque nos agere patriae tempore iniquo
Possumus aequo animo, nec Memmi clara propago
Talibus in rebus communi deesse salutis» (21).

Характеристика эта нисколько не приложима къ государственному человѣку, который, во все продолженіе своей жизни, тщательно избѣгалъ опасности во времена смутъ; который неоднократно отказывался, при самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, отъ должности государственнаго секретаря, и который, среди революцій, заговоровъ, вѣнскихъ и внутреннихъ войнъ, покойно писалъ бессмыслицу о посѣщеніяхъ Ликургомъ браминновъ и мелодіяхъ, разыгранныхъ Аргіономъ дельфину.

Нельзя не упомянуть о томъ, что, въ разгарѣ полемики по поводу Фалариса, Свифтъ, чтобы показать свое усердіе и привязанность, писалъ «*Battle of the Books*» — первое произведеніе, въ которомъ видны его отличительные таланты. Замѣтимъ, что сильное отвращеніе къ Бентли, завѣщанное Свифту Темпломъ, перешло, кажется, отъ Свифта къ Попу, Ареботноту и другимъ, продолжавшимъ мучить великаго критика долго послѣ того, когда онъ весьма сердечно подалъ руку какъ Бойлю, такъ и Аттербѣри.

Съръ Виліамъ Темпль умеръ въ Муръ-Паркѣ, въ январѣ 1699 года. Умственныя силы его, повидимому, нисколько не

(21) Ибо ни мы не можемъ съ покойнымъ духомъ дѣйствовать во время безпокойное для отечества, ни славное потомство Меммія не можетъ въ такихъ обстоятельствахъ уклоняться отъ общественаго дѣла.

пострадали. Сердце его схоронено было подъ солнечными часами, которые стоятъ еще въ его любимомъ саду. Тѣло его сложено было въ Вестминстерскомъ монастырѣ возлѣ тѣла жены, и тутъ же оставлено было мѣсто для леди ДжиФардъ, долго пережившей Темпля. Свѣтъ былъ литературнымъ его душеприкащикомъ, завѣдывалъ изданіемъ его писемъ и мемуаровъ и во время исполненія этой обязанности имѣлъ жаркія стычки съ семействомъ покойнаго.

О характерѣ Темпля остается сказать не много. Борнетъ обвиняетъ его въ томъ, что онъ держался иррелигіозныхъ мнѣній и портилъ всякого, сближавшагося съ нимъ. Но мало имѣетъ вѣса неопредѣленное утвержденіе столь опрометчиваго и пристрастнаго писателя, какъ Борнетъ, о человѣкѣ, съ которымъ, насколько намъ извѣстно, онъ никогда не говорилъ ни слова. Дѣйствительно, нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Темпль могъ быть вѣлодумцемъ. Особны считали его такимъ, когда онъ былъ весьма молодымъ человѣкомъ. Извѣстно же, что большая часть знатныхъ и модныхъ джентльменовъ, вступавшихъ въ общество, когда пуританская партія была на высотѣ власти, или когда свѣжа еще была память о господствѣ этой партіи, получали сильное отвращеніе ко всякой религіи. Обвиненіе это Темпль раздѣлялъ со всеми знаменитѣйшими царедворцами того времени. Рочестеръ и Боккингамъ были явными насмѣшниками, а Мюльгревъ весьма немногимъ лучше. Шэфтсбѣри, хотя и болѣе осторожный, считался согласнаго съ ними мнѣнія. Всѣ три nobleмена, бывшіе товарищи Темпля въ продолженіе кратковременнаго заведенія его въ кабинетъ, пользовались весьма посредственною репутаціею относительно правосвѣрія. Галифаксъ, дѣйствительно, всѣми считался за атеиста; во онъ торжественно отвергалъ это обвиненіе, и, въ самомъ дѣлѣ, истина, кажется, состоитъ въ томъ, что онъ настроенъ былъ болѣе религіозно, нежели большая часть государственныхъ людей того вѣка, хотя двѣ необыкновенно сильно развитыя въ немъ склонности — страсть къ смѣшнымъ уподобленіямъ и страсть къ тонкимъ умозрѣніямъ — иногда побуждали его говорить о серьезныхъ предметахъ языкомъ, производившимъ большой и основательный соблазнъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что Темпль, рѣдко углублявшійся въ какой-либо вопросъ, могъ быть зараженъ господствовавшимъ скептицизмомъ. Все, что мы можемъ сказать по этому предмету, заключается въ томъ, что въ сочиненіяхъ его нѣтъ ни малѣйшаго слѣда безбожія и что легкость, съ какою онъ избранъ былъ депутатомъ отъ университета, гдѣ большинство избирателей были

лица духовныя, хотя ничего не доказываетъ относительно его мнѣній, должна, мы думаемъ, считаться доказательствомъ тому, что онъ не имѣлъ, какъ Борникъ, кажется, намекаетъ, обыкновенія говорить дѣлкомъ атеиста со всѣми, кто съ нимъ сближался.

Темпль, впрочемъ, ставши на сторону религіи или на сторону безвѣрія, врядъ ли многимъ увеличить авторитетъ той или другой стороны. Онъ отнюдь не былъ глубокимъ мыслителемъ. Онъ былъ просто человѣкомъ живыхъ способностей и быстрой наблюдательности, свѣтскимъ человѣкомъ между литераторами, литераторомъ между свѣтскими людьми. Исключительно-ученые прельщались посланикомъ и совѣтникомъ кабинета; исключительно-политики — эссенцомъ и историкомъ. Но мы не можемъ признать за нимъ очень высокаго значенія, ни какъ за писателемъ, ни какъ за государственнымъ человѣкомъ. Какъ человѣкъ, онъ, по нашему мнѣнію, былъ чрезмѣрно себялюбивъ, но весьма трезвъ, осмотрителенъ и дальновиденъ въ себялюбіи, зналъ лучше, чѣмъ большая часть людей, что ему дѣйствительно нужно было въ жизни, и къ тому, чего искалъ, стремился съ гораздо болѣе чѣмъ обыкновенною непоколебимостью и прозорливостью, никогда не позволяя себѣ отвлекаться въ сторону ни дурными, ни хорошими чувствами. Въ натурѣ его было страшиться неудачи болѣе, чѣмъ желать успѣха; предпочитать безопасность, удобство, спокойствіе, досугъ — тревоженію и заботѣ, нераздѣльнымъ спутникамъ величія. Эта природная томность духа, въ противоположность злобой энергіи пылкихъ и неугомонныхъ характеровъ, среди которыхъ суждено ему было жить, является иногда похожею на умѣренность добродѣтели. Но мы должны сознаться, что онъ кажется намъ погружающимся въ малость и низость, когда сравнимъ его, не говоримъ ужъ, съ какимъ-либо высокимъ идеальнымъ образцомъ нравственности, но со многими изъ тѣхъ смертныхъ, которые, стремясь къ благороднымъ цѣлямъ, но чисто отвлекаемые отъ истиннаго пути сильными страстями и сильными искушеніями, оставили потомству сомнительную и пеструю славу.

ГЛАДСТОНЪ.

(Апрѣль, 1839).

«The State in its Relations with the Church». By W. E. GLADSTONE. Esq. Student of Christ Church and M. P. for Newark. 8-vo. Second Edition. London: 1839.

«Государство въ отношеніяхъ своихъ къ церкви.» В. Е. ГЛАДСТОНА, сквайра, члена коллегіи Christ Church и члена парламента за Ньюаркъ. 8-во. Второе изданіе. Лондонъ: 1839.

Авторъ этого тома — молодой человекъ безукоризненнаго характера и замѣчательныхъ парламентскихъ талантовъ, возникающая надежда суровыхъ и непреклонныхъ торіевъ, неохотно и мѣтливо идущихъ вслѣдъ за коноводомъ, котораго опытность и краснорѣчіе имъ необходимы, но котораго осторожную натуру и умѣренныя мнѣнія они ненавидятъ. Не было бы вовсе страннымъ, еслибъ м-ръ Гладстонъ былъ однимъ изъ самыхъ непопулярныхъ людей въ Англіи. Но мы полагаемъ отдать ему не болѣе какъ справедливость, сказавъ, что своими способностями и своимъ поведеніемъ онъ снискалъ себѣ уваженіе и расположеніе всѣхъ партій. Поэтому, его первое появленіе въ роли автора есть интересное событіе; и естественно, что, подвергаясь критикѣ, онъ будетъ возбуждать сочувствіе публики.

Намъ весьма пріятно, независимо отъ основательности или неосновательности теорій м-ра Гладстона, видѣть, что серьезный и обработанный трактатъ о важной части государственной философіи выходитъ изъ-подъ пера молодого человека, подвигающагося до высокаго положенія, въ палатѣ общинъ. Мало быдестъ опасности, чтобы люди, вступившіе въ борьбу дѣталь-

ной жизни, слишком предавались общимъ умозрѣніямъ. Противоположный недостатокъ легче всего ими овладѣваетъ. Время и срокъ дѣлъ и преній не останавливаются ни для кого. Политику приходится часто говорить и дѣйствовать, прежде чѣмъ онъ подумалъ и прочелъ. Онъ можетъ дурно быть ознакомленъ съ вопросомъ; всѣ его свѣдѣнія могутъ быть неопредѣленны и неточны; но говорить онъ долженъ, и если онъ человѣкъ съ талантами, тактомъ и неустрашимостью, то скоро убѣждается, что даже при такихъ обстоятельствахъ бываетъ возможно говорить съ успѣхомъ. Онъ убѣждается, что существуетъ большая разница между дѣйствіемъ словъ написанныхъ, которыя читаются и перечитываются въ тиши кабинета, и дѣйствіемъ словъ сказанныхъ, украшенныхъ декламаціею и жестами и на одно только мгновеніе поражающихъ ухо. Онъ убѣждается, что можно проговариваться безъ большой вѣроятности быть пойманнымъ, что можно разсуждать софистически и избѣгать опроверженій. Онъ находитъ, что даже въ запутанныхъ вопросахъ о торговлѣ и законодательствѣ можно, не прочитавши десяти страницъ, или не подумавши десяти минутъ, вызвать громкія одобренія и сѣсть на мѣсто съ увѣренностью, что произнесенная рѣчь была отлична. Лизій, говоритъ Плутархъ, написалъ оправданіе для человѣка, который долженъ былъ судиться предъ однимъ изъ аѳинскихъ трибуналовъ. Задолго предъ тѣмъ отвѣтчикъ выучилъ рѣчь наизусть и дотога сдѣлался довольнымъ ею, что отправился въ большой кружокъ къ автору. «Я былъ восхищенъ рѣчью вашею, когда читалъ ее въ первый разъ; но она менѣе нравилась мнѣ во второй разъ и еще менѣе въ третій; а теперь она вовсе не кажется мнѣ оправданіемъ.» «Мой добрый другъ, сказалъ Лизій, вы совершенно забываете, что судьямъ приходится слушать ее только разъ.» То же бываетъ и въ англійскомъ парламентѣ. Столь же напрасно было бы со стороны оратора тратить на рѣчи свои глубокое размысленіе и долгое изслѣдованіе, какъ и со стороны директора театра украшать настоящимъ жемчугомъ и алмазами всю толпу придворныхъ и дамъ, проходящихъ шестіею по сценѣ. Люди овладѣваютъ великими собраніями не помощію точности и глубокомыслія. Да и зачѣмъ хлопотать о запасѣ лучшей логики, когда рѣчь гораздо низшаго достоинства встрѣтитъ такой же пріемъ? Къ чему углубляться въ вопросъ подобно Борку, только для того, чтобы, подобно Борку, сѣсть вследствие общаго кашлянія или остаться говорящимъ зеленымъ скамьямъ и краснымъ лжанъ? Намъ давно это представлялось самымъ важнымъ изъ злоупотребленій, камія приводится про-

тивъ многихъ благодѣлнй популярнаго правленія. Прекрасно и справедливо говоритъ Бэковъ, что чтеніе обогащаетъ умъ чело­вѣка, разговоръ дѣлаетъ его проворнымъ, а сочиненія точ­нымъ. Учрежденія, подобныя англійскимъ, стремятся поощрять въ общественныхъ дѣтеляхъ проворство, какъ насчетъ богат­ства свѣдѣній, такъ и насчетъ ихъ точности. Самые острые и самые сильные умы каждаго поколѣнія, умы, часто удивительно способные къ изслѣдованію истины, бывають обыкновенно за­няты пріискиваніемъ такихъ аргументовъ, какихъ ни одинъ здравомыслящій чело­вѣкъ никогда не поимѣстилъ бы въ назна­ченномъ для обнародованія трактатѣ, — аргументовъ, которые настолько лишь хороши, чтобъ годиться на одинъ разъ, и то при помощи плавной декламаціи и меткихъ выраженій. Обы­кновеніе такимъ путемъ разбирать вопросы необходимо влѣзаетъ на самыхъ способныхъ людей, особенно тѣхъ, которые посту­пають въ парламентъ въ весьма раннемъ возрастѣ, ирежде чѣмъ умы ихъ развились до полной зрѣлости. Талантъ къ преніямъ развить въ этихъ людяхъ до такой степени, что для массы онъ кажется столь же удивительнымъ, какъ и произведенія италь­янскаго импровизатора. Но они, именно, бывають счастливы, если сохраняють безъ ущерба тѣ способности, какія требуются для точнаго сужденія или обширнаго умозрѣнія. Дѣйствительно, мы скорѣе должны ожидать великаго оригинальнаго произве­денія о политической наукѣ, такого произведенія, напримѣръ, какъ Смитово «Богатство народовъ», отъ аптекаря въ про­винціальномъ городѣ или отъ священника на Гебридскихъ остро­вахъ, чѣмъ отъ государственнаго чело­вѣка, который, съ двад­цать перваго года своей жизни, былъ замѣчательнымъ дебата­ромъ въ палатѣ общинъ.

Повтому, произведеніе м-ра Гладстона мы встрѣчаемъ съ удовольствіемъ, хотя, конечно, съ удовольствіемъ не безъ при­иѣся. Что молодой политикъ, въ промежуткахъ свободныхъ отъ парламентскихъ своихъ занятій, создалъ и изложилъ, съ боль­шимъ прилежаніемъ и умственнымъ трудомъ, оригинальную тео­рію великаго политическаго вопроса, — есть такое обстоятель­ство, которое, не принявъ вовсе въ расчетъ основательности или неосновательности его мнѣній, должно считаться дѣлаю­щимъ ему большую честь. Мы, конечно, не можемъ желать, чтобъ ученія м-ра Гладстона утвердились между общественными дѣтелями. Но мы сердечно желаемъ, чтобъ его похвальный стремленіе проявлять въ глубь вопросовъ и доходить, долгимъ и напряженнымъ размышленіемъ, до познанія великихъ общихъ

законовъ, было гораздо болѣе въ ходу, нежели мы ожидаемъ. что это когда-либо будетъ.

М-ръ Гладстонъ кажется намъ, во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно способнымъ къ философскому изслѣдованію. Умъ его способенъ много обнять; въ авторѣ нѣтъ недостатка въ діалектическомъ искусствѣ. Но авторъ не даетъ уму своему надлежащей свободы. Нѣтъ недостатка въ свѣтѣ, но есть большой недостатокъ въ томъ, что Бэконъ называлъ бы сухимъ свѣтомъ. Все, на что бы м-ръ Гладстонъ ни смотрѣлъ, преломлено и искривлено призмой страстей и предразсудковъ. Слогъ его представляетъ замѣчательную аналогію съ его образомъ мышленія, и, дѣйствительно, производитъ большое вліяніе на его образъ мышленія. Его риторика, хотя часто хороша въ своемъ родѣ, затеняетъ и запутываетъ логику, которую она должна бы освѣщать. Половина его пронипательности и прилежанія, при безплодномъ воображеніи и скудномъ запасѣ словъ, избавила бы его почти отъ всѣхъ его ошибокъ. Онъ имѣетъ одинъ даръ, весьма опасный для умозрителя, огромную власть надъ нѣкотораго рода языкомъ, важнымъ и величественнымъ, но неопредѣленнаго и невѣрнаго смысла, — языкомъ, дѣйствующимъ на насъ почти такимъ же образомъ, какимъ высокопарныя выраженія хора въ комедіи «Облака» дѣйствовали на простодушнаго афинянина.

ὅ γῆ τοῦ φθύματος ὡς ἱερὸν, καὶ βεβηρὸν, καὶ τερατώδες (1).

Когда тезисы доказаны, и не остается ничего, какъ пополнить ихъ и украсить, тогда это тусклое великолѣпіе можетъ быть на мѣстѣ. Но если оно допускается въ доводахъ, то бываетъ гораздо хуже совершенной безсмыслицы, точно такъ же, какъ прозрачный туманъ, сквозь который мореходецъ видитъ мысы и горы въ ложныхъ размѣрахъ и въ ложныхъ направленіяхъ, бываетъ опаснѣе полной темноты. М-ръ Гладстонъ любитъ употреблять фразеологію, о которой мы говоримъ, въ тѣхъ частяхъ своего произведенія, которыя требуютъ величайшей ясности и точности, къ какимъ способна человѣческая рѣчь; и этимъ путемъ онъ обманываетъ сперва себя самого, а потомъ и своихъ читателей. Основанія его теоріи, которымъ слѣдовало бы быть алмазными столбами, сдѣланы изъ слабыхъ матеріаловъ, годныхъ лишь для заключенія рѣчи. Это такой недостатокъ, который не можетъ быть исправленъ никакими послѣдующими

(1) О небо! что за звуки! Священные, величественные, чудные.

стараніями и заботливостью. Чѣмъ точнѣе м-ръ Гладстонъ разсуждаетъ, основываясь на своихъ посылкахъ, тѣмъ невлѣеely бывають заключенія, которыя онъ выводитъ; когда наконецъ его здравомысліе и добродушіе отступаютъ отъ страшныхъ практическихъ заключеній, къ какимъ приводитъ его теорія, онъ принужденъ иногда прибѣгать къ аргументамъ, несовѣстнымъ съ его основными ученіями, а иногда уходитъ отъ законныхъ послѣдствій своихъ ложныхъ принциповъ подъ прикрытіе равномѣрно ложныхъ историческихъ фактовъ.

Несправедливо было бы не сказать, что книга эта, хотя не хорошая книга, обнаруживаетъ болѣе таланта, чѣмъ многія хорошія книги. Она изобилуетъ краснорѣчивыми и остроумными мѣстами. Она носитъ отпечатокъ весьма терпѣливаго размышленія. Она вся написана съ превосходнымъ вкусомъ и въ превосходномъ тонѣ; да и не содержитъ она, насколько мы замѣтили, ни одного выраженія, которое было бы недостойнымъ джентльмена, ученаго или христіянина. Но раскрываемыя въ ней ученія представляются намъ, послѣ полнаго и спокойнаго обсужденія, ложными, въ высшей степени пагубными и такими, что еслибы на практикѣ вывести изъ нихъ законныя послѣдствія, то они неминуемо произвели бы распаденіе общества. Мы приступимъ къ представленію нашихъ доказательствъ въ подтвержденіе этого мнѣнія, — приступимъ съ тою свободою, какой требуетъ важность предмета и къ какой побуждаетъ насъ м-ръ Гладстонъ, какъ правилами своими, такъ и примѣромъ, — приступимъ, мы надѣемся, безъ неучтивости и, мы увѣрены, безъ недобрѣжелательства.

Прежде, чѣмъ войдемъ въ разсмотрѣніе этой теоріи, мы желаемъ оградить себя отъ одного недоразумѣнія. Можетъ статься, что нѣкоторыя лица, читавшія книгу м-ра Гладстона небрежно, и другія, слышавшія только въ разговорѣ или видѣвшія въ журналахъ, что ньюарскій депутатъ нависалъ книгу въ защиту англиской церкви противъ приверженцевъ системы произвола, воображать себя, что мы пишемъ въ защиту системы произвола и желаемъ уничтоженія установленной церкви. Это не такъ. Точно такъ же было бы несправедливо обвинять насъ въ нападеніи на церковь, потому что мы нападаемъ на ученія м-ра Гладстона, какъ и обвинять Дюма въ желаніи анархіи, потому что онъ опровергалъ Филлякроу патріархальную теорію правленія, или обвинять Блэкстона въ одобреніи королевскихъ церковной собственности; потому что онъ отвергалъ, чтобы право приходскаго священника не происходило отъ левитскаго закона. Нужно замѣтить, что м-ръ Гладстонъ основа

васть свое дѣло на совершенно новыхъ началахъ и не болѣе несогласенъ съ ними, чѣмъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые доселѣ считались знаменитѣйшими подвижниками церкви. Онъ недоволенъ «*Ecclesiastical Polity*» и радуется, что послѣдняя часть этого знаменитаго произведенія «не превѣшиваетъ собою полнаго авторитета Гукера.» Онъ недоволенъ «*Alliance of Church and State*» епископа Варбортона. «Тезисы этого произведенія, говоритъ онъ, слѣдуетъ обыкновенно принимать съ оговоркою»; и онъ согласенъ съ Болингброкомъ въ мнѣнii, что вся теорiя Варбортона опирается на фикции. Онъ еще менѣе доволенъ защитою церкви Пали, признавая эту защиту «заряженною первоначальнымъ порокомъ ложныхъ этическихъ принциповъ» и «наполненною сѣменами зла.» Онъ думаетъ, что д-ръ Чальмерзъ пристрастно смотрѣлъ на предметъ и «привелъ много сомнительнаго». Дѣйствительно, почти на всякомъ пунктѣ, гдѣ мы несогласны съ м-ромъ Гладстономъ, мы имѣемъ на своей сторонѣ авторитетъ нѣсколькихъ богослововъ, отличавшихся защитою существующихъ учреждений.

Вся теорiя м-ра Гладстона опирается на томъ главномъ основномъ тезисѣ, что распространенiе религiозной истины есть одна изъ главныхъ цѣлей правленiя какъ правленiя. Если м-ръ Гладстонъ не доказалъ этого тезиса, то система его сразу падаетъ.

Прежде нежели приступимъ къ разбору этого важнаго вопроса, мы желаемъ означить ясно различiе, которое, хотя оно весьма очевидно, упускается, кажется, изъ виду многими весьма почтенными людьми. По ихъ мнѣнiю, сказать, что цѣли правленiя матеріальны, а не духовны, считается равносильнымъ тому, когда говорятъ, что матеріальное счастье челоуѣка важнѣе его духовнаго счастья. Но это совершенно ошибочно. Вопросъ не въ томъ, выше ли духовные интересы по важности, чѣмъ матеріальные интересы, или нѣтъ, — но въ томъ, что механизмъ, который въ данный моментъ бываетъ употребленъ для охраненiя извѣстныхъ матеріальныхъ интересовъ общества, долженъ ли необходимо быть и механизмомъ, годнымъ способствовать духовнымъ интересамъ этого общества. Безъ раздѣленiя труда свѣтъ не могъ бы идти впередъ. Несравненно важнѣе, чтобы люди имѣли пищу, нежели чтобы у нихъ были фортепіано. Однако отсюда не слѣдуетъ, что каждый фортепіанный мастеръ долженъ прибавлять ремесло хлѣбника къ своему собственному; еслибъ онъ это дѣлалъ, мы имѣли бы какъ гораздо худшую музыку, такъ и гораздо худшій хлѣбъ. Гораздо важнѣе, чтобы благоразумно распространялось познанiе религiозной истины, нежели чтобы у насъ процвѣтало искусство паянiя. Однако цикакъ не

слѣдуетъ, что королевская академія должна соединять съ нынѣшними своими функціями функціи общества для споспѣшествованія познаній христіанства, раздавать богословскіе трактаты, высылать миссіонеровъ, изгонять Ноллекенса за то, что онъ католикъ, Бэкона за то, что онъ методистъ, и Флаксмана за то, что онъ сведенборгіанецъ. Вслѣдствіе такого безумія мы имѣли бы возможно худшую академію искусствъ и возможно худшее общество для распространенія познаній христіанства. Общество, очевидно, пришло бы въ повсемѣстное разстройство, еслибы считалось обязанностью каждой ассоціаціи, образовавшейся для одной хорошей цѣли, способствовать всякой иной хорошей цѣли.

Касательно нѣкоторыхъ цѣлей гражданскаго управленія всѣ согласны. Что оно назначено для охраненія нашихъ личностей и нашей собственности; что оно назначено побуждать насъ къ удовлетворенію нашихъ потребностей не грабежемъ, но промышленностью; что оно назначено заставлять насъ рѣшать наши споры не силою, но третейскимъ разборомъ; что оно назначено направлять всю нашу силу, какъ бы силу одного человека, противъ любаго общества, которое захотѣло бы повредить намъ, — это такія положенія, которыя едва ли будутъ оспариваемы.

Но это такіе предметы, въ которыхъ человекъ весьма сильно заинтересованъ безъ всякаго отношенія къ какому-либо высшему существу или къ какому-либо будущему состоянію. Великое человѣческое существо — будь это идолопоклонникъ, магометанинъ, еврей, папистъ, социніанецъ, деистъ или атеистъ — естественно любить жизнь, избѣгаетъ страданій, желаетъ удобствъ, которыми можно наслаждаться лишь въ обществахъ, гдѣ собственность бываетъ безопасна. Быть умерщвленнымъ, быть мучимымъ, быть ограбленнымъ, быть проданнымъ въ рабство, быть подверженнымъ неистовствамъ шаякъ иностранныхъ бандитовъ, называющихся патриотами, — вотъ, очевидно, тѣ бѣды, отъ которыхъ люди всякой религіи и люди никакой религіи желаютъ быть защищаемы; а поэтому едва ли будетъ оспариваемо, что люди всякой религіи и люди никакой религіи имѣютъ тутъ общій интересъ быть хорошо управляемыми.

Но надежды и опасенія человека не ограничиваются этою короткою жизнью и этимъ видимымъ міромъ. Онъ видитъ себя окруженнымъ признаками силы и мудрости выше его собственныхъ, и, во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, люди всѣхъ степеней умственнаго развитія, начиная съ Бэкона и Ньютона и до самыхъ грубыхъ племенъ людоедовъ, вѣрвали въ существованіе

высшаго ума. Въ этомъ голосъ челоуѣчества почти единодушенъ. Но одинъ ли Богъ, или многіе; какіе могутъ быть его физическіе и какіе нравственные атрибуты; въ какомъ къ нему отношеніи находятся его созданія; открылся ли онъ намъ когда-либо посредствомъ какого-нибудь инаго откровенія, кромѣ написаннаго во всѣхъ частяхъ великолѣпнаго и благоустроеннаго міра, который онъ сотворилъ; содержится ли его откровеніе въ какой-либо постоянной лѣтописи; какъ слѣдуетъ толковать эту лѣтопись, и угодно ли ему было назначить на землю какого-либо непогрѣшительнаго толкователя: — вотъ тѣ вопросы, относительно которыхъ существуетъ самое обширное разногласіе мнѣній и относительно которыхъ огромная часть нашего рода была, со времени разсвѣта исторической науки, въ плечевномъ заблужденіи.

Здѣсь двѣ великія задачи: одна есть защита личностей и имущества гражданъ отъ обиды; другая есть распространеніе религіозной истины. Нельзя придумать двухъ болѣе различныхъ предметовъ. Первая вся принадлежитъ къ видимому и осязаемому міру, въ которомъ мы живемъ; послѣдняя принадлежитъ къ тому высшему міру, который недоступенъ нашимъ чувствамъ. Первая принадлежитъ этой жизни; послѣдняя — той, которая наступитъ. Люди, совершенно согласные относительно важности первой задачи и относительно способа къ ея разрѣшенію, расходятся въ мнѣніи такъ далеко, какъ только возможно, относительно послѣдней задачи. Мы должны, поэтому, остановиться, прежде чѣмъ допустимъ, что лица, — кто бы они ни были, — которымъ ввѣрена власть для разрѣшенія первой задачи, должны всегда употреблять эту власть на разрѣшеніе второй.

М-ръ Гладстонъ полагаетъ, что обязанности правительствъ отеческія; ученію этому мы не должны вѣрить, пока онъ не укажетъ намъ на какое-либо правительство, которое любитъ своихъ подданныхъ, какъ отецъ любитъ дитя, и которое настолько умственно выше своихъ подданныхъ, насколько отецъ выше дитяти. Онъ говоритъ намъ въспреимимъ, хотя нѣсколько неяснымъ языкомъ, что «правительство занимаетъ въ нравственной наукѣ мѣсто, какое *то пѣ*»^(*) занимаетъ въ физической.» Еслибы правительство было, дѣйствительно, *то пѣ* въ нравственной наукѣ, то мы не понимаемъ, почему бы правители не взяли на себя всѣ функціи, какія назначалъ имъ Платонъ. Отчего бы имъ не отнимать дитя отъ матери, не выбирать кориинцу, не устраи-

(*) Все (въ смыслѣ міра, вселенной).

вать школу, не надзирать за играми, не опредѣлять часы труда и отдыха, не предписывать, какія баллады слѣдуетъ пѣть, какія мелодіи слѣдуетъ разыгрывать, какія книги слѣдуетъ читать, какое лекарство слѣдуетъ принимать? Отчего бы имъ не выбирать для насъ женъ, не опредѣлять наши расходы, не ограничивать число блюдъ, стакановъ вина и чашекъ чаю? Платонъ, котораго смѣлость въ умозрѣніи была, можетъ быть, удивительнѣе, чѣмъ всякое другое свойство его необыкновеннаго ума, и который не отступалъ ни передъ чѣмъ, къ чему вели его принципы, прошелъ все это пространство. М-ръ Гладстонъ не настолько неустрашимъ. Онъ довольствуется представленіемъ того тезиса, что, какова бы ни была власть, употребляемая въ какомъ-либо обществѣ для защиты личностей и собственности людей, власть эта должна тоже, въ своемъ корпоративномъ качествѣ, исповѣдывать религію, употреблять свою силу для распространенія этой религіи и требовать соглашенія съ этою религіею какъ необходимаго условія для всякой гражданской обязанности. Онъ ясно объявляетъ, что въ этомъ тезисѣ онъ не ограничиваетъ взглядъ свой правовѣрными правительствами или даже христіанскими правительствами. Обстоятельство, что религія бываетъ ложна, не уменьшаетъ, говоритъ онъ намъ, обязанности правителей, какъ правителей, ее поддерживать. Если они не радуютъ объ этомъ, «мы не можемъ, говоритъ онъ, смотрѣть на фактъ этотъ иначе, какъ на фактъ, отягощающій дѣло приверженцевъ такой вѣры.» «Я не боюсь утверждать, прибавляетъ онъ, что если магометанинъ совѣстливо вѣритъ, что религія его происходитъ отъ Бога и учить божественной истинѣ, то онъ долженъ считать вѣру эту благодѣтельною для души человѣка и благодѣтельною выше всего прочаго; поэтому, ему слѣдуетъ и должно желать ея распространенія и употреблять для ея распространенія всѣ свойственныя и законныя средства; и если такой магометанинъ бываетъ государемъ, онъ долженъ зачислить въ эти средства употребленіе всякаго вліянія или капиталовъ, какіе могутъ законно быть въ его распоряженіи для такихъ цѣлей.»

Безъ сомнѣнія, это сильно. Прежде, нежели мы допустимъ, что императоръ Юліанъ, употребляя вліяніе и капиталы, бывшіе въ его распоряженіи, на истребленіе христіанства, дѣлалъ не болѣе, какъ свою обязанность; прежде, нежели мы допустимъ, что арианнъ Теодорикъ совершилъ бы преступленіе, еслибъ дозволилъ хоть одному вѣрующему въ божество Христа занимать любую гражданскую должность въ Италіи; прежде чѣмъ мы допустимъ, что голландское правительство обязано исклю-

чать изъ службъ всѣхъ членовъ англиканской церкви, король баварскій исключать изъ службы всѣхъ протестантовъ, турецкій султанъ исключать изъ службы всѣхъ христіанъ, король Авы⁽⁵⁾ исключать изъ службы всѣхъ вѣрующихъ въ единство Бога, — прежде всего этого считаемъ себя въ правѣ потребовать весьма полнаго и точнаго доказательства. Когда свидѣнія ученія столь страшны, мы можемъ требовать, чтобы основанія его были весьма прочны.

Слѣдующій параграфъ представляетъ образчикъ аргументовъ, какими Гладстонъ доказалъ, какъ онъ думаетъ, свое основное положеніе:

«Мы можемъ предложить тотъ же тезисъ въ болѣе общей формѣ; въ ней онъ, конечно, долженъ вызвать общее согласіе. Гдѣ только существуетъ власть во вселенной, эта власть есть собственность Бога, владыки этой вселенной — его собственность по праву, хотя бы на время задержанная или во зло употребленная. Собственность же эта осуществляется, такъ сказать, употребляется согласно съ волею собственника, когда она употребляется для цѣлей, какія онъ постановилъ, и въ духѣ милосердія, справедливости, истины и чести, какими онъ научилъ насъ. Но эти принципы никогда не могутъ истинно, никогда не могутъ прочно сохраняться въ груди человѣческой, иначе какъ постояннымъ отношеніемъ къ ихъ источнику и при помощи божеской благодати. Силы, поэтому, которыя присущи отдѣльнымъ лицамъ, дѣйствующимъ какъ правительство, равно какъ и тѣ, которыя присущи отдѣльнымъ лицамъ, дѣйствующимъ за себя самихъ, могутъ только быть упрочены для справедливаго употребленія приложеніемъ къ нимъ религіи.»

Вотъ тезисы обширнаго и неопредѣленнаго объема, выраженныя языкомъ, имѣющимъ нѣкоторое неясное достоинство и святость, привлекательныя, безъ сомнѣнія, для многихъ умовъ. Но какъ скоро мы разсматриваемъ эти тезисы близко, какъ скоро подвергаемъ ихъ испытанію, разобравъ въ нихъ лишь весьма немногія частности, тотчасъ находимъ ихъ ложными и странными. Ученіе, которое «должно навѣрное вызвать общее согласіе,» заключается въ томъ, что всякая ассоціація человѣческихъ существъ, которая облечена какою бы ни было властью, — то есть, всякая ассоціація человѣческихъ существъ, — обязана,

(5) Когда-то самостоятельное государство въ Индіи, впоследствии вошедшее въ составъ Бирманской имперіи.

какъ таковая, исповѣдывать религію. Вообразите, что послѣдовало бы, еслибъ принципъ этотъ былъ дѣйствительно въ силѣ въ теченіе 24-хъ часовъ. Возьмите одинъ примѣръ изъ милліона. Общество дилижансовъ имѣетъ власть надъ своими лошадьми. Власть эта есть собственность Бога. Она употребляется согласно волѣ Бога, когда употребляется съ милосердіемъ. Но принципъ милосердія никогда не можетъ истинно или прочно храниться въ человѣческой груди безъ постоянного отношенія къ Богу. Силы, поэтому, которыя присущи отдѣльнымъ лицамъ, дѣйствующимъ какъ общество дилижансовъ, могутъ только быть упрочены для справедливаго употребленія приложеніемъ къ нимъ религіи. Поэтому, каждое общество дилижансовъ должно, въ своемъ собирательномъ качествѣ, исповѣдывать какую-либо вѣру, имѣть свои статьи вѣры, свое публичное богослуженіе и свои испытательныя присяги. Что это заключеніе и безконечное число другихъ заключеній, равно странныхъ, слѣдуютъ по необходимости изъ принципа м-ра Гладстона, это такъ же вѣрно, какъ и то, что дважды-два четыре. А если естественныя заключенія столь нелѣпы, то въ принципѣ должно быть что-нибудь ошибочное.

Мы приведемъ другое мѣсто въ томъ же родѣ:

«Отчего же, спросимъ мы теперь, должна правительствующая власть въ государствѣ исповѣдывать религію? Вопервыхъ, оттого, что она составлена изъ отдѣльныхъ людей; а они, будучи назначены дѣйствовать въ опредѣленномъ нравственномъ качествѣ, должны освящать свои дѣйствія, совершаемыя въ этомъ качествѣ, религіозными служеніями, такъ какъ дѣйствія не могутъ иначе быть пріятны Богу или быть чѣмъ-либо инымъ, какъ грѣховными и достойными сами по себѣ наказанія. А какъ только мы отвращаемъ въ нашемъ поведеніи лицо наше отъ Бога, мы живемъ безбожно... Въ исполненіи же своихъ обязанностей какъ отдѣльное лицо, государственный человѣкъ долженъ быть поклоняющимся человѣкомъ. Но дѣйствія его общественны; силы и орудія, которыми онъ дѣйствуетъ, общественны; дѣйствуя подъ властью и посредствомъ власти закона, онъ двигаетъ по своему слову 10 тысячами подчиненныхъ рукъ; и оттого, что эти силы такъ существенно публичны, онъ выходитъ совѣмъ изъ ряда чисто индивидуальныхъ дѣйствій; онъ долженъ быть освященъ не только частными личными моленіями и благочестіемъ тѣхъ, которые занимаютъ публичныя положенія, но также и общественными дѣйствіями людей, составляющихъ общество. Люди должны воздавать моленіе и хвалу въ своемъ публичномъ и коллективномъ характерѣ — въ томъ характерѣ,

въ которомъ они образуютъ органъ націи и владѣютъ ея совокупными силами. Гдѣ только есть разумное дѣйствіе, въ немъ заключается нравственный долгъ и отвѣтственность. Правители, въ совокупныхъ дѣйствіяхъ своихъ, суть разумные дѣятели за націю. Поэтому, съ дѣяніями ихъ должна быть соединена религія, безъ которой ни одна изъ нашихъ отвѣтственностей не можетъ имѣть мѣста. И эта религія должна быть или религіею совѣсти правителя, или никакою.»

Здѣсь опять мы находимъ тезисы обширнаго объема и до такой степени правовѣрнаго и торжественнаго тона, что многіе почтенные люди, безъ сомнѣнія, получили значительное назиданіе. Но разберемъ слова поближе, и тотчасъ сдѣлается явнымъ, что если разъ допустить эти принципы, то рушится всякое общество. Нельзя тогда образовать никакого общества съ какою-либо цѣлю взаимной помощи въ торговлѣ, въ общественныхъ работахъ, въ пособіи больному или бѣдному, въ покровительствѣ искусству или наукѣ, если только члены общества не согласны въ своихъ богословскихъ мнѣніяхъ. Возьмите любое такое общество, напримѣръ общество лондонско-бирмингемской желѣзной дороги, и наблюдайте, къ какимъ слѣдствіямъ аргументы м-ра Гладстона неизбежно ведутъ. «Отчего директоры общества желѣзной дороги должны, какъ собраніе, исповѣдывать религію? Оттого, что дирекція составлена изъ отдѣльныхъ людей, назначенныхъ дѣйствовать съ опредѣленнымъ нравственнымъ характеромъ, обязанныхъ наблюдать за собственностью, здоровьемъ и жизнью своихъ ближнихъ, обязанныхъ дѣйствовать прилежно за своихъ довѣрителей, обязанныхъ управлять своими подчиненными по-человѣчески и справедливо, обязанныхъ исполнить честно многіе важные договоры. Они, поэтому, должны и освящать свои дѣйствія религіозными служеніями; иначе дѣйствія эти будутъ грѣховными и недостойными наказанія сами по себѣ. Въ исполненіи же своихъ обязанностей отдѣльнаго лица директоръ компаніи лондонско-бирмингемской желѣзной дороги, долженъ быть поклоняющимся человѣкомъ. Но дѣйствія его публичны. Онъ дѣйствуетъ за общество. Онъ двигаетъ по своему слову 10 тысячами подчиненныхъ рукъ. И оттого, что дѣйствія эти выходятъ изъ ряда чисто-индивидуальныхъ его дѣяній, они должны быть освящены публичными актами набожности. Директоры желѣзной дороги должны воздавать моленіе и хвалу, въ своемъ публичномъ и коллективномъ характерѣ, по которому они составляютъ органъ компаніи и управляютъ ея совокупными силами. Гдѣ только бываетъ ра-

зумное дѣйствіе, тамъ есть нравственная отвѣтственность. Директоры суть разумные агенты за компанію. Поэтому, съ агентствомъ этикъ должна быть соединена религія, безъ которой ни одна изъ нашихъ отвѣтственностей не можетъ имѣть мѣста. И религія эта должна быть религіею совѣсти самого директора, или ижевою. Тутъ должно быть публичное богослуженіе и присяга. Ни одному еврею, ни одному соцінианцу, ни одному пресвитеріанцу, ни одному католику, ни одному квакеру не слѣдуетъ дозволить быть органомъ компаніи и управлять ея совокупными силами.» Захочетъ ли м-ръ Гладстонъ дѣйствительно защищать этотъ тезисъ? Мы увѣрены, что онъ не захочетъ; но мы увѣрены, что къ этому тезису и къ безчисленнымъ подобнымъ тезисамъ неизбѣжно приводить его разсужденіе.

«Народная воля и дѣйствіе составляютъ; безспорно, вѣчто связывающее несогласное меньшинство или связывающее подвластное общество своею волею, который не можетъ быть оправданъ ничѣмъ, какъ только признаніемъ ученія о народной личности. Слова: національная честь и добрая вѣра, существуютъ въ устахъ вожаго. Развѣ въ нихъ подразумѣвается личность народа? Или мнѣ, чѣмъ обязанность къ Богу, за которую мы теперь ратуемъ? Они строго и существенно различаются отъ чести и доброй вѣры отдельныхъ лицъ, составляющихъ націю. Франція есть лицо въ отношеніи къ намъ, а мы въ отношеніи къ ней, Умышленная обѣда, нанесенная ей, считается нравственнымъ поступкомъ совершенно отличнымъ отъ поступковъ всѣхъ отдельныхъ лицъ, составляющихъ націю. На такихъ явныхъ фактахъ мы можемъ остановиться, не прибѣгая къ болѣе техническому доказательству, какое представляютъ законы въ ихъ образѣ дѣйствія съ корпораціями. Если же нація имѣетъ единство воли, имѣетъ проницающія ея симпатіи, имѣетъ способность быть награжденною и страдать за свои дѣла, — должны ли мы отвергать ея отвѣтственность, ея потребность въ религіи, чтобы нести эту отвѣтственность?... Нація, следовательно, имѣя личность, находится въ необходимости — подобно отдельнымъ лицамъ, составляющимъ ея правительствующее сословіе — освящать дѣйствія этой личности религіозными служеніями, и такимъ образомъ мы имѣемъ новое и повидительнее основаніе для существованія государственной религіи.»

Новое основаніе здѣсь есть, конечно; но повидительно ли оно — можно усомниться. Не совершенно ли ясно, что этотъ аргументъ принимается съ такою же точно силою ко всякому соединенію человеческихъ существъ для общей цѣли, какъ и къ

правительстванъ? Есть ли хоть одинъ союзъ въ мирѣ — будь это въ техническомъ смыслѣ корпорація или ивътъ — не имѣющей той собирательной личности, изъ которой м-ръ Гладстонъ выводитъ такіа необыкновенныя слѣдствія? Взгляните на банки, страховыя конторы, компаніи доковъ, компаніи каналовъ, газовыя общества, госпитали, безденежныя аптеки, ассоціаціи для помощи бѣднымъ, ассоціаціи для преслѣдованія злодѣевъ, ассоціаціи медицинскихъ воспитанниковъ для доставленія анатомическихъ субъектовъ, ассоціаціи деревенскихъ джентльменовъ для разведенія гончихъ лисьихъ собакъ, книжныя общества, общества для взаимнаго вспоможенія, клубы всѣхъ разрядовъ, начиная съ тѣхъ, которые дворцами своими окаймляли Pall-Mall и St. James's Street до Free-and-easy, собирающагося въ ободранной гостиниой деревенскаго трактира. Есть ли хоть одинъ изъ этихъ союзовъ, къ которому аргументъ м-ра Гладстона не былъ бы применимъ въ такой же степени, какъ и къ государству. Во всѣхъ этихъ союзахъ, въ англійскомъ банкѣ, напримѣръ, или въ Атеней-клубѣ, воля и дѣйствіе общества составляютъ одно и связываютъ несогласное меньшинство. Банкъ и Атеней имѣютъ добрую вѣру и справедливость, отличныя отъ доброй вѣры и справедливости индивидуальныхъ членовъ. Банкъ есть лицо въ отношеніи къ тѣмъ, которые вкладываютъ въ него слитки. Атеней есть лицо въ отношеніи къ вискику и виноторговцу. Если Атеней попускаетъ деньги въ банкъ, то оба общества бывають на столько же лицами относительно другъ друга, сколько Англія и Франція. Каждое изъ этихъ обществъ можетъ платить свои долги честно, каждое можетъ пытаться обманывать своихъ вѣрителей, каждое можетъ преуспѣвать, каждое можетъ придти въ затруднительное положеніе. Если же они имѣютъ это единство воли; если они способны дѣлать и выносить добро и зло, то можемъ ли мы, — говоря словами м-ра Гладстона, — «отвергать ихъ отвѣтственность, или ихъ потребность въ религіи, чтобы нести эту отвѣтственность?» Поэтому, акціонерныя банки и клубы, «идѣя личность, находится въ необходимости освящать эту личность религіозными служеніями»; итакъ, мы имѣемъ «новое и понудительное основаніе» требовать, чтобы всѣ директора и писцы акціонерныхъ банковъ и всѣ служащіе въ клубахъ доказывали свою способность къ службѣ принятіемъ св. причастія.

Дѣло въ томъ, что м-ръ Гладстонъ впалъ въ ошибку, весьма обыкновенную у людей съ меньшимъ противъ него талантомъ. Нерѣдко случается, что человѣкъ, сильно желающій доказать частное предложеніе, беретъ первую посылку огромнаго объ-

ема, заключающую въ себѣ это частное предложеніе, не разсудивъ вовсе, что она заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе. Пагубная легкость, съ какою и-ръ Гладстонъ находилъ образы пышныя и звучныя, но неопредѣленнаго смысла, дѣлаетъ его чрезвычайно способнымъ ставить эту ловушку себѣ и своимъ читателямъ. Онъ широко излагаетъ общія ученія о власти — когда единственная власть, о которой онъ думаетъ, есть власть правительства, и общія ученія о совокупномъ дѣйствіи — когда единственными совокупными дѣйствіями, о которыхъ онъ думаетъ, есть совокупное дѣйствіе гражданъ въ государствѣ. Онъ заранѣе постановляетъ свое заключеніе. Потому дѣлаетъ первую посылку самыхъ обширныхъ разсужденій, убѣдившись, что она содержитъ его заключеніе, никогда не заботится о томъ, что она можетъ содержать кромѣ того: а какъ скоро мы ее рассмотримъ, то найдемъ, что она содержитъ безконечное число заключеній, изъ которыхъ каждое есть уродливая нелѣпость.

Совершенно справедливо, что было бы весьма хорошею вещью, еслибъ все члены всехъ ассоціацій въ мірѣ были люди здравыхъ религіозныхъ взглядовъ. Мы несколько не сомнѣваемся, что хорошій христіанинъ будетъ руководствоваться христіанскими началами въ своемъ поведеніи какъ директоръ компаніи каналовъ или какъ экономъ благотворительнаго общества. Еслибъ онъ былъ — обращаясь къ случаю, который мы привели прежде — членомъ компаніи дилжансовъ, онъ бы, въ этомъ качествѣ, вспомнилъ, что «справедный человѣкъ шадить жизнь своего животнаго.» Но не слѣдуетъ, что военная ассоціація людей должна, поэтому, какъ ассоціація, исповѣдывать религію. Очевидно, что многія великія и полезныя цѣли могутъ быть достигнуты въ этомъ мірѣ только содѣйствіемъ. Равно очевидно, что не можетъ быть успѣшнаго содѣйствія, если люди поступаютъ по тому принципу, что они не должны содѣйствовать къ достиженію одной цѣли, если они несогласны относительно другихъ цѣлей. Ничто не кажется намъ болѣе прекраснымъ или удивительнымъ въ нашей общественной системѣ, какъ легкость, съ какою тысячи людей, соглаемыхъ, быть можетъ, только на счетъ одной цѣли, могутъ соединить свои силы для достиженія этой одной цѣли. Мы ежедневно видимъ тому примѣры. Два человѣка, — одинъ изъ нихъ упорно предубѣжденъ противъ миссіонерства, другой председатель миссіонернаго общества, — за-сѣдаютъ вѣдствѣ въ совѣтѣ госпиталя и отъ души содѣйствуютъ шиврамъ для здоровья и удобства больныхъ. Два человѣка, — изъ которыхъ одинъ ревностный приверженецъ, а другой ревностный противникъ системы, принятой въ ланкастерскихъ шко-

лахъ, — встрѣчаясь въ обществѣ ищущаго и дѣйствуютъ заодно съ совершенною искренностью. Мы принимаемъ за общее и несомнѣнное правило, что законно и удобно для людей соединиться въ ассоціацію для содѣйствования хорошей цѣли, хотя бы они различествовали относительно другихъ цѣлей гораздо большей важности.

Врядъ ли будетъ отвергнуто, что безопасность личностей и собственности людей есть хорошая цѣль и что лучший и даже, по правдѣ, единственный путь къ достиженію этой цѣли состоитъ въ соединеніи людей въ извѣстныя большія корпораціи, называемыя государствами. Корпораціи эти организованы весьма разнообразно и, большею частью, весьма несовершенно. Многія изъ нихъ изобилуютъ страшными злоупотребленіями. Однако, рационально, кажется, полагать, что худшая изъ нихъ, когда-либо существовавшая, была, судя по всему, предпочтительнѣе полной анархіи.

Но, судя по аналогіи, мы должны бы сказать, что эти великія корпораціи, вѣроятно, вполне достигли бы, подобно всемъ другимъ ассоціаціямъ, своей цѣли, если бы имѣлась въ виду единственно эта цѣль, и что отвергать услуги тѣхъ, которые особенно способны содѣйствовать этой цѣли, потому что они неспособны также содѣйствовать какой-либо другой цѣли, хотя бы превосходной, кажется съ перваго же взгляда столь же нерациональнымъ, какъ и стараться, чтобы никто, не бывшій членомъ археологическаго общества, не могъ быть начальникомъ главной больницы; или чтобы никто, не бывшій членомъ общества для распространенія христіанства между евреями, не могъ быть попечителемъ литературнаго фонда.

Невозможно назвать ни одного союза человеческихъ существъ, въ которомъ бы разсужденія м-ра Гладстона принимались сильнѣе, чѣмъ въ арміи. Гдѣ найдемъ мы болѣе полное единство дѣйствій, чѣмъ въ арміи? Въ какомъ иномъ мѣстѣ столько человеческихъ существъ безусловно повинуются одному начальствующему уму? Есть ли какая другая масса, которая двигалась бы въ такой степени стройно? Гдѣ такая страшная власть вѣрится тѣмъ, которые командуютъ? Гдѣ лежитъ на нихъ столь же ужасная отвѣтственность? Если м-ръ Гладстонъ доказалъ, какъ онъ думаетъ, настоятельную необходимость государственной религіи, то онъ доказалъ гораздо болѣе настоятельную необходимость, чтобы всякая армія, какъ коллективное лицо, исповѣдывала религію. Готовъ ли онъ принять это послѣдствіе?

Утромъ 13-го августа 1704 года два великіе полководца, равные по власти, связанные тѣсными частными и общественными узлами, но различныхъ вѣрованій, готовящихся къ враждебности, отъ исхода котораго зависли вольности Европы, Марльборо провель часть ночи въ моленіи и передъ разсвѣтѣмъ принялъ св. причастіе согласно обрядамъ англійской церкви. Онъ тогда успѣшилъ свидѣться съ Евгениемъ, который, вѣроятно, только-что исповѣдался у папистскаго священника. Военачальники совѣщались, сообща составили планъ дѣйствій и явились къ своимъ постамъ. Марльборо отдалъ приказанія о служеніи молебновъ. Англійскіе капеланы совершали богослуженіе передъ англійскими полками. Кальвинистскіе капеланы голландской арміи, головы которыхъ никогда не знали епископскихъ рунъположеній, изливали свои моленія передъ фронтомъ своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ, датчане могли внимать своимъ лютеранскимъ пасторамъ, а папуцины могли ободрять австрійскіи войска и молить Св. Дѣву о благословеніи оружія священной Римской имперіи. Сраженіе начинается, и эти люди различныхъ религій дѣйствуютъ какъ члены одного тѣла. Католическій и протестантскій полководцы стараются поддержать и превайти другъ-друга. До заката солнца имперія спасена. Франція потеряла въ одинъ день плоды 80-лѣтнихъ интригъ и побѣдъ. И союзники, побѣдивъ вѣсть, воздаютъ благодареніе Богу поочевь, каждый по собственному обряду богослуженія. Но есть ли это практическій атеизмъ? Сказалъ ли бы любой здравомыслящій человекъ, что, такъ какъ союзная армія имѣла единство дѣйствій и общій интересъ и такъ какъ тяжкая отвѣтственность лежала на ея вождяхъ, поэтому было настоятельно необходимо, чтобы армія, какъ армія, имѣла одну господствующую религію, чтобы Евгенийъ лишень былъ начальства надъ войскомъ за то, что онъ былъ католикъ, чтобы всѣ голландскіе и австрійскіе полковники удалены были отъ службы за неподписаніе тридцати девяти статей вѣры? Конечно, нѣтъ. Самый невѣжественный гренадеръ на полѣ битвы увидѣлъ бы нецѣпость такого предложенія. «Я знаю, сказалъ бы онъ, что: принцъ савойскій ходитъ къ обѣднѣ и что нашъ капраля Джонъ (4) терпѣть ея не можетъ; но какое дѣло обѣднѣ до взятія деревни Бленгеймъ? Принцу нужно побить французовъ, и это же нужно капралу Джону. Если мы поможемъ другъ другу, то, весьма вѣроятно, побьемъ непріателя. Если устранимъ всѣхъ папистовъ и гол-

(4) Такъ прозванъ былъ въ англійской арміи герцогъ Марльборо.

ландцевъ, каждый изъ насъ будетъ въ рукахъ Галлара.» Самъ м-ръ Гладстонъ, ни думаемъ, допустилъ бы, что нашъ чисто-сердечный гренадеръ былъ бы правъ; а если такъ, то что слѣдуетъ изъ этого? То, что всѣ общіе принципы м-ра Гладстона о власти, ответственности, личности и совокупномъ дѣйствіи должны вѣстъ и что, если ужъ стоять его теоріи, такъ стоять она должна на какомъ-либо другомъ основаніи.

Мы показали теперь, кажется, что можетъ представляться необходимость образовать союзы людей для важныхъ цѣлей, что такіе союзы должны быть подъ управленіемъ лицъ, надѣленныхъ большою властью и находящихся подъ важною отвѣтственностью; но между тѣмъ было бы весьма вредно, еслибы союзы эти, какъ союзы, должны были признавать какую-либо одну систему религіозныхъ вѣрованій или совершать сообща какой-либо обрядъ религіознаго поклоненія. Что же доказываетъ, что то же самое не принимается къ некоторымъ изъ великихъ союзовъ, которые мы называемъ государствами? Мы твердо убѣждены, что къ некоторымъ государствамъ оно принимимо. Мы твердо убѣждены, что есть общества, въ которыхъ было бы такъ же нельзя мѣшать богословію съ правленіемъ, какъ нельзя было бы со стороны праваго крыла союзной арміи при Бленгеймъ въ разгарѣ битвы начинать споръ съ лѣвымъ крыломъ о чистилищѣ и поклоненіи иконамъ.

М-ръ Гладстонъ говоритъ намъ, что кто бы ни были лица, облеченныя верховною властью въ государствѣ, они обязаны употреблять власть эту на споспѣшествованіе тому, что имъ кажется богословскою истиною. Но, конечно, прежде чѣмъ онъ потребуетъ, чтобы допустили это положеніе, онъ обязанъ доказать, что лица эти могутъ сдѣлать болѣе добра, чѣмъ зла, такимъ употребленіемъ своей власти. Первый вопросъ состоитъ въ томъ, вѣроятяте ли, что правительство, предположившее себѣ распространеніе религіозной истины одною изъ главныхъ своихъ цѣлей, поведетъ народъ хорошо, или что оно поведетъ его дурно? М-ръ Гладстонъ избѣгаетъ этого вопроса, и, пожалуй, это самое мудрое, что онъ могъ сдѣлать.

«Если, говоритъ онъ, правительство хорошо, то пусть будетъ ему предоставлены въ распоряженіе его естественныя права и силы; если же оно не хорошо, то пусть будетъ сдѣлано хорошій... Мы, поэтому, поступаемъ справедливо, рассматривая сперва истинную идею или отвлеченное понятіе правительства, съ допущеніемъ, разумѣется, зла и слабостей, какія бываютъ въ человѣкѣ, и разбирая потомъ, заключается ли въ этой идеѣ способность и вытекающая изъ нея обязанность со стороны пра-

вительства издавать какіе-либо законы или употребить какія-либо средства для религиозныхъ цѣлей, — короче, принимать на себя выборъ въ дѣлѣ религіи.»

Конечно, м-ръ Гладстонъ имѣетъ полное право разсуждать о какомъ-либо отвлеченномъ вопросѣ, если только онъ постоянно поминитъ, что разсуждаетъ лишь объ отвлеченномъ вопросѣ. Было ли бы или нѣтъ совершенное правленіе удобнымъ механизмомъ для распространенія религиозной истины — вопросъ, конечно, безвредный и, насколько намъ извѣстно, интересный для изслѣдованія. Но весьма важно вспомнить, что нѣтъ и никогда не было ни одного совершеннаго правительства въ мірѣ. Нѣтъ вовсе никакого вреда въ изслѣдованіи пути, какой избралъ бы брошенный въ воздухъ камень, еслибъ не дѣйствовалъ законъ тяготѣнія. Но послѣдствія были бы неприятны, еслибъ изслѣдователь, тотчасъ по окончаніи своего вычисленія, сталъ разбрасывать камни во всѣхъ направленіяхъ, не подумавши, что заключеніе его опирается на ложную гипотезу и что брошенные имъ тѣла, вмѣсто того, чтобъ летѣть въ безконечное пространство, возвратятся скоро по параболамъ и побьютъ окна и головы его сосѣдей.

Весьма легко сказать, что правительства хороши или, если не хороши, должны бы сдѣлаться такими. Но что разумѣется подъ хорошимиъ правительствомъ? И какъ всѣ дурными правительства въ мірѣ сдѣлаютъ хорошими? И какую цѣну имѣетъ теорія, которая справедлива лишь при предположеніи въ высшей степени странномъ?

Мы, впрочемъ, не допускаемъ, что еслибъ правительство было для всѣхъ своихъ временныхъ цѣлей настолько современнымъ, насколько дозволяетъ человѣческая слабость, то такое правительство было бы, повтому, непремѣнно способнымъ къ распространенію истинной религіи. Мы видимъ, что годность правительствъ къ распространенію истинной религіи вѣсколько не соразмѣрна годности ихъ для достиженія временныхъ цѣлей ихъ учрежденія. Обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, мы видимъ, что государи, подъ управленіемъ которыхъ народы были самымъ искуснымъ образомъ охраняемы отъ внѣшняго и внутренняго безпокойства и сдѣлали самые быстрые успѣхи въ цивилизаціи, отнюдь не были хорошими наставниками богословія. Возьмите, напримѣръ, лучшаго французскаго государя, Генриха IV, короля, который возстановилъ порядокъ, прекратилъ страшную междоусобную войну, привелъ финансы въ отличное положеніе, вынулъ всей Европѣ уваженіе къ своей странѣ и привязалъ

къ себѣ огромную массу народа, которыми управлялъ. Этотъ человекъ былъ дважды гугенотомъ и дважды павистомъ. Онъ, какъ намекаетъ Давида, былъ сильно заподозриваемъ въ немиліи въ теоріи вовсе никакой религіи и, конечно, не много стеснялся религіею въ своихъ дѣйствіяхъ. Возьмите царя Петра, императрицу Екатерину, Фридриха Великаго. Навѣрное никто не станетъ оспаривать, что государи эти, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, будучи разсматриваемы относительно чисто пріемлемыхъ цѣлей правленія, были выше обыкновеннаго уровня. Разсматриваемые же какъ богословскіе руководители, они были бы, вѣроятно, помѣщены м-ромъ Гладстономъ ниже самыхъ отпратительныхъ глупцовъ испанской отрасли бургонскаго дома. Сверхъ того, перейдя отъ отдѣльных лицъ къ системамъ, мы никакъ не находимъ, чтобы способность правительствъ къ распространенію религіозной истины была сообразна способности ихъ къ свѣтскимъ отправленіямъ. Не будучи слѣпыми поклонниками ни французскихъ, ни американскихъ учреждений, мы видимъ ясно, что личность и собственность гражданъ защищены во Франціи и въ Новой Англіи лучше, чѣмъ почти въ любомъ обществѣ, какое существуетъ теперь или когда-либо существовало; и, конечно, гораздо лучше, чѣмъ въ Римской имперіи, подъ правовѣрнымъ управленіемъ Константина и Эвдозія. Но ни правительство Франціи, ни правительство Новой Англіи не организованы такъ, чтобы быть годными къ распространенію богословскихъ ученій. Да и не считаемъ мы невѣроятнымъ, чтобы самыя важныя религіозныя заблужденія могли господствовать въ государствѣ, которое, разсматриваемое только относительно временныхъ цѣлей, можетъ подходить гораздо ближе всякаго другаго, когда-либо известнаго, къ *idēa* того, чѣмъ государство должно бы быть.

Но оставимъ этотъ отвлеченный вопросъ и посмотримъ на свѣтъ, какія мы его находимъ. Дѣлаетъ ли путь, которымъ правительства обыкновенно достигаютъ власти, сколько-нибудь вѣроятнымъ, что они болѣе будутъ благоприятствовать правовѣрнѣю, чѣмъ ереси? Нація варваровъ устремляется на богатое и невоинственное государство, поработачаетъ народъ, раздѣляетъ землю и сливаетъ учрежденія, какія находятъ въ городахъ, съ прилеженіемъ ею изъ лѣсовъ. Горсть смѣлыхъ удалцовъ, принадлежащихъ цивилизованной націи, проникаетъ въ какую-нибудь дикую страну и поработачаетъ мѣстное первобытное племя. Побѣдоносный полководецъ обращаетъ оружіе свое противъ государства, которому служить. Общество, оскотинившееся вельдствіемъ угнетенія, возстаетъ въ обществѣ на своихъ вла-

стелниовъ, сносить всѣ старинные законы и обычаи и; когда минуетъ первый припадокъ ярости, погружается подъ любую форму государственнаго устройства, какому случится возникнуть изъ хаоса, Глава партіи, какъ во Флоренціи, дѣлается незамѣтно владыкою и основателемъ династіи. Начальникъ наемниковъ, какъ въ Миланѣ, завладѣваетъ городомъ и силою меча дѣлается его правителемъ. Избирательный сенатъ, какъ въ Венеціи, присвоиваетъ себѣ постоянную власть. Вотъ при какихъ событіяхъ обыкновенно возникаютъ правительства; а въ такихъ явленіяхъ мы не можемъ видѣть никакого основанія убѣжденію, что правительства, такимъ образомъ вызванныя къ бытію, будутъ особенно способны отличать религіозную истину отъ ереси.

Съ другой стороны, смотря на учрежденія правительствъ; уже установившихся, мы не находимъ въ нихъ большаго ручательства за правовѣріе правителей. Одинъ сановникъ пользуется властью оттого, что ему выпалъ жребій; другой потому, что до него властью пользовался его отецъ. Представительныя системы бываютъ всѣхъ родовъ: обширныя избирательныя сословія, малыя избирательныя сословія, всеобщая подача голосовъ, высокіе цензы. Мы видимъ, что для временныхъ цѣлей правленія нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій устроены весьма искусно и что самое худшее изъ нихъ должно быть предпочтено анархіи. Мы видимъ нѣкотораго рода связь между самымъ худшимъ изъ нихъ и временнымъ благосостояніемъ общества. Но разумъ нашъ не въ состояніи постичь, какая существуетъ связь между любимъ изъ нихъ и богословскою истиною.

А что показываютъ факты? Не были ли почти всѣ въ мірѣ правительства всегда въ заблужденіи относительно религіозныхъ предметовъ? М-ръ Гладстонъ, мы думаемъ, сказалъ бы, что, за исключеніемъ времени Константина, Іовіана, весьма немногихъ изъ ихъ преемниковъ, и иногда въ Англіи со времени реформаціи, ни одно правительство никогда не было искренно расположено къ чистой и апостольской церкви Христа. Если, поэтому, справедливо, что всякій правитель обязанъ по совѣсти употреблять свою власть для распространенія собственной религіи, то изъ этого слѣдуетъ, что на одного правителя; который обязанъ былъ по совѣсти употреблять власть свою для распространенія истины, тысяча правителей обязаны были по совѣсти употреблять власть свою для распространенія лжи. Это, конечно, заключеніе, отъ котораго здравый смыслъ отступается. Если опытъ показываетъ, что какая-либо машина, будучи употреблена для произведенія даннаго дѣйствія, не производитъ этого дѣйствія даже одинъ разъ изъ тысячи, но производитъ,

въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствіе прямо противоположное, то мы не можемъ быть неправыми, говоря, что это не есть машина, которой главное назначеніе состоитъ въ желаемомъ нами употребленіи.

Еслибъ власть довольствовалась предложеніемъ народу своихъ мнѣній и основаній и, не влія на него ни надеждою, ни страхомъ, предоставляла бы ему обсудить предложеніе самому, то мы не мнѣли бы большаго повода опасаться, что вѣшательство власти въ пользу заблужденія было бы серьезно вреднымъ для интересовъ истины. Да и не возражаемъ мы, какъ впоследствии будетъ видно, противъ того, чтобы власть избрала этотъ путь, если онъ совмѣстенъ съ успешнымъ исполненіемъ ея болѣе специальныхъ обязанностей. Но это не удовлетворяетъ м-ра Гладстона. Онъ желалъ бы, чтобы власть прибѣгала къ средствамъ, которыя, по всей вѣроятности, породятъ недовольныхъ, лицемеровъ, холодныхъ конформистовъ по имени, но никакъ не честное и рациональное убѣжденіе. Намъ кажется совершенно яснымъ, что изслѣдователь, которымъ руководитъ единственное желаніе познать истину, болѣе способенъ найти ее, чѣмъ изслѣдователь, который знаетъ, что, рѣшивши однимъ образомъ, онъ будетъ награжденъ, а рѣшивши другимъ, будетъ наказанъ. Но м-ръ Гладстонъ желалъ бы, чтобы правительства распространяли свои мнѣнія посредствомъ исключенія всѣхъ диссидентовъ отъ всѣхъ гражданскихъ должностей. То есть, онъ желалъ бы, чтобы правительства распространяли свои мнѣнія способомъ, не имѣющимъ ни малѣйшаго отношенія къ истинности или ложности этихъ мнѣній; чтобы они произвольно соединяли известныя мірскія выгоды съ однимъ родомъ ученій, и известныя мірскія неудобства съ другимъ. По самой сущности своей обсужденіе и доказательство должны служить интересамъ истины; но если интересу истины служить награды и наказания, то это бываетъ чисто случайно. Гораздо легче прискать аргументы для божественнаго авторитета евангелія, чѣмъ для божественнаго авторитета короля. Но точно такъ же легко, подкупомъ или пыткою, обратить еврея въ магометанство, какъ и въ христіанство.

Отъ пытокъ и отъ всякихъ наказаній, направленныхъ противъ лица, собственности и свободы еретиковъ, гуманное чувство м-ра Гладстона отступаетъ, правда, съ ужасомъ. Онъ только утверждаетъ, что сообразованіе съ государственной религіей должно быть необходимымъ условіемъ къ исправленію должности; и онъ, если только мы не поняли его совершенно ложно, считалъ бы своею обязанностью, имѣя власть, возобно-

вить Test Act, прилагать его неуклонно и распространить на высшіе классы, которые прежде были изъяты отъ его дѣйствія.

Это только законное слѣдствіе его принциповъ. Но почему останавливаться здѣсь? Почему не жарить диссидентовъ на желѣнномъ огнѣ? Вся общія сужденія, на которыя опирается эта теорія, очевидно, ведутъ къ кровавадному преслѣдованію. Если распространеніе религіозной истины есть одна изъ главныхъ цѣлей правительства, какъ правительства; если правительство обязано употреблять для этой цѣли свою конституціонную власть; если конституціонная власть правительствъ простирается, — а это несомнѣнно, — до изданія законовъ о сожиганіи еретиковъ; если сожиганіе во многихъ случаяхъ самое дѣйствительное средство для уничтоженія мнѣній, — а оно, конечно, имъ бываетъ: то отчего же намъ не сожигать? Если отношеніе, въ какомъ правительство должно стоять къ народу, есть, какъ говоритъ м-ръ Гладстонъ, отеческое, то мы непремѣнно приходимъ къ заключенію, что преслѣдованіе правомерно. Право распространять мнѣнія посредствомъ наказанія есть право, принадлежащее родителямъ такъ же несомнѣнно, какъ и право давать образованіе. Мальчикъ принужденъ присутствовать при семейномъ богослуженіи; ему запрещено читать иррелигіозныя книги; если онъ не выучилъ своего урока изъ катехизиса, то отправляется въ постель безъ ужина; если онъ прогулялъ время богослуженія, ему задаютъ штрафной урокъ. Еслибъ онъ заявлялъ скороспѣлость своихъ способностей, высказывая безбожныя мнѣнія въ присутствіи своихъ братьевъ и сестеръ, то мы не слишкомъ упрекали бы отца его за прекращеніе полемики хлыстомъ. Вся основанія, которыя приводятъ насъ къ мысли, что родители особенно способны руководить воспитаніемъ своихъ дѣтей и что воспитаніе есть одна изъ главныхъ цѣлей семейныхъ отношеній, ведутъ насъ тоже къ мысли, что родителямъ должно быть дозволено, въ случаѣ нужды, употреблять наказаніе съ цѣлью принудить дѣтей, неспособныхъ судить за себя самихъ, къ религіозному образованію и присутствію при богослуженіи. Почему же это право наказанія, столь отеческое, отнимать у отеческаго правительства? Намъ кажется тоже вѣрхомъ нелѣпости употреблять гражданскія неправоиспособности для распространенія мнѣнія и потомъ отступать передъ употребленіемъ другихъ наказаній для той же цѣли. Ничто не можетъ быть яснѣе того, что если ужъ вы наказываете, такъ должны наказывать вдоволь. Боль, причиняемая наказаніемъ, есть чистое зло, безъ примѣси, и никогда не должна быть наносима, развѣ ради какого-нибудь добра. Было бы безумной жестокостью вводить

наказанія, которыя мучать преступника, не предотвращая преступленія. Но кровавыми преслѣдованіемъ, безжалостно придвигаемъ, возможно уничтожить мѣнія. Этимъ путемъ были подавлены долларды. Этимъ путемъ прекрасныя зачатки реформація были истреблены въ Италіи и Испаніи. Но мы смѣло вызываемъ м-ра Гладстона указать намъ хоть одинъ случай, въ которомъ предлагаемая имъ система увѣнчалась бы успѣхомъ.

И съ какой стати онъ такъ мягкосердъ? Какое можетъ онъ представить основаніе, чтобъ вѣшать убійцу и не подвергать основателей ереси даже денежной пенѣ? Развѣ ересіархъ менѣе вредный членъ общества, нежели убійца? Развѣ гибель одной души не большее зло, чѣмъ уничтоженіе многихъ жизней? И число убійствъ, совершенныхъ самымъ гнуснымъ подкупнымъ убійцею, какой когда-либо отдавалъ въ наемъ свой кинжалъ въ Италіи, или самымъ дикимъ морскимъ разбойникомъ, какой когда-либо плавалъ у Windward Station ⁽⁵⁾, дѣйствительно мало въ сравненіи съ числомъ душъ, какое можетъ попасться въ сѣти одного ловкаго ересіарха. Если же ересіархъ причивляетъ незаконно большее зло, чѣмъ убійца, то почему же не подпадаетъ онъ точно такъ же подъ уголовное законодательство, какъ и убійца? Мы можемъ представить причину, короткую, простую, рѣшительную и основательную. Мы не смягчаемъ зла, какое производитъ ересіархъ; мы только говоримъ, что оно не есть зло того рода, охранять отъ котораго составляетъ цѣль правительства. Но мы не понимаемъ, какъ м-ръ Гладстонъ, считая зло, производимое ересіархомъ, такимъ зломъ, охранять отъ котораго составляетъ цѣль правительства, — можетъ избѣгнуть очевиднаго вывода изъ своего ученія. Мѣръ положить подобнымъ случаямъ. Торговка апельсинами, своею тачкою, мѣшаетъ ходить по тротуару, и полиціемъ ее арестуетъ. Скрыга, накопившій миллионъ, даетъ старому другу и благодѣтелю умереть въ рабочемъ домѣ, и не можетъ быть потребованъ ни предъ однимъ судъ за свою низость и неблагодарность. Бываетъ ли это оттого, что законодатели считаютъ поступокъ торговли апельсинами хуже поступка скрыги? Совсе нѣтъ. Это бываетъ оттого, что прерваніе сообщенія есть одно изъ золъ, ограждать отъ которыхъ дѣло общественной власти, а бездушіе не входитъ въ число этихъ золъ. Было бы верхомъ безумія сказать, что скрыга долженъ, дѣйствительно, быть наказанъ съ меньшою строгостью, чѣмъ торговка апельсинами.

(5) Пристань Навѣтренныхъ острововъ.

Еретикъ Констанцій преслѣдуетъ Аелнасія; да отчего жъ ему не преслѣдовать? Долженъ ли кесарь наказывать вора, который укралъ кошелекъ, и шадить бездѣльника, который научилъ милліоны людей лишать Создателя должной ему почести и воздавать ее созданію? Правовѣрный Феодосій преслѣдуетъ аріанъ, и съ не меньшимъ основаніемъ. Должно ли оскорбленіе, навешенное величію кесаря, быть искуплено смертью, когда остается безнаказаннымъ тотъ, кто всемогущаго, безконечнаго Создателя низводитъ на ступень творенія? У насъ на то и на другое короткій отвѣтъ: «Кесарю кесарево. Кесарь назначенъ для наказанія разбойниковъ и мятежниковъ. Онъ не назначенъ ни для распространенія, ни для истребленія ученія о единносущности Отца и Сына.» «Не такъ», говоритъ м-ръ Гладстонъ. «Кесарь обязанъ по совѣсти распространять касательно этого вопроса все, что бы онъ ни считалъ истинною. Констанцій обязанъ вводить аріанское богослуженіе во всей имперіи и удалять храбрѣйшихъ военачальниковъ изъ своихъ легионовъ и способнѣйшихъ министровъ изъ своего казначейства, если они придерживаются никейскаго вѣрованія. Феодосій равномерно обязанъ удалить всякаго общественнаго слугу, котораго опредѣлили его аріанскіе предшественники. Но если Констанцій валагаетъ на Аелнасія пеню хоть въ одинъ ауреусъ, если Феодосій сажаетъ аріанскаго пресвитера на недѣлю въ тюрьму, то это самое неизвинительное притѣсненіе.» Нашимъ читателямъ любопытно будетъ знать, какъ устанавливается это различіе.

Основанія, какія м-ръ Гладстонъ представляетъ противъ преслѣдованія, падающаго на жизнь, члены и собственность, могутъ быть раздѣлены на два класса: во первыхъ, которыя можно назвать основаніями лишь изъ крайней вѣжливости и къ употребленію которыхъ ничто, кромѣ плачевной необходимости, никогда не привело бы человѣка со способностями м-ра Гладстона; во вторыхъ основанія, которыя, дѣйствительно, должны быть признаны основаніями и обладаютъ такою силою, что не только вполне доказываютъ исключеніе м-ра Гладстона, но вполне опровергаютъ его общее правило. Артиллерія его въ этомъ случаѣ составлена изъ орудій двоякаго рода: одни вовсе не хотятъ палить; другія же палятъ съ силою, которая разрушительнымъ образомъ дѣйствуетъ на стрѣляющаго.

«Мы, какъ погрѣшительныя существа, говоритъ м-ръ Гладстонъ, не имѣемъ никакого права, на основанія какихъ-либо умозрѣній, наносить муки и кары нашимъ ближнимъ, ни по социальнымъ, ни по религіознымъ причинамъ. Мы имѣемъ право

поддерживать законы отравы такими мукми и карами потому, что оно дано Тѣмъ, кто объявилъ, что гражданскіе правители должны носить мечъ для наказанія злодѣевъ и для поощренія людей, поступающихъ хорошо. Такимъ образомъ, въ дѣлахъ духовныхъ, еслибъ Богу было угодно дать церкви и государству эту власть, чтобы они постоянно дѣйствовали на своихъ членовъ или на человечество вообще; — то мы имѣли бы право ее употреблять; но не видно, чтобы она была дана, — а слѣдственно, она не должна быть и приводима въ дѣйствіе.»

Намъ было бы весьма грустно думать, что безопасность нашей жизни и собственности отъ преслѣдованія опирается не на лучшее основаніе, чѣмъ приведенное. Развѣ учитель ереси не злодѣй? Не была ли ересь осуждена во многихъ земляхъ, между прочими и въ нашей, законами страны, которые, какъ говоритъ м-ръ Гладстонъ, позволено усиливать карательными опредѣленіями? Если еретикъ специально не упомянуть въ текстъ, на который ссылается м-ръ Гладстонъ, то не упомянуть и убійца, похититель людей или разбойникъ на большой дорогѣ; и если молчаніе Новата Завѣта касательно всякаго вишательства правительствъ, съ цѣлью остановить развитіе ереси, служить основаніемъ, чтобъ не штрафовать и не сажать въ тюрьму еретики, то, конечно, оно служитъ точно такимъ же хорошимъ основаніемъ не устранять ихъ отъ должности.

«Богъ, говоритъ м-ръ Гладстонъ, заблагоразсудилъ разрѣшить употребленіе силы въ одномъ случаѣ, а не въ другомъ: именно, относительно кѣры мечомъ, за обиду, нанесенную Искуштелю, онъ объявилъ, что царство его не отъ міра сего, — желая, по видимому, сказать этимъ, что въ отношенія опредѣленій, какими должны поддерживаться его законы, слѣдуетъ поступать не по образу міра сего».

Но здѣсь м-ръ Гладстонъ, цитируя на память, впалъ въ заблужденіе. Весьма замѣчательныя слова, которыя онъ приводитъ, не имѣютъ, по видимому, никакого отношенія къ раямъ, нанесенной Петромъ Малху. Они были обращены къ Пилату, въ отвѣтъ на вопросъ: «Царь ли ты Іудейскій?» Мы не можемъ скрыть свое удивленіе, что м-ръ Гладстонъ не провѣрилъ точно приведенныя слова, на которыхъ, по его мнѣнію, преимущественно основывается право сотни милліоновъ его ближнихъ, идолопоклонниковъ, мусульманъ, католиковъ и диссидентовъ, на собственность, свободу и жизнь.

Гуманныя толкованія Священнаго Писанія, къ сожалѣнію, крайне лишены одного преимущества, которое онъ считаетъ

чрезвычайно важныиъ: они нисколько не согласуются съ общими правилами или практикою церкви, начиная съ того времени, когда христіане сдѣлались достаточно сильными для преслѣдованія, и до самаго новѣйшаго періода. Догмать, благопріятствующій терпимости, не есть, конечно, догмать, *quod semper, quod ubique, quod omnibus* (6). Бессювтъ могъ сказать, — мы опасаемся, — слишкомъ справедливо, что относительно одного предмета всѣ христіане давно были согласны: относительно права гражданской власти распространять истину мечомъ; что касательно этого права даже еретики были правовѣрны и что анабаптисты и социніанцы были первые, которые въ немъ усомнились. Мы не беремъ сказать, какое наилучшее изъясненіе разсматриваемаго текста; но мы увѣрены, что толкованіе м-ра Гладстова наилучшее. По его мнѣнію, правительство должно исключать диссидентовъ отъ службы, но не налагать на нихъ пени, потому что царство Христово не отъ міра сего. Мы не видимъ, почему граница не могла бы быть проведена на сотнѣ другихъ мѣсть, кромѣ избраннаго м-ромъ Гладстономъ. Мы не видимъ, почему бы лордъ Кларендонъ; защищая актъ 1664 противъ сборищъ диссидентовъ, не могъ сказать: «Нѣкоторые думали, что этотъ классъ людей слѣдовало бы не только заключать въ тюрьму, но и выставять къ позорному столбу. Но мнѣ кажется, милорды, что намъ запрещается выставять къ позорному столбу словами Священнаго Писанія: «царство мое не отъ міра сего.» Архіепископъ Лодъ, судя Бортонъ въ Звѣздной палатѣ, могъ бы сказать: «Я приговариваю къ позорному столбу; и хотя, дѣйствительно, я желалъ бы, чтобы всѣ такіе бездѣльники были преданы огню, но Господь сказалъ намъ, что царство его не отъ міра сего.» И Гардинеръ могъ бы написать оксфордширскому шерифу: «Смотрите, чтобы казнь была непременно совершена надъ м-ромъ Ридли и м-ромъ Латимгромъ; за неисполненіе этого вы будете отвѣчать ея величеству королевѣ. Но еслибъ они пожелали имѣть нѣсколько пороку для прекращенія своихъ мученій, то я не вижу, почему бы вамъ не разрѣшить этого, такъ какъ написано: *Regnum meum non est de hoc mundo*, т. е., царство мое не отъ міра сего.»

Но м-ръ Гладстонъ приводитъ другіе аргументы противъ преслѣдованія, аргументы, которые имѣютъ такой большой вѣсъ, что оказываются рѣшительными не только противъ преслѣдова-

(6) Который всегда, вездѣ и для всѣхъ (былъ истиной).

нн, но и протязъ всей его теоріи. «Правительство, говорить онъ, не компетентно имѣть подробный и постоянный надзоръ за релігіозными мнѣніями.» Изъ этого онъ выводитъ, что «правительство превышаетъ свою власть, когда берется примѣнять мѣру наказаній къ различнымъ оттѣнкамъ релігіозныхъ мнѣній, смотря до ихъ относительнымъ степенямъ отступленія отъ господствующей вѣры. Отказать сектамъ въ покровительствѣ единственное и простое правило. Наказывать же ихъ послѣдователей, сообразно съ ихъ различными заблужденіями, правительство не можетъ: хотя бы это отправленіе власти не встрѣчало ниаго возраженія, — достаточно, что для него государство должно бы взять на себя функціи вполнѣ церковныя, къ чему оно, по сущности своей, неспособно.»

Это, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо. Но какъ такое положеніе согласуется съ теоріею м-ра Гладстона? Какъ! правительство не компетентно даже въ такой степени надзора за релігіознымъ мнѣніемъ, какая подразумѣвается при наказаніи самой убійственной ереси! Правительство не компетентно даже измѣрять грубѣйшія отступленія отъ принятой истинны! Правительство, по существу своему, неспособно судить о сравнительномъ безобразіи какихъ бы то ни было богословскихъ заблужденій! Правительство дотого невѣжественно въ этихъ предметахъ, что принуждено оставить безъ наказанія не только медкія ереси, распознаваемые лишь глазомъ Кирилы или Бундера (?), но и соцініанизмъ, деизмъ, магометанство, идолопоклонничество, атеизмъ! Кому же м-ръ Гладстонъ назначаетъ обязанность избрать для государства релігію, между сотнями релігій, изъ когорыхъ каждая заявляетъ притязаніе на истину? Тому самому правительству, которое тутъ же объявлено дотого негоднымъ къ богословскимъ изслѣдованіямъ, что оно не должно рѣшаться наказывать человѣка за поклоненіе куску камня съ двумя десятками головъ и рукъ! Не помнимъ, чтобы мы когда-либо встрѣчали болѣе необыкновенный примѣръ непослѣдовательности. Когда м-ръ Гладстонъ желалъ доказать, что правительство должно установить и обезпечить релігію и затѣмъ ограждать ее Test Act'омъ, тогда правительство является *тотъ лавъ* въ нравственномъ мірѣ. Желаніе ограничивать его мірскими цвлями низко смотрятъ на его сущность. Его дѣятельность должна быть соединена съ релігіей, и та релігія должна быть или релігія совѣсти

(?) Первый былъ епископъ александрійскій. Второй былъ французскій реформаторъ.

правителя, или никакая. Дѣло правителя рѣшать споры между пѣпистами и протестантами, ясенистами и молнистами, арминіанами и кальвинистами, епископалами и пресвитеріанами, сабелліанами и тритеистами, гомоусіанами и гомоюсіанами, несторіанами и евтихіанами, монотелитами и монофизитами, педобаптистами и анабаптистами. Его дѣло обсудить акты Никеи и Римини, Ефесса и Халкедона, Константинополя и св. Іоанна Латеранскаго, Триента и Дортрехта. Его дѣло быть судьей между греческимъ и римскихъ вѣроисповѣданіями и рѣшить, должно ли это таинственное *filioque* или не должно входить въ національную вѣру. Когда онъ порѣшилъ, ему слѣдуетъ обложить податью все общество, съ цѣлью платить людямъ, поучающимъ его мнѣнію, каково бы оно ни было. Онъ долженъ полагаться на свое собственное разумѣніе, хотя бы оно было противно разумѣнію девяти десятыхъ общества. Онъ долженъ дѣйствовать по своему собственному разумѣнію, рискуя возбудить самыя страшныя неудовольствія. Онъ долженъ подвергать, быть можетъ, огромное большинство народонаселенія тому, что — угодно ли м-ру Гладстону назвать это преслѣдованіемъ или нѣтъ — всегда будетъ чувствоваться какъ преслѣдованіе, тѣми, которые будутъ его испытывать. Правитель, по причинѣ различій, часто слишкомъ тонкихъ для обыкновеннаго пониманія, долженъ лишать государство услугъ способнѣйшихъ людей. Онъ долженъ, унижая и ослабляя общество, которымъ управляетъ, низвести его со степени націи на степень секты. Въ нашей собственной странѣ, напримѣръ, милліоны католиковъ, милліоны протестантскихъ диссидентовъ должны быть удалены отъ всякой власти и почестей. Большой непріятельскій флотъ является на морѣ; но Нельсонъ не долженъ командовать въ Британскомъ каналѣ, если въ таинствѣ Троицы онъ смѣшиваетъ лица. Непріятельская армія высадилась къ Кентѣ; но герцогъ Веллингтонъ не долженъ быть во главѣ нашихъ войскъ, если онъ дѣлаетъ различіе между субстанціями. И послѣ всего этого, м-ръ Гладстонъ говоритъ намъ, что было бы несправедливо заключить на день въ тюрьму еврея, мусульманина или буддиста, потому что правительство, дѣйствительно, не можетъ понимать религіозныхъ предметовъ и не должно вмѣшиваться въ вопросы, подлежащіе церкви. Да, странный богословъ это правительство! Оно дотогу учено, что компетентно устранять Гроція отъ должности за то, что онъ семи-пелагианинъ; и въ то же время оно дотогу неучено, что некомпетентно оштрафовать рупією индусскаго поселянина за то, что онъ идетъ на богомолье въ Джаггернатъ.

«Право упрашивать и убѣждать другъ-друга, говорить м-ръ Гладстонъ, принадлежить намъ всѣмъ; и кто умнѣе и лучше, тотъ обязанъ совѣтовать менѣе умному и хорошему; но онъ не только не обязанъ принуждать наставляемаго; ему этого, говоря вообще, даже не дозволяется. Несправедливо, слѣдовательно, чтобы тѣ самыя причины, которыя обязываютъ правительство предоставлять религію свободному выбору народа, оправдывали, поэтому, правительство въ насильномъ навязываніи ея.»

Положимъ, что такъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ тѣ же причины, которыя оправдали бы правительство въ распространеніи религіи посредствомъ гражданскихъ неспособностей, оправдали бы распространеніе этой религіи посредствомъ уголовныхъ законовъ. Упрашивать! Значить ли упрашивать — сказать католическому герцогу, что онъ долженъ отречься отъ своей религіи или выйти изъ палаты лордовъ? Убѣждать! Значить ли уговаривать — сказать извѣстному краснорѣчию и ученостью адвокату, что онъ долженъ состарѣться въ своей тогѣ, въ то время, какъ его ученики будутъ садиться выше его въ горностаихъ, потому что онъ не можетъ переварить проклинающихъ пунктовъ вѣрованія Аелнасія? Полагалъ ли бы м-ръ Гладстонъ, что религіозная система, которую онъ считаетъ ложною, напримѣръ соцініанизмъ, была бы предоставлена его свободному выбору, еслибы она предоставлялась на этихъ условіяхъ? — «Если вы упорно привержены къ вѣрованію никейскихъ отцовъ, вы не будете на Смитфилдѣ; вы не будете отправлены въ Дорчестерскую тюрьму; вы даже не будете платить двойную поземельную подать. Но вы будете устранены отъ всѣхъ должностей, въ которыхъ вы могли бы употребить ваши таланты съ честью для васъ самихъ и съ пользою для страны. Палата общинъ, судейская скамья существуютъ не для подобныхъ вамъ. Вы увидите, какъ люди, моложе васъ, ниже васъ по положенію и талантамъ, будутъ достигать высочайшихъ сановъ и привлекать на себя взоры націй, тогда какъ вы осуждены на забвеніе и неизвѣстность. Если у васъ есть сынъ, подающій величайшія надежды, сынъ, на котораго другіе отцы взирали бы съ восторгомъ, то развитіе его прекрасныхъ талантовъ и его благороднаго честолюбія будетъ для васъ мученьемъ. Вы должны смотрѣть на него, какъ на существо, обреченное вести, подобно вамъ, презрѣнную жизнь римлянина или неаполитанца среди великаго англійскаго народа. Всѣ эти высокія почести, которыя гораздо драгоцѣннѣе, чѣмъ самыя дорогіе дары деспотовъ, и которыя свободная страна украшаетъ своихъ слав-

выхъ гражданъ, будутъ для него, какъ онѣ были и для васъ, предметами не надежды и добродѣтельнаго соревнованія, но безнадежной, завистливой тоски. Воспитывайте его, если желаете, чтобъ онъ чувствовалъ свое униженіе. Воспитывайте его, если вы желаете возбудить въ немъ страсть къ тому, чѣмъ онъ никогда не долженъ наслаждаться. Воспитывайте его, если вы хотите подражать варварству того кельтійскаго тирана, который кормилъ своихъ узниковъ соленою пищею, пока они не требовали пить, а тогда спускалъ въ темницу пустую чашу и заставлялъ ихъ умирать отъ жажды. Значитъ ли это упрашивать, убѣждать, предоставлять религію свободному выбору человѣка? Пени въ 1000 ф. стерл., шестимѣсячное заключеніе въ Ньюгэтъ, при обстоятельствахъ не безславящихъ, причинили ли бы м-ру Гладстону такое страданіе, какое онъ испыталъ бы, еслибъ ему сказали, что съ нимъ стануть поступать такимъ же образомъ, какимъ онъ самъ поступалъ бы болѣе чѣмъ съ половиною своихъ соотечественниковъ?

Насъ вовсе не удивляетъ открытіе такой непоследовательности даже въ человѣкѣ съ талантами м-ра Гладстона. Дѣло въ томъ, что всякій человѣкъ есть, въ значительной степени, созданіе вѣка. Напрасно сопротивляется онъ вліянію, какое должна производить на него огромная масса, въ которой онъ составляетъ лишь атомъ. Онъ можетъ пробовать сдѣлаться человѣкомъ X-го столѣтія; но это невозможно. Хочетъ ли онъ или нѣтъ, онъ долженъ быть человѣкомъ XIX-го столѣтія. Онъ участвуетъ въ движеніи нравственнаго міра точно такъ же, какъ и въ движеніи физическаго. Для него не болѣе возможно проникнуться такою же нетерпимостью, какую онъ проникся бы во времена Тюдоровъ, чѣмъ находится вечеромъ въ томъ же самомъ мѣствѣ атмосферы, гдѣ онъ былъ утромъ. Земной шаръ вращается отъ запада къ востоку, и человѣкъ долженъ съ нимъ вращаться. Когда онъ говоритъ, что находится тамъ же, гдѣ и былъ, онъ только выражаетъ этимъ, что двигался равномерно со всѣмъ, его окружающимъ. Говоря, что онъ значительно подвинулся къ западу, онъ только означаетъ этимъ, что не двигался къ востоку такъ же быстро, какъ двигались его сосѣди. Книга м-ра Гладстона представляетъ отличный примѣръ того же. Она служитъ мѣрою тому, что человѣкъ можетъ сдѣлать, чтобы остаться позади міра. Она показываетъ напряженное стремленіе весьма сильнаго ума настолько держаться въ послѣднемъ ряду общаго прогресса, на сколько это возможно. А между тѣмъ, при самомъ напряженномъ усиліи м-ръ Гладстонъ не можетъ не быть, въ нѣкоторыхъ важныхъ

пунктахъ, далеко впереди самого Локка; и съ какимъ бы уваженіемъ онъ ни смотрѣлъ на Лода, но для него, право, недурно, что онъ не писалъ во времена этого ревностнаго примаса, который, навѣрное, опровергъ бы приведенныя нами толкованія Священнаго Писанія однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ аргументовъ, какимъ можно подѣйствовать на человѣческія уши.

Это не единственный случай, въ которомъ м-ръ Гладстонъ отступился весьма замѣчательнымъ образомъ отъ выводовъ изъ своей собственной теоріи. Если есть на свѣтѣ государство, къ которому приложима эта теорія, такъ это британскія владѣнія въ Индіи. Даже мы, которые ненавидимъ отеческія правительства вообще, должны допустить, что обязанности правительства Индіи, въ значительной степени, отеческія. Тамъ превосходство правителей надъ управляемыми въ нравственномъ познаніи неоспоримо. Обращеніе всего народа къ наихудшей формѣ, въ какой христіанство когда-либо проявлялось въ самые непросвѣщенные вѣка, было бы самымъ счастливымъ событіемъ. Не нужно быть христіаниномъ, чтобъ желать распространенія христіанства въ Индіи. Достаточно быть европейцемъ не слишкомъ ниже обыкновеннаго европейскаго уровня здравомыслія и гуманности. Въ сравненіи съ важностью связанныхъ съ этимъ событіемъ интересовъ, всѣ шотландскіе и ирландскіе вопросы, которые занимаютъ столь обширную часть книги м-ра Гладстона, лишены значенія. Ни въ одной части свѣта, со временъ Θεодосія, не было столь многочисленное языческое народонаселеніе подчинено христіанскому правительству. Ни въ одной части свѣта нѣтъ язычества болѣе жестокаго, болѣе распутнаго, болѣе изобилюющаго нелѣпыми обрядами и пагубными законами. Конечно, если правительство обязано употреблять свою власть и свои доходы, чтобъ привлечь 7 милліоновъ ирландскихъ католиковъ въ протестантскую церковь, то тѣмъ болѣе оно обязано употреблять свою власть и свои доходы, чтобы сдѣлать 70 милліоновъ идолопоклонниковъ христіанами. Если грѣхъ дозволять Джону Говарду или Вилліаму Пенну занимать какую-либо должность въ Англіи, потому что они не привержены къ господствующей церкви, то вопіющей грѣхъ допускать къ высокимъ положеніямъ людей, которые, въ капищахъ, убранныхъ эмблемами порока, поклоняются гнуснымъ изображеніямъ чувственныхъ или злобныхъ боговъ.

Но нѣтъ. Правовѣріе, кажется, болѣе оскорблено священниками Рима, чѣмъ священниками Кали. Простое кирпичное зданіе, адоламская пещера, или ебenezерская часовня, гдѣ необразованная толпа слушаетъ полуобразованнаго человѣка,

говорящаго о христіанскомъ законѣ любви и христіанской надеждѣ славы, не достойны снисхожденія, какое оказывается алтарю, на которомъ туго вѣшаетъ часть добычи отъ умерщвленныхъ путешественниковъ, и колесницъ, которая укатываетъ путь по костямъ умертвившихъ себя пилигримовъ. «Было бы, говоритъ м-ръ Гладстонъ, нелѣпнымъ преувеличеніемъ считать задачей такого правительства, какъ правительство британцевъ въ Индіи, доставленіе до самыхъ дверей каждаго подданнаго священнодѣйствій новой и вовсе неизвѣстной религіи.» Правительство должно, дѣйствительно, желать распространенія христіанства. Но размѣръ, до котораго должно простирается это желаніе, долженъ быть «ограниченъ степенью, въ какой народъ окажется расположеннымъ къ принятію христіанства.» А относительно Ирландіи онъ не предлагаетъ такого ограниченія. Онъ желалъ бы навязать ирландцамъ протестантскую церковь, не смотря на то, соотвѣтствуетъ ли она ихъ желаніямъ или нѣтъ. «Мы думаемъ, говоритъ онъ, что предлагаемое имъ нами, — знаютъ ли они это или нѣтъ, — направлено къ облагодѣтельствованію ихъ и что если они не знаютъ этого теперь, то узнаютъ, когда предлагаемое будетъ имъ должнымъ образомъ представлено. Должны ли мы, слѣдовательно, снискивать ихъ клики одобренія въ ущербъ ихъ существеннымъ и даже ихъ духовнымъ интересамъ?»

Почему же м-ръ Гладстонъ жалуется индузу привилегію, въ которой отказываетъ ирландцу? Почему онъ берегаетъ свою величайшую терпимость для самыхъ уродливыхъ заблужденій? Почему онъ оказываетъ большее уваженіе къ мнѣнію наименѣ просвѣщеннаго народа? Почему онъ лишаетъ права пользоваться родительскою властью именно то правительство, которое способиѣ пользоваться родительскою властью, чѣмъ любое правительство, когда-либо существовавшее въ мірѣ? Мы изложимъ причину этого его собственными словами.

«Въ британской Индіи, говоритъ онъ, небольшое число лицъ, достигшихъ высшей степени цивилизаціи, отправляютъ функціи правительства относительно неизмѣримо-большаго числа менѣ образованныхъ лицъ, не посредствомъ принужденія, но по свободному договору съ управляемыми. Права же правительства, при столь особенныхъ обстоятельствахъ, очевидно опираются не на безусловную теорію отеческихъ принциповъ, не на какой-нибудь первоначальный или вымышленный договоръ о неопредѣленной власти, но на договоръ формальный и извѣстный, дѣло положительнаго соглашенія, а не естественнаго порядка.»

Мы не можем угадать, гдѣ м-ръ Гладстонъ видѣлъ этотъ договоръ; хотя онъ называетъ его «извѣстнымъ договоромъ», мы можемъ поручиться честью, что этотъ актъ совершенно неизвѣстенъ какъ въ Калькуттѣ, такъ и въ Мадрасѣ, какъ въ Leadenhall Street'ѣ, такъ и въ Cannon Row'ѣ; что его нельзя найти ни въ одномъ огромномъ фоліантѣ бумагъ, относящихся къ Индіи, которыми наполнены шкапы членовъ парламента; что этотъ договоръ совершенно ускользнулъ отъ изслѣдованій всѣхъ историковъ нашихъ восточныхъ владѣній; что, въ длинныхъ и интересныхъ преніяхъ 1813 г. о допущеніи миссіонеровъ въ Индію, преніяхъ, которыхъ самая драгоценная часть превосходно сохранена стараніемъ ораторовъ, нельзя найти ни малѣйшаго намека на этотъ важный документъ. Дѣло въ томъ, что договоръ этотъ небылица. Посредствомъ принужденія, посредствомъ меча, а не по добровольному уговору съ управляемыми, Англія властвуетъ въ Индіи; да и не связана Англія вовсе никакимъ договоромъ, чтобъ не поступать съ Бенгалією такъ, какъ она поступаетъ съ Ирландією. Она можетъ назначить епископа въ Патну и декана въ Гугли; она можетъ употребить общественный доходъ на содержаніе пребендаріевъ въ Бенаресѣ и канониковъ въ Муршидабадѣ; она можетъ раздѣлить страну на приходы и посадить въ каждомъ изъ нихъ приходскаго священника на жалованья; и все это, не нарушая никакого положительнаго соглашенія. Если существуетъ такой договоръ, то м-ру Гладстону не трудно сообщить время его заключенія, привести его слова и, особенно, точно опредѣлить пространство территоріи, въ предѣлахъ которой мы грѣховно обязались быть виновными въ практическомъ атеизмѣ. Послѣдній пунктъ весьма важенъ; такъ какъ провинціи нашихъ индійскихъ владѣній пріобрѣтены были въ различныя времена и весьма различными путями, то никакой договоръ, ни даже десять договоровъ, не оправдаютъ системы, которой придерживается тамъ наше правительство.

Сущность дѣла слѣдующая. Ни одинъ здравомыслящій чловѣкъ не станетъ мечтать о приложеніи теоріи м-ра Гладстона къ Индіи: будучи такимъ образомъ приложена, она неизбѣжно уничтожила бы нашу власть, а съ нашею властью и самый удобный случай распространить христіанство между туземцами. Это м-ръ Гладстонъ чувствовалъ. Такъ или иначе надобно было спасти свою теорію и избѣгнуть ея безобразныхъ слѣдствій. Мы совершенно увѣрены, что онъ неспособенъ къ умысленному искаженію. Но мы не можемъ оправдать его въ томъ безсознательномъ непрямотушіи, отъ котораго самый прямой чело-

вѣкъ, будучи сильно привязанъ къ мнѣнію, рѣдко бываетъ вполне свободенъ. Мы думаемъ, что м-ръ Гладстонъ отступилъ отъ гибельныхъ послѣдствій, какія произвела бы его система, еслибъ была испытана въ Индіи; но онъ не хотѣлъ сказать этого, чтобы не подвергнуться обвиненію, будто жертвуетъ принципомъ ради цѣли, такъ какъ это слова, къ которымъ вся его школа питаетъ крайнее отвращеніе. Поэтому онъ ухватился за мысль о договорѣ, мысль, родившуюся, должно быть, изъ какого нибудь риторическаго выраженія, которое онъ не вполне понялъ. Есть одинъ превосходный путь избѣжать ложнаго заключительнаго вывода изъ ложной первой посылки: онъ состоитъ въ принятіи ложной второй посылки. Неточная исторія удивительно исправляетъ неразумную теорію. Это мы видимъ и въ настоящемъ случаѣ. Ставится плохое общее правило и упорно поддерживается, пока его послѣдствія не слишкомъ чудовищны для человѣческаго изуверства. Но когда они становятся до того отвратительными, что содрогается даже коллегія Христовой церкви, что приходитъ въ ужасъ даже Ориель (8), тогда правило минуется помощью вымышленнаго договора. Одна мнимая обязанность выставлена противъ другой. М-ръ Гладстонъ сперва проповѣдуетъ правительствамъ обязанность взять на себя предпріятіе столь же рациональное, какъ и крестовые походы, и потомъ разрѣшаетъ ихъ отъ этой обязанности на основаніи договора, который какъ-разъ столько же достовѣренъ, сколько и даръ Константина папѣ Сильвестру (9). Система его ни на что такъ не похожа, какъ на поддѣльное обязательство съ поддѣльной на оборотѣ его квитанціей.

Съ большимъ на видъ основаніемъ опирается онъ на договоръ права шотландской церкви. Впрочемъ онъ считаетъ этотъ договоръ весьма невинительнымъ и говоритъ объ учрежденіи шотландской церкви, какъ о позорномъ пятнѣ на царствованіи Вильгельма III-го. Конечно, было бы забавно, еслибъ не было печально, видѣть, что человѣкъ добродѣтельный и способный не довольствуется бѣдствіями, какія одна церковь, учрежденная на ложныхъ основаніяхъ, причинила государству, а сѣтуетъ на то, что Шотландія не въ одинаковомъ положеніи съ Ирландіею, что никакой шотландскій агитаторъ не занимается

(8) Коллегія Оксфордскаго университета.

(9) Папа (814—835), получившій, будто бы, въ даръ отъ имп. Константина Великаго, котораго онъ исцѣлилъ отъ болѣзни и обратилъ въ христіанство, наслѣдіе св. Петра.

ренты и не распоряжается выборомъ или устраненіемъ депутатовъ графства, что никакая пресвитеріанская ассоціація не раздѣляетъ верховной власти съ правительствомъ, что никакія сборища предвѣтниковъ и отиѣвителей ⁽¹⁰⁾ не покрываютъ отлагости Кальтонъ-Гилла, что нѣтъ надобности въ 25 тысячахъ войска для поддержанія порядка на сѣверѣ отъ р. Твидъ, что годовщина сраженія при Ботвель-Бриджъ не ознаменовывается постоянно оскорбленіями, мятежемъ и убійствомъ. Мы едва ли могли бы найти болѣе сильный аргументъ противъ системы м-ра Гладстона, чѣмъ представляемый Шотландіей. Политика, какой слѣдовали въ этой странѣ, была прямо противоположна политикѣ, какую онъ рекомендуетъ. И, вслѣдствіе этого, Шотландія, бывшая одною изъ бѣднѣйшихъ, одною изъ безпокойнѣйшихъ странъ въ Европѣ, сдѣлалась одною изъ самыхъ образованныхъ, одною изъ самыхъ цвѣтущихъ, одною изъ самыхъ покойныхъ. Ужасы, бывшіе обыкновеннымъ явленіемъ во время господства непопулярной церкви, исчезли. Вопреки взаимному сильному отвращенію, какое когда-либо отдѣляло одинъ народъ отъ другаго, два королевства, составляющія нашъ островъ, связаны неразрывно. Стариннаго народнаго чувства остается какъ-разъ столько, чтобъ служить къ украшенію и пользѣ; какъ-разъ столько, чтобъ вдохновить поэта и воспламенить благородное и дружественное соревнованіе въ груди солдата. Но для всѣхъ цѣлей правительства націи составляютъ одно цѣлое. И отчего же это? Отвѣтъ простъ. Націи неразрывны для всѣхъ цѣлей правительства потому, что въ ихъ соединеніи имѣлись въ виду лишь истинныя цѣли правительства. Націи неразрывны потому, что церкви раздѣлены.

Таково соединеніе Англии съ Шотландіей, соединеніе, похожее на соединеніе членовъ одного здороваго и сильнаго тѣла, которые всѣ движутся одною волею, всѣ содѣйствуютъ общими цѣлями. Система м-ра Гладстона произвела бы соединеніе, которое можетъ быть сравниваемо лишь съ тѣмъ, которое составляетъ содержаніе дикой персидской басни. Царь Зогакъ—мы рассказываемъ сказку, какъ намъ рассказываетъ ее м-ръ Соути—позволилъ дьяволу поцѣловать свои плечи. Вдругъ изъ цѣлованныхъ мѣстъ выскочили двѣ змѣи, которыя, въ ярости голода, бросились на голову Зогака и старались достать его

⁽¹⁰⁾ Precursors and repealers — двѣ партіи въ Ирландіи, возстающія противъ владычества Англии.

мозгъ. Зогакъ сдернулъ ихъ и рвалъ своими ногтями. Но тутъ онъ замѣтилъ, что онѣ были нераздѣльныя части его оамого; то, что онъ терзалъ, была его собственная плоть. Мы, пожалуй, могли бы, окинувъ взоромъ мiръ, найти подобное политическое соединенiе, подобное отвратительное чудовище государство, обреченное носить въ себѣ одно начало чувства и два начала воли,—чудовище, само собою гнушающееся и само себя терзающее, состоящее изъ частей, которыя по бѣшенному побужденiю стремятся взаимно причинять боль и въ то же время осуждены сами чувствовать всякое причиняемое ими страданiе, которыя раздѣлены непримиримую ненавистью и соединены однако въ нераздѣльное тожество. М-ръ Гладстонъ, изъ нѣжнаго участiя къ Зогаку, не доволенъ, что дьяволъ ноцѣловалъ пока одно только плечо, что нѣтъ змiя терзающаго и терзаемаго на лѣвой сторонѣ, для поддержки своего собрата на правой.

Но намъ слѣдуетъ продолжать нашъ разборъ его теорiи. Доказавъ, какъ онъ полагаетъ, что всякое правительство обязано исповѣдывать какую-либо религiю, истинную или ложную, и установить эту религiю, м-ръ Гладстонъ приходитъ къ вопросу, какую религiю правительство должно предпочесть, и рѣшаетъ вопросъ этотъ въ пользу формы христіанства, установленной въ Англіи. Англиканская церковь, по его мнѣнiю, есть чистая католическая церковь Христа, которая обладаетъ апостольскимъ преимуществомъ духовенства и на лонѣ которой обрѣтается то единство, какое существенно связано съ истиною. Онъ требуетъ къ рѣшенiямъ этой церкви гораздо высшей степени уваженiя, нежели какую она когда-либо требовала для себя самой въ любыхъ изъ своихъ уставовъ; гораздо выше той, которую умѣренная школа Боссюэта требуетъ относительно папы; и едва ли менѣе той, какой школа эта облекла папу совокупно съ общимъ соборомъ. Отдѣлиться отъ общенiя съ нею значитъ впасть въ расколъ. Отвергать ея преданiя или толкованiя Священнаго Писанiя составляетъ грѣховное притязанiе.

М-ръ Гладстонъ провозглашаетъ право личнаго мнѣнiя, какъ оно разумѣется во всей протестантской Европѣ, чудовищнымъ злоупотребленiемъ. Онъ объявляетъ себя, правда, сторонникомъ этого права, но на свой собственный ладъ. Мы можемъ, по его мнѣнiю, считать всѣ ученiя англиканской церкви основательными, но не въ правѣ считать любое изъ нихъ неосновательнымъ. По собственному увѣренiю, онъ не противникъ дѣятельнаго изслѣдованiя религiозныхъ вопросовъ. Напротивъ, онъ считаетъ такое изслѣдованiе весьма желательнымъ, пока

оно не ведетъ къ различію мнѣній. Это почти то же, какъ еслибъ онъ рекомендовалъ употребленіе огня, отъ котораго не сгораютъ дома, или водки, отъ которой люди не пьянѣютъ. Онъ думаетъ, что для людей совершенно возможно направлять свои умы, сильно и свободно, къ предметамъ богословскимъ и приходять, между тѣмъ, къ заключеніямъ совершенно одинаковымъ и согласнымъ съ ученіемъ англиканской церкви. И въ пользу этого мнѣнія онъ не представляетъ, насколько мы въ состояніи были открыть, никакой другой причины, кромѣ той, что всякій, кто сильно и свободно прилагаетъ умъ свой къ теоремамъ Эвклида, соглашается съ ними. «Дѣятельность личнаго сужденія, замѣчаетъ онъ справедливо, и тожество и сила убѣжденія въ математикѣ различествуютъ совершенно такъ же, какъ всякія другія.» На этомъ неоспоримомъ фактѣ онъ строитъ нѣсколько сомнительный аргументъ. Всякій, кто свободно вникаетъ, соглашается, говоритъ онъ, съ Эвклидомъ. Но церковь столько же права, сколько и Эвклидъ. Почему бы всякому свободному изслѣдователю не согласиться съ церковью? Мы могли бы предложить много подобныхъ вопросовъ. Или положительное, или отрицательное предложеніе, что Карлъ писалъ «*Icon Basilike*», столько же справедливо, сколько и то, что двѣ стороны треугольника больше третьей. Почему же д-ръ Вордсвортъ и м-ръ Галламъ соглашаются въ томъ, что двѣ стороны треугольника больше третьей, а между тѣмъ расходятся во мнѣнія насчетъ подлинности «*Icon Basilike*»? Состояніе положительныхъ наукъ доказываетъ, говоритъ м-ръ Гладстонъ, что, касательно религіи, «соединеніе этихъ двухъ идей, дѣятельности изслѣдованія и разнородности заключенія, есть соединеніе обманчивое.» Мы могли бы точно такъ же обратить аргументъ въ другую сторону и изъ разнообразія различныхъ мнѣній заключить, что необходимы должны быть враждебныя математическія секты, однѣ утверждающія, а другія отрицающія, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катетовъ. Но мы не придаемъ ни той, ни другой аналогіи ни малѣйшей цѣны. Нашъ способъ удостовѣриться въ стремленія свободного изслѣдованія состоитъ просто въ томъ, что мы открываемъ глаза и смотримъ на свѣтъ, въ которомъ живемъ, и тутъ мы видимъ, что свободное изслѣдованіе математическихъ предметовъ порождаетъ согласіе, а свободное изслѣдованіе нравственныхъ предметовъ порождаетъ разногласіе. Безъ сомнѣнія, было бы менѣе разногласія, еслибъ изслѣдователи были болѣе прилежны и болѣе чистосердечны. Но разногласіе будетъ существовать между самими прилежными и чистосер-

дечными, пока складъ человѣческаго ума и сущность нравственной очевидности останутся неизмѣнными. Что мы не одарены свободою, совокупною съ единствомъ,—это весьма печально; такъ же печально и то, что у насъ нѣтъ крыльевъ. Но вѣроятность устраненія того и другаго недостатка совершенно одинакова. Разногласіе это встрѣчается не только въ религіи, но и во всѣхъ предметахъ, зависящихъ отъ нравственнаго доказательства, напримѣръ въ вопросахъ юридическихъ и въ вопросахъ политическихъ. Всѣ судьи будутъ рѣшать задачу тройнаго правила на одинаковомъ началѣ и выведутъ одинаковый результатъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, что какъ бы они честны и трудолюбивы ни были, они всѣ будутъ одного мнѣнія въ дѣлѣ Дугласа. Такъ же напрасно надвѣяться, что можетъ существовать свободное государственное устройство, при которомъ всякій представитель будетъ выбранъ единогласно и всякій законъ единогласно изданъ, и смѣшно было бы со стороны государственнаго челоуѣка приходить въ удивленіе и сѣтовать оттого, что люди, соглашающіеся во мнѣніи, что два и два составляютъ четыре, не могутъ согласиться на счетъ новаго закона о бѣдныхъ или канадской администраціи.

Есть два разумные и состоятельные пути, которыми можно слѣдовать относительно приложенія къ дѣлу личнаго сужденія: путь римскаго католика, возбраняющаго личное сужденіе по причинѣ его неизбѣжныхъ неудобствъ, и путь протестанта, дозволяющаго личное сужденіе безъ его неизбѣжныхъ неудобствъ. Римскій католикъ производитъ спокойствіе посредствомъ оцѣпенѣнія. Протестантъ ободряетъ дѣятельность, хотя знаетъ, что гдѣ много дѣятельности, тамъ будутъ уклоненія. М-ръ Гладстонъ желаетъ единства XV-го столѣтія вмѣстѣ съ дѣятельнымъ и пытливымъ духомъ XVI-го столѣтія. Онъ могъ бы точно такъ же желать быть одновременно въ двухъ мѣстахъ.

Когда м-ръ Гладстонъ говоритъ, что мы «на самомъ дѣлѣ ищемъ разногласія мнѣнія, ищемъ и требуемъ заблужденія, лжи слѣпоты и похваляемъ такимъ разногласіемъ, какъ свидѣтельствующимъ о свободѣ, которая тогда только имѣетъ цѣну, когда употребляется для единства въ истинѣ», онъ выражается съ болѣею энергіею, нежели точною. Никто не любитъ разногласія ради разногласія. Но челоуѣкъ, который, соображая всѣ послѣдствія свободнаго изслѣдованія, по совѣсти вѣрить, что оно благотвительно для интересовъ истины, хотя, по несовершенству челоуѣческихъ способностей, гдѣ много свободнаго изслѣдованія, тамъ будетъ нѣкоторое разногласіе,—можетъ разумно считать такое разногласіе, будь оно само по себѣ и

зло, признакомъ добра. Весьма печальный фактъ, что въ Лондонѣ 10 тысячъ воровъ. Но, смотря на это съ одной точки зрѣнія, мы имѣемъ поводъ радоваться: какой другой городъ могъ бы содержать 10 тысячъ воровъ? Какова должна быть масса богатства тамъ, гдѣ крохи, собранныя противозаконнымъ способомъ, достигаютъ столь огромной суммы? С-тъ Кильда не пропиталъ бы даже одного мошенника. Количество воровства до известной степени указываетъ на количество полезной промышленности и разумной спекуляціи. И какъ по большому числу мошенниковъ въ городѣ мы можемъ заключать, что въ немъ получается и много честной прибыли, точно такъ же по количеству заблужденія въ обществѣ мы можемъ часто вывести утѣшительное заключеніе о степени, въ какой общественный умъ направленъ на такіе изслѣдованія, которыя одни только могутъ привести къ рациональному убѣжденію въ истинѣ.

М-ръ Гладстонъ, кажется, воображаетъ, что большая часть протестантовъ считаютъ возможнымъ, чтобы одно и то же ученіе было одновременно и истинно, и ложно; или что они считаютъ неважнымъ, приходитъ ли человѣкъ, по религіозному вопросу, къ истинному или ложному заключенію. Если есть протестанты, которые придерживаются столь нелѣпныхъ понятій, то мы предоставляемъ ихъ суду м-ра Гладстона.

Протестантское ученіе касательно права личного сужденія, ученіе, служащее общимъ основаніемъ англиканской, лютеранской, кальвинистской церквамъ, ученіе, которымъ всякая секта диссидентовъ оправдываетъ свое отдѣленіе, состоитъ, по нашему мнѣнію, не въ томъ, что противоположныя мнѣнія могутъ одновременно быть истинны; не въ томъ, что истина и ложь равно хороши, даже не въ томъ, что всякое умозрительное заблужденіе непременно невинно,—но въ томъ, что на поверхности земли нѣтъ видимаго существа, рѣшеніямъ котораго люди обязаны бы были подчинять свое собственное сужденіе о предметахъ вѣры.

Есть ли всегда такое видимое существо? Было ли оно въ 1500 году? Если его не было, то почему намъ вѣрить, что есть такое лицо въ 1839 году? Если было такое существо въ 1500 году, то какое? Была ли то римская церковь? И какъ можетъ англиканская церковь быть правовѣрною теперь, если римская церковь была правовѣрною въ то время?

«Въ Англіи, говоритъ м-ръ Гладстонъ, дѣло было совсѣмъ иное, нежели на материкѣ. Въ реформація не разрушила, но успѣшно сохранила единство и преэминенцію церкви въ ея

апостольскомъ священствѣ. Поэтому, между нами все еще есть посвященные наследственные свидѣтели истины, передающіе ее въ непрерывномъ порядкѣ отъ нашего Господа Иисуса Христа и его апостоловъ. Это составляетъ для насъ обыкновенный голосъ авторитета, авторитета равно разумнаго и равно истиннаго, будемъ ли мы ему подчиняться или пренебрежемъ имъ.»

Рассужденіе м-ра Гладстона не такъ ясно, какъ можно бы было желать. Между нами, говорить онъ, есть посвященные наследственные свидѣтели истины, и голосъ ихъ для насъ—голосъ авторитета. Безъ сомнѣнія, если они свидѣтели истины, то голосъ ихъ голосъ авторитета. Но эти слова значатъ немногимъ болѣе того, что истина есть истина. Истина не становится непреложнѣе оттого, что наследуется въ непрерывномъ порядкѣ отъ апостоловъ. Никейское вѣрованіе не болѣе истинно въ устахъ архіепископа кентерберійскаго, чѣмъ въ устахъ предсѣдателя Никейскаго собора. Если наше уваженіе къ авторитету церкви должно проистекать лишь изъ нашего убѣжденія въ истинѣ ея ученій, то мы тотчасъ приходимъ къ упомянутому ужасному злоупотребленію—протестантскому праву личнаго сужденія. Если же м-ръ Гладстонъ думаетъ, что мы должны вѣрить въ истинность ученія англиканской церкви, потому что въ ней сохранилось преемничество отъ апостоловъ, то мы весьма сомнѣваемся въ возможности защищать такое положеніе. Во-первыхъ, какое имѣемъ мы доказательство факта? Мы слышали, правда, что провидѣніе конечно позаботилось о сохраненіи апостольскаго преемничества въ истинной церкви. Но это аргументъ, годный для умовъ инаго рода, нежели умъ м-ра Гладстона. Онъ врядъ-ли рѣшится сказать намъ: англиканская церковь—истинная церковь потому, что имѣетъ преемничество, а имѣетъ она преемничество потому, что она истинная церковь.

Какое же доказательство имѣемъ мы въ пользу факта преемничества отъ апостоловъ? И здѣсь мы можемъ легко защищать истину противъ Оксфорда тѣми же аргументами, какими, въ старинныя времена, истина была защищаема Оксфордомъ противъ Рима. Въ этомъ фазисѣ борьбы нашей съ м-ромъ Гладстономъ намъ нужно немногимъ болѣе того оружія, какое находимъ въ хорошо снабженномъ и благоустроенномъ арсеналѣ аргументовъ Чиллингворта.

Передача духовнаго сана отъ апостоловъ англійской духовной особѣ настоящаго времени должна была совершиться посредствомъ весьма большаго числа промежуточныхъ лицъ. Но, вѣроятно, ни одна духовная особа англиканской церкви не

можетъ указать своей духовной родословной, отъ епископа къ епископу, до самого времени Завоеванія. Остаются многія столѣтія, въ теченіе которыхъ исторія передачи его духовнаго сана покрыта совершеннымъ мракомъ. А священствуетъ ли это лицо по преемничеству отъ апостоловъ, зависитъ отъ вопроса, имѣли ли мѣсто, въ продолженіе этого длиннаго періода, нѣсколько тысячъ событій, изъ которыхъ каждое можно, безъ всякаго грубаго неправдоподобія, предполагать небывалымъ. Мы не имѣемъ никакого доказательства въ пользу любого изъ этихъ событій. Мы даже не знаемъ именъ и родины людей, съ которыми, какъ это принимается за вѣрное, случились эти событія. Мы даже не знаемъ, были ли духовные предки любого изъ нашихъ современниковъ испанцы или армяне, аріане или православные. При первомъ отсутствіи всякаго особеннаго доказательства, мы, конечно, въ правѣ требовать, чтобы представлено было весьма сильное доказательство на то именно, что строжайшая правильность соблюдалась въ каждомъ поколѣніи и что епископскія функціи не были отправляемы никѣмъ, кто не былъ епископомъ по преемничеству отъ апостоловъ. Но такого доказательства у насъ нѣтъ. Во-первыхъ, мы не имѣемъ полнаго и точнаго свѣдѣнія касательно устройства церкви въ теченіе столѣтія, слѣдовавшаго за гоненіями Нерона. Что, въ теченіе этого періода, пастыри всѣхъ небольшихъ христіанскихъ обществъ, будучи разсыяны по Римской имперіи, получали духовный авторитетъ въ силу посвященій, истекающихъ отъ апостоловъ, нельзя доказать современнымъ свидѣтельствомъ и никакимъ свидѣтельствомъ, которое можетъ считаться рѣшительнымъ. Вопросъ, имѣло ли первоначальное церковное устройство болѣе сходства съ англиканскимъ или съ кальвинистскимъ образомъ, былъ сильно оспариваемъ. Это вопросъ, по которому люди отличныхъ способностей, учености и благочестія расходились во мнѣніи и расходятся по сию пору весьма сильно. Это вопросъ, по которому, по крайней мѣрѣ, цѣлая половина способныхъ и ученыхъ протестантовъ была, со времени реформаціи, противъ англиканскихъ притязаній. Самъ м-ръ Гладстонъ, мы увѣрены, чистосердечно согласится, что если не допускать другаго доказательства, кромѣ представляемаго неподдѣльною христіанскою литературою первыхъ двухъ столѣтій, то приговоръ не будетъ въ пользу прелатства. И еслибъ м-ръ Гладстонъ смотрѣлъ на предметъ такъ же спокойно, какъ онъ смотрѣлъ бы на полемику касательно римской *Comitia* или англо-саксонскаго *Wittenagemote*, то онъ, вѣроятно, былъ бы того мнѣнія, что отсутствіе современнаго

доказательства, въ теченіе столь длиннаго періода; есть недостатокъ, который позднѣйшія свидѣтельства, какъ они ни многочисленны, могли пополнить лишь весьма несовершенно. Не политически, конечно, опирать ученія англиканской церкви на историческую теорію, которая 99-ти протестантамъ изъ 100 показала бы гораздо сомнительнѣе любого изъ этихъ ученій. Да это еще не все. Чрезвычайный мракъ покрываетъ исторію среднихъ вѣковъ, и факты, которые распознаются сквозь этотъ мракъ, доказываютъ, что церковь была крайне дурно устроена. Мы читаемъ объ епархіяхъ высшаго достоинства, открыто продаваемыхъ, переносимыхъ взадъ и впередъ народнымъ мятежемъ, даримыхъ, иногда распутною женщиною своему любовнику, иногда воинственнымъ барономъ родственнику, еще юношѣ. Мы читаемъ объ епископахъ десятилѣтняго возраста, объ епископахъ пятилѣтняго возраста, о многихъ папахъ, которые были просто мальчики, соперничавшіе въ сумазбродномъ распутствѣ съ Каллигулою,—мало того, читаемъ о папѣ-женщинѣ. И хотя эта послѣдняя исторія, въ которую одно время вѣрили во всей Европѣ, была опровергнута точными изслѣдованіями новѣйшей критики, самыя проникательныя изъ отвергающихъ ее допускаютъ, что она существенно не неправдоподобна. На нашемъ собственномъ островѣ было жалобой Альфреда, что ни одинъ священникъ къ югу отъ Темзы и почти всѣ священники къ сѣверу не умѣли читать ни по латини, ни по авглійски. И это безграмотное духовенство отправляло свои обязанности среди грубаго и полу-языческаго народонаселенія, въ которомъ датскіе морскіе разбойники, некрещеные или окрещенные сотнями на полѣ битвы, были перемѣшаны съ саксонскими поселенцами, врядъ-ли лучше наставленными въ религію. Состояніе Ирландіи было еще хуже. «*Tota illa per universam Hiberniam dissolutio ecclesiasticae disciplinae, illa ubique pro consuetudine Christiana saeva subintroduta barbaries*» (11), говоритъ св. Бернардъ. Мы, поэтому, не въ состояніи постичь, какимъ образомъ любое духовное лицо можетъ быть увѣреннымъ, что духовный санъ дошелъ до него правильно. Дѣйствительно ли онъ преемникъ апостоловъ—это зависитъ отъ несмѣтнаго числа такихъ случайностей, какъ слѣдующія: не могъ ли, при королѣ Этельвольфѣ, глупый священникъ, крестя многіе десятки датскихъ плѣнныхъ, только

(11) «Полнѣйшее паденіе церковной дисциплины по всей Ирландіи; повсюду тамъ ввелось варварство вмѣсто христіанскихъ обычаевъ.»

что сдѣлавшихъ выборъ между купелью и вислицею, упустить, по неосмотрительности, совершеніе обряда надъ однимъ изъ этихъ прозелитовъ; не могъ ли въ седьмомъ столѣтіи, самозванецъ, никогда не получившій посвященія, выдать себя за епископа грубой общинѣ шотландцевъ; дѣйствительно ли двѣнадцатилѣтній мальчикъ, будучи пьянымъ до несознанія того, что онъ дѣлаетъ, передалъ епископскій характеръ, совершеніемъ перепутанной церемоніи, десятилѣтнему мальчику.

Съ перваго столѣтія, по всей вѣроятности, не менѣе ста тысячъ лицъ отправляли функціи епископовъ. Что многіе изъ нихъ не были епископами по преимнчеству отъ апостоловъ, не подлежитъ сомнѣнію. Гукеръ допускаетъ, что отступленія отъ общаго правила были часты, и со снѣблостью, достойною этого высокаго ума, ума государственнаго человѣка, объявляетъ, что отступленія часто могли быть оправданы. «Бываетъ иногда, говоритъ онъ, весьма справедливая и достаточная причина дозволить совершеніе посвященія безъ епископа. Гдѣ церковь непремѣнно нуждается въ комъ либо посвященномъ и не только не имѣетъ, но и не можетъ имѣть епископа, который бы посвятилъ другое лицо, тамъ, въ случаѣ такой необходимости, обыкновенное божеское установленіе часто уступало и можетъ уступать. И, поэтому, мы не должны безусловно требовать отъ всякаго дѣйствительнаго посвященія—прямаго перехода власти апостоловъ чрезъ непрерывный рядъ епископовъ.» Малое можетъ быть сомнѣніе, мы думаемъ, въ томъ, что преимнчество, если оно когда либо существовало, часто было прерываемо и гораздо менѣе достойнымъ образомъ. Предположимъ, на примѣръ,—и мы увѣрены, что ни одинъ человѣкъ, хорошо знакомый съ дѣломъ, не сочтетъ такое предположеніе скольконибудь невѣроятнымъ,—что въ третьемъ столѣтіи человѣкъ безъ всякихъ правилъ и съ нѣкоторыми дарованиями, который, въ теченіе бродячей и безславной жизни, былъ катехуменомъ въ Антиохіи и ознакомился тамъ съ христіанскими обычаями и ученіемъ, забрелъ потомъ въ Марсель, гдѣ нашелъ христіанское общество, богатое, щедрое и простосердечное. Онъ выдаетъ себя за христіанина, привлекаетъ вниманіе своими талантами и притворнымъ рвеніемъ и возвышается до епископскаго сана, не бывъ даже крещенымъ. Что такое событіе могло случиться—мало того, весьма вѣроятно должно было случиться, не будетъ, мы думаемъ, оспаривать никто, читавшій жизнеописаніе Перегрина. Дѣйствительно, самыя добродѣтели, отличавшія первыхъ христіанъ, подвергали ихъ, кажется, тѣмъ хитростямъ, которыми обманывался.

«Uriel, though Regent of the Sun, and held
The sharpest-sighted spirit of all in Heaven (12).

Этотъ некрещеный самозванецъ, очевидно, вовсе не преемникъ апостоловъ. Онъ даже не христіанинъ, а всѣ духовныя чины, происшедшіе чрезъ посредство такого мнимаго епископа, совершенно недействительны. Довольно ли мы знаемъ о положеніи общества и церкви въ третьемъ столѣтіи, чтобы быть въ состояніи сказать съ увѣренностью, что въ то время не было двадцати такихъ мнимыхъ епископовъ? Каждый такой случай прерываетъ апостольское преемничество.

Но предположимъ, что нарушеніе, какое Гукеръ допускаетъ какъ обыкновенное и извинятельное, или какое мы предположили происшедшимъ отъ лицемерія и корысти, нашлось бы въ цѣпи, связывающей апостоловъ съ однимъ изъ миссіонеровъ, впервые распространявшихъ христіанство въ наиболѣе дикихъ странахъ Европы: кто можетъ сказать, какъ обширно было бы дѣйствіе этого одного перерыва? Предположимъ—что, напримеръ, св. Патрикъ, если когда-либо былъ такой человекъ, или Теодоръ Тарскій, который, говорятъ, посвятилъ въ VII-мъ столѣтіи первыхъ епископовъ многихъ англійскихъ епархій, не имѣли истиннаго апостольскаго посвященія; не понятно ли, что такое обстоятельство можетъ вліять на санъ многихъ духовныхъ лицъ, нынѣ живущихъ? Даже еслибъ было возможно доказать,—чего, конечно, нельзя сдѣлать,—что церковь обладала преемничествомъ апостоловъ въ третьемъ столѣтіи, то невозможно было бы доказать, что преемничество это не утратилось въ XII-мъ столѣтіи. Оно могло утратиться до такой степени, что ни одна духовная особа не можетъ быть увѣрена въ законномъ преемствѣ своего духовнаго сана. А если это такъ, то никакія послѣдующія предосторожности не въ состояніи исправить зла.

Чиллингвортъ излагаетъ заключеніе, къ которому онъ пришелъ по этому предмету, въ слѣдующихъ весьма замѣчательныхъ словахъ: «Чтобы изъ 10 тысячъ вѣроятныхъ ни одно не было ложнымъ, чтобы изъ 10 тысячъ требуемыхъ ни одно не было опущено,—это для меня крайне невѣроятно и даже родственно съ невозможнымъ. Удовольствіе въ этомъ похоже на машину, составленную изъ безчисленнаго множества частей, изъ которыхъ каждая должна быть на своемъ мѣстѣ, что

(12) Уриэль, хотя правитель солнца и

Считавшійся самымъ прозорливымъ духомъ изъ всѣхъ на небѣ
Мильтонъ: «*Потерянный рай.*»

крайне неправдоподобно; если же недостает хотя одной, то все здание по необходимости распадается. А кому придется составлять его вновь и зрѣло обсуждать всѣ возможные случаи погрѣшности или ничтожности какого-либо духовнаго чина въ римской церкви, будетъ весьма склоненъ видѣть отношеніе ста къ одному,—думать, что между сотнею мнимыхъ іереевъ нѣтъ ни одного истиннаго; мало того, ему покажется не совершенно вѣроятнымъ, что между многими милліонами лицъ, составляющихъ римскую іерархію, нѣтъ и двадцати истинныхъ.» Мы не имѣемъ притязанія знать, до какой именно степени оксфордскіе учителя церковнаго права согласны съ учителями римскими касательно обстоятельствъ, уничтожающихъ посвященіе. Мы не пойдемъ, поэтому, такъ далеко, какъ Чиллингвортъ. Мы только говоримъ, что не видимъ удовлетворительнаго доказательства того факта, что англиканская церковь обладаетъ преемничествомъ отъ апостоловъ. И, за всѣмъ тѣмъ, еслибъ м-ръ Гладстонъ могъ доказать преемничество отъ апостоловъ,—что же доказало бы преемничество отъ апостоловъ? Онъ говоритъ, «что между нами есть посвященные наследственные свидѣтели истины, передающіе намъ ее въ непрерывномъ порядкѣ отъ нашего Господа Иисуса Христа и его апостоловъ.» Фактъ ли это? Возникаетъ ли какое-либо сомнѣніе въ томъ, что духовные чины англиканской церкви происходятъ вообще отъ римской церкви? Не объявляетъ ли англиканская церковь, не допускаетъ ли самъ м-ръ Гладстонъ, что римская церковь учить многому ошибочному и осуждаетъ много истиннаго? И не совершенно ли ясно, что насколько ученія англиканской церкви отличаются отъ ученій римской церкви, настолько англиканская церковь передаетъ истину въ прерванномъ порядкѣ?

Что основатели англиканской церкви, свѣтскіе и духовные, исправили все, требовавшее исправленія въ ученіяхъ римской церкви, и ничего болѣе, можетъ быть совершенно справедливо. Но мы никогда не можемъ принять положеніе, что англиканская церковь обладаетъ преемничествомъ отъ апостоловъ, въ доказательство того, что она совершенна. Ни одинъ ручей не можетъ подняться выше своего источника. Преемничество духовныхъ лицъ въ англиканской церкви, идя чрезъ посредство римской церкви, никогда не можетъ доказать болѣе въ пользу англиканской церкви, нежели доказываетъ въ пользу церкви римской. Но это еще не все. Аріанскія церкви, которыя когда-то преобладали въ государствахъ остроготовъ, визиготовъ, бургундовъ, вандаловъ и ломбардовъ, были всѣ епископскими

церквами и всѣ имѣли большую, чѣмъ англиканская церковь, вѣроятность преемничества отъ апостоловъ, потому что были гораздо ближе къ апостольскимъ временамъ. На востокъ, греческая церковь, которая несогласна въ пунктахъ вѣры со всѣми западными церквами, имѣетъ равное вѣроятіе преемничества. Несторіанская, евтихіанская, якобитская церкви, всѣ еретическія, всѣ осужденныя соборами, о которыхъ даже протестантскіе богословы отзывались вообще съ неуваженіемъ, имѣли равное вѣроятіе преемничества отъ апостоловъ. Если же огромное большинство учителей, обладавшихъ апостольскимъ посвященіемъ, научали многому ошибочному, если значительная часть ихъ научала ужасной ереси, если, съ другой стороны, какъ допускаетъ самъ м-ръ Гладстонъ, церкви, не обладавшія апостольскимъ посвященіемъ, напр. церковь шотландская, были ближе къ нормѣ правовѣрія, чѣмъ большинство учителей по апостольскому посвященію, то какимъ образомъ можетъ онъ требовать отъ насъ подчиненія нашего личнаго сужденія авторитету церкви, на томъ основаніи, что она обладаетъ этимъ посвященіемъ?

М-ръ Гладстонъ сильно настаиваетъ на важности единства въ ученіи. Единство, говоритъ онъ намъ, существенно для истины. И это несомнѣнно. Но когда онъ, продолжая, говоритъ намъ, что это единство есть отличительная черта англиканской церкви, что она составляетъ одно цѣлое, какъ тѣлесно, такъ и духовно,—мы принуждены далеко разойтись съ нимъ во мнѣніи. Преемничествомъ отъ апостоловъ она можетъ обладать и не обладать. Но единства она, конечно, не имѣетъ и никогда не имѣла. Всѣмъ извѣстно, что ея уставы составлены такимъ образомъ, что допускаютъ къ высочайшимъ ея должностямъ людей, различающихся другъ отъ друга гораздо болѣе, чѣмъ истинный высокоцерковникъ отличается отъ католика, или истый низкоцерковникъ отъ пресвитеріанина, и что общее направленіе церкви, относительно нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ, было иногда въ одну сторону, а иногда въ другую. Возьмите, наприкладъ, вопросы, разсматривавшіеся между кальвинистами и арминіанами. Находимъ ли мы въ англиканской церкви, относительно этихъ вопросовъ, то единство, которое существенно для истины? Встрѣчалось ли оно въ церкви когда-либо? Развѣ не вѣрно, что въ концѣ XVI-го столѣтія правители церкви держались ученій столько же кальвинистскихъ, какъ и убѣжденія, которыхъ когда-либо держался любой камероніанинъ, и не только держались ихъ, но преслѣдовали всякаго, кто не держался тѣхъ же ученій? И не равно

ли вѣрно, что правители церкви, въ очень недавнее время, считали кальвинизмъ препятствіемъ къ занятію высокаго поста, если не къ отправленію священства? Взгляните на вопросы, которые архіепископъ Витгифтъ предлагалъ Баррету, — вопросы, составленные въ настоящемъ духѣ Вилліама Гонтингтона, S. S. (*). И потомъ взгляните на 87 вопросовъ, которые епископъ Маршъ, на нашей собственной памяти, предлагалъ кандидатамъ на рукоположеніе. Мы не желали бы высказать, что который-либо изъ этихъ славившихся прелатовъ втерся въ церковь, ученіями которой онъ гнушался, и что онъ заслуживалъ быть лишеннымъ своего облаченія. Между тѣмъ совершенно вѣрно, что тотъ или другой изъ нихъ долженъ былъ весьма сильно заблуждаться. Джонъ Весли и Коушкровъ другъ Джонъ Ньютонъ оба были пресвитерами этой церкви. Оба были люди съ талантами. Оба, мы думаемъ, были люди строгой честности, люди, которые не одобрили бы, ради богатѣйшаго епископства въ государствѣ, исповѣданія вѣры, которому бы не вѣрили. Однако, относительно предопредѣленія, Ньютонъ былъ сильно привязанъ къ ученіямъ, называемымъ Весли «богохульствомъ», отъ котораго у христіанна волосъ станвится дыбомъ». Безспорно, касательно этихъ вопросовъ духовенство господствующей церкви разногласно и каноны ея не признаны дѣйствительными, чтобъ устранить отъ ея алтарей даже до крайности честныхъ людей обѣихъ сторонъ. Извѣстно, что нѣкоторые изъ ея самыхъ знаменитыхъ правителей считаютъ этотъ просторъ дѣломъ хорошимъ и съ горестью увидѣли бы его стѣсненнымъ въ пользу того или другаго мнѣнія. И въ этомъ мы искренно имъ сочувствуемъ. Но что станетъ съ единствомъ церкви и съ той истиной, для которой единство существенно? М-ръ Гладстонъ говоритъ намъ, что *Regium Donum* данъ былъ первоначально правотвѣрнымъ пресвитеріанскимъ духовнымъ особамъ, но что часть его получается теперь ихъ иновѣрными преемниками. «Это, говоритъ онъ, можетъ служить примѣромъ затрудненія, въ какое ставятъ себя правительства, согласуясь съ произвольными системами мнѣній, а не съ одною лишь церковью. Мнѣніе проходитъ, но даръ остается.» Но не ясно ли, что еслибы строгій супраацсаріанинъ, во время Витгифтова примасства,

(*) *Sacra Scriptura*—священное писаніе. Одинъ вопросъ былъ такой: предвѣчно ли Богъ осудилъ нѣкоторыхъ, и почему? Отвѣтъ, удовлетворившій архіепископа, былъ утвердительный, *et quia voluit* (я отому, что онъ такъ хотѣлъ).

оставилъ огромное имѣніе въ распоряженіе епископовъ, для церковныхъ цѣлей, въ надеждѣ, что правители церкви не отступятъ отъ Витгифтова богословія, то на дѣлѣ онъ отдалъ бы свое имущество на поддержаніе ученій, которыя ненавидѣлъ? Имѣніе прошло бы, а даръ остался бы навсегда.

Это только одинъ примѣръ. Какое сильное разногласіе касательно дѣйствія таинства господствуетъ между епископами, докторами богословія, пресвитерами англиканской церкви, людьми, которые всѣ по совѣсти объявили свое согласіе съ ея статьями вѣры,—людьми, которые всѣ, по имѣнію м-ра Гладстона, посвящены въ наслѣдственные свидѣтели истины,—людьми, которыхъ голоса составляютъ то, что, какъ онъ говорить, есть голосъ истиннаго и разумнаго авторитета! Здѣсь, опять, церковь не обладаетъ единствомъ; а какъ единство есть существенное условіе истины, то церковь не обладаетъ и истиной.

Мало того. Возьмите самый вопросъ, который мы разбираемъ съ м-ромъ Гладстономъ. До какого предѣла англиканская церковь допускаетъ право личнаго сужденія? На какую степень авторитета предъявляетъ она право въ силу преемничества своихъ священно-служителей отъ апостоловъ? М-ръ Гладстонъ, весьма способный и весьма честный человекъ, смотритъ на этотъ предметъ совершенно отлично отъ людей, которыхъ онъ признаетъ не менѣе его способными и честными. Люди, далеко расходящіеся съ нимъ во мнѣніи по этому предмету, ѣдятъ хлѣбъ церкви, проповѣдуютъ съ ея амвоновъ, совершаютъ ея таинства, посвящаютъ въ ея чины и передаютъ то апостольское преемничество, свойства и важности котораго, по его мнѣнію, они не понимаютъ. Единство ли это? Истина ли это?

Замѣтите, что мы не представляемъ случаевъ людей не честныхъ, которые, ради прибыли, ложно притворяются вѣрующими въ ученія господствующей церкви. Мы представляемъ случаи такихъ честныхъ людей, какіе когда-либо существовали; люди эти, будучи не согласны въ богословскихъ вопросахъ величайшей важности и признавая это несогласіе, остаются однако священниками и прелатами той же церкви. Поэтому мы говоримъ, что о нѣкоторыхъ предметахъ, которые самъ м-ръ Гладстонъ считаетъ предметами животрешущей важности, церковь или вовсе не высказалась, или—что для всѣхъ практическихъ цѣлей одно и то же—не высказалась языкомъ, который былъ бы понятенъ хотя честнымъ и проникательнымъ богословамъ. Религія англиканской церкви до такой степени

не обнаруживаетъ единства ученія, которое м-ръ Гладстонъ представляетъ ея отличительною славою, что на дѣлѣ эта религія есть сплетеніе безчисленныхъ религіозныхъ системъ. Она обнимаетъ религіозную систему епископа Томлайна, религіозную систему Джона Ньютона и всѣ религіозныя системы, лежащія между двумя первыми. Она обнимаетъ религіозную систему м-ра Ньюмана, религіозную систему архіепископа дублинскаго и всѣ посредствующія религіозныя системы. Всѣ эти различныя мнѣнія возникаютъ, признаются, проповѣдуются устно и печатно въ лонѣ самой церкви, людьми несомнѣнной честности и знанія.

Дѣлаемъ ли мы это разнообразіе предметомъ упрека англиканской церкви? Мы далеки отъ того. Мы воспротивились бы всею нашею силою всякому покушенію стѣснить ея основаніе! Еслибы угодно было Богу, чтобы, 150 лѣтъ тому назадъ, мудрый король и мудрый примасъ имѣли силу и волю расширить это основаніе! То было благородное предпріятіе, достойное Вильгельма и Тиллотсона. Чѣмъ же должны представляться всѣ краснорѣчивыя увѣщанія м-ра Гладстона къ единству! Не чистая ли это насѣшка, придавать такую важность единству въ формѣ и названіи, гдѣ столь мало единства въ сущности, содрогаться при мысли о союзѣ двухъ церквей съ однимъ государствомъ и терпѣливо созерцать борьбу сотни сектъ въ лонѣ одной церкви! И не ясно ли, что м-ръ Гладстонъ, по всѣмъ своимъ принципамъ, обязанъ отказаться отъ защиты церкви, въ которой нѣтъ единства? Не ясно ли, что онъ обязанъ склонять палату общинъ къ подачѣ голосовъ противъ всякаго денежнаго пособія, которое можетъ быть предложено въ пользу духовенства господствующей церкви въ колоніяхъ? Онъ возражаетъ противъ вотированія въ пользу Майнута⁽¹³⁾, потому что безобразно платить одному за проповѣдываніе истины, а другому за провозглашеніе этой истины ложью. Но каждая сумма, которую онъ вотируетъ въ пользу англиканской церкви въ любой колоніи, можетъ, совершенно случайно, идти на содержаніе арминіанина и кальвиниста, человѣка какъ м-ръ Фрэдъ и человѣка какъ д-ръ Арнольдъ. Поэтому, дѣло совершенно случайное, пойдетъ ли она на содержаніе учителя истины, или человѣка, который истину эту будетъ провозглашать ложью.

⁽¹³⁾ По внесенному Пилемъ, въ 1845 г., биллю о назначеніи пособія этой значительнѣйшей римско-католической семинаріи въ Ирландіи.

Этотъ аргументъ, кажется намъ, проникаетъ заразъ всю ту часть книги м-ра Гладстона, которая касается общественныхъ денежныхъ пособій диссидентскимъ обществамъ. Всѣ такія пособія онъ осуждаетъ. Но, конечно, если несправедливо содержать на общественныя деньги людей, проповѣдывающихъ какое-либо ложное ученіе, то несправедливо содержать на эти деньги и священнослужителейъ господствующей церкви: правъ ли Кальвинъ или Арминій, правъ ли Лодъ или Борнетъ, все-таки много ложнаго ученія проповѣдуется священнослужителями господствующей церкви. Если скажутъ, что предметы, по которымъ несогласно духовенство англиканской церкви, должны быть упущены изъ виду ради многихъ важныхъ предметовъ, по которымъ оно согласно,—то почему не можетъ тотъ же аргументъ относиться къ прочимъ сектамъ, которыя согласны съ англиканскою церковью въ основныхъ ученіяхъ христіанства? Принципъ, что правитель обязанъ по совѣсти распространять религіозную истину и не распространять никакого ложнаго религіознаго ученія, отбрасывается, какъ скоро будетъ допущено, что мнѣнія м-ра Гладстона не препятствуютъ законно вотировать общественныя деньги капелану, который держится мнѣнія Пали и Симеона. Тогда весь вопросъ приводится къ вопросу о степени. Разумется, ни одно отдѣльное лицо и ни одно правительство не можетъ законнымъ образомъ распространять ложь ради распространенія лжи. Но какъ отдѣльныя лица, такъ и правительства должны дѣйствовать орудіями, имъ пріисущими; и нѣтъ ни одного человѣческаго орудія, которое сообщало бы истину безъ всякой примѣси заблужденія. Мы неопровержимо доказали, что англиканская церковь не представляетъ такого орудія. Вопросъ, поэтому, состоитъ въ томъ: какую степень несовершенства въ нашемъ орудіи должны мы терпѣть? И мы не видимъ, какъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ какой-либо общій отвѣтъ. Мы должны руководствоваться обстоятельствами. Было бы, напимѣръ, весьма преступно со стороны протестанта способствовать отправленію іезуитскихъ миссіонеровъ въ страну протестантскую. Но мы не понимаемъ, чтобы можно было порицать протестанта за оказаніе помощи іезуитскимъ миссіонерамъ, которые занимались бы обращеніемъ въ христіанство сіамцевъ. Что плевелы сремѣшаны съ пшеницею, дѣло жалкое; но лучше, чтобы пшеница и плевелы росли вмѣстѣ, нежели чтобы надежда года была пожжена.

Мы глубоко сожалѣемъ, что м-ръ Гладстонъ порицаетъ британское правительство въ Индіи за раздачу небольшой суммы

между католическими священниками, совершающими духовныя требы наших солдатъ ирландцевъ. Представимъ ему такой случай. У джентльмена протестанта находится въ услуженіи слуга католикъ, въ такой части страны, гдѣ на разстояніи многихъ миль нѣтъ ни одной католической конгрегаціи. Слуга заболѣваетъ безнадежно. Въ большомъ душевномъ смущеніи, онъ желаетъ принять св. тайны по обряду своей церкви. Господинъ его отправляетъ посланнаго въ экипажѣ четверкой, съ приказаніемъ привезти духовника изъ довольно отдаленнаго города. Тутъ протестантъ издерживаетъ деньги для того, чтобы католическимъ священникомъ доставлено было назиданіе и утѣшеніе. Согрешилъ онъ или нѣтъ? Не поступилъ ли онъ какъ хорошій господинъ и хорошій христіанинъ? Обвинилъ ли бы его м-ръ Гладстонъ въ «слабости религіознаго принципа», въ «смѣшиваньи истины съ ложью», во «взглядѣ на подпору религіи какъ на благодѣяніе отдѣльному лицу, а не какъ на выраженіе благоговѣнія передъ истинной?» А какъ же, еслибы этотъ слуга, ради своего господина, предпринялъ путешествіе, удалявшее его отъ мѣста, въ которомъ онъ могъ бы легко получать религіозное пособіе? Какъ же, еслибъ смерть его причинена была раною, полученною при защитѣ своего господина? Не должны ли бы мы тогда сказать, что господинъ исполнилъ только священный долгъ? Самъ же м-ръ Гладстонъ сознается, что «никто не можетъ считать личность государства болѣе связанною или подлежащею болѣе строгимъ обязанностямъ, чѣмъ личность отдѣльной особы.» Какъ, поэтому, должно быть обсуждено положеніе индійскаго правительства? Вотъ бѣдный человекъ, завербованный въ Клэръ или Керри, отправленный за море, на разстояніе 15 т. миль, поставленный въ тяжеломъ и вредномъ климатѣ. Онъ сражается за правительство, онъ одерживаетъ для него побѣды; онъ раненъ; онъ положенъ на свою походную постель, пзнураемъ лихорадкой, подъ ужаснымъ солнцемъ, не видитъ вокругъ себя ни одного дружескаго лица. Онъ жаждетъ утѣшеній той религіи, которою, быть можетъ, пренебрегъ въ пору здоровья и силы; она возвращается теперь къ его душѣ, въ сопровожденіи всѣхъ могущественныхъ воспоминаній о его раннихъ дняхъ и о домѣ, котораго ему никогда уже не увидѣть. И потому что государство, за которое онъ умираетъ, отправляетъ священника его собственнаго вѣроисповѣданія стоять у его постели и говорить ему на языкъ, вызывающемъ заразу его любовь и упованіе, объ общемъ Отцѣ, общемъ Искупителѣ, общей надеждѣ на безсмертіе, потому что государство, за которое онъ умираетъ, не оставляетъ его въ послѣднія минуты

на попеченіи языческой прислуги или не употребляетъ священника иной вѣры, чтобы мучить отходящій духъ его полемикою о Тридентскомъ соборѣ, — м-ръ Гладстонъ находитъ, что Индія представляетъ «печальную картину» и что въ прилагаемой тамъ системѣ есть «огромное допущеніе ложнаго принципа.» Мы сильно желаемъ, чтобы наши замѣчанія побудили м-ра Гладстона пересмотрѣть эту часть своего сочиненія и отклонили его отъ высказыванія въ высококомъ собраніи, въ которомъ его всегда должны слушать со вниманіемъ, мнѣній столь недостойныхъ его характера.

Мы теперь сказали почти все, что считаемъ нужнымъ сказать относительно теоріи м-ра Гладстона. И, можетъ быть, было бы безопаснѣе для насъ остановиться. Гораздо легче ломать, чѣмъ строить. Однако, чтобы дать м-ру Гладстону случай къ удовлетворенію себя, мы изложимъ вкратцѣ наши собственные взгляды касательно союза церкви и государства.

Мы отправляемся въ общество Ворвортона и не расстаемся съ нимъ, пока не доходимъ до его договора, — договора, который м-ръ Гладстонъ весьма свойственно называетъ фикціей. Мы считаемъ главною задачею правительства чисто свѣтскую задачу, защиту личности и собственности людей.

Мы думаемъ, что правительство, подобно всякому другому изобрѣтенію человеческой мудрости, отъ самаго высокаго до самаго низкаго, можетъ всего лучше соответствовать своей главной цѣли, когда при его устройствѣ имѣлась въ виду единственно эта цѣль. М-ръ Гладстонъ, который любитъ Платона, не осудитъ насъ за объясненіе нашего положенія, по примѣру Платона, на самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Возьмите напр. ножевыя издѣлія. Клинокъ, назначенный одновременно для бритья и для рѣзанія, не будетъ, конечно, ни брить такъ хорошо, какъ бритва, ни рѣзать такъ хорошо, какъ рѣзакъ. Академія живописи, которая была бы въ то же время и банкомъ, выставяла бы, по всей вѣроятности, весьма плохія картины и дисконтировала бы весьма плохіе счета. Газовое общество, которое было бы въ то же время обществомъ дѣтскихъ школъ, плохо, мы думаемъ, освѣщало бы улицы и плохо учило бы дѣтей. На этомъ основаніи мы думаемъ, что правительство должно быть организовано такъ, чтобы имѣлась въ виду единственно его главная цѣль; ни одной долей его соответствія этой цѣли не должно жертвовать на споспѣшествованіе какой-либо иной цѣли, какъ бы превосходна она ни была.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что правительства никогда не должны преслѣдовать никакой иной цѣли, кромя своей главной? Ни-

чуть. Хотя желательно, чтобы всякое учреждение имѣло главную цѣль и было составлено такъ, чтобы быть въ высшей степени дѣйствительнымъ для этой цѣли; однако, если безъ малѣйшей утраты своей дѣйствительности для этой цѣли оно можетъ споспѣшествовать какой-либо иной хорошей цѣли, то и должно это дѣлать. Такъ, цѣль, для которой выстроены госпиталь, есть помощь больному, а не украшеніе улицы. Жертвовать здоровьемъ больного ради блеска архитектурнаго эффекта, помѣщать строеніе въ дурномъ воздухѣ, для того только, чтобы его болѣе величественный фронтъ выходилъ на большую публичную площадь, дѣлать палаты жарче или холоднѣе, чѣмъ онѣ должны быть, и дѣлать это для того, чтобы колонны и окна наружности могли нравиться прохожимъ и проѣзжимъ, было бы чудовищно. Но если, безъ малѣйшаго пожертвованія главной цѣлью, госпиталь можетъ быть сдѣланъ украшеніемъ столицы, нелѣзно было этого не исполнить.

Точно такъ же, если правительство можетъ, нисколько не жертвуя своею главной цѣлью, способствовать какому-либо иному хорошему дѣлу, оно должно это сдѣлать. Поощреніе изящныхъ искусствъ, напримѣръ, отнюдь не главная цѣль правительства; и было бы нелѣзно, при учрежденіи правительства, останавливаться на вопросѣ, будетъ ли оно правительствомъ, способнымъ воспитывать Рафаэлей и Доминикино. Но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, что правительству несвойственно устроить національную галерею картинъ. То же можно сказать о покровительствѣ, оказываемомъ ученымъ, объ обнародованіи архивовъ, о собираніи библиотекъ, звѣрей, растений, ископаемыхъ, древностей, о поѣздкахъ и путешествіяхъ съ цѣлью географическихъ открытій или астрономическихъ наблюденій. Не для этихъ цѣлей учреждено правительство. Но легко можетъ случиться, что правительство будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства, которыя дадутъ ему возможность, безъ малѣйшаго ущерба своей главной цѣли, преслѣдовать эти постороннія цѣли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ могло бы это сдѣлать какое-либо отдѣльное лицо или какая-либо добровольная ассоціація. Если такъ, то правительство должно стремиться къ достиженію этихъ постороннихъ цѣлей.

Еще очевиднѣе обязано правительство способствовать, всегда подчиняя эту дѣятельность своей главной цѣли, всякому дѣлу, которое полезно какъ средство къ достиженію этой главной цѣли. Улучшеніе пароходства, напримѣръ, отнюдь не главная цѣль правительства. Но какъ паровые корабли полезны для національной защиты и облегчаютъ сообщенія между отдаленными

провинціями, а чрезъ это укрѣпляютъ силы государства, то можетъ быть обязательнымъ долгомъ правительства поощрить талантливыхъ людей къ усовершенствованію изобрѣтенія, которое столь прямо стремится сдѣлать государство болѣе соответствующимъ его великой главной цѣли.

По объѣмъ же этимъ причинамъ, образованіе народа можетъ основательно обращать на себя вниманіе правительства. Чтобы народъ былъ хорошо воспитанъ, уже само по себѣ хорошее дѣло; и потому государство должно способствовать этой цѣли, если оно можетъ сдѣлать это, нисколько не жертвуя своею главною цѣлью. Воспитаніе народа, руководимое тѣми началами нравственности, которыя общи всѣмъ формамъ христіанства, весьма важно какъ средство къ достиженію главной цѣли, для которой правительство существуетъ, и на этомъ основаніи заслуживаетъ вполнѣ вниманія правителей. Мы не остановимся теперь на общемъ вопросѣ о воспитаніи; но ограничимъ наши замѣчанія предметомъ, лежащимъ непосредственно передъ нами, именно, религіознымъ назиданіемъ народа.

Для поясненія нашего взгляда на политику, которой правительства должны слѣдовать въ отношеніи къ религіозному назиданію, мы можемъ прибѣгнуть къ аналогіи госпиталя. Главная цѣль, для которой построена госпиталь, не религіозное назиданіе. Вводитъ въ госпиталь какія-либо правила, вредныя для здоровья больныхъ, подъ предлогомъ споспѣшествованія ихъ духовной пользѣ; посылать высокопарнаго проповѣдника къ человѣку, которому только-что приказано было докторомъ лежать спокойно и попытаться уснуть; налагать строгое соблюденіе поста на выздоравливающаго, которому присовѣтовано вѣсть вдоволь питательную пищу; приказывать, какъ это дѣйствительно дѣлалъ изуверный Піѳъ V, не оказывать никакого медицинскаго пособія тому, кто отклоняетъ духовное попеченіе, — было бы самымъ безобразнымъ сумасбродствомъ. Однако, изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что было бы несправедливо имѣть священника для посѣщенія больныхъ и платить этому лицу изъ госпитальныхъ суммъ. Будетъ ли свойственно имѣть такого священника, и какиихъ религіозныхъ убѣжденій слѣдуетъ ему быть, это должно зависеть отъ обстоятельствъ. Можетъ встрѣтиться городъ, въ которомъ невозможно было бы учредить хорошей госпиталь безъ помощи лицъ разныхъ мѣтій, и религіозныя партіи могутъ доходить до того, что хотя люди разныхъ мѣтій готовы способствовать облегченію больныхъ, но не будутъ содѣйствовать выбору какого-нибудь одного священника. Высокоцерковники настаиваютъ, что если ужъ быть священнику

калованья, то онъ долженъ быть высокоцерковникъ. Евангелическіе реформаты ратуютъ за евангелическаго реформата. Тутъ, очевидно, было бы нелѣпно и жестоко дать рушиться полезному и гуманному намѣренію, въ которомъ всѣ согласны, изъ-за того, что всѣ не могутъ согласиться въ чемъ-нибудь одномъ. Управители должны или назначить двухъ капелановъ и платить имъ обонимъ, или не назначать ни одного; и каждый изъ управителей долженъ, въ своемъ индивидуальномъ качествѣ, по возможности доставить больнымъ такое религіозное назиданіе и утѣшеніе, какое, по его мнѣнію, будетъ для нихъ всего полезнѣе.

Мы должны сказать то же о правительствѣ. Правительство ничуть не болѣе представляется намъ учрежденіемъ для распространенія религіи, чѣмъ госпиталь св. Георгія; и произошли самыя нелѣпныя и гибельныя послѣдствія, еслибъ правительство гонимось, какъ за главную свою цѣль, за тѣмъ, что никогда не можетъ быть болѣе, чѣмъ его второстепенною цѣлью, хотя въ сущности болѣе важною, чѣмъ его главная цѣль. Но правительство, которое считаетъ религіозное назиданіе народа второстепенною цѣлью и придерживается этого принципа честно, будетъ, мы думаемъ, способно дѣлать много добра и мало вреда.

Мы быстро перечтемъ нѣкоторые послѣдствія, къ которымъ ведетъ этотъ принципъ, и укажемъ, какъ онъ рѣшаетъ нѣкоторые задачи, не допуская, по гипотезѣ м-ра Гладстона, никакого удовлетворительнаго рѣшенія.

Всякое преслѣдованіе, направленное противъ личностей или собственности людей, по нашему принципу, очевидно неизвѣстительно. Такъ какъ защита личностей и собственности людей главная цѣль правительства, а религіозное назиданіе только цѣль второстепенная, то охранять людей отъ ереси, подвергая опасности ихъ жизнь, ихъ члены или ихъ имущество, значило бы жертвовать главной цѣлью цѣли второстепенной. Это было бы такъ же нелѣпно, какъ еслибы управители госпиталя призывали, чтобы раны аріанскихъ и соцініанскихъ больныхъ перевязывались способомъ, который заставлялъ бы ихъ гноиться.

Точно такъ же, по нашимъ принципамъ, всѣ гражданскія неправоподобности по поводу религіозныхъ мнѣній неизвѣстительны. Всѣ такія неправоподобности дѣлаютъ правительство менѣе успешнымъ въ достиженіи его главной цѣли: онъ ограничиваютъ его въ выборѣ способныхъ людей для администраціи и защиты государства; онъ отчуждаютъ отъ него сердца страдальцевъ; онъ лишаютъ правительство части его действительной силы во всякой борьбѣ съ иностранными націями. Та-

кой образъ дѣйствія столь же нелѣпъ, какъ нелѣпо было бы со стороны управителей госпиталя отвергнуть способнаго лекаря изъ-за того, что онъ универсальный реституціонистъ, и поручить дѣло неучу за то, что онъ вполне правотѣрный.

Далѣе, по нашимъ принципамъ, ни одно правительство не должно навязывать народу религіознаго назиданія, хотя бы и здороваго, такимъ способомъ, который возбуждалъ бы въ народѣ неудовольствія, опасныя для общественнаго порядка. И въ этомъ случаѣ правительство жертвовало бы своею главною цѣлью — цѣли, въ сущности, правда, чрезвычайно высокой, но все-таки лишь второстепенной цѣли правительства, какъ правительства. Это правило разохъ рѣшаетъ затрудненіе касательно Индіи, затрудненіе, которое м-ръ Гладстонъ можетъ преодолѣть только тѣмъ, что принимаетъ воображаемое исполненіе долга, съ цѣлью устранить воображаемое обывательство. Нѣтъ, конечно, ни одной страны, въ которой распространеніе христіанства было бы болѣе желательнымъ. Но нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы правительство было до такой степени неспособно къ этому дѣлу. Употребляя нашу власть на пріобрѣтеніе прозелитовъ, мы достигли бы распадѣнія общества и гибели всѣхъ тѣхъ интересовъ, для охраненія которыхъ существуетъ правительство. Тутъ второстепенная цѣль оказывается, теперь, несовмѣстною съ главною цѣлью и, поэтому, должна быть оставлена. Христіанское назиданіе, доставляемое отдѣльными лицами и добровольными обществами, можетъ сдѣлать много добра. Доставляемое же правительствомъ, оно причинило бы чистый вредъ. Въ то же время мы совершенно согласны съ м-ромъ Гладстономъ во мнѣніи, что англійскія власти въ Индіи не должны бы принимать участія ни въ какомъ идолопоклонническомъ обрядѣ; и, по правдѣ, мы вполне убѣждены, что всякое такое участіе есть дѣйствіе не только нехристіанское, но и неблагоприятное и весьма недостойное.

Предполагая обстоятельства страны такими, что правительство можетъ прилично, по нашимъ принципамъ, доставлять народу религіозное назиданіе, мы должны послѣ этого спросить, какой религіи слѣдуетъ научать. Епископъ Ворвортонъ отвѣчаетъ: религіи большинства. И мы до того согласны съ нимъ, что съ трудомъ можемъ представить себѣ обстоятельства, при которыхъ было бы свойственно вводить религію меньшинства какъ одну исключительную религію государства. Такое предпочтеніе врядъ-ли могло бы быть оказано безъ возбужденія самаго серьезнаго неудовольствія и не подвергая опасности тѣ интересы, защита которыхъ составляетъ первую цѣль правительства. Но

мы никогда не можем допустить, чтобы правитель могъ быть оправданъ въ способствованіи къ распространенію системы мѣтѣй потому единственно, что система эта нравится большинству. Съ другой стороны, мы не можемъ согласиться съ м-ромъ Гладстономъ, который отвѣтилъ бы, разумеется, что единственная религія, какую правитель долженъ распространять, есть религія его собственной совѣсти. Дѣйствительно, это невозможно. И, какъ мы показали, самъ м-ръ Гладстонъ, всякій разъ, какъ онъ поддерживаетъ денежное пособіе англійской церкви, способствуетъ въ сущности распространенію не именно религіи своей совѣсти, но какой-либо одной или болѣе, чѣмъ одной — самъ не зная, сколькоихъ и какихъ — изъ безчисленныхъ религій, лежащихъ между предѣлами пелагіанства и предѣлами антиноміанства, между предѣлами павизма и предѣлами пресвитеріанства. По нашему мнѣнію, религіозное назиданіе, какому правитель долженъ, въ своемъ общественномъ качествѣ, покровительствовать, есть назиданіе, изъ котораго, по убѣжденію его совѣсти, народъ научится многому хорошему съ самою малою прихвѣсью дурнаго. И такимъ образомъ онъ не избереетъ необходимо свою собственную религію. Онъ будетъ, разумеется, думать, что собственная его религія безукоризненно хороша. Но вопросъ, который ему слѣдуетъ разсматривать, состоитъ не въ томъ, сколько хорошаго содержитсяъ въ его религій, но въ томъ, сколько хорошаго народъ извлечетъ изъ назиданія этой религій. Онъ можетъ предпочитать ученія и устройство англійской церкви ученіямъ и устройству церкви шотландской. Но если онъ знаетъ, что шотландская конгрегація будетъ слушать съ глубокимъ вниманіемъ и благоговѣніемъ Эгскій или Чальмерзъ, которые стали бы излагать передъ нею основныя ученія христіанства, и что видъ стихаря или одианъ стихъ автургій былъ бы сигналомъ къ шуму и возмущенію, при которомъ, вѣроятно, пошли бы въ дѣло противъ священника стулья и куски карричей, — то онъ поступитъ умно, если сообщитъ шотландцамъ религіозныя познанія скорѣе чрезъ посредство церкви несовершенной — какую онъ можетъ ее считать, — отъ которой они научатся многому, нежели чрезъ посредство церкви совершенной, отъ которой они не научатся ничему. Единственная цѣль ученія состоитъ въ томъ, чтобы люди научились; и пустое дѣло говорить объ обязанности учить истинѣ путями, которые только заставляютъ людей приставать къ жи.

На этихъ основаніяхъ мы думаемъ, что государственныи чловѣкъ, который могъ бы смотрѣть на англійскую церковь

далеко не съ тѣмъ благоговѣніемъ, какое питаетъ къ ней м-ръ Гладстонъ, сталъ бы однако твердо сопротивляться всѣмъ попыткамъ къ ея разрушенію. Такой государственный человѣкъ можетъ быть смѣшкомъ хорошо знакомъ съ ея происхожденіемъ, чтобъ смотрѣть на нее съ суетвѣрнымъ благоговѣніемъ. Онъ можетъ знать, что она проистекла отъ поспѣшной сдѣлки между рьянымъ усердіемъ реформаторовъ и эгоизмомъ алчныхъ, честолюбивыхъ и раболѣпныхъ политиковъ. Онъ можетъ находить на всякой страницѣ ея лѣтописей полную причину къ порицанію. Онъ можетъ чувствовать, что не могъ бы, съ покойною совѣстью, подписать всѣ ея статьи вѣры. Онъ можетъ жалѣть, что всѣ минувшія попытки открыть къ ней доступъ обширнымъ классамъ нонконформистовъ были неуспѣшны. Ея епископальное правленіе онъ можетъ считать правленіемъ чисто-человѣческаго учрежденія. Онъ не можетъ защищать ее на томъ основаніи, что она обладаетъ преeminенствомъ отъ апостоловъ: ему не извѣстно, чтобы это преeminенство не могло быть вполне вымысломъ. Онъ не можетъ защищать ее на основаніи ея единства: онъ знаетъ, что ея крайнія секты гораздо болѣе удалены другъ отъ друга, чѣмъ одна крайняя отстоитъ отъ римской церкви или другая отъ женевской церкви. Но онъ можетъ думать, что она научаетъ большей доль истины, съ меньшею примѣсью заблужденія, нежели учили бы тѣ, которыя—еслибъ она была снесена—заняли бы упраздненное мѣсто. Онъ можетъ думать, что дѣйствіе, производимое ея прекраснымъ богослуженіемъ и ея амвонами на національный духъ, вообще весьма благотѣльно. Онъ можетъ думать, что ея просвѣщающее вліяніе оказывается полезнымъ въ отдаленныхъ странахъ. Онъ можетъ думать, что еслибъ она была уничтожена, то значительная часть тѣхъ, которые составляютъ теперь ея конгрегации, небрегли бы всѣми религіозными обязанностями и что еще значительнѣйшая часть подверглась бы вліянію духовныхъ шарлатановъ, корыстолюбивыхъ или упоенныхъ фанатизмомъ. Съ удовольствіемъ допуская, что всѣ качества христіанскихъ пастырей могутъ, въ значительной мѣрѣ, встрѣтиться въ существующемъ сословіи диссидентскихъ священнослужителей, онъ былъ бы, пожалуй, склоненъ думать, что степень умственного и нравственного характера въ этомъ образцовомъ классѣ людей могла быть возвышена до настоящей высокой точки и удержана на ней косвеннымъ вліяніемъ господства церкви. И онъ можетъ ничуть не быть довольнымъ тѣмъ, что еслибъ церковь вдругъ была снесена, то мѣсто нашихъ Соммеровъ и Ветлівъ было бы занято Доддриджами

и Голландии. Онъ можетъ думать, что описанныя нами выгоды получаются или могли бы получаться—еслибъ существующая система была слегка измѣнена—безъ всякаго жертвованія главными цѣлями, которыя всѣ правительства должны преимущественно имѣть въ виду. Мало того, онъ можетъ быть того мнѣнія, что учрежденіе, столь глубоко вкоренившееся въ сердцахъ и умахъ миллионѣвъ людей, не могло бы быть испровергнуто безъ ослабленія и потрясенія всѣхъ основаній гражданского общества. Съ равною, по крайней мѣрѣ, легкостью онъ нашелъ бы причины къ поддержанію шотландской церкви. Да и не былъ бы онъ въ необходимости прибѣгать къ какому-либо договору для оправданія связи двухъ религіозныхъ установленій съ однимъ правительствомъ. Онъ считалъ бы сомнѣнія по этому предмету пустыми въ любомъ лицѣ, ревностно стоящемъ за церковь, къ епископамъ которой принадлежатъ какъ д-ръ Гербертъ Маршъ, такъ и д-ръ Даніэль Вильсонъ. Дѣйствительно, онъ былъ бы радъ слѣдовать своимъ принципамъ гораздо дальше. Онъ охотно вотировалъ бы въ 1825 году за предложеніе лорда Франсиса Эджертона, что прилично оказывать общественное пособіе католическому духовенству Ирландіи, и глубоко жалѣлъ бы о томъ, что подобной мѣры не было принято въ 1829 году.

Этимъ путемъ, мы думаемъ, государственннй человѣкъ могъ бы, по нашимъ принципамъ, убѣдиться, что было бы въ высшей степени не кстати уничтожить англиканскую пли шотландскую церковь.

Но еслибъ была, въ какой-либо части свѣта, національная церковь, считаемая еретическою четырьмя пятими націи, ввѣренной ея попеченію, церковь, установленная и поддерживаемая мечемъ; церковь, производящая вдвое болѣе возмущеній, чѣмъ обращеній; церковь, хотя обладающая великимъ богатствомъ и властью и долго поддерживавшая себя притѣснительными законами, но оказавшаяся, въ теченіе многихъ поколѣній, неспособною къ распространенію своихъ ученій и способною лишь держаться; церковь дотогу ненавистная, что обманъ и насиліе, будучи употреблены противъ ея очевидныхъ правъ собственности, считаются обыкновенно честнымъ дѣломъ; церковь, которой священнослужители говорили проповѣди опустѣвшимъ стѣнамъ и съ трудомъ получали свое законное содержаніе помощью штыковъ,— такая церковь, по нашимъ принципамъ, мы должны сознаться, не могла бы быть защищаема. Мы должны сказать, что государство, вступившее въ союзъ съ такою церковью, подчинило главную цѣль правительства второстепенной, и что послѣдствія были бы такого рода, что ихъ пред-

сказалъ бы любой проникательный наблюдатель. Ни главная, ни второстепенная цѣль не достигнута. Матеріальные и духовные интересы народа страдаютъ одинаково. Умы людей, вмѣсто того, чтобъ привлекаться къ церкви, отчуждаются отъ государства. Правитель, пожертвовавъ порядкомъ, спокойствіемъ, согласіемъ, всѣми интересами, защита которыхъ составляетъ его первую обязанность, съ цѣлью покровительствовать чистой религіи, принужденъ, послѣ опыта цѣлыхъ столѣтій, согласиться, что онъ въ сущности покровительствовалъ заблужденію. Чѣмъ основательнѣе ученія такой церкви, чѣмъ нелицѣ и зловреднѣе суевѣріе, противящееся этимъ ученіямъ, тѣмъ сильнѣе аргументы противъ политики, лишившей хорошее дѣло его естественныхъ выгодъ. Тѣ, которые проповѣдуютъ правителямъ объ обязанности употреблять силу для распространенія истины, хорошо бы сдѣлали, еслибъ вспомнили, что ложь, хотя не можетъ осилить одной истины, часто оказывалась могущественнѣе истины и власти, вмѣстѣ взятыхъ.

Государственный человѣкъ, судя по нашимъ принципамъ, призналъ бы, не колеблясь, что церковь, какую мы только что описали, не должна бы быть никогда воздвигаема. Дальше этого мы не посмѣемъ за него говорить. Онъ, безъ сомнѣнія, вспомнилъ бы, что свѣтъ полонъ установленій, которыхъ хотя никогда не слѣдовало учреждать, однако, какъ скоро они уже учреждены, не слѣдуетъ сурово испровергать; и что на практикѣ часто бываетъ благоразумно довольствоваться ограниченіемъ злоупотребленія, которое, будучи разсматриваемо съ отвлеченной точки зрѣнія, возбуждаетъ въ насъ нетерпѣливое желаніе его уничтожить.

Мы кончили; намъ остается только разстаться съ м-ромъ Гладстономъ, какъ слѣдуетъ противникамъ, не питающимъ никакой злобы. Мы несогласны съ нимъ во мнѣніяхъ, но мы почитаемъ его таланты; мы уважаемъ его честность и доброжелательство, и надѣемся, что онъ не дозволитъ политическимъ занятіямъ до того поглотить его время, чтобъ не оставить ему ни малѣйшаго досуга для литературы и философіи.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РИМСКОЙ ПОВѢСТИ.

(Июнь, 1823).

Быль часъ пополудни. Лигарій возвращался съ Марсова поля. Онъ шелъ по одной изъ улицъ, ведшихъ къ форуму; драпируя складки своей тоги и осуждая положеніе гладіаторовъ, назначенныхъ для боя во время приближавшихся сатурналій, онъ нагналъ Фламинія, который тяжелою поступью и съ печальнымъ лицомъ шелъ по тому же направленію. Веселый юноша схватилъ его за рукавъ.

— Добрый день, Фламиній. Будешь вечеромъ у Катилины?

— Нѣтъ.

— Почему? Ты сокрушишь свою тарентскую дѣвочку.

— Нужды нѣтъ. У Катилины — лучшіе повара и лучшія вина въ Римѣ. У него собираются прелестныя женщины. Но 12-ти линейный столъ ⁽¹⁾ и ящикъ съ костями расплачиваются за все. Будь я проклятъ богами, если вечеромъ не проигралъ 2-хъ милліоновъ сестерцій! Моя тибурская вилла и всѣ статуи, которыя мой отецъ, преторъ, привезъ изъ Эфеса, попадутъ къ аукціонисту. Сознайся, что это высокая цѣна даже за красныхъ фламинго, хіосское вино и Каллинику.

— Дѣйствительно, высокая, — клянусь Поллуксомъ!

— И это еще не самое худшее. Сегодня поутру я видѣлся

(1) *Duodecim scripta*, игра, основанная на случаѣ и искусствѣ, которая, кажется, была въ большой модѣ въ высшемъ кругу Рима. Знаменитый юристъ Муцій былъ извѣстенъ своимъ искусствомъ въ этой игрѣ. (*Cic. Orat.* . i. 50).

со многими изъ сенаторовъ, пользующихся наибольшимъ вліяніемъ. Странныя вещи передаются шепотомъ въ высшихъ кружкахъ.

— Будь прокляты эти политическіе кружки. Я ненавижу имя политика со времени изгнанія Суллы, когда одинъ политикъ чуть не перерѣзалъ мнѣ горла, принявши меня за другаго политика. Пока въ Кампаніи есть хоть бочка фалернскаго, а въ Субурѣ хоть одна дѣвочка, мнѣ некогда думать объ этихъ вещахъ.

— Ты не худо сдѣлаешь, если обратишь на нихъ теперь немного вниманія, — съ важностью сказалъ Фламиній. Иначе, боюсь, тебѣ скоро придется возобновить знакомство съ политиками не менѣе непріятнымъ образомъ.

— Боги-спасители! что ты хочешь этимъ сказать?

— Я объясню тебѣ. Носятся слухи о заговорѣ. Порядокъ вещей, установленный Луціемъ Суллой, возбудилъ неудовольствіе народа и большой партіи патриціевъ. Ожидаютъ какого-нибудь сильнаго переворота.

— Мнѣ что до этого? Я полагаю, что врядъ-ли они изгонять виноторговцевъ и гладіаторовъ или проведутъ законъ, принуждающій cadaго гражданина жениться.

— Ты не понимаешь. Предполагаютъ, что Катилина питаетъ революціонные замыслы. Тебѣ, вѣрно, не разъ приходилось слышать за его столомъ смѣлыя сужденія.

— Я никогда не слушаю ни смѣлыхъ, ни робкихъ сужденій объ этомъ предметѣ.

— Будь остороженъ. Упоминалось и твое имя.

— Мое! Милосердые боги! призываю небо въ свидѣтели, что въ домъ Катилины я не говорилъ ни слова ни о сенатѣ, ни о консулѣ, ни о комиціяхъ.

— Никто не подозреваетъ, чтобы ты участвовалъ въ совѣщаніяхъ болѣе тѣснаго кружка этой партіи. Но наши сановники считаютъ тебя въ числѣ тѣхъ, кого онъ такъ сильно закупилъ красавицами или довелъ до такой крайности, что они уже не владѣютъ собою. Я никогда болѣе не переступлю за его порогъ. Меня торжественно предостерегли люди, знакомые съ общественными дѣлами; совѣтую и тебѣ быть осторожнымъ.

Друзья между тѣмъ завернули на форумъ, на которомъ толпилась веселая и шегольская молодежь Рима.

— Я могу сообщить тебѣ еще болѣе, продолжалъ Фламиній:— кто-то замѣтилъ вчера консулу, какъ свободно одинъ изъ нашихъ знакомыхъ завязываетъ свой поясъ. «Пусть бережется,

сказалъ Цицеронъ, чтобъ государство не прибрало для его шем поясъ потуже.»

— Милосердые боги! кто это? не можетъ быть, чтобъ ты говорилъ о

— Вотъ онъ.

Фламиній показалъ на человѣка, который прогуливался взадъ и впередъ по форуму въ небольшомъ отъ нихъ разстояніи. Онъ былъ въ лучшей порѣ возмужалости. Красота его была поразительна, а щегольской до крайности, но въ то же время граціозный костюмъ дѣлалъ ее еще замѣтнѣе. Его тога падала свободными складками; длинныя, черныя кудри, причесанныя чрезвычайно тщательно и искусно, лоснились, пропитанныя благовоніями; его походка и тѣлодвиженія, при изяществѣ и повелительности, отличались лѣнливою томностью. Но лицо представляло удивительный контрастъ съ общимъ видомъ его фигуры. Высокій, царственный лобъ, рѣзкія, орлиныя черты, сжатый ротъ, пронзительные глаза — выказывали могучій умъ и рѣшительность. Онъ, казалось, былъ погруженъ въ глубокую думу. Устремивши глаза въ землю и шевели, въ напряженномъ мышленіи, губами, онъ бродилъ по площади, не сознавая, по-видимому, сколько молодыхъ римскихъ щеголей завидовали изяществу его одежды и непринужденности его модной походки.

— Милосердое небо! сказалъ Лигарій.—Кай Цезарь, кажется, такъ же мало участвуетъ въ заговорѣ, какъ и я.

— Вовсе нѣтъ.

— Онъ занятъ только игрою, пирами, интригами, читаетъ греческихъ авторовъ и пишетъ стихи.

— Ты совсѣмъ не знаешь Цезаря. Хотя онъ рѣдко говоритъ въ сенатѣ, но считается однимъ изъ его лучшихъ ораторовъ, послѣ консула. Его вліяніе на толпу — огромно. Онъ одолжилъ своихъ общественныхъ соперниковъ точно такъ же, какъ вчера, у Катиллины, одолжилъ меня. Мы играли въ 12 линий. Ставки были огромныя. Онъ все время смѣялся, болталъ съ Валеріей, смотря на нее черезъ плечо, цѣловалъ ея руку между каждыми двумя ходами и почти не смотрѣлъ на столъ. Я думалъ, что онъ попался. Вдругъ оказалось, что всѣ мои шашки загнаны въ уголь. Не оставалось ни одного хода, — клянусь Геркулесомъ! Это мнѣ стоило 2-хъ милліоновъ сестерцій. Будь онъ проклятъ за это всеми богами и богинями!

— Кстати о Валеріи, сказалъ Лигарій:—я забылъ спросить, слышалъ ли ты новость?

— Ни слова. Что такое?

— Мнѣ рассказали сегодня въ баняхъ, что Цезарь проводилъ

эту даму домой. Къ несчастію, старый Квинтъ Лутаций, въ припадкѣ ревности, вернулся изъ своей виллы въ Кампанію домой. Его не ожидали раньше трехъ дней. Шумъ былъ порядочный; старый дуракъ потребовалъ свой мечъ и рабовъ, проклялъ жену и поклялся перерѣзать горло Цезарю.

— А Цезарь?

— Онъ сѣлся, декламировалъ Анакреона, накинулъ тогу на лѣвую руку, схватился съ Квинтомъ, сбросилъ его, вырвалъ мечъ изъ руки, прорвался сквозь толпу слугъ, ранилъ одного вольноотпущенника въ плечо и черезъ минуту очутился на улицѣ.

— Славно! Вотъ онъ. Добрый день, Кай!

Цезарь, услышавъ привѣтствіе, поднялъ голову. Видъ глубокаго раздумья исчезъ съ его лица. Онъ протянулъ руку каждому изъ друзей.

— Какъ ты себя чувствуешь послѣ вчерашняго подвига?

— Какъ нельзя лучше, сказалъ Цезарь, сѣлся.

— По правдѣ, намъ нужно бы спросить, какъ чувствуетъ себя Квинтъ Лутаций?

— Я думаю, настолько хорошо, насколько можно ожидать отъ человѣка съ невѣрной супругой и проломленной головой. Его вольноотпущенникъ серьезно раненъ. Бѣднякъ! онъ получитъ половину того, что я сегодня выиграю. Фламиній, я дамъ тебѣ отыгрышъ у Катилины.

— Ты весьма любезенъ. Я не намѣренъ идти къ Катилинѣ, пока не захочу разстаться со своимъ городскимъ домомъ. Моя вилла уже ушла.

— Не будешь у Катилины — мелкая душа! Ты не таковъ, доблестный Лигарій. Кости, хіосское вино и прелестнѣйшая греческая пѣвица, какую когда-либо видѣлъ міръ. Подумай объ этомъ, Лигарій. Кляпуть Венерой, она чуть не заставила меня обожать ее, сказавши, что я говорю по-гречески съ самымъ аттическимъ акцентомъ, слышаннымъ ею въ Италиі.

— Сомнѣваюсь, чтобы она сказала то же самое обо мнѣ, сказалъ Лигарій. Я столько же способенъ разобрать надпись на обелискѣ, сколько прочесть строчку изъ Гомера.

— Ахъ, ты, варваръ, скпфъ! Кто тебя воспитывалъ?

— Старый дуракъ, греческій педантъ, стоикъ. Онъ говорилъ мнѣ, что боль не зло, и сѣкъ такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ думалъ это. Наконецъ, однажды, во время урока, я зажегъ его огромную гадкую бороду, опалилъ ему лицо и выгналъ вопившаго изъ дому. Тѣмъ окончилось мое ученье. Съ того времени и до настоящаго во мнѣ столько же греческаго, сколько въ

вишь, которое твой бѣдный пріятель старикъ Лутаций называетъ своимъ чуднымъ самійскимъ.

— Хорошо сдѣлалъ, Лигарій. Я ненавижу стоиковъ. Я бы желалъ, чтобъ у Марка Катона была борода, которую ты могъ бы спалить. Дуракъ говорилъ вчера битыхъ два часа въ сенатѣ, и ни одинъ мускулъ не шевельнулся на его лицѣ. Оно было такъ же дико и неподвижно, какъ маска, въ которой Росцій игралъ Алекто. Я ненавижу все, связанное съ его именемъ.

— Исключая его сестры, Сервилии.

— Правда, она прелестная женщина.

— Говорять, что ты сказалъ ей это, Кай?

— Сказалъ.

— И что, она не разсердилась?

— Какая жъ женщина за это разсердится?

— Да; но говорить....

— Пусть говорятъ. Молва лжетъ, какъ греческіе риторы. Ты долженъ бы это знать, Лигарій, и не читая философовъ. Но пойдемъ, я представлю тебя маленькой, черноглазой Зоѣ.

— Говорю тебѣ, что не знаю по-гречески.

— Твѣ стыднѣе для тебя. Давно пора начать. Такой прелестной учительницы, другой, не найдешь. О чемъ думалъ твой отецъ, когда взялъ тебѣ въ учителя стараго стоика съ длинной бородой? Хорошенькая женщина — лучшая учительница языка. Бывши въ Аѳинахъ, я выучился по-гречески больше отъ хорошенькой дѣвочки въ Пирей, чѣмъ въ Портикъ и Академіи. И она, — знаетъ небо, — не была стоикомъ. Но пойдемъ къ Зоѣ. Я буду твоимъ переводчикомъ. Объяснись ей на прямодушномъ латинскомъ, а я, въ промежуткахъ игры въ кости, переведу твои слова на изящный греческій. Я могу любезничать и играть въ одно и то же время, — спроси у Фламинія.

— Ну, такъ скажу тебѣ правду, Цезарь: Фламиній говорилъ мнѣ о заговорахъ, подозрѣніяхъ и политикахъ. Я никогда не мучу себя такими вещами со временъ Маріи и Суллы; да и тогда я не могъ найти большой разницы между партіями. Я увѣренъ только въ одномъ: что тѣ, которые мѣшаются въ такія дѣла, бывають обыкновенно или заколоты или задушены. И, хотя я люблю греческое вино и хорошенькихъ женщинъ, но не желаю рисковать изъ-за нихъ головой. Теперь, Кай, скажи мнѣ какъ другъ: нѣтъ опасности?

— Опасности! повторилъ Цезарь съ короткимъ, свирѣпымъ и презрительнымъ смѣхомъ: — какой опасности ты боишься?

— Это ты долженъ знать лучше меня, замѣтилъ Фламиній: — ты гораздо короче съ Катилиной. Но совѣтую тебѣ быть осто-

рожнымъ. Люди значительные находятся въ состояніи сильнаго подозрѣнія.

Обыкновенно лѣнливо-граціозная фигура Цезаря выпрямилась съ повелительнымъ достоинствомъ, и онъ отвѣчалъ голосомъ, котораго глубокая и страстная мелодія представляла странный контрастъ съ шутивымъ и притворнымъ тономъ его обычнаго разговора.

— Пусть подозрѣваютъ. Они подозрѣваютъ, потому что знаютъ, чего они достойны. Что они сдѣлали для Рима? — Что они сдѣлали для человѣчества? — Спроси гражданъ. Спроси провинціи. Была ли у нихъ какая-нибудь иная цѣль, кромѣ той, чтобъ увѣковѣчить свою собственную, исключительную власть и держать насъ подъ игомъ олигархической тираниі, которая заключаетъ въ себѣ сильнѣйшее зло всѣхъ другихъ системъ и соединяетъ нѣчто худшее, чѣмъ буйство афинянъ и деспотизмъ персовъ.

— Милосердые боги! Цезарь, тебѣ опасно говорить, а намъ слушать такія вещи, въ такое критическое время....

— Рѣшай самъ, слушать ли тебѣ, или нѣтъ; а можно ли мнѣ говорить, про это знаю я. Мнѣ не было еще и 20 лѣтъ, когда я не побоялся Луція Суллы, окруженнаго копьями легионеровъ и кинжалами убійцъ. Неужели ты думаешь, что я устрашусь его жалкихъ преемниковъ, которые наслѣдовали власть, какой никогда бы не могли пріобрѣсти сами, и которые хотѣли бы подражать его проскрипціямъ, хотя никогда не сравниваются съ нимъ въ побѣдахъ?

— Съ Помпеемъ шутики такъ же плохи, какъ и съ Суллой. Я слышалъ, какъ одинъ изъ сенаторовъ говорилъ, что вслѣдствіе тревожнаго положенія дѣлъ, Помпея вѣроятно отзовутъ отъ командованія войскомъ, врученнаго ему закономъ Манилія.

— Пусть онъ пріѣдетъ — воспитанникъ Сулловскихъ боенъ, собиратель Лукулловыхъ трофеевъ, сенатскій сѣищикъ!

— Ради неба, Кай! еслибъ ты зналъ, что сказалъ вчера консуль....

— Что нибудь о себѣ, безъ сомнѣнія. Жаль, что такіе таланты соединяются съ подобной трусостью и фанфаронствомъ. Это лучший изъ ораторовъ настоящаго времени, безконечно выше Гортензія, въ его лучшую пору, — очаровательный собеседникъ, исключая случаевъ, когда въ двадцатый разъ повторяетъ шутики, которыя позволялъ себѣ во время суда надъ Верресомъ. Но онъ презрѣнное орудіе презрѣнной партіи.

— Твои слова, Кай, убѣждаютъ меня, что слухи, которые носятя, не лишены основанія. Я рѣшаюсь предсказать, что

въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ республика пройдетъ цѣлую Одиссею необыкновенныхъ приключеній.

— Я думаю то же; въ этой Одиссее, Помпей будетъ играть роль Полифема, а Цицеронъ — Сирены. Я бы хотѣлъ, чтобъ государство послѣдовало примѣру Улисса, не имѣло состраданія къ первому, но, если можно, прислушивалось бы къ обворожительному голосу послѣдней, не подвергаясь изъ-за этого гибели.

— Но кого ваша партія можетъ поставить соперниками этимъ двумъ знаменитымъ вождямъ!

— Время покажетъ. Я надѣюсь, что явится человекъ, который силой своей способности покорять, примирять и управлять, направить къ одной цѣли раздѣленный и угнетенный народъ, сдѣлаетъ все, что сдѣлалъ бы Сулла, и представить нашимъ взорамъ чудное зрѣлище великаго народа, управляемаго великимъ умомъ.

— А гдѣ найти такого человека?

— Можетъ быть, тамъ, гдѣ вы менѣ всего ожидаете его найти. Можетъ быть, онъ одинъ изъ тѣхъ, чьи силы до сихъ поръ скрывались въ тиши семейной жизни или литературныхъ занятій. Можетъ быть, онъ, ожидая соразмѣрнаго побужденія, достойнаго случая выказать ихъ, тратитъ на мелочи гений, передъ которымъ могутъ еще преклониться мечъ Помпея и тога Цицерона. Можетъ быть, онъ теперь споритъ съ софистомъ; можетъ быть, болтаетъ съ любовницей; можетъ быть, — произнося послѣднія слова, Цезарь отвернулся и пошелъ опять гулять, — можетъ быть, бродитъ по форуму.

* * *

Общество разошлось почти въ полночь. Катиллина и Цетегъ все еще бесѣдовали въ столовой, которая, по обычаю, находилась въ верхней части дома. Она составляла куполь съ окнами, которая выходила на окружавшую его плоскую кровлю. На эту террасу удалась Зоя. Опершись о балюстраду, чтобъ въ послѣдній разъ взглянуть на уходившаго Цезаря, она слѣдила глазами, отуманенными слезой любви и грусти, за его фигурой, которая освѣщалась луннымъ свѣтомъ и постепенно становилась менѣ и менѣ ясной. Думалъ ли онъ о ней? любилъ ли ее скольконибудь? Онъ, любимецъ знатныхъ римскихъ красавицъ, онъ, самый блестящій, самый граціозный, самый краснорѣчивый изъ римскихъ патриціевъ! Этого не могло быть. Правда, въ его голосъ, когда онъ говорилъ съ нею, была трогательная мягкость, и въ самой живости его взгляда и разговора заклю-

чалась обаятельная изъяснительность. Но такова была всегдашняя манера Цезаря относительно женщинъ. Когда она пѣла, онъ вложилъ вѣтку мирты въ ея черныя локоны; она вынула ее изъ нихъ, поцѣловала, поплакала надъ ней и задумалась о прелестныхъ легендахъ своей дорогой Греціи — объ юношахъ и дѣвушкахъ, которые изнывали отъ безнадежной любви и были обращены сострадательными богами въ цвѣты; она сама захотѣла сдѣлаться цвѣткомъ, къ которому Цезарь могъ бы иногда привасаться, хотя бы только для того, чтобъ влести его въ вѣнокъ другой, болѣе счастливой и болѣе гордой любовницы.

Громкій голосъ и шаги Цетега, яростно расхаживавшаго взадъ и впередъ по столовой, вывели ее изъ задумчивости.

— Будь я проклятъ всѣми богами, если Цезарь не самый коварный измѣнникъ или не самый жалкій идиотъ, который когда-либо вмѣшивался въ разговоръ!

Зоя содрогнулась и подошла ближе къ окну. Ее скрывала тонкая сѣтчата занавѣсъ, висѣвшая надъ окномъ для зашиты отъ свойственныхъ климату докучливыхъ насѣкомыхъ.

— И ты тоже, продолжалъ Цетегъ, запальчиво обернувшись къ своему сообщнику: — принимаешь его сторону противъ меня! ты, который самъ предложилъ этотъ планъ!

— Мой милый Кай Цетегъ, ты не хочешь понять меня. Я предлагалъ планъ и помогу привести его въ исполненіе; но для этого столько же необходима политика, сколько и смѣлость. Я не желалъ испугать Цезаря, — потерять его сообщничество, — можетъ быть, отослать его къ Цицерону и Катуту, съ доносомъ на насъ. Онъ пришелъ въ такое негодованіе при твоёмъ предложеніи, что всего моего лицемерія едва достало на то, чтобы предупредить полный разрывъ!

— Негодованіе! Будь онъ проклятъ! — Онъ болталъ о честолюбіи, о великодушii, объ умѣренности. Клявусь Геркулесомъ, я не слышалъ подобной лекціи съ тѣхъ поръ, какъ былъ у Ксенонара въ Родосъ.

— Цезарь полонъ непослѣдовательностей. У него безграничное честолюбіе, несомнѣнное мужество, удивительная проникаемость. Но я часто замѣчалъ въ немъ слабость женщины при видѣ сграванiя. Я помню, какъ однажды одинъ изъ его рабовъ заболѣлъ, неся его въ носилкахъ. Онъ сошелъ, посадилъ больного на свое мѣсто, а самъ пошелъ домой пѣшкомъ, подъ снѣгомъ. Я удивляюсь, что ты такъ необдуманно заговорилъ съ нимъ объ убійствахъ, грабежахъ и поджогахъ. Ты долженъ былъ предвидѣть, что подобныя предложенiя должны оттолкнуть человѣка съ его характеромъ.

— Не знаю. У меня ятъ твоего самообладанія, Луцій. Я ненавижу подобныхъ заговорщиковъ! Какая въ нихъ польза? Намъ нужна кровь и кровь, рубка и рѣзня — кровавая работа.

— Не скрежещи такъ зубами, мой милый Кай, и положи ножъ. Клянусь Геркулесомъ, ты разрѣзалъ всю шерсть, которою набито ложе.

— Нужды ятъ. У насъ скоро будетъ довольно ложъ, и пуху для набивки ихъ, и пурпуру для покрывки, и хорошенькихъ женщинъ для отдыха на нихъ, — если только этотъ дуракъ и ему подобные не испортятъ нашего дѣла. Но я хочу поговорить о другомъ. Надушенный щеголь хочетъ отвлечь отъ меня Зою.

— Невозможно! Ты ложно объясняешь обыкновенныя любезности, съ которыми онъ обращается ко всякой хорошенькой женщинѣ.

— Проклятiе на его обыкновенныя любезности, стихи и миротыя вѣтки! Если Цезарь осмѣлится, — клянусь Геркулесомъ, я разорву его на части среди форума.

— Поручи его уничтоженiе мнѣ. Мы должны воспользоваться его талантами и влiянiемъ, бросать его во всякую опасность, сдѣлать его нашимъ орудiемъ во время борьбы, нашей примирительной жертвой сенату въ случаѣ неудачи и первой же жертвой въ случаѣ успѣха.

— Чу! что это за шумъ?

— Кто-то на террасѣ! дай твой книжалъ. — Катилина бросился къ окну. Зоя стояла въ тѣни. Онъ вышелъ на террасу. Она ринулась въ комнату, какъ молнiя пронеслась мимо изумленнаго Цетега, сбѣжала съ лѣстницы, черезъ дворъ, черезъ стѣны на улицу, преслѣдуемая смѣшаннымъ шумомъ шаговъ и голосовъ людей, которые съ огнями гнались за нею; но любовь и ужасъ придали ей силы, и ей удалось оставить погоню далеко за собою. Она бѣжала по пустыннымъ, темнымъ и неизвѣстнымъ ей улицамъ, пока, запыхавшись и обезсиливъ, не очутилась среди толпы молодыхъ людей, которые, съ вѣнками на головахъ и факелами въ рукахъ, шатаясь, выходили изъ портика величественнаго дома.

Впереди толпы шелъ юноша, мягкiй станъ котораго и жественно-товкiя черты прекраснаго лица не соответствовали его полу. Но тѣмъ ужаснѣе было на этомъ лицѣ смѣшанное выраженiе жестокости и чувственности. Сладострастная наглость его неподвижнаго взгляда и шутовская щеголеватость костюма заставляли предполагать, по крайней мѣрѣ, полупомѣшательство. Обхвативъ Зою одной рукой, другой сорвавши ее по-

крывало, онъ открылъ взорамъ своихъ тѣсившихся вокругъ спутниковъ правильныя черты и большіе темные глаза, отличающіе аѳинскихъ красавицъ.

— Клодію вездѣ удача сегодня! вскричалъ Лигарій.

— Нѣтъ, клянусь Геркулесомъ! сказалъ Маркъ Целій:—эта дѣвушка, по чести, наша общая добыча. Мы разыграемъ ее въ кости. Жетонъ Венеры (1) прилично рѣшить дѣло.

— Пустите меня, пустите ради самаго неба, — кричала Зоя, борясь съ Клодіемъ.

— Что у ней за обворожительный греческій акцентъ! Войди въ домъ, мой маленькій аѳинскій соловей.

— О! что будетъ со мной? Если у васъ есть матери... если у васъ есть сестры...

— У Клодія есть сестра, пробормоталъ Лигарій: — или его сильно обманываютъ.

— Клянусь небомъ, она плачетъ, сказалъ Клодій.

— Еслибъ не было очевидно, что она гречанка, я бы принялъ ее за дѣвственную весталку, сказалъ Целій.

— А хоть бы она была и весталка, свирѣпо вскричалъ Клодій:—это меня не остановитъ. Сюда—полно бороться и кричать!

— Бороться? кричать? воскликнулъ веселый и повелительный голосъ. Ты очень грубо объясняешься въ любви, Клодій.

Все общество изумилось. Цезарь вѣшался въ толпу, не замѣченный никѣмъ. Звукъ его голоса проникъ до самаго сердца Зои. Съ судорожнымъ усиленіемъ она вырвалась изъ рукъ своего дерзкаго обожателя, бросилась къ ногамъ Цезаря и охватила его колѣни. Лунный свѣтъ падалъ прямо на ея взволнованное и умоляющее лицо; ея губы шевелились, но она не произносила ни одного звука. Онъ посмотрѣлъ на нее съ секунду — поднялъ и прижалъ къ своей груди.

— Не бойся ничего, моя милая Зоя.

Потомъ, со сложенными руками и улыбкой спокойнаго вызова, онъ сталъ между нею и Клодіемъ. Послѣдній бросился впередъ, красный отъ вина и ярости, и заговорилъ, перемеживая слова проклятіями и нкотой:

— Клянусь Поллуксомъ, это ужъ не шутка. Цезарь, какъ ты смѣешь такъ оскорблять меня?

— Шутка! Я серьезенъ какъ жидъ въ шабашъ. Оскорблять тебя! Да за пару такихъ глазъ я готовъ оскорбить всю кон-

(1) Жетонъ Венеры — терминъ, которымъ означалось въ Римѣ высшее число очковъ на костяхъ.

сульскую сямью; иначе во мнѣ было бы столько же чувства, сколько въ муніи царя Псаммиса.

— Милосердые боги! Цезарь, сказалъ Маркъ Целій, вступаюсь между ними: — неужели ты готовъ начать ссору изъ-за маленькой гречанки; стоятъ ли?

— Почему же нѣтъ? Гречанки были такъ же добры ко мнѣ, какъ и римлянки. Кромѣ того, вся моя репутація, какъ поклонника женщины, на ставкѣ. Уступить такую прелестную женщину этому пьяному мальчику! Моя репутація погибла бы навсегда, а съ нею и надушенные дощечки, полныя обѣтовъ и восторговъ, и объясненій на пальцахъ въ циркѣ, и вечернія прогулки вдоль Тибра. Тогда мнѣ не придется болѣе прятаться въ сундуки и прыгать изъ оконъ. Я, счастливый поклонникъ по крайней мѣрѣ половины бѣлыхъ тунакъ въ Римѣ, не буду имѣть права думать о комъ нибудь выше вольноотпущенной. Стыдись, мой дорогой Целій; тебѣ ли говорить подобныя вещи! Постарайся, чтобъ Клодія не слыхала объ этомъ.

Говоря это, Цезарь отстранялъ отъ себя Клодія рукой. Ярость развратнаго безумца усиливалась по мѣрѣ того, какъ продолжалась борьба.

— Назадъ, если дорожишь жизнью, кричалъ онъ:—я хочу пройти.

— Не здѣсь, милый Клодій. Я слишкомъ люблю тебя, чтобъ позволить тебѣ объясняться въ любви при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ. Отъ тебя теперь слишкомъ сильно пахнетъ фалернскимъ. Развѣ ты хочешь задушить свою любовницу? Клянусь Геркулесомъ, ты теперь годенъ цѣловать только стараго Пизона, когда онъ поутру бредетъ домой изъ винныхъ погребовъ (*).

Клодій запустилъ руку за пазуху и вытащилъ маленькій кнжалъ, вѣрнаго спутника во многихъ отчаянныхъ предпріятіяхъ.

— О боги! онъ будетъ убитъ! вскричала Зоя.

Вся толпа пришла въ волненіе; на улицѣ видѣлись огни и поднятыя руки. Но это продолжалось не болѣе мгновенія. Цезарь не спускалъ глазъ съ руки Клодія, остановилъ ударъ, схватилъ своего противника за горло и съ такой силой швырнулъ его объ одну изъ колоннъ портика, что Клодій, оглушенный и безъ чувствъ, покатылся на землю.

— Онъ убитъ! закричало нѣсколько голосовъ.

— Это честная оборона, клянусь Геркулесомъ! сказалъ Маркъ

(*) Цяц. въ Пизонѣ.

Цѣлій. Будьте свидѣтелями; всѣ видѣли, какъ онъ вынулъ кинжалъ.

— Онъ не умеръ — онъ дышитъ, сказалъ Лигарій. Унесите его въ домъ, онъ страшно разбитъ.

Остальные ушли за Клодіемъ. Цѣлій обратился къ Цезарю.

— Клянусь всеми богами, Кай! Ты честно приобрѣлъ себѣ красавицу. Великолѣпная побѣда! Ты заслуживаешь триумфа.

— Какимъ сумасшедшимъ сталъ Клодій!

— Невыносимъ. Но приходи ужинать со мной въ день Нонъ. Ты ничего не имѣешь противъ встрѣчи съ консуломъ?

— Цицерономъ? Ничего; намъ незачѣмъ говорить о политикѣ. Нашъ старый споръ о Платонѣ и Эпикурѣ доставитъ довольно предметовъ для разговора. И потому рассчитывай на меня, мой милый Маркъ; а теперь прощай.

Цезарь и Зоя пошли въ другую сторону, и когда ихъ нельзя было услышать, она начала съ большимъ волненіемъ:

— Цезарь, ты въ опасности. Я знаю все. Я подслушала разговоръ Катилины и Цетегга. Ты участвуешь въ планѣ, который ведетъ къ вѣрной гибели.

— Моя прекрасная Зоя, я живу только для славы и удовольствія. Изъ-за нихъ я никогда не колебался рисковать жизнью, которую они одни дѣлаютъ для меня цѣнной. Въ настоящемъ случаѣ я могу увѣрить тебя, что нацѣль планъ представляетъ наибѣйшую надежду на успѣхъ.

— Тѣмъ хуже. Ты не знаешь, ты не понимаешь меня. Я не говорю объ открытой опасности, но о тайной намѣнѣ. Катилина ненавидитъ тебя, Цетегъ тоже — и они рѣшили твою погибель. Если ты переживешь борьбу, то погибнешь въ первый часъ побѣды. Они ненавидятъ тебя за твою умѣренность; они хотятъ крови и грабежа. Я рискнула жизнью, чтобъ предостеречь тебя; но это не важно. Прощай! Будь же счастливъ!

Цезарь остановилъ ее.

— Ты бѣжишь моей благодарности, дорогая Зоя?

— Я хочу не благодарности твоей, а безопасности. Я не желаю лишать Валерію или Сервилію ни единой ласки: ее вынудили бы у тебя благодарность и состраданіе. Каковы бы ни были мои чувства, я въ страшной школѣ научилась терпѣть и подавлять ихъ. Я выучилась смирять гордый духъ до аплодисментовъ и свиста черни; улыбаться поклонникамъ, которые соединяли оскорбленія, внушенныя ихъ презрѣнной гордостью, съ омерзительными нѣжностями; казаться веселой съ большой головой и накипающими слезами, притворяться любящей съ проклятемъ на губахъ и безуміемъ въ головѣ. Кто чувствуетъ

но мнѣ какое-нибудь уваженіе? какую-нибудь вѣжность? Кто прольетъ слезу надъ безыменной могилой, которая скоро укроетъ отъ жестокости и презрѣнія разбитое сердце бѣдной афинской дѣвушки? Но ты, одинъ, говорившій съ ней, въ ея униженіи, ласково и почтительно, — прощай! Думай иногда обо мнѣ, но не съ печалью; нѣтъ, я могу перенести твою неблагодарность, но не твое горе. Однако, если это не будетъ тебѣ слишкомъ тягостно, въ далекомъ будущемъ, когда твои высокія надежды и судьбы совершатся, въ вечеръ какой-нибудь могучей побѣды, въ день какого-нибудь блистательнаго торжества, на триумфальной колесницѣ, вспомни о той, которая любила тебя безмѣрной любовью, какую могутъ ощущать одни презрѣнные. Вспомни, что гдѣ бы ея усталое тѣло ни пало подъ тяжестью истерзаннаго духа, въ какой бы лачугѣ или въ какомъ бы подвалѣ она ни закрыла глаза, какія бы дикія сцены ужаса и разврата ни окружали ее на смертномъ одрѣ, твой образъ былъ послѣднимъ образомъ, который пронесся передъ ея глазами, твой голосъ послѣднимъ звукомъ, прозвучавшимъ въ ея ушахъ. Но оберни ко мнѣ твое лицо, Цезарь. Дай мнѣ унести послѣдній взглядъ на эти черты, и потомъ...

Онъ повернулся къ ней, посмотрѣлъ на нее, скрылъ свое лицо на ея груди и залился слезами. Долгія, громкія, неудержимыя, какъ у испуганнаго ребенка, рыданія были данью бурному и непреодолимому душевному волненію. Онъ поднималъ голову; но напрасно усиливался возвратить спокойствіе челу, которое безстрашно встрѣчало гнѣвный взоръ Суллы, и губамъ, которыя соперничали въ краснорѣчій съ Цицероновыми. Онъ нѣсколько разъ пытался говорить, но тщетно; наконецъ, послѣ молчанія, продолжавшагося нѣсколько минутъ, онъ сказалъ ей голосомъ, который еще прерывался отъ глубокаго чувства.

— Моя Зоя, моя милая, ты отдала свою любовь тому, кто, если не можетъ ее заслужить, то можетъ, по крайней мѣрѣ, цѣнить и обожать тебя. Во всѣхъ моихъ отроческихъ мечтахъ о величіи, существа подобной красоты и преданности смѣшивались съ призраками курульных вресель, колесницъ изъ слововой кости, легионовъ, построенныхъ къ бою, и увѣнчанныхъ лаврами лицъ. Я старался найти эти существа въ свѣтѣ, но, вмѣсто нихъ, встрѣтился съ себялюбіемъ, тщеславіемъ, суетностью и ложью. Жизнь, которую ты спасла, даръ менѣ цѣнный, чѣмъ привязанность....

— О Цезарь, прервала краснѣя Зоя: — думай теперь только о собственной безопасности. Если ты чувствуешь то, что вы-

сказываешь.... но ты только смѣнешся надо мной.... или, можетъ быть, твое состраданіе....

— Клянусь небомъ! — клянусь всякой клятвой, которая свя-
зывается....

— Увы! Увы! Цезарь, не тѣ же ли клятвы произносилъ ты вчера Валеріи? Но я хочу тебѣ вѣрить, по крайней мѣрѣ на столько, чтобъ раздѣлять твои настоящія опасности. Бѣгство, можетъ быть, необходимо; обдумай свое будущее. Каково бы ни было твое рѣшеніе, есть существо, которое въ изгнаніи, въ бѣдности, въ опасности просить только позволенія скитаться, просить милостыню, умереть съ тобой.

— Моя Зоя, я не предвижу такой необходимости. Отказаться отъ заговора, не отказываясь отъ началъ, на которыхъ онъ былъ первоначально составленъ; избѣгнуть мщенія сената, не теряя довѣренности народа, — задача трудная, но не невозможная. Я обязанъ себѣ и моей родинѣ попытаться это сдѣлать. Еще много времени для размышленія. Теперь я слишкомъ счастливъ въ любви, чтобъ думать о честолюбіи или опасности.

Они подошли къ двери величественнаго дворца. Цезарь ударилъ въ нее, и она немедленно была отворена рабомъ. Зоя очутилась въ великолѣпной залѣ, окруженной колонами изъ зеленого мрамора, между которыми стояли статуи длинной линіи патриціевъ Юліева рода.

— Позови Эндиміона, сказалъ Цезарь.

Вошелъ довѣренный вольноотпущенникъ. При видѣ красавицы афинянки онъ улыбнулся, ободряемый добродушіемъ своего патрона.

— Вооружи моихъ рабовъ, Эндиміонъ; есть причины быть осторожнымъ. Пусть они въ теченіе ночи смѣняются на стражѣ. Зоя, моя любовь, мой спаситель, отчего ты такъ блѣдна? Позволь мнѣ поцѣлуями вызвать румянецъ на твои щеки. Какъ ты дрожишь! Эндиміонъ, фляжку самьянскаго и плодовъ! Отнеси ихъ въ мои комнаты. Сюда, дорогая Зоя....

О КОРОЛЕВСКОМЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

(Іюнь, 1823).

Нашъ вѣкъ — вѣкъ обществъ. Едва ли изъ десяти англичанъ одинъ не принадлежалъ къ какому-нибудь обществу, имѣющему цѣлю раздавать книги или преслѣдовать ихъ; отправлять инвалидовъ въ госпиталь или нищихъ въ рабочій домъ; дарить серебряную посуду богатымъ или одѣла бѣднымъ. Быть самымъ полезнымъ учрежденіемъ изъ столькихъ учрежденій не малое отличіе; впрочемъ, оно, кажется, неоспоримо принадлежитъ Королевскому Литературному Обществу. Съ самаго основанія этой сивѣшней академіи всѣ умные люди предсказывали, что, не смотря на покровительство короля и управленіе епископовъ, она или не сдѣлаетъ ничего, или причинитъ вредъ. А что эти предсказанія сбылись, врядъ-ли кто ставеть оспаривать.

Я не нападаю на основателей общества. Они были люди почетнаго характера, и я готовъ вѣрить, что побужденія ихъ были похвальны. Но я ощущаю сильное недоверіе къ ихъ дѣйствіямъ, какъ слѣдуетъ всякому, имѣющему связь съ литературой. Основанное ими общество до тѣхъ только поръ можетъ остаться безвреднымъ, пока оно достойно презрѣнія. Если же когда-нибудь оно получитъ власть поощрять таланты, то ея достанетъ и на то, чтобы угнетать ихъ; а на что власть эта будетъ чаще употребляема — пусть рѣшитъ каждый, изучавшій исторію литературы, каждый, изучавшій природу человѣка.

Зависть и партіи непременно прокрадываются во всякую общину. Онѣ нерѣдко возмущаютъ покой и извращаютъ рѣшенія

даже благотворительныхъ и ученыхъ обществъ. Но въ литературныхъ академіяхъ вліяніе ихъ самое обширное и самое глубокое. Во-первыхъ, начала литературной критики, хотя не очень тверды, какъ и тѣ, которыми руководствуются химикъ и хирургъ, но далеко не одинаково всѣми признаны. Люди рѣдко бьются въ силахъ возложить причину своего одобренія или отарженія въ вопросахъ, касающихся вкуса, и поэтому охотно подчиняются всякому путеводителю, смѣло провозглашающему свои права на званіе анатока. Труднѣе отыскать и опредѣлить достоинства поэмы, чѣмъ силу машины или польза новаго лекарства. Вотъ почему въ литературѣ всего легче шарлатанство восхвалять, а превосходство хулить.

Разсужденіе это, въ нѣкоторой мѣрѣ, примѣняется и къ академіямъ художествъ и вполне подтверждается всѣмъ, что ннѣ случилось слышать объ извѣстномъ учрежденіи, которое ежегодно безобразить стѣны Сомерсетъ-Гауса цѣлымъ акромъ намазаннаго полотна. Но литературное судилище совершенно иначе. Другія общества, по крайней мѣрѣ, не имѣютъ свойства вызывать мнѣнія о предметахъ преимущественно волнующихъ и воспаляющихъ умы. Скептикъ и фанатикъ, революціонеръ и чиновникъ, встрѣчаются въ картинной галерей или лабораторіи ученаго на почвѣ нейтральной. Они могутъ хвалить и обсуждать безъ всякаго отношенія къ раздѣляющимъ ихъ расприамъ. Въ литературномъ обществѣ это невозможно. Литература же всегда была и будетъ неразрывно связана съ политикой и богословіемъ; она — великая пружина, двигающая чувствами народа во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ. Поэтому, никогда не можетъ образоваться общество, настолько безпристрастное, чтобы разсматривать литературное значеніе какого-нибудь лица, независимо отъ распространенныхъ его сочиненій мнѣній. Нельзя надѣяться, и, можетъ быть, даже нежелательно, чтобы чувства человека до такой степени смолкли въ исполненіи академикомъ своихъ обязанностей.

Послѣдствія очевидны. Поместы и порціи будутъ приужданы этой западной Палатой Музъ смотря по предрасудкамъ временно господствующей въ ней секты или факціи. Вѣнъ станутъ дитриговать противъ Соути, а торнъ противъ Байрона. Тѣ, которые сначала протестовали бы противъ такого образа дѣйствія какъ несправедливости, вскорѣ сами прибѣгли бы къ нему какъ къ, взаимной; а забота объ общей пользѣ литературы, для которой учреждалось общество, была бы вытѣснена сильнѣйшими побужденіями политическаго или религіознаго пристрастія.

Но это еще не самое худшее. Приобрѣта когда-нибудь хоть

малѣйшее вліяніе, это учрежденіе дастъ каждому повирнѣму трусу легкой способъ очернить славу, возбуждающую его зависть. Оно послужитъ литературнымъ маршамъ ⁽¹⁾ и потому безопасной засады, изъ котораго имъ легко будетъ мѣтко и смертоносно приближаться. Издательское мы неразъ уже губило молодые таланты, хотя всему свѣту известно, что это мы только образъ рѣчи, весьма часто употребляемый однимъ какимъ-нибудь голоднымъ невѣждою. Академическое же мы нѣгдо бы вліяніе гораздо большее и вреднѣйшее. Многочисленность голосовъ въ одно и то же время усиливала бы дѣйствіе несправедливаго приговора и уменьшала бы навлекаемый имъ стыдъ. Выгоды открытаго нападенія сочетались бы съ выгодами анонимнаго, и авторитетъ громогласно провозглашеннаго мнѣнія соединился бы съ безопасностью, даруемой утаеніемъ имени. Знати Виргилія, задушивъ Лаокоона, нашли себѣ убѣжище отъ мести разъяреннаго народа за шитомъ статуи Минервы. Такимъ же образомъ всякое ядовитое пресмыкающееся, все, что шипитъ и жалитъ; нашло бы священное убѣжище въ закоулкахъ этого новаго храма мудрости.

Изъ всѣхъ подобныхъ обществъ, болѣе и справедливѣе другихъ прославилась Французская Академія. Она была основана величайшимъ изъ министровъ ⁽²⁾; ей покровительствовалъ рядъ королей; въ ея спискахъ стояли имена большей части лучшихъ писателей Франціи. И какую же пользу пожала литература отъ ея трудовъ? Что такое исторія этой академіи, какъ не непрерывный разсказъ о поблдоистрастныхъ угрожденіяхъ, мелодушныхъ хитростяхъ; смертельныхъ ссорахъ, взроломной дружбѣ? Управдала ли ою дворъ, Сорбонна, или философы, она всегда была одинаково сильна на зло, одинаково безсильна на добро. Я бы могъ упомянуть о гоненіяхъ, которыми академія пыталась подавить возрастающую славу Корнеля; могъ бы распространиться о томъ, какъ поздно и неохотно она одобрила рукописанія, которыми весь просвѣщенный миръ привѣтствовалъ гений Вольтера; я бы могъ неопровержимыми доводами доказать, что до послѣдняго времени своего существованія и даже подъ руководствомъ благороднаго Д'Аламбера она не переотавала быть поприщемъ самой свирѣпой вражды, самыхъ низкихъ интригъ. Еще могъ бы я привести эпиграммы Пирона, менуары Мармонтеля и письма Монтескьё,—но я спѣшу перейти къ другому предмету.

Одинъ изъ способовъ, которымъ наше общество предпола-

(1) Бѣлые негры-рабы въ голландской Гвианѣ.
 (2) Кольберомъ, въ 1666 г.

гастъ поощрять таланты, состоитъ въ раздачѣ премій. Щедрость короля дала обществу возможность обѣщать ежегодную премію въ сто гиней за лучшее прозаическое произведеніе и другую въ пятьдесятъ гиней за лучшую изъ поэмъ, поступившихъ на конкурсъ. Это въ высшей степени смѣшная мѣра. Во-первыхъ, судьи могутъ ошибаться. Тѣ несовершенства человѣческаго ума, которымъ, по сказанію церковныхъ уставовъ, подвержены сами вселенскіе соборы, могутъ обрѣтаться даже въ Королевскомъ Литературномъ Обществѣ. Французская Академія — какъ я уже сказалъ, самое славное собраніе въ этомъ родѣ, — считало между своими членами людей, несравненно замѣчательнѣйшихъ, чѣмъ какіе когда-либо соберутся у мистера Гатшарда, чтобы рыться въ литературномъ сундукѣ англійскаго общества. Однако это знаменитое общество присудило премію, на которую состязался и Вольтеръ, какому-то господину, написавшему нѣсколько стиховъ о *«мерзломъ и жучемъ полюскѣ»*.

Но, положимъ, что премія всегда будетъ присуждена за лучшее сочиненіе; это сочиненіе, скажу не запинаясь, всегда будетъ плохое. Поэма, писанная на премію, — все равно, что овца, откармливаемая для выставки. Цѣль человѣка, состязающагося на земледѣльческую премію, состоитъ не въ томъ, чтобы вырастить животное, годное для стола, а въ томъ, чтобы оно какъ можно болѣе въсило. Для достиженія этой цѣли онъ откармливаетъ свою жертву до неестественной, болѣзненной тучности; и, доведя ее до такого состоянія, что мясо ея отослали бы съ отвращеніемъ со всякаго стола, онъ представляетъ ее судьямъ. Равнымъ образомъ, цѣль кандидата на поэтическую премію состоитъ въ томъ, чтобы произвести не хорошую поэму, а поэму, отличающуюся именно той степенью безчувствія или напыщенности, которая могла бы быть признана цѣнителями за правильность или величественность слога. Такого рода сочиненія всегда будутъ ничтожны. И тѣ немногія красоты, которыя могутъ въ нихъ случайно оказаться, будутъ имѣть видъ и ароматъ экзотическаго растенія. Вообще, можно утвердительно сказать, что вскормленные для выставки овцы годятся только на салвыя свѣчи, а писанныя на премію поэмы — только на то, чтобы зажигать эти свѣчи.

Первою темою, которую общество предложило англійскимъ поэтамъ, былъ *«Дартморъ»* (3). Я сначала думалъ, что въ этомъ предложеніи таится скрытый сарказмъ на собственную цѣль об-

(3) Болото въ Девонширѣ.

щества. Это учрежденіе есть литературный дартморсовскій проектъ: планъ для насильственной обработки безплодной умственной почвы, для вынужденія, посредствомъ щедротъ, повѣтчиковской жатвы изъ почвы слишкомъ тощей, чтобы приносить естественнымъ путемъ какіе-либо плоды. Я слышалъ, что планъ о воздѣланіи Дартмора оставленъ; надюсь, что это предзнаменованіе участи, ожидающей общество.

И, вправду, невѣроятнаго ничего тутъ нѣтъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ общество предлагаетъ награды, отданныя королемъ въ его распоряженіе, и, насколько я могъ узнать, въ сундукъ общества не нашлось ни одного сочиненія, которое бы члены признали достойнымъ печати. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не издавалось ничего. Члены, быть можетъ, дивятся этому обстоятельству; но я постараюсь разъяснить его, по обычаю древнихъ временъ, басней.

Около четырехъ-сотъ лѣтъ послѣ потопа, въ Вавилонѣ царствовалъ Гомеръ Хефораодъ. Онъ сочеталъ въ себѣ всѣ качества великаго государя. Онъ далъ своему народу мудрые законы, выигралъ много сраженій и очистилъ нѣсколько длинныхъ улицъ. Вслѣдствіе всего этого, онъ былъ боготворимъ народомъ и восхваляемъ многими поэтами и ораторами. Написать книгу въ то время было труднымъ предпріятіемъ. Бумага и другіе тому подобныя матеріалы еще не были изобрѣтены, такъ что авторы были принуждены писать свои сочиненія на массивныхъ кирпичачъ. Нѣкоторыя изъ этихъ вавилонскихъ записокъ и до сихъ поръ сохраняются въ европейскихъ музеяхъ; но языка, на которомъ онѣ написаны, еще никто не разобралъ. Гомеръ Хефораодъ былъ такъ популяренъ, что глина всѣхъ равнинъ, окружающихъ Евфратъ, едва производила достаточно кирпича для всѣхъ его хвалителей. Между прочимъ упоминается, что Фаронепцарь, ассирійскій Пинадаръ, издалъ цѣлый мостъ и четыре стѣны во славу этого государя.

Разъ царь церемоніально вѣхалъ въ храмъ Ваала. Во время этого шествія законъ позволялъ каждому вавилонянину подавать государю просьбы и проекты. Въ ту минуту, какъ царская колесница проѣзжала мимо лавки виноторговца, многочисленное общество, по всѣмъ признакамъ полупьяное, вышло оттуда на улицу, и кто-то изъ среды его держалъ царю слѣдующую рѣчь:

— Гомеръ Хефораодъ, да продлится жизнь твоя! Рабы твои того мнѣнія, что изъ всѣхъ произведеній земли хорошее вино есть лучшее, а дурное вино — худшее. Отъ хорошаго вина сердце радуется, взоръ яснѣетъ, уста говорятъ. Отъ дурнаго вина путаются мысли, разстраивается желудокъ, человекъ дѣ-

дается на ночь сварливымъ, а на утро больнымъ. Пусть же царь, нашъ владыка, прикажетъ, чтобы рабы его пили хорошее вино.

— Но какъ же это сдѣлать? — спросилъ добродушный царь.

— О царь, — возразилъ проситель: — это не трудно. Издай указъ и скрѣпи его своей царскою печатью: пусть всенародно объявится, что царь каждый годъ будетъ жаловать десять ослицъ, десять рабовъ и десять перемѣнъ одежды тому, кто произведетъ десять мѣръ лучшаго вина. И пусть каждый желающій получить ослицъ, рабовъ и одежду, пришлетъ свои десять мѣръ вина твоимъ рабамъ, а мы, отвѣдавши вино, будемъ судить. И будетъ много хорошаго вина въ Ассиріи.

Предложеніе понравилось Гомеру Хефороаду. «Быть по сему», рѣшилъ онъ. Народъ ликовалъ. Просители въ благодарности припали къ его стопамъ. Въ тотъ же вечеръ были разсланы гонды съ указомъ въ дальнѣйшія области Ассиріи.

По истеченіи нѣкотораго времени, вина начали привозиться, и комитетъ собрался для присужденія премій. Раскупорили первый сосудъ. Вино издавало такой запахъ, что судьи, не отвѣдавши, единогласно его осудили. Приступили ко второму сосуду; вино оказалось съ отвратительнымъ глинистымъ вкусомъ. Въ третьемъ оно было кисло и безъ всякаго аромата. Такъ они переходили отъ одного боченка гнуснаго напитка къ другому, до тѣхъ поръ, пока, одолеваемые тошнотою, не отказались отъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

На другое утро всѣ они собрались у воротъ царскаго дворца, съ блѣдными лицами и больными головами. Они сознались, что ни одного изъ соискателей премій не находятъ достойнымъ общанной награды; они вѣялись, что испробованное ими вино немногимъ лучше яда, и молили царя уволить ихъ отъ изслѣдованія качествъ такихъ невыносимо гадкихъ напитковъ.

— Во имя самого Ваала, какъ могло это случиться? — воскликнулъ царь.

Первосвященникъ Мерольхаццаръ пробормоталъ что-то о гнѣвѣ боговъ за терпимость, оказываемую нѣкоей сектѣ нечестивыхъ раскольниковъ, бѣшихъ голубей вареными, «тогда какъ», говорилъ онъ, «религія наша повелѣваетъ ѣсть жареныхъ. Итакъ, о царь,» продолжалъ почтенный священнослужитель, «прикажи твоимъ воинамъ разить непокорное племя мечомъ, ихъ и женъ, ихъ и дѣтей, и пусть дома ихъ и стада и табуны будутъ розданы твоимъ рабамъ, жрецамъ. Тогда во всемъ краѣ умножатся жатвы, и месть небесная не уничтожитъ уже плодовъ земли.»

— Нѣтъ, — возразилъ царь: — на всей нашей почвѣ не можетъ тяготѣть небесное проклятiе. Нынче былъ необыкновенно

богатый урожай. Не этого ли года вино, которое ты самъ, о высокопочтенный Мерольхацпаръ, пилъ на послѣднемъ пиру? Или ты забылъ, какъ хвалилъ его? То было въ ту самую ночь, когда Вааль ниспослалъ тебѣ вдохновеніе и ты шатался со стороны на сторону и уста твои изрекали священныя и таинственныя слова. Эти вещи для меня слишкомъ трудны. Я ихъ не понимаю. Моимъ судьямъ только прислано худое вино. Кто объяснить намъ это?

Царь почесалъ себѣ голову. И всѣ придворные почесали себѣ головы.

Тогда онъ велѣлъ объявить, что назначаетъ пурпуровую одежду и золотую цѣпь тому, кто разрѣшитъ этотъ затруднительный вопросъ.

Старикъ-философъ, котораго видѣли презрительно улыбающимися въ то время, когда учреждалась первая премія, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Гомеръ Хефораодъ, да продлится жизнь твоя! Не удивляйся тому, что случилось. Тутъ было не чудо, а естественное явленіе. И могло ли быть иначе? Правда, въ нынѣшнемъ году добыто много хорошаго вина. Но кто захочетъ отдать его за твои награды? Ты знаешь Аскобаруха, которому принадлежатъ большіе виноградники на стверѣ; знаешь и Коаирота, который ежегодно посылаетъ вино съ юга черезъ Персидскій заливъ. Вина этихъ хозяевъ такъ прекрасны, что десять мѣръ продаются за сто талантовъ серебра. И ты думаешь, что Аскобарухъ и Коаиротъ промѣняютъ свое вино на твоихъ рабовъ и ослицъ? Какую выгоду обѣщаютъ твои награды хозяину виноградниковъ на почвѣ плодородной?

— Кто же тѣ подлецы, — спросилъ одинъ изъ судей: — которые прислали намъ эту отраву?

— Не брани ихъ, — сказалъ мудрецъ: — вы сами виновники зла. Вино это прислали люди, которыхъ земли тощи и никогда не приносили дохода, равнаго обѣщанной царемъ награды. Люди эти знали, что хозяева богатыхъ виноградниковъ не будутъ состязаться, и потому посадили лозы, кто на скалахъ, кто на легкой песчаной землѣ, кто на глубокой глинѣ. Вотъ отчего ихъ вина дурны. Никакой трудъ, никакая награда, не заставятъ бесплодную почву дать хорошее вино. Итакъ, знай, что твоя награда увеличила количество худаго вина, но не хорошаго.

Послѣдовало долгое молчаніе. Наконецъ, царь сказалъ:

— Отдайте ему пурпуровую одежду и золотую цѣпь. Выложите привезенныя вина въ Евфратъ и объявите, что Королевское Винное Общество распущено.

СЦЕНЫ ИЗЪ „АЭИНСКИХЪ ПИРОВЪ“.

ДРАМА

(1824).

ЯВЛЕНІЕ I.

СЦЕНА ПРЕДСТАВЛЯЕТЪ УЛИЦУ ВЪ АЭИНАХЪ.

Входятъ КАЛЛИДЕМЪ и СПЕВЗИППЪ.

КАЛЛИДЕМЪ.

Негодяй-мальчишка! Ты, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть умнѣе и знатнѣе. Тратишь деньги, какъ будто ты такъ же богатъ, какъ Никій, и рассуждаешь, какъ будто ты такъ же мудръ, какъ Периклъ! Бѣгаешь за софистами и хорошенькими женщинами! А я за все это плати! Я ужинай богородской травой и лукомъ, между тѣмъ какъ ты упитываешься перепелками и зайцами! Я пей воду, чтобъ тебѣ можно было играть хіосскимъ виномъ въ коттабусъ (а). Я ходи такимъ же оборвышемъ, какъ Павзонъ (б), чтобы ты щеголялъ какъ Алкивиадъ (в). Я спи на голыхъ доскахъ, съ камнемъ вмѣсто изголовья и гидлой рогоей вмѣсто одѣяла, при дрожащемъ свѣтѣ дрянной лампы,

(а) Игра эта состояла въ выливаніи вина изъ чашъ и служила обыкновенной забавой на аэинскихъ пирахъ.

(б) Павзонъ былъ аэинскій живописецъ, имя котораго было однозначуще со словомъ «нищій». См. Аристофана, *Плутусъ*, 602. По его бѣдности я готовъ предположить, что онъ занимался исторической живописью.

(в) См. Аристофана, *Плутусъ*, 524.

между тѣмъ какъ ты шествуешь, пышно разодѣтый, съ числомъ факеловъ, которое выдано только на празднествахъ Цереры,— чтобъ гремѣть своимъ топоромъ (а) въ двери половинъ всѣхъ іонійскихъ женщинъ въ Пирѣ (b).

Спевзиппъ.

Ахъ, ты, неразумный старикъ! Безстыднѣйшій изъ всѣхъ отцовъ!

Каллидемъ.

Неблагодарный бездѣльникъ! Какъ ты смѣешь такъ говорить со мною? Не боишься ты веруновъ Юпитера?

Спевзиппъ.

Перуновъ Юпитера! Нелѣпость! Анаксагоръ говоритъ, что молнія есть лишь взрывъ, производимый...

Каллидемъ.

О, онъ говоритъ? Я желалъ бы, чтобы молнія ударила въ домъ Анаксагора, въ возмездіе за трудъ, который онъ беретъ на себя.

Спевзиппъ.

Ну, говори толково.

Каллидемъ.

Толково! Ахъ, ты, дерзкій мальчишка-софистъ! Я говори толково! Да знаешь ли ты, что я твой отецъ? Какою игрой словъ прикроешь ты это?

Спевзиппъ.

Знаю ли я, что ты мнѣ отецъ? Разложимъ этотъ вопросъ на части, какъ говоритъ Мелезигенъ. Прежде всего намъ слѣдуетъ рассмотреть, что такое знаніе. Вотъорыхъ: что такое отецъ? Знаніе, какъ сказалъ наединѣ Ѳевтету Сократъ (c)...

Каллидемъ.

Сократъ! Этотъ оборванный, курносый, старый сингирь, ко-

(a) См. Ѳеокрита. *Идиллію* 2, 128.

(b) Это былъ худшій кварталъ Афинъ. См. Аристофана, *Пекосъ*, 165.

(c) См. Платонова *Ѳевтетта*.

терпѣй! цѣлый день ходитъ босикомъ; обираются полейныя
лиш, рожьтъ комаровъ и дѣлають блохамъ обувь нѣтъ босну (а)?

Спевзиппъ.

Все ложь! Все выдумки Аристофана.

Каллидемъ,

Клянусь Палладой, если онъ обуваетъ своихъ блохъ, то онъ
сострадательнѣе къ нимъ, чѣмъ къ симону себя. Но слушай,
ивальчишка; если ты будешь продолжать такую жизнь, то скоро
себя погубишь. Вотъ тебѣ положеніе. Передай его своему Со-
крату и Мелезигену и предложи имъ опровергнуть его. Поту-
бишь себя, слышишь ли?

Спевзиппъ.

Погублю себя?

Каллидемъ.

Да, клянусь Юпитеромъ! Можно ли поддерживать такую рос-
кошь, какую ты себя позволяешь, безъ всякихъ средствъ? Во
всю послѣднюю войну я не получилъ со своей пашенной земли
ни одного обола; саранча являлась изъ Пелопонеза почти такъ
же правильно, какъ плесы (б); хлѣбъ былъ сожженъ; наслич-
ныя деревья обобраны; плодовыя срублены; колодцы завалены.
А чуть настала миръ и во мнѣ возникла надежда, что все ис-
правится, — какъ ты начинаешь тратить деньги, какъ будто рас-
полагаешь всѣми рудниками Фазуса (в).

Спевзиппъ.

Клянусь Нептуномъ, охотникомъ до лошадей...

Каллидемъ.

Если Нептунъ охотникъ до лошадей, то мы съ нимъ не схо-
димся во вкусѣхъ. На панаэнеяхъ (д) тебѣ нужно ѣздить на
лошади, которая годилась бы для великаго царя: четыре деся-
тины монхъ лучшихъ виноградниковъ пошли на это дурачество.

(а) См. Аристофана, *Облава*. 150.

(б) Созвѣздіе, видимое въ Греціи только въ теченіе лѣта.

(в) Упелериній-Фазо, самый обширный островъ Эгейскаго моря.

(д) Важнѣйшее религіозно-политическое правдество афинянъ.

Сократи свои расходы, или тебѣ нечего будетъ ѣсть. Не умоляетъ Анаксагоръ между своими открытіями, что когда человѣку нечего ѣсть, то онъ умираетъ?

Спезиппъ.

Ты ошибаешься. Мои друзья...

Каллидемъ.

О, да! Твои друзья не преминутъ тебя замѣтить, когда ты въ зимній день будешь продираешься сквозь толпу, чтобы погрѣться у огня купальни; или когда тебѣ придется вступать въ бой съ щитами и ихъ собаками изъ-за крошекъ отъ покаянія; или когда ты будешь радъ заработать три несчастныхъ оболъ (а), слушая цѣлый день живыя рѣчи и дѣтскій крикъ.

Спезиппъ.

Можно кормиться и инымъ способомъ.

Каллидемъ.

Какъ! Ты, кажется, намѣренъ слоняться отъ дома къ дому, подобно подлему Филиппу (b), и просить всякаго, у кого вечеринка, быть милостиву, дать тебѣ поѣсть и осмѣять тебя; или ты сдѣлаешься наушникомъ, будешь по временамъ получать визку винограду или пару обуви, угрожая богатому трусу ложнымъ доносомъ. Ну, это занятіе, которому могло тебя научить посѣщеніе софистовъ.

Спезиппъ.

Ты далекъ отъ истины.

Каллидемъ.

Что же намѣреваешься ты дѣлать, во имя Юноны? Присоединиться къ Оресту (c) и грабить по дорогамъ? Берегись; будешь имѣть дѣло съ одиннадцатью (d). Отвѣдаешь цукуты! Можетъ

(a) Вознагражденіе присяжному въ Аѣнахъ.

(b) См. *Пиръ* Ксенофонта.

(c) Знаменитый разбойникъ въ Аттікѣ. См. *Аристофана, Птицы*, 711 и въ друг. мѣст.

(d) Учрежденіе, которому были подвѣдомы важнѣйшія уголовныя преступленія и тюрьмы.

быть, а очень пріятно жить на чужой счетъ; но не думаю, чтобъ было очень пріятно слышать послѣдній ударъ песта въ ступу, когда холодный напитокъ готовъ. Па!

Спевзиппъ.

Цивута! Орестъ! Глупость! Я стремлюсь къ цѣлямъ благороднѣйшимъ. Что ты скажешь о политикѣ, общественномъ собраніи?

Каллидемъ.

Ты ораторъ! о нѣтъ! нѣтъ! Клеонъ стоилъ двадцати такихъ глупцовъ, какъ ты. Я допускаю, пожалуй, что ты наследовалъ его наглость, за которую онъ теперь, если въ тартарѣ есть правосудіе, мокнетъ по глаза въ собственной дубильной ямѣ. Но у пафлагонца были дарованія!

Спевзиппъ.

А ты хочешь сказать...

Каллидемъ.

О, нѣтъ! Ты, безспорно, Периклъ въ зародышѣ. Ну, а когда же ты будешь говорить свою первую рѣчь? О, Паллада!

Спевзиппъ.

Я думалъ было намерени говорить объ экспедиціи въ Сицилію; но Никій (*) предупредилъ меня.

Каллидемъ.

Никій, бѣдный добрякъ, могъ бы оставаться въ покоѣ; рѣчь его принесла мало пользы. Потеря твоей рѣчи есть, безспорно, неискупимое общественное бѣдствіе.

Спевзиппъ.

О, нѣтъ. Я думаю сказать ее въ слѣдующее собраніе; она годится для всякаго предмета.

Каллидемъ.

То есть, не годится ни для одного. Но пожалуйста — если

(*) См. Фукиада, VI, 8.

только это не слишкомъ дерзкая просьба съ моей стороны, — удостоить меня хоть отрывкомъ.

Спевзиппъ.

Хорошо. Вообрази себѣ агору, наполненную народомъ; созидающее плоть о какомъ-нибудь важномъ предметѣ, напр. о прибытіи посла изъ Аргоса или отъ великаго царя, о дѣлѣ съ островомъ, о какомъ-нибудь обвиненіи, — словомъ, о чемъ бы то ни было. Глашатай объявляетъ: «Каждый гражданинъ, которому болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду, можетъ говорить. Каждый гражданинъ, не утратившій права, можетъ говорить.» Я встаю: — грекскій ропотъ любопытства пробѣгаетъ въ толпѣ, между тѣмъ какъ я всхожу на трибуну.

Каллидемъ.

Любопытства! да, и кое-чего другаго также. Тебя непременно стащатъ отсюда силою, какъ бѣднаго Главкона (а) въ прошломъ году.

Спевзиппъ.

Не бойся. Я начну въ такомъ родѣ: «Когда я размышляю, аэвняне, о важномъ значеніи нашего города; когда я размышляю объ обширности его могущества, о мудрости его законовъ, объ изяществѣ его украшеній; когда я размышляю о томъ, какими именами, какими подвигами украшены его лѣтописи; когда я думаю о Гармодіи и Аристоклитѣ, о Фемистоклѣ и Мильтиадѣ, о Кимонѣ и Периклѣ; когда я соверщую наше первенство въ искусствахъ и наукахъ; когда я вижу такое множество цвѣтущихъ государствъ, принужденныхъ признать господство и покупать покровительство города фиалковой короной (б)....»

Каллидемъ.

Я задохнусь отъ бѣшенства. О, боги и богини! за какое святотатство, за какое клятвенное преступленіе — изъ всѣхъ аэвнскихъ гражданъ именно мнѣ пало на долю быть отцомъ такого глумца?

Спевзиппъ.

Это что? Клянусь Бахусомъ, старикъ, я не совѣтовалъ бы

(а) См. Ксенофонта, *Memorabilia*, III.

(б) Любимый эпитетъ Аэвнъ. См. Аристофана, *Ахарн.* 637.

тебѣ предаваться такимъ припадкамъ запальчивости на улицахъ. Если бы тебя увидалъ Аристофанъ, ты въ алчающую же весну непременно попалъ бы въ комедію.

Каллидемъ.

Тебѣ болѣе причинъ бояться Аристофана, чѣмъ кому бы то ни было изъ нынѣшнихъ глупцовъ. О, если бы онъ только слышалъ, какъ ты стараешься подражать своеобразной рѣчи Стратона ^(а) и шепелявую Алкивиада ^(б)! Ты послужилъ бы ему нестоимымъ предметомъ. Ты утѣшилъ бы его въ потерѣ Клеона.

Спевзиппъ.

Нѣтъ, нѣтъ. Можетъ быть, я скоро явлюсь въ драматическихъ представленіяхъ, но только совсѣмъ другимъ образомъ.

Каллидемъ.

То есть какъ?

Спевзиппъ.

Что скажешь ты о трагедіи?

Каллидемъ.

О трагедіи твоего произведенія?

Спевзиппъ.

Да.

Каллидемъ.

О Геркулесъ! о Бахусъ! Это ужъ слишкомъ. Вотъ всеобъемлющій геній: софистъ, ораторъ, поэтъ. Какое трехглавое чудовище произвелъ я на свѣтъ! Настоящаго Цербера умственныхъ способностей! Въ чемъ, позволю узнать, состоитъ сюжетъ твоей пьесы? Или твоя трагедія будетъ такъ же, какъ и твои рѣчи, одинаково пригодна на всякій предметъ?

Спевзиппъ.

Я подумывалъ о разныхъ завязкахъ: Эдипъ, Этеоклъ и Полиникъ, троянская война, умерщвление Агамемнона....

(а) См. Аристофана, *Всадники*, 1375

(б) См. Аристофана, *Осы*, 44.

Каллидемъ.

Что же ты выбралъ?

Спевзиппъ.

Тебѣ известно, что есть законъ, которымъ каждому новому поэту дозволяется подновлять пьесы Эсхила и представлять ихъ какъ свои собственные. А такъ какъ въ массѣ существуетъ нелѣпное пристрастіе къ его дикимъ промазеденіямъ, то я выбралъ одно изъ нихъ и передѣлалъ его.

Каллидемъ.

Какое?

Спевзиппъ.

О! Прометея — эту массу грубѣйшихъ нелѣпостей. Но я переработалъ его вновь, по образцу Эврипида. Клянусь Бахусомъ, я заставляю призадуматься Софокла и Агаѳона. Ты не узнаешь пьесы.

Каллидемъ.

Клянусь Юпитеромъ, я въ томъ увѣренъ.

Спевзиппъ.

Я выпустилъ весь нелѣпный діалогъ между Вулканомъ и Силой, въ началѣ пьесы.

Каллидемъ.

Вообще говоря, это, пожалуй, улучшеніе. Значить, пьеса будетъ начинаться большимъ монологомъ Прометея, прикованнаго къ скалѣ:

«О, вы, святые небеса! Вы, стремительные вѣтры!
Вы, источники великихъ потоковъ! Вы, волны океана,
Которыя десять тысячъ сверкающихъ ямочекъ осыпаете
Своими лазурными улыбками! Всеворождающая земля!
Всецвѣдающее солнце! Къ вамъ, къ вамъ зываю я» (*)

Да, я согласенъ, что это будетъ поразительно; я не думаю, чтобы ты былъ способенъ къ такой идее. Чего ты смѣешься?

Спевзиппъ.

Неужели ты серьезно воображаешь, что кому-нибудь, кто

(*) См. Эсхила, *Прометей*, 88.

изучать пьеса этого великаго человека; Эврипида, можетъ придти въ голову — начать трагедію такъ высокопарно?

Каллидемъ.

Но вѣдь твоя пьеса начинается монологомъ Прометей?

Спевзиппъ.

Безъ сомнѣнія.

Каллидемъ.

Такъ что же, во имя Бахуса, ты заставляешь его говорить?

Спевзиппъ.

Ты услышишь; и если это не въ настоящемъ Эврипидовомъ стилѣ, то назови меня глупцомъ.

Каллидемъ.

Я позволю себѣ эту вольность во всякомъ случаѣ. Но продолжай.

Спевзиппъ.

Прометей начинаетъ такимъ образомъ:

«Целую родиль Сатурна и Бриарей,
Котта и Крейя и Иагета,
Гигеса и Гиперіона, Фебу, Фетиду,
Фсю, Рею и Мнемозину.
Потомъ Сатурвъ женился на Реѣ и родилъ
Плутона и Нептуна, Юпитера и Юнону.»

Каллидемъ.

Превосходно и очень естественно и, какъ ты говоришь, очень похоже на Эврипида.

Спевзиппъ.

Ты насмѣхаешься. Право, отецъ, ты не понимаешь этихъ вещей. Въ своей юности ты не пользовался твоимъ преимуществамъ...

Каллидемъ.

Пользоваться которыми я допустилъ тебя, по своей глупости. Нѣтъ, въ мои ранніе годы вранье не было возведено въ достоинство науки, ни политика унижена до ремесла. Я упражнялся въ борьбѣ и читалъ гомеровы описанія битвъ, вмѣсто

того, чтобы убирать свои волосы и повторить стихотворныя поученія изъ Эврипида. Но я нѣтъ второгя понятія о томъ, чѣмъ должно быть драматическое произведеніе. Я видалъ Фриника (а) и жилъ съ Эсхиломъ. Я видѣлъ представленіе «Перссъ» (б).

Спевзиппъ.

Жалкая пьеса; она можетъ забавлять глупцовъ, которые гребутъ на трехпалубныхъ галерахъ, но рѣшительно недостойна того, чтобы ее читалъ какой-нибудь человекъ со вкусомъ.

Каллидемъ.

Если бы ты видѣлъ ее на сценѣ! Весь театръ обезумѣлъ отъ восторга, — топотъ, крики, смѣхъ, слезы. Тамъ былъ Цинегиръ, братъ Эскила, потерявшій обѣ руки при Марафонѣ; остатками ихъ онъ билъ себя по бокамъ, отъ восхищенія. Когда толпа его замѣтила... Но куда ты идешь?

Спевзиппъ.

Ужинать съ Алкивиадомъ. Онъ черезъ нѣсколько дней отправляется съ экспедиціей въ Сицилію; сегодня онъ даетъ прощальное угощеніе.

Каллидемъ.

Тѣмъ лучше; мнѣ бы слѣдовало сказать — тѣмъ хуже. Эта проклятая сицилійская экспедиція! И ты былъ однимъ изъ молодыхъ глупцовъ (в), которые заглушили голосъ бѣднаго Никія своимъ шумомъ и гамомъ. Берегись, придетъ и день расчета. Что касается самого Алкивида...

Спевзиппъ.

Что можешь ты сказать противъ него? Даже самые враги признаютъ его заслуги.

Каллидемъ.

Они признаютъ, что онъ уменъ, что онъ красивъ, что онъ увѣнчанъ на олимпійскихъ играхъ. Какія же другія достоинства находятъ въ немъ его друзья? Безъ сомнѣнія, въ его домѣ соберется отличное общество.

(а) Дирическій поэтъ, современникъ Эскила.

(б) Трагедія Эскила.

(в) См. Фунидидъ, VI. 18.

Спевзиппъ.

Вѣроятно, лучшіе люди Афинъ.

Каллидемъ.

Кого ты называешь лучшими людьми Афинъ?

Спевзиппъ.

Тамъ будетъ Калликъ (*).

Каллидемъ.

Богоотступникъ, нечестивецъ, безчувственный плутъ!

Спевзиппъ.

Иппомахъ.

Каллидемъ.

Глупецъ, который не въ состояніи говорить ни о чемъ, кромѣ своихъ путешествій по Персіи и Египту. Иди, иди. Да избавятъ меня боги—удерживать тебя отъ такого отборнаго общества. *(Расходится.)*

II.

Сцена представляетъ залу въ домѣ Алкивіада. — Алкивіадъ, Спевзиппъ, Калликъ, Иппомахъ, Хариклея и другіе — сидятъ за пиршественнымъ столомъ.

Алкивіадъ.

Принесите кубки побольше. Это будетъ самый веселый изъ нашихъ пировъ, — вѣроятно, послѣдній, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ насъ.

Спевзиппъ.

Во всякомъ случаѣ, тебѣ не скоро придется пить опять такое вино, Алкивіадъ.

Калликъ.

Нѣтъ, въ Сициліи есть превосходное вино. Когда я былъ тамъ съ эскадрою Эвримедона, я участвовалъ во многихъ про-

(* Калликъ играетъ видную роль въ «Горгіасѣ» Платона.

Маволей, т. 3.

должительныхъ попойкахъ. Нигдѣ нѣтъ лучше винограда, какъ на Этнѣ.

Иппомахъ.

Греки не мастера дѣлать вино. Вотъ персы—другое дѣло. У нихъ вино такъ ярко, такъ душисто, такъ искристо. Я скажу вамъ, что говорилъ мнѣ объ этомъ карійскій сатрапъ, когда я съ нимъ ужиналъ.

Алкивиадъ.

Нѣтъ, милый Иппомахъ, ни слова въ эту ночь о сатрапахъ, о великомъ царѣ, о стѣнахъ Вавилона, о пирамидахъ или о муміяхъ. Хариклея, отчего у тебя такой грустный видъ?

Хариклея.

Развѣ я могу быть весела, когда ты оставляешь меня, Алкивиадъ?

Алкивиадъ.

Моя жизнь, мое сокровище, я оставляю тебя только на короткое время. Въ одинъ годъ мы покоримъ Сицилію; въ другой—унизимъ Карфагенъ^(*). Какія я привезу платья, ожерелья! Привезу цѣлыя тысячи слоновыхъ зубовъ и даже самихъ слоновъ, если ты хочешь ихъ видѣть. Полно, улыбнись, моя Хариклея, или я наговорю вздору безъ всякой нужды.

Иппомахъ.

Нигдѣ мнѣ не случилось видѣть такого огромнаго слона, какъ на землѣ Терибазы, близъ Сузы. Жаль, что я не снѣрилъ.

Алкивиадъ.

Жаль, что онъ не растопталъ тебя. Ободрись, Хариклея: мы скоро вернемся, и тогда...

Хариклея.

Да, тогда, правда...

Алкивиадъ.

Да, тогда—

«Тогда пиры; тогда пляски,
Нѣжный шепотъ, умильные взгляды.

(*) См. Фукидида IV, 90.

Поселяе, соберите лучшіе плоды;
Музыканты, играйте на сладкозвучнѣйшихъ флейтахъ;
Приходите, смѣющіеся толпами, приветствовать насъ,
Черноокія дочери Милета,
Несите миртовые вѣтви, несите истральныя кости,
Потоки хюсскаго вина и груды пряностей.

Спевзиппъ.

Чьи эти стихи, Алкивиадъ?

Алкивиадъ.

Мои собственныя. Неужели изъ того, что я не предаюсь размышленіямъ, сяди взаперти и питаюсь только травами и водою, ты заключаешь, что я не могу писать стиховъ? Клянусь Аполлономъ, если бы я не проводилъ дней въ политикѣ, а ночей въ попойкахъ, то заставилъ бы трепетать Софокла. Теперь же я не могу идти далѣе какой-нибудь маленькой пѣсенки въ родѣ этой и никогда не призываю другой музы, кромѣ Хариклен. Но спой намъ что-нибудь, Спевзиппъ. Ты присяжный поэтъ. Дай намъ послушать какіе-нибудь стихи твоего сочиненія.

Спевзиппъ.

Мои стихи! Какъ можешь ты говорить это? я присяжный поэтъ!

Алкивиадъ.

О, усладойся, милый Спевзиппъ. Намъ возьми известныя твои притязанія на почести трагика. Ну, пой. Хоръ изъ твоей новой пьесы!

Спевзиппъ.

Нѣтъ, нѣтъ...

Иппомахъ.

Когда на какомъ-нибудь пиру въ Персѣи гостя просятъ пѣть, и онъ отказывается...

Спевзиппъ.

Во имя Бахуса...

Алкивиадъ.

Я непреклоненъ. Пой.

Спевзиппъ.

Хорошо, я спою вамъ хоръ: кажется, довольно сносное пораженіе Эврипиду.

Хариклея.

Эврипиду? — Ни слова изъ Эврипида!

Алкивиадъ.

Почему такъ, милая Хариклея?

Хариклея.

Неужели я измѣню своему полу? Неужели ты хочешь, чтобы я забыла его Федру и Стевобею? Нѣтъ, если я когда-нибудь потерплю, чтобы въ моемъ присутствіи пѣлись стихи этого ненавистника женщинъ, или его подражателей, то пусть я сдѣлаюсь зеленщицей, какъ его мать ^(а), или буду ходить въ рубищѣ, какъ его Телефъ ^(б).

Алкивиадъ.

Въ такомъ случаѣ, милая Хариклея, — такъ какъ ты заставляла замолчать Спевзиппа, — то должна пѣть сама.

Хариклея.

Что же мнѣ спѣть?

Алкивиадъ.

Выбирай.

Хариклея.

Я спою старинный іонійскій гимнъ, который поется каждую весну на праздникъ Венеры, близъ Милета. Я пѣвала его на моей родинѣ, еще ребенкомъ и... ахъ, Алкивиадъ!

Алкивиадъ.

Милая Хариклея, спой намъ что-нибудь другое. Этотъ гимнъ наводитъ на тебя грусть.

Хариклея.

Нѣтъ, ничего. Дай мнѣ лиру. Ты услышишь пѣсню къ ея невыгодѣ. Но если бы ты слышала ее такъ, какъ я ее слышала; если бы теперь было прекрасное весеннее утро; если бы мы сто-

(а) Мать Эврипида продавала зелень. Это было любимомъ темой Аристофана.

(б) Герой одной изъ потерянныхъ пьесъ Эврипида, являющійся, по видимому, на сценѣ въ одеждѣ нищаго. См. Аристофана, Ахарн. 480 и въ другихъ мѣстахъ.

или на лѣсистомъ мысу и видѣли у ногъ своихъ море, бѣлые паруса и голубыя Циклады (*); если бы изъ-за деревьевъ выглядывалъ портикъ храма, съ вершины огромной горы, надъ нашими головами; если бы тысячи народа съ миртами въ рукахъ увснясь всходили по извилистой тропинкѣ, въ нарядныхъ одеждахъ и вѣнкахъ, то исчезая, те вновь показываясь, по мѣрѣ того какъ огибали бы углы утеса, — то, можетъ быть...

Алкивиадъ.

Но, клянусь Венерой, гдѣ ты, моя милая, тамъ мы не замѣтимъ недостатка ни въ солнцѣ, ни въ цвѣтахъ, ни въ весиѣ, ни въ храмѣ, ни въ богинѣ.

Хариклея (поетъ).

Пусть этотъ свѣтлый часъ будетъ отданъ,
О Венера, любви и веселью:
Подобно тебѣ улыбается небо,
Подобно тебѣ цвѣтетъ земля;
И журчанье источниковъ,
И ропотъ моря,
И эхо горъ
Говорять о юности, о надеждѣ, о тебѣ.

Ряди всѣхъ нѣжныхъ выраженій,
Которымъ ты научила глаза любовниковъ;
Ряди слабого отказа, тихаго признанья,
Пылающихъ щекъ и подавленныхъ вздоховъ;
Ряди удовольствія и страданья,
Ряди безумствъ и хитростей,
Нахмуренной ласки, милаго презрѣнья,
Счастливыхъ слезъ и печальныхъ улыбокъ, —

Приди съ волнующимися въ вышинѣ звуками музыки,
Приди съ вырастающими вокругъ фалками;
Пусть граціи пляшутъ предъ тобою,
Распустивъ свои золотые пояса,
То въ шутку скрывая свои лица,
То нѣжными, прекрасными пальцами
Откидывая со своихъ смѣющихся глазъ
Длинные кудри, увѣчанные розами.

Алкивиадъ.

Пропѣто прелестно, но печально; и за это я побранилъ бы тебя, если бы самъ не былъ грустенъ. Еще вина! Клянусь всеми

(*) Группа 60 острововъ въ Эгейскомъ морѣ.

богами, лучше бы было, еслибъ я уже благополучно отплылъ изъ Лемнъ.

Хариклея.

И отъ меня, Алкивиадъ?

Алкивиадъ.

Да, и отъ тебя, моя дорогая. Дни передъ разлукой самые грустные въ нашей жизни.

Хариклея.

Исключая слѣдующихъ тотчасъ за нею.

Алкивиадъ.

Нѣтъ, когда я не буду уже тебя видѣть, другіе предметы, можетъ быть, привлекутъ мое вниманіе; но могу ли я быть возлѣ тебя и не думать о томъ, какъ ты мила и какъ скоро я долженъ съ тобою разстаться?

Иппомахъ.

Да, путешествіе скоро выгоняетъ подобныя мысли изъ головы мужчинъ.

Калликлъ.

Самое лучшее средство противъ нихъ — битва.

Хариклея.

По моему, битва можетъ замѣнить ихъ другими, столько же тяжелыми.

Калликлъ.

Нѣтъ. Приготовленія довольно непріятны для новичка. Но какъ скоро сраженіе началось, то, клянусь Юпитеромъ, это чудное время: бойцы топаютъ, щиты стучатъ, копья ломаются, и все покрываетъ звукъ педана.

Хариклея.

А что, если тебя убьютъ?

Калликлъ.

Что, въ самомъ дѣлѣ? Спроси объ этомъ Спевзиппа: онъ — философъ.

Алкивiадъ.

Да, и притомъ величайшій изъ философъ, если онъ можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ.

Спевзиппъ.

Пифагоръ того мнѣнiя...

Иппомахъ.

Пифагоръ похитилъ это и всѣ другiя свои мнѣнiя изъ Азiи и Египта. Переселенiе душъ и растительная пища замствованы изъ Индiи; въ Согдианѣ и видѣлъ брамина...

Калликлъ.

Все это вздоръ!

Хариклея.

А что думаешь объ этомъ ты, Алкивiадъ?

Алкивiадъ.

Я думаю, что если это ученiе истинно, то твоя душа перейдетъ въ какую-нибудь голубку, которая носитъ амброзiю (а) богамъ, или стихи отъ поэтовъ къ ихъ возлюбленнымъ, — помнишь Анакреона? Повравился ли бы тебѣ эта должность?

Хариклея.

Еслибы я была твоею голубкой, Алкивiадъ, а ты обходился бы со мною, какъ Анакреонъ со своею и позволилъ бы мнѣ прiютиться на твоей груди и пить изъ твоей чаши, — я готова бы даже носить твои любовныя посланiя къ другямъ женщинамъ.

Калликлъ.

Ради Юпитора! какая польза во всѣхъ этихъ размышленiяхъ о смерти? Однажды Сократъ (б) проповѣдывалъ мнѣ о ней въ лучшую пору дня; съ тѣхъ поръ самый видъ его сдѣлался мнѣ ненавистнымъ. Подобныя вещи приличны какому-нибудь старому софисту, когда онъ достигнетъ; но за чашей и при звукахъ музыки...

(а) Одиссея XII, 69.

(б) См. конецъ «Горгiаса» Платона.

Ищонахъ.

Я несогласенъ съ тобою. Просвѣщенные египтяне приносятъ скелеты на свои пиры, желая напомнить гостямъ, что они должны какъ можно болѣе пользоваться жизнью.

Калликъ.

Мнѣ, чтобъ помнить это, не нужно ни скелета, ни софиста. Прошу тебя поболѣе вина и поменѣе мудрости. Если ты долженъ вѣрить чему-нибудь такому, чего никогда не можешь знать, то почему бы не удовольствоваться длинными сказками о другомъ мѣрѣ, которыя намъ рассказываются при посвященіи насъ въ Элевзянскія таинства (а).

Хариклея.

А что это за сказки?

Алкивиадъ.

Развѣ ты не посвящена, Хариклея?

Хариклея.

Нѣтъ, мать моя была лядянка, иноземка, и потому...

Алкивиадъ.

Понимаю. Да проклянетъ Венера глупцовъ, которые выдумали такой ненавистный законъ. Спевзиппъ! кажется, твой другъ Эврипидъ (b) говоритъ —

«Твое отечество тамъ, гдѣ ты счастливъ!»

Намъ, право, слѣдовало бы сказать всякой женщинѣ:

«Твое отечество тамъ, гдѣ ты прекрасна.»

Сверхъ того, исключеніе иностранныхъ красавицъ изъ сонма посвященныхъ въ Елисейскихъ поляхъ жестоко не столько въ отношеніи къ нимъ, сколько въ отношеніи къ намъ самимъ. Хариклея, ты будешь посвящена.

(а) Слѣдующая сцена основана на историческомъ фактѣ. Въ 6-й своей книгѣ Фукидидъ говоритъ намъ, что около этого времени Алкивиадъ былъ подозрѣваемъ въ присутствіи при шуточномъ празднованіи этихъ знаменитыхъ таинствъ. Между аэнискою чернью было распространено мнѣніе, что всѣмъ посвященнымъ въ нихъ даются въ другомъ мѣрѣ необыкновенныя преимущества.

(b) Право Эврипида на этотъ стихъ нѣсколько спорно. См. Аристофанъ, *Плутусъ*, 1152.

Хариклея.
Когда?

Алкивиадъ.
Теперь.

Хариклея.
Гдѣ?

Алкивиадъ.
Здѣсь.

Хариклея.
Прелестно.

Спевзиппъ.

Но между очищеніемъ и посвященіемъ долженъ пройти цѣ-
лый годъ.

Алкивиадъ.

Мы все это предположимъ.

Спевзиппъ.

И девять дней суроваго умерщвленія плоти.

Алкивиадъ.

Мы предположимъ и это. Я увѣренъ, что это такъ же не-
основательно предполагалось и при моемъ посвященіи.

Спевзиппъ.

Но ты клялся сохранить тайну.

Алкивиадъ.

Ты — софистъ и толкуешь о клятвахъ! Ты ученикъ Эврипида
и забываешь его правила!

«Мои уста вѣдали въ этомъ, но мой духъ свободенъ» (*).

Спевзиппъ.

Но, Алкивиадъ...

Алкивиадъ.

Какъ! неужели ты боишься Цереры и Прозерпины?

Спевзиппъ.

Нѣтъ... но... но... я... то есть, я... но самое лучшее быть

(*) См. Эврипида, *Ипполитъ*, 608. Аристофанъ жестоко нападаетъ на Эврипида за іезуитскую мораль этого стиха.

безопаснымъ... то есть... предположи, что въ этомъ есть какая-нибудь доля правды...

Алкивиадъ.

Клянусь Меркуриемъ, я умру отъ смѣха. О, Спевзиппъ, Спевзиппъ! возвратись къ своему старику-отцу. Копаи виноградники, разбирай тяжбы и будь почтеннымъ гражданиномъ. Но, пока ты живъ, никогда и не мечтай быть философомъ.

Спевзиппъ.

Нѣтъ, я только...

Алкивиадъ.

Ученикъ Горгіаса и Мелезигена борется тартара! Какъ ты думаешь, въ какой области подземнаго міра будетъ отведено тебѣ мѣсто? Не будешь ли ты ворочать камень подобно Сизифу? Трудная работа, Спевзиппъ!

Спевзиппъ.

Ради всѣхъ боговъ...

Алкивиадъ.

Или ты будешь сидѣть голодный и жаждущій передъ плодами и винами, подобно Танталу? Бѣдняжка! я какъ будто вижу твое лицо въ то время, какъ ты подпрыгиваешь къ вѣтвямъ и не достигаешь своей цѣли. О Быхусъ! о Меркурій!

Спевзиппъ.

Алкивиадъ!

Алкивиадъ.

Или ты будешь служить пищею корщуну, подобно лжему дѣтви, который грубо обошелся съ Латоной?

Спевзиппъ.

Алкивиадъ!

Алкивиадъ.

Не бойся. Минюсъ не будетъ такъ жестокъ. Твое краснорѣчіе восторжествуетъ надъ всѣми обвиненіями. Фурии убѣгутъ прочь, подобно нашіякамъ, обманутымъ въ своихъ надеждахъ. Только обратись къ адскимъ судьямъ съ рѣчью, которую тебѣ не дали сказать въ послѣднее собраніе. «Когда я размышляю...» Въдъ такъ, кажется, она начинается? Полно, не сердись. Что

ты ходишь назад и впередъ такими большими шагами? Ты еще не въ тартаръ. Ты будто воображаешь себя уже выступающимъ, подобно бѣдному Ахиллесу,

«Величественнымъ шагомъ по долинѣ Асфоделя» (а).

Спевзицъ.

Какъ можешь ты говорить такимъ образомъ, зная, что я такъ же мало вѣрю этимъ глупостямъ, какъ и ты?

Алкивиадъ.

Ну, такъ иди! ты будешь глашатаемъ (b). Калликлъ, ты понесешь факель. Чего ты уставилъ на меня глаза?

Калликлъ.

Мнѣ не слишкомъ нравится эта шутка.

Алкивиадъ.

Ужъ не овладѣлъ ли тобою припадокъ благочестія? Если все, что говорятъ о тебѣ, справедливо, то ты такъ же мало имѣешь причинъ считать боговъ мстительными, какъ кто бы то ни было изъ живущихъ людей. Если тебя не оклеветали, то одинъ золотой кубокъ, который я видѣлъ у тебя въ домѣ, былъ нѣкогда въ храмѣ Ювены въ Корцирѣ. Говорятъ также, что въ Тарентѣ была одна жрица...

Калликлъ.

А ну ихъ, боговъ! Я думалъ объ архонтахъ. Ты, пожалуй, завтра же будешь обвиненъ. Не слишкомъ-то весело быть судимымъ въ присутствіи царя (c).

Алкивиадъ.

Не бойся: въ Атикѣ нѣтъ ни одного наушника, который бы осмѣлился сказать противъ меня хоть одно слово, хотя бы за золотую чинару великаго царя (d).

(а) См. Одиссею Гомера, XI, 538.

(b) Глашатай и факелоносецъ были важныя должностныя лица при празднованіи элевзинскихъ таинствъ.

(c) Имя царя въ аеинской демократіи давалось сановнику, отправлявшему духовныя обязанности, которыя въ монархическія времена лежали на государѣ. Его суду подвѣдомы были преступленія противъ религіи государства.

(d) См. Геродота, VIII, 28.

Иппомахъ.

Эта чинара...

Алкивиадъ.

Оставимъ чинару въ покое. Ободришь, Калликлъ; ты не былъ такъ робокъ, когда ограбилъ купеческое судно у Малейскаго мыса. Бери факель и иди. Иппомахъ, веди кому-нибудь изъ рабовъ принести свинью (*).

Калликлъ.

А какую роль ты будешь играть самъ?

Алкивиадъ.

Я буду верховнымъ жрецомъ. Глашатай, на свое мѣсто. Факельщикъ, освѣщай путь. Впередъ, прекрасный новичекъ! Мы совершимъ обрядъ внутри. (*Уходятъ*).

(*) Свинья приносилась въ жертву Церерѣ при посвященіи въ великія таинства.

РАЗБОРЪ

ВАЖНѢЙШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

1. ДАНТЕ (январь 1824).

«Fairest of stars, last in the train of night.
If better thou belong not to the dawn,
Sure pledge of day, that crown'st the smiling
morn

With thy bright circlet.» (').

Milton.

Въ обзорѣ италіанской литературы Данте имѣеть двойное право на первенство. Онъ былъ самый ранній и самый великій писатель своей страны. Онъ первый открылъ и выказалъ богатство своего роднаго нарѣчія. Латинскій языкъ, при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ рукахъ величайшихъ мастеровъ, былъ все-таки бѣденъ, слабъ и чрезвычайно не повтѣчливъ; въ Дантовъ языкъ онъ былъ искажаемъ привыскоу безчисленнаго множества варварскихъ словъ и оборотовъ, но все-еще былъ изучаемъ съ суетвѣрнымъ благоговѣніемъ и на послѣдней степенн порчи пользовался большимъ почетомъ, чѣмъ заслуживалъ въ періодъ своей жизни и силы. Это былъ языкъ кабинетовъ, университетовъ и церкви. Его употреблялъ всякій, кто стремился къ отличію въ высшихъ областяхъ поэзіи. Слнсходя къ невѣжеству своей возлюбленной, какой-нибудь рыцарь могъ по временамъ выражать свою страсть въ стихахъ тосканскихъ или провансальскихъ. Толпу можно было иногда назн-

(') «Прекраснѣйшая изъ звѣздъ, послѣдняя въ шествн ночи, если только ты не принадлежишь скорѣе къ разсвѣту; вѣрный залогъ дня, ты вѣнчаешь улыбающееся утро своимъ свѣтлымъ кольцомъ». — *Мильтонъ.*

нать какую-либо благочестивою аллегоріею на престонародной тарабаршинѣ. Но ни одинъ писатель и не подозревалъ, чтобы нарѣчіе крестьянъ и торговокъ могло обладать энергіею и точностью, приличными какому-нибудь величественному и предназначенному для потомства творенію. Данте рѣшился первый. Онъ открылъ богатая сокровища мысли и выраженія, которыя таились еще въ своемъ рудникѣ. Онъ выработалъ ихъ до чистоты. Онъ заполировалъ ихъ до блеска. Онъ сдѣлалъ ихъ годными для всякихъ цѣлей поэмы и волшебствія. И такимъ образомъ онъ приобрѣлъ славу писателя, который не только произвелъ, прекраснѣйшую, повѣствовательную поэму новыхъ вѣснецъ, но и создалъ языкъ, отличающійся исправнѣйшею мелодіею. Онъ необыкновенно способный къ тому, чтобы облекать возвышенныя и патетическія мысли въ свойственныя имъ строгія и точныя выраженія.

Многимъ эти слова могутъ показаться страннымъ панегирикомъ итальянскому языку. Въ самомъ дѣлѣ, почти все молодые люди и дамы, которые, на вопросъ, читаютъ ли они по-итальянски, отвѣчаютъ «да», никогда не заходятъ далѣе разсказцевъ, помѣщенныхъ въ концѣ ихъ грамматики, каковы напр. *Pastor Fido* или актъ изъ *Artaserse*. Помять какую-нибудь пѣснь Данте для нихъ то же самое, что разобрать надпись на какомъ-нибудь вавилонскомъ кирпичѣ. Отсюда происходитъ всеобщее мнѣніе, — распрестраченное между людьми, которые знаютъ мало, или не знаютъ ничего относительно настоящаго предмета, — что этотъ чудный языкъ пригоденъ только для при творно-нѣжныхъ рѣчей сочинителей сокетовъ, музыкантовъ и знатоковъ.

Дѣло въ томъ, что Данте и Петрарка были Оромиздомъ и Ариманомъ итальянской литературы. Я не хочу уменьшать заслугъ Петрарки. Никто не можетъ сомнѣваться въ томъ, что его стихотверенія, наряду съ некоторымъ слабоуміемъ, и еще большей аффектаціею, заключаютъ въ себѣ много изящества, искренности и изысканности. Они представляютъ намъ смѣсь, которую можно уиодобить только причудливому концерву, овансамому юмористическимъ моденскимъ воетомъ.

S'udian gli usignuoli, al primo albore,
E gli asini cantar versi d'amore. (*)

(*) На утренней зарѣ слышны соловья и ослы, которые поютъ любовныя пѣни. (Tassoni, *Secchia Rapita*, Carlo 1, Stanza 6).

Впрочемъ, я говорю теперь не о внутреннемъ достоинствѣ его произведеній, для разсмотрѣннн котораго я воспользуюсь какимъ-нибудь другимъ удобнымъ случаемъ; я говорю о вліяніи, какое они имѣли на итальянскую литературу. Цвѣтнстыя и роскошныя прелести его стнля отвлекли поэтовъ и публику отъ созерцанія болѣе благородныхъ и строгихъ образцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя оригинальныя творенія появляются въ грубомъ состояніи общества, но именно въ этомъ состояніи они оцѣниваются хуже, чѣмъ когда-либо. Эти слова могутъ показаться парадоксомъ, но они доказываются опытомъ и согласны съ разумомъ. Не имѣтъ никакихъ установленныхъ правилъ вкуса — хорошо для немногихъ, которые въ состояніи создавать, но худо для многихъ, которые могутъ только подривать и судить. Великіе и дѣятельные умы не могутъ оставаться въ покоѣ. Въ вѣкъ образованнаго они слишкомъ часто довольствуются тѣмъ, что идутъ по проложенной уже тропинкѣ. Но гдѣ нѣтъ тропинки, тамъ они прокладываютъ ее сами. Такъ «Иліада», «Одиссея», «Божественная комедія» появились въ темныя и полуварварскія времена; такъ значительною частью немногихъ оригинальныхъ твореній, которыя появились въ вѣка болѣе просвѣщенные, мы обижены людьми низшихъ состояній и необразованными. Приведу въ примѣръ, въ нашей собственной литературѣ, «The Pilgrim's Progress» и «Robinson Crusoe». Изъ всѣхъ прозаическихъ произведеній вымысла, которыми мы обладаемъ, названныя мною — не скажу лучшія, но наиболѣе своеобразныя, наиболѣе самобытныя, наиболѣе неподражаемыя. Еслибы Бонлицъ и Дефо были образованными джентльменами, они, вѣроятно, издавали бы переводы и подражанія французскимъ романамъ, «написаннымъ знатною особой». Я не увѣренъ въ томъ, что мы имѣли бы «Короля Лира», еслибы Шекспиръ могъ читать Софокла.

Но эти обстоятельства, воспытывая гевій, въ то же время неблагоприятны для критики. Люди судятъ посредствомъ сравненія. Они не въ состояніи оцѣнить высоту предмета, если нѣтъ нормы, которую они могли бы его измѣрить. Одинъ изъ французскихъ философовъ (прошу извиненія у Жюльера), сопровождавшій Наполеона въ Египетъ, рассказываетъ, что когда онъ въ первый разъ увидѣлъ великую пирамиду, то былъ удивленъ, найдя ее такою маленькою. Она стояла одна среди безграничной равнины. Возлѣ нея не было никакого предмета, по которому онъ могъ бы судить объ ея величинѣ. Но когда подлѣ нея былъ разбитъ лагерь и палатки казались маленькими пятнами вокругъ ея основанія, — тогда только онъ замѣтилъ гро-

надность этого величайшаго изъ человѣческихъ сооруженій. Такииъ же образомъ заслуга великихъ первостепенныхъ писателей становится понятною только тогда, когда уже появится толпа незначительныхъ.

Правда, мы имѣемъ сильное доказательство того, что Данте высоко превозносили и въ его собственный, и въ послѣдующий вѣкъ. Я желалъ бы имѣть такое же доказательство, что его превозносили за его достоинства. Но замѣчательнымъ подтвержденіемъ сказаннаго нами служить, что этотъ великій чловѣкъ былъ, повидимому, рѣшительно неспособенъ оцѣнить самого себя. Въ своемъ трактатѣ «*De Vulgari Eloquentia*», говори о томъ, что онъ сдѣлалъ для итальянской литературы, онъ съ самодовольствіемъ толкуетъ о чистотѣ и правильности своего слога. «*Serpendant*», говоритъ любимый мой писатель (*), «*il n'est ni pur, ni correct, mais il est créateur*». Принимая въ соображеніе трудности, съ которыми надлежало бороться Данте, мы, можетъ быть, болѣе французскаго критика расположениы признать за поетомъ эту услугу. Однако, она никакимъ образомъ не составляетъ его высшаго и наиболѣе особеннаго права на одобреніе. Кажется, нѣтъ необходимости говорить, что качества, незамѣченныи самими поетомъ, едва ли могли привлечь вниманіе комментаторовъ. Дѣло въ слѣдующемъ: между тѣмъ какъ публика поклонилась нѣкоторымъ нелѣпостямъ, въ которыхъ по справедливости можно обвинить его произведенія, и многими другими, которыя имъ ложно были приписываемы; между тѣмъ какъ профессора получали жалованье за изложеніе и восхваленіе его естествознанія, метафизики и теологіи, которыя все были плохи въ своемъ родѣ; между тѣмъ какъ толкователи трудились надъ открытіемъ аллегорическихъ намековъ, о которыхъ и не грезилось автору, — мощь его воображенія и несравненная сила слова не находили ни поклонниковъ, ни подражателей. Ариманъ восторжествовалъ. Для того вѣкъ «*Божественная Комедія*» была тѣмъ же, чѣмъ былъ соборъ св. Павла для Омея. Бѣдный отантанинъ поглазѣлъ съ минуту на громадный куполъ и побѣжалъ въ игрушечную лавку забавляться бисерниками. Италия тоже была очарована литературными бездѣлушками и забавлялась ими въ теченіе четырехъ вѣковъ.

Со времени Петлерки до появленія трагедій Альфьери, мы можемъ почти на каждой страницѣ итальянской литературы прослѣдить вліаніе тѣхъ знаменитыхъ сонетовъ, которые, по свойству и своимъ красотѣ, и своимъ недостатковъ, въ особен-

(*) Sismondi, - *Littérature du Midi de l'Europe*.

ности не годились быть образцами для всеобщаго подражанія. Почти всѣ поэты того періода, какъ ни различны они по степени и качеству своихъ талантовъ, отличаются большимъ преувеличеніемъ, и, вслѣдствіе того, по необходимости, большою холодною чувствъ, страстью къ пустымъ и вычурнымъ украшеніямъ и, еще болѣе, крайнею вялою слога и многорѣчивостью. Тассо, Марини, Гварини, Метастазіо и толпа писателей разряда низшаго, какъ по достоинству, такъ и по славѣ, были опутаны чарами въ заколдованныхъ садахъ пышной и блудной Альцины, которая скрывала слабость и уродливость подъ обманчивымъ видомъ красоты и здоровья. Даже Аріосто, подобно своему Руджіеро, замедлил шагъ среди волшебныхъ дѣвцовъ и фонтановъ и ласкалъ веселую и нѣрвную чародѣйку. Но ему, такъ же какъ и Руджіеро, были даны всемогущее кольцо и крылатый конь, которые перенесли его изъ рая обмановъ въ области свѣта и природы.

Зло, о которомъ я говорю, не ограничивалось только серьезными поэтами. Оно заражало сатиру, комедію, фарсъ. Никто не можетъ болѣе меня восхищаться великими образцами остроумія и юмора, произведенными Италіей. Однако я не могу не видѣть и не оплакивать недостатка, общаго всѣмъ нимъ. Я захожу въ нихъ изобиліе остроумія, забавной наивности, глубокаго и вѣрнаго размышленія, удачныхъ выраженій. Нравы, характеры, мнѣнія — излагаются здѣсь съ «самыми ученымъ пониманіемъ человѣческихъ дѣлъ.» Но все-таки чего-то недостаетъ. Мы читаемъ, восхищаемся и зѣваемъ. Мы напрасно ищемъ здѣсь вакхическаго общества, которое вдохновляло комедію Аенниъ, свирѣпаго и подавляющаго презрѣнія, которое одушевляеть гнѣвную сатиру Ювенала и Драйдена, или даже сжатого и колкаго слога, который придаетъ остроты стихамъ Нона и Буало. Здѣсь нѣтъ никакого энтузіазма, никакой энергіи, никакой сжатости, ничего такого, что поражается сильнымъ чувствомъ и само клонится къ его возбужденію. Трудъ чтенія вознаграждается многими прекрасными мыслями и выраженіями. Но все-таки это трудъ. «*Secchia Rapita*», во многихъ отношеніяхъ лучшая поэма этого рода, утомительно скучна и растянута. «*Animali Parlanti*» Класти рѣшительно невыносимы. Я удивляюсь ловкой завязкѣ и либеральности мнѣній. Я допускаю, что здѣсь нѣтъ страницы, которая не заключала бы въ себѣ чего-нибудь, достойнаго памяти; но поэма по крайней мѣрѣ въ шесть разъ длиннѣе, чѣмъ ей слѣдовало бы быть. А болтливая вялость слога составляетъ еще большій недостатокъ, чѣмъ растянутасть произведенія.

Можно подумать, что я зашелъ слишкомъ далеко въ приписываніи этихъ золъ вліянію сочиненій и славы ПЕТРАРКИ. Однако нельзя сомнѣваться, что они, въ значительной степени, возникли изъ пренебреженія къ манерамъ ДАНТЕ. Это доказывается столько же упадкомъ итальянской поэзіи, сколько и ея возрожденіемъ. По истеченіи четырехсотъ-пятидесяти лѣтъ явился ВИТТОРИО АЛЬФИЕРИ, — человекъ, способный оцѣнить отца тосканской литературы и подражать ему. Подобно принцу въ дѣтской сказкѣ, онъ искалъ и нашелъ спящую красавицу въ уединенномъ убѣжищѣ, которое такъ долго скрывало ее отъ человѣчества. Ворота замка, правда, заржавѣли отъ времени, пыль вѣковъ покрыла обои; мебель была древняя, яркіе цвѣта украшеній поблекли. Но живыя прелести, вполнѣ стоявшія всего остального, сохранились въ цвѣту вѣчной юности и достаточно вознаградили смѣлаго рыцаря, который пробудилъ ихъ отъ долгаго сна. Въ каждой строкѣ «*Филиппа*» и «*Саула*» (3), величайшихъ, по моему мнѣнію, поэмъ XVIII вѣка, мы можемъ прослѣдить вліяніе могущественнаго гения, который обезсмертилъ злополучную любовь Франческа и отеческія страданія Уголино. Альфиери завѣщалъ первенство въ итальянской литературѣ автору «*Аристокдема*» (4), — человеку, котораго гений былъ едва ли ниже его собственнаго, и еще болѣе преданному ученику великаго флорентинца. Должно признаться, что этотъ превосходный писатель иногда заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ поклоненіи Данте. По игривому выраженію сэра Джона Девганга, онъ не только подражалъ ему въ одеждѣ, но одоужался ею. Онъ часто приводитъ его фразы и, какъ мнѣ кажется, не выказалъ большаго вкуса, принявъ за образецъ его стихосложеніе. Не смотря на то, мы находимъ въ немъ многія изъ превосходнѣйшихъ качествъ его учителя, и творенія его могутъ по справедливости внушить намъ надежду, что итальянскій языкъ будетъ долго процвѣтать подъ владычествомъ новой литературной династіи или, лучше, законной линіи, возстановленной наконецъ на тронѣ, который долго былъ занимаемъ благовидными узурпаторами.

Человекъ, которому литература его страны обязана своимъ происхожденіемъ и возрожденіемъ, жилъ во времена, особенно способныя вызвать къ дѣятельности его необыкновенныя таланты. Религіозное рвеніе, рыцарская любовь и честь, демократическая свобода суть три могущественнѣйшіе принципа, какіе когда-либо

(3) Трагедія Альфиери.

(4) Монтл. 1754 — 1828.

вліяли на характеръ массъ. Каждый изъ этихъ принциповъ въ отдѣльности часто возбуждалъ величайшій энтузіазмъ и производилъ въ высшей степени важныя перемены. Во время Данте всѣ три начала, часто дѣйствуя совокупно, вообще же сталкиваясь, волновали умы. Предшествовавшее поколѣніе было свидѣтелемъ незаслуженныхъ бѣдствій и мщенія храбраго, образованнаго и несчастнаго императора Фридриха II, — поэта въ вѣкъ схоластиковъ, философа въ вѣкъ монаховъ, государственнаго челоуѣка въ вѣкъ крестоносцевъ. Въ теченіе всей жизни поэта Италия испытывала послѣдствія достопамятной борьбы, которую императоръ велъ противъ церкви. Прекраснѣйшія произведенія фантазіи всегда появлялись во времена политическихъ смутъ, подобно тому, какъ самыя роскошныя виноградники и прекраснѣйшіе цвѣты всегда растутъ на почвѣ, оплодотворенной огненнымъ изверженіемъ вулкана. Не заходя далеко, возьмемъ въ примѣръ исторію литературы въ нашей странѣ: можемъ ли мы сомнѣваться въ томъ, что Шекспиръ въ значительной степени былъ созданъ реформаціей, а Вордсвортъ французскою революціей? Поэты часто избѣгаютъ политической борьбы, часто высказываютъ къ ней презрѣніе. Но, замѣчая это или нѣтъ, они неизбѣжно находятся подъ ея вліяніемъ. Пока ихъ умы имѣютъ какую-нибудь точку соприкосновенія съ умами ихъ ближнихъ, электрической толчокъ, на какомъ бы разстояніи онъ ни возникъ, обходнымъ путемъ дойдетъ и до нихъ.

Это происходитъ даже въ огромныхъ обществахъ, гдѣ раздѣленіе труда даетъ многимъ людямъ, преданнымъ мышленію, возможность наблюдать природу или анализировать собственный духъ вдали отъ театра политическихъ дѣйствій. Въ небольшой республикѣ, къ которой принадлежалъ Данте, положеніе дѣлъ было совсѣмъ не таково. Наши новѣйшіе профессора науки правленія безпощаднѣйшимъ образомъ бранятъ эти маленькія общины. Въ подобныхъ государствахъ, говорятъ они, раздоры всегда бывають наиболее сильны: гдѣ обѣ партіи сжаты на тѣсномъ пространствѣ, тамъ политическое несогласіе по необходимости производитъ личную вражду. Каждый мужчина долженъ быть солдатомъ; каждую минуту можетъ вспыхнуть война. Ни одинъ гражданинъ не можетъ лечь спать въ увѣренности, что его не разбудитъ набатный колоколъ, призывающій къ огражденію или отищенію обиды. Въ такихъ мелкихъ ссорахъ Греція расточила кровь, которую она могла бы купить себѣ постоянное владычество надъ миромъ, а Италия растратила энергію и способности, которыя дали бы ей возможность защитить свою независимость противъ первосвященниковъ и цезарей.

Все это правда; однако зло искупается другими сторонами жизни. Человѣчество приобрѣло не столько пользы отъ римской имперіи, сколько отъ города Аѳинъ, не столько отъ французскаго королевства, сколько отъ города Флоренція. Западность духа партій можетъ быть зломъ; но она вызываетъ дѣятельность ума, которую въ нѣкоторыхъ состояніяхъ общества полезно провозвести во что бы то ни стало. Всеобщее ополченіе, можетъ быть, зло; но гдѣ каждый человѣкъ солдатъ, тамъ нѣтъ арміи. А развѣ въ этомъ нѣтъ никакого зла, что на каждые пятьдесятъ человѣкъ одинъ долженъ воспитываться для рѣзни; что онъ долженъ жить только убійствомъ и подвергать себя опасности быть убитымъ; что онъ долженъ сражаться безъ энтузіазма и побѣждать безъ славы; что онъ долженъ быть отправляемъ въ госпиталь, когда онъ раненъ, и гнить на навозѣ, когда онъ старъ? Такова участь солдатъ болѣе чѣмъ въ двухъ третяхъ Европы. Чего-нибудь стоило то, что гражданинъ миланскій или флорентинскій сражался — не только въ неопредѣленномъ и риторическомъ смыслѣ, въ которомъ часто употребляются слова, но сражался дѣйствительно — за своихъ родителей, за своихъ дѣтей, за свои поля, за свой домъ, за свой алтарь. Чего-нибудь стоило то, что онъ выходилъ въ битву подлѣ карречіо⁽⁵⁾, которое было предметомъ его дѣтскаго благоговѣнія, что его престарѣлый отецъ смотрѣлъ со стѣнъ на его подвиги; что его друзья и соперники были свидѣтелями его славы. Когда онъ падалъ, его не поручали заботамъ продажныхъ или невнимательныхъ наемниковъ. Его въ тотъ же день переносили въ городъ, который онъ защищалъ. Его раны были перевязываемы его матерью; свою исповѣдь онъ шепталъ на ухо дружески расположенному къ нему священнику, который выслушивалъ и разрѣшалъ грѣхи его юности; послѣдній вздохъ падшаго замиралъ на устахъ его возлюбленной. Безъ сомнѣнія, никакой мочъ не можетъ сравниться съ выкованнымъ изъ плуга. Безъ сомнѣнія, это положеніе дѣлъ не было безусловно дурно: происшедшія отъ него бѣдствія были уменьшаемы энтузіазмомъ и вѣжностью; но крайней мѣрѣ надо сознаться, что оно было очень способно питать поэтическій гений въ умѣ творческомъ и наблюдательномъ.

Религіозный духъ вѣка не менѣе политическихъ обстоятельствъ влиялъ къ тому же результату. Фанатизмъ есть зло, но не

(5) Колесница со знаменемъ и извѣщеніемъ благословляющаго Христа, служившая въ средніе вѣка центромъ итальянскихъ войскавъ.

величйшее изъ золь. Полезно, чтобы народъ былъ какими бы то ни было средствами пробужденъ отъ одѣпенія, чтобы его умъ былъ отвлекаемъ отъ чисто-чувственныхъ предметовъ къ размышленіямъ, хотя бы ошибочнымъ, о тайнахъ нравственнаго и умственного міра, отъ интересовъ непосредственно-эгоистическихъ къ интересамъ, связаннымъ съ прошедшимъ, будущимъ и отдаленнымъ. Эти дѣйствія были иногда производимы даже самыми худшими изъ суевѣрій, какія когда-либо существовали; но католическая религія, даже во времена своего крайняго безумія и жестокости, никогда совершенно не утрачивала духъ Великаго Учителя, котораго правила составляютъ возвышеннѣйшій кодексъ — какъ его жизнь была чистѣйшимъ примѣромъ — нравственнаго совершенства. Изъ всѣхъ религій наиболѣе проникнута поэзіей католическая. Древнія суевѣрія наполняли фантазію прекрасными образами, но не трогали сердца. Доктрины реформированныхъ церквей чрезвычайно сильно вліяли на чувства и поведеніе людей, но не давали имъ образовъ осязательной красоты и величія. Римско-католическая церковь къ грознымъ ученіямъ послѣднихъ присоединила, въ выраженію Кольриджа, «прекрасныя человѣчности» первыхъ. Она обогатила скульптуру и живопись привлекательнѣйшими величественнѣйшими формами. «Юпитеру» Фидія она можетъ противопоставить «Моисея» Микель-Анджело; сладострастной красотой царицы Кипра — чистую и задумчивую прелесть Дѣвы Маріи. Легенды объ ея мученикахъ и святыхъ могутъ, въ остроуміи и занимательности, состязаться съ мифологическими баснями Греціи; ея обряды и процессіи были радостью толпы; громадное зданіе свѣтской власти, съ которымъ она была связана, составляло предметъ удивленія для государственныхъ людей. Въ то же время она никогда не теряла изъ виду самыхъ торжественныхъ и грозныхъ ученій христіанства: о воплотившемся Богѣ, о судѣ, о мздѣ, о вѣчномъ блаженствѣ и вѣчныхъ мучкахъ. Такимъ образомъ, находя, подобно древнимъ религіямъ, неспасительно-могущественную опору въ политикѣ и обрядахъ, она, однако, никогда не дѣлалась вполне, какъ эти религіи, чисто-политическимъ и обряднымъ учрежденіемъ.

Начало XIII столѣтія было, по замѣчанію Маклавлли, эпою великаго возрожденія этой необыкновенной системы. Политика Иннокентія, уславленіе никвинанціи и нищенствующихъ орденовъ, войны противъ альбигойцевъ, этихъ язычниковъ Востока, и несчастныхъ государей швабскаго дома волновали Италію въ продолженіе двухъ слѣдовавшихъ поколѣній. Въ этомъ пунктѣ Данте находился вполне подъ вліяніемъ своего вѣка. Онъ былъ чело-

въкъ мрачнаго и меланхолическаго характера. Въ ранней юности онъ питалъ сильную и несчастную любовь, и она продолжала тревожить его даже послѣ смерти той, которую онъ любилъ. Ни разсѣяніе, ни честолюбіе, ни несчастія не уничтожили этого чувства. Въ вѣрованіи Данте былъ не только искренень, но и страстенъ. Правда, онъ гнушался преступленій и злоупотребленій римской церкви, но былъ приверженъ ко всѣмъ ея ученіямъ и обрядамъ съ восторженною любовью и благоговѣніемъ; наконецъ, когда онъ былъ изгнанъ изъ своего отечества, доведенъ до положенія самаго тягостнаго для человѣка съ его характеромъ, осужденъ извѣдать на опытъ, что нѣтъ пищи болѣе горькой, чѣмъ чужой хлѣбъ, нѣтъ восхода болѣе труднаго чѣмъ лѣстница патрона (а), — его уязвленный духъ нашелъ убѣжище въ мечтательной набожности. Воображеніе поэта снабдило Беатричи, незабвенный предметъ его ранней привязанности, блистательными и таинственными атрибутами; она представлялась ему возсѣдающею на тронѣ среди существъ высшей небесной іерархіи; Всемогущая Мудрость поручила ей заботу о многогрѣшномъ и несчастномъ скитальцѣ, который любилъ ее такою полною любовью (б). Въ смѣшеніи идей, подобномъ тому, какое часто бываетъ въ грезахъ сна, онъ иногда забывалъ человѣческую природу Беатричи и даже ее личное существованіе и, повидимому, считалъ ее однимъ изъ атрибутовъ Божества.

Но религиозныя надежды, освободившія духъ великаго энтузіаста отъ ужасовъ смерти, не освѣтили его размышленій о человѣческой жизни. Эту несообразность можно часто видѣть въ людяхъ подобнаго темперамента. Онъ ожидалъ блаженства за могилкой, но не ощущалъ его на землѣ. По этой-то причинѣ, болѣе чѣмъ по какой-либо другой, его описаніе неба такъ далеко ниже описанія ада и чистилища. Онъ сильно сочувствуетъ страстямъ и бѣдствіямъ душъ страждущихъ. Но среди блаженствующихъ онъ является не имѣющимъ съ ними ничего общаго, неспособнымъ понять не только степени, но и свойства ихъ наслажденія. Намъ кажется, что мы видимъ его стоящимъ среди этихъ улыбающихся и лучезарныхъ духовъ съ тѣмъ образомъ

(а) «Tu proversi si come sa di sale
Lo pane altrui, e come è duro calle
Lo scendere e'l salir per l'altrui scale.»

«Paradiso», canto XVII

(б) «L'amico mio, e non della ventura», — *Inferno*, canto II.

невыразимой скорби на челъ и съ тою улыбкою горькаго презрѣнiя на устахъ, которыя видны на всѣхъ его портретахъ и которыя могли внушить Чантри нѣсколько идей для головы начерченнаго вмѣ сатаны.

Нѣтъ поэта, котораго умъ и нравственный характеръ были бы такъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ. Мнѣ кажется, великiй источникъ могущественнаго дѣйствiя «*Божественной комедiи*» кроется въ сильной вѣрѣ, съ которою, повидимому, излагается рассказъ. Въ этомъ отношенiи единственныя книги, приближающiяся къ поэмѣ по ея превосходству, суть «*Путешествiя Гулливера*» и «*Робинзонъ Крузе*». Торжественность увѣренiй Данте, согласiе и мелкость подробностей, усердiе, съ которымъ онъ старается о томъ, чтобы читатель въ точности понялъ форму и величину каждаго описываемаго предмета, даетъ видъ дѣйствительности самымъ причудливымъ вымысламъ автора. Я только ослабилъ бы это положенiе, еслибы сталъ приводить отдѣльныя примѣры чувства, которое проникаетъ все произведенiе и которому оно много обязано своею чарующею силою. Это служитъ дѣйствительнымъ оправданiемъ для многихъ мѣстъ поэмы, которыя были осуждены плохими критиками какъ уродливыя. Мнѣ жаль видѣть, какъ м-ръ Кари, которому Данте обязанъ болѣе, чѣмъ когда-либо поэтъ былъ обязанъ переводчику, подтвердилъ совершенно недостойное его обвиненiе. «Его заботливое старанiе, — говоритъ онъ, — очертитъ всѣ свои образы такъ, чтобы они сдѣлались доступны нашему зрѣнiю и могли быть переданы карандашомъ, доводить его почти до нелѣпаго тамъ, гдѣ впоследствии Мильтонъ научилъ насъ ожидать возвышеннаго». Правда, что Данте никогда не уклонялся отъ воплощенiя своихъ образовъ въ опредѣленные слова, что онъ указалъ даже мѣру и число тамъ, гдѣ Мильтонъ позволилъ бы своимъ образамъ смутно волноваться въ великолѣпномъ туманѣ возвышенныхъ словъ. Оба были правы. Мильтонъ не говорилъ, что онъ былъ на небесахъ или въ аду. Поэтому, онъ съ полнымъ основанiемъ могъ ограничиться великолѣпными общими чертами. Совсѣмъ не такова была обязанность одинокаго странника, который бродилъ по областямъ смерти. Еслибы онъ описалъ обиталище отверженныхъ духовъ языкомъ, сходнымъ съ великолѣпными стихами англiйскаго поэта, еслибы онъ говорилъ намъ:

-An universe of death, which God by curse
Created evil, for evil only good.
Where all life dies, death lives, and Nature breeds
Perverse all monstrous, all prodigious things,

Abominable, unutterable, and worse
Than fables yet have feigned, or fear conceived,
Gorgons, and hydras, and chimæras dire- (*). —

это было бы, безъ сомнѣнiя, прекрасное описанiе. Но куда дѣвалось бы тогда это сильное впечатлѣнiе дѣйствительности, произвести которое онъ поставилъ себѣ великою цѣлю, согласно своему плану. Для него было необходимо-безусловно въ точности очертить «всѣ уродливыя, всѣ чудовищныя вещи»; выразить то, что другимъ могло показаться «невыразимымъ», рассказать съ правдоподобiемъ то, чего никогда не вымышляли басни; воплотить то, чего никогда не воображалъ страхъ. И я откровенно признаюсь, что неопредѣленная возвышенность *Мильтона* трогаетъ меня мѣнѣе, чѣмъ эти поруганныя подробности Данте. Читая *Мильтона*, мы знаемъ, что читаемъ великаго поэта. При чтенiи Данте, поэтъ исчезаетъ. Мы слушаемъ человека, воротившагося изъ «долины печальной бездны» (*); мы какъ будто видимъ расширенные ужасомъ зрачки и слышимъ трепещущiй голосъ, которымъ онъ рассказываетъ намъ свою страшную повѣсть. Разсматриваемые въ этомъ свѣтъ, его рассказы именно таковы, какими они должны быть, — они опредѣлены сами въ себѣ, но внушаютъ намъ идеи объ ужасномъ и неопредѣленномъ дѣлѣ. Они составлены изъ земныхъ образовъ; они рассказаны на земномъ языкѣ. Однако, общее, производимое ими, впечатлѣнiе носить какой-то невыразимо-страшный и нездѣшнiй характеръ. Дѣло въ томъ, что сверхъестественныя существа, пока мы разсматриваемъ ихъ единственно по отношенiю къ ихъ собственной природѣ, возбуждаютъ наши чувства весьма слабо. Только когда мы перешагнули черезъ великую пропасть, которая отдѣляетъ ихъ отъ насъ, когда мы начинаемъ подозрѣвать какое-то странное и неопредѣлимое отношенiе между законами мiра видимаго и мiра невидимаго, — они возбуждаютъ въ насъ ощущенiя, можетъ быть, самыя сильныя, къ какимъ только способна наша природа. Какъ много дѣтей и людей взрослыхъ не боятся Бога, а боятся привидѣнiй! И это потому, что хотя они вѣрятъ въ су-

(*) «О вселенной смерти, которую Богъ, своимъ проклятиемъ, создалъ зломъ, годнымъ только для зла, гдѣ умираетъ всякая жизнь, живетъ смерть и извращенная природа производитъ всѣ уродливыя, всѣ чудовищныя вещи, гнусныя, невыразимыя и худшiя, чѣмъ тѣ, какiя когда-либо были вымышляемы баснями или воображаемы стракомъ: горгонъ, гидръ и ужасныхъ химеръ.»

(*) «La valle d'abisso doloroso.» — «*Inferno*», canto IV.

ществованіе Божества гораздо сильнѣе, чѣмъ въ дѣйствительность привидѣній, но не опасаются, что оно явится имъ какимъ-нибудь осязательнымъ образомъ. Если это такъ, то изображать сверхъестественныя существа человѣческимъ языкомъ и приписывать имъ человѣческія дѣйствія — какъ бы ни казалось уродливо, нефилософично, несообразно — составляетъ единственный способъ дѣйствовать на чувства людей, а слѣдовательно и единственный способъ, годный для поэзія. Шекспиръ хорошо понималъ это, какъ понималъ онъ все, относящееся къ его искусству. Кто не сочувствуетъ восторгу Ариэля, летающаго послѣ заката солнца на крыльяхъ летучей мыши или пьющаго сокъ изъ чашечекъ цвѣтовъ вмѣстѣ съ пчеломъ? кого не приводитъ въ трепетъ котелъ Макбета? Гдѣ тотъ философъ, который остается невозмутимъ при мысли о странной связи между адскими духами и «кровью свиньи, пожравшей своихъ девять поросятъ»? Но трудная задача — представить нашему воображенію сверхъестественныя существа такъ, чтобы образы, не будучи непонятны нашему уму, не противорѣчили и нашимъ идеямъ объ ихъ природѣ, — эта задача никѣмъ не была выяснена такъ хорошо, какъ Данте. Я укажу на три примѣра, которые, можетъ быть, наиболее поразительны, именно: описаніе превращеній зитѣй и разбойниковъ въ двадцать пятой пѣсни «Ада»; мѣсто, касающееся Немврода, въ тридцать первой пѣсни той же части, и великолѣпная процессія въ двадцать девятой пѣсни «Чистилища».

Метафоры и сравненія Данте удивительно гармонируютъ съ видомъ живой дѣйствительности, о которомъ я говорилъ. Они имѣютъ совершенно особенный характеръ. Данте, можетъ быть, единственный поэтъ, сочиненія котораго стали бы гораздо мѣтче понятны, еслибы всѣ картины этого рода были изъ нихъ исключены. Его уподобленія часто болѣе похожи на уподобленія путешественника, чѣмъ поэта. Онъ прибѣгаетъ къ нимъ не для того, чтобы высказать свое остроуміе прихотливыми аналогіями; не для того, чтобы восхитить читателя мимолетнымъ видомъ прекрасныхъ образовъ вдали отъ тропинки, по которой онъ идетъ, — но для того, чтобы дать точное понятіе объ описываемыхъ предметахъ, посредствомъ сравненія ихъ съ другими, общеизвѣстными. Кипящая смола Малевольги была похожа на смолу въ венеціанскомъ арсеналѣ; плотина, по которой шелъ Данте вдоль береговъ Флегетона, была похожа на плотину между Гентомъ и Брюгге, только не такъ широка; впадины, гдѣ заключены прелаты, виновные въ симоніи, подобны купелямъ въ церкви св. Іоанна, во Флоренціи. Каждый

читатель Данте припомнить много другихъ уподобленій этого рода, усвливающихъ тонъ искренности и одушевленія, который придаетъ разсказу такую значительную долю его интереса.

Многія изъ сравненій Данте, сверхъ того, имѣютъ цѣлю дать точное понятіе о его чувствахъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Легкіе оттѣнки грусти, страха, гнѣва рѣдко разграничиваются съ достаточною точностью въ языкъ даже образованнѣйшихъ націй. Грубыя нарѣчія никогда не изобилуютъ тонкими различіями этого рода. А Д а н т е употребляетъ самый вѣрный и необыкновенно-поэтический способъ обозначать въ точности состояніе своего духа. Всякому, кто испыталъ отуманивающее дѣйствіе внезапныхъ дурныхъ вѣстей, производимое ими оцѣпенѣніе, смутное сомнѣніе въ истинѣ того, что говорятъ чувства, — будетъ понятно слѣдующее уподобленіе: «Я былъ похожъ на человѣка, которому снится его собственное бѣдствіе, который, грезя, желаетъ, чтобы все это было сномъ, такъ что онъ желаетъ того, что есть, какъ бы этого не было.» Это только одно изъ сотни столь же поразительныхъ и яркихъ уподобленій. Сравненія Г о м е р а и М и л т о н а суть великолѣпныя отступленія. Отдѣленіе ихъ отъ поэмы едва ли ослабило бы ихъ эффектъ. Сравненія Данте совсѣмъ не таковы. Они заимствуютъ свою красоту отъ контекста и сами отражаютъ на него красоту: Его узорчатой вышивки нельзя отдѣлить такъ, чтобы не испортить цѣлой ткани. Я не могу оставить этой части настоящаго предмета, не посоветовавъ каждому, кто въ достаточной степени владѣетъ итальянскимъ языкомъ, прочесть уподобленіе объ овцѣ, въ третьей пѣсни «Чистилища». Мнѣ кажется, это самый совершенный отрывокъ въ этомъ родѣ, какой существуетъ, — въ высшей степени живописный и выраженный самымъ нѣжнымъ образомъ.

Никто, читая «Божественную Комедію», не можетъ не замѣтить, какъ мало, повидимому, формы внѣшняго міра запечатлѣвались въ умѣ Данте. Его характеръ и положеніе заставляли его ограничивать свою наблюдательность почти исключительно человѣческой природой. Изящное начало восьмой пѣсни «Чистилища» (*) служитъ тому явнымъ примѣромъ. Землю,

(*) Я не могу удержаться отъ замѣчанія, что подражаніе Грея прекрасному стиху

«Che paia'l giorno pianger che si muore»

есть одинъ изъ самыхъ поразительныхъ примѣровъ неразумнаго заимствованія, какіе я только знаю. У Д а н т е его сильное олицетво-

океанъ и небо онъ предоставляетъ другимъ. Онъ имѣетъ дѣло только съ человѣкомъ. Для другихъ писателей вечеръ можетъ быть временемъ росы, звѣздъ и лучезарныхъ облаковъ. Для Данте — это часъ вѣжныхъ воспоминаній и пламенной набожности, — часъ, который умиляетъ сердце моряка и возжигаетъ любовь пилигрима, — часъ, когда звонъ колокола какъ будто оплакиваетъ еще одинъ минувшій день, который уже не возвратится.

Чувство настоящаго вѣка приняло діаметрально противоположное направленіе. Великолѣпіе физическаго міра и его вліяніе на человѣчeskій духъ были любимыми темами нашихъ знаменитѣйшихъ поэтовъ. Стадо синихъ чулковъ и рюмоплетствующихъ джентльменовъ, повидимому, считаетъ сильное сочувствіе къ «роскоши зелени и великолѣпію цвѣтка» рѣшительно необходимою приправой въ поэтическомъ складѣ ума. Они съ презрѣніемъ третируютъ всѣхъ писателей, которые, по несчастью,

nec ponere lucum
Artifices, nec rus saturnum laudare.

Правотѣрное поэтическое вѣрованіе представляетъ характеръ болѣе католическій. Благороднѣйшій на землѣ предметъ человѣческаго созерцанія есть самъ человѣкъ. Правда, вселенная и всѣ ея прекрасныя и великолѣпныя формы также входятъ въ обширную область воображенія; но оно помѣстило свое святилище среди неистощимыхъ разнообразій и непроницаемыхъ тайнъ души.

In tutte parti impera, e quivi regge;
Quivi é la sua cittade, e l'alto seggio (*).

Отелло, быть можетъ, величайшее твореніе въ мірѣ. Откуда оно заимствуетъ свою силу? Изъ облаковъ? Изъ океана? Изъ

реніе стоитъ не въ началѣ описанія. Воображеніе читателя такъ хорошо къ нему приготовлено предъидущими стихами, что оно кажется совершенно естественнымъ и патетическимъ. Помѣщенное же такъ, какъ помѣстилъ его Грей, не предшествуемое и не сопровождаемое ничѣмъ гармонирующимъ съ этимъ олицетвореніемъ, оно кажется холодною аффектаціей. Горе неискусному вѣдоку, который рѣшается сѣсть на коней Ахиллеса.

ὁ δ' ἀλεγεινοὶ
ἀνδράβε γε θητοῖσι δαμήμεναι ἢ δ' ὀχέεσθαι,
ἄλλω' ἢ Ἀχιλῆϊ τὸν ἀθανάτη τέκε μήτηρ.

(*) Inferno, canto I.

горь? Или у любви, сильной какъ смерть, и ревности, невозможной какъ могилы? Что мы ходимъ смотрѣть въ Гамлетъ? Тростникъ, колеблемый вѣтромъ? Травинку чистотѣлы? Гряду царскихъ кудрей? Или же мы ходимъ созерцать могучую и причудливую душу, обнаженную предъ нами до ея самыхъ сокровенныхъ изгибовъ? Можетъ быть, еще подлежитъ сомнѣнiю, действительно ли озера и холмы болѣе способны воспитать поэта, чѣмъ темныя улицы огромной столицы. Въ самомъ дѣлѣ, кого не утомляютъ до-смерти безотносительныя описанiя мѣстности? Развѣ это не фактъ, что вѣнныя предметы сильно возбуждаютъ наши чувства только тогда, когда разсматриваются въ отношенiи къ человѣку, объясняя его судьбу или дѣйствуя на его характеръ? Самый прекрасный предметъ въ мирѣ — съ этимъ нужно согласиться — прекрасная женщина. Но кто, способный анализировать свои чувства, не понимаетъ, что она обязана своею чарующею прелестью не столько грациозной очертанiю и нѣжности цвѣта лица, сколько тысячъ представленiй, которыя, часто незамѣтно для насъ самихъ, связываютъ эти качества съ источникомъ нашего существованiя, съ питанiемъ нашего дѣтства, со страстями нашей юности, съ надеждами нашей старости, съ изяществомъ, живостью, нѣжностью, съ сильнѣйшими природными инстинктами, съ самыми дорогими общественными узлами?

Кто мыслить такимъ образомъ, тому нечувствительность флорентинскаго поэта къ красотамъ природы не покажется неизвинительнымъ недостаткомъ. За исключенiемъ Шекспира, ни одинъ писатель не смотрѣлъ на человечество болѣе проникательнымъ окомъ. Я сказалъ, что поэтический характеръ Данте заимствовалъ свой колоритъ отъ его особеннаго нрава. Данте любить останавливаться на суровыхъ и мрачныхъ страстяхъ. Всякая любовь, исключая полумистической страсти, которую онъ все еще питалъ къ своей погребенной Беатриче, потеряла свою власть надъ суровымъ и мятельнымъ изгнанникомъ. Грустная повѣсть Ринни составляетъ почти единственное исключенiе. Не знаю, было ли замѣчено, что въ одномъ пунктѣ мизантропiя, повидимому, овладѣла его душой такъ же, какъ она овладѣла душой Свифта. Гнусные и возмутительные образы, кажется, являлись для его ума какою-то чарующею прелестью; и онъ неоднократно представляетъ читателямъ, со всею энергiей своего несравненнаго слога, самыя отвратительныя предметы сточной трубы и анатомической залы.

Въ поэмѣ Данте есть еще другая особенность, которая, я думаю, заслуживаетъ замѣчанiя. Древняя мифологiя едва ли

когда-либо была услѣпно приѣшнвема къ новѣйшей поэзіи. Одинъ классъ писателей вводилъ баснословныя божества единственно въ качествѣ аллегорическихъ представителей любви, вниа или мудрости. Это неизбежно дѣлаетъ ихъ сочиненія безжизненными и холодными. Мы, по временамъ, пожалуй, удивляемся ихъ остроумію; но какой интересъ можетъ возбуждать въ насъ чтеніе о существахъ, въ бытіе которыхъ писатель не дозволяетъ намъ ни на минуту вѣрять хотя условно? Даже аллегорія С п е в с е р а почти невыносима, пока мы не ухитримся забыть, что Уна означаетъ невинность, и не станемъ смотрѣть на нее просто какъ на угнетенную женщину, находящуюся подъ покровительствомъ великодушнаго рыцаря.

Тѣ писатели, которые, съ большею разсудительностью, пытались сохранить личность классическихъ божествъ, потерпѣли неудачу отъ другой причины. Они были подражатели и притомъ подражатели, стоявшіе въ невыгодныхъ условіяхъ. Э в р и п и д ѣ и К л а т у л л ѣ вѣрили въ Бахуса и Цибелу такъ же мало, какъ мы. Но они жили между людьми, вѣровавшими въ эти божества. Если не ихъ убѣжденіе, то ихъ воображеніе приняло колоритъ вѣка. Отсюда вдохновенные образы вакханокъ и Атиса. Наши умы формируются обстоятельствами, и я не думаю, чтобы величайшій изъ новѣвшихъ поэтовъ могъ возбудить себя до степени энтузіазма, необходимой для созданія подобныхъ твореній.

Изъ всѣхъ поэтовъ болѣе поздняго времени только одинъ Данте не былъ въ этомъ отношеніи ни аллегористомъ, ни подражателемъ, и вслѣдствіе этого онъ одинъ ввелъ древніе вымыслы съ успѣхомъ. Его Миносъ, Харонъ, Плутонъ — рѣшительно ужасны. Ничто не можетъ быть прекраснѣе и оригинальнѣе того, какъ Данте воспользовался рѣкою Летою. Онъ никогда не давалъ миеологическимъ лицамъ назначеній, несовѣстныхъ съ вѣрованіемъ католической церкви. Онъ не рассказывалъ объ нихъ ничего такого, что добрый христіанинъ того вѣка не могъ бы считать возможнымъ. Въ этомъ отношеніи въ миеологическихъ тирадахъ Данте нѣтъ ничего, кажущагося дѣтскимъ или педантическимъ. Напротивъ, этотъ необыкновенный способъ употребленія классическихъ именъ внушаетъ уму смутную и благоговѣнную идею о какомъ-то таинственномъ откровеніи, которое предшествовало всѣмъ историческимъ временамъ и разсыянные отрывки котораго могли сохраниться среди обмановъ и суевѣрій позднѣйшихъ религій. Въ самомъ дѣлѣ, миеологія «*Божественной Комедіи*» представляетъ болѣе древній, болѣе колоссальный характеръ. Она ды-

шигъ духомъ Гомера и Эсхила, а не Овидія и Клавдіана.

Это тѣмъ болѣе необыкновенно, что Данте, повидимому, совсѣмъ не зналъ греческаго языка; а его любимые латинскіе образцы могли служить только къ тому, чтобы свести его съ надлежащаго пути. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно не замѣтить благоговѣнія Данте къ писателямъ, которые были далеко ниже его самого, и въ особенноти его крайняго поклоненія Виргилію, который, при всемъ своемъ изяществѣ и блескѣ, не можетъ имѣть никакихъ притязаній на глубину и оригинальность ума, характеризующія его тосканскаго поклонника. Дѣйствительно, можетъ быть признано почти всеобщимъ правиломъ, что хорошіе поэты — плохіе критики. Ихъ умы находятся подъ владычествомъ безчисленнаго множества сочетаній, незамѣтныхъ для другихъ. Самый плохой писатель легко можетъ иногда задѣть струну, которая пробуждаетъ въ ихъ умахъ длинный рядъ прекрасныхъ образовъ. Они похожи на гигантовъ — рабовъ Аладдина, одаренныхъ несравненною силой, но столь крѣпко окованныхъ чарами, что когда какой-нибудь ребенокъ, котораго эти гиганты могли бы раздавить, прикасался къ талисману, не зная его секрета, то они тотчасъ же дѣлались его вассалами. Мнѣ не разъ случалось видѣть, что умы граціозные и величественные какъ Титанія Шекспира, бывали околдованы чарами какой-нибудь ослиной башки, осыпали ея иждивѣннѣйшими ласками и вѣчали прекраснѣйшими цвѣтами. Мнѣ довольно указать на поэмы, приписываемыя Оссіану. Онѣ рѣшительно не имѣютъ никакихъ достоинствъ, исключая развѣ того, что служатъ назидательнымъ примѣромъ успѣха бездоказательной сказки и негодной книги. Онѣ — хаосъ словъ, не представляющихъ никакого образа, и образовъ, не имѣющихъ никакого прототипа; онѣ лишены формы и содержанія, и лицо ихъ покрыто тьмою. Однако, какъ много гениальныхъ людей восхваляло эти поэмы и подражало имъ!

Слогъ Данте есть, если не высшее, то, можетъ быть, наиболѣе характеристическое его достоинство. Я не знаю ничего, съ чѣмъ бы его можно было сравнить. Благороднѣйшіе образцы греческихъ стихотвореній должны уступить Данте. Его слова самыя немногочисленныя и лучшія, какія только можно употребить. Первое выраженіе, въ которое онъ облачаетъ свои мысли, всегда такъ энергично и многообъемлюще, что распространеніе могло бы только повредить впечатлѣнію. Вѣроятно, не на какомъ языкѣ нѣтъ писателя, который бы представлялъ умъ такъ много сильныхъ картинъ. И въ то же время нѣтъ,

вѣроятно, писателя, который бы выражался такъ сжато, какъ Данте. Это совершенство слога есть главное достоинство «*Рал*», который, въ другихъ отношеніяхъ, какъ я уже замѣтилъ, никакъ не можетъ равняться съ двумя предшествующими частями поэмы. Сила и шѣткость выраженія неодолимо привлекаютъ читателя, не смотря на теологическія поученія и очерки изъ церковной біографіи, которыхъ слишкомъ много въ этой части сочиненія. Приводить отдѣльные образчики качества, разлитаго по всѣмъ пѣснямъ поэмы, — можетъ показаться почти нелѣпостью. Однако я укажу на третью пѣснь «*Ада*» и на шестую «*Чистилища*», какъ на отрывки несравненные въ своемъ родѣ. Последняя, можетъ быть, отличается болѣе ораторскими, чѣмъ поэтическими достоинствами, и я не могу припомнить въ знаменитыхъ аѳинскихъ рѣчахъ ничего, что могло бы сравниться съ нею въ силѣ укоризны и горечи сарказма. Я слышалъ отъ краснорѣчивѣйшаго государственнаго человѣка нашего вѣка (7) замѣчаніе, что, послѣ Демосфена, Данте первый писатель, котораго слѣдуетъ наиболѣе внимательно изучать каждому, кто хочетъ достигнуть превосходства въ ораторскомъ искусствѣ.

Но пора кончить эту слабую и несвязную критику. Однако я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о переводахъ «*Божественной Комедіи*». Переводъ Бойда столько же скученъ и вялъ, сколько слогъ оригинала живъ и энергиченъ. Странный размѣръ, избранный им, сколько я знаю, изобрѣтенный Бойдомъ, въ высшей степени негоденъ для подобнаго произведенія. Переводы никогда не должны быть дѣлаемы въ такихъ стихахъ, которые требуютъ большихъ усилій для совладанія съ ритмомъ. Строфа дѣлается ложемъ Прокруста, и переводчикъ то вытягиваетъ, то обрѣзываетъ мысли несчастнаго автора, чтобы приспособить ихъ къ новому вмѣстительству. Отрывистый, но вмѣстѣ послѣдовательный, слогъ Данте болѣе, чѣмъ слогъ какого-нибудь другаго поэта, страдаетъ отъ перевода многословнаго, раздѣленнаго на параграфы одинаковой длины, — потому что они не заслуживаютъ другаго названія.

О попыткѣ Гейли можно сказать только то, что она удачнѣе Бойдовой. Уиъ Гейли былъ сноснымъ образчикомъ филигранной работы, — довольно изященъ и очень слабъ. Въ пользу лучшихъ произведеній Гейли можно сказать только то, что они щеголеваты. Противъ его худшихъ произведеній можно сказать только то, что они глупы. Онъ могъ бы сносно

(7) Лордъ Бругамъ.

переводить *Метастазіо*. Но онъ рѣшительно былъ неспособенъ отдать справедливость этомуъ

«*gime e aspre e chiocce,*
«*Come si converrebbe al tristo buco*» (*).

Отъ жалкихъ попытокъ я съ удовольствіемъ обращаюсь къ переводу мистера *Кларк*. Это произведеніе вполне заслуживаетъ отдѣльнаго разбора, и я съ радостью поговорилъ бы о немъ, еслибы эта статья не была уже и безъ того слишкомъ длинною. Я скажу теперь только то, что, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ другаго перевода въ мірѣ, который былъ бы такъ вѣренъ и вѣствъ съ тѣмъ такъ неопровержимо доказывалъ бы, что самъ переводчикъ обладаетъ поэтическимъ талантомъ. Незнающіе итальянскаго языка должны прочесть этотъ переводъ, чтобы познаться съ «*Божественною Комедіей*». Люди, самымъ близкимъ образомъ знакомые съ итальянскою литературою, должны прочесть его ради его собственныхъ достоинствъ; и я думаю, что они загрузнятся рѣшить — за что авторъ болѣе заслуживаетъ похвалы: за близкое ли знакомство съ языкомъ Данте, или за необыкновенное умѣнье владѣть своимъ собственнымъ.

(* *Inferno, canto XXXII.*

II. ПЕТРАРКА.

(Апрѣль, 1824.)

Et vos, o lauri, carpam, et te, proxima myrte.
Sic positæ quoniam suaves miscetis odores.

Вирилій.

Трудно назвать другаго писателя, котораго знаменитость была бы такъ же распространена и такъ же продолжительна, какъ знаменитость Петрарки. Со времени его смерти прошло четыре вѣка съ половиной. Однако жители всѣхъ странъ западнаго міра еще такъ же близко знакомы съ его характеромъ и его приключеніями, какъ съ наиболее славными именами и съ самыми недавними анекдотами своей собственной исторіи литературы. Это, поистинѣ, рѣдкое отличіе. Цоринатели Петрарки должны признать, что она не могло быть приобретено поэтомъ, лишеннымъ заслугъ. Его поклонники едвали стануть утверждать, что достоинства Петрарки сами по себѣ могли бы возвести его на высоту европейской извѣстности, какой еще не достигали ни Шекспиръ, ни Мильтонъ, ни Данте, и обладаніе которою такъ долго не удерживалъ за собою, можетъ быть, ни одинъ изъ новыхъ писателей, за исключеніемъ Свифта, и его же, Петрарки.

Не трудно найти некоторыя изъ причинъ, которыми этотъ великій человекъ обязанъ своею знаменитостью, несоразмѣрною, по моему мнѣнію, его действительнымъ правамъ на поклоненіе человечества. Вопервыхъ, онъ эгоистъ. Эгоизмъ въ разговорѣ ненавиденъ всѣмъ. Влюбленные, и, я думаю, только одни влюбленные, навязываютъ въ немъ другъ друга. Никакія за-

слуги, никакіе таланты, никакое умѣнье нравиться не дѣлаютъ эготизмъ сноснымъ. Благодарность, поклоненіе, интересъ, страхъ — едва ли могутъ удержатъ людей, осужденныхъ слушать его разглагольствованія, отъ проявленія досады и утомленія. Бездѣтный дядя, могущественный патронъ едва могутъ добиться этой снисходительности. Мы выходимъ изъ мальпоста во время бури и садимся на козлы, чтобы только не слышать исторію нашего спутника. Капелланъ кусаетъ губы въ присутствіи архіепископа. Мичманъ зѣваетъ за столомъ перваго лорда адмиралтейства. Но, по какой бы то ни было причинѣ, эта привычка, язва разговора, придаетъ сочиненіямъ остроту, какой не можетъ сообщить имъ ничто иное. Руссо сдѣлалъ самый смѣлый опытъ въ этомъ родѣ и успѣлъ вполне. Въ наше время лордъ Байронъ, рядомъ попытокъ того же самаго свойства, сдѣлалъ себя предметомъ всеобщаго интереса и поклоненія. Вордсвортъ писалъ съ болѣе сильнымъ, но не столь явнымъ эготизмомъ и приобрѣлъ секту поклонниковъ, сравнительно малую числомъ, но наиболѣе восторженную въ своемъ обожаніи. Нѣтъ надобности умножать примѣры. Даже теперь всѣ области литературы наводнены попрошайками славы, которые стараются возбудить наше участіе, выставляя на показъ всѣ уродливости своего ума и срывая повязку со всѣхъ гноившихся язвъ своего чувства. Нѣтъ недостатка и въ лицахъ, которые, въ подражаніи своимъ образцамъ, нищимъ, идутъ еще дальше: они находятъ, что выконючать подачку у зрителя, притворяясь калѣкой и немощнымъ, гораздо легче, нежели добыть деньги честнымъ трудомъ, къ которому они способны по своему здоровью и по своей силѣ. Между тѣмъ легковѣрная публика жалветъ и холитъ эту заразу, для излеченія которой нужны только рабочій домъ со ступальней, да плеть. Эта хитрость, часто удающаяся глупцамъ, придаетъ непреодолимое очарованіе произведеніямъ, которыя обладаютъ внутренними достоинствами. Мы всегда желаемъ знать что-нибудь о характерѣ и положеніи тѣхъ, которыхъ сочиненія мы прочли съ удовольствіемъ. Мѣста, гдѣ Милтъонъ намекаетъ на обстоятельства своей жизни, читаются, можетъ быть, чаще и съ болѣшимъ интересомъ, чѣмъ всѣ другіе стихи его поэмъ. Забавно видѣть, съ какимъ трудомъ критики старались отыскать въ поэмахъ Гомера нѣсколько намековъ относительно его положенія и чувствъ. Согласно одной гипотезѣ, онъ хотѣлъ описать себя самого подъ именемъ Демодока. Другіе утверждаютъ, что онъ одно и то же лицо съ Феміемъ, котораго жизнь пощадила Улиссъ. Эта наклонность человѣческаго ума, мнѣ кажется, объясняется, въ

большой степени, огромную популярность поэта, котораго сочиненія представляютъ, почти исключительно, выраженіе его личныхъ чувствъ.

Вовторыхъ, Петрарка былъ не просто эгоистъ, но эгоистъ влюбленный. Описываемыя имъ надежды и опасенія, радости и горести происходили отъ страсти, которая, изъ всѣхъ страстей, имѣетъ обширнѣйшее вліаніе и болѣе другихъ живетъ воображеніемъ. Онъ обладаетъ также другимъ громаднымъ преимуществомъ. Онъ былъ первымъ замѣчательнымъ поэтомъ любви, явившимся послѣ великаго переворота, который измѣнилъ не только политическое, но и нравственное состояніе міра. Греки, которые, въ своихъ общественныхъ учрежденіяхъ и литературныхъ вкусахъ, были діаметрально противоположны восточнымъ народамъ, представляли значительное сходство съ ними въ своихъ домашнихъ привычкахъ. Подобно имъ, они презирали умственные способности женщинъ и держали послѣднихъ въ заключеніи; и къ числу наименѣе ужасныхъ золъ, произведенныхъ этою гибельною системою, принадлежало то, что всѣ совершенства ума и все очарованіе манеръ, которыя, въ высоко-цивилизованномъ вѣкѣ, бывають вообще необходимы для возбужденія привязанности мужчинъ къ женщинамъ, — были монополизированы Фринами и Ламіями. Необходимыхъ элементовъ честной и рыцарской любви нигдѣ нельзя было найти соединенными. Матроны и ихъ дочери, заключенныя въ гаремахъ, — тупыя, невоспитанныя, несвѣдущія ни въ чемъ, кромѣ механическихъ искусствъ, почти невидимыя до замужества, — рѣдко могли возбудить интересъ; между тѣмъ ихъ блистательныя соперницы — эти полу-граціи и полу-гарпіи, изящныя и образованныя, но вѣтренныя и жидныя, — никогда не могли внушить къ себѣ уваженія.

Состояніе общества въ Римѣ было въ этомъ отношеніи гораздо счастливѣе, и латинская литература раздѣляла это преимущество. Римскіе поэты рѣшительно превзошли греческихъ въ изображеніи страсти любви. Нѣтъ предмета, о которомъ они говорили бы съ болѣшимъ успѣхомъ. Овидій, Катуллъ, Тивуллъ, Горацій и Проперцій, не смотря на всѣ свои недостатки, должны быть поставлены высоко въ этой области искусства. Къ нимъ я присоединилъ бы еще моего любимца Плавта, который, хотя заимствовалъ свои сюжеты изъ Греціи, но оригиналы своихъ очаровательныхъ женскихъ характеровъ нашелъ, какъ я подозреваю, въ Римѣ.

Однако, и здѣсь осталось еще много дурнаго, и во время упадка великой имперіи все, что было гибельнаго въ ея до-

машинныхъ учрежденіяхъ, выказалось съ большею силой. Подъ вліяніемъ правительствъ, въ одно и то же время зависимыхъ и деспотическихъ, которыя, раболѣпствомъ предъ своими врагами, покупали право топтать своихъ подданныхъ, римляне впали въ самое жалкое состояніе изнѣженности и низости. Національный характеръ состоялъ изъ лжи, трусости, лѣни и сознательнаго и безропотнаго униженія. Подобный характеръ рѣшительно несовмѣстенъ съ сильными страстями. Въ особенности любовь,—которая, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, заключаетъ въ себѣ покровительство и преданность съ одной стороны, довѣренность съ другой, уваженіе и вѣрность съ обѣихъ,—не могла существовать среди лѣнивыхъ и бездушныхъ рабовъ, пресмыкавшихся у троновъ Гонорія и Августа Іа. Въ этотъ періодъ началось великое обновленіе. Воины сѣвера, не смотря на то, что были лишены знанія и гуманности, принесли съ собою, изъ своихъ лѣсовъ и болотъ, тѣ качества, безъ которыхъ гуманность есть слабость, а знаніе — проклятiе: они принесли энергію, независимость, страхъ стыда, презрѣніе къ опасности. Было бы въ высшей степени интересно рассмотретьъ, какимъ образомъ смѣшеніе дикихъ завоевателей и изнѣженныхъ рабовъ, послѣ многихъ поколѣній мрака и волненія, произвело новѣйшій европейскій характеръ; прослѣдить, отъ перваго столкновенія до окончательнаго соединенія, дѣйствіе той таинственной алхиміи, которая изъ враждебныхъ и негодныхъ элементовъ извлекала чистое золото человѣческой природы; анализировать массу и опредѣлить пропорціи, въ которыхъ смѣшаны ея составныя части. Но я ограничусь предметомъ, на который и въ особенности указалъ. Свойство страсти любви подверглось полному измѣненію. Правда, она удерживала тотъ причудливый и сладострастный характеръ, который имѣла среди южныхъ народовъ древности. Но она получила оттѣнокъ суевѣрнаго обожанія, съ которымъ сѣверные войны привыкли смотрѣть на женщинъ. Набожность и война сообщили ей свои наиболѣе торжественныя и одушевляющія ощущенія. Она была освящаема благословеніями церкви и украшаема вѣнками на турпиряхъ. Венера, какъ въ древней баснѣ, вновь стала подыматься надъ темными и бурными волнами, которыя такъ долго скрывали ея красоту. Но она показала теперь не такъ, какъ въ старину, не въ обнаженной и роскошной прелести. Она все еще носила поясъ своего древняго чародѣйства; но ея чело было увѣнчано діадемой Юноны, а въ рукѣ она держала эгидъ Паллады. Теперь любовь могла, въ самомъ дѣлѣ, назваться новою страстью; и неудивительно, что первый отличный поэтъ, который всецѣло

посвятилъ свой геній этому предмету, произвелъ необыкновенное впечатлѣніе. Его можно сравнить съ искателемъ приключеній, который случайно пристаеъ къ богатому и неизвѣстному острову и, хотя бы успѣлъ поставить на берегу лишь кое-какъ сдѣланный крестъ,—завладѣваетъ сокровищами острова и даетъ ему свое имя. Права Петрарки, въ самомъ дѣлѣ, были нѣсколько сходны съ правами Америго Веспуччи на материкъ, который долженъ бы быть названъ по имени Колумба. Французскіе поэты были, безспорно, учителями флорентинца. Но они писали въ такой вѣкъ, который не могъ оцѣнить ихъ достоинства; а ихъ подражатель жилъ именно въ тотъ періодъ, когда сочиненія на отечественномъ языкѣ начали привлекать всеобщее вниманіе. Петрарка былъ тѣмъ же въ литературѣ, чѣмъ Валентинъ въ любви ('). Публика предпочла его не потому, что его заслуги были особенно высоки, а потому, что онъ былъ первымъ человѣкомъ, котораго она увидѣла, пробудясь отъ своего продолжительнаго сна.

Не менѣе, чѣмъ отъ сравненія съ предшественниками, Петрарка выигралъ и отъ сравненія съ непосредственными преемниками. Болѣе столѣтія послѣ его смерти Италия не производила ни одного поэта, котораго можно было бы съ нимъ сравнить. Этотъ упадокъ генія, безспорно, должно приписать, въ большой степени, вліянію, которое произведенія Петрарки имѣли на литературу его страны. Однако, оно много способствовало его славѣ. Ничто болѣе не благопріятствуетъ репутаціи писателя, какъ если за нимъ слѣдуетъ поколѣніе ниже его; и этимъ преимуществомъ, по очевиднымъ причинамъ, гораздо чаще пользуются тѣ, которые портятъ національный вкусъ, нежели тѣ, которые его улучшаютъ.

Кромѣ упомянутыхъ причинъ, распространенію славы Петрарки способствовала еще одна. Я говорю объ интересѣ, внушаемомъ событіями его жизни, интересѣ, который должны были сильно чувствовать его современники, потому что даже теперь, послѣ пятисотлѣтняго промежутка, ни одинъ критикъ не въ состояніи вполне освободиться изъ-подъ его вліянія. Среди великихъ людей, которымъ мы обязаны возрожденіемъ науки, Петрарка занимаетъ передовое мѣсто, и его восторженная преданность этому великому дѣлу составляетъ его наиболѣе справедливое и блистательное право на признательность потомства. Онъ далъ объѣтъ литературѣ. Онъ любилъ ее совершен-

(') См. т. 1, стр. 104.

нѣйшею любовью. Онъ боготворилъ ее почти съ фанатическою преданностью. Онъ былъ миссіонеромъ, который возвѣщалъ отдаленнымъ странамъ объ ея открытіяхъ; пилигримомъ, который странствовалъ много и далеко, чтобы собрать ея останки; пустыннокомъ, который удалился отъ свѣта, чтобы размышлять объ ея красотахъ; бойцомъ, который сражался подъ ея знаменемъ, побѣдителемъ, за триумфальной колесницей котораго, болѣе чѣмъ въ метафорическомъ смыслѣ, шли варварство и невѣжество, и который, за эту великолѣпную побѣду, былъ увѣнчанъ лаврами въ Капитолѣ.

Ничто не можетъ быть благороднѣе и трогательнѣе этой церемоніи. Великолѣпные дворцы и портики, мимо которыхъ нѣкогда катились колесницы Маріи и Цезаря, давно уже разсыпались въ прахъ. Увѣнчанныхъ лаврами фасцій, золотыхъ орловъ, ликующихъ легионовъ, плѣнниковъ и нарисованныхъ городовъ не было при его побѣдоносномъ шествіи. Римъ потерялъ свой скипетръ. Но онъ сохранялъ еще болѣе могущественное вліяніе умственнаго владычества и теперь долженъ былъ наградить болѣе высокимъ триумфомъ умственную побѣду. Вънчанный городъ платилъ справедливую и славную дань признательности человѣку, который распространилъ господство его древняго языка; который воздвигъ трофеи философіи и фантазіи въ вертепахъ невѣжества и дикости; котораго плѣнниками были сердца поклонявшихся ему народовъ, окованныхъ чарами его пѣсней; котораго добычейъ были сокровища древняго генія, спасенныя отъ тьмы и погибели. Среди разрушенныхъ памятниковъ древняго искусства и юныхъ сооруженій новаго, этотъ человѣкъ, возстановившій разорванное звено между двумя звѣнами человѣческой цивилизаціи, былъ коронованъ вънкомъ, который онъ заслужилъ отъ народовъ новыхъ, обязанныхъ ему своею образованностью, и отъ древнихъ, обязанныхъ ему своею славой. Никогда Вестминстеръ и Реймсъ не были свидѣтелями такого величественнаго коронованія.

Когда мы, отъ этого блистательнаго зрѣлища, обращаемъ взоръ на домашнюю комнату поэта; когда мы созерцаемъ борьбу страсти и добродѣтели, эти глаза, отуманенные, и щеки, изборожденныя слезами грѣшнаго и безнадѣжнаго желанія; когда мы размышляемъ о всей исторіи его привязанности, начиная отъ веселыхъ грѣзъ его юности до томительнаго отчаянія его старости,—то къ нашему поклоненію примѣшиваются состраданіе и любовь. Даже послѣ того, какъ смерть наложила посыланную печать на его бѣдствія, мы видимъ его посвятившимъ дѣлу человѣческаго ума всю силу, всю энергію, которыя у

него еще остались отъ любви и гора. При жизни онъ былъ апостоломъ литературы; онъ палъ ея мученикомъ: онъ умеръ, склонивъ голову надъ книгой.

Люди, внимательно изучавшіе жизнь и сочиненія Петрарки, можетъ быть, будутъ расположены сдѣлать нѣкоторыя убавленія въ этомъ панегирикѣ. Нельзя отвергать того, что достоинства Петрарки были искажены въ высшей степени непріятною аффектаціею. Его рвеніе въ литературѣ сообщило оттънокъ педантизма всѣмъ его чувствамъ и мнѣніямъ. Его любовь была любовью писателя сонетовъ; его патриотизмъ былъ патриотизмъ антикварія. Интересъ, съ какими мы смотримъ на сочиненія и изучаемъ исторію людей, занимавшихъ нашу страну въ прежніе вѣка, возникаетъ отъ воспоминаній, которыя связываютъ ихъ съ обществомъ, заключающимъ всѣ предметы нашей привязанности и надежды. Въ душѣ Петрарки эти чувства находились въ обратномъ положеніи. Онъ любилъ Италію потому, что она изобиловала памятниками, оставшимися отъ древнихъ владычицъ міра. Его родной городъ, прекрасная и славная Флоренція—эти новыя Аены,—Флоренція, бывшая тогда въ полномъ цвѣтѣ силы и юности, не могла внушить отличнѣйшему изъ своихъ гражданъ никакой доли того страстнаго благоговѣнія, которое онъ питалъ къ одряхлѣвшему Риму. Эти и многіе другіе недостатки, которые откровенно должны быть признаны, могутъ только въ очень слабой степени уменьшить славу его поприща. Что касается до меня, то я смотрю на нее съ такою любовью, съ такимъ удовольствіемъ, что очень неохотно перехожу отъ нея къ разсмотрѣнію его сочиненій, которыя далеко не возбуждаютъ во мнѣ такого же восторга.

Не смотря на это, я высокаго мнѣнія о повѣстическихъ способностяхъ Петрарки. Правда, онъ не обладалъ искусствомъ ярко представлять воображенію чувственные предметы; и это замѣчательно тѣмъ болѣе, что талантъ, о которомъ я говорю, составляетъ отличительную черту итальянскихъ поэтовъ. Въ *«Божественной Комедіи»* онъ выказался во всемъ своемъ совершенствѣ. Онъ характеризуетъ почти каждую знаменитую поему, писанную на итальянскомъ языкѣ. Можетъ быть, это слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что живопись и скульптура достигли высокой степени совершенства въ Италиі раньше, чѣмъ получила широкое развитіе поэзія. Люди были лишены книгъ, но они съ дѣтства привыкали видѣть удивительныя произведенія искусства, которыя Италія начала создавать еще въ тринадцатомъ столѣтіи. Это положило на ихъ воображеніе такой сильный отпечатокъ, что даже въ ихъ пись-

менныхъ сочиненіяхъ замѣтна склонность къ графическому очерчиванію предметовъ. Ходъ дѣлъ въ Англіи былъ во всѣхъ отношеніяхъ иной. Послѣдствіемъ этого было то, что англійскія историческія картины суть поэмы на полотнѣ, между тѣмъ какъ итальянскія поэмы суть картины, писанныя словами. Сочиненія Петрарки почти совершенно чужды этого національнаго характера. Правда, его сонеты, по своему предмету и свойству, и его латинскія стихотворенія, вслѣдствіе стѣсненій, которыя всегда связываютъ человѣка, пишущаго на мертвомъ языкѣ, не могутъ быть приводимы въ доказательство этой истины. Но его «Триумфы» рѣшительно требовали этого таланта, а въ нихъ его нѣтъ и слѣда.

Однакоже, онъ, безспорно, обладалъ гениемъ высшаго разряда. Его пылкіе, иѣжные и великолѣпные обороты мысли, его блистательное воображеніе, его умѣнье выражаться и сильно, и изядно, должны быть признаны. Природа предназначала его быть главою лирическихъ писателей. Но однимъ роковымъ подаркомъ она лишила свои другіе дары половины ихъ цѣны. Онъ былъ бы гораздо болѣе великимъ поэтомъ, еслибы былъ менѣе способнымъ человѣкомъ. Его остроуміе было извою для его ума. Онъ оставилъ благородную и естественную манеру, въ которой могъ бы достигнуть совершенства, для фантазій, которыя онъ производилъ съ изумительною и вмѣстѣ съ противною легкостью. Его муза, подобно римской женщинѣ у Ливія, соблазнившись пылкими украшеніями, измѣнила тайнѣ своей силы и была раздавлена подъ тяжестью блестящихъ подарковъ, которые ее прельстили.

Его бѣдность мыслями очень замѣчательна. Невозможно смотрѣть безъ изумленія на этотъ умъ, столь плодовитый на комбинаціи и столь бѣдный на образы. Вся его эротическая поэзія состоитъ изъ очень немногихъ темъ, расположенныхъ въ такомъ разнообразномъ порядкѣ и освѣщенныхъ столь многоразлично, что напоминаетъ намъ тѣ арифметическія задачи о перестановкахъ, которыя такъ изумляютъ незнающихъ. Французскій поваръ, который хвастался, что можетъ приготовить пятнадцать различныхъ блюдъ изъ одной крапивной верхушки, не былъ болѣе его мастеромъ своего дѣла. Умъ Петрарки былъ калейдоскопомъ. При каждомъ поворотѣ, онъ представляетъ намъ новыя формы, всегда фантастическія, иногда прекрасныя; и мы едва можемъ вѣрить, чтобы всѣ эти разнообразныя явленія были пронаведены одними и тѣми же ничтожными стеклышками. Правда, тождественность его образовъ должна быть приписана, въ нѣкоторой степени, тождественности его предмета. Было бы без-

разсудно ожидать постоянного разнообразія отъ столь многихъ *сотъ* сочиненій, которыя всѣ одной и той же длины, всѣ надписаны однимъ и тѣмъ размѣромъ и всѣ посвящены одной и той же пошлой и бездушнѣйшей кокеткѣ. Притомъ, я невольно подозреваю, что извращенный вкусъ, который портитъ его эротическія стихотворенія, долженъ быть приписываемъ вліянію *Длауры*, которая, вѣроятно, подобно большей части критиковъ своего пола, предпочитала цвѣтистый слогъ величественному. Какъ бы то ни было, но едва *Петрарка* переходитъ къ другому предмету, какъ тотчасъ же измѣняетъ и свою манеру. Когда онъ говоритъ о бѣдствіяхъ и униженіи *Италіи*, опустошенной иноземными завоевателями и лишь слабо защищаемой своими малодушными сынами, извѣщенный лепетъ советчика превращается въ крикъ—дикій, торжественный и пронзительный, подобный тому, который прокричалъ кровавому дому *Кодурекскому*: «Не спи болѣе». «*Италія*, кажется, не чувствуетъ своихъ страданій», восклицаетъ ея восторженный поэтъ; «дряхлая, лѣнивая и медлительная, неужели она вѣчно будетъ спать? Неужели никто ее не разбудитъ? О, еслибы мнѣ выпитья руками въ ея волосы» (а)!

Съ немалышею энергіей онъ объявляетъ мщеніе Европы и Христа *магометанскому* Вавилону. Его великолѣпное исчисленіе древнихъ подвиговъ грековъ всегда должно возбуждать удивленіе и не можетъ быть читаемо безъ самаго глубокаго интереса въ то время, когда мудрые и добрые, горько разочарованные и во многихъ другихъ странахъ, съ захватывающимъ духъ бездокойствомъ обращаютъ свои взоры къ родинѣ свободы, къ *Маратонскому* полю и къ гибельной тѣснинѣ, гдѣ вступилъ въ бой левъ *лакедемонскій* (b).

Его стихотворенія о религіозныхъ предметахъ также заслуживаютъ величайшей похвалы. Во главѣ ихъ должна быть поставлена ода къ *Св. Дѣвѣ*. Это, можетъ быть, прекраснѣйшій

(a) Che suoi guai non par che senta:
Vecchia, oziosa, e lenta,
Dormirà sempre, e non fia chi la svegli?
Le man l'avess'io avvolte entro e capegli.

Canzone XI.

(b) Maratona, e le mortali strette
Che difese il Leon con poca gente.

Canzone V.

гимнъ въ міръ. Его набожное благоговііе получаетъ необыкновенно поэтическій характеръ отъ нѣжной мысли о полѣ и прелести идола, и характеръ этотъ мы можемъ прослѣдить во всемъ стихотвореніи.

Я съ удовольствіемъ остановился бы на этихъ и тому подобнѣхъ частяхъ сочиненій Петрарки; но я долженъ возвратиться къ его эротической поэзіи: ей ввѣрилъ онъ свою славу, и ей онъ преимущественно обязанъ этою славою.

Преобладающій недостатокъ его лучшихъ сочиненій на эту тему есть разлитый по нимъ общій блескъ. Правда, естественный языкъ страстей часто бываетъ фигураленъ и причудливъ, и это преимущественно можно сказать о любви. Однако, здѣсь есть границы. Конечно, чувства должны имѣть свою нарядную одежду; но, подобно наряднымъ женщинамъ, они не должны быть ни закутаны, ни обнажены. Одежда должна быть такова, чтобы въ одно и то же время и скромно прикрывать, и блagоразумно выказывать формы тѣла. Украшенія должны иногда быть употребляемы для прикрытія недостатка, а иногда для возвышенія красоты; но они никогда не должны скрывать, а тѣмъ болѣе искажать прелести, для которыхъ они служатъ вспомогательнымъ средствомъ. Любовь Петрарки, напротивъ того, наряжается подобно щеголю дикарю, котораго носъ проткнутъ золотымъ кольцомъ, кожа разрисована странными фигурами и яркими красками, уши вытянуты до плечъ тяжестью навѣшанныхъ на нихъ драгоценностей. Во всѣхъ родахъ сочиненія общее правило, которое не допускаетъ исключеній, что главная мысль, преобладающее чувство никогда не должны быть смѣшиваемы съ сопровождающими ихъ украшеніями. Они должны вообще отличаться отъ украшеній большею простотою выраженія, подобно тому, какъ на картинахъ, изображающихъ битвы Наполеона, мы узнаемъ его, среди множества штыхъ мундировъ и перьевъ, по его стѣрому сюртуку и шляпѣ безъ пера. Въ стихахъ Петрарки вообще невозможно угадать, какую мысль онъ хотѣлъ сдѣлать преобладающею. Все обработано одинаково. Вождь носитъ ту же самую пышную и унижительную ливрею, какъ и его свита, и мы на всѣхъ глазѣмъ одинаково равнодушно. Стихотворенія Петрарки не представляютъ ни сильныхъ освѣщеній и тѣней, ни задняго, ни передняго плана; они похожи на раскрашенные фигуры какой-нибудь восточной рукописи, поражающія яркими цвѣтами, но лишеныя всякой перспективы. Таковы недостатки знаменитѣйшихъ изъ его сочиненій. О тѣхъ же, которыя вообще признаны плохими, почти невозможно говорить терпѣливо. Однако, они имѣютъ

много общаго со своими блистательными товарищами. Они отличаются отъ послѣднихъ, какъ мишуръ отъ парчи. Въ нихъ есть пышность, но нѣтъ богатства. Муза Петрарки принадлежитъ къ многочисленному классу женщинъ, которыя не прочь быть грязными, лишь бы имъ одѣться повидимому богаче. Когда запасъ его блестящихъ фантазій истощенъ, онъ замѣняетъ ихъ метафизическими изворотами, натянутыми антитезами, плохими каламбурами и отвратительными шарадами. Въ своемъ патомъ сонетъ, онъ, какъ мнѣ кажется, дошелъ до крайнихъ предѣловъ вычурности. Вообще, это стихотвореніе можетъ быть названо самымъ плохимъ въ мірѣ покушеніемъ на поэзію и на остроуміе.

Сильнымъ доказательствомъ справедливости такого приговора служитъ то, что почти всѣ сонеты производятъ совершенно одно и то же впечатлѣніе на умъ читателя. Петрарка говоритъ о всѣхъ разнообразныхъ настроеніяхъ души влюбленнаго, отъ радости до отчаянія; однако, сколько я могу судить по собственному опыту и наблюденію, сонеты читаются совершенно съ одинаковымъ чувствомъ. Дѣло въ томъ, что ни въ одномъ изъ нихъ страсть и остроуміе не смѣшаны въ надлежащемъ отношеніи. Въ нихъ нѣтъ довольно чувства, чтобы разбавить снабодья, употребленныя для ихъ приправы. Столъ, который онъ намъ предлагаетъ, похожъ на испанское угощеніе въ Драйденовомъ «*Mock Astrologer*», гдѣ вкусъ всѣхъ блюдъ и соусовъ былъ заглушенъ запахомъ приностей. Рыба, мясо, дичь,—все, бывшее на столѣ, не отзывалось ничѣмъ, кромѣ краснаго перца.

Правда, сочиненія Петрарки могутъ незаслуженно страдать отъ одной причины, о которой я долженъ упомянуть. Его подражатели до такой степени приучили итальянское и европейское ухо къ темамъ любовной лести и любовнаго сѣтованія, что мы почти не можемъ считать ихъ оригинальными, когда находимъ ихъ у перваго автора; и даже когда умъ убѣждалъ насъ, что онѣ были новы для него, онѣ все-таки остаются старыми для насъ. Такова была участь многихъ прекраснѣйшихъ нѣсть въ сочиненіяхъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ писателей. Грустно слѣдить за благородною мыслью отъ одной степени ея профанированія до другой; грустно видѣть ее переходящую отъ носившаго ее знаменитаго лица къ его лакеямъ, выворачиваемую нѣсколько разъ и наконецъ повѣшенною на какое-нибудь воронье пугало. Петрарка, дѣйствительно, сильно пострадалъ отъ этой причины. Но что ему пришлось пострадать до такой степени, это служитъ достаточнымъ доказательствомъ, что его

достоинства были не очень высоки. Стихъ можетъ быть украденъ, но всепроникающій духъ великаго поэта не можетъ быть похищенъ литературнымъ воромъ. Безпрерывное, въ теченіе двадцати-пяти столѣтій, подражаніе Гомеру оставило Гомера такимъ же, какимъ его нашло. Еслибы каждое уподобленіе, каждый оборотъ Данте были скопированы десять тысячъ разъ, «*Божественная Комедія*» все-таки сохранила бы всю свою свѣжесть. Привратнику въ Фаркваровой комедіи было легко разыграть роль Beau Clincher'a, надѣвъ его кружева и воротнички. Гораздо труднѣе было бы выдать себя за сэра Гарри Вильдера.

Прежде чѣмъ я оставлю этотъ предметъ, я долженъ защитить Петрарку отъ одного обвиненія, которое въ настоящее время часто слышится противъ него. Многочисленная секта критиковъ объявила его сонеты немѣющимися качествомъ, которая она признаетъ необходимыми для сонетовъ, съ такою же самоувѣренностью и съ такимъ же основаніемъ, съ какими старину ея прототипы наставляли на трехъ единствахъ драмы. Я человекъ непосвященный, рѣшительно неспособный объяснить таинства этой новой поэтической вѣры. Я знаю только, что если человекъ не соблюдеть ее чисто и непорочно, то, безъ сомнѣнія, будетъ названъ глупцомъ. Однако, я не могу удержаться отъ вопроса: въ чемъ состоитъ особенное вліяніе именно четырнадцати, преимущественно предъ всѣми другими числами? Не зависить ли оно отъ того, что число четырнадцать есть кратное семи? Не имѣетъ ли этотъ принципъ отношенія къ субботней заповѣди? Или эти странныя свойства связаны съ порядкомъ риема? Къ несчастью, сонеты Шекспира столько же отличаются въ этомъ отношеніи отъ сонетовъ Петрарки, сколько отъ Спенсерова станса, или отъ восьми-строчнаго. Прочь эта бессмысленная болтовня! Мы сбросили съ себя иго старой критики. Я увѣренъ, что мы никогда не будемъ сносить столько же педантскій и неразумный деспотизмъ, который нѣкоторые изъ революціонныхъ вождей хотѣли бы воздвигнуть на ея развалинахъ. Не для этого мы свергнули Аристотеля и Боссю.

Этимъ законодателямъ не мѣшало бы подумать, что хотя манера Петрарки не подходитъ подъ избранную ими мѣрку совершенства, но они многимъ обязаны сонетамъ этого поэта; что безъ Петрарки развѣрь, относительно котораго они издаютъ такіе благоразумные законы, вѣроятно, никогда не привлекъ бы на себя вниманія, и что ему они обязаны удовольствіемъ—превозносить и славую—сочинять пьесы, о которыхъ

можно подумать, что онъ написанъ Слендеромъ, съ помощью его слуги Симпля.

Я не могу кончить разбора, не сдѣлавъ нѣсколькихъ замѣчаній относительно латинскихъ сочиненій Петрарки. Кажется, и онъ самъ, и его современники цѣнили ихъ гораздо выше его сочиненій на отечественномъ языкѣ. Потомство, этотъ верховный судъ для литературной апелляціи, не только перевершило приговоръ, но по своему обыкновенію перевершило его со взысканіемъ убытковъ и заставило несчастнаго сочиненія поплатиться и за ихъ собственную недоброкачественность, и за несправедливость тѣхъ, которые оказывали имъ незаслуженное предпочтеніе. И должно признаться, что, не дѣлая большихъ уступокъ во вниманіе къ обстоятельствамъ, при которыхъ появились эти сочиненія, мы не можемъ произнести очень благопріятнаго для нихъ приговора. На нихъ должно смотрѣть, какъ на экзотическія растенія, пересаженные въ другой климатъ и воспитанныя въ неблагопріятномъ положеніи; и было бы неосновательно ожидать отъ нихъ здоровья и силы, которыя мы замѣчаемъ въ окружающихъ туземныхъ растеніяхъ, или которыми они сами могли бы обладать на своей родной почвѣ. Петрарка очень несовершенно подражалъ стилю латинскихъ авторовъ и не вознаградила за этотъ недостатокъ обогащеніемъ древняго языка прелестями новѣйшей поэзіи. Блеска и остроумія, которыми мы, даже осуждая ихъ, удивляемся въ итальянскихъ сочиненіяхъ Петрарки, здѣсь почти вовсе нѣтъ, и эти качества только рѣдкими и случайными проблесками озаряютъ скучную тьму африканской пустыни. Въ *Эклогахъ* болѣе одушевленія, но онъ могутъ быть названы стихотвореніями только изъ вѣжливости. Онъ не имѣютъ ничего общаго съ его сочиненіями на отечественномъ языкѣ, исключая вѣчнаго каламбура насчетъ Лауры и Дафны. Ни одно изъ этихъ произведеній не поставило его въ уровень съ Видой или Боханавомъ. Однако, когда мы сравниваемъ Петрарку съ его предшественниками и приемъ въ соображеніе, что онъ поддержалъ погибшую надежду литературы, что онъ первый замѣтилъ и первый пытался возстановить тонкія красоты древняго всемірнаго языка, — то, можетъ быть, мы будемъ о немъ болѣе высокаго мнѣнія, чѣмъ о тѣхъ, которые никогда не могли бы превзойти Петрарку въ его красотахъ, еслибы ихъ не наслѣдовали.

Онъ желалъ сравниться въ философскомъ краснорѣчій съ Цицерономъ и въ поэтическомъ величій съ Вергиліемъ.

Его опытъ о «*Пособіяхъ въ счастіи и несчастіи*» ⁽¹⁾ есть странное произведеніе, написанное въ разговорной формѣ и въ высшей степени схоластическимъ слогомъ. Оно, повидимому, построено по образцу «*Тускуланскихъ вопросовъ*» ⁽²⁾,—а съ какимъ успѣхомъ, это могутъ легко рѣшить тѣ, которые его читали. Оно состоитъ изъ ряда разговоровъ: въ каждомъ изъ нихъ выводится на сцену лицо, съ которымъ произошло какое-нибудь счастливое или несчастное событіе. Это лицо съ важностью рассказываетъ свое приключеніе, и философъ, или лучше, олицетворенный разумъ, опровергаетъ его, — дѣло не трудное, потому что ученикъ защищаетъ свое положеніе только тѣмъ, что упорно повторяетъ его почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ послѣ каждаго довода своего противника. Этимъ способомъ Петрарка разрѣшаетъ огромное количество разнообразныхъ случаевъ. Въ самомъ дѣлѣ, едвали возможно назвать какое-нибудь удовольствіе или бѣдствіе, котораго бы не было въ этой диссертациіи. Онъ даетъ превосходный совѣтъ человѣку, который надѣется открыть философскій камень; другому, который устроилъ прекрасный птичникъ; третьему, который восхищается продѣлками своей любимой обезьяны. Не менѣе странны и поученія, которыя онъ читаетъ несчастнымъ. Онъ, повидимому, воображаетъ, что достаточнымъ утѣшеніемъ во всякомъ страданіи можетъ служить примѣръ того же бѣдствія въ прошедшемъ. «Нашъ городъ взятъ»,—говоритъ одинъ изъ жалующихся. «Троя тоже была взята»,—отвѣчаетъ его утѣшитель. «Моя жена бѣжала», говоритъ другой. «Съ вами случилось это одинъ разъ, а съ Менелаемъ дважды.»—Одинъ бѣдняга находится въ большомъ горѣ, узнавъ, что сынъ его жены не принадлежитъ ему. «Это тяжело»,—говоритъ онъ, «что мнѣ приходится воспитывать на свой счетъ мальчика, который для меня чужой». «Ты человѣкъ», возражаетъ его наставитель, приводя знаменитый стихъ Теренція, — «и ничто человѣческое не должно быть тебѣ чуждо». Физическія несчастія жизни тоже не пропущены; и въ особенности здѣсь есть, если не убѣдительное, то ужъ конечно очень забавное разсужденіе о выгодахъ нитьи чесотку. Выходки противъ несчастнаго врача или, лучше, противъ врачебной науки заключаютъ болѣе остроумія. Петрарка совершенно серьезно убѣжденъ въ истинѣ своихъ

(1) «*De remediis utriusque fortunae*».

(2) «*Quaestiones Tusculanae*» Цицерона.

миѣннй относительно этого предмета, и горечь его чувствъ по временамъ порождаетъ, среди его классическаго и схоластическаго педантизма, фразу, достойную второй Филиппики. Самъ С в и т т могъ бы позавидовать главамъ о причинахъ бѣдности докторовъ.

Изъ латинскихъ произведеній Петрарки «*Лисьма*» пользуются наибольшою извѣстностью и уваженіемъ. Какъ сочиненія, они, безспорно, выше его «*Опытовъ*». Но ихъ превосходство только относительно. Отъ столь большаго сборника посланій, писанныхъ такимъ знаменитымъ человѣкомъ, въ продолженіе столь разнообразной и обильной приключеніями жизни, мы могли бы ожидать полнаго и живаго изображенія литературы, нравовъ и политики того вѣка. Путешественникъ, поэтъ, ученый, влюбленный, придворный, отшельникъ, — онъ могъ бы, въ нетлѣнномъ разсказѣ, увѣковѣчить форму и отпечатокъ вѣка и современнаго общества. Тѣ, которые читаютъ его письма въ надеждѣ найти въ нихъ подобныя свѣдѣнія, рѣшительно обманутся въ своихъ ожиданіяхъ. Письма эти не заключаютъ въ себѣ ничего, характеризующаго тотъ періодъ или отдѣльныя личности. Это рядъ не писемъ, а темъ; и такъ какъ они не пользуются всеобщою извѣстностью, то могли бы служить въ публичныхъ школахъ, какъ сборникъ общихъ мѣствъ. Пишетъ ли Петрарка о политикѣ къ императору или дожу, посылаетъ ли онъ совѣтъ и утѣшеніе кому-нибудь изъ своихъ частныхъ друзей. — каждая строка наполнена примѣрами и цитатами и сильно звучитъ именами Анаксагоровъ и Сципионовъ. Но таковъ былъ интересъ, который возбуждала личность Петрарки, таково было благоговѣніе къ его эпистолярному слогу, что его письма съ трудомъ достигали мѣста своего назначенія. Поэтъ описываетъ съ притворнымъ сожалѣніемъ, а на самомъ дѣлѣ съ удовольствіемъ, докучливость людопытныхъ, которые часто вскрывали, а иногда и похищали эти любимыя сочиненія. Замѣчательнъ фактъ, что изъ всѣхъ его писемъ наименѣе проникнуты аффектаціей адресованныя къ умершимъ или еще не родившимся. Ничто не можетъ быть нелѣпѣе его фантазіи — сочинять важныя укорительныя или хвалебныя посланія къ Цицерону и Сенека; однако, эти странныя произведенія написаны съ гораздо большею естественностью, чѣмъ его посланія къ живымъ корреспондентамъ. Но изъ всѣхъ его латинскихъ сочиненій должно отдать предпочтеніе его «*Посланію къ Потомству*», — этому простому, благородному и патетическому произведенію, дѣлающему наибольшую честь и его вкусу, и его сердцу. Если позволительна уступка въ пользу под-

дѣльнаго смиренія автора, то имъ готовы думать, что ни одинъ литераторъ не оставилъ прелестнѣйшаго мемуара о самомъ себѣ.

Въ заключеніе мы можемъ сказать, что сочиненія Петрарки были ниже я его генія, и его знаменитости, и что обстоятельства, при которыхъ онъ писалъ, столько же препятствовали развитію его способностей, сколько были благоприятны распространенію его славы.

ОТЧЕТЪ О ВЕЛИКОЙ ТЯЖБѢ МЕЖДУ ОБЩИНАМИ СТ.-ДЕНИСЬ И СТ.-ДЖОРДЖЪ-ВЪ-ВОДЪ.

(Апрѣль, 1824.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (*).

Община Ст.-Денись составляетъ одну изъ прелестнѣйшихъ частей графства, въ которомъ находится. Она плодородна, гѣсиста, обильно орошена и пользуется превосходнымъ воздухомъ. Въ теченіе многихъ поколѣній помѣстье оставалось во владѣніи мужской линіи одного почтеннаго семейства, всегда первенствовавшего надъ своими сосѣдями, какъ на скачкахъ, такъ и въ засѣданіяхъ.

Въ древнія времена дѣлами этой общины управлялъ мѣстный судъ, въ которомъ владѣтели помѣстья засѣдали судьями; пошлины взымались выборными комитетами изъ мѣстныхъ домовладѣльцевъ. Но современемъ эти прекрасные обычаи вышли изъ употребленія. Владѣтели помѣстья, правда, еще созывали сходки, но только для формы; всѣми же дѣлами распоряжались уже исключительно или они сами, или ихъ дворецкіе. Они требовали услугъ, податей и пошлинъ, на которыя не имѣли никакого законнаго права. Нерѣдко даже случалось, что они затѣвали искъ противъ своихъ сосѣдей, въ собственныхъ, частныхъ интересахъ, а издержки относили на счетъ общины. Въ теченіе многихъ лѣтъ никто не возражалъ противъ такихъ дѣйствій, такъ что платежи становились все тягостнѣе и тягостнѣе, а

(*). Вторая часть этой сатиры не появлялась въ печати.—На тѣ изъ лицъ, которыя труднѣе было бы разгадать читателю, мы указываемъ въ своемъ мѣстѣ.

отъ этихъ требованій не былъ изъятъ никто, кромѣ слугъ и лѣсничихъ сквайра, да приходскаго священника, которымъ дозволялось все, даже самое наглое безчинство. Часто забирались они въ хижину честнаго земледѣльца, побдали наготовленные имъ блины, забирали въ карманы его куръ и цыплятъ, а самого бѣдняка-хозяина колотили палками. Если онъ являлся съ жалобою въ барскій домъ, то не легко допускался къ особѣ сэра Люиса; единственный способъ добиться суда состоялъ въ томъ, чтобы задобрить хорошенькую экономку помѣщика, которая дѣлала изъ своего господина все, что хотѣла. Если обиженный отвѣживался беспокоить сквайра, не принявъ этой предосторожности, то трудъ его былъ напрасенъ. Сэръ Люисъ принималъ приходскаго сначала довольно ласково, потому что — сказать правду — онъ, когда хотѣлъ, умѣлъ вести себя истиннымъ джентльменомъ. «Здравствуй, голубчикъ», говорилъ онъ, «какую должность занимаешь ты въ моемъ домѣ?» — «Господь благослови вашу милость», отвѣчаетъ бѣднякъ, «я не служу у вашей милости; у меня на арендѣ маленькій клочекъ земли, ваша милость!» — «Ахъ, ты собака!» вскрикиваетъ помѣщикъ, «какъ же ты смѣлъ сюда явиться? Или ты думаешь, господамъ только и дѣла, что слушать жалобы вашей браться-мужиковъ?.. Эй! Филиппъ, Джэмсъ, Диккъ! Встряхните-ка этого молодца въ одѣяль, или покупайте его, да посадите въ колодки просушиться».

Одинъ изъ этихъ достойныхъ помѣщиковъ отгородилъ у себя паркъ для оленей, и чтобы населить его, отобралъ у своихъ фермеровъ вскормленныхъ ими маленькихъ, ручныхъ оленей, не заплативъ за нихъ ни гроша, не спросивъ даже позволенія хозяевъ. То былъ печальный день для общины Ст.-Денись; чуть ли это жестокая мѣра не взбѣсила бѣдныхъ земледѣльцевъ болѣе, чѣмъ всѣ другія притѣсненія сквайра, его лихоимства и безконечные счета, которые приходилось за него уплачивать.

Однако, не смотря на всѣ эти неудобства, община Ст.-Денись долгое время была весьма пріятнымъ мѣстопребываніемъ. Народъ не могъ удержаться, чтобы не поплясать при первыхъ звукахъ скрипки. И если проявлялась въ немъ склонность къ матажу, сэру Люису стоило только послать за кукольной комедіей или пляшущими собаками, и смуты мгновенно утихали. Но такой порядокъ вещей не могъ держаться вѣчно; народъ сталъ болѣе и болѣе размышлять о своемъ положеніи, и, наконецъ, въ квартирѣ подъ выѣзской «Чорта» образовался клубъ злоязычныхъ негодаевъ, съ цѣлю опозорить помѣщика и священника. Послѣдній, по правдѣ сказать, былъ старъ, лѣнивъ,

до крайности толсты и обжорливъ. Давно уже не слышали отъ него порядочной проповѣди. Помѣщикъ былъ и того хуже, такъ что клубу не трудно было, отчасти справедливыми, отчасти же и ложными обвиненіями, возстановить всю общину противъ начальства. Мальчики измарали церковныя двери карпакатурами на священника и стрѣляли въ помѣщика хлопъшками, когда тотъ выѣзжалъ на охоту. Носились даже глухіе слухи, будто онъ вовсе не имѣеть права на свое помѣстье, и еслибы вынудили его предъавить подлинныя документы на владѣніе имѣніемъ, то оказалось бы, что онъ управляетъ имъ въ качествѣ довѣреннаго отъ жителей общины.

Между тѣмъ, сэръ Люисъ болѣе и болѣе нуждался въ деньгахъ. Община не могла уже платить. Священникъ не хотѣлъ дать ему займы ни гроша. Жиды шумно требовали должныхъ имъ денегъ, такъ что помѣщикъ не видѣлъ другаго средства, какъ созвать жителей общины и просить у нихъ пособія. Тутъ-то всѣ яростно обступили его со своими жалобами и требовали, чтобъ онъ отказался отъ власти, удручающей народъ. Они настаивали на томъ, чтобы онъ впредь содержалъ свою дворню въ повиновеніи и порядкѣ; чтобы священникъ платилъ свою долю податей наравнѣ съ другими; чтобы дѣтямъ ихъ позволено было ловить форель въ рѣкѣ и рвать въ изгородяхъ ежевику. Наконецъ они зашли такъ далеко, что требовали отъ сквайра признанія въ томъ, что онъ владѣеть своимъ имѣніемъ только по довѣренности отъ общины. Крайность заставила его покориться. Они, съ своей стороны, согласились выручить его изъ нужды въ деньгахъ, дозволили ему остаться жить въ усадьбѣ и только изрѣдка надѣлали ему, распѣвая неприличные пѣсни подъ его окнами.

Сосѣдніе дворяне не съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣли на эти продѣлки. Правда, сэръ Люисъ и его предки не разъ досаждали имъ тяжбами, не разъ оскорбляли ихъ на графскихъ съѣздахъ; но все-же сосѣди предпочитали дерзость джентльмена нахальству черни; притомъ, ихъ беспокоила мысль, что примѣръ можетъ заразить и подвластныхъ имъ фермеровъ.

Они, большимъ обществомъ, собрались въ домъ лорда Цезаря Джермина. Во всемъ графствѣ не было человѣка надменнѣе лорда Цезаря. Онъ принадлежалъ къ старинному и славному дому, хотя и не отличавшемуся богатствомъ. Онъ пригласилъ къ себѣ большую часть зажиточныхъ сосѣдей. Въ томъ числѣ была мистрисъ Китти Нортъ, вдова бѣднаго сквайра Питеръ, надъ тѣломъ котораго присяжные слѣдователи объявили, что онъ умеръ скоростѣжно, хотя участь его подала поводъ къ

страннымъ толкамъ въ околodкѣ. Былъ и сквайръ Донъ, владѣлецъ большаго имѣнія въ Вестъ-Индіи, который не былъ уже такъ богатъ, какъ некогда, но не утратилъ прежней свѣси и не измѣнялъ своему обычному великолѣпію, такъ что могъ похвастать изобиліемъ золотой и серебряной посуды, но въ то же время терпѣлъ недостатокъ въ штанахъ. Былъ и сквайръ фонъ-Блундербуссенъ, наслѣдовавшій имѣнія старика-дяди, гусарскаго полковника, Фридриха фонъ-Блундербуссена. Полковникъ былъ чудакомъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро выучивать по страницѣ изъ грамматики Шамбо и переводить Телемака; кромѣ того, онъ держалъ шесть учителей французскаго языка, чтобы они наставили его своему парле-ву. Не смотря на это, онъ былъ умный и тонкій въ дѣлахъ чelовѣкъ и такъ рачительно занимался улучшеніемъ своего имѣнія, иногда честными, а иногда и другими способами, что оставилъ племяннику препорядочное состояніе.

Лордъ Цезарь налилъ мистриссъ Китти стаканъ токайскаго вина: «Пью за ваше здоровье, дорогая сосѣдка. Я никогда не видѣлъ васъ болѣе прелестною. Скажите, какого вы имѣнія о томъ, что происходитъ въ Ст.-Денись?»

«Хорошія вѣсти, нечего сказать!» прибавилъ фонъ-Блундербуссенъ. «Былъ бы мой старикъ-дядя живъ, онъ бы нѣкоторыхъ изъ нихъ исполосовалъ. Ему было извѣстно, на что годятся девятихвостыя кошки. Если дѣла пойдутъ на этотъ ладъ, джентльмену нельзя будетъ отхлестать дерзкаго фермера, ни пошутить съ молочницей.»

«Правда, сэръ, совершенная правда,» сказала мистриссъ Китти:—«дерзость этихъ людей невыносима. Вотъ я, напримеръ,—бѣдная, одинокая женщина! Питера, моего милаго, уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ. А какъ я его любила, какъ любила! Когда онъ скончался, со мною дѣлалась такая истерика — вы представить себѣ не можете! А теперь мнѣ нельзя опереться на руку приличнаго лакея или пройти въ сопровожденіи высокаго гренадера, котораго беру только для защиты отъ наглыхъ бродягъ,—чтобы не подвергнуться гнуснымъ подозрѣніямъ. Противныя твари!»

«Этому нужно положить конецъ», возразилъ лордъ Цезарь. «Намъ слѣдуетъ поддержать моего бѣднаго зятя противъ этихъ негодаевъ. Съ сегодняшней же почтой пишу сквайру Гвельфу объ этомъ предметѣ. Его имя всегда во главѣ всѣхъ подписокъ по нашему графству.»

Если жители общины Ст.-Денись уже прежде были озлоблены, то, узнавъ объ этомъ разговорѣ, чуть не сошли съ ума

отъ бѣшенства. Всѣ гуртомъ ринулись къ барскому дому. Привратникъ сэра Люиса, швейцарецъ, затворилъ было ворота; но они вломились въ нихъ и, за дерзость, убили его. Послѣ того они схватили помѣщика, съ криками толкали его, кидали въ него чѣмъ попало, наконецъ окунули въ воду и потащили въ караульню. Священника выгнали на улицу, сожгли его парикъ и пасторку, а церковные сосуды продали съ аукціона. Они помѣстили за каедрой, въ видѣ проповѣдника, намалеванное изображеніе скверной женщины, соскребли библейскіе стихи, которыми были исписаны стѣны церкви, а на мѣсто этихъ стиховъ нацарапали отрывки изъ свѣтскихъ пѣсень и театральныхъ пьесъ, да разыгрывали на органѣ кабацкіе мотивы. Вѣсто приличнаго вѣчанія въ церкви, они совершали его надъ метлой. Но самую замѣчательною изъ всѣхъ ихъ затѣй было—введеніе новыхъ патентованныхъ стальныхъ капкановъ.

Они были устроены на совершенно новый ладъ. Такой капканъ состоялъ изъ рѣзака, висѣвшаго въ рамѣ, похожей на окно; если какой-нибудь несчастный попадалъ въ капканъ, рѣзакъ падалъ съ ужаснымъ шумомъ и въ мигъ смосилъ бѣднягъ голову. Помѣщика сунули въ одну изъ этихъ машинъ. Чтобы его приверженцы боялись и ногой ступить на землю общины, эти капканы были размѣщены повсюду. Не было возможности ходить по большой дорогѣ, даже среди бѣла дня, не попавъ въ который-нибудь изъ нихъ. Никто не могъ безопасно отправляться по своимъ дѣламъ. Ненависть, которую народъ питалъ къ семейству бывшаго помѣщика, была такъ велика, что нѣкоторымъ честнымъ людямъ, вздумавшимъ просить о замѣнѣ новоизобрѣтенныхъ стальныхъ капкановъ другими, менѣе губительными ловушками, сильно досталось за ихъ доброе сердце.

Между тѣмъ сосѣднее дворянство зачало искъ противъ общины, въ пользу наследника сэра Люиса, и обратилось за помощью къ сквайру Гвельфу.

Каждому извѣстно, что сквайръ Гвельфъ самъ былъ связанъ по рукамъ и ногамъ, какъ ни одинъ джентльменъ во всемъ графствѣ. Поэтому онъ не могъ помочь своимъ сосѣдямъ, но посовѣтовалъ обратиться къ приходской сходкѣ общины Ст.-Джорджъ-въ-водѣ. Съ давнихъ поръ уже тамошніе обыватели питали злобу къ жителямъ противоположнаго берега рѣки, а въ послѣднее время вражду ихъ усилили нѣкоторыя взаимныя обиды.

Въ приходѣ Ст.-Джорджъ жилъ одинъ честный ирландецъ (*).

(*) Боркъ.

общій любимецъ, часто забавлявшій жителей рѣдкостными зрѣлищами, показывавшій дѣтямъ, въ длинныя зимне вечера, волшебный фонарь и запуганный происшествiями въ сосѣдней общинѣ почти до помѣшательства. Нерѣдко, стоя посреди улицы, онъ начиналъ кричать: «Сосѣди, берегитесь этого угла! Ради Бога, подалеже отъ этого столба—около него скрыть капканъ!» Иногда его тревожили страшные сны; тогда онъ вскакивалъ въ глухую ночь, открывалъ окно и вопилъ: «Пожаръ, пожаръ!»— пока не подымался на ноги весь приходъ и не посылали за пожарными трубами. Каедрa въ церкви Ст.-Джорджа, казалось, готова была рухнуть; по-моему, единственной тому причинойъ была чрезмѣрная тучность пастора; но ирландца ничто не могло разувѣрить въ томъ, что тутъ скрывается злой умыселъ жителей Ст.-Дениса, подпилившихъ подпоры, съ цѣлю сломить шею священнику. Однажды нашъ ирландецъ расхаживалъ съ ножомъ въ карманѣ и увѣрялъ всѣхъ попадавшихся ему навстрѣчу, что этотъ ножъ нарочно заостренъ точильщикомъ сосѣдней деревни, чтобы ихъ всѣхъ перерѣзать. Эти безумныя рѣчи сильно дѣйствовали на народъ, тѣмъ болѣе что ихъ поддерживалъ дворецкiй сквайра Гвельфа, самое вліятельное лицо во всей общинѣ. Это былъ человекъ сладкорѣчивый, не терявшій изъ виду своей выгоды; всѣ старухи его обожали за то, что онъ никогда не игралъ въ кегли и не танцевалъ съ молодыми дѣвушками; и въ самомъ дѣлѣ, онъ не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій; только по субботамъ, вечерами, пилъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Гарри, шотландскимъ разнощикомъ. Друзья дворецкаго называли его Дорогимъ Вилліамомъ, а враги Бездонной Ямой (Bottomless Pit).

Однако община Ст.-Денись и тутъ нашла защитниковъ. Въ числѣ ихъ были: Франкъ, самый богатый во всемъ приходѣ фермеръ, прадедъ котораго былъ убитъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, въ ссорѣ, возникшей между общиной и тогдашнимъ помѣщикомъ; весельчакъ Диккъ⁽³⁾, не совсѣмъ чистый на руку и забіяка, но умный и забавный малый; главнымъ же заступникомъ сосѣдей былъ Чарли⁽⁴⁾, трактирщикъ, веселый, толстый и честный дѣтина; оцъ былъ любимцемъ всѣхъ женщинъ, и еслябы не его слабость къ игрѣ въ пристѣнокъ и къ элю, то навѣрное въ околodкѣ не нашлось бы лучшаго малаго.

«Послушайте, ребята», говаривалъ Чарли: «все это прекрасно

³⁾ Шериданъ.

⁴⁾ Чарльзъ Фоксъ.

для мадамъ Нортъ; — не то, чтобы я хотѣлъ невѣжливо отозваться о ней — Боже сохрани! она, голубушка, повѣсила мой портретъ въ лучшей своей комнатѣ! — Итакъ, говорю я, все это прекрасно для нея, для лорда Цезаря, для сквайра Дона, для полковника Фона... но намъ-то съ вами какое тутъ дѣло? Не диво, что господа хотѣтъ притѣснить бѣдныхъ людей. Но странно ожидать, чтобы сами бѣдняки дружно дѣйствовали во вредъ себѣ. Если сентъ-денисцы нападутъ на насъ — тогда дѣло другое: законъ за насъ, и мы съумѣемъ защититься дубинами. Но, судите сами, съ какой стати намъ быть зачинщиками? Когда покойный сэръ Чарльзъ, нашъ прежній помѣщикъ, и священникъ, котораго онъ же предложилъ на мѣсто, вздумали было застрашать приходскую сходку, развѣ мы не отколотили ихъ и не отправились въ диссидентское собраніе слушать проповѣдь Джереміи Рингльтоба? А кто сказалъ хоть слово противъ насъ? Ни сквайръ Донъ, ни жившій въ то время великій сэръ Люисъ, ни Джермины! — Эхъ, братцы, не суйтесь въ чужія дѣла: тяжба даромъ не обходится, и за всѣхъ, повѣрите, придется платить вамъ.

Но народъ требовалъ тяжбы. Онъ безъ умолку кричалъ: «да здравствуетъ сквайръ Гвельфъ! Да здравствуетъ Дорогой Вилліамъ! Долой стальные капканы!» Сквайръ Гвельфъ взялъ къ себѣ въ услуженіе всѣхъ негодаевъ-лакеевъ, носившихъ прежде ливрею сэра Люиса; они откармливались на кухнѣ самыми лакомыми кусками, хотя не принадлежали къ общинѣ и потому не имѣли права на пособіе. Очень многіе, и въ особенности нищіе, роптали на это распоряженіе; но дворецкій придумалъ способъ усмирить ихъ.

Въ приходѣ, уже много лѣтъ, жилъ одинъ старшій джентльменъ, по имени сэръ Габеасъ Корпусъ. Нѣкоторые считали его саксонскаго происхожденія, другіе же — норманскаго; одни утверждали, будто онъ родился послѣ упомянутаго уже нами сэра Чарльза; иные же того мнѣнія, что онъ былъ законный сынъ старушки леди Магны Харты, но что его существованіе долго скрывалось и онъ былъ вытѣсненъ изъ законнаго наслѣдства. Положительно извѣстно только то, что это былъ весьма благотворительный человекъ. Когда захватывали какого-нибудь бѣдняка безъ достаточныхъ, по мнѣнію сэра Габеаса, причинъ, онъ являлся защитникомъ обвиняемаго и бралъ его на поруки. Такимъ образомъ онъ сдѣлался дотогу популяренъ, что — казалось опаснымъ предпринимать противъ него открытыя мѣры.

Поэтому, дворецкій привелъ съ дюжину докторовъ осмѣлительствовать состояніе здоровья сэра Габеаса. Послѣ консуль-

таѣи, они объявили, что здоровье пациента весьма плохо и что ни подъ какимъ видомъ не должно дозволить ему выходить изъ дому въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Опираясь на подобный авторитетъ, приходскіе служители уложили его въ постель, затворили окна и замкнули двери; впрочемъ, они были къ нему очень внимательны и время отъ времени издавали бюллетени о его здоровьѣ. Самъ дворецкій упоминалъ о немъ не иначе, какъ присовокупляя, что лучшаго джентльмена нѣтъ на свѣтѣ; но при всемъ томъ не переставалъ строго наблюдать, чтобы больной не выходилъ.

Удачно устранивъ это препятствіе, сквайръ и дворецкій держали общину въ примѣрномъ порядкѣ: однихъ свѣли, другихъ сажали въ колодки и ускоряли ходъ тяжбы съ благороднымъ презрѣніемъ къ издержкамъ. Но не доставало ли у нихъ умѣнья или счастья, — только ничто не удавалось имъ съ тѣхъ поръ, какъ противники поручили свое дѣло прокурору Напу.

Кому не извѣстенъ, хотя по имени, прокуроръ Напъ? Въ какомъ шиникѣ его поведеніе не служитъ предметомъ споровъ? въ какой картинной лавкѣ не красуется его изображеніе? И, не смотря на это, какъ мало правды во всемъ, чтобъ объ немъ говорилось. Нѣкоторые увѣряютъ, что онъ, для забавы, поилъ своихъ больныхъ писарей цѣлыми пинтами опиума. Другіе же, число которыхъ значительно увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ скончался отъ тюремной лихорадки, видятъ въ немъ образецъ чести и добродушія. Постараюсь сказать о немъ сухую правду.

Онъ, безъ всякаго сомнѣнія, былъ превосходный прокуроръ, даже единственныи въ своемъ родѣ. Какъ только община Ст.-Денисъ поручила ему свое дѣло, оно приняло новый оборотъ; въ самое короткое время пошло успѣшно, и Напъ разбогатѣлъ: Онъ сталъ играть роль совершеннаго джентльмена, завладѣлъ стариннымъ барскимъ домомъ, втерся въ число членовъ мирового комитета и старался поселить мнѣніе, что находится въ дружескихъ отношеніяхъ съ знатнѣйшими семействами графства. Приходскими сходками онъ управлялъ не менѣе деспотически, чѣмъ прежнее помѣщики. Однако, нужно отдать ему должную справедливость, онъ вообще распорядился съ большимъ благоразуміемъ, чѣмъ сэръ Люисъ или смѣнявшіе его матежники. Прислугу свою онъ держалъ въ удовлетворительномъ порядкѣ; убралъ стальные капканы съ большой дороги и со всѣхъ улицъ, оставивъ только весьма немногіе въ болѣе открытыхъ частяхъ своихъ владѣній, и вывѣсилъ доску съ объявленіемъ, что на его земляхъ находятся капканы и ружья съ пружинками. Бѣд-

наго, изгнаннаго пастора онъ возвратилъ въ приходъ, и хотя не далъ ему средствъ жить по-прежнему богато и держать карету, но пристроилъ его въ уютномъ домикѣ и дозволилъ держать добрую верховую лошадку. Онъ заново выбѣлялъ церкви и отдавалъ въ починку колодки, значительно поврежденныя въ послѣднее время частымъ употребленіемъ.

Но сосѣдніе дворяне не любили Напа. Онъ былъ хитрецъ и сутяга. Права для него не существовало, когда представлялся случай къ юридической придиркѣ. Онъ загонялъ ихъ скотъ, ломалъ ихъ плетни, сманивалъ ихъ фермеровъ. Лорда Цезаря онъ почти разорилъ процессами, которые всѣ до одного выигралъ. Фонъ-Блундербуссенъ вздумалъ было тягаться съ нимъ за какое-то нарушение правъ, но проигралъ дѣло и былъ почти разоренъ судебными издержками. Потомъ Напу приглянулось помѣстье сквайра Дона, который, сказать правду, былъ чуть не идиотъ. Напъ пригласилъ его обѣдать и погрозился тѣмъ, что велитъ встряхнуть его въ одѣялѣ, если онъ не передастъ ему своего имѣнія. Бѣдный сквайръ подписалъ и скрѣпилъ своею печатью актъ, по которому помѣстье переводилось на имя Джо, брата Напа, какъ его повѣреннаго и въ его пользу. Но крестьяне воспротивились этой мѣрѣ, упорно утверждая, что имѣніе наследственно по закону, и отказались платить аренду новому владѣльцу; въ этомъ отказѣ ихъ всѣми силами поддерживала община Ст.-Джорджъ.

Около того же времени Напъ вбилъ себѣ въ голову жениться на знатной и не мирился ни на комъ, кромѣ одной изъ миссъ Джерминъ (*). Лордъ Цезарь бѣсился и ругался какъ кавалеристъ; но нечего было дѣлать. Напъ два раза ставилъ экзекуцію въ его главное село и не выводилъ ее до тѣхъ поръ, пока не вынудилъ у лорда Цезаря письменнаго обязательства, которыми тотъ на все соглашался.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

(*) Марія Луиза.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Лордъ Бэконъ	1
Сэръ Вилліамъ Темплъ	126
Гладстонъ.	213
Отрывки изъ Римской повѣсти	274
О королевскомъ литературномъ обществѣ	288
Сцены изъ «Афинскихъ пировъ».	295
Разборъ важнѣйшихъ итальянскихъ писателей:	
Данте	317
Петрарка.	337
Процессъ между общинами Ст.-Денисъ и Ст.-Джорджъ-въ-водѣ.	353

Алфавитный указатель будетъ приложенъ къ слѣдующему тому.

Примѣчанія, означенныя цифрами, принадлежать русскому изданію, буквами— автору, а звѣздочками заимствованы изъ нѣмецкаго и американскихъ изданій Маколея.

МАКОЛЕЙ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ.

ТОМЪ IV.

Первыя три статьи и статья «Гастингсъ» переведены под редакцію г. Резенера, остальные—под редакцію X.

МАКОЛЕЙ.
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ IV.

КРИТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

ИЗДАНІЕ

НИКОЛАЯ ТИВЛЕНА.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 29 Октября, 1862 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И К^о.

ЛОРДЪ КЛАЙВЪ.

(Январь, 1840).

«The Life of Robert Clive; collected from the Family Papers, communicated by the Earl of Powis». By Major-General Sir John Malcolm K. C. B. 3 vol. 8-vo. London. 1836.

«Жизнеописание Роберта Клайва. составленное по семейнымъ бумагамъ, сообщеннымъ графомъ Повисомъ». Соч. сэра Джона Малькольма, генераль-маюра, командора ордена Бани. 3 тома. 8-во. Лондонъ. 1836.

Мы всегда находили страннымъ, что въ то время, какъ исторія испанскихъ владѣній въ Америкѣ подробно извѣстна всѣмъ народамъ Европы, великія дѣянія нашихъ соотечественниковъ на Востокѣ возбуждаютъ мало интереса даже между нами самими. Каждый школьникъ знаетъ, кто заточилъ Монтезуму и кто удавилъ Атагуальпу. Но мы сомнѣваемся, чтобы изъ десяти высоко образованныхъ англичанъ хоть одинъ могъ сказать, кто выигралъ сраженіе при Букоарѣ, кто совершилъ рѣзню въ Патнѣ, царствовалъ ли Сураджа-Даула въ Аудѣ или Траванкорѣ, былъ ли Холкаръ индусъ или мусульманинъ. А между тѣмъ побѣды Кортеса были одержаны надъ дикарями, которые не знали буквъ, не умѣли употреблять металловъ, не приучили ни одно животное къ труду, не имѣли инаго оружіемъ, кромѣ приготовленнаго изъ палокъ, камней и рыбныхъ костей, смотрѣли на всадника какъ на чудовище, вполнину человѣка и вполнину

Маколей, т. 4.

1

звѣря, принимали людей, вооруженныхъ пищалями, за колдуновъ, умѣющихъ метать громъ и молнію небесъ. Населеніе же Индіи, когда мы его покорили, было вдесятеро многочисленнѣе американскаго, поработеннаго испанцами, и почти такъ же высоко образовано, какъ эти побѣдители. Оно построило города, обширнѣйшіе и прелестнѣйшіе, чѣмъ Сарагосса и Толедо, воздвигло зданія, прекраснѣйшія и богатѣйшія, чѣмъ кафедральный соборъ въ Севильѣ. Оно могло указать банкировъ, которые были богаче самыхъ богатыхъ фирмъ Барселоны и Кадикса, вице-королей, которые пышностью далеко превосходили Фердинанда Католика; могло выставить мѣры кавалеріи и длинные обозы артиллеріи, которые изумили бы Великаго Капитана (1). Можно бы было ожидать, что каждый англичанинъ, интересующійся какою-нибудь частью исторіи, полюбопытствуетъ узнать, какъ горсть его соотечественниковъ, отдѣленныхъ отъ своей родины неизмѣримымъ океаномъ, покорила, въ теченіе немногихъ лѣтъ, одну изъ величайшихъ имперій въ мірѣ. Однако, если мы не ошибаемся, предметъ этотъ, для большинства читателей, нетолько лишенъ интереса, но положительно скученъ.

Можетъ быть, частью виноваты въ томъ историки. Книга м-ра Милля (2), хотя несомнѣнно обладаетъ большимъ и рѣдкимъ достоинствомъ, недостаточно оживлена и картинно изложена, чтобы привлекать читающихъ для развлечения. Ормъ, неуступающій ни одному англійскому историку въ слогѣ и силѣ изображенія, подробенъ дотого, что наводитъ скуку. Въ одномъ томѣ онъ посвящаетъ, среднимъ числомъ, событіямъ каждыя сорока-восьми часовъ сжато напечатанную страницу in-4° (3). Вслѣдствіе этого, его разсказъ, хотя онъ въ нашей литературѣ одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ и прекраснѣйшихъ по изложенію, никогда не пользовался большою популярностью и теперь едва ли кѣмъ-либо читается.

(1) ПИЗАРРО.

(2) «*History of British India*» by JAMES MILL.

(3) «*The History of the Military Transactions of the British Nation in Indostan.*»

. Мы боимся, что лежащiе предъ нами томы не сильно привлекутъ читателей, которыхъ оттолкнули отъ предмета Ормъ и Милль. Матерiалы, доставленные въ распоряженiе сэра Джона Маллькольма покойнымъ лордомъ Повисомъ, дѣйствительно, драгоценны. Но мы не можемъ сказать, чтобы они были весьма искусно обработаны. Однако, было бы несправедливо строго судить о сочиненiи, которое, еслибы смерть не воспрепятствовала автору дополнить его и пересмотрѣть, усовершенствовалось бы, вѣроятно, сжатiемъ содержанiя и лучшимъ распредѣленiемъ. Мы болѣе расположены къ исполненiю прiятнаго долга выразить нашу признательность благородному семейству, которому публика обязана столь полезными и любопытными свѣдѣнiями.

Производимое книгою впечатлѣнiе, — если мы даже въ самыхъ широкихъ размѣрахъ примемъ въ соображенiе лицепрiятiе доставившихъ, а равно и обработавшихъ матерiалы, — вообще, сильно возвышаетъ характеръ лорда Клайва. Мы далеко не сочувствуемъ вполне сэру Джону Маллькольму, котораго любовь превосходитъ любовь биографовъ и который видитъ въ дѣйствиxъ своего идола лишь мудрость и справедливость. Но мы, по крайней мѣрѣ, столько же далеки отъ согласiя со строгимъ сужденiемъ м-ра Милля, который, какъ мы думаемъ, выказалъ въ изображенiи Клайва менѣе прозорливости, чѣмъ въ какой-бы то ни было другой части своего прекраснаго сочиненiя. Клайвъ, подобно большей части людей, рожденныхъ съ сильными страстями и подвергавшихся сильнымъ искушенiямъ, виновенъ во многомъ. Но всякiй, кто броситъ нелицеприятный и просвѣщенный взглядъ на все его поприще, долженъ будетъ сознаться, что нашъ островъ, породившiй столько героевъ и государственныхъ людей, едвали когда-либо производилъ челоvѣка, который болѣе Клайва былъ бы истинно великъ на войнѣ и въ совѣтѣ.

Съ XII столѣтiя Клайвы жили въ небольшомъ имѣнiи близъ Маркетъ-Дрейтона въ Шропширѣ. Въ царствованiе Георга I это скромное, но древнее наслѣдство находилось во владѣнiи Ричарда Клайва, который, какъ кажется, былъ челоvѣкъ простой и не одаренный ни большимъ тактомъ, ни способ-

*

ностями. Онъ сдѣлался юристомъ, дѣлилъ свое время между должностными занятіями и развлеченіями мелкаго помѣщика, женился на урожденкѣ Манчестера, по имени Гаскиллъ, и сталъ отцомъ многочисленнаго семейства. Старшій сынъ его, Робертъ, основатель британскаго владычества въ Индіи, родился, въ древнемъ имѣніи своихъ предковъ, 29 сентября 1725 года.

Нѣкоторыя черты характера человѣка рано проявились въ ребенкѣ. Сохранившіяся письма его родственниковъ, писанныя, когда ему было 7 лѣтъ, показываютъ, что уже въ этотъ ранній возрастъ твердая воля и пылкія страсти мальчика, поддерживаемыя врожденною смѣлостью, которая казалась иногда несообразною со здравымъ смысломъ, начинали сильно беспокоить его семейство. «Страсть къ дракамъ, которымъ онъ чрезъ-мѣру предавъ, говоритъ одинъ изъ его дядей, дѣлаетъ нравъ его столь необузданнымъ и повелительнымъ, что при каждомъ пустяшномъ случаѣ онъ не владѣетъ собою.» Старики окрестностей Маркетъ-Дрейтона до сихъ поръ помнятъ, изъ разсказовъ своихъ отцовъ, какъ Бобъ Клайвъ взлѣзъ на высокую колокольню и какъ жители съ ужасомъ увидѣли его сидящимъ на каменномъ водосточномъ желобѣ близъ ея вершины. Разсказываютъ также, какъ онъ образовалъ изъ всѣхъ лѣнтяевъ-мальчишекъ города родъ разбойничей шайки и принудилъ лавочниковъ платить ему подать яблоками и полупенсами, за обезпеченіе цѣлости ихъ оконъ. Его посылали изъ одной школы въ другую; но онъ дѣлалъ весьма мало успѣховъ въ наукахъ и вездѣ прибрѣталъ репутацію нестерпимаго шалуна. Одинъ только изъ его наставниковъ имѣлъ, говорятъ, достаточно проникательности, чтобы предсказать, что этотъ лѣнтяй будетъ современемъ играть важную роль въ свѣтѣ. Общее же мнѣніе, какъ кажется, было, что бѣднѣйшій Робертъ дуракъ, если не отъявленный негодай. Семейство Клайва не ожидало добра отъ такихъ плохихъ способностей и столь упрямаго нрава, и потому неудивительно, что когда Роберту минуло 17 лѣтъ, оно съ удовольствіемъ приняло для него мѣсто писца въ службѣ Остъ-Индской компаніи и отправило молодаго человѣка въ Мадрасъ составить карьеру или умереть отъ лихорадки.

Ожиданія Клайва были далеки отъ ожиданій тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ ость-индское училище отправляетъ теперь ежегодно въ президентства англійскихъ владѣній въ Азін. Компания была въ это время чисто торговою корпораціею. Ея владѣнія состояли изъ небольшого числа квадратныхъ миль, за которыя платилась ежегодная подать туземнымъ правительствамъ. Ея войска едвали были достаточны для защиты батарей трехъ или четырехъ плохо-построенныхъ фортовъ, имѣвшихъ назначеніе охранять складочные амбары. Туземцы, составлявшіе значительную часть этихъ малыхъ гарнизоновъ, еще не были приучены къ европейской дисциплинѣ и были вооружены частью мечами и щитами, частью луками и стрѣлами. Обязанности служащихъ въ компаніи не состояли, какъ теперь, въ управленіи судопроизводствомъ, финансами и дипломатическими сношеніями огромной страны, а только въ полученіи уплатъ, въ выдачѣ задатковъ ткачамъ, въ нагрузкѣ кораблей и, преимущественно, въ строгомъ наблюденіи за частными торговцами, которые посмѣли бы нарушить монополію компаніи. Младшіе конторщики получали столь ничтожное содержаніе, что почти не могли существовать, не дѣлая долговъ; старшіе обогащались, торгуя на собственный счетъ,—и тѣ, которымъ удавалось дожить до высшихъ должностей, часто накопляли значительныя богатства.

Мадрасъ, куда назначили Клайва, былъ въ то время едвали не самымъ значительнымъ поселеніемъ компаніи. Въ предшествовавшее столѣтіе былъ воздвигнутъ на безплодномъ берегу, о который яростно разбивались морскія волны, фортъ Ст. Джоржъ, и въ сосѣдствѣ его выросъ городъ, населенный тысячами туземцевъ,—выросъ, какъ города обыкновенно вырастаютъ на Востокѣ, съ быстротою тыквы пророка (4). Въ окрестностяхъ города появилось много бѣленькихъ виллъ, окруженныхъ садами, куда богатые агенты компаніи удалялись по окончаніи занятій въ конторахъ и магазинахъ, чтобы насладиться прохладой, которая, при закатѣ солнца, вѣетъ съ Бенгальскаго залива. Въ своихъ

(4) Иона, IV, 5—11.

привычкахъ эти меркантильные вельможи были, кажется, расточительнѣе, преданнѣе роскоши и чванливѣе наследовавшихъ имъ чиновниковъ, занимавшихъ высокія судебныя и политическія должности. Но комфорта они искали гораздо менѣе. Многія средства, служащія въ настоящее время европейцамъ къ огражденію себя отъ зноя этого климата, къ сохраненію здоровья и продленію жизни, были тогда неизвѣстны. Сообщеній съ Европою было гораздо менѣе, нежели въ настоящее время. Путешествіе вокругъ мыса Доброй Надежды, которое въ наше время бывало часто совершаемо въ 3 мѣсяца, оканчивалось тогда весьма рѣдко въ 6, а иногда длилось болѣе года. Вслѣдствіе этого, тогдашній англо-индіецъ былъ гораздо болѣе чуждъ своей родинѣ, гораздо болѣе преданъ восточнымъ привычкамъ и гораздо менѣе способенъ, вернувшись въ Европу, вновь вступить въ ея общество, нежели англо-индіецъ настоящаго времени.

Внутри форта и въ его округѣ губернаторы-англичане пользовались, съ разрѣшенія туземныхъ правителей, обширною властью, равною той, какую каждый значительный индійскій землевладѣлецъ имѣлъ въ своихъ помѣстьяхъ; но ни одинъ изъ губернаторовъ не мечталъ о независимости. Окрестною странюю управлялъ карнатикскій набобъ, намѣстникъ вице-короля деканскаго, обыкновенно называемаго низамомъ, который, въ свою очередь, былъ только намѣстникомъ могущественнаго государя, извѣстнаго нашимъ предкамъ подъ именемъ великаго могола. Имена эти, нѣкогда столь священныя и грозныя, сохранились до настоящаго времени. До сихъ поръ есть набобъ Карнатика, живущій пенсією, выдаваемою ему компанією изъ доходовъ страны, которая нѣкогда управлялась его предками. Есть и низамъ, столица котораго содержится въ страхѣ лагеремъ англійскихъ войскъ; англійскій резидентъ даетъ низаму, подъ именемъ совѣтовъ, приказанія, ослушаться которыхъ нельзя. Существуетъ и великій моголъ, которому позволено забавляться представленіями ко двору и принятіемъ прошеній, но который обладаетъ меньшею властью оказать помощь или повредить, чѣмъ младшій изъ гражданскихъ чиновниковъ компаніи.

Путешествіе Клайва продолжалось всобыкновенно долго даже

и для того времени; корабль, на которомъ онъ плылъ, останавливался на нѣсколько мѣсяцевъ въ Бразиліи, гдѣ молодой искатель приключеній приобрѣлъ нѣкоторыя познанія въ португальскомъ языкѣ и издержалъ всѣ свои карманные деньги. Онъ прибылъ въ Индію болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ отъѣзда изъ Англіи. Положеніе его въ Мадрасѣ было самое тяжелое: деньги были истрачены, а жалованье было незначительное. Онъ вошелъ въ долги, жилъ въ скверной квартирѣ, что составляетъ не малое бѣдствіе въ климатѣ, который можетъ быть сноснымъ для европейца только при помощи обширной и хорошо расположенной квартиры. Клайвъ имѣлъ рекомендательныя письма къ одному господину, который могъ бы оказать ему помощь; но по прибытіи въ фортъ Ст. Джоржъ, Клайвъ узналъ, что это лицо отправилось въ Англію. Необщительный и гордый нравъ не позволилъ ему завести знакомства, и нѣсколько мѣсяцевъ прошло со времени прибытія Клайва въ Индію, прежде нежели онъ познакомился хотя съ однимъ семействомъ. Климатъ вредно подѣйствовалъ на его здоровье и расположеніе духа. Обязанности Клайва мало соответствовали его смѣлому и пылкому нраву. Онъ тосковалъ по родинѣ, и въ письмахъ къ роднымъ чувства его выражены съ большею нѣжностью и грустью, нежели какой можно было ожидать отъ своеволія его ребяческихъ лѣтъ или отъ непоколебимой суровости позднѣйшихъ. — «Съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ мою родину, писалъ онъ, я не провелъ ни одного счастливаго дня»; и въ другомъ мѣстѣ: «я долженъ признаться, что иногда мысль о дорогой родной Англіи трогаетъ меня совершенно особеннымъ образомъ.... Если-бы я былъ столь счастливъ, что посѣтилъ бы мою родину, и особенно Манчестеръ, центръ всѣхъ молхъ мечтаній, то предомноу разомъ предстало бы все, чего я могу надѣяться или желать».

Онъ нашелъ, впрочемъ, прекрасное утѣшеніе. Губернаторъ имѣлъ хорошую бібліотеку и позволилъ Клайву пользоваться ею. Молодой челоуѣкъ посвящалъ много свободнаго времени чтенію и приобрѣлъ въ это время почти все то книжное знаніе, которымъ онъ когда-либо обладалъ. Мальчиномъ онъ былъ слиш-

комъ лѣнивъ, чтобы заняться литературой, а возмужавъ, былъ скоро обремененъ другою работою.

Но ни климатъ, ни бѣдность, ни занятія, ни тоска изгнанника по родинѣ не могли смирить отчаянную смѣлость его нрава. Относительно своихъ начальниковъ онъ велъ себя точно такъ же, какъ нѣкогда относительно своихъ наставниковъ, и нѣсколько разъ подвергался опасности потерять мѣсто. Живя въ зданіи, предназначенномъ для писцовъ, онъ два раза пытался лишить себя жизни, и оба раза пистолетъ, направленный въ его голову, осѣкался. Этотъ случай произвелъ на Клайва, какъ рассказываютъ, то же впечатлѣніе, какое произвело подобное же спасеніе отъ смерти на Валленштейна; убѣдившись, что пистолетъ былъ хорошо заряженъ, Клайвъ воскликнулъ, что, конечно, онъ предназначенъ для чего-нибудь великаго.

Въ это время одно происшествіе, которое, какъ казалось съ перваго взгляда, должно было разрушить всѣ его надежды, открыло передъ нимъ новый путь къ отличію. Европу уже нѣсколько лѣтъ раздирала война за австрійское наслѣдство. Георгъ II былъ вѣрнымъ союзникомъ Маріи Терезіи. Бурбоны держались противной стороны. Хотя Англія была и тогда первою морскою державою, но она не обладала еще, какъ впоследствии, превосходствомъ надъ совокупными морскими силами всѣхъ народовъ міра, и ей было трудно бороться съ соединенными флотами Франціи и Испаніи. Въ восточныхъ моряхъ Франція одержала верхъ. Лабурдонне, губернаторъ острова Маврикія, человекъ высокихъ способностей и нравственности, предпринялъ экспедицію на континентъ Индіи; несмотря на сопротивление англійскаго флота, онъ сдѣлалъ высадку, собралъ армію, явился передъ Мадрасомъ и принудилъ городъ и фортъ сдаться на капитуляцію. Ключи были выданы; французское знамя выставлено на фортѣ Ст. Джоржъ, и все, что находилось въ магазинахъ компаніи, захвачено, въ видѣ военной добычи, побѣдителями. Условіями капитуляціи было опредѣлено, что англичане, жители города, будутъ считаться военноплѣнными на-слово и что городъ останется въ рукахъ французовъ до выкупа. Лабурдонне

далъ честное слово, что выкупная сумма, которую потребуютъ, будетъ умѣренная.

Но успѣхи Лавурдонне возбудили зависть его соотечественника Дюпле, губернатора Пондишери. Сверхъ того, Дюпле обдумывалъ уже гигантскіе замыслы, съ которыми отдача Мадраса англичанамъ была совершенно несовмѣстна. Онъ объявилъ, что Лавурдонне зашелъ за предѣлы своей власти, что завоеванія, сдѣланныя французскимъ оружіемъ на континентѣ Индіи, находятся въ распоряженіи одного только губернатора Пондишери и что Мадрасъ долженъ быть срытъ до основанія. Лавурдонне былъ принужденъ уступить. Гнѣвъ, возбужденный въ англичанахъ нарушеніемъ капитуляціи, былъ еще увеличенъ невеликодушнымъ обращеніемъ Дюпле съ главными должностными лицами компаніи. Губернаторъ и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ жителей форта Ст. Джоржъ были подъ стражею доставлены въ Пондишери и проведены, въ триумфальной процессіи, черезъ весь городъ, передъ 50,000 зрителей. Основательно было думать, что столь грубое нарушеніе общественнаго довѣрія освобождало жителей Мадраса отъ обязательства, даннаго Лавурдонне. Клайвъ, ночью, въ одеждѣ мусульманина, бѣжалъ и нашелъ убѣжище въ фортѣ Ст. Давидъ, одномъ изъ малыхъ англійскихъ поселеній, подчиненныхъ Мадрасу.

Обстоятельства, въ которыя онъ былъ теперь поставленъ, естественнымъ образомъ повели его къ избранію занятія болѣе соотвѣтствовавшаго его безпокойному и смѣлому нраву, нежели досмотръ товаровъ и веденіе счетовъ. Онъ просилъ и получилъ званіе прапорщика въ службѣ компаніи и на двадцать второмъ году вступилъ на военное поприще. Личная храбрость, которую онъ выказалъ, бывши еще писцомъ, отчаяннымъ поединкомъ съ однимъ военнымъ сорванцомъ, нагонявшимъ ужасъ на жителей форта Ст. Давида, быстро дала ему видное мѣсто между сотнями храбрецовъ. На новомъ поприщѣ онъ скоро проявилъ качества, которыя до того времени не были въ немъ замѣтны: разсудительность, проныцательность и уваженіе къ законной власти; онъ отличился во многихъ экспедиціяхъ противъ французовъ и привлекъ на себя особенное вниманіе маіора Логенса,

почитавшагося тогда способѣйшимъ изъ англійскихъ офицеровъ въ Индіи.

Клайвъ успѣлъ пробить въ арміи только нѣсколько мѣсяцевъ, когда пришло извѣстіе о заключеніи мира между Англіею и Франціею. Дюпле былъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ возвратити Мадрасъ англійской компаніи, и молодой прапорщикъ могъ приняться за свои прежнія занятія. Онъ, дѣйствительно, на короткое время вернулся къ конторскимъ дѣламъ, но долженъ былъ опять оставить ихъ, чтобы помочь майору Лоуенсу въ мелкихъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ туземцевъ, и потомъ снова вернулся въ контору. Пока онъ колебался такимъ образомъ между военнымъ и коммерческимъ поприщами, обстоятельства рѣшили его выборъ. Политическія дѣла Индіи приняли новый видъ. Правительства Англіи и Франціи были въ мирѣ; но между англійской и французской торговыми компаніями на Востокѣ возгорѣлась полная событий и важна по послѣдствіямъ война, призомъ которой было великолѣпное наслѣдіе дома Тамерлана.

Имперія, основанная Баберомъ ⁽⁵⁾ и его моголами въ XVI-мъ столѣтіи, была долго одною изъ самыхъ обширныхъ и богатыхъ въ мирѣ. Нигдѣ въ Европѣ не было такого огромнаго народонаселенія, подвластнаго одному монарху, и такихъ огромныхъ поступавшихъ въ казну доходовъ. Красота и великолѣпіе зданій, воздвигнутыхъ властителями Индустана, удивляли даже путешественниковъ, видѣвшихъ соборъ св. Петра. Безчисленныя свиты и роскошныя украшенія, окружавшія делійскій престолъ, ослѣпляли даже глазъ, привыкшій къ великолѣпію Версаля. Нѣкоторые изъ значительнѣйшихъ вице-королей, управлявшихъ именемъ великаго могола, властвовали надъ столькими же подданными, какъ король французскій или императоръ германскій. Даже намѣстники этихъ намѣстниковъ могли бы соперничать, въ обширности владѣній и количествѣ дохода, съ великимъ герцогомъ тосканскимъ или курфирстомъ саксонскимъ.

⁽⁵⁾ Бейъ Омаръ Шейхъ (Султанъ Сегиръ Эдинъ Магометь Баберь или Бабуръ) былъ потомокъ Тамерлана, основатель имперіи великаго могола и родоначальникъ Бабуридовъ (1483—1530).

Почти не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что эта громадная имперія, не смотря на поражающія поверхностный взглядъ могущество и благоденствіе, была управляема, даже въ счастливѣйшее время своего существованія, гораздо хуже, нежели самое разстроенное изъ современныхъ намъ государствъ европейскихъ. Администрація ея была запятана всѣми пороками, нераздѣльными съ восточнымъ деспотизмомъ и господствомъ одного племени надъ другимъ. Столкновения противорѣчивыхъ притязаній членовъ королевскаго дома вели за собою длинный рядъ злодѣяній и общественныхъ бѣдствій. Честолюбивые намѣстники государя стремились иногда къ независимости. Свирѣпныя племена индусовъ, неохотно подчинявшіяся чужому игу, часто отказывали въ данн, отражали арміи правительства отъ горныхъ твердынь и дѣлали военные набѣги на обработанныя равнины. Не смотря, впрочемъ, на много постоянныхъ недостатковъ въ управленіи, несмотря на случайные перевороты, потрясавшіе весь организмъ общества, эта обширная монархія, вообще, сохраняла, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, ви́шній видъ единства, величія и энергіи. Но во время всего длиннаго правленія Ауренгзеба имперія, несмотря на всю силу характера и искусство этого государя, стремилась къ упадку. Послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1707 году, паденіе было страшно быстро. Сильные удары извнѣ дѣйствовали совокупно съ быстро усиливавшимся неисцѣлимимъ внутреннимъ разстройствомъ, и въ нѣсколько лѣтъ имперія подверглась совершенному разложенію.

Исторія наслѣдниковъ Феодосія представляетъ большое сходство съ исторіею преемниковъ Ауренгзеба. Но паденіе Карловинговъ представляетъ, можетъ быть, самую близкую паралель съ паденіемъ моголовъ. Едва Карлъ Великій сошелъ въ могилу, какъ уже его преемники, своею глупостью и спорами, начали навлекать на себя общее презрѣніе и подвергать гибели своихъ подданныхъ. Обширныя владѣнія франковъ были раздроблены на тысячи частей. Презрѣннымъ наслѣдникамъ славнаго имени, Карлу Лысому, Карлу Толстому и Карлу Простому, не осталось ничего, кромѣ номинальнаго достоинства. Свирѣпые хищники, отличавшіеся другъ отъ друга проше-

хожденіемъ, языкомъ и религіею, стекались, какъ-бы условившись между собою, съ отдаленнѣйшихъ краевъ земли, для грабежа провинцій, которыхъ правительство уже не могло защищать. Пираты Сѣвернаго моря распространили свои опустошенія отъ Эльбы до Пиренеевъ и, наконецъ, утвердились въ богатой долинѣ Сены. Венгры, въ которыхъ трепетавшіе монахи видѣли Гога и Магога пророчества, увлекали въ глубь паннонскихъ лѣсовъ добычу, награбленную въ городахъ Ломбардіи. Сарацены управляли Сициліею, раззорали плодоносныя равнины Кампаніи и распространяли ужасъ до самыхъ стѣнъ Рима. Среди этихъ страданій, въ имперіи произошла великая внутренняя перемѣна. Могильное разложеніе начало порождать новыя формы жизни. Въ то время, какъ весь организмъ, какъ одно цѣлое, находился въ состояніи оцѣпенѣнія и безсилія, каждый отдѣльный членъ начиналъ проявлять чувствительность и двигаться собственною силой. Именно въ это самое глухое и безотрадное время европейской исторіи появляются всѣ феодальныя привилегіи, все феодальное дворянство. Отсюда начинаются слѣды власти тѣхъ князей, по имени вассаловъ, но въ сущности независимыхъ, которые, съ титулами герцоговъ, маркизовъ и графовъ, долгое время управляли почти всеми частями владѣній, нѣкогда подвластныхъ Карлу Великому.

Такова же или почти такова была перемѣна, происшедшая въ имперіи могола въ теченіе 40 лѣтъ, слѣдовавшихъ за смертію Ауренгзеба. Рядъ номинальныхъ государей, погруженныхъ въ лѣнь и развратъ, безопасно проводилъ жизнь въ замкнутыхъ дворцахъ, жуя бетель, лаская наложницъ и слушая шутовъ. Сквозь западные горные проходы спускались полчища свирѣпыхъ грабителей, поживиться незащищаемыми богатствами Индустана. Персидскій шахъ переправился черезъ Индъ, прошелъ сквозь ворота Дели и съ триумфомъ унесъ тѣ сокровища, великолѣпію которыхъ удивлялись Ро и Бернье: павлиній тронъ, на которомъ лучшія драгоценности Голконды были расположены искуснѣйшими руками европейцевъ, и неопѣнную Гору Свѣта, которая, послѣ многихъ странныхъ приключеній, блистала послѣднее время въ браслетѣ Ренджитъ-Синга, а теперь назначена

украшать безобразный истуканъ Ориссы. За персіанами, чтобы докончить начатое ими дѣло раззоренія, слѣдовали авганы. Воинственные роды Раджпутаны свергли мусульманское иго. Отрядъ наемныхъ воиновъ занялъ Рогилькондъ. Шейхи господствовали на Индѣ. Джауты распространили ужасъ вдоль Джумны, а гористыя страны, окаймляющія западный берегъ Индустана, выслали еще болѣе опасное племя, долгое время бывшее ужасомъ всякой туземной власти, племя, которое только послѣ многихъ отчаянныхъ и нерѣшительныхъ битвъ уступило счастью и гению Англіи. Эти дикіе хищники впервые спустились со своихъ горъ въ правленіе Ауренгзеба, а вскорѣ послѣ его смерти каждый уголокъ его обширнаго государства трепеталъ могущественнаго имени мараттовъ. Много плодоносныхъ вицекоролевствъ было покорено ими. Владѣнія мараттовъ простирались поперегъ полуострова отъ моря до моря; предводители ихъ царствовали въ Пунѣ, въ Гваліорѣ, въ Гузератѣ, въ Берарѣ и въ Танджорѣ. Но сдѣлавшись сильными государями, они не переставали грабить, а сохранили разбойничьи привычки своихъ предковъ. Каждая неподвластная имъ страна была подвержена ихъ набѣгамъ. Едва раздавался звукъ ихъ котловидныхъ барабановъ, крестьянинъ закидывалъ на плечо мѣшокъ съ рисомъ, скрывалъ въ поясѣ кое-какія сбереженные деньги и бѣжалъ съ женою и дѣтьми въ горы или заросли, въ болѣе сносное сосѣдство гіены и тигра. Многія провинціи откупали свои жатвы цѣною ежегодной подати. Даже жалкій призракъ, все еще носившій титулъ императора, унизился до платежа этой постыдной дани. Бивачные огни одного изъ предводителей этихъ хищниковъ можно было видѣть съ вершины стѣнъ дельйскаго дворца. Другой, во главѣ безчисленной конницы, ежегодно спускался на рисовыя поля Бенгала. Даже европейскіе купцы трепетали за свои магазины, и сто лѣтъ тому назадъ признано было необходимымъ укрѣпить Калькутту противу берарскихъ всадниковъ; названіе мараттскаго рва хранить до настоящаго времени воспоминаніе о минувшей опасности.

Тамъ, гдѣ вицекороли, поставленные великимъ моголомъ, сохранили власть, они сдѣлались независимыми. На словахъ они

все-еще признавали господство дома Тамерлана, такъ же, какъ графъ фландрскій или герцогъ бургундскій признавали власть какого-нибудь самаго отъявленнаго глупца изъ послѣднихъ Карловинговъ. Случалось, что они посылали своему номинальному государю подарокъ или просили его о какомъ-нибудь почетномъ титулѣ; но въ сущности это были уже не намѣстники, которыхъ можно было смѣнять по произволу, а независимые наследственные владѣтели. Такимъ образомъ возникли тѣ могущественные мусульманскіе роды, которые въ прежнее время управляли Бенгаломъ и Карнатикомъ и которые до настоящаго времени, хотя и въ состояніи вассальства, однако пользуются нѣкоторыми правами верховныхъ властителей въ Локнау и Гайдерабадѣ.

Къ чему могъ привести этотъ беспорядокъ? Должна ли была борьба продолжаться цѣлые вѣка или кончиться образованіемъ новой великой имперіи? Мусульманину ли или маратту предстояло владычествовать въ Индіи? Не новый ли Баверъ долженъ былъ спуститься съ горъ и вести смѣлыя племена Кабула и Хорасана противъ богатаго и менѣе воинственнаго племени? Ни одно изъ этихъ предположеній не казалось невѣроятнымъ. Но самый проницательный человѣкъ едва ли могъ подумать, чтобы торговая компанія, отдѣленная отъ Индіи 15,000 миль моря и владѣвшая въ ней, для коммерческихъ цѣлей, только нѣсколькими акрами земли, могла, менѣе чѣмъ въ 100 лѣтъ, распространить свое владычество отъ мыса Коморина до вѣчныхъ снѣговъ Гималаевъ; могла принудить мараттовъ и магометанъ забыть взаимную вражду въ общемъ подданствѣ; могла укротить даже тѣ дикія племена, которыя сопротивлялись самымъ могущественнымъ изъ моголовъ, и, соединивъ подъ своимъ скипетромъ сотню миллионовъ подданныхъ, перенести свое побѣдоносное оружіе далеко на востокъ отъ Брамапутра и далеко на западъ отъ Гидаспа. Кто бы подумалъ, что эта компанія будетъ предписывать условія мира у воротъ Авы и посадитъ своего вассала на престолъ Кандагара!

Первый, кто понялъ возможность воздвигнуть европейское государство на развалинахъ монархіи могола, былъ Дюпле. Его обшир-

ный, беспокойный, изобрѣтательный умъ замыслилъ это предпріятіе въ такое время, когда самые способные слуги англійской компаніи были единственно заняты фактурами и накладными. Онъ не только назначилъ себѣ цѣль дѣйствій. Онъ имѣлъ ясный и вѣрный взглядъ на средства для ея достиженія. Онъ хорошо понималъ, что даже самыя большія арміи, которыя властители Индіи могли вывести въ поле, не могли бороться съ малымъ отрядомъ людей, приученныхъ къ дисциплинѣ и руководимыхъ тактикою Запада. Онъ понималъ также, что изъ туземцевъ Индіи могутъ быть, подъ начальствомъ европейцевъ, образованы арміи, командовать которыми гордились бы Морицъ Саксонскій и Фридрихъ Веклий. Онъ очень хорошо сознавалъ, что для европейскаго искателя приключеній самое удобное и легкое средство приобрести власть въ Индіи—было управлять движеніями и говорить устами какой-нибудь блестящей куклы, почтовой титуломъ набоба или низама. Тотъ родъ войны и политики, которыя, спустя нѣсколько лѣтъ, съ такимъ успѣхомъ служили англичанамъ, были въ первый разъ поняты и употреблены искуснымъ и предпримчивымъ французомъ.

Положеніе Индіи было таково, что для всякаго нападенія можно было найти предлогъ или въ старинныхъ законахъ, или въ новѣйшихъ обычаяхъ. Всѣ права находились въ состояніи совершенной неопредѣленности, и европейцы, принимавшіе участіе въ спорахъ туземцевъ, еще увеличивали путаницу, прилагая къ азіатскимъ политическимъ дѣламъ общественные законы Запада и сравненія съ феодальною системою. Если было выгодно обращаться съ набобомъ, какъ съ независимымъ государемъ, то было къ тому совершенно достаточное основаніе: онъ въ сущности былъ независимъ. Если было выгодно обращаться съ нимъ какъ съ простымъ намѣстникомъ дельйскаго двора, то и въ этомъ не было затрудненія: онъ былъ имъ въ теоріи. Если оказывалось удобнѣе смотрѣть на его званіе какъ на наследственное, или только какъ на пожизненное, или какъ на вполне зависящее отъ произвола великаго могола, то доказательства и прецеденты могли быть приведены въ пользу каждаго изъ этихъ воззрѣній. Партія, имѣвшая въ своихъ рукахъ наследника Бл-

вера, представляла его какъ несомнѣннаго, законнаго и неограниченнаго владѣтеля, повелѣніямъ котораго всѣ подчиненныя власти должны были повиноваться. Партія, противъ которой употреблялось его имя, не встрѣчала недостатка въ доказательствахъ, что имперія de facto распалась и что, хотя и было прилично оказывать моголу должное уваженіе, какъ почетному останку миновавшагося порядка вещей, однако было бы безразсудно смотрѣть на него какъ на настоящаго властителя Индустана.

Въ 1748 году умеръ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ между новыми властителями Индіи великій низамъ Аль-Молькъ, вицекороль Декана. Его власть перешла къ его сыну Назиръ-Джонгу. Изъ провинцій, подчиненныхъ этому высокому сановнику, Карнатикъ была самая богатая и обширная. Ею управлялъ старый набобъ, имя котораго англичане передѣляли въ Анаверди-Ханъ.

Но были претенденты на управленіе какъ вицекоролевствомъ, такъ и подчиненной ему провинціей. Мирза-Фал-Джонгъ, внукъ низама Аль-Молька, явился соперникомъ Назиръ-Джонга; Чонда-Сливу, зять одного изъ прежнихъ набобовъ Карнатика, оспаривалъ права Анаверди-Хана. При неопредѣленности индійскихъ законовъ легко было и Мирза-Фал-Джонгу, и Чонда-Сливу представить нѣчто похожее на дѣйствительное право. Въ обществѣ, совершенно разстроенномъ, имъ было нетрудно найти алчныхъ удайцовъ, готовыхъ стать подъ ихъ знамена. Претенденты соединились, вторглись въ Карнатикъ и обратились съ просьбою о помощи къ французамъ, слава которыхъ возросла вслѣдствіе ихъ успѣховъ въ недавнюю войну съ англичанами на Коромандельскомъ берегу.

Для хитраго и честолюбиваго Дюпле ни что не могло быть пріятнѣе. Создать набоба Карнатика, создать вице-короля Декана, управлять подъ ихъ именами всѣмъ югомъ Индіи—было дѣйствительно привлекательною перспективой. Дюпле вступилъ въ союзъ съ претендентами и послалъ имъ на помощь 400 французскихъ солдатъ и 2000 сипаевъ, обученныхъ на европейскій ладъ. Дано было сраженіе; французы покрыли себя славою;

Анаверди-Ханъ былъ разбитъ и погибъ во время битвы. Сынъ его, Магометъ-Али, извѣстный впоследствии въ Англіи подъ именемъ набоба Аркотскаго и обязанный краснорѣчію Борка весьма незавиднымъ безсмертіемъ, бѣжалъ съ малыми остатками своей арміи въ Тричиннополи, и побѣдители разомъ овладѣли почти всѣмъ Карнатикомъ.

Это было началомъ величія Дюпле. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ битвъ, переговоровъ и интригъ, его искусство и счастье, казалось, вездѣ одержали верхъ. Назиръ-Джонгъ погибъ отъ рукъ своихъ же товарищей. Мирзала-Джонгъ сдѣлался властителемъ Декана, и побѣда французскаго оружія и политики была полная. Въ Пондишери все радовалось и торжествовало: съ батарей раздавалась пушечная пальба, въ церквахъ пѣли *Te Deum*. Новый низамъ прибылъ, для посѣщенія своихъ союзниковъ, въ Пондишери, гдѣ церемонія его утвержденія въ санѣ была совершена съ большимъ торжествомъ. Дюпле, въ одеждѣ знатнаго магометанина, вступилъ въ городъ въ одномъ паланкинѣ съ низамомъ и въ послѣдовавшемъ торжествѣ первенствовалъ передъ всѣмъ дворомъ. Онъ былъ объявленъ губернаторомъ Индіи отъ рѣки Кристины до мыса Коморина, страны, по величинѣ почти равной Франціи, а предоставленная ему власть превышала даже власть Чонда-Слива. Дюпле было довѣрено командованіе 7-ю тысячами кавалеріи; было объявлено, что въ цѣломъ Карнатикѣ не будетъ терпимъ монетный дворъ, за исключеніемъ пондишерійскаго. Значительная часть сокровищъ, собранныхъ прежними вице-королями Декана, перешла въ сундуки французскаго губернатора. Носились слухи, что онъ получилъ двѣсти тысячъ фунтовъ стерлинговъ деньгами, не считая многихъ драгоценностей. Въ самомъ дѣлѣ, едвали могъ быть означенъ предѣлъ его приобрѣтеній. Онъ управлялъ тридцатью милліонами людей почти съ неограниченною властью. Никакая почесть, никакая денежная награда не могли быть получены иначе, какъ чрезъ его посредство; ни одно прошеніе, не подписанное имъ, не было прочитываемо низамомъ.

Мирзала-Джонгъ пережилъ свое возвышеніе только немногими мѣсяцами. Но другой князь изъ того же дома былъ воз-

веденъ на престолъ французскимъ вліаніемъ и подтвердилъ всѣ обѣщанія своего предшественника. Дюпле сдѣлался величайшимъ изъ владѣтелей Индіи. Его соотечественники хвастались тѣмъ, что имя его произносилось съ трепетомъ даже въ дельійскомъ дворцѣ. Туземное народонаселеніе съ удивленіемъ смотрѣло на успѣхъ, съ которымъ распространилось въ Азіи въ короткій четырехъ-лѣтній срокъ владычество европейскаго искателя приключеній. При томъ, тщеславный французъ не довольствовался сущностью власти. Онъ любилъ съ надменнымъ хвастовствомъ выказывать ее передъ своими подданными и соперниками. Близъ того мѣста, гдѣ его политика достигла высшаго торжества сверженіемъ Назиръ-Джонга и возвышеніемъ Мирз афы, онъ рѣшился воздвигнуть колонну, на 4-хъ сторонахъ которой громкія надписи на 4-хъ языкахъ провозглашали его побѣду всѣмъ народамъ Востока. Медали, съ вычеканенными на нихъ изображеніями его успѣховъ, были положены подъ фундаментъ великолѣпнаго столба, и вокругъ него выросъ городъ, носившій надменное названіе Дюпле-Фатигабада, что значитъ въ переводѣ городъ побѣды Дюпле.

Англичане сдѣлали нѣсколько слабыхъ и нерѣшительныхъ попытокъ остановить блестящіе успѣхи соперничествовавшей компаніи и продолжали признавать Магомета-Али набобомъ Карнатика. Но владѣнія Магомета-Али состояли изъ одного Тричиніополи; да и Тричиніополи былъ теперь осажденъ Чондаслибомъ и его французскими союзниками. Заставить снять осаду казалось невозможнымъ. Небольшія военныя силы, бывшія тогда въ Мадрасѣ, не имѣли предводителя: майоръ Лоренсъ вернулся въ Англію, и въ поселеніи не оставалось ни одного офицера съ установившеюся репутаціею. Туземцы привыкли смотрѣть съ презрѣніемъ на великую націю, которая должна была въ скоромъ времени покорить ихъ и управлять ими. Они видѣли французское знамя развѣвающимся на фортѣ Ст. Джоржъ; они видѣли, какъ начальниковъ англійской факторіи вели въ триумфальной процессіи по улицамъ Пондишери; видѣли, что оружіе и совѣты Дюпле повсюду имѣли успѣхъ, между тѣмъ какъ противодѣйствіе, оказанное ему мадрасскимъ

начальствомъ, послужило только доказательствомъ безсилія послѣдняго и увеличило славу Дюпле. Въ это время мужество и геній одного англійскаго юноши, вовсе не пользовавшагося извѣстностью, внезапно дали другой оборотъ дѣлу.

Клайву было въ то время 25 лѣтъ. Послѣ нѣкотораго колебанія между военнымъ и коммерческимъ поприщами, онъ получилъ наконецъ мѣсто, имѣвшее характеръ обоихъ: мѣсто комиссара войскъ, съ чиномъ капитана. Крайность положенія пробудила всѣ его способности. Онъ представилъ своимъ начальникамъ, что если не будетъ сдѣлано энергическаго усилія, Тричинópolis падеть, домъ Анаверди-Хана погибнетъ, и французы сдѣлаются дѣйствительными властителями всего полуострова Индiи. Необходимо было нанести какой-нибудь смѣлый ударъ. Еслибы сдѣлано было нападенiе на Аркотъ, столицу Карнатика и любимое мѣстопребыванiе набобовъ, то легко могло бы стать ся, что осада Тричинópolis была бы снята. Начальники англійскаго поселенiя, сильно устрашенные успѣхами Дюпле и опасаясь, что, въ случаѣ новой войны между Англіею и Франціею Мадрасъ будетъ немедленно взятъ и разрушенъ, одобрили планъ Клайва и поручили ему же привести его въ исполненiе. Молодому капитану ввѣрено было начальство надъ 200 англійскихъ солдатъ и 300 сипасевъ, вооруженныхъ и дисциплинированныхъ на европейскiй ладъ. Изъ восьми офицеровъ, командовавшихъ подъ главнымъ начальствомъ Клайва этимъ незначительнымъ отрядомъ, только двое участвовали прежде въ сраженiи, а четверо изъ восьми были компанейскiе чиновники, которыхъ примѣръ Клайва побуждалъ предложить свои услуги. Погода была бурная; но Клайвъ, не смотря на дождь, громъ и молнію, двинулся къ воротамъ Аркота. Гарнизонъ, въ паническомъ страхѣ, очистилъ фортъ, и англичане заняли его безъ выстрѣла.

Но Клайвъ хорошо понималъ, что ему не позволять безпрепятственно сохранить свое завоеванiе. Онъ немедленно началъ заготовлять продовольствiе, возводить укрѣпленiя и приготовляться къ осадѣ. Гарнизонъ, бѣжавшій при появленiи англичанъ, опомнился наконецъ отъ ужаса; получивъ значительное подкрѣпленiе изъ окрестностей, онъ усилился до 3,000 человекъ и

*

расположился лагеремъ близъ самаго города. Въ глухую ночь Клайвъ вышелъ изъ форта, неожиданно атаковалъ лагерь, истребилъ значительное число непріятелей, разсѣялъ остальныхъ и вернулся, не потерявъ ни одного человѣка.

Извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ скоро дошло до Чонда-Слиба, который, виѣстѣ со своими французскими союзниками, осаждалъ Тричинополи. Онъ немедленно отрядилъ изъ своего лагеря и отправилъ въ Аркотъ четыре тысячи человѣкъ, къ которымъ въ скоромъ времени присоединились остатки отряда, разбитаго Клайвомъ. Войско это было еще усилено двумя тысячами человѣкъ изъ Веллора и гораздо важнѣйшимъ подкрѣпленіемъ, состоявшимъ изъ 150 французскихъ солдатъ, которыхъ Дюпле отрядилъ изъ Пондишери. Вся армія, простиравшаяся до 10,000 человѣкъ, находилась подъ начальствомъ Раджа-Слиба, сына Чонда-Слиба.

Раджа-Слибъ приступилъ къ обложенію Аркотскаго форта, казавшагося совершенно неспособнымъ выдержать осаду. Стѣны развалились, рвы были сухи, валганги слишкомъ узки для постановки на нихъ орудій, бруствера слишкомъ низки для защиты солдатъ. Слабый гарнизонъ, вслѣдствіе разныхъ случайностей, значительно уменьшился. Онъ состоялъ въ то время изъ 120 европейцевъ и 200 сипаевъ. Оставалось только четыре офицера; запасы продовольствія были недостаточны; а комендантъ, на которомъ лежало веденіе обороны при столь отчаянныхъ обстоятельствахъ, былъ молодой, двадцатипятилѣтній человѣкъ, привыкшій къ службѣ въ конторѣ.

Осада продолжалась 50 дней. Въ теченіе 50 дней молодой комендантъ выдерживалъ осаду съ твердостью, бдительностью и искусствомъ, которыя сдѣлали бы честь самому опытному маршалу Евронн. Тѣмъ не менѣе брешь увеличивалась ежедневно. Гарнизонъ начиналъ испытывать голодъ. Въ подобномъ положеніи можно было ожидать, что всякій отрядъ, съ такимъ небольшимъ числомъ офицеровъ, окажется неповинованіе; опасность была особенно велика въ отрядѣ, составленномъ изъ людей, рѣзко отличавшихся другъ отъ друга и происхожденіемъ, и цвѣтомъ кожи, и языкомъ, и обычаями, и вѣрою. Но преданность этого

маленькаго отряда своему начальнику превзошла все, что было рассказано о 10-мъ легионѣ Цезаря или старой гвардіи Наполеона. Сипай явились къ Клайву, не съ цѣлью жаловаться на недостаточность продовольствія, а для того, чтобы предложить отдачу всего зерноваго хлѣба европейцамъ, имѣвшимъ надобность въ большемъ количествѣ продовольствія, нежели уроженцы Азіи. Сцѣженной съ рисовой каши слизи будетъ для насъ достаточно, говорили они.—Во всей исторіи нельзя найти болѣе трогательнаго примѣра военной вѣрности или нравственнаго вліянія начальника.

Попытка, сдѣланная мадрасскимъ правительствомъ для освобожденія крѣпости, не удалась. Но оставалась еще одна надежда. Отрядъ изъ 6,000 мараттовъ—полувоиновъ, полуразбойниковъ, подъ начальствомъ предводителя, по имени Морари-Рау, былъ нанятъ для вспомошествованія Магомету-Али; но считая силу французовъ неотразимою и успѣхъ Чонда-Салива несомнѣннымъ, онъ до того времени оставался въ бездѣйствіи на границахъ Карнатика. Слава обороны Аркота вызвала его изъ опѣченія. Морари-Рау объявилъ, что онъ до того времени не вѣрилъ, чтобы англичане были способны сражаться, но что убѣдившись въ ихъ мужествѣ и умѣньи самимъ помочь себѣ, онъ охотно будетъ имъ помогать. Раджа-Саливъ узналъ о движеніи мараттовъ: слѣдовало торопиться. Онъ прибѣгнувъ сначала къ переговорамъ, пытался подкупить Клайва значительными подарками; но они были отвергнуты съ презрѣніемъ. Раджа-Саливъ поклялся, что если его предложенія не будутъ приняты, то онъ немедленно штурмуетъ фортъ и истребитъ всѣхъ жителей безъ исключенія. Клайвъ отвѣчалъ ему съ характеристическою надменностью, что отецъ его былъ похититель престола, что войско его сволочь и что онъ хорошо сдѣлаетъ, если подумаетъ дважды, прежде нежели пошлетъ такихъ трусовъ на брешь, защищаемую англійскими солдатами.

Раджа-Саливъ рѣшился штурмовать фортъ. День былъ удачно выбранъ для смѣлаго предпріятія. Это былъ великій магометанскій праздникъ, посвященный памяти Гусейна, сына Али. Происшествіе, подавшее поводъ къ этому торжеству, самое

трогательное въ исторіи ислама. Печальная легенда рассказываетъ, какъ вождь фатимитовъ, когда пали всѣ его мужественные сподвижники, выпилъ послѣдній глотокъ воды и произнесъ послѣднюю молитву, какъ убійцы съ торжествомъ понесли его голову, какъ тиранъ ударилъ жезломъ безжизненные губы и какъ нѣсколько стариковъ вспоминало со слезами, что они видѣли эти губы прижатыми къ губамъ пророка божія. По прошествіи почти 12 столѣтій воспоминаніе объ этомъ происшествіи порождаетъ самыя сильныя и мрачныя чувствованія въ груди набожныхъ мусульманъ Индіи. Они возбуждаютъ себя до такой агоніи ярости и сѣтованія, что нѣкоторые изъ нихъ умирали, говорятъ, отъ одного душевнаго волненія. Они вѣруютъ, что всякій, кто во время этого праздника погибнетъ, сражаясь съ невѣрными, выкупаетъ смертью всѣ грѣхи своей жизни и тотчасъ переходитъ въ садъ гурій. Въ этотъ-то день Раджа-Славъ рѣшился штурмовать Аркотъ. Чтобы способствовать дѣйствию религіознаго фанатизма, употреблены были возбуждающія вещества, и осадная армія, опьянѣвшая отъ фанатизма, опьянѣвшая отъ бетеля, съ яростью устремились на приступъ.

Клайвъ былъ тайно извѣщенъ объ этомъ намѣреніи, сдѣлалъ нужныя распоряженія и, изнуренный отъ трудовъ, бросился на постель. Онъ былъ разбуженъ тревогой и мгновенно явился на своемъ посту. Непріятель шелъ, гоня передъ собою слоновъ, лбы которыхъ были покрыты желѣзными досками. Онъ надѣялся, что ворота не выдержатъ натиска этихъ живыхъ тарановъ. Но едва громадные животныя почувствовали англійскія ружейныя пули, какъ повернули назадъ и яростно кинулись прочь, давя подъ ногами толпы гнавшихъ ихъ людей. На воду, которою была наполнена часть рва, спущенъ былъ плотъ. Клайвъ, замѣтивъ, что артиллеристы, находившіеся противъ этого мѣста, не знали своего дѣла, началъ самъ управлять дѣйствіемъ одного орудія и въ нѣсколько минутъ очистилъ плотъ отъ непріятеля. Гдѣ ровъ былъ сухъ, штурмующіе лѣзли на приступъ съ большимъ мужествомъ, но были встрѣчены такимъ сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, что вскорѣ поколебалась даже храбрость фанатизма и опьянѣнія. Задній рядъ англичанъ постоянно снабжалъ передній заря-

женными ружьями, и каждый выстрѣлъ попадалъ въ двигавшуюся у подошвы вала живую массу. Послѣ трехъ отчаянныхъ попытокъ осаждающіе отступили за ровъ.

Борьба продолжалась около часа. 400 осаждающихъ погибло, а гарнизонъ потерялъ только пять или шесть человѣкъ. Ночь провелъ онъ тревожно, ожидая новаго нападенія, но на разсвѣтѣ непріятеля уже не было видно: онъ отступилъ, оставивъ англичанамъ нѣсколько орудій и большое количество боевыхъ припасовъ.

Съ радостью и гордостью получили это извѣстіе въ фортѣ Ст. Джоржъ. Клайвъ былъ справедливо признанъ за человѣка способнаго къ командованію во всякомъ военномъ предпріятіи. Ему было послано 200 англійскихъ солдатъ и 700 сипаевъ, и съ этими силами онъ немедленно началъ наступательныя дѣйствія. Онъ взялъ фортъ Тимери, соединился съ отрядомъ арміи Морари-Рау и спѣшилъ усиленнымъ маршемъ для атаки Раджа-Слиба, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ около 5000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 300 французовъ. Дѣло было жаркое, но Клайвъ одержалъ полную побѣду. Военная казна Раджа-Слиба досталась въ руки побѣдителя. 600 сипаевъ, служившихъ въ непріятельской арміи, перешли въ лагерь Клайва и были приняты въ англійскую службу. Конджеверамъ сдался безъ сопротивленія. Губернаторъ Арни измѣнилъ Чонда-Слибу и призналъ Магомета-Али.

Еслибы управленіе всѣми военными дѣйствіями было ввѣрено Клайву, то, вѣроятно, они были бы приведены къ скорому окончанію. Но робость и неспособность, являвшіяся во всѣхъ движеніяхъ англичанъ, тамъ, гдѣ онъ не присутствовалъ лично, продолжали борьбу. Маратты говорили, что солдаты Клайва были другаго рода люди, нежели англичане, которыхъ они встрѣчали въ прочихъ мѣстахъ. Результатомъ медленности было то, что въ скоромъ времени Раджа-Слибъ, во главѣ значительной арміи, въ которой находилось 400 французскихъ солдатъ, явился почти подъ выстрѣлами форта Ст. Джоржъ и разорилъ виллы и сады англійской факторіи. Но онъ былъ еще разъ встрѣченъ и пораженъ Клайвомъ. Болѣе ста французовъ было убито или взято

въ плѣнъ. Эта потеря была важнѣе гибели нѣсколькихъ тысячъ туземцевъ. Побѣдоносная армія двинулась съ поля сраженія къ форту Ст. Давидъ. На пути находился городъ побѣды Дюпле и великолѣпный памятникъ, долженствовавшій увѣковѣчить торжество Франціи на Востокѣ. Клайвъ приказалъ скрыть до основанія и городъ, и памятникъ. Мы полагаемъ, что онъ былъ побужденъ къ этой мѣрѣ не личною или національною неприязнью, но глубокими и вѣрными политическими соображеніями. Городъ и его великолѣпное названіе, колонна и ея хвастливыя надписи принадлежали къ средствамъ, помощью которыхъ Дюпле держалъ, въ состояніи очарованія, общественное мнѣніе Индіи. Клайву слѣдовало разрушить это очарованіе. Туземцевъ увѣрили, что Франція была признана первою державою въ Европѣ и что англичане не смѣютъ думать объ оспариваніи ея преобладанія. Ни одно средство не могло быть болѣе дѣйствительнымъ для уничтоженія этого предубѣжденія, какъ публичное и торжественное разрушеніе трофеевъ Франціи.

Правительство Мадраса, ободренное этими событіями, рѣшилось отправить сильный отрядъ подъ начальствомъ Клайва, для подкрѣпленія гарнизона Тричиніополи. Но именно въ это время майоръ Лоренсъ вернулся изъ Англіи и принялъ главное начальство надъ арміею. Зная неуживчивость и нелюбовь подчиняться, которыми отличался Клайвъ и въ школѣ, и въ конторѣ, можно было ожидать, что онъ, послѣ такихъ подвиговъ, не будетъ охотно и ревностно дѣйствовать въ качествѣ подчиненнаго. Но Лоренсъ въ прѣжнее время оказалъ ему расположеніе, и надо отдать справедливость Клайву, что, не смотря на гордость и страсть къ преобладанію, онъ никогда не забывалъ сдѣланное ему добро. Онъ съ радостью подчинился своему старому другу и старался исполнять свою обязанность на второмъ мѣстѣ съ такимъ же рвеніемъ, съ какииъ дѣлалъ бы это на первомъ. Лоренсъ хорошо зналъ цѣну подобной помощи. Хотя умственные способности его не превышали простаго здраваго смысла, но онъ вполне оцѣнилъ дарованія своего блестящаго сподвижника. Методически изучивъ военное ремесло, Лоренсъ, подобно всѣмъ людямъ, систематически воспитаннымъ для какого-нибудь дѣла,

былъ расположенъ смотрѣть съ презрѣніемъ на всѣхъ выскочекъ; но у него былъ достаточно вѣрный взглядъ, чтобы видѣть въ Клайвѣ исключеніе изъ общаго правила. «Нѣкоторые, писалъ онъ, называютъ капитана Клайва счастливецомъ—и только; но по моему мнѣнію, основанному на томъ, что я знаю объ этомъ джентльменѣ, онъ заслуживалъ и могъ ожидать отъ своихъ дѣйствій всего, что случилось. Это человѣкъ съ непреклонною рѣшимостью, хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, которое не покидаетъ его въ минуту величайшей опасности; онъ рожденъ быть солдатомъ. Не имѣя никакого военнаго образованія, даже не говоривъ много съ людьми военнаго сословія, онъ, одною силою сужденія и здраваго смысла, управлялъ арміею какъ опытный офицеръ и храбрый воинъ, съ осмотрительностью, навѣрное ручавшеюся за успѣхъ».

У французовъ не было ни одного начальника, котораго они могли бы противопоставить двумъ друзьямъ. Дюпле, не уступавшій въ способностяхъ къ веденію переговоровъ и къ интригамъ ни одному изъ европейцевъ, игравшихъ роль въ переворотахъ Индіи, не былъ способенъ лично управлять военными дѣйствіями. Онъ не былъ воспитанъ для того, чтобы быть воиномъ, и не имѣлъ склонности сдѣлаться имъ. Враги обвиняли его въ трусости, и онъ защищался отъ этого обвиненія подобно капитану Бобаділю. Онъ говорилъ, что держится вдали отъ выстрѣловъ потому, что тишина и безмолвіе благопріятствуютъ его способностямъ и что для него затруднительно продолжать свои размышленія среди грома огнестрѣльнаго оружія. Онъ былъ, слѣдовательно, поставленъ въ необходимость поручать другимъ выполненіе своихъ великихъ воинственныхъ замысловъ и горько жаловался, что они выполнялись дурно. Ему помогалъ, правда, офицеръ замѣчательныхъ способностей—знаменитый Бюсси. Но Бюсси отправился съ низамомъ на сѣверъ и былъ при дворѣ этого властителя достаточно занятъ своими личными выгодами и выгодами Франціи. Между офицерами, остававшимися съ Дюпле, не было ни одного способнаго человѣка, и многіе изъ нихъ были мальчишки, надъ невѣжествомъ и глупостью которыхъ смѣялись простые солдаты.

Англичане торжествовали повсюду. Войска, осаждавшія Тричиндополи, были сами осаждены и принуждены сдаться на капитуляцію. Чонда-Самъ попался въ руки мараттовъ и былъ умерщвленъ, вѣроятно по наущенію его соперника Магомекла-Али. Но энергія Дюпле была непреклонна и средства его неистощимы. Отъ своихъ довѣрителей изъ Европы онъ не получалъ никакой помощи. Они осуждали его политику. Они не давали ему денегъ и посылали въ подкрѣпленіе его войска только сволочь съ галеръ. Тѣмъ не менѣе онъ упорствовалъ, интриговалъ, подкупалъ, обѣщалъ, издерживалъ собственное состояніе, напрягалъ свой кредитъ, добывалъ новые дипломы изъ Дели, возбуждалъ со всѣхъ сторонъ новыхъ враговъ правительству Мадраса, и нашелъ орудія даже между союзниками англійской компаніи. Все было тщетно. Медленно, но вѣрно росло могущество Англій и падало могущество Франціи.

Здоровье Клайва, во время пребыванія его въ Индіи, никогда не было въ хорошемъ состояніи; а теперь его организмъ такъ разстроился, что онъ рѣшился вернуться въ Англію. Предъ отъѣздомъ онъ предпринялъ чрезвычайно трудное дѣло и выполнилъ его со своей обычной энергіей и ловкостью. Форты Ковлонгъ и Чиингльпуть были заняты французскими гарнизонами. Рѣшено было отправить противъ нихъ отрядъ войскъ. Но единственный отрядъ, который можно было употребить для этой цѣли, былъ такого рода, что имъ одинъ офицеръ, кромѣ Клайва, не рѣшился бы рискнуть своею репутаціею, командуя имъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 500 вновь набранныхъ сипасвъ и изъ 200 только-что прибывшихъ изъ Англій рекрутъ, которые были самая отвѣренная сволочь, какую только вербовщики компаніи могли набрать въ воровскихъ притонахъ Лондона. Клайвъ, не смотря на болѣзнь и изнуреніе, рѣшился образовать изъ этого недисциплинированнаго сброда армію и двинулся съ нею къ Ковлонгу. Выстрѣлъ съ форта убилъ одного изъ этихъ оригинальныхъ воиновъ, вслѣдствіе чего всѣ остальные повернули назадъ и обратились въ бѣгство, и Клайву стоило большаго труда собрать ихъ. Другой разъ громъ выстрѣла изъ орудія дотога устрасилъ часовыхъ, что одного изъ нихъ нашли нѣсколько часовъ позже на днѣ колодезя. Клайвъ приу-

чалъ ихъ мало-по-малу къ опасности и, находясь постоянно тамъ, гдѣ опасность была наибольшая, заставилъ ихъ устыдиться ихъ трусости. Наконецъ, ему удалось составить изъ этихъ мало общавшихся матеріаловъ хорошій отрядъ. Ковлонгъ палъ. Клайвъ узналъ, что сильный отрядъ шелъ изъ Чингльпута на выручку враговъ. Онъ принялъ мѣры, чтобы непріятель не узналъ о своемъ позднемъ приходѣ, устроилъ на дорогѣ засаду, однимъ залпомъ положилъ 100 человекъ, взялъ 300 плѣнныхъ, преслѣдовалъ бѣгущихъ до воротъ Чингльпута, немедленно началъ осаду этой крѣпости, почитавшейся одною изъ сильнѣйшихъ въ Индіи, сдѣлалъ брешь и готовился къ штурму: но французскій комендантъ сдался на капитуляцію и отступилъ.

Клайвъ вернулся въ Мадрасъ побѣдителемъ, но въ такомъ состояніи здоровья, что ему было невозможно долго тамъ оставаться. Въ это время онъ женился на молодой дѣвушкѣ, по фамиліи Масклайнъ, сестрѣ извѣстнаго математика, долгое время занимавшаго мѣсто королевскаго астронома. Она слыла красавицею и образованною женщиною, и письма ея мужа, какъ говорятъ, содержатъ доказательства, что она была имъ искренно любима.

Почти немедленно послѣ свадьбы Клайвъ отправился съ женою въ Англію. Онъ вернулся туда человекомъ совершенно отличнымъ отъ бѣднаго, ничтожнаго мальчика, который десять лѣтъ предъ тѣмъ былъ посланъ за море искать счастья. Ему было только 27 лѣтъ, а между тѣмъ отечество смотрѣло на него какъ на одного изъ первыхъ своихъ воиновъ. Въ Европѣ господствовалъ тогда общій миръ. Карнатикъ былъ единственною странюю, въ которой англичане и французы воевали другъ съ другомъ. Обширные замыслы Дюпле возбудили не малое безпокойство въ лондонскомъ Сити, и быстрый поворотъ дѣлъ, которымъ были преимущественно обязаны мужеству и военнымъ способностямъ Клайва, служилъ предметомъ восторга. Молодой капитанъ пользовался въ домѣ Остъ-Индской компаніи почетнымъ для него прозвѣщемъ генерала Клайва, за здоровье котораго провозглашались тосты во время пиршествъ, данныхъ въ честь его директорами компаніи. По прибытіи въ Англію онъ увидѣлъ себя предметомъ все-

общаго вниманія и восторга. Остъ-Индская компанія въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ благодарила его за оказанныя услуги и поднесла ему мечъ, украшенный алмазами. Съ рѣдкою деликатностью отказался онъ отъ этого знака благодарности, если подобный же мечъ не поднесутъ его другу и начальнику, Лоренсу.

Понятно, что Клайвъ былъ весьма радушно принятъ въ своемъ семействѣ, которое было въ восторгѣ отъ его успѣховъ, хотя, кажется, съ трудомъ могло понять, какимъ образомъ ихъ негодный, лѣнивый Бобби могъ сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Особенно трудно повѣрилъ этому отецъ его. Только когда дошло до Англiи извѣстіе о защитѣ Аркота, старый джентльменъ, говорятъ, проворчалъ, что въ мальчикѣ, пожалуй, есть прокъ. Одобренія его дѣлались сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ доходили одно послѣ другаго извѣстія о блестящихъ подвигахъ сына; подъ конецъ старикъ неограниченно полюбилъ его и гордился имъ.

Родные Клайва имѣли весьма существенныя причины радоваться его возвращенію. Значительная часть призовыхъ денегъ досталась на его долю, и онъ привезъ хорошія средства, часть которыхъ издержалъ, чтобы выпутать своего отца изъ затруднительнаго денежнаго положенія и выкупить изъ залога родовое имѣніе. Остальныя деньги онъ, кажется, разсорилъ, приблизительно, въ два года. Онъ жилъ богато, одѣвался роскошно даже для того времени, держалъ карету и верховыхъ лошадей и, не довольствуясь этими средствами избавиться отъ своихъ денегъ, прибѣгнулъ къ самому быстрому и дѣйствительному изъ всѣхъ средствъ, къ оспоренному выбору въ члены парламента, сопровождавшемуся петиціей.

Во время общихъ выборовъ 1754 года правительство находилось въ весьма странномъ положеніи. Формальной оппозиціи почти не существовало; якобиты были уstraшены исходомъ послѣдняго возстанія. Партія торіевъ находилась во всеобщемъ предрѣшнiи. Она была оставлена всѣми талантливыми людьми, къ ней принадлежавшими, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ почти не подавала признака жизни. Небольшая партія, державшаяся влія-

ніемъ и обѣщаніями принца Фридриха (°), распалась съ его смертію. Почти каждый талантливый общественный дѣятель королевства, какія бы ни были его прежнія отношенія, находился на службѣ и выдавалъ себя за вигъ. Но это удивительное согласіе было только кажущимся. Само правительство было терзаемо упорными враждами и противорѣчивыми притязаніями. Главною цѣлью его членовъ было унижить и вытѣснить другъ друга. Первый министръ, слабый, робкій, завистливый и вѣроломный Ньюкастль, былъ одновременно ненавидимъ и презираемъ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ членовъ правительства и болѣе всего Генри Фоксомъ, военнымъ секретаремъ. Этотъ способный, смѣлый и честолюбивый человекъ ловилъ всякій удобный случай, чтобы противодѣйствовать первому лорду казначейства, на котораго, — какъ Фоксу было хорошо извѣстно, — мало слѣдовало надѣяться, но котораго нечего было и сильно опасаться:—Ньюкастль, въ теченіе всей своей жизни, одинаково боялся и ссориться со способными людьми, и содѣйствовать ихъ возвышенію.

Ньюкастлю очень хотѣлось замѣстить двухъ членовъ за Сентъ-Майкель, одно изъ тѣхъ ничтожныхъ кориваллійскихъ мѣстечекъ, которыя сметены актомъ реформы 1832 года. Ему противодействовали лордъ Сандвичъ, вліяніе котораго было долгое время господствующимъ въ этихъ мѣстахъ, и Фоксъ, изъ всѣхъ силъ содѣйствовавшій Сандвичу. Клайвъ, представленный Фоксу и весьма ласково принятый имъ, былъ поддержанъ въ качествѣ кандидата Сандвичемъ и избранъ; но противъ этого выбора былъ представленъ протестъ, опиравшійся на все вліяніе герцога Ньюкастля.

Дѣло, сообразно обычаю того времени, было заслушано комитетомъ цѣлой палаты. Вопросы относительно выборовъ почитались тогда чисто вопросами партій. Никто не заботился даже о сохраненіи вида безпристрастія. Сэръ Робертъ Вальполь имѣлъ привычку открыто говорить, что въ битвахъ по выборамъ не должно давать пощады. Въ настоящемъ случаѣ волненіе было

(°) Принцъ Валлійскій, ум. 1751 г.

весьма сильно. Вопросъ, въ сущности, состоялъ не въ томъ, былъ ли Клайвъ избранъ правильно или нѣтъ, но въ томъ, кто будетъ главою новой нижней палаты, а слѣдовательно и первымъ министромъ, Ньюкастль или Фоксъ. Борьба была упорна и продолжительна, и успѣхъ, казалось, клонился то въ одну сторону, то въ другую. Фоксъ выказалъ всѣ свои рѣдкія способности къ преніямъ, побилъ половину законниковъ парламента ихъ же оружіемъ и одержалъ верхъ вопреки всему вліянію казначейства. Комитетъ рѣшилъ вопросъ въ пользу Клайва; но когда рѣшеніе было представлено палатѣ, дѣло приняло другой оборотъ. Остатки торійской оппозиціи какъ ничтожны они не были, имѣли однако довольно вліянія, чтобы опустить чашку вѣсовъ, точно уравновѣшенныхъ партіями Ньюкастля и Фокса. Ньюкастля торіи могли только презирать, Фокса же они ненавидѣли какъ самаго смѣлаго и искуснаго политика и самаго способнаго оратора между вигами, какъ постоянного друга Вальполи и преданнаго приверженца герцога Комберландскаго. Послѣ колебанія, продолжавшагося до послѣдней минуты, они рѣшились цѣлою партіей подать голосъ съ друзьями перваго министра. Результатомъ этого было, что палата, ничтожнымъ большинствомъ голосовъ, уничтожила рѣшеніе комитета, и Клайвъ лишился своего мѣста.

Удаленный изъ парламента и въ затруднительномъ денежномъ положеніи, онъ, весьма естественно, вновь обратился къ Индіи. Компанія и правительство съ радостью поспѣшили принять его предложеніе услугъ. Правда, въ то время былъ заключенъ въ Карнатикѣ выгодный для Англіи трактатъ. Смѣщенный Дюпле вернулся съ остатками своего нѣкогда огромнаго состоянія въ Европу, гдѣ клевета и мелкіе преслѣдованія въ скоромъ времени свели его въ могилу. Однако многое говорило, что между Франціею и Англіею должна была въ скоромъ времени вспыхнуть война, и поэтому почитали весьма полезнымъ послать способнаго начальника въ компанейскія поселенія Индіи. Директора назначили Клайва губернаторомъ порта Ст. Давидъ. Король далъ ему чинъ подполковника англійской королевской арміи, и въ 1753 году Клайвъ вновь отправился въ Азію.

Первое дѣло, порученное ему по возвращеніи на Востокъ, было покореніе твердыни Геріа. Эта крѣпость, построенная на скалистомъ мысу и почти обруженная океаномъ, служила притономъ морскому разбойнику по имени Ангрія, котораго суда наводили долгое время ужасъ на весь Аравійскій заливъ. Адмиралъ Ватсонъ, командовавшій англійскою эскадрою на Востокъ, сжегъ флотъ Ангрія, а Клайвъ въ то же время атаковалъ крѣпость съ сухаго пути. Она скоро пала, и добыча въ 150,000 фунт. стерлинговъ была раздѣлена между побѣдителями.

Послѣ этого подвига, Клайвъ отправился въ фортъ Ст. Давидъ. Но онъ не успѣлъ пробыть тамъ и двухъ мѣсяцевъ, какъ получилъ извѣстіе, которое вызвало всю энергію его смѣлаго и дѣятельнаго ума.

Изъ провинцій, нѣкогда подвластныхъ дому Тамерлана, самою богатою былъ Бенгалъ. Ни одна часть Индіи не представляла такихъ естественныхъ удобствъ, какъ для земледѣлія, такъ и для торговли. Гангъ, устремляясь сотнями рукавовъ въ море, образовалъ обширную равнину, богатый черноземъ которой даже подъ тропическимъ небомъ соперничаетъ свѣжестью зелени съ апрѣлемъ Англии. Рисовыя поля даютъ урожай, неизвѣстный въ другихъ мѣстахъ. Пряности, сахаръ, растительныя масла производятся въ удивительномъ избыткѣ. Рѣка доставляетъ неисчерпаемый запасъ рыбы. Прибрежные необитаемые острова, покрытые зловредною растительностью и полные оленей и тигровъ, снабжаютъ съ избыткомъ обработанные участки солью. Большая рѣка, оплодотворяющая почву, въ то же время служитъ главнымъ путемъ для восточной торговли. На берегахъ Ганга и впадающихъ въ него рѣкъ лежатъ самые богатые рынки, великолѣпнѣйшія столицы и наиболѣе почитаемыя капища Индіи. Тираниія челоувѣка напрасно боролась въ теченіе вѣковъ съ изобильной щедростью природы. Несмотря на деспотизмъ мусульманина, несмотря на разбойничество маратта, Бенгалъ всегда считался на Востокъ садомъ Эдема, по преимуществу богатымъ королевствомъ. Народонаселеніе его необыкновенно быстро увеличивалось. Отдаленныя области питались избыткомъ его житиць, и знатныя дамы Лондона и Парижа одѣвались въ изящныя про-

изведенія его ткацкихъ станковъ. Племя, обитавшее по этому богатому пути, избѣженное счастливымъ климатомъ и привыкшее къ мирнымъ занятіямъ, находилось въ томъ же отношеніи къ другимъ азіатамъ, въ какомъ азіаты вообще находятся къ сильнѣмъ и энергическимъ сынамъ Европы. У кастильцевъ есть поговорка, что въ Валенсіи земля—вода, а мужчины—женщины, и замѣчаніе это одинаково примѣнимо къ обширной равнинѣ нижняго Ганга. Что бы ни дѣлалъ бенгалець, онъ дѣлаетъ вяло. Его любимыя занятія — такія, которыя не требуютъ движенія. Онъ боится тѣлесныхъ усилій, и, хотя многословный въ спорахъ и замѣчательно упорный въ дѣлѣ интригъ, онъ рѣдко рѣшается на схватку и почти никогда не идетъ въ солдаты. Мы сомнѣваемся, чтобы во всей арміи Остѣ-Индской компаніи была хоть сотня природныхъ бенгалцевъ. Никогда, быть можетъ, не существовало народа болѣе подготовленнаго къ чужеземному игу и природою, и привычками.

Большія торговыя компаніи Европы давно имѣли свои факторіи въ Бенгалѣ. Французы владѣли принадлежащими имъ и теперь Шандернагоромъ на Угли. Выше по рѣкѣ, голландцы владѣли Чинсурую. Ближе къ морю англичане построили фортъ Вилліамъ. Въ сосѣдствѣ выросли церковь и обширные магазыны. Рядъ помѣстительныхъ домовъ, принадлежавшихъ главнымъ агентамъ Остѣ-Индской компаніи, былъ выстроенъ по берегу рѣки, а въ окрестностяхъ возникъ обширный и торговый городъ туземцевъ, который избрали своимъ пребываніемъ нѣсколько богатѣйшихъ индійскихъ купцовъ. Но на мѣстѣ, занятомъ въ настоящее время дворцами Чауринги, находилось тогда только нѣсколько несчастныхъ крытыхъ соломою хижинокъ. Заросли, предоставленныя водянымъ птицамъ и аллигаторамъ, покрывали мѣсто цитадели и бульвара, на которомъ теперь ежедневно, при захожденіи солнца, тѣсятся самыя изящныя экипажи Калькутты; за мѣсто, занятое факторіей, англичане, подобно другимъ большимъ землевладѣльцамъ страны, платили туземному правительству подать; подобно послѣднимъ, они пользовались и извѣстною юрисдикціею въ предѣлахъ своихъ владѣній.

Обширная область Бенгалъ, вмѣстѣ съ Ориссою и Багаромъ,

находилась долгое время подъ управленіемъ вице-короля, котораго англичане называли Аливерди-Ханомъ и который, подобно другимъ намѣстникамъ могола, въ дѣйствительности сдѣлался независимымъ. Онъ умеръ въ 1756 году, и власть перешла къ его внуку, Сураджа-Даулу, юношѣ, которому еще не было 20 лѣтъ. Восточные деспоты составляютъ едва ли не худшій разрядъ людей, а этотъ несчастный мальчикъ былъ одинъ изъ худшихъ представителей своего рода. Отъ природы слабоумный и необщительный, онъ получилъ такое воспитаніе, которое обезсилило бы даже могущественныя умственныя способности и испортило бы даже благородный нравъ. Онъ былъ безразсуденъ, потому что никто никогда не рѣшался разсуждать съ нимъ, и себялюбивъ, потому что никогда не чувствовалъ себя въ зависимости отъ добраго расположенія другихъ. Ранній развратъ обезсилилъ его тѣло и умъ. Неумѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ воспалило его слабый мозгъ почти до сумасшествія. Избранными товарищами его были льстецы, вышедшіе изъ негоднѣйшей части народа и отличавшіеся единственно шутовствомъ и низкопоклонствомъ. Онъ дошелъ, говорятъ, до той послѣдней степени человѣческой испорченности, когда жестокость начинаетъ нравиться сама по себѣ, когда видъ страданія, причиняемаго безъ всякой цѣли приобрѣсти какія-нибудь выгоды, отмстить за оскорбленіе или предупредить опасность, зрительно возбуждаетъ. Мучить звѣрей и птицъ составляло удовольствіе его раннихъ лѣтъ, а впоследствии онъ еще сильнѣе наслаждался мученіями своихъ ближнихъ.

Сураджа-Даула съ дѣтства ненавидѣлъ англичанъ. Это былъ капризь, а капризамъ его никто никогда не противился. Онъ составилъ себѣ также преувеличенное понятіе о богатствѣ, которое можно приобрѣсти, ограбивъ англичанъ, и слабому, неразвитому уму его было непонятно, что богатство Калькутты, даже еслибы оно было еще значительнѣе, нежели онъ воображалъ, не вознаградитъ его за потерю, которую онъ долженъ былъ понести, еслибы европейская торговля, которой Бенгалъ служилъ однимъ изъ центровъ, была, вслѣдствіе притѣсненій, вынуждена перенестись на другой пунктъ. Предлогъ для ссоры былъ

скоро найдеть. Англичане, ожидая войны съ Франціею, начали, безъ особеннаго разрѣшенія набоба, укрѣплять свое поселеніе. Богатый туземецъ, котораго Сураджа-Даула хотѣлъ ограбить, нашель убѣжище въ Калькуттѣ и не былъ выданъ. На этигъ основаніяхъ Сураджа-Даула двинулся съ большою арміею къ форту Вилліамъ.

Агенты компаніи въ Мадрасѣ, благодаря Дюпле, были вынуждены сдѣлаться государственными людьми и солдатами; но бывшіе въ Бенгалѣ все-еще оставались простыми торговцами и были сильно уstraшены приближавшеюся опасностью. Губернаторъ, наслышавшійся много о жестокости Сураджа-Даулы, потерялъ отъ страха голову, бросился въ лодку и искалъ убѣжища на ближайшемъ кораблѣ. Начальникъ войска нашель, что онъ не можетъ поступить лучше, какъ послѣдовать такому хорошему примѣру. Послѣ слабаго сопротивленія фортъ былъ взятъ, и большое число англичанъ попало въ руки побѣдителей. Набобъ усѣлся съ царскимъ величіемъ въ главной залѣ факторіи и приказалъ привести предъ него перваго по званію между плѣнными, м-ра Гольвеля. Его высочество порицалъ дерзость англичанъ и ворчалъ на незначительность найденной казны, но обѣщался сохранить плѣннымъ англичанамъ жизнь и удалился на покой.

Тогда совершенно было то великое преступленіе, которое памятно своею особенною жестокостью, памятно и послѣдовавшее за нимъ ужасною местию. Плѣнные англичане были предоставлены на произволъ стражи, а стража рѣшилась заключить ихъ на ночь въ темницу крѣпости, помѣщеніе, извѣстное подъ страшнымъ названіемъ Черной Ямы. Даже для одного европейскаго преступника эта тюрьма была бы въ подобномъ климатѣ слишкомъ тѣсна и узка. Пространства было всего двадцать квадратныхъ футовъ. Отверстія для прохода воздуха были малы и загорожены. И это было во время лѣтняго солнцестоянія, когда страшный зной Бенгала едва можетъ быть выносимъ уроженцами Англіи при помощи обширныхъ помѣщеній и постоянного движенія вѣтровъ. Плѣнныхъ было сто-сорокъ-шесть человекъ. Получивъ приказаніе войти въ эту нору, они вообразили, что солдаты шутятъ, и будучи ободрены обѣщаніемъ набоба сохра-

нить имъ жизнь, смѣялись и издѣвались надъ нелѣпостью идеи, но скоро увидѣли свою ошибку. Доказательства и молюбы были напрасны. Стража угрожала изрубить всѣхъ, кто будетъ колебаться. Плѣнные были вогнаны въ темницу саблями, и дверь была немедленно за ними заперта и замкнута.

Ни исторія, ни созданія воображенія, ни даже рассказъ Угольно, въ морѣ вѣчнаго льда, послѣ того, какъ несчастный отецъ отеръ кровавыя губы о волоса своего убійцы, не приближаются къ ужасамъ, рассказаннымъ немногими, пережившими эту страшную ночь. Они просили пощады, старались выломать дверь. Гольвель, сохранившій даже въ этой крайности нѣкоторое присутствіе духа, предлагалъ большія деньги тюремщикамъ. Но отвѣтъ былъ, что ничего нельзя сдѣлать безъ приказанія набоба, что набобъ спитъ и что онъ разсердится, если кто-нибудь его разбудитъ. Тогда узники обезумѣли съ отчаянія; они топтали другъ друга, дрались за мѣсто около оконъ, дрались за ничтожную порцію воды, которою жестокосердые убійцы дразнили ихъ агонію, ревѣли, молились, богохульствовали, умоляли стражу стрѣлять въ нихъ. Тюремщики между тѣмъ подносили огонь къ рѣшеткамъ тюрьмы и покатывались со смѣху при видѣ неистовой борьбы своихъ жертвъ. Наконецъ, смятеніе замерло въ тихихъ хрипѣніяхъ и столахъ. Наступилъ день, набобъ проспался отъ пьянства и позволилъ отворить дверь. Но прошло нѣсколько времени, пока солдаты могли образовать проходъ для оставшихся въ живыхъ, складывая по обѣ стороны кучу труповъ, на которые жаркій климатъ уже началъ производить свое дѣйствіе. Когда проходъ былъ, наконецъ, очищенъ, 23 страшныхъ образа, которыхъ не узнали бы и родины матери, вышли поодиночкѣ, шатаясь, изъ этого дома смерти. Немедленно была вырыта яма, и 123 трупа брошены въ нее безъ разбора и зарыты.

Но дѣло, которое, по прошествіи болѣе 80-и лѣтъ, не можетъ быть рассказано или прочтено безъ ужаса, не возбудило въ груди дикаго набоба ни угрызенія совѣсти, ни жалости. Онъ не наказалъ убійцъ и не выказалъ состраданія къ пережившимъ. Правда, нѣкоторымъ изъ нихъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакихъ свѣдѣній, было позволено удалиться; но съ тѣми,

*

изъ которыхъ полагали возможнымъ извлечь что-нибудь, обращались съ отвратительною жестокостію. Гольвель, не будучи въ состояніи ходить, былъ принесенъ къ тирану, который осыпалъ его упреками и угрозами и отправилъ въ кандалахъ внутрь страны, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими плѣнными, о которыхъ предполагали, что они знаютъ болѣе, нежели говорятъ, о сокровищахъ компаніи. Этихъ людей, не оправившихся отъ вынесенныхъ страданій, помѣстили въ дрянныхъ сараяхъ и держали на зернѣ и водѣ, пока наконецъ ходатайство родственницъ набоба не доставило имъ свободы. Одна англичанка пережила эту ночь. Она была отправлена въ гаремъ набоба, въ Муршедабадъ.

Между тѣмъ Сураджа-Даула послалъ письма къ своему номинальному властителю въ Дели, въ которыхъ онъ въ самыхъ напыщенныхъ выраженіяхъ описывалъ свою послѣднюю побѣду. Онъ оставилъ гарнизонъ въ фортѣ Вилліамъ, запретилъ англичанамъ жить въ окрестностяхъ и, въ память своихъ великихъ подвиговъ, приказалъ впредь называть Калькутту Алинагорою, что значитъ «гавань Бога».

Извѣстіе о паденіи Калькутты достигло Мадраса въ августѣ мѣсяцѣ и возбудило тамъ самую свирѣпую и неукротимую злобу. Все поселеніе требовало мести. Въ теченіе 48 часовъ по полученіи извѣстія было рѣшено отправить экспедицію къ Угль и назначить Клайва начальникомъ сухопутныхъ силъ; флотомъ же командовалъ адмиралъ Ватсонъ. 900 человекъ английской пѣхоты, отличнаго войска, исполненнаго энергіи, и полторы тысячи сипаевъ составляли армию, отправлявшуюся наказать владѣтеля, имѣвшаго болѣе подданныхъ, нежели Людовикъ XV или императрица Марія-Терезія. Въ октябрѣ экспедиція отправилась въ путь, но должна была бороться съ противными вѣтрами и достигла береговъ Бенгала не ранѣе декабра.

Набобъ воображалъ себя въ Муршедабадѣ въ совершенной безопасности и проводилъ время въ пиршествахъ. Онъ былъ до того несвѣдушъ въ состояніи иностранныхъ государствъ, что по его словамъ во всей Европѣ не было и 10,000 человекъ, и ему никогда не приходило на мысль, что англичане осмѣлятся напасть на его владѣнія. Но хотя онъ и не боялся военного могуще-

ства англичанъ, однако началъ сильно чувствовать ихъ отсутствіе. Доходы его уменьшались, и министрамъ удалось объяснить ему, что для правителя иногда выгоднѣе защищать торговцевъ въ свободномъ пользованіи барышами, нежели подвергать этихъ людей пыткѣ съ цѣлью доискаться скрытыхъ ящиковъ съ золотомъ и драгоценными камнями. Онъ уже былъ готовъ дозволить компаніи вновь начать торговныя операціи въ его владѣніяхъ, когда получилъ извѣстіе, что англійскія вооруженныя силы находились въ Угли. Онъ немедленно приказалъ всѣмъ войскамъ своимъ собраться въ Муршедабадъ и двинулся къ Калькуттѣ.

Клайвъ началъ военныя дѣйствія со своей обычною энергіей. Онъ взялъ Баджабджъ, разбилъ гарнизонъ форта Вилліамъ, вновь занялъ Калькутту, штурмовалъ и опустошилъ Угли. Набобъ, уже готовый на уступки, еще болѣе былъ утвержденъ въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ этими доказательствами могущества и энергіи англичанъ. Поэтому, онъ вступилъ въ сношенія съ начальниками вторгшихся военныхъ силъ и предложилъ возстановить факторію и вознаградить тѣхъ, кого онъ ограбилъ.

Ремесло Клайва была война, и онъ чувствовалъ, что было нѣчто унизительное въ примиреніи съ Сураджа-Дулою. Но власть его была ограничена. Главное управленіе дѣлами было ввѣрено комитету, составленному преимущественно изъ агентовъ компаніи, бѣжавшихъ изъ Калькутты, и лица эти съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія къ своимъ должностямъ и вознагражденія за понесенные убытки. Мадрасское правительство, получивъ извѣстіе, что въ Европѣ началась война, и опасаясь нападенія со стороны французовъ, требовала возвращенія экспедиціи. Обѣщанія набоба были велики, успѣхъ борьбы сомнителенъ, и Клайвъ согласился на переговоры, хотя и выразилъ сожалѣніе, что дѣло не могло быть окончено съ такою славою, какъ бы онъ желалъ.

Съ этихъ переговоровъ начинается новый отдѣлъ въ жизни Клайва. До того времени онъ былъ только воинномъ, исполнявшимъ съ замѣчательнымъ искусствомъ и мужествомъ предначертанія другихъ. Теперь на него надобно смотрѣть преимущественно

но какъ на государственнаго человѣка, а его военныя дѣйствія должны быть разсматриваемы какъ подчиненныя его политическимъ цѣлямъ. Что на этомъ новомъ поприщѣ онъ показалъ обширныя способности и имѣлъ громадный успѣхъ, это несомнѣнно. Но нельзя отрицать и того, что дѣйствія, въ которыхъ онъ началъ съ этого времени принимать участіе, оставили пятно на его характерѣ.

Мы никакъ не можемъ согласиться съ сэръ Джономъ Малкольмомъ, который упорно рѣшился видѣть въ поведеніи своего героя только благородство и безкорыстіе. Но мы такъ же мало можемъ согласиться и съ м-мъ Миллемъ, который зашелъ такъ далеко, что призналъ Клайва человѣкомъ, «въ которомъ обманъ, способствовавшій достиженію цѣли, никогда не пробуждалъ совѣсти». Намъ кажется, что Клайвъ по природѣ былъ совершенною противоположностью плуту: онъ былъ смѣлъ до дерзости, искрененъ до нескромности, пылокъ въ дружбѣ, открытъ во враждѣ. Ни въ его частной жизни, ни въ случаяхъ общественной жизни, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ соотечественниками, не находимъ мы и признаковъ наклонности къ лукавству. Напротивъ, во всѣхъ спорахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе, какъ англичанинъ противъ англичанъ, отъ кулачныхъ дракъ въ школѣ до бурныхъ преній въ домѣ компаніи и въ парламентѣ, наполнявшихъ послѣдніе годы его жизни, самые пороки его были пороки высокаго и великодушнаго нрава. Истина заключается, кажется, въ томъ, что Клайвъ смотрѣлъ на восточную политику какъ на игру, въ которой ничто не безчестно. Онъ зналъ, что понятіе о нравственности у туземцевъ Индіи рѣзко отличалось отъ установившагося въ Англіи. Онъ зналъ, что имѣлъ дѣло съ людьми, лишенными того, что въ Европѣ называется честью; съ людьми, которые не задумаются дать любое обѣщаніе и нарушить его безъ стыда; съ людьми, готовыми, для достиженія своей цѣли, прибѣгнуть къ подкупу, ложной клятвѣ, подлогу, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти. Письма его показываютъ, что большая разница между азіатскою и европейскою нравственностью была у него всегда на умѣ. Онъ вообразилъ, кажется, и, по нашему мнѣнію, весьма ошибочно,

что съ такими противниками не сдѣлаетъ ничего, если согласится связать себя узами, отъ которыхъ они свободны, если станетъ говорить правду, никогда ее не слыша, если будетъ выполнять къ собственному вреду всѣ обязательства относительно союзниковъ, никогда не выполнявшихъ ни одного изъ своихъ, если оно не вело къ ихъ выгодѣ. Вслѣдствіе подобнаго воззрѣнія, человекъ этотъ—во всѣхъ прочихъ дѣйствіяхъ своей жизни безупречный джентльменъ и солдатъ—какъ только имѣлъ дѣло съ интригантомъ-индійцемъ, самъ становился интригантомъ-индійцемъ и, безъ зазрѣнія совѣсти, унижался до лжи, до лицемерныхъ ласкъ, до подмѣниванья документовъ и до фальшивыхъ подписей.

Переговоры между англичанами и набобомъ были ведены преимущественно двумя агентами: м-мъ Ваттсомъ, должностнымъ лицомъ компаніи, и бенгальцемъ по имени Омичондъ. Омичондъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ туземныхъ купцовъ, жившихъ въ Калькуттѣ, и понесъ большія потери вслѣдствіе нашествія набоба на этотъ городъ. Онъ, въ теченіе своихъ коммерческихъ занятій, близко ознакомился съ англичанами и былъ особенно способенъ служить посредникомъ въ ихъ сношеніяхъ съ туземнымъ дворомъ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на своихъ соотечественниковъ и былъ въ сильной степени одаренъ способностями индуса: живою наблюдательностью, тактомъ, ловкостью, настойчивостью, и пороками индуса: раболѣпіемъ, жадностью и вѣроломствомъ.

Набобъ велъ себя со всѣмъ коварствомъ индійскаго государственнаго человека и со всѣмъ легкомысліемъ мальчика, умъ котораго былъ ослабленъ властью и самоугодливостью. Онъ обѣщаль, отказывался отъ своихъ обѣщаній, колебался, уклонялся. Онъ грозно двинулся было со своею арміею къ Калькуттѣ, но, увидавъ готовность англичанъ къ отпору, отступилъ въ смущеніи и согласился заключить миръ на предложенныхъ ими условіяхъ. Едва былъ заключенъ договоръ, какъ набобъ началъ замышлять новыя непріязненныя дѣйствія. Онъ интриговалъ съ французскими властями въ Шандернагорѣ, приглашалъ Бюсси двинуться изъ Декана на Угли и изгнать англичанъ изъ Бенгала. Все это

было хорошо извѣстно Клайву и Ватсону. Поэтому, они положили нанести рѣшительный ударъ и напасть на Шандернагоръ, пока войска, тамъ находившіяся, не были усилены новыми подкрѣпленіями съ юга Индіи или изъ Европы. Ватсонъ двинулся водою, Клайвъ сухимъ путемъ. Успѣхъ ихъ совокупныхъ движеній былъ быстрый и полный. Фортъ, гарнизонъ, артиллерія, военные запасы—все досталось въ руки англичанъ. Между плѣнными находилось около 500 человекъ европейскаго войска.

Набобъ боялся и ненавидѣлъ англичанъ даже въ то время, когда имѣлъ возможность противопоставить имъ ихъ соперниковъ, французовъ. Теперь французы были побѣждены, и онъ началъ смотрѣть на англичанъ съ еще большею боязнью и еще сильнѣйшею ненавистью. Его слабый и шаткій умъ колебался между роболѣпиемъ и дерзостью. Пославши большую сумму денегъ въ Калькутту, какъ часть вознагражденія за причиненные убытки, онъ на другой день послалъ въ подарокъ Бюсси драгоценные камни и уговаривалъ этого отличнаго офицера спѣшить на защиту Бенгала противъ «отважнаго въ войнѣ Клайва, котораго, говорилъ его высочество, да постигнетъ всякое несчастіе». Онъ приказывалъ своему войску идти противъ англичанъ и отмѣнялъ эти приказанія; рвалъ письма Клайва и отвѣчалъ потомъ самыми цвѣтистыми пріѣтствіями; приказывалъ Ваттсу скрыться съ его глазъ, грозилъ посадить его на колъ; потомъ вновь посылалъ за нимъ и просилъ извиненія за дерзость. Въ то же время его негодное управленіе, его безумный развратъ и пристрастіе къ самому низкому обществу внушали отвращеніе къ нему всѣмъ классамъ его подданныхъ: солдатамъ, купцамъ, гражданскимъ чиновникамъ, гордымъ и тщеславнымъ магометанамъ и боязливымъ, уклончивымъ и бережливымъ индусамъ. Противъ него образовался грозный союзъ, въ которомъ приняли участіе Ройдуллоу, министръ финансовъ, Миръ-Джеффри, главнокомандующій войсками, и Джаггетъ-Сейтъ, самый богатый банкиръ Индіи. Тайна заговора была довѣрена англійскимъ агентамъ, и между недовольными въ Муршедабадѣ и комитетомъ въ Калькуттѣ образовались сношенія.

Комитетъ долго колебался; но Клайвъ подалъ голосъ въ поль-

зу заговорщиковъ, и энергія и твердость его побѣдили всякое сопротивленіе. Рѣшено было, что англичане окажутъ могущественную помощь къ низверженію Сураджа-Даулы и къ возведенію на престолъ Бенгала Миръ-Джеффира, за что послѣдній обѣщалъ полное вознагражденіе компаніи и ея агентамъ и щедрую награду арміи, флоту и комитету. Отвратительные пороки Сураджа-Даулы, зло, которое потерпѣли отъ него англичане, опасность, которой подвергалась наша торговля, еслибъ онъ продолжалъ царствовать, вполне оправдываютъ, по нашему мнѣнію, рѣшимость свергнуть его съ престола. Но ничто не можетъ оправдать коварства, до котораго унизился Клайвъ. Онъ писалъ Сураджа-Даулу въ такихъ дружественныхъ выраженіяхъ, что на время усыпилъ этого слабаго властелина въ сознаниіи полной безопасности. Тотъ же гонецъ, который отвезъ набобу это «успокоительное письмо», какъ называлъ его Клайвъ, доставилъ м-ру Ваттсу письмо слѣдующаго содержанія: «Скажите Миръ-Джеффирѣ, чтобы онъ ничего не боялся. Я присоединюсь къ нему съ 5000 человекъ, которые никогда не обращали тыла непріятелю. Увѣрьте его, что я буду идти день и ночь къ нему на помощь и поддерживать его, пока у меня останется хотя одинъ человекъ.»

Невозможно было, чтобы заговоръ, пустившій столько вѣтвей, оставался долгое время совершенно скрытымъ. До ушей набоба дошло достаточно, чтобы возбудить его подозрѣнія. Но онъ скоро былъ успокоенъ выдумками и уловками, которыя изобрѣтательный геній Омичонда создавалъ съ удивительною быстротою. Все шло хорошо; заговоръ почти созрѣлъ, когда Клайвъ узналъ, что Омичондъ готовъ измѣнить. Хитрому бенгальцу было обѣщано щедрое вознагражденіе за всѣ потери, понесенныя имъ въ Калькуттѣ; но этого ему было недостаточно. Его услуги были велики. Онъ держалъ нить всей интриги. Шепнувъ слово на ухо Сураджа-Даулы, онъ могъ уничтожить все, что создалъ. Жизнь Ваттса, Миръ-Джеффира и всѣхъ другихъ заговорщиковъ была въ его рукахъ, и онъ рѣшился воспользоваться своимъ положеніемъ и заключить особые условія. Онъ потребовалъ 300,000 ф. стерл. за сохраненіе тайны и за оказа-

ніе помощи. Комитетъ, раздраженный этимъ коварствомъ и устрешенный опасностью, не зналъ, на что рѣшиться. Но Клайвъ превосходилъ Омичонда въ омичондовскомъ искусствѣ. Человѣкъ этотъ, по славамъ Клайва, былъ негодай. Всякое средство къ уничтоженію его козней было законно. Лучшимъ средствомъ было обѣщать ему все, чего онъ требовалъ. Омичондъ скоро долженъ былъ попасть въ ихъ руки, и тогда легко было наказать его, не выдавъ ему нетолько потребованной имъ взятки, но и того вознагражденія, которое должны были получить всѣ остальные, пострадавшія въ Калькуттѣ лица.

Совѣтъ Клайва былъ принять. Но какъ обмануть хитраго и умнаго индуса? Онъ требовалъ, чтобы пунктъ, касающійся его правъ, былъ внесенъ въ договоръ между англичанами и Миръ-Джеффиромъ, и могъ быть удовлетворенъ только тѣмъ, что увидѣлъ бы договоръ собственными глазами. Клайвъ тотчасъ нашелъ средство: написано было два договора, одинъ на бѣлой бумагѣ, другой на красной, первый настоящій, второй подложный. Въ первомъ имя Омичонда не было упомянуто; второй же, который долженъ былъ быть ему предъявленъ, заключалъ условіе въ его пользу.

Но явилось новое затрудненіе. Адмиралъ Ватсонъ совѣстился подписать красный договоръ. Хитрость и осторожность Омичонда были таковы, что отсутствіе подписи столь значительнаго лица, вѣроятно, возбудило бы въ немъ подозрѣнія. Но Клайвъ не способенъ былъ остановиться на полдорогѣ. Мы почти крадемъ писать: — онъ поддѣлалъ подпись адмирала Ватсона.

Теперь все было готово для дѣйствія. Ваттсъ бѣжалъ тайно изъ Муршедабада. Клайвъ двинулъ свое войско и написалъ набобу совершенно въ другомъ тонѣ, нежели писалъ прежде. Онъ выставилъ все зло, причиненное англичанамъ, предлагалъ принять, для разрѣшенія спорныхъ пунктовъ, посредничество Миръ-Джеффира и заключеніе объявилъ, что такъ какъ въ скоромъ времени должны наступить дожди, то онъ и его войска будутъ имѣть честь представиться его высочеству для полученія отвѣта.

Сугаджа-Даула немедленно собралъ всѣ свои силы и дви-

нулся навстрѣчу англичанамъ. Условлено было, что Миръ-Джеффриръ отдѣлится отъ набоба и перейдетъ со своимъ отрядомъ на сторону Клайва. Но когда приблизилась рѣшительная минута, страхъ заговорщика превозмогъ его честолюбіе. Клайвъ подошелъ къ Коссимбузару; набобъ, съ значительными силами, расположился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него, въ Плесси; а Миръ-Джеффриръ все еще откладывалъ исполненіе своего обѣщанія и давалъ уклончивые отвѣты на рѣшительныя требованія англійскаго генерала.

Клайвъ испытывалъ мучительное безпокойство. Онъ не могъ имѣть довѣрія къ искренности и мужеству своего союзника, и какова бы ни была его увѣренность въ собственныхъ способностяхъ и въ мужествѣ и дисциплинѣ войска, все-таки не легко было вступить въ дѣло съ арміею, которая была въ двадцать разъ сильнѣе находившейся подъ его начальствомъ. Передъ нимъ была рѣка, чрезъ которую перейти было легко, но, въ случаѣ неудачи, не вернулся бы ни одинъ человѣкъ изъ его малаго отряда. Тутъ, въ первый и послѣдній разъ, его безстрашный духъ пришелъ на нѣкоторое время въ смущеніе отъ огромной отвѣтственности за принятіе какого-бы то ни было рѣшенія. Онъ созвалъ военный совѣтъ. Большинство оказалось противъ вступленія въ бой, и Клайвъ объявилъ свое согласіе съ большинствомъ. Впослѣдствіи, по прошествіи долгаго времени, онъ говаривалъ, что только однажды собралъ военный совѣтъ, и что еслибы послѣдовалъ рѣшенію этого совѣта, то англичане никогда не владѣли бы Бенгаломъ. Но какъ только засѣданіе кончилось, онъ вновь сталъ самимъ собою. Удалясь подъ тѣнь деревъ, онъ провель около часа въ размышленіи, вернулся съ рѣшимостью отважиться на все и отдалъ приказаніе, чтобы къ утру все было готово для перехода рѣки.

Войско переправилось, и по окончаніи тяжелаго дневнаго перехода, далеко послѣ захода солнца, расположилось въ рошѣ магнолій близъ Плесси, въ разстояніи одной мили отъ непріятеля. Клайвъ не могъ спать; онъ всю ночь слышалъ звуки барабановъ и литавръ въ обширномъ лагерѣ набоба. Не удивительно, что даже его мужество по-временамъ слабѣло при мы-

сли, съ какими неравными силами и изъ-за какого приза ему приходилось черезъ нѣсколько часовъ вступить въ бой.

Но и отдыхъ Сураджа-Даулы не былъ отраднѣе. Его слабую и въ то же время бурную душу терзали дикія и страшныя опасенія. Испуганный громадностью и близостью кризиса, не довѣряя своимъ военачальникамъ, страшась каждаго, кто къ нему приближался, страшась оставаться одинъ, онъ сидѣлъ мрачный въ своей палаткѣ, преслѣдуемый—какъ выразился бы греческій поэтъ—тѣнями тѣхъ, которые, испуская послѣдній вздохъ, проклинали его въ Черной Ямѣ.

Наступилъ день — день, который долженъ былъ рѣшить судьбу Индіи. Съ восходомъ солнца, армія набоба, устремляясь, черезъ многочисленныя выходы, изъ лагера, двинулась къ рошѣ, гдѣ расположились англичане. Сорокъ тысячъ пѣхоты, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ, пиками, мечами, луками и стрѣлами, покрыли равнину. Въ войскѣ было 50 орудій наибольшаго калибра; каждое было запряжено длинною вереницею бѣлыхъ быковъ и подталкиваемо сзади словомъ. Нѣсколько орудій меньшаго калибра, подъ управленіемъ немногихъ французскихъ союзниковъ, угрожали, быть можетъ, большею опасностью. Конницы было 15,000, набранныхъ не изъ изнѣженнаго народонаселенія Бенгала, а изъ болѣе мужественнаго племени, обитавшаго сѣверныя области, и опытный глазъ Клайва могъ замѣтить, что какъ всадники, такъ и лошади были сильнѣе карнатикскихъ. Силы, которыя онъ могъ противопоставить этому громадному ополченію, состояли только изъ 3000 человекъ, но въ томъ числѣ было около тысячи англичанъ, которые всѣ находились подъ начальствомъ англійскихъ офицеровъ и привыкли къ англійской дисциплинѣ. Въ первыхъ рядахъ этого маленькаго отряда стояли люди 39-го полка, который до настоящаго времени носить на своемъ знамени, между многими другими лестными надписями, заслуженными подъ начальствомъ Веллингтона въ Испаніи и Гасконіи, имя Плесся и славный девизъ: *Primus in Indis*.

Сраженіе началось канонадою, во время которой артиллерія набоба почти не нанесла никакого вреда противнику, тогда какъ

вѣсколько полевыхъ орудій англичанъ произвели сильное дѣйствіе. Многіе изъ лучшихъ военачальниковъ арміи Сураджа-Даулы пали. Въ рядахъ началъ распространяться безпорядокъ. Собственный ужасъ набоба увеличивался сжеминутно. Одинъ изъ заговорщиковъ сталъ представлять выгоду отступленія. Предательскій совѣтъ, согласный съ тѣмъ, что внушалъ набобу его собственный страхъ, былъ охотно принятъ. Сураджа-Даула приказалъ войску отступить, и это приказаніе рѣшило его судьбу. Клайвъ воспользовался мгновеніемъ и приказалъ своимъ войскамъ наступать. Безпорядочная и упавшая духомъ толпа уступила натиску дисциплированного мужества. Никогда толпа, атакованная регулярными войсками, не претерпѣвала такого пораженія. Незначительный отрядъ французовъ, который одинъ рѣшился дать отпоръ англичанамъ, былъ увлеченъ натискомъ бѣгущихъ. Въ теченіе часа силы Сураджа-Даулы были разсѣяны; имъ не суждено было собраться. Только 500 человекъ побѣжденныхъ было убито; но ихъ лагерь, артиллерія, имущество, безконечный обозъ, безчисленное количество скота достались въ руки побѣдителей. Съ потерей 22 убитыхъ и 50 раненныхъ Клайвъ разсѣялъ армію почти въ 60,000 человекъ и покорилъ государство, болѣе обширное и населенное, нежели Великобританія.

Миръ-Джеффиръ, во время дѣла, не оказалъ помощи англичанамъ. Но какъ только онъ увидѣлъ, что судьба дня была рѣшена, онъ отдѣлился со своимъ отрядомъ отъ арміи набоба и по окончаніи битвы послалъ поздравить своего союзника. На слѣдующій день онъ явился въ англійскій лагерь, не мало безпокоясь о томъ, какой пріемъ ожидалъ его тамъ. Онъ видимо встревожился, когда караулъ былъ вызванъ для встрѣчи его съ соотвѣтствовавшими его званію почестями. Но опасенія его были скоро уничтожены. Клайвъ вышелъ къ нему навстрѣчу, обнявъ его, поздравилъ набобомъ трехъ обширныхъ областей: Бенгала, Багара и Ориссы; снисходительно выслушалъ его извиненія и совтѣвалъ безотлагательно двинуться къ Муршедабаду.

Сураджа-Даула бѣжалъ съ поля сраженія со всею поспѣшностью, съ какою быстрый верблюдъ могъ его нести, и прибылъ

въ Муршедабадъ немногимъ болѣе, чѣмъ въ 24 часа. Здѣсь онъ созвалъ своихъ совѣтниковъ. Самые благоразумные убѣждали его отдаться въ руки англичанамъ, отъ которыхъ онъ не могъ ожидать ничего болѣе, какъ сверженія съ престола и заточенія. Но онъ приписалъ этотъ совѣтъ предательству. Другіе уговаривали его вновь испытать счастье въ сраженіи. Онъ одобрилъ этотъ совѣтъ и сдѣлалъ соотвѣтственные распоряженія. Но ему не доставало рѣшимости хотя одинъ день сохранить мужественное намѣреніе. Онъ узналъ о прибытіи Миръ-Джеффира, и ужасъ его сдѣлался невыносимымъ. Переодѣтый въ платье простолюдина, съ ящикомъ драгоценностей въ рукѣ, онъ спустился ночью изъ окна своего дворца и, въ сопровожденіи только двухъ слугъ, отправился, по рѣкѣ, въ Патну.

Черезъ нѣсколько дней Клайвъ прибылъ въ Муршедабадъ, въ сопровожденіи 200 англійскихъ солдатъ и 300 сипаевъ. Ему отведенъ былъ для жительства дворецъ, окруженный столь обширнымъ садомъ, что всѣ сопровождавшія его войска могли удобно расположиться тамъ лагеремъ. Немедленно было совершено торжество возведенія Миръ-Джеффира на престолъ. Клайвъ подвелъ новаго набоба къ почетному сѣдалищу, посадилъ его на тронъ, предложилъ ему въ даръ, по древнему обычаю Востока, золото и, обратившись къ туземцамъ, собравшимся въ залѣ, поздравилъ ихъ съ освобожденіемъ отъ тирана. Онъ былъ вынужденъ обратиться при этомъ къ помощи переводчика: замѣчательно, что, не смотря на долгое пребываніе въ Индіи, на близкое знакомство съ индійскою политикою и индійскимъ характеромъ, онъ, боготворимый индійскими войсками, никогда не былъ въ состояніи свободно выразиться ни на одномъ изъ индійскихъ нарѣчій и, какъ говорятъ, былъ иногда принужденъ пользоваться небольшимъ знаніемъ португальскаго языка, приобретеннымъ имъ еще во время пребыванія въ дѣтствѣ въ Бразиліи.

Новому владѣтелю надлежало исполнить заключенныя съ союзниками условія. Въ домѣ Джаггетъ-Сейта, богатаго банкира, собралось засѣданіе для обсужденія предстоявшихъ мѣръ. Омичондъ явился въ собраніе, вполне увѣренный въ благо-

расположеніи Клайва, который, со скрытностью, превосходившею даже скрытность бенгальца, выказывалъ въ обращеніи съ нимъ, до того дня, прежнее дружелюбіе. Написанный на бѣлой бумагѣ договоръ былъ представленъ и прочтенъ. Тутъ Клайвъ обратился къ м-ру Скрафтону, одному изъ агентовъ компаніи, и сказалъ по-англійски: «Теперь пора разувѣрить Омичонда». «Омичондъ, сказалъ Скрафтонъ по-индійски, написанный на красной бумагѣ договоръ — обманъ. Ты ничего не получишь». Омичондъ въ безпамятствѣ упалъ на руки своихъ слугъ. Онъ пришелъ въ чувство; но умъ его былъ потрясенъ неизлечимо. Клайвъ, не смотря на свою неразборчивость въ дѣйствіяхъ относительно индійскихъ государственныхъ людей, не былъ однако безчеловѣченъ и, казалось, былъ тронутъ. Увидѣвшись, чрезъ нѣсколько дней, съ Омичондомъ, онъ ласково съ нимъ разговаривалъ, совѣтовалъ ему отправиться на богомолье въ одинъ изъ великихъ храмовъ Индіи, въ надеждѣ, что перемѣна обстановки возстановитъ его здоровье, и былъ даже расположенъ, не смотря на все случившееся, вновь воспользоваться его способностями на общественной службѣ. Но со времени неожиданнаго удара несчастный началъ мало-по-малу опускаться до идиотизма. Человѣкъ этотъ, отличавшійся до того времени силою умственныхъ способностей и простотою привычекъ, теперь сталъ расточать остатки своего имущества на дѣтскія игрушки и впалъ въ страсть наряжаться въ богатые одежды и увѣшивать себя драгоценными камнями. Въ этомъ жалкомъ состояніи онъ томился нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ умеръ.

Мы признали бы бесполезнымъ дѣлать какія-либо замѣчанія, съ цѣлью руководить мнѣніемъ читателей относительно описаннаго поступка Клайва, еслибы сэръ Джонъ Малькольмъ не предпринялъ защитить это дѣйствіе во всѣхъ его подробностяхъ. Онъ, правда, сожалѣетъ о томъ, что пришлось употребить подлогъ, средство, которое такъ легко употребить во зло; но онъ не признаетъ пятна на томъ, кто обманываетъ обманщика. Онъ полагаетъ, что англичане не были обязаны поступать честно съ тѣмъ, кто самъ поступаетъ безчестно, и что исполненіе договора

съ подлымъ бенгальцемъ, какъ явный примѣръ успѣшной измѣны, породилъ бы толпы подражателей. Мы не будемъ разбирать этого вопроса на основаніи правилъ строгой нравственности. Да въ этомъ нѣтъ и надобности: разсматривая вопросъ этотъ только со стороны пользы, въ самомъ низкомъ значеніи этого слова, и не употребляя иныхъ доводовъ, кромѣ такихъ, какіе употреблялъ Макиавелли въ совѣщаніяхъ съ Борджіа, мы убѣдимся, что Клайвъ былъ вполнѣ не правъ, и признаемъ его дѣйствіа не только преступленіемъ, но ошибкой. Правило, что честность лучшая политика, по нашему твердому убѣжденію, справедливо, вообще, даже относительно временныхъ выгодъ отдѣльныхъ личностей; относительно же обществъ правило это подвержено еще меньшему числу исключеній, потому что жизнь обществъ продолжительнѣе жизни отдѣльныхъ лицъ. Можно указать людей, обязанныхъ большимъ матеріальнымъ благосостояніемъ нарушенію оказаннаго имъ довѣрія. Но мы сомнѣваемся, чтобы можно было назвать хоть одно государство, которое отъ нарушенія общественнаго довѣрія осталось бы вообще въ выгодѣ. Вся исторія британской Индіи есть подтвержденіе той великой истины, что неблагоразумно противопоставлять коварство коварству и что самое дѣйствительное оружіе, которымъ люди могутъ отразить ложь, есть правда. Въ теченіе длиннаго періода времени англійскіе правители Индіи, окруженные союзниками и врагами, которыхъ не могло связать никакое обязательство, дѣйствовали, вообще, искренно и прямо, и событія доказали, что искренность и прямота тождественны съ мудростью. Англійское мужество и англійскій умъ сдѣлали, для расширенія и сохраненія нашихъ восточныхъ владѣній, менѣе, нежели англійская правдивость. Все, что мы могли бы выиграть, подражая двоедушію, изворотливости, обманамъ и подлогамъ, которые были употреблены противъ насъ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы выиграли, бывши единственною властью въ Индіи, на слово которой можно было положиться. Никакая суевѣрная клятва, никакой залогъ, какъ бы онъ ни былъ драгоцѣненъ, не внушаетъ сотою доли того довѣрія, какимъ пользуются слова: *да, да* или *клятъ, клятъ* англійскаго посланника. Ни одна

твёрдыня, какъ-бы она ни была укрѣплена природою или искусствомъ, не доставляетъ находящимся въ ней той безопасности, какою пользуется начальникъ, который проѣзжаетъ черезъ владѣнія могущественныхъ и смертельныхъ враговъ, вооруженный английскою гарантiей. Самые могущественные владѣтели Востока, предложенiемъ огромныхъ процентовъ, едва могутъ исторгнуть часть богатствъ, скрытыхъ подданными въ тайникахъ. Британское правительство предлагаетъ немногимъ болѣе 4%, и скупость торопится достать изъ сокровеннѣйшихъ хранилищъ десятки миллионовъ рупiй. Враждебный монархъ можетъ обѣщать горы золота нашимъ сипаямъ, чтобы они оставили знамена компанiи, а компанiя обѣщаетъ только умеренную пенсiю послѣ долгой службы. Но каждый смѣлый знаетъ, что обѣщанiя компанiи будутъ выполнены. Онъ знаетъ, что живи онъ хоть сто лѣтъ — его рисъ и соль обезпечены ему такъ же, какъ содержанiе генераль-губернатору, и знаетъ также, что нѣтъ другаго государства въ Индiи, которое, не смотря на самыя торжественныя вѣтвы, не дало бы ему, какъ только онъ перестанетъ быть полезнымъ, умереть съ голоду гдѣ-нибудь во рву. Величайшая выгода, какою можетъ пользоваться правительство, состоятъ въ томъ, чтобы быть единственнымъ заслуживающимъ довѣрiя правительствомъ, среди такихъ, которыми никто не можетъ вѣрить. Этою выгодою мы пользуемся въ Азiи. Дѣйствуй мы съ двумя послѣдними поколѣнiями по правиламъ, которыя сэръ Джонъ Малькольмъ призналъ, кажется, основательными; отплачивай мы всякiй разъ, какъ приходилось бы имѣть дѣло съ людьми, подобными Омичонду, согласно ихъ образу дѣйствiй: ложью, неисполненiемъ обѣщанiй и подлогами, — никакое мужество и никакiе таланты, мы въ томъ убѣждены, не могли бы поддержать нашей власти въ Индiи.

Сэръ Джонъ Малькольмъ допускаетъ, что поступокъ Клайва можетъ быть оправданъ только крайнею необходимостью. Но такъ какъ мы находимъ этотъ обманъ не только бесполезнымъ, но и невыгоднымъ, то почти нѣтъ надобности говорить, что мы вполне его осуждаемъ.

Не одинъ Омичондъ былъ жертвою революцiи. Сураджа-

ДАУЛА БЫЛЪ ПОЙМАНЪ ЧЕРЕЗЪ НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ ПОСЛѢ СВОЕГО БѢГСТВА И ПРЕСТАВЛЕНЪ МИРЪ-ДЖЕФФИРУ. ВЪ СУДОРОГАХЪ СТРАХА БРОСИЛСЯ ОНЪ НА ЗЕМЛЮ И СО СЛЕЗАМИ И ГРОМКИМИ КРИКАМИ УМОЛЯЛЪ О ПОЩАДѢ, КОТОРОЙ САМЪ НИКОГДА НЕ ДАВАЛЪ. МИРЪ-ДЖЕФФИРЪ КОЛЕБАЛСЯ; НО СЫНЪ ЕГО МИРАНЪ, ЮНОША 17 ЛѢТЪ, КОТОРЫЙ, СЛАБОСТЬЮ УМА И ЖЕСТОКОСТЬЮ, СИЛЬНО ПОХОДИЛЪ НА НЕСЧАСТНАГО ПЛѢННИКА, БЫЛЪ НЕУМОЛИМЪ. СУРАДЖА-ДАУЛА БЫЛЪ ОТВЕДЕНЪ ВЪ ПОТАЕННУЮ КОМНАТУ, КУДА ПОСЛАНЫ БЫЛИ СКОРО НАЧАЛЫ. АНГЛИЧАНЕ НЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТІЯ ВЪ ЭТОМЪ ДѢЛѢ, И МИРЪ-ДЖЕФФИРЪ НАСТОЛЬКО ПОНИМАЛЪ ИХЪ ЧУВСТВА, ЧТО НАШЕЛЪ НЕОБХОДИМЫМЪ ПРОСИТЬ ИЗВИНЕНІЯ ЗА ТО, ЧТО ОТОМСТИЛЪ ЗА НИХЪ САМОМУ ЗЛѢЙШЕМУ ИХЪ ВРАГУ.

НА КОМПАНИЮ И ЕЯ АГЕНТОВЪ ПОЛИЛСЯ ДОЖДЬ СОКРОВИЩЪ. СУМА ВЪ 800,000 Ф. СТЕР. СЕРЕБРЯНОЮ МОНЕТОЮ БЫЛА ОТПРАВЛЕНА РѢКОЮ ИЗЪ МУРШЕДАБАДА ВЪ ФОРТЪ ВІЛЛІАМЪ. ФЛОТЪ, СОВПРОВОЖДАВШІЙ ЭТИ СОКРОВИЩА, СОСТОЯЛЪ СЛИШКОМЪ ИЗЪ СТА ЛОДОКЪ И СОВЕРШИЛЪ СВОЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СЪ РАСПУЩЕННЫМИ ФЛАГАМИ И ПРИ ЗВУКАХЪ МУЗЫКИ. КАЛЬКУТТА, ОПУСТОШЕННАЯ ЗА НѢСКОЛЬКО МѢСЯЦЕВЪ ПЕРЕДЪ ТѢМЪ, БЛАГОДЕНСТВОВАЛА ТЕПЕРЬ БОЛѢЕ, ЧѢМЪ КОГДА-ЛИБО. ТОРГОВЛЯ ОЖИЛА, И ДОВОЛЬСТВО СТАЛО ВИДНО ВЪ КАЖДОМЪ АНГЛІЙСКОМЪ ДОМѢ. ЧТО ЖЕ КАСАЕТСЯ КЛАЙВА, ТО ЕГО ПРИОБРѢТЕНІЯМЪ МОГЪ БЫТЬ ПОЛОЖЕНЪ ПРЕДѢЛЪ ТОЛЬКО ЕГО ЖЕ УМѢРЕННОСТЬЮ. КАЗНА БЕНГАЛА БЫЛА ДЛЯ НЕГО ОТКРЫТА. ВЪ НЕЙ БЫЛО НАВАЛЕНО, ПО ОБЫКНОВЕНІЮ ИНДІЙСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ, ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО ЗВОНКОЙ МОНЕТЫ, И СРЕДИ ЕЯ НЕРЕДКО МОЖНО БЫЛО НАЙТИ ФЛОРИНЫ И ВИЗАНТЫ, КОТОРЫМИ ВЕНЕЦІАНЦЫ ПЛАТИЛИ ЗА ТКАНИ И ПРЯКОСТИ ВОСТОКА ПРЕЖДЕ, НЕЖЕЛИ ХОТЬ ОДИНЪ КОРАБЛЬ ОБОШЕЛЪ МЫСЬ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ. КЛАЙВЪ ПРОХОДИЛЪ МЕЖДУ КУЧАМИ ЗОЛОТА И СЕРЕБРА, УВѢЧАННЫМИ РУБІНАМИ И АЛМАЗАМИ, СЪ ПРАВОМЪ ВЗЯТЬ ЧТО ЕМУ БЫЛО УГОДНО. ОНЪ ПРИНЯЛЪ ОТЪ 2-ХЪ ДО 3-ХЪ СОТЪ ТЫСЯЧЪ ФУНТОВЪ СТЕРЛИНГОВЪ.

ДЕНЕЖНАЯ СДѢЛКА МЕЖДУ МИРЪ-ДЖЕФФИРОМЪ И КЛАЙВОМЪ БЫЛА, 16 ЛѢТЪ ПОЗЖЕ, ОСУЖДЕНА ОБЩЕСТВЕННЫМЪ МНѢНІЕМЪ И СТРОГО РАЗБИРАЕМА ВЪ ПАРЛАМЕНТѢ. СЭРЪ ДЖОНЪ МАЛЬКОЛМЪ СИЛЬНО ЕЕ ЗАЩИЩАЕТЪ. ОБВИНИТЕЛИ ПОБѢДОНОСНАГО ГЕНЕРАЛА ПРЕСТАВЛЯЮТЪ ЕГО ПРИОБРѢТЕНІЯ КАКЪ ПОДКУПЪ ИЛИ ВЗЯТКУ, ВЫНУЖДЕН-

ную кондомъ меча у безпомощнаго союзника. Біографъ, съ другой стороны, смотритъ на эти большія пріобрѣтенія какъ на добровольный подарокъ, дѣлающій столько же чести даровавшему, какъ и принявшему, и сравниваетъ ихъ съ наградами, данными иностранными правительствами Марльборо, Нельсону и Веллингтону. На Востокѣ, говоритъ онъ, всегда существовалъ обычай давать и принимать подарки, и не существовало еще парламентскаго акта, прямо воспрещавшаго англійскимъ чиновникамъ въ Индіи пользоваться этимъ обычаемъ. Мы должны сознаться, что эти доводы насъ не вполне удовлетворяютъ. Мы не подозреваемъ Клайва въ продажѣ выгодъ своихъ довѣрителей или своей страны, но не можемъ оправдать его въ дѣлѣ, которое, если и не было само по себѣ дурно, могло, однако, служить дурнымъ примѣромъ. Ничто не можетъ быть яснѣе того, что генералъ долженъ служить своему правительству, а не другому. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое вознагражденіе за службу онъ долженъ былъ получать или отъ своего правительства, или съ его полнаго вѣдома и согласія. Правило это должно быть строго соблюдаемо даже относительно пустяковъ, относительно ордена, медали или ярда цвѣтной ленты. Какъ можетъ ожидать правительство, что ему будутъ хорошо служить, если предводительствующіе его войсками могутъ свободно, безъ его позволенія и вѣдома, принимать огромныя богатства отъ союзниковъ. Излишне говорить, что въ то время не было парламентскаго акта, воспрещавшаго принимать подарки отъ азіатскихъ владѣтелей. Мы осуждаемъ поведеніе Клайва не на основаніи акта парламента, утвержденаго въ позднѣйшее время для отвращенія подобнаго принятія подарковъ, а на основаніяхъ, признанныхъ прежде, нежели вродель этотъ актъ — на основаніи общаго закона и здраваго смысла. Мы не знаемъ о существованіи какого-нибудь акта парламента, запрещающаго государственному секретарю иностранныхъ дѣлъ быть на жалованіи у правительства континента. Но тѣмъ не менѣе справедливо, что секретарь, который получалъ бы тайно пенсію отъ Франціи, грубымъ образомъ нарушилъ бы свою обязанность и заслужилъ бы строгое наказаніе. Сэръ Джонъ Малькольмъ

сравниваетъ поведеніе Клайва въ этомъ случаѣ съ поведеніемъ Веллингтона. Предположимъ,—и мы просимъ извиненія въ томъ, что позволяемъ себѣ подобное предположеніе лишь для доказательства,—предположимъ, что герцогъ Веллингтонъ, по окончаніи кампаніи 1815 года и во время командованія арміею, занимавшей Францію принялъ бы частнымъ образомъ 200,000 е. стерл. отъ Людовика XVIII, въ знакъ благодарности за большія услуги, оказанныя его свѣтлостью дому Бурбоновъ. Чтѣбы подумали о подобной сдѣлкѣ? А между тѣмъ книга статутовъ такъ же мало запрещаетъ принимать подарки въ Европѣ теперь, какъ она тогда запрещала принимать ихъ въ Азіи.

Надо сказать, однако, что въ дѣлѣ Клайва было много смягчающихъ обстоятельствъ. Онъ почиталъ себя генераломъ не правительства, а компаніи. Компанія же—по крайней мѣрѣ, коевенно — дозволяла своимъ агентамъ обогащаться щедростью туземныхъ государей и даже менѣе позволительными путями. Трудно было предположить, чтобы служащіе болѣе строго понимали свои обязанности, нежели понимали ихъ тѣ, которые стояли во главѣ компаніи. Хотя Клайвъ и не увѣдомилъ о случившемся тѣхъ, въ чьей службѣ онъ состоялъ, и не испрашивалъ ихъ согласія, но, съ другой стороны, онъ не показывалъ, обдуманною скрытностью, что чувствовалъ неправоту своего поступка. Напротивъ того, онъ открыто признавался, что щедрость набоба доставила ему благосостояніе. Наконецъ, соглашаясь вполне, что онъ въ подобномъ случаѣ не долженъ былъ бы брать ничего, мы должны, однако, сказать, что онъ заслуживаетъ похвалы за то, что взялъ такъ мало. Онъ принялъ 20 лакъ рупій (?). Ему стоило сказать только слово, чтобы изъ 20 сдѣлать 40. Декламировать въ Англіи противъ жадности Клайва было очень удобнымъ упражненіемъ въ добродѣтели; но ни одинъ изъ сотни обвинителей Клайва не показалъ бы столько самообладанія среди сокровищъ Муршедабада.

Миръ-Джеффиръ могъ быть поддержанъ на престолѣ только рукою, которая его возвела. Онъ былъ, правда, не мальчикъ и

(?) Лакъ = 100.000 рупій.

не имѣлъ несчастья родиться въ порфирѣ. Поэтому, онъ не былъ до такой степени пошлъ и развратенъ, какъ его предшественникъ. Но онъ не имѣлъ ни способностей, ни добродѣтелей, какія требовались его саномъ; а его сынъ и наследникъ, Миранъ, былъ второй Сураджа-Даула. Последний переворотъ привелъ умы въ замѣшательство. Многіе предводители открыто возстали противу новаго набоба. Вице-король богатой и могущественной области аудской, который, подобно другимъ наместникамъ могола, былъ теперь въ сущности совершенно независимымъ владѣтелемъ, угрожалъ нападеніемъ на Бенгалъ. Только таланты и вліяніе Клайва могли поддержать шаткое правительство. Пока дѣла находились въ этомъ положеніи, прибылъ корабль съ депешами, отправленными изъ Англіи прежде, нежели извѣстіе о сраженіи при Плессии достигло Лондона. Директора компаніи опредѣлили подчинить англійскія поселенія въ Бенгалъ правленію, составленному самымъ неудобнымъ и нелѣпымъ образомъ и—что всего хуже—Клайву не было дано мѣста въ этомъ правленіи. Лица, избранныя для составленія новаго правленія, къ чести ихъ, взяли на себя отвѣтственность за неисполненіе нелѣпыхъ приказаній и предложили Клайву главное начальство. Онъ согласился, и скоро оказалось, что агенты компаніи только предупредили желанія своихъ довѣрителей. Едва директора узнали о блестящихъ успѣхахъ Клайва, какъ назначили его губернаторомъ своихъ владѣній въ Бенгалѣ и оказали ему высшіе знаки благодарности и уваженія. Власть его была теперь неограниченна и далеко превосходила ту, которой Дюпде достигъ на югѣ Индіи. Миръ-Джеффиръ смотрѣлъ на него съ рабскимъ страхомъ. Однажды набобъ дѣлалъ строгій выговоръ одному знатному туземному предводителю, свита котораго завязала—было драку съ нѣсколькими сипаями компаніи. «Развѣ вы не знаете до сихъ поръ, говорилъ онъ, кто—такой полковникъ Клайвъ и въ какое положеніе поставилъ его Богъ?» Предводитель, который, какъ извѣстный шутникъ и старый пріятель Миръ-Джеффира, могъ позволить себѣ нѣкоторую вольность, отвѣчалъ: «Я, оскорблять полковника! Я, который никогда не встаю поутру, не сдѣлавъ три низкихъ поклона его ослу!» Это

едвали было преувеличеніе. Европейцы и туземцы одинаково были у ногъ Клайва. Англичане смотрѣли на него какъ на единственнаго человѣка, который могъ принудить Миръ-Джеффира исполнять свои обязательства. Миръ-Джеффиръ смотрѣлъ на него какъ на единственнаго человѣка, могшаго защищать новую династію противъ непокорныхъ подданныхъ и безпокойныхъ сосѣдей.

Справедливость требуетъ сказать, что Клайвъ искусно и энергически употреблялъ свою власть на пользу отечества. Онъ отправилъ экспедицію на сѣверъ отъ Карнатика, гдѣ все-еще преобладали французы и откуда важно было ихъ изгнать. Начальство надъ экспедиціею было поручено офицеру по имени Фордъ, еще мало извѣстному въ то время, но въ которомъ проникательный взглядъ губернатора открылъ замѣчательныя военныя способности. Успѣхъ экспедиціи былъ быстрый и полный.

Въ то время, какъ значительная часть бенгальской арміи была такимъ образомъ занята вдали, новая и большая опасность начала угрожать восточной границѣ. Великій моголь былъ въ Дели плѣнникомъ своего подданнаго. Старшій сынъ его, Шахъ-Алумъ, назначенный быть, въ теченіе многихъ лѣтъ, игрушкою злой судьбы и служить орудіемъ сначала мараттамъ, а потомъ англичанамъ, бѣжалъ изъ отцовскаго дворца. Происхожденіе его все-еще было глубоко уважаемо въ Индіи. Нѣкоторые могущественные государи, особенно набобъ Ауда, были расположены ему помочь. Шахъ-Алуму легко было привлечь подъ свои знамена большое число искателей приключеній, которыхъ въ этой странѣ было множество. Армія въ 40,000 человѣкъ, составленная изъ людей различныхъ племенъ и вѣроисповѣданій, изъ мараттовъ, ронловъ, джаутовъ и авгановъ, была быстро собрана, и у Шахъ-Алума родилась мысль низвергнуть выскочку, котораго англичане возвели на престолъ, и утвердить свою власть въ Бенгалѣ, Ориссѣ и Багарѣ.

Миръ-Джеффиръ пришелъ въ ужасъ, и единственное средство, которое представилось ему, было купить большую суммою денегъ миръ съ Шахъ-Алумомъ. Средство это было не разъ употреблено правителями богатыхъ и невоинственныхъ областей

близъ устьевъ Ганга. Но Клайвъ смотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, достойнымъ его серьезнаго ума и непреклоннаго мужества. «Если вы это сдѣлаете, писалъ онъ, то будете имѣть дѣло съ набобомъ Ауа, мараттами и многими другими, которые явятся со всѣхъ границъ вашихъ владѣній и будутъ угрозами вынуждать у васъ деньги, пока ничего не останется въ вашей казнѣ. Я прошу ваше сіятельство положиться на вѣрность англичанъ и войскъ, которыя вамъ преданы». Въ томъ же духѣ онъ писалъ губернатору Патны, храброму туземному воину, котораго онъ глубоко уважалъ: — «Не входите ни въ какія сдѣлки, защищайте вашъ городъ до послѣдней крайности. Будьте увѣрены, что англичане вѣрные и надежные друзья и что они никогда не оставляютъ дѣла, въ которомъ разъ приняли участіе».

Онъ сдержалъ слово. Шахъ-Алумъ обложилъ Патну и готовился къ приступу, когда узналъ, что полковникъ приближается форсированными маршами. Все шедшее войско состояло только изъ 450 англичанъ и 2,500 сипаевъ. Но Клайвъ и его англичане сдѣлались предметомъ ужаса для всего Востока. Едва появился ихъ авангардъ, какъ осаждающіе обратились въ бѣгство. Нѣсколько французовъ, бывшихъ въ свитѣ Шахъ-Алума, совѣтовали ему попытаться счастья въ битвѣ — но тщетно. Въ нѣсколько дней эта большая армія, наводившая такой ужасъ на дворъ въ Муршедабадѣ, разсѣялась отъ одного страха, внушеннаго англійскимъ именемъ.

Побѣдитель съ триумфомъ вернулся въ фортъ Вилліамъ. Радость Миръ-Джеффѣра стала такъ же безгранична, какъ былъ безграниченъ его страхъ, и побудила его сдѣлать, въ знакъ благодарности, царскій подарокъ своему спасителю. Ежегодная рента, которую Остъ-Индская компанія платила набобу за находившіяся въ ея пользованіи обширныя земли на югъ отъ Калькутты, простиралась до 30,000 ф. стерл. Весь этотъ огромный доходъ, достаточный для приличнаго содержанія самаго знатнаго между англійскими перами, былъ назначенъ Клайву въ пожизненное пользованіе.

Мы полагаемъ, что Клайвъ имѣлъ полное право принять этотъ подарокъ. Онъ, по самой сущности своей, не могъ оставаться

въ тайнѣ. Компанія, находясь къ Клайву въ отношеніяхъ. ермера къ землевладѣльцу, самымъ согласіемъ на это одобрила уже даръ Миръ-Джеффиръ.

Но благодарность бенгальца устояла не долго. Въ послѣднее время онъ чувствовалъ, что могущественный союзникъ, который посадилъ его на престолъ, могъ его и свергнуть, и началъ искать вокругъ себя опоры противъ грозной силы, до сихъ поръ его поддерживавшей. Онъ зналъ, что между туземцами невозможно найти силу, которая была-бы способна стать лицомъ къ лицу съ маленькою арміею Клайва. Французское могущество въ Бенгалѣ угасло. Но въ прежнее время въ моряхъ Востока гремѣла слава голландцевъ, и въ Азіи еще не была тогда точно извѣстна степень паденія могущества Голландіи въ Европѣ. Начались тайныя сношенія между муршедабадскимъ дворомъ и голландскою факторіею въ Чинсурѣ, откуда посланы были свѣтлыя письма, убѣждавшія правленіе Батавіи снарядить экспедицію, которая могла бы уравновѣсить могущество англичанъ въ Бенгалѣ. Батавское правительство, полное желанія расширить вліаніе своего отечества и еще болѣе полное желанія приобрѣсти для себя хоть долю тѣхъ сокровищъ, которыя недавно обогатили столькихъ англійскихъ искателей приключеній, — послало могущественную экспедицію. Семь большихъ кораблей изъ Явы неожиданно появились въ Угли. Войско, находившееся на нихъ, простиралось до 1,500 человекъ, изъ которыхъ около половины были европейцы. Время для предпріятія было выбрано удачно. Клайвъ отправилъ въ Карнатикъ, противъ французовъ, столь большіе отряды, что его войско оказалось малочисленнѣе голландскаго. Онъ зналъ, что Миръ - Джеффиръ тайно благопріятствовалъ вторгавшимся; зналъ, что бралъ на себя большую отвѣтственность, нападая на силы государства, находившагося въ дружескихъ сношеніяхъ съ Англіею, что англійскіе министры не могли желать войны съ голландцами въ добавокъ къ той, которая велась уже съ Франціею, что они могли не признать его дѣйствій, что могли наказать его. Переславъ недавно въ Европу большую часть своего имущества чрезъ посредство голландской остъ-индской компаніи, онъ имѣлъ сильный личный интересъ избѣгать ссоры. Но онъ

былъ убѣжденъ, что если дать батавской экспедиціи пройти вверхъ по рѣкѣ и соединиться съ гарнизономъ Чинсуры, то Миръ-Джеффиръ бросится въ объятія новыхъ союзниковъ и значеніе англичанъ въ Бенгалѣ подвергнется большой опасности. Клайвъ рѣшилъ дѣло со свойственной ему смѣлостью и нашелъ помощь въ искусствѣ своихъ офицеровъ, особенно въ полковникѣ Фордѣ, на котораго возложена была самая важная часть предпріятія. Голландцы попытались пройти силою. Англичане встрѣтили ихъ какъ на водѣ, такъ и на сушѣ. На обѣихъ стихіяхъ непріятель имѣлъ большое превосходство въ силахъ. На обѣихъ онъ былъ совершенно разбитъ. Корабли его были взяты. Войска были обращены въ совершенное бѣгство. Почти всѣ европейскіе солдаты, составлявшіе главную силу вторгнувшейся арміи, были убиты или взяты въ плѣнъ. Побѣдители подошли къ Чинсурѣ, и начальники поселенія, теперь совершенно униженные, согласились на условія, предписанныя Клайвомъ. Они обязались не строить укрѣпленій и не держать войска свыше незначительнаго отряда, необходимаго для полиціи въ факторіяхъ; при этомъ было ясно опредѣлено, что всякое нарушеніе этихъ условій будетъ наказано немедленнымъ изгнаніемъ изъ Бенгала.

Черезъ три мѣсяца послѣ этой великой побѣды Клайвъ отправился въ Англію. На родинѣ ожидали его почести и награды, которыя не соотвѣтствовали, правда, его притязаніямъ и честолюбію, но, при его дѣлахъ, чинѣ и прежнемъ положеніи въ обществѣ, — должны быть признаны рѣдкими и блестящими. Онъ былъ возведенъ въ званіе ирландскаго пера и поощренъ надеждою на англійскій титулъ. Георгъ III, только-что вступившій на престолъ, принялъ его съ особеннымъ отличіемъ. Министры оказывали Клайву явное вниманіе, а Питтъ, вліяніе котораго въ нижней палатѣ и въ странѣ было неограниченно, спѣшилъ заявить свое уваженіе къ человѣку, подвиги котораго такъ много способствовали блеску этого достопамятнаго періода. Великій ораторъ описывалъ уже Клайва, въ парламентѣ, какъ генерала, дарованнаго небомъ, какъ человѣка, который, бывъ воспитанъ для конторскихъ занятій, выказалъ военныя способности, могущія возбудить удивленіе прусскаго короля. Тогда не было еще

стенографовъ, но слова эти, торжественно сказанныя первыми государственными челоѣкомъ того времени, переходили изъ усть въ уста, были переданы Клайву въ Бенгалѣ и чрезвычайно обрадовали его и польстили его самолюбію. Дѣйствительно, со смерти Вольфа, Клайвъ былъ единственнымъ англійскимъ генераломъ, которымъ соотечественники его имѣли право гордиться. Герцогъ Кумберландъ былъ, вообще, несчастливъ; единственная побѣда его была одержана надъ своими же соотечественниками и, по безпощадно жестокимъ послѣдствіямъ своимъ, была болѣе пагубна для его популярности, нежели его частыя пораженія. Конвей, весьма ученый въ военномъ дѣлѣ и лично храбрый, не обладалъ энергіей и способностями. Честный, великодушный и храбрый, какъ левъ, Гранви не имѣлъ ни познаній, ни таланта. Саквилъ, не уступавшій въ познаніяхъ и способностяхъ ни одному изъ своихъ современниковъ, подвергся — кажется, неосновательно — обвиненію, самому гибельному для репутаціи война. Побѣды при Минденѣ и Варбургѣ одержаны англичанами подъ командою иностраннаго генерала. Поэтому, народъ, какъ и должно было ожидать, встрѣтилъ съ гордостью и восхищеніемъ отечественнаго полководца, котораго природное мужество и искусство, прибрѣтенное самоучкой, ставили на ряду съ великими тактиками Германіи.

Богатство Клайва равняло его съ первыми вельможами Англій. Есть доказательства, что онъ перевелъ болѣе 180,000 ф. стерл. чрезъ голландскую ость-индскую компанію и болѣе 40,000 чрезъ англійскую. Суммы, пересланныя имъ на родину чрезъ частныя дома, были также весьма значительны. Онъ употребилъ большія суммы на покупку драгоценныхъ камней, въ то время весьма употребительный способъ пересылки денегъ изъ Индіи. Онъ купилъ алмазовъ въ одномъ Мадрасѣ на сумму до 25,000 ф. стерл. Кромѣ большого количества наличныхъ денегъ, онъ владелъ въ Индіи имѣніемъ, оцѣненнымъ имъ самимъ въ 27,000 ф. стерл. годового дохода. Весь годовой доходъ Клайва, по имѣнію сэра Джона Малькольма, который старается показать его возможно меньшимъ, превосходилъ 40,000 ф. стерл.; а доходъ въ 40,000 ф. стерл. встрѣчался, во время восшествія

на престолъ Георга III, такъ же рѣдко, какъ теперь доходъ въ 100,000 ф. стерл. Мы смѣло можемъ сказать, что не было еще англичанина, который, на какомъ бы то ни было поприщѣ, начавъ безъ всякихъ средствъ, приобрѣлъ бы подобныя богатства на 35 году жизни.

Было бы несправедливо не прибавить, что Клайвъ прекрасно употреблялъ свое богатство. Какъ только сраженіе при Плессии положило основаніе его состоянію, онъ послалъ 10,000 ф. стерл. своимъ сестрамъ, удѣлилъ столько же бѣднымъ друзьямъ и роднымъ, приказалъ своему агенту выплачивать родителямъ его по 800 ф. стерл. ежегодно, настоявъ на томъ, чтобы они держали экипажъ, и назначилъ по 500 ф. стерл. ежегодно своему старому командиру Лоренсу, денежные средства котораго были очень ограничены. Вся сумма, издержанная Клайвомъ подобнымъ образомъ, простиралась до 50,000 ф. стерл.

Тогда онъ занялся парламентскими интересами. Онъ приобрѣталъ земли, кажется, главнымъ образомъ съ этою цѣлью, и послѣ общихъ выборовъ 1761 года увидѣлъ себя въ нижней палатѣ во главѣ партіи, которой поддержка должна была имѣть значеніе для всякаго министерства. Въ англійской политикѣ онъ, впрочемъ, не игралъ особенной роли. Первые симпатіи его, какъ мы видѣли, были въ пользу м-ра Фокса; поздиѣ онъ былъ привлеченъ геніемъ и успѣхами Питта; но окончательно онъ тѣсно соединился съ Джорджемъ Гренвиллемъ. Въ началѣ сессіи 1764 года, когда незаконное и неблагоприятное преслѣдованіе ничтожнаго демагога Вилкса сильно возбудило общественное мнѣніе, городъ былъ разсмѣшонъ анекдотомъ, который мы нашли въ ненаданныхъ запискахъ Горация Вальполя. Старый Ричардъ Клайвъ, принятый, со времени возвышенія сына, въ высшемъ обществѣ, для котораго его плохо подготовили прежнія привычки, представлялся на выходѣ. Король спросилъ его, гдѣ находился лордъ Клайвъ. «Онъ скоро будетъ въ городѣ, — отвѣчалъ старый джентльманъ такъ громко, что его слышали всѣ присутствовавшіе, — и тогда ваше величество будете имѣть еще голосъ въ вашу пользу».

Въ сущности, всѣ виды Клайва были обращены на страну,

гдѣ онъ отличился такимъ блестящимъ образомъ и какъ воинъ, и какъ государственный человѣкъ, и дѣятельность его на общественномъ поприщѣ въ Англіи была всегда руководима соображеніями, касавшимися Индіи. Власть компаніи, хотя и представляетъ аномалію, но въ наше время — мы въ этомъ твердо увѣрены — аномалію полезную. Во времена Клайва она составляла не только аномалію, но и вредъ. Тогда контрольнаго совѣта не существовало. Директорами были, по большей части, простые купцы, чуждые общихъ политическихъ соображеній, незнакомые съ особенностями страны, которою столь страннымъ образомъ пришлось имъ управлять. Собраніе собственниковъ компаніи, когда оно вмѣшивалось въ дѣла, могло дѣйствовать по своему произволу. Оно было и многочисленнѣе, и могущественнѣе, нежели въ настоящее время, потому что тогда каждый пай въ 500 ф. стерл. давалъ право голоса. Собранія бывали многочисленны, бурны, даже буйны; споры — неприлично-рѣзки. Все буйство, сопровождавшее вестминстерскіе выборы, все мошенничество, всё подкупы, сопровождавшіе выборы грампанульскіе, пятнали совѣщанія этого собранія при обсужденіи вопросовъ первой важности. Подтасовка балотировокъ происходила въ громадныхъ размѣрахъ. Самъ Клайвъ издержалъ 100,000 ф. стерл. на покупку фондовъ, розданныхъ имъ потомъ номинальнымъ собственникамъ, на которыхъ онъ могъ положиться и которыхъ онъ приводилъ съ собою на обсужденіе каждаго вопроса и на каждую балотировку. Другіе дѣлали то же самое, хотя не въ такихъ же именно громадныхъ размѣрахъ.

Участіе, которое англійское общество принимало въ то время въ вопросахъ, касавшихся Индіи, было гораздо сильнѣе, нежели теперь, и причина тому очевидна. Въ настоящее время писецъ, поступивъ на службу въ молодыхъ лѣтахъ, возмущается медленно и почитаетъ себя счастливымъ, если въ 45 лѣтъ можетъ вернуться на родину съ пенсією въ 1000 ф. стерл. и съ капиталомъ въ 30,000 ф. стерл. Англійскіе агенты въ Индіи, въ совокупности, собираютъ громадные богатства, но отдѣльно ни одинъ изъ нихъ не составляетъ себѣ большаго состоянія, а что добывается — добывается медленно, съ трудомъ и честно.

Только 4 или 5 высшихъ правительственныхъ должностей предоставлены государственнымъ людямъ, прїѣзжающимъ изъ Англии. Мѣста резидентовъ, секретарей, мѣста въ комитетахъ доходовъ и въ высшихъ уголовныхъ судахъ заняты людьми, прошедшими лучшіе годы своей жизни на службѣ компаніи; никакія способности, какъ бы блестящи онѣ ни были, никакая протекція, какъ бы она ни была могущественна, не въ силахъ доставить эти доходныя мѣста человѣку, не вошедшему настоящимъ путемъ и не возвысившемуся послѣдовательно по ступенямъ. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, съ Востока привозили въ Англію гораздо менѣе денегъ, нежели въ наше время. Но все количество дѣлилось между гораздо мѣньшимъ числомъ лицъ, и громадныя суммы были часто накаплиемы въ нѣсколько мѣсяцевъ. Каждый англичанинъ, каковъ бы ни былъ его возрастъ, могъ надѣяться быть однимъ изъ этихъ счастливыхъ эмигрантовъ. Если ему удавалось произвести хорошую рѣчь въ Leadenhall-Street ⁽⁸⁾ или напечатать умный памфлетъ въ защиту президента, онъ могъ быть посланъ на службу компаніи и вернуться чрезъ 3 — 4 года такимъ же богачомъ, какъ Пиготъ или Клайвъ. Такимъ образомъ домъ Остъ-Индской компаніи былъ лоттерейною конторою, приглашавшею всякаго попытать счастья и выставлявшею княжескія богатства какъ призы немногимъ счастливымъ. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что существуетъ страна свѣта, гдѣ подполковникъ въ одно прекрасное утро получилъ въ подарокъ состояніе, не меньшее состоянія графа Батл или маркиза Рокингема, и гдѣ, казалось, бездѣлица въ родѣ 10,000—20,000 ф. стерл. давалась всякому англійскому чиновнику, едва онъ только просилъ ея,—въ обществѣ показались всѣ симптомы годовъ Южнаго моря ⁽⁹⁾: лихорадочное волненіе, непобѣдимое желаніе разбогатѣть и презрѣніе къ медленному, вѣрному и умѣренному выигрышу.

Во главѣ господствующей партіи Остъ-Индской компаніи дол-

(8) Улица Лондона, въ которой находится домъ Остъ-Индской компаніи.

(9) См. т. 2. стр. 264.

гое время стоялъ могущественный, способный и честолюбивый директоръ по имени Соливанъ. Успѣхъ Клайва возбудилъ въ немъ сильную зависть, и онъ съ горечью вспоминалъ смѣлость, съ которою бывший губернаторъ Бенгала часто ни во что не ставилъ власть дальнихъ директоровъ компаніи. Съ прїѣздомъ Клайва между ними произошло внѣшнее примиреніе; но вражда осталась глубоко укоренившеюся въ сердцахъ обонхъ. Все число директоровъ избиралось въ то время ежегодно. На выборахъ 1763 года Клайвъ сдѣлалъ попытку свергнуть господствующую партію. Борьба была, какъ онъ пишетъ, необыкновенно-горяча. Соливанъ остался побѣдителемъ и поспѣшилъ отомстить врагу. Дарованная Клайву Миръ-Джеффригомъ ежегодная рента была признана лучшими англійскими юристами законною. Она была дарована тою же властью, отъ которой компанія получила свои главныя владѣнія въ Бенгалѣ, и компанія долгое время изъявляла на нее согласіе. Тѣмъ не менѣе директора рѣшились, совершенно несправедливо, конфисковать эту ренту, и Клайвъ былъ вынужденъ подать жалобу въ судъ лорда-канцлера.

Но готовился большой и неожиданный переворотъ въ дѣлахъ. Съ нѣкотораго времени каждый корабль, приходившій изъ Бенгала, сталъ привозить тревожныя вѣсти. Внутренніе безпорядки управленія областью достигли крайнихъ предѣловъ. И чего можно было, дѣйствительно, ожидать отъ фаланги общественныхъ служителей, подвергавшихся соблазну, противъ котораго, какъ выразился однажды Клайвъ, человѣческая плоть и кровь не могли устоять, — облеченныхъ неотразимою властью и ответственыхъ только передъ продажною, буйною, раздираемою враждой и дурно извѣщаемою о ходѣ дѣлъ компаніею, которая притомъ находилась отъ Индіи въ такомъ разстояніи, что между отправленіемъ депеши и полученіемъ на нее отвѣта проходило не менѣе полутора лѣтъ? Поэтому, въ теченіе пяти лѣтъ, прошедшихъ съ отъѣзда Клайва изъ Бенгала, злоупотребленія англичанъ достигли степени, которая кажется едва совмѣстною съ существованіемъ общества. Англичане превзошли римскихъ проконсуловъ, которые, въ теченіе года или двухъ, выжимали изъ вѣрренныхъ имъ областей средства для постройки мраморныхъ дворцовъ и

купаленъ на берегахъ Кампаніи, для того, чтобы пить изъ янтарныхъ сосудовъ, утолять голодъ пѣвчими птицами, содержать арміи гладиаторовъ и цѣлыя стада камелопардовъ; они превзошли и испанскихъ вице-королей, которые, сопровождаемые проклятіями Мексики и Лимы, возвращались въ Мадридъ съ длиннымъ цугомъ позолоченныхъ каретъ и вьючныхъ лошадей, подкованныхъ и обвѣшанныхъ серебромъ. Правда, жестокость, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, не была между пороками агентовъ компаніи; но и самая жестокость едвали могла бы причинить болѣе зла, чѣмъ простекало изъ ихъ безнравственной страсти поскорѣе обогатиться. Они свергли свое твореніе—Миръ-Джеффира. Они возвели на его мѣсто другаго набоба, по имени Миръ-Коссима. Но Миръ-Коссимъ былъ человекъ одаренный способностями и волею, и хотя имѣлъ значительную склонность притѣснять своихъ подданныхъ, но не могъ терпѣливо видѣть, какъ они были придавлены притѣсненіями, которыя нетолько не доставляли ему выгоды, но, напротивъ, уничтожали его доходы въ самомъ ихъ источникѣ. Поэтому, англичане свергли Миръ-Коссима и вновь возвели Миръ-Джеффира. Миръ-Коссимъ отомстилъ убійствами, которыя ужасомъ сглаживали воспоминаніе о Черной Ямѣ, и бѣжалъ во владѣнія набоба аудскаго. При каждомъ изъ этихъ переворотовъ, новый владѣтель раздавалъ своимъ чужестраннымъ повелителямъ все, что можно было наскрестъ изъ казны падшаго предшественника. Огромное населеніе его владѣній становилось добычею тѣхъ, которые сдѣлали его государемъ и могли его свергнуть. Агенты компаніи выговорили, не для компаніи, а для себя лично, монополию почти всей внутренней торговли. Они принуждали туземцевъ покупать дорого, а продавать дешево. Они безнаказанно оскорбляли мѣстные суды, полицію и сборщиковъ податей. Они взяли подъ свою защиту шайку приверженныхъ туземцевъ, которые бродили по странѣ, распространяя всюду, куда ни являлись, ужасъ и отчаяніе. Каждый слуга англійскаго агента былъ вооруженъ всею властью своего господина, а господинъ всею властью компаніи. Такимъ способомъ въ Калькуттѣ быстро накопидлись громадныя состоянія, тогда какъ 30 милліоновъ людей бы-

ли доведены до крайней степени бѣдствія. Они приучены были къ тираниі, но не къ подобной. Они почувствовали, что низинецъ коинаніи былъ тяжелѣе бедра Сураджа-Даулы. Подъ владычествомъ прежнихъ повелителей народъ имѣлъ хоть то крайнее средство, что когда положеніе дѣлалось невыносимымъ, то онъ возставалъ и свергалъ правительство. Но власть англичанъ не могла быть такимъ образомъ свергнута. Правительство это, столь же гнетущее, какъ наиболѣе гнетущая изъ формъ варварскаго деспотизма, было вооружено всею силою цивилизаціи. Оно скорѣе походило на правительство злыхъ духовъ, нежели людей-деспотовъ. Самое отчаяніе не могло придать мягкому бенгалцу достаточно мужества, чтобы стать лицомъ къ лицу противъ англичанъ, этой наслѣдственной аристократіи человѣчества, которой искусство и мужество столько разъ торжествовало надъ врагами, вдесятеро многочислѣйшими. Несчастное племя никогда не пыталось сопротивляться. Иногда индусы терпѣливо покорялись несчастью, иногда бѣжали отъ блага челоуѣка, какъ отцы ихъ привыкли бѣгать отъ мараттовъ, — и паланкинъ англійскаго путешественника былъ часто проносимъ чрезъ безмолвныя деревни и города, обезлюдѣвшіе при извѣстіи о его приближеніи.

Чужеземные владѣтели Бенгала, весьма естественно, были предметомъ ненависти всѣхъ сосѣднихъ правительствъ, и всю эту ненависть гордое племя встрѣчало безстрашно. Арміи англичанъ, вездѣ превышennыя арміями враговъ, вездѣ одерживали побѣду. Рядъ начальниковъ, образовавшихся въ школѣ Клайва, все-еще поддерживалъ славу отечества. «Надо признаться, — говоритъ мусульманскій историкъ того времени, — что присутствіе духа, твердость нрава и непобѣдимое мужество этого народа не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію. Они соединяютъ самое рѣшительное мужество съ самою предусмотрительною осторожностью; они не имѣютъ соперниковъ въ искусствѣ строниться въ боевыя линіи и сражаться въ порядкѣ. Еслибы къ этимъ военнымъ достоинствамъ они сзумѣли присоединить искусство правленія, еслибы въ нихъ было столько же изобрѣтательности и рвенія облегчать участь народа божія, сколько они показываютъ во всемъ отню-

сящемся до ихъ военныхъ дѣлъ, — ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы быть предпочтенъ имъ или болѣе достоинъ власти. Но народъ повсюду стонетъ подъ ихъ управленіемъ, повсюду доведенъ до нищеты и отчаянія. О Боже! приди на помощь твоимъ несчастнымъ рабамъ и избавь ихъ отъ претерпѣваемыхъ угнетеній.»

Между тѣмъ, было невозможно, чтобы военныя учрежденія оставались долгое время свободными отъ пороковъ, господствовавшихъ во всѣхъ остальныхъ частяхъ управленія. Хищничество, роскошь и духъ неповиновенія перешли отъ чиновниковъ гражданской службы къ офицерамъ арміи, и отъ офицеровъ къ солдатамъ. Зло возросло все болѣе и болѣе, пока наконецъ каждый обѣденный залъ не обратился въ мѣсто заговора и интригъ; а порядокъ между сипаями могъ быть поддерживаемъ только тѣмъ, что ихъ казнили цѣлыми толпами.

Наконецъ положеніе дѣлъ въ Бенгалѣ начало возбуждать безпокойства въ Англии. Рядъ переворотовъ, разстроенное управленіе, разореніе туземцевъ, не обогатившее однако компаніи; возвращеніе на родину, съ каждою эскадрой, счастливыхъ удальцовъ, привозившихъ средства покупать замки и строить великолѣпныя жилища, и полученіе, съ каждою же эскадрой, самыхъ тревожныхъ отчетовъ о финансовомъ положеніи правительства; пограничная война, нерасположеніе войскъ, достоинство націи, униженное поступками, напоминавшими Верреса и Пизарро, — все это устрашало людей, знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ Индіи. Общій крикъ былъ, что Клайвъ — и Клайвъ одинъ — могъ снасти созданную имъ имперію.

Мнѣніе это выразилось сильнѣйшимъ образомъ въ многолюдномъ общемъ собраніи собственниковъ. Люди всѣхъ партій, забывъ свою вражду и страшась за свои дивиденды, восклицали, что Клайвъ былъ необходимымъ человѣкомъ въ этомъ кризисѣ, что притѣснительныя мѣры, принятыя противъ его имѣнія, должны быть оставлены и что его должно упросить вернуться въ Индію.

Клайвъ всталъ. Онъ сказалъ, что относительно своего имѣнія онъ готовъ сдѣлать директорамъ предложенія, которыя, вѣроят-

но, поведуть къ полюбовному соглашенію, но что представляется болѣе важное затрудненіе. Нужно сказать, что онъ никогда не возьметъ на себя управленія Бенгаломъ, пока врагъ его Соливанъ будетъ президентомъ компаніи. Поднялся страшный шумъ. Соливанъ почти не могъ добиться, чтобы его выслушали. Подавляющее большинство собранія было на сторонѣ Клайва. Соливанъ хотѣлъ испытать результатъ балотировки. Но по уставу компаніи балотировка можетъ быть допущена не иначе, какъ по требованію, подписанному девятью собственниками и, не смотря на сотни присутствовавшихъ въ собраніи, невозможно было найти девять человекъ, согласныхъ подписать подобное требованіе.

Вслѣдствіе этого, Клайвъ былъ назначенъ губернаторомъ и главнокомандующимъ въ англійскихъ владѣніяхъ въ Бенгалѣ. Но онъ настаивалъ на своемъ объявленіи и отказался вступить въ должность до тѣхъ поръ, пока не будетъ извѣстенъ результатъ послѣднихъ выборовъ въ директора. Борьба была упорна, но Клайвъ вышелъ побѣдителемъ. Соливанъ, до того времени неограниченно господствовавшій въ Остъ-Индской компаніи, былъ обязанъ только большинству одного голоса, что не потерялъ и своего директорскаго мѣста; избранные же вновь президентъ и вице-президентъ были друзья новаго губернатора.

Таковы были обстоятельства, при которыхъ лордъ Клайвъ отправился въ третій и послѣдній разъ въ Индію. Въ маѣ 1765 года онъ достигъ Калькутты и нашелъ весь механизмъ правительства еще болѣе разстроеннымъ, нежели ожидалъ. Миръ-Джеффиръ, лишившійся, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, своего старшаго сына, Мирана, умеръ во время путешествія Клайва. Англійскіе чиновники въ Калькуттѣ получили уже отъ своего правительства строгія приказанія не принимать подарковъ отъ туземныхъ владѣтелей. Но жадные къ приобрѣтенію и непривыкшіе уважать приказаній отдаленныхъ, несвѣдущихъ и небрежныхъ начальниковъ, снова выставили престолъ Бенгала на продажу. Около 120,000 ф. стерл. было раздѣлено между девятью могущественнѣйшими чиновниками компаніи, и за такую взятку малолѣтній сынъ умершаго набоба былъ возведенъ на

престолъ своего отца. Извѣстіе объ этой безчестной сдѣлкѣ встрѣтило прибывшаго Клайва. Въ частномъ письмѣ къ искреннему другу, написанномъ немедленно послѣ того, Клайвъ выразилъ свои чувства въ формѣ, которая — со стороны чело­вѣка столь смѣлаго и рѣшительнаго и такъ мало преданнаго театраль­ному выраженію чувствъ—кажется намъ особенно трогательною. «Увы, говоритъ онъ, какъ упало англійское имя! Я не могъ удержаться отъ того, чтобы не заплатить нѣсколькими слезами дань отлетѣвшей и погибшей, быть можетъ, невозвратно славы британскаго народа. Тѣмъ не менѣе, именемъ Великаго Суще­ства, которое видитъ всѣ сердца и которому, если только есть загробная жизнь, мы должны будемъ дать отчетъ,—клянусь, что я пріѣхалъ съ помыслами превыше всякаго подкупа и что я рѣшился или истребить это великое и возрастающее зло, или погибнуть въ попыткѣ.»

Собрался совѣтъ, и Клайвъ объявилъ ему свою полную рѣ­шимость произвести общее преобразование и употребить для этого всю вѣренную ему обширную военную и гражданскую власть. Джонстонъ, одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и порочныхъ людей собранія, показалъ признаки сопротивленія. Клайвъ пре­рвалъ его и гордо спросилъ, не намѣренъ ли онъ оспаривать власть новаго правленія. Джонстонъ былъ устрешенъ и от­рекся отъ всякой подобной цѣли. Всѣ лица, бывшія въ совѣтѣ, вытянулись и поблѣднѣли, и затѣмъ не было проронено ни од­ного слова сопротивленія.

Клайвъ сдержалъ свое обѣщаніе. Онъ пробылъ въ Индіи око­ло полутора лѣтъ и, въ это короткое время, совершилъ одну изъ самыхъ обширныхъ, затруднительныхъ и благодѣтельныхъ ре­формъ, которыя когда-либо были произведены государственнымъ чело­вѣкомъ. Этотъ періодъ своей жизни онъ впослѣдствіи вспо­миналъ съ наибольшей гордостью. Во власти его было утронуть свое уже блестящее состояніе; принимать участіе въ злоупо­требленіяхъ, показывая между тѣмъ видъ, что уничтожаетъ ихъ; пріобрѣсти расположеніе всѣхъ англичанъ въ Бенгалѣ, отдавъ въ жертву ихъ корыстолюбію безпомощное и робкое племя, не знав­шее даже, гдѣ находится тотъ островъ, который шлетъ къ нимъ

*

притѣснителей,—племя, котораго жалобы едвали могли быть услышаны за 15000 миль океана. Онъ зналъ, что если серьезно примется за дѣло преобразованій, то вооружить противъ себя всѣ порочныя страсти. Онъ зналъ, какъ неразборчива на средства, какъ безпощадна будетъ ненависть этихъ хищниковъ, надѣявшихся скопить въ нѣсколько мѣсяцовъ богатства, достаточныя для поддержанія достоинства пѣра,—когда они увидятъ себя обманутыми въ своихъ надеждахъ. Но онъ выбралъ хорошей путь и напрягъ всѣ силы своего ума для сраженія, несравненно упорнѣйшаго, чѣмъ битва при Плесси. Сначала успѣхъ казался безнадёжнымъ, но скоро всѣ препятствія начали уступать желѣзному мужеству и пылкой волѣ Клайва. Принятіе подарковъ отъ туземцевъ было строго запрещено. Частная торговля агентовъ компаніи была уничтожена. Все поселеніе, казалось, возстало противъ этихъ мѣръ какъ одинъ человѣкъ. Но непреклонный губернаторъ объявилъ, что если онъ не найдетъ поддержки въ форѣ Вилліамъ, то отыщетъ ее въ другомъ мѣстѣ, и вытребовалъ нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ изъ Мадраса, для помощи въ управленіи странюю. Самыхъ упорныхъ изъ своихъ противниковъ онъ лишилъ мѣсть. Остальные покорились тому, что было неизбѣжно, и въ весьма короткое время всякое сопротивленіе было подавлено.

Но Клайвъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не видѣть, что недавнія злоупотребленія надобно было отчасти приписать причинамъ, которыя неизбѣжно должны были породить ихъ вновь, какъ только прекратился бы гнетъ его сильной руки. Компанія держалась ошибочной политики относительно вознагражденія своихъ должностныхъ лицъ. Жалованье ихъ было недостаточно даже на удобства, необходимыя для сохраненія здоровья и для спокойствія европейца въ тропическомъ климатѣ. Отъ такого незначительнаго содержанія невозможно было сберечь ни рупіи. Невозможно было предположить, чтобы люди даже обыкновенныхъ способностей согласились провести лучшіе годы своей жизни въ ссылке, подъ палящимъ солнцемъ, изъ-за одного столь ограниченаго жалованья. А потому издавна предполагалось, что агентамъ компаніи дозволяется обогащаться частною торговлею. Этотъ

обычай сильно вредилъ коммерческимъ интересамъ компаніи. Умный и наблюдательный сэръ Томасъ Ро, въ царствованіе Іакова I, убѣдительно настаивалъ на томъ, чтобы директора приняли мѣры противъ этого злоупотребленія. «Рѣшительно запретите частную торговлю, говорилъ онъ, потому что тогда ваши дѣла будутъ ведены лучше. Я знаю, что это круто. Служащіе объявляютъ, что они вступали на службу не изъ-за одного только содержанія. Но вы можете отстранить эту отговорку, назначивъ имъ большее жалованье, могущее ихъ удовлетворить. И тогда вы будете знать, что—именно тратите.»

Вопреки этому прекрасному совѣту, компанія продолжала держаться старой системы, платила ничтожное жалованье и смотрѣла сквозь пальцы на побочные доходы своихъ агентовъ. Содержаніе члена совѣта составляло только 300 ф. стерл. въ годъ. Между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что подобное лицо едвали могло жить въ Индіи, издерживая ежегодно менѣе, нежели въ 10 разъ большую сумму, и нельзя было ожидать, чтобы оно удовольствовалось даже хорошою жизнью въ Индіи, но безъ возможности сберегать ежегодно часть дохода ко времени своего возвращенія въ Англію. Подобная система, до покоренія Бенгала, могла имѣть вліяніе на уменьшеніе дивиденда собственникамъ, но не могла причинять много вреда въ другихъ отношеніяхъ. Теперь же компанія сдѣлалась лицомъ правительственнымъ. Агенты ея могли попрежнему называться факторами, младшими купцами, старшими купцами, но въ дѣйствительности они были проконсулами, пропреторами, прокураторами обширныхъ областей. Они пользовались огромною властью. Повсемѣстно было призвано, что ихъ жалованье недостаточно. По старинному обычаю службы и по безмолвному соглашенію начальниковъ агентамъ было дозволено обогащаться побочными средствами, и это было началомъ страшныхъ притѣсненій и злоупотребленій, разорившихъ Бенгаль. Клайвъ ясно понялъ, что безразсудно было дать людямъ власть и требовать, чтобы они жили въ бѣдности. Онъ пришелъ къ вѣрному заключенію, что ни одна реформа не могла быть дѣйствительною, не будучи связана съ системою щедрого вознагражденія гражданскихъ служителей компа-

ни. Онъ зналъ, что директора не расположены утвердить какое бы то ни было увеличеніе жалованья на счетъ своей казны. Единственное средство, остававшееся доступнымъ губернатору, подвергало его многимъ несправедливымъ обвиненіямъ; но, по нашему мнѣнію, Клайвъ былъ вполне въ правѣ его употребить. Онъ обратилъ на содержаніе служащихъ монополію соли, составлявшую въ то время и до настоящаго одну изъ главныхъ статей индійскаго дохода, и раздѣлилъ поступавшую съ нея сумму между служащими, по масштабу, кажется, правильному. За эту мѣру онъ былъ обвиняемъ врагами, былъ обвиняемъ историками въ неповиновеніи инструкціямъ, въ нарушеніи даннаго обѣщанія, въ разрѣшеніи того именно злоупотребленія, для уничтоженія котораго онъ былъ посланъ: именно частной торговли агентовъ компаніи. Но каждый понимающій дѣло и безпристрастный судья согласится, что въ дѣйствительности ничего не было общаго между системою Клайва и тою, уничтоженіе которой было ему вѣнено въ обязанность. Монополія соли была источникомъ доходовъ индійскаго правительства, когда Клайва не было еще на свѣтѣ, и продолжала быть тѣмъ же долго послѣ его смерти. Гражданскіе служители очевидно имѣли право на содержаніе изъ доходовъ компаніи, и Клайвъ отнесъ лишь это содержаніе на извѣстную часть доходовъ. Прекративъ тѣмъ продѣлки, помощью которыхъ были быстро накапливаемы громадныя состоянія, онъ одновременно далъ возможность каждому англичанину, служившему на Востокѣ, медленно, но вѣрно приобрести достатокъ. Однако человѣчество такъ несправедливо, что ни одно изъ дѣйствій, которыя, въ самомъ дѣлѣ, лежатъ пятномъ на жизни Клайва, не навлекло на него столько порицанія, какъ эта мѣра, которая была въ сущности преобразованиемъ, необходимымъ для успѣха всѣхъ остальныхъ.

Онъ подавилъ оппозицію гражданской части правительства; но оппозиція арміи была гораздо опаснѣе. Нѣкоторые сбереженія, предписанныя директорами, коснулись интересовъ войска, и поднялась буря, которой неохотно противустоялъ бы самъ Цезарь. Не легко было бороться съ сопротивленіемъ тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилась сила меча, въ странѣ, управляемой един-

ственно мечомъ. Двѣсти англійскихъ офицеровъ составили заговоръ противъ правительства и рѣшились всё въ одинъ день отказаться отъ должностей, не сомнѣваясь, что Клайвъ скорѣе рѣшится на какія бы то ни было уступки, нежели согласится увидѣть армію, на которой единственно опиралось могущество англичанъ на Востокѣ, лишенною ея начальниковъ. Они мало знали непоколебимый духъ того, съ кѣмъ имѣли дѣло. Около Клайва оставалось еще нѣсколько офицеровъ, на которыхъ онъ могъ рассчитывать. Онъ послалъ въ фортъ Ст. Джоржа за новымъ подкрѣпленіемъ. Онъ роздалъ офицерскія должности даже купеческимъ агентамъ, которые были расположены поддержать его во время этого кризиса, и отдалъ приказъ, чтобы всякій офицеръ, подавшій въ отставку, былъ немедленно доставленъ въ Калькутту. Заговорщики увидѣли, что ошиблись въ расчетѣ. Губернаторъ былъ неумолимъ. Войска остались вѣрны. Сипан, на которыхъ Клайвъ всегда имѣлъ необыкновенное вліяніе, стояли за него съ непоколебимою преданностью. Зачинщики заговора были арестованы, судимы и отставлены отъ службы. Остальные, потерявъ бодрость и покорившись, просили позволенія взять назадъ свои требованія объ увольненіи отъ службы. Многіе изъ нихъ выражали свое раскаяніе даже со слезами. Съ младшими изъ нарушителей дисциплины Клайвъ поступилъ кротко. Къ предводителямъ же онъ былъ неумолимо строгъ; но строгость его была чужда и тѣни личнаго нерасположенія. Сурово поддерживая законную власть своего званія, онъ съ великодушнымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на личныя оскорбленія и обиды. Одинъ изъ заговорщиковъ былъ обвиненъ въ томъ, что предполагалъ убить губернатора; но Клайвъ не хотѣлъ слушать этого обвиненія: «офицеры, сказалъ онъ, англичане, а не убійцы».

Одновременно съ преобразованіемъ гражданской части и утвержденіемъ своей власти надъ арміею, Клайвъ имѣлъ полный успѣхъ и во виѣшней политикѣ. Первый шагъ его на индійской почвѣ былъ знакомъ немедленнаго мира. Набобъ Ауда находился въ это время съ большою арміею на границѣ Багара. Къ нему присоединилось множество авгановъ и мараттовъ, и не мало было основаній ожидать общаго союза всѣхъ туземныхъ госу-

дарствъ противъ англичанъ. Но имя Клайва подавило мгновенно всякую оппозицію. Враги въ самыхъ униженныхъ выраженіяхъ просили мира и подчинились условіямъ, какія вашель нужнымъ предписать новый губернаторъ.

Въ то же время управленію Бенгаломъ дано новое основаніе. Власть англичанъ въ этой области была прежде совершенно неопредѣленна. Она была чужда прежнему устройству имперіи и не была утверждена никакимъ договоромъ. Много было сходнаго между нею и властью, которою, во время крайней дряхлости западной имперіи, пользовались въ Италіи предводители иноземцевъ—наемниковъ, Рицимеры и Одоакры, по своему произволу возводившіе на престолъ и свергавшіе съ него ничтожныхъ государей, украшенныхъ славными именами Цезаря и Августа. Но какъ въ Италіи, такъ и въ Индіи, воинственные иноземцы нашли удобнымъ освятить закономъ и давностью происхожденія власть, утвержденную силою оружія. Теодорикъ считалъ политическимъ добыть у отдаленнаго византійскаго двора назначеніе его правителемъ Италіи. Такимъ же образомъ и Клайвъ обратился къ делійскому двору за формальнымъ утвержденіемъ той власти, которою онъ въ дѣйствительности уже пользовался. Моголъ былъ совершенно безпомощенъ, и хотя онъ и ропталъ, однако долженъ былъ быть весьма доволенъ, что англичане готовы были, взаменъ нѣсколькихъ персидскихъ буквъ, которыя ему ничего не стоили, дать полновѣсныя рупіи, которыхъ онъ никогда бы у нихъ не вырвалъ. Торгъ былъ скоро заключенъ, и номинальный государь Индустана издалъ повелѣніе, которымъ давалъ компаніи власть собирать доходы съ Бенгала, Багары и Ориссы и распоряжаться этими суммами.

Существовалъ еще набобъ, который находился къ англійскимъ властямъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ послѣдніе идіоты изъ рода Меровинговъ, Хильперики и Хильдерики, находились къ способнымъ и энергическимъ маіордомамъ, Карлу Мартеллу и Пекпину. Одно время Клайвъ рѣшился совершенно избавиться отъ этого призрака; но потомъ онъ перемѣнилъ намѣреніе, думая, что можетъ быть еще удобно употреблять имя набоба, преимущественно въ сношеніяхъ съ дру-

гими европейскими народами. Онъ былъ увѣренъ, что французы, голландцы и датчане гораздо охотнѣе подчинятся власти туземнаго государя, котораго они привыкли уважать, нежели власти соперничающей съ нимъ торговой компаніи. Быть можетъ, политика эта и была въ то время благоразумною. Но покровъ въ скоромъ времени оказался слишкомъ рѣдкимъ для того, чтобы обмануть кого бы то ни было, и онъ былъ совершенно отброшенъ. Наслѣдникъ Миръ-Джеффиръ все-еще живетъ въ Муршедабадѣ, древней столицѣ своего дома, все-еще носить титулъ набоба; англичане, въ сношеніяхъ съ нимъ, все-еще употребляютъ титулъ «ваше высочество»; ему и теперь дозволено сохранить часть того королевскаго блеска, который окружалъ его предковъ. Пенсія въ 160,000 ф. стерл. ежегодно выплачивается ему правительствомъ. Карета его окружена тѣлохранителями, и впереди ея идутъ служители съ серебряными булавами. Онъ и его жилище изъяты изъ-подъ обыкновенной власти служителей правосудія. Но онъ не пользуется ни малѣйшею долею политической власти и въ сущности только богатый и знатный подданный компаніи.

Клайву легко было бы, во время своего втораго управленія Бенгаломъ, скопить богатства, какими не обладалъ ни одинъ подданный въ Европѣ. Дѣйствительно, онъ могъ бы, не подвергая богатыхъ жителей области большимъ притѣсненіямъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ они были приучены своими самыми кроткими правителями, получать подарки на сумму 300,000 ф. стерл. ежегодно. Сосѣдніе государи охотно заплатили бы любую цѣну за его расположеніе. Но, кажется, онъ строго держался правила, вмѣненнаго имъ въ руководство другимъ. Раджа Бенареса предложилъ ему весьма цѣнные алмазы. Аудскій набобъ упрашивалъ его принять большую сумму денегъ и ящикъ съ драгоценными камнями. Клайвъ вѣжливо, но рѣшительно, отказался, и должно замѣтить, что онъ не ставилъ себѣ этого отказа въ особенную заслугу и что фактъ сдѣлался извѣстнымъ только послѣ его смерти. Онъ велъ точный счетъ своему содержанію, выпадавшей на его долю части барышей отъ торговли солью и подаркамъ, которые по обычаю Востока было бы невѣжливо не

принять. Изъ суммъ, получавшихся изъ этихъ источниковъ, онъ содержалъ себя сообразно своему положенію. Излишекъ онъ раздѣлялъ между немногими преданными друзьями, послѣдовавшими за нимъ въ Индію. Онъ всегда хвалился и, сколько мы можемъ судить, хвалился справедливо, что его послѣднее управленіе уменьшило, вмѣсто того, чтобы увеличить его богатство.

Одну только значительную сумму онъ, дѣйствительно, принялъ. Миръ-Джеффиръ оставилъ ему по завѣщанію болѣе 60,000 ф. стерл. монетою и драгоценными камнями, а установленныя въ послѣднее время правила относились только къ подаркамъ отъ лицъ живыхъ и не касались до завѣщанныхъ умершими. Клайвъ принялъ деньги, но не для себя. Онъ всю сумму передалъ компаніи, какъ капиталъ для офицеровъ и солдатъ, сдѣлавшихся неспособными для дальнѣйшей службы компаніи. Фондъ, который до настоящаго времени носитъ его имя, обязанъ своимъ происхожденіемъ этому княжескому подарку.

Послѣ 18-мѣсячнаго пребыванія Клайва въ Индіи, состояніе его здоровья потребовало возвращенія въ Европу. Въ концѣ января 1767 г. онъ въ послѣдній разъ оставилъ страну, на судьбу которой имѣлъ столь могущественное вліяніе.

Вторичное возвращеніе его изъ Бенгала не было, подобно первому, встрѣчено восторженными возгласами его соотечественниковъ. Въ это время уже дѣйствовало много причинъ, которыя отравили остальные годы его жизни и преждевременно свели его въ могилу. Старинные враги его въ домѣ компаніи были все еще могущественны и дѣятельны, и они были усилены болѣею толпою союзниковъ, которыхъ неистовство далеко превосходило ихъ собственное. Вся орда грабителей и притѣснителей, отъ которыхъ онъ освободилъ Бенгалъ, преслѣдовала его съ неумолимою ненавистью, отличающею подобныя низкія натуры. Многіе изъ нихъ даже обратили свое имущество въ фонды компаніи, единственно для того, чтобы имѣть болѣе возможности досаждать челоуѣку, твердость котораго положила преграду ихъ жадности. Лживыя газеты были учреждены единственно съ цѣлью оскорблять Клайва, и расположеніе общественнаго мнѣнія было таково, что эти продѣлки, которыя, при обыкновенныхъ

обстоятельствахъ, были бы недѣйствительны противъ правды и заслугъ, произвели чрезвычайное впечатлѣніе.

Великія событія, совершившіяся въ Индіи, породили новое сословіе англичанъ, которыхъ соотечественники называли набобами. Лица эти происходили, вообще, не изъ богатыхъ и знатныхъ семействъ; они смолоду были отправлены на Востокъ и приобрѣли тамъ значительныя богатства, съ которыми вернулись на родину. Весьма естественно, что не имѣвъ много случаевъ бывать въ лучшемъ обществѣ, они выказывали нѣсколько неловкости и любви къ пышности, составляющихъ принадлежность высочекъ. Такъ же естественно, что во время своего пребыванія въ Азіи, они усвоили вкусы и привычки, возбуждавшія удивленіе, если не отвращеніе, въ людяхъ, никогда не покидавшихъ Европу. Естественно, что пользовавшіеся большимъ почетомъ на Востокѣ, они не были расположены жить въ неизвѣстности на родинѣ, и такъ какъ они имѣли деньги, но не пользовались выгодами ни знатнаго происхожденія, ни знатнаго родства, то весьма понятно, что они нѣсколько назойливо выказывали единственное преимущество, которымъ обладали. Гдѣ бы они ни поселялись, начинался родъ войны между ними и старою аристократіею и джентри, — войны, сходной съ тою, которая происходила во Франціи между генеральными откупщиками и маркизами. Это нерасположеніе къ аристократіи долгое время отличало агентовъ компаніи. Болѣе 20 лѣтъ спустя послѣ времени, о которомъ мы говоримъ, Боркъ объявилъ, что между яacobинцами должно считать, почти до одинаго, всѣхъ остъ-индцевъ, которые не могутъ снести того, что ихъ настоящее вліяніе не соотвѣтствуетъ ихъ богатству.

Набобы скоро стали весьма непопулярнымъ сословіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ выказали на Востокѣ замѣчательныя способности и оказали великія услуги государству; но на родинѣ способности этихъ людей не выказывались къ ихъ выгодѣ, а услуги были мало извѣстны. Что эти люди возвысились изъ неизвѣстности, что они приобрѣли значительныя богатства, что они нагло ихъ выказывали и неслѣпо тратили, что они въ своемъ сосѣдствѣ возвышали цѣну на все, начиная со свѣжихъ яицъ и кончая

гнилыми бургами, что ливреи ихъ слугъ превосходили блестящимъ ливреемъ прислуги герцоговъ, что кареты ихъ были красивѣе, нежели у лорда-мера, что примѣръ ихъ многочисленной и дурно-управляемой прислуги портилъ половину слугъ стравы, что нѣкоторые изъ нихъ, при всемъ своемъ великолѣпнѣи, не могли усвоить тона хорошаго общества и, не смотря на конюшни и толпы слугъ, на посуду изъ серебра и саксонскаго фарфора, на великолѣпныя блюда дичи и бургонское вино, оставались все-таки людьми самыми ничтожными, — это возбуждало, какъ въ томъ сословіи, изъ котораго они вышли, такъ и въ томъ, въ которое они старались втерѣться, ту желчную ненависть, которая порождается смѣшанными завистью и презрѣніемъ. Но когда начали носиться слухи, что богатства, которыя дали ихъ владѣтелю возможность побѣдить на скачкахъ лорда-наиѣстника или на выборахъ по графству одержать верхъ надъ главою дома, столь же древняго, какъ *Domesday Book* ⁽¹⁰⁾, были приобрѣтены нарушеніемъ общественной справедливости, сверженіемъ законныхъ государей, доведеніемъ цѣлыхъ областей до нищеты, — тогда всѣ высшія и лучшія, равно какъ и худшія и низшія стороны человѣческой природы были возбуждены противъ презрѣннаго, купившаго цѣной неправды и собственнаго безчестія тѣ богатства, которыя онъ теперь издерживалъ съ надменной и безвкусной расточительностью. Несчастный набобъ, казалось, былъ составленъ изъ всѣхъ тѣхъ слабостей, противъ которыхъ комедія направила самую беспощадную сатиру, и изъ тѣхъ злодѣяній, которыя бросаютъ самую темную тѣнь въ трагедіи. Онъ, казалось, соединялъ въ себѣ Туркарета и Нерона, г. Журдэна и Ричарда Третьяго. Ураганъ проклятій и насмѣшекъ, выдерживающій сравненіе только со взрывомъ общественнаго негодованія противъ пуританъ во время Реставраціи, разразился надъ агентами компаніи. Гуманный человѣкъ былъ пораженъ ужасомъ при мысли о томъ, какимъ образомъ набобы приобрѣли свои богатства, а бережливый при видѣ того, какъ они ихъ расточа-

(10) Книга, составленная по повелѣнію Вильгельма Завоевателя для подробной описи англійскихъ земель.

ли. Диллетантъ насмѣхался надъ ихъ дурнымъ вкусомъ, свѣтскій человекъ отзывался объ нихъ какъ о мужикахъ. Писатели самыя противоположныя по убѣжденію и слогу, методисты и вольнодумцы, философы и шуты, были на этотъ разъ заодно. Едва ли будетъ слишкомъ смѣло сказано, что въ теченіе времени около 30 лѣтъ вся легкая англійская литература была проникнута тѣмъ чувствомъ, которое мы описали. Футъ вывелъ на сцену, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, англо-индїйца, распутнаго, невеликодушнаго, деспота, стыдящагося скромныхъ друзей своей молодости, ненавидящаго аристократію и между тѣмъ ребячески добивающагося того, чтобы быть къ ней причисленнымъ, расточающаго свои богатства на сводниковъ, льстецовъ и людей, готовыхъ на всякую услугу, украшающаго своихъ носильщиковъ самыми дорогими тепличными цвѣтами и удивляющаго несвѣдущихъ людей толками о рупіяхъ, лакахъ и джагирахъ (11). Маккензи съ болѣе тонкимъ юморомъ описалъ простое деревенское семейство, возвысившееся, пріобрѣтеніями въ Индіи одного изъ своихъ членовъ, до неожиданнаго богатства и возбуждающаго насмѣшки своимъ неловкимъ подражаніемъ привычкамъ знати. Коуперъ, въ своемъ высокомъ увѣщаніи, которое пылаетъ истиннымъ духомъ еврейскихъ поэтовъ, ставилъ угнетеніе Индіи во главѣ народныхъ злодѣяній, за которыя Богъ наказалъ Англїю годами несчастныхъ войнъ, пораженіемъ на ея же моряхъ и потерю ея заатлантическихъ владѣній. Если кто-нибудь изъ нашихъ читателей захочетъ взять на себя трудъ отыскать въ пыльныхъ углахъ библіотекъ для чтенія повѣсти, изданныя лѣтъ 60 тому назадъ, то, по всей вѣроятности, онъ найдетъ, что главный или, по крайней мѣрѣ, второстепенный злодѣй разсказа непременно дикій, старшій набобъ, съ огромнымъ состояніемъ, съ загорѣлымъ желтымъ лицомъ, испорченною печенюю и еще худшимъ сердцемъ.

Таково было, насколько мы можемъ судить, расположеніе страны относительно набобовъ вообще. А Клайвъ былъ набобъ по преимуществу, способнѣйшій, самый извѣстный, самый высшій

(11) Особый родъ ленной зависимости земель въ Бенгалѣ.

по званію, самый богатый изъ всего братства. Богатство его выказывалось такимъ образомъ, что не могло не возбудить противъ себя ненависти. Онъ жилъ чрезвычайно роскошно на Berkeley square. Онъ возводилъ одинъ дворецъ въ Шропширѣ, а другой въ Клермонтѣ. По вліянію на парламентъ онъ могъ соперничать съ самыми знатными фамиліями. Но во всемъ этомъ блескъ и могуществовъ зависть находила надъ чѣмъ посмѣяться. Кажется, что къ нѣкоторымъ изъ его родныхъ богатство и знатность пристали такъ мало, какъ къ Маккензиевой Маргеріи Мушрумъ.

И самъ онъ, не смотря на свои великія достоинства, не былъ вполне свободенъ отъ тѣхъ слабостей, которыя сатирики того времени представляли отличительными чертами всего его сословія. Въ походѣ его привычки были замѣчательно просты: онъ постоянно былъ верхомъ; его никогда не видали иначе, какъ въ мундирѣ; онъ никогда не носилъ шелку, никогда не садился въ паланкинъ и довольствовался самою простою пищею. Но когда онъ не находился во главѣ войскъ, онъ оставлялъ эту спартанскую умѣренность для чванной роскоши сибарита. Хотя онъ былъ не красивъ и грубыя черты его лица избавлялись отъ обыкновеннаго безобразія только своимъ строгимъ, безстрашнымъ и повелительнымъ выраженіемъ, тѣмъ не менѣе онъ любилъ богатая цвѣтныя одежды и наполнялъ свой гардеробъ до нелѣпаго излишества. Сэръ Джонъ Малькольмъ приводитъ письмо, достойное сэра Матю Майта, въ которомъ Клайвъ заказываетъ «200 рубашекъ, лучшихъ и самыхъ тонкихъ, какія только можно приобрести за деньги или по расположенію». Нѣсколько подобныхъ глупостей, грубо преувеличенныхъ молвою, произвели неблагоприятное впечатлѣніе на общественное мнѣніе. Но это еще не было худшимъ. Мрачныя исторіи, по большей части чисто выдуманныя, ходили въ публикѣ относительно его поведенія на Востокѣ; онъ долженъ былъ нести вину не только за тѣ дурныя дѣла, до которыхъ онъ разъ или дважды унижился, но за всѣ дурныя дѣла всѣхъ англичанъ въ Индіи; за дѣла, совершенныя во время его отсутствія, и даже за дѣла, которымъ онъ мужественно противился и за которыя строго наказывалъ. Тѣ самыя злоупотребле-

нiя, противъ которыхъ онъ велъ честную, рѣшительную и успѣшную борьбу, послужили къ его обвиненiю. На него, дѣйствительно, смотрѣли какъ на олицетворенiе всѣхъ пороковъ и слабостей, которые общественное мнѣнiе — основательно или нѣтъ — приписывало англiйскимъ искателямъ приключенiй въ Азiи. Мы сами слышали, какъ старики, совершенно несвѣдующiе въ его исторiи, но сохранившiе предрасудки своей молодости, отзывались объ немъ какъ о воплощенномъ дьяволѣ. Джонсонъ всегда отзывался такимъ образомъ. Браунъ, которому Клайвъ поручилъ разведенiе сада, съ удивленiемъ увидѣлъ въ домѣ знатнаго хозяина ящикъ, который нѣкогда былъ полонъ золотомъ изъ муршедабадской сокровищницы, и не могъ понять, какъ совѣсть преступнаго Клайва позволяла ему спать, когда подобный предметъ находился такъ близко отъ его спальни. Соррейскiе крестьяне съ суетвѣрнымъ ужасомъ смотрѣли на великолѣпный домъ, строившiйся въ Клермонтѣ, и шептали, что великiй злодѣй приказалъ возводить такiя толстыя стѣны съ цѣлю удержать дьявола, который долженъ былъ въ назначенный срокъ унести его съ тѣломъ и душою. Между мужиками, которые, разинувъ рты, слушали эту страшную исторiю, находился негодный, безобразный парень, по имени Гонтерьъ, впоследствии прiобрѣтшiй громкую извѣстность подъ именемъ Виллiама Гонтингтона S. S. ⁽¹²⁾, и суетвѣрие, которое было странно перемѣшано съ плутовствомъ этого замѣчательнаго наглеца, какъ кажется, получило не малую пищу изъ разсказовъ о жизни и характерѣ Клайва.

Въ то же время толчокъ, данный Клайвомъ управленiю Бенгала, дѣлался все менѣе и менѣе ошутительнымъ. Политика его была во многомъ оставлена; подавленные имъ злоупотребленiя стали оживать; наконецъ, къ злу, происходившему отъ дурнаго правленiя, присоединилось одно изъ тѣхъ страшныхъ бѣдствiй,

(12) S. S.—Sinner Saved, спасенный грѣшникъ. Виллiамъ Гонтингтонъ род. въ Кентѣ въ 1744; до 27-лѣтняго возраста онъ отличался развратнымъ поведенiемъ, но вдругъ перемѣнилъ образъ жизни, сталъ посѣщать сборнища кальвинистскихъ методистовъ и самъ сдѣлался проповѣдникомъ. Съ этой поры онъ сталъ присоединять къ своей подписи означенныя двѣ буквы.

которыхъ не можетъ отстранить лучшее правительство. Въ теченіе лѣта 1770 г. дождей не было, земля выгорѣла, водоемы высохли, рѣки съузились въ своихъ руслахъ и голодъ, какой бываетъ только въ странахъ, гдѣ всякое семейство обезпечивается малымъ участкомъ обрабатываемой имъ земли, наполнилъ всю долину Ганга бѣдствіями и смертью. Нѣжныя и стыдливыя женщины, никогда не поднимавшія покрывала передъ взглядами толпы, выходили изъ внутреннихъ покоевъ, въ которыхъ восточная ревность сторожила ихъ красы, бросались на землю передъ прохожими и съ громкими воплями умоляли о пригоршнѣ риса для своихъ дѣтей. Рѣка Угли ежедневно сносила тысячи мертвыхъ тѣлъ къ дворцамъ и садамъ англійскихъ завоевателей. Самыя улицы Калькутты были завалены умиравшими и мертвыми. Оставшіеся въ живыхъ, исхудалые и слабые, не имѣли довольно силы, чтобы относить тѣла своихъ родныхъ къ костру или къ святой рѣкѣ, ни даже для того, чтобы отгонять шакаловъ и коршунувъ, которые при дневномъ свѣтѣ питались тѣлами умершихъ. Число погибшихъ никогда не было опредѣлено; но народный голосъ считалъ ихъ милліонами. Это печальное извѣстіе еще увеличило раздраженіе, уже господствовавшее въ Англии относительно индійскихъ дѣлъ. Владѣтели ость-индскихъ акцій начали беспокоиться насчетъ своихъ дивидендовъ. Всѣ люди даже обыкновеннаго человѣколюбія были тронуты бѣдствіями нашихъ несчастныхъ подданныхъ, и къ состраданію скоро начало примѣшиваться негодованіе. Носились слухи, что голодъ произведенъ агентами компаніи, скупившими весь рисъ страны; что они продавали его потомъ за цѣну въ восемь, десять и двѣнадцать разъ большую той, за которую сами его покупали; что одинъ англійскій чиновникъ, у котораго въ минувшемъ году не было и 100 гиней, переслалъ въ Лондонъ, во время этихъ бѣдствій, 60,000 ф. стерл. Мы полагаемъ, что эти обвиненія были не основательны. Что агенты компаніи, со времени отъѣзда Клайва, пробовали торговать рисомъ—это вѣроятно. Конечно, торговля эта, при маломъ количествѣ находившагося въ продажѣ риса, должна была доставить имъ большіе барыши. Но нѣтъ основанія думать, что они произвели или усилили бѣдствіе, которое достаточно

объясняется физическими причинами. Крики негодованія, поднявшіеся при этомъ случаѣ противъ агентовъ компаніи были, мы подозрѣваемъ, такъ же нелѣпы, какъ и обвиненія, которыя, въ голодное время, возводились нѣкогда государственными людьми и судьями и до настоящаго времени возводятся двумя-тремя старухами на торговцевъ хлѣбомъ. Но они были такъ громки и единодушны, что, кажется, ввели въ заблужденіе даже умъ столь возвышенный надъ обыкновенными предразсудками, каковъ былъ умъ Адама Смита. Еще удивительнѣе, что эти несчастныя событія значительно увеличили непопулярность лорда Клайва. Онъ уже нѣсколько лѣтъ находился въ Англіи, когда случился голодъ. Ни одна изъ принятыхъ имъ мѣръ не могла нисколько способствовать къ произведенію такого бѣдствія. Если агенты компаніи торговали рисомъ, то они этимъ прямо нарушали постановленное имъ правило, на которомъ, во время своего правленія, онъ энергически настаивалъ. Но въ глазахъ своихъ соотечественниковъ, онъ былъ набобъ, олицетвореніе типа англо-индійца, и, въ то время, когда онъ строился и садилъ растенія въ Сорри, его дѣлали отвѣтственнымъ за всё послѣдствія засухи въ Бенгалѣ.

Парламентъ до того времени обращалъ весьма мало вниманія на наши владѣнія на Востокъ. Съ кончины Георга II рядъ быстро смѣнявшихся слабыхъ управленій, изъ которыхъ каждое дѣлялось сначала предметомъ лести двора, а потомъ было имъ обманываемо, держалъ въ рукахъ своихъ призракъ власти. Интриги во дворцѣ, бунты въ столицѣ и мятежныя движенія въ американскихъ колоніяхъ оставляли совѣтникамъ короны мало досуга для изученія индійскихъ дѣлъ. Если они виѣшивались, то виѣшательство ихъ было слабо и нерѣшительно. Правда, лордъ Чатамъ, во время своего короткаго господства въ совѣтѣ Георга III, обдумывалъ рѣшительную и дѣйствительную мѣру относительно пріобрѣтенной компаніи. Но успѣху его плана помѣшала странная болѣзнь, которая около того времени начала омрачать его удивительный геній.

Наконецъ, въ 1772 г., всё сознали, что парламентъ не можетъ долѣе пренебрегать дѣлами Индіи. Правительство было

сильнѣе всѣхъ, смѣнявшихъ другъ-друга со времени разрыва между м-нѣмъ Питтомъ и великою федераціею виговъ въ 1761 г. Ни одинъ настоятельный вопросъ относительно домашнихъ или иностранныхъ дѣлъ не отвлекалъ вниманія государственныхъ людей. То былъ короткій и обманчивый штиль между двумя бурями. Волненіе, произведенное выборами въ Миддлсексъ, успокоилось; неудовольствія въ Америкѣ не угрожали еще междоусобною войною; финансовыя затрудненія компаніи привели къ кризису; министры были принуждены взяться за это дѣло, и давно скопившаяся гроза разомъ разразилась надъ главою Клайва.

Положеніе его было, дѣйствительно, замѣчательно несчастное. Его ненавидѣли по всей странѣ, ненавидѣли въ домѣ Остъ-Индской компаніи, ненавидѣли въ особенности богатые и могущественные агенты компаніи, хищничеству и деспотизму которыхъ онъ воспротивился. Онъ долженъ былъ нести вину какъ за свои дурныя, такъ и за хорошія дѣла, за каждое злоупотребленіе въ Индіи и за каждую тамошнюю реформу. Положеніе политическаго міра было таково, что Клайвъ не могъ рассчитывать на поддержку ни одного могущественнаго союзника. Партія, къ которой онъ принадлежалъ, партія Джорджа Гренвилля, была враждебна правительству, но тѣмъ не менѣе никогда не соединялась искренно съ другими частями оппозиціи: съ малою группою, которая все еще окружала лорда Чатлама, или съ многочисленной и могущественной партіей, которой лордъ Рокинггамъ былъ признаннымъ предводителемъ. Джорджа Гренвилля уже не было на свѣтѣ; его послѣдователи были разсѣяны, и Клайвъ, не имѣя связей ни съ одною изъ могущественныхъ факцій, раздѣлявшихъ парламентъ, могъ рассчитывать только на голосъ тѣхъ членовъ, которые были избраны подъ его вліяніемъ. Враги его, особенно тѣ, которые были врагами его добродѣтелей, были неразборчивы на средства, свирѣпы, беспощадны. Ихъ ненависть стремилась ни къ чему иному, какъ къ совершенному его разоренію и опозоренію. Они желали видѣть его изгнаннымъ изъ парламента, видѣть его лишеннымъ шпоръ и владѣній, — и можно сомнѣваться, утолили бы и такіе результаты ихъ жажду мести.

Парламентская тактика Клайва походила на его военную тактику. Покинутый друзьями, окруженный многочисленными врагами и зная, что на ставкѣ вся его судьба, Клайвъ даже не счелъ нужнымъ оставаться въ оборонительномъ положеніи, а смѣло устремился въ атаку. Вскорѣ послѣ начала разсужденій объ индійскихъ дѣлахъ онъ всталъ и въ длинной и обработанной рѣчи оправдалъ себя отъ значительной части взведенныхъ на него обвиненій. Говорятъ, онъ произвелъ на присутствующихъ сильное впечатлѣніе. Лордъ Чатамъ, въ то время лишь тѣнь прежняго, любившій посѣщать мѣсто своей славы, находился въ описываемый вечеръ подъ галереей нижней палаты и объявилъ, что никогда не слышалъ лучшей рѣчи. Она была впоследствии напечатана подъ наблюденіемъ Клайва, и какъ бы велика ни была помощь, которую могли оказать ему друзья изъ круга литераторовъ, эта рѣчь доказываетъ, что онъ обладалъ не только умомъ и мужественнымъ духомъ, но и способностями къ анализу и краснорѣчію, которыя, тщательнымъ развитіемъ, могли быть доведены до высшей степени совершенства. Онъ ограничился въ этомъ случаѣ защитою мѣръ, принятыхъ имъ во время послѣдняго управленія, и имѣлъ такой успѣхъ, что враги его съ того времени нашли болѣе выгоднымъ направить свои нападенія преимущественно на раннюю пору его жизни.

Эта пора его жизни, къ несчастью, представляла ихъ враждѣ нѣсколько слабыхъ сторонъ. Для разсмотрѣнія индійскихъ дѣлъ былъ выбалотированъ комитетъ, и онъ подвергъ злорадно-тщательному изслѣдованію всю исторію великаго переворота, который свергнулъ Сураджа-Даулу и возвелъ на престолъ Миръ — Джеффирал. Клайвъ былъ подвергнутъ самымъ строгимъ разспросамъ и переспросамъ и впоследствии горько жаловался, что съ нимъ, барономъ Плесси, поступили какъ съ овцекрадомъ. Одна смѣлость и искренность его отвѣтовъ достаточны для доказательства того, какъ чужды были его природѣ тѣ уловки, до которыхъ онъ иногда унижался въ своей дипломатической дѣятельности на Востокаѣ. Онъ сознался въ хитростяхъ, употребленныхъ имъ съ цѣлью обмануть Омичонда, и рѣшительно сказалъ, что не стыдятся ихъ и что въ подобныхъ обстоятельствахъ онъ поступилъ

*

бы вторично точно такъ же. Онъ призналъ, что получилъ огромныя суммы отъ Миръ-Джеффира, но не допускалъ, чтобы тѣмъ нарушилъ какое-нибудь правило нравственности или чести. Напротивъ того, онъ, не безъ нѣкотораго основанія, заявилъ свое право на хвалу за необыкновенное безкорыстіе. Онъ живыми красками описалъ то положеніе, въ которое поставила его побѣда: великаго государя, зависящаго отъ его произвола; цвѣтущій городъ, страшашійся быть преданнымъ разграбленію; богатыхъ банкировъ, надбавляющихъ другъ передъ другомъ цѣну его улыбокъ; погреба, наполненные золотомъ и драгоценными камнями и раскрытые для него одного. «Ей Богу, м-ръ президентъ, воскликнулъ онъ, въ настоящую минуту я изумляюсь собственной умѣренності!»

Исслѣдованіе было такъ обширно, что парламентъ разошелся, не постановивъ рѣшенія. Дѣло продолжалось въ слѣдующую сессію. Когда, наконецъ, комитетъ окончилъ свою работу, просвѣщеннымъ и безпристрастнымъ людямъ было нетрудно сдѣлать окончательный выводъ. Клайвъ явно былъ виновенъ въ нѣкоторыхъ проступкахъ, которые невозможно защищать, не отвергая самыхъ священныхъ законовъ, управляющихъ сношеніями отдѣльныхъ лицъ и государствъ. Но было одинаково ясно, что онъ выказалъ большія способности и даже великія добродѣтели; что онъ оказалъ важныя услуги какъ своему отечеству, такъ и индійскому народу, и что въ сущности онъ былъ призванъ передъ судъ не за свои дѣйствія относительно Миръ-Джеффира и не за обманъ Омичонда, но за рѣшительное сопротивленіе хищничеству и тиранніи.

Обыкновенное уголовное судопроизводство не знаетъ закона уравновѣшенія. Величайшая заслуга не можетъ быть принята въ оправданіе противъ обвиненія въ малѣйшемъ нарушеніи установленныхъ правилъ. Человѣку, продававшему пиво въ воскресенье утромъ, не послужитъ оправданіемъ, что онъ спасъ жизнь ближнему, рискуя своею собственною. Человѣку, запрягшему ньюфаундлендскую собаку въ маленькую тележку своего ребенка, не будетъ признано извиненіемъ, что онъ равенъ подъ Ватерлоо. Но не такъ слѣдовало бы поступать съ людьми, которые, бывъ

поставлены далеко выше обыкновенныхъ стѣсненій и подвергшись необычайнымъ искушеніямъ, имѣютъ право и на большую долю снисхожденія. Подобные люди должны бы быть судимы современниками такъ же, какъ они будутъ судимы потомствомъ. Ихъ дурныя дѣла, конечно, не должны быть названы хорошими; но ихъ добрыя и дурныя дѣла должны быть безпристрастно взвѣшены, и если въ общемъ итогѣ добрыя дѣла перевѣсятъ, то судъ долженъ произнести не только оправданіе, но и одобреніе. Ни одинъ великій правитель не былъ бы оправданъ судьей, который неумолимо остановилъ бы вниманіе свое на одномъ или на двухъ неизвинительныхъ дѣйствіяхъ. Брюсъ, освободитель Шотландіи; Морицъ, освободитель Германіи; Вильгельмъ, освободитель Голландіи; его великій потомокъ, освободитель Англіи; Моррей, добрый правитель; Козьма, отецъ своей страны; французскій король Генрихъ IV; русскій императоръ Петръ Великій: — могъ ли бы лучший изъ нихъ выдержать подобное испытаніе. Взглядъ исторіи обшириѣе, и лучший судъ для великихъ политическихъ случаевъ тотъ, который упрещаетъ приговоръ исторіи.

Благоразумные и умѣренные люди всѣхъ партій чувствовали это въ дѣлѣ Клайва. Они не могли объявить его совершенно безвиннымъ; но они не хотѣли предать его низкой и мстительной ордѣ, которая низвергла его и готова была замучить до смерти. Лордъ Нортъ, хотя и не очень расположенный къ Клайву, не хотѣлъ однако идти противъ него до послѣднихъ крайностей. Въ то время, какъ слѣдствіе продолжалось, Клайвъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ возведенъ въ достоинство кавалера ордена Бани, былъ съ большимъ торжествомъ украшенъ этимъ орденомъ въ часовнѣ Генриха VII. Вскорѣ послѣ того онъ былъ назначенъ лордомъ-намістникомъ Шропшира. Когда онъ явился для цѣлованія руки, Георгъ III, который всегда былъ пристрастенъ къ Клайву, далъ ему частную аудіенцію, около получаса говорилъ съ нимъ объ индійскихъ дѣлахъ и былъ замѣтно тронутъ, когда преслѣдуемый генералъ началъ говорить о своихъ заслугахъ и о томъ, какимъ образомъ онъ былъ за нихъ вознагражденъ.

Наконецъ обвиненія, въ опредѣленной формѣ, были представлены въ нижнюю палату. Боггойнъ, президентъ комитета, человекъ умный, свѣтскій и благородный, хорошій драматическій писатель, офицеръ, котораго мужество никогда не было подвержено сомнѣвію и котораго искусство было въ то время высоко цѣнимо,—явился обвинителемъ. Члены администраціи приняли разныя стороны, потому что въ то время всѣ вопросы, за исключеніемъ предложенныхъ правительствомъ или заключавшихъ въ себѣ неодобреніе дѣйствій правительства, были разсматриваемы публично. Торло, генераль-атторней, принадлежалъ къ числу нападавшихъ. Веддерборнъ, генераль-солиситоръ, сильно привязанный къ Клайву, защищалъ своего друга съ необыкновенною силою доказательствъ и выраженій. Замѣчательно, что нѣсколько лѣтъ спустя Торло былъ важнѣйшимъ защитникомъ Воррена Гастингса, въ то время, какъ Веддерборнъ принадлежалъ къ числу самыхъ непреклонныхъ преслѣдователей этого великаго, хотя и небезвиннаго государственнаго человека. Клайвъ говорилъ въ свою защиту мѣтче продолжительно и съ меньшимъ искусствомъ, нежели въ прошломъ году, но съ большею энергіею и жаромъ. Онъ перечелъ свои великіе подвиги и испытанныя несправедливости и, попросивъ присутствовавшихъ вспомнить, что они должны положить рѣшеніе, касающееся не только его чести, но и своей собственной, удалился изъ палаты.

Общины рѣшили, что пріобрѣтенія, сдѣланныя силами государства, принадлежать ему одному и что присвоеніе подобныхъ пріобрѣтеній служителями государства—противозаконно. Они прибавили, что это благодѣтельное правило, какъ кажется, было систематически нарушаемо англійскими должностными лицами въ Бенгалѣ. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней они сдѣлали еще шагъ и рѣшили, что Клайвъ, посредствомъ власти, данной ему какъ главнокомандующему англійскими силами въ Индіи, получилъ значительныя суммы денегъ отъ Миръ-Джеффира. Тутъ палата остановилась. Она согласилась съ общою и частною посылками Боггойна, но не рѣшилась вывести логическаго заключенія. Когда было предложено постановить, что лордъ Клайвъ злоупотребилъ своею властью и подалъ дурной примѣръ лицамъ, со-

стоящимъ на общественной службѣ,—большинство голосовъ отвѣтило утвердительно. Наконецъ, долго послѣ того, какъ солнце взошло во время оживленныхъ преній, Веддерборнъ внесъ предложеніе, что лордъ Клайвъ въ то же время оказалъ великія и достойныя услуги своему отечеству, и предложеніе это было принято единогласно.

Результатъ этого замѣчательнаго изслѣдованія, вообще, дѣлаетъ, какъ намъ кажется, честь справедливости, умѣренности и ясному взгляду палаты общинъ. Она, впрочемъ, не подвергалась сильному искушенію поступить дурно. Члены ея были бы весьма плохими судьями въ случаѣ обвиненія Дженкинсона или Вилъкса. Но дѣло Клайва не было дѣломъ партій, и парламентъ поступилъ съ тѣмъ здравымъ смысломъ и благороднымъ чувствомъ, какіе всегда нужно ожидать отъ собранія англійскихъ джентльменовъ, не ослабленныхъ духомъ партій.

Справедливыя и умѣренныя дѣйствія англійскаго парламента были выставлены еще въ лучшемъ свѣтѣ слѣдующимъ сравненіемъ. Презрѣнное правительство Людовика XV, непосредственно или посредственно, губило почти каждаго француза, съ отличіемъ служившаго своей родинѣ на Востокѣ. Лавурдоннъ былъ посаженъ въ Бастилію и послѣ годовъ страданія, вышелъ изъ нея только для того, чтобы умереть. Дюпле, лишенный своего огромнаго состоянія и нравственно убитый униженіемъ ожиданія въ переднихъ, сошелъ въ безвѣстную могилу. Лалли былъ приведенъ на обычную лобную площадь съ заткнутымъ ртомъ. Съ другой стороны, англійскія общины судили своего живаго полководца съ тою разборчивою справедливостію, которую обыкновенно оказываютъ только умершимъ. Они постановили здравыя общія правила, неоскорбительнымъ образомъ указали въ чемъ Клайвъ уклонился отъ этихъ правилъ, и ослабили это легкое осужденіе щедрою похвалою. Эта противоположность поразила Вольтера, всегда пристрастнаго къ Англии и всегда охотно выставлявшаго злоупотребленія парламентовъ французскихъ. Дѣйствительно, онъ въ то время, какъ кажется, обдумывалъ исторію покоренія Бенгала. Онъ сообщилъ свое намѣреніе л-ру Муру, когда этотъ занимательный писатель посѣтилъ

его въ Фернеѣ. Ведекерборнъ сильно интересовался этимъ дѣломъ и уговаривалъ Клайва доставить матеріалы. Еслибы намѣреніе это было приведено въ исполненіе, то сочиненіе Вольтера, несомнѣнно, было бы полно живаго и живописнаго разсказа, остроумно выраженныхъ справедливыхъ и человѣчныхъ чувствъ, смѣшныхъ ошибокъ, насмѣшекъ надъ монсеевой хронологіей, скандальныхъ разсказовъ о католическихъ миссіонерахъ и возвышенной теофилантропіи, украденной изъ Новаго Завета и вложенной въ уста добродѣтельныхъ браминновъ—философовъ.

Клайву было теперь обезпечено пользованіе его богатствомъ и почестями. Онъ былъ окруженъ преданными друзьями и родственниками и еще не пережилъ времени полного развитія умственныхъ и тѣлесныхъ силъ. Но тяжелыя тучи уже давно скопились надъ его умомъ и теперь стали надъ нимъ мрачной завѣсой. Съ ранней молодости онъ страдалъ припадками страшной меланхоліи, «которая необыкновенно радуется, если можетъ найти могилу». Бывъ еще нисцомъ въ Мадрасъ, онъ дважды пытался лишить себя жизни. Занятія и успѣхи имѣли благотворное вліяніе на его духъ. Въ Индіи, пока онъ былъ занятъ важными дѣлами, въ Англіи, пока богатство и почести имѣли для него прелесть новизны, онъ не поддавался своему органическому страданію. Но теперь ему нечего было дѣлать и нечего желать. Въ бездѣйствіи его дѣятельный духъ опустился и ослабѣвалъ подобно растенію въ неблагоприятной атмосферѣ. Злоба, съ которою преслѣдовали его враги, оскорбительное обращеніе съ нимъ комитета, осужденіе общинами, какъ умѣренно оно ни было, сознаніе того, что значительная часть его соотечественниковъ почитала его жестокимъ и вѣроломнымъ тираномъ,—все совокупно раздражало его и подавляло. Въ то же время его нравъ испытывалъ дѣйствіе острыхъ физическихъ страданій. Изъ своего продолжительнаго пребыванія въ тропическомъ климатѣ онъ вынесъ нѣсколько весьма мучительныхъ болѣзней. Для ихъ облегченія онъ прибѣгъ къ опиуму и былъ мало-по-малу поработенъ этимъ коварнымъ союзникомъ. Впрочемъ, до самаго конца гений его по-временамъ сверкалъ сквозь мракъ. Рассказыва-

ли, что иногда, просидѣвъ цѣлые часы въ молчаніи и недвижно, онъ сосредоточивался на обсужденіи какого-нибудь важнаго вопроса, показывая во всей силѣ своей способности солдата и государственнаго человѣка, и потомъ снова впадалъ въ меланхолическій покой.

Распри съ Америкою приняли въ то время такой серьезный характеръ, что рѣшеніе вопроса мечомъ казалось неизбежнымъ, и министры желали воспользоваться услугами Клайва. Еслибы онъ былъ тѣмъ же человѣкомъ, какимъ онъ былъ, заставляя снятъ осаду Патны или уничтожая голландскій флотъ и армію при устьяхъ Ганга, то, вѣроятно, сопротивленіе колоній было бы подавлено и неизбежное отдѣленіе ихъ отъ Англіи отсрочилось бы еще на нѣсколько лѣтъ. Но было поздно. Сильный умъ его быстро упалъ подѣ дѣйствіемъ различнаго рода страданій. 22 ноября 1774 г. онъ самъ лишилъ себя жизни. Ему только-что минуло 49 лѣтъ.

Въ такомъ ужасномъ исходѣ рѣдкаго благоденствія и славы масса видѣла только подтвержденіе всѣхъ своихъ предубѣжденій, и нѣсколько дѣйствительно религіозныхъ и умныхъ людей дото-го забыли ученія вѣры и философіи, что сѣло приписывали это мрачное провсшествіе справедливой мести Божіей и терзаніямъ нечистой совѣсти. Мы съ совершенно другими чувствами созерцаемъ этотъ великій умъ, убитый усталостью пресмыщенія, мученіями оскорбленной чести, опасными болѣзнями и еще болѣе опасными лекарствами.

На памяти Клайва лежатъ тяжкія вѣны, и мы не старались ихъ скрыть. Но если взвѣсить его ошибки и его заслуги и взять въ соображеніе тѣ искушенія, которымъ онъ подвергался, то эти ошибки, какъ намъ кажется, не лишаютъ его права на почетное мѣсто въ исторіи.

Съ перваго посѣщенія имъ Индіи считается начало славы нашего оружія на Востокѣ. До появленія Клайва его соотечественниковъ презирали какъ мелочныхъ торговцевъ, тогда какъ французовъ почитали какъ народъ созданный для побѣды и господства. Мужество и способности Клайва разрушили это предубѣжденіе. Съ защиты Аркота начинается длинный рядъ нашихъ успѣховъ

на Востокъ, который заключается паденіемъ Гизни. И не должно забывать, что ему было только 25 лѣтъ отъ роду, когда онъ доказалъ свою способность начальствовать. Это рѣдкій, если не единственный примѣръ. Правда, Александръ Македонскій, Конде и Карлъ XII выигрывали сраженія еще въ болѣе раннемъ возрастѣ; но эти люди были окружены замѣчательно-искусными ветеранами генералами, совѣтамъ которыхъ долженъ быть приписанъ—выигрышъ сраженій при Граникѣ, при Рокруа и при Нарвѣ. Клайвъ, неопытный юноша, обладалъ однако болѣею опытностью, нежели кто-либо изъ служившихъ подъ его начальствомъ. Онъ долженъ былъ образоваться самъ, образовать своихъ офицеровъ и образовать свою армию. Единственный человѣкъ, который, сколько мы можемъ вспомнить, въ столь же раннемъ возрастѣ доказалъ одинаковыя способности къ войнѣ, былъ Наполеонъ Бонапартъ.

Со втораго посѣщенія Клайвомъ Индіи считается политическое господство Англіи въ этой странѣ. Ловкость и рѣшимость Клайва осуществили, въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, болѣе, нежели всѣ великолѣпныя видѣнія, носившіяся въ воображеніи Дюплье. Подобное количество обработанной земли, подобная сумма доходовъ, подобное множество подданныхъ никогда не было присоединяемо къ владѣніямъ Рима даже самымъ счастливымъ изъ проконсуловъ. Никогда столь богатая добыча не была пронесена подъ триумфальными арками по священному пути, чрезъ наполненный толпами народа форумъ, къ порогу тарпейскаго храма Юпитера. Слава тѣхъ, которые покорили Антиоха и Тиграна, меркнетъ при блескѣ подвиговъ, совершенныхъ молодымъ англійскимъ удальцомъ во главѣ арміи, которая числомъ не равнялась даже половинѣ римскаго легіона. Съ третьяго посѣщенія Индіи Клайвомъ начинается чистота управленія нашею восточною имперіею. Когда онъ прибылъ въ Калькутту, въ 1765 г., Бенгалъ считался мѣстомъ, куда англичане посылались единственно затѣмъ, чтобы какими бы ни было средствами разбогатѣть въ самое короткое время. Онъ первый неустрашимо началъ безпощадную войну противъ этой гигантской системы угнетенія, вымогательства и подкуповъ. Въ этой войнѣ онъ мужественно ри-

своимъ спокойствіемъ, славой и блестящимъ состояніемъ. То же самое чувство справедливости, которое не позволяетъ намъ скрыть или уменьшить ошибки ранней поры его жизни, заставляетъ насъ признать, что ошибки эти были благородно искуплены. Если съ компаніи и ея агентовъ смыто прежнее пятно; если въ Индіи иго чужеземцевъ, повсюду самое тяжелое, найдено болѣе легкимъ, нежели иго любой туземной династіи; если шайку общественныхъ грабителей, которая вѣкогда наводила ужасъ на всю равнину Бенгала, замѣстили должностныя лица, столько же отличающіяся способностями и рвеніемъ, какъ и честностью, безкорыстіемъ и общественнымъ духомъ; если мы въ настоящее время видимъ людей, подобныхъ Монро, Эльфинстону и Меткафу, которые — послѣ того, какъ предводительствовали побѣдоносными арміями, возводили и низводили царей — возвращаются на родину, гордые своей почетной бѣдностью, изъ страны, которая, въ прежнее время, давала каждому жадному прикащику надежду на неограниченное богатство, — то всѣмъ этимъ мы не въ малой мѣрѣ обязаны Клайву. Имя его стоитъ высоко въ спискѣ завоевателей. Но его можно найти въ болѣе почетномъ спискѣ, въ спискѣ тѣхъ, которые многое сдѣлали и много страдали для счастья человѣчества. Воину исторія назначить мѣсто рядомъ съ Лукулломъ и Траяномъ. Но не откажетъ она и преобразователю въ доли того уваженія, съ которымъ Франція вспоминаетъ имя Тюрго и съ которымъ отдаленнѣйшія поколѣнія индусовъ будутъ взирать на статую лорда Вилліама Бентинка.

РИМСКІЕ ПАПЫ.

(Октябрь, 1840).

«The Ecclesiastical and Political History of the Popes of Rome, during the Sixteenth and Seventeenth Centuries». By LEOPOLD VON RANKE, Professor in the University of Berlin. Translated from the German, by SAMUEL Austin. 3 vols. 8-vo. London. 1840.

«Церковная и политическая исторія римскихъ папъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Соч. Леопольда фонъ-Ранке, профессора берлинскаго университета. Переводъ съ нѣмецкаго Самуэля Остинъ. 3 тома. 8-во. Лондонъ. 1840.

Едва ли нужно намъ говорить, что это — превосходная книга, превосходно переведенная. Подлинное сочиненіе профессора Ранке извѣстно и уважаемо всею, гдѣ только изучается нѣмецкая литература, и даже было найдено занимательнымъ въ крайне невѣрномъ и недобросовѣстномъ французскомъ переводѣ. Это, подлинно, произведеніе ума, одинаково способнаго и къ подробнымъ изслѣдованіямъ и къ обширнымъ умозаключеніямъ. Оно написано въ прекрасномъ духѣ, равно далекомъ и отъ легкомыслія, и отъ ханжества, исполненномъ достоинства, вѣротерпимости и безпристрастія. Поэтому, мы съ большимъ удовольствіемъ видимъ, что эта книга заняла мѣсто между англійскими классиками. О переводѣ мы должны замѣтить, что онъ таковъ, какъ можно было ожидать отъ искусства, вкуса и строгой добросовѣстности

той образованной дамы, которая, служа посредницею между духомъ Германіи и духомъ Англій, уже такъ много оказала услугъ обѣимъ странамъ.

Предметъ книги всегда казался намъ особенно занимательнымъ. Какъ случилось, что протестантизмъ сдѣлалъ такъ много, но не сдѣлалъ болѣе; что римская церковь, потерявши большую часть Европы, нетолько перестала терять, но даже возвратила назадъ почти половину потеряннаго,—это, безъ сомнѣнія, весьма любопытный и важный вопросъ, и на этотъ вопросъ профессоръ Ранке бросилъ болѣе свѣта, нежели кто-либо изъ писавшихъ о томъ же предметѣ.

Нѣтъ и никогда не было ни одного произведенія человѣческой политики, въ такой степени заслуживающаго изслѣдованія, какъ римско-католическая церковь. Исторія этой церкви соединяетъ въ себѣ два великіе вѣка человѣческаго образованія. Не осталось ни одного учрежденія, которое напоминало бы намъ тѣ времена, когда дымъ жертвъ подымался съ Пантеона и когда камелопарды и тигры прыгали въ амфитеатръ Флавія. Самые гордые королевскіе роды кажутся ничтожно короткими въ сравненіи съ линіею римскихъ первосвященниковъ. Эту линію мы можемъ прослѣдить безъ перерывовъ отъ папы, который короновалъ Наполеона въ XIX столѣтіи, до папы, который короновалъ Пепина въ VIII; священная династія идетъ и гораздо далѣе времени Пепина, теряясь во мракѣ басни. Венеціанская республика была второю по древности. Но венеціанская республика была нова въ сравненіи съ папствомъ, и венеціанская республика исчезла, а папство все-еще существуетъ. И папство существуетъ не въ упадкѣ, не какъ остатокъ древности, но исполненное жизни и юношеской силы. Католическая церковь все-еще высылаетъ въ отдаленнѣйшія части свѣта миссіонеровъ, столь же ревностныхъ, какъ высадившіеся съ Августиномъ въ Кентъ; все-еще встрѣчаетъ враждебныхъ королей такъ же мужественно, какъ встрѣтила Аттилу. Паства ея многочисленнѣе, чѣмъ въ прежніе вѣка. Ея приобрѣтенія въ Новомъ Свѣтѣ болѣе чѣмъ вознаградили ее за потери въ Старомъ. Ея духовное господство простирается надъ обширными странами, лежащими

между равнинами Миссури и мысом Горномъ, странами, которыя, чрезъ сто лѣтъ, вѣроятно, будутъ содержать столь же многочисленное народонаселеніе, какое содержитъ Европа. Число ея членовъ составляетъ, конечно, не менѣе 150 милліоновъ; между тѣмъ, трудно доказать, чтобы всѣ другія христіанскія исповѣданія, взятая вмѣстѣ, достигали цифры 120 милліоновъ. И мы не замѣчаемъ признаковъ, чтобы ея долгое владычество приближалось къ концу. Церковь эта видѣла начало всѣхъ правительствъ и всѣхъ духовныхъ учреждений, нынѣ существующихъ въ свѣтѣ, и мы не можемъ имѣть убѣжденія, чтобы ей не суждено было видѣть ихъ конецъ. Она была велика и почитаема, прежде нежели саксъ поставилъ ногу на почву Британіи, прежде нежели франкъ перешагнулъ за Рейнъ, когда въ Антиохіи еще процвѣтало греческое краснорѣчіе, когда въ храмѣ Мекки еще поклонялись идоламъ. И она, быть можетъ, будетъ все-еще существовать въ одинаковой силѣ въ то время, когда путешественникъ изъ Новой Зеландіи встанетъ, посреди обширной пустыни, на сломанную арку лондонскаго моста, рисовать развалины церкви Св. Павла.

Мы часто слышимъ, какъ говорятъ, что свѣтъ все болѣе и болѣе просвѣщается и что это просвѣщеніе должно быть благопріятно протестантизму и неблагопріятно католицизму. Мы желали бы имѣть возможность сдѣлать подобное предположеніе. Но мы находимъ много важныхъ причинъ сомнѣваться въ основательности этого ожиданія. Мы видимъ, что въ продолженіе послѣднихъ 2-хъ съ половиною столѣтій человѣческой умъ былъ въ высшей степени дѣятеленъ; что онъ сдѣлалъ большіе успѣхи во всѣхъ отрасляхъ естественной философіи; что онъ сдѣлалъ безчисленныя открытія, клонящіяся къ умноженію удобствъ жизни; что медицина, хирургія, химія, инженерная наука значительно подвинулись впередъ; что правленіе, полиція и законы также сдѣлали успѣхи, хотя и не въ такой степени, какъ естественныя науки. Но мы видимъ, что въ продолженіе этихъ 250 лѣтъ протестантизмъ не сдѣлалъ завоеваній, о которыхъ бы стоило говорить; мы даже думаемъ, что если и была какая-нибудь перемѣна, то, вообще, она была въ пользу римской церкви. Поэтому, мы не можемъ быть увѣ-

рены, что успѣхи въ знаніи будутъ гибельны для системы, которая, по меньшей мѣрѣ, удержала за собою свое поле, не смотря на необъятный прогрессъ человѣческихъ знаній со дней Елисаветы.

Кажется, что разсматриваемый нами доводъ основанъ на возрѣніи совершенно ошибочномъ. Есть отрасли знаній, въ отношеніи къ которымъ законъ человѣческаго ума состоитъ въ прогрессѣ. Въ математикѣ положеніе, разъ доказанное, никогда уже не оспаривается. Каждый новый этажъ составляетъ столь же твердое основаніе для будущихъ надстроекъ, какъ и первоначальный фундаментъ. Слѣдовательно, здѣсь имѣетъ мѣсто постоянное прибавленіе къ капиталу истины. Въ наукахъ опытныхъ законъ также состоитъ въ прогрессѣ. Каждый день доставляетъ новые факты и тѣмъ самымъ приводитъ теорію все ближе и ближе къ совершенству. Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ наукахъ чисто выводныхъ или чисто опытныхъ свѣтъ когда-нибудь пошелъ назадъ или даже остановился. Никто никогда не слышалъ о реакціи противъ теоремы Тейлора или о реакціи противъ ученія Гарви о кровообращеніи.

Но съ богословіемъ совершенно иное. Что касается естественной религіи,—откровеніе въ настоящую минуту совершенно въ нашего вопроса,—то мы не видимъ, чтобы философъ новаго времени находился въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ Эалесъ и Симонидъ. Предъ нимъ совершенно тѣ же самыя доказательства преднамѣренности въ построеніи вселенной, какія представлялись грекамъ самыхъ древнихъ временъ. Мы говоримъ: совершенно тѣ же самыя, потому что открытія новыхъ астрономовъ и анатомовъ въ сущности не придали ничего къ силѣ доказательства, которое размышляющій умъ находитъ въ каждомъ звѣрѣ, въ птицѣ, рыбѣ, насѣкомомъ, листѣ, цвѣткѣ и раковинѣ. Доказательство, которымъ Сократъ, въ присутствіи Ксенофонта, опровергъ маленькаго атенста Аристодема, совершенно тождественно съ доказательствомъ естественнаго богословія Пали. Сократъ дѣлаетъ рѣшительно то же употребленіе изъ статуи Поликлета и картинъ Зевксиса, какъ Пали изъ часовъ. Что касается другаго великаго вопроса, вопроса о томъ,

что дѣлается съ человѣкомъ послѣ смерти, то мы не находимъ, чтобы высоко-образованный европеецъ, предоставленный одному своему разуму, былъ въ состояніи разрѣшить задачу лучше, нежели индѣецъ племени книстиновъ (1). Ни одна изъ многихъ наукъ, въ которыхъ мы превосходимъ индѣйцевъ, не бросаетъ ни малѣйшаго свѣта на состояніе души послѣ прекращенія животной жизни. Говоря откровенно, намъ кажется, что всѣ прежніе и новыя философы, отъ Платона до Франклина, которые пытались безъ помощи откровенія доказать безсмертіе человѣка, потерпѣли жалкую неудачу.

Кромѣ того, всѣ великія загадки, которыя смущаютъ естественнаго богослова, однѣ и тѣ же во всѣ вѣка. Остроуміе народа, только-что выходящаго изъ состоянія варварства, вполне достаточно для того, чтобы ихъ предложить. Геній Локка или Кларка вполне неспособенъ ихъ разрѣшить. Ошибаются, воображая, что тонкія разсужденія о принадлежностяхъ божества, о происхожденіи зла, о неизбѣжности человѣческихъ дѣяній, объ основаніи нравственныхъ обязанностей—требуютъ высокой степени умственнаго развитія. Напротивъ того, подобныя разсужденія доставляютъ особенное наслажденіе умнымъ дѣтямъ и полуобразованнымъ взрослымъ. Не мало мальчиковъ, которые, въ 14 лѣтъ, достаточно думали объ этихъ вопросахъ, чтобы заслужить похвалу Вольтера Задигу: «il en savait ce qu'on en a su dans tous les âges; c'est à dire, fort peu de chose». Книга Іова доказываетъ намъ, что задолго до того времени, когда наука и искусства стали извѣстны въ Іовѣ, эти безпокоющіе человѣчскій умъ вопросы уже разсматривались не безъ искусства и краснорѣчія подъ палатками идумейскихъ эмировъ, и что человѣчскій умъ, въ продолженіе 3000 лѣтъ, не далъ удовлетворительнаго разрѣшенія загадкамъ, смущавшимъ Элифаза и Зофара (2).

Слѣдовательно, естественное богословіе не есть наука, способная подвигаться впередъ. Знаніе же о нашемъ происхожде-

(1) Въ сѣверной Америкѣ, между Гудсоновымъ заливомъ и Скалистыми горами.

(2) См. Іовъ. 2, 11, 4, 1.

вія и нашемъ назначеніи, которое мы почерпаемъ изъ откровенія, отличается совершенно иною ясностью и совершенно иною важною. Но религія откровенія не представляетъ характера наукъ, допускающихъ прогрессъ. По ученію протестантской церкви, вся божественная истина заключается въ извѣстныхъ книгахъ. Она, во всё времена, одинаково доступна всѣмъ, могущимъ читать эти книги, и всё открытія философовъ цѣлаго свѣта не могутъ прибавить ни къ одной изъ этихъ книгъ ни одного стиха. Ясно, что въ богословіи не можетъ быть прогресса, подобнаго тому, какой мы замѣчаемъ постоянно въ фармацевтикѣ, геодогіи и искусствѣ мореплаванія. Христіанинъ V столѣтія съ библіей въ рукахъ находился ни въ лучшемъ, ни въ худшемъ положеніи, чѣмъ держащій библію христіанинъ XIX столѣтія, — конечно, предполагая ихъ чистосердечіе и природныя способности равными. Положеніе ихъ нисколько не измѣняется оттого, что компасъ, книгопечатаніе, порохъ, сила пара, газъ, оспопрививаніе и тысяча другихъ открытій и изобрѣтеній сдѣлались общезвѣстными въ XIX столѣтіи, не бывши вовсе извѣстны въ V. Ни одно изъ этихъ открытій и изобрѣтеній не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ вопросу: достаточно ли одна вѣра для оправданія человѣка, или къ вопросу: согласно ли съ ученіемъ христіанства призываніе святыхъ. Поэтому намъ кажется, что мы ничѣмъ не обезпечены въ будущемъ противъ господства какого бы то ни было изъ богословскихъ заблужденій, которыя уже до насъ существовали между христіанами. Мы увѣрены, что свѣтъ никогда не возвратится къ солнечной системѣ Птолемея, и наше убѣжденіе нисколько не уменьшается тѣмъ, что столь великій человѣкъ, какъ Бэконъ, съ презрѣніемъ отвергалъ теорію Галилея: Бэконъ не имѣлъ всёхъ тѣхъ средствъ придти къ сираведливому заключенію, которыя доступны намъ, и они-то охраняютъ отъ его ошибокъ людей, которые были бы недостойны очинить ему перо. Но когда мы подумаемъ, что сэръ Томасъ Моръ былъ готовъ умереть за ученіе о пресуществленіи, мы получаемъ право предполагать, что ученіе о пресуществленіи можетъ восторжествовать надъ всѣми препятствіями. Моръ былъ человѣкъ за-

ищательныхъ талантовъ. Онъ имѣлъ всѣ тѣ же свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, которыя имѣемъ мы и которыя до конца свѣта кто-либо будетъ имѣть. Текстъ: «сие есть тѣло мое» былъ у него въ Новомъ Завѣтѣ, какъ и у насъ. Невозможность буквального истолкованія была такъ же велика и очевидна въ XVI столѣтїи, какъ и теперь. Никакіе успѣхи наукъ, сдѣланные и предстоящіе, не придадутъ ничего къ подавляющей, по нашему мнѣнію, силѣ доказательствъ противъ дѣйствительнаго присутствія, тѣла и крови Христа въ Причастїи. Поэтому, мы не можемъ понять, отчего бы тому, чему вѣрилъ сэръ Томасъ Моръ относительно пресуществленія, не могли вѣрить до скончанія міра люди одинаковыхъ съ нимъ способностей и одинаковой добросовѣстности. Но сэръ Томасъ Моръ можетъ служить образцомъ человѣческой мудрости и добродѣтели; а ученіе о пресуществленіи представляетъ какъ-бы пробный камень. Вѣра, которая выдержала это испытаніе, выдержитъ и всякое другое. Пророчества Бротерса и чудеса принца Гогенлоэ⁽³⁾ — пустяки въ сравненіи съ этимъ.

Одно исключеніе, однако, должно быть сдѣлано. Книги и преданія извѣстной секты могутъ содержать, вмѣстѣ съ положеніями чисто богословскими, другія положенія, имѣющія притязаніе основываться на томъ же самомъ авторитетѣ, но относящіяся къ естествознанію. Если новыя открытія подорвутъ довѣріе къ этимъ положеніямъ естественныхъ наукъ, то и богословскія положенія возбуждаютъ сомнѣнія, если они не могутъ быть отдѣлены отъ первыхъ. Конечно, этимъ путемъ прогрессъ наукъ можетъ служить косвеннымъ образомъ религіозной истинѣ. Такъ напр. мнѣологія индусовъ связана съ самою бессмысленною географіею. Слѣдовательно, всякій молодой браминъ, учащійся географіи въ нашихъ школахъ, учится смѣяться надъ мнѣологіею индусовъ. Если католицизмъ не пострадалъ въ равной степени отъ папскаго рѣшенія, что солнце обращается вокругъ земли, то это потому, что всѣ благоразумные католики убѣждены теперь, подобно Паскалю, что вообще рѣшая этотъ вопросъ,

(*) Первый — фанатикъ (1795), выдававшій себя пророкомъ новой вѣры; второй — теологъ († 1849), чудесно исцѣлявшій вѣдуги.

церковь превзошла свою власть и потому справедливо была лишена той сверхъестественной помощи, которой она въ правѣ ожидать, по общанію своего Основателя, въ отправленіи своихъ законныхъ обязанностей.

Это исключеніе ни мало не ослабляетъ истины нашего положенія, что собственно богословіе—наука не прогрессивная. Самое поверхностное знаніе исторіи, самое поверхностное наблюденіе жизни достаточны для доказательства, что никакая ученость, никакая проникательность не въ состояніи охранить отъ величайшихъ заблужденій въ предметахъ, касающихся невидимаго міра. Бейль и Чиллингвортъ, два самыхъ сильныхъ скептика, сдѣлались католиками по искреннему убѣжденію. Джонсонъ, не вѣрившій ничему другому, охотно вѣрилъ чудесамъ и привидѣніямъ. Онъ отвергалъ существованіе Оссиана и былъ готовъ допустить даръ предвидѣнія. Онъ не хотѣлъ вѣрить въ лиссабонское землетрясеніе, и охотно вѣрилъ появленію духа въ улицѣ Cock Lane.

На этихъ основаніяхъ мы перестали удивляться всѣмъ причудамъ суевѣрія. Мы видѣли, какъ люди неглупые и не лишеныя воспитанія, а способные по своимъ дарованіямъ и знаніямъ занять высшія мѣста въ практической или теоретической дѣятельности, начитанные ученые, опытные логики, тонкіе наблюдатели жизни и ея обычаевъ предсказывали, занимались толкованіемъ, говорили невѣдомыми языками, творили чудесныя исцѣленія, являлись съ посланіями отъ Бога къ нижней палатѣ. Мы видѣли, какъ старуха, со способностями, не превышающими хитрости какой-нибудь гадалщицы, и съ воспитаніемъ судомойки, была провозглашена пророчицею и окружаема десятками тысячъ ревностныхъ послѣдователей, изъ которыхъ многіе стояли гораздо выше ея по положенію и образованію,—и все это въ XIX столѣтіи, и все это въ Лондонѣ. А почему же и не быть этому? О сношеніяхъ Бога съ человѣкомъ откровеніе говоритъ XIX столѣтію не болѣе, чѣмъ I столѣтію, и Лондону не болѣе, чѣмъ самому дикому приходу на Гебридскихъ островахъ. Справедливо, что въ предметахъ, касающихся этой жизни и этого міра, люди становятся все умнѣе и умнѣе. Но не менѣе справедливо и то,

*

что въ отношеніи къ высшимъ силамъ и къ будущей жизни человѣкъ, говоря языкомъ насмѣхающагося злаго духа Гёте:

«...bleibt stest von gleichem Schlag,

Und ist so wunderlich als wie am ersten Tag.» (4)

Исторія католицизма поразительно уснняетъ эти замѣчанія. Въ продолженіе послѣднихъ семи столѣтій общественный умъ въ Европѣ дѣлалъ постоянные успѣхи во всѣхъ отрасляхъ свѣтскаго знанія. Но въ религіи мы не можемъ найти постояннаго прогресса. Церковная исторія этого длиннаго періода есть исторія движеній впередъ и назадъ. Съ того времени, какъ господство римской церкви утвердилось въ западномъ христіанскомъ мірѣ, человѣческій умъ четыре раза возставалъ противъ ея ига. Дважды церковь одерживала полную побѣду. Два раза она вышла изъ борьбы со знаками жестокихъ ранъ, но съ сильнымъ жизненнымъ началомъ. Когда мы размышляемъ о тѣхъ страшныхъ нападеніяхъ, которыя она пережила, намъ трудно понять, какими образомъ она могла бы погибнуть.

Первое изъ этихъ возстаній вспыхнуло въ странѣ, жители которой говорили прекраснымъ языкомъ *d'Oc*. Лангедокъ — страна, особенно благословенная природою, была въ XII столѣтіи самую цвѣтущую и образованною въ западной Европѣ. Она ни въ какомъ отношеніи не была частью Франціи. Она имѣла особое политическое существованіе, особый народный характеръ, особые обычаи и особую рѣчь. Почва ея была плодородна и хорошо обработана; посреди нивъ и виноградниковъ возвышались многіе богатые города, изъ которыхъ каждый былъ маленькою республикою, и многіе великолѣпные замки, изъ которыхъ каждый заключалъ королевскій дворъ въ уменьшенномъ видѣ. Здѣсь-то духъ рыцарства впервые сложилъ съ себя свои ужасы, впервые принялъ человѣческую и прелестную форму, впервые явился неразлучнымъ союзникомъ искусствъ и словесности, обходительности и любви. Другія мѣстныя нарѣчія, возникшія, съ V-го столѣтія, въ древнихъ провинціяхъ Римской имперіи, были

(4) «Отъ первыхъ дней ни въ чемъ не измѣнясь никакъ,

Божокъ земли и былъ и есть чудакъ.»

«Фаустъ», пер. Вронченко.

еще грубы и несовершенны. Мелодическій языкъ Тосканы, богатый и энергическій англійскій, были предоставлены ремесленникамъ и пастухамъ. Ни одинъ ученый не унижался до употребленія столь варварскихъ нарѣчій, преподавая науку, повѣствуя о великихъ событіяхъ или изображая жизнь и обычаи. Но языкъ Прованса былъ уже языкомъ ученыхъ и образованныхъ и былъ употребляемъ многочисленными писателями, посвященными во все роды прозы и стиха. Литература, богатая балладами, воинскими пѣснями, сатирами и, всего болѣе, поэзіею любви, увеселяла досугъ рыцарей и дамъ, которыхъ укрѣпленные дворцы украшали берега Роны и Гаронны. Образование принесло свободу мысли. Привычка уничтожила ужасъ, съ которымъ въ другихъ мѣстахъ смотрѣли на новѣрцевъ. Норманъ или бретонъ не видали мусульманъ нигдѣ, кроиъ сирійскаго поля битвы, получая и нанося удары. Но народъ богатыхъ странъ, лежащихъ у подошвы Пиринеевъ, привыкъ къ мирнымъ и выгоднымъ сношеніямъ съ маврскими королевствами Испаніи и радушно принималъ искусныхъ врачей и математиковъ, которые, въ школахъ Кордовы и Гренады, усвоили ученость аравитянъ. Греки, все-еще сохранявшіе, посреди политическаго униженія, находчивость и любознательность своихъ отцовъ, все-еще способные читать совершеннѣйшія изъ человѣческихъ произведеній, все-еще говорившіе самымъ сильнымъ и гибкимъ изъ человѣческихъ языковъ, приносили на рынки Норбоны и Тулузы, вмѣстѣ съ москотильными товарами и шелковыми матеріями отдаленныхъ странъ, смѣлыя и остроумныя теоріи, долго остававшіяся неизвѣстными невѣжественному и легковѣрному Западу. Богословіе павлиціанъ (*)—богословіе, въ которомъ, какъ кажется, многія ученія новыхъ кальвинистовъ были смѣшаны съ нѣкоторыми ученіями, заимствованными отъ древнихъ манихейянъ, быстро распространилось по Провансу и Лангедоку. На католическое духовенство смотрѣли съ отвращеніемъ и презрѣніемъ; выраженія: «гнусиѣ попа», «я скорѣ стану попомъ» вошли въ поговорку. Папство потеряло свой авторитетъ у всехъ

(*) Христіанская секта на Востокѣ, возникшая въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.

классовъ, отъ великихъ феодальныхъ государей до земледѣльцевъ.

Опасность для іерархіи была, въ самомъ дѣлѣ, велика. Только одна изъ заальпійскихъ націй вышла изъ состоянія варварства, и эта нація сбросила всякое почтеніе къ Риму. Только одинъ изъ туземныхъ языковъ Европы нашелъ широкое употребленіе въ литературѣ, и этотъ языкъ сдѣлался орудіемъ въ рукахъ еретиковъ. Географическое положеніе сектаторовъ дѣлало опасность особенно грозною: они занимали центральную страну, находившуюся въ прямыхъ сношеніяхъ съ Франціею, Испаніею и Италіею. Провинціи, еще свободныя отъ ереси, были отдѣлены другъ отъ друга этимъ зараженнымъ округомъ. При такихъ обстоятельствахъ казалось вѣроятнымъ, что одного поколѣнія достаточно для распространенія реформатскаго ученія до Лиссабона, Лондона и Неаполя. Но этому не было суждено осуществиться. Римъ просилъ помощи у воиновъ сѣверной Франціи. Онъ обратился въ одно и то же время къ ихъ предразсудкамъ и къ ихъ алчности. Благоговѣнно вѣрующему онъ обѣщалъ столь же полное прошеніе грѣховъ, какъ дарованное освободителямъ гроба Господня. Хищному и развращенному онъ предлагалъ грабежъ плодородныхъ равнинъ и богатыхъ городовъ. Къ несчастью, промышленные и образованные жители Лангедока были болѣе способны обогащать и украшать свою страну, нежели защищать ее. Славные въ мирныхъ искусствахъ, не встрѣчавшіе соперниковъ въ «веселой наукѣ», возвышавшіеся надъ многими грубыми предразсудками, они не обладали тѣмъ желѣзнымъ мужествомъ и тѣмъ искусствомъ въ воинскихъ упражненіяхъ, которыми отличалось рыцарство въ странѣ за Луарою, и были мало способны сражаться съ врагами, которые отъ Ирландіи до Палестины постоянно оставались побѣдителями надъ неприятелямъ, вдесятеро сильнѣйшимъ. Война, отличавшаяся даже между религіозными войнами своею беспощадною жестокостью, уничтожила альбигойскую ересь и вмѣстѣ съ нею разрушила благосостояніе, образованность, литературу, политическое существованіе того народа, который нѣкогда былъ самымъ богатымъ и образованнымъ въ великой европейской семьѣ. Между

тѣмъ, Римъ, предостереженный этою страшною опасностью, отъ которой его едва спасли всеокрушающіе мечи его крестоносцевъ, приступилъ къ пересмотру и усиленію всей системы своего устройства. Въ это время были основаны францисканскій и доминиканскій ордена и трибуналъ инквизиціи. Новая духовная полиція была повсюду. Ни одинъ переулокъ большого города, ни одна хижина на уединенной горѣ не оставались непосѣщенными нищенствующимъ монахомъ. Простой католикъ, не желавшій быть мудрѣ своихъ отцовъ, встрѣчалъ повсюду, куда ни обращался, дружескій поощряющій голосъ. Дорога еретика была устѣпа безчисленными шпіонами, и церковь, еще недавно испытывавшая опасность совершенно распасться, теперь, казалось, нашла неодолимо-сильную опору въ любви, почтеніи и ужасѣ человѣчества.

Прошло полтора столѣтія, и всныхнуло второе великое возстаніе противъ духовнаго господства Рима. Въ продолженіе двухъ поколѣній, слѣдовавшихъ за альбигойскимъ походомъ, могущество папъ стояло на высшей точкѣ. Фридрихъ II, самый способный и образованный изъ длиннаго ряда германскихъ цезарей, тщетно истощалъ всѣ средства войны и политики, пытаясь защитить права свѣтской власти противъ притязаній церкви. Мечь духовенства преслѣдовала его домъ до третьяго поколѣнія. Манфредъ ⁽⁶⁾ погибъ на полѣ битвы; Конрадъ ⁽⁷⁾ — на эшафотѣ. Тогда произошелъ переворотъ: свѣтская власть, долго и справедливо притѣсненная, вновь получила перевѣсъ съ изумляющею быстротою. Безъ сомнѣнія, этотъ переворотъ должно приписать всеобщему отвращенію, возбужденному церковью, непомерно злоупотреблявшею свою власть и свое торжество. Но, отчасти, это явленіе должно быть приписано и характеру и положенію отдѣльныхъ личностей. Человѣкъ, игравшій главную роль въ произведеніи этого переворота, былъ Филиппъ IV, король французскій, прозванный Краси-

⁽⁶⁾ Сынъ Фридриха II, князь тарентскій, а потомъ король сицилійскій, убитъ въ сраженіи при Беневентѣ.

⁽⁷⁾ Внукъ Фридриха II, послѣдній изъ Гогенштауфеновъ, казненъ похитителемъ его сицилійскаго престола, Карломъ Анжуйскимъ, въ 1268 г.

вымъ, деспотъ по положенію, деспотъ по праву, суровый, немолчаливый и неразборчивый на средства, одинаково готовый на насиліе и интригу, окруженный преданною толпою воиновъ и юристовъ. Самый свирѣпый и надменный изъ римскихъ первосвященниковъ (*), раздавая королевства и призывая великихъ монарховъ предъ свой судъ, былъ схваченъ въ своемъ дворцѣ вооруженными людьми и столь гнусно оскорбленъ, что умеръ, сойдя съ ума отъ гнѣва и страха. «Такъ,—пѣлъ великій флорентійскій поэтъ, — Христосъ, въ лицѣ своего намѣстника, былъ вторично схваченъ злодѣями, вторично преданъ поруганію и вторично напоенъ уксусомъ и желчью.» Резиденція папскаго двора была перенесена за Альпы, и епископы Рима стали вассалами Франціи. Тогда произошелъ великій западный расколъ: двое папъ, каждый съ сомнительнымъ правомъ, оглашали Европу взаимными ругательствами и проклятіями. Римъ возставалъ противъ разврата Авиньона, а Авиньонъ съ одинаковою справедливостію обвинялъ Римъ. Простодушные христіане, воспитанные въ вѣрѣ, что на нихъ лежитъ священная обязанность быть въ общеніи съ главою церкви, не могли понять, посреди противорѣчивыхъ свидѣтельствъ и противорѣчивыхъ доказательствъ, которому изъ двухъ недостойныхъ пастырей, ругающихъ и проклинающихъ другъ друга, законно принадлежитъ управленіе церковью. Около этого времени началъ раздаваться голосъ Джона Виклифа. Умы Англіи были глубоко потрясены, и вліяніе новаго ученія вскорѣ было чувствуемо даже въ отдаленной Богеміи. Правда, Богемія давно уже была подготовлена къ ереси. Купцы съ нижняго Дуная появлялись часто на пражскихъ ярмаркахъ, а нижній Дунай былъ главнымъ убѣжищемъ богословія павлиціанъ. Церковь, раздираемая расколомъ и подвергаясь страшнымъ нападенимъ одновременно и въ Англіи, и въ Германской имперіи, находилась въ положеніи, едвали не столько же опасномъ, какъ во время кризиса, предшествовавшаго крестовому походу противъ альбигойцевъ.

Но и эта опасность миновала. Свѣтская власть ревностно под-

(* Бонифацій VIII.

держивала церковь, а церковь показывала видъ, будто подвергаетъ себя преобразованіямъ. Констанцскій соборъ положилъ конецъ расколу. Весь католическій міръ снова соединился подъ одною главою, и были начертаны правила, которыя, казалось, дѣлали невѣроятнымъ, чтобы власть этого главы была грубо злоупотребляема. Наиболѣе знаменитые проповѣдники новаго ученія были умерщвлены. Англійское правительство съ безпощадною суровостью подавило лоллардовъ и, въ слѣдующемъ поколѣніи, едвали можно было найти и слѣдъ втораго великаго возстанія противъ папства,—развѣ между дикимъ населеніемъ горъ Богеміи.

Минуло другое столѣтіе—и тогда началась третья и наиболѣе замѣчательная борьба за духовную свободу. Времена измѣнились. Великіе останки аѳинскаго и римскаго генія были изучаемы тысячами людей. Церковь не обладала уже монополіей знанія. Силы новыхъ языковъ наконецъ развились. Изобрѣтеніе книгопечатанія дало новыя средства обмѣну умовъ. При этой-то обстановкѣ началась великая Реформація.

Мы попытаемся вкратцѣ представить нашимъ читателямъ то, что кажется намъ истинною исторіею борьбы, начавшейся проповѣдями Лютера противъ индульгенцій и, въ извѣстномъ смыслѣ, окончившейся сто тридцать лѣтъ спустя, Вестфальскимъ миромъ.

Въ сѣверныхъ частяхъ Европы побѣда протестантизма была быстра и рѣшительна. Господство папства ощущалось народами тевтонской крови какъ господство итальянцевъ, чужеземцевъ, людей, чуждыхъ по языку, нравамъ и образу мыслей. Обширная юрисдикція духовныхъ судилищъ Рима казалась оскорбительнымъ признакомъ рабства. Суммы, вынуждаемыя отдаленнымъ дворомъ подъ тысячами предлоговъ, казались унижительною и раззорительною данью. Характеръ этого двора возбуждалъ гнѣвъ и отвращеніе въ степенномъ, серьезномъ, чистосердечномъ и религіозномъ народѣ. Новое богословіе распространялось съ небывалою быстротою. Всѣ сословія, самые различные характеры вступали въ ряды нововводителей. Государи, горѣвшіе нетерпѣніемъ присвоить себѣ права папы; дворяне, желавшіе участвовать въ грабежѣ аббатствъ; просители, раздраженные вымогательствомъ

римской камеры; патриоты, нетерпѣливо сносившіе чужеземное господство; добродѣтельные люди, возмущенные развратомъ церкви; дурые люди, жаждавшіе распущенности, неразлучной съ великими нравственными переворотами; сильные умы, ревностные въ изысканіи истины; слабые умы, прельщенные блескомъ новизны,—всѣ оказались на одной сторонѣ. Изъ сѣверныхъ народовъ одни ирландцы остались преданными древней вѣрѣ, и причина этому, кажется, заключается въ томъ, что національное чувство, въ болѣе счастливыхъ странахъ враждебно Риму, въ Ирландіи было направлено противъ Англіи. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того дня, когда Лютеръ публично отрекся отъ общенія съ папствомъ и сжегъ буллу Льва предъ вратами Виттенберга, протестантизмъ достигъ своего высшаго преобладанія—преобладанія, которое онъ скоро утратилъ и никогда уже не возвращалъ. Сотни людей, хорошо помнившихъ брата Мартина ревностнымъ католикомъ, дожили до того времени, когда революція, которой онъ былъ главнымъ виновникомъ, торжествовала въ половинѣ европейскихъ государствъ. Въ Англіи, Шотландіи, Дании, Швеціи, Ливоніи, Пруссіи, Саксоніи, Гессенѣ, Виртембергѣ, Пфальцѣ, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, сѣверныхъ Нидерландахъ Реформація вполнѣ торжествовала; во всѣхъ прочихъ странахъ по сю сторону Альпъ и Пиринеевъ она, казалось, также должна была побѣдить.

Но между тѣмъ, какъ это великое дѣло совершалось на сѣверѣ Европы, совершенно иная революція происходила на югѣ. Духъ Италіи и Испаніи рѣзко отличался отъ духа Англіи и Германіи. Какъ національное чувство народовъ тевтонскихъ побуждало ихъ сбросить господство Италіи, такъ національное чувство итальянцевъ побуждало ихъ противиться всякой перемѣнѣ, дозволившей лишить ихъ страну почестей и выгодъ, которыми она наслаждалась, какъ мѣстопробыванія правительства всемірной церкви.—Сборы, на которые такъ горько жаловались чужестранцы, издерживались въ Италіи. Для украшенія ея торгъ индульгенціями преступилъ всѣ границы приличія и тѣмъ возбудилъ негодованіе Лютера. Между итальянцами было много благочестія, но много и неблагочестія; однако ни то, ни другое не принимало формъ

протестантизма. Итальянцы вѣрующіе желали преобразованія нравственности и дисциплины духовенства, а не реформы въ ученіи, и ни въ какомъ случаѣ раскола. Невѣрующіе итальянцы просто отвергали христіанство, но не питали къ нему ненависти. Они смотрѣли на него какъ художники или государственные люди и при такомъ взглядѣ предпочитали существующую форму всякой другой. Христіанство было для нихъ тѣмъ же, чѣмъ древнее язычество было для Траяна и Плинія. Ни духъ Савонароллы, ни духъ Макиавелли не имѣлъ ничего общаго съ духомъ религіозныхъ и политическихъ протестантовъ Сѣвера.

Испанія была въ отношеніи къ католической церкви въ положеніи также весьма различномъ отъ положенія тевтонскихъ народовъ. Въ сущности Италія была частью имперіи Карла V, и римскій дворъ, во многихъ важныхъ случаяхъ, былъ его орудіемъ. Поэтому, Карлъ не имѣлъ, подобно отдаленнымъ государямъ Сѣвера, сильнаго эгоистическаго побужденія нападать на папство. На самомъ дѣлѣ, тѣ мѣры, которыя побудили государя Англіи отказаться отъ всякой связи съ Римомъ, были внушаемы государемъ Испаніи. Чувство испанскаго народа совпадало съ интересами испанскаго правительства. Привязанность кастильцевъ къ вѣрѣ ихъ предковъ была особенно сильна и горяча. Съ этою вѣрою были неразрывно связаны учрежденія, независимость и слава ихъ страны. Съ пораженія послѣдняго короля готовъ на берегахъ Хереса, до торжественнаго вступленія Фердинанда и Изабеллы въ Гренаду прошло почти восемьсотъ лѣтъ, и въ продолженіе этого времени испанцы вели отчаянную войну противъ невѣрныхъ. Въ исторіи другихъ народовъ крестовые походы были только эпизодомъ; все существованіе Испаніи представляетъ собою одинъ продолжительный крестовый походъ. Переставши воевать съ мусульманами въ Старомъ Свѣтѣ, она стала воевать въ Новомъ. Подъ авторитетомъ папской буллы сыны ея плыли въ невѣдомыя моря. Подъ знаменемъ креста они безстрашно проникали въ сердце обширныхъ царствъ. Съ крикомъ «Святой Яковъ за Испанію» нападали они на арміи, стократъ многочисленнѣйшія ихъ. Люди вѣрили, что святой услышалъ призывъ и на сѣромъ конѣ, въ полномъ воору-

женіи, самъ предводительствовалъ натискомъ, предъ которыми бѣжали поклонники ложныхъ боговъ. Послѣ сраженій, всѣ ужасы хищничества или жестокости были достаточно оправдываемы тѣмъ, что побѣжденные не были крещены. Алчность возбуждала религіозную ревность. Религіозная ревность освящала алчность. Прозелиты и золото искались одинаково усердно. Въ тотъ самый годъ, когда саксы, доведенные до крайности притѣсненіями Рима, сбросили съ себя его иго, испанцы, съ его разрѣшенія, завладѣли имперією и сокровищами Монтезумы. Такимъ образомъ, католицизмъ, соединявшійся, въ общественномъ мнѣніи сѣверной Европы, съ притѣсненіями и грабежемъ, былъ, въ умахъ испанцевъ, нераздѣльно связанъ со свободою, побѣдою, господствомъ, богатствомъ и славою.

Поэтому неудивительно, что сильное движеніе въ пользу протестантизма въ одной части христіанскаго міра вызвало одинаково сильный порывъ ревности къ католицизму въ другой. Двѣ реформы были произведены одновременно и съ одинаковою силою и успѣхомъ: реформа ученія на Сѣверѣ, реформа нравовъ и дисциплины на Югѣ. Въ одно поколѣніе весь духъ римской церкви измѣнился. Отъ залъ Ватикана до самой уединенной пустынной кельи въ Аппенинахъ, вездѣ было чувствуемо и замѣтно великое возрожденіе. Всѣ учрежденія, издревлѣ назначенныя для распространенія и защиты вѣры, были обновлены и усилены. Были образованы новыя, еще болѣе сильныя орудія. Повсюду древнія религіозныя общины были преобразовываемы и основывались новыя. Въ продолженіе года со смерти Льва X былъ преобразованъ орденъ Камальдоли. Капуцины возстановили древнюю францисканскую дисциплину, полную молитву и жизнь молчанія. Барнабиты и общество Сомаски посвятили себя вспомошествованію бѣднымъ и ихъ воспитанію. Театинскій орденъ заслуживалъ еще большаго вниманія. Онъ стремился, подобно нашимъ первымъ методистамъ, къ великой цѣли — помочь недостаткамъ приходскаго священства. Римская церковь, благоразумнѣе англійской, помогала всѣми средствами благому дѣлу. Члены новаго братства проповѣдывали толпами на улицахъ и поляхъ, молились у постели больного, исповѣ-

дывали и приобщали умирающаго. Между ними особенно отличался религиознымъ рвеніемъ и набожностью Джіанъ Піетро Караффа, впоследствии папа Павелъ IV. Поселившійся въ театинскомъ монастырѣ въ Венеціи, подъ надзоромъ Караффы, испанскій дворянинъ смотрѣлъ за больными въ госпиталяхъ, ходилъ въ лохмотьяхъ, почти морилъ себя голодомъ и часто, выйдя на улицу и взобравшись на каменя, махалъ шляпою, для привлеченія проходящихъ, и начиналъ проповѣдывать страннымъ нарѣчіемъ, смѣсю кастильскаго съ тосканскимъ. Театинцы отличались особенно ревностью и строгостью; но для этого энтузіаста-новобранца ихъ дисциплина казалась слабою, ихъ дѣятельность вялою; умъ его, отъ природы страстный и одаренный сильнымъ воображеніемъ, прошелъ чрезъ школу, сообщившую всѣмъ его особенностямъ болѣзненную напряженность и энергію. Въ своей молодости онъ былъ истиннымъ прототипомъ героя Скрвантеса. Единственнымъ предметомъ изученія молодаго гидадьо были рыцарскіе романы, а существованіе его заключалось въ гордыхъ мечтахъ объ освобожденныхъ принцессахъ и покоренныхъ невѣрныхъ. Онъ избралъ себѣ Дульцинею: «не графиню, не герцогиню, — это его собственныя слова, — но гораздо высшаго состоянія», и онъ льстилъ себя надеждою положить къ ея ногамъ ключи маврскихъ замковъ и усыпанныя драгоценными камнями чалмы азіатскихъ султановъ. Посреди этихъ видѣній воинской славы и счастливой любви тяжкая рана уложила его въ постель. Его здоровье было разстроено, и онъ осужденъ былъ остаться калѣкою на всю жизнь. Пальма первенства въ силѣ, красотѣ и искусствѣ въ рыцарскихъ упражненіяхъ для него уже не существовала. Онъ не могъ уже надѣяться сокрушить гигантовъ—султановъ или снискать благоволеніе прелестныхъ женщинъ. Тогда въ его душѣ возникло новое видѣніе и смѣшалось съ прежними призраками. Это покажется страннымъ для большей части англичанъ, но будетъ понятно знающимъ, какъ тѣсна была въ Испаніи связь между религіей и рыцарствомъ. Онъ хотѣлъ остаться воиномъ, остаться странствующимъ рыцаремъ невѣсты Христовой. Онъ поразитъ большаго краснаго дракона. Онъ будетъ поборникомъ жены, одѣтой солнцемъ.

Онъ разсѣтетъ чары, которыми ложные пророки держатъ въ рабствѣ души людей. Его безпокойный духъ повелъ его въ пустыни Сиріи и въ часовню гроба Господня. Потомъ онъ возвратился странникомъ на край запада Европы и удивлялъ монастыри Испаніи и школы Франціи своимъ покаяніемъ и бѣдніемъ. То же самое живое воображеніе, которое рисовало ему нѣкогда разгаръ небывалыхъ битвъ и прелести несуществовавшихъ королевъ, теперь населило его уединеніе святыми и ангелами. Пречистая Дѣва нисходила съ небесъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ видѣлъ Спасителя лицомъ къ лицу, глазами тѣла. Даже таинства религіи, составляющія сильнѣйшій искусъ вѣры, были для него видимы. Трудно разсказывать безъ улыбки сожалѣнія что онъ видѣлъ во время мессы совершавшееся пресуществленіе и что, молясь на ступеняхъ церкви св. Доминика, онъ созерцалъ Троицу въ единствѣ и рыдалъ отъ радости и удивленія. Таковъ былъ знаменитый Игнатій Лойола, игравшій въ великой католической реакціи ту же роль, какую Лютеръ игралъ въ великомъ протестантскомъ движеніи.

Недовольный системою театинцевъ, энтузіастъ-испанецъ обратилъ свой взоръ къ Риму. Бѣдный, неизвѣстный, безъ покровителя, безъ рекомендательныхъ писемъ, онъ вступилъ въ тотъ городъ, гдѣ воздвигнуты теперь, въ память его великихъ услугъ, два великолѣпные храма, богатые живописью и разноцвѣтнымъ ираморомъ, гдѣ стоитъ его изваяніе изъ массивнаго серебра, гдѣ его кости, заключенныя въ раку, усаженную драгоценными камнями, поставлены подъ алтаремъ Господнимъ. Его дѣятельность и рвеніе превозмогли всѣ препятствія, и подъ его управленіемъ началъ свое существованіе орденъ іезуитовъ, быстро достигшій всей полноты своего гигантскаго могущества. Съ какою пылкостью, предусмотрительностью, точною дисциплиною, неустрашимымъ мужествомъ, самоотверженіемъ и забвеніемъ самыхъ дорогихъ частныхъ узъ, твердымъ и упорнымъ стремленіемъ къ одной цѣли, непозволительною слабостью и гибкостью въ выборѣ средствъ, іезуиты сражались за свою церковь, — говоритъ каждая страница лѣтописей Европы въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній. Въ орденѣ іезуитовъ была сосредоточе-

на самая сущность католическаго духа, и исторія этого ордена есть исторія великой католической реакціи. Іезуиты разомъ завладѣли всѣми средствами господства надъ умами людей: кафедрой, типографскимъ станкомъ, конфессіоналомъ, академіями. Гдѣ только проповѣдывалъ іезуитъ, церковь не могла вмѣстить слушателей. Имя іезуита на заглавномъ листѣ было залогомъ хорошаго сбыта книги. Могущество, знатность, красота исповѣдывались іезуиту въ сокровенныхъ тайнахъ своей жизни. Подъ надзоромъ іезуита юношество высшаго и средняго классовъ воспитывалось съ дѣтства до возмужалаго возраста, съ основныхъ началъ до курсовъ реторики и философіи. Литература и наука, недавно соединенныя съ ересью, теперь стали союзниками правовѣрія. Господствуя на югѣ Европы, великій орденъ пошелъ далѣе, завоевывая для завоеваній. Несмотря на моря и пустыни, голодъ и заразу, лазутчиковъ и уголовные законы, темницы и пытки, висѣлицы и четвертовальни, іезуитовъ можно было найти подъ любой одеждою, въ любой странѣ: ученыхъ, докторовъ, купцовъ, лакеевъ, при враждебномъ дворѣ Швеции, въ старыхъ усадьбахъ Чешира, въ хижинахъ Коннота, убѣждающими, наставляющими, утѣшающими, привлекающими сердца молодыхъ, ободряющими робкихъ, держащими распятіе предъ глазами умирающихъ. Ихъ же обязанностью было составлять заговоры противъ престоловъ и жизни королей—отступниковъ, распространять злые слухи, производить бунты, возжигать междоусобныя войны, вооружать руку убійцы. Непреклонные только въ вѣрности къ церкви, они одинаково готовы были обращаться для достиженія своихъ цѣлей къ духу вѣрнопопданничества и къ духу свободы. Крайнія ученія о повинновеніи и крайнія ученія о свободѣ, право монарховъ угнетать народъ, право каждаго подданнаго вонзить ножъ въ сердце худаго правителя, — были проповѣдуемы одними и тѣми же людьми, смотря по тому, обращались ли они къ поданнымъ Филиппа или къ поданнымъ Елисаветы. Нѣкоторые описывали ихъ самыми строгими, другіе самыми свисходительными изъ духовныхъ отцовъ. И оба описанія были справедливы. Истинно-набожный человекъ внималъ со страхомъ высокой и святой нравственности іезуитовъ. Веселый

дворянинъ, убившій на дуэли своего соперника, красавица, забывшая свой супружескій объѣтъ,—находили въ іезуитѣ развизнаго, хорошо-воспитаннаго свѣтскаго человѣка, умѣющаго прощать маленькіе грѣшки свѣтскихъ людей. Духовникъ былъ строгъ или свисходителенъ, смотря по характеру исповѣдающагося. Его главная цѣль была не изгнать никого изъ нѣдръ церкви. Если уже существуютъ худые люди, то пусть они лучше будутъ худыми католиками, нежели худыми протестантами. Если кто-нибудь имѣлъ несчастіе сдѣлаться разбойникомъ, развратникомъ или игрокомъ, то не было причины сдѣлать изъ него еще еретика.

Старый Свѣтъ не былъ достаточно обширенъ для этой необыкновенной дѣятельности. Іезуиты наводнили всѣ страны, которыми великія морскія открытія предшествовавшаго вѣка сдѣлали доступными европейской предпримчивости. Іезуитовъ можно было найти въ глубинѣ рудниковъ Перу, на невольническихъ рынкахъ Африки, на берегахъ Приныхъ острововъ, на обсерваторіяхъ Китая. Они обращали въ христіанство жителей странъ, въ которыя не могли завлечь ихъ соотечественниковъ ни алчность, ни любопытство, и проповѣдывали и спорили на языкахъ, неизвѣстныхъ ни одному изъ обитателей Запада.

Духъ, столь рѣзко выразившійся въ этомъ ордентѣ, одушевлялъ весь католическій міръ. Даже римскій дворъ былъ очищенъ. Въ вѣкъ, предшествовавшій Реформаціи, этотъ дворъ былъ позоромъ для христіанскаго имени. Его лѣтописи были на каждой страницѣ запятнаны измѣною, убійствомъ и кровосмѣшеніемъ. Наибольше почтенныя изъ принадлежавшихъ къ нему лицъ были вполне недостойны служить церкви. То были люди, подобные Льву X, люди, которые, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ вѣка Августа, усвоили атеистическій и насмѣшливый духъ того времени. Они смотрѣли на совершаемыя ими же христіанскія таинства точно такъ же, какъ авгуръ Цицеронъ и первосвященникъ Цезарь смотрѣли на сивиллинныя книги и на клевъ священныхъ цыплятъ. Между собою они разсуждали о воплощеніи, евхаристіи и Троицѣ въ томъ же тонѣ, въ какомъ Котта и Веллей говорили о дельфійскомъ оракулѣ и голосѣ фавна въ горахъ. Ихъ годы протекали въ сладостномъ снѣ чувственной и умственной нѣги. Утон-

ченый столъ, превосходныя вина, прелестныя женщины, собаки, соколы, лошади, вновь открытыя рукописи классиковъ, сонеты и шуточные романы на иѣжномъ нарѣчїи Тосканы, настолько безнравственныя, насколько допускало тонкое чувство прекраснаго, серебряная утварь работы Бенвенуто, планы дворцовъ, начерченные рукою Микель-Анджело, фрески Рафаэля, бюсты, мозаики и драгоценныя камни, только-что вырытыя изъ-подъ развалинъ древнихъ храмовъ и виллъ,—вотъ предметы, составлявшіе наслажденіе и даже серьезное занятіе ихъ жизни. Литература и искусства, безъ сомнѣнія, много обязаны этой нелишенной изящества иѣгѣ. Но когда началось въ Европѣ великое умственное движеніе, когда былъ опровергаемъ догматъ за догматомъ, когда народъ за народомъ расторгалъ свою связь съ преемникомъ св. Петра,—тогда стала очевидною она опасность вѣрять церковь главамъ, которыхъ высшая слава состояла въ томъ, что они были хорошими цѣнителями латинскихъ сочиненій, картинъ и статуй, которыхъ ученые занятія имѣли языческой характеръ и которыхъ подозрѣвали въ томъ, что они тихомъ смѣялись надъ совершаемыми ими таинствами и не болѣе вѣрили въ Евангеліе, какъ въ «*Morgante Maggiore*» (9). Тогда во главѣ церкви стали люди съ совершенно другимъ характеромъ, люди, по духу подобные Дунстану и Бекету. Римскіе первосвященники напомнили собственною жизнью всю суровость первыхъ сирійскихъ отшельниковъ. Павелъ IV принесъ на папскій престолъ ту же пламенную ревность, которая завела его въ театинскій монастырь. Пій V, денно и ночью носилъ подъ великолѣпными одеждами, власяницу простаго монаха; ходилъ босой по улицамъ, во главѣ процессій; находилъ, среди самыхъ спѣшныхъ занятій, время для одинокой молитвы; часто сожалѣлъ, что общественныя обязанности его званія не благопріятствуютъ успѣхамъ въ святости, и назидалъ свою паству безчисленными примѣрами смиренія, любви и прощенія личныхъ обидъ; но онъ въ то же время поддерживалъ власть папскаго престола и хранилъ неприкосновенными догматы своей церкви со

(9) Сатирическая поэма Луджи Пульчи.

Маколей, т. 4.

всѣмъ упорствомъ и запальчивостью Гильдебранда. Григорій XIII старался не только подражать Пію, но даже превзойти его въ суровыхъ добродѣтеляхъ священнаго сана. Каковъ былъ глава, таковы были и члены. Этотъ переворотъ въ духѣ католическаго міра можетъ быть замѣченъ во всѣхъ отрасляхъ литературы и искусства. Онъ бросается въ глаза всякому, кто сравниваетъ поэму Тассо съ поэмой Аріосто или памятники Сикста V съ памятниками Льва X.

Но католическая церковь опиралась не на одно только нравственное вліяніе; въ Испаніи и Италиі она была безошадно поддерживаема мечомъ. Инквизиція была облечена новыми правами и вдохновлена новою энергіею. Если гдѣ-либо показывались протестантизмъ или подобіе протестантизма, они встрѣчали преслѣдованіе не мелочное и докучливое, но преклоняющее и сокрушающее всѣхъ, кромѣ немногихъ избранныхъ. Всякій, подозрѣваемый въ ереси, какъ бы ни были высоки его званіе, ученость или слава, зналъ, что онъ долженъ оправдаться передъ строгимъ и неусыпнымъ судомъ или умереть на кострѣ. Съ одинаковою бдительностью были отыскиваемы и уничтожаемы еретическія книги. Сочиненія, находившіяся дотолѣ въ каждомъ домѣ, были столь усердно преслѣдуемы, что теперь нельзя найти ни одного экземпляра ихъ въ самыхъ богатыхъ библіотекахъ. Въ особенности испытала эту участь книга подъ заглавіемъ «*О благодѣяніяхъ смерти Христа*». Она была написана на тосканскомъ нарѣчій, нѣсколько разъ перепечатана и читалась съ жадностью по всей Италиі. Но инквизиторы открыли въ ней лютеранскую доктрину оправданія одною вѣрою. Они подвергли книгу гоненію, и теперь она такъ же безвозвратно потеряна, какъ вторая декада Тита Ливія.

Итакъ, въ то время, какъ протестантская реформація быстро распространялась на одномъ концѣ Европы, католическое возрожденіе совершалось столь же быстро на другомъ. Спустя полстолѣтія послѣ великаго разъединенія, на Сѣверѣ были повсюду протестантскія правительства и протестантскіе народы. На Югѣ же были правительства и народы, движимые самою сильною ревностью къ древней церкви. Между этими двумя враждебными

областями, какъ нравственно, такъ и географически, лежала обширная спорная полоса: во Франціи, Бельгій, Южной Германіи, Венгріи и Польшѣ споръ все-еще не былъ рѣшенъ. Правительства этихъ странъ не отрелись отъ связи съ Римомъ, но протестанты были многочисленны, могущественны, смѣлы и дѣятельны. Во Франціи они составляли республики въ государствѣ, владѣли крѣпостями, могли вывести въ поле сильныя арміи и вели переговоры со своимъ государемъ какъ съ равнымъ. Въ Польшѣ король все-еще былъ католикомъ, но протестанты господствовали на сеймѣ, занимали важнѣйшія мѣста въ управленіи и, въ большихъ городахъ, завладѣли приходскими церквами. «Казалось,—говоритъ папскій нунцій,—что въ Польшѣ протестантизмъ совершенно вытѣснитъ католицизмъ». Въ Баваріи положеніе вещей было почти такое же. Протестанты составляли большинство въ собраніи государственныхъ чиновъ и требовали отъ герцога уступокъ въ пользу своей религіи какъ цѣну своихъ субсидій. Въ Трансильваніи австрійскій домъ не былъ въ состояніи удержать сеймъ отъ конфискаціи, однимъ рѣшеніемъ, церковныхъ имѣній. Въ эрцъ-герцогствѣ Австрійскомъ, по общему сознанию, только одна тридцатая часть населенія могла быть почитаема истинными католиками. Въ Бельгій послѣдователи новаго ученія считались сотнями тысячъ.

Исторія двухъ послѣдующихъ поколѣній была исторіею борьбы протестантизма, владѣвшаго сѣверомъ Европы, съ католицизмомъ, обладателемъ Юга, за раздѣлявшую ихъ спорную территорію. Всѣ плотскія и духовныя орудія борьбы были употреблены въ дѣло. Обѣ стороны могутъ похвалиться великими талантами и добродѣтелями, но обѣ должны также краснѣть за многіе безразсудные поступки и преступленія. Сначала, казалось, успѣхъ рѣшительно клонился на сторону протестантизма; но побѣда осталась за римскою церковью. Вездѣ ея усилія увѣнчались успѣхомъ. Еще чрезъ полстолѣтія, мы находимъ ее побѣдоносною и господствующею во Франціи, Бельгій, Баваріи, Богеміи, Австріи, Польшѣ и Венгріи. И въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ протестантизмъ не былъ въ состояніи возвратитъ хотя часть того, что потерялъ тогда.

*

Но нельзя не сознаться, что это торжество папства должно быть преимущественно приписано не силѣ оружія, а великому отливу общественнаго мнѣнія. Въ продолженіе перваго полустолѣтія послѣ начала Реформаціи потокъ чувствъ въ странахъ по сию сторону Альпъ и Пиринеевъ неудержимо стремился къ новому ученію. Потомъ теченіе перемѣнилось и стольже стремительно кинулось въ противную сторону. И въ томъ, и въ другомъ періодѣ мало зависѣло отъ исхода битвъ и осадъ. Протестантское движеніе сдвали было остановлено на мгновеніе пораженіемъ при Мюльбергѣ. Католическая реакція продолжала идти съ прежнею быстротою, не смотря на уничтоженіе Армады. Трудно опредѣлить, что было сильнѣе, первый ли ударъ, или его отраженіе въ противную сторону. Пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ отпаденія лютеранъ отъ католической церкви, она едва удержалась на берегахъ Средиземнаго моря. Черезъ сто лѣтъ по отдѣленіи, протестантизмъ едва держался на берегахъ Балтійскаго. Причины столь замѣчательнаго переворота въ судьбахъ человѣчества, конечно, заслуживаютъ изслѣдованія.

Борьба этихъ двухъ партій нѣсколько похожа на дуэль у Шекспира: Лаэртъ ранитъ Гамлета; потомъ въ схваткѣ они мѣняются рапирами, и Гамлетъ ранитъ Лаэрта. Война между Лютеромъ и Львомъ была войною между твердою вѣрою и безвѣріемъ, рвеніемъ и апатіей, энергіею и безпечною, серьезнымъ взглядомъ и легкомысліемъ, чистою нравственностью и порокомъ. Совершенно другаго рода была война, которую выродившемуся протестантизму пришлось вести противъ возродившагося католицизма. Развратникамъ, отравителямъ, атеистамъ, носившимъ тиару въ поколѣніи, предшествовавшемъ Реформаціи, наследовали папы, которые, по религіозному рвенію и строгой святости нравовъ, могли выдержать сравненіе съ Киприаномъ или Амвросіемъ. Одинъ орденъ іезуитовъ могъ указать на многихъ, которые, по искренности, постоянству, мужеству и строгости жизни, не уступали апостоламъ Реформаціи. Но между тѣмъ какъ опасность вызвала такимъ образомъ въ нѣдрахъ католической церкви многія изъ высшихъ качествъ реформаторовъ, послѣдніе усвоили многіе изъ недостатковъ, за которые справед-

ливо была порицаема римская церковь. Они охладѣли въ вѣрѣ и увлеклись міромъ. Ихъ великіе старые вожди низошли въ могилу, не оставивъ себѣ преемниковъ. Въ протестантскихъ монархахъ было мало или даже вовсе не было горячаго протестантскаго чувства; сама Елисавета была протестанткою болѣе по расчету, нежели по твердому убѣжденію. Іаковъ I, желая достигнуть своей любимой цѣли—породниться, бракомъ сына, съ однимъ изъ великихъ континентальныхъ домовъ,—готовъ былъ сдѣлать Риму огромныя уступки и даже допустить измененное первосвятительство папы. Генрихъ IV два раза отрекался отъ реформатскаго ученія изъ личныхъ видовъ. Курфирстъ саксонскій, естественный глава протестантской партіи въ Германіи, сдѣлался, въ самую рѣшительную минуту борьбы, орудіемъ папистовъ. Съ другой стороны, въ католическихъ монархахъ встрѣчаемъ религіозное рвеніе, часто доходившее до фанатизма. Филиппъ II былъ католикомъ совершенно другаго рода, нежели Елисавета протестанткою. Максимилианъ Баварскій, воспитанный подъ руководствомъ іезуитовъ, былъ усерднымъ миссіонеромъ, обладавшимъ властью государя. Императоръ Фердинандъ II сознательно и неоднократно подвергалъ свой престолъ опасности, не желая сдѣлать ни малѣйшей уступки духу религіозныхъ нововведеній. Сигизмундъ Шведскій потерялъ корону, которую могъ бы сохранить, еслибъ отрекся отъ католической вѣры. Однимъ словомъ, на протестантской сторонѣ мы вездѣ замѣчаемъ равнодушіе; на сторонѣ католиковъ — вездѣ усердіе и преданность.

Въ это время не только было гораздо болѣе рвенія въ католикахъ, чѣмъ въ протестантахъ, но и всѣ силы католиковъ были обращены противъ протестантовъ, тогда какъ почти всѣ силы послѣднихъ были обращены другъ противъ друга. Въ католической церкви не было серьезныхъ споровъ о догматахъ; рѣшенія Тридентскаго собора были приняты, а полемика янсенистовъ еще не началась. Такимъ образомъ, Римъ могъ располагать всѣми своими силами для борьбы съ Реформаціей. Съ другой стороны, силы, долженствовавшія служить Реформаціи, истощались въ междоусобіяхъ. Между тѣмъ какъ іезуиты—проповѣдники, іезуи-

ты-духовники, иезуиты-наставники юношества покрывали Европу, готовые употребить всё способности своего ума и пролить последнюю каплю крови въ дѣлѣ своей церкви, протестантскіе ученые опровергали, а протестантскіе правители наказывали сектаторовъ, такихъ же добрыхъ протестантовъ, какими были они сами.

«Cumque superba foret Babylon spolianda trophaeis,
Bella geri placuit nullos habitura triumphos.» ⁽¹⁰⁾

Въ Пфальцѣ, государь-кальвинистъ преслѣдовалъ лютеранъ. Въ Саксоніи государь-лютеранинъ преслѣдовалъ кальвинистовъ. Всякій, кто возражалъ противъ какой-либо статьи Аугсбургскаго исповѣданія, былъ изгоняемъ изъ Швеціи. Въ Шотландіи Мельвилъ спорилъ съ другими протестантами о церковномъ устройствѣ. Въ Англіи темницы были полны людей, приверженныхъ Реформаціи, но не вполне согласовавшихся съ дворомъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ вѣры и церковнаго устройства. Однихъ преслѣдовали за то, что они отвергали догматъ объ отверженіи, другихъ за то, что они не носили стихаря. Ирландцы, въ то время, вѣроятно, отпали бы отъ католической церкви, еслибы въ дѣло ихъ обращенія была употреблена хотя половина того рвенія и той дѣятельности, съ которыми Витгифтъ притѣснялъ пуританъ и Мартинъ Марпрелатъ поносилъ епископовъ.

Какъ католики имѣли большое преимущество предъ протестантами въ рвеніи и единствѣ, такъ они обладали и несравненно высшимъ церковнымъ устройствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для наступательныхъ цѣлей протестантизмъ вовсе не былъ организованъ. Реформированныя церкви были чисто церкви національныя. Церковь Англіи существовала для одной Англіи. Она была учрежденіемъ столь же мѣстнымъ, какъ судъ общихъ тяжбъ, и была совершенно лишена орудій для внѣшнихъ дѣйствій. Шотландская церковь, такимъ же образомъ, существовала для одной Шотландіи. Съ другой стороны, дѣятельность католической церкви распространялась на весь свѣтъ. Въ Ламбетѣ или Эдинбургѣ и-

(10) Между тѣмъ какъ слѣдовало лишить гордый Вавилонъ его трофеевъ, предпочли войны, которыя не могли кончиться торжествомъ.

кто не заботился о томъ, что происходило въ Польшѣ или Баваріи. Но Краковъ или Мюнхенъ имѣли въ Римѣ столько же значенія, какъ тамошній приходъ церкви св. Іоанна Латеранскаго. Нашъ островъ, глава протестантизма, не выслалъ ни одного миссіонера, ни одного наставника юношества на сцену великой духовной борьбы. Здѣсь не было основано ни одной семинаріи съ цѣлью образованія подобныхъ лицъ для чужихъ странъ. Съ другой стороны, Германія, Венгрія и Польша были полны способныхъ и дѣятельныхъ католическихъ миссіонеровъ испанскаго и итальянскаго происхожденія, и въ Римѣ были основаны школы для образованія юношества Сѣвера. Духовныя силы протестантизма составляли мѣстную милицію, которая могла быть полезною во время вторженія; но ее нельзя было послать за границу, и она не могла служить для завоеваній. У Рима была подобная мѣстная милиція; но онъ имѣлъ, кромѣ того, силы, которыми могъ располагать ежеминутно для заграничной службы, какъ-бы опасна или непріятна она ни была. Если въ главной квартирѣ было признано, что іезуитъ, находившійся въ Палермо, способенъ, по своимъ талантамъ и характеру, дѣйствовать противъ Реформаціи въ Литвѣ, то приказъ былъ немедленно отданъ и тотчасъ исполненъ. Въ одинъ мѣсяць вѣрный слуга церкви уже проповѣдывалъ училъ и исповѣдывалъ за Нѣманомъ.

Невозможно отвергать, что устройство римской церкви есть самое образцовое произведеніе человѣческаго ума. Дѣйствительно, только такое устройство могло защитить ея ученіе противъ такихъ нападений....

Въ настоящее время, мы обратимъ наше вниманіе только на одну важную часть политики римской церкви. Она вполнѣ понимаетъ то, чего никогда не понимала ни одна другая церковь: какъ поступать съ энтузіастами. Въ нѣкоторыхъ сектахъ, особенно только-что возникшихъ, энтузіазму даютъ волю. Въ другихъ сектахъ, особенно въ древнихъ и богато одаренныхъ, на энтузіазмъ смотрятъ съ ненавистью. Католическая церковь не подчиняется энтузіазму, не изгоняетъ его, но употребляетъ его въ свою пользу. Она разсматриваетъ его какъ значительную двигательную силу, которая, подобно силѣ мускуловъ отличнаго коня, сама по себѣ

ни хороша, ни дурна, но можетъ быть направлена такъ, что принесетъ большую пользу или большой вредъ; и это-то направление католическая церковь предоставляетъ себѣ. Было бы безразсудно затравить лошадь какъ волка; еще безразсуднѣе было бы дозволить ей нестись стремглавъ, ломая изгороди и топчача прохожихъ. Самое разумное — подчинить ея волю, не ослабляя ея силъ, научить ея повиноваться поводу и тогда пустить во всю прыть. Когда конь привыкнетъ къ господину, цѣна его возвышается соразмѣрно его силѣ и огню. Совершенно таково было поведеніе римской церкви въ отношеніи къ энтузіастамъ. Она знаетъ, что когда религіозное чувство достигаетъ полнаго господства надъ умомъ, оно сообщаетъ людямъ необыкновенную энергію, ставить ихъ выше горя и наслажденія; что тогда поношеніе становится славою и самая смерть началомъ высшей и болѣе счастливой жизни. Она знаетъ, что человѣкомъ въ этомъ состояніи не должно пренебрегать. Онъ можетъ быть грубъ, невѣжественъ, мечтателемъ, страненъ, но онъ будетъ дѣлать и терпѣть то, что, для ея выгоды, кто-нибудь долженъ дѣлать и терпѣть и отъ чего отступились бы хладнокровно и спокойно разсуждающіе люди. Поэтому, она принимаетъ его въ свою службу, назначаетъ ему какой-нибудь отдаленный постъ, на которомъ нужно болѣе неустрашимости и пыла, нежели разсудительности и умѣнья владѣть собою, и посылаетъ его съ своимъ благословеніемъ и хвалою.

Въ Англии часто случается, что какой-нибудь мѣдникъ или угольщикъ слышитъ проповѣдь или нападаетъ на какую-нибудь статью, которая возбуждаетъ въ немъ безпокойство о состояніи его души. Если онъ человѣкъ со слабыми нервами и сильнымъ воображеніемъ, то считаетъ себя во власти злаго духа. Онъ тревожится мыслью, что совершилъ какой-либо непростительный грѣхъ. Онъ приписываетъ всякую дикую фантазію, приходящую ему въ голову, наущеніямъ дьявола. Его сонъ нарушается видѣніями престола Страшнаго Суда, открытыхъ книгъ и неугасимаго огня. Если, желая избавиться отъ этихъ тревожныхъ мыслей, онъ прибѣгнетъ къ увеселеніямъ и безиравственнымъ удовольствіямъ, обманчивое облегченіе ведетъ его къ положенію еще худшему и

еще болѣе безнадежному. Наконецъ, происходитъ переворотъ. Онъ примиренъ со своимъ обиженнымъ Творцомъ. По тонкому описанію того, кто самъ былъ такимъ образомъ испытуемъ ⁽¹¹⁾, онъ выходитъ изъ мрачной долины Смерти, изъ мрачной земли сѣтей и силковъ, трясинъ и пропастей, злыхъ духовъ и хищныхъ звѣрей. Солнечное сіяніе озаряетъ его путь. Онъ всходитъ на усладительныя горы и съ ихъ вершины видитъ вдали блистающій городъ—цѣль его странствія. Тогда возникаетъ въ его умѣ естественное и во всякомъ случаѣ незаслуживающее хулы желаніе сообщить другимъ мысли, наполняющія его сердце, предостеречь безпечнаго, утѣшить тѣхъ, которые тревожатся духомъ. Побужденіе посвятить всю свою жизнь ученію религіи — становится сильною страстью подъ видомъ долга. Онъ увѣщаетъ своихъ сосѣдей и, если онъ одаренъ большими способностями, то часто имѣетъ значительный успѣхъ. Онъ говоритъ, точно будто защищаетъ свою жизнь: со слезами, патетическими жестами, жгучими словами, и съ восхищеніемъ, быть можетъ не вполне свободнымъ отъ чувства человѣческаго самолюбія; онъ вскорѣ находитъ, что его простое краснорѣчіе трогаетъ и смягчаетъ сердца людей, преспокойно спящихъ во время проповѣди приходскаго священника о преемствѣ отъ апостоловъ. Рвеніе къ службѣ Богу, любовь къ ближнему, удовольствіе въ употребленіи недавно открытыхъ силъ побуждаютъ его сдѣлаться проповѣдникомъ. Онъ не споритъ съ господствующею церковью, не возражаетъ противъ ея устройства, обрядовъ, одеждъ. Онъ охотно сдѣлался бы ся самымъ смиреннымъ слугою. Но, принятый или отвергнутый, онъ чувствуетъ свое призваніе. Его посвященіе низшло на него не чрезъ длинный и сомнительный рядъ аріанскихъ и католическихъ епископовъ, но прямо свыше. Его назначеніе то же самое, какъ данное Одиннадцати на горѣ Вознесенія. И онъ не откажется, за недостаткомъ человѣческихъ вѣрительныхъ грамотъ, отъ славнаго назначенія, даннаго ему истиннымъ Главою церкви. Для чловѣка съ такимъ духомъ нѣтъ мѣста въ іерархіи установленной церкви. Онъ не былъ ни въ одномъ училищѣ; онъ не можетъ

(11) См. т. 2, ст. «Бомбиль».

объяснять греческихъ авторовъ или писать латинскія сочиненія; а между тѣмъ онъ узнаеть, что если онъ желаетъ остаться въ нѣдрахъ церкви, то долженъ быть лишь слушателемъ, и что рѣшившись сдѣлаться учителемъ, онъ долженъ стать раскольникомъ. Его выборъ скоро сдѣланъ. Онъ проповѣдуетъ на Тоуэръ-Гиллѣ или въ Смитфилдѣ. Образуется община. Получено разрѣшеніе. Воздвигается простое кирпичное зданіе, съ наломъ и скамьями, и получаетъ названіе Эбenezера или Веомля. Въ нѣсколько недѣль церковь потеряла навсегда сотни семействъ, изъ которыхъ ни одно не питало ни малѣйшаго сомнѣнія въ ея догматахъ, литургіи, устройствѣ и обрядахъ.

Не такова политика римской церкви. Изъ невѣжественнаго энтузіаста, котораго англиканская церковь обращаетъ въ своего врага, и—что бы ни думали образованные и ученые—весьма опаснаго врага, она дѣлаетъ своего ратника. Она приказываетъ ему отростить себѣ бороду, покрываетъ его рясою и капюшономъ изъ грубой темной ткани, опоясываетъ веревкою и посылаетъ учить во имя ея. Онъ ничего ей не стоитъ; онъ не беретъ ни одного червонца изъ дохода духовныхъ мѣстъ. Онъ живетъ подаваніемъ людей, уважающихъ его духовное званіе и благодарныхъ за его назиданіе. Онъ проповѣдуетъ, конечно, не слогомъ Массильона, но языкомъ, возбуждающимъ страсти необразованныхъ слушателей, и все его вліяніе употребляется на усиленіе церкви, которой онъ служитъ. И къ этой церкви онъ такъ же сильно привязывается, какъ кардиналы, которыхъ пунцовыя кареты и ливреи тѣсняются у входа въ квиринальскій дворецъ. Такимъ образомъ римская церковь соединяетъ въ себѣ всю силу церкви единой и всю силу раскола. Со всѣмъ блескомъ господствующей іерархіи на вершинѣ она представляетъ, въ своемъ основаніи, всю энергію свободной частной дѣятельности. Легко указать на весьма недавніе примѣры, когда сотни тысячъ сердець, отторгнутыхъ отъ нея эгоизмомъ, лѣнностью и трусостью ея жалованнаго духовенства, были возвращены рвеніемъ нищенствующей братьи.

Въ системѣ католической церкви есть мѣсто даже для дѣятельности женщинъ. Набожнымъ женщинамъ она поручаетъ духовныя занятія, раздаеть званія и должности. Въ нашей стра-

вѣ, если благородная дама движима болѣе чѣмъ обыкновеннымъ рвеніемъ къ распространенію религіи, она, хотя бы соглашалась со всѣми догматами и обрядами установленной церкви, кончить тѣмъ, что сообщить свое имя новой сектѣ. Если благочестивая и сострадательная женщина входитъ въ темницу, чтобы молиться съ наиболѣе несчастною и униженною изъ своего пола, то дѣлаетъ это безъ всякаго поощренія церковью. Ей не предназначается никакого образа дѣйствій, и еще хорошо, если приходскій священникъ не жалуется на ея вмѣшательство и епископъ не качаетъ головою, услышавъ о такой неправильной благотворительности. Въ Римѣ графиня Гонтингдонъ заняла бы мѣсто въ календарѣ, какъ св. Селина, и м-съ Фрай сдѣлалась бы основательницею и первою настоятельницею благословеннаго ордена Сестеръ Темницъ.

Поставьте Игнатія Лойолу въ Оксфордѣ — онъ навѣрное сдѣлается главою сильнаго раскола. Поставьте Джона Весли въ Римѣ — онъ сдѣлается однимъ изъ главныхъ членовъ новаго общества, преданнаго выгодамъ и славѣ церкви. Поставьте св. Терезу въ Лондонѣ — ея безпокойный энтузіазмъ переходитъ въ безуміе, не совершенно чуждое лукавства. Она дѣлается пророчицею, матерью правовѣрныхъ, ведетъ диспуты съ демономъ, даетъ запечатанныя грамоты прощенія своимъ приверженцамъ и готовится родить Шило (12). Поставьте Іоанну Слуткотъ въ Римѣ — она основываетъ орденъ босоногихъ кармелитовъ, изъ которыхъ каждый готовъ принять мученичество за церковь; ея памяти посвящена особенная торжественная служба, и ея статуя, поставленная надъ сосудомъ со святою водою, поражаетъ глаза каждаго чужеземца, входящаго въ соборъ св. Петра.

Мы долго останавливались на этомъ предметѣ, потому что, по нашему мнѣнію, изъ многихъ причинъ, которымъ римская церковь обязана своею безопасностью и торжествомъ въ концѣ XVI столѣтія, главная заключается въ глубокой политикѣ, съ кото-

(12) Мессія, ожидавшійся отъ извѣстной англійской мечтательницы Іоанны Слуткотъ, (ум. 1814 г.).

рою эта церковь пользовалась фанатизмом таких личностей, как св. Игнатій и св. Тереза.

Протестантская партія была теперь вполне побѣждена и унижена. Во Франціи католическая реакція была такъ сильна, что Генрихъ IV долженъ былъ сдѣлать выборъ между престоломъ и своею религіею. Не смотря на свои ясныя наследственные права, не смотря на чрезвычайныя личныя достоинства, онъ видѣлъ, что, до примиренія съ церковью, онъ не можетъ рассчитывать даже на вѣрность тѣхъ доблестныхъ дворянъ, которыхъ пылокое мужество измѣнило ходъ сраженія при Иври. Въ Бельгій, Польшѣ и Южной Германіи католицизмъ достигъ окончательнаго господства. Сопротивленіе Богеміи было уничтожено. Поальцъ былъ завоеванъ. Верхняя и Нижняя Саксонія были наводнены католиками. Датскій король, выступившій какъ защитникъ протестантскихъ церквей, былъ побѣжденъ, вытѣсненъ изъ имперіи и атакованъ въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ. Арміи австрійскаго дома тѣснили его, покорили Померанію и были остановлены только валами Штральзунда.

Теченіе снова измѣнилось. Два сильныхъ взрыва религіознаго чувства въ противоположныя направленія сообщили особый характеръ исторіи цѣлаго столѣтія. Сначала протестантизмъ оттѣснилъ католицизмъ до Альпъ и Пиринеевъ. Католицизмъ оправился и оттѣснилъ протестантизмъ назадъ даже до Нѣмецкаго моря. Потомъ великая южная реакція начала ослабѣвать, какъ ослабѣло прежде великое сѣверное движеніе. Рвеніе католиковъ охладѣло. Ихъ единство разстроилось. Пароксизмъ религіознаго раздраженія прошелъ у обѣихъ сторонъ. Одна партія такъ же далеко удалилась отъ духа Лойолы, какъ другая отъ духа Лютера. Въ продолженіе трехъ поколѣній религія была главною пружиною политическихъ событій: революціи и междоусобныя войны Франціи, Шотландіи, Голландіи, Швеціи, продолжительная борьба Филиппа съ Елисаветою, кровавое соискательство богемской короны—все это было порождено богословскими спорами. Но теперь наступилъ великій переворотъ. Война, свирѣпствовавшая въ Германіи, потеряла свой религіозный харак-

теръ. Съ одной стороны, она стала болѣе войною за свѣтское преобладаніе австрійскаго дома, чѣмъ за духовное господство римской церкви; съ другой, она была болѣе войною за народную независимость, чѣмъ за протестантское ученіе. Правительства стали образовывать новые союзы, въ которыхъ единство политическихъ интересовъ стояло выше единства вѣры. Даже въ Римѣ смотрѣли на успѣхъ католическаго оружія со смѣшаннымъ чувствомъ. Первосвященникъ былъ монархомъ государства второй степени и такъ же заботился о политическомъ равновѣсіи, какъ о распространеніи истины. Извѣстно было, что онъ болѣе опасался появленія всемірной монархіи, чѣмъ желалъ преуспѣянія всемірной церкви. Наконецъ, великое событіе показало міру, что кончились войны религій и наступили войны государствъ. Противъ австрійскаго дома образовался союзъ, заключавшій въ себѣ кальвинистовъ, лютеранъ и католиковъ. Во главѣ этого союза стояли первый государственный человѣкъ и первый полководецъ своего вѣка; политикъ былъ сановникъ католической церкви, отличившійся энергіею и успѣхомъ въ подавленіи гугенотовъ; воинъ былъ протестантскій король, получившій престолъ вслѣдствіе революціи, возженной ненавистью къ папству. Союзъ Ришельё съ Густавомъ обозначаетъ время, когда прекратилась великая религіозная борьба. Послѣдовавшая затѣмъ война была войною за политическое равновѣсіе Европы. Когда, наконецъ, былъ заключенъ Вестфальскій миръ, оказалось, что римская церковь осталась въ полномъ обладаніи обширной полосы, которую, какъ казалось въ среднѣи предшествовавшаго столѣтія, она должна была потерять. Ни одна часть Европы не осталась протестантскою, кромѣ той, которая стала вполнѣ протестантскою прежде, нежели низошло въ могилу поколѣніе, слышавшее проповѣди Лютера.

Съ этого времени не было ни одной религіозной войны между католиками и протестантами. Во времена Кромвелля протестантская Англія была въ союзѣ съ находившеюся тогда подъ управленіемъ кардинала католическою Франціею, противъ католической Испаніи. Вильгельмъ III, герой преимущественно протестантскій, стоялъ во главѣ коалиціи противъ католическа-

го Людовика, заключавшей въ себѣ многія католическія державы и даже пользовавшейся тайною помощью Рима. Во времена Анны протестантская Англія и протестантская Голландія вступили въ союзъ съ католическою Савойею и католическою Португаліею, чтобы перенести корону Испаніи съ одного изувѣра-католика на другаго.

Географическая граница двухъ религій была почти вполнѣ та же самая, какъ въ концѣ Тридцатилѣтней войны, и протестантизмъ нисколько не проявилъ той «силы распространенія», которая была ему приписана. Но протестанты говорятъ съ гордостью и говорятъ весьма справедливо, что богатство, цивилизація, умственное развитіе усилились гораздо болѣе по сѣверную, чѣмъ по южную сторону этой границы; что страны, столь мало покровительствуемыя природою, какъ Шотландія и Пруссія, стоятъ теперь въ ряду наиболѣе процвѣтающихъ и наилучше управляемыхъ государствъ свѣта, тогда какъ мраморные дворцы Генуи стоятъ пустыми, бандиты опустошаютъ прелестные берега Кампаніи, а плодоносные морскіе берега Папской области предоставлены буйваломъ и дикимъ кабанамъ. Нельзя сомнѣваться, что протестантскіе народы сдѣлали съ XVI столѣтія гораздо болѣе успѣховъ, чѣмъ ихъ сосѣди. Успѣхи даже тѣхъ странъ, въ которыхъ протестантизмъ хотя и не восторжествовалъ окончательно, но выдержалъ долгую борьбу и оставилъ замѣтные слѣды, были, вообще, весьма значительны. Но когда мы переходимъ къ католической землѣ, къ той части Европы, гдѣ первая искра Реформаціи была потушена при ея появленіи и откуда даятъ толчокъ, опрокинувшій протестантизмъ, мы находимъ при благоприятнѣйшихъ условіяхъ весьма слабый прогрессъ, а вообще—движеніе назадъ. Сравнимъ Данію и Португалію. Когда Лютеръ сталъ проповѣдывать, превосходство португальцевъ было несомнѣнно; нынѣ столь же очевидно превосходство датчанъ. Сравнимъ Эдинбургъ и Флоренцію. Эдинбургъ былъ менѣе одолженъ климату, почвѣ и покровительству государя, чѣмъ любая столица Европы, католическая или протестантская; во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Флоренція была особенно счастлива. Но тотъ, кто знаетъ, чѣмъ была Флоренція и чѣмъ былъ Эдинбургъ въ

поколѣніе, предшествовавшее Реформаціи, и что они теперь, тотъ признаетъ, что какая-нибудь великая причина, въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, возвышала одну часть европейскаго семейства и понижала другую. Сравните исторію Англій и Испаній въ послѣднее столѣтіе. Въ успѣхахъ оружія, въ искусствахъ, наукахъ, словесности, торговлѣ, земледѣліи—вездѣ контрастъ порази́теленъ. Различіе не ограничивается странами по сю сторону Атлантическаго океана. Колоніи, основанныя Англіею въ Америкѣ, неизмѣримо превзошли могуществомъ колоніи, основанныя Испаніею. Мы не имѣемъ, однако, никакого повода полагать, чтобы въ началѣ XVI вѣка кастильцы въ чемъ-нибудь стояли ниже англичанъ. Мы твердо убѣждены, что Сѣверъ одолженъ своимъ образованіемъ и благоденствіемъ преимущественно нравственному вліянію протестантской реформаціи и что упадокъ южныхъ странъ Европы долженъ быть преимущественно приписанъ великому католическому возрожденію.

Около ста лѣтъ послѣ окончательнаго установленія пограничной черты между протестантизмомъ и католицизмомъ начали показываться признаки четвертой великой опасности для римской церкви. Буря, теперь поднимающаяся, была совершенно другаго рода, нежели предшествовавшая ей. Прежде нападавшіе на католическую церковь подвергали критикѣ только одну часть ея догматовъ; новая же школа отвергала все ея ученіе. Альбигойцы, лолларды, лютеране, кальвинисты имѣли положительную религіозную систему и были сильно къ ней привязаны. Вѣра новыхъ сектаторовъ была вполне отрицательная. Они взяли одну изъ своихъ посылокъ у протестантовъ, другую у католиковъ. Отъ послѣднихъ они заимствовали принципъ, что только католичество есть чистое и истинное христіанство. Вмѣстѣ съ первыми они признавали нѣкоторыя части католической религіи противными разуму. Заключение очевидно. Два положенія, изъ которыхъ каждое, взятое отдѣльно, совмѣстно съ высшею степенью благочестія, образовали вмѣстѣ основаніе системы безвѣрія....

Еслибы секта, образовавшаяся въ Парижѣ, была сектою однихъ насмѣшниковъ, то она, по всей вѣроятности, не оставила

бы по себѣ глубокихъ слѣдовъ въ учрежденіяхъ и обычаяхъ Европы. Одно отрицаніе, одно эпикурейское безвѣріе, какъ замѣчаетъ весьма справедливо лордъ Бэконъ, никогда не нарушало спокойствія чловѣчества. Оно не заключаетъ въ себѣ побудительныхъ причинъ къ дѣятельности. Оно не внушаетъ энтузіазма. Оно не имѣетъ миссіонеровъ, крестonosцевъ, мучениковъ. Еслибн патріархъ святой философской церкви довольствовался шутками надъ ослиами Саула и женами Давида и критикою поэзіи Іезекіаля съ тѣмъ самымъ узкимъ взглядомъ, съ какимъ онъ разбиралъ Шекспира, то Риму было бы мало причинъ опасаться. Но, чтобы быть справедливыми къ Вольтеру и его сотоварищамъ, мы должны сказать, что настоящая тайна ихъ силы заключалась въ истинѣ, съ которою были перемѣшаны ихъ ошибки, и въ великодушномъ энтузіазмѣ, скрывавшемся подъ ихъ болтовней. Они были люди, которые, при всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ недостаткахъ, откровенно и ревностно желали, чтобы положеніе чловѣческаго рода улучшилось; ихъ кровь кипѣла при видѣ жестокостей и несправедливостей; они мужественно вели войну, всѣми своими способностями, противъ того, что казалось имъ злоупотребленіемъ; во многихъ замѣчательныхъ случаяхъ они доблестно становились между могущественными и притѣсненными. Нападая на христіанство со злобою и коварствомъ, унижительными въ людяхъ, называющихся философами, они, однако, гораздо болѣе своихъ противниковъ имѣли той любви къ людямъ всѣхъ классовъ и племенъ, которую проповѣдуетъ христіанство. Религіозное преслѣдованіе, судебная пытка, своевольное заточеніе, бесполезное умноженіе уголовныхъ наказаній, медленность и придирки судовъ, притѣсненія откупщиковъ податей, рабство, торгъ невольниками были постоянными предметами ихъ живой сатиры и краснорѣчивыхъ статей. Когда въ Тулузѣ былъ колесованъ невинный, когда юноша, виновный только въ нескромности, былъ обезглавленъ въ Аббевилѣ, когда храбраго офицера, угнетеннаго общественною несправедливостью, влекли съ заклепаннымъ ртомъ къ мѣсту казни на Place de Grève, — съ береговъ озера Лемана раздавался тотчасъ же голосъ, который слышался отъ Москвы до Кадикса: онъ приговаривалъ несправедли-

выхъ судей къ презрѣнію и ненависти всей Европы. Дѣйстви-тельно-существенныя орудія, служившія философамъ для напа-денія на евангельское ученіе, были заимствованы ими изъ еван-гельской нравственности. Ииическая и догматическая части еван-гелія, къ несчастію, были обращены одна противъ другой. Съ одной стороны была церковь, гордившаяся чистотою ученія, ис-ходившаго отъ апостоловъ, но запятнанная Вареоломеевскою ночью, убійствомъ лучшаго изъ королей, войною въ Сеვენнахъ, разрушеніемъ Портъ-Рояля. На другой сторонѣ была секта, смѣяв-шаяся надъ Евангеліемъ, показывавшая языкъ Таинствамъ, но готовая сразиться съ государями и властями за справедливость, милосердіе и терпимость.

Безвѣріе, случайно соединенное съ филантропіею, временно восторжествовало надъ религіею, случайно соединенною съ поли-тическими и общественными злоупотребленіями. Все отступило предъ рвеніемъ и дѣятельностью новыхъ реформаторовъ. Во Фран-ціи каждый человѣкъ съ литературнымъ именемъ стоялъ въ ихъ рядахъ. Ежегодно появлялись сочиненія, въ которыхъ основныя начала христіанства были подрываемы доводами, ругательствами и насмѣшками. Церковь защищалась лишь мѣрами насилія. Объ-являлись осужденія, конфисковались книги, наносились оскорбле-нія останкамъ невѣрныхъ писателей; но ни Боссюэты, ни Пла-скали не выступали противъ Вольтера. Не появилось ни одно-го сочиненія въ защиту католическаго ученія, которое бы про-извело значительное впечатлѣніе или о которомъ осталось бы нивѣ хотя воспоминаніе. Кровавое и безпощадное преслѣдованіе, подобное тому, которое уничтожило альбигойцевъ, могло бы уни-чтожить философовъ. Но времена Монфортовъ и Доминиковъ миновали. Наказанія, бывшія еще во власти духовенства, могли раздражать, а не губить. Война происходила между властью и остроуміемъ, а власть находилась подъ гораздо большими стѣ-сненіями, нежели остроуміе. Правовѣріе скоро стало синонимомъ невѣжества и глупости. Презирать религію своей страны сдѣла-лось столь же нужнымъ для благовоспитаннаго человѣка, какъ знакомство съ отечественной литературой. Новое ученіе быстро распространялось по христіанскому міру. Парижъ былъ столицею

всего материка. Французскій языкъ былъ вездѣ языкомъ образованныхъ круговъ. Литературная слава Италіи и Испаніи померкла. Литературная слава Германіи еще не занималась. Въ Англии она сіяла тогда для одной Англии. Учителя Франціи были учителями Европы. Парижскія мнѣнія быстро распространялись между образованными сословіями по ту сторону Альпъ; даже бдительность инквизиціи не могла воспрепятствовать контрабандному ввозу новой ереси въ Кастилію и Португалію. Правительства—даже неограниченныя правительства—съ удовольствіемъ смотрѣли на успѣхъ этой философіи. Многочисленныя реформы, большею частью похвальныя, но иногда предпріятыя необдуманно, безъ достаточнаго вниманія ко времени, мѣсту, общественному духу, показывали обширность ея вліянія. Полагали, что правители Пруссіи, Россіи, Австріи и многихъ меньшихъ государствъ находились между посвященными.

Римская церковь, виѣшнимъ образомъ, казалась столь же величественною и великолѣпною, какъ прежде; но ея основаніе было подрыто. Ни одно государство не порвало связь съ нею, не конфисковало ея доходовъ; но благоговѣніе къ ней народа повсюду исчезало.

Первымъ великимъ предостерегающимъ ударомъ было паденіе того общества, которое, въ борьбѣ съ протестантизмомъ, спасло католическую церковь отъ разрушенія. Орденъ іезуитовъ никогда не оправлялся отъ вреда, причиненнаго ему борьбою съ Портъ-Роялемъ. Теперь на него еще сильнѣе напали философы. Его духъ подломился, его слава была запятнана. Оскорбляемый всѣми гениальными людьми Европы, осужденный гражданскою властью, слабо защищаемый главами іерархіи, онъ палъ—и велико было паденіе это.

Движеніе продолжалось съ возрастающею силою. Первое поколѣніе новой секты сошло въ могилу. Ученіе Вольтера было принято и преувеличено его преемниками, которые походили на него такъ же, какъ анабаптисты на Лютера или люди Пятой монархіи на Пима. Наконецъ, произошла революція. Погибла древняя церковь Франціи, со всѣмъ своимъ блескомъ и богатствомъ. Нѣкоторые изъ ея священниковъ купили себѣ содер-

жаніе отпаденіемъ отъ Рима и произвели новый расколъ. Нѣкоторые, радуясь новому своеволю, сбросили съ себя священныя одежды, объявили, что вся жизнь ихъ была обманомъ, оскорбляли и преслѣдовали религію, которой были служителями, и отличались даже въ якобинскомъ клубѣ и парижской общинѣ своею наглостью и жестокостью. Другіе, болѣе вѣрные своимъ убѣжденіямъ, были убиваемы, безъ суда, десятками: ихъ топили, разстрѣливали, вѣшали на фонарныхъ столбахъ. Тысячи покидали родину, ища убѣжища подъ защитою вражескихъ алтарей. Церкви были заперты; колокола смолкли; мощи подверглись грабежу; серебряныя распятія были сплавлены. Шуты, одѣтые въ ризы и стихари, являлись, танцуя карманьолу, у рѣшетки конвента. Бюстъ Марата замѣнилъ статуи христіанскихъ мучениковъ. Непотребная женщина, возсѣдая на богатыхъ креслахъ въ алтарѣ собора *Nôtre-Dame*, принимала поклоненіе нѣсколькихъ тысячъ людей, которые восклицали, что наконецъ-то, въ первый разъ, древніе готическіе своды огласились звуками истины. Новое безвѣріе было столь же нетерпимо, какъ и древніе предразсудки. Показать почтеніе къ религіи значило возбудить подозрѣніе въ нерасположеніи къ современному порядку. Не безъ страшной опасности священникъ крестилъ дитя, соединялъ руки любящихъ или слушалъ исповѣдь умирающаго. Безумное поклоненіе богинѣ Разума продолжалось, правда, недолго; но деизмъ Робеспьера и Лепо былъ не менѣе враждебенъ католической вѣрѣ, чѣмъ атеизмъ Клотца и Шомета.

Бѣдствія церкви не ограничивались Франціею. Духъ революціи, подвергшійся нападенію всей Европы, отбилъ всю Европу, сдѣлался въ свою очередь завоевателемъ; но, не довольствуясь городами Бельгіи и богатыми владѣніями духовныхъ курфирстовъ, онъ, свирѣпствуя, перешелъ Рейнъ и Альпы. Въ продолженіе всей великой войны противъ протестантизма Испанія и Италія служили базисомъ католическихъ операцій. Испанія стала теперь покорнымъ вассаломъ невѣрныхъ. Италія была ими покорена. Въмѣсто ея древнихъ государствъ появились Цисальпинская, Лигурійская и Пареннопейская республики. *Casa santa* въ Лоретто лишилась сокровищъ, принесенныхъ въ даръ благочестіемъ

*

въ продолженіе шестисотъ лѣтъ. Римскіе монастыри были разграблены. Трехдвѣтный флагъ развѣвался на высотѣ замка St. Angelo. Преемникъ св. Петра былъ увезенъ плѣнникомъ невѣрныхъ. Онъ умеръ въ заточеніи, и даже почести погребенія долго не были возданы его останкамъ.

Неудивительно, что въ 1799 году даже проникательные наблюдатели думали, что пришелъ, наконецъ, часъ гибели для римской церкви. Торжество невѣрующей власти; папа, умирающій въ плѣну; самые знаменитые прелаты Франціи, живущіе протестантскою милостынею въ чужихъ странахъ; самыя величавыя зданія, посвященныя щедростью прежнихъ вѣковъ для поклоненія Богу и превращенныя въ храмы побѣды и пиршественныя залы для политическихъ обществъ, или въ часовни теофилантроповъ—такія знаменія легко могли быть приняты за предсказаніе приближающагося конца долгаго господства католической церкви.

Но конецъ еще не пришелъ. Слова приговоренной къ смерти «бѣлой, какъ молоко, лани» не было суждено умереть. Даже раньше, нежели были совершены похоронные обряды надъ бранными останками Пія VI, началась великая реакція, продолжающаяся, повидимому, съ успѣхомъ даже и теперь, по прошествіи сорока лѣтъ. Анархія отжила свое время. Изъ хаоса возникъ новый порядокъ вещей; явились новыя династіи, новые законы, новые титулы, и между ними появилась снова и древняя религія. У арабовъ есть повѣрье, что великая пирамида была построена допотопными царями и одна, изъ всего воздвигнутаго людьми, выдержала тяжесть воды. Такова же была судьба папства. Оно было погребено великимъ наводненіемъ; но его глубоко заложенное основаніе не было поколеблено и, когда воды спали, оно одно показалось между развалинами навсегда исчезнувшаго міра. Исчезли и Голландская республика, и Германская имперія, и великій совѣтъ Венеціи, и древній Швейцарскій союзъ, и домъ Бурбоновъ, и парламенты и аристократія Франціи. Европа была полна юныхъ учреждений: явились Французская имперія, Итальянское королевство, Рейнскій союзъ. Послѣднія событія измѣнили не только границы территорій, но и политическія учрежденія. Распредѣленіе собственности, составъ и духъ общества подверглись

совершенному перевороту въ большей части католической Европы: — но неизмѣнная церковь осталась.

Одинъ изъ будущихъ историковъ, столь же способный и умѣренный какъ профессоръ Ранке, прослѣдить, мы надѣемся, ходъ католическаго возрожденія въ XIX столѣтїи. Мы чувствуемъ, что описываемъ слишкомъ близкое къ намъ время и что если мы пойдемъ далѣе, то подвергнемся опасности сказать многое, что можетъ показаться признакомъ гнѣвныхъ чувствъ и что, навѣрное, ихъ вызоветъ. Поэтому, мы сдѣлаемъ только одно замѣчаніе, которое, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго вниманія.

Въ продолженіе XVIII столѣтїя, вліяніе римской церкви постоянно упадало. Безвѣріе совершило обширныя завоеванія въ католическихъ странахъ Европы, а нѣкоторыя страны оно совершенно поработило. Папство было, наконецъ, унижено до такой степени, что сдѣлалось предметомъ насмѣшекъ невѣрныхъ и скорѣе предметомъ сожалѣнія, нежели ненависти для протестантовъ. Въ продолженіе XIX столѣтїя эта падшая церковь постепенно поднималась изъ своего угнетеннаго положенія и возвращала свое древнее господство. Никто, разсуждая хладнокровно о случившемся въ немногіе послѣдніе годы въ Испанїи, Италїи, Южной Америкѣ, Ирландїи, Нидерландахъ, Пруссїи, даже во Франціи, не можетъ сомнѣваться въ томъ, что власть этой церкви надъ сердцама и умами людей теперь гораздо больше, чѣмъ во время появленія «*Энциклопедїи*» и «*Философскаго Словаря*». Весьма замѣчательно, что ни нравственная революція XVIII столѣтїя, ни нравственная контръ-революція XIX не прибавили замѣтнымъ образомъ ничего ко владѣніямъ протестантизма. Въ первый періодъ все, что было потеряно для католицизма, было потеряно также и для христіанства; въ продолженіе послѣдняго — все, что возвращено было христіанству въ католическихъ странахъ, было возвращено и католицизму. Естественно было ожидать, что многіе умы, на пути отъ предразсудковъ къ безвѣрію или на обратномъ пути отъ безвѣрія къ предразсудкамъ, остановятся на одной изъ промежуточныхъ точекъ. Между ученїями, которыя преподавались въ школахъ іезуитовъ, и тѣми, которыя

господствовали на вечерах барона Гольбаха, лежит большое пространство, на котором, кажется, человеческій умъ могъ бы найти для себя какое-нибудь мѣсто отдохновенія, болѣе удовлетворительное, нежели эти двѣ крайности. И во время Реформаціи милліоны избрали такую точку. Тогда цѣлыя народы отрекались отъ папства, не переставая вѣрить въ причину всѣхъ причинъ, въ будущую жизнь и въ божественность Иисуса. Въ прошедшемъ же столѣтіи, если католикъ отрекался отъ вѣрованія въ догматъ дѣйствительнаго присутствія тѣла и крови Христа въ причастіи, то можно было принять въ пропорціи тысячи къ единицѣ, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ переставалъ вѣрить и въ Евангеліе; а когда началась реакція, съ вѣрою въ Евангеліе возвратилась вѣра въ дѣйствительное присутствіе.

Мы не пытаемся вывести изъ этихъ явленій какой-нибудь общій законъ; но мы считаемъ весьма замѣчательнымъ фактомъ, что ни одинъ христіанскій народъ, не принявшій началъ Реформаціи до конца XVI столѣтія, не принялъ ихъ съ тѣхъ поръ. Католическія общины съ этого времени становились невѣрующими и снова католическими; но ни одна не сдѣлалась протестантскою.

Здѣсь мы кончаемъ этотъ бѣглый очеркъ одной изъ важнѣйшихъ частей исторіи человѣчества. Читатели будутъ имѣть сильное основаніе почестъ себя обязанными намъ, если мы заинтересовали ихъ настолько, что побуждаемъ прочестъ сочиненіе профессора Ранке. Мы только предостерегаемъ ихъ отъ французскаго перевода—произведенія, которое, по нашему мнѣнію, бросаетъ столь же невыгодный свѣтъ на нравственный характеръ переводчика, какъ ложное клятвенное показаніе или поддѣлка векселя, и совѣтуемъ имъ изучать или подлинникъ, или англійскій переводъ, въ которомъ прекрасно переданы смыслъ и духъ подлинника.

КОМИЧЕСКІЕ ДРАМАТУРГИ ВРЕМЕНЬ РЕСТАВРАЦІИ.

(Январь, 1841.)

«The Dramatic Works of Wycherley, Congreve, Vanbrugh and Farquhar, with Biographical and Critical Notices». By LEIGH HUNT. 8-vo. London: 1840.

«Драматическія сочиненія Вичерли, Конгрива, Ванбру и Фарквара, съ біографическими и критическими замѣчаніями.» Соч. Лей-Гонта. 8-во. Лондонъ: 1840.

Мы очень расположены къ м-ру Лей-Гонту. Правда, мы судимъ о немъ только по событіямъ общеизвѣстнымъ, по собственнымъ его сочиненіямъ и твореніямъ другихъ писателей, которые, вообще, относились къ нему весьма злобно. Но или мы сильно ошибаемся, или онъ человекъ весьма искусный, весьма честный и весьма добродушный. Мы ясно видимъ, и въ его сочиненіяхъ, и въ его поведеніи, вмѣстѣ со многими достоинствами, и многіе недостатки. Но мы, дѣйствительно, думаемъ что едвали найдется теперь человекъ, достоинства котораго были бы признаваемы столь же неохотно, а недостатки столь же жестоко искуплены. (1)

(1) Лей-Гонтъ, свободнымъ обсужденіемъ политическихъ и церковныхъ дѣлъ и дѣятелей, навлекъ на себя преслѣдованіе и, за пасквиль на принца-регента, впоследствии короля Георга IV, былъ приговоренъ къ 2-лѣтнему тюремному заключенію.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, м-ръ Лей-Гонтъ чрезвычайно способенъ къ труду, имъ предпринятому. Слогъ его, не взирая на манерность — отчасти даже вслѣдствіе этой манерности — вполне соответствуетъ легкому, болтливому, отрывочному *Ana* ⁽²⁾, полукритическому, полу-біографическому. Мы не всегда соглашаемся съ литературными сужденіями Лей-Гонта; но мы находимъ въ немъ то, что весьма рѣдко въ наше время: способность вѣрно оцѣнивать хорошія произведенія, совершенно разнородныя, и сердечно наслаждаться ими. Онъ можетъ боготворить Шекспира и Спенсера, не отказывая въ поэтическомъ геніи автору «*Alexander's Feast*» или въ тонкой наблюдательности, богатой фантазій и истинномъ юморѣ тому, кто создалъ «*Will Honeycomb*» и «*Sir Roger de Coverley*». Онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучилъ исторію англійской драмы, отъ вѣка Елисаветы до нашего времени, и приобрѣлъ полное право на почтительное вниманіе къ его мнѣніямъ по этому предмету.

Пьесы, которыя онъ какъ-бы рекомендуетъ намъ, таковы, что, за малыми исключеніями, по мнѣнію нѣкоторыхъ весьма почетныхъ людей, ихъ не слѣдовало бы перепечатывать. Съ этимъ мнѣніемъ мы рѣшительно не можемъ согласиться. Мы не можемъ желать, чтобы какое-либо твореніе или родъ твореній, которыя имѣли большое вліяніе на умъ человѣческой и разъясняютъ характеръ важной эпохи въ словесности, политикѣ и нравственности, исчезли съ лица земли. Если мы заблуждаемся въ этомъ дѣлѣ, то заблуждаемся заодно съ самыми серьезными людьми и классами людей въ королевствѣ, особенно съ англійскою церковью и высшими учебными заведеніями, съ нею соединенными. Все образованіе нашихъ соотечественниковъ руководится началомъ, что ни одна книга, годная по превосходному слогу или по свѣту, бросаемому ею на исторію, государственныя учрежденія и обычаи народовъ, не должна быть возбраняема учащемуся по причинѣ ея безнравственности. Аѳинскія коме-

(2) *Ana* — въ соединеніи съ именемъ собственнымъ служитъ часто заглавіемъ сборниковъ историческихъ свѣдѣній, анекдотовъ и проч., напр. «*Vasconiana*».

днѣ, въ которыхъ едва ли найдется сотня строкъ сряду безъ какого-либо мѣста, котораго постыдился бы и Рочестеръ, были перепечатываемы и въ Питтовой, и Кларендоновой типографіяхъ, подъ руководствомъ университетскихъ синдиковъ и делегатовъ, и снабжены замѣчаніями комментаторовъ—преподобныхъ, высокопреподобныхъ и преосвященныхъ. Ежегодно, наиболѣе отличившіе молодые люди въ королевствѣ экзаменуются епископами и профессорами богословія въ произведеніяхъ, каковы Аристофанова «*Лизистрата*» или 6-ая сатира Ювенала. Конечно, нѣсколько забавна мысль о конклавѣ достопочтенныхъ отцовъ церкви, хвалящихъ и награждающихъ юпошу за близкое знакомство съ сочиненіями, въ сравненіи съ которыми скромнѣе самый вольный разсказъ Прайора. Но мы, со своей стороны, не сомнѣваемся, что великіи общества, управляющіи воспитаніемъ англійскаго джентри, судятъ объ этомъ предметѣ разумно. Обширное знакомство съ древней литературой, безспорно, расширяетъ и обогащаетъ умъ. Безспорно, что человѣкъ, умъ котораго такимъ образомъ расширенъ и обогащенъ, можетъ быть гораздо полезнѣе государству и церкви, нежели человѣкъ, не знакомый или мало знакомый съ классиками. Съ другой стороны, мы находимъ невѣроятнымъ, чтобы въ мірѣ, столь полномъ искушеній, джентльменъ, жизнь котораго была бы добродѣтельна, еслибъ онъ не прочелъ Аристофана и Ювенала, сталъ послѣ того порочнымъ. Человѣкъ, который, подвергаясь всѣмъ вліяніямъ современнаго общества, страшится дѣйствія немногихъ греческихъ или латинскихъ стихотвореній, весьма похожъ, по нашему мнѣнію, на того преступника, который просилъ шерифовъ приказать везти его отъ воротъ Ньюгета до висѣлицы подъ зонтикомъ, потому что утро было дождливое, а онъ былъ склоненъ къ простудѣ.

Міру нужна добродѣтель здравая, а не болѣзненная, добродѣтель, которая въ состояніи подвергнуться случайностямъ, неразлучнымъ со всякой жизненной дѣятельностью, а не та добродѣтель, которая прячется отъ общественнаго воздуха, изъ опасенія заразы, и избѣгаетъ общественной пищи, какъ слишкомъ возбуждающей. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, нелѣпо стараться удерживать людей отъ приобрѣтенія познаній, которыя дѣлаютъ ихъ способны-

ми къ дѣятельности, почетной для нихъ и полезной для отечества,—съ цѣлью сохранить непорочность, которой сохранить невозможно, непорочность, для уничтоженія которой достаточно прогулки отъ Вестминстера до Темпла.

Но мы были бы виновны въ крайней непослѣдовательности, еслибы, находя благоразумнымъ предлагать нашей молодежи изученіе писателей въ родѣ Теоокрита и Катулла, вздумали поднять вопль противъ новаго изданія «*The Country Wife*» или «*The Way of the World*». Безирравственныхъ англійскихъ писателей XVII столѣтія, конечно, можно извинить гораздо менѣе, чѣмъ писателей Греціи и Рима. Но самыя безирравственныя англійскія сочиненія XVII вѣка приличны въ сравненіи со многими, завѣщанными намъ Греціею и Римомъ. Платонъ, мы не сомнѣваемся, былъ, какъ человекъ, гораздо лучше сэра Джорджа Этереджа. Но Платонъ писалъ вещи, отъ которыхъ сэръ Джорджъ Этереджъ содрогнулся-бы. Божгорсть и Седли, даже въ тѣхъ дикихъ оргіяхъ въ гостинницѣ «Пѣтуха» въ *Bow Street*, за которыя чернь кидала въ нихъ грязью, а судъ королевской скамьи присудилъ ихъ къ денежной пенѣ, никогда не дерзнули-бы говорить такъ, какъ говорили Сократъ и Федръ въ прекрасный лѣтній день, подъ платановымъ деревомъ, между тѣмъ какъ у ногъ ихъ журчалъ ручей, а надъ головой стрекотали цикады. Если, какъ мы думаемъ, желательно, чтобы англійскій джентльменъ былъ хорошо знакомъ съ правленіемъ и нравами малыхъ государствъ, которыя далеки отъ насъ какъ по мѣсту, такъ и по времени, независимость которыхъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ уничтожена, языкомъ которыхъ перестали говорить за нѣсколько вѣковъ и о великолѣпіи которыхъ свидѣтельствуютъ лишь немногіе сломанные колонны и фризы,—то гораздо болѣе должно быть желательно, чтобы онъ былъ близко ознакомленъ съ исторіей умственнаго развитія въ собственномъ отечествѣ, съ причинами, сущностью и предѣлами тѣхъ переворотовъ во мнѣніяхъ и чувствахъ, которые, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, поочередно то возвышали, то понижали уровень нашей народной нравственности. А такого рода познаніе весьма скудно черпается изъ парламентскихъ преній, изъ государствен-

ныхъ бумагъ и изъ сочиненій важныхъ историковъ. Оно или вовсе не прибрѣтается, или должно быть прибрѣтено чтеніемъ легкой литературы, бывшей въ модѣ въ различные періоды. Оттого мы нимало не намѣрены осуждать это изданіе, хотя, конечно, не можемъ рекомендовать лежащаго передъ нами красиваго тома, какъ приличный рождественскій подарокъ молодымъ дамамъ.

Мы сказали, что совершенно оправдываемъ это изданіе. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ м-иъ Лей-Гонтомъ, который, повидимому, полагаетъ, будто мало или совсѣмъ нѣтъ основанія къ обвиненію въ безнравственности, столь часто взводимому на литературу Реставраціи. Мы не порицаемъ его за то, что онъ не произноситъ приговора съ безпощадною строгостью лорда Анджемо, но, право, думаемъ, что столь гнусныя и безстыдные преступники, каковы стоящіе нынѣ у рѣшетки, по меньшей мѣрѣ заслуживали бы легкаго Эскалова порицанія. М-ръ Лей-Гонтъ говоритъ о предметѣ ужъ чрезчуръ легкимъ языкомъ Луціо, и, можетъ быть, его чрезмѣрная снисходительность располагаетъ насъ къ нѣсколько излишней строгости. (3)

Однако трудно быть слишкомъ строгимъ. Эта часть нашей литературы, поистинѣ, позоръ для нашего языка и народнаго характера. Она, правда, обличаетъ таланты и очень занимательна, но она въ сильнѣйшемъ смыслѣ словъ «мірская, чувственная, бѣсовская» литература. Неблагопристойность ея, хотя постоянно достойная осужденія, по законамъ какъ изящнаго вкуса, такъ и нравственности, — по нашему мнѣнію, еще не столь сильно унижаетъ эту часть литературы, какъ ея въ высшей степени негуманное направленіе. Предъ нами Веліалъ, не тотъ, который вдохновлялъ Овидія и Аріоста, «преlestный и человѣчный», а съ желѣзнымъ взоромъ и жестокой улыбкой Мефистофеля. Насъ окружаетъ міръ, въ которомъ женщины подобны самымъ развратнымъ, безстыднымъ и безчувственнымъ мужчинамъ и въ которомъ мужчины слишкомъ скверны для какого-либо мѣста, кро-

(3) Анджемо, Эскаль и Луціо дѣйствующія лица Шекспировой комедіи «Мѣра за мѣру».

мѣ Пандемоніума или острова Норфолька (4). Мы окружены мѣдными лбами, сердцама, подобными исподнему жернову, и языками, оживленными адскимъ огнемъ.

Драйденъ защищалъ или извинялъ проступки собственные и современниковъ примѣромъ прежнихъ англійскихъ драматурговъ, и м-ръ Лей-Гонтъ, повидимому, вѣрить въ силу такого оправданія. Мы совершенно расходимся во мнѣніи. Извиняемая вина состоитъ не въ одной грубости выраженія. Изреченія, бывшія приличными въ одномъ вѣкѣ, становятся грубыми для послѣдующаго. Языкъ англійскаго перевода Пятикнижія иногда таковъ, что Аддисонъ не осмѣлился бы ему подражать; между тѣмъ, Аддисонъ—образецъ нравственной чистоты своего вѣка—употреблялъ много фразъ, нынѣ недопускаемыхъ. Обозначается ли предметъ прямо своимъ именемъ существительнымъ или оборотомъ рѣчи—дѣло одной моды. Нравственности этотъ вопросъ нисколько не касается. Но нравственность глубоко заинтересована въ томъ, чтобы безнравственное не было представляемо воображенію людей молодыхъ и впечатлительныхъ въ постоянной связи съ привлекательнымъ. Всякій, кто замѣчалъ дѣйствіе закона сочетаній въ своемъ умѣ или въ умѣ другихъ, знаетъ, что все, представляемое воображенію постоянно въ связи съ привлекательнымъ, само становится привлекательнымъ. Есть, безъ сомнѣнія, множество неблагопристойностей у Флетчера и Массинджера и болѣе, чѣмъ желательно бы было, у Бенъ-Джонсона и Шекспира, сравнительно чистыхъ. Но въ ихъ пьесахъ невозможно выслѣдить никакого систематическаго покушенія сочетать порокъ со всѣмъ тѣмъ, что люди всего болѣе цѣнятъ и чего они всего болѣе желаютъ, а добродѣтель со всѣмъ смѣшнымъ и унизительнымъ. А такую систематическую попытку мы находимъ во всей драматической литературѣ поколѣнія, слѣдовавшаго за возвращеніемъ Карла II. Возьмемъ для примѣра того, о чемъ идетъ рѣчь, лишь одинъ предметъ, въ высшей степени важный для счастья человѣчества: супружескую вѣрность.

(4) Австралійская колонія для самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ.

Мы теперь едва въ состояніи вспомнить хоть одну англійскую пьесу, писанную до междоусобной войны, въ которой бы характеръ соблазнителя замужней женщины былъ представленъ въ выгодномъ свѣтѣ. Мы помнимъ много пьесъ, гдѣ подобныхъ людей стыдятъ, обличаютъ, осмѣиваютъ и оскорбляютъ торжествующіе мужья. Такова судьба Фальстафа, со всѣмъ его остроуміемъ и знаніемъ свѣта. Такова судьба Бризака во Флетчеровомъ «*Elder Brother*» Рикардо и Убальдо въ Массинджеровой «*Picture*». Иногда, какъ въ «*The Fatal Dowry*» и въ «*Love's Cruelty*», оскорбленная честь семейства возстановляется кровавымъ мщеніемъ. Если изрѣдка любовникъ изображается человѣкомъ прекраснымъ, а мужъ—слабымъ или ненавистнымъ характеромъ, то это лишь возвышаетъ торжество женской добродѣтели, какъ въ Джонсоновой «*Celia*» и «*Mrs Fitzdottrel*» и во Флетчеровой «*Maria*». Вообщемъ, мы рѣшаемся сказать, что драматурги временъ Елисаветы и Іакова I или представляютъ нарушеніе супружескаго обѣта преступленіемъ серьезнымъ, или, если избираютъ его предметомъ для смѣха, то смѣхъ обращаютъ противъ волокиты.

Напротивъ, въ продолженіе сорока лѣтъ, слѣдовавшихъ за Реставраціей, вся толпа драматурговъ неизмѣнно изображаетъ прелюбодѣяніе, не скажемъ—въ видѣ ничтожнаго грѣшка, не скажемъ—въ видѣ заблужденія, которое можно бы извинить необузданностью страсти, но какъ призваніе благовоспитаннаго джентльмена, какъ прелесть, безъ которой его характеръ оставался бы несовершеннымъ. Ухаживанье за женами своихъ ближнихъ составляетъ такую же существенную принадлежность его воспитанія и положенія въ обществѣ, какъ знаніе французскаго языка или ношеніе шпаги. Во всемъ этомъ нѣтъ страсти, и едвали есть что-нибудь, что можетъ назваться склонностью. Герой ведетъ интриги точно такъ же, какъ носитъ парикъ: потому что иначе его сочли бы чудачкомъ, неучемъ—мѣщаниномъ и, пожалуй, пуританиномъ. Всѣ пріятныя качества всегда придаются волокитѣ. Все презрѣніе и отвращеніе падаютъ на долю несчастнаго супруга. Возьмите на примѣръ Драйдена и сравните Вудолла съ Бренсикомъ или Лоренцо съ Гомецомъ. Возьмите Вичигли и сравните Горнера съ Пинчвайфомъ. Возьмите Ванвру и сравните Констан-

та съ сэромъ Джономъ Брутомъ. Возьмите Фалквара и сравните Арчера со сквайромъ Солленомъ. Возьмите Конгрива и сравните Беллмора съ Фондльвайфомъ, Керлесса съ сэромъ Полемъ Плайантомъ или Скандала съ Форсайтомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и во многихъ другихъ, которые можно бы было привести, драматурги очевидно изъ всѣхъ силъ стараются изобразить лицо, наносящее оскорбленіе, граціознымъ, чувствительнымъ, остроумнымъ, а лицо оскорбленное—или дуракомъ, или тираномъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

М-ръ Чарльзъ Ламбъ, правда старался зацѣпить это направленіе. Драматурговъ послѣдней половины XVII столѣтія, по его мнѣнію, не слѣдуетъ подводить подъ уровень нравственности, который существуетъ и долженъ существовать въ дѣйствительной жизни. Ихъ міръ — міръ условный. Ихъ герои и героини принадлежать не Англіи, не христіанскому міру, но какой-то Утоніи волкиетства, какому-то Царству Фей, гдѣ не извѣстны ни Библія, ни «Justice» Бораи, гдѣ шалость, наказываемая на этой землѣ позорнымъ столбомъ, возбуждаетъ лишь громкій хохотъ эльфовъ. Дѣйствительный Горнеръ, дѣйствительный Керлессъ были бы, конечно, безгранично-дурными людьми. Но говорить о нравственности или безнравственности Вичерлева Горнера и Конгривова Керлесса такъ же негѣло, какъ обвинять спящаго въ его сновидѣніяхъ. «Эти характеры принадлежать къ области чистой комедіи, гдѣ не господствуетъ сухой морали. Когда мы находимся среди нихъ, то находимся среди хаотическаго міра. Мы не въ правѣ судить ихъ по нашимъ обычаямъ. Ихъ поведеніе не оскорбляетъ никакихъ почтенныхъ установленій, потому что этихъ установленій у нихъ нѣтъ. Никакой семейный миръ не нарушается, потому что у нихъ нѣтъ узъ семейственныхъ. Тамъ нѣтъ ни правды, ни вины, ни благодарности, ни противоположнаго ей порока, ни права, ни обязанности, ни взаимныхъ отношеній родителей и дѣтей.»

Вотъ, полагаемъ мы, вкратцѣ и вѣрно изложенное ученіе м-ра Ламба. Мы увѣрены въ томъ, что не желаемъ представить его превратно. Мы восхищаемся способностями м-ра Ламба, любимъ

добрую натуру, проявляющуюся въ его сочиненіяхъ, и лелѣемъ его память, какъ будто бы мы знали его лично. Но мы должны прямо сказать, что этотъ доводъ, хотя и остроумный, есть рѣшительный софизмъ.

Разумѣется, намъ понятно, что писателю возможно создать условный міръ, въ которомъ дѣла, запрещенныя десятью заповѣдями и книгою статутовъ, законны, и что все-таки изображеніе этого міра можетъ быть безвинно или даже назидательно. Напримѣръ, мы полагаемъ, самые суровые критики не стали бы обвинять Фенелона въ нечестіи и безнравственности за его «Телемака» и «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ». Въ «Телемакѣ» и въ «Разговорахъ въ царствѣ мертвыхъ» встрѣчаемъ мы ложную религію, а слѣдовательно и нравственность, въ нѣкоторыхъ пунктахъ неправильную. Встрѣчаемъ правду и неправду, различныя отъ правды и неправды жизни дѣйствительной. Тамъ поставляется первою обязанностью людей чтить Юпитера и Минерву. Филоклъ, употребляющій часы досуга на разныя изображенія этихъ божествъ, превознесенъ за свое благочестіе въ словахъ, которыя представляютъ странную противоположность съ изреченіями Исаи о томъ-же предметѣ. Усопшіе судятся Миносомъ и награждаются вѣчнымъ блаженствомъ за поступки, которые Фенелонъ первый провозгласилъ-бы вполне грѣховными. То же самое можно сказать о магометанскихъ и индійскихъ герояхъ и героиняхъ м-ра Соути. Въ «*Thalaba*» говорить въ ущербъ славѣ аравійскаго обманщика—богохульство; пить вино—преступленіе, совершать омовеніе и чтить священные города — дѣла достойныя. Въ «*The Curse of Kehama*» Кайліаль одобряется за поклоненіе статуѣ Маріатали, богини бѣдныхъ. Но, конечно, никто не обвинитъ м-ра Соути въ томъ, будто онъ распространялъ или намѣревался распространять исламъ или браминизмъ.

Легко видѣть, почему условные міры Фенелона и м-ра Соути безупречны. Они совершенно не схожи съ дѣйствительнымъ міромъ, въ которомъ мы живемъ. Состояніе общества, законы даже міра физическаго столь различны отъ извѣстныхъ намъ, что насъ не можетъ поразить подобное же различіе въ нравственности. Но на самомъ дѣлѣ нравственность этихъ условныхъ мі-

ровъ разнится отъ нравственности дѣйствительнаго міра только въ пунктахъ, гдѣ нѣтъ опасности, что дѣйствительный міръ когда-либо собьется съ пути. Великодушіе и кротость Телемака, непоколебимость, скромность, дѣтская нѣжность Кайліали составляютъ добродѣтели всѣхъ вѣковъ и націй. И нечего было опасаться, чтобы дофиня стала боготворить Минерву или англійская дѣвушка стала плясать, съ ведромъ на головѣ, передъ статуей Маріатали.

Но міры Фенелона и м-ра Соути весьма различны отъ того, что м-ръ Чарльзъ Ламбъ называетъ условнымъ міромъ Вичирли и Конгрива. Здѣсь одѣяніе, нравы, предметы разговора принадлежатъ дѣйствительному городу и текущему дню. Герой, по всѣмъ внѣшнимъ преимуществамъ, точь-въ-точь благовоспитанный джентльменъ, на котораго желалъ бы походить каждый молодой человѣкъ въ партерѣ. Героиня — благовоспитанная дама, на которой онъ охотно бы женился. Мѣсто дѣйствія такъ же знакомо зрителямъ, какъ ихъ собственные дома въ Сентъ-Джемсъ-паркѣ, Гайдъ-паркѣ или Вестминстеръ-Голлѣ. Адвокатъ съ портфелемъ суетится между судомъ общихъ тяжбъ и казначействомъ. Перъ приказываетъ подать экипажъ, чтобы отправиться въ палату лордовъ для обсуждения какого-нибудь частнаго билля. Сотни мелкихъ подробностей употреблены для того, чтобы воображаемый міръ казался похожимъ на міръ настоящій. И безнравственность здѣсь такого свойства, что она всегда будетъ современна и что вся сила религіи, закона и общественнаго мнѣнія, соединенныхъ вмѣстѣ, едва могутъ ее обуздать.

Во имя искусства, равно какъ и во имя добродѣтели, мы протестуемъ противъ принципа, будто въ міръ чистой комедіи не входятъ никакіе нравственные законы. Если комедія, при какихъ-бы то ни было условіяхъ, есть подражаніе дѣйствительной жизни, то возможно ли, чтобы она не находилась ни въ какомъ отношеніи къ великому закону, управляющему жизнью, и къ чувствамъ, вызываемымъ каждымъ случаемъ жизни? Еслибы сказанное м-ромъ Чарльзомъ Ламбомъ было справедливо, то слѣдовало бы заключить, что эти драматурги нисколько не понимали первѣйшихъ основаній своего искусства. Чистая ландшафтная живопись

безъ свѣтотѣни, чистая портретная живопись безъ выраженія— фразы, менѣе противорѣчающія здравой критикѣ, нежели чистая комедія, въ которую не входятъ нравственные законы.

Но не справедливо, будто міръ этихъ драматурговъ—міръ, въ который не входятъ нравственные законы. Въ этотъ міръ постоянно входитъ нравственность истинная и ложная: истинную оскорбляютъ, осмѣиваютъ, сочетаютъ со всѣмъ ничтожнымъ, ненавистнымъ; ложную соединяютъ со всякими достоинствами и внушаютъ всѣми способами, прямыми и косвенными. Несправедливо, будто никто изъ обитателей этого условнаго міра не чувствуетъ уваженія къ священнымъ установленіямъ и узамъ семейственнымъ. Фондльвайфъ, Пинчвайфъ, короче—каждое лицо съ узкимъ умомъ и отвратительными приѣмами сильно выражаетъ это уваженіе. У героевъ и героинь также есть свой собственный нравственный кодексъ, чрезвычайно скверный, но существующій не только въ воображеніи драматурговъ, какъ очевидно полагаетъ м-ръ Чарльзъ Ламбъ. Напротивъ, этотъ кодексъ, на самомъ дѣлѣ, признается и исполняется огромнымъ числомъ людей. Чтобы найти ихъ, намъ незачѣмъ отправляться въ Утопію или въ Царство Фей. Они у насъ подъ рукою. Каждый вечеръ нѣкоторые изъ нихъ плутуютъ въ игорныхъ домахъ Квотранта ⁽⁵⁾, а другіе бродятъ по галлерей въ Ковентъ-Гарденъ. Не летая въ Nephelocossuga ⁽⁶⁾ или ко двору королевы Мабъ, мы можемъ встрѣтиться съ мошенниками, буянами, жестокосердыми, безстыдными развратниками и женщинами, достойными этихъ любовниковъ. Нравственность «*The Country Wife*» и «*The Old Bachelor*» не принадлежитъ, какъ утверждаетъ м-ръ Чарльзъ Ламбъ, міру мнимому, но принадлежитъ міру слишкомъ дѣйствительному. Это нравственность не хаотическаго народа, а низкихъ уличныхъ развратниковъ и тѣхъ женщинъ, которыхъ газеты называютъ «безстыдными жрицами Киприды». И вопросъ состоитъ только въ томъ, злоупотребляетъ или не злоупотребляетъ своими

(⁵) Площадка въ Regent-Street въ Лондонѣ.

(⁶) Аристофановъ городъ птицъ.

силами человекъ геніальный, который постоянно и систематически старается изображать подобные характеры привлекательными, соединяя ихъ съ красотой, граціей, достоинствомъ, умомъ, высокимъ общественнымъ положеніемъ, популярностью, литературной извѣстностью, остроуміемъ, вкусомъ, знаніемъ свѣта, блистательнымъ успѣхомъ во всякомъ предпріятіи. Сознаемся, мы не въ состояніи понять, можно ли на этотъ вопросъ отвѣчать иначе, какъ извѣстнымъ образомъ.

Но ради справедливости къ писателямъ, о которыхъ мы говорили столь строго, должно, однако, сознаться, что они, въ значительной степени, были созданиями своего вѣка. И если спросить насъ, отчего этотъ вѣкъ поощрялъ безнравственность, которой не потерпѣлъ бы никакой другой вѣкъ, мы, не обинуясь, отвѣтимъ, что столь сильное искаженіе національнаго вкуса было слѣдствіемъ преобладанія пуританизма во времена рѣспублики.

Наказывать публичныя оскорбленія нравственности и религіи лежитъ, несомнѣнно, во власти правителей. Но если правительство, не довольствуясь благопристойностью, требуетъ святости, то оно переступаетъ предѣлы своего назначенія. И можно положить общимъ правиломъ, что правительство, пытающееся совершить болѣе, чѣмъ оно обязано, совершить менѣе. Законодатель, ограничивающій количество процентовъ, въ видахъ защиты стѣсненныхъ заемщиковъ, или вовсе лишаетъ этихъ людей, составляющихъ предметъ его заботы, возможности занимать деньги, или предоставляетъ ихъ произволу самаго худшаго класса ростовщиковъ. Законодатель, опредѣляющій, изъ любви къ рабочимъ людямъ, часы ихъ труда и количество получаемой ими платы, навѣрно сдѣлаетъ ихъ несчастіе прежняго. Точно такъ же, правительство, которое, не довольствуясь подавленіемъ соблазнительныхъ безчинствъ, требуетъ отъ своихъ подданныхъ ревностнаго и суроваго благочестія, вскорѣ откроетъ, что, стараясь оказать невозможную услугу добродѣтели, оно, на самомъ дѣлѣ, поощряло только порокъ.

Какими мѣрами достигаетъ правительство своихъ цѣлей? Только двумя—наградой и наказаніемъ, мѣрами, конечно, сильными для побужденія къ виѣшнему дѣйствію, но совершенно немож-

нами для того, чтобы тронуть сердце. Должностное лицо, которому обещано повышение, если оно набожный католикъ, а въ противоположномъ случаѣ—устраненіе отъ мѣста, станетъ, вѣроятно, каждое утро ходить къ обѣднѣ, по пятницамъ изгонять со стола мясо, будетъ аккуратно исповѣдываться и, можетъ быть, не оставитъ начальство въ безызнѣстности, что онъ носитъ на тѣлѣ власяницу. Подъ правительствомъ пуританскимъ, лицо, знающее, что благочестіе существенно необходимо для преуспѣянія въ мѣрѣ, будетъ въ точности святить воскресенье или, какъ это лицо выразится, *день субботній* и избѣгать театра, словно зачумленнаго. Надежда на прибыль и страхъ потери въ одну недѣлю заставятъ надѣть подобную личину религіи столькихъ людей, сколькихъ только можетъ пожелать правительство. Но подъ этой личиной чувственность, честолюбіе, жадность и ненависть сохраняютъ всю свою силу, и мнимый новообращенный присовокупилъ лишь къ порокамъ человѣка, преданнаго свѣту, еще худшіе пороки, порожденные постояннымъ упражненіемъ въ притворствѣ. Истину долго таять нельзя. Общество замѣчаетъ, что степенные люди, поставленные ей въ образецъ, несравненно болѣе лишены нравственныхъ правилъ и нравственной чувствительности, чѣмъ отъявленные развратники. Оно видитъ, что эти фарисеи гораздо дальше отъ дѣйствительнаго добра, нежели мытари и блудницы. И, какъ водится, изъ покидаемой крайности общество бросается въ противоположную. Оно смотритъ на выказываніе высокой религіозности какъ на вѣрный признакъ низости и разврата. Въ первый же день, какъ только будетъ снята узда страха и люди отважатся говорить, что думаютъ, страшный раскатъ богохульства и сквернословія докажетъ, что близорукая политика, намѣреваясь создать народъ святыхъ, создала народъ поносителей.

Такъ было во Франціи къ началу XVIII столѣтія. Лудовикъ XIV подъ старость сдѣлался религіознымъ и положилъ, чтобы поданные его были тоже религіозны: онъ пожималъ плечами и хмурилъ брови, если среди придворныхъ, окружавшихъ его при утреннемъ туалетѣ или за обѣденнымъ столомъ, замѣчалъ кого-либо, небрежнаго обязанностями, подписываемыми церковью, а благочестіе награждалъ голубыми лентами, пригла-

шеніями въ Марлі, губернаторствами, пенсіями и полѣвцъ. Версаль, во всемъ, исключая одежды, превратился въ монастырь. Вокругъ амвоновъ и конфессіоналовъ тѣснились шпаги и шитые кафтаны. Маршалы Франціи стояли долго на молитвѣ, и между герцогами и перами едвали былъ хоть одинъ, который бы не носилъ въ карманѣ душеспасительныхъ книжечекъ, не соблюдалъ великаго поста и не причащался о Пасхѣ. Мадамъ де-Ментнонъ, принимавшая большое участіе въ благомъ дѣлѣ, хвастала, что набожность вошла совершенно въ моду. Она была, дѣйствительно, въ модѣ и, подобно модѣ, прошла. Едва успѣли схоронить стараго короля въ Ст.-Дені, какъ весь дворъ его снялъ маску. Всякій спѣшилъ, крайнимъ развратомъ и безстыдствомъ, вознаградить себя за цѣлые годы умерщвленія плоти. Тѣ самые люди, которые, за нѣсколько мѣсяцевъ до того, мягкимъ голосомъ и со смиренными взорами, совѣтывались со священниками о состояніи своей души, теперь окружали полуночный столъ, за которымъ, среди хлопанья шампанскихъ пробокъ, возсѣдалъ пьяный принцъ между Дювуа и мадамъ де-Параберъ, изрыгая доводы атеизма и неблагопристойныя шутки. Первая часть царствованія Людовика XIV была временемъ разгула; но самые развратные люди того поколѣнія покраснѣли бы, глядя на оргіи регентства.

То же самое было и съ нашими отцами во время великой междоусобной войны. Мы нимало не забыли, какъ много обязано человѣчество тогдашнимъ пуританамъ, освободителямъ Англіи, основателямъ американскихъ республикъ. Но во дни своего могущества эти люди сдѣлали большую ошибку, оставившую глубокіе и неизгладимые слѣды въ національномъ характерѣ и нравахъ. Они ошибочно поняли цѣль правительства и слишкомъ понадѣялись на его силу. Они рѣшились не только защищать религію и общественную нравственность отъ оскорбленій—предметъ, въ пользу котораго осторожная рука можетъ благотворно дѣйствовать мечомъ гражданскимъ; но рѣшились сдѣлать ввѣренный имъ правленію народъ истинно набожнымъ. Однако, еслибы они подумали о событіяхъ, которыхъ сами были свидѣтелями и въ которыхъ принимали большое участіе, то увидѣли бы, къ че-

му, по всей вѣроятности, должно было привести ихъ предпріятіе. Они жили подъ правительствомъ, которое, въ теченіе многихъ лѣтъ, посредствомъ расточительной щедрости и строгихъ наказаній, дѣлало все возможное, чтобы заставить всѣхъ сообразоваться съ ученіемъ и дисциплиной англійской церкви. Никто, заподозрѣнный во враждебности этой церкви, не имѣлъ ни малѣйшей надежды на какую-либо милость при дворѣ Карла. Явное разномысліе въ дѣлѣ вѣры наказывалось заточеніемъ, выставкой къ позорному столбу, жестокимъ изувѣченіемъ и разорительными пенями. И слѣдствіемъ этого было паденіе церкви, которая увлекла съ собою и монархію, стоявшую шестьсотъ лѣтъ. Пуританинъ могъ бы научиться, если не изъ чего другаго, то изъ собственной же недавней побѣды, что правительства, которыя стремятся къ цѣлямъ, не входящимъ въ ихъ область, по всей вѣроятности, не только потерпятъ неудачу, но и произведутъ дѣйствіе, прямо противоположное тому, котораго желали.

Все это было упущено изъ виду. Землю должны были наследовать *святые*. Театры были закрыты. Изящныя искусства подверглись нелѣпымъ ограниченіямъ. Проявленія пороковъ, никогда прежде не считавшіяся даже проступками, превратились въ уголовныя преступленія. Торжественно было рѣшено парламентомъ, «что никто не долженъ быть опредѣляемъ къ дѣламъ, исключая лицъ, въ истинной набожности которыхъ палата будетъ увѣрена». На столѣ благочестиваго собранія лежала, для справокъ, Библія. Еслибы оно съ нею посовѣтовалось, то узнало бы, что пшеница и плевелы растутъ вмѣстѣ и не могутъ быть отдѣлены, а потому должны быть или вмѣстѣ сохраняемы, или вмѣстѣ истребляемы. Истинно ли набоженъ человекъ, невозможно было знать. Но не трудно было знать, носилъ ли онъ простую одежду, гладкую прическу, некрахмаленное бѣлье и не былъ ли щегольски меблированъ домъ его; гнусилъ ли онъ и закатывалъ ли глаза; давалъ ли своимъ дѣтямъ имена: *Увѣренность*, *Сокрушеніе* и *Магеръ-шаламъ-гаиш-базъ*; избѣгалъ ли, будучи въ городѣ, Спрингъ-Гардена, а въ деревнѣ воздерживался ли отъ псовой и соколиной охоты; объяснялъ ли трудныя мѣста Писанія своему отряду драгунъ и толковалъ ли въ комитетѣ возмнанія субсидій объ исканіи Господа.

Эти испытанія легко могли быть примѣнены. Бѣда лишь въ томъ, что эти испытанія ничего не доказывали. При всемъ томъ, они были примѣняемы господствующей партіей. Слѣдствіемъ было то, что толпа притворщиковъ, на любой стезѣ жизни, стала разыгрывать и корчить все, что тогда почиталось виѣшнимъ признакомъ святости. Народа не провели. Стѣсненія въ это темное время были таковы, что ихъ сносили бы нетерпѣливо даже тогда, когда бы они налагались людьми, которые повсемѣстно считались бы святыми. Эти стѣсненія сдѣлались вполне невыносимы, когда всѣ узнали, что они поддерживались на пользу лицемѣровъ. Безъ всякаго сомнѣнія, еслибы даже никогда не возвращалась королевская фамилія, еслибы Ричардъ Кромвелль или Генри Кромвелль остались во главѣ управленія, то и тогда послѣдовало бы большое ослабленіе нравовъ. Еще до Реставраціи, многіе признаки предвѣщали близкій періодъ необузданности. Реставрація, подавивъ на нѣкоторое время пуританскую партію, вручила высшую власть развратнику. Политическая контръ-революція способствовала контръ-революціи нравственной и въ свою очередь была ею поддержана. Насталъ періодъ дикаго и отчаяннаго распутства. Даже въ отдаленныхъ барскихъ домахъ и деревушкахъ переменна была въ нѣкоторой степени ощутительна; въ Лондонѣ же взрывъ разврата былъ ужасенъ; и мѣста, всего болѣе зараженные въ Лондонѣ, были: дворецъ, кварталы, обитаемые аристократією, и адвокатскія корпораціи. Театры были поддерживаемы этими частями города, и характеръ драмы сообразовался съ характеромъ покровителей. Устами комическаго поэта говорила наиболѣе испорченная часть испорченнаго общества. И въ пьесахъ, лежащихъ предъ нами, мы находимъ дистиллированную и сгущенную эссенцію моднаго свѣта въ продолженіе анти-пуританской реакціи.

Пуританинъ любилъ формальность; комическій поэтъ смѣялся надъ приличіемъ. Пуританинъ хмурился при видѣ невинныхъ развлеченій; комическій поэтъ взялъ подъ свое покровительство самыя мерзкія безчинства. Пуританинъ ханжиль; комическій поэтъ богохульствовалъ. Пуританинъ считалъ любовную интригу непростительнымъ преступленіемъ; комическій поэтъ представлялъ ее почетнымъ от-

личіемъ. Пуританинъ отзывался съ презрѣніемъ о низкой степени народной нравственности: онъ руководился въ жизни кодексомъ, гораздо болѣе суровымъ; его добродѣтель поддерживалась побужденіями, неизвѣстными людямъ свѣтскимъ. По несчастію, во многихъ случаяхъ вполне доказано, а еще чаще можно подозревать, что эти высокія притязанія были неосновательны. Вслѣдствіе этого, въ модныхъ кругахъ и служившихъ имъ выраженіемъ комическихъ поэтахъ возникло мнѣніе, что всѣ увѣренія въ благочестіи и честности должно понимать въ противоположномъ смыслѣ; что можно усомниться, существуетъ ли на свѣтѣ то, что называютъ добродѣтью; но что во всякомъ случаѣ человекъ, который старается казаться лучше своихъ ближнихъ, навѣрное — негодай.

Въ старой драмѣ было много предосудительнаго. Но кто сравнить даже менѣе приличныя пьесы Флетчера съ пьесами лежащей передъ нами книги, увидитъ, до какой степени безстыдство, слѣдующее за періодомъ чрезмѣрной суровости, сильнѣе безстыдства, предшествующаго этому періоду. Народъ сталъ похожъ на одержимаго бѣсомъ въ Новомъ Завѣтѣ. Пуритане хвастали, что нечистый духъ изгнанъ. Домъ былъ пустъ, выметенъ и убранъ, и нѣкоторое время изгнанный постоялецъ блуждалъ по безводнымъ мѣстамъ, ища и не находя покоя. Но сила заклятія прошла. Врагъ возвратился въ свой домъ, и возвратился не одинъ. Онъ взялъ съ собою семь другихъ духовъ, злѣйшихъ себя. Они вошли и жили вмѣстѣ: и второе одержаніе бѣсомъ было хуже перваго.

Теперь рассмотримъ поочередно, насколько позволяютъ предѣлы нашей статьи, писателей, съ которыми сближаетъ насъ м-ръ Лей-Гонтъ. Изъ всѣхъ четырехъ Вичирли, думаемъ, послѣдній по литературному достоинству, но первый по времени и первый, безъ всякаго сомнѣнія, по безнравственности.

Вилліамъ Вичирли родился въ 1640 году. Онъ былъ сынъ Шропширскаго джентльмена изъ древней и, по тогдашнимъ понятіямъ, достаточной фамиліи. Доходъ его съ имѣнія оцѣнивался въ шестьсотъ фунтовъ—состояніе, которое, въ сравненіи съ имѣніями того времени, равнялось, вѣроятно, нынѣшнимъ имѣніямъ съ двумя тысячами годоваго дохода.

Виллиамъ былъ еще ребенкомъ, когда вспыхнула междуособная война, и пока онъ учился грамотѣ, пресвитеріанская іерархія и республиканское правительство были установлены на развалинахъ прежней церкви и трона. Старикъ Вичирли принадлежалъ къ королевской партіи и не былъ расположенъ ввѣрять воспитаніе своего наследника святошамъ — пуританамъ, управлявшимъ теперь университетами и общественными училищами, и потому молодой джентльменъ пятнадцати лѣтъ былъ отправленъ во Францію. Онъ нѣкоторое время жилъ въ сосѣдствѣ съ герцогомъ Монтозье, главою одной изъ благороднѣйшихъ туренскихъ фамилій. Жена герцога, урожденная Рамбульке, была образцомъ способностей и совершенствъ, которыми славился ея родъ. Молодой иностранецъ былъ введенъ въ блестящее общество, окружавшее герцогиню, и здѣсь-то, кажется, выучился кое-чему хорошему и кое-чему дурному. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ возвратился на родину свѣтскимъ джентльменомъ и папистомъ. Его обращеніе, можно сказать смѣло, было слѣдствіемъ не сильныхъ впечатлѣній на его умъ и чувства, но, частью, жизни въ пріятномъ обществѣ, гдѣ римская церковь была въ модѣ, частью—слѣдствіемъ того отвращенія къ кальвинистскимъ строгостямъ, которымъ отличались тогда почти всѣ молодые, способные и умные англичане и которое, нѣкоторое время, грозило обратить одну часть ихъ въ католиковъ, другую—въ атеистовъ.

Но пришла Реставрація. Университеты снова попали въ руки вѣрнопопуданническія; и можно было надѣяться, что снова водворится національная церковь, приличная для джентльмена. Вичирли сталъ членомъ Королевиной коллегіи въ Оксфордѣ и отрекся отъ заблужденій римской церкви. Нѣсколько двусмысленная слава обращенія Вичирли изъ негоднаго паписта въ негоднаго протестанта приписывается епископу Барло.

Вичирли оставилъ Оксфордъ безъ ученой степени и поступилъ въ Темплъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожилъ весело, изучая городскіе нравы, раздѣляя городскія удовольствія и собирая въ законовѣдніи именню столько познаній, сколько было нужно, чтобы въ комедіи сдѣлать занимательнымъ характеръ мелкаго судьи или сутяги кліента.

Съ самаго ранняго возраста у него была привычка писать для собственной забавы. Сохранилось нѣсколько дрянныхъ стиховъ его на Реставрацію. Еслибы онъ посвящалъ себя сочиненію стиховъ, то, приблизительно, настолько же стоялъ бы ниже Тета и Блэкмора, насколько Тетъ и Блэкморъ стоятъ ниже Драйдена. Единственнымъ случаемъ достигнуть извѣстности было бы для него занять въ сатиру нишу между Флекно и Сеттлемъ. Былъ однако иной родъ сочиненій, въ которомъ дозволяли ему имѣть успѣхъ его способности и познанія; и къ нему-то онъ благообразно обратился.

Подъ старость онъ говаривалъ, будто «*Love in a Wood*» написалъ на двадцатомъ году своей жизни, «*The Gentleman Dancing-Master*» на двадцать второмъ, «*The Plain Dealer*»—на двадцать шестомъ, а «*The Country Wife*»—на тридцать второмъ или тридцать третьемъ. Мы не вѣримъ, признаться, этой исторіи. Все, извѣстное о Вичирли, не опровергаетъ мнѣнія, что онъ былъ способенъ жертвовать истиной тщеславію. А въ преклонныхъ его лѣтахъ самая память подшучивала надъ нимъ столь странно, что даже, не заподозривая его правдивости, можно усомниться въ дѣйствительности его показанія. Извѣстно, что ни одна изъ его пьесъ не была представлена до 1672 года, когда онъ далъ публикѣ «*Love in a Wood*». Кажется невѣроятнымъ, чтобы онъ рѣшился, въ столь важномъ случаѣ, какъ первое появленіе передъ свѣтомъ, пуститься наудачу, съ пьесой слабой, сочиненной прежде, чѣмъ созрѣли его способности, прежде, чѣмъ образовался его слогъ, прежде, чѣмъ успѣлъ онъ оглянуться въ свѣтъ,—между тѣмъ какъ у него въ бюро лежали дѣйствительно двѣ въ высшей степени обработанныя пьесы, плодъ его зрѣлыхъ силъ. Если мы пристально взглянемъ на самыя сочиненія, то въ каждой ихъ части найдемъ причину заподозрить точность словъ Вичирли. Въ первой сценѣ «*Love in a Wood*», чтобы не идти далеко, находимъ много мѣстъ, которыя онъ не могъ написать на двадцатомъ году. Тамъ есть намекъ на джентльменскіе парики, вошедшіе въ первый разъ въ моду въ 1663 году; намекъ на гиней, въ первый разъ отчеканенныя въ 1663 году; намекъ на одежду, которую Карлъ повелѣлъ носить при дворѣ въ 1666

году; намекъ на пожаръ 1666 года, и разные политическіе намеки, которые должно отнести къ временамъ позднѣйшимъ, нежели Реставрація, къ временамъ, когда правительство и городъ стали другъ противъ друга и когда пресвитеріанскихъ священнослужителей изъ приходскихъ церквей прогнали въ конвентиклы. Но нѣтъ надобности останавливаться на частныхъ выраженіяхъ. Весь тонъ и духъ пьесы принадлежитъ періоду позднѣйшему, нежели говорить Вичирли. Что же касается до комедіи «*The Plain Dealer*», написанной будто-бы на двадцать шестомъ году, то въ ней есть сцена, написанная, безъ всякаго сомнѣнія, послѣ 1675 года, многія — позднѣйшія 1668, и едвали хоть одна строка могла быть сочинена до конца 1666 года.

Въ какомъ-бы возрастѣ Вичирли ни сочинилъ свои комедіи, достовѣрно, что передъ публику онъ выступилъ съ ними не ранѣе, какъ тридцати лѣтъ слишкомъ. Въ 1672 году была дана пьеса «*Love in a Wood*», съ гораздо бѣльшимъ успѣхомъ, чѣмъ она заслуживала, и это обстоятельство произвело большую переизмѣну въ судьбѣ автора. Герцогиня Кливландъ бросила на него свои взоры, и онъ ей понравился. Эта распутная женщина, недовольная услужливымъ мужемъ и царственнымъ содержателемъ, расточала свою нѣжность толпѣ любовниковъ всѣхъ возможныхъ сословій, отъ герцоговъ до канатныхъ плясуновъ. Она начала свою карьеру разврата во время республики, а заключила при Аннѣ тѣмъ, что, будучи уже прабабкой, вышла замужъ за негоднаго фата Бѣ-Фильдинга. Не удивительно, что она благоклонно смотрѣла на Вичирли. Его наружность была величественна, лицо поразительно красиво, взглядъ и движенія полны граціи и достоинства. У него былъ, какъ гораздо позднѣе выразился Попъ, «истинно-ноблменскій взглядъ», взглядъ, выражающій, повидимому, превосходство и не неприличное сознаніе этого превосходства. Волосы его, правда, какъ самъ онъ говорить въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, преждевременно несѣдѣли. Но въ вѣкъ париковъ это было несчастье маловажное. Герцогиня восхитилась Вичирли и начала за нимъ ухаживать по обычаю грубаго и безстыднаго общества, къ которому принадлежала. На скачкѣ, когда толпа красавицъ и мизантъ

джентльменовъ сгустилась до-нельзя, она, высунувъ голову изъ окна своей кареты, закричала ему: «Вы, сударь, негодий, вы подлець» и — если не лгутъ на нее — добавила еще ругательное выраженіе, котораго мы не приводимъ, но о которомъ скажемъ только, что оно наиболѣе справедливо могло-бы быть отнесено къ ея собственнымъ дѣтямъ. Вичирли на слѣдующій день посѣтилъ ея свѣтлость и съ большимъ смиреніемъ просилъ сказать ему: чѣмъ онъ имѣлъ несчастье ее оскорбить. Такъ началась связь, отъ которой поэтъ ожидалъ, вѣроятно, богатствъ и почестей. И такія ожиданія не были безразсудны. Красивый молодой придворный, извѣстный подъ именемъ Джакъ Чорчлля, около того же времени былъ столь счастливъ, что сталъ предметомъ недолговѣчной страсти герцогини. Она подарила ему четыре тысячи пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ — по всей вѣроятности, цѣну какого-либо титула или помилованія. Разсудительный юноша отдалъ деньги на высокіе проценты подъ залогъ земли, и это благоразумное распоряженіе было основаніемъ самой блестящей частной собственности въ Европѣ. Вичирли не былъ столь счастливъ. Пристрастіе, съ которымъ смотрѣла на него знатная леди, конечно, стало предметомъ толковъ всего города, и шестьдесятъ лѣтъ спустя, старики, помнившіе тѣ дни, рассказывали Вольтеру, что она часто прокрадывалась въ комнаты своего любовника въ Темплѣ, переодѣтая деревенской дѣвушкой, въ соломенной шляпкѣ, въ деревянныхъ башмакахъ и съ корзинкой въ рукѣ. Поэтъ былъ слишкомъ счастливъ и гордъ, чтобы хранить тайну. Онъ посвятилъ герцогинѣ пьесу, подавшую поводъ къ ихъ знакомству, и въ посвященіи употребилъ выраженія, которыя могли только подтвердить ходившіе по городу слухи. Но въ Вайтголлѣ на подобныя дѣла не смотрѣли серьезно. Леди не устрашилась представить Вичирли ко двору и ввести его въ блестящее общество, въ которомъ, какъ кажется, онъ никогда прежде не бывалъ. Снисходительному королю, предоставлявшему своимъ любовницамъ такую же свободу, какой онъ требовалъ для самого себя, повинуясь бесѣда и манеры его новаго соперника. Такъ высоко стоялъ Вичирли въ королевской милости, что однажды,

когда онъ по случаю лихорадки не выходилъ изъ своей квартиры въ Bow Street, Карлъ, который при всѣхъ своихъ недостаткахъ, безъ сомнѣнiя, отличался общительнымъ и привѣтливымъ нравомъ, посѣтилъ его, сѣлъ подлѣ его кровати, совѣтовалъ ему испытать перемѣну воздуха и пожаловалъ значительную сумму денегъ на покрытiе издержекъ по путешествiю. Боккингамъ, бывшiй тогда оберъ-шталмейстеромъ и членомъ заклеянаго позоромъ министерства, извѣстнаго подъ названiемъ Кабали, принадлежалъ къ безчисленнымъ любовникамъ герцогини. Онъ сначала обнаружилъ было нѣкоторые признаки ревности, но вскорѣ, по обыкновенiю, перемѣнилъ гнѣвъ на милость, далъ Вичирли мѣсто въ своемъ полку и должность при королевскомъ дворѣ.

Было бы несправедливо къ памяти Вичирли не упомянуть здѣсь о единственномъ во всю его жизнь, сколько намъ извѣстно, хорошемъ поступкѣ. Онъ, говорятъ, сильно старался обратитъ покровительство Боккингамъ на знаменитаго автора поэмы «*Hudibras*,» который тогда клонился къ безвѣстной могилѣ, оставленный народомъ, гордившимся его гениемъ, и дворомъ, которому онъ служилъ слишкомъ хорошо. Его свѣтлость согласился видѣть бѣднаго Ботлера, и назначено было свиданiе. Но, по несчастью, мимо прошли двѣ хорошенькiя женщины; вѣтренный герцогъ погнался за ними; удобный случай былъ упущенъ и никогда не возвращался.

Тогда свирѣпствовала вторая голландская война, самая постыдная во всей исторiи Англiи. Въ тотъ вѣкъ ничуть не полагали, чтобы морскому офицеру нужно было специальное образованiе. Молодые люди высшихъ сословiй, едвали способные держаться на ногахъ во время свѣжаго вѣтра, служили на палубѣ королевскихъ кораблей, иногда въ должностяхъ, иногда въ качествѣ волонтеровъ. Мюльгрёвъ, Дорсетъ, Рочестеръ и многiе другiе промѣняли театры и Сентъ-Джемсъ-паркъ на висячiя койки и соленую свинину, и какъ они ни были чужды самыхъ начальныхъ свѣдѣнiй въ морской службѣ, однако, въ день сраженiя, обнаруживали мужество, котораго рѣдко недостаетъ въ англiйскомъ джентльменѣ. Всѣ хорошия суды въ морскомъ дѣлѣ жаловались, что

при такой системѣ корабли управлялись дурно и что истые моряки заражались пороками двора, не приобретаая его лоску. Но по этому предмету, какъ по всему, противному выгодамъ или прихотямъ любимцевъ, правительство Карла оставалось глухо на всё представленія. Вичирли не захотѣлъ отстать отъ моды. Онъ сѣлъ на корабль, участвовалъ въ сраженіи и, возвратясь, воспѣлъ его въ стихахъ, слишкомъ плохихъ даже для звонаря (а).

Около того-же времени онъ поставилъ на сцену вторую свою комедію «*The Gentleman Dancing-Master*». Биографы, сколько намъ помнится, ничего не говорятъ о судьбѣ этой пьесы. Есть, однако, причины полагать, что она, хотя, безъ сомнѣнія, далеко выше «*Love in a Wood*», не имѣла равнаго съ нею успѣха. Прежде испытали ее на западномъ концѣ города, и, какъ сознался авторъ, «она не удалась». Потомъ ее представили въ *Salisbury Court*, но, кажется, безъ большаго успѣха; по крайней мѣрѣ въ прологѣ къ «*The Country Wife*» Вичирли характеризовалъ себя какъ «писаку, котораго недавно такъ пристыдили».

Въ 1675 году «*The Country Wife*» была представлена съ

(а) М-ръ Лей-Гонтъ полагаетъ, что Вичирли участвовалъ въ сраженіи, въ которомъ герцогъ Йоркскій одержалъ побѣду надъ Олдамомъ, въ 1665 году. Мы думаемъ, что это было одно изъ сраженій между Рупрехтомъ и Де-Рюйтеромъ, въ 1673 году.

Вопросъ этотъ не важенъ, и нельзя сказать, чтобы на которой-либо сторонѣ были сильныя доказательства. Тѣмъ не менѣе мы предлагаемъ соображенію м-ра Лей-Гонта три довода, конечно, безъ большаго вѣса, однако достойныя вниманія за отсутствіемъ лучшихъ. Во-первыхъ, не очень правдоподобно, чтобы молодой темпларь, совершенно неизвѣстный въ свѣтѣ — а Вичирли былъ такимъ въ 1665 году — оставилъ домъ и пошелъ въ море. Съ другой стороны, было бы въ порядкѣ вещей, еслибъ онъ предложилъ свои услуги, будучи царедворцемъ и шталмейстеромъ. Во-вторыхъ, его стихи напечатаны, кажется, тотчасъ послѣ перѣшительной битвы, подобной битвамъ 1673 года, а не послѣ полной побѣды, какова побѣда 1665. В-третьихъ, въ эпилогѣ къ «*The Gentleman Dancing-Master*» написанномъ въ 1673 году, онъ говоритъ, что «каждый джентльменъ долженъ отправляться въ море» — выраженіе, показывающее, что и онъ не намѣренъ былъ отстать отъ другихъ:

блистательнымъ успѣхомъ, котораго, съ литературной точки зрѣнія, она отчасти заслуживала. Хотя это одно изъ самыхъ безнравственныхъ и бездушныхъ сочиненій человѣческихъ, но оно составляетъ выработанное произведеніе ума, конечно, не богатаго, оригинальнаго или творческаго, но мѣткаго, наблюдательнаго, быстрого на схватываніе намековъ и терпѣливаго въ окончательной отдѣлкѣ.

«*The Plain Dealer*»—произведеніе равно безнравственное и равно хорошо написанное, появилось въ 1677 году. Сначала эта пьеса понравилась публикѣ менѣе, чѣмъ критикамъ; но послѣ нѣкотораго времени ея несомнѣнные достоинства и ревностная поддержка со стороны лорда Дорсета, влияніе котораго въ литературномъ и модномъ обществѣ было безпредѣльно, приобрѣли ей расположеніе публики.

Счастье Вичирли находилось теперь въ зенитѣ и стало упадать. Вичирли предстояла еще долгая жизнь, но суждено было испытать лишь позоръ и горе, домашнія несогласія, литературныя неудачи и денежныя затрудненія.

Король, который принскивалъ образованнаго человѣка въ воспитатели своему незаконному сыну, герцогу Ричмонду, наконецъ остановился на Вичирли. Поэтъ, восхищенный своимъ счастьемъ, отправился забавляться въ Тонбриджъ-Велльзъ, заглянулъ въ одну изъ книжныхъ лавокъ на Pantiles и, къ своему великому удовольствію, услышалъ, что какая-то красивая женщина спрашиваетъ экземпляръ комедіи «*The Plain Dealer*», тогда только-что вышедшей въ свѣтъ. Онъ познакомился съ дамой—то была графиня Дрогеда, веселая молодая вдова съ хорошимъ состояніемъ. Она была очарована его личностью и остроуміемъ и, немного пожеманившись, согласилась выйти за него за-мужъ. Вичирли, кажется, предвидѣлъ, что этотъ бракъ не слишкомъ могъ согласоваться съ планами короля относительно герцога Ричмонда. Поэтому онъ уговорилъ свою леди на тайный бракъ. Все обнаружилось. Карлъ нашелъ поведеніе Вичирли и непочтительнымъ, и нечестнымъ. Другія причины содѣйствовали, вѣроятно, отчужденію государя отъ подданнаго, который еще недавно пользовался

ся столь сильною благосклонностью. Боккингамъ принадлежалъ теперь къ оппозиціи и былъ заключенъ въ Тоуэръ, не по обвиненію въ измѣнѣ, какъ полагаетъ м-ръ Лей-Гонтъ, но по приговору палаты лордовъ, за нѣкоторыя слова, употребленныя въ преніи. Вичирли написалъ въ похвалу своему заключенному покровителю нѣсколько дрянныхъ стиховъ, которые, если дошли до свѣдѣнія короля, то, навѣрно, очень разгнѣвали его величество. Милость двора совершенно отвратилась отъ поэта. Конечно, милая женщина съ большимъ состояніемъ могла бы вполне вознаградить потерю. Но леди Дрогеда была злонравна, повелительна и чудовищно ревнива. Она сама была прежде фрейлиной въ Вайтголлѣ. Она хорошо знала, въ какомъ уваженіи находилась супружеская вѣрность у тамошнихъ изящныхъ джентльменовъ, и сторожила своего городского мужа такъ же неусыпно, какъ м-ръ Пичвайфъ сторожилъ свою деревенскую жену. Бѣдному остраку дозволялось, правда, сходиться съ друзьями своими въ тавернѣ, противъ его собственнаго дома. Но въ такихъ случаяхъ окна всегда растворялись, для того, чтобы ея сіятельство, съ противоположной стороны улицы, могла увѣриться, что въ обществѣ не было женщины.

Смерть леди Дрогеда освободила поэта отъ этого бѣдствія; но цѣлый рядъ несчастій, слѣдовавшихъ быстро одно за другимъ, сокрушили его здоровье, бодрость духа и всю его жизнь. Жена полагала оставить ему хорошее состояніе, а оставила только тяжбу. Его отецъ не могъ или не хотѣлъ ему помочь. Вичирли былъ наконецъ засаженъ во Флитъ и томился здѣсь, въ продолженіе семи лѣтъ, совершенно, повидимому, забытый веселымъ и оживленнымъ кругомъ, котораго былъ замѣчательнымъ украшеніемъ. Въ крайнемъ бѣдствіи онъ умолялъ издателя, разбогатѣвшаго отъ продажи его сочиненій, дать ему взаймы двадцать фунтовъ стерлинговъ и получилъ отказъ. Его комедіи, тѣмъ не менѣе, господствовали на сценѣ и привлекали огромное число зрителей, весьма мало беспокоившихся о положеніи автора. Наконецъ, Іаковъ II, взошедъ на престолъ, случайно поѣхалъ въ театръ въ тотъ вечеръ, когда играли «*The Plain Dealer*». Онъ остался доволенъ представленіемъ и былъ тронуть

судьбою писателя, котораго вѣроятно, помнилъ какъ одного изъ самыхъ веселыхъ и красивыхъ царедворцевъ своего брата. Король рѣшился уплатить долги Вичирли и назначить несчастному поэту пенсію въ двѣсти фунтовъ стерлинговъ ежегодно. Эта щедрость со стороны государя, у котораго не было въ обычаѣ награждать литературныя заслуги и вся душа котораго предана была интересамъ его церкви, порождаетъ въ насъ догадку, которую м-ръ Лей-Гонтъ найдетъ, мы боимся, жестокой. Но мы не можемъ подавить въ себѣ подозрѣнія, что именно въ это время Вичирли возвратился на лоно римской церкви. Что онъ возвратился къ ней, это достовѣрно. Но о времени его вторичнаго обращенія, сколько мы знаемъ, не упоминалъ ни одинъ біографъ. Мы думаемъ, что относя обращеніе именно къ этой эпохѣ, мы не будемъ несправедливы ни къ характеру Вичирли, ни къ характеру Іакова.

Немного спустя, умеръ старикъ м-ръ Вичирли, и сынъ его, проживши уже полжизни, вступилъ въ обладаніе родовымъ имѣніемъ. Не смотря на это, онъ не достигъ довольства и остался въ большихъ денежныхъ затрудненіяхъ: распоряженіе имуществомъ было строго ограничено, а онъ состоялъ въ весьма дурныхъ отношеніяхъ къ законному наследнику. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ велъ, кажется, самую жалкую жизнь — жизнь порочнаго стараго городского холостяка. Раззорительныя привычки при скудныхъ средствахъ и распутныя склонности при дряхлѣющихъ силахъ стали справедливою карою за беспорядочную молодость. Тяжкая болѣзнь произвела необыкновенное дѣйствіе на его умъ. Его память издѣвалась надъ нимъ столь страннымъ образомъ, что едва-ли возможно найти подобный примѣръ въ исторіи этой странной человѣческой способности. Въ одно и то же время она оказывалась и неестественно сильною, и неестественно слабою. Если кто-либо читалъ Вичирли книгу передъ его сномъ, то на слѣдующее утро голова больнаго была полна мыслями и выраженіями, которыя онъ слышалъ наканунѣ, и онъ готовъ былъ написать ихъ, нимало не подозрѣвая, что это не его мысли и выраженія. Въ его стихахъ много и много разъ повторяются, въ самой короткой, пьесѣ однѣ и тѣ же идеи, перѣдко

одни и тѣ же слова. Его наружность, вѣкогда прекрасная, изблѣчала старость, болѣзнь и заботы, и онъ сожалѣлъ о своей исчезнувшей красотѣ съ женской тоской. Онъ не могъ смотрѣть безъ вздоха на свой портретъ, писанный Лели, когда Вичирли было только двадцать-восемь лѣтъ, и часто шепталъ: *Quantum mutatus ab illo*. Онъ постоянно, съ какимъ-то нервнымъ безпокойствомъ, заботился о своей литературной репутаціи и, недовольный славою драматурга, которою онъ еще пользовался, вознамѣрился приобрести извѣстность какъ сатирикъ и поэтъ эротическій. Въ 1704 году, послѣ двадцати-семи-лѣтняго молчанія, онъ снова явился въ качествѣ автора. Онъ издалъ огромный *in-folio* разныхъ стихотвореній, которыя никогда, кажется, не были перепечатаваемы. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ ходили уже, вѣроятно, по городу въ рукописи: еще до выхода въ свѣтъ книги, критики въ кофейняхъ положительно предсказывали, что она не представляетъ никакого достоинства, вслѣдствіе чего поэтъ горько поносилъ ихъ въ предисловіи, дурно написанномъ, безразсудномъ и самолюбивомъ. Книга вполне оправдала самыя неблагоприятныя пророчества. Слогъ и версификація ея ниже всякой критики; мораль — рочестерская. Рочестера, пожалуй, можно еще извинить. Онъ грѣшилъ противъ приличія еще очень молодымъ человѣкомъ, и его сбивала съ толку господствовавшая мода. Вичирли же былъ шестьдесятъ-пятый годъ. Онъ давно пережилъ время, когда на развратъ смотрѣли какъ на необходимую принадлежность умника и джентльмена. Большая часть возвышавшихся тогда поэтовъ — Аддисонъ, на примѣръ, Джонъ Филипсъ и Роу — заботились о благопристойности. Едва-ли можно вообразить себѣ что-либо плачевнѣе фигуры развратнаго старика среди столькихъ воздержныхъ и скромныхъ юношей.

Въ томъ самомъ году, когда вышелъ этотъ огромный томъ срамныхъ виршей, Вичирли сдѣлалъ очень странное знакомство. Маленькій, блѣдный, уродливый, хилый, быстроглазый чудакъ, только-что достигшій шестнадцати лѣтъ, написалъ нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ свѣдущіе судьи могли открыть залогъ будущей знаменитости. Пока, конечно, въ созданіяхъ молодого поэта не было ничего особенно поразительнаго или

оригинальнаго. Но онъ уже искусно владѣлъ стихомъ. Въ слогѣ и музыкальности стиха онъ не достигъ совершенства великихъ старинныхъ мастеровъ, но превзошелъ способнѣйшихъ современниковъ. Слогъ его не отличался поэтическимъ богатствомъ, но всегда былъ чистъ, сжатъ и мѣтокъ. Его стиху недоставало разнообразія въ паузахъ, въ наростаніяхъ, въ паденіяхъ, но онъ никогда не царапалъ уха, никогда не обманывалъ его слабымъ заключеніемъ. Юноша уже принадлежалъ къ обществу литераторовъ и былъ въ восторгѣ отъ того, что его ввели къ автору комедій «*The Plain Dealer*» и «*The Country Wife*».

Любопытно прослѣдить исторію отношеній, существовавшихъ между Вичирли и Попомъ, между представителемъ вѣка исчезающаго и представителемъ вѣка наступающаго, между другомъ Рочестера и Боккингама и другомъ Литльтона и Мансфильда. Сначала мальчикъ былъ въ восхищеніи отъ любезности и снисходительности столь знаменитаго писателя, безпрестанно посѣщалъ его и какъ собачонка провожалъ изъ кофейни въ кофейню. Друзья обмѣнивались письмами, исполненными преданности, смиренія и гнусной лести. Но первый жаръ привязанности не могъ длиться. Попъ, хотя отнюдь неразборчиво деликатный въ своихъ сочиненіяхъ и небрюзгливый относительно нравственности своихъ товарищей, былъ однако пораженъ неблагопристойностью развратника, который на семидесятомъ году жизни все-еще былъ представителемъ чудовищнаго распутства Реставраціи. По мѣрѣ того, какъ юноша мужалъ, какъ умъ его развивался и извѣстность росла, онъ вѣрнѣе сталъ цѣнить и себя, и Вичирли. Онъ чувствовалъ справедливое презрѣніе къ стихамъ стараго джентльмена и не очень старался скрыть свое мнѣніе. Вичирли, со своей стороны, хотя ослѣпленный самолюбіемъ относительно несовершенствъ того, что онъ называлъ своей поэзіей, не могъ не видѣть безмѣрной разницы между стихами молодаго сотоварища и собственными. Кто раздѣляли два чувства. Онъ желалъ воспользоваться помощью столь искуснаго пера въ отдѣлкѣ своихъ сочиненій и въ то же время ужасался униженія — одолжаться литературнымъ пособіемъ мальчику, который годился ему во внуки. Попъ не от-

казывалъ въ пособіи, но нимало не былъ расположенъ вмѣстѣ и пособлять, и лстить. Онъ принялъ на себя трудъ переправлять цѣлыя стопы бумаги, исписанныя слабыми, храмыми стихами, и вставлялъ многія сильныя строки, которыя сразу отличить самый неопытный читатель. Но онъ полагалъ, что этими услугами пріобрѣтаетъ право высказываться въ выраженіяхъ, которыя, въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, ему не слѣдовало бы употреблять, обращаясь къ человѣку вчетверо старѣйшему. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Вичирли онъ говоритъ, что «самыя дурныя пьесы таковы, что желая превратить ихъ въ очень хорошія, нужно было бы замѣнить ихъ почти совершенно новыми». Въ другомъ письмѣ онъ даетъ слѣдующій отчетъ въ своихъ исправленіяхъ: «Хотя снова все такъ же коротко, какъ прежде, но не пропущено ни одной мысли, исключая развѣ повтореній чего-либо изъ перваго вашего тома или изъ этой самой пьесы; версификація же вездѣ, я полагаю, такова, что никого не поразитъ неприятно. Неоднократное дозволеніе ваше обращаться съ вами свободно извинить, надѣюсь, то, что я сдѣлалъ: потому что, если я васъ не щадилъ, когда надѣялся, что строгость можетъ быть вамъ полезна, то и не урѣзывалъ васъ, гдѣ не представлялось безусловной необходимости въ ампутаціи». Вичирли продолжалъ воздавать благодарность за все это урѣзываніе и обрубаніе, оказывавшес, въ самомъ дѣлѣ, сочиненіямъ его нецѣнную услугу. Но подъ конецъ его изъявленія благодарности стали сильно отзываться упреками. На сторонѣ онъ, говорятъ, описывалъ Пона какъ человѣка неспособнаго скрыть новое платье, но обладающаго нѣкоторой сноровкой выворачивать старье. Въ письмахъ своихъ къ Пону, признавая, что версификація стихотвореній значительно улучшена, онъ говорилъ о всемъ искусствѣ версификаціи съ презрѣніемъ и смѣялся надъ тѣми, которые предпочитаютъ звуки смыслу. За эту взыску гнѣва Понъ отмстилъ ему съ первой же почтой. У него оставался еще томъ стихотвореній Вичирли, и онъ отвѣтилъ, что этотъ томъ до такой степени переполненъ ошибками, что невозможно исправить его безъ совершеннаго искаженія рукописи. «Я равно страшусь, говорилъ онъ, и щадить васъ, и

*

оскорбить васъ слишкомъ безстыднымъ исправленіемъ. Это было болѣе, чѣмъ могли вынести плоть и кровь. Вичирли потребовалъ назадъ свои бумаги письмомъ, въ которомъ оскорбленное чувство вполне проглядываетъ сквозь тонкую оболочку учтивости. Поппъ, обрадованный тѣмъ, что освободился отъ труда тягостнаго и безславнаго, возвратилъ ввѣренные ему бумаги и, въ видѣ прощальной вѣжливости, совѣтовалъ старику обратить свои стихи въ прозу, увѣряя, что публикѣ его мысли понравятся гораздо больше безъ его версификаціи. Такъ кончилась эта достопамятная переписка.

Вичирли жилъ еще нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія странной дружбы, нами описанной. Последнее событіе его жизни чуть-ли не самое неприличное. За десять дней до смерти, на семьдесятъ-шестомъ году, онъ обвѣнчался съ молодой дѣвушкой, для того только, чтобы обидѣть своего племянника; этотъ поступокъ доказываетъ, что ни годъ, ни горе, ни то, что онъ называлъ своей философіей, ни одна изъ религій, которыя онъ въ разные времена исповѣдывалъ, не внушили ему даже первыхъ началъ нравственности. Онъ умеръ въ декабрѣ 1715 года и похороненъ въ склепѣ подъ церковью св. Павла въ Ковентъ-Гарденъ.

Его новобрачная вскорѣ послѣ того вышла замужъ за капитана Шримптона, который такимъ образомъ сталъ обладателемъ огромнаго собранія рукописей. Ихъ продали книгопродавцу. Онѣ были до такой степени испещрены помарками и вставками, что ни одинъ наборщикъ не могъ ихъ разобрать. Необходимо было прибѣгнуть къ помощи признаннаго критика, и трудъ разобрать настоящій текстъ палъ на Теовальда, издателя Шекспира и героя первой «*Дунсиады*» (?). Такимъ образомъ былъ изготовленъ къ продажѣ томъ разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ. Все достоинство этого собранія заключается въ слѣдахъ пера Поппа, замѣтныхъ на каждомъ шагѣ.

О нравственномъ характерѣ Вичирли намъ едвали нужно

(?) Соч. Поппа.—Здѣсь разумѣется первое изданіе; во второмъ—незавидная честь быть главнымъ героемъ сатиры досталась Колли Сивверу.

распространяться. Его слава, какъ писателя, основывается единственно на его комедіяхъ, въ особенности на двухъ послѣднихъ. Даже какъ писатель комической онъ не былъ ни писателемъ лучшей школы, ни лучшимъ въ своей школѣ. Онъ былъ, на самомъ дѣлѣ, только худшимъ Конгривомъ. Главная заслуга какъ его, такъ и Конгрива, заключается въ разговорномъ слогѣ. Но остроуміе, свѣтящееся въ «*The Plain Dealer*» и въ «*The Country Wife*», блѣдно и мелко въ сравненіи съ яркимъ пламенемъ, которое почти ослѣпляетъ насъ въ «*Love for Love*» и въ «*The Way of the World*». Подобно Конгриву—пожалуй, даже скорѣе Конгрива—Вичирли готовъ жертвовать драматической истиной живости своего діалога. Поэтъ говоритъ устами всѣхъ своихъ глупцовъ и фатовъ и заставляетъ ихъ описывать самихъ себя съ здравымъ смысломъ и мѣткостью, которые ставятъ ихъ въ уровень съ умными людьми и героями. Приведемъ два примѣра: первые, попавшіе намъ въ «*The Country Wife*». На свѣтъ есть безумцы, которые находятъ сообщество старыхъ друзей несноснымъ и постоянно гоняются за новыми. Такой характеръ—отличный предметъ для комедіи. Но ничего не можетъ быть нелѣпѣе, какъ вывести на сцену подобнаго человѣка и заставить его сказать своему товарищу: «Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ, потому что, хотя давно уже знакомъ съ вами, но, клянусь честью, люблю васъ будто новаго знакомаго». Возьмемъ другой примѣръ. Что городскіе остряки почти всегда люди безъ сердца, это правда. Но никто изъ нихъ, мы за это ручаемся, никогда еще не сказалъ молодой женщинѣ, за которой ухаживалъ: «Мы, остряки, издѣваемся и влюбляемся часто — для того только, чтобы выказать свои способности; но какъ въ насъ нѣтъ привязанностей, такъ нѣтъ и злобы».

Комедіи Вичирли были, говорятъ, плодомъ долгаго и терпѣливаго труда. Вичирли рано заслужилъ отъ Рочестера эпитетъ «медленный», который часто повторяли. Въ самомъ дѣлѣ, умъ его, если мы не ошибаемся, былъ отъ природы тощею почвой, которая только при большомъ трудѣ и расходѣ приносила плодъ, все-таки не отличавшійся высокимъ ароматомъ. Оригинальности было у него едвали болѣе, чѣмъ у Терри-

ція. Можно сказать безъ преувеличенія, что едвали есть въ его пьесахъ что-либо цѣнное, идею чего нельзя было бы найти въ другихъ писателяхъ. Лучшія сцены въ «*The Gentleman Dancing-Master*» внушены Кальдероновымъ «*Maestro de Danzar*», никакъ не счастливѣйшею изъ комедій великаго кастильскаго поэта. «*The Country Wife*» заимствована изъ «*École des Maris*» и изъ «*École des Femmes*.» Основаніе комедіи «*The Plain Dealer*» взято изъ Мольерова «*Mizantropia*.» Одна сцена почти цѣликомъ переведена изъ «*Critique de l'École des Femmes*». Фиделія—это Віола, украденная у Шекспира и притомъ искаженная; а вдова Блакакръ—безъ сомнѣнія, лучшій комическій характеръ Вичирли—это графиня Расиновой пьесы «*Les Plaideurs*», ябедничающая не на французскомъ языкѣ, а на англійскомъ.

Одно лишь оригинально у Вичирли, одно, что могъ породить его собственный умъ въ неисчерпаемомъ изобиліи, это—безстыдство. Любопытно наблюдать, какъ все, чего бы онъ ни коснулся, какъ бы ни было оно чисто и благородно, въ одно мгновеніе принимаетъ оттѣнокъ его ума. Сравните «*École des Femmes*» съ «*The Country Wife*». Агнеса—дѣвушка простая и милая, сердце которой, правда, полно любви, но любви, освященной честью, нравственностью и религіей. Ея природныя способности велики. Онѣ скрыты и, могло бы казаться, искоренены изъисканно-сквернымъ воспитаніемъ. Но онѣ въ полной энергіи вырываются наружу чистою страстью. Ея милый, обожая ее красоту, слишкомъ честенъ, чтобы употребить во зло довѣрчивую нѣжность созданія столь очаровательнаго и неопытнаго. Вичирли беретъ эту завязку въ свои руки, и тотчасъ же милое и граціозное обожаніе превращается въ безнравственную интригу самаго низкаго и отнюдь не сентиментальнаго свойства между безстыднымъ лондонскимъ развратникомъ и идиоткой—женой деревенскаго сквайра. Мы не станемъ входить въ подробности. Поистинѣ, неблагопрістойность Вичирли ограждена отъ критиковъ, какъ вонючка-хорекъ огражденъ отъ собакъ. Она безопасна, потому что слишкомъ грязна для того, чтобы можно было ее коснуться, и слишкомъ отвратительна, чтобы приблизиться къ ней.

То же самое и въ «*The Plain Dealer*». Какъ заботливо охраняетъ Шекспиръ, въ «*Детнадцатой Ночи*», достоинство и деликатность переодѣвшейся Виолы! Даже въ кафтанѣ и панталонахъ пажа она не причастна ни къ какому дѣлу, которое бы въ глазахъ самаго щепетильнаго человѣка могло почестся пятномъ на ея характерѣ. Она служитъ герцогу любовнымъ гонцомъ къ Оливіи, но посольство ея самое честное. Вичирли заимствуетъ Виолу, и Виола превращается въ самую гнусную сводню. Но всего лучше объясняетъ нашу мысль характеръ Манли. Мольеръ, въ своемъ «*Мизантропѣ*», представилъ чистую и благородную душу, жестоко оскорбленную коварствомъ и злобой, скрывающимися подъ свѣтскими формами. Какъ всякая крайность рождаетъ противоположную, такъ и Альцестъ принимаетъ мѣрило добра и зла, прямо противоположное тому, которое признается окружающимъ его обществомъ. Вѣжливость кажется ему порокомъ; а суровыя добродѣтели, пренебрегаемыя парижскими фатами и кокетками, становятся слишкомъ исключительнымъ предметомъ его уваженія. Онъ часто достоинъ порицанія; онъ часто смѣшонъ; но онъ всегда человѣкъ добрый, и порождаемое имъ чувство есть сожалѣніе о томъ, что столь достойный человѣкъ до такой степени нелюбезенъ. Вичирли взялъ Альцеста и превратилъ его, — приводимъ слова столь снисходительнаго критика, каковъ м-ръ Лей-Гонтъ, — въ «дикаго сластолюбца, считающаго себя такимъ же отъявленнымъ негодяемъ, какъ и всякаго другаго». Сумрачность Мольерова героя — скопирована въ карикатурѣ. Но самое гнусное распутство и самый малодушный обманъ замѣнили чистоту и честность подлинника. И, для довершенія всего, Вичирли, кажется, не замѣтилъ, что писалъ не портретъ совершенно честнаго человѣка. Дотога былъ испорченъ его нравственный вкусъ, что, рисуя, какъ онъ твердо вѣрилъ, картину слишкомъ возвышенной для этого міра добродѣтели, онъ, на самомъ дѣлѣ, изображалъ величайшаго негодяя, какого можно найти даже въ его собственныхъ сочиненіяхъ.

Мы подвергаемъ Вичирли очень строгому порицанію, говоря, что для насъ отгадно перейти отъ него къ Конгриву. Конгривовы сочиненія, конечно, отнюдь не цѣломудренны, и онъ

не отличался, сколько мы можем судить, ни теплымъ сердцемъ, ни высокимъ умомъ. Однако, переходя къ нему, мы чувствуемъ, что отбыли непріятнѣйшую часть труда, что мы уже на одинъ переходъ удалились отъ Реставраціи, что мы миновали надиръ національнаго вкуса и нравственности.

Вилліамъ Конгривъ родился въ 1670 году въ Бардси, близъ Лидса. Отецъ его, изъ младшихъ сыновей весьма древней стаффордширской фамиліи, отличался въ междоусобной войнѣ въ числѣ кавалеровъ, послѣ Реставраціи былъ представленъ къ ордену Королевскаго Дуба и впоследствии водворился въ Ирландіи, подъ патронатомъ графа Борлингтона.

Конгривъ провелъ свое дѣтство и юность въ Ирландіи. Окончивъ училищный курсъ въ Килькенни, онъ поступилъ въ Дублинскій университетъ. Его ученость дѣлаетъ большую честь его наставникамъ. Изъ сочиненій его видно, что онъ не только зналъ хорошо латинскую литературу, но что знакомство его и съ греческими поэтами было даже для коллегіи того времени необыкновенно.

По окончаніи академическаго курса наукъ, онъ былъ отправленъ въ Лондонъ для изученія законовъ и поступилъ въ Миддл-Темплъ. Но онъ весьма мало интересовался судебною защитой и гражданскими актами, а предавался литературѣ и обществу. Двоякаго рода честолюбіе рано овладѣло его умомъ и часто увлекало его въ противоположныхъ направленіяхъ. Онъ сознавалъ въ себѣ большую плодовитость мысли и силу остроумнаго сочетанія идей. Его живая бесѣда, его хорошія манеры и въ высокой степени почтенныя связи приобрѣли ему легкій доступъ въ лучшія общества. Онъ жаждалъ быть великимъ писателемъ. Онъ жаждалъ быть человѣкомъ моднымъ. И то, и другое было для него возможно. Но могъ ли онъ обезпечить за собою и то, и другое вмѣстѣ? Не заключалось ли въ литераторствѣ нѣчто низкое, нѣчто несовмѣстное съ легкими, апатическими совершенствами моднаго человѣка? Что тутъ аристократическаго — смѣшиваться съ созданіями, обитающими на чердакахъ Grub-Street, торговаться съ издателями, гонять типографскихъ разсылныхъ и быть погоняемому ими, перебраниваться съ директорами теа-

тровъ, слушать рукоплесканія или свистки партера, ложь и галлерей? Могъ ли онъ отказаться отъ извѣстности остроумнѣйшаго писателя своего вѣка? Могъ-ли онъ достигнуть этой извѣстности, не пятая того, что цѣнилъ столь же высоко: славы истаго джентльмена? Исторія жизни Конгрива—исторія борьбы между этими двумя побужденіями. Въ юности преобладало въ немъ желаніе литературной славы; но вскорѣ болѣе мелкое честолюбіе взяло верхъ надъ высшимъ и приобрѣло безусловное владычество надъ его умомъ.

Первое свое сочиненіе, повѣсть небольшого достоинства, Конгривъ издалъ подъ вымышленнымъ именемъ Клеофила. Вторымъ его сочиненіемъ была пьеса «*The Old Bachelor*», представленная въ 1693 году. Она конечно, ниже другихъ комедій Конгрива, но не ниже другихъ комедій ея разряда. Завязка въ равной мѣрѣ лишена интереса и правдоподобія. Характеры или неопредѣленны, или отличаются только такими особенностями, которыя рѣжутъ глазъ. Но діалогъ блестящъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, повстижѣ, въ такомъ изобиліи, что ихъ достается много даже на долю глушца, и все-таки сохраняетъ извѣстный разговорный тонъ, извѣстную невыразимую непринужденность, примѣровъ которой не оставилъ намъ Вичирли и подражать которой тщетно пытался Шериданъ. Авторъ, колеблясь между гордостью и стыдомъ — гордостью, что написалъ хорошую пьесу, а стыдомъ за дѣло, неприличное джентльмену, — говорилъ, будто, набросалъ нѣсколько сценъ единственно для собственной забавы, и притворялся, будто неохотно сдается на неотступныя просьбы людей, убѣждавшихъ его испытать счастье на театрѣ. Комедію «*The Old Bachelor*» видѣлъ въ рукописи Драйденъ, однимъ изъ лучшихъ качествъ котораго было сердечное и великодушное удивленіе къ талантамъ другихъ. Онъ объявилъ, что никогда еще не читывалъ такого перваго опыта и помогъ сдѣлать её удобною для представленія. Все ручалось за успѣхъ комедіи. Роли распредѣлили такъ, чтобы воспользоваться всѣми комическими талантами и чтобы публика могла окинуть однимъ взглядомъ всю красу, какую только могъ собрать Дрюриленскій театръ — тогда единственный въ Лондонѣ. Результатомъ было полное тор-

жество; автора же ожидали награды, болѣе существенныя, чѣмъ рукоплесканія партера. Монтегю, бывшій въ то время лордомъ-казначеемъ, немедленно далъ ему мѣсто, а спустя немного времени, присвокупилъ къ тому кандидатуру на другое мѣсто, еще болѣе доходное, которое, однако, стало вакантнымъ только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ 1694 году Конгривъ поставилъ на сцену «*The Double Dealer*», комедію, въ которой всѣ силы, создавшія «*The Old Bachelor*», выказались зрѣлыми и усовершенствованными навыкомъ. Но зрителей неприятно поразили характеры Масквелля и леди Точвудъ. Дѣйствительно, есть что-то особенно возмущающее въ способѣ, какимъ среди Брисковъ, Фротовъ, Керлесовъ и Плайантовъ введена группа, принадлежащая скорѣе дому Лая или Пелопса. Пьесу приняли неблагоприятно. Однако, если похвала знаменитостей могла вознаграждать автора за неодобреніе толпы, то Конгриву не было причины горевать. Драйденъ, въ одномъ изъ остроумнѣйшихъ, великолѣпнѣйшихъ и болѣе патетическихъ стихотвореній, какія онъ когда-либо писалъ, превознесъ автора комедіи «*The Double Dealer*», въ выраженіяхъ, которыя теперь кажутся намъ преувеличенными до странности. Пока не появился Конгривъ,—гласила эта утонченная лесть,—признано было превосходство поэтовъ, предшествовавшихъ междоусобнымъ войнамъ:

«Theirs was the giant race before the flood». (°)

Съ возвращеніемъ королевскаго дома было обнаружено много искусства и способностей, но старинные мастера не находили соперниковъ:

«Our builders were with want of genius curst,
The second temple was not like the first.» (°)

Наконецъ явился писатель, который, едва выйдя изъ отрочества, превзошелъ авторовъ «*The Knight of the Burning Pestle*»

(°) «Это была допотопная порода исполиновъ».

(°) «Нашихъ строителей судьба обдѣлила гениемъ,
Второй храмъ не былъ подобенъ первому».

и «*The Silent Woman*» и которому оставалось состязаться лишь съ однимъ соперникомъ:

«Heaven, that but once was prodigal before,
To Shakspeare gave as much, she could not give him more.» (10)

Нѣсколько строкъ въ концѣ стихотворенія, необыкновенно граціозныхъ и трогательныхъ, глубоко запали въ сердце Конгрива:

«Already am I worn with cares and age,
And just abandoning the ungrateful stage;
But you, whom every Muse and Grace adorn,
Whom I foresee to better fortune born,
Be kind to my remains; and, oh, defend
Against your judgment your departed friend.
Let not the insulting foe my fame pursue,
But guard those laurels which descend to you.» (11)

Толпа, какъ водится, постепенно перешла къ мнѣнію людей знаменитыхъ, и «*The Double Dealer*» вскорѣ сталъ предметомъ совершенно такого же удивленія, какъ и «*The Old Bachelor*», хотя, можетъ быть, былъ менѣе любимъ.

Въ 1695 году появилась «*Love for Love*», какъ по остроумію, такъ и по сценическому эффекту, превосходившая обѣ предшествующія пьесы. Ее давали на новомъ театрѣ, который былъ открытъ какъ-разъ въ это время на площади, близъ Lincoln's Inn, Беттертономъ и нѣкоторыми другими актерами, возмущеннымъ обращеніемъ съ ними въ Drury-Lane. Старожилы не помнили, чтобы какая-либо комедія увѣнчалась равнымъ успѣхомъ. Актеры были восхищены до такой степени, что назначили Кон-

(10) «Небо, которое до того времени только однажды было расточительнымъ,

Давъ Шекспиру столь много, не могло дать этому болѣе.»

(11) «Меня уже одолѣли заботы и года,

И я покидаю неблагодарную сцену;

Но ты, кого украшаютъ всѣ музы и граціи,

Ты, который, предвижу я, рожденъ для лучшей доли,

Будь благосклоненъ къ моимъ останкамъ; о! защити

Отъ своего же суда своего усопшаго друга,

Не дай врагу-оскорбителю преслѣдовать мою славу,

Но храни тѣ лавры, которые ты наследуешь».

гриву долю въ своемъ театрѣ; а онъ, съ своей стороны, обѣщаль снабжать ихъ ежегодно пьесою, если дозволить ему здоровье. Прошло, однако, два года, прежде чѣмъ онъ создалъ «*The Mourning Bride*», пьесу, которая, какъ ни ничтожна въ сравненіи, не говоримъ уже съ «*Диромъ*» или «*Макбетомъ*», но даже съ лучшими драмами Массинджера и Форда, все-таки стоитъ весьма высоко между трагедіями своего времени. Чтобы найти такое хорошее произведеніе, намъ слѣдуетъ или на двѣнадцать лѣтъ отодвинуться назадъ къ «*Venice Preserved*»⁽¹²⁾, или шестью годами забѣжать впередъ къ «*The Fair Penitent*»⁽¹³⁾. Отличный отрывокъ, превознесенный Джонсономъ, какъ въ печати, такъ и въ разговорѣ, выше всего, что когда-либо являлось въ англійской драмѣ, много потерпѣлъ въ общественномъ мнѣніи отъ столь неумѣренной и странной похвалы. Еслибы Джонсонъ удовольствовался, сказавъ, что этотъ отрывокъ прекраснѣе, нежели что-либо въ трагедіяхъ Драйдена Отвея, Ли, Роу, Соутерна, Гьюиза и Аддисона—однимъ словомъ, нежели что-либо, написанное для сцены со дней Карла I, — то онъ былъ бы правъ.

Пьеса «*The Mourning Bride*» удостоилась даже бѣльшаго успѣха, чѣмъ «*Love for Love*». Конгривъ былъ признанъ первымъ трагическимъ, равно какъ и комическимъ драматургомъ своего времени, и все это на двадцать-восьмомъ году жизни. Полагаемъ, что ни одинъ англійскій писатель, исключая лорда Байрона, не стоялъ въ такомъ раннемъ возрастѣ столь высоко въ уваженіи своихъ современниковъ.

Въ это время послѣдовало событіе, заслуживающее, по нашему мнѣнію, совершенно инаго вниманія, нежели какое обратилъ на него м-ръ Лей-Гонтъ. Нація почти избавилась отъ глетворнаго дѣйствія пуританской суровости. О мрачныхъ сумасбродствахъ царства *святыхъ* остались лишь слабыя воспоминанія. Между тѣмъ, зло, причиненное кошунствомъ и развратомъ, было свѣжо и поразительно. Дворъ, со времени Революціи, пересталъ покровительство-

(12) Отвея.

(13) Роу.

вать необузданности. Марія была строго благочестива, а пороки холоднаго, суроваго и молчаливаго Вильгельма не выставлялись напоказъ обществу. Неподроживаемая правительствомъ и падая во мнѣніе народа, безнравственность Реставраціи все еще держалась въ нѣкоторой части общества. Ея твердынями были мѣста, служившія поприщемъ остроумію и модѣ, и всего болѣе театры. При такомъ стеченіи обстоятельствъ явился великій преобразователь, о которомъ мы никогда не можемъ упомянуть безъ уваженія, какъ бы ни расходились съ нимъ относительно многихъ важныхъ предметовъ.

Джерими Колльеръ, родившійся въ Кембриджѣ, былъ духовнымъ лицомъ англійской церкви. Его таланты и познанія несомнѣнно могли доставить ему высшія почести въ его профессіи. Онъ обладалъ обширною начитанностью и, не смотря на то, часто бывалъ въ свѣтѣ и отличался, говорятъ, прелестью и живостью разговора. Рѣдкой отрасли въ литературѣ не посвящалъ онъ нѣ котораго вниманія. Но его любимое занятіе составляли духовныя древности. По своимъ религіознымъ мнѣніямъ онъ принадлежалъ къ той части англійской церкви, которая всего далѣе отъ Женевы и всего ближе къ Риму. Его убѣжденія касательно епископальнаго управленія, монашескихъ орденовъ, дѣйствительности таинствъ, авторитета св. отцовъ, грѣховности раскола, важности облачений, обрядовъ и праздниковъ мало отличаются отъ высшихъ понятій д-ра Пьюзи и м-ра Ньюмана. Къ концу своей жизни, дѣйствительно, Колльеръ еще на нѣсколько шаговъ приблизился къ папизму, мѣшалъ воду съ виномъ въ евхаристіи, осыпалъ знаменіемъ креста при конфирмаціи, употреблялъ елеи при навѣщаніи больныхъ и совершалъ молитвы по усопшимъ. Его политическія мнѣнія согласовались съ богословскими. Онъ принадлежалъ къ крайнимъ тори, называвшимся тогда *Tantivies* ⁽¹⁴⁾. Даже преслѣдованіе епископовъ и разграбленіе университетовъ не могли поколебать въ немъ твердаго вѣропопощанства. Во время засѣданій конвента онъ съ горячностью писалъ въ защиту бѣжавшаго короля и, вслѣдствіе этого,

(14) См. т. VI, стр. 253.

былъ арестованъ. Но такимъ образомъ нельзя было смирить его непреклонный духъ. Онъ не согласился принести присягу, отказался отъ своихъ должностей и цѣлымъ рядомъ памфлетовъ, написанныхъ съ большою горячностью и съ нѣкоторымъ искусствомъ, покушался возбудить націю противъ ея новыхъ властителей. Въ 1692 году онъ опять былъ арестованъ, по подозрѣнiю въ прикосновенности къ измѣническому заговору. Его убѣжденiя были до такой степени непреклонны, что друзья едва выпросили у него позволенiе взять его на поруки; впоследствии онъ выражалъ раскаянiе, что такимъ образомъ позволилъ склонить себя къ косвенному признанiю авторитета узурпаторскаго правительства. Вскорѣ онъ снова попалъ въ бѣду. Сэръ Джонъ Френдъ и сэръ Виллямъ Паркинсъ были обвинены и уличены въ государственной измѣнѣ, за умыселъ противъ жизни короля Вильгельма. Колльеръ преподалъ имъ духовное утѣшенiе, проводилъ ихъ до Тибурна и прежде, чѣмъ ихъ повѣсили, возложилъ имъ на головы руки свои и, данною Христомъ властью, торжественно отпустилъ имъ прегрѣшенiя. Это дало поводъ къ невыразимому соблазну. Тори заодно съ вигами порицали поведенiе дерзновеннаго священника. Толковали, что нѣкоторые поступки, подходящiе подъ опредѣленiя измѣны, таковы, что въ смутное время къ нимъ могутъ побудить хорошаго человѣка даже его добродѣтели. Для защиты общества можетъ быть необходимо наказать подобнаго человѣка. Но даже наказывая его, мы видимъ въ немъ виновника противъ закона, скорѣе, чѣмъ противъ нравственности, и надѣемся, что хотя невозможно простить его чистосердечное заблужденiе здѣсь на землѣ, но что на томъ свѣтѣ оно не вѣнчнется ему во грѣхъ. Не то было съ Колльеровыми кающимися. Они замѣшаны были въ заговоръ, съ цѣлью подстеречь и умертвить, въ часъ безопасности, человѣка, который—будь онъ король ихъ или нѣтъ—во всякомъ случаѣ былъ такимъ же, какъ они, божiимъ созданиемъ. Основательна или нѣтъ яacobитская теорiя о правахъ правительства и обязанностяхъ подданныхъ, убiйство всегда слѣдуетъ считать великимъ преступленiемъ. Его осуждаютъ даже правила мiрской чести и нравственности. Гораздо съ бoльшимъ ужасомъ должна смотрѣть на него чистая церковь Христова. Конечно,

не можетъ она, безъ самыхъ грустныхъ и тяжелыхъ опасеній, видѣть, что одно изъ ея чадъ, виновное въ этомъ великомъ злодѣяннѣ, переходитъ въ вѣчность безъ малѣйшаго признака покаянія. Обнаружили ли эти измѣнники какой-либо признакъ покаянія, не было извѣстно. Можетъ быть, они келейно и изъявили свое сокрушеніе; въ такомъ случаѣ можно бы было оправдать слугителя алтаря, еслибъ онъ келейно удостовѣрилъ ихъ въ божественномъ милосердіи. Но публичному отпущенію грѣховъ должно было предшествовать публичное покаяніе. Эти люди, если они только выразили сожалѣніе, выразили его тайно. Колльеръ же возложилъ на нихъ руки въ присутствіи тысячей. Изъ этого поступка враги его вывели заключеніе, будто бы онъ не почиталъ преступнымъ заговора противъ жизни Вильгельма. Но такое заключеніе Колльеръ отрицалъ весьма сильно и, мы не сомнѣваемся, весьма чистосердечно.

Буря бушевала. Епископы торжественно осудили это отпущеніе грѣховъ. Генералъ-атторней внесъ дѣло въ судъ королевской скамьи. Колльеръ твердо рѣшился не являться ни передъ какое судилище, власть котораго истекала бы отъ узурпатора. Поэтому, онъ скрылся и былъ объявленъ лишеннымъ всѣхъ правъ состоянія. Послѣ этихъ событій онъ жилъ еще тридцать лѣтъ. Процессъ не былъ продолжаемъ, и вскорѣ Колльеръ могъ спокойно предаться своимъ литературнымъ занятіямъ. Въ позднѣйшій періодъ не разъ пытались поколебать въ немъ строптивую честность предложеніями богатства и почестей, но все было тщетно. Умирая, подъ конецъ царствованія Георга I, онъ все еще находился въ опалѣ.

Насъ не стануть подозрѣвать въ пристрастїи ни къ политическимъ, ни къ богословскимъ убѣжденіямъ Колльера; но мы почитаемъ его однимъ изъ честнѣйшихъ и отважнѣйшихъ людей, какіе когда-либо существовали. Скажемъ болѣе: при всей своей страсти и частомъ упорствѣ въ заблужденіи, въ полемикѣ онъ оказывался необыкновенно правдивымъ, откровеннымъ, великодушнымъ, слишкомъ возвышеннымъ, чтобы пользоваться низкими преимуществами даже въ самыхъ жаркихъ диспутахъ, и чистымъ отъ всякой примѣси личной недоброжелательности. Должно также

сознаться, что его мнѣнія о церковныхъ и политическихъ дѣлахъ, хотя сами по себѣ неглупыя и пагубныя, дѣлали его чрезвычайно способнымъ стать преобразователемъ нашей легкой литературы. Необузданность въ печати и на сценѣ была, какъ мы сказали, слѣдствіемъ реакціи противъ пуританской строгости. Безстыдство почиталось, подобно дубовымъ листьямъ 29 мая ⁽¹⁵⁾, признакомъ и кавалера, и высокоцерковника. Скромность приличествовала конвентикаламъ и телячьимъ головамъ. Степенные прелаты слинкомъ расположены были потакать буйству множества ревностныхъ и способныхъ союзниковъ, которые осмѣивали круглоголовыхъ и пресвитеріанъ. Если кто-нибудь изъ вигговъ возвышалъ голосъ противъ нечестія и безнравственности модныхъ писателей, ему тотчасъ зажимали ротъ возраженіемъ: «Вы—одинъ изъ тѣхъ, которые вздыхаютъ при малѣйшей цитатѣ изъ св. Писанія, а накопляютъ мнѣнія разграбленіемъ церкви; которые трепещутъ при всякой двусмысленности, а рубятъ головы царямъ.» Какой-нибудь Бакстеръ, Борнетъ, даже Тиллотсонъ мало бы содѣйствовали очищенію нашей литературы. Но если поборникомъ благопристойности являлся человекъ, фанатически преданный дѣлу епископства и лишенный правъ состоянія за приверженность къ наследственному праву, то побѣда становилась несомнѣнною.

Въ 1698 году Колльеръ обнародовалъ «*Short View of the Profaneness and Immorality of the English Stage*» — книгу, которая взволновала весь литературный міръ, но которую теперь читаютъ гораздо менѣе, чѣмъ она того заслуживаетъ. Правда, недостатки сочиненія многочисленны и велики. Разсужденія о греческой и латинской драмѣ отнюдь не усиливаютъ доказательствъ и,—что бы ни думало о нихъ поколѣніе, воображавшее, будто коллегія Христовой Церкви, опровергла Бенгли,—эти разсужденія таковы, что въ наше время ученый съ самыми смиренными притязаніями могъ бы смѣло провозгласить ихъ отроческими или, точнѣе, ребяческими. Порицанія въ книгѣ недостаточно разборчивы. Авторы, обвиняемые Колльеромъ, повинны въ столь гру-

(15) День вѣзда Карла II въ Лондонъ.

быхъ нарушеніяхъ благопристойности, что, приводя противъ нихъ доводы, допускавшіе малѣйшій споръ, онъ, вмѣсто усиленія своего дѣла, только ослаблялъ его. Онъ, однако же былъ столь неразумителенъ, что между наглыми оскорбленіями, на которыя онъ нападалъ совершенно справедливо, помѣстилъ вещи, въ дѣйствительности самыя невинныя, и нѣсколько незначительныхъ примѣровъ легкомыслія, которое хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ безупречное, легко оправдывалось паралелями въ твореніяхъ писателей, оказавшихъ большія услуги нравственности и религіи. Такъ, онъ порицаетъ Конгрива, — число и важность дѣйствительныхъ проступковъ котораго освобождали критика отъ нужды навязывать ему проступки недѣйствительныя, — за легкомысленное употребленіе словъ «мученикъ» и «вдохновеніе», какъ будто даже архіепископъ не могъ сказать, что рѣчь была вдохновлена бордосскимъ виномъ, а какой-то ольдерманъ былъ мученикомъ подагры. Кромѣ того, Колльеръ иногда недостаточно различаетъ самого драматурга отъ дѣйствующихъ лицъ его драмы. Такъ, онъ порицаетъ Вланвру за то, что въ уста лорда Фоппингтона вложены кое-какія презрительныя слова насчетъ церковной службы, хотя очевидно, что Вланвру не могъ лучше выразить уваженія, какъ заставивъ лорда Фоппингтона выразить презрѣніе. Къ тому-же «*Short View*» вездѣ слишкомъ сильно отзывается исключительнымъ духомъ профессіи. Для Колльера не достаточно, чтобы служители алтаря ограждены были отъ неразборчивой насмѣшливости; онъ ни въ какомъ случаѣ не хочетъ допустить, чтобы слово или дѣйствіе духовнаго лица могло служить предметомъ смѣха. И такую привилегію онъ не ограничиваетъ одними священнослужителями установленной церкви. Онъ распространяетъ ее на католическихъ священниковъ и — что въ немъ еще изумительнѣе — на диссидентскихъ проповѣдниковъ. Но все это еще пустяки. Имамы, брамины, жрецы Юпитера, жрецы Ваала — всѣ должны почитаться священными. Колльеръ порицаетъ Драйдена за то, что его мучѣній въ «*Don Sebastian*» толкуетъ вздоръ. Ли подвергается строгой отвѣтственности за невѣжливость къ Терезію (16).

(16) Мнѣнчскій пророкъ въ Фивахъ.

Но забавиѣ всего то, что Колльеръ оскорбляется нѣкоторыми неучтивыми разсужденіями Кассандры объ Аписѣ и его іерофантахъ, въ «*Cleomenes*» Драйдена. Слова «травоядный, откормленный богъ» — слова, на самомъ дѣлѣ совершенно согласныя со словомъ многихъ мѣсть Ветхаго Забѣта, столько же оскорбляютъ этого христіанскаго священнослужителя, какъ оскорбили бы жрецовъ Мемфиса.

Но, за всѣми этими оговорками, надобно признать великое достоинство этой книги. Едва ли осталась отъ того времени какая-либо книга, изъ которой возможно было бы выбрать столь превосходныя и столь различныя образцы. Сравнить Колльера съ Паскалемъ, конечно, было бы нелѣпо. Однако, мы не знаемъ, гдѣ, исключая «*Провинціальныхъ писемъ,*» можно найти веселость въ столь гармоническомъ и прелестномъ сочетаніи съ торжественностью, какъ въ «*Short View*». По истинѣ, Колльеръ владѣетъ всѣми родами комизма, отъ явной шутки до вѣжливаго сарказма, основаннаго на антитезѣ. Съ другой стороны, онъ въ совершенствѣ обладалъ риторикой честнаго негодованія. Мы, право, не знаемъ другой книги, представляющей столько взрывовъ того особеннаго краснорѣчія, которое истекаетъ изъ сердца и идетъ къ сердцу. По истинѣ, духъ этой книги вполнѣ героическій. Чтобы справедливо оцѣнить ее, мы должны вспомнить положеніе, въ какомъ находился авторъ. Онъ былъ подъ гнѣвомъ власти. Одной половиноѣ тогдашнихъ писателей имя его уже служило цѣлю для нападеній, между тѣмъ какъ онъ вступилъ въ борьбу съ другой половиной за здравый вкусъ, здравый смыслъ и здравую нравственность. Сколь ни сильны были его политическія предубѣжденія, въ этомъ случаѣ онъ, казалось, совершенно отъ нихъ отрѣшился. Онъ забылъ, что принадлежитъ къ якобитамъ, и помнить лишь то, что онъ гражданинъ и христіанинъ. Нѣкоторыя изъ его безпощаднѣйшихъ нападеній направлены противъ стихотвореній, которыя были съ восторгомъ привѣтствованы партіей торіевъ и нанесли глубокую рану вигамъ. Воодушевляющее зрѣлище представляетъ отвага, съ которой одинокій, лишенный правъ состоянія человекъ идетъ на враговъ своихъ, страшныхъ въ отдѣльности и, какъ должно, было пола-

гать, неотразимыхъ въ совокупности; какъ онъ громить направо и налѣво Вичирли, Конгрива и Вангеру, втаптываетъ въ грязь презрѣннаго Д'Орфи, и изо всей силы наноситъ ударъ по гордо-осѣненному перьями шлему Драйдена.

Дѣйствіе, произведенное «*Short View*», было неизмѣримо. Народъ стоялъ на сторонѣ Колльера. Но нельзя было сомнѣваться, что изъ огромнаго полчища, вызваннаго имъ на бой, кто-либо подниметь перчатку. Всѣ были увѣрены, что Драйденъ выступитъ на арену; и всѣ умы предугадывали грозную стычку между двумя равносильными борцами. Великій поэтъ былъ особо отмѣченъ. Хорошо знали, что онъ былъ глубоко оскорбленъ, что прежде въ немъ возбуждали сильный гнѣвъ вызовы, гораздо ничтожнѣйшіе, и что не было литературнаго оружія, наступательнаго или оборонительнаго, которымъ бы онъ не владѣлъ въ совершенствѣ. Но въ немъ самомъ возсталъ совѣсть; онъ стоялъ пристыженный, какъ падшій архангелъ подъ упреками Зефона,—

«And felt how awful goodness is, and saw
Virtue in her shape how lovely; saw and pined
His loss.....» (17)

Впослѣдствіи онъ упомянулъ о «*Short View*» въ предисловіи къ своимъ баснямъ. Онъ съ нѣкоторою горечью сѣтовалъ на суровость приговора и приводилъ нѣкоторыя извиненія. Но, вообще, онъ откровенно сознался, что былъ осужденъ справедливо. «Если, говорилъ онъ, м-ръ Колльеръ — мой врагъ, то пусть торжествуетъ. Если же онъ мнѣ другъ, такъ какъ лично я не подаю ему никакого повода къ противоположному, то онъ порадуется моему раскаянію.»

Конгривъ поступилъ бы разумно, еслибы послѣдовалъ примѣру своего учителя. Онъ находился въ положеніи, въ которомъ попытка оправдаться безразсудна; его вина была столь очевидна, что никакая ловкость, никакое краснорѣчіе не могли помочь дѣлу. Съ другой стороны, въ его пользу говорили многія смягчающія вину обстоятельства, которыя, еслибы онъ со-

(17) «И чувствовалъ, какъ достойно благоговѣнія добро, и видѣлъ, какъ мила очамъ добродѣтель; видѣлъ и оплакивалъ свою утрату.»

знался въ своемъ заблужденіи и общалъ исправиться, списали бы ему прощеніе. Самый строгій судья смотрѣлъ бы весьма снисходительно на проступки, въ которые столь молодой человекъ былъ вовлеченъ дурнымъ примѣромъ, избыткомъ сильной фантазіи и упонительнымъ дѣйствіемъ народныхъ рукопесканий. Уваженіе и удивленіе публики—все-еще были ему доступны. Ему не трудно было бы загладить всякое воспоминаніе о своихъ ошибкахъ и раздѣлить съ Аддисономъ славу доказательства, что самое блестящее остроуміе можетъ быть союзникомъ добродѣтели. Но, во всякомъ случаѣ, благоразуміе должно было удерживать его отъ стычки съ Колльеромъ. Этотъ *монджуроръ* ⁽¹⁸⁾ по врожденнымъ способностямъ, образованію и навыку былъ словно созданъ для полемическихъ преній. Умъ Конгрива, хотя необыкновенно плодovitый и сильный, былъ иного рода. Никто не владѣлъ равнымъ искусствомъ гранить эпиграммы и остроумные отвѣты до самаго яркаго блеска и щегольски обдѣлывать ихъ въ легкій, фамилярный разговоръ. Въ такого рода ювелирствѣ онъ достигъ мастерства, небывалаго прежде и неподражаемаго. Но въ полемикѣ онъ былъ совершенно неопытенъ, а ему пришлось защищать дѣло, которому едва-ли какое-либо искусство могло дать возможность восторжествовать.

Послѣдствія легко было предвидѣть. Отвѣтомъ своимъ Конгривъ далъ рѣшительный промахъ. Отвѣтъ былъ злобенъ, теменъ и тяжелъ. Даже театральное фойе и Виллева кофейня вынуждены были сознаться, что какъ въ остроуміи такъ и въ доказательствахъ, священникъ явно превзошелъ поэта. Конгривъ не только не счумѣлъ представить съ благовидной стороны дѣло, въ которомъ онъ былъ виновенъ, но даже тамъ, гдѣ онъ былъ правъ, ему удалось выставить себя совершенно виноватымъ. Колльеръ укорялъ его въ нечестіи за то, что священника онъ назвалъ м-ль Рrīg'омъ ⁽¹⁹⁾, и что вывелъ на сцену кучера Iery ⁽²⁰⁾, намекая на царя израильскаго, котораго можно было узнать из-

(18) *Nonjurors* — названіе партіи, отказавшейся присягнуть на вѣрность подданства Вильгельму III.

(19) Rrīg — плутъ.

(20) 2 кн. Царей, 9.

дали по неистовому погоняню. Еслибы въ «*The Old Bachelor*» и «*The Double Dealer*» не было ничего хуже этихъ выходовъ, то Конгрива слѣдовало бы признать столь же безупречнымъ поэтомъ, какъ и самого Коупера, который, въ стихотвореніяхъ, просмотрѣнныхъ такимъ строгимъ критикомъ, какимъ былъ Джонъ Ньютонъ, называетъ гонящагося за лисцами сквайра Немвродомъ, а капеллану даетъ непочтительное имя Smug (21). Конгривъ могъ съ большимъ успѣхомъ представить публикѣ, что тамъ, гдѣ взводятся такія вздорныя обвиненія, по справедливости должно заключить о недостаткѣ обвиненій серьёзныхъ. вмѣсто того, онъ утверждалъ, будто при имени Іегу неимѣлъ въ виду ни малѣйшаго намска на Библию и безсознательно употребилъ имя Prig. Странно, что человекъ столь даровитый, желая защитить себя отъ упрековъ, которыхъ никто не могъ почесть важными, прибѣгнувъ ко лжи, которой никто, конечно, не могъ повѣрить!

Конгривъ, между прочимъ, себя и братію свою извинялъ тѣмъ, что хотя они мѣстами и виновны въ легкомысленныхъ выходахъ, однако постоянно старались внушать мораль, сжатую въ двѣ или три строки, въ концѣ каждой пьесы. Если бы это и дѣйствительно было, то оправданіе все-таки было бы ничтожно. Никто, знающій человѣческую природу, не повѣритъ, чтобы пара нравоучительныхъ стиховъ могла уничтожить вредное впечатлѣніе, произведенное пятью неблагопристойными актами. Но Конгривъ поступилъ бы благоразумно, если бы, до приведенія подобнаго довода, пересмотрѣлъ свои комедіи. Колльеръ это сдѣлалъ, и нашелъ, что мораль въ «*The Old Bachelor*» или важная апофеюга, которою должна была искупаться вся безнравственность пьесы, заключается въ слѣдующихъ трехъ стихахъ:

«What rugged ways attend the noon of life!
 «Our sun declines, and with what anxious strife,
 «What pain, we tug that galling load—a wife.» (22)

(21) Smug — щеголь.

(22) «Какъ труденъ путь въ полдень нашей жизни!

Клонится солнце наше, и съ какой тревожной борьбою,

Съ какимъ мученіемъ влачимъ мы это тяжкое бремя—жену!»

Прощальное слово комедіи «*Love for Love*», говорить Колльеръ можетъ быть лучше; но мало было бы пользы помнить до послѣдняго дня жизни, что:

«The miracle to-day is, that we find
«A lover true, noh that a woman's kind.»⁽²³⁾

Отвѣтъ Колльера былъ строгъ и торжествующъ. Приведемъ одно изъ его возраженій, не какъ счастливый образчикъ его слога, но потому, что оно было вызвано свойственной Конгриву аффектаціей. Поэтъ говорилъ о пьесѣ «*The Old Bachelor*», какъ о бездѣлицѣ, которой онъ не придавалъ ни малѣйшей цѣны и которая лишь какимъ-то случаемъ стала извѣстна публикѣ. «Я написалъ эту пьесу, говорилъ онъ, для собственнаго развлечения, медленно поправляясь отъ болѣзни». «Что это была за болѣзнь, отвѣчалъ Колльеръ, не мое дѣло дознаваться; но вѣроятно, она была весьма не хороша, если была хуже самаго лекарства.»

Все, что выигралъ Конгривъ, выступя противъ Колльера, состояло лишь въ томъ, что онъ вполне лишилъ себя извиненія, которое по справедливости могъ привести въ пользу своихъ равныхъ грѣховъ. «Зачѣмъ, спрашивалъ Колльеръ, взрослому человеку сибѣяться надъ ошибками мальчика, и позднѣйшимъ одобреніемъ присвоивать себѣ грѣхи несовершеннолѣтняго возраста?»

Конгривъ былъ не единственнымъ противникомъ Колльера. Къ борьбѣ пристали Ванбру, Деннисъ и Сеттль. И, судя по одному мѣсту современной сатиры, мы склонны къ мысли, что одинъ изъ отвѣтовъ на «*Short View*» написанъ или приписывается Вичирли. Побѣда осталась за Колльеромъ. Слѣдствіемъ его усилій было великое и быстрое преобразование почти во всѣхъ отрасляхъ нашей легкой литературы. Явилось новое поколѣніе беллетристовъ и поэтовъ, которые, вообще, съ уваженіемъ говорили о великихъ узахъ, соединяющихъ общество и самыя неблагопристойности которыхъ еще пристойны въ сравненіи съ выходками школы, процвѣтавшей въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ XVII столѣтія.

⁽²³⁾ «Чудо нынѣ состоитъ въ томъ, если
Любовникъ вѣренъ, а не въ томъ, если женщина благосклонна.»

Эта борьба, вѣроятно воспрепятствовала Конгриву исполнить обѣщаніе, данное имъ актерамъ. Только въ 1700 году онъ представилъ «*The Way of the World*»—самое продуманное и самое блестящее изъ всѣхъ своихъ сочиненій. Этой пьесѣ не достаетъ, можетъ быть, постояннаго движенія, броженія жизненныхъ силъ, встрѣчаемыхъ нами въ «*Love for Love*». Но истерическіе взрывы высокопарнаго бреда леди Вишфордъ, встрѣча Витвуда съ братомъ, ухаживаніе деревенскаго найта и его слѣдующее за тѣмъ ночное пиршество, особенно же охота ⁽²⁴⁾ и сдача Миллманта, превосходятъ все, что ни есть лучшаго въ длинномъ ряду англійскихъ комедій появившихся со временъ междоусобной войны. Мы рѣшительно не постигаемъ, какъ эта пьеса могла упасть на сценѣ. Однако она упала; и авторъ, безъ того уже страдавъ отъ ранъ, нанесенныхъ ему Колльегомъ, былъ выше силъ своихъ огорченъ этимъ новымъ ударомъ. Онъ рѣшился никогда болѣе не подвергаться грубости зрителей, лишённыхъ всякаго вкуса, и простился съ театромъ навсегда.

Онъ жилъ еще двадцать-восемь лѣтъ, ничѣмъ не увеличивъ приобрѣтенной имъ высокой литературной извѣстности. До потери зрѣнія онъ много читалъ, а по временамъ сочинялъ краткую статью или перекладывалъ въ стихи пустой рассказъ; но онъ, кажется, никогда уже не задумывалъ значительнаго творенія. Разнородныя пьесы, изданныя имъ въ 1710 году, не имѣютъ достоинства и давно забыты.

Слава, заслуженная комедіями Конгрива, обеспечивала за нимъ при изяществѣ его манеръ и разговора, высокое мѣсто въ уваженіи свѣта. Зимой онъ жилъ въ избраннѣйшемъ и пріятнѣйшемъ обществѣ Лондона. Лѣто проводилъ въ деревнѣ, въ роскошныхъ помѣстьяхъ министровъ и перовъ. Литературная зависть и политическія факціи, не уважавшія въ тотъ вѣкъ ничего другаго, уважали его покой. Онъ причислялъ себя къ партіи, главою которой былъ его покровитель Монтегю, тогда уже лордъ Галифаксъ. Но у него были учтивыя слова и мелкія услуги

(24) Подразумѣвается ухаживанье.

про людей всякаго оттѣнка мнѣній. И зато люди всѣхъ убѣжденій отзывались о немъ хорошо.

Средства его долго были скудны. Мѣсто, которое онъ занималъ, едва могло доставлять ему возможность жить съ удобствомъ. И когда тори вошли въ силу, нѣкоторые полагали, что онъ лишится даже этого умѣреннаго содержанія. Но Гарли, который отнюдь не намѣренъ былъ слѣдовать истребительной политикѣ Октябрьскаго клуба и, при всѣхъ недостаткахъ ума и характера, былъ искренно добръ къ людямъ гениальнымъ, успокоилъ встревоженнаго поэта, весьма мило и кстати стихами Виргилія:

«Non obtusa adeo gestamus pectora Poeni,
Nec tam aversus equos Tyria Sol jungit ab urbe.» (25)

Снисходительности, какую тори оказывали Конгриву, онъ не занесивалъ ни малѣйшей съ своей стороны уступкой, которая могла бы справедливо оскорбить виговъ. Съ рѣдкимъ счастьемъ довелось ему раздѣлять съ друзьями торжество, не раздѣливъ съ ними опалы. По восшествіи на престолъ Ганноверскаго дома, онъ раздѣлилъ счастье тѣхъ, съ кѣмъ былъ связанъ. Мѣсто, на занятіе котораго онъ получилъ право двадцать лѣтъ передъ сими, сдѣлалось вакантнымъ. Его назначили секретаремъ острова Ямайки; и онъ пользовался ежегоднымъ доходомъ около тысячи двухсотъ фунтовъ, а такой доходъ позволялъ въ то время одинокому человѣку жить не только безбѣдно, но роскошно. Не смотря на то, онъ продолжалъ вести жизнь умѣренную, къ которой привыкъ, когда, по словамъ Свифта, съ трудомъ сберегалъ шиллингъ на носилки, чтобы отправиться къ лорду Галифаксу. Хотя ему не для кого было копить, однако онъ откладывалъ по меньшей мѣрѣ столько же, сколько издерживалъ.

Недуги старости посѣтили его рано. Въ прежнее время онъ не отличался воздержаніемъ; его сильно мучила подагра; когда приходилось ему сидѣть дома, онъ не могъ уже искать отрады въ литературѣ. Слепота, жесточайшее бѣдствіе для одинокаго

(25) «Пунновъ сердца не жестоки, не такъ затвердѣли ихъ души,
И отъ владѣній моихъ не столь отдаленное солнце,
Васъ отдѣляетъ....»

«Энеида», пер. ШЕРШЕНЕВИЧА.

ученаго, сдѣлала для него книги бесполезными. Только въ обществѣ могъ онъ находить развлеченіе, и въ обществѣ онъ, благодаря своей обходительности и живости, былъ всегда принимаемъ радушно.

Возвышавшіеся литераторы видѣли въ немъ не соперника, а классика. Онъ оставилъ ихъ поприще; никогда не состязался съ ними; и всегда громко восхищался ихъ трудами. Поэтому они не могли питать къ нему никакой зависти и такъ же мало помышляли объ уменьшеніи его славы, какъ о придиркахъ къ великимъ людямъ, сто лѣтъ покоившимся въ углу поэтовъ въ Вестминстерѣ. Даже нахлѣбники Grub-Street, даже герои «*Дунсіады*» на этотъ разъ были справедливы къ современному достоинству. Самымъ сильнымъ доказательствомъ уваженія, которымъ пользовался Конгривъ, можетъ служить фактъ, что англійская «*Иліада*»—твореніе, явившееся при самой счастливой обстановкѣ, была посвящена ему. Не было въ королевствѣ герцога, который бы не сталъ гордиться такимъ отличіемъ. Д-ръ Джонсонъ выражаетъ большое удивленіе къ независимости духа, обнаруженной въ этомъ случаѣ Пономъ. «Онъ обходитъ перовъ и людей государственныхъ, для того, чтобы посвятить свою «*Иліаду*» Конгриву, съ великодушіемъ, похвала которому могла бы быть полною, еслибы въ его другъ добродѣтель равнялась уму. Почему онъ былъ избранъ для столь великой почести—этого узнать теперь невозможно». Разумѣется, узнать невозможно; однако можно, кажется, догадаться. Переводу «*Иліады*» усердно покровительствовали люди всѣхъ политическихъ мнѣній. Поэтъ, которому еще въ раннемъ его возрастѣ великодушно старались обезпечить достатокъ и виги, и торіи, по справедливости не могъ посвятить главѣ одной изъ этихъ партій твореніе, которое щедро покровительствовали обѣ. Необходимо было найти лицо, знаменитое и вмѣстѣ съ тѣмъ нейтральное. И потому-то было необходимо обойти перовъ и людей государственныхъ. Конгривъ пользовался высокимъ значеніемъ въ литературѣ. Онъ пользовался имъ и въ кругахъ аристократическихъ. Онъ былъ хорошъ съ людьми всѣхъ партій. Воздаваемая ему почеть не могла оскорбить ни министровъ, ни предводителей оппозиціи.

Странная аффектація, искони характеризировавшая Конгрива, усиливалась по мѣрѣ приближенія старости. Наконецъ, ему стало непріятно слышать похвалы его комедіямъ. Вольтеръ, душа котораго сгорала жаждой литературной извѣстности, въ бытность свою въ Англии, былъ озадаченъ и непріятно пораженъ при видѣ этой необыкновенной причуды. Конгривъ отклонилъ отъ себя значеніе поэта, объявилъ, что пьесы его пустяки, набросанные въ часы досуга, и просилъ Вольтера смотрѣть на него только какъ на джентльмена. «Еслибы вы были только джентльменъ, сказалъ Вольтеръ, то я не пріѣхалъ бы повидаться съ вами.»

Конгривъ не отличался теплотою чувствъ. Онъ не зналъ семейныхъ узъ; и сердце его не увлеклось, кажется, ни одною изъ цѣлой вереницы красотокъ театральнаго фойе, съ которыми онъ поочередно состоялъ въ связяхъ. Страсть его къ м-съ Бресгэрдъ была всѣхъ продолжительнѣе и извѣстнѣе. Эта очаровательная актриса, идолъ всего Лондона въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ-за личика которой произошла роковая ссора, стоившая Моунтфорту жизни и подвергшая лорда Могона суду перовъ, и къ которой графъ Скарсдэль обращался, говорить съ почетными предложеніями, вела себя, при весьма заманчивыхъ обстоятельствахъ, необыкновенно скромно. Со временемъ Конгривъ сталъ ея довѣреннымъ другомъ. Они постоянно вмѣстѣ выѣзжали и обѣдали. Нѣкоторые поговаривали, будто она его любовница, другіе же, будто она вскорѣ станеть его женою. Наконецъ онъ оставилъ ее, увлеченный вліаніемъ болѣе богатой и горделивой красавицы. Графиня Генриетта Годольфинъ, дочь великаго Марльборо, наслѣдовала по смерти отца его герцогство и большую часть огромныхъ его богатствъ. Мужъ ея былъ человекъ ничтожный, который, по словамъ лорда Чкестерфильда, приходилъ въ палату перовъ только спать и могъ бы такъ же хорошо выспаться по правую, какъ и по лѣвую сторону отъ предсѣдательскаго кресла. Между герцогиней и Конгривомъ возникла самая эксцентрическая дружба. Онъ ежедневно обѣдалъ за ея столомъ и участвовалъ въ устройствѣ ея концертовъ. Вдовствующая герцогиня Сара,—та старая злая корга, которая

съ дочерью своей ссорилась, точно такъ же какъ и со всѣми другими, — притворилась будто подозрѣваетъ что-то недоброе. Но свѣтъ вообще полагалъ, кажется, что знатная леди, безъ малѣйшаго ущерба своему достоинству, могла оказывать особенное вниманіе человѣку замѣчательно гениальному, почти шестидесятилѣтнему, который казался еще старѣе по наружности и физическимъ силамъ, котораго подагра держала въ креслахъ и которому слѣпота не дозволяла читать.

Лѣтомъ 1728 года Конгриву предписали испытать воды Бата. Во время этой поѣздки онъ былъ опрокинутъ въ каретѣ и подвергся какому-то сильному внутреннему поврежденію, отъ котораго никогда не могъ излечиться. Онъ возвратился въ Лондонъ въ опасномъ положеніи, постоянно жаловался на боль въ боку, не переставалъ упадать силами, а въ слѣдующемъ январѣ скончался.

Онъ оставилъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые сберегъ отъ окладовъ своихъ доходныхъ мѣстъ. По словамъ Джонсона, деньги эти должны были-бы перейти къ фамиліи Конгрива, тогда весьма нуждавшейся. Докторъ Юнгъ и м-ръ Лей-Гонтъ, два джентльмена, рѣдко соглашающіеся другъ съ другомъ, но соглашались съ которыми мы считаемъ въ настоящемъ случаѣ особеннымъ удовольствіемъ, думаютъ, что эти деньги должны были бы перейти къ м-съ Бресгврдль. Конгривъ отказалъ двѣсти фунтовъ стерлинговъ м-съ Бресгврдль и равную сумму какой-то м-съ Джеллатъ; но самая значительная часть его сбереженій перешла къ герцогинѣ Марльборо въ безпредѣльномъ богатствѣ которой это наслѣдство потонуло, какъ капля въ ушатѣ. Оно могло бы поправить раззоренное состояніе стаффордширскаго сквайра; могло-бы доставить покинувшей сцену актрисѣ способы наслаждаться всѣми удобствами и, въ ея смыслѣ, роскошью; но его едва ли хватило на покрытіе домашнихъ расходовъ герцогини въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ.

Знатная леди похоронила своего друга съ торжественностью, какую рѣдко можно видѣть при погребеніи поэтовъ. Тѣло было выставлено подъ древнимъ сводомъ Іерусалимской комнаты и предано землѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ. По-

кровъ поддерживали герцогъ Бриджвотеръ, лордъ Кобгамъ, графъ Вильмингтонъ, бывшийъ председателемъ палаты общинъ, а потомъ первымъ лордомъ казначейства, и другія лица высокаго званія. Ея свѣтлость употребила завѣщанныя ей другомъ деньги на великолѣпное алмазное ожерелье, которое носила въ честь его, и, если вѣрить слухамъ, обнаруживала свое благоговѣніе къ его памяти еще болѣе необыкновеннымъ образомъ. Говорятъ, будто къ ея обѣденному столу ежедневно приносили его статую изъ слоновой кости, двигавшуюся посредствомъ часоваго механизма, будто у герцогини была изображавшая его восковая кукла и будто доктора аккуратно облѣпливали пластырями и мазали ноги этой куклы, какъ дѣлали это съ ногами бѣднаго Конгрива, когда онъ страдалъ подагрой. Въ Вестминстерскомъ аббатствѣ былъ воздвигнутъ посту монументъ, съ надписью, сочиненною герцогиней; а лордъ Кобгамъ почтилъ его кенотафомъ, который кажется намъ — хотя это и очень смѣло — безобразнѣйшимъ и нелѣпнѣйшимъ изъ стоускихъ сооружений (26).

Мы сказали, что Вичирли былъ худшимъ Конгривомъ. Дѣйствительно, сочиненія и жизнь этихъ двухъ писателей представляютъ замѣчательную аналогію. Оба были джентльмены, хорошо воспитанные. Оба вели городскую жизнь и знали человеческую природу только такую, какою она является между Гайдъ-Паркомъ и Тоуэромъ. Оба были людьми, отличавшимися остроуміемъ. Ни одинъ не былъ одаренъ сильнымъ воображеніемъ. Оба въ раннемъ возрастѣ сочиняли живыя и неблагопристойныя комедіи. Оба въ полной еще силѣ оставили поприще и литературнымъ подвигамъ своей юности обязаны были всѣмъ уваженіемъ, которымъ пользовались подъ старость. Оба, переставъ писать для сцены, издали дѣлые томы разныхъ сочиненій, принесшихъ мало чести какъ ихъ дарованіямъ, такъ и ихъ нравственности. Оба, въ преклонныхъ лѣтахъ, вертѣлись въ обществѣ; и оба, въ послѣднія минуты жизни, самымъ эксцентрическимъ и непростительнымъ образомъ распорядились своимъ имуществомъ.

Но вездѣ Конгривъ удержалъ надъ Вичирли превосходство.

(26) Стоу—приходъ въ Стаффордширъ.

Вичирли остроумень; но Конгривъ, по остроумію, далеко оставляетъ за собой всѣхъ комическихъ писателей, появившихся въ два послѣднія столѣтія, кромѣ Шеридана. Конгривъ не обладалъ большимъ поэтическимъ дарованіемъ; но въ сравненіи съ Вичирли, его можно бы назвать великимъ поэтомъ. Вичирли былъ довольно начитанъ; но Конгривъ былъ человѣкомъ, истинно ученымъ. Прегрѣшенія Конгрива противъ благопристойности, хотя весьма предосудительны, были не такъ грубы, какъ проступки Вичирли; къ тому-же Конгривъ не выставлялъ передъ свѣтомъ, подобно Вичирли, жалкаго зрѣлища распутной дряхлости. Конгривъ умеръ, пользуясь высокимъ уваженіемъ а Вичирли—забытый или презрѣнный. Последняя воля Конгрива—нелѣпа и причудлива; но послѣдніе поступки Вичирли вызваны были, кажется, закоснѣлой злобой.

Здѣсь мы должны, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, остановиться. О Ваньгу и Фаркваръ нельзя судить наскоро, а для того, чтобы воздать имъ должную справедливость, мы не сберегли достаточно мѣста.

ЛОРДЪ ГОЛЛАНДЪ.

Июль, 1841.

«The Opinions of Lord Holland, as recorded in the Journals of the House of Lords, from 1797 to 1841.» Collected and edited by D. C. MOYLAN, of Lincoln's Inn, Barrister-at-Law. 8-vo. London. 1841.

«Мнѣнія лорда Голланда, изложенныя въ журналахъ палаты лордовъ съ 1797 по 1841.» Собраны и изданы Д. С. Мойланомъ, изъ Линкольнс-Инна, барристеромъ. 8-во. Лондонъ, 1841.

Многія причины не позволяютъ намъ, въ настоящее время, предложить читателямъ полный обзоръ характера и общественной карьеры покойнаго лорда Голланда. Но мы сознаемъ, что уже слишкомъ долго медлили исполненіемъ обязанности заплатить дань его памяти. Мы чувствуемъ, что лучше, безъ дальнѣйшаго отлагательства, принести эту дань, хотя въ сущности, ничтожную, чѣмъ, еще нѣсколько времени, оставлять его могилу безъ всякихъ свидѣтельствъ нашей любви и уваженія.

Мы скажемъ очень немногое о книгѣ, которая лежитъ на нашемъ столѣ. Однако эта книга, еслибы даже была произведеніемъ менѣе замѣчательнаго человѣка, или появилась при обстоятельствахъ, не столь интересныхъ, и тогда вознаградила бы внимательное чтеніе ея. Она цѣнна и по изложеннымъ въ ней принципамъ, и какъ образецъ сочиненія. Мы находимъ въ ней всѣ великія правила, которыми, въ теченіе больше чѣмъ сорока лѣтъ, руководствовалась общественная дѣятельность лорда Голланда,

и главныя основанія этихъ правилъ, изложенныя со всевозможной сжатостью и удивительными ясностью, достоинствомъ и точностью. Съ большою частью мнѣній объ иностранной политикѣ мы искренно согласны, но порой готовы считать ихъ великодушными до неосторожности. Мы не подписали бы протеста противъ задержанія Наполеона. Протестъ противъ образа дѣйствій Англіи на Веронскомъ конгрессѣ, хотя и заключаетъ въ себѣ много превосходныхъ взглядовъ, но содержитъ и положенія, которые, мы думаемъ, самъ лордъ Голландъ призналъ бы, впоследствии, неосновательными. Но мы отъ души сочувствуемъ всѣмъ его доктринамъ о конституціонныхъ вопросахъ, и твердо вѣруемъ, что никакое британское правительство не уклонялось, безъ вреда для общества, отъ означеннаго имъ пути, въ дѣлѣ внутренней политики.

Мы приведемъ, какъ образецъ этого маленькаго тома, одно мѣсто, гдѣ главный пунктъ политическихъ вѣрованій выговъ, изложенъ и объясненъ съ необыкновенною ясностью, силой и краткостью. Наши читатели вспомнятъ, что въ 1825 г. католическая асоціація громко потребовала равноправности, и произвела грозное впечатлѣніе. Торіи дѣйствовали по своему обыкновенію. Въмѣсто того, чтобы удалить причины неудовольствія, они пытались подавить волненіе, и внесли, повидимому, строгій и стѣснительный, но на дѣлѣ совершенно безсильный законъ, объ ограниченіи права петицій. Протестъ лорда Голланда, по этому случаю, превосходенъ.

«Намъ, говоритъ онъ, хорошо извѣстно, что привилегія народа, право свободныхъ преній и духъ и буква народныхъ учреждений, должны сдѣлать — и имѣютъ цѣлью сдѣлать — продолжительность сильныхъ тягостей и неудовольствіе, слѣдующее за ними, опаснымъ для спокойствія страны и крайне разрушительнымъ для государственной власти. Опытъ и теорія не позволяютъ намъ отрицать этого результата «свободной конституціи; чувство справедливости и любовь къ свободѣ не допускаютъ равно и оплакивать его. Но насъ всегда учили искать средства отъ подобныхъ безпорядковъ въ уничтоженіи тягостей, оправдывающихъ эти безпорядки, и въ успокоеніи раздраженія, изъ котораго они вытекаютъ, — а не въ ограниченіи старинныхъ привилегій, не въ захватѣ права гласнаго обсужденія, не въ нарушеніи принциповъ «свободнаго правительства. Поэтому-то, если законный способъ сискать

«удовлетворенія, къ которому прибѣгаютъ люди, страдающіе отъ оскорбительныхъ неправоподобностей,— грозитъ непосредственной или отдаленной опасностью государству, то мы выводимъ изъ этого заключеніе, давно высказанное однимъ великимъ авторитетомъ: что британская конституція и обширныя исключенія не могутъ существовать «вмѣстѣ, что или конституція должна будетъ уничтожить ихъ, или она «уничтожать конституцію.»

Однако, не объ этой маленькой книгѣ, какъ она ни интересна и ни цѣнна, мы имѣли въ виду поговорить, а объ ея авторѣ, и востараемся сдѣлать это спокойно и безпристрастно.

Чтобъ вполне оцѣнить характеръ лорда Голланда, надо отступить далеко назадъ въ исторіи его фамиліи, потому что онъ наследовалъ нѣчто болѣе дворянской короны и помѣстья. Дому, котораго онъ былъ представителемъ, принадлежало отличіе безпримѣрное въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ теченіе болѣе ста лѣтъ сряду не было времени, чтобы который-нибудь изъ Фоксовъ не занималъ виднаго мѣста между общественными дѣятелями. Едва окончилась пестрая карьера перваго лорда Голланда, какъ его сынъ Чарльзъ сталъ во главѣ оппозиціи и въ первый рядъ англійскихъ дебатеровъ. Не успѣли снести Чарльза въ Вестминстерское аббатство, какъ третій Фоксъ уже сдѣлался однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ политиковъ въ королевствѣ.

Нельзя не быть пораженнымъ сильнымъ семейнымъ сходствомъ, которое, не смотря на разницу воспитанія и положенія, замѣтно въ этихъ трехъ знаменитыхъ людяхъ. Въ ихъ лицахъ и станахъ было сходство, какое часто встрѣчается въ романахъ, гдѣ одинъ портретъ годенъ для десяти поколѣній, но очень рѣдко въ дѣйствительной жизни. Дородная фигура, большой и умный лобъ, густые брови, полныя губы и щеки, выраженіе, въ которомъ смѣшивались умъ, юморъ, мужество, искренность, сильная воля и кроткій нравъ,—общіи всѣмъ. Но черты родоначальника, переданныя намъ кистью Рейнольдза и рѣзцомъ Ноллеккенза, были непріятно жестки и рѣзки. Общій типъ сохранился въ его потомкахъ, но постепенно смягчался и, наконецъ, въ особѣ покойнаго лорда, вылился въ самое интересное и пріятное лице, когда-либо сіявшее смѣшаннымъ блескомъ ума и доброжелательства.

Что было съ лицами членовъ этой благородной семьи, то же было и съ ихъ умами. Природа сдѣлала много для всѣхъ ихъ. Она сформовала всѣхъ изъ той глины, на которую наиболѣе бережлива. Всѣмъ она дала сильный разумъ, острый умъ, живую впечатлительность къ наслажденіямъ физическимъ и умственнымъ, врожденную неустрашимость и то чистосердечіе, которымъ врожденная неустрашимость всегда сопровождается, веселость, которую ничто не могло омрачить, спокойный, великодушный и уживчивый нравъ и ту искреннюю вѣжливость, исходящую изъ сердца, которой искусственная учтивость — только слабое и холодное подражаніе. Подобный характеръ — богатѣйшее наслѣдство, когда-либо достававшееся на долю семьи.

Но воспитаніе во многомъ измѣнило прекрасныя качества, на которыя природа была такъ щедра для трехъ поколѣній дома Фоксовъ. Первый лордъ Голландъ былъ бѣднымъ политическимъ авантюристомъ. Онъ вступилъ въ общественную жизнь въ такое время, когда понятіе о честности между государственными людьми было очень низко. Онъ выступилъ приверженцемъ министра, который имѣлъ дѣйствительно много правъ на уваженіе, обладалъ огромными талантами, какъ къ администраціи, такъ и къ дебатамъ, вѣрно понималъ общественные интересы и желалъ добра странѣ, но который видѣлъ столько коварства, что потерялъ вѣру въ существованіе честности. Утомленный притворнымъ языкомъ патриотизма, Вальполю научился говорить другимъ, не менѣе притворнымъ языкомъ. Получивши отвращеніе къ тому роду лицемѣрія, который все-таки составляетъ дань уваженія къ добродѣтели, онъ слишкомъ предался другому, еще болѣе недостойному лицемѣрью, которое хвастливо выставляетъ и даже выдумываетъ на себя пороки. Фоксъ привязался не только къ политикѣ Вальполя, но и къ нему лично, со всею пылкостью своего темперамента. И нельзя отвергать, что въ школѣ Вальполя онъ усвоилъ недостатки, которые лишили дѣны многія изъ его великихъ дарованій. Онъ, правда, поднялся на первое мѣсто въ палатѣ общинъ, вполне овладѣлъ искусствомъ вести дебаты, достигъ почестей и огромнаго богатства, но лишился общественнаго довѣрія и уваженія. Прав-

да, его частные друзья справедливо восхваляли его великодушіе и доброту сердца. Они утверждаютъ, что не было ничего низкаго въ тѣхъ поступкахъ, которые они наименѣе могутъ защищать, и что если онъ заблуждался, то заблуждался, увлекаемый любящими чувствами, желаніемъ услужить своимъ друзьямъ и заботливой нѣжностью къ дѣтямъ. Но нація смотрѣла на него какъ на человѣка ненасытной алчности и отчаяннаго честолюбія; какъ на человѣка, готоваго, безъ угрызений совѣсти, принять самый безнравственный и неконституціонный образъ дѣйствій; какъ на человѣка, вопліѣ способнаго, по всѣмъ своимъ мнѣніямъ и чувствамъ, управлять парламентомъ посредствомъ подкупнаго фонда и подавлять народъ штыкомъ. Многіе изъ его современниковъ были такой же шаткой нравственности; но очень немногіе между ними обладали его талантами, и никто не имѣлъ его смѣлости и энергіи. Онъ не могъ, подобно Доддингтону и Сандису, найти убѣжище въ презрѣніи. И потому онъ сдѣлался предметомъ такого всеобщаго отвращенія, какому не подвергался ни одинъ государственный человѣкъ со времени паденія Страффорда; такого всеобщаго отвращенія, какового, вѣроятно, ни въ одной странѣ не навлекалъ на себя человѣкъ столь дружескаго и открытаго нрава. Слабый духъ палъ бы подъ бременемъ непопулярности. Но этотъ рѣшительный умъ, кажется, извлекалъ новую твердость изъ общественной ненависти. Упреки произвели на него, повидимому, только одно дѣйствіе: они ожесточили его мягкій по природѣ характеръ. Последнія дѣйствія его общественной жизни отмѣчены не только тою дерзостью, которую онъ получилъ отъ природы, не только тою безнравственностью, которой онъ научился въ школѣ Вальполя, но строгостью, доходившею почти до жестокости, которой никогда не предполагалось въ его характерѣ. Его суровость увеличивала непопулярность, бывшую ея причиной. Всѣмъ извѣстный пасквиль Грея можетъ служить образчикомъ народнаго чувства. Всѣ образы взяты изъ картинъ кораблекрушеній, сыпучихъ песковъ и баклановъ. Лордъ Голландъ представляется жалующимся, что трусость его сообщниковъ помѣшала ему подавить огнемъ и мечемъ свободный духъ лондонскаго Сити и

изнывающимъ по времени, когда хищныя птицы будутъ вить гнѣзда въ Вестминстерскомъ аббатствѣ и скверныя животныя бродить въ оградѣ св. Павла.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти этого замѣчательнаго человѣка, его второй сынъ, Чарльзъ, появился во главѣ партіи, противившейся американской войнѣ. Чарльзъ наследовалъ физическое и умственное сложеніе своего отца и находился долго, даже слишкомъ долго, подъ его вліяніемъ. Невозможно было и ожидать, чтобы сынъ, обладавшій столь любящей и благородной натурой, не привязался съ горячностью къ родителю, который имѣлъ столько прекрасныхъ качествъ и котораго крайняя снисходительность и щедрость къ своимъ дѣтямъ даже заслуживала порицанія. Чарльзъ видѣлъ, что тотъ, съ кѣмъ онъ былъ связанъ самыми крѣпкими узами, былъ въ высшей степени ненавистенъ для націи, и слѣдствіемъ этого было то, чего нужно было ожидать отъ юноши съ сильными страстями и смѣлымъ духомъ. Онъ соединился съ отцомъ и принялъ еще мальчикомъ близкое участіе въ самыхъ неизвинительныхъ и непопулярныхъ, со времени царствованія Іакова II, мѣрахъ. Въ преніяхъ о миддлсекскихъ выборахъ онъ отличился не только ранними ораторскими дарованіями, но горячностью и презрѣніемъ, съ какими онъ обращался къ общественному мнѣнію. Въ эту пору на него смотрѣли какъ на человѣка, обещающаго быть самымъ опаснымъ, со временъ Революціи, поборникомъ произвола; обещающаго быть Бьютомъ, но съ гораздо большими талантами, Мансфилдомъ, но съ большимъ мужествомъ. По счастью, смерть отца рано освободила Чарльза отъ вліянія, бывшаго для него столь пагубнымъ. Его умъ развился. Кругъ наблюденій расширился. Геній пробился сквозь прежнія предубѣжденія. Природному великодушію и доброжелательству открылся просторъ. Въ очень короткое время онъ сталъ въ положеніе, вполне достойное его ума и сердца. Изъ семьи, имя которой соединялось въ общественномъ мнѣніи съ мыслью о тиранніи и подкупахъ; изъ партіи, рабской и на словахъ, и на дѣлѣ, изъ среды Лотреллей, Дайсоновъ, Бар-

*

ингтонъ — выступилъ величайшій парламентскій защитникъ гражданской и религіозной свободы.

Покойный лордъ Голландъ наслѣдовалъ таланты и прекрасныя свойства своего рода. Но его положеніе очень разнилось отъ положенія двухъ замѣчательныхъ людей, о которыхъ мы говорили. Въ нѣкоторыхъ важныхъ отношеніяхъ оно было лучше, въ другихъ хуже. Онъ имѣлъ надъ ними одно великое преимущество. Онъ получилъ хорошее политическое воспитаніе. Первый лордъ былъ воспитанъ сэромъ Робертомъ Вальполемъ. М-ръ Фоксъ былъ воспитанъ отцомъ. Покойный лордъ былъ воспитанъ м-мъ Фоксомъ. Вредныя правила, рано усвоенныя первымъ лордомъ Голландомъ, сдѣлали его великія таланты бесполезными для государства, — и хуже чѣмъ бесполезными. Вредныя правила, рано усвоенныя м-мъ Фоксомъ, повели его, въ началѣ общественной дѣятельности, къ ошибкамъ, которыя хотя были благородно искуплены впослѣдствіи, но никогда не забывались. До самаго конца его карьеры, ничтожныя людишки, которымъ нечего было говорить въ защиту собственной тиранніи, ханжества и глупости, могли во всякое время возбудить рукоплесканіе какимъ-нибудь жалкимъ намекомъ на избраніе полковника Лоттрелля, арестъ лорда-мера, и другія мѣры, въ которыхъ великій вождь виговъ принималъ участіе 21 или 22-хъ лѣтъ. На лорда Голланда ничто не кидало подобнаго пятна. Даже люди, наиболѣе несогласные съ его мнѣніями, должны сознаться, что болѣе послѣдовательной общественной дѣятельности не встрѣчалось въ нашихъ лѣтописяхъ. Всѣ ея части гармонировали одна съ другой, а цѣлое представляло полнѣйшее согласіе съ великими принципами терпимости и гражданской свободы. Это рѣдкое счастье слѣдуетъ, главнымъ образомъ, приписать вліянію м-ра Фокса. Лордъ Голландъ съ очень ранняго возраста началъ чувствовать живѣйшій интересъ въ политикѣ, что было натурально въ человѣкѣ съ его талантами и надеждами, а м-ръ Фоксъ находилъ величайшее удовольствіе въ развитіи ума столь даровитаго ученика. Они вели дѣятельную переписку о политическихъ дѣлахъ, когда молодому лорду было только 16 лѣтъ, и ихъ дружба и взаимное довѣріе продолжались до дня печальной разлуки

въ Чизикѣ. Подъ руководствомъ такого человѣка лордъ Голландъ не подвергался опасности впасть въ ошибки, которыя бросили темную тѣнь на цѣлую карьеру его дѣда и отъ которыхъ молодость его дяди не была совершенно изъята.

Съ другой стороны, положеніе покойнаго лорда Голланда, сравнительно съ положеніемъ его дѣда и дяди, представляло и большую невыгоду. Они были членами палаты общинъ, а онъ еще ребенкомъ сдѣлался перомъ. При его вступленіи въ общественную жизнь палата лордовъ была очень небольшимъ и чиннымъ собраніемъ. Меньшинство, къ которому онъ принадлежалъ, едва могло собрать до пяти или шести голосовъ въ самыхъ важныхъ засѣданіяхъ, когда присутствовало 80-90 лордовъ. Поэтому, пренія были просто формальностью, какъ было до соединенія Англій съ Ирландіей въ ирландской палатѣ лордовъ. Это было великимъ несчастіемъ для человѣка, подобнаго лорду Голлайду. Его дѣдъ и дядя достигли своего парламентскаго искусства, въ которомъ не имѣли соперниковъ, не случайнымъ обращеніемъ къ 15 или 20 чваннымъ и недружелюбнымъ слушателямъ. Первый пріобрѣлъ свое искусство въ «великихъ Вальполевыхъ битвахъ», въ тѣ ночи, когда Онсло сидѣлъ въ своемъ креслѣ по семнадцати часовъ сряду; когда густыя ряды стояли по обѣимъ сторонамъ въ ненарушимомъ порядкѣ, долго спустя послѣ того, какъ зимнее солнце всходило надъ ними; когда слѣпыхъ водили за руку при подачѣ голосовъ, а разбитыхъ параличемъ укладывали на скамьяхъ въ спальномъ платьѣ. Способности Чарльза Фокса упражнялись съ самаго начала въ неменѣе возбуждающихъ столкновеніяхъ. Таланты покойнаго лорда Голланда не обладали этимъ преимуществомъ. Это было тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что особенный родъ краснорѣчія, принадлежавшій ему и его фамиліи, требовалъ, для своего развитія, большаго упражненія. Съ сильнымъ и находчивымъ умомъ соединялось небольшое расположеніе запинаться въ рѣчи, наследственное въ поколѣніи Фоксовъ. Оно происходило не отъ бѣдности, а отъ богатства ихъ словаря. Они пріостанавливались не потому, что затруднялись найти выраженіе, но потому, что затруднялись выбрать его между многими. Только медленно и постепенно упражненіемъ первый лордъ Голландъ и его сынъ

одолеѣли этотъ недостатокъ. Да и то ни одинъ изъ нихъ не могъ во всю жизнь совершенно отъ него освободиться.

Въ изложеніяхъ покойному лорду Голланду не было удачи; главное отличіе его состояло въ возраженіяхъ. Онъ, подобно членамъ своего дома, живо схватывалъ слабую сторону аргумента и чрезвычайно удачно выставлялъ ее. Въ дебатахъ онъ рѣшительно былъ замѣчательнѣе всѣхъ перовъ своего времени, не засѣдавшихъ въ палатѣ общинъ. Чтобы найти ему равнаго и одинаково поставленнаго соперника мы должны отойти за 80 лѣтъ назадъ, къ графу Гранвиллю, потому что Мансфильдъ, Торло, Лофборо, Гренвилль, Грей, Брумъ, Плонкетъ и другія знаменитости, живущія и умершія, которыхъ мы не будемъ исчислять, вносили въ верхнюю палату краснорѣчіе, образовавшееся и созрѣвшее въ нижней. По мнѣнію самыхъ знающихъ судей, ораторскія рѣчи лорда Голланда, хотя часто очень успѣшныя, не давали полнаго понятія объ его ораторскихъ талантахъ, и въ собраніи, гдѣ бы дебаты велись чаще и оживленнѣе, онъ достигъ бы очень высокой степени совершенства. Дѣйствительно, слушая его разговоръ, нельзя было не видѣть, что онъ рожденъ дебатеромъ. Для него, какъ и для его дяди, упражненіе ума въ преніяхъ было положительнымъ удовольствіемъ. Съ величайшимъ добродушіемъ и обходительностью онъ соединялъ склонность къ спору. Слово «спорливый» обыкновенно служитъ словомъ упрека; но мы можемъ выразить наше мнѣніе только сказавши, что лордъ Голландъ былъ самымъ въжливымъ и пріятнымъ спорщикомъ. Въ самомъ дѣлѣ, быстротѣ, съ какою онъ открывалъ и оцѣнивалъ аналогіи и отличія, могъ бы позавидовать опытный судья. Юристы герцогства Ланкастерскаго удивились, находя въ человѣкѣ, не принадлежащемъ къ ихъ званію, такую сильную склонность къ эсotericескимъ отдѣламъ ихъ науки и жаловались, что лишь-только они расщипать волосъ, лордъ Голландъ принимался расщипывать волокна его на еще тончайшія волокна. При умѣ не столь счастливаго склада эта страсть къ тонкостямъ могла бы причинить серьезный вредъ. Но въ сердцѣ и разсудкѣ лорда Голланда заключались обширныя гарантіи отъ подобной опасности. Онъ былъ не изъ тѣхъ

людей, которые становятся жертвой собственной пронизательности. Онъ не употреблялъ во зло свою логику, и діалектикъ всегда подчинялся въ немъ государственному челоуѣку.

Его политическая жизнь записана въ лѣтописяхъ страны. Быть можетъ, какъ мы уже замѣтили выше, его мнѣнія о двухъ или трехъ великихъ вопросахъ иностранной политики вызываютъ справедливое возраженіе. Но даже его заблужденія, если онъ заблуждался, достойны любви и уваженія. Мы не можемъ рѣшить, не больше ли мы любимъ его и восхищаемся имъ за то, что онъ по временамъ отступалъ отъ того, что мы называемъ мудрой политикой, увлекаемый сочувствіемъ къ угнетеннымъ, великодушіемъ къ павшимъ, филантропіей, распространявшейся на всѣ націи, любовью къ миру — любовью, которая уступала въ немъ только любви къ свободѣ, и великодушной довѣрчивостью души, неспособной какъ подозрѣвать, такъ и замышлять зло.

Его взгляду на вопросы внутренней политики голосъ соотечественниковъ отдаетъ полную справедливость. Они уважаютъ память челоуѣка, который, въ теченіе сорока лѣтъ, былъ постояннымъ покровителемъ всѣхъ угнетаемыхъ расъ и гонимыхъ сектъ; челоуѣка, котораго ни предразсудки, ни интересы его положенія, не могли совратить съ пути истины; аристократа, который во всякомъ важномъ кризисѣ былъ на сторонѣ гражданства; плантатора, упорно воевавшего противъ торговли невольниками; землевладѣльца, всей душой преданнаго въ борьбѣ противъ хлѣбныхъ законовъ.

До сихъ поръ мы касались почти исключительно тѣхъ сторонъ характера лорда Голланда, которые были открыты для наблюденія милліоновъ. Какъ выразимъ мы чувства, съ какими делятъ память о немъ тѣ, которые были почтены его дружбой? Какимъ языкомъ будемъ мы говорить о томъ домѣ, который славился, въ отдаленнѣйшихъ частяхъ цивилизованнаго свѣта, своей рѣдкой пріятностью и который теперь пусть и безмолвенъ какъ могила? Этому дому, сто-двадцать лѣтъ тому назадъ поэтъ посвятилъ граціозныя и вѣжныя строки, которыя приобрѣтаютъ теперь новое значеніе, не менѣе грустное, чѣмъ то, какое заключалось въ нихъ первоначально.

«Thou hill, whose brow the antique structures grace,
 «Reared by bold chiefs of Warwick's noble race,
 «Why, once so loved, whene'er thy bower appears,
 «O'er my dim eyeballs glance the sudden tears?
 «How sweet were once thy prospects fresh and fair,
 «Thy sloping walks and unpolluted air?
 «How sweet the glooms beneath thine aged trees,
 «Thy noon-tide shadow and thine evening breeze!
 «His image thy forsaken bowers restore;
 «Thy walks and airy prospects charm no more;
 «No more the summer in thy glooms allayed,
 «Thine evenings breezes, and thy noon-day shade.» (1)

Еще нѣсколько лѣтъ—и зданія и тѣнистыя мѣста могутъ послѣ-
 довать за своими знаменитыми владѣтелями. Можетъ быть, чудес-
 ный городъ, который, не смотря на свою древность и громад-
 ность, растеть, подобно городу изъ кампешеваго дерева въ Ми-
 чиганѣ, скоро вытѣснитъ эти башенки и сады, связанные съ на-
 мятю о многомъ благородномъ и интересномъ, съ памятью о цар-
 ственномъ великолѣпїи Рича, любви Ормонда, совѣщанїяхъ Кром-
 велля и смерти Аддисона. Придетъ, можетъ быть, то время,
 когда нѣсколько стариковъ, пережившихъ наше поколѣнїе, будутъ
 тщетно искать, среди новыхъ улицъ, скверовъ и станцій желѣз-
 ныхъ дорогъ, мѣсто, гдѣ стояло жилище, бывшее во времена
 ихъ юности любимымъ убѣжищемъ ума и красоты, живописцевъ
 и поэтовъ, философовъ, ученыхъ и государственныхъ людей. Они,
 съ любовью, припомнятъ нѣкоторые, коротко знакомые имъ пред-
 меты, аллею и террасу, бюсты и картины, рѣзбу, причудливую
 позолоту и загадочные девизы. Съ особенной нѣжностью они

(1) «Ты, холмъ, вершину котораго украшаютъ старинныя зданія, воз-
 движутыя смѣлыми вождями благороднаго поколѣнїя Варвикова! отче-
 го, когда передо мной появляется жилище, прежде столь любимое, на
 моихъ тусклыхъ глазахъ навертываются слезы? Какъ сладостенъ былъ
 когда-то твой молодой и пышный видъ, твои аллеи на склонахъ и свѣ-
 жїй воздухъ! Какъ сладостна была темнота, разстилавшаяся подъ тво-
 ими престарѣлыми деревьями, твоя полуденная тѣнь и вечернїй вѣте-
 рокъ! Но теперь покинутое жилище напоминаетъ его образъ; твои
 аллеи и виды, ослабленный чащею лѣтнїей зной, вечернїй вѣтерокъ и
 полуденная тѣнь — не чаруютъ болѣе.»

вернутся памятью къ почтенной комнатѣ, въ которой такъ странно сливалась вся античная важность библіотеки коллегіи со всѣмъ, чѣмъ женская грація и умъ украшаютъ гостиную. Они не безъ умилена подумаютъ объ этихъ полкахъ, отягченныхъ разнообразнымъ знаніемъ многихъ странъ и вѣковъ, и портретахъ, въ которыхъ сохранились черты лучшихъ и мудрѣйшихъ англичанъ двухъ поколѣній. Они вспомнятъ, сколько людей, руководившихъ европейскою политикою, двигавшихъ умомъ и краснорѣчіемъ своимъ большія собранія, оживлявшихъ бронзу и полотно или оставившихъ потомству литературныя произведенія, которымъ оно не охотно дастъ погибнуть,—смѣшивалось здѣсь со всѣмъ, что было привлекательнаго и веселаго въ обществѣ самой блестящей изъ столицъ. Они припомнятъ особенный характеръ этого круга, гдѣ всякій талантъ, знаніе, искусство и наука находили мѣсто. Они припомнятъ, какъ въ одномъ углу обсуживались послѣдніе дебаты, а въ другомъ — разбиралась послѣдняя комедія Скрива, между тѣмъ какъ Вильки съ скромнымъ восхищеніемъ смотрѣлъ на Джузеппе Баретти, какъ Макинтошъ перелистывалъ Тому Аквинскаго, чтобъ свѣрить цитату, какъ Талейранъ рассказывалъ о своемъ разговорѣ съ Баррасомъ въ Люксембургѣ и прогулкѣ верхомъ съ Ланномъ по Аустерлицкому полю. Чаще всего они будутъ вспоминать грацію и еще болѣе плѣнительную ласку, съ какими сопровождалось царское гостепримство этого стариннаго замка. Они будутъ вспоминать благодушное и почтенное лицо и дружескій голосъ пріѣтствовавшаго ихъ хозяина. Они вспомнятъ и нравъ, который годы горя, болѣзни, паралича и заключенія въ комнатѣ дѣлали, кажется, только мягче и мягче, и искреннюю вѣжливость, сразу уничтожавшую замѣшательство самыхъ юныхъ и робкихъ артистовъ и писателей, которые впервые попадали въ среду посланниковъ и графовъ. Они припомнятъ и непрерывно льющуюся бесѣду, столь простую, одушевленную, разнообразную, богатую наблюденіями и анекдотами; припомнятъ остроту, никогда не оскорблявшую; тонкое передразниваніе, которое облагораживало, а не унижало; доброту сердца, которая обнаруживалась въ каждомъ взглядѣ и звукѣ и придавала еще болѣе цѣны всѣмъ талантамъ и познаніямъ. Они

вспомнить, что тотъ, чье имя они такъ уважаютъ, столько же отличался непоколебимой прямою въ политическомъ поведеніи, сколько любящимъ характеромъ и плѣнительными манерами. Они вспомнить, что въ послѣднихъ изъ написанныхъ имъ строкъ онъ выражаетъ свою радость, что не сдѣлалъ ничего недостойнаго друга Фокса и Грея, и будутъ имѣть такое же основаніе радоваться, если, оглянувшись на многіе смутные годы, не будутъ имѣть повода обвинить себя въ поступкѣ, недостойномъ людей, отличенныхъ дружбою лорда Голланда.

ВОРРЕНЪ ГАСТИНГСЪ.

(Октябрь, 1841).

«Memoirs of the Life of Warren Hastings, first Governor-General of Bengal.» Compiled from Original Papers, by the Rev. G. R. GLEIG. M. A. 3 vols. 8-vo: London: 1841.

«Записки о жизни Воррена Гастингса, перваго генералъ-губернатора Бенгала.» Составлены по оригинальнымъ документамъ преподобнымъ отцомъ Г. Р. Глейгомъ, магистромъ наукъ. 3 т. 8-во. Лондонъ: 1841.

Эта книга, кажется, изготовлена по контракту, которымъ представители Воррена Гастингса, съ одной стороны, обязались поставить документы, а м-ръ Глейгъ, съ другой, обязался поставить похвалу. Справедливость заставляетъ насъ сказать, что обѣ стороны весьма честно выполнили договорныя статьи, и результатъ этотъ находится передъ нами, въ видѣ трехъ большихъ плохихъ томовъ, наполненныхъ неразработанною перепискою и неразборчивымъ панегирикомъ.

Еслибы стоило труда разсматривать это произведеніе въ подробностяхъ, то мы легко могли бы написать длинную статью, ограничиваясь только указаніемъ невѣрно изложенныхъ фактовъ, неизящныхъ выраженій и безнравственныхъ воззрѣній. Но было бы бесплодно тратить критику на книжнаго фабриканта, и какова бы ни была репутація, которую справедливо заслужилъ м-ръ Глейгъ своими прежними трудами, онъ является теперь на судъ публики книжнымъ фабрикантомъ — и только. Люди,

болѣе знаменитые, чѣмъ м-ръ Глейгъ, писали почти не лучше его, когда унижались до подобной работы. Нельзя оцѣнивать Гольдсмита по его «*Исторіи Греціи*» или Скотта по его «*Жизни Наполеона*». М-ръ Глейгъ не Гольдсмитъ и не Скоттъ; но несправедливо было бы отрицать, что онъ способенъ произвести что-нибудь лучше этихъ записокъ. Мы также надѣмся и убѣждены, что несправедливо было бы обвинять какого бы то ни было христіанскаго священника въ намѣренной защитѣ нѣкоторыхъ положеній, которыя мы находимъ въ этой книгѣ. Мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что м-ръ Глейгъ написалъ нѣсколько отрывковъ, которые относятся къ «*Il Principe*» Макіавелли точно такъ же, какъ послѣдній относится къ «*The Whole Duty of Man*», и которые возбудили бы удивленіе въ притонѣ разбойниковъ или на шкунѣ пиратовъ. Но мы охотно приписываемъ эти оскорбленія нравственности—послѣшности, невниманію и той болѣзни ума, которая можетъ быть названа *Furor Biographicus* и которая для составителей жизнеописаній то же самое, что зобъ для альпійскаго пастуха или потребность ѣсть грязь для негра невольника.

Мы надѣмся, что лучше удовлетворимъ желанія нашихъ читателей, если, останавливаясь на недостаткахъ этой книги, попытаемся изложить — по необходимости послѣшно и недостаточно — нашъ собственный взглядъ на жизнь и характеръ Гастингса. Наши чувства къ нему не совершенно сходны съ чувствами, подъ влияніемъ которыхъ нижняя палата обвинила его въ 1787 году; но мы не раздѣляемъ и взгляда нижней палаты 1813 года, которая приняла его стоя и съ непокрытыми головами. Онъ обладалъ великими достоинствами и оказалъ большія услуги государству. Но представлять его человѣкомъ незапятнанной добродѣтели значило бы дѣлать его смѣшнымъ; изъ уваженія къ его памяти, если не изъ другаго чувства, друзья Гастингса должны бы были не поддерживать подобной мелочной лести. Еслибы онъ былъ теперь живъ, то имѣлъ бы—мы въ этомъ убѣждены—достаточно здраваго смысла и величія духа, чтобы желать быть представленнымъ такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ долженъ былъ знать, что слава его была не

разъ сильно запятнана. Онъ съ гордостью могъ сознавать, что блескъ его славы не померкнетъ отъ этихъ пятенъ. Онъ предпочелъ бы—мы въ этомъ не сомнѣваемся—шарлатанскому па-негирику м-ра Глейга даже самую строгость м-ра Милля. Онъ пожелалъ бы скорѣе, чтобы потомство имѣло его портретъ похожій, хотя и не льстивый, чѣмъ безвкусную и неестественную пачкатию, не похожую ни на него, ни на кого другаго. «Пишите меня такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ», сказала Оливьеръ Кромвелль писавшему его портретъ молодому Лели. «Если вы выпустите шрамы и морщины, то не получите отъ меня ни одного шиллинга». Даже въ такой бездѣлицѣ великій протекторъ выказалъ и свой здравый смыслъ, и свою возвышенную душу. Онъ не хотѣлъ, чтобы все характеристическое въ его лицѣ было потеряно въ тщетной попыткѣ придать ему правильныя черты и ровныя румяныя щеки завитыхъ любимцевъ Іакова I. Онъ былъ доволенъ тѣмъ, что лицо его должно было перейти къ потомству со всеми некрасивыми слѣдами, которыя наложили на него время, война, бессонныя ночи, заботы и быть можетъ, раскаяніе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ отпечаткомъ, во всѣхъ его царственныхъ чертахъ, мужества, ума, власти и общественныхъ заботъ. Еслибы люди, истинно великіе, понимали свои интересы, то они желали бы, чтобы характеры ихъ изображались подобнымъ же образомъ.

Ворренъ Гастингсъ происходилъ изъ древняго и знаменитаго рода. Утверждали, что родословная его восходитъ до великаго датскаго короля—пирата, котораго паруса долгое время возбуждали ужасъ на обоихъ берегахъ Британскаго канала и который, послѣ многихъ отчаянныхъ и нерѣшительныхъ битвъ, уступилъ наконецъ мужеству и генію Альфреда. Но неподверженный сомнѣнію блескъ рода Гастингсовъ не нуждается въ прикрасахъ сказки. Одна отрасль этого рода носила въ XIV столѣтіи графскую корону Пемброковъ; къ другой принадлежалъ знаменитый камергеръ, вѣрный приверженецъ Бѣлой Розы, котораго судьба доставила такую богатую тему какъ повтамъ, такъ и историкамъ. Фамилія его получила отъ Тюдоровъ графство Гонтингдонское; лишившись его на долгое время, она,

въ наше время, вновь пріобрѣла его рядомъ событій, подобіе которымъ едвали можно найти въ романѣ.

Лорды замка Дейльфордскаго въ Вустерширѣ имѣли притязаніе считаться главами этой замѣчательной фамиліи. Правда, главная вѣтвь процвѣтала менѣе, чѣмъ нѣкоторые изъ младшихъ отпрысковъ. Но Дейльфордская фамилія, хотя и не обладала перствомъ, была богата и пользовалась значительнымъ почетомъ до тѣхъ поръ, пока, лѣтъ двѣсти тому назадъ, состояніе ея было поглощено раззорительной междоусобной войной. Гастингсъ того времени былъ ревностный кавалеръ. Онъ заложилъ имѣніе, отправилъ свою серебряную посуду въ оксфордскій монетный дворъ, присоединился къ королевской арміи и, растративъ половину состоянія для поддержки короля Карла, съ радостью откупилъ себя отъ преслѣдованій, передавъ большую часть остальной половины предсѣдателю нижней палаты Ленталю. Старый замокъ въ Дейльфордѣ оставался еще собственностью семейства; но у послѣдняго не было средствъ его поддерживать, и уже въ слѣдующемъ поколѣніи онъ былъ проданъ одному лондонскому купцу.

До этого отчужденія послѣдній Гастингсъ Дейльфордскій, представилъ своего втораго сына къ мѣсту священника того прихода, въ которомъ находилось старинное семейное жилище. Мѣсто это приносило незначительный доходъ, и положеніе бѣднаго священника, послѣ продажи имѣнія, было самое жалкое. Онъ постоянно имѣлъ процессы съ новымъ владѣтелемъ замка, по поводу десятины, и наконецъ совершенно раззорился. Старшій сынъ его, Говардъ, степенный молодой человекъ, получилъ мѣсто при таможенномъ управленіи. Второй сынъ его, Пинастонъ, лѣнивый, безпутный мальчикъ, женился моложе шестнадцати лѣтъ, менѣе чѣмъ черезъ два года потерялъ жену и умеръ въ Вестъ-Индіи, оставивъ на попеченіи своего несчастнаго отца маленькаго сироту, обреченнаго на необыкновенныя и достопамятныя превратности счастья. Ворренъ, сынъ Пинастона, родился 6-го декабря 1732 года. Его мать умерла нѣсколько дней спустя, и онъ остался на рукахъ своего стѣсненнаго дѣда. Мальчикъ съ раннихъ лѣтъ посѣщалъ деревенскую школу, гдѣ выучился гра-

мотъ вмѣстѣ съ дѣтьми крестьянъ. Въ его одеждѣ или пищѣ ничто не указывало на огромное отличіе его будущаго отъ будущаго деревенскихъ мальчиковъ, съ которыми онъ учился и игралъ. Но никакая туча не могла затмить разсвѣта такого генія и такого честолюбія. Сами землѣпашцы замѣчали и долго вспоминали любовь маленькаго Воррена къ своимъ книгамъ. Онъ ежедневно видѣлъ земли, принадлежавшія его предкамъ и перешедшія въ чужія руки, и это обстоятельство наполняло молодой умъ Воррена дикими фантазіями и планами. Онъ любилъ слушать разказы о богатствѣ и значеніи своихъ праотцевъ, объ ихъ роскошномъ хозяйствѣ, объ ихъ вѣроподданничествѣ и мужествѣ. Въ одинъ ясный лѣтній день мальчикъ, которому было тогда ровно семь лѣтъ, лежалъ на берегу рѣчки, протекающей черезъ старое помѣстье Гастингсовъ и впадающей въ Айсисъ. Здѣсь, какъ онъ разказывалъ семьдесятъ лѣтъ спустя, возникъ въ умѣ его проектъ, котораго онъ уже не покидалъ, не смотря на всѣ перемѣны богатой событіями жизни. Онъ рѣшился приобрѣсти помѣстье, принадлежавшее его предкамъ. Онъ хотѣлъ сдѣлаться Гастингсомъ Дейльзфордскимъ. Это рѣшеніе, принятое въ дѣтствѣ и бѣдности, еще окрѣпло съ развитіемъ ума Гастингса и съ возвышеніемъ его положенія. Онъ преслѣдовалъ свой планъ съ той покойною, но непоколебимою силою воли, которая составляла самую выдающуюся особенность его характера. Когда, подъ тропическимъ солнцемъ, онъ управлялъ пятьюдесятью милліонами азіатцевъ, то, посреди заботъ о войнѣ, финансахъ и законодательствѣ, надежды его все еще обращались къ Дейльзфорду. И на закатѣ его долгой общественной жизни, столь необычайно полной добра и зла, славы и позора, онъ удался умереть въ Дейльзфордъ.

Когда ему было восемь лѣтъ отъ роду, дядя его Говардъ рѣшился взять его на свое попеченіе и дать ему хорошее и многостороннее образованіе. Мальчикъ отправился въ Лондонъ и былъ помѣщенъ въ школу въ Ньюингтонѣ, гдѣ его учили хорошо, но кормили плохо. Онъ всегда приписывалъ свой небольшой ростъ дурной и недостаточной пищѣ, которую получалъ въ этомъ училищѣ. Десяти лѣтъ онъ былъ переведенъ въ вестмин-

стерскую школу, которая процвѣтала тогда подъ заботливымъ управленіемъ доктора Никольза. Въ числѣ учителей былъ Винни Борнъ, какъ, любя, называли его ученики. Чорчилль, Кольманъ, Лойдъ, Кумберландъ, Коуперъ находились въ числѣ учениковъ. Съ Коуперомъ Гастингсъ подружился, и чувства этого не могли уничтожить ни время, ни большое различіе въ мнѣніяхъ и цѣляхъ жизни. Кажется, что достигнувъ возмужалости, они никогда уже не встрѣчались. Но сорокъ лѣтъ позже, когда возвышались голоса цѣлой толпы великихъ ораторовъ, призывавшихъ мечь на притѣснителя Индіи, застѣчивый и одинокій поэтъ не могъ представить себѣ Гастингса генералъ-губернатора иначе, какъ тѣмъ Гастингсомъ, съ которымъ онъ гребъ на Темзѣ и игралъ въ монастырѣ; онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы столь добрый товарищъ могъ совершить что-либо очень дурное. Собственная жизнь Коупера протекла въ молитвахъ, мечтахъ и стихотворствѣ между водяными лиліями Уза. Онъ въ необыкновенной степени сохранилъ невинность дѣтства. Умъ его, правда, подвергался тяжкимъ испытаніямъ, но ничто не соблазняло его рѣзко нарушить правила общественной нравственности. Онъ ни разу не подвергался нападеніямъ коалиціи могущественныхъ и смертельныхъ враговъ. Онъ никогда не бывалъ въ необходимости дѣлать выборъ между невинностью и величіемъ, между преступленіемъ и гибелью. Какъ ни твердо держался онъ въ теоріи ученія о человѣческой испорченности, но привычки его были таковы, что онъ не могъ понять, какъ далеко даже добрые и благородные характеры могутъ быть совращены съ прямого пути яростью борьбы и властолюбіемъ.

У Гастингса былъ въ Весминстерѣ еще другой товарищъ, о которомъ мы будемъ имѣть случай часто упоминать: Эліа Импи. Мы мало знаемъ объ ихъ школьныхъ дняхъ. Намъ кажется, однако, позволительно догадка, что когда Гастингсъ намѣревался сыграть особенно отчаянную штуку, то, за пирогъ или мячикъ, нанималъ Импи на самую скверную часть پردѣлки.

Ворренъ отличался передъ своими товарищами искусствомъ въ плаваніи и управленіи лодкой, равно какъ и успѣхами въ наукахъ. Четырнадцать лѣтъ онъ выдержалъ первымъ экзаменъ на степенъ-

дію отъ школы. Имя его, написанное вызолоченными буквами на стѣнахъ спальни, до сихъ поръ свидѣтельствуетъ о побѣдѣ его надъ старшими соперниками. Онъ оставался въ школѣ еще два года и надѣялся на назначеніе студентомъ въ коллегію Христовой церкви въ Окфордскомъ университетѣ, когда одно событіе совершенно измѣнило ходъ всей его жизни. Говардъ Гастингсъ умеръ, поручивъ племянника попеченію своего друга и отдаленнаго родственника, по имени Чизикъ. Хотя этотъ гоподинъ и не отказывался положительно отъ порученія, но желалъ отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе. Докторъ Никольсъ жарко доказывалъ, что было бы жестоко отрывать отъ занятій молодаго человѣка, который, казалось, долженъ былъ сдѣлаться однимъ изъ первыхъ ученыхъ своего времени. Онъ предложилъ даже взять на себя издержки по отправленію своего любимаго ученика въ Оксфордъ. Но м-ръ Чизикъ былъ неутомимъ. Онъ думалъ, что уже достаточно лѣтъ было растрчено Ворренномъ на гекзаметры и пентаметры. Онъ имѣлъ возможность доставить юношѣ мѣсто писца на службѣ Остъ-Индской компаніи. Составить ли себѣ молодой человѣкъ, по отплытіи изъ Англіи, состояніе или умереть отъ болѣзни печени,—въ томъ и другомъ случаѣ онъ никому не будетъ въ тягость. Вслѣдствіи этого, Ворренъ былъ взятъ изъ Вестминстерской школы и на нѣсколько мѣсяцевъ помѣщенъ въ коммерческое училище для изученія ариметики и счетоводства. Въ январѣ 1750 года, нѣсколькими днями старше шестнадцати лѣтъ, онъ отплылъ въ Бенгалъ и прибылъ къ мѣсту назначенія въ слѣдующемъ октябрѣ.

Онъ немедленно былъ посаженъ за бюро канцеляріи секретаря въ Калькуттѣ и проработалъ тамъ два года. Фортъ Виліамъ былъ тогда чисто-коммерческимъ поселеніемъ. На югѣ Индіи Дюпле, своею политикою захвата, преобразовалъ служителей англійской компаніи, вопреки ихъ волѣ, въ дипломатовъ и генераловъ. Война за наслѣдство свирѣпствовала въ Карнатикѣ, и счастье было неожиданно обращено противъ французовъ геніемъ молодаго Роберта Клайва. Но въ Бенгалѣ европейскіе поселенцы, живя въ мирѣ и согласіи, какъ съ туземцами, такъ и меж-

ду собою, могли исключительно заниматься бухгалтерією и накладными.

Проведя въ Калькуттѣ два года за счетами, Гастингсъ былъ отправленъ внутрь страны, въ Коссимбазарь, городъ на Угли, въ разстояніи около одной мили отъ Муршедабада. Коссимбазарь находился къ послѣднему въ такомъ же отношеніи, если можно сравнить малыя вещи съ большими, въ какомъ лондонское Сити находится къ Вестминистеру. Муршедабадъ былъ резиденцією князя, который въ силу власти, простиравшей съ-виду отъ могола, но въ дѣйствительности независимой, управлялъ тремя обширными областями: Бенгаломъ, Ориссой и Багаромъ. Въ Муршедабадѣ находились дворъ, гаремъ и правительственныя учрежденія. Коссимбазарь былъ торговый городъ съ пристанью, извѣстный по количеству и качеству шелковъ, продававшихся на его рынкахъ, и постоянно получавшій и отправлявшій цѣлыя флоты богато нагруженныхъ барокъ. На этомъ важномъ пунктѣ компанія учредила небольшую факторію, подчиненную форту Вилліамъ. Здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Гастингсъ былъ занятъ покупкою тканей чрезъ туземныхъ маклеровъ. Въ это время Сураджа-Даула наследовалъ власть и объявилъ войну англичанамъ. Беззащитное поселеніе въ Коссимбазарѣ, находившееся такъ близко отъ столицы тирана, было немедленно захвачено. Гастингсъ былъ отправленъ плѣнникомъ въ Муршедабадъ, но, благодаря челоуколюбивому заступничеству служителей голландской компаніи, съ нимъ обращались снисходительно. Между тѣмъ набобъ двинулся на Калькутту; губернаторъ и комендантъ бѣжали; городъ и цитадель были взяты, и большая часть англійскихъ плѣнныхъ погибла въ «Черной Ямѣ».

Изъ этихъ событій возникло величіе Воррена Гастингса. Бѣжавшій губернаторъ и его спутники искали пристанища на пустынномъ островкѣ Фульда, близъ устья Угли. Они, естественно, очень желали имѣть подробныя извѣстія о дѣйствіяхъ набоба; и эти свѣдѣнія, казалось, всего легче было получить отъ Гастингса, который былъ плѣнникомъ на-слово въ близкомъ сосѣдствѣ со дворомъ. Такимъ образомъ онъ сдѣлался дипломатическимъ агентомъ и вскорѣ приобрѣлъ высокую репутацію за ловкость и рѣ-

шинство. Заговоръ, погубившій впоследствии Сураджа-Даулу, уже развивался, и Гастингсъ былъ допущенъ къ совѣщаніямъ заговорщиковъ. Но время для удара еще не наставало. Необходимо было отложить выполненіе плана, и Гастингсъ, находившійся теперь въ большой опасности, бѣжалъ на Фульду.

Вскорѣ послѣ прибытія его на Фульду—явилась въ Угли экспедиція изъ Мадраса, подъ начальствомъ Клайва. Ворренъ, молодой, неустрашимый и, вѣроятно, увлеченный примѣромъ командира экспедиціи, который, подобно ему, служилъ сначала коммерческимъ агентомъ компаніи, но, побуждаемый общественными бѣдствіями, сталъ воиномъ, также рѣшился стать въ ряды. Въ началѣ военныхъ операцій онъ былъ мушкаторомъ. Но зоркій глазъ Клайва скорѣ замѣтилъ, что молодой волонтеръ можетъ головой принести болѣе пользы, чѣмъ рукою. Когда, послѣ сраженія при Плесси, Миръ-Джеффиръ былъ провозглашенъ набобомъ Бенгала, Гастингса назначили состоять при дворѣ новаго князя въ качествѣ аента компаніи.

Онъ оставался въ Муршедабадѣ до 1761 года, когда сдѣлался членомъ совѣта и, вслѣдствіе того, былъ принужденъ жить въ Калькуттѣ. Это происходило въ промежутокъ между первымъ и вторымъ управленіемъ Клайва,—въ промежутокъ, оставившій на Остъ-Индской компаніи пятно, не вполне изглаженное многими годами послѣдующаго справедливаго и гуманнаго управленія. Мръ Ванситтартъ, губернаторъ, находился во главѣ новаго и аномальнаго государства. Съ одной стороны была шайка англійскихъ чиновниковъ, предприимчивыхъ, смыслѣныхъ, спѣшившихъ обогатиться. Съ другой было огромное туземное населеніе, беззащитное, боязливое, привыкшее къ гнету притѣсненій. Не позволять сильнѣйшему племени грабить слабѣйшее было предпріятіе, которое напрягало въ высшей степени дарованія и энергію Клайва. Ванситтартъ, при добрыхъ намѣреніяхъ, былъ слабымъ и безсильнымъ правителемъ. Господствующая каста—что было очень естественно—освободилась отъ всякихъ ограниченій; тогда представилось самое страшное, по нашему мнѣнію, изъ всѣхъ зрѣлищъ: сила цивилизаціи безъ ея милосердія. На всякій другой деспотизмъ есть узда,—конечно, несовершенная и подверженная гру-

*

бому злоупотребленію, но все-таки достаточная для того, чтобы предохранять общество отъ послѣдней крайности злополучія. Настаетъ время, когда зло, сопряженное съ повиновсіемъ, очевидно превышаетъ дурныя послѣдствія сопротивленія; когда самый страхъ рождаетъ нѣчто въ родѣ мужества; когда судорожный взрывъ народнаго бѣшенства и отчаянія предостерегаетъ тирановъ не слишкомъ много полагаться на человѣческое терпѣніе. Но противъ управленія, подѣ какимъ страдалъ тогда Бенгалъ, не было возможности бороться. Превосходство господствующаго племени по уму и энергіи дѣлало могущество его непреодолимымъ. Война бенгалцевъ противъ англичанъ была похожа на войну овецъ противъ волковъ, людей противъ демоновъ. Единственная защита, подѣ которую могли прибѣгнуть туземцы, заключалась въ умѣренности, милосердіи и дальновидной политикѣ завоевателей. Покровительство это они нашли въ послѣдующій періодъ; но сначала они испытали англійскую силу, не сопровождаемую англійской нравственностью. Существовалъ промежутокъ между тѣмъ временемъ, когда они сдѣлались нашими подданными, и тѣмъ, когда мы начали понимать, что на насъ лежитъ обязанность исполнять, въ отношеніи къ нимъ, долгъ правителей. Въ этотъ промежутокъ цѣль служителя компаніи состояла лишь въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе выжать изъ туземцевъ сто или двѣсти тысячъ фунтовъ, дабы вернуться домой съ неповрежденнымъ еще отъ жары организмомъ, потомъ жениться на дочери пѣра, закупить гнилыхъ мѣстечекъ въ Корнваллисѣ и давать балы въ St. James's Square. О поведеніи Гастингса въ это время мало извѣстно; но то малое, что мы знаемъ, равно какъ и то обстоятельство, что извѣстное было мало, — дѣлаютъ ему честь. Онъ не имѣлъ возможности защищать туземцевъ; самое большое, что онъ могъ сдѣлать, было воздерживаться отъ грабежа и насилія. Кажется, онъ такъ и поступалъ. Достоверно, что въ это время онъ оставался бѣденъ; не менѣе достоверно и то, что жестокими и безчестными поступками онъ легко могъ обогатиться. Положительно извѣстно, что онъ никогда не былъ выставленъ участникомъ въ господствовавшихъ тогда злоупотребленіяхъ, и не подвержено сомнѣнію, что еслибы онъ принималъ въ нихъ уча-

стіе, то нападавшіе на него въ послѣдствіи искусныя и ожесточенныя враги никакъ не преминули бы открыть и обнародовать его вину. Проницательное, строгое и даже недоброжелательное изслѣдованіе, которому была подвергнута вся его общественная жизнь, — изслѣдованіе, по нашему, безпримѣрное въ исторіи чело-вѣчества, — въ одномъ отношеніи выгодно для его репутаціи. Оно выставило на свѣтъ много постыдвыхъ пятенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ считать его чистымъ отъ всего невыставленнаго.

Чтобы сказать правду, соблазны, которымъ уступали многіе англійскіе чиновники временъ м-ра Ванситтарта, не затрогивали господствующихъ страстей Воррена Гастингса. Онъ не былъ очень деликатенъ въ денежныхъ сдѣлкахъ; но онъ не былъ ни скупъ, ни алченъ. Онъ былъ чело-вѣкъ слишкомъ просвѣщенный, чтобы смотрѣть на большое государство лишь такъ, какъ пиратъ смотритъ на гальонъ. Еслибы даже сердце его было гораздо хуже, чѣмъ оно обнаружилось въ дѣйствительности, то разсудокъ предохранилъ бы его отъ такой крайней низости. Онъ былъ государственный чело-вѣкъ, не особенно разборчивый въ выборѣ средствъ, — быть можетъ, даже чело-вѣкъ безъ правилъ; но онъ все-таки былъ государственный чело-вѣкъ, а не грабитель.

Въ 1764 году Гастингсъ вернулся въ Англію. Онъ составилъ себѣ состояніе весьма умѣренное, и это умѣренное состояніе вскорѣ исчезло, частью вслѣдствіе его похвальной щедрости, частью же вслѣдствіе дурнаго управленія. Въ отношеніи къ роднымъ онъ поступилъ, кажется, очень великодушно. Большую часть своихъ сбереженій онъ оставилъ въ Бенгалѣ, вѣроятно, въ надеждѣ воспользоваться стоявшимъ тогда въ Индіи высокимъ ростомъ. Но большіе проценты и ненадежное помѣщеніе денегъ обыкновенно неразлучны, и Гастингсъ потерялъ и проценты, и капиталъ.

Онъ оставался въ Англии четыре года. О его жизни въ это время извѣстно очень немногое. Но утверждали — и это въ высшей степени вѣроятно — что литература и общество писателей занимали большую часть его времени. Слѣдуетъ вспомнить къ его чести, что въ дни, когда прочіе служители компаніи смотрѣли на восточные языки только какъ на средство для

сношеній съ ткачами и мѣнялами, его обширный и образованный умъ искалъ въ азіатской учености новыхъ видовъ умственнаго наслажденія и новыхъ взглядовъ на общество и правительство. Быть можетъ, что подобно большой части людей, которые посвящали много вниманія отраслямъ знанія, выходящимъ изъ общей колен, онъ былъ склоненъ преувеличивать значеніе своихъ любимыхъ занятій. Онъ вообразилъ, что изученіе персидской литературы можетъ съ пользою войти въ хорошее общее образованіе англійскаго джентльмена, и сообразно этой мысли составилъ даже планъ занятій. Говорятъ, что Оксфордскій университетъ, въ которомъ со времени возрожденія наукъ и литературы, восточные языки никогда не были въ совершенномъ пренебреженіи, долженъ былъ сдѣлаться мѣстомъ для новаго учрежденія, которое Гастингсъ имѣлъ въ виду. Основной капиталъ для этого заведенія ожидали отъ щедрости компаніи, и предполагалось пригласить съ Востока профессоровъ, вполне способныхъ объяснять Гафиза и Фердуси. Гастингсъ посѣтилъ Джонсона, въ надеждѣ, какъ кажется, заинтересовать въ пользу этого плана человека, обладавшаго высшею литературною репутаціею и состоявшаго въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Оксфорду. Кажется, что свиданіе оставило въ Джонсонѣ самое благоприятное мнѣніе о талантахъ и познаніяхъ гостя. Много времени спустя, когда Гастингсъ управлялъ огромнымъ народонаселеніемъ британской Индіи, старый философъ писалъ ему и напоминалъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, хотя и съ большимъ достоинствомъ, объ ихъ короткомъ, но пріятномъ знакомствѣ.

Гастингсъ вскорѣ началъ думать о возвращеніи въ Индію. Къ Англій его привязывало немногое, а денежные затрудненія его были велики. Онъ просилъ своихъ старыхъ начальниковъ, директоровъ, о мѣстѣ. Они приняли просьбу съ большими похвалами, какъ его способностямъ, такъ и его честности, и назначили его членомъ мадрасскаго совѣта. Несправедливо было бы не упомянуть о слѣдующей чертѣ: хотя онъ и былъ принужденъ занять деньги на то, чтобы снарядиться въ дорогу, однако нисколько не уменьшилъ суммы, которую назначилъ на вспоможеніе своимъ бѣднымъ родственникамъ. Весною 1769 года онъ сѣлъ на корабль

«Герцогъ Графтонъ» и отправился въ путешествіе, приключенія котораго могли бы служить предметомъ романа.

Между пассажирами «Герцога Графтона» былъ нѣмецъ по имени Ингофъ. Онъ называлъ себя барономъ, но находился въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и отправлялся въ Мадрасъ въ качествѣ портретнаго живописца и въ надеждѣ набрать тамъ денегъ, которыя такъ легко доставались англичанамъ въ Индіи и такъ легко ими растрчивались. Барону сопутствовала его жена, уроженка Архангельска, какъ мы гдѣ-то прочли. Этой молодой женщиной, родившейся подъ полярнымъ кругомъ, было предназначено играть роль королевы подъ тропикомъ Рака; она была хороша собой, образована и имѣла въ высшей степени привлекательныя манеры. Она отъ всего сердца презирала мужа и, какъ достаточно покажетъ нашъ послѣдующій рассказъ, не безъ причины. Она была заинтересована разговоромъ Гастингса, и ей польстили доказательства его вниманія. Положеніе было истинно опасное. Нѣтъ мѣста, болѣе благопріятнаго для образованія какъ тѣснѣйшей дружбы, такъ и смертельной ненависти, какъ остъ-индское судно. Очень не много такихъ людей, которые бы не находили невыносимо скучнымъ путешествіе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ. Все становится занимательнымъ, что можетъ нарушить это нескончаемое однообразіе: парусъ на горизонтѣ, акула, албатросъ, человекъ, упавшій въ море. Многіе изъ пассажировъ находятъ развлеченіе въ томъ, что ѣдятъ вдвое чаще, чѣмъ на сушѣ. Но великіе способы убить время—ссоры, ухаживанье и кокетничанье. Удобства для этихъ возбуждающихъ занятій велики. Жители корабля гораздо болѣе сближены судьбою, чѣмъ деревенское общество и кружокъ, сходящійся за общимъ столомъ. Никто не можетъ уйти отъ другихъ иначе, какъ запершись въ кельѣ, въ которой почти нельзя повернуться. Столъ, прогулка—все общее. Церемонность почти изгнана. Шалунъ и желчная личность имѣютъ каждый день возможность причинять безчисленное множество непріятностей; предупредительная и любезная особа находитъ ежедневно случаи для маленькихъ услугъ. Нерѣдко бываетъ, что значительное несчастье или большая опасность вызываютъ на свѣтъ въ неподдѣльной красотѣ или уродливости героическія до-

бродѣтели или низкіе пороки, которые, въ обыкновенной жизни хорошаго общества, оставались бы много лѣтъ неизвѣстными даже людямъ близкимъ. При такихъ обстоятельствахъ встрѣтились Ворренъ Гастингсъ и баронесса Имгофъ—двѣ личности, которыя, своей образованностью и талантами, привлекли бы вниманіе при любомъ европейскомъ дворѣ. Джентльменъ не былъ связанъ никакими семейными узами. Дама была замужемъ за человѣкомъ, котораго она не любила и не уважала и который не дорожилъ своею честью. Родилась привязанность и вскорѣ окрѣпла вслѣдствіе событій, которыя едва ли бы случились на сушѣ. Гастингсъ заболѣлъ. Баронесса ходила за нимъ съ женственною нѣжностью, собственноручно давала ему лекарства и даже сидѣла въ его каютѣ, сторожа его сонъ. Задолго до того, какъ «Герцогъ Графтонъ» достигъ Мадраса, Гастингъ былъ влюбленъ. Но любовь его была чрезвычайно характеристична. Подобно его ненависти, его честолюбію—всѣмъ его страстямъ, она была сильна, но не бурна. Это было чувство спокойное, глубокое, серьезное, терпѣливо переносящее отсрочки, непобѣдимое временемъ. Имгофъ былъ призванъ на совѣтъ своею женою и ея любовникомъ. Порѣшили, что баронесса начнетъ процесъ о разводѣ въ одномъ изъ судовъ Франконіи; что баронъ будетъ всячески способствовать этому дѣлу и что, до произнесенія приговора, мужъ и жена будутъ жить вмѣстѣ. Было также условлено, что Гастингсъ наградитъ снисходительнаго мужа нѣкоторыми весьма существенными знаками своей благодарности, а по расторженіи брака женится на разведенной баронессѣ и усыновитъ дѣтей, которые родились отъ брака ея съ Имгофомъ.

Мы не склонны строго судить ни о Гастингсѣ, ни о баронессѣ. Безъ сомнѣнія, многое извиняло ихъ проступокъ. Но мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ преподобнымъ м-мъ Глейгомъ, который простираетъ свое пристрастіе до столь неблагоприятной степени, что выдаетъ поведеніе Имгофа, котораго низость можетъ служить любовникамъ лучшимъ извиненіемъ, за «мудрое и разсудительное».

Въ Мадрасѣ Гастингсъ нашелъ торговлю компаніи въ весьма разстроеномъ состояніи. Собственныя наклонности побуждали

его скорѣе къ политическимъ, чѣмъ къ коммерческимъ занятіямъ; но онъ зналъ, что благоволеніе его патროновъ зависѣло преимущественно отъ ихъ дивидендовъ, а ихъ дивиденды зависѣли преимущественно отъ помѣщенія капиталовъ. Поэтому, онъ весьма разумно рѣшился обратить на время свой сильный умъ на эту отрасль дѣла, которая находилась въ большомъ пренебреженіи съ тѣхъ поръ, какъ служители компаніи перестали быть прикащиками и сдѣлались воинами и дипломатами.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ произвелъ важную реформу. Директора объявили ему свое крайнее одобреніе и были такъ довольны его поведеніемъ, что рѣшились поставить его во главѣ всего управленія Бенгаломъ. Въ началѣ 1772 года Гастингсъ отправился изъ форта Ст. Джоржъ къ мѣсту своего новаго назначенія. Имъ го фы, которые все еще оставались мужемъ и женой, поѣхали съ нимъ и поселились въ Калькуттѣ, гдѣ слѣдовали «тому же мудрому плану», — мы приводимъ слова м-ра Глейга, — котораго они уже держались болѣе двухъ лѣтъ.

Когда Гастингсъ занялъ мѣсто предсѣдателя совѣта, Бенгалъ все еще управлялся по системѣ, придуманной Клайвомъ, — системѣ, которая, быть можетъ, прекрасно соотвѣтствовала цѣли облегчить и скрыть великій переворотъ, но которая, по совершенномъ окончаніи послѣдняго, представляла одни неудобства. Было два правительства: одно дѣйствительное, другое только формальное. Верховная власть принадлежала компаніи и была на дѣлѣ самою деспотическою, какую можно себѣ представить. Для англійскихъ властителей страны существовало лишь одно ограниченіе: ихъ собственная справедливость и челоуѣколюбіе. Ихъ воля не знала конституціонной узды, а сопротивленіе имъ было совершенно безнадежно.

Но хотя англичане и были неограниченными властителями, однако они еще не приняли виѣшней обстановки самодержавія. Они владѣли своими землями какъ вассалы дѣййскаго престола; они сбирали свои доходы въ качествѣ сборщиковъ, назначенныхъ императорскимъ патентомъ; публичная печать ихъ носила на себѣ императорскіе титулы; монетный дворъ ихъ чеканилъ только императорскую монету.

Все-еще существовалъ набобъ бенгальскій, находившійся къ англійскимъ властителямъ въ томъ же отношеніи, въ какомъ Августулъ стоялъ къ Одоакру или послѣдній изъ Меровинговъ къ Карлу Мартеллу и Пепину. Набобъ жилъ въ Муршедабадѣ, окруженный царскимъ великолѣпіемъ. Къ нему приближались съ наружными знаками почтенія, и имя его употреблялось на общественныхъ документахъ; но въ управленіи страной онъ принималъ менѣе дѣйствительнаго участія, чѣмъ младшій писарь или юнкеръ на службѣ компаніи.

Организація англійскаго совѣта, представителя компаніи въ Калькуттѣ, сильно отличалась отъ принятой впоследствии. Въ настоящее время губернаторъ, во всѣхъ исполнительныхъ мѣрахъ, пользуется властью неограниченною. Онъ можетъ объявить войну, заключить миръ, назначать общественныхъ чиновниковъ и смѣнять ихъ, наперекоръ единодушному мнѣнію тѣхъ, которые засѣдаютъ съ нимъ въ совѣтѣ. Правда, послѣдніе въ правѣ требовать извѣщенія обо всемъ, что дѣлается, разсуждать обо всемъ, давать совѣты, выражать свое несогласіе, посылать въ Англію протесты. Но верховная власть находится въ рукахъ губернатора, и на немъ лежитъ вся отвѣтственность. Система эта введена м-мъ Питтомъ и м-мъ Дондасомъ наперекоръ сильной оппозиціи м-ра Борка; по нашему мнѣнію, она, вообще, лучшая изъ системъ, когда-либо придуманныхъ для страны, лишенной тѣхъ матеріаловъ, безъ которыхъ представительное государственное устройство невозможно. Во времена Гастингса губернаторъ имѣлъ лишь одинъ голосъ въ совѣтѣ—въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, рѣшительный. Поэтому, нерѣдко случалось, что онъ долженъ былъ покоряться большинству въ важнѣйшихъ вопросахъ; представлялась даже возможность, посредствомъ коалиціи членовъ совѣта, совершенно отстранить его, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отъ дѣйствительнаго управленія дѣлами.

Англійскіе чиновники въ фортѣ Вилліамъ обращали до сихъ поръ мало вниманія или даже вовсе не обращали его на внутреннее управленіе Бенгала. Единственную отрасль политики, которою они много занимались, составляли переговоры съ туземными государями. Полиціею, судебною частью, подробностями сбора по-

датеѣ они почти совершенно пренебрегали. Мы можемъ замѣтить, что фразеологія служителей компаніи до сихъ поръ еще носить слѣды этого порядка вещей. До настоящаго времени они всегда употребляютъ слово «политическій» какъ синонимъ слова «дипломатическій». Мы могли бы назвать одного господина, еще живущаго повныѣ, о которомъ высшая власть отозвалась какъ о чиновникѣ незамѣнимомъ, въ высшей степени способномъ находиться во главѣ внутренняго управленія цѣлымъ президентствомъ, но, къ сожалѣнію, совершенно несвѣдущемъ во всѣхъ политическихъ дѣлахъ.

Внутреннее управленіе Бенгала англійскіе властители поручали туземному министру, пребывающему въ Муршедабадѣ. Всѣ военныя дѣла, всѣ дѣла внѣшней политики, за исключеніемъ только касавшихся исключительно церемоніала, были изъяты изъ его вѣдѣнія; но остальные отрасли администраціи предоставлялись ему исполнѣ. Жалованье его простиралось почти до ста-тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Личный доходъ набобовъ, превосходившій триста-тысячъ въ годъ, проходилъ чрезъ руки министра и состоялъ, въ значительной степени, въ его распоряженіи. Сборъ податей, судебная администрація, сохраненіе порядка предоставлялись этому высшему сановнику, и въ отправленіи своей огромной власти онъ не былъ отвѣтственъ ни передъ кѣмъ, кромѣ британскихъ властителей страны.

Столь важно, выгодное въ денежномъ отношеніи и блестящее мѣсто составляло, естественнымъ образомъ, предметъ честолюбія для самыхъ способныхъ и могущественныхъ туземцевъ. Кляивъ нашелъ труднымъ рѣшить между столкнувшимися притязаніями. Два кандидата выдавались изъ толпы; каждый изъ нихъ былъ представителемъ извѣстнаго племени и извѣстной религіи.

Одинъ изъ нихъ былъ Магометъ-Риза-Ханъ, мусульманинъ персидскаго происхожденія, способный, дѣятельный, религіозный по обычаю своего народа и пользовавшійся его глубокимъ уваженіемъ. Въ Англии на него, быть можетъ, смотрѣли бы какъ на политика подкупнаго и алчнаго. Но, примѣнивъ къ нему низшее мѣрило индійской нравственности, его можно признать чело-
вѣкомъ честнымъ и благороднымъ.

Соперникъ его былъ индійскій браминъ, имя котораго, вслѣдствіе ужаснаго и печальнаго событія, неразлучно связано съ именемъ Воррена Гастингса: магараджа Нункомаръ. Человѣкъ этотъ игралъ важную роль во всѣхъ революціяхъ, происходившихъ въ Бенгалѣ со временъ Сураджа-Даулы. Съ уваженіемъ, какое внушаетъ въ этой странѣ высокая и чистая каста, онъ пользовался еще вѣсомъ по богатству, дарованіямъ и опытности. О его нравственномъ характерѣ трудно дать понятіе тѣмъ, которые знакомы съ человѣческою природою только по проявленіямъ ея на нашемъ островѣ. Итальянецъ относительно англичанина, индусъ относительно итальянца, бенгалецъ въ сравненіи съ прочими индусами—то же самое, что Нункомаръ былъ въ сравненіи съ прочими бенгальцами. Физическая организація бенгальца слаба до женственности. Онъ живетъ постоянно въ паровой банѣ. Занятія его сидячія, члены нѣжны, движенія вялы. Въ теченіе многихъ поколѣній люди болѣе смѣлаго и сильнаго племени попирали его ногами. Мужество, независимость, правдивость суть свойства, для развитія которыхъ равно неблагопріятны и его физическая организація, и его положеніе. Умъ его представляетъ странную аналогію съ его тѣломъ. Для мужественнаго сопротивленія онъ слабъ до немощности; но его гибкость и тактъ вызываютъ въ сынахъ болѣе суровыхъ климатовъ удивленіе, не совершенно, впрочемъ, свободное отъ презрѣнія. Всѣ уловки и все лукавство, составляющіе естественную защиту слабого, болѣе свойственны этому хитрому племени, чѣмъ іонійцу временъ Ювенала или еврею среднихъ вѣковъ. Что рога для буйвола, лапа для тигра, жало для пчелы, красота, согласно старинной греческой пѣснѣ, для женщины, то для бенгальца — обманъ. Богатыя обѣщанія, мягкія извиненія, искусная ткань ловкой лжи, интриги, клятвопреступленія, фальшивыя подписи и документы составляютъ оборонительное и наступательное оружіе жителей Нижняго Ганга. Всѣ эти милліоны не доставляютъ ни одного сипая арміямъ компаній. Но какъ ростовщики, мѣнялы, ловкіе дѣльцы-законники, они стоятъ выше всего остальнаго человѣчества. При всей своей мягкости бенгалецъ рѣшительно не примиримъ во

враждѣ и не склоненъ къ состраданію. Упорство его въ преслѣдованіи цѣли уступаетъ только непосредственному дѣйствию страха. Онъ не лишенъ также извѣстнаго рода мужества, котораго часто недостаетъ его властителямъ. Неизбѣжныя бѣдствія онъ встрѣчаетъ иногда съ такою пассивною твердостью, какую стойки приписывали своимъ идеальнымъ мудрецамъ. Европейскій воинъ, который съ громкимъ ура бросается на батарею, кричитъ иногда подъ ножомъ хирурга или впадаетъ въ агонію отчаянія по выслушаніи смертнаго приговора. Но бенгалецъ при видѣ вторгшихся въ его родину враговъ, при видѣ своего дома, обращеннымъ въ пепелъ, своихъ дѣтей умерщвленными или обезчещенными, не найдетъ въ себѣ мужества нанести хоть одинъ ударъ; однако, извѣстно, что онъ выносилъ пытку съ твердостью Муція и всходилъ на эшафотъ спокойнымъ шагомъ и съ ровнымъ пульсомъ Альджернона Сидни.

Въ Нункомарѣ національный характеръ выражался сильно и преувеличенно. Агенты компаніи нѣсколько разъ ловили его въ самыхъ преступныхъ интригахъ. Въ одномъ случаѣ онъ взвелъ на другаго индуса ложное обвиненіе и пытался подтвердить его фальшивыми документами. Въ другомъ случаѣ открыли, что, выражая наружно самую сильную привязанность къ англичанамъ, онъ въ то же время принималъ участіе въ нѣсколькихъ направленныхъ противъ нихъ заговорахъ и, въ особенности, что онъ былъ посредникомъ, черезъ руки котораго проходила переписка между делійскимъ дворомъ и французскими властями въ Карнатикѣ. За эти и другія подобныя продѣлки онъ долгое время содержался въ тюрьмѣ. Но дарованія и вліяніе доставили ему не только освобожденіе, но даже извѣстную степень уваженія между британскими властителями Индіи.

Клайвъ былъ чрезвычайно нерасположенъ поставить мусульманина во главѣ бенгальской администраціи. Съ другой стороны, онъ не могъ рѣшиться предоставить огромную власть человѣку, неразъ обличенному во всякаго рода низостяхъ. Поэтому, не смотря на то, что набобъ, на котораго Нункомаръ, интригами, приобрѣлъ большое вліяніе, просилъ вручить управленіе хитрому индусу,—Клайвъ, послѣ нѣкотораго колебанія, честно и благора-

зумно рѣшился въ пользу Магометъ-Риза-Хана, уже семь лѣтъ занимавшаго свою высокую должность, когда Гастингсъ сдѣлался губернаторомъ. Набобомъ былъ теперь малолѣтній сынъ Миръ-Джеффира, и опека надъ особою молодого принца была поручена министру.

Нункомаръ, побуждаемый одновременно и алчностью, и злобою, постоянно пытался подкопаться подъ своего счастливаго соперника. Это было не трудно. Доходы Бенгала, подъ управленіемъ, установленнымъ Клайвомъ, не доставляли, за вычетомъ издержекъ, такой суммы, какой ожидала компанія, потому что въ это время въ Англии были распространены самыя нелѣпыя понятія о богатствѣ Индіи. Дворцы изъ порфира, увѣшанные самою богатою парчею, груды жемчуга и брилліантовъ, своды изъ-подъ которыхъ золотую монету выгребали четверниками — вотъ картины, наполнившіе воображеніе даже дѣльныхъ людей. Казалось, никто не сознавалъ несомнѣнной истины, что Индія была гораздо бѣднѣе, чѣмъ страны, которые считаются бѣдными въ Европѣ: напр. Ирландія или Португалія. Лорды казначейства и члены отъ Сити нисколько не сомнѣвались въ томъ, что Бенгалъ не только будетъ покрывать свои издержки, но будетъ давать увеличенный дивидендъ владѣльцамъ индійскихъ фондовъ и значительную помощь англійскимъ финансамъ. Эти нелѣпыя надежды обманули; и директора, довольно естественно, предпочли приписать причину своего разочарованія скорѣе дурному управленію Магометъ-Риза-Хана, чѣмъ собственному незнанію страны, ввѣренной ихъ попеченію. Они были утверждены въ своей ошибкѣ агентами Нункомара, — потому что онъ имѣлъ агентовъ даже въ Leadenhall Street. Вскорѣ послѣ прибытія своего въ Калькутту, Гастингсъ получилъ письмо, адресованное совѣтомъ директоровъ не къ бенгальскому совѣту вообще, а къ нему въ особенности. Ему приказывалось смѣнить Магометъ-Риза-Хана, арестовать его со всѣмъ семействомъ и всѣми его приверженцами и нарядить строгое слѣдствіе о всемъ управленіи провинціею. Было прибавлено, что губернаторъ сдѣлаетъ хорошо, если воспользуется при розыскахъ содѣйствіемъ Нункомара. Пороки Нункомара были признаны;

но говорилось, что изъ самыхъ этихъ пороковъ можно въ подобномъ случаѣ извлечь много пользы, и, хотя не безопасно на него полагаться, однако не мѣшаетъ поощрять его надеждами на награду.

Губернаторъ не былъ расположенъ къ Нункомару. Много лѣтъ до того они знали другъ друга въ Муршедабадѣ; тогда возникла между ними ссора, которую вся власть ихъ начальниковъ едва успѣла затушить. Не смотря на огромное различіе между этими двумя людьми, они походили другъ на друга въ одномъ отношеніи — оба были отъ природы злопамятны. Съ другой стороны, къ Магометъ-Риза-Хану Гастингсъ не питалъ вражды. Тѣмъ не менѣе онъ приступилъ къ исполненію инструкціи компаніи съ такою поспѣшностью, какую показывалъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда инструкция вполне согласовалась съ его собственными видами. Онъ, какъ намъ кажется, благоразумно рѣшился ниспровергнуть систему двойнаго управленія Бенгала. Приказанія директоровъ доставили ему средства къ выполненію этого намеренія и освободили его отъ необходимости обсуждать дѣло въ своемъ совѣтѣ. Онъ принялъ мѣры со своею обычною энергіею и ловкостью. Въ полночь дворецъ Магометъ-Риза-Хана въ Муршедабадѣ былъ окруженъ баталіономъ сипаевъ. Министра разбудили и объявили ему, что онъ арестованъ. Онъ съ мусульманскою важностью преклонилъ голову и покорился волѣ Божіей. Онъ палъ не одинъ. Одному вождю, по имени Шитавъ-Рою ввѣрено было управленіе Багаронъ. Его мужество и привязанность къ англичанамъ неоднократно были доказаны самымъ очевиднымъ образомъ. Въ тотъ достопамятный день, когда жители Патны съ высоты своихъ стѣнъ увидѣли всю армію могола, разсѣянную малымъ отрядомъ капитана Нокса, — голосъ британскихъ побѣдителей приписалъ пальму храбрости славному азіатцу. «Никогда не случалось мнѣ, — сказалъ Ноксъ, представляя Шитавъ-Рою, покрытаго кровью и пылью, английскимъ чиновникамъ, собраннымъ въ факторіи, — никогда не случалось мнѣ видѣть до сихъ поръ, чтобы туземецъ такъ сражался». Шитавъ-Рой палъ вѣстѣ съ Магометъ-Риза-Ханомъ, былъ отставленъ отъ должности и посаженъ подѣ

арестъ. Члены совѣта были извѣщены объ этихъ дѣйствіяхъ лишь тогда, когда арестанты находились уже на пути въ Калькутту.

Слѣдствіе о дѣйствіяхъ министра было, подъ различными предлогами, отложено. Магометь-Риза-Хана держали въ легкомъ заключеніи въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ. Между тѣмъ, большое преобразование, задуманное Гастингсомъ, приводилось въ исполненіе. Должность министра была уничтожена; внутреннее управленіе передано въ руки служителей компаніи. Была установлена система гражданскаго и уголовнаго суда подъ вѣдѣніемъ англичанъ,—система, правда, весьма несовершенная. Набоубъ не долженъ былъ долѣе пользоваться даже наружнымъ участіемъ въ управленіи; но ему все-еще предоставлялась значительная пенсія, и онъ былъ облеченъ вѣщиностью господства. Такъ какъ онъ былъ ребенокъ, то необходимо было поставить опекуновъ какъ надъ его лицомъ, такъ и надъ его имуществомъ. Онъ самъ былъ порученъ одной женщинѣ изъ гарема своего отца, известной подъ именемъ Монни-Бегомъ. Въ должность казначея двора былъ назначенъ сынъ Нункомара, по имени Гурдасъ. Въ услугахъ Нункомара нуждались, но не могли безопасно предоставить ему власть; и Гастингсъ счелъ образцомъ политическаго искусства — наградить способнаго, но безчестнаго отца, возвышая его безвреднаго сына.

Когда реформа была окончена, двойное управленіе уничтожено, компанія облечена полною властью надъ Бенгаломъ,—Гастингсъ не имѣлъ уже причинъ строго поступать съ бывшими министрами. Судъ откладывался подъ различными предлогами до полнаго введенія новой организаціи. Затѣмъ уже арестанты были приведены передъ комитетъ, въ которомъ предсѣдательствовалъ губернаторъ. Шитавъ-Рой былъ поспѣшно и съ честью оправданъ. Предъ нимъ формально извинились въ стѣсненіяхъ, которымъ онъ подвергся. Ему были оказаны всѣ восточные знаки уваженія. Его одѣли въ парадное платье, подарили драгоценностями и слономъ въ богатой сбруѣ и съ торжествомъ отправили назадъ въ Патну. Но здоровье его потерпѣло отъ заключенія; его гордый духъ былъ жестоко уязвленъ и вскорѣ послѣ освобожденія Шитавъ-Рой умеръ съ горя.

Невинность Магометъ-Риза-Хана не была столь же ясно доказана. Но губернаторъ не былъ расположенъ поступать строго. Послѣ продолжительнаго засѣданія, въ которомъ Нункомаръ принялъ на себя роль обвинителя и выказалъ отличившія его искусство и закоренѣлую ненависть, Гастингсъ объявилъ, что обвинительные пункты не доказаны и приказалъ освободить павшаго министра.

Нункомаръ имѣлъ въ виду уничтожить мусульманское владѣтельство и возвыситься на его развалинахъ. Ненависть и алчность его были равно обмануты. Гастингсъ сдѣлалъ его своимъ орудіемъ и воспользовался имъ, чтобы перенести управленіе изъ Муршедабада въ Калькутту, передать его изъ рукъ туземцевъ въ руки европейцевъ. Соперникъ, врагъ, которому Нункомаръ такъ долго завидовалъ, котораго онъ такъ непримиримо преслѣдовалъ, былъ отпущенъ безъ наказанія. Мѣсто, котораго браминъ такъ долго и горячо желалъ, было уничтожено. Естественно, что съ этого времени губернаторъ сдѣлался предметомъ самой сильной ненависти мстительнаго брамина. Но куда было, однако, необходимо подавлять подобныя чувства. Должно было настать время, когда этой продолжительной враждѣ суждено было окончиться отчаянною и смертельною борьбою.

Между тѣмъ Гастингсъ былъ принужденъ обратить свое вниманіе на виѣшнія дѣла. Цѣлью его тогдашней политики было просто пріобрѣтеніе денегъ. Финансы правленія находились въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго онъ рѣшился выйти во что бы то ни стало, прибѣгая ко всякимъ средствамъ — хорошимъ или дурнымъ. Принципъ, руководившій имъ во всѣхъ сношеніяхъ съ сосѣдами, вполне выражается стариннымъ девизомъ одной изъ великихъ разбойничьихъ фамилій Тивіотделя «прежде, чѣмъ я буду нуждаться, будешь нуждаться ты». Кажется, что онъ положилъ себѣ основнымъ правиломъ, совершенно неоспоримымъ, что если у него не окажется столько лаковъ рупій, сколько будетъ нужно для общественнаго управленія, то ему слѣдуетъ взять ихъ у кого бы то ни было. Въ извиненіе Гастингсу можно привести только одно. Директора тѣснили его изъ Англіи такъ сильно, что противостать

имъ могъ только человѣкъ высшей добродѣтели; Гастингсу оставался только выборъ между двумя крайностями: или рѣшиться на великія несправедливости, или отказаться отъ своей высокой должности, а вмѣстѣ съ нею и отъ всѣхъ надеждъ на богатство и возвышеніе. Совершенно справедливо, что директора никогда не предписывали преступленія и не одобряли его. Напротивъ: всякій, рассматривающій директорскія предписанія этого времени, найдетъ въ нихъ много справедливыхъ и гуманныхъ чувствъ, много превосходныхъ наставленій, словомъ — прекрасный курсъ политической науки. Но всякое наставленіе измѣнялось или уничтожалось требованіемъ денегъ. «Управляйте кротко и присылайте больше денегъ; соблюдайте строгую справедливость и умѣренность въ отношеніи къ сосѣднимъ государствамъ и присылайте больше денегъ»: вотъ настоящее содержаніе почти всѣхъ инструкцій, которыя Гастингсъ получалъ изъ Англіи. Но эти инструкціи, будучи объяснены, значатъ просто: «Будьте отцомъ и притѣснителемъ народа; будьте справедливы и несправедливы, умѣренны и алчны.» Директора поступали въ отношеніи къ Индіи такъ же, какъ церковь, въ доброе старое время, поступала съ еретиками. Она предавала свои жертвы палачамъ съ настоятельною просьбою, чтобы въ отношеніи къ нимъ была выказана возможная нѣжность. Мы отнюдь не подозреваемъ и не обвиняемъ въ притворствѣ людей, писавшихъ эти депеши. Вѣроятно, что, находясь въ разстояніи пятнадцати тысячъ миль отъ страны, въ которой должно было выполнять ихъ приказанія, директора никогда не замѣчали своей грубой непослѣдовательности. Но эта непослѣдовательность тотчасъ же выказывалась ихъ намѣстнику въ Калькуттѣ, который, при пустой казнѣ, при неудовлетворенной жалованьемъ арміи, при дурныхъ жатвахъ и ежедневномъ бѣгствѣ котораго-нибудь изъ откупщиковъ податей, очень часто не получалъ во-время своего собственного жалованія, а между тѣмъ отъ него требовали, чтобы онъ непременно прислалъ въ Англію еще полмилліона. Гастингсъ видѣлъ, что ему рѣшительно необходимо оставлять безъ вниманія или нравственныя наставленія, или денежныя требованія тѣхъ, на службѣ которыхъ онъ находился. Принужденный быть непо-

слушнымъ въ чемъ-нибудь, онъ долженъ былъ обдумать, какого рода непослушаніе они скорѣ простятъ, и разсудилъ очень вѣрно, что всего безопаснѣе пренебречь проповѣдями и отыскать рупіи.

Умъ, столь плодовитый и притомъ такъ мало стѣсняемый сомнѣніями совѣсти, вскорѣ нашелъ нѣсколько способовъ помочь финансовому затрудненію правленія. Пенсія набоба бенгальскаго была, почеркомъ пера, уменьшена съ 320,000 фунтовъ на половину этой суммы. Компанія прежде обязалась вносить ежегодно великому моголу около 300 т. фунтовъ вассальной подати съ провинцій, которыя онъ поручилъ ся управленію; англичане, сверхъ того, уступили ему округи Кору и Аллахабадъ. Подъ предлогомъ, что моголъ не былъ дѣйствительно независимъ, но служилъ только орудіемъ въ рукахъ другихъ, Гастингсъ рѣшился взять назадъ эти уступки. Согласно этому онъ объявилъ, что англичане перестаютъ платить дань, и отправилъ войска для занятія Аллахабада и Кору. Положеніе этихъ провинцій было такое, что удержаніе ихъ за собою потребовало бы значительныхъ издержекъ и принесло бы мало пользы. Гастингсъ, нуждавшійся въ деньгахъ, а не въ территоріи, рѣшился ее продать. Покупщикъ нашелся. Богатая Аудская провинція, при общемъ распаденіи имперіи могола, досталась на долю великому мусульманскому дому, которымъ она управляется и дониндѣ. Лѣтъ двадцать тому назадъ домъ этотъ принялъ, съ разрѣшенія британскаго правительства, королевскій титулъ; но во времена Воррена Гастингса магометане Индіи смотрѣли бы на подобное приязнаніе какъ на чудовищное святотатство. Хотя властитель Ауда и былъ независимъ, однако не рѣшился присвоить себѣ титулъ верховнаго государя. Къ имени набоба или вице-короля онъ присоединилъ титулъ визиря индустанской монархіи,—точно такъ же, какъ въ прошедшемъ столѣтіи курфирсты саксонскій и бранденбургскій, хотя и независимые отъ императора и часто поднимавшіе противъ него оружіе, съ гордостью титуловали себя его великимъ камергеромъ и великимъ маршаломъ. Суджа-Даула, бывшій тогда набобомъ-визиремъ, находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ англичанамъ. Казна его была

✱

велика. Аллахабадъ и Кора, по своему положенію, могли быть ему полезны, тогда какъ для компаніи они не представляли никакихъ выгодъ. Покупщикъ и продавецъ скоро сошлись въ дѣлѣ, и провинціи, отнятыя у могола, были переданы аудскому правительству за сумму около полумилліона фунтовъ стерлинговъ.

Но визирю и губернатору оставалось еще рѣшить другой, болѣе важный вопросъ: судьбу храбраго народа. Рѣшеніе это оставило вѣчное пятно на славѣ Гастингса и Англій.

Жители центральной Азіи были всегда, относительно обитателей Индіи, тѣмъ же, чѣмъ войны германскихъ лѣсовъ были относительно подданныхъ упадавшей римской монархіи. Темнокожій, слабый и робкій индусъ боязливо избѣгалъ борьбы съ сильными мышцами и мужественнымъ духомъ бѣлаго племени, обитавшаго по ту сторону горныхъ проходовъ. Есть причины полагать, что въ періодъ, предшествовавшій разсвѣту исторіи, народъ, говорившій богатымъ и гибкимъ санскритскимъ языкомъ, пришелъ изъ странъ, лежащихъ далеко за Гиѳазисомъ и Гиѳастаспомъ, и наложилъ свое иго на коренныхъ обитателей этой земли. Достоверно, что въ теченіе послѣднихъ десяти столѣтій рядъ завоевателей спускался съ Запада на Индустанъ; никогда потокъ завоеваній не направлялся обратно къ заходящему солнцу, до той самой достопамятной кампаніи, въ которую крестъ св. Георгія былъ водруженъ на стѣнахъ Гизни.

Самые императоры Индустана пришли съ той стороны великаго горнаго хребта и всегда держались обычая пополнять свою армію изъ того крѣпкаго и неустрашимаго племени, изъ котораго возникъ ихъ собственный знаменитый родъ. Между военными искателями приключеній, привлеченными подъ знамена могола изъ окрестностей Кабула и Кандагара, отличалось нѣсколько храбрыхъ шаекъ, извѣстныхъ подъ именемъ рошловъ. Заслуги ихъ были вознаграждены обширными пространствами земли—ленами копья, если можно употребить выраженіе, заимствованное изъ сроднаго порядка вещей; земли эти находились въ той плодородной равнинѣ, по которой Рамгонга течетъ со сѣверныхъ высотъ Комаона для впаденія въ Гангъ. Въ

общей безурядицѣ, послѣдовавшей за смертью Ауренгзеба, воинственная колонія сдѣлалась на дѣлѣ независимою. Роиллы отличались отъ прочихъ жителей Индіи особенною бѣлизною кожи. Болѣе лестнымъ отличіемъ ихъ было мужество на войнѣ и искусство въ мирныхъ занятіяхъ. Въ то время, какъ анархія свирѣпствовала отъ Лагора до мыса Коморина, ихъ небольшая земля, огражденная храбростью своихъ жителей, наслаждалась благодѣяніями мира. Въ ней процвѣтали земледѣіе и торговля; жители не пренебрегали даже краснорѣчіемъ и поэзіею. Много изъ живущихъ еще понинѣ людей слышали, въ молодости, какъ старики съ сожалѣніемъ говорили о тѣхъ золотыхъ дняхъ, когда авганскіе князья управляли въ долинѣ Роилкондской.

Суджа-Даула желалъ во что бы то ни стало присоединить этотъ богатый округъ къ своимъ владѣніямъ. Ни дѣйствительнаго, ни даже мнимаго права онъ на него не имѣлъ. Притязаніе его были не основательнѣе притязаній фамиліи Бонапартовъ на Испанію. Роиллы владѣли своею страню совершенно на томъ же основаніи, на которомъ онъ княжилъ въ Аудѣ, и управляли родиною гораздо лучше, чѣмъ его собственная страна была когда-либо управляема. Къ тому же, роиллы не были народомъ, напасть на который было совершенно безопасно. Правда, страна ихъ была открытая равнина, лишенная естественныхъ защитъ; но въ жилахъ роилловъ текла горячая кровь Авганистана. Какъ солдаты, они не имѣли той стойкости, которая рѣдко встрѣчается иначе, какъ въ сопровожденіи строгой дисциплины; но стремительную храбрость свою они доказали на многихъ поляхъ сраженія. Говорили, что ихъ вожди, будучи соединяемы общею опасностью, могли вывести въ поле восемьдесятъ тысячъ человекъ. Суджа-Даула самъ видѣлъ, какъ они сражаются, и благоразумно избѣгалъ столкновенія съ ними. Въ Индіи была одна армія, и только одна, противъ которой не могли устоять даже эти гордые кавказскія племена. Достаточно было доказано, что противъ англійскаго искусства и англійской рѣшительности не могли устоять ни въ десять разъ превосходное число непріятелей, ни воинственный пылъ самыхъ смѣлыхъ азійскихъ народовъ. Нельзя ли губернатору Бенгала отдать вънаимы непреодолимую энергію господству-

ющаго племени; искусство, передъ которымъ самые способные вожди Индустана оказывались беззащитными, какъ дѣти; дисциплину, которая такъ часто торжествовала надъ бѣшенными усиліями фанатизма и отчаянія; непобѣдимое британское мужество, которое никогда не бываетъ столь спокойно и непоколебимо, какъ къ концу нерѣшеннаго и убійственнаго сраженія?

Вотъ, что просилъ набобъ и на что согласился Гастингъ. Сдѣлка была скоро заключена. Каждая изъ сторонъ имѣла то, чего требовала другая. Гастингъ нуждался въ фондахъ для покрытія расходовъ по управленію Бенгаломъ и послылки денегъ въ Лондонъ, а у Суджа-Даулы былъ богатый доходъ. Суджа-Дауль хотѣлось подчинить себѣ роилловъ; Гастингъ же располагалъ единственною силою, которая могла подчинить роилловъ. Согласились, что въ распоряженіе набоба-визиря будетъ отдана англійская армія и что за эту услугу онъ заплатитъ 400,000 фунтовъ стерлинговъ и, сверхъ того, возьметъ на себя всѣ издержки на войска, пока они будутъ находиться у него на службѣ.

«Я, право, не могу понять, говоритъ достопочтенный и-ръ Глейгъ, на какихъ основаніяхъ политической или нравственной справедливости предложеніе это заслуживаетъ быть заклеяннымъ какъ безчестное». Если мы только понимаемъ значеніе словъ, то безчестно совершить дурной поступокъ за плату и дурно начать войну безъ всякаго повода. А именно въ этой войнѣ едвали окажется недостатокъ въ какомъ-либо отягчающемъ обстоятельстве. Цѣль ея была слѣдующая: лишить многочисленное населеніе, которое никогда не причиняло намъ ни малѣйшаго вреда, хорошаго управленія и подчинить роилловъ противъ ихъ воли отвратительно-скверному правительству. И это еще не все. Англія теперь нисходила далеко ниже уровня даже тѣхъ маленькихъ германскихъ государей, которые около того же времени продавали намъ войска для войны съ американцами. Гессенскій и аяшпахскій торговцы гусарами были, по крайней мѣрѣ, увѣрены въ томъ, что экспедиціи, на которыя предполагалось употребить ихъ солдатъ, будутъ ведены сообразно съ гуманными правилами войны между образованными народами. Была ли вѣроятность, что война съ роиллами будетъ ведена такимъ же

образомъ? Условился ли губернаторъ, чтобы такъ вели ея? Онъ хорошо зналъ, что—такое индійская война. Онъ хорошо зналъ, что сила, которую онъ условился передать въ руки Суджа-Даулы, будетъ, по всей вѣроятности, страшно употреблена во зло; и онъ не потребовалъ никакой гарантіи, никакого обѣщанія, что эту силою не злоупотребятъ такимъ образомъ. Онъ даже не оставилъ за собою права отказать въ содѣйствіи въ случаѣ злоупотребленія, какъ бы грубо оно не было. М-ръ Глейгъ повторяетъ бессмысленное извиненіе майора Скотта, что Гастингсъ имѣлъ право отдать внаймы англійскія войска для боини роилловъ, потому что послѣдніе были не индійскаго племени, но составляли колонію изъ отдаленной страны. А кто были сами англичане? Имъ ли было провозглашать крестовый походъ для изгнанія изъ странъ, орошаемыхъ Гангомъ, всѣхъ незваныхъ пришельцевъ? Имъ ли было утверждать, что колонистъ изъ чужихъ странъ, основывающій государство въ Индіи, есть *servi lupinum*? Что-бы они сказали, еслибы какая-либо другая держава, на томъ же основаніи и безъ малѣйшаго повода съ ихъ стороны, напала на Мадрасъ или Калькутту? Недоставало только подобной защиты, чтобы сдѣлать позоръ сдѣлки совершеннымъ. Ужасъ преступленія и лицемѣріе апологій достойны другъ друга.

Одна изъ трехъ бригадъ, изъ которыхъ состояла бенгальская армія, была послана, подъ начальствомъ полковника Чампіона, для соединенія съ силами Суджа-Даулы. Роиллы представляли свою невинность, упрашивали, предлагали большой выкупъ—напрасно. Тогда они рѣшились защищаться до послѣдней крайности. Дано было кровопролитное сраженіе. «Непріятель, говорить полковникъ Чампіонъ, выказалъ не малыя военныя познанія; невозможно описать болѣе упрямой и твердой рѣшимости, чѣмъ та, которую они показали.» Трусливый властитель Ауда бѣжалъ съ поля сраженія. Англичане были оставлены безъ поддержки; но огонь и натискъ ихъ были неотразимы. Однако, ряды роилловъ дрогнули не прежде, какъ пали ихъ отличнѣйшіе вожди, храбро сражавшіеся во главѣ своихъ войскъ. Тогда только показались набобъ-визирь и его сволочь — и послѣдшими на грабежъ лагеря своихъ славныхъ враговъ, которымъ никогда

не дерзали смотрѣть прямо въ глаза. Солдаты компаніи, приученные къ строгой дисциплинѣ, стояли въ неизмѣнномъ порядкѣ, пока ихъ презрѣнные союзники грабили шатры. Но слышались частыя восклицанія: «На нашу долю пришла вся работа, а вся выгода достается этимъ мошенникамъ!»

Тогда на прелестныя долины и города Роилконда обрушились всѣ ужасы индійской войны. Вся страна пылала огнемъ. Болѣе ста-тысячъ человѣкъ бѣжало изъ своихъ домовъ въ заразные заросли, предпочитая голодъ, лихорадку и притомъ тигровъ тиранніи того, кому англійское и христіанское правительство, изъ постыдной корысти, продало ихъ достоиніе и ихъ кровь, честь ихъ женъ и дочерей. Полковникъ Чампионъ увѣщевалъ набоба-визиря и послалъ серьезныя представленія въ фортъ Вильямъ; но губернаторъ не заключилъ условій относительно сносеба веденія войны. Онъ не побезпокоился ни о чемъ, кромѣ своихъ сорока лаковъ, и хотя онъ могъ не одобрять необузданнаго варварства Суджа-Даулы, однако не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ его дѣйствія иначе, какъ предлагая совѣтъ. Эта деликатность возбуждаетъ восторженное удивленіе достопоуочтеннаго біографа. «М-ръ Гастингсъ, говоритъ онъ, не могъ ни самъ предписывать, ни позволить начальнику войскъ компаніи предписать набобу образъ веденія войны.» Конечно, нѣтъ. М-ръ Гастингсъ долженъ былъ только грубою силою побороть мужественныя усилія невинныхъ людей, сражавшихся за свою свободу. Съ окончаніемъ ихъ вооруженнаго сопротивленія прекращались и его обязанности; ему оставалось только сложить руки и смотрѣть, какъ сожигали деревни роилловъ, убивали ихъ дѣтей и насиловали ихъ женъ. И м-ръ Глейгъ серьезно поддерживаетъ это мнѣніе? Можетъ ли быть правило проще и яснѣе того, что кто добровольно передаетъ другому неотразимую власть надъ человѣческими существами, тотъ долженъ также позаботиться, чтобы власть эта не была варварски употреблена во зло? Но мы просимъ у нашихъ читателей извиненія, что еще доказываемъ столь ясную вещь.

Слѣшивъ заключить этотъ печальный и постыдный рассказъ. Война окончилась. Лучшее населеніе Индіи было подчинено

алчному, трусливому и жестокому тирану. Торговля и земледѣіе пришли въ упадокъ. Богатая провинція, которая соблазнила корыстолюбіе Суджа-Даулы, стала самою несчастною частью даже въ его несчастныхъ владѣніяхъ. Однако, обиженный народъ еще существуетъ. Отъ времени до времени, въ отдаленныя одна отъ другой эпохи, вспыхивали молніи его давнишняго духа, и даже въ настоящее время это благородное авганское племя отличается мужествомъ, чувствомъ собственнаго достоинства, рыцарскимъ духомъ, рѣдкимъ между азіятцами, и горькимъ воспоминаніемъ о великомъ преступленіи Англии. До сего дня ихъ считаютъ лучшими изъ всѣхъ сипаевъ въ бою холоднымъ оружіемъ, и недавно было замѣчено человѣкомъ, имѣвшимъ много случаевъ для наблюденій, что единственные туземцы Индіи, которымъ совершенно справедливо можно придать названіе «джентльменовъ», встрѣчаются между роиллами.

Что-бы мы ни думали о нравственности Гастингса, нельзя отрицать, что финансовыя результаты его политики дѣлали честь его дарованіямъ. Менѣе, чѣмъ въ два года послѣ того времени, какъ онъ принялъ управленіе, онъ, не налагая на подвластный ему народъ ни одного лишняго бремени, увеличилъ ежегодный доходъ компаніи на 450,000 фунтовъ и, сверхъ того, доставилъ ей около милліона наличными деньгами. Онъ также облегчилъ финансы Бенгала, уменьшивъ расходы по содержанію арміи на 250,000 ф. въ годъ, и перенесъ это бремя на набоба аудскаго. Не подвержено сомнѣнію, что такой результатъ, если-бы онъ былъ достигнутъ честными средствами, далъ бы Гастингсу право на самую горячую благодарность его отечества, и — какими бы средствами онъ ни былъ достигнутъ—доказалъ бы, что Гастингсъ, какъ администраторъ, обладалъ великими дарованіями.

Между тѣмъ парламентъ былъ занятъ продолжительными и важными преніями о дѣлахъ Индіи. Министерство лорда Норта, въ сессію 1773 года, провело мѣру, сопровождавшуюся значительной переимѣной въ организаціи индійскаго управленія. Законъ этотъ, извѣстный подъ названіемъ *Regulating Act*, постановлялъ, чтобы бенгальское президентство имѣло контроль надъ прочими владѣніями компаній; глава этого президентства

получалъ титулъ генераль-губернатора; въ помощь ему назначалось четыре совѣтника; наконецъ въ Калькуттѣ была учреждена верховная судебная палата изъ главнаго судьи и трехъ младшихъ судей. Судъ этотъ былъ изъятъ изъ зависимости отъ генераль-губернатора и совѣта и облеченъ гражданскою и уголовною юрисдикціею въ огромныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленныхъ размѣрахъ.

Генераль-губернаторъ и совѣтники были поименованы въ самомъ актѣ и назначены на пять лѣтъ. Гастингсъ долженъ былъ быть первымъ генераль-губернаторомъ. Одинъ изъ четырехъ новыхъ совѣтниковъ, м-ръ Барвелль, опытный агентъ компаніи, находился тогда въ Индіи. Остальные трое, генераль Клеверингъ, м-ръ Монсонъ и м-ръ Франсисъ, были отправлены изъ Англіи.

Самый способный изъ новыхъ совѣтниковъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, Филиппъ Франсисъ. Сочиненія, признанныя имъ за свои, доказываютъ, что онъ обладалъ значительными свѣдѣніями и краснорѣчіемъ. Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ имъ на службѣ въ правительственныхъ мѣстахъ, приучили его къ дѣламъ. Враги Франсиса никогда не отрицали его мужественнаго и безбоязненнаго духа, а друзья его, къ несчастію, должны сознаться, что мнѣніе его о самомъ себѣ было сумазбродно высоко, что нравъ его былъ раздражителенъ, обхожденіе часто грубо и дерзко и ненависть въ высшей степени желчна и продолжительна.

Едвали возможно упомянуть объ этомъ замѣчательномъ чловѣкѣ, не коснувшись вопроса, который возбуждается его именемъ въ умѣ каждаго. Былъ ли онъ авторъ писемъ Юнуса? (1) Наше собственное твердое убѣжденіе заставляетъ насъ отвѣчать утвердительно. Очевидность факта такова, что ея было бы достаточно для произнесенія приговора въ дѣлѣ гражданскомъ и даже уголовномъ. Почеркъ Юнуса есть тотъ же весьма оригинальный почеркъ Франсиса, только слегка измѣненный. Что же касается до общественнаго положенія, занятій и связей Юнуса, то мы укажемъ на слѣдующіе важнѣйшіе факты, которые можно считать ясно доказанными. Вопервыхъ Юнусъ

(1) Одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій политической литературы Англіи. Письма эти появлялись съ 1769 по 1771 годъ.

былъ знакомъ съ техническими формами, употребительными въ канцеляріи государственнаго секретаря; въ вторыхъ, онъ хорошо зналъ дѣла военнаго управленія; въ третьихъ, въ 1770 году онъ присутствовалъ при преніяхъ въ палатѣ лордовъ и записывалъ нѣкоторыя рѣчи, въ особенности рѣчи лорда Чатама; въ четвертыхъ онъ былъ горько обиженъ назначеніемъ м-ра Чамбера на должность помощника военнаго секретаря; въ пятыхъ, онъ былъ связанъ какими-то сильными узами съ первымъ лордомъ Голландомъ. Обратимся теперь къ Франсису. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ канцеляріи государственнаго секретариата. Затѣмъ сдѣланъ былъ главнымъ дѣлопроизводителемъ военнаго управленія; онъ нѣсколько разъ упоминалъ о томъ, что въ 1770 году слышалъ рѣчи лорда Чатама, и нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей въ самомъ дѣлѣ напечатаны съ его записокъ. Онъ оставилъ нѣсто свое въ военномъ управленіи, оскорбившись назначеніемъ м-ра Чамбера. Лордъ Голландъ первый ввелъ его въ государственную службу. Вотъ пять примѣтъ, которыя мы находимъ въ Юнгуса; всѣ пять находятся и во Франсисѣ. Мы не думаемъ, чтобы какое-либо другое лицо представляло болѣе двухъ такихъ примѣтъ. Если это доказательство не рѣшаетъ вопроса, то, вообще, нельзя дѣлать никакихъ заключеній, основываясь на показаніяхъ обстоятельствъ.

Сама книга указываетъ на того же автора. Слогъ Франсиса представляетъ большое сходство со слогомъ Юнгуса; къ тому же, мы вовсе не признаемъ общепринятаго мнѣнія, что сочиненія, признанныя Франсисомъ, рѣшительно ниже анонимныхъ писемъ. Доказательство, опирающееся на низшее достоинство прочихъ сочиненій, во всякомъ случаѣ таково, что, по крайней мѣрѣ съ равною силою, можетъ быть противопоставлено каждому изъ претендентовъ, о которыхъ когда-либо упоминали,—за исключеніемъ развѣ одного Борка, который, конечно, не былъ Юнгусомъ. Наконецъ, что можно заключить изъ одного низшаго достоинства остальныхъ сочиненій. Всякій писатель долженъ же написать свое лучшее произведеніе, и различіе между этимъ лучшимъ произведеніемъ и вторымъ по достоинству можетъ быть весьма велико. Никто не скажетъ, чтобы лучшія письма Юнгуса раз-

вились достоинствомъ отъ признанныхъ сочиненій Франсиса болѣе чѣмъ три или четыре изъ трагедій Корнеля разнятся отъ остальныхъ, чѣмъ три или четыре комедіи Бенъ-Джонсона отъ остальныхъ, чѣмъ «*The Pilgrim's Progress*» отъ прочихъ твореній Бонилана, чѣмъ «*Донъ-Кихотъ*» отъ остальныхъ произведеній Сервантеса. Достоверно, что этотъ «человѣкъ съ маскою», кто бы онъ ни былъ, былъ чрезвычайно неравный писатель. Чтобы не ходить далско, ограничимся письмами, которыя подписаны именемъ Юнуса: письмо къ королю и письма къ Горну Туку представляютъ мало общаго, кромѣ жельчности, а этой приправы рѣдко недостасть въ сочиненіяхъ и рѣчахъ Франсиса.

Въ самомъ дѣлѣ, одна изъ сильнѣйшихъ причинъ къ предположенію, что Франсисъ и есть Юнусъ, — это нравственное сходство между обоими людьми. Не трудно составить себѣ довольно вѣрное понятіе о характерѣ Юнуса по тѣмъ письмамъ, которыя, за различными подписями, писаны всѣ имъ, а также и изъ сношеній его съ Вудфоллемъ ⁽²⁾ и другими. Онъ, очевидно, былъ человѣкъ, не лишенный истиннаго патриотизма и великодушія, человѣкъ, пороки котораго не были мелочнаго рода. Но онъ такъ же несомнѣнно былъ человѣкъ въ высшей степени нахальный и дерзкій, человѣкъ склонный къ злобѣ и склонный ошибочно принимать свою злобу за общественную добродѣтель. «Хорошо ли ты дѣлалъ, что предаешься гнѣву?» былъ спрошенъ въ древнія времена еврейскій пророкъ. И онъ отвѣчалъ: «Я дѣлаю хорошо.» Таковъ, очевидно, былъ нравъ Юнуса, и этой причинѣ мы приписываемъ дикую жестокость, которая позоритъ нѣкоторыя изъ его писемъ. Нѣтъ человѣка болѣе немилосердаго, чѣмъ тотъ, кто въ сильномъ самообольщеніи смѣшиваетъ свои антипатіи со своимъ долгомъ. Можно прибавить, что Юнусъ, не смотря на свой союзъ съ демократическою партією, которой враги были и его врагами, все же оставался совершенною противоположностью демократическому политику. Нападая на личности съ такою свирѣпостью, которая постоянно нарушала всѣ законы

(2) Самсонъ Вудфолль—типографъ въ Лондонѣ и издатель газеты «*The Public Advertiser*», въ которой печатались знаменитыя письма.

литературной полемики, онъ смотрѣлъ на самыя недостаточныя части старинныхъ учреждений съ уваженіемъ, доходившемъ до педантства; онъ ревностно защищалъ дѣло Ольдъ-Сарума и презрительно говорилъ капиталистамъ Манчестера и Лидса, что если имъ нужны голоса въ парламентскихъ выборахъ, то ничто не мѣшаетъ имъ закупить земель и стать свободными собственниками въ Ланкаширѣ и Йоркширѣ. Все это, почти безъ измѣненія, согласуется съ характеромъ Филиппа Франсиса.

Не удивительно, что великій анонимный писатель въ это время желалъ покинуть страну, такъ сильно потрясенную его краснорѣчіемъ. Все шло наперекоръ ему. Та партія, которую онъ, очевидно, предпочиталъ всѣмъ прочимъ, партія Джорджа Гренивилля была разсѣяна смертью ея предводителя, и лордъ Соффолькъ увлекъ большую часть ея на министерскія скамьи. Броженіе, произведенное выборами въ Мидльсексѣ, улеглось. Каждая изъ партій должна была равно возбуждать непріязнь въ Юнису. Мнѣнія его о внутреннихъ дѣлахъ государства отдаляли его отъ министерства; мнѣнія о колоніальныхъ дѣлахъ—отъ оппозиціи. При такихъ обстоятельствахъ, онъ, въ мизантропическомъ отчаяніи, бросилъ перо. Прощальное письмо его къ Вудфоллю помѣчено 19 января 1773 года. Въ немъ онъ объявляетъ, что былъ бы идиотомъ, еслибы писалъ снова; что онъ хотѣлъ оказать услугу дѣлу и публикѣ, но что оставляетъ все; что нѣтъ десяти людей, которые неуклонно дѣйствовали бы со обща по какому бы то ни было вопросу. Все, прибавляетъ онъ, одинаково низко и презрѣнно. Вы, сколько я знаю, никогда не уклонялись, и потому я всегда буду радоваться, слыша о вашемъ успѣхѣ. Таковы были послѣднія слова Юнуса. Годъ спустя послѣ этого времени Филиппъ Франсисъ находился на пути въ Бенгалъ.

Съ тремя новыми совѣтниками прибыли и судьи верховнаго суда. Главнымъ судьей былъ сэръ Эліа Импи. Это былъ старый знакомый Гастингса, и еслибы генераль-губернаторъ перешарилъ всѣ корпораціи адвокатовъ, то, вѣроятно, не нашелъ бы для себя до такой степени удобнаго орудія. Но члены совѣта отнюдь не были въ заискивающемъ расположеніи

духа. Гастингсъ сильно не взлюбилъ новый порядокъ управленія и не имѣлъ особенно высокаго мнѣнія о своихъ сотоварищахъ по совѣту. Они узнали объ этомъ и были расположены къ подозрительности и шепетильности. Когда люди находятся въ такомъ настроеніи, то всякая бездѣлица является достаточнымъ поводомъ къ спору. Члены совѣта ожидали салюта двадцатью однимъ пушечнымъ выстрѣломъ съ батареи форта Вилліамъ; Гастингсъ назначилъ имъ только семнадцать. Они вышли на берегъ не въ духѣ. Первые привѣтствія были обмѣнены съ холодной принужденностью. На слѣдующій день начался тотъ продолжительный раздоръ, который, породивъ безпорядки въ британской Индіи, былъ возобновленъ въ Англіи, и въ которомъ, съ той или другой стороны, приняли дѣятельное участіе всѣ знаменитѣйшіе государственные люди и ораторы того времени.

Гастингса поддерживалъ Барвелль. Они не всегда были друзьями. Но прибытіе изъ Англіи новыхъ членовъ совѣта, естественнымъ образомъ, тѣснѣе соединило старыхъ служителей компаніи. Клеверингъ, Монсонъ и Франсисъ образовывали большинство. Они тотчасъ же вырвали управленіе изъ рукъ Гастингса; осудили, и конечно не безъ основанія, его недавнія сдѣлки съ вабобомъ-визиремъ, отозвали изъ Ауда англійскаго агента и назначили на его мѣсто одного изъ своихъ приверженцевъ; отдали бригадѣ, покорившей несчастныхъ ромлювъ, приказаніе вернуться во владѣнія компаніи и начали строгое слѣдствіе относительно образа веденія этой войны. Затѣмъ, не смотря на возраженія генераль-губернатора, они начали пользоваться самымъ нескромнымъ образомъ своею новою властью надъ подчиненными президентствами, запутали всѣ дѣла Бомбея и вмѣшались, съ невѣроятною смѣсью опрометчивости и слабости, во внутренніе раздоры мараттскаго правительства. Въ то же самое время они нанали на внутреннее управленіе Бенгаломъ, на всю фискальную и судебную систему—систему, которая, несомнѣнно, имѣла недостатки, но которую люди, только-что пріѣхавшіе изъ Англіи, по всей вѣроятности, не могли улучшить. Реформы ихъ привели къ тому, что жизнь и состояніе лишились законной охраны, и шайки раз-

бойниковъ безнаказанно грабили и убивали даже въ самыхъ предмѣстьяхъ Калькутты. Гастингсъ продолжалъ жить въ губернаторскомъ домѣ и получать генераль-губернаторское жалованье. Онъ даже продолжалъ председательствовать въ засѣданіяхъ совѣта при отравленіи обыкновенныхъ дѣлъ, потому что противники его не могли не сознавать, что онъ зналъ многое, о чемъ они не имѣли понятія, и что онъ рѣшалъ скоро и вѣрно много вопросовъ, которые безнадежно поставили бы ихъ въ тупикъ. Но высшая правительственная власть и самое важное право — назначать чиновниковъ на мѣста — были у него отняты.

Туземцы вскорѣ это замѣтили. Они почли его за павшаго человѣка и начали дѣйствовать по своему обыкновенію. Нѣкоторые изъ нашихъ читателей могли видѣть въ Индіи тучу вороновъ, заклеывающихъ до смерти большаго ястреба: это не дурной образецъ того, что случается въ этой странѣ, какъ только счастье покидаетъ человѣка, имѣвшаго власть и внушавшаго страхъ. Въ одно мгновеніе всѣ сикофанты, которые недавно еще были для него готовы лгать, поддѣлывать документы, сводничать, отравлять, спѣшать теперь купить милость его побѣдителей цѣною доносовъ на своего прежняго патрона. Правительству въ Индіи стоитъ только дать понять, что оно желаетъ гибели такого-то человѣка, и черезъ двадцать четыре часа оно будетъ снабжено важными обвиненіями, опирающимися на показанія столь полныя и подробныя, что всякій человѣкъ, непривычный жъ азійской лжи, почелъ бы ихъ рѣшительными. Хорошо еще, если подпись заранѣе назначенной жертвы не поддѣлана подъ какимъ-нибудь незаконнымъ договоромъ и если какой-нибудь документъ, обличающій человѣка въ измѣнѣ, не подсушить куда-нибудь въ потаенное мѣсто его дома. Гастингса почитали теперь беззащитнымъ. Власть возвысить или свергнуть всякаго человѣка въ Бенгалѣ, казалось, перешла въ руки новыхъ совѣтниковъ. Мгновенно посыпались обвиненія противъ генераль-губернатора. Ихъ принимало съ живою радостью большинство совѣта, которое — надо отдать ему справедливость — состояло изъ людей слишкомъ благородныхъ, чтобы сознательно покровительствовать ложнымъ доносамъ, но которое не было

достаточно знакомо съ Востокомъ и не знало, что въ этой части свѣта самое ничтожное поощреніе со стороны правительства можетъ вызвать въ недѣлю болѣе Отсовъ, Бедло и Данджерфильдовъ, чѣмъ ихъ появится въ Вестминстерѣ въ цѣлое столѣтіе.

Было бы, въ самомъ дѣлѣ, странно, еслибы при подобномъ стеченіи обстоятельствъ Нункомаръ остался въ бездѣйствіи. Этого порочнаго человѣка побуждали одновременно злоба, алчность и честолюбіе. Теперь настало время отомстить своему старому врагу, удовлетворить семнадцати-лѣтней жадѣ мести, упрочить за собою милость большинства въ совѣтѣ, сдѣлаться самымъ великимъ изъ туземцевъ Бенгала. Со времени прибытія новыхъ совѣтниковъ, онъ явно за ними ухаживалъ и, вслѣдствіе того, былъ самымъ обиднымъ образомъ устраненъ изъ губернаторскаго дома. Теперь онъ, съ большою торжественностью, вручилъ Франсису бумагу, заключающую въ себѣ нѣсколько чрезвычайно важныхъ обвиненій. Этимъ документомъ Гастингсъ обвинялся въ продажѣ должностей и въ томъ, что за деньги освобождалъ преступниковъ отъ наказанія. Въ особенности указывалось на то, что Магометь-Риза-Ханъ остался безнаказаннымъ будто бы вслѣдствіе того, что заплатилъ генераль-губернатору большую сумму денегъ.

Франсисъ прочелъ бумагу въ совѣтѣ. Послѣдовалъ жаркій споръ. Гастингсъ въ горькихъ выраженіяхъ жаловался на образъ дѣйствія своихъ противниковъ, презрительно отзывался о Нункомарѣ и его обвиненіяхъ и отрицалъ, чтобы совѣтъ имѣлъ право судить губернатора. Въ слѣдующее засѣданіи совѣта была представлена другая бумага отъ Нункомара. Онъ просилъ позволенія явиться въ совѣтъ для того, чтобы доказать взведенныя обвиненія. Это породило другое бурное преніе. Генераль-губернаторъ утверждалъ, что комната совѣта не мѣсто для подобнаго розыска; что отъ людей, разгоряченныхъ ежедневными столкновеніями съ нимъ, онъ не можетъ ожидать справедливости судей и что, не унижая достоинства своей должности, онъ не можетъ подчиниться очной ставкѣ съ такимъ человѣкомъ, каковъ Нункомаръ. Большинство рѣшилось, однако, рассмотреть обвиненія. Гастингсъ

всталъ, объявилъ засѣданіе оконченнымъ и оставилъ комнату въ сопровожденіи Барвелля. Остальные члены остались на своихъ мѣстахъ, объявили себя совѣтомъ, назначили председателемъ Клеверинга и велѣли призвать Нункомара. Послѣдній не только не отступился отъ своихъ прежнихъ обвиненій, но, по восточному обыкновению, значительно ихъ умножилъ. Онъ показывалъ, что Гастингсъ получилъ значительную сумму денегъ за назначеніе Раджа - Гурдаса казначеемъ набоба и за порученіе его высочества попеченіямъ Монни - Бегомъ. Онъ представилъ, въ подтвержденіе своего разказа, письмо, за печатью, какъ онъ увѣрялъ, Монни - Бегомъ. Печать, была ли она поддѣльная, какъ утверждалъ Гастингсъ, или истинная—что вѣроятіе—ничего не доказывала. Нункомару,— въ этомъ не усомнится никто, знающій Индію, — стоило только сказать Монни-Бегомъ, что такое письмо доставитъ удовольствіе большинству совѣта, чтобы получить ея свидѣтельство. Однако, большинство положило, что обвиненіе доказано, что Гастингсъ получилъ взятку отъ тридцати до сорока тысячъ фунтовъ и что его слѣдуетъ принудить къ уплатѣ этой суммы.

Общее чувство между англичанами въ Бенгалѣ сильно клонилось въ пользу генералъ-губарнатора. По способности къ дѣламъ, по знанію страны, по вѣжливости обращенія онъ стоялъ рѣшительно выше своихъ притѣснителей. Служители компаніи были, естественно, склонны принять сторону самаго замѣчательнаго члена изъ своей среды противъ чиновника военнаго управленія, который, совершенно незнакомый съ языкомъ и характеромъ туземцевъ, рѣшился направлять всѣ отрасли администраціи. Однако Гастингсъ, не смотря на общую симпатію своихъ соотечественниковъ, находился въ весьма непріятномъ положеніи. Оставалась еще апелляція передъ высшую власть въ Англіи. Но если эта власть приметъ сторону его враговъ, то ему останется только отказаться отъ своей должности. Поэтому онъ переслалъ своему агенту въ Лондонѣ, полковнику Маклину, просьбу объ отставкѣ. Но Маклину дана была инструкція не подавать просьбы иначе, какъ если будетъ вполнѣ дознано, что располо-

женіе компанейскаго управленія неблагопріятно генераль-губернатору.

Казалось, торжество Нункомара было совершенное. Онъ ежедневно принималъ гостей, и соотечественники его стекались толпами; однажды соблаговолило посѣтить его и большинство совѣта. Домъ его сталъ конторою для приѣма обвиненій противъ генераль-губернатора. Говорили, что частью угрозами, частью ласкательствомъ подлый браминъ убѣдилъ многихъ богатѣйшихъ людей провинціи подать жалобы. Но онъ игралъ въ отчаянную игру. Не безопасно было довести до крайности чело-вѣка столь находчиваго и столь рѣшительнаго, какъ Гастингсъ. Нункомаръ, со всею своею прозорливостію, не понималъ сущности тѣхъ учрежденій, подъ которыми жилъ. Онъ видѣлъ, что на его сторонѣ было большинство того собранія, которое заключало договоры, давало мѣста, собирало подати. Но раздѣленіе политическихъ и судебныхъ функцій было вещью, о которой онъ не имѣлъ и понятія. Вѣроятно, ему никогда не приходило въ голову, что въ Бенгалѣ была власть, совершенно независимая отъ совѣта,—власть, могшая защитить чело-вѣка, котораго совѣтъ желалъ погубить, и послать на висѣлицу того, кому совѣтъ покровительствовалъ. Однако, оно было такъ. Верховный судъ, въ сферѣ своихъ собственныхъ обязанностей, былъ совершенно независимъ отъ правительства. Гастингсъ, съ обыкновенною своею прозорливостію, сознавалъ, сколько пользы онъ могъ извлечь изъ обладанія этою цитаделюю, и поступилъ согласно съ тѣмъ. Судьи, въ особенности главный судья, были враждебны большинству совѣта. Теперь настало время привести въ дѣйствіе эту могущественную машину.

Калькутта была внезапно поражена извѣстіемъ, что Нункомаръ арестованъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи, преданъ суду и заключенъ въ общую тюрьму. Преступленіе, въ которомъ его обвиняли, состояло въ поддѣлкѣ, шесть лѣтъ тому назадъ, обязательства. Номинальнымъ обвинителемъ былъ одинъ туземецъ. Не тогда, равно какъ и теперь, убѣжденіе всякаго, за исключеніемъ идиотовъ и біографовъ, было и есть, что истиннымъ двигателемъ дѣла былъ никто иной, какъ Гастингсъ.

Бѣшенство большинства достигло высшей степени. Оно протестовало противъ дѣйствій верховнаго суда и послало въ него нѣсколько настоятельныхъ требованій, чтобы Нункомаръ былъ освобожденъ на поруки. Судьи отвѣчали надмѣнно и рѣшительно. Совѣтъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что осыпалъ семейство Нункомара почестями и денежными наградами. Между тѣмъ начались ассизы; обвиненіе было признано основательнымъ; Нункомаръ былъ приведенъ передъ сэра Элію Импи и передъ судъ присяжныхъ, составленный изъ англичанъ. Пропастъ противорѣчащихъ показаній подъ присягой и необходимость переводить каждое слово свидѣтелей невѣроятно продлили судъ. Наконецъ Нункомаръ былъ признанъ виновнымъ, и главный судья произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ.

М-ръ Глейгъ до такой степени несвѣдуещъ, что воображаетъ, будто судьи не имѣли дальнѣйшей въ этомъ дѣлѣ власти и будто право распространить на Нункомара помилованіе принадлежало совѣту. Поэтому, онъ виняетъ Франсису и его партію всю вину въ томъ, что послѣдовало. Мы думаемъ, что господинъ, напечатавшій пять или шесть полновѣсныхъ томовъ о дѣлахъ Индіи, могъ бы взять на себя трудъ ознакомиться съ коренными основаніями индійскаго управленія. Верховному суду принадлежало, во время дѣйствія *Regulating Act's*, право отлагать исполненіе приговора надъ преступникомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ извѣстна воля короны. Совѣтъ же не имѣлъ въ то время права вѣшываться въ судопроизводство.

Намъ кажется совершенно яснымъ, что Импи слѣдовало отсрочить казнь Нункомара. Можно спросить, было ли законно все производство. Но достоверно, что—каковъ бы ни былъ, по научному толкованію, смыслъ статута, на основаніи котораго производился судъ — вѣшать индуса за составленіе ложнаго документа было крайне несправедливо. Законъ, постановившій въ Англии смертную казнь за этого рода преступленія, былъ установленъ безъ малѣйшаго отношенія къ состоянію общества въ Индіи. Онъ не былъ извѣстенъ туземцамъ. Онъ никогда не былъ прилагаетъ къ нимъ,—конечно, не за недостаткомъ виновныхъ. Онъ въ высшей степени оскорблялъ ихъ

*

понятія. Они не привыкли къ тому различію, которое мнѣтѣя обстоятельства, свойственныя нашему обществу, заставили установить между составленіемъ фальшивыхъ документовъ и прочими родами обмана. Поддѣлка печати, по мнѣнію туземцевъ, принадлежала къ разряду обыкновеннаго надувательства, и никогда не приходило имъ на умъ, что она можетъ подвергнуться столь же строгому наказанію, какъ разбой цѣлою шайкою или убійство. Справедливый судья несомнѣнно представилъ бы дѣло разсмотрѣнію монарха. Но Импи и слышать не хотѣлъ о помилованіи или отсрочкѣ.

Волненіе между всѣми классами было велико. Франсисъ и немногіе англичане, приверженцы Франсиса, отзывались о генераль-губернаторѣ и главномъ судѣ какъ о худшаго рода убійцахъ. Клевверингъ, говорятъ, поклялся, что хотя бы даже у подножія висѣлицы, но Нункомаръ будетъ освобожденъ. Масса европейскаго общества, не смотря на сильную привязанность свою къ генераль-губернатору, не могла не чувствовать состраданія къ человѣку, который, при всѣхъ своихъ преступленіяхъ, такъ долго занималъ видное мѣсто въ ихъ глазахъ, который былъ великъ и могущественъ еще до существованія британскаго владычества въ Индіи и у котораго въ прежнія времена губернаторы и члены совѣта—тогда простые коммерческіе факторы—заскивали покровительства. Чувство индусовъ было несравненно сильнѣе. Они, конечно, не были народъ, готовый нанести хотя одинъ ударъ за своего соотечественника. Но приговоръ надъ нимъ исполнилъ ихъ смущенія и страха. Даже по ихъ низкимъ понятіямъ о нравственности Нункомаръ былъ дурной человѣкъ. Но какъ бы дурень онъ ни былъ, онъ все-таки былъ глава ихъ племени и религіи — браминъ браминновъ. Онъ происходилъ изъ высшей и чистѣйшей касты. Онъ исполнялъ съ величайшею точностью всѣ церемоніи, которымъ суевѣрный бенталецъ приписываетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ безукоризненному исполненію общественныхъ обязанностей. Поэтому, они чувствовали то же, что въ мрачные вѣка чувствовалъ бы ревностный католикъ при видѣ одного изъ высшихъ сановниковъ церкви, посылаемаго на висѣлицу свѣтскимъ трибуналомъ. По

ихъ старымъ народнымъ законамъ брамина нельзя было подвергнуть смертной казни ни за какое преступленіе. А преступленіе, за которое Нункомаръ вскорѣ долженъ былъ умереть, представлялось имъ почти въ томъ же свѣтѣ, въ какомъ юрксирскому жокею представляется продажа больной лошади за цѣну здоровой.

Только магометане, кажется, смотрѣли съ восторгомъ на судьбу могущественнаго индуса, пытавшагося возвыситься гибелью Магометъ-Риза-Хана. Мусульманскій историкъ того времени находить удовольствіе выставлять вину болѣе тяжкою. Онъ увѣряетъ, что въ домѣ Нункомара была найдена коробка съ поддѣльными печатами всѣхъ богатѣйшихъ людей провинціи. Мы никогда не встрѣчали подтвержденія этого разсказа, который самъ по себѣ не совсѣмъ невѣроятенъ.

День приближался, и Нункомаръ готовился умереть съ тою спокойною твердостью, съ которою бенгалецъ, столь женственно робкій въ бою и другихъ личныхъ столкновеніяхъ, часто встрѣчаетъ бѣдствія неизбѣжныя. Шерифъ, съ тѣмъ человеколюбіемъ, котораго рѣдко недостаетъ въ англійскомъ джентльменѣ, посѣтилъ Нункомара наканунѣ казни и объявилъ узнику, что ему не откажутъ ни въ какомъ облегченіи, согласномъ съ закономъ. Нункомаръ выразилъ свою благодарность съ большою вѣжливостью и неизмѣннымъ самообладаніемъ. Ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ. Онъ не испустилъ ни одного вздоха. Онъ приложилъ палецъ ко лбу и спокойно сказалъ, что судьба должна совершиться и что нельзя противиться волѣ Божіей. Онъ послалъ привѣтъ Франсису, Клеверингу и Монсону и поручилъ ихъ покровительству Раджа-Гурдаса, который долженъ былъ сдѣлаться главою бенгальскихъ браминовъ. Шерифъ удалился, сильно взволнованный этою сценою, а Нункомаръ спокойно усялся писать замѣтки и разсматривать отчеты.

На слѣдующее утро, прежде нежели солнце достигло наибольшей высоты, народъ собрался огромными массами къ тому мѣсту, на которомъ была поставлена висѣлица. Печаль и ужасъ изображались на каждомъ лицѣ; но до самаго конца толпа едва могла вѣрить, что бы англичане дѣйствительно хотѣли ли-

шить жизни великаго брамина. Наконецъ, печальное шествіе проложило себѣ дорогу сквозь толпу. Нункомаръ сѣдѣлъ въ своемъ паланкинѣ и озиралъ массы съ неизмѣннымъ спокойствіемъ. Онъ только-что разстался съ тѣми, которые были ему особенно близки. Ихъ вопли и судороги поразили ужасомъ европейскихъ исполнителей приговора, но не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на желѣзный стоицизмъ осужденнаго. Единственная забота, которую онъ выразилъ, состояла въ томъ, чтобы были люди его собственной священнической касты для принатія его тѣла. Онъ снова пожелалъ, чтобы передали его привѣтъ друзьямъ въ совѣтѣ, твердою поступью взошелъ на эшафотъ и подалъ знакъ палачу. Въ то мгновеніе, когда опустилась доска, изъ безчисленной толпы зрителей поднялся вой горести и отчаянія. Сотни отвернули лица отъ оскверняющаго зрѣлища, съ громкими воплями бѣжали къ Угли и окунулись въ священныя воды, какъ будто для того, чтобы очистить себя отъ виновности своей въ томъ, что смотрѣли на подобное преступленіе. Чувства эти не ограничивались одною Калькуттою. Вся провинція была сильно взволнована, и особенно сильно выказало горестъ и страхъ народонаселеніе Дакки.

О поведеніи Импи невозможно говорить достаточно строго. Мы уже сказали, что, по нашему мнѣнію, онъ поступилъ несправедливо, отказывая въ отсрочкѣ казни Нункомара. Ни одинъ здравомыслящій человекъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что онъ поступилъ такимъ образомъ съ цѣлью угодить генералъ-губернатору. Еслибы въ насъ возникали когда-либо сомнѣнія по этому поводу, то ихъ разсѣяло бы одно письмо, напечатанное м-ръ Глейгомъ. Гастингсъ три или четыре года позже отзывался объ Импи, какъ о человѣкѣ, «поддержкѣ котораго онъ былъ однажды обязанъ безопасностью своего состоянія, чести и репутаціи». Всѣми слова эти могутъ относиться только къ дѣлу Нункомара, и они должны значить, что Импи повѣсилъ Нункомара съ цѣлью поддержать Гастингса. Поэтому, наше обдуманное мнѣніе—то, что Импи, въ званіи судьи, несправедливо подвергъ человека смерти ради политической цѣли.

Но поведеніе Гастингса представляется намъ въ нѣсколько

инемъ свѣтѣ. Онъ боролся за свое состояніе, за свою честь, свободу,—за все, что придаетъ цѣну жизни. Онъ былъ окруженъ мстительными и безразличными врагами. Отъ сотоварищей своихъ онъ не могъ ожидать справедливости. Поэтому, нельзя осуждать его за желаніе раздавить своихъ обвинителей. Дѣйствительно, онъ долженъ былъ пользоваться для этой цѣли только законными средствами. Но не было странно, что онъ почелъ законными всѣ средства, какія признали таковыми оракулы закона, люди, которыхъ спеціальная обязанность состояла въ возстановленіи права между противниками; люди, которыхъ воспитаніе, какъ дозволялось предполагать, сдѣлало особенно способными къ исполненію этой обязанности. Никто не требуетъ отъ противниковъ непреклонной справедливости судьи. Причина, по которой назначаютъ судьи, именно и состоитъ въ томъ, что даже хорошимъ людямъ нельзя довѣрить рѣшеніе вопросовъ, въ которыхъ они сами участники. Не проходитъ дня, чтобы честный истецъ не предъявлялъ такихъ требованій, которыя можетъ исполнить только безчестный судъ. Было бы слишкомъ смѣло ожидать отъ какого-нибудь человѣка, чтобы онъ былъ справедливѣе присяжныхъ блюстителей справедливости въ то время, когда дѣло идетъ о его дражайшихъ интересахъ, когда возбуждены его сильнѣйшія страсти. Для сравненія возьмемъ сходный случай изъ исторіи нашего собственного острова. Предположимъ, что лордъ Стаффордъ, находясь въ Тоуэрѣ по подозрѣнію въ участіи въ Папистскомъ заговорѣ, узналъ бы, что Титъ Отсъ совершилъ поступокъ, который, посредствомъ сомнительнаго истолкованія, можетъ быть подведенъ подъ разрядъ уголовныхъ преступленій. Развѣ мы стали бы строго осуждать лорда Стаффорда въ предполагаемомъ случаѣ, еслибы, посредствомъ своего вліянія, онъ заставилъ открыть надъ Отсомъ слѣдствіе и судъ, еслибы онъ принялъ на себя издержки по обвиненію и употребилъ все свое вліяніе для предупрежденія помилованія отъ короны? Мы думаемъ, что нѣтъ. Конечно, еслибы судья, изъ расположенія къ католическимъ лордамъ, сдѣлалъ натяжку въ примѣненіи закона для того, чтобы повѣсить Отса, то такой судья вполнѣ заслуживалъ бы обвиненія. Но намъ кажется, что като-

лическій лордъ, представляя дѣло на рѣшеніе судьи, не перешелъ бы существенно за предѣлы правомѣрнаго самозащитенія.

Поэтому, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что эту достопамятную казнь должно приписать влиянію Гастингса, мы тѣмъ не менѣе сомнѣваемся, чтобы ее можно было справедливо причислять къ его преступленіямъ. Чтò его дѣйствіями управляла глубокая политика—это очевидно. Онъ былъ въ совѣтѣ въ меньшинствѣ. Было возможно, что въ меньшинствѣ этомъ онъ останется на долгое время. Онъ хорошо зналъ характеръ туземцевъ. Онъ зналъ, въ какомъ изобиліи обвиненія навѣрное посылаются на самаго невиннаго жителя Индіи, подпавшаго онагѣ власти. Въ цѣломъ черномъ населеніи Бенгала не было чиновника, искателя правительственнаго мѣста, арендатора правительства, который бы не воображалъ, что онъ можетъ улучшить свое положеніе, посылая показаніе противъ генералъ-губернатора. При такихъ обстоятельствахъ гонимый государственный человѣкъ рѣшился доказать цѣлой толпѣ обвинителей и свидѣтелей, что хотя онъ и принадлежитъ къ меньшинству въ совѣтѣ, но все-еще можетъ быть страшенъ. А даннаго имъ урока, дѣйствительно, нельзя было забыть. Глава составившейся противъ него коалиціи, богатѣйшій, могущественнѣйшій, самый изворотливый изъ всѣхъ индусовъ, отличенный милостью тѣхъ, въ рукахъ которыхъ находилось тогда правленіе, огражденный суевѣрнымъ уваженіемъ миліоновъ,—этотъ человѣкъ былъ повѣшенъ среди дня, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячъ народа. Все, что могло увеличить впечатлѣніе этого предостереженія, достоинство въ казнимомъ, торжественность самаго дѣйствія, соединялось въ этомъ случаѣ. Безсильная ярость и тщетныя усилія совѣта сдѣлали только побѣду болѣе рѣшительною и очевидною. Съ этого мгновенія въ каждомъ туземцѣ вкоренилось убѣжденіе, что вѣрнѣе принять сторону Гастингса въ меньшинствѣ, чѣмъ сторону Франсиса въ большинствѣ; что тотъ, кто будетъ достаточно смѣлъ, чтобы содѣйствовать низверженію генералъ-губернатора, быть можетъ, встрѣтитъ — по словамъ восточнаго поэта — тигра, охотясь въ зѣросляхъ на оленя. Голоса тысячи доносчиковъ мгновенно замокли. Съ этого времени, съ какими бы трудностями не

предстояло еще бороться Гастингсу, его по крайней мѣрѣ уже не беспокоили обвиненія индѣйскихъ туземцевъ.

Замѣчательное обстоятельство, что одно изъ писемъ Гастингса къ д-ру Джонсону помѣчено немногими часами позже смерти Нункома. Въ минуту, когда вся колонія была потрясена, когда могущественная и древняя каста священниковъ плакала надъ бранными останками своего главы, побѣдитель въ этой смертельной борьбѣ не терялъ своего характеристическаго самообладанія; онъ сѣлъ писать о «*Попѣдкѣ на Гебриды*», персидской грамматикѣ Джонса, исторіи, преданіяхъ, искусствахъ и естественныхъ произведеніяхъ Индіи.

Между тѣмъ до Лондона дошло извѣстіе о войнѣ съ роиллами и о первыхъ несогласіяхъ между Гастингсомъ и его сотоварищами. Директора приняли сторону большинства и отправили письмо, полное строгихъ замѣчаній о поведеніи Гастингса. Они осудили, въ сильныхъ, но справедливыхъ выраженіяхъ, беззаконіе начинать наступательную войну только изъ-за денежныхъ выгодъ. Но они совершенно забыли, что если Гастингсъ и приобрѣлъ денежные выгоды непозволительными средствами, то сдѣлалъ это не для себя, а для того, чтобы удовлетворить ихъ требованіямъ. Предписывать честность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовать того, чего невозможно было приобрести честнымъ образомъ, составляло въ то время постоянный обычай компаніи. Какъ леди Макбетъ говоритъ о своемъ мужѣ, директора «не желали плутовать въ игрѣ и, однако, хотѣли незаконно выигрывать».

Regulating Act, которымъ Гастингсъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ на пять лѣтъ, давалъ коронѣ право смѣнить его по представленію компаніи. Подобнаго представленія хотѣлось лорду Норту. Три члена совѣта, посланные изъ Англій, были выбраны имъ самимъ. Генералъ Клеверингъ, въ особенности, былъ поддерживаемъ обширною партіею въ парламентѣ—такою, что никакому кабинету не могло хотѣться ее оскорбить. Желаніе министра было смѣнить Гастингса и на его мѣсто во главѣ управленія поставить Клеверинга. Въ совѣтѣ директоровъ партіи были почти равносильны; одиннадцать человекъ подали голосъ

противъ Гастингса, десять—за него. Тогда созвано было собраніе собственниковъ. Большая торговая зала представляла необыкновенное зрѣлище. Секретарь казначейства разослалъ письма, въ которыхъ убѣждалъ всѣхъ сторонниковъ министерства, владельцевъ индійскихъ акцій, присутствовать на этомъ собраніи. Лордъ Сандвичъ руководилъ сторонниками правленія съ обыкновенною своею ловкостью и дѣятельностью. Пятьдесятъ веровъ и членовъ тайнаго совѣта, рѣдко появлявшіеся въ этой части Лондона, присутствовали въ толпѣ. Пренія продолжались до полуночи. Противники Гастингса имѣли небольшой перевѣсъ при раздѣленіи обѣихъ сторонъ для приблизительной оцѣнки; но потребована была баллотировка, и въ результатѣ оказалось, что генераль-губернаторъ восторжествовалъ большинствомъ свыше ста голосовъ надъ совокупными усиліями директоровъ и министерства. Министры были чрезвычайно раздражены этимъ поражениемъ. Даже лордъ Нортъ вышелъ изъ себя—что съ нимъ случалось рѣдко—и грозилъ созвать парламентъ до Рождества и внести билль, который лишилъ бы компанію политической власти и ограничилъ бы ея дѣятельность прежними предметами: торговлею чаемъ и шелкомъ.

Полковникъ Маклинъ, который ревностно поддерживалъ дѣло Гастингса въ теченіе всего этого столкновения, теперь подумалъ, что его патронъ находится въ неминуемой опасности лишиться мѣста, быть заклеяну порицаемъ парламента и, быть можетъ, даже подвергнутъ судебному преслѣдованію. Уже было спрошено мнѣніе коронныхъ юристовъ касательно нѣкоторыхъ сторонъ поведенія генераль-губернатора. Казалось, настала крайняя пора думать о приличномъ отступленіи. При такихъ обстоятельствахъ Маклинъ почелъ себя въ правѣ предъявить, по данному ему порученію просьбу объ отставкѣ. Документъ былъ написанъ не совершенно по формѣ; но директора слишкомъ обрадовались ему, чтобы быть придирчивыми. Они приняли просьбу, назначили въ преемники Гастингсу м-ра Велкера, одного изъ своей среды, и послали приказаніе, чтобы, до прибытія послѣдняго, должность генераль-губернатора исправлялъ старшій членъ совѣта, генераль Клеверингъ.

Но пока это происходило въ Англіи, въ Бенгалѣ послѣдовала важная перемена. Монсонъ не было уже въ живыхъ. Оставались только четыре члена правительства: Клевверингъ и Франсисъ на одной сторонѣ, Барвелль и генераль-губернаторъ на другой; послѣдному принадлежалъ рѣшительный голосъ. Гастингсъ, который, въ теченіе двухъ лѣтъ, былъ лишень всякой власти и всякаго права назначать на подвѣдомственные ему мѣста, сталъ внезапно полновластнымъ. Онъ тотчасъ же началъ отлачивать своимъ противникомъ. Распоряженія ихъ были измѣнены; ихъ клеветы — лишены мѣстъ. Предписано было произвести новую оцѣнку земель въ Бенгалѣ съ цѣлью распредѣленія податей; все дѣло поручено было генераль-губернатору, отъ имени котораго должны были писаться и всѣ бумаги и письма по этому предмету. Въ то же время онъ началъ обдумывать обширныя планы завоеваній и господства — планы, которыя онъ увидѣлъ осуществленными, хотя и не имъ самимъ. Проектъ его состоялъ въ заключеніи субсидіарныхъ союзовъ со второстепенными индійскими властителями, въ особенности съ аудскимъ и берарскимъ; черезъ это онъ надѣялся сдѣлать Великобританію преобладающею державою въ Индіи. Пока онъ обдумывалъ этотъ великій планъ, пришло извѣстіе, что онъ пересталъ быть генераль-губернаторомъ, что его просьба объ отставкѣ принята, что Велеръ немедленно прибудетъ и что до того времени мѣсто предсѣдателя долженъ занимать Клевверингъ.

Еслибы Гастингсъ все еще имѣлъ за собою въ совѣтѣ меньшинство, то, вѣроятно, удалился бы безъ сопротивленія. Но теперь онъ былъ истиннымъ властителемъ британской Индіи и не намѣревался оставить своего высокаго мѣста. Онъ утверждалъ, что никогда не давалъ какихъ бы то ни было инструкцій, которыми можно было оправдать принятыя въ Англіи мѣры. Гастингсъ сознавался, что забылъ точное содержаніе данныхъ имъ инструкцій; если онъ и хранилъ копію ихъ, то теперь потерялъ. Но онъ, навѣрное, нѣсколько разъ объявлялъ директорамъ, что не откажется отъ своего мѣста. Онъ не понималъ, какимъ образомъ совѣтъ директоровъ, зная эту его рѣшимость, могъ принять просьбу объ его отставкѣ изъ сомнительныхъ рукъ агента. Если же просьба его не

имѣть силы, то всё дѣйствіа, основанныя на ней, ничтожны и онъ, Гастингсъ, продолжаетъ быть генераль-губернаторомъ.

Впослѣдствіи онъ утверждалъ, что, хотя его агенты и не поступили согласно съ данными имъ инструкціями, однако онъ почелъ бы себя связаннымъ ихъ дѣйствіями, еслибы Клевверингъ не пытался овладѣть верховною властью насильно. Правда ли это или нѣтъ, — несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, то, что неосторожность Клевверинга поставила Гастингса въ выгодное положеніе. Генераль послалъ за ключами форта и казначейства, овладѣлъ архивомъ и созвалъ совѣтъ, на которомъ присутствовалъ Франсисъ. Гастингсъ въ то же время засѣдалъ въ другомъ покоѣ вмѣстѣ съ Барвеллемъ. Каждая сторона имѣла видъ права. Надъ ними не было верховной власти ближе пятнадцати тысячъ миль. Казалось, не было возможности рѣшить спора иначе, какъ вооруженною рукою, и этого способа Гастингсъ не боялся, увѣренный въ своемъ вліяніи на соотечественниковъ въ Индіи. Онъ предписалъ офицерамъ форта Вилліамъ и всѣхъ сосѣднихъ стоянокъ, чтобы они ни отъ кого, кромѣ него, не принимали приказаній. Въ то же время онъ съ удивительною разсудительностью предложилъ внести дѣло на разсмотрѣніе верховнаго суда и подчиниться его рѣшенію. Дѣлая это предложеніе, онъ ничѣмъ не рисковалъ; однакоже предложеніе это противники его едва ли могли отвергнуть. Никто не былъ бы сочтенъ преступникомъ за покорность правительству, которое судьи торжественно провозгласили законнымъ. Самый смѣлый человекъ не рѣшился бы поднять оружіе въ защиту того, что судьи провозгласили бы узурпаціею. Клевверингъ и Франсисъ, послѣ нѣкотораго отлагательства, неохотно согласились подчиниться рѣшенію суда. Судъ объявилъ, что просьба объ увольненіи отъ должности была недействительна и что, слѣдовательно, согласно съ *Regulating Act* омъ, Гастингсъ остается генераль-губернаторомъ; разбитые члены совѣта, видя, что общественное мнѣніе всего англійскаго населенія противъ нихъ, подчинились приговору.

Около того же времени прибыло извѣстіе, что послѣ тяжбы, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ, суды Франконіи утвердили, наконецъ, разводъ между Имгофомъ и его женою. Баронъ ухалъ

изъ Калькутты, съ деньгами на покупку имѣнія въ Саксоніи. Бывшая жена его стала мистрисъ Гастингсъ. По этому случаю происходили большія празднества, и всѣ знатнѣйшія особы въ Калькуттѣ, безъ различія партій, были приглашены въ губернаторскій домъ. Клеверингъ, рассказываетъ магометанскій лѣтописецъ, былъ боленъ тѣломъ и духомъ и извинился, что не можетъ присоединиться къ блестящему собранію. Но Гастингсъ, котораго успѣхъ въ любви и честолюбіи, кажется, сильно воодушевилъ, не хотѣлъ и слышать объ отказѣ. Онъ самъ отправился въ домъ генерала и, наконецъ, съ торжествомъ привелъ побѣжденнаго соперника въ веселое общество, окружавшее новобрачную. Усиліе это было слишкомъ велико для тѣла, удрученнаго огорченіями и болѣзнью. Нѣсколько дней спустя Клеверингъ умеръ.

Велеръ, который прибылъ занять мѣсто генералъ-губернатора и долженъ былъ довольствоваться мѣстомъ въ совѣтѣ, принималъ обыкновенно сторону Франсиса. Но генералъ-губернаторъ, поддерживаемый Барвеллемъ и пользуясь своимъ предсѣдательскимъ голосомъ, все-еще господствовалъ. Въ то же время произошла нѣкоторая перемѣна въ расположеніи какъ совѣта директоровъ, такъ и министровъ. Всѣ намѣренія, враждебныя Гастингсу, были оставлены, и когда кончился первоначальный пяти-лѣтній срокъ его назначенія, его спокойно вновь избрали на эту должность. Дѣло въ томъ, что при страшной опасности, угрожавшей со всѣхъ сторонъ общественнымъ интересамъ, лордъ Нортъ и компанія не желали разстаться съ губернаторомъ, котораго дарованія, опытность и рѣшительность должны были признать даже его враги.

Кризисъ былъ, дѣйствительно, страшный. Великое и побѣдоносное государство, на престолъ котораго, восемнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, Георгъ III возсѣлъ съ болѣе блестящими надеждами, чѣмъ кто-либо изъ длиннаго ряда предшествовавшихъ государей Англіи, было приведено, самымъ безразсудно-дурнымъ управленіемъ, на край гибели. Въ Америкѣ миллионы англичанъ находились въ войнѣ со страню, къ которой принадлежали по крови, языку, вѣрѣ и учрежденіямъ; со страню, къ которой еще незадолго до того они были столь же сильно привязаны,

какъ жители Норфолка и Лейстершира. Великія державы Европы, униженные и склоненныя въ прахъ силою и гениемъ, которые руководили совѣтами Георга II, радовались теперь въ ожиданіи явной отплаты. Приближалось время, когда нашъ островъ, усиливаясь придавить Соединенные Штаты Америки, угрожаемый еще ближайшею опасностью со стороны слишкомъ справедливаго неудовольствія Ирландіи, долженъ былъ испытать нападеніе Франціи, Испаніи и Голландіи и угрозу вооруженнаго балтійскаго нейтралитета; наставало время, когда опасность угрожала даже нашему владычеству на морѣ, когда непріязненные флоты господствовали на проливахъ Калпе ⁽²⁾ и на Мексиканскомъ морѣ, когда британскій флагъ едва былъ въ состояніи прикрывать британскій каналъ. Какъ ни велики были недостатки Гастингса, для нашей страны было счастьемъ, что при такомъ положеніи, самою страшномъ, въ которомъ она когда-либо находилась, онъ былъ правителемъ ея индійскихъ владѣній.

Нападенія на Бенгаль съ моря нечего было сильно опасаться. Но европейскіе враги Англіи могли вступить въ союзъ съ однимъ изъ туземныхъ государствъ, могли снабдить это государство войсками, оружіемъ и аммуниціею и такимъ образомъ напасть на наши владѣнія съ суши. Гастингсъ ожидалъ опасности преимущественно со стороны мараттовъ. Первоначально этотъ странный народъ обиталъ дикій рядъ холмовъ, простирающихся вдоль западнаго берега Индіи. Въ правленіе Ауренгзева жители этихъ странъ, подъ предводительствомъ великаго Севаджи, стали спускаться на владѣнія сосѣдей, болѣе богатыхъ и менѣе воинственныхъ. Энергія, жестокость и хитрость мараттовъ вскорѣ доставили имъ самое видное мѣсто между новыми державами, порожденными порчею распадавшейся имперіи. Сначала они были только разбойниками, но вскорѣ возвысились до степени завоевателей. Половина провинцій имперіи обратилась въ мараттскія княжества. Мародеры, происходившіе изъ низкихъ кастъ и привыкшіе къ черной работѣ, становились могущественными раджанами. Бунслы, во главѣ шайки грабителей, заняли обширныя

(2) Теперешній Гибралтарскій.

области Берара. Гвиковаръ, что въ переводѣ значить пастухъ, основалъ ту династію, которая до настоящаго времени княжитъ въ Гузератѣ. Дома Сциндіи и Холкара возвысились въ Малвѣ. Одинъ отважный предводитель свилъ себѣ гнѣздо на неприступной скалѣ Гутти. Другой сдѣлался властителемъ тысячи деревень, разбѣянныхъ между зелеными рисовыми полями Танджора.

То была въ Индіи пора двойнаго правленія. Наружная обстановка власти и самая власть были вездѣ раздѣлены. Мусульманскіе набобы, сдѣлавшіеся независимыми властителями,—визирь аудскій и низамъ гейдерабадскій,—все-еще называли себя намѣстниками дома Тамерлана. Точно такъ же и мараттскія государства, хотя и независимыя одно отъ другаго, хотѣли считаться частями одного цѣлаго; всѣ они, на словахъ и въ церемоніяхъ, признавали верховную власть наслѣдника Севаджи—*goi fainéant*, который жевалъ бетель и игралъ съ танцовщицами въ государственной тюрьмѣ въ Саттарѣ; признавали и власть его пешвы или маіордома — великаго наслѣдственнаго сановника, который держалъ въ Пунѣ царски-пышный дворъ и котораго власть признавалась въ обширныхъ областяхъ Аурунгабада и Беджапура.

Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, какъ въ Европѣ была объявлена война, бенгальское правительство было встревожено извѣстіемъ, что въ Пуну прибылъ французскій искатель приключеній, котораго считали за человѣка высокаго званія. Говорили, что его приняли тамъ съ большимъ почетомъ, что онъ вручилъ пешвѣ письма и подарки отъ Лудовика XVI и что между Франціею и мараттами былъ заключенъ договоръ, враждебный Англій.

Гастингсъ немедленно рѣшился нанести первый ударъ. Права пешвы на его званіе не были неоспоримы. Часть мараттскаго народа благопріятствовала одному претенденту. Генераль-губернаторъ рѣшился поддержать этого претендента, двинуть армию черезъ весь Индійскій полуостровъ и заключить тѣсный союзъ съ главою дома Бонслы, управлявшимъ Бераромъ и не уступавшимъ во власти и значеніи ни одному изъ мараттскихъ князей.

Армія уже двинулась, и переговоры съ Бераромъ были въ ходу, когда письмо отъ англійскаго консула въ Камрѣ принесло

извѣстіе, что война объявлена въ Лондонѣ и Парижѣ. Всѣ мѣры, которыхъ требовалъ кризисъ, были приняты Гастингсомъ безъ минуты отлагательства. Французскія факторія въ Бенгалѣ были захвачены. Въ Мадрасъ послано предписаніе немедленно занять Пондишери. Близъ Калькутты были наскоро наброшены верки, совершенно прецѣтствовавшія, какъ думали, приближенію непріятельской арміи. Была образована морская сила для защиты рѣки; набраны девять новыхъ баталіоновъ сипаевъ, и изъ сильныхъ ласкаровъ бенгальскаго залива образованъ корпусъ туземной артиллеріи. Сдѣлавъ эти распоряженія, генераль-губернаторъ со спокойной увѣренностью объявилъ, что президентство его безопасно отъ всякаго нападенія, если только вмѣстѣ съ французами не двинутся противъ него маратты.

Экспедиція, отправленная Гастингсомъ на западъ, не имѣла того быстрого и полнаго успѣха, какииъ увѣчивалась большая часть его предпріятій. Командующій офицеръ мѣшкалъ; бомбейскія начальства дѣлали ошибки. По генераль-губернаторъ не отступилъ отъ своего намѣренія. Новый командиръ поправилъ ошибки своего предшественника. Нѣсколько блестящихъ дѣлъ распространили военную славу англичанъ въ областяхъ, гдѣ прежде никогда не было видно европейскаго знамени. Вѣроятно, что если бы новая и болѣе страшная опасность не заставила Гастингса измѣнить всю свою политику, то планы его относительно мараттскаго государства были бы вполнѣ приведены въ исполненіе.

Англійскія власти благоразумно выслали въ Бенгалъ, командиромъ военныхъ силъ и членомъ совѣта, одного изъ отличнѣйшихъ воиновъ того времени. Сэръ Эйръ Кутъ, много лѣтъ передъ тѣмъ, занималъ видное мѣсто между основателями британскаго владычества на Востокѣ. На военномъ совѣтѣ, созванномъ передъ сраженіемъ при Плесси, онъ настоятельно и, притомъ, вопреки мнѣнію большинства, указывалъ на тотъ смѣлый образъ дѣйствія, который былъ принятъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и увѣнчался такимъ блестящимъ успѣхомъ. Впослѣдствіи онъ командовалъ войсками на Югѣ Индіи, противъ храбраго и несчастнаго Лалли, одержалъ рѣшительную побѣду при Вандешѣ надъ французами и ихъ туземными союзниками, взялъ Пон-

дшери и утвердилъ англійское преобладаніе въ Карнатикѣ. Но послѣ этихъ великихъ подвиговъ прошло около двадцати лѣтъ. Кутъ утратилъ тѣлесную энергію, которую выказывалъ въ прежніе дни; умственные силы его также не совершенно уцѣлѣли. Онъ былъ капризенъ и раздражителенъ; нужно было много ласкательствъ, чтобы поддерживать его въ хорошемъ расположеніи духа. Должно, кажется, прибавить, что въ немъ возрасла жадность къ деньгамъ и что онъ думалъ болѣе о своемъ содержаніи и менѣе о своихъ обязанностяхъ, нежели можно было ожидать отъ столь замѣчательнаго члена такого благороднаго сословія. Однако, онъ едвали не былъ самымъ способнымъ офицеромъ британской арміи того времени. Между туземными солдатами имя его было глубоко уважаемо, и, по вліянію своему на нихъ, онъ не имѣлъ соперника. Онъ не забыть ими даже донинѣ: отъ времени до времени можно еще встрѣтить стараго сипая съ бѣлой бородой, который любитъ рассказывать о Порто-Ново и Поллилоре. Еще недавно одинъ изъ этихъ стариковъ пришелъ представить прошеніе англійскому офицеру, занимающему одну изъ высшихъ должностей въ Индіи. На стѣнѣ висѣлъ литографированный портретъ Кута. Ветеранъ тотчасъ же узналъ лицо и фигуру, которыхъ не видалъ въ теченіе болѣе полу-столѣтія и, забывъ привѣтствовать живаго, остановился, пріосанился, поднялъ руку и торжественно отдалъ военную честь умершему.

Кутъ, хотя не соглашался постоянно, подобно Барвеллю, съ губернаторомъ, однако вовсе не былъ склоненъ стать въ систематическую оппозицію и, по большей части вопросовъ, раздѣлялъ мнѣніе Гастингса, который всячески старался удовлетворять сильнѣйшимъ страстямъ стараго солдата, усердно ухаживалъ за нимъ и, безъ всякаго затрудненія, назначалъ ему непомерное содержаніе.

Въ это время казалось, что раздоры, ослаблявшіе и унижавшіе бенгальское правительство въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, окончатся общимъ примиреніемъ. Опасность, угрожавшая странѣ, легко могла побудить патриотовъ—въ недостаткѣ патриотизма нельзя упрекнуть ни Гастингса, ни Франсиса—забыть личную вражду и дружно содѣйствовать общему благу. Кутъ никогда не

участвовалъ въ партіяхъ. Велеру онѣ вполне надѣли. Барвелл составилъ себѣ большое состояніе и хотя обѣщаль, что не оставитъ Калькутты, пока его помощь будетъ нужна въ совѣтѣ, однако очень желалъ вернуться въ Англію и старался содѣйствовать соглашенію, которое бы его освободило. Было заключено условіе, по которому Франсисъ изъявилъ готовность отказаться отъ своей оппозиціи, а Гастингсъ обязался допускать друзей Франсиса къ надлежащей долѣ служебныхъ почестей и наградъ. Послѣ этого договора въ совѣтѣ на нѣсколько мѣсяцевъ водворилась кажущаяся гармонія.

И, дѣйствительно, никогда гармонія не была столь необходима: теперь угрожали Бенгалу внутреннія бѣдствія, болѣе страшныя, нежели самая война. Составители Regulating Act'a 1773 года учредили двѣ независимыя власти, одну судебную, другую политическую, и съ безпечностью, постыдно-обычною въ англійскомъ законодательствѣ, упустили опредѣлить предѣлы каждой. Судьи воспользовались этою неточностью и пытались присвоить себѣ верховную власть не только въ Калькуттѣ, но на всемъ протяженіи обширной территоріи, управляемой изъ форта Вилліамъ. Немногіе англичане не согласятся съ тѣмъ, что англійское судопроизводство, не смотря на новѣйшія усовершенствованія, не достигаетъ еще желательной степени дешевизны и быстроты. Тѣмъ не менѣе система эта возросла между нами. Въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ она была согласована съ нашими чувствами; въ другихъ она постепенно пріучила наши чувства согласоваться съ нею. Мы привыкли даже къ ея самымъ тяжкимъ недостаткамъ и потому, хотя мы на нихъ и жалуемся, однако они не поражаютъ насъ тою горечью и тѣмъ ужасомъ, которое вызвало бы въ насъ новое, хотя и меньшее зло. Въ Индіи совершенно другое дѣло. Англійскіе законы, пересаженные на эту почву, представляютъ всѣ недостатки, отъ которыхъ страдаемъ мы, и, притомъ, всѣ въ гораздо большей степени; кромѣ того, въ нихъ есть другіе недостатки, въ сравненіи съ которыми худшія изъ аномалій Англіи представляются бездѣлицами. Судопроизводство, медленное здѣсь, еще болѣе медленно въ странѣ, гдѣ каждый судья и каждый адвокатъ

нуждаются въ помощи толмача. Дорогое здѣсь, оно гораздо дороже въ странѣ, которая получаетъ своихъ практиковъ-законовѣдовъ изъ-за огромнаго разстоянія. Въ Индіи англійская работа, начиная съ труда генераль-губернатора и главнокомандующаго войсками, до работы грума или часовыхъ дѣлъ мастера, должна быть вознаграждаема гораздо дороже, нежели дома. Ни одинъ человѣкъ не захочетъ даромъ подвергнуться изгнанію и притомъ изгнанію въ жаркій поясъ. Все это примѣняется и къ судебному званію. Ни одинъ англійскій адвокатъ не согласится трудиться, въ разстояніи пятнадцати-тысячъ миль отъ всѣхъ своихъ друзей, при въ температурѣ девяносто-шесть градусовъ въ тѣни, за то же вознагражденіе, которымъ онъ довольствовался бы въ квартирѣ, выходящей окнами на Темзу. Вслѣдствіе этого, въ Калькутѣ вознагражденіе адвокатамъ почти въ три раза значительнѣе, нежели въ Вестминстерѣ, не смотря на то, что въ Индіи народъ несравненно бѣднѣе, нежели въ Англіи. Но медленность и дороговизна, не смотря на всю ихъ тяжесть, составляютъ только мѣншую часть того зла, которое не могли не произвести въ Индіи англійскіе законы, перенесенные безо всякаго измѣненія. Сильнѣйшія чувства, свойственныя человѣческой природѣ, честь, религія, женская стыдливость, возстали противъ нововведенія. Предупредительный арестъ былъ первымъ шагомъ въ большей части гражданскихъ дѣлъ: а для знатнаго туземца арестъ былъ не только стѣсненіемъ, но злостнымъ личнымъ оскорбленіемъ. Присяга требовалась на каждой ступени каждой тяжбы, а чувства квакера относительно присягъ едвали сильнѣе чувства уважаемаго туземца. Когда въ покои женщины высокаго званія входили чужіе люди, когда они видѣли ея лицо, то этимъ наносилось на Востокъ невыносимое оскорбленіе, котораго страшатся болѣе, нежели смерти и которое можетъ быть смыто только кровью. Оскорбленіямъ этимъ были теперь подвержены самыя знатныя семейства Бенгала, Багара и Ориссы. Вообразите, каково было бы состояніе нашей страны, еслибы у насъ внезапно установилось судопроизводство, которое въ нашихъ глазахъ было бы тѣмъ же, чѣмъ англійское судопроизводство должно казаться нашимъ азійскимъ подданнымъ.

*

Вообразите, въ какое состояніе была бы ввергнута наша страна, еслибы каждому человѣку, поклявшемуся въ томъ, что ему должны деньги, было даровано право оскорблять людей самыхъ почетныхъ и священныхъ званій, женщинъ самой робкой стыдливости, право бить хлыстомъ генерала, надѣть епископу колодки, обращаться съ женщинами тѣмъ путемъ, который вызвалъ ударъ Вата Тайлера. Нѣчто въ родѣ этого произвела попытка верховнаго суда распространить свою юрисдикцію надъ цѣлою территорією компаніи.

Началось царство террора—террора, еще усиленнаго таинственностью, потому что испытываемое было менѣе страшно, чѣмъ предвидимое. Никто не зналъ, чего должно ожидать отъ этого страннаго трибунала, явившагося изъ-за черныхъ водъ, какъ, съ таинственнымъ страхомъ, жители Индіи называютъ море. Трибуналь этотъ состоялъ изъ судей, вовсе не знакомыхъ съ обычаями милліоновъ людей, надъ которыми хотѣлъ присвоить себѣ неограниченную власть. Протоколы его писались непонятными для нихъ знаками; рѣшенія произносились въ неизвѣстныхъ для нихъ звукахъ. Онъ уже собралъ вокругъ себя цѣлую армію худшей части туземнаго населенія, армію доносчиковъ и лжесвидѣтелей, клеветниковъ и ябедниковъ и, въ особенности, разбойничью шайку полицейскихъ служителей, въ сравненіи съ которыми служители самой дурной долговой тюрьмы могли, въ самыя дурныя времена, считаться людьми прямодушными и сострадательными. Многіе туземцы, пользовавшіеся высокимъ уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, были схвачены, поспѣшно отправлены въ Калькутту и заключены въ общій острогъ, не вслѣдствіе обвиненія въ какомъ-либо преступленіи, не за доказанный уже долгъ, но единственно изъ предосторожности, до времени, когда ихъ дѣло будетъ обсуживаться. Бывали примѣры, что люди самаго почтеннаго званія, преслѣдуемые безъ причины грабителями, умирали отъ бѣшенства и стыда въ когтяхъ подлыхъ альгвазиловъ Импи. Въ гаремы благородныхъ мусульманъ—святѣлища, уважаемыя на Востокѣ правительствами, не уважавшими ничего другаго—насильно врывались шайки смѣшниковъ. Мусульмане, болѣе храбрые, чѣмъ индусы, и менѣе

привычные къ покорности, иногда оборонялись; бывали случаи, что они, съ саблею въ рукахъ, проливали свою кровь на порогѣ свещенныхъ женскихъ покоевъ. Болѣе того: казалось, что даже въ трусливомъ бенгальцѣ, который падалъ къ ногамъ Сураджа-Даулы, который оставался нѣмъ въ теченіе управленія Визиттгарта, проявится наконецъ мужество отчаянія. Ни одно вѣшество мараттовъ не распространяло въ провинціи такого ужаса, какъ этотъ набѣгъ англійскихъ законовѣдовъ. Всѣ несправедливости прежнихъ притѣснителей, азійскихъ и европейскихъ, казались благодатью въ сравненіи со справедливостью верховнаго суда.

Всѣ классы народонаселенія, англичане и туземцы, за исключеніемъ только алчныхъ крючкотворцевъ, которые тучнѣли насчетъ раззоренія и ужаса огромнаго общества, громко возстали противъ этого страшнаго угнетенія. Но судьи оставались непоколебимы. Если бейлифъ встрѣчалъ сопротивленіе, то призывались солдаты. Если служитель компаніи, согласно съ приказаніями правительства, противился гнуснымъ сыщикамъ, которые, снабженные предписаніями Импи, дерзостью и хищностью превосходили разбойниковъ, то его ввергали въ тюрьму за неуваженіе къ закону. Шестьдесятъ лѣтъ, протекшія съ этой эпохи, добродѣтель и мудрость многихъ знаменитыхъ судей, которые въ это время засѣдали въ верховномъ судѣ блюстителями справедливости, не изгладили изъ памяти бенгальскаго народа воспоминанія объ этихъ мрачныхъ дняхъ.

По этому вопросу всѣ члены правительства были заодно. Гастингсъ задабривалъ судей и нашелъ въ нихъ полезныя орудія. Но онъ не былъ расположенъ сдѣлать ихъ своими повелителями или повелителями Индіи. Онъ отличался обширнымъ умомъ и весьма подробнымъ знаніемъ характера туземцевъ. Онъ видѣлъ, что система, принятая верховнымъ судомъ, унижала правительство и раззоряла народъ, и потому рѣшился мужественно ей воспротивиться. Вслѣдствіе этого, дружба, существовавшая между нимъ и Импи,—если только отношеніямъ этимъ можно дать имя дружбы,—на время совершенно прекратилась. Правительство стало твердо между народомъ и тираническимъ судомъ. Главный

судья позволилъ себѣ самыя дикія выходы. Генералъ-губернаторъ и всѣ члены совѣта получили повѣстки, которыми имъ предписывалось явиться передъ королевскихъ судей и дать отвѣтъ въ своихъ общественныхъ дѣйствіяхъ. Это было слишкомъ много. Гастингсъ, съ справедливымъ презрѣніемъ, отказался послѣдовать призыву, освободилъ лица, которыя судъ незаконно содержалъ въ заключеніи, и принялъ мѣры, чтобы, въ случаѣ нужды, даже мечомъ воспротивиться оскорбительнымъ дѣйствіямъ подчиненныхъ шерифа. Но онъ имѣлъ въ виду другое средство, которое могло избавить его отъ необходимости взяться за оружіе. Онъ рѣдко не находилъ какой-либо уловки и хорошо зналъ Импи. Въ разсматриваемъ случаѣ уловка была очень проста: не болѣе и не менѣе, какъ взятка. Импи, на основаніи парламентскаго акта, былъ судьей независимымъ отъ бенгальскаго правительства и имѣлъ право на 8000 ф. ежегоднаго жалованья. Гастингсъ предложилъ сдѣлать его также судьей на службѣ компаніи, отрѣшимымъ по усмотрѣнію бенгальскаго правительства, и по этой должности прибавить ему еще 8000 ф. въ годъ. При этомъ подразумѣвалось, что Импи, во вниманіе къ прибавкѣ жалованья, откажется отъ высокихъ притязаній своего суда. Въ случаѣ ихъ возобновленія правительство могло тотчасъ же согнать его съ новаго, созданнаго для него мѣста. Торгъ былъ заключенъ, Бенгалъ спасенъ, рѣшеніе дѣла оружіемъ предупреждено, а главный судья былъ богатъ, спокоенъ и низокъ.

Нѣтъ надобности говорить о поведеніи Импи. Оно согласовалось почти съ каждымъ эпизодомъ его жизни, подлежащимъ суду исторіи. Подобный судья не безчестилъ англійскаго горностаа съ тѣхъ поръ, какъ Джеффризъ упилился до смерти въ Тоуэръ. Но мы не можемъ согласиться съ людьми, упрекающими за эту сдѣлку Гастингса. Вопросъ былъ поставленъ слѣдующимъ образомъ. Безпечность составителей *Regulating Act*'а, дала главному судѣ возможность ввергнуть огромную страну въ страшное смѣтеніе. Онъ рѣшился пользоваться своею властью до крайности, если ему не заплатятъ за спокойствіе; Гастингсъ согласился ему заплатить. Слѣдовало сожалѣть объ этой необходимости. Слѣдуетъ сожалѣть и о томъ, что морскіе разбойники

имѣють возможность требовать выкупа за своихъ плѣнныхъ, угрожая бросить ихъ въ море. Но выкупить плѣнныхъ у морскихъ разбойниковъ всегда считалось дѣломъ человѣколюбивымъ и христіанскимъ; глупо было бы обвинять платящаго выкупъ въ томъ, что онъ развращаетъ корсара. Мнѣ кажется, что это отнюдь не пристрастное сравненіе относительнаго положенія Импи, Гастингса и индійскаго народа. Имѣлъ ли Импи право требовать или принимать денежное вознагражденіе за власть, отъ которой—если она ему дѣйствительно принадлежала—онъ не имѣлъ права отказаться, которую—въ противномъ случаѣ—онъ не долженъ былъ себѣ присваивать и которую онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ честно продать, — это одинъ вопросъ. Совершенно другой вопросъ, былъ ли Гастингсъ правъ, давая какую бы ни было сумму какому бы ни было безчестному человѣку, чтобы не предать милліоны человѣческихъ существъ грабежу и не освобождать ихъ междоусобною войною.

Франсисъ сильно противился этой сдѣлкѣ. Справедливо можно подозрѣвать, что личная неприязнь къ Импи имѣла на Франсиса столь же сильное вліяніе, какъ и забота о благосостояніи провинціи. Уму, воспаленному желаніемъ мести, могло казаться лучшимъ предоставить Бенгалъ притѣснителямъ, нежели освободить его обогащеніемъ послѣднихъ. Съ другой стороны, не совсѣмъ невѣроятно, что Гастингсъ особенно охотно прибѣгалъ къ средству, удовлетворявшему главнаго судью, потому что это высокое должностное лицо всегда оказывало ему услуги и, по устраненіи возникшаго раздора, могло снова быть ему полезнымъ.

Но Франсисъ противился теперь Гастингсу не только по этому дѣлу. Миръ между ними оказался лишь короткимъ и непрочнымъ перемиріемъ, въ теченіе котораго ихъ взаимная неприязнь постоянно усиливалась. Наконецъ произошелъ взрывъ. Гастингсъ публично обвинялъ Франсиса въ томъ, что онъ его обманулъ и неискренними обѣщаніями побудилъ Барвелля оставить службу. Тутъ послѣдовалъ споръ, какой часто возникаетъ даже между людьми почтенными, когда они заключаютъ важныя соглашенія единственно на словахъ. Нелицепріятный историкъ, вѣроятно, будетъ того мнѣнія, что они другъ друга не поняли; но они

были такъ ожесточены, что укоряли другъ друга ни въ чемъ иномъ, какъ въ намѣренной подлости. «Я не довѣрю, сказалъ Гастингсъ — какъ означено въ краткой запискѣ о засѣданіяхъ совѣта—обѣщаніямъ м-ра Франсиса дѣйствовать искренно, потому что онъ на это не способенъ. Я сужу о его общественномъ поведеніи по его частной жизни, которую я нашелъ лишенною правды и чести.» По окончаніи засѣданія, Франсисъ сдѣлалъ генераль-губернатору вызовъ, и вызовъ былъ тотчасъ же принятъ. Они встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ и стрѣлялись. Франсисъ былъ прострѣленъ насквозь. Его отнесли въ сосѣдній домъ, гдѣ оказалось, что рана была хотя опасна, но не смертельна. Гастингсъ нѣсколько разъ справлялся о здоровьи своего врага и предложилъ посѣтить его; но Франсисъ холодно отказался отъ визита. Онъ вполне оцѣнивалъ—таковъ былъ его отвѣтъ—вѣжливость генераль-губернатора, но долженъ былъ отказаться отъ всякаго частнаго свиданія. Они могли встрѣчаться другъ съ другомъ только въ присутствіи совѣта.

Въ весьма короткое время стало явно, какой великой опасности генераль-губернаторъ подвергъ при этомъ случаѣ страну. Насталъ кризисъ, совладать съ которымъ могъ онъ — и только онъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что еслибы Гастингсъ не стоялъ во главѣ управленія, то года 1780 и 1781 оказались бы столь же пагубными для нашего владычества въ Индіи, какими они были для нашего владычества въ Америкѣ.

Маратты составляли главный предметъ опасеній генераль-губернатора. Мѣры, принятыя Гастингсомъ для сокрушенія ихъ могущества, сначала не удавались, вслѣдствіе ошибокъ тѣхъ лицъ, которыхъ онъ былъ принужденъ употреблять въ дѣло; но надежда, что его настойчивость и искусство увѣнчаются успѣхомъ становилась возможною, — какъ вдали показалась новая и болѣе страшная опасность.

Около тридцати лѣтъ до того времени одинъ магометанскій солдатъ началъ отличаться въ войнахъ южной Индіи. Воспитаніе его было небрежно, происхожденіе — низко. Отецъ его былъ мелкій фискальный чиновникъ, дѣдъ — странствующій дервишъ. Но не

смотря на свое низкое происхожденіе, не смотря на незнаніе даже азбуки, искатель приключеній, только-что его поставили во главѣ отряда войскъ, тотчасъ же показалъ, что онъ рожденъ для завоеваній и власти. Между толпою вождей, боровшихся изъ-за участка Индіи, ни одинъ не могъ сравниться съ нимъ въ качествахъ полководца и государственнаго человѣка. Онъ сдѣлался военачальникомъ, онъ сдѣлался государемъ. Изъ обломковъ старыхъ княжествъ, разбившихся въ общемъ крушеніи, онъ образовалъ для себя большое, неразрывное и могущественное государство. Государствомъ этимъ онъ управлялъ съ искусствомъ, строгостью и бдительностью Людовика XI. Необузданный въ своихъ удовольствіяхъ, неумолимый въ мести, онъ имѣлъ, однако, достаточно обширный умъ, чтобы сознавать, какъ много благоденствіе подданныхъ усиливаетъ правительство. Онъ былъ тиранъ, но за нимъ остается, по крайней мѣрѣ, та заслуга, что онъ ограждалъ свой народъ отъ всякаго другаго притѣсненія, кромѣ своего. Теперь онъ былъ въ весьма преклонныхъ лѣтахъ; но умъ его оставался такъ же свѣтелъ, духъ такъ же бодръ, какъ и во цвѣтѣ лѣтъ. Таковъ былъ великій Гайдеръ-Али, основатель магометанскаго царства въ Майсорѣ и самый страшный изъ всѣхъ враговъ, съ которыми англійскимъ завоевателямъ Индіи когда-либо приходилось бороться.

Еслибы Гастингсъ былъ губернаторомъ Мадраса, то или пріобрѣлъ бы дружбу Гайдера, или встрѣтилъ бы его энергически какъ врага. Къ несчастью, англійскія власти на югѣ вызвали непріязненныя дѣйствія своего могущественнаго сосѣда, не приготовившись отразить ихъ. Девяносто-тысячная армія, значительно превосходившая дисциплиною и могуществомъ всѣ прочія туземныя силы Индіи, внезапно ринулась чрезъ дикіе проходы, изрытые горными потоками и омраченные зарослями, съ плоской возвышенности Майсора на равнины Карнатика. При арміи этой находилось сто орудій, движеніями ея руководили многіе французскіе офицеры, воспитанные въ лучшихъ военныхъ школахъ Европы.

Гайдеръ вездѣ торжествовалъ. Сипай многихъ британскихъ гарнизоновъ положили оружіе. Нѣсколько фортовъ были преда-

ны измѣною; другіе сдались съ отчаянія. Въ нѣсколько дней Гайдеру покорилась вся открытая страна, лежащая къ сѣверу отъ Колеруна (4). Англійскіе жители Мадраса могли уже видѣть по ночамъ, съ вершины горы св. Оомы, зарево отъ пылавшихъ на востокѣ, обширнымъ полукругомъ, деревень. Бѣлыя виллы, въ которыя наши соотечественники удаляются отдыхать отъ ежедневныхъ правительственныхъ и коммерческихъ трудовъ въ то время, когда прохладный вечерній вѣтерокъ поднимается съ залива,—эти виллы стояли теперь пустыми; шайки свирѣпыхъ наѣздниковъ майсорскихъ уже словались между тюльпанными деревьями по близости веселыхъ домиковъ. Даже самый городъ считали не безопаснымъ, и британскіе купцы и чиновники спѣшили укрыться за орудіями форта Ст. Джоржъ.

Была, правда, возможность собрать армию достаточно сильную, чтобы защитить президентство и даже прогнать вторгшагося врага въ его горы. Сэръ Гекторъ Монро находился во главѣ одного значительнаго отряда; Бейли приближался съ другимъ. Соединенныя силы ихъ могли быть страшны даже для такого непріятели, каковъ былъ Гайдеръ—Али. Но англійскіе военачальники, пренебрегая основными правилами военного искусства, польза и сообразность которыхъ очевидна даже для людей, не получившихъ военного образованія, отлагали свое соединеніе и были атакованы отдѣльно. Отрядъ Бейли былъ уничтоженъ; Монро — принужденъ бросить обозъ, потопить орудія и спастись отступленіемъ, которое можно назвать бѣгствомъ. Въ три недѣли послѣ начала войны британское владычество въ южной Индіи было приведено на край гибели. За нами оставалось только небольшое число укрѣпленій. Слава нашего оружія отлетѣла. Знали, что можно было ожидать скорого прибытія на Коромандельскій берегъ большой французской экспедиціи. Англія, со всѣхъ сторонъ осажденная врагами, не могла защищать своихъ отдаленныхъ владѣній.

Тогда-то плодовитый геній и спокойное могущество Гастингса одержали самую славную побѣду. Быстрый корабль, шедшій

(4) Рукавъ рѣки Кавери при впаденіи въ Бенгальскій заливъ.

юго-западнымъ муссономъ, принесъ въ нѣсколько дней эти дурныя вѣсти въ Калькутту. Въ двадцать-четыре часа генералъ-губернаторъ составилъ полный планъ политики, принятой къ измѣнившемуся положенію дѣлъ. Борьба съ Гайдеромъ была борьба на жизнь и смерть. Всѣми второстепенными дѣлами слѣдовало пожертвовать для сохраненія Карватика. Споры съ мараттами должно было покончить. Въ Мадрасъ нужно было тотчасъ же отправить значительную военную силу и денегъ. Но и эти мѣры были бы недостаточны, еслибы веденіе войны, до сихъ поръ ознаменованной такими грубыми ошибками начальниковъ, не было поручено сильному уму. Дѣло было важное. Гастингсъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему проявленію своей власти: отрѣшить на время неспособнаго губернатора форта Ст. Джоржъ, послать противъ Гайдера сэра Эйра Кута и воплію поручить веденіе войны этому замѣчательному генералу.

Не смотря на мрачную и упрямую оппозицію Франсиса, который теперь выздоровѣлъ отъ своей раны и возвратился въ со-вѣтъ, мудрая и твердая политика генералъ-губернатора была одобрена большинствомъ членовъ. Подкрѣпленія были отосланы съ большою поспѣшностью и достигли Мадраса, прежде нежели французская экспедиція прибыла въ индійскія моря. Кутъ, удрученный старостью и болѣзнию, былъ уже не Кутъ Вандеваша; но онъ все-еще оставался рѣшительнымъ и искуснымъ начальникомъ: Наступленіе Гайдера было остановлено, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя славная побѣда при Порто-Ново возстановила честь англійскаго оружія.

Между тѣмъ Франсисъ вернулся въ Англію, и Гастингсъ сталъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Оппозиція Велера постепенно ослабѣвала, и по отъѣздѣ его запальчиваго и неумолимаго товарища, онъ ревностно началъ содѣйствовать генералъ-губернатору, котораго вліяніе на бывшихъ въ Индіи англичанъ, всегда сильное, было еще значительно увеличено въ послѣднее время энергіею и успѣхомъ его недавнихъ мѣръ.

Но, хотя препятствія, происходившія отъ несогласія внутри совѣта, и исчезли, однако другаго рода затрудненія усилились болѣе, чѣмъ когда-либо. Финансовое положеніе было край-

не стѣсненное. Гастингсъ долженъ былъ отыскать средства не только для удовлетворенія правительственныхъ нуждъ Бенгала, но и для веденія чрезвычайно убыточной войны съ индійскими и европейскими врагами въ Карнатикѣ и, наконецъ, для посылки денегъ въ Англію. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ онъ вышелъ изъ затрудненія, ограбивъ могола и поработивъ роилловъ. Средства его плодовитого ума вовсе не были истощены.

Первый планъ его касался Бенареса—одного изъ важнѣйшихъ городовъ Азіи по богатству, населенности, политическому и религіозному значенію. Обыкновенно считалось, что полмилліона человѣческихъ существъ тѣснилось въ этомъ лабиринтѣ высокихъ улицъ, богатыхъ канищами, минаретами, балконами и рѣзными окнами, по которымъ сотнями карабкались священныя обьязаны. Путешественникъ едва могъ пробраться сквозь давку святыхъ нищихъ и не менѣе святыхъ быковъ. Широкія и великолѣпныя лѣстницы, спускавшіяся отъ этихъ кипащихъ народомъ улицъ къ мѣстамъ по берегу Ганга, назначеннымъ для купанья, стирались ежедневно ногами безчисленнаго множества богомольцевъ. Школы и храмы привлекали толпы набожныхъ индусовъ изъ всѣхъ провинцій, гдѣ была извѣстна браминская вѣра. Сотни суевѣрныхъ ежемѣсячно стекались въ Бенаресъ умирать, въ убѣжденіи, что необыкновенно счастливая судьба ожидаетъ человѣка, который перейдетъ изъ священнаго города въ воды священной рѣки. Впрочемъ, не одно суевѣріе привлекало странниковъ въ эту великую метрополию. Торговля имѣла столько же пилигримовъ, какъ и религія. Вдоль береговъ священной рѣки стояли большіе флоты судовъ, нагруженныхъ богатыми товарами. Съ ткацкихъ станковъ Бенареса получались самыя нѣжныя шелки, украшавшіе басы Сенъ-Джемса и Petit-Trianon; а на базарахъ муслины Бенгала и сабли Ауда были перемѣшаны съ драгоценными камнями Голконды и шальями Кашмира. Эта богатая столица и окружающая ее мѣстность долго находились подъ непосредственнымъ правленіемъ одного индійскаго владѣтеля, признававшаго верховную власть могольскихъ императоровъ. Во время великой анархіи въ Индіи, властители Бенареса стали независимыми отъ дѣлійскаго двора, но были принуждены подчинить-

ся власти набоба аудскаго. Угнетаемые этимъ могущественнымъ сосѣдомъ, они искали покровительства англичанъ. Покровительство это было имъ оказано, и наконецъ набобъ-визирь, торжественнымъ договоромъ, уступилъ всё свои права на Бенаресъ компаніи. Съ того времени раджа сдѣлался вассаломъ бенгальскаго правительства, призналъ надъ собою верховную власть послѣдняго и обязался посылать ежегодную дань въ фортъ Вилліамъ. Подать эту Читтъ-Сингъ, царствовавшій владѣтель, уплачивалъ съ чрезвычайною точностью.

Относительно существа юридическихъ отношеній между компаніею и бенарескимъ раджею происходили жаркіе и рѣзкіе споры. Съ одной стороны утверждали, что Читтъ-Сингъ былъ только великій подданный, отъ котораго верховная власть имѣла право требовать помощи въ случаѣ стѣсненнаго положенія государства. Съ другой стороны возражали, что онъ былъ независимый государь, что единственная обязанность его относительно компаніи состояла въ уплатѣ определенной дани и что если онъ вносилъ эту дань своевременно,—какъ оно и было на дѣлѣ,—то англичане имѣли бы не болѣе права взимать съ него дальнѣйшія контрибуціи, чѣмъ требовать субсидій отъ Голландіи и Даніи. Нѣтъ ничего легче, какъ найти прецеденты и аналогіи въ подтвержденіе того и другаго мнѣнія.

Съ нашей точки зрѣнія оба эти мнѣнія несправедливы. Англійскіе политики слишкомъ привыкли принимать за данное, что въ Индіи былъ извѣстный и опредѣленный государственный порядокъ, на основаніи котораго слѣдуетъ рѣшать подобныя вопросы. Между тѣмъ, въ промежутокъ времени отъ паденія дома Тамерлана до утвержденія британскаго преобладанія не было такого государственнаго устройства. Старый порядокъ вещей уже исчезъ; новый порядокъ еще не образовался. Все было переходно, смутно, неизвѣстно. Всякій становился какъ можно выше и тянулся за всѣмъ, что надѣялся получить. И въ Европѣ были подобныя періоды. Примѣромъ можетъ служить время паденія имперіи Карловинговъ. Кто-бы вздумалъ серьезно разсуждать о томъ, до какого предѣла Гуго Капетъ имѣлъ конституціонное право требовать денежныхъ пособій и покорности

отъ герцоговъ Бретани или Нормандіи. Слова «конституціонное право» не имѣли, при томъ положеніи общества, никакого значенія. Еслибы Гуго Капетъ присвоилъ себѣ всѣ владѣнія герцога норманскаго, то дѣйствіе это могло быть названо несправедливымъ и безнравственнымъ. Но оно не могло быть незаконно въ томъ смыслѣ, въ какомъ были незаконны приказы Карла X. Еслибы, съ другой стороны, герцогъ норманскій началъ войну противъ Гуго Капета; то это могло быть несправедливо и безнравственно; но эта война не была бы незаконна въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ незаконною экспедицію принца Людовика Бонапарта.

Весьма большое сходство съ этимъ представляло положеніе Индіи 60 лѣтъ тому назадъ. Изъ существовавшихъ правительствъ ни одно не могло предъавлять притязаній на законность своего происхожденія или основываться на какомъ-либо другомъ правѣ, кромѣ недавняго захвата. Не было почти ни одной области, въ которой дѣйствительная и номинальная власть не были бы отдѣлены одна отъ другой. По сохраннымъ титуламъ и формамъ можно было подумать, что наслѣдникъ Тамерлана неограниченный правитель и что областные набобы его намѣстники. На дѣлѣ же онъ былъ плѣнникомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ набобы сдѣлались независимыми владѣтелями. Въ другихъ, какъ напримѣръ въ Бенгалѣ и Карнатикѣ, они, подобно своему повелителю, обратились въ призраки, а властвовала компанія. Между мараттами наслѣдникъ Севаджи сохранялъ титулъ раджи; но онъ былъ плѣнникъ, а наслѣдственнымъ главою государства сдѣлался первый министръ раджи, пешва. Пешва, въ свою очередь, быстро впадалъ въ то же униженное положеніе, въ которое онъ привелъ раджу. Мы думаемъ, что невозможно было, отъ Гималаевъ до Майсора, найти хотя одно правительство, которое существовало бы одновременно и *de facto*, и *de jure*, которое имѣло бы физическія средства внушать страхъ своимъ сосѣдямъ и подданнымъ и котораго власть, съ другой стороны, основывалась бы на законѣ и давности.

Гастингсъ ясно постигалъ то, что оставалось тайною для большей части его современниковъ: что подобное положеніе дѣлъ пред-

ставляло огромныя выгоды правителю съ большими дарованіями и небольшою разборчивостью въ средствахъ. Во всякомъ междуна-родномъ вопросѣ, который могъ возникнуть, ему представлялся выборъ между основаніемъ de facto и основаніемъ de jure, и было вѣроятно, что которое-либо изъ этихъ основаній позволить поддержать всякое требованіе, какое ему заблагоразсудится сдѣ-лать, и дать ему возможность воспротивиться всякому требо-ванію, предъявленному другими. Поэтому, во всякомъ спорѣ онъ избиралъ тотъ предлогъ, который соответствовалъ его непо-средственной цѣли, и ни мало не беспокоился о послѣдовательно-сти; такимъ образомъ ему рѣдко не удавалось отыскать пред-лога, который, во мнѣніи людей съ дурною памятью и скудными свѣдѣніями, оправдывалъ бы то, что ему хотѣлось сдѣлать. Иногда набобъ бенгальскій—призракъ, иногда онъ монархъ; визирь—то простой намѣстникъ, то независимый государь. Если компаніи полезно показать законное право на доходы съ Бенгала, то вы-ставляется на видъ, какъ документъ чрезвычайнаго значенія, па-тентъ о передачѣ этой области англичанамъ, патентъ за печатью могола. Если моголь требуетъ доходовъ, предоставленныхъ ему этимъ же самымъ патентомъ, то ему отвѣчаютъ, что онъ кукла, служащая для показа; что владычество англичанъ основывается не на данной имъ хартии, а на совершенно другомъ основаніи; что пускай онъ себѣ, сколько угодно, играетъ въ цари, но на дань отъ дѣйствительныхъ властителей Индіи пусть не разчи-тывается.

Конечно, практиковаться въ подобныхъ фокусахъ могъ не одинъ только Гастингсъ; но въ спорахъ между правительствами отъ софизмовъ не много проку, когда они не поддерживаются си-лой. Гастингсъ любилъ утверждать въ самыхъ сильныхъ выра-женіяхъ одинъ принципъ, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ съ неуклонною твердостью. Хотя мы должны сознаться, что прин-ципъ этотъ можетъ быть сильно злоупотребляемъ, но при на-стоящемъ состояніи общественнаго права онъ едвали подлежить спору. Вотъ онъ: если между двумя правительствами возникнетъ сомнительный вопросъ и они не могутъ между собою согласить-ся, то не остается ниаго средства рѣшить споръ, какъ прибѣг-

нуть къ оружію, и въ этомъ случаѣ мнѣніе сильнѣйшаго одерживаетъ верхъ. Почти всякій вопросъ въ Индіи былъ сомнительнымъ. Англійское правительство было сильнѣйшимъ. Слѣдствіе очевидно. Англійское правительство могло вполнѣ поступать по своему произволу.

Теперь англійскому правительству было угодно вынудить деньги у Чентъ-Синга. Прежде было полезно обращаться съ нимъ какъ съ державнымъ лицомъ; теперь оказывалось полезнымъ поступать съ нимъ какъ съ подданнымъ. Не имѣя даже ловкости Гастингса, легко было въ этомъ всеобщемъ хаосѣ законовъ и обычаевъ найти доказательства въ пользу того и другаго образа дѣйствія. Гастингсъ нуждался въ большомъ денежномъ пособіи. Знали, что у Чентъ-Синга большіе доходы, и подозрѣвали, что онъ скопилъ сокровище. Къ тому же, его не жаловали въ Калькуттѣ. Когда генералъ-губернаторъ находился въ весьма затруднительномъ положеніи, Чентъ-Сингъ искалъ милости Франсиса и Клеверинга. Гастингсъ рѣдко оставлялъ оскорбленіе не наказаннымъ,—менѣе, мы думаемъ, по внушенію дурныхъ страстей, чѣмъ изъ политики; поэтому, онъ не сожалѣлъ о томъ, что судьба Чентъ-Синга должна была послужить сосѣднимъ властителямъ такимъ же урокомъ, какимъ участь Нунко-мара послужила жителямъ Бенгала.

Въ 1778 году, при самомъ началѣ войны съ Франціею, отъ Чентъ-Синга потребовали, сверхъ установленной дани, ещё чрезвычайную контрибуцію въ 50,000 ф. Въ 1779 г. заставили его заплатить такую же сумму. Требованіе возобновилось и въ 1780 году. Чентъ-Сингъ, въ надеждѣ получить нѣкоторое снисхожденіе, тайно предложилъ генералъ-губернатору взятку въ 20,000 ф. Гастингсъ принялъ деньги, и враги его утверждали, что онъ ихъ взялъ съ намѣреніемъ присвоить себѣ. Достоверно, что онъ на время скрылъ эту сдѣлку какъ отъ бенгальскаго совѣта, такъ и отъ директоровъ, и никогда удовлетворительно не объяснилъ эту утайку. Однако, рвеніе къ общественной пользѣ или страхъ изобличенія заставили его противустоять искушенію. Онъ передалъ взятку въ казначейство компаніи и настоятельно требовалъ, чтобы раджа немедленно исполнилъ приказы-

ніе англійскаго правительства. Раджа, по обычаю своихъ соотечественниковъ, приѣхъ къ уловкамъ, упрашивалъ, ссылаясь на свою бѣдность; но такимъ образомъ нельзя было вырваться изъ когтей Гастингса. Онъ наложилъ на него 10,000 ф. штрафа за просрочку и отправилъ войско для взисканія денегъ.

Деньги были заплачены. Но этого не было достаточно. Последніи событія на югѣ Индіи увеличили финансовыя затрудненія компаніи. Гастингсъ рѣшился ограбить Чентъ-Синга и съ этою цѣлью завязалъ съ нимъ споръ. Отъ раджи потребовали, чтобы онъ содержалъ отрядъ кавалеріи для службы британскаго правительства. Онъ возражалъ и уклонялся. Этого-то именно и хотѣлось Гастингсу. Теперь онъ имѣлъ предлогъ поступить съ богатымъ изъ своихъ вассаловъ какъ съ преступникомъ. «Я рѣшился — это подлинныя слова Гастингса — извлечь изъ его вины средства помочь затрудненіямъ компаніи, заставить его щедро заплатить за прошеніе или же подвергнуть его строгому мщенію за прошлыя проступки». Планъ былъ простой: требовать все большіхъ и большахъ контрибуцій, пока раджа не будетъ принужденъ возражать, а тогда назвать его возраженія преступленіемъ и наказать его конфискаціею всѣхъ его владѣній.

Чентъ-Сингъ былъ въ ужасѣ. Онъ предложилъ 200.000 ф., чтобы снискать милость британскаго правительства. Но Гастингсъ отвѣчалъ, что правительство не приметъ менѣе полу-миліона. Онъ думалъ даже продать Бенаресъ Ауду, точно такъ же, какъ уже продалъ Аллагабадъ и Роилкондъ. Дѣло это трудно было устроить издалека, и Гастингсъ рѣшился посѣтить Бенаресъ.

Чентъ-Сингъ принялъ своего леннаго господина со знаками глубокаго уваженія: выѣхалъ со всѣми тѣлохранителями на разстояніе шестидесяти миль, чтобы встрѣтить и сопровождать знаменитаго гостя, и выражалъ глубочайшую горестъ по поводу неудовольствія англичанъ. Онъ даже снялъ чалму и положилъ ее на колѣни Гастингсу, что служить въ Индіи знакомъ самой глубокой покорности и преданности. Гастингсъ велъ себя съ холодною и отталкивающею строгостью. По прибытіи въ Бенаресъ онъ послалъ раджѣ бумагу, заключавшую въ себѣ требованія бен-

гальскаго правительства. Раджа отвѣчалъ оправданіемъ во взведенныхъ на него обвиненіяхъ. Гастингса, который хотѣлъ денегъ, а не извиненій, нельзя было провести обыкновенными уловками восточныхъ переговоровъ. Онъ немедленно приказалъ арестовать раджу и отдалъ его подъ стражу двумъ ротамъ сипаевъ.

Прибѣгая къ такимъ сильнымъ мѣрамъ, Гастингсъ едва ли выказалъ свою обыкновенную правильность сужденій. Онъ имѣлъ мало случаевъ лично наблюдать индійскія племена, кромѣ бенгальцевъ, и поэтому, вѣроятно, не вполне сознавалъ разницу въ характерѣ между послѣдними и племенами, населяющими верхнія провинціи. Теперь онъ находился въ странѣ, гораздо болѣе благопріятной для развитія физическихъ силъ населенія, нежели дельта Ганга; въ странѣ, богатой солдатами, которыхъ считали достойными идти въ атаку и на брешь вслѣдъ за англійскими баталіонами. Раджа пользовался популярностью между своими подданными. Управление его было кротко; благоденствіе подвластнаго ему округа представляло рѣзкую противоположность съ угнетеннымъ положеніемъ Багара подъ нашимъ владычествомъ и еще болѣе рѣзкую противоположность съ бѣдственнымъ состояніемъ областей, на которыя проклятіемъ пала тиранія набоба-визиря. Народное и религіозное предубѣжденіе, съ которымъ въ Индіи повсюду смотрѣли на англичавъ, было особенно сильно въ метрополіи браминскаго суевѣрія. Поэтому едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что генераль-губернаторъ, прежде нежели оскорблять достоинство Читъ-Синга, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, сосредоточить силу, способную преодолѣть всякое сопротивленіе. Это не было сдѣлано. Горсть сипаевъ, сопровождавшихъ Гастингса, была бы, вѣроятно, достаточна, чтобы устрасить Муршедабадъ или черный городъ Калькутты⁽⁵⁾; но стычка съ сильною чернью Бенареса была ей не по силамъ. Улицы, окружавшія дворецъ, наполнились огромной массой народа; большая часть его, по обыкновенію верхней Индіи, была вооружена. Волненіе вызвало драку, а драка рѣз-

(5) Часть города, обитаемая туземцами. Европейцы занимаютъ кварталъ Чадринджи.

ню. Англійскіе офицеры съ отчаянною храбростію оборонялись противъ несмітной толпы и пали достойнымъ ихъ образомъ, съ мечомъ въ рукахъ. Сипаи были перерѣзаны, ворота выломаны. Пльнннй раджа, забытый смятенною стражей, нашель выходъ, открывавшійся на крутой берегъ Ганга, спустился на чалмахъ своей свиты къ водѣ, отыскалъ лодку и бѣжалъ на противоположный берегъ.

Если Гастингсъ поставилъ себя въ трудное и опасное положеніе необдуманнмъ насиліемъ, то справедливость вынуждаетъ сознаться, что онъ выпутался изъ этого положенія даже съ большею ловкостію и большимъ присутствіемъ духа, чѣмъ какими отличался всегда. При немъ было всего пятьдесятъ человекъ. Зданіе, въ которомъ онъ поселился, было со всѣхъ сторонъ окружено инсургентами. Но твердость его не поколебалась. Раджа съ того берега рѣки прислалъ извиненія и выгодныя для англичанъ предложенія. Гастингсъ даже не отвѣчалъ. Нашлось нѣсколько ловкихъ и предприимчивыхъ людей, которые взялись пробраться сквозь толпу непріятелей и доставить извѣстіе о послѣднихъ событіяхъ въ мѣста расположенія англійскихъ войскъ. Между туземцами Индіи есть мода носить большія золотыя серьги. Во время путешествій серьги снимають, чтобы не соблазнить ими какую-нибудь шайку разбойниковъ; на мѣсто серегъ кладется въ дыру, чтобы воспрепятствовать ея заростанію, стволъ пистолета или свернутая бумага. Гастингсъ вложилъ въ уши своихъ вѣстниковъ письма, свернутыя весьма плотно. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ были адресованы къ начальникамъ англійскихъ войскъ. Въ одномъ онъ увѣрялъ жену въ своей безопасности. Другое назначалось лицу, посланному для переговоровъ съ мараттами. Для этихъ переговоровъ необходимы были инструкціи, и генералъ-губернаторъ составилъ ихъ, въ этомъ чрезвычайно опасномъ положеніи, съ такимъ же самообладаніемъ, какъ еслибы онъ писалъ въ своемъ дворцѣ въ Калькуттѣ.

Однако, положенію суждено было еще ухудшиться. Одинъ англійскій офицеръ, болѣе отважный, чѣмъ благоразумный, горя нетерпѣніемъ отличиться, преждевременно напалъ на инсургентовъ по ту сторону рѣки. Люди его были захвачены въ узкихъ

*

улицяхъ и атакованы бѣшеною толпою. Онъ палъ со многими изъ своихъ солдатъ; оставшіеся въ живыхъ были принуждены уступить.

Случай этотъ произвелъ то дѣйствіе, которое въ Индіи постоянно производила всякая неудача англійскаго оружія, какъ бы незначительна она ни была. На разстояніи нѣсколькихъ сотъ миль кругомъ страна взволновалась. Все населеніе бенаресскаго округа взялось за оружіе. Земледѣльцы покинули свои поля и толпами спѣшили на защиту князя. Движеніе распространилось и на Аудъ. Угнетенный народъ этой области возсталъ противъ набоба-визира, отказался платить подати и прогналъ фискальныхъ чиновниковъ. Даже Багаръ былъ готовъ возмутиться. Надежды Чентъ-Синга начали оживать. Въмѣсто того, чтобы просить о помилованіи въ покорныхъ выраженіяхъ вассала, онъ началъ говорить языкомъ побѣдителя и, какъ утверждаютъ, угрожалъ вымести изъ страны бѣлыхъ похитителей власти. Но англійскія войска быстро собирались. Офицеры и даже простые солдаты смотрѣли на генераль-губернатора съ восторженною привязанностью и спѣшили къ нему на помощь съ быстротою, которую, какъ хвалился Гастингсъ, они никогда не выказывали ни въ какомъ другомъ случаѣ. Начальство принялъ майоръ Поппамъ, храбрый и искусный офицеръ, который весьма отличился въ войнѣ съ мараттами и къ которому генераль-губернаторъ питалъ наибольшее довѣріе. Беспорядочная армія раджи была обращена въ бѣгство. Крѣпости его были взяты штурмомъ. Въ нѣсколько часовъ болѣе тридцати тысячъ человѣкъ покинули его знамя и возвратились къ своимъ обыкновеннымъ занятіямъ. Несчастный раджа навѣки бѣжалъ изъ своей страны. Прекрасныя владѣнія его были присоединены къ землямъ компаніи. Правда, одинъ изъ его родственниковъ былъ назначенъ раджею; но теперь раджа бенаресскій долженъ былъ, подобно набобу Бенгала, ограничиваться одною пенсіей.

Эта революція увеличила доходы компаніи на 200.000 ф. въ годъ. Но непосредственное облегченіе не было такъ велико, какъ ожидали. Сокровище, скопленное Чентъ-Сингомъ, оцѣнивали въ одинъ милліонъ фунтовъ стерлинговъ. Оказалось, что оно

равнялось, приблизительно, четвертой долѣ этой суммы; притомъ, оно было захвачено арміей и раздѣлено въ видѣ призовыхъ денегъ.

Разочарованный въ своихъ надеждахъ на Бенаресь, Гастингсъ принялъ, въ отношеніи къ Ауду болѣе насильственный мѣры, нежели какія онъ употребилъ бы въ иномъ случаѣ. Суджа-Даула давно уже умеръ. Сынъ и преемникъ его, Асфъ-уль-Даула, былъ одинъ изъ самыхъ слабыхъ и самыхъ порочныхъ восточныхъ государей. Жизнь его раздѣлялась между тупымъ бездѣйствіемъ и самыми гнусными видами сладострастія. При дворѣ его царствовала безграничная расточительность, а по всей странѣ — нищета и беспорядокъ. Благодаря искусному образу дѣйствій англійскаго правительства, онъ, изъ независимаго владѣтеля, сталъ вассаломъ компаніи. Только англійская бригада могла спасти его отъ нападений сосѣдей, презиравшихъ его слабость, и отъ мести подданныхъ, ненавидѣвшихъ его тиранію. Бригада была ему дана, а онъ, со своей стороны, обязался ее содержать и уплачивать ей жалованье. Съ этого времени его независимость исчезла. Гастингсъ былъ не тотъ человекъ, чтобы упустить пріобрѣтенную такимъ образомъ выгоду. Набоѣ вскорѣ началъ жаловаться на взваленную имъ на себя обузу. Онъ говорилъ, что доходы его уменьшаются, что слуги его не получили платы и что онъ не можетъ болѣе брать на себя издержки по заключенной прежде сдѣлкѣ. Гастингсъ не хотѣлъ и слышать этихъ представленій. Онъ говорилъ, что визирь просилъ бенгальское правительство прислать ему войскъ, обѣщая содержать ихъ. Войска были присланы. Какъ долго должны они оставаться въ Аудѣ, — вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ въ договорѣ. Слѣдовательно, рѣшить его оставалось договорившимся сторонамъ. Но стороны эти были несогласны. Кому же приходилось его рѣшить? Сильнѣйшему.

Гастингсъ доказывалъ также, что, въ случаѣ отозванія англійскихъ войскъ, Аудъ, конечно, сдѣлается добычею анархіи и, по всей вѣроятности, подвергнется набѣгу мараттской арміи. Онъ допускалъ, что финансы Ауда запутаны, но возражалъ, и не безъ основанія, что затрудненіе слѣдуетъ приписать неспособности и порокамъ самого Асфъ-уль-Даулы;

что еслибы визирь издерживалъ мѣше на войска, то это повело бы только къ большей расточительности въ пользу недостойныхъ любимцевъ.

Гастингсъ намѣревался, устроивъ дѣла въ Бенаресѣ, посѣтить Лукно и тамъ переговорить съ Аслафъ-уль-Даулой. Но низкоклонная вѣжливость набоба-визиря предупредила это посѣщеніе. Онъ, съ небольшою свитою, поспѣшилъ навстрѣчу генераль-губернатору и свидѣлся съ нимъ въ крѣпости, которая съ вершины крутой Хунарской скалы смотрится въ воды Ганга.

Съ перваго взгляда казалось бы невозможнымъ, чтобы переговоры окончились любовнымъ соглашеніемъ. Гастингсъ нуждался въ чрезвычайномъ денежномъ пособіи. Аслафъ-уль-Даула хотѣлъ, чтобы ему простили прежній долгъ. Такое разногласіе, казалось, не допускало соглашенія. Однако, оставаясь мѣра, одинаково удовлетворительная для обѣихъ сторонъ, мѣра, которая могла облегчить финансы какъ Ауда, такъ и Бенгала, — и мѣра эта была принята. Она была очнь проста: генераль-губернаторъ и набобъ-визирь должны были соединиться, чтобы ограбить два другія лица, и эти два лица, которыя они рѣшились ограбить, были родители одного изъ грабившихъ.

Мать прежняго набоба и его жена, мать настоящаго, были извѣстны подъ именемъ Бегомъ или княгинь аудскихъ. Онѣ пользовались большимъ вліяніемъ на Суджа-Даулу и послѣ его смерти получили великолѣпное наслѣдство. Удѣлы, съ которыхъ онѣ получали доходы и которыми сами управляли, были весьма обширны. Въ ихъ рукахъ находились сокровища, скопленные послѣднимъ набобомъ, — сокровища, которыя оцѣнивались народомъ, приблизительно, въ три милліона фунтовъ стерлинговъ. Онѣ продолжали занимать любимый дворецъ Суджа-Даулы въ Фейзабадѣ, «Прелестное Жилище»; резиденціею же Аслафъ-уль-Даулы служилъ великолѣпный Лукно, который онъ построилъ на берегу Гумти и украсилъ мечетями и коллегіями.

Аслафъ-уль-Даула уже вынудилъ значительныя суммы у своей матери. Она обратилась, наконецъ, съ просьбою о заступничествѣ къ англичанамъ, и англичане приняли на себя посредничество. Заключенъ былъ торжественный договоръ, которымъ она

соглашалась давать своему сыну нѣкоторое денежное пособіе; онъ же, со своей стороны, обѣщалъ никогда впредь не нарушать ея правъ. Договоръ этотъ былъ формально гарантированъ бенгальскимъ правительствомъ. Но времена измѣнились; настала нужда въ деньгахъ, и власть, поручившаяся за неприкосновенность договора, не устыдилась возбуждать грабителя къ крайнимъ мѣрамъ, которыхъ ужаснулся даже онъ.

Необходимо было найти какой-нибудь предлогъ для конфискаціи, нарушавшей не только данное слово, не только обыкновенныя правила челоуѣколюбія и справедливости, но и великій законъ сыновней любви, который не лишенъ власти надъ челоуѣческимъ умомъ даже въ самыхъ дикихъ племенахъ, даже въ болѣе низкихъ обществахъ, гніущихъ подъ вліяніемъ развратнаго полу-образованія. Но предлогъ былъ послѣднею вещью, въ которой могъ нуждаться Гастингсъ. Возмущеніе Бенареса породило смуты въ Аудѣ. Очень кстати было приписать эти смуты внигнямъ. Доказательствъ въ подтвержденіе этого обвиненія почти не имѣлось, если не признавать доказательствами слухи, которые переходили изъ устъ въ уста и разукрашивались при каждомъ подобномъ переходѣ. Обвиненнымъ не было предъявлено ни одно обвиненіе; имъ не дозволили оправдываться: генераль-губернаторъ разсудительно заключилъ, что, подвергнувъ ихъ суду, онъ, быть можетъ, не найдетъ достаточныхъ причинъ ихъ ограбить. Онъ согласился съ набобомъ-визиремъ лишить мать и бабу послѣдняго всѣхъ ихъ владѣній и сокровищъ, конфискаціею въ пользу компаніи, и принять добытыя такимъ образомъ суммы въ удовлетвореніе всѣхъ денежныхъ требованій бенгальскаго правительства отъ аудскаго.

Пока Асафъ-уль-Даула находился въ Хунарѣ, онъ вполне подчинялся ясному и повелительному уму англійскаго государственнаго челоуѣка. Но когда они разстались, визирь началъ съ нѣкоторымъ страхомъ размышлять о тѣхъ обязательствахъ, которыя онъ на себя принялъ. Мать и бабука его протестовали и упрашивали. Его сердце, глубоко испорченное неограниченною властью и необузданными удовольствіями, но не безчувственное отъ природы, не выдержало въ минуту кризиса. Даже англійскій

резидентъ въ Лукно, хотя до сихъ поръ былъ преданъ Гастингсу, отступилъ передъ крайними средствами. Но генералъ-губернаторъ оставался неумолимъ. Онъ написалъ резиденту письмо въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ и объявилъ, что если условленная конфискація не будетъ немедленно приведена въ исполненіе, то онъ самъ отправится въ Лукно и совершитъ то, передъ чѣмъ съ ужасомъ отступаютъ болѣе слабые умы. Вслѣдствіе этой угрозы, резидентъ отправился къ его высочеству и настоялъ на томъ, чтобы хунарскій договоръ былъ немедленно и вполнѣ исполненъ. Асафъ-уль-Даула уступилъ, но при этомъ торжественно объявилъ, что уступаетъ только принужденію. Земли были конфискованы; получить же сокровища было не такъ легко. Пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Отрядъ войскъ компаніи двинулся къ Фейзабаду и силою проникъ въ ворота дворца. Книжки были заключены въ своихъ покояхъ. Но они все-еще не хотѣли покориться. Нужно было найти болѣе сильное повудительное средство, и нашлось такое средство, о которомъ даже въ настоящее, отдаленное время мы не можемъ говорить безъ стыда и горести.

Въ Фейзабадѣ находились два старика, принадлежавшіе къ тому несчастному классу людей, который, существующимъ на Востокѣ съ незапамятныхъ временъ обычаемъ, лишентъ удовольствій любви и надеждъ на потомство. При азіятскихъ дворахъ утвердилось мнѣніе, что существамъ, отчужденнымъ такимъ образомъ отъ ихъ бѣжныхъ, государи могутъ довѣряться всего безопаснѣе. Это мнѣніе раздѣлялъ Суджа-Даула. Онъ подарилъ своимъ полнымъ довѣріемъ обонхъ евнуховъ, и послѣ его смерти они остались во главѣ дома его вдовы.

Людей этихъ, по приказанію британскаго правительства, схватили, заключили въ тюрьму, заковали, почти уморили голодною смертью, — и все это для того, чтобы вынудить у книжковъ деньги. Послѣ двухмѣсячнаго заключенія старики заболѣли. Они просили позволенія прогуливаться въ тюремномъ саду. Надзиравшій за ними офицеръ объявилъ, что это снисхожденіе не представитъ ни малѣйшей возможности къ побѣгу и что оковы рѣшительно нисколько не увеличиваютъ надежности заключенія.

Онъ не понималъ намѣренія своихъ начальниковъ. Цѣлью ихъ, при назначеніи тяжкаго заключенія, была не безопасность, а пытка; во всякихъ облегченіяхъ было отказано. Но это было еще не худшее. Англійское правительство рѣшило предать этихъ двухъ немощныхъ стариковъ явной пыткѣ. Для этого ихъ перевезли въ Лукно. Какіе ужасы происходили въ ихъ тюрьмѣ — можно только угадывать. Но въ актахъ парламента сохранилось слѣдующее письмо британскаго резидента къ британскому воюну:

«Сэръ, такъ какъ набобъ рѣшился подвергнуть тѣлесному наказанію арестантовъ, находящихся подъ вашимъ надзоромъ, то его чиновникамъ, когда они прибудутъ, должно открыть свободный доступъ къ заключеннымъ и позволить поступать съ ними по своему усмотрѣнію».

Пока эти варварства совершались въ Лукно, княгини все еще находились въ строгомъ заключеніи въ Фейзабадѣ. Въ покои ихъ позволяли приносить только такое скудное количество пищи, что прислужницы ихъ подвергались опасности умереть съ голоду. Жестокость эта продолжалась мѣсяцъ за мѣсяцомъ; наконецъ, когда у княгинь успѣли вынудить миллионъ двѣсти тысячъ фунтовъ, Гастингсъ началъ думать, что онъ добрался до дна ихъ казны и что никакая жестокость не будетъ въ состояніи вынудить болѣе. Тогда несчастнымъ, заключеннымъ въ Лукно, была, наконецъ, возвращена свобода. Оковы ихъ были сбиты, и двери тюрьмы отворились. Дрожація губы освобожденныхъ, текущіе по ихъ щекамъ слезы и благодаренія общему Отцу мусульманъ и христіанъ тронули даже твердыя сердца присутствовавшихъ при этой сценѣ англійскихъ солдатъ.

Есть человѣкъ, которому поведеніе Гастинга, въ теченіе всего этого процесса, кажется нетолько простительнымъ, но даже похвальнымъ. Есть человѣкъ, который проситъ «извинить его въ томъ, что онъ рѣшился характеризовать, какъ нѣчто въ высшей степени смѣшное и дурное, чувствительность, готовую противопоставлять сохраненію британской Индіи нѣкоторое личное страданіе, страданіе, причинявшееся только до того времени, когда страдалцы согласились выдать часть богатства, право на ко-

торое они потеряли вслѣдствіе собственной измѣны и измѣны ихъ влѣстительницъ.» Сознаемся, что не можемъ завидовать ни страннымъ понятіямъ преподобнаго біографа о крайне дурномъ, ни столь же страннымъ понятіямъ его о крайне смѣшномъ. Таково ли великодушіе англійскаго воина? Таково ли милосердіе англійскаго священника? Неужели ни одно изъ званій м-ра Глейга не могло научить его самымъ первымъ правиламъ нравственности? Или нравственность такая вещь, которая можетъ годиться въ проповѣди, но которой не мѣсто въ біографіи?

Но слѣдуетъ еще отдать справедливость образу дѣйствія сэра Элиа Импи въ этомъ случаѣ. Верховному судѣ, дѣйствительно, было не легко вмѣшаться въ дѣло до такой степени чуждое всѣмъ его должностнымъ обязанностямъ. Но для него, надо полагать, было что-то невыразимо привлекательное въ особенно омерзительномъ безчестіи, которое можно было тогда заслужить въ Лукно. Онъ поспѣшилъ туда со всею быстротою, съ которою могли нести его смѣны носильщиковъ паланкина. Толпа народа поспѣшила ему навстрѣчу, держа въ рукахъ написанныя уже клятвенныя показанія противъ княгми. Показанія эти онъ не прочелъ. Правда, нѣкоторыя изъ нихъ онъ и не могъ прочесть, потому что они были писаны на нарѣчіяхъ сѣвернаго Индустана, а толмача при Импи не было. (а) Онъ со всею возможною поспѣшностью привелъ свидѣтелей къ присягѣ, не сдѣлавъ имъ ни одного вопроса, не спросивъ даже, прочли ли они показанія, которыя подтверждаютъ клятву. Окончивъ это дѣло, онъ сѣлъ въ

(а) Мѣсто это нѣсколько измѣнено. Въ первоначальномъ текстѣ было сказано, что сэръ Элиа Импи не зналъ ни одного изъ туземныхъ языковъ, на которыхъ были написаны показанія. Это вызвало возраженія писателя, который, повидимому, пользовался частными свѣдѣніями о сэрѣ Импи. Онъ утверждалъ, что сэръ Элиа зналъ языки персидскій и бенгальскій. Нѣкоторыя изъ обвиненій были, вѣроятно, писаны поперсидски. Ихъ сэръ Импи, еслибъ захотѣлъ, могъ бы прочесть. Другія же были писаны на мѣстныхъ нарѣчіяхъ верхней Индіи, о знакомствѣ съ которыми сэра Импи не было заявлено. Но почему упомянуто о бенгальскомъ языкѣ, трудно догадаться. Бенгальскій языкъ былъ бы въ Лукно такъ же бесполезенъ, какъ португальскій въ Швейцаріи.

паланкинъ и поспѣшилъ назадъ въ Калькутту, чтобы въ-время поспѣть къ началу засѣданій суда. Дѣло княгини, по его собственному признанію, совершенно выходило изъ круга его судебной власти. По законамъ судопроизводства онъ имѣлъ не болѣе права производить слѣдствіе надъ преступленіями, совершенными туземцемъ Ауда, нежели лордъ-президентъ верховнаго шотландскаго суда держать ассизъ въ Эксетерѣ. Ими не имѣлъ права судить княгини, да и не хотѣлъ этого. Съ какою же цѣлью предпринялъ онъ такое длинное путешествіе? Очевидно съ цѣлью освятить преступленія тѣхъ, которые недавно его наняли, — освятить хотя неправильнымъ образомъ, такъ какъ правильнымъ онъ не могъ этого сдѣлать. Онъ явился съ цѣлью, чтобы безпорядочной массѣ свидѣтельствъ, которыхъ онъ не разбиралъ, которыхъ даже не читалъ, придать, подписью высшаго судейскаго лица Индіи, авторитетъ, котораго эти свидѣтельства, въ сущности, не заслуживали.

Однако, приближалось время, когда съ Импи должны были сорвать судейскую мантию, которую, со временъ Революціи, никто не срамилъ такъ мерзко, какъ онъ. Положеніе дѣлъ въ Индіи сильно занимало въ послѣднее время британскій парламентъ. Къ концу Американской войны въ нижней палатѣ засѣдали два комитета по поводу восточныхъ дѣлъ. Однимъ руководилъ Эдмондъ Боркъ, въ другомъ предсѣдательствовалъ способный и непостоянный Генри Домдасъ, въ то время лордъ-адвокатъ Шотландіи. Какъ ни велики перемены, происшедшія въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ въ нашихъ азіатскихъ владѣніяхъ, однако донесенія, представленныя этими комитетами въ палату, будутъ, вѣроятно, и теперь найдены интересными и поучительными.

До того времени не было еще связи между компаніею и которою-либо изъ двухъ большихъ партій въ государствѣ. Министрамъ не изъ чего было защищать злоупотребленія въ Индіи. Напротивъ, имъ выгодно было показать, если возможно, что управленіе нашими восточными владѣніями и назначеніе чиновниковъ по этому управленію можно съ пользою передать имъ самимъ. Поэтому, рѣшенія палаты общины по поводу донесеній

двухъ комитетовъ были проникнуты строгою и негодующею справедливостью. Самые строгіе эпитеты были приложены къ нѣкоторымъ изъ мѣръ Гастингса, въ особенности къ войнѣ съ роллами, и, по предложенію м-ра Дондаса, было постановлено, что компанія должна отозвать генераль-губернатора, который обрушилъ такіа бѣдствія на индійскій народъ и до такой степени опозорилъ британское имя. Состоялся актъ объ ограниченіи юрисдикціи верховнаго суда. Сдѣлка между Гастингсомъ и главнымъ судьей подверглась самымъ сильнымъ порицаніямъ, и королю былъ представленъ адресъ съ просьбою потребовать Импи въ Англію, къ отвѣту за преступленія.

Импи былъ отозванъ письмомъ государственнаго секретаря. Но владѣльцы индійскихъ акцій рѣшительно отказались удалить Гастингса. Они постановили рѣшеніе, въ которомъ утверждали, совершенно справедливо, что законъ предоставлялъ имъ право назначать и смѣнять своего генераль-губернатора и что въ этихъ дѣйствіяхъ они не обязаны повиноваться предписаніямъ одной какой-нибудь отрасли законодательства.

При такой поддержкѣ со стороны тѣхъ, которымъ онъ служилъ, Гастингса оставили во главѣ бенгальскаго управленія до весны 1785 года. Администрація его, столь бурная и богатая событіями, окончилась почти совершенно спокойно. Въ совѣтѣ не было постоянной оппозиціи его мѣрамъ. Миръ былъ возвращенъ Индіи. Война съ мараттами прекратилась. Гайдеръ умеръ. Съ сыномъ его, Типпу, былъ заключенъ мирный договоръ, и майсорскія войска очистили Карнатикъ. Со времени окончанія Американской войны у Англіи не было уже ни одного европейскаго врага и соперника въ восточныхъ моряхъ.

Послѣ общаго обзора продолжительнаго управленія Гастингса невозможно отрицать, что большимъ преступленіямъ, которыми запятнано это управленіе, мы должны противопоставить большія государственныя заслуги. Англія пережила опасный кризисъ. Правда, она все-еще занимала мѣсто въ ряду главныхъ европейскихъ державъ; защита ея противъ страшно превосходныхъ силъ внушила сосѣднимъ народамъ высокое понятіе какъ о ея духѣ, такъ и объ ея могуществѣ. Однако, во всѣхъ частяхъ свѣта, за

исключеніемъ одной, она подверглась потерямъ. Она была нетолько принуждена признать независимость тринадцати колоній, населенныхъ ея собственными дѣтьми и, для примиренія ирландцевъ, отказаться отъ права постановлять имъ законы: ее заставили, и въ Средиземномъ морѣ, и въ Мексиканскомъ заливѣ, и на берегу Африки, и на американскомъ континентѣ, уступить плоды своихъ побѣдъ въ прежнихъ войнахъ. Испанія получила назадъ Минорку и Флориду; Франція — Сенегаль, Горею и нѣсколько Вестъ-Индскихъ острововъ. Единственною частью свѣта, въ которой Британія ничего не потеряла, была Азія, гдѣ интересы ея были ввѣрены попеченіямъ Гастингса. Наперекоръ самымъ напряженнымъ усиліямъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ враговъ, могущество нашей страны на Востокѣ значительно увеличилось. Бенаресъ былъ покоренъ; набобъ-визирь обращенъ въ вассала. Что вліяніе наше такимъ образомъ расширилось, что фортъ Вилліамъ и фортъ Ст. Джоржъ не были заняты враждебными арміями, — этимъ мы обязаны, если вѣрять общему голосу англичанъ въ Индіи, искусству и рѣшительности Гастингса.

Его внутреннее управленіе, при всѣхъ своихъ темныхъ пятнахъ, даетъ ему право на мѣсто въ ряду самыхъ замѣчательныхъ людей нашей исторіи. Онъ уничтожилъ двойное управленіе и передалъ дѣла страны въ руки англичанъ. Страшную анархію онъ замѣнилъ порядкомъ, хотя грубымъ и несовершеннымъ. Онъ создалъ и направлялъ всю организацію, помощью которой творились судъ и расправа, собирались подати, сохранялось спокойствіе въ странѣ, не уступавшей, по населенію, владѣніямъ Лудовика XVI или императора Іосифа. Онъ хвалился, что каждое, безъ исключенія, присутственное мѣсто, существовавшее въ Бенгалѣ при его отъѣздѣ, было его созданіемъ. Совершенно справедливо, что эта организація, даже послѣ всѣхъ усовершенствованій въ ней, внушенныхъ шестидесяти-лѣтнею опытностью, до сихъ поръ еще нуждается въ улучшеніяхъ; совершенно справедливо, что въ началѣ она представляла гораздо болѣе недостатковъ, нежели теперь. Но всякій, кто серьезно обдумаетъ, что значить построить съ основанія цѣлую машину,

столь обширную и сложную, каково управленіе странюю, тотъ согласился, что дѣло, совершенное Гастингсомъ, заслуживаетъ высокаго удивленія. Намъ кажется, что сравнивать съ нимъ самыхъ знаменитыхъ европейскихъ министровъ столь же несправедливо, какъ сравнивать лучшаго будочника въ Лондонѣ съ Робинзономъ Крузо, который, прежде нежели нечь хлѣбъ, долженъ былъ изготовить плугъ и борону, поставить изгороди и нугала для птицъ, сдѣлать серпы и молотила, мельницу и печку.

Справедливая слава Гастингса еще возвышается, если мы вспомнимъ, что онъ не былъ воспитанъ для государственной дѣятельности, что изъ школы его отправили въ контору, что въ двѣтъ лѣтъ онъ былъ коммерческимъ агентомъ, вдали отъ всякаго образованнаго общества.

Мы не должны также забывать, что всѣ или почти всѣ лица, къ помощи которыхъ онъ могъ прибѣгнуть, находясь во главѣ управленія, были люди, обязанные своему воспитанію не бѣлшимъ, если не мѣньшимъ, чѣмъ Гастингсъ. Въ Европѣ министръ, съ перваго же дня отправленія своей должности, находитъ себя окруженнымъ опытными чиновниками—хранителями должностныхъ преданій. Гастингсъ былъ лишенъ подобной помощи. Собственное его размышленіе, собственная энергія должны были замѣнять для него всякій Downing Street и Сомерсетъ-Гаусъ. Будучи лишенъ случаевъ учиться, онъ былъ поставленъ въ необходимость учить. Онъ долженъ былъ сперва образовать самого себя, а затѣмъ образовать и личности, служившія ему орудіями, и это не по одной отрасли управленія, а по всѣмъ.

Должно прибавить, что пока онъ былъ занятъ этимъ труднымъ дѣломъ, ему постоянно мѣшали приказанія изъ Англіи и оппозиціонное большинство въ совѣтѣ. Гастингсъ сберегъ государство отъ нападеній страшнѣйшей коалиціи виѣшнихъ враговъ, устроилъ цѣлое управленіе, во всѣхъ его частяхъ, въ то время, когда каждый корабль привозилъ ему кипы порицаній отъ тѣхъ, кому онъ служилъ, когда протоколы каждаго засѣданія были наполнены желчными замѣчаніями его сотоварищей. Мы думаемъ, что нравъ ни одного государственнаго человѣка не подвергался такимъ тяжкимъ искушеніямъ; въ этомъ отношеніи нельзя сравни-

вать съ Гастингсомъ и Марльвого, когда ему противодействиювали голландскіе депутаты, и Веллингтона, когда ему приходилось имѣть дѣло одновременно съ португальскимъ регентствомъ, съ испанскими юнтами и съ м-мъ Персивалемъ. Но нравъ Гастингсъ былъ способенъ переносить почти всякія испытанія; онъ не былъ кротокъ, но зато былъ спокоенъ. При всей быстротѣ и силѣ ума Гастингса, терпѣкіе, съ которыми онъ переносилъ самыя жестокія неприятности, до тѣхъ поръ, когда представлялось средство отъ нихъ избавиться, походило на терпѣніе тупости. Кажется, онъ былъ способенъ къ горькой и продолжительной жадѣ мести; но эта жажда мести такъ рѣдко заставляла его дѣлать промахи, что можно сомнѣваться, не была ли кажущеюся местию — просто политика.

Результатомъ его замѣчательнаго спокойствія духа было то, что онъ всегда и вполне располагалъ всѣми средствами одного изъ самыхъ плодovitыхъ умовъ, когда-либо существовавшихъ. Поэтому никакое усложненіе опасностей и трудностей не могло привести его въ недоумѣніе. На каждое затрудненіе у него было на готовѣ соответствующее средство, и каково бы ни было мнѣніе наше о справедливости и гуманиности нѣкоторыхъ изъ его средствъ, достовѣрно, что имъ рѣдко не удавалось служить той цѣли, для которой они назначались.

Вмѣстѣ съ этою необыкновенною изобрѣтательностью, Гастингсъ, въ весьма сильной степени, отличался другимъ дарованіемъ, едвали менѣе необходимымъ для человѣка въ его положеніи: мы говоримъ о талантѣ вести политическую полемику. Для англійскаго государственнаго человѣка на Востокъ такъ же необходимо уметь писать, какъ для министра въ нашей странѣ необходимо обладать даромъ слова. У насъ нація судитъ о способностяхъ человѣка, посвятившаго себя общественной дѣятельности, преимущественно по его рѣчамъ. О государственномъ человѣкѣ въ Индіи управляющіе тамошней администраціей судятъ по его письмамъ и донесеніямъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ особенно поощряемое дарованіе развивается, быть можетъ, въ ущербъ другимъ способностямъ. Въ нашей странѣ мы слышимъ иногда людей, рѣчи которыхъ стоятъ выше общаго

уровня ихъ способностей. Нерѣдко можно найти на индійской службѣ джентльменовъ, которые такимъ же образомъ пишутъ лучше, нежели можно ожидать отъ ихъ дарованій. Англійскій политикъ дѣлается слишкомъ дебатеромъ; индійскій политикъ дѣлается слишкомъ эссеистомъ.

Гастингсъ стоитъ во главѣ многочисленныхъ служителей компаніи, отличившихся составленіемъ записокъ и депешъ. Дѣйствительно, онъ далъ оффиціальной перепискѣ индійскаго правительства тотъ характеръ, который она удержала до настоящаго времени. Онъ боролся съ противникомъ далеко не обыкновеннымъ. Но даже самъ Франсисъ былъ принужденъ сознаться, съ мрачнымъ и негодующимъ чистосердечіемъ, что нѣтъ возможности противостоятъ перу Гастингса. Въ самомъ дѣлѣ, генералъ-губернаторъ обладалъ несравненною способностью запутывать вещи, когда для него было неудобно, чтобы ихъ понимали, и представлять въ самомъ ясномъ видѣ все, что могло вынести свѣтъ. Слогъ его нельзя безусловно хвалить. Онъ былъ обыкновенно сменъ, чистъ и гладокъ; но иногда, хотя не часто, онъ бывалъ высокопаренъ и въ двухъ или трехъ случаяхъ даже надуть. Быть можетъ, любовь Гастингса къ персидской литературѣ содѣйствовали порчѣ его вкуса.

Такъ какъ мы уже помянули о его литературномъ вкусѣ, то было бы чрезвычайно несправедливо не похвалить разсудительнаго поощренія, которое онъ оказывалъ, какъ правитель, наукамъ и любознательнымъ изслѣдованіямъ. Покровительство его распространялось, съ осторожною щедростію, на путешествія, поѣздки, опыты, изданія. Правда, онъ мало сдѣлалъ для распространенія въ Индіи западнаго образованія. Познакомилъ молодыхъ туземцевъ Бенгала съ Мильтономъ и Адамомъ Смитомъ; замѣнить географією, астрономією, медициною, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ выработаны въ Европѣ, рассказы браминскаго суевѣрія или несовершенную науку древней Греціи, процѣженную сквозь арабскія изложенія,—такому предпріятію предназначено было увѣичать благую администрацію гораздо добродѣтельнѣйшаго правителя. Однако, невозможно отказать въ высокой хвалѣ человѣку, который, будучи обращенъ отъ занятій въ конторѣ

къ управленію государствомъ, заваленъ должностною работою, окруженъ людьми, не менѣ занятыми и отдѣленъ тысячами ниль почти отъ всякаго литературнаго общества, — при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ далъ сильный толчокъ образованію, какъ собственнымъ примѣромъ, такъ и своею щедростію. Онъ глубоко изучилъ персидскую и арабскую литературу. Санскритскаго языка онъ самъ не зналъ; но тѣ, которые первые познакомили съ этимъ языкомъ европейскихъ ислѣдователей, обязаны многимъ его поощреніямъ. Подъ его покровительствомъ Азіатское общество вступило на свое почтенное поприще. Это знаменитое общество избрало его своимъ первымъ президентомъ; но съ прекраснымъ тактомъ и чувствомъ онъ отказался отъ этой чести въ пользу сэра Вилліама Джонса. Однако, о главной услугѣ, оказанной его покровительствомъ людямъ, изучающимъ восточную литературу, мы еще не упомянули. Бенгальскіе пундиты всегда смотрѣли очень ревниво на попытки иностранцевъ проникать тайны, заключенныя въ священное нарѣчіе. Религія ихъ подвергалась преслѣдованіямъ магометанъ. То, что они знали о духѣ португальскаго правительства, дѣйствительно, могло внушать имъ страхъ подпасть говенію христіанъ. Страхъ этотъ устранили мудрость и умѣренность Гастингса. Онъ былъ первый чужестранный правитель, успѣвшій пріобрѣсти довѣренность наслѣдственныхъ священниковъ Индіи; онъ первый убѣдилъ ихъ раскрыть англійскимъ ученымъ тайны древняго браминскаго богословія и законовѣднія.

Истинно невозможно отрицать, что ни одинъ правитель не превзошелъ Гастингса въ искусствѣ внушать къ себѣ довѣріе и привязанность въ огромныхъ массахъ человѣческихъ существъ. Еслибы онъ пріобрѣлъ популярность между англичанами, предавая имъ бенгальцевъ на грабежъ и угнетеніе, или, наоборотъ, еслибы онъ привязалъ къ себѣ бенгальцевъ, возбуждая неприязнь англичанъ, то не стоило бы удивляться. Особенность Гастингса состоитъ въ томъ, что, находясь во главѣ небольшой партіи иностранцевъ, пользовавшихся неограниченною властью надъ огромнымъ туземнымъ населеніемъ, онъ пріобрѣлъ любовь какъ господствовавшаго меньшинства, такъ и подвластнаго боль-

шинства. Привязанность, которую питали къ нему гражданскіе чиновники, была замѣчательно горяча и постоянна. Въ теченіе всѣхъ его неудачъ и опасностей товарищи поддерживали его съ непреклонною преданностью. Армія, съ другой стороны, любила его, какъ арміи рѣдко любили кого-либо, кромѣ великихъ полководцевъ, которые водили ихъ къ побѣдѣ. Даже въ своихъ спорахъ съ замѣчательными лицами военнаго сословія онъ могъ рассчитывать на поддержку военныхъ. Въ то время, какъ онъ владѣлъ, такимъ образомъ, сердцами своихъ соотечественниковъ, онъ пользовался такою популярностью между туземцами, какую другіе губернаторы, быть можетъ, болѣе заслуживали, но какой имъ никогда не удавалось пріобрѣсти. Онъ легко и безъ ошибокъ говорилъ на природныхъ нарѣчіяхъ туземцевъ. Онъ коротко зналъ ихъ чувства и обычаи. Въ одномъ или двухъ случаяхъ, имѣя въ виду достиженіе важныхъ цѣлей, онъ сознательно дѣйствовалъ наперекоръ мнѣніямъ туземцевъ; но въ этихъ случаяхъ онъ болѣе выигрывалъ въ ихъ уваженіи, нежели терялъ въ ихъ любви. Вообще, онъ заботливо избѣгалъ всего, что могло оскорбить ихъ народныя или религіозныя предрассудки. Администрація его представляетъ многіе недостатки; но у бенгальцевъ не было высокаго мѣрила для оцѣнки его управленія. При набобахъ, но богатымъ наноснымъ равнинамъ ежегодно проносились ураганы мараттской кавалеріи. Но самыя маратты страшились столкновенія съ могущественными дѣтьми моря, и необозримыя рисовыя поля Нижняго Ганга сжиались безопасно подъ защитою англійскаго меча. Первые англійскіе завоеватели были болѣе хищны и неумолимы, нежели самыя маратты; но поколѣіе это уже исчезло. Не смотря на неудовлетворительность полиціи, не смотря на тяжесть налоговъ, вѣроятно, что самый старшій чело-вѣкъ въ Бенгалѣ не могъ припомнить времени, представлявшаго подобную же безопасность и равное благосостояніе. Въ первый разъ на памяти старожиловъ область была подчинена правительству, которое было достаточно сильно, чтобы не позволять грабить другимъ, и притомъ само не имѣло склонности къ грабежу. Уже это внушало доброжелательство. Въ то же время постоянныя успѣхи Гастингса и могущество и ловкость, съ кото-

рими онъ вывертывался изъ любого затрудненія, дѣлали его предметомъ суевѣрнаго удивленія. Роскошь, болѣе чѣмъ царская, которую онъ иногда выказывалъ, ослѣпляла народъ, имѣющій много общаго съ дѣтьми. Даже теперь, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, туземцы Индіи все-еще говорятъ о немъ, какъ о величайшемъ изъ англичанъ, и мяньки пискливо убаюкиваютъ дѣтей пѣсней о быстрыхъ коняхъ и украшенныхъ богатою сбруею слонахъ санба *Воррена Гостейна*.

Важнѣйшіе проступки, въ которыхъ провинился Гастингсъ, не уменьшали его популярности между бенгальскимъ народомъ, потому что касались государствъ сосѣднихъ. Этихъ проступковъ, какъ читатели должны были замѣтить, мы не намѣрены защищать; однако, для того чтобы мѣра порицанія соответствовала проступку, слѣдуетъ взять въ соображеніе побужденія виновнаго. Причиною самыхъ дурныхъ дѣйствій Гастингса была ложно направленная забота объ общественномъ благѣ. Правила справедливости, чувство человеколюбія, честное слово договоровъ не имѣли для него значенія, когда имъ противопоставлялась непосредственная выгода государства. Это не оправданіе, ни по законамъ нравственности, ни по принципамъ того, что мы считаемъ тождественнымъ съ нравственностью, именно—дальновидной политики. Тѣмъ не менѣе здравый смыслъ человечества, который въ подобныхъ вопросахъ рѣдко дѣластъ грубыя ошибки, всегда будетъ дѣлать различіе между преступленіями, внушенными преувеличенными усердіемъ къ общественному благу, и преступленіямъ, порожденными эгоистическою алчностью. Гастингсъ имѣетъ полное право на выгоды этого различія. Сколько намъ кажется, дѣтъ причины подозрѣвать, чтобы война съ роиллами, революція въ Бенаресѣ или ограбленіе аудскихъ княгинь прибавили хоть одну рюмию къ его состоянію. Мы не будемъ утверждать, что онъ показывалъ во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ ту педантическую честность, тотъ страхъ даже самаго легкаго наружнаго признака зла, которые составляютъ въ настоящее время славу гражданскаго управленія Индіи. Но, взявъ въ соображеніе школу, въ которой онъ былъ воспитанъ, и искушенія, которымъ онъ подвергался, мы скорѣе склонны хвалить его за общее благородство касатель-

*

но денегъ, нежели строго порицать за немногія сдѣлки, которыя въ настоящее время были бы названы неправомѣрными и неделикатными, но которыя даже и теперь едвали можно рѣшиться назвать порочными. Онъ, конечно, не былъ жадный чело-вѣкъ; въ противномъ случаѣ онъ не преминулъ бы вернуться на родину богатѣйшимъ подданнымъ въ Европѣ. Мы не преувеличиваемъ, утверждая, что онъ имѣлъ полную возможность, отпую не прибѣгая къ особенному вымогательству, получить, въ теченіе тринадцати лѣтъ, съ земиндаровъ ⁽⁶⁾ подвластныхъ компаніи областей и съ сосѣднихъ князей, болѣе трехъ милліоновъ фунт. стерл. и затмить великолѣпіемъ Карльтонъ-Гаусъ и Пале-Рояль. А между тѣмъ онъ привезъ домой такое состояніе, какое генераль-губернаторъ, склонный къ блеску и нисколько не бережливый, легко могъ, въ теченіе столь продолжительнаго занятія своей должности, скопить изъ законнаго жалованья. Мы боимся, что м-съ Гастингсъ была менѣе совѣстлива въ этомъ отношеніи. Вообще, думали, что она съ большою готовностью принимала подарки и накопила такимъ образомъ, безъ вѣдома и содѣйствія своего мужа, собственную казну, доходившую до нѣсколькихъ лаковъ рупій. Мы тѣмъ болѣе расположены вѣрить этому разсказу, что м-ръ Глейгъ, который не могъ его не слышать, не упоминаетъ о немъ, сколько мы замѣтили, и не опровергаетъ его.

Вліяніе м-съ Гастингсъ на мужа было, дѣйствительно, такъ велико, что она безъ труда могла бы пріобрѣтать суммы гораздо большія, чѣмъ какія она приняла по увѣренію ея обвинителей. Наконецъ здоровье ея начало ослабѣвать, и генераль-губернаторъ былъ вынужденъ, вопреки своему желанію, отправить ее въ Англію. Кажется, что онъ питалъ къ женѣ любовь, свойственную людямъ съ сильнымъ умомъ, людямъ, которыхъ любовь трудно пріобрѣтается и которыхъ привязанности не распро-страняются на большой кругъ людей. Во всей Калькуттѣ нѣскольکو времени только и было разговору, что о роскоши, съ какою онъ отдѣлалъ для удобства жены большую каюту одного ин-

(6) Индійскіе землевладѣльцы, пользующіеся нѣкоторыми привилегіями, напр. правомъ сбора податей.

дѣйскаго торговаго судна, объ изобиліи сандалнаго дерева и рѣзной слоновой кости, украсившихъ ея помѣщеніе, и о тысячахъ, издержанныхъ для того, чтобы доставить ей, на время путешествія, общество пріятной спутницы. Замѣтимъ здѣсь, что письма Гастингса къ его женѣ очень характеристичны; они вѣжны и полны признаковъ уваженія, и довѣрія но въ то же время немного церемоннѣе обыкновенной переписки между мужемъ и женою. Торжественная вѣжливость, съ которою онъ привѣтствуетъ свою «изящную Маріану», напоминаетъ намъ, мѣстами, достоинство, съ которымъ сэръ Чарльзъ Грандисонъ наклонился надъ рукою миссъ Байронъ въ кедровой гостиной (?).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Гастингсъ приготовился послѣдовать за своею женою въ Англію. Когда было объявлено, что онъ намѣревается оставить свою должность, то чувства общества, которымъ онъ такъ долго управлялъ, выразились многими путями. Посыпались адреса отъ европейцевъ и азіятцевъ, отъ гражданскихъ чиновниковъ, отъ военныхъ и купцовъ. Въ тотъ день, когда онъ передалъ ввѣряемые генералъ-губернатору ключи, толпа друзей и почитателей образовала аллею до самой набережной, гдѣ онъ сѣлъ на корабль. Нѣсколько баржъ сопровождали его на значительное разстояніе внизъ по рѣкѣ, и нѣсколько преданныхъ друзей не хотѣли разстаться съ нимъ прежде, чѣмъ низкій берегъ Бенгала уже исчезалъ изъ глазъ, а лоцманъ оставлялъ судно.

О путешествіи его мало извѣстно, кромѣ того, что развлеченіемъ ему служили книги и перо и что въ числѣ сочиненій Гастингса, которыми онъ разсѣвалъ скуку этого продолжительнаго досуга, было хорошенькое подражаніе Горациеву «*Otium Divos rogat*». Маленькое стихотвореніе это было посвящено м-ру Шору (впослѣдствіи лордъ Тенмутъ), человѣку, о честности, гуманности и благородствѣ котораго невозможно отзывать достаточно высоко, но который, подобно нѣкоторымъ другимъ отличнымъ членамъ гражданскаго управленія, смотрѣлъ на поведеніе своего друга, Гастингса, съ такою снисходительностью, въ какой собственное его поведеніе никогда не нуждалось.

(?) Въ романѣ Ричардсона: «*Sir Charles Grandison*».

Путешествіе было для того времени очень быстро: Гастингсъ оставался въ морѣ немного болѣе четырехъ мѣсяцовъ. Въ іюні 1785 года онъ высадился на берегъ въ Плимутѣ, отправился на почтовомъ въ Лондонъ, явился ко двору, заявилъ свое почтеніе въ Leadenhall Street и послѣ того удалился съ женою въ Чельтенгамъ.

Онъ былъ очень доволенъ сдѣланнымъ ему приѣмомъ. Король показалъ ему замѣтное вниманіе. Не менѣе любезна была и королева, уже подвергшаяся многимъ порицаніямъ за милостивое расположеніе, которое, не смотря на обычную строгость своей добродѣтели, она выказала «изящной Маріаннѣ». Директора приняли Гастингса въ торжественномъ засѣданіи, и председатель прочелъ бывшему генераль-губернатору единогласно принесенную членами благодарность. «Я нахожу, говорилъ Гастингсъ въ письмѣ, около трехъ мѣсяцевъ послѣ прибытія въ Англію, — я нахожу, что меня всѣ и повсемѣстно встрѣчаютъ съ явными даже и для моего собственнаго наблюденія признаками того, что я пользуюсь хорошимъ мнѣніемъ своего отечества.»

Увѣренный и торжествующій тонъ его переписки около этого времени тѣмъ болѣе замѣчателенъ, что Гастингсъ уже получилъ вѣрныя свѣдѣнія о готовившемся противъ него нападеніи. Черезъ недѣлю послѣ его прибытія въ Плимутъ Боркъ извѣстилъ нижнюю палату о томъ, что готовится предложеніе, серьезно касающееся одного джентльмена, недавно вернушагося изъ Индіи. Однако, конецъ сессіи былъ уже такъ близокъ, что оказалось невозможнымъ приступить къ такому обширному и важному предмету.

Ясно, что Гастингсъ не сознавалъ опасности своего положенія. Дѣйствительно, казалось, что то благоразуміе, тотъ вѣрный взглядъ, та неистощимая изобрѣтательность, которыми онъ отличался на Востокѣ, теперь совершенно его оставили. Не то, чтобы онъ не былъ тѣмъ же человѣкомъ, который восторжествовалъ надъ Франсисомъ и Нункомаромъ, который обратилъ въ орудія своей воли и главнаго судью, и набоба-визиря, который низложилъ Ченгъ-Синга и отразилъ Гайдера-Али; но, какъ прекрасно замѣтилъ м-ръ Граттанъ, пятидесятилѣтній

дубъ не слѣдуетъ пересаживать. Человѣкъ, оставившій Англiю мальчикомъ и возвращающійся въ свое отечество по прошествiи тридцати или сорока лѣтъ, проведенныхъ въ Индiи,—каковы бы ни были его дарованiя,—найдетъ, что ему предстоитъ многому научиться и многому разучиться, прежде нежели онъ будетъ въ состоянiи занять мѣсто между государственными людьми Англiи. Отправленiя представительной системы, борьба партiй, искусство вести пренiя, влiянiе прессы—смущаютъ прiѣзжаго новизною. Окруженный со всѣхъ сторонъ незнакомыми орудiями, осаждаемый новою тактикою, онъ терзается, какъ растерялся бы Анибалъ подъ Ватерло и Эмистоклъ подъ Трафальгаромъ. Самая хитрость вводитъ его въ заблужденiе; обычная энергiя заставляетъ его спотыкаться. Чѣмъ вѣрнѣе его правила въ приложенiи къ тому обществу, къ которому онъ привыкъ, тѣмъ скорѣе они вовлекутъ его въ ошибку. Сказанное оправдалось разительно надъ Гастингсомъ. Въ Индiи ему шли плохiя карты, но онъ былъ мастеромъ въ игрѣ и выигрывалъ каждую партiю. Въ Англiи, напротивъ, у него были бы прекрасныя карты, еслибы онъ только сужѣлъ ими воспользоваться, и если Гастингсъ былъ поставленъ на край гибели, то это было преимущественно вслѣдствiе собственныхъ ошибокъ.

Изъ всѣхъ этихъ ошибокъ, быть можетъ, самую важную составляетъ сдѣланный имъ выборъ защитника. Выборъ Клайва въ подобныхъ же обстоятельствахъ былъ чрезвычайно счастливый. Онъ довѣрилъ свою судьбу Веккерборну, впоследствии лорду Лофборо,—одному изъ немногихъ великихъ адвокатовъ, которые играли важную роль и въ нижней палатѣ. Поэтому, защита Клайва не представляла недостатка ни въ учености, ни въ знанiи свѣта, ни въ судебной проникательности, ни въ томъ краснорѣчiи, которое плѣняетъ политическiя собранiя. Гастингсъ вѣрилъ свои интересы совершенно иному человѣку—майору бенгальской армiи, по имени Скотту. Господинъ этотъ, нѣсколько времени передъ тѣмъ, былъ посланъ изъ Индiи въ качествѣ агента генералъ-губернатора. Говорили, что услуги его вознаграждались съ восточною щедростью; мы думаемъ, что онъ получилъ гораздо болѣе, нежели Гастингсъ могъ дать безъ затрудненiя.

Маіоръ получилъ мѣсто въ парламентѣ и почитался тамъ органомъ своего патрона. Человѣкъ въ такомъ положеніи, очевидно, не могъ говорить съ авторитетомъ, принадлежащимъ независимому положенію. Къ тому же, агентъ Гастингса не имѣлъ дарованій, необходимыхъ для того, чтобы овладѣть вниманіемъ собранія, привыкшаго слушать великихъ ораторовъ и потому, очень естественно, сдѣлавшагося възыскательнымъ. Онъ былъ всегда на ногахъ, былъ очень скученъ и не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ о заслугахъ Гастингса и постигшихъ его несправедливостяхъ. Всякій, кто знаетъ нижнюю палату, легко угадаетъ дѣйствіе этихъ качествъ. Маіора начали вскорѣ считать самымъ несноснымъ существомъ своего времени. Старанія его не ограничивались однимъ парламентомъ. Почти не проходило дня, чтобы въ газетахъ не появился какой-нибудь пухъ о Гастингсѣ, съ подписью *Asiaticus* или *Bengalensis*, но, какъ всѣмъ было извѣстно, написанный неутомимымъ Скоттомъ; почти не проходило мѣсяца, чтобы въ руки чемоданныхъ мастеровъ и пирожниковъ не переходилъ какой-нибудь полновѣсный памфлетъ того же автора и о томъ же предметѣ. Что же касается до способности этого джентльмена провести въ парламентѣ щекотливый вопросъ, то читатели могутъ судить о ней уже по письмамъ, приведеннымъ м-мъ Глейгомъ. Мы укажемъ только на одно проявленіе права и сужденій маіора Скотта. Онъ называлъ величайшаго изъ людей того времени «пресмыкающимся м-мъ Боркомъ».

Однако, не смотря, на этотъ несчастный выборъ, общее положеніе дѣлъ благопріятствовало Гастингсу. Король былъ на его сторонѣ. Компанія и ея должностныя лица усердно его защищали. Между государственными дѣятелями онъ имѣлъ многихъ горячихъ друзей. Въ числѣ ихъ были: лордъ Мансфилдъ, пережившій бодрость своего тѣла, но еще свѣжій умомъ, и лордъ Лансдаунъ, который, хотя не принадлежалъ ни къ одной изъ партій, но сохранялъ все значеніе, связанное съ большими способностями и познаніями. Министры, вообще, казалось, благопріятствовали бывшему генераль-губернатору. Они были обязаны своею властью крикамъ, поднявшимся противъ Фоксова ость-

индскаго билля ⁽⁸⁾. Составители этого билля, когда ихъ обвиняли въ нарушеніи дарованныхъ правъ и въ созданіи властей, чуждыхъ конституціи, защищались, указывая на преступленія Гастингса и говоря, что такія необыкновенныя злоупотребленія оправдываютъ принятіе необыкновенныхъ мѣръ. Тѣ же, которые, своей оппозиціей биллю Фокса, стали во главѣ правленія, естественно, были склонны уменьшать важность золь, послужившихъ поводомъ къ предложенію такого насильственного средства, и, дѣйствительно, таково было ихъ общее расположеніе. Въ особенности, лордъ-канцлеръ Торло, которому важная должность и сила ума давали въ управленіи значеніе, уступавшее одному только значенію м-ра Питта, принялъ сторону Гастингса съ непримиримою горячностью. М-ръ Питтъ, хотя и осуждалъ многія стороны системы индійскаго управленія, однако тщательно избѣгалъ осужденія бывшаго генералъ-губернатора даже словомъ. При свиданіи съ майоромъ Скоттомъ молодой министръ превознесъ Гастингса какъ великаго, удивительнаго человѣка, имѣющаго самыя большія права на признательность правительства. Оставалось только одно препятствіе къ дарованію всего, что только могъ требовать столь замѣчательный слуга общества: упомянутое нами порицаніе его дѣйствій нижнею палатою, неизглаженное въ ея протоколахъ. Рѣшеніе это было несправедливо; но пока оно не было отмѣнено, могъ ли министръ совѣтовать королю удостоить знакомъ своей благосклонности человѣка, надъ которымъ еще тяготѣло порицаніе? Если можно довѣрять маіору Скотту, то м-ръ Питтъ объявилъ это единственною причиною, которая препятствовала правительству возвести Гастингса въ званіе пера. Изъ всѣхъ значительныхъ членовъ правительства одинъ м-ръ Дондасъ явно выказалъ противоположный взглядъ на этотъ предметъ. Онъ

⁽⁸⁾ Фоксъ внесъ билль въ качествѣ члена министерства герцога Портланда. Этимъ биллемъ предполагалось уничтожить совѣтъ директоровъ и передать верховное управленіе Индіею правительству. Билль, пройдя нижнюю палату со слабымъ большинствомъ, былъ отвергнутъ палатою лордовъ. Министерство Портланда пало; новое было образовано бывшимъ главою оппозиціи, Питтомъ, и существовало до 1801 года.

предложилъ рѣшеніе, создавшее затрудненіе; но и его нечего было многого опасаться. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ председательствовалъ въ комитетѣ по восточнымъ дѣламъ, произошли большія перемѣны. Его окружали новые союзники; надежды его устремились на новые предметы, и каковы бы ни были его хорошія качества,—а хорошихъ качествъ у него было много,—къ числу ихъ даже самая лестъ никогда не причисляла строгую послѣдовательность.

Итакъ, Гастингсъ имѣлъ полное основаніе ожидать поддержки со стороны министерства; министерство же было могущественно. Оппозиція громко и запальчиво атаковала Гастингса. Но, хотя она и была страшна богатствомъ и вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ и удивительными дарованіями и краснорѣчіемъ другихъ, однако противники ея имѣли надъ нею численное превосходство въ парламентѣ, и она была ненавистна по всей странѣ. Къ тому же, на сколько мы въ состояніи судить, оппозиція не имѣла, вообще, желанія приступить къ такому важному дѣйствію, каково обвиненіе индійскаго губернатора. Такой процессъ долженъ былъ длиться цѣлые годы; онъ долженъ былъ наложить на предводителей партіи страшно-тяжелую работу. Тѣмъ не менѣе, онъ едвали могъ какимъ бы то ни было образомъ оказать вліяніе на исходъ главнаго политическаго состязанія. Поэтому, послѣдователи коалиціи были болѣе склонны хулить Гастингса и ругаться надъ нимъ, нежели подвергать его формальному обвиненію. Они не пропускали ни одного случая связывать его имя съ именами самыхъ ненавистныхъ тирановъ, о которыхъ упоминаетъ исторія. Остряки Бруксова клуба направляли самые ѣдкіе сарказмы свои какъ противъ его общественной, такъ и противъ его семейной жизни. Любимыми предметами для насмѣшекъ были прекрасные брилліанты, которые, какъ носились слухи, онъ поднесъ королевской фамиліи, и постель изъ рѣзной слоновой кости, которую королева удостоила принять отъ него. Одинъ веселый поэтъ предложилъ, чтобы великія дѣянія супруга прекрасной Маріаны были преданы безсмертію кистью его предшественника и чтобы Имгофу было поручено украсить зданіе нижней палаты картинами, представляющими исходящихъ кровью ромл-

ловъ, висящаго Нункомага, Читъ-Синга, спускающагося въ Гангъ. Другой, въ превосходной юмористической народнй третей ея эклогн Виргилн, предложилъ вопросъ: какой бы минералъ могъ лучами своими сдѣлать самую строгую изъ принцессъ другомъ порочнаго человѣка. Третій описалъ съ веселымъ недоброжелательствомъ пышный нарядъ, въ которомъ м-съ Гастингсъ явилась въ Ст. Джемскій дворецъ: млечный путь драгоценныхъ камней, сорванныхъ съ индйскихъ княгинь и украшавшихъ ея головной уборъ, ея ожерелье, сверкающее рѣшевыми, которыя будутъ постановлены парламентомъ, и снющія въ ея унахъ вопросы, подлежащяе суду. Подобнаго рода сатирическя нападки и, можетъ быть, предложеняе порицаняа удовлетворили бы большинство оппозицн. Но къ ней принадлежали два человѣка, которыхъ негодоване нельзя было успокоить такими образами: Филиппъ Франсисъ и Эдмондъ Боркъ.

Франсисъ недавно вступилъ въ нижнюю палату и уже упрочилъ за собою репутацню человѣка трудолюбиваго и даровитаго. Правда, онъ имѣлъ одинъ несчастный недостатокъ: неумѣнье говорить плавно. Но по временамъ онъ выражался съ достоинствомъ и энергнєю, свойственными величайшимъ ораторамъ. Почти непосредственно за появленнємъ въ парламентъ онъ подвергся желчной неприязанн Пятта, постоянно обращаващагося къ нему со всею жесткостью, которая только дозволена законами пренн. Ни протекшяе годы, ни перемѣна мѣста не смягчили враждебныхъ отношенн, которыя Франсисъ вынесъ съ Востока. По своему обыкновенню онъ ошибочно принялъ свос недоброжелательство за добродѣтель, делѣялъ его, подобно тому, какъ—по словамъ проповѣдниковъ—мы должны делѣять свос хорошяе побужденяа, и во всѣхъ случаяхъ выставлялъ его на видъ съ фарисейскимъ чванствомъ.

Рвенне Борка было еще болѣе горячо, но гораздо чище. Люди, неспособные понимать возвышенность его ума, старались отыскать какяя-либо унижительныя причины запальчивости и настойчивости, которыя онъ выказалъ при этомъ случаѣ. Но это имъ совершенно не удалось. Пустой разговоръ, что онъ мстилъ за какую-то частную обиду, давно уже оставленъ безъ вниманяа даже адвокатами Гас-

тингса. М-ръ Глейгъ предполагаетъ, что Боркъ былъ побуждаемъ духомъ партіи, что онъ сохранялъ горькое воспоминаніе о паденіи коалиціи ⁽⁹⁾, что паденіе это онъ приписывалъ стараніямъ Остъ-Индской компаніи и заинтересованныхъ въ ней лицъ и что онъ почиталъ Гастингса главою и представителемъ этихъ интересовъ. Объясненіе это, кажется, достаточно опровергается справкою съ числами. Враждебность Борка къ Гастингсу возникла задолго до коалиціи и продолжалась долго послѣ того, какъ Боркъ сдѣлался усердною подпорою тѣхъ, которые ее разбили. Непріязнь началась въ то время, когда Боркъ и Фоксъ, въ тѣсномъ союзѣ, атаквали вліяніе короны и требовали мира съ американскою республикою. Она продолжалась до тѣхъ поръ, когда Боркъ, отчужденный отъ Фокса, осыпанный королевскими милостіями, умеръ, проповѣдуя крестовый походъ противъ французской республики. Кажется, нелѣпо искать въ событіяхъ 1784 года причину вражды, которая началась въ 1781 и сохранялась въ полной силѣ долго послѣ того, какъ были прощены лица, гораздо глубже замѣшанные въ событія 1784 года, нежели Гастингсъ. И зачѣмъ намъ искать иного объясненія дѣйствій Борка, кромѣ понятнаго съ перваго взгляда? Несомнѣнно, что Гастингсъ совершилъ нѣсколько большихъ злодѣяній и что мысль объ этихъ злодѣяніяхъ заставляла кипѣть кровь въ жилахъ Борка, потому что онъ былъ человѣкъ, въ которомъ сочувствіе каждому страданію и ненависть ко всякой несправедливости и ко всякому угнетенію были такъ же сильны, какъ въ Ласъ-Казасъ или Кларксонъ. И хотя въ немъ, какъ и въ Ласъ-Казасъ или Кларксонъ, эти благородныя чувства и были соединены со слабостью, свойственною человѣческой природѣ, однако онъ имѣетъ равное съ ними право на слѣдующую похвалу: онъ посвятилъ годы усиленнаго труда на служеніе народу, съ которымъ не былъ связанъ ни кровью, ни языкомъ, ни религіею, ни обычаями, народу, отъ котораго онъ не могъ ожидать никакого вознагражденія, ни изъявленій благодарности, ни рукоплесканій.

(9) Министерства герцога Портланда.

Онъ зналъ Индію, какъ знали ее не многіе даже изъ тѣхъ европейцевъ, которые провели нѣсколько лѣтъ въ этой странѣ, и какъ, навѣрное, не зналъ ея ни одинъ государственный чело- вѣкъ, не оставившій Европы. Онъ изучилъ исторію, законы и обычаи Востока съ трудолюбіемъ, которое рѣдко встрѣчается въ соединеніи съ такимъ великимъ геніемъ и съ такою сильною чув- ствительностью. Быть можетъ, другіе были столь же трудолюби- вы и собрали не меньшую массу матеріаловъ. Но Боркъ со- вершенно своеобразно обращалъ высшія силы своего ума на собранные факты и числовыя таблицы. Въ каждой части тѣхъ огромныхъ свѣдѣній объ Индіи, которыя отталкивали отъ себя почти всѣхъ прочихъ читателей, его умъ, въ то же время фи- лософскій и поэтическій, находилъ предметы для изученія или наслажденія. Его разсудокъ анализировалъ и усваивалъ эти об- ширныя и нестройныя массы; его воображеніе оживляло ихъ и придавало имъ цвѣтъ. Изъ мглы скуки и безпорядка онъ извлекалъ въ изобиліи остроумныя теоріи и оживленныя карти- ны. Онъ въ высшей степени обладалъ тою благородною способ- ностью, помощью которой челоуѣкъ приобрѣтаетъ возможность жить въ прошедшемъ и будущемъ, въ отдаленномъ и недѣйстви- тельномъ. Индія и ея жители не были для него, какъ для боль- шинства англичанъ, простыми именами и отвлеченностями, но были дѣйствительною страной и дѣйствительнымъ народомъ. Па- лящее солнце, необыкновенное произрастаніе пальмъ и кокосо- выхъ деревьевъ, рисовое поле и резервуаръ съ водою; огромныя де- ревя, древнѣе могольской имперіи, и происходяшія подъ ни- ми сходки поселянъ; соломенная крыша крестьянской хижины и богатая украшенія мечети, гдѣ имамъ молится, обратившись лицомъ къ Меккѣ; барабаны и знамена и блестящіе идолы; бо- гомолець, кружащійся въ воздухѣ; граціозная дѣвушка съ кув- шиномъ на головѣ, спускающаяся по ступенямъ къ берегу рѣ- ки; черныя лица, длинныя бороды, желтыя полосы сектъ; чал- мы и широкія развѣвующіяся одежды; копыя и серебряныя па- лица; слоны съ ихъ парадными бадахнянами; пышный паланкинь принца и закрытыя носилки благородной дамы,—всѣ эти предме- ты представлялись ему такъ же живо, какъ обстановка, въ ко-

торой протекла его собственная жизнь, какъ предметы на дорогѣ отъ Биконсфильда къ Сентъ-Джемской улицѣ. Вся Индія находилась передъ глазами этого человѣка, начиная съ залы, гдѣ тяжущіеся клали золото и благовопія къ ногамъ государей, и до дикаго болота, гдѣ разбивали лагерь цыгане; отъ базара, гдѣ толпы продавцевъ и покупателей жужжать подобно улью пчелъ, до зѣрослей, гдѣ уединенный курьеръ бречитъ связкой желѣзныхъ колець, чтобы испугать и отогнать гіену. Онъ имѣлъ столь же живое понятіе о возстаніи въ Бенаресѣ, какъ о митежахъ лорда Джорджа Гордона ⁽¹⁰⁾; такое же понятіе о казни Нуикомара, какъ о казни Доктора Додда. Угнетеніе въ Бенгалѣ было для него совершенно равнозначуще угнетенію на улицахъ Лондона.

Онъ видѣлъ, что Гастингсъ былъ виновенъ въ нѣкоторыхъ крайне непростительныхъ дѣйствіяхъ. Все послѣдовавшее было естественно и необходимо со стороны ума, подобнаго уму Берка. Его воображеніе и страсти, разъ возбужденныя, увлекли его за предѣлы справедливости и здраваго смысла. Его расудокъ, не смотря на всю свою мощь, сталъ рабомъ чувствъ, которыя долженъ бы былъ сдерживать. Его негодованіе, вначалѣ добродѣтельное, слишкомъ усвоило характеръ личной неприязни. Онъ не могъ видѣть никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ, никакихъ искупающихъ заслугъ. Его нравъ, хотя великодушный и любящій, былъ, однако, всегда раздражителенъ; теперь онъ почти одичалъ вслѣдствіе тѣлесныхъ немощей и душевныхъ волненій. Сознавая въ себѣ большія способности и большія добродѣтели, Беркъ видѣлъ себя, въ преклонныхъ лѣтахъ и въ бѣдности, предметомъ ненависти коварнаго двора и обманутаго народа. Въ парламентѣ краснорѣчіе его устарѣло; палату наполнило молодое поколѣніе, которое его не знало. Когда онъ вставалъ, чтобы говорить, голосъ его заглушался неприличными восклицаніями молодыхъ людей, бывшихъ еще въ колыбели, когда его рѣчи о

(10) Въ 1780 г., по поводу дарованія католикамъ, за два года передъ тѣмъ, нѣкоторыхъ политическихъ правъ, лордъ Гордонъ, въ то время глава «Протестантскаго общества» собралъ митингъ и представилъ въ парламентъ, въ сопровожденіи огромной толпы народа, петицію. Движеніе это сопровождалось сильными беспорядками въ Лондонѣ.

штемпельномъ актѣ вызывали рукоплесканія великаго графа Чаттама. Все это произвело на его гордый и чувствительный дух дѣйствию, которому мы не можемъ удивляться. Онъ не могъ уже спокойно разсуждать о какомъ бы то ни было вопросѣ или принимать во вниманіе честное различіе мнѣній. Тѣ, которые думаютъ, что въ преніяхъ объ Индіи онъ выказалъ больше необузданности и горечи, нежели при другихъ случаяхъ, не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ его жизни. Въ преніяхъ о торговомъ договорѣ съ версальскимъ дворомъ, о регентствѣ, о французской революціи онъ выказалъ даже больше ѣдкости, нежели провѣдая обвиненіе Гастингса. Достоинно замѣчанія, что тѣ самыя лица, которыя представляли его злымъ сумасшедшимъ за то, что онъ въ ѣдкихъ словахъ осуждалъ войну съ ромлянами и ограбленіе индійскихъ княгинь, провозглашали его вдохновеннымъ пророкомъ, какъ скоро онъ началъ, еще съ большею горячностью и не съ большимъ основаніемъ, говорить противъ взятія Бастили и оскорбленій, нанесенныхъ Маріи Антуанетъ. Намъ онъ не кажется ни сумасшедшимъ въ первомъ случаѣ, ни пророкомъ во второмъ, но въ обоихъ случаяхъ—великимъ и добрымъ человѣкомъ, увлеченнымъ въ несообразности бурною чувствительностью, господствовавшею надъ всѣми прочими способностями.

Можно сомнѣваться, повела ли бы личная антипатія Франсиса или болѣе благородное негодованіе Борка ихъ партію къ принятію крайнихъ мѣръ противъ Гастингса, еслибы только поведеніе послѣдняго было болѣе благоразумно. Гастингсъ долженъ былъ бы чувствовать, что какъ ни велики были его общественныя заслуги, однако онъ не былъ безукоризненъ, и что поэтому ему слѣдовало довольствоваться избѣжаніемъ наказанія, не лица почестей триумфа. Но онъ и его агентъ смотрѣли на дѣло иначе. Они съ нетерпѣніемъ ждали награды, которыя, по ихъ понятію, откладывались только до того времени, когда минуетъ нападеніе Борка. Согласно съ этимъ они положили вызвать на рѣшительный бой врага, которому—будь онъ благоразумнѣе—построили бы золотой мостъ. Въ первый день сессіи 1786 года майоръ Скоттъ напомнилъ Борку объ извѣщеніи, сдѣланномъ

последнимъ въ предшествующемъ году, и спросилъ его, серьезно ли намѣреваются представить обвиненіе противъ бывшаго генералъ-губернатора. Этотъ вызовъ не оставлялъ оппозиціи другаго исхода, какъ только открыто выйти впередъ обвинителями или сознаться въ клеветѣ. Администрація Гастингса не была настолько безукоризненна, а великая партія Фокса и Норта настолько слаба, чтобы такой смѣлый вызовъ былъ благоразуменъ. Предводители оппозиціи немедленно дали единственный отвѣтъ, который они могли дать съ честью, и цѣлая партія была безвозвратно обязана внести обвиненіе.

Боркъ началъ дѣло требованіемъ бумагъ. Въ выдачѣ нѣкоторыхъ изъ документовъ, которыхъ онъ спрашивалъ, ему было отказано министрами, которые своими рѣчами сильно подтвердили господствовавшее мнѣніе, что они намѣрены поддерживать Гастингса. Въ апрѣлѣ обвинительныя статьи были представлены. Онѣ были написаны Боркомъ съ большимъ искусствомъ, хотя по формѣ слишкомъ походили на памфлетъ. Гастингсу дали копію съ обвиненія и объявили, что онъ можетъ, если захочетъ, говорить въ свою защиту у рѣшетки нижней палаты.

И въ этомъ случаѣ Гастингса преслѣдовала злая судьба, которая постоянно сопровождала его, начиная съ того дня, когда нога его ступила на англійскую почву. Казалось, было предложено, чтобы этотъ человѣкъ, котораго дѣйствія на Востокѣ выказывали столько такта и всегда вѣнчались успѣхомъ, дѣлалъ въ Европѣ одни промахи. Всякій благоразумный человѣкъ сказалъ бы ему, что лучшею вещью, которую онъ могъ сдѣлать, было бы произнести краснорѣчивую, энергическую и трогательную рѣчь у рѣшетки палаты, но что если онъ не рѣшается говорить и найдетъ необходимымъ прочесть защиту, то ей слѣдуетъ быть какъ можно короче. Аудиторіи, привыкшія къ превосходнымъ рѣчамъ, сказаннымъ экспромптомъ, всегда нетерпѣливо слушаютъ длинныя писанныя сочиненія. Гастингсъ же засѣлъ, какъ онъ это сдѣлалъ бы въ губернаторскомъ домѣ въ Бенгалѣ, и приготовилъ огромную рукопись. Находилась эта бумага между актами какого-нибудь индійскаго управленія, она, по справедливости, была бы признана искусно составленною

запиской; но въ настоящемъ случаѣ она была совершенно неуѣстна. Она не имѣла ни малѣйшаго успѣха, какъ не могла имѣть успѣха лучшая писанная защита въ собраніи, привыкшемъ къ оживленнымъ и сильнымъ столкновениямъ между Питтомъ и Фоксомъ. Члены, какъ только удовлетворено было ихъ любопытство относительно лица и манеръ знаменитости, отправились обѣдать и оставили Гастингса до полуночи рассказывать свою повѣсть парламентскимъ клеркамъ и экзекутору.

Когда всё предварительныя дѣйствія были, какъ слѣдуетъ, совершены, Боркъ въ началѣ іюня внесъ обвиненіе относительно войны съ роиллами. Онъ поступилъ осторожно, поставивъ это обвиненіе впереди прочихъ, потому что передъ тѣмъ Дондасъ предложилъ и палата приняла рѣшеніе, осуждавшее въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ политику, которой Гастингсъ слѣдовалъ въ отношеніи къ Роилконду. Дондасъ не могъ привести многого или, лучше, не могъ сказать ничего въ защиту собственной непоследовательности; но онъ повелъ смѣлую игру и воспротивился предложенію Борка. Между прочимъ, онъ объявилъ, что хотя и теперь считаетъ войну съ роиллами дѣломъ, котораго нельзя оправдать, но признаетъ заслуги, оказанныя вполсѣдствіи Гастингсомъ государству, достаточными, чтобы изгладить даже такую значительную вину. Питтъ не говорилъ, но подалъ голосъ съ Дондасомъ, и Гастингсъ былъ оправданъ 119-ю голосами противъ 67.

Гастингсъ былъ теперь увѣренъ въ побѣдѣ и, казалось, имѣлъ къ тому основанія. Война съ роиллами, изъ всѣхъ его мѣръ, представляла его противникамъ наибольшую выгоду къ нападенію. Она была осуждена совѣтомъ директоровъ. Она была осуждена нижнею палатою. Она была осуждена м-мъ Дондасомъ, который вполсѣдствіи сдѣлался главнымъ министромъ короны по индійскимъ дѣламъ. Боркъ, выбравъ эту сильную позицію, потерпѣлъ на ней совершенное пораженіе. Послѣ того, какъ онъ испыталъ неудачу здѣсь, никому не казалось возможнымъ, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ на другомъ пунктѣ. Въ клубахъ и кофейняхъ носились слухи, что внесутъ еще одно, быть можетъ, два обвиненія; что если нижняя палата выразится противъ обвиненія предъ палатою лордовъ, то оппо-

зияція бросить это дѣло; что Гастингсъ немедленно будетъ возведенъ въ званіе пера, украшенъ звѣздой Бани, принесетъ присягу на должность члена тайнаго совѣта и будетъ приглашенъ посвятить свои дарованія и свою опытность на помощь индійскому совѣту. Дѣйствительно, лордъ Торло,¹ нѣсколько мѣсяцевъ до того, говорилъ съ презрѣніемъ о сомнѣніяхъ, которыя препятствовали Питту призвать Гастингса въ палату лордовъ, и даже сказалъ, что если канцлеръ казначейства боится нижней палаты, то ничто не мѣшаетъ хранителю большой печати испросить разрѣшеніе короля о выдачѣ патента на званіе пера. Уже былъ выбранъ и титулъ: Гастингсъ долженъ былъ сдѣлаться лордомъ Дейльсфордомъ. Не смотря на странствіе и всѣ перемены счастья, въ Гастингсѣ неизмѣнно сохранилась привязанность къ тому мѣсту, которое было свидѣтелемъ величія и паденія его фамиліи и которое занимало такое видное мѣсто въ первыхъ мечтахъ его юнаго честолюбія.

Но въ нѣсколько дней прекрасная перспектива эта омрачилась. 13 іюня м-ръ Фоксъ, съ большимъ искусствомъ и краснорѣчіемъ, внесъ обвиненіе касательно поступковъ съ Чеитъ-Сингомъ. Франсисъ выступилъ на той же сторонѣ. Всталъ Питтъ, и друзья Гастингса исполнились надеждъ. Съ обычнымъ краснорѣчіемъ изложилъ министръ свое мнѣніе о вопросѣ. Онъ утверждалъ, что генералъ-губернаторъ былъ въ правѣ требовать отъ бенаресскаго раджи денежной помощи и наложить на него пеню за упорное уклоненіе отъ платежа. Онъ находилъ также, что образъ дѣйствій генералъ-губернатора въ теченіе возмущенія отличался искусствомъ и присутствіемъ духа. Онъ очень ѣдко порицалъ поведеніе Франсиса, какъ въ Индіи, такъ и въ парламентѣ, признавая это поведеніе крайне безчестнымъ и злымъ. Необходимый выводъ изъ соображеній Питта, казалось, былъ тотъ, что Гастингса должно съ честью оправдать, и друзья и противники министра равно ожидали отъ него предложенія въ этомъ смыслѣ. Къ удивленію всѣхъ партій онъ въ заключеніе сказалъ, что хотя и считаетъ Гастингса правымъ въ наложеніи на Чеитъ-Синга штрафа за неповиновеніе, однако признаетъ наложенный штрафъ слишкомъ большимъ для

даннаго случая. На этомъ основаніи — и только на этомъ основаніи — м-ръ Питтъ, одобряя всё остальныя части поведенія Гастингса въ отношеніи къ Бенаресу, объявилъ, что онъ подастъ голосъ въ пользу предложенія м-ра Фокса.

Палата была поражена какъ громомъ, — и не безъ причины. Несправедливость, оказанная Чеитъ-Сингу, даже еслибы она была столь черна, какъ утверждали Фоксъ и Франсисъ, была бездѣлицею въ сравненіи съ ужасами, которымъ подвергся Ронковдъ. Но если взгляды м-ра Питта на дѣло Чеитъ-Синга были вѣрны, то вовсе не было причины для обвиненія и преданія суду, ни даже для порицанія. Если вина Гастингса, дѣйствительно, состояла только въ томъ, что, имѣя право наложить пеню, величина которой не была опредѣлена, а предоставлялась его усмотрѣнію, онъ потребовалъ слишкомъ много, не для собственной выгоды, а для выгоды государства, — то соответствовала ли эта вина судебнo-уголовной процедурѣ наивысшей торжественности, судебнo-уголовной процедурѣ, которой не былъ подвергнутъ, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, ни одинъ государственный человѣкъ? Намъ понятно, какъ разсудительный и честный человѣкъ могъ быть побужденъ принять въ отношеніи Гастингса всякій образъ дѣйствія, за исключеніемъ только того, который избралъ м-ръ Питтъ. Такой человѣкъ могъ бы полагать, что для предупрежденія несправедливости и для оправданія національной чести необходимо великій примѣръ, и на этомъ основаніи могъ подать голосъ въ пользу обвиненія, какъ по дѣлу ронковдъ, такъ и по бенаресскому дѣлу. Такой человѣкъ могъ бы думать, что вины Гастингса были искуплены великими заслугами, и могъ на этомъ основаніи подать голосъ противъ преданія суду палаты лордовъ по обоимъ обвинительнымъ статьямъ. Съ большою недовѣрчивостію мы выдаемъ за свое мнѣніе, что вообще самымъ правильнымъ образомъ дѣйствія было бы обвинить по дѣлу ронковдъ и оправдать по бенаресскому. Еслибы обвиненіе по Бенаресу представлялось намъ въ томъ же самомъ свѣтѣ, въ какомъ оно представлялось м-ру Питту, то мы, не колеблясь, подали бы голосъ въ пользу оправданія по этому обвиненію. Единственный путь, который нельзя себѣ представить для честнаго человѣка съ десяти-

тою долею способностей м-ра Питта, былъ именно путь, который онъ избралъ. Онъ оправдалъ Гастингса по дѣлу рошловъ; онъ смягчилъ обвиненіе по Бенаресу до такой степени, что оно вовсе перестало быть обвиненіемъ, и тогда объявилъ, что оно содержитъ въ себѣ основаніе къ преданію суду.

Къ тому же, не слѣдуетъ забывать, что главная причина, по которой, согласно указанію министерства, оно не поддерживало обвиненія Гастингса по поводу войны съ рошлами, состояла въ томъ, что проступки начала его администраціи были искуплены достоинствами ея позднѣйшей эпохи. Не чрезвычайно ли странно было, что люди, говорившіе это, могли впослѣдствіи подавать голосъ въ пользу рѣшенія, что позднѣйшая эпоха администраціи Гастингса представляла основаніе для обвиненія не менѣе чѣмъ въ двадцати пунктахъ. Сначала они утверждали, что поведеніе Гастингса въ 1780 и 1781 годахъ было столь похвально, что, подобно *orega superegogationis* въ католическомъ богословіи⁽¹¹⁾, оно оказывалось дѣйствительнымъ для искупленія прежнихъ проступковъ, а послѣ того они преслѣдовали Гастингса судебнымъ порядкомъ за поведеніе въ 1780 и 1781 годахъ.

Общее удивленіе было тѣмъ сильнѣе, что только двадцать четыре часа до того, члены, на которыхъ министерство могло полагаться, получили обычныя записки изъ государственнаго казначейства, съ просьбою быть на своихъ мѣстахъ и подавать голосъ противъ предложенія Фокса. Гастингсъ утверждалъ, что въ тотъ самый день, въ который происходило преніе, Дондасъ, рано утромъ, заѣхалъ къ Питту, разбудилъ его и нѣсколько часовъ говорилъ съ нимъ въ кабинетѣ съ глазу на глазъ. Результатомъ этой конференціи было рѣшеніе предоставить бывшаго генералъ-губернатора мщенію оппозиціи. Даже самый могущественный министръ не могъ увлечь за собою всѣхъ своихъ по-

(11) Христосъ сдѣлалъ больше нежели было нужно для спасенія человечества. Его дѣянія и дѣянія святыхъ мучениковъ составляютъ какъ бы сокровищницу церкви. Избыткомъ дѣяній однихъ пополняется недостатокъ добрыхъ дѣлъ другихъ. Это воззрѣніе послужило основаніемъ буллѣ *Unigenitus* папы Климента VI.

слѣдователей по столь странному пути. Нѣсколько лицъ, занимавшихъ высокія должности, генераль-атторней, м-ръ Гренвилль и лордъ Мюльгревъ подали голосъ противъ м-ра Питта. Но презрѣнные сторонники, которые, не разсуждая, стояли за главу правленія, были въ достаточномъ числѣ, чтобы склонить чашку вѣсовъ. Сто девятнадцать членовъ подали голосъ въ пользу предложенія м-ра Фокса, семьдесятъ девять—противъ него. Дондасъ безмолвно послѣдовалъ за Питтомъ.

Великій и добродѣтельный Вилліамъ Вильберфорсъ часто разсказывалъ событія этой замѣчательной ночи. Онъ описывалъ удивленіе палаты и горькія замѣчанія, которыя высказывались вполголоса противъ перваго министра нѣкоторыми изъ обычныхъ сторонниковъ правительства. Самъ Питтъ, казалось, почувствовалъ, что поведеніе его требуетъ нѣ котораго объясненія. Онъ оставилъ скамью казначейства, подсѣлъ на нѣсколько времени къ м-ру Вильберфорсу и объявилъ очень серьезно, что какъ добросовѣстный человѣкъ нашелъ невозможнымъ долѣе стоять за Гастингса. Дѣло, говорилъ онъ, было слишкомъ дурно. Мы обязаны добавить, что м-ръ Вильберфорсъ вѣрилъ искренности своего друга и считалъ подозрѣнія, порожденныя этимъ страннымъ дѣломъ, совершенно неосновательными.

Подозрѣнія эти, дѣйствительно, таковы, что тяжело упоминать о нихъ. Друзья Гастингса,—большая часть которыхъ, слѣдуетъ замѣтить, обыкновенно поддерживала правительство, — утверждали, что Питтъ и Дондасъ были побуждаемы завистью. Гастингсъ былъ лично любимцомъ короля. Онъ былъ идоломъ Ост-Индской компаніи и ея служителей. Еслибы онъ былъ оправданъ нижнею палатою, занялъ мѣсто между лордами, допущенъ въ контрольный департаментъ и заключилъ тѣсный союзъ съ твердымъ и повелительнымъ Торло, то не стало ли бы почти достовѣрнымъ, что онъ вскорѣ овладѣетъ всѣмъ управленіемъ восточными дѣлами? Не получилъ ли бы онъ возможности, сдѣлаться страшнымъ соперникомъ въ кабинетѣ? Вѣроятно, разнесся слухъ о странныхъ сношеніяхъ между Торло и маіоромъ Скоттомъ и о томъ, что еслибы первый лордъ казначейства побоялся представить Гастингса въ званіе пера, то канцлеръ былъ готовъ

взять отвѣтственность за этотъ шагъ на себя. Изъ всѣхъ министровъ, Питтъ былъ наименѣе расположенъ терпѣливо подчиниться подобному захвату его власти. Въ случаѣ же, еслибы общины обвинили Гастингса передъ палатою лордовъ, всякая опасность исчезала. Процессъ, чѣмъ бы онъ ни окончился, вѣроятно продолжился бы на нѣсколько лѣтъ. Въ теченіе этого времени осужденный оставался устраненнымъ отъ почестей и государственныхъ должностей и едвали могъ бы даже являться ко двору. Таковы были побудительныя причины, приписанныя значительною частью публики молодому министру, котораго господствующую страсть, по общему убѣжденію, составляла жажда власти.

Отсрочка парламента вскорѣ прервала пренія о Гастингсѣ. Въ слѣдующемъ году эти пренія были возобновлены. Обвиненіе, касающееся ограбленія княгини, было представлено Шериданомъ въ рѣчи, которая такъ неудовлетворительно передава стенографами, что ее можно почитать совершенно утраченною; но рѣчь эта была безъ сомнѣнія, наиболѣе выработаннымъ и блестящимъ произведеніемъ его остраго ума. Оставленное ею впечатлѣніе было такъ сильно, что никогда не представлялось ему ничего равнаго. Шериданъ сѣлъ не только среди одобрительныхъ возгласовъ, но среди громкихъ рукоплесканій, въ которыхъ приняли участіе сидѣвшіе за рѣшеткой лорды и посѣтители въ галлерей. Возбужденное состояніе палаты было таково, что никакой другой ораторъ не могъ ожидать вниманія, и преніе было отсрочено. Броженіе быстро распространилось по городу. Въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ Шеридану предлагали тысячу фунтовъ за право напечатать его рѣчь, если онъ возьмется прокорректировать ее для печати. Впечатлѣніе, произведенное этимъ замѣчательнымъ проявленіемъ краснорѣчія на строгихъ и опытныхъ критиковъ, которыхъ разборчивость была еще усилена соревнованіемъ, — было глубоко и продолжительно. М-ръ Виндгамъ сказалъ, двадцать лѣтъ спустя, что рѣчь эта заслуживала всю свою славу и была величайшею изъ рѣчей, сохранившихся въ памяти современниковъ, не смотря на нѣкоторые недостатки относительно вкуса, какіе рѣдко не встрѣчались какъ въ литературныхъ, такъ и въ парламентскихъ произведеніяхъ Шеридана.

дана. М-ръ Фоксъ, около того же времени, на вопрос покойнаго лорда Голланда: какую рѣчь, изъ произнесенныхъ когда-либо въ нижней палатѣ, онъ считаетъ наилучшею,—не колеблясь назначилъ первое мѣсто великой рѣчи Шеридана по аудскому обвиненію.

Когда преніе было возобновлено, настроеніе было такъ враждебно къ обвиненному, что друзья его были принуждены молчать, будучи встрѣчаемы кашлемъ и шарканіемъ. Питтъ объявилъ себя за предложеніе Шеридана, и оно было принято ста- семьюдесятью-пятью голосами противъ шестидесяти-восьми.

Оппозиція, возбужденная побѣдою и сильно поддерживаемая общественною симпатіею, занялась предложеніемъ ряда обвиненій, относившихся преимущественно до денежныхъ сдѣлокъ. Друзья Гастингса уныли и, не надѣясь болѣе предупредить обвиненіе предъ палатою лордовъ, не были очень ревностны въ своихъ усиліяхъ. Наконецъ, палата, согласившись на двадцать обвинительныхъ статей, приказала Борку пойти въ присутствіе лордовъ и обвинить бывшаго генералъ-губернатора въ уголовныхъ преступленіяхъ и проступкахъ. Въ то же время экзекуторъ парламента арестовалъ Гастингса и повелъ къ рѣшеткѣ палаты перовъ.

Сессія должна была окончиться черезъ десять дней. Поэтому, дѣло не могло подвинуться ранѣе слѣдующаго года. Гастингсу было дозволено представить за себя поручительство, и дальнѣйшія дѣйствія были отложены до новаго собранія палатъ.

Когда слѣдующею зимою собрался парламентъ, общины приступили къ выбору комитета для поддержанія обвиненія передъ палатою лордовъ. Во главѣ стоялъ Боркъ, и къ нему была присоединена большая часть руководящихъ членовъ оппозиціи. Но когда было прочтено имя Франсиса, поднялся жаркій споръ. Говорили, что, какъ всѣмъ извѣстно, Франсисъ и теперь находился въ дурныхъ отношеніяхъ къ Гастингсу; что они были во враждѣ въ теченіе многихъ лѣтъ; что однажды взаимная непріязнь побудила ихъ къ дуэли и что неприлично и неделикатно было бы назначить личнаго врага публичнымъ обвинителемъ. Съ другой стороны было возражаемо, съ большею силою и преимущественно м-мъ Виндгамомъ, что, хотя нелю-

цепріятіе и составляетъ первую обязанность судьи, однако ее никогда не причисляли къ качествамъ адвоката; что въ обыкновенномъ уголовномъ судопроизводствѣ Англіи истцомъ является обиженная сторона, хотя она никогда не можетъ быть допущена на скамью присяжныхъ; что отъ руководителя обвиненій требуется не то, чтобы онъ былъ свободенъ отъ предубѣжденія, но чтобы онъ былъ способенъ, свѣдушъ, энергиченъ и дѣятеленъ. Что Франсисъ былъ способенъ и свѣдушъ, съ этимъ соглашались; самая неприязнь, въ которой его упрекали, была ли она добродѣтельна или порочна, служила, во всякомъ случаѣ, ручательствомъ въ его энергіи и дѣятельности. Кажется труднымъ опровергнуть эти доводы. Но закоренѣлая ненависть Франсиса къ Гастингсу возбудила общее отвращеніе. Палата рѣшила, что Франсису не слѣдуетъ быть обвинителемъ. Питтъ подалъ голосъ вмѣстѣ съ большинствомъ, Дондасъ — съ меньшинствомъ.

Между тѣмъ приготовленія къ суду были сдѣланы быстро, и 13-го февраля 1788 года начались засѣданія суда. Бывали зрѣлища, болѣе ослѣпляющія глазъ, болѣе пышныя драгоценными камнями и золотыми парчами, болѣе привлекательныя для взрослыхъ дѣтей, чѣмъ представлявшееся тогда въ Вестминстерѣ; но, быть можетъ, никогда не было зрѣлища до такой степени способнаго поразить умъ высоко развитый, мыслящій, обладающій сильнымъ воображеніемъ. Въ одномъ мѣстѣ и въ одно время были собраны всѣ различные роды интереса, принадлежавшіе близкому и отдаленному, настоящему и прошедшему. Всѣ дарованія и познанія, которыя развиваются свободою и образованностью, выказывались теперь со всѣми выгодами, извлекаемыми какъ изъ содѣйствія, такъ и изъ противоположности. Каждый шагъ въ судопроизводствѣ переносилъ умъ или назадъ, за многія смутныя столѣтія, къ тѣмъ днямъ, когда были положены основанія нашей конституціи, или далеко за безпредѣльные моря и пустыни, къ темнокожимъ народамъ, которые живутъ подъ чуждыми созвѣздіями, поклоняются страннымъ богамъ и пишутъ странными знаками отъ правой руки къ лѣвой. Верховное судилище парламента должно было, сообразуясь съ

формами, перешедшими отъ дней Плантагенетовъ, засѣдать, для суда надъ англичаниномъ, обвиненномъ въ угнетеніи властителя священнаго города Бенареса и деспотизмѣ надъ женщинами, принадлежавшими къ аудскому княжескому дому.

Мѣсто было достойно подобнаго суда. То была большая зала Вильгельма Рыжаго; зала, которая звучала пріивѣтственными кликами при посвященіи на царство тридцати королей; зала, которая была свидѣтельницею справедливаго приговора надъ Бэкономъ и справедливаго оправданія Сомерзла; зала, гдѣ краснорѣчіе Страффорда на одно мгновеніе устрасило и смягчило побѣдоносную партію, воспламененную справедливою жаждою мщенія; зала, гдѣ Карлъ сталъ лицомъ къ лицу предъ верховный судъ, съ тѣмъ спокойнымъ мужествомъ, которое наполовину спасло его славу. Не было недостатка ни въ военной, ни въ гражданской пышности. Вдоль по аллеямъ были разставлены гренадеры. Улицы очищались отъ толпы кавалерію. Впередѣ перовъ, одѣтыхъ въ золото и горностай, шли герольды, предводимые командоромъ ордена Подвязки. Судьи, въ своихъ парадныхъ одеждахъ, присутствовали для того, чтобы подавать совѣты по вопросамъ, относившимся до законовѣднія. Около ста-семидесяти лордовъ, — три четверти верхней палаты въ ея тогдашнемъ составѣ, — шли въ торжественномъ порядкѣ отъ своего обыкновеннаго мѣста собранія къ судилищу. Во главѣ шелъ младшій изъ присутствовавшихъ, баронъ Джорджъ Элиотъ, лордъ Гитфильдъ, незадолго предъ тѣмъ возведенный въ званіе пера за свою достопамятную защиту Гибралтара противъ флотовъ и армій Франціи и Испаніи. Длинная процессія была замыкаема оберъ-гофмаршаломъ, герцогомъ Норфолькомъ, высшими сановниками и братьями и сыновьями короля. Позади всѣхъ шелъ принцъ Валлійскій, привлекавшій вниманіе своею красивою наружностью и благородною осанкою. Старыя сѣрыя стѣны были завѣшаны краснымъ сукномъ. Въ длинныхъ галереяхъ тѣснилась такая масса слушателей, какая рѣдко запугивала или поощряла оратора. Туда стеклись, со всѣхъ частей великаго, свободнаго, просвѣщеннаго и счастливаго государства, граціозность и женская миловидность, умъ и ученость, представители всѣхъ

наукъ и всѣхъ искусствъ. Тамъ, вокругъ королевы, сидѣли бѣлокуромя молодыя дочери дома брауншвейгскаго. Тамъ послы великаго монарховъ и республикъ взирали съ удивленіемъ на зрѣлище, котораго не могла представить никакая другая страна въ свѣтѣ. Тамъ Сиддонзъ ⁽¹²⁾, во цвѣтѣ своей величественной красоты, смотрѣла съ волненіемъ на явленіе, превосходившее всѣ подражанія театра; историкъ римской имперіи ⁽¹³⁾ думалъ о тѣхъ дняхъ, когда Цицеронъ защищалъ дѣло Сициліи противъ Верреса и когда передъ сенатомъ, сохранявшимъ еще нѣкоторый наружный видъ свободы, Тацитъ гремѣлъ противъ притѣснителя Африки. Тамъ были видны, другъ возлѣ друга, величайшій живописецъ и величайшій ученый своего вѣка. Это зрѣлище отвлекло Рейнольдза отъ того мольберта, который сохранилъ намъ задумчивыя лица столькихъ писателей и государственныхъ людей и сладкія улыбки столькихъ благородныхъ матронъ. Оно побудило Парра прервать свои труды въ томъ темномъ и глубокомъ рудникѣ, изъ котораго онъ извлекъ обширное сокровище учености—сокровище, слишкомъ часто зарываемое въ землю, слишкомъ часто выставленное на показъ съ неразумительнымъ и нещазливымъ тщеславіемъ, но все же драгоценное, массивное и вѣдиколѣнное. Тамъ явились роскошныя прелести той, съ которой наследникъ престола въ тайнѣ обмѣнялся обѣтами ⁽¹⁴⁾. Тамъ была также и она, прекрасная мать прекраснаго рода, это святая Цецилія, которой нѣжныя черты, просвѣтленныя любовью и музыкой, искусство спасло отъ общаго разрушенія. Тамъ были члены того блестящаго общества, которое приводило тирады, критиковало, обмѣнивалось острыми отвѣтами подъ павлинными драпировками м-съ Монтегью. Тамъ, вокругъ герцогини Джоржіаны Девонширъ блистали дамы, которымъ уста, болѣе убѣдительныя, чѣмъ уста самого Фокса, побѣдили на вестминстерскихъ выборахъ дворъ и государственное казначейство ⁽¹⁵⁾.

(12) Знаменитая англійская актриса.

(13) Гиббонъ.

(14) Леди Фитцгербертъ.

(15) Герцогиня Девонширъ и другія дамы употребили свое вліяніе

Экзекуторы сдѣлали провозглашеніе. Гастингсъ подошелъ къ рѣшеткѣ и преклонилъ колѣно. Обвиненный, дѣйствительно, не былъ недостоинъ этого великаго собранія. Онъ управлялъ обширною и населенною странюю, издавалъ законы и заключалъ договоры, высылалъ арміи, возводилъ на престолы и свергалъ властителей. И на этомъ возвышенномъ мѣстѣ онъ велъ себя такъ, что всѣ его боялись, что большая часть его любила и что самая ненависть не могла оспаривать у него ни одного права на славу, за исключеніемъ добродѣтели. Онъ производилъ впечатлѣніе великаго, а не дурнаго человѣка. Не смотря на его небольшой ростъ и худощавость, его наружность получала достоинство отъ осанки, которая, свидѣтельствуя объ его уваженіи къ суду, указывала также на обычное самообладаніе и на сознаніе своего достоинства; высокій и умный лобъ; взглядъ задумчивый, но не мрачный; ротъ съ выраженіемъ непреклонной рѣшительности; лицо блѣдное, изнуренное, но ясное, на которомъ было написано, такъ же четко, какъ подъ большою картиною въ комнатѣ совѣта въ Калькуттѣ: *Mens œqua in arduis*, — таковъ былъ видъ великаго проконсула, представшаго передъ своихъ судей.

Гастингса сопровождали его адвокаты, люди, которые всѣ, дарованіями и ученостью, возвысились впоследствии до высочайшихъ должностей въ своей профессіи: смѣлый и твердый Ло, впоследствии главный судья королевской скамьи; болѣе человѣколюбивый и краснорѣчивый Далласъ, впоследствии главный судья общихъ тяжбъ, и Пломеръ, который, около двадцати лѣтъ позже, въ томъ же высокомъ судѣ, съ успѣхомъ защищалъ лорда Мельвилля и потомъ сдѣлался вице-канцлеромъ и начальникомъ государственнаго архива.

Но ни обвиненный, ни его адвокаты не привлекали столько вниманія, какъ обвинители. Посреди блеска красныхъ занавѣсокъ были размѣщены зеленыя скамьи и столы для общинъ. Члены обвинительной комиссіи, предводимые Боркомъ, явились въ парадной одеждѣ. Собиратели сплетней не преминули замѣ-

въ пользу Фокса и лично упрашивали избирателей подавать голосъ за него. Герцогиня купила за поцѣлуй голосъ одного мясника.

тить, что даже Фоксъ, обыкновенно такъ мало заботившійся о своей наружности, оказалъ знаменитому трибуналу вѣжливость, явившись съ косичкой и при шпагѣ. Питтъ отказался быть однимъ изъ распорядителей обвиненія, и его краснорѣчія, повелительнаго, богатаго, звонкаго, недоставало въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ дарованій. Преклонныя лѣта и сѣвота сдѣлали лорда Норта неспособнымъ къ обязанностямъ публичнаго обвинителя, и друзья его были лишены помощи его превосходнаго здраваго смысла, такта и вѣжливости. Однако, не смотря на отсутствіе этихъ двухъ замѣчательныхъ членовъ нижней палаты, ложа, въ которой стояли члены обвинительной комиссіи, заключала въ себѣ такой рядъ ораторовъ, какой, быть можетъ, не представлялся въ совокупности со временемъ великаго вѣка аенискаго краснорѣчія. Тамъ стояли Фоксъ и Шериданъ—англійскій Демосокенъ и англійскій Гиперидъ. Тамъ былъ Боркъ, дѣйствительно незнакомый съ искусствомъ примѣнять свои разсужденія и свой слогъ къ способностямъ и вкусу своихъ слушателей или пренебрегавшій этимъ искусствомъ, но превосходившій любого оратора древности и новѣйшихъ временъ широтою взгляда и богатствомъ воображенія. Тамъ, со взоромъ, благоговѣнно направленномъ на Борка, стоялъ прекраснѣйшій джентльменъ своего вѣка, мощно развитый тѣлесными упражненіями, съ лицомъ, сіявшимъ умомъ и мужествомъ,—благородный, рыцарскій, великодушный Виндгамъ. Хотя и окруженный такими людьми, даже младшій членъ комиссіи не оставался незамѣченнымъ. Въ такой возрастъ, когда большая часть людей, отличающихся въ жизни, еще стремится за призами и мѣстами членовъ университетскихъ коллегій, онъ уже занялъ видное мѣсто въ парламентѣ. Его великолѣпныя дарованія и незапятнанная честность были возвышены всѣми преимуществами богатства и родства. Двадцати-трехъ лѣтъ его считали достойнымъ занять мѣсто наравнѣ съ испытанными государственными людьми, которые явились какъ денутаты британскихъ общинъ у рѣшетки британской аристократіи. Изъ всѣхъ, стоявшихъ тогда у рѣшетки, остался теперь онъ одинъ; остальные сошли въ могилу: подсудимый, адвокаты, обвинители. Для поколѣнія, которое находится теперь въ цвѣту-

шей порѣ жизни, онъ единственный представитель минувшаго великаго вѣка. Но тѣ, которые въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ съ восхищеніемъ просиживали до восхода солнца, слушая возвышенное и оживленное краснорѣчіе графа Чарльза Грея—тѣ въ состояніи до нѣкоторой степени оцѣнить способности породы людей, между которыми онъ былъ не первымъ.

Сперва были прочтены обвиненія и оправданіе Гастингса. Эта церемонія заняла цѣлые два дня; скука ея была уменьшена звучнымъ голосомъ и выразительнымъ чтеніемъ Коупера — клерка суда, близкаго родственника любимаго поэта того же имени. На третій день началъ говорить Боркъ. Четыре засѣданія суда были заняты его вступительною рѣчью, имѣвшею цѣлью служить предисловіемъ ко всѣмъ обвиненіямъ. Съ полнотою и богатствомъ мысли и блескомъ выраженій, которые болѣе нежели удовлетворили высокія ожиданія присутствующихъ, онъ описалъ нравы и учрежденія туземцевъ Индіи, очертилъ обстоятельства, при которыхъ создалась азіятская имперія Британіи, и изложилъ конституцію компаніи и англійскихъ президентствъ. Послѣ этой попытки сообщить своимъ слушателямъ столь же ясное понятіе о восточномъ обществѣ, какое существовало въ собственномъ умѣ Борка, онъ приступилъ къ обвиненію управленія Гастингса какъ систематическаго нарушенія нравственности и публичнаго права. Энергія и краснорѣчіе великаго оратора вынудили выраженіе непривычнаго удивленія даже у стрѣгаго и враждебно къ нему расположеннаго канцлера; была минута, когда они, казалось, произлизи даже рѣшительное сердце отвѣтчика. Дамы въ галлерейхъ, непривычныя къ подобному краснорѣчію, возбужденныя торжественностью повода и, быть можетъ, довольныя случаемъ выказать свой вкусъ и чувствительность, находились въ состояніи неудержимаго душевнаго волненія. Носовые платки были вынуты, флаконы съ духами переходили изъ рукъ въ руки, слышались судорожныя рыданія и крики, и м-съ Шериданъ была вынесена изъ залы въ обморокъ. Наконецъ ораторъ заключилъ свою рѣчь. Возвысивъ голосъ такъ, что онъ отдавался въ древнихъ аркахъ изъ ирландскаго дуба, Боркъ сказалъ: «А потому повелѣно мнѣ палатою общинъ Великобрита-

ним обвинить Воррена Гастингса въ великихъ преступленіяхъ и проступкахъ. Я обвиняю его во имя палаты общинъ парламента, довѣріе которой онъ употребилъ во зло. Я обвиняю его во имя англійскаго народа, древнюю честь котораго онъ занялъ. Я обвиняю его во имя народа Индіи, права котораго онъ попираетъ ногами и отчизну котораго онъ обратилъ въ пустыню. Наконецъ, во имя самой человѣческой природы, во имя обоихъ половъ, во имя cadaго возраста, во имя всякаго званія, я обвиняю общаго врага и притѣснителя!»

Когда утихъ глубокій ропотъ различныхъ впечатлѣній, м-ръ Фоксъ обратился къ лордамъ относительно того порядка дѣйствій, котораго слѣдовало держаться. Желаніе обвинителей было, чтобы судъ окончилъ изслѣдованіе перваго обвиненія прежде, нежели будетъ приступлено ко второму; желаніе же Гастингса и его адвокатовъ было, чтобы обвинители поставили всё обвиненія и всё подтверждающія доказательства до начала защиты. Лорды удалились въ свою палату для обсужденія вопроса. Канцлеръ принялъ сторону Гастингса. Лордъ Лофборо, который въ то время принадлежалъ къ оппозиціи, поддерживалъ руководителей обвиненія. Раздѣленіе голосовъ показало, на какую сторону склонился судъ. Большинство, тройное противъ меньшинства, рѣшило вопросъ въ пользу того хода дѣла, котораго требовалъ Гастингсъ.

Когда судъ опять собрался, м-ръ Фоксъ, поддерживаемый м-ръ Гркемъ, открылъ обвиненіе по дѣлу Чентъ-Синга, и нѣсколько дней прошло въ чтеніи бумагъ и выслушиваніи свидѣтелей. Затѣмъ послѣдовало дѣло аудскихъ принцессъ: эта часть обвиненія была поручена Шеридану. Любопытство публики слышать его не имѣло границъ. Кто блестящая и тщательно законченная рѣчь продолжалась два дня, и въ теченіе всего этого времени зала была полна дѣтого, что въ ней можно было задохнуться. Говорятъ, что за одинъ билетъ платили до 50 гиней. Заклучивъ свою рѣчь, Шериданъ, со сценическимъ тактомъ, которому могъ бы позавидовать его отецъ, какъ бы въ изнеможениі упалъ въ объятія Борка, который, съ энергіею великодушнаго удивленія, прижалъ его къ сердцу.

Уже июнь приходилъ къ концу. Засѣданія не могли продолжаться долго, а по обвиненію было сдѣлано не много. Всего имѣлось двадцать пунктовъ обвиненія. Только по двумъ изъ нихъ была выслушана обвиняющая сторона, и уже годъ прошелъ послѣ освобожденія Гастингса на поруки.

Участіе, съ которымъ публика слѣдила за этимъ дѣломъ, было велико, когда начались засѣданія суда; оно достигло своего апогея, когда Шериданъ говорилъ о книгиняхъ. Съ этого времени волненіе начало быстро успокаиваться. Зрѣлище потеряло прелесть новизны. Краснорѣчивые рѣчи прекратились. Что предстояло впереди, не могло оторвать ученыхъ и литераторовъ, утромъ, отъ ихъ книгъ, или заставить дамъ, оставившихъ маскарадъ въ два часа ночи, встать съ постели ранѣе осьми часовъ утра. Предстояли допросы и передопросы. Предстояло подтвержденіе отчетовъ. Предстояло чтеніе бумагъ, наполненныхъ непонятными для англійскаго уха словами, напримѣръ лакки и кроры, земнидары и омилы, суннуды и перванны, джагиры и нуццурь. Предстояли не всегда приличные и не всегда любезные споры между руководителями обвиненія и защитниками подсудимаго, преимущественно между м-мъ Боркомъ и м-мъ Ло. Предстояли безконечныя марши и контръ-марши перовъ между ихъ палатою и заломъ суда, потому что, какъ только приходилось обсуждать какой-нибудь пунктъ законовъ, лорды удалялись для отдѣльнаго совѣщанія, и результатомъ — какъ остроумно сказалъ одинъ перъ — было, что судьи ходили, а дѣло не двигалось.

Надобно прибавить, что весною 1786 года, когда судъ начался, никакой значительный вопросъ, ни внутренней, ни вѣдшей политики, не возбуждалъ общественнаго мнѣнія. А потому дѣло въ Вестминстерской залѣ естественнымъ образомъ обращало на себя почти все вниманіе парламента и общества. Оно было великимъ происшествіемъ той сессіи. Но въ слѣдующемъ году болѣзнь короля, пренія о регенствѣ, ожиданіе перемены министерства совершенно отвлекли общественное вниманіе отъ индійскихъ дѣлъ; а двѣ недѣли спустя послѣ того, какъ Георгъ I благодарилъ Бога, въ соб. Св. Павла, за свое

выздоровленіе, генеральные штаты Франціи собрались въ Версаль. Посреди еяленія, произведеннаго всѣми этими проществіями, обвиненіе было на время почти забыто.

Въ началѣ судъ подвигался вяло. Въ сессію 1788 года, когда дѣло это шло за собою интересъ новизны и когда перамъ предстояло мало другой работы, на это дѣло было назначено имъ только тридцать-пять дней. Въ 1789 году билль о регенствѣ занималъ верхнюю палату большую часть сессіи. Когда король выздоровѣлъ, начались объѣзды судей. Последніе покинули городъ; лорды дожидались возвращенія этихъ оракуловъ закона, и результатомъ было, что въ теченіе всего года только семнадцать дней было дано дѣлу Гастингса. Ясно стало, что продолжительность суда будетъ безпримѣрна въ лѣтописяхъ уголовного судопроизводства.

Помстивъ, невозможно, оспаривать, что хотя обвиненіе предъ палатою лордовъ весьма красивая церемонія и хотя, быть можетъ, оно было полезно въ XVII столѣтіи, но въ настоящее время отъ него нельзя ожидать много добра. Какое бы довѣріе ни имѣли къ приговорамъ перовъ при апелляціи къ нимъ по обыкновеннымъ суднымъ дѣламъ, но достовѣрно, что никто не имѣетъ ни малѣйшей вѣры въ безпристрастіе перовъ, когда предъ ними стоитъ важный государственный самовникъ, обвиненный въ государственномъ преступленіи. Всѣ они—люди политическихъ партій. Едвали есть между ними хоть одинъ, котораго гóлоса по обвиненію нельзя было бы предсказать съ увѣренностью, даже раньше, нежели хоть одинъ изъ свидѣтелей будетъ допрошенъ; если бы и можно было довѣряться справедливости перовъ, все-же они неспособны произнести приговоръ въ дѣлѣ, подобномъ дѣлу Гастингса. Засѣданія ихъ продолжаются только въ теченіе полугода. На нихъ лежитъ рѣшеніе многихъ законодательныхъ и судебныхъ вопросовъ. Лорды-законники, совѣтъ которыхъ необходимо, чтобы руководить несвѣдущимъ большинствомъ, ежедневно заняты производствомъ судныхъ дѣлъ въ другихъ мѣстахъ. А потому невозможно, чтобы во время сессіи, когда представляется много другихъ дѣлъ, палата перовъ могла посвятить болѣе нѣсколькихъ дней обвиненію предъ нею. Было бы, конечно, нера-

зумно ожидать, что ихъ милость откажутся отъ охоты за куропатками для того, чтобы произнести скорый приговоръ надъ величайшимъ преступникомъ, или для того, чтобы скорымъ оправданіемъ помочь обвиненной невинности. Хорошо устроенное судилище, засѣдающее правильно шесть дней еженедѣльно и по девяти часовъ ежедневно, окончило бы дѣло Гастингса менѣе нежели въ три мѣсяца. Лорды не окончили своего дѣла въ семь лѣтъ.

Результатъ сталъ ясенъ съ того времени, какъ лорды рѣшили, что они будутъ руководствоваться тѣми правилами для доказательства преступленія, которыя приняты въ низшихъ судахъ королевства. Правила эти, какъ извѣстно, исключаютъ много такихъ свидѣтельствъ, которыя были бы совершенно достаточны для опредѣленія образа дѣйствія всякаго благоразумнаго человѣка въ самыхъ важныхъ случаяхъ частной жизни. Правила эти, въ каждахъ ассизахъ, спасаютъ десятки обвиненныхъ, въ виновности которыхъ твердо убѣждены и судьи, и присяжные, и зрители. А когда такими правилами строго руководствовались при разборѣ преступленій, совершенныхъ много лѣтъ тому назадъ, въ странѣ, отдаленной на нѣсколько тысячъ миль, то, очевидно, не могло быть и рѣчи о доказательствѣ преступленія. Мы не можемъ осуждать обвиненнаго и его адвокатовъ въ томъ, что они пользовались всѣми законными выгодами, чтобы получить оправданіе. Но несомнѣнно, что достигнутое такимъ образомъ оправданіе не можетъ имѣть значенія передъ судомъ исторіи.

Друзья Гастингса нѣсколько разъ пытались прекратить судъ. Въ 1789 году они предложили вотировать порицаніе Борка за нѣсколько рѣзкихъ выраженій, которыя онъ употребилъ, говоря о смерти Нункомара и о сношеніяхъ между Гастингсомъ и Импи. Имя Борка было въ то время въ высшей степени непопулярно, какъ въ парламентѣ, такъ и въ странѣ. Рѣзкость и неприличіе нѣсколькихъ выраженій, употребленныхъ имъ во время преній о регентствѣ, раздражили даже его искреннѣйшихъ друзей. Предложеніе осужденія прошло, и давшіе ему ходъ надѣялись, что руководители обвиненія Гастинга, въ досадѣ, откажутся отъ дѣла. Боркъ былъ глубоко оскорбленъ. Но его усердіе къ

тому, что онъ почиталъ дѣломъ справедливости и милосердія, взяло верхъ надъ личными чувствами. Онъ принялъ выговоръ парламента съ достоинствомъ и кротостью и объявилъ, что никакія личныя огорченія и униженія не заставятъ его отказаться отъ той священной обязанности, которую онъ на себя принялъ.

Въ слѣдующемъ году парламентъ былъ распущенъ, и въ друзьяхъ Гастингса родилась надежда, что новая палата общинъ не будетъ расположена поддерживать обвиненіе. Они начали съ того, что утверждали, будто все дѣло окончено распущеніемъ прежняго парламента. Разбитые на этомъ пунктѣ, они сдѣлали прямое предложеніе, чтобы дѣло было оставлено, но тутъ были поражены соединенными силами оппозиціи и правительства. Тѣмъ не менѣе положено было, для ускоренія рѣшенія, уничтожить многіе изъ обвинительныхъ пунктовъ. Дѣйствительно, еслибы не была принята какая-нибудь подобная мѣра, то судъ продолжался бы до тѣхъ поръ, пока отвѣтчикъ не сошелъ бы въ могилу.

Наконецъ, весною 1795 года рѣшеніе было произнесено, почти чрезъ 8 лѣтъ послѣ того, какъ Гастингсъ былъ приведенъ экзекуторомъ нижней палаты къ рѣшеткѣ палаты лордовъ. Въ послѣдній день этого великаго процесса любопытство публики, долгое время находившееся въ усыпленіи, казалось вновь возбужденнымъ. Безпокойства относительно приговора не могло быть: знали, что на сторонѣ обвиненнаго значительное большинство. Но многіе желали видѣть необыкновенное зрѣлище, и зала была такъ же наполнена зрителями, какъ и въ первый день. Однако изъ тѣхъ, которые присутствовали въ первый день, только немногіе явились въ послѣдній, и изъ этихъ немногихъ бѣльшая часть измѣнилась.

Какъ говорить самъ Гастингсъ, обвиненіе было сдѣлано въ присутствіи одного поколѣнія, а приговоръ былъ произнесенъ другимъ. Зритель не могъ смотрѣть на предсѣдательское кресло, на красныя скамьи перовъ и зеленыя скамьи палаты общинъ безъ того, чтобы ничто не напомнило ему о непостоянствѣ всего людскаго, о непрочности могущества, славы, жизни и обѣ

еще болѣе печальной непрочности дружбы. Большую печать несли теперь передъ лордомъ Лофборо, который въ то время, когда начался судъ, былъ свирѣпымъ противникомъ управленія м-ра Питта, а теперь былъ членомъ этого самаго управленія, между тѣмъ какъ Торло, бывший президентомъ суда во время перваго его засѣданія, нынѣ, отчужденный отъ всѣхъ своихъ старыхъ союзниковъ, сидѣлъ насупившись посреди младшихъ бароновъ. Изъ нобльменовъ, участвовавшихъ въ церемоніи перваго дня въ числѣ около 160, уже 60 поконились въ своихъ семейныхъ склепахъ. Еще болѣе сильныя чувства должна была возбудить ложа руководителей обвиненія. Что стало съ этимъ прекраснымъ товариществомъ, такъ тѣсно скрѣпленнымъ общественными и частными узами, такъ сильно сіявшимъ всевозможными талантами и совершенствами? Оно было разсѣяно несчастіями болѣе горькими, нежели самая смерть. Главные предводители еще были живы, и геній ихъ былъ еще въ полной своей силѣ. Но дружба ихъ прекратилась. Она была расторгнута публично, со слезами и бурными упреками. Когда люди эти, нѣкогда столь дорогіе другъ другу, были теперь принуждены встрѣчаться, чтобы руководить обвиненіемъ, они встрѣчались какъ люди совершенно чужіе, которыхъ столкнуло общественное дѣло, и обращались другъ къ другу съ холодною и сдержанною вѣжливостью. Боркъ увлекъ за собою Виндгама. За Фоксомъ послѣдовали Шериданъ и Грей.

Только двадцать-девять перовъ подали голоса. Изъ нихъ только шесть нашли Гастингса виновнымъ въ преступленіяхъ относительно Чейттъ-Синга и княгини. По прочимъ обвинительнымъ пунктамъ на сторонѣ Гастингса было еще значительнѣйшее большинство. Относительно нѣкоторыхъ онъ былъ единодушно оправданъ. Затѣмъ, онъ былъ призванъ къ рѣшеткѣ; съ предсѣдательскаго кресла ему было объявлено, что лорды его оправдали, и торжественно была провозглашена его невинность. Гастингсъ почтительно поклонился и вышелъ.

Мы сказали, что публика предвидѣла это рѣшеніе. Вообще, оно было одобрено. Въ началѣ суда въ публикѣ было сильное и, въ сущности, неразумное нерасположеніе къ Гастингсу. Къ концу

*

суда господствовало столь же сильное и столь же неразумное чувство въ его пользу. Одна изъ причинъ этой перемѣны, несомнѣнно, заключалась въ томъ, что, вообще, называется непостоянствомъ толпы, но что кажется намъ общимъ закономъ человѣческой природы. Какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ массахъ за сильнымъ возбужденіемъ постоянно слѣдуетъ ослабленіе чувства, а часто и реакція. Мы всё расположены унижать то, что излишне превозносили и, съ другой стороны, показывать излишнюю снисходительность тамъ, гдѣ показали излишнюю строгость. То же было и въ дѣлѣ Гастингса. Сверхъ того, продолжительность суда дѣлала отвѣтчика предметомъ всеобщаго сожалѣнія. Думали—и не безъ основанія, что если онъ и былъ виновенъ, то тѣмъ не менѣе съ нимъ поступали не хорошо и что 8-лѣтній судъ былъ болѣе нежели достаточнымъ наказаніемъ за его преступленіе. Чувствовали также, что хотя при обыкновенномъ уголовномъ судопроизводствѣ обвиненный не имѣетъ права противопоставлять свои хорошія дѣйствія своимъ проступкамъ, но что человѣкъ обвиненный въ важномъ политическомъ преступленіи долженъ быть судимъ совершенно на другомъ основаніи, что сановникъ, управлявшій въ теченіе 13-ти лѣтъ обширною страной, могъ совершить много весьма дурныхъ дѣлъ и что тѣмъ не менѣе дѣйствія его, взятая въ совокупности, могли скорѣе заслуживать наградъ и почестей, нежели наказанія и тюремнаго заключенія. Печать — орудіе, которымъ пренебрегали обвинители—была употреблена Гастингсомъ и его друзьями съ большимъ успѣхомъ. Сверхъ того, каждый прибывавшій изъ Мадраса или Бенгала корабль привозилъ толпу его почитателей. Всякій вернувшійся изъ Индіи джентльменъ говорилъ о бывшемъ генералъ-губернаторѣ какъ о человѣкѣ, который заслужилъ лучшую долю, а испыталъ худшую, чѣмъ кто-либо на свѣтѣ. Дѣйствіе, произведенное этимъ свидѣтельствомъ всѣхъ людей, знакомыхъ съ дѣлами Востока, было, естественно, весьма велико. Отставные чиновники Остъ-Индской компаніи, какъ гражданскіе, такъ и военныя, жили во всѣхъ углахъ королевства. Каждого изъ нихъ, въ его собственномъ маленькомъ кружкѣ, почитали, конечно, оракуломъ во всякомъ вопросѣ, касавшемся Индіи, и всѣ они, почти

безъ исключенія, были ревностными защитниками Гастингса. Надобно прибавить, что многочисленные адреса къ бывшему генералъ-губернатору, которые друзья его въ Бенгалѣ получали отъ туземцевъ и пересылали въ Англию, произвели также значительное впечатлѣніе. Мы не придаемъ этимъ адресамъ никакого значенія или, по крайней мѣрѣ, придаемъ весьма малое. Что Гастингсъ былъ любимъ народомъ, которымъ онъ управлялъ, это истина; но похвалы пундитовъ, земиндаровъ и магометанскихъ докторовъ не доказываютъ несомнѣнности этой любви: англійскій сборщикъ податей или судья безъ труда могъ заставить всякаго грамотнаго туземца подписать панегирикъ самому ненавистному правителю, какой когда-либо бывалъ въ Индіи. Рассказывали, что въ Бенаресѣ,—въ томъ самомъ мѣстѣ, въ которомъ было совершено дѣло, составлявшее первый пунктъ обвиненія,—туземцы воздвигли Гастингсу храмъ, и рассказъ этотъ произвелъ сильное впечатлѣніе въ Англии. Замѣчаніе Борка относительно этого обоготворенія было чрезвычайно удачно. Онъ говорилъ, что не видитъ причины удивляться обстоятельству, которое было представлено столь назидательнымъ. Онъ былъ нѣсколько знакомъ съ мисологіею браминовъ. Онъ зналъ, что какъ они поклонялись нѣкоторымъ богамъ изъ любви, такъ же точно они служили другимъ изъ страха; онъ зналъ, что они воздвигали храмы не только благодѣтельнымъ божествамъ свѣта и изобилія, но и враждебнымъ богамъ, во власти которыхъ находились оспа и убійства, и что онъ нисколько не оспариваетъ права м-ра Гастингса занять мѣсто въ подобномъ пантеонѣ. Это возраженіе всегда поражало насъ, какъ одно изъ превосходнѣйшихъ, когда-либо сдѣланныхъ въ парламентѣ. Это серьезный и сильный доводъ, отличающійся блескомъ остроумія и фантазіи.

Тѣмъ не менѣе Гастингсъ былъ внѣ опасности. Но во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ репутаціи, дѣла его были бы въ гораздо лучшемъ положеніи, еслибы бы при первомъ обвиненіи онъ прямо призналъ себя виновнымъ и заплатилъ штрафъ въ 50,000 ф. ст. Онъ былъ раззоренъ. Законные расходы его оправданія были громадны. Расходы, не вошедшіе въ счетъ его страпчаго, были, быть можетъ, еще значительнѣе. Большія сум-

мы были выплачены майору Скотту. Значительныя суммы были израсходованы на подкупъ газетъ, вознагражденіе памфлетистамъ и издателямъ мелкихъ брошюръ. Боркъ еще въ 1790 году объявилъ въ нижней палатѣ, что 20,000 ф. ст. было употреблено для подкупа журналистики. Дѣйствительно, никакое полемическое оружіе, начиная съ самаго серьезнаго разсужденія и исходя до самой грубо й брани, не было оставлено безъ употребленія. Логанъ защищалъ обвиненнаго губернатора съ большимъ искусствомъ въ прозѣ. Для любителей стиховъ рѣчи руководителей обвиненія были осмѣяны въ письмахъ Симпкинса. Къ сожалѣнію, неоспоримо, что Гастингсъ унизили дотого, что выпрашивалъ помощь этой злостной и грязной мартышки Джона Виллиамза, который называлъ себя Антоніемъ Пасквиномъ. Подобнымъ союзникамъ надобно было платить щедро. Частныя сбереженія м-съ Гастингсъ исчезли. Говорятъ, что банкиръ, которому они были довѣрены, обанкрутился. Тѣмъ не менѣе, еслибы Гастингсъ былъ строго бережливъ, то не смотря на всѣ свои потери, сохранилъ бы достаточное состояніе; но въ управленіи своими частными дѣлами онъ былъ неблагоразуменъ. Его любимую мечтою всегда было вновь приобрѣсти Дейльзфордъ. Наконецъ, въ тотъ году, когда начался судъ, желаніе Гастингса исполнилось, и мнѣніе, отчужденное болѣе 70 лѣтъ передъ тѣмъ, вновь поступило къ потомку прежнихъ владѣтелей. Но господскій домъ былъ въ развалинахъ, а земли вокругъ него были, въ теченіе многихъ лѣтъ, совершенно запущены. Гастингсъ принялся строить, разводить сады, устраивать водопадъ, рыть гротъ, и прежде нежели отпущенъ былъ отъ рѣшетки палаты лордовъ, уже издержалъ болѣе 40,000 ф. ст. на украшеніе своей усадьбы.

Общее мнѣніе, какъ директоровъ, такъ и владѣтелей акцій Остъ-Индской компаніи, было, что Гастингсъ имѣлъ сильнѣйшія права на ихъ благодарность, что заслуги его были чрезвычайно велики и что причиною всѣхъ его несчастій было рвеніе къ выгодамъ компаніи. Друзья его въ Leadenhall Street предложили уплатить ему издержки по процессу и назначить ежегодную пенсію въ 5,000 ф. ст.; но для этого требовалось согласіе

контрольнаго комитета, а во главѣ контрольнаго комитета стоялъ м-ръ Дондасъ, который самъ принималъ участіе въ обвиненіи, подвергся за это, со стороны друзей Гастингса, самымъ желчнымъ нападкама и потому не былъ въ очень уступчивомъ расположеніи духа. Онъ не согласился съ предложеніемъ директоровъ. Они протестовали. Возникъ продолжительный споръ. Гастингсъ, между тѣмъ, дошелъ до такой крайности, что съ трудомъ могъ уплачивать еженедѣльные счета по домашнимъ расходама. Наконецъ, была заключена сдѣлка. Гастингсу назначили ежегодную пенсію въ 4000 ф. ст. и, чтобы дать ему возможность удовлетворить спѣшныя требованія, выдали пенсію эту впередъ за 10 лѣтъ. Компаніи было также дозволено выдать ему заимообразно 50,000 ф. ст., которые онъ долженъ былъ уплатить по частямъ безъ процентовъ. Это вспомошествованіе, хотя оказанное самымъ нелѣпнымъ образомъ, было достаточно, чтобы дать отставному генераль-губернатору возможность жить въ довольствѣ и даже роскошно, еслибы онъ умѣлъ распорядиться. Но онъ былъ безпеченъ и расточителенъ и не разъ ставилъ себя въ необходимость обращаться къ компаніи съ просьбою о пособіи. Оно было ему всегда щедро оказываемо.

Онъ жилъ въ безопасности и достаткѣ, но не пользовался тою властью и тѣми почестями, которыхъ имѣлъ право ожидать, когда вернулся изъ Индіи. Онъ надѣялся въ то время получить баронскую корону, красную ленту, мѣсто въ совѣтѣ, должность въ Вайтголлѣ. Ему было тогда только 52 года, и онъ могъ рассчитывать на многіе годы тѣлесной и умственной бодрости. Когда же онъ былъ отпущенъ отъ рѣшетки палаты лордовъ, положеніе его было совершенно иное. Онъ былъ уже слишкомъ старъ, чтобы обратиться къ другому роду занятій и обязанностей. Не было вѣроятности, чтобы онъ получилъ какой-нибудь знакъ королевской милости, пока м-ръ Питтъ будетъ находиться у кормила правленія, а когда Питтъ вышелъ въ отставку, Гастингсу было подъ 70 лѣтъ.

Однажды—и только однажды—послѣ своего оправданія онъ принялъ участіе въ политическихъ дѣлахъ, и участіе это не дѣлаетъ ему много чести. Въ 1804 году онъ ревностно старался

отклонить м-ра Аддингтона, противъ котораго соединились Фоксъ и Питтъ, отъ сложенія съ себя управленія казначействомъ. Трудно повѣрить, чтобы столь способный и энергичскій человѣкъ, каковъ былъ Гастингсъ, могъ думать, что въ то время, когда Бонапартъ находился съ большою арміею въ Булони, защита нашего острова могла быть безопасно ввѣрена министерству, не заключающему ни одного лица, которое бы хоть лезть рѣшилась назвать государственнымъ человѣкомъ. Достоверно и то, что по важному государственному вопросу ⁽¹⁶⁾ который доставилъ Аддингтону власть и по которому онъ расходился во мнѣніи съ Фоксомъ и Питтомъ, Гастингсъ, какъ можно было и ожидать, раздѣлялъ убѣжденія Фокса и Питта и рѣшительно расходился съ Аддингтономъ. Религіозная нетерпимость никогда не была недостаткомъ индійскаго управленія и, конечно, не была порокомъ Гастингса. Но м-ръ Аддингтонъ выказалъ ему особенное вниманіе. Фоксъ же былъ главнымъ руководителемъ обвиненія; оно состоялось благодаря Питту, и мы должны опасаться, что въ этомъ дѣлѣ Гастингсъ руководствовался личными видами болѣе, нежели общественною пользою.

Послѣдніе 24 года своей жизни Гастингсъ провелъ преимущественно въ Дейльсфордѣ. Онъ забавлялся украшеніемъ своихъ парковъ, ѣздою верхомъ на кровныхъ арабскихъ коняхъ, откармливаніемъ домашнихъ животныхъ для призовъ и опытами разведенія въ Англии индійскихъ животныхъ и растений. Онъ велѣлъ прислать себѣ сѣмена особеннаго сулейника (апопа) изъ сада своей бывшей дачи, стоявшей посреди зеленыхъ изгородей близъ Аллипура. Онъ старался также акклиматизировать въ Вустерширѣ вкусную сливу *мичи*, почти единственный изъ бенгальскихъ плодовъ, о которомъ можно пожалѣть даже среди изобилія Ковентъ-Гардена. Могольскіе императоры, во времена своего

(16) Дѣло идетъ объ эманципаціи католиковъ. Питтъ былъ ея поборникомъ и вынужденъ былъ изъ-за этого сложить съ себя званіе перваго министра. Аддингтонъ былъ анти-католикомъ и преемникомъ Питта въ министерствѣ.

величія, безуспѣшно пытались развести въ Индустанѣ козу горныхъ возвышенностей Тибета, пухъ которой снабжаетъ ткацкіе станки Кашмира матеріаломъ для изготовленія лучшихъ шалей. Гастингсъ также тщетно пытался развести ее въ Дейльсфордѣ. Кажется, что онъ имѣлъ такъ же мало успѣха и съ бутанскимъ домашнимъ скотомъ, хвосты котораго весьма высоко цѣнятся какъ лучшія опахала отъ москитовъ.

Занятія Гастингса раздѣлялись между оранжереею, скотнымъ дворомъ и литературой. Онъ всегда любилъ чтеніе, и теперь оно стало для него необходимою. Хотя онъ и не былъ поэтомъ, въ высокомъ смыслѣ этого слова, но могъ съ большою легкостью писать хорошенкіе и гладкіе стихи и любилъ упражняться въ этомъ искусствѣ. Если мы должны сказать всю правду, то, кажется, онъ ближе подходилъ къ Триссотину, нежели можно было ожидать отъ силы его ума и отъ той значительной роли, которую онъ игралъ. Въ лежащихъ передъ нами запискахъ есть увѣреніе, что каждое утро первымъ дѣломъ Гастингса было сочинить нѣсколько стиховъ. Когда семейство и гости собирались, то стихотвореніе появлялось такъ же правильно, какъ яйца и булки, и м-ръ Глейгъ хотеть насъ увѣрить, что если по какому-нибудь случаю Гастингсъ приходилъ къ завтраку безъ подобнаго прелестнаго произведенія, то это нарушеніе порядка тяжело обманывало общее ожиданіе. Вкусы весьма различны. Относительно насъ самихъ мы должны сказать, что, какъ бы ни были вкусны завтраки въ Дейльсфордѣ, — а увѣряютъ, что чай былъ тамъ самый ароматичный и что не было недостатка ни въ языкѣ, ни въ пирогахъ съ дичью,—но мы почли бы ихъ купленными очень дорогою цѣною, еслибы насъ каждое утро заставляли зарабатывать пишу выслушиваніемъ новаго мадригала или сонета нашего хозяина. Но мы тѣмъ не менѣе рады, что м-ръ Глейгъ сохранилъ эту мелкую черту характера, хотя нисколько не считаемъ ее прелестною. Напоминанія о непослѣдовательности человѣческой природы полезны; хорошо привыкнуть смотрѣть безъ удивленія или отвращенія на слабости, которыя встрѣчаются въ самыхъ сильныхъ умахъ. Въ древности Діонисій и въ прошломъ столѣтіи Фридрихъ, со

способностью и энергіей, достаточными для веденія самыхъ великихъ дѣлъ, соединяли все мелочное тщеславіе и всю аффектацію провинціального снлаго чулка. Эти великіе примѣры могутъ утѣшить почитателей Гастингса въ горѣ видѣть его низведеннымъ до уровня какого-нибудь Гейли или Сьюарда.

Проведя многіе годы вдали отъ свѣта и переживъ обыкновенный срокъ человѣческой жизни, Гастингсъ снова сдѣлался на короткое время предметомъ всеобщаго вниманія. Въ 1813 году привилегіи Остъ-Индской компаніи были возобновлены, и въ парламентѣ возникли продолжительныя пренія относительно индійскихъ дѣлъ. Рѣшено было выслушать свидѣтелей у рѣшетки нижней палаты, и Гастингсъ получилъ приказаніе явиться туда же. Онъ уже стоялъ однажды у этой рѣшетки: когда читалъ отвѣты на обвинительные пункты, положенные Боркомъ на столъ палаты. Съ того времени протекло 27 лѣтъ; въ общественномъ мнѣніи произошла совершенная перемена; нація забыла объ ошибкахъ Гастингса и помнила только его заслуги. Притомъ, появленіе вновь чловѣка, бывшаго однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ поколѣнія, уже исчезнувшаго, чловѣка, который принадлежалъ уже исторіи и казался воскресшимъ изъ мертвыхъ, не могло не произвести торжественнаго и трогательнаго впечатлѣнія. Члены палаты приняли его съ восклицаніями, приказали принести для него стулъ и, когда онъ удалялся, встали и сняли шляпы. Было, конечно, нѣсколько чловѣкъ, которые не раздѣляли общаго чувства. Одинъ или два руководителя обвиненія были въ засѣданіи. Они сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали, когда выслушивали признательность палаты за услуги, оказанныя ими въ Вестминстерской залѣ,—такъ какъ благодарность палаты, заслуженная членомъ, упрочиваетъ за нимъ навсегда то мѣсто, которое онъ занималъ во время полученія этой благодарности. Джентльмены эти вовсе не были расположены признать, что они употребили нѣсколько лучшихъ лѣтъ своей жизни на преслѣдованіе безвиннаго чловѣка. Поэтому, они не встали со своихъ мѣстъ и надвинули шляпы на лобъ; но исключенія дѣлали еще замѣтнѣе господствовавшій энтузіазмъ. Лорды приняли старика съ подобными же знаками уваженія. Оксфордскій универ-

считать почтилъ его званіемъ доктора правъ, и въ Шельдонскомъ театрѣ студенты встрѣтили его съ бурными привѣтными кликами.

За этими выраженіями общественнаго уваженія скоро послѣдовали знаки милости короны. Гастингсъ былъ приведенъ къ присягѣ на званіе члена тайнаго совѣта, былъ допущенъ къ продолжительной частной аудіенціи принцемъ-регентомъ, который обошелся съ нимъ весьма милостиво. Когда русскій императоръ и король прусскій посѣтили Англію, Гастингсъ явился въ ихъ свитѣ какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Гильдголлѣ въ Лондонѣ, и хотя онъ находился въ толпѣ принцевъ и великихъ полководцевъ, тѣмъ не менѣе публика вездѣ принимала его со знаками уваженія и восторга. Онъ былъ представленъ принцемъ регентомъ какъ Александру, такъ и Фридриху Вильгельму, и его королевское высочество даже публично объявилъ, что человекъ, спасшій британское владычество въ Индіи, имѣетъ право на почести, гораздо высшія простаго мѣста въ тайномъ совѣтѣ, и что почести эти въ скоромъ времени будутъ ему возданы. Послѣ этого Гастингсъ съ увѣренностью ожидалъ званія пера, но, по неизвѣстнымъ причинамъ, опять обманулся въ своихъ надеждахъ.

Онъ прожилъ еще около 4 лѣтъ, пользуясь хорошимъ расположеніемъ духа, умственными способностями, не ослабленными до степени болѣзненности и упадка, и тѣлеснымъ здоровьемъ, какое рѣдко выпадаетъ на долю людей, доживающихъ до этихъ лѣтъ. 22 августа 1818 года, на 86 году жизни, онъ встрѣтилъ смерть съ тою же спокойною и достойною твердостью, которую онъ противопоставлялъ всѣмъ испытаніямъ своей разнообразной и исполненной событіями жизни.

Не смотря на всѣ его ошибки, — а онѣ были не маловажны и не малочисленны, — только одно кладбище было достойно принять его бренные останки. Въ этомъ храмѣ молчанія и примиренія, гдѣ похоронены вражды 20 поколѣній, въ великомъ аббатствѣ, представлявшемъ, въ теченіе многихъ вѣковъ, покойное мѣсто отдыха тѣмъ, чьихъ умственные и тѣлесныя силы были разбиты въ борьбахъ великой палаты, — тамъ прахъ знаменитаго обвиненнаго долженъ бы былъ смѣшаться съ прахомъ его знаменитыхъ обвинителей. Этому не было предназначено испол-

ниться. Тѣмъ не менѣе мѣсто погребенія было не худо избрано. Позади приходской церкви въ Дейльсфордѣ, въ землю, которая уже заключала въ себѣ кости многихъ представителей дома Гастингса, былъ опущенъ гробъ самаго великаго изъ всѣхъ, когда-либо носившихъ это древнее и сильно распространенное имя. Вѣроятно, на томъ же самомъ мѣстѣ маленькій Ворренъ, лѣтъ восемьдесятъ передъ тѣмъ, бѣдно одѣтый и худо накормленный, игралъ съ дѣтьми окрестныхъ земледѣльцевъ. Даже тогда его молодой умъ составлялъ планы, которые могли быть названы романтическими. Однако, какъ романчны они ни были, едвали они были столь же удивительны, какъ самая дѣйствительность. Бѣдный сирота: не только возстановилъ павшее счастье своего рода, не только выкупилъ его прежнія земли и возобновилъ прежнія жилища. Онъ сохранилъ и расширилъ имперію. Онъ создалъ новую политику, руководилъ государственными управленіемъ и войною съ искусствомъ, превышавшимъ гений Ришелье; покровительствовалъ наукѣ съ благоразумною щедростью Козьмы. Онъ подвергся нападенію со стороны самаго могущественнаго союза, который когда-либо искалъ погибели отдѣльной жертвы, и надъ этимъ союзомъ, послѣ 10-лѣтней борьбы, одержалъ верхъ; онъ сошелъ въ могилу старикомъ, въ мирѣ — послѣ столькихъ волненій, окруженный уваженіемъ—послѣ столькихъ обвиненій.

Тѣ, которые взираютъ на его личность безъ пристрастія или предубѣжденія, должны признать, что ему не доставало двухъ великихъ элементовъ всякой гражданской добродѣтели: уваженія къ правамъ другихъ и сочувствія къ страданіямъ ближнихъ. Правила его были нѣсколько эластичны, сердце его немного сухо. Но не имѣя возможности изобразить его правдивымъ и милосерднымъ правителемъ, мы не можемъ безъ удивленія созерцать обширность и плодovitость его ума, его рѣдкіи способности къ начальствованію войсками, къ администраціи и преніямъ, его неустрашимое мужество, его почетную бѣдность, его пылкое усердіе къ выгодамъ государства, его благородное душевное спокойствіе, испытанное противоположными крайностями судьбы и не нарушенное ни одною изъ нихъ.

РАЗГОВОРЪ

МЕЖДУ АБРАГАМОМЪ КОУЛИ И ДЖОНОМЪ МИЛЬТОНОМЪ О МЕЖДОУСОБНОЙ ВОЙНѢ.

Изложено однимъ джентльменомъ изъ Мидль-Темпла.

(Августъ, 1824).

«Referre sermones Deorum et
Magna modis tenuare parvis».

Гораций.

Я счелъ полезнымъ письменно изложить достопамятный споръ, происходившій въ моемъ присутствіи, между двумя лицами плодовитыхъ способностей и высокой репутаціи и надѣюсь, что друзьямъ моимъ не будетъ неприятно имѣть записку о странныхъ временахъ, въ которыя я жилъ, и о знаменитыхъ людяхъ, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ. Теплою и прекрасною весною 1665 года, незадолго до того печальнѣйшаго лѣта, какое когда-либо видѣлъ Лондонъ, я отправился въ Bowling-Green, въ Piccadilly, гдѣ въ то время постоянно собиралось лучшее джентри. Тамъ я встрѣтилъ м-ра Коули, который, незадолго предъ тѣмъ, оставилъ Барнелмъ. Тогда для него приготавлился домъ въ Чертси; въ ожиданіи, пока отдѣлка будетъ кончена, м-ръ Коули пріѣхалъ на короткое время въ Лондонъ, чтобы ускорить ходъ просьбы, поданной герцогу Боккингаму относительно какихъ-то земель ея величества, которыя м-ръ Коули хотѣлъ взять въ

аренду. Я имѣлъ честь быть коротко знакомымъ съ этимъ достойнымъ джентльменомъ и превосходнѣйшимъ поэтомъ, чьяго смерть была такъ же единодушно оплакиваема всѣми боже-ствами, находящими наслажденіе въ лѣсахъ, стихахъ и любви, какъ нѣкогда была оплакиваема смерть Дафны и Галла.

Послѣ нѣкотораго разговора, котораго нѣтъ существенной надобности излагать подробно, относительно просьбы м-ра Коули и неприятностей, испытанныхъ имъ при дворѣ, гдѣ его честность, дѣйствительно, принесла ему больше вреда, нежели способности могли принести ему пользы, — я просилъ его отобѣдать со мною въ моей квартирѣ въ Темплѣ, что онъ и обѣщалъ, съ величайшею любезностью. А чтобы знаменитый гость не имѣлъ недостатка въ болѣе пріятномъ препровожденіи времени, нежели то, какое могутъ доставить повара и виноторговцы, я послалъ въ Artillery-Walk, къ м-ру Джону Мильтону, просить его также ко мнѣ въ гости. Хотя онъ былъ секретаремъ — сперва въ государственномъ совѣтѣ, а потомъ при протекторѣ, а м-ръ Коули занималъ тотъ же постъ при лордѣ Сентъ-Ольбанзѣ, въ его изгнаніи, — но, не смотря на это, я надѣялся, что они будутъ считать себя скорѣе соединенными ихъ общимъ искусствомъ, чѣмъ раздѣленными различіемъ своихъ партій. Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Когда мы сидѣли за столомъ, они непри-нужденно и съ большою вѣжливостью разговаривали другъ съ другомъ о многихъ людяхъ и вещахъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Мало того: м-ръ Мильтонъ, который рѣдко пилъ вино, какъ по своему необыкновенному воздержанію, такъ и по причинѣ своей подагры, теперь не разъ отвѣчалъ на тосты м-ра Коули, который вовсе не былъ постникомъ. Наконецъ, нѣсколько разгоряченный, м-ръ Мильтонъ просилъ меня отворить окна. «Нѣтъ, — сказалъ я, — если вы хотите свѣжаго воздуха и прохлады, то что мѣшаетъ намъ, въ такой прекрасный вечеръ, сдѣлать маленькую прогулку по рѣкѣ?» Оба они съ удовольствіемъ согласились, и мы отправились. М-ръ Коули и я вели м-ра Мильтона подъ-руки до Temple-Straits. Тамъ мы взяли лодку и поплыли противъ теченія.

Вѣтеръ былъ пріятный, вечеръ — прекрасный; на небо, землю

и воду либо было смотрѣть. Но м-ръ Коули и я молчали о представлявшихся намъ привлекательныхъ видахъ, чтобы не напомнить слишкомъ живо м-ру Мильтону объ его несчастіи. Впрочемъ, онъ чувствовалъ его и безъ напоминанія, потому что скоро сказалъ съ грустью: «Ахъ, м-ръ Коули, вы—счастливый человѣкъ. Чего бы я не далъ, чтобы хоть еще разъ взглянуть на солнце, на воду и на сады этого прекраснаго города!»

«Не знаю,—сказалъ м-ръ Коули,—не должны ли мы скорѣе завидовать вамъ въ томъ, что заставляетъ васъ завидовать другимъ, и въ особенности на этомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ глаза, которые не поражены слѣпотою, должны сдѣлаться источниками слезъ. Куда бы мы ни взглянули, вездѣ представляются намъ памятники превратности и горя, прекрасныхъ вещей, которыя исчезли, и дурныхъ, которыя сдѣланы? Когда я вижу ворота Вайтголля и величественныя колонны Банкетингъ-Гауса, я не могу не думать о томъ, что видѣлъ тамъ въ прежніе дни: о маскарадахъ и зрѣлищахъ, танцахъ, улыбкахъ, кивающихъ граціозныхъ головкахъ и прыгающихъ изящныхъ ножкахъ. И затѣмъ во мнѣ возникаютъ мысли о другихъ предметахъ, о которыхъ одно воспоминаніе заставляетъ меня краснѣть и плакать,—мысли о большомъ черномъ эшафотѣ, о топорѣ и плахѣ, которые были поставлены предъ тѣми же самыми окнами, и мнѣ кажется, что въ ушахъ моихъ раздается голосъ,—беззаконный и грозный голосъ, кричащій, что голова короля — голова измѣнника. Вонъ Вестминстерская зала: — кто можетъ смотрѣть на нее и не дрожать при мысли, какъ время, превратности и смерть разстраиваютъ совѣты мудрыхъ и смиряютъ оружіе сильныхъ? Я видѣлъ это зданіе окруженнымъ десятками тысячъ просителей, требовавшихъ правосудія и льготъ. Я слышалъ, какъ оно дрожало отъ пылкихъ и гордыхъ словъ, которыя воспламеняли сердца народа. Потомъ оно было блокировано драгунами и очищено копейщиками. И тѣ, которые побѣдили своего господина, выходятъ, дрожа, по слову своего слуги. Прошло еще немного времени — и узурпаторъ выходитъ изъ Вестминстерской залы, въ своей горностаевой мантинѣ, съ золотымъ жезломъ въ одной рукѣ и библіей въ другой, среди грома пушекъ и кли-

ковъ народа. Опять прошло нѣсколько времени, — и въ дверяхъ тѣснится толпа народа въ черномъ; вотъ показываются дроги и перья: тирана везутъ, болѣе чѣмъ съ королевскою пышностью, къ королевской гробницѣ. Еще нѣсколько дней, и его голова выставлена надъ той самой залой, гдѣ онъ сидѣлъ на тронѣ при жизни и парадно лежалъ послѣ смерти. Когда я думаю обо всѣхъ этихъ вещахъ, мнѣ становится больно смотрѣть вокругъ себя. Правда, Богъ возвратилъ намъ наши старые законы и законную линію нашихъ королей. Однако—не знаю, почему—мнѣ кажется, что недостаетъ чего-то; что нашъ дворъ не имѣетъ прежняго достоинства, а нашъ народъ прежней вѣрности. Эти злополучныя времена, подобно всемірному потопу, залили и смѣшали все на землѣ. Хотя воды потопа наконецъ и убыли, но, по словамъ ученыхъ, онѣ уничтожили всѣ слѣды райскаго сада, и потомъ уже нельзя было отыскать и его мѣста. Такъ точно это открытіе всѣхъ шлюзовъ политическаго бѣдствія изгладило всѣ слѣды древняго политическаго рая.

«Съ позволенія вашего, сэръ, — сказалъ м-ръ Мильтонъ, — хотя по многимъ обстоятельствамъ, касающимся и моей личности, и моего мнѣнія, у меня нашлись бы болѣе справедливые поводы къ унынію, чѣмъ у васъ, однако я не смотрю такъ грустно ни на прошедшее, ни на будущее. Что потопъ прошелъ надъ нашею націей—этого я не отвергаю. Но я не считаю его такимъ, какимъ вы представляете его: это скорѣе было благодѣтельное наводненіе, подобное наводненіямъ Нила, который, при своемъ разливѣ, смываетъ, правда, прежнія межи, перемѣшиваетъ границы, уноситъ жилища и даже порождаетъ множество скверныхъ и опасныхъ гадовъ. Но тотъ же разливъ наполняетъ житницу, порождаетъ красоту садовъ и даритъ пищею всѣ живыя существа.

«Я помню хорошо, м-ръ Коули, что вы сказали относительно этихъ вещей въ своемъ трактатѣ о правленіи Оливера Кромвелля; мой другъ Эльвудъ читалъ мнѣ трактатъ въ прошломъ году. Дѣйствительно, по изяществу и краснорѣчію этотъ опытъ можно сравнить съ прекраснѣйшими разсужденіями Исократы и Цицерона. Но ни эта, ни какая-либо другая книга, никакія событія, —которыя въ глазахъ большинства людей имѣютъ болѣе

вѣса и авторитета, чѣмъ какая бы то ни была книга,—не измѣнили моего мнѣнія, что изъ всѣхъ собраній, какія только бывали въ этомъ мѣрѣ, лучшимъ и полезнѣйшимъ былъ нашъ Долгій парламентъ. Я говорю это не для того, чтобы вызвать споръ; впрочемъ, я отъ него и не уклонюсь».

М-ръ Коули, сколько я могъ замѣтить, былъ нѣсколько уклончивъ. Но какъ человекъ добраго нрава и самой утонченной вѣжливости, онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и отвѣчалъ съ большею, правда, горячностью и живостью, чѣмъ обыкновенно, но не выходя изъ предѣловъ учтивости: «Я увѣренъ, м-ръ Милтъонъ, что вы говорите не то, что думаете. Я, дѣйствительно, вмѣстѣ съ другими вѣрю, что Богъ сохранилъ себѣ самому право судить королей и что ихъ преступленія и гнетъ не должны быть отражаемы руками ихъ подданныхъ. Однако я легко могу найти извиненіе насилію людей, которые доведены до бѣшенства жестокою тиранніей. Но что мы должны сказать объ *этихъ* людяхъ? Какая изъ ихъ справедливыхъ просьбъ не была удовлетворена? Въ какомъ даже изъ ихъ жестокихъ и неосновательныхъ требованій, если только они не были несовмѣстны со всѣми законами и съ порядкомъ, было имъ отказано? Развѣ они не отправили Стрэффорда на плаху и Лода въ Тоузъръ? Развѣ они не уничтожили суда Верховной комиссіи и Звѣздной палаты? Развѣ въ дѣлѣ о корабельной подати они не отиѣнили порядка, утвержденнаго голосами судей Англіи? Развѣ они не отняли у короля его древняго и въ высшей степени законнаго права относительно сословія найтовъ? Развѣ они не добились того, чтобы послѣ ихъ распушенія собирались трехлѣтніе парламенты и чтобы ихъ власть продолжалась до тѣхъ поръ, пока ихъ великая снисходительность не внушитъ имъ самимъ намѣренія отказаться отъ власти? Чего могли они еще требовать? Развѣ не довольно было того, что они отняли у короля всѣ его притѣснительныя права и многія другія, которыя были въ высшей степени благодѣтельны? Развѣ не довольно было того, что они наполнили его совѣтъ его врагами, а его тюрьмы—его приверженцами? Развѣ не довольно было того, что они возбуждали яростную чернь ежедневно кричать и буйствовать подъ самыми окнами его

королевскаго дворца? Развѣ не довольно было того, что они лишили его самой благодѣтельной привилегіи—высочайшаго помилуванія; что, жалуясь на нетерпимость, они сами отказывали во всякой терпимости другимъ; что они возбуждали противъ формъ ребячeskіа сомнѣнія, приличныя только формалисту; что они преслѣдовали послѣдніе остатки папистскихъ обрядовъ съ ожесточеніемъ папистскаго духа? Неужели, сверхъ всего этого, они должны были имѣть полное право командовать его войсками и избивать его друзей?

«Что касается до командованія войсками, то ни въ одной монархіи, мало того—ни въ одной благоустроенной республикѣ не бывало примѣра, чтобы оно было подчиняемо совѣщаніямъ многочисленнаго и непостояннаго собранія. Что касается ихъ другаго требованія: чтобы преданы были ихъ мщенію всѣ, кто защищалъ права короны,—то честь короля погибла бы, еслибы онъ уступилъ. Итакъ, не ясно ли, что они требовали этихъ уступокъ только для того, чтобы, своимъ отказомъ, его величество доставилъ имъ предлогъ къ войнѣ?

«Люди часто возстаютъ противъ обмана, противъ жестокости, противъ грабительства. Но гдѣ было видано, чтобы уступки были встрѣчаемы докучливостью; благосклонность — оскорбленіями; длань открытая великодушіемъ, — кулакомъ, сжатымъ злобою? Прилично ли было честнымъ депутатамъ англійскихъ общинъ и вѣрнымъ хранителямъ ихъ свободы и богатства подвергать общины, изъ-за такихъ причинъ, гражданской войнѣ, которая наиболее враждебна какъ свободѣ, такъ и богатству. Жестокость, въ самомъ дѣлѣ, должна быть болѣзнь, если она неспособна такого лекарства. Люди, которые, хотя-бы для спасенія народа отъ тирановъ, возбуждаютъ его къ гражданской войнѣ, обыкновенно доставляютъ ему тотъ же самый жалкій родъ облегченія, которымъ волхвы Фараона издѣвались надъ египтянами. Мы читаемъ, что когда Моисей превратилъ воды въ кровь, то нечестивые маги, имѣя цѣлю, не пользу жаждущаго народа, а суетную похвальбу собственнымъ искусствомъ, также превратили въ кровь воду, которая была пощажена карой. Такое же грустное утѣшеніе подаютъ люди, возбуждающіе

войну какъ помощь угнетеннымъ. Но здѣсь—гдѣ было угнетеніе? Какой милости не было оказано? Какое зло не было устранено? Чего еще могли они желать?»

«Эти вопросы, — сказалъ м-ръ Мильтонъ сурово, — дѣйствительно, часто обманывали людей несвѣдущихъ; но что м-ръ Коули оболщенъ до такой степени, — этому я удивляюсь. Вы спрашиваете, чего еще могъ желать парламентъ? Я отвѣчу вамъ однимъ словомъ: безопасности. Что значать голосованія, стипендіи, рѣшенія? У нихъ нѣтъ ни глазъ, чтобы видѣть, ни рукъ, чтобы поражать или мстить. Они должны имѣть какую-нибудь защиту извнѣ. Поэтому, многихъ вещей, которыя сами по себѣ были, можетъ быть, вредны, этотъ парламентъ принужденъ былъ просить для того, чтобы хорошіе законы и драгоценныя права не остались безъ защиты. Онъ не имѣлъ недостатка въ великомъ и рѣзкомъ примѣрѣ этой опасности. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что за много лѣтъ предъ тѣмъ обѣ палаты представили королю Прошеніе о Правѣ, въ которомъ были изложены всѣ наиболѣе важныя льготы англійскаго народа. Развѣ Карлъ не принялъ прошенія? Развѣ не объявилъ права закономъ? Развѣ законъ не получилъ такого же полнаго утвержденія, какъ любой изъ биллей Долгаго парламента, о которомъ вы говорили? Но доставило ли это народу болѣе полное пользованіе помянутыми льготами? Нѣтъ: король съ этихъ поръ удвоилъ свои угнетенія, какъ-будто мстя за стыдъ, что его принудили отъ нихъ отказаться.—Затѣмъ наши помѣстья были отягчены позорными налогами, наши дома разграблены, мы сами были заключаемы въ тюрьму. Затѣмъ—стала палача притупилась, обрубая уши ни въ чемъ неповиннымъ людямъ. Далѣе—самые умы наши были скованы, и желѣзо проникло въ наши души. Мы принуждены были скрывать нашу ненависть, нашу печаль и наше презрѣніе; скрывая свои лица, смѣяться надъ шутловствомъ Лода и проклипать про себя тираннію Вентворта. Въ старину одинъ изъ нашихъ королей хорошо и благородно сказалъ, что англичанинъ долженъ быть такъ же свободенъ, какъ его мысли. Нашъ государь выворотилъ это правило; онъ старался сдѣлать наши мысли такими же рабами, какими были мы сами. Посмѣяться надъ католическою

✱

церемонію, поглумиться надъ какимъ-нибудь лордомъ — признавалось преступленіемъ, для котораго не существовало помилованія. Вотъ всѣ плоды, пожатые нами отъ этихъ превосходныхъ законовъ прежняго парламента, отъ этихъ торжественныхъ обѣщаній короля. Слѣдовало ли намъ вновь поддаться обману? Слѣдовало ли намъ вновь давать субсидіи и не получать ничего, кромѣ обѣщаній? Слѣдовало ли намъ издавать полезныя постановленія и видѣть ихъ нарушаемыми каждый день, каждый часъ, пока притѣснитель не растратитъ другаго денежнаго пособія и не будетъ готовъ на другое клятвopреступленіе? Вы спрашиваете, что можно было желать такого, чего бы не было уже даровано? Позвольте мнѣ предложить вамъ другой вопросъ. Какое ручательство могъ дать король, котораго бы онъ еще не нарушилъ? Съ перваго года своего царствованія, всякій разъ, какъ только онъ нуждался въ кошелькѣ своихъ общинъ на пиршества Боккингама или процессіи Лоа, онъ увѣрялъ общины словомъ благороднаго человѣка и короля, что свято сохранить ихъ права. Онъ торжественно закладывалъ свое слово и перезаклаивалъ его нѣсколько разъ; но выкупилъ ли онъ его? «Клянусь честью», «клянусь моимъ священнымъ словомъ», «клянусь честью государя», эти фразы сходили съ его языка такъ легко и оставались въ его умѣ такъ недолго, что имъ столь же мало можно было вѣрить, какъ словамъ какого-нибудь альзасскаго игрока въ кости: «клянусь этою портупейей».

«Вотъ почему я хвалю Долгій парламентъ за то, за что, въ другомъ случаѣ, я бы его осудилъ. Еслибы то, что давалъ король, онъ давалъ съ охотою и готовностью, еслибы онъ честно исполнялъ обѣщанное, то парламента нельзя было бы оправдать. Но король никогда не отказывался отъ худшихъ изъ злоупотребленій безъ продолжительной борьбы и рѣдко безъ крупной взятки; едва онъ выпутывался изъ затрудненій, какъ тотчасъ же забывалъ свои обѣщанія; скорѣе какъ низкій торгашъ, чѣмъ какъ великій король, онъ удерживалъ за собою и прерогативу, и огромную сумму, которая была ему заплачена за уступку прерогативы; по этимъ-то причинамъ и было необходимо и справедливо связать ограниченіями того, кого нельзя бы-

лю связать ни закономъ, ни честью. Этого мало : даже дѣлая тѣ самыя уступки, о которыхъ вы говорите, онъ выказывалъ свою смертельную ненависть къ народу и его друзьямъ. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что вопреки всему, когда-либо считавшемуся законнымъ въ Англіи, издалъ повелѣніе, чтобы члены палаты общинъ были обвинены въ государственной измѣнѣ предъ рѣшеткою лордовъ, и тѣмъ нарушилъ и судъ присяжныхъ, и привилегіи палаты; нѣтъ: не довольствуясь нарушеніемъ закона посредствомъ своихъ министровъ, онъ самъ, вооруженный, пытался сдѣлать на него нападеніе. Въ колыбели и святилищѣ свободы, въ самой палатѣ, мало того—на самомъ стулѣ президента, поставленнаго для защиты свободной рѣчи и привилегій, онъ окидывалъ взоромъ скамьи, ища тѣхъ, которыхъ крови онъ жаждалъ, и выбирая своихъ противниковъ для ихъ умерщвленія. Это гнуснѣйшее оскорбленіе не удалось. Тогда онъ опять прибѣгаетъ къ старымъ штукамъ. Являются милостивые адреса. Произносятся ласковыя рѣчи. Вновь закладывается давно утраченная честь. Онъ уже никогда не нарушитъ законовъ. Онъ будетъ уважать права общинъ, какъ-бы они были его собственными. Онъ ручается достоинствомъ своей короны, той короны, которая была ввѣрена ему для блага народа и о которой онъ никогда не упоминалъ иначе, какъ только для того, чтобы легче обмануть и притѣснить этотъ народъ.

«Военная власть—я согласенъ съ вами—не должна быть постоянно въ рукахъ парламента. Да и самъ парламентъ не требовалъ ея въ свое постоянное обладаніе. Онъ домогался ея только для временной безопасности. И я не вижу, на какихъ условіяхъ онъ могъ бы заключить надежный миръ съ этимъ лживымъ и злымъ королемъ, если не на такихъ, которыя лишили бы послѣдняго всякой возможности вредить.

«Относительно междуособной войны я не оспариваю, что она есть зло. Но что она есть величайшее изъ золъ—это я положительно отвергаю. Людямъ, ложно разсуждающимъ, она, дѣйствительно, кажется болѣе тяжкимъ бѣдствіемъ, чѣмъ дурное правительство, потому что ея бѣдствія сосредоточены на небольшомъ пространствѣ и въ короткій промежутокъ времени и легко могутъ быть

замѣчены и окинуты однимъ взглядомъ. Бѣдствія же народовъ, управляемыхъ тиранами, распределяются между многими столѣтїями и многими мѣстами, и хотя они тягостнѣе и многочисленнѣе, однако менѣе наглядны. Когда демонъ тираннїи вселится въ политическое тѣло, то онъ выходитъ изъ него не иначе, какъ съ борьбою, пѣной и судорогами. Неужели онъ долженъ вѣчно мучить это тѣло, чтобы, выходя, не корчить и не терзать его? Право, этотъ аргументъ о бѣдствїяхъ войны годился бы скорѣе для моего друга Эльвуда или кого-либо другаго изъ людей, называемыхъ квакерами, чѣмъ для придворнаго и кавалера. Аргументъ этотъ приложимъ къ этой войнѣ столько же, сколько и ко всѣмъ другимъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ; а въ этой войнѣ—менѣе къ палатамъ, чѣмъ къ королю: потому что при нѣкоторой искренности и умѣренности король могъ бы сдѣлать ненужнымъ то, что обязанность палатъ въ отношенїи къ Богу и людямъ принудила ихъ тогда сдѣлать».

«Извините, м-ръ Мильтонъ,—сказалъ м-ръ Коули,—миѣ больно слышать отъ васъ такой отзывъ объ этомъ добромъ королѣ. Онъ, дѣйствительно, былъ въ высшей степени несчастливъ тѣмъ, что царствовалъ въ такое время, когда духъ современнаго поколѣнїя былъ за свободу, а примѣры прежнихъ вѣковъ за прерогативу. Съ нимъ случилось то же, что съ Христофоромъ Колумбомъ, когда онъ пустился въ неизвѣстный океанъ и увидѣлъ, что руководившая имъ въ плаванїи стрѣлка компаса отклонилась отъ сѣвернаго полюса, къ которому прежде постоянно обращалась. Такъ было и съ Карломъ. Ему измѣнилъ компасъ и поэтому король не могъ идти вѣрно. Еслибы онъ былъ королемъ неограниченнымъ, то, безъ сомнѣнїя, подобно Титу Веспасїану, былъ бы названъ отрадой человѣчества. Еслибы онъ былъ дожемъ Венеціи или штатгальгеромъ Голландїи, то никогда не преступилъ бы законовъ. Но онъ жилъ въ такое время, когда наше правительство не имѣло въ законахъ ни ясныхъ опредѣленїй, ни сильныхъ санкцій. Итакъ, пусть его ошибки будутъ приписаны его времени. А честь его добродѣтелей принадлежитъ ему самому.

«Никогда не было болѣе милостиваго государя, ни болѣе истиннаго джентльмена. Во всѣхъ удовольствїяхъ онъ былъ умѣренъ,

въ разговорѣ кротокъ и важенъ, въ дружбѣ постояненъ, относительно своихъ слугъ—щедръ, относительно королевы—вѣренъ и любящъ, въ битвѣ—храбръ, въ печали и плѣну—рѣшителенъ, при смерти—крайне богобоязненъ и незлопамятенъ къ врагамъ.

«Что касается его угнетеній, то взглянемъ на прежнюю исторію этого королевства. Иакова никогда не называли тираномъ. Объ Елисаветѣ говорятъ, что она была матерью своего народа. Развѣ они были менѣе самовластны? Развѣ они никогда не налагали рукъ на кошельки своихъ подданныхъ иначе, какъ по акту парламента? Развѣ они никогда не заточали дерзкихъ и непокорныхъ людей иначе, какъ законнымъ путемъ? Развѣ судъ Звѣздной палаты былъ при нихъ менѣе дѣятеленъ? Развѣ уши пасквилистовъ были болѣе безопасны? Прошу васъ, не судите о королѣ Карлѣ такимъ образомъ. Довольно того, что при своей жизни онъ былъ судимъ за нарушеніе законовъ, названія которыхъ никто никогда не слыхалъ, пока они не были отрыты для его гибели. Пусть съ его славой не обращаются такъ, какъ съ его священнымъ и помазаннымъ тѣломъ. Пусть не судятъ его память на основаніи принциповъ, найденныхъ *ex post facto*. Не станемъ по духу одного поколѣнія судить человѣка, котораго характеръ сложился по праву и образцу другаго.»

«Поймите меня, м-ръ Коули, — сказалъ м-ръ Милтъонъ: Насколько, въ началѣ своего царствованія, Карлъ подражалъ своимъ предшественникамъ, я его не порицаю. Ожидать, чтобы короли, по собственному побужденію, ограничили свою прерогативу, было бы дѣломъ очень скудной мудрости. Поэтому, все незаконное, несправедливое или жестокое, что Карлъ сдѣлалъ или допустилъ въ первые годы своего царствованія, я прохожу молчаніемъ. Но гдѣ найдемъ мы оправданіе тому, что было сдѣлано послѣ торжественно-даннаго королемъ согласія на Прощеніе о Правѣ? Положимъ,—хотя, впрочемъ, я съ этимъ несогласенъ,—что тираннія отца Карла и королевы Елисаветы была тягостна не менѣе его деспотизма. Но клялся ли, подобно ему, его отецъ, клялась ли королева воздерживаться отъ этихъ жестокостей? Отказались ли они, подобно ему, изъ солидныхъ и цѣнныхъ соображеній, отъ своихъ вредныхъ пре-

горативъ? Конечно, нѣтъ: онъ сдѣлалъ непримѣнными къ нему всякія извиненія, какія вы могли бы представить въ его пользу.

«Границы странъ бывають, большею частью, какъ извѣстно, полемъ безпрестанныхъ войнъ и безпорядковъ. То же самое было съ неопредѣленными границами, которыя въ старину отдѣляли права народа и прерогативу короны. Они были спорною землею нашей политики. Не удивительно, если съ одной стороны и съ другой бывали частыя вторженія. Но когда трактаты заключены, пространства измѣрены, линіи проведены и пограничные знаки поставлены, тогда то, что прежде могло быть сочтено невинной ошибкой или справедливымъ возмездіемъ, становится грабительствомъ, клятвопреступленіемъ, смертнымъ грѣхомъ. Онъ не зналъ, говорите вы, какія изъ его правъ были основаны на древнемъ законѣ и какія только на порочномъ примѣрѣ. Но развѣ онъ не читалъ Прошенія о Правѣ? Развѣ не съ его трона было произнесено: *Soit fait comme il est désiré*.

«Что касается до его частныхъ добродѣтелей, то рѣчь не о нихъ. Развѣ вы не помните, — и м-ръ Мильтонъ улыбнулся, хотя нѣсколько сурово, — что д-ръ Кай говоритъ въ «*Виндзорскихъ проказницахъ*» Шекспира? Что честному человѣку дѣлать въ моемъ кабинетѣ? ни одинъ честный человѣкъ не полѣзетъ въ мой кабинетъ! То же самое скажу и я. Ни одинъ честный человѣкъ не станетъ дѣлать насъ своими рабами. Если онъ нарушаетъ слово, данное народу, то искупается ли это вполнѣ тѣмъ, что онъ держитъ слово, данное товарищамъ? Если онъ угнетаетъ и вымогаетъ цѣлый день, то должно ли его считать безупречнымъ потому, что онъ молится ночью и утромъ? Если онъ не насытенъ въ грабежѣ и мщеніи, то должны ли мы не обращать на это вниманія потому, что онъ воздерженъ въ пищѣ и питъѣ? Если онъ жилъ тираномъ, то должно ли все быть забыто потому, что онъ умеръ мученикомъ?

«По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ, который въ такой степени обладалъ наружнымъ видомъ добродѣтели, что это могло сдѣлать его пороки крайне опасными. Онъ не былъ тираномъ по нашему обыкновенному англійскому образцу. Ричардъ II, Эдуарды II и IV и Генрихъ VIII были люди ра-

сточительные, веселые, буйные, охотники до женщинъ и вина, не прикрывавшіеся наружною святостью и важностью. Карлъ былъ правитель по образцу итальянскому: важный, степенный, торжественный, воздержный, столь же постоянный въ молитвахъ, какъ священникъ, и столь же забывчивый относительно своихъ клятвъ, какъ атеистъ.»

М-ръ Коули возразилъ нѣсколько рѣзко: «Мнѣ больно, сэръ, слышать, что вы говорите такимъ образомъ. Я надѣялся, что раздраженіе, произведенное этими бурными временами, уже успокоилось. Но, конечно, м-ръ Мильтонъ, что бы вы не думали о характерѣ короля Карла, вы не станете оправдывать его убійства.»

«Сэръ, — отвѣчалъ м-ръ Мильтонъ, — я былъ бы человекъ жесткаго и страннаго нрава, еслибы запальчивость, которую мнѣ приписывали въ мои болѣе молодые годы, не уменьшилась вслѣдствіе горестей, которыми Всемогущему Богу угодно было наказать мою старость. Я не стану теперь защищать всего, что я могъ написать прежде. Но я все-таки скажу, что не вижу, почему король долженъ быть изъятъ отъ всякаго наказанія. Развѣ справедливо, чтобы тамъ, гдѣ наиболѣе дано, наименѣе взыскивалось? Сообразно ли съ политикой, чтобы тамъ, гдѣ существуетъ наибольшая возможность вредить, не было для другой стороны надобности ограждать себя? Но вы скажете, что на этотъ случай нѣтъ закона. Законъ существуетъ. Существуетъ законъ самосохраненія, начертанный самимъ Богомъ въ нашихъ сердцахъ. Существуетъ первоначальный союзъ общества, который не былъ изсѣченъ въ камнѣ, ни припечатанъ сургучемъ, ни написанъ на пергаментѣ, ни изложенъ въ какой-нибудь определенной формѣ людьми, когда они, во-время-оно, соединились, но который заключался въ томъ фактѣ, что они такимъ образомъ соединились, который подразумевался во всѣхъ послѣдующихъ законахъ и который не можетъ быть отмѣненъ никакою властью или потерять свою силу вслѣдствіе опущенія его въ какомъ-нибудь кодексѣ, такъ-какъ изъ него истекаютъ всѣ кодексы и всякая власть.

«Не могу я хорошенько понять и того, почему вы, кавале-

ры, да и многіе изъ насъ, которыхъ вы насмѣшливо называли круглоголовыми, дѣлають различіе между людьми, сражавшимися противъ короля Карла, — особенно послѣ втораго порученія, даннаго сэру Томасу Ферфаксу, — и людьми, приговорившими Карла къ смерти. Если особа его была неприкосновенна, то, конечно, было столько же преступно — поднимать на него мечъ при Несби, какъ и топоръ передъ Вайтголлеми. Если онъ могъ справедливо быть лишенъ жизни, то почему не могъ онъ быть лишенъ ея вслѣдствіе судебного приговора такъ же, какъ по праву войны?

«Это относительно права вообще. Что-же касается казни короля Карла въ особенности, то я не берусь теперь защищать ея. Смерть причиняется не для того, чтобы умеръ виновный, но чтобы государство получило отъ этого пользу. А изъ всего, что я знаю, я вывожу заключеніе, что смерть короля Карла болѣе помѣшала, чѣмъ помогла свободѣ Англіи.

«Вонервыхъ, онъ оставилъ наследника. Король былъ въ плѣну. Наслѣдникъ былъ на свободѣ. Короля шотландцы ненавидѣли. Къ наследнику они были благосклонны. Поэтому, убить плѣнника — вслѣдствіе чего наследникъ, по понятію всѣхъ royalists, дѣлался тотчасъ же королемъ — значило, въ сущности, освободить плѣнника и, сверхъ того, дать ему другія великія преимущества.

«Далѣе, это былъ поступокъ въ высшей степени ненавистный народу и не только вашей партіи, но и многимъ изъ насъ; какъ для всякаго правительства опасно оскорблять общественное мнѣніе, такъ это въ высшей степени было опасно для такого правительства, которое лишь этому мнѣнію обязано своимъ порожденіемъ, своимъ развитіемъ и своей защитой.

«Впрочемъ, это собственно не принадлежитъ къ нашему спору. Притомъ же, эти ошибки не могутъ быть справедливо вѣняемы въ вину знаменитому парламенту: какъ вамъ извѣстно, верховный судъ былъ учрежденъ не прежде, какъ когда парламентъ былъ очищенъ отъ членовъ, непріимчивыхъ арміи, и поставленъ подъ надзоръ военачальниковъ.»

«А кто, — сказалъ м-ръ Коули; — набралъ эту армію? Кто

опредѣлялъ этихъ офицеровъ? Не была ли участь общинъ такъ же справедливо заслужена, какъ участь Діомеда, пожраннаго конями, которыхъ онъ самъ приучилъ питаться мясомъ и кровью людей. Какъ могли онѣ надѣяться, что другіе будутъ уважать законы, которые онѣ сами оскорбляли; что мечи, обнаженные противъ прерогативъ короля, будутъ вложены въ ножны по приказанію общинъ. Встарину вѣрили, что есть дьяволы, которыхъ легко вызвать, но отъ которыхъ никогда нельзя избавиться. Вызвавшій ихъ чародѣй принужденъ постоянно находить для нихъ занятіе, потому что, хотя они исполняютъ всё его приказанія, однако, будучи оставлены на мгновеніе безъ всякаго дѣла, обращаютъ когти противъ самого чародѣя. Армія похожа на такого демона. Тѣ, которые вызываютъ ее, не могутъ ее распустить. Они въ одно и то же время и ея повелители, и ея рабы. Они должны непрерывно находить для нея рѣзню за рѣзней и грабительство за грабительствомъ. Они не должны давать ей ни минуты покоя: иначе она растерзаетъ ихъ же въ куски.

«Такъ было и съ этимъ пресловутымъ собраніемъ. Оно создало силу, которою не могло управлять и которой не могло противиться. Оно сдѣлало ее могущественною. Оно сдѣлало ее фанатическою. И, какъ будто военная дерзость не была достаточно опасна сама по себѣ, оно усилило ее духовною гордостью: оно поощряло своихъ солдатъ неистово вопить съ опрокинутыхъ бочекъ противъ людей Веліала, до того, что, наконецъ, каждый кавалеристъ сталъ считать себя пророкомъ. Оно научило ихъ ругаться надъ напствомъ, пока каждый барабанщикъ не вообразилъ себя столь же непогрѣшительнымъ, какъ папа.

«Тогда-то религія измѣнилась въ своей природѣ. Она перестала быть матерью искусствъ и наукъ, полезныхъ знаній, невинныхъ наслажденій и благословеннаго семейнаго счастья. Мѣсто ихъ заступили недовольныя лица, кричащіе голоса, стрекотня глупцовъ, крики безумныхъ. Тогда стали воздерживаться отъ пищи и питья люди, которые не воздерживались отъ лихонства и крови. Тогда стали хмуриться на театральныя представленія тѣ, которые улыбались рѣзнѣ. Тогда начали проповѣды-

вать противъ нарумяненныхъ лицъ тѣ, которые не чувствовали угрызенія совѣсти за свою въ высшей степени нарумяненную жизнь. Религія была полярною звѣздой, освѣщавшею и указывавшею путь. Теперь она сдѣлалась болѣе похожа на ту зловѣщую звѣзду въ Апокалипсисѣ, которая упала съ неба на источники и рѣки и превратила ихъ въ полынь: точно такимъ же образомъ религія сошла съ высоты своего небеснаго жилища, чтобы поразить землю бѣдствіями и превратить въ горечь все, что было сладкаго, и въ ядъ все, что было питательнаго.

«Итакъ, неудивительно, что произошли подобныя вещи. Тѣ, которые заперли заставы Лондона для короля, не могли защищать ихъ противъ своихъ собственныхъ тварей. Тѣ, которые такъ упорно кричали о льготахъ, когда этотъ государь — безспорно, очень необдуманно — явился среди нихъ, чтобы требовать ихъ сочленовъ, не осмѣлились пошевелить пальцемъ, когда Оливеръ наполнилъ ихъ залу солдатами, отдалъ ихъ жезлъ капрану, положилъ въ карманъ ключи и выгналъ ихъ вонъ низкими словами, заимствованными наполовину изъ конвентикла и наполовину изъ кабака. Тогда мы сдѣлались похожи на деревья лѣса въ священномъ писаніи, отданныя подъ управленіе ежевики; тогда самый ничтожный изъ кустарниковъ породилъ огонь, пожравшій ливанскіе кедры. Мы преклонились предъ человѣкомъ низкаго происхожденія, съ грубымъ обращеніемъ, съ защищающею и въ высшей степени мужицкой рѣчью и извѣстнаго своимъ гнуснымъ лицемѣріемъ. Наши законы издавались и уничтожались по его прихоти; учрежденіе нашихъ парламентовъ было измѣнено его указомъ и объявленіемъ; наши личности были заточаемы; наша собственность была разграблена; наши земли и дома наводнены солдатами, и даже Великая Хартия сдѣлалась предметомъ непристойной насмѣшки. И за все это мы можемъ поблагодарить Долгій парламентъ, потому что, еслибы онъ не встряхнулъ чашу такъ сильно, то никогда бы такія скверныя подонки не поднялись на поверхность.»

М-ръ Мильтонъ отвѣчалъ: «Сказанное вами теперь касается столькихъ предметовъ, что для основательнаго обсужденія всѣхъ ихъ потребовалось бы не время, удѣленное вечерней прогулкѣ по Темзѣ,

а время, достаточное для путешествія въ Индію. Однако, я выскажу, по возможности въ немногихъ словахъ, мое мнѣніе объ этихъ предметахъ.

«Вопервыхъ, о войскѣ. Войско, какъ вы хорошо выразились, есть оружіе, всегда опасное для тѣхъ, которые его употребляютъ; но человекъ, очутившійся среди разбойниковъ, не задумывается выстрѣлить изъ своего мушкета изъ опасенія быть убитымъ въ случаѣ, если мушкетъ разорветъ въ его рукѣ. Такъ и государства не могутъ не защищать себя изъ опасенія, чтобы ихъ защитники не обратились наконецъ противъ нихъ самихъ. Тѣмъ не менѣе, государственные люди должны заботливо предотвращать эту опасность, и, чтобы быть въ состояніи это сдѣлать, они должны въ особенности заботиться о томъ, чтобы ни солдаты, ни офицеры не забывали своего званія гражданъ. Я убѣжденъ, что англійская армія продолжала бы повиноваться парламенту со всею надлежащею покорностью, еслибы не было принято одной мѣры, которая, какъ ни была она — по своей цѣли, виду и непосредственнымъ послѣдствіямъ—достойна стоять наряду съ дѣйствіями наиболѣе знаменитыми въ исторіи,—но по своему окончательному результату была въ высшей степени вредна. Я говорю о такъ-называемомъ постановленіи о самоотреченіи и о новомъ устройствѣ арміи. Этими двумя мѣрами общины передали командованіе своими войсками людямъ не своей среды. Эти мѣры, безъ сомнѣнія, сдѣлали не малую честь благородному собранію, которое надеждъ общаго блага пожертвовало обезпеченіемъ частной выгоды. Что касается до веденія войны, то планъ сопровождался успѣхомъ. Доказательствомъ тому служатъ — битва при Несби и достопамятные подвиги Ферфакса на западѣ. Но этотъ планъ лишилъ парламентъ той власти надъ солдатами и той возможности ихъ обуздывать, которая онѣ имѣлъ, когда всѣ полки состояли подъ начальствомъ его членовъ. Есть политики, которые желали бы совершенно отдѣлить законодательную власть отъ исполнительной. Въ золотой вѣкъ это, можетъ быть, имѣло бы успѣхъ; въ тысячелѣтнее царство тоже. Но гдѣ требуются большія войска и большая масса податей, тамъ исполнительная власть всегда должна

обладать большою силою, и сила эта, чтобы она не могла угнетать и уничтожать власть законодательную, должна быть съ нею какимъ-нибудь образомъ слита. Предводители иностранныхъ наемниковъ всегда были въ высшей степени опасны для страны. Офицеры отечественныхъ армій, лишенные гражданскихъ преимуществъ, которыми пользуются другіе люди, должны внушать такой же страхъ. Вотъ въ чемъ состояла великая ошибка этого парламента, и хотя это была ошибка, но ошибка великодушная и добродѣтельная, и ее скорѣе можно оплакивать, нежели порицать.

«Изъ нея возникла сила армій и ея вождей, въ особенности того знаменитѣйшаго вождя, котораго вы, по моему скромному мнѣнію, слишкомъ строго осудили, какъ въ нашемъ сегодняшнемъ разговорѣ, такъ и въ томъ трактатѣ, о которомъ я упомянулъ прежде. Не знаю, почему вы такъ презрительно отзываетесь объ его способностяхъ; я подозреваю, что вы не изъяты отъ заблужденія, обыкновеннаго у людей, преданныхъ ученымъ занятіямъ и умозрѣніямъ. Изъ того, что Оливеръ былъ неизящный ораторъ и никогда, ни въ публикѣ, ни въ частной жизни, не сказалъ ничего достопримѣчательнаго, вы хотите вывести заключеніе, что онъ былъ человѣкъ ограниченныхъ способностей. Это, безъ сомнѣнія, несправедливо. Было много людей несвѣдущихъ въ наукахъ, не имѣвшихъ ни остроумія, ни краснорѣчія, которые, однако, обладали мудростью для придумыванія и мужествомъ для выполненія того, чего они не могли выразить. Такіе люди, въ смутныя времена, часто вырабатывали освобожденіе народовъ и свое собственное величіе, — не логикой, не риторикой, но осмотрительностью среди успѣха, спокойствіемъ въ опасности, сосредоточенною и непреклонною рѣшимостью во всякомъ бѣдствіи. Сердца такихъ людей — ихъ книги; событія — ихъ наставники; великія дѣла — ихъ краснорѣчіе: и таковъ былъ, по моему мнѣнію, протекторъ, о которомъ очень многіе не упоминали бы теперь иначе, какъ съ почтеніемъ, еслибы отзывать о немъ съ презрѣніемъ имѣлъ право лишь тотъ, кто не трепеталъ прежде при звукѣ его имени. Его дѣла обличаютъ въ немъ великаго государственнаго человѣка, великаго воина, ис-

тнню любившаго свою родину, кроткаго и великодушнаго завоевателя.

«Относительно его ошибокъ, примемъ въ соображеніе, что люди, которые, повидимому, идутъ во главѣ, часто наиболѣе принуждены слѣдовать за другими. Тѣ, которые хотятъ быть въ обществѣ съ людьми, и, въ особенности, тѣ, которые хотятъ управлять ими, должны во многихъ отношеніяхъ имъ повиноваться. Нежелающіе согласиться ни на какія подобныя условія могутъ быть отшельниками, но не могутъ быть полководцами и людьми государственными. Если человекъ хочетъ идти прямо впередъ, не сворачивая ни направо, ни налево, то долженъ идти по пустынѣ, а не по Чипсайду. Такимъ образомъ Кромвелль былъ принужденъ дѣлать многое, что не совпадало съ его наклонностями и не служило къ его чести; иначе не могла быть удовлетворена армія, на которую одну онъ могъ рассчитывать въ стремленіи сохранить власть и жизнь. И я, со своей стороны, удивляюсь не столько тому, что онъ иногда былъ склоненъ потворствовать ея буйству, сколько тому, что онъ могъ такъ часто его обуздывать.

«За то, что онъ распустилъ парламентъ, я его хвалю. Парламентъ тогда дотогу уменьшился въ своей численности, какъ вслѣдствіе исключенія, такъ и вслѣдствіе смерти нѣкоторыхъ членовъ, что не былъ уже прежнимъ собраніемъ; еслибы въ это время онъ сдѣлалъ себя постояннымъ, то мы были бы управляемы не англійскою палатою общинъ, а венеціанскимъ совѣтомъ.

«Если въ своемъ послѣдующемъ правленіи Кромвелль преступилъ законы, то я скорѣе жалю о немъ, чѣмъ осуждаю его. Онъ можетъ быть сравненъ съ Меандромъ Самосскимъ, о которомъ Геродотъ, въ своей *«Талии»*, говоритъ, что, желая быть справедливейшимъ изъ всѣхъ людей, онъ не могъ выполнить своего намѣренія: по смерти Поликрата Меандръ предложилъ народу свободу, и только когда нѣкоторые люди стали грозить, что потребуютъ его къ отвѣту за прежнія дѣла, онъ измѣнилъ свое намѣреніе и сдѣлался тираномъ, чтобы съ нимъ не поступили какъ съ преступникомъ.

«То же было и съ Оливеромъ. Онъ далъ своему отечеству

столь свободную и прекрасную форму правленія, что въ теченіи почти шести-тысячъ лѣтъ человѣческая мудрость никогда не изобрѣтала болѣе превосходныхъ условій для человѣческаго счастья. Себѣ самому онъ оставилъ такъ мало власти, что ея едва было бы достаточно для его безопасности, и надо дивиться, что ею удовлетворялось его честолюбіе. Когда, позже, онъ увидѣлъ, что члены парламента оспариваютъ его право даже на ту небольшую власть, которую онъ удержалъ за собою, между тѣмъ какъ онъ могъ присвоить себѣ всю,—тогда, признаюсь, онъ дѣйствительно началъ управлять посредствомъ меча тѣми, которые не хотѣли терпѣть его управленія на основаніи закона.

«Но, затѣмъ, какой государь былъ когда-нибудь болѣе нарственъ въ прощеніи обидъ, въ покореніи враговъ, въ распространеніи владѣній и славы своего народа? Какого моря, какого берега не отмѣтилъ онъ вѣчными памятниками своей дружбы или своего мщенія. Все золото Испаніи, вся сталь Швеціи, десять-тысячъ голландскихъ парусовъ ничего не могли сдѣлать противъ него. Между тѣмъ какъ всѣ иностранныя государства трепетали нашего оружія, мы были безопасны отъ всякаго нападенія. Война, которая часто такъ удивительно разстраиваетъ и земледѣліе, и торговлю, никогда не заглушала пѣсни нашихъ жнецовъ, ни шума нашихъ ткацкихъ станковъ. Правосудіе было безпристрастно, богослуженіе — свободно.

«Теперь посмотрите, что мы взяли взамятъ этого. Съ возстановленіемъ короля къ намъ нахлынули пороки всякаго рода, самые низкіе и самые постыдные: — сладострастіе безъ любви, рабство безъ вѣрности, злоязычіе, безчестность въ сношеніяхъ, насмѣшливое презрѣніе ко всему доброму и благородному. Тронъ окруженъ людьми, которыхъ Карлъ оттолкнулъ бы отъ своихъ ногъ. У алтаря служатъ рабы, которыхъ колѣни сгибаются предъ всякимъ существомъ, кромѣ Бога. Риемачи, которыхъ книги должны бы быть сожжены палачомъ; сводники, актеры и шуты—вотъ кто чокается и играетъ въ кости съ королемъ; вотъ кто носитъ звѣзды на груди и золотой жезлъ въ рукѣ; вотъ кто удалилъ отъ него лучшихъ и достойнѣйшихъ изъ людей, которые проливали свою кровь за его династію. Такъ Богъ

караетъ неумѣющихъ цѣнить свободы. Онъ предаетъ ихъ тираніи, которой они желали, *«ἅνα πάντας ἐπαύρωται βρασιλῆος»*.

«Я не буду,—сказалъ м-ръ Коули,—спорить съ вами объ этомъ предметѣ. Но если ваши слова справедливы, то какимъ образомъ можете вы утверждать, что возмущеніе принесло Англiи такъ много пользы?»

«Поймите меня какъ слѣдуетъ, сэръ,—сказалъ м-ръ Милтънъ. Эта нація не предана въ жертву рабству и пороку. Правда, мы отвѣдали плодовъ свободы прежде, чѣмъ они созрѣли. Ихъ вкусъ былъ остеръ и горекъ, и мы съ отвращеніемъ бросили ихъ для болѣе сладкихъ ядовъ рабства. Но это только на время. Англiя спитъ на колѣняхъ Далилы, измѣннически скованная, но еще не лишенная силъ. Пусть только раздастся крикъ: «филистимляне идутъ на тебя»—и тотчасъ же сонъ будетъ прерванъ и цѣпи сокрушатся, какъ накла въ огнѣ. Великій парламентъ оставилъ по себѣ въ нашихъ сердцахъ и умахъ ненависть къ тиранамъ, правильное пониманіе нашихъ правъ, презрѣніе къ пустымъ и обманчивымъ именамъ; и это, вѣроятно, замѣтятъ и гуляки Вайтголля. Солнце померкло, но только на одну минуту; это лишь затмѣніе, хотя всѣ зловѣщія птицы начали кричать и всѣ хищные звѣри вышли на добычу, думая, что настала полночь. Горе имъ, если лучи солнца, заблеставъ снова, застигнутъ ихъ далеко отъ убѣжищъ!

«Король плохо разсуждалъ. Еслибы онъ былъ благоразуменъ, то помнилъ бы, что своей реставраціей онъ обязанъ единственно смутамъ, которыя измучили насъ и возбудили въ насъ жажду отдыха. Онъ понялъ бы, что безуміе и вѣроломство государя должны возвратить доброму старому дѣлу много сердецъ, которыя были отторгнуты отъ него безчиствами партій; можетъ быть я и ошибаюсь, но мнѣ кажется, что исторiя и сердце человѣческое могутъ служить намъ залогомъ, что онъ скоро пойметъ, что послѣдній боецъ народа не былъ уничтоженъ умерщвленіемъ Вена, ни соблазненъ обольщеніемъ Ферфакса.»

М-ръ Коули, какъ мнѣ казалось, не слишкомъ былъ недово-

лень отзывомъ м-ра Мильтона о неблагодарномъ дворѣ, который, въ самомъ дѣлѣ, плохо вознаградилъ его услуги. Поэтому, онъ сказалъ только: «Опять возмущеніе! увы! увы! м-ръ Мильтонъ. Если нѣтъ иного выбора, какъ между деспотизмомъ и анархією, то я предпочитаю деспотизмъ».

«Многіе, сказалъ м-ръ Мильтонъ, цвѣтсто и остроумно сравнивали анархію и деспотизмъ; но люди, которые забавляются такимъ образомъ, смотрятъ только на отдѣльныя части того, что на самомъ дѣлѣ есть одно великое цѣлое. Каждая изъ этихъ частей есть причина и слѣдствіе другой; зло каждой есть зло обѣихъ. Такъ государства вѣчно движутся по одному и тому же кругу, который, съ самаго отдаленнаго пункта, приводитъ ихъ обратно къ той же самой грустной точкѣ отправления: и пока и управляющіе, и управляемые не познаютъ и не помнятъ этой великой истины, люди не могутъ многого ожидать отъ будущаго, такъ же, какъ они немногому научились изъ прошедшаго, за исключеніемъ превратностей крайнихъ бѣдствій, то производящихъ, то производимыхъ.

«Когда правители научатся понимать, что гдѣ нѣтъ свободы, тамъ никогда не можетъ существовать безопасности и порядка? Мы толкуемъ объ абсолютной власти; но всякая власть имѣетъ предѣлы, которыя, если они не поставлены умѣренностью правителей, будутъ поставлены силой управляемыхъ. Государи могутъ отправлять своихъ противниковъ въ тюрьмы; они могутъ разогнать сенатъ солдатами; они могутъ набирать цѣлыя арміи шпионовъ; они могутъ дюжинами вѣшать на каждомъ перекресткѣ своихъ скованныхъ недоброжелателей; но какая сила устоитъ въ то страшное время, когда возстаніе сдѣлается меньшимъ бѣдствіемъ, нежели терпѣніе? Кто распуститъ тотъ страшный трибуналъ который, въ сердцахъ угнетенныхъ, объявляетъ необузданно-правосудный приговоръ притѣснителю? Кто можетъ отмѣнить законъ самосохраненія? Какое оружіе или какая дисциплина можетъ противостоять силѣ голода и отчаянія? Какъ часто древніе цезари были вытаскиваемы изъ ихъ золотыхъ дворцовъ, какъ часто срывали съ нихъ пурпуровую одежду, изувѣчивали, побивали камнями, забрасывали грязью, пронзали крѣчьями

и бросали въ Тибръ? Какъ часто восточные султаны погибали подъ саблями собственныхъ янычаровъ или отъ удавокъ собственныхъ нѣмыхъ палачей! Никакая власть, не ограничиваемая законами, не можетъ быть ими и защищаема. Поэтому, скудна мудрость тѣхъ, которые захотѣли бы бѣжать въ рабство, какъ будто оно есть убѣжище отъ волненія: анархія есть вѣрное послѣдствіе тиранніи. Чтобъ правительства были безопасны, націи должны быть свободны. Ихъ страсти должны находить заранѣе приготовленный выходъ; иначе онѣ прорвутъ его сами.

«Когда я былъ въ Неаполѣ, я пошелъ съ синьоромъ Манзо, человѣкомъ превосходныхъ способностей и воспитанія, который былъ короткимъ пріятелемъ знаменитаго поэта Торквато Тассо, посмотрѣть на пылающій Везувій. Я удивлялся, какъ могутъ крестьяне жить безстрашно и весело на его склонахъ, когда лава течетъ съ вершины; но Манзо улыбнулся и сказалъ мнѣ, что когда огонь сходитъ свободно, то они отступаютъ предъ нимъ не торопясь и безъ страха. Они могутъ сказать, съ какою скоростью и какъ далеко онъ будетъ идти, и, сверхъ того, знаютъ, что хотя онъ можетъ причинить кое-какой незначительный вредъ, но скоро покроетъ поля, по которымъ прошелъ, богатыми виноградниками и прекрасными цвѣтами. Но когда пламя заперто въ кратерѣ, тогда-то они имѣютъ основаніе бояться; тогда-то земля осѣдаетъ и море вздувается; тогда-то города проваливаются и исчезаютъ съ лица земли. То же бываетъ и въ политикѣ: гдѣ народъ наиболѣе стѣсненъ, тамъ онъ наноситъ наиболѣе сильные удары миру и порядку; поэтому я сказалъ бы всѣмъ королямъ: пусть ваши демагоги предводительствуютъ толпами, иначе они будутъ предводительствовать арміями; пусть они шумятъ, иначе они будутъ убивать; небольшое волненіе есть, такъ сказать, радуга государства; она, правда, показываетъ, что идетъ скоропроходящій дождь; но она же служитъ порукой, что не будетъ потопа.»

«Это правда,—сказалъ м-ръ Коули, — но такія наставленія необходимы подданнымъ не менѣе, чѣмъ государямъ.»

«Конечно, сказалъ м-ръ Мильтонъ, и чтобы кончить этотъ долгій споръ немногими словами, въ которыхъ мы оба будемъ со-

*

гласны, я утверждаю, что какъ свобода есть единственная защита правительствъ, такъ порядокъ и умѣренность вообще необходимы для сохраненія свободы. Даже самыя пустыя мнѣнія не должны быть оскорбляемы тѣми, которые ставятъ себѣ цѣлью счастье людей, и которые, для достиженія этой цѣли, должны употреблять страсти людей какъ средство. Слѣное почтеніе къ старинѣ дотого нелѣпо, что оно заставило бы человѣка благоразумнаго смѣяться, еслибы не было иногда дотого вредно, что скорѣе заставитъ хорошаго человѣка плакать. Но, такъ какъ оно не можетъ быть вполнѣ искоренено, то ему должно оказывать благоразумное снисхожденіе; и потому люди, которые хотятъ исправить дурныя законы, должны размышлять болѣе о томъ, сколько можно пощадить, безъ вреда для безопасности, нежели о томъ, сколько возможно измѣнить. Развѣ вы не слыхали, что люди, которые въ теченіе многихъ лѣтъ были заточены, боятся свѣта и падаютъ, когда съ нихъ снимаютъ оковы? Такимъ же образомъ, когда народы долгое время были въ неволѣ, то цѣни, которыя ихъ искалечили, дѣлаются необходимыми, для того, чтобы ихъ поддерживать; тѣмъ, которая ослабила ихъ зрѣніе, дѣлается необходимою для его сохраненія. Повтому, не освобождайте ихъ слишкомъ поспѣшно; иначе они проклянутъ свою свободу и будутъ тосковать по своей темницѣ.

«Я, дѣйствительно, думаю, что знаменитый парламентъ, о которомъ мы такъ много говорили, пока не былъ подчиненъ солдатамъ, показалъ необыкновенную и удивительную умѣренность, какой едвали можно было ожидать въ подобныя времена и которая въ высшей степени достойна служить примѣромъ для всѣхъ послѣдующихъ парламентовъ. Но какъ я довольно говорилъ объ этомъ предметѣ, то мнѣ остается только молить всемогущаго Бога, чтобы тѣ, которые въ будущія времена выступятъ на защиту нашей свободы, какъ гражданской, такъ и религіозной, украсили это святое дѣло милосердіемъ, благоразуміемъ, умѣренностью для славы Его имени, для счастья и чести англійскаго народа.»

Такъ кончился этотъ разговоръ, и скоро послѣ того мы вышли на берегъ у Temple-gardens и тамъ разстались. Въ тотъ

же вечеръ я сдѣлалъ замѣтки о томъ, что слышалъ; здѣсь я изложилъ разговоръ съ бѣльшею подробностью, во вниманіе къ знаменитости собесѣдниковъ и важности предмета.

ОБЪ АѢИНСКИХЪ ОРАТОРАХЪ.

(Августъ, 1824)

«To the famous orators repair,
Those ancient, whose resistless eloquence
Wielded at will that fierce democratic,
Shook the arsenal, and fulminated over Greece
To Macedon and Artaxerxes' throne».

Milton. (1)

Слава великихъ классическихъ писателей не имѣетъ другихъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, которыя отдѣляютъ цивилизованнаго челоуѣка отъ дикаря. Ихъ творенія—общее достоянiе каждой просвѣщенной наци. Они доставляли сюжеты для живописца и образцы для поэта. Въ умахъ образованныхъ классовъ всей Европы ихъ имена неразрывно связаны съ дорогими воспоминанiями дѣтства: со старой классной комнатою, съ истасканной грамматикой, съ первой наградой, со слезами, которыя такъ часто проливались и такъ быстро высыхали. Уваженiе, съ которымъ смотрятъ на эти имена, такъ велико, что даже издатели и комментаторы, которые оказываютъ ихъ памяти низшiй разрядъ

(1) «Обращаюсь къ тѣмъ славнымъ ораторамъ,
Къ тѣмъ древнимъ, которыхъ непобѣдимое краснорѣчiе
Управляло по своему произволу пылкой демократiею,
Потрясало арсеналы и гремѣло надъ Грецией
До предѣловъ Македонiи и трона Артаксеркса.»

услугъ, получаютъ подобно шталмейстерамъ и камергерамъ государей, права на высокія мѣста въ табели литературнаго первенства. Поэтому, нѣсколько странно, что произведенія такъ рѣдко разбирались на основаніи точныхъ и философскихъ началъ критики.

Сами древніе писатели мало намъ помогаютъ. Когда они вдаются въ частности, они становятся, большей частью, тривіальны; когда захотятъ обобщать, становятся неясны. Исключеніе правда, должно быть сдѣлано въ пользу Аристотеля. Какъ въ анализѣ, такъ и въ комбинаціяхъ, этотъ великій человекъ не имѣлъ соперника. Ни одинъ философъ не владѣлъ, въ равной степени, талантомъ разлагать установленныя системы на ихъ первичные элементы или соединять отдѣльныя явленія въ гармоническія системы. Онъ былъ великимъ формовщикомъ въ умственномъ хаосѣ; онъ превращалъ мракъ въ свѣтъ и разладъ въ стройность. Онъ вносилъ въ литературныя изслѣдованія ту же мощь и ширь ума, которымъ такъ много обязаны какъ физическая, такъ и метафизическая науки. Его основныя принципы критики превосходны. Стоитъ привести одинъ примѣръ: установленное имъ ученіе, что поэзія есть подражательное искусство, составляетъ для критика, если оно вѣрно понято, то же, что компасъ для моряка. Съ нимъ онъ можетъ отважиться на самыя обширныя странствованія. Безъ него онъ долженъ осторожно пробираться вдоль берега или пускаться въ безслѣдное пространство, ввѣрившись руководству первой попавшейся звѣзды. Открытіе это превращаетъ капризъ въ науку.

Общія положенія Аристотеля драгоценны. Но достоинство надстроекъ не соотвѣтствуетъ достоинству фундамента. Это можетъ быть приписано, отчасти, характеру философа, который, хотя способный сдѣлать все, что можетъ быть сдѣлано разлагающей и создающей силами ума, не имѣлъ, кажется, большой чувствительности или воображенія. Отчасти же, это можетъ быть приписано и недостатку матеріаловъ. Великія произведенія творческаго ума были тогда немногочисленны и недостаточно разнообразны, чтобы дать возможность, кому бы то ни было, составить полный кодексъ литературы. Требовать, чтобы критикъ понялъ

роды сочиненій, никогда не существовавшіе, и потомъ изслѣдовалъ ихъ принципы — было бы столь же неразумно, какъ требованіе Навуходоносора, чтобъ маги сначала рассказали ему его сонъ, а потомъ объяснили его.

При всѣхъ своихъ недостаткахъ Аристотель былъ самый просвѣщенный и глубокій критикъ древности. Діонисій далеко не обладалъ ни такой изящной утонченностью, ни такимъ широкимъ пониманіемъ. Но онъ имѣлъ доступъ къ большому числу образцовъ и посвятилъ себя, повидимому, исключительно, изученію изящной литературы. Его частныя сужденія имѣютъ болѣе цѣны, чѣмъ общія правила. Онъ только историкъ литературы; Аристотель же—ея философъ.

Квинтиліанъ примѣнялъ къ литературѣ, вообще, тѣ же принципы, по которымъ привыкъ судить о декламацияхъ своихъ воспитанниковъ. Онъ заботился только о риторикѣ—и риторикѣ не самаго высшаго разряда. Онъ холодно говоритъ о несравненныхъ произведеніяхъ Эсхила. Онъ восхищается, выше всякаго выраженія, комедіями Эврипида—этими неистощимыми рудниками общихъ мѣстъ. Онъ произноситъ нѣсколько неопредѣленныхъ словъ о Гомерѣ какъ о поэтѣ. Потомъ начинаетъ смотрѣть на него только какъ на оратора. Безъ сомнѣнія, Гомеръ былъ ораторъ, и великій ораторъ. Но самое замѣчательное въ его удивительныхъ твореніяхъ—это искусство, съ которымъ онъ пользуется своими ораторскими дарованіями для поэтическихъ цѣлей. Не могу я считать Квинтиліана великимъ критикомъ даже и въ его специальной области. Какъ ни справедливы многія изъ его замѣчаній, какъ ни прекрасны многія иллюстраціи, но мы постоянно замѣчаемъ въ его мысляхъ тотъ особенный вкусъ, который почва деспотизма обыкновенно сообщаетъ всѣмъ плодамъ творчества. Краснорѣчіе, въ его время, было не болѣе, какъ приправой, способствовавшей возбужденію въ деспотѣ притупленнаго вкуса къ панегирикамъ, забавой путешествующихъ патриціевъ и римскихъ матронъ—синихъ-чулковъ. Поэтому, для Квинтиліана это скорѣе состязаніе, нежели война; борьба на рапирахъ, а не на мечахъ. Онъ, повидимому, заботится болѣе о границѣ поэмы, чѣмъ о направленіи и силѣ удара. Надо отдать справедливость

Квинтилиану и сознаться, что эту ошибку слишкомъ часто поддерживалъ самъ Цицеронъ, какъ наставленіемъ, такъ и примѣромъ.

Лонгинъ имѣлъ, кажется, много чувствительности, но мало разборчивости. Онъ даетъ намъ краснорѣчивыя сентенціи, но не принципы. Кто-то удачно замѣтилъ, что Монтескьё слѣдовало бы переимѣнить имя своей книги и назвать ее не «*L'Esprit des Loix*», а «*L'Esprit sur les Loix*». Такимъ же образомъ и пальмирскій философъ долженъ бы былъ озаглавить свое знаменитое твореніе не «*Лонгинъ о Высокомъ*» но «*Высокое Лонгина*». Происхожденіе высокаго есть одинъ изъ самыхъ интересныхъ и любопытныхъ вопросовъ для изслѣдованій критика. Въ нашемъ отечествѣ, Боркъ и Догальдъ Стюартъ разбирали его очень искусно и, мнѣ кажется, очень неуспѣшно. Лонгинъ избавляетъ себя отъ всякихъ изслѣдованій этого рода, говоря своему пріятелю Теренціану, что послѣдній уже знаетъ все, что можно сказать объ этомъ вопросѣ. Жаль, что Теренціанъ не передалъ часть своего знанія учителю, потому что отъ Лонгина мы узнаемъ только, что высокое значитъ превосходное или возвышенное (а). Это опредѣленіе, столь удобное, по своей неопредѣленности, примѣняется безразлично какъ къ благородной молитвѣ Аякса въ «*Iliadъ*», такъ и къ статьѣ Платона о человѣческомъ тѣлѣ, столь же полной фантазій, какъ какая-нибудь ода Коули. Не имѣя опредѣленнаго знамени, Лонгинъ бываетъ правъ только случайно. Онъ скорѣе фантастъ, чѣмъ критикъ.

Новѣйшимъ писателямъ многія причины помѣшали пополнить недостатки ихъ классическихъ предшественниковъ. Во времена возрожденія литературы никто безъ большаго и тяжкаго труда не могъ пріобрѣсти точнаго и изящнаго знанія древнихъ языковъ. Къ несчастью, эти филологическія и грамматическія занятія, безъ которыхъ невозможно пониманіе великихъ произведеній афенскаго и римскаго генія, суживаютъ взглядъ и мертвятъ чувствительность тѣхъ, кто слишкомъ усердно имъ предается. Мощный умъ, долго предававшійся этимъ занятіямъ, можетъ сравниться

(а) Ἀχρεῖτης καὶ ἕξοχῆ τις λόγων ἔστι τα ὕψη.

съ исполненнымъ духомъ арабскихъ сказокъ, котораго уго-
ворили сократиться, чтобъ войти въ очарованный сосудъ; а ко-
гда темница закрылась за нимъ, онъ увидѣлъ, что не въ си-
лахъ выйти изъ тѣсныхъ предѣловъ, до размѣра которыхъ умень-
шилъ свой ростъ. Когда средства къ достиженію цѣли были
предметомъ долгаго труда, они, естественно, замѣняютъ цѣль.
Евгеній Славойскій говорилъ, что величайшіе полководцы
были тѣ, которые сразу стали вождями и приняли уча-
стіе въ великихъ военныхъ операціяхъ, не занимавшись ме-
лочными расчетами и маневрами, отнимающими время у млад-
шихъ офицеровъ. Въ литературѣ это правило такъ же основа-
тельно. Великая тактика критики, вообще, лучше понимается тѣ-
ми, которые не имѣли случая долго владѣться со слогами и
частицами рѣчи.

Я помню забавный примѣръ этому, встрѣченный мною во фран-
цузскихъ *Анах*. Одинъ ученый, безъ сомнѣнія, человекъ съ боль-
шими свѣдѣніями, рекомендуетъ изученіе какого-то длиннаго ла-
тинскаго трактата, названіе котораго я теперь забылъ, о рели-
гій, нравахъ, правительствѣ и языкѣ древнихъ грековъ: «по-
тому что тамъ, говоритъ онъ, вы узнаете все важное, заклю-
чающееся въ «*Одиссею*» и «*Илиаду*», не принимая на себя
труда читать эти скучныя книги.» Увы! бѣдному джентльмену
не пришло въ голову, что все знаніе, которому онъ придавалъ
такъ много цѣны, было полезно только потому, что оно объясняетъ
великія, цезираемыя имъ, поэмы, и было бы такъ же беспо-
лезно для всякой другой цѣли, какъ миеологія каффовъ или
словарь отантскаго языка.

Изъ тѣхъ ученыхъ, которые не хотѣли ограничиваться фило-
логическою критикою, немногіе имѣли успѣхъ. Древніе языки
обыкновенно оказывали магическое вліяніе на ихъ способности.
Они были «глупцами, вовлеченными греческими воззваніями въ
заколдованный кругъ». «*Илиада*» и «*Энеида*» были для нихъ не
книгами, а рѣдкостями или, лучше, святынями. Они такъ же ма-
ло восхищались этими произведеніями за ихъ достоинства, какъ
набожный католикъ почитаетъ Casa Santa въ Лоретто ради ея
архитектуры. Все классическое было хорошо. Гомеръ былъ

великій поэтъ; но таковъ же былъ и Каллимахъ. Посланія Цицерона были хороши, но таковы же были и письма Фаллариса. Даже относительно достовѣрности древнихъ писателей они впадаютъ въ то же заблужденіе. Авторитетъ всѣхъ рассказовъ, написанныхъ по-гречески и по-латыни, былъ для нихъ одинаковъ. Имъ никогда не приходило въ голову, что промежутокъ въ 500 лѣтъ или разстояніе въ 500 миль могли имѣть вліяніе на точность разказа,—что Ливій могъ быть менѣе правдивымъ историкомъ, чѣмъ Поливій, или что Плутархъ могъ имѣть меньше свѣдѣній о друзьяхъ Ксенофонта, чѣмъ самъ Ксенофонтъ. Обманутые разстояніемъ времени, они, кажется, на всѣхъ классиковъ смотрѣли какъ на современниковъ; подобно этому зналъ я въ Англіи людей, которые, будучи обмануты разстояніемъ мѣста, полагали, что всѣ живущіе въ Индіи — сосѣди и спрашивали у жителя Бомбея о здоровьѣ своего знакомаго въ Калькуттѣ. Надо надѣяться, что никакое нашествіе варваровъ не разразится снова надъ Европой. Но еслибъ подобное бѣдствіе случилось, то вѣтъ ничего мудренаго, что какой-нибудь будущій Ролленъ или Гиллизъ скомпилируетъ исторію Англіи по «*Scottish Chiefs*» миссъ Портеръ, по «*Recess*» миссъ Ли и по «*Memoirs*» сэра Натаніеля Раксалля.

Пришла пора иначе размотрѣть древнюю литературу, безъ педантическихъ предубѣжденій, но въ то же время со справедливыми уступками обстоятельствамъ и обычаямъ того времени. Я далекъ отъ претензіи на знанія и дарованія, которыхъ требуетъ подобный трудъ. Все, чего я желаю, — это только предложить собраніе отрывочныхъ замѣчаній о самой интересной долѣ греческой литературы.

Едвали какія-либо сочиненія, изъ всего написаннаго въ мірѣ, достигли такого совершенства въ свѣомъ родѣ, какъ великія ораторскія рѣчи аѢннѣвъ. Произведеніе генія подчиняется тѣмъ же законамъ, которыми регулируются производство хлопка и сахарнаго тростника. Предложеніе соответствуетъ спросу. Количество можетъ быть уменьшено стѣснительными мѣрами и увеличено преміями. Поразительное совершенство, до котораго достигало краснорѣчіе въ АѢннахъ, должно быть, главнымъ обра-

зомъ, приписано вліянію, какое оно тамъ имѣло. Въ смутныя времена, при чисто-демократическомъ государственномъ устройствѣ, среди народа, образованнаго до той степени, на которой люди дѣлаются наиболѣе воспримчивы къ сильнымъ и неожиданнымъ впечатлѣніямъ, дѣлаются быстрыми, но не глубокими мыслителями, пылкими въ чувствахъ, нетвердыми въ убѣжденіяхъ, страстными поклонниками изящныхъ произведеній ума, — ораторское искусство пользовалось такимъ поощреніемъ, какого съ тѣхъ поръ не встрѣчало нигдѣ.

Вкусъ и знанія аѣнискаго народа служили любимымъ предметомъ презрительной насмѣшки для Самюэля Джонсона, — челоѣка, который, въ обычныхъ школьныхъ книгъ, ничего не зналъ о греческой литературѣ и который, кажется, вносилъ и въ то, что прочелъ о ней, немного больше разборчивости, чѣмъ обыкновенный школьникъ. Онъ постоянно утверждалъ, съ той заносчивой вздорностью, которая, не смотря на его великія дарованія и достоинства, дѣлаетъ его чуть-ли не самымъ смѣшнымъ характеромъ въ исторіи литературы, что Демосокенъ говорилъ передъ скотскимъ, варварскимъ народомъ и что до изобрѣтенія книгопечатанія не могло быть и цивилизаціи. Джонсонъ былъ острый, но очень ограниченный наблюдатель челоѣчества. Онъ постоянно смѣшиваетъ общій характеръ челоѣческой природы съ ея частностями. Онъ знаетъ Лондонъ отлично. Мѣткость его замѣчаній о лондонскомъ обществѣ въ высшей степени удивительна. Но Fleet-Street составлялъ для него весь міръ. Онъ видѣлъ, что тѣ изъ лондонцевъ, которые не умѣли читать, были глубоко невѣжественны, и заключилъ, что грекъ, имѣвшій мало книгъ или совсѣмъ ихъ не имѣвшій, былъ такъ же несвѣдущъ, какъ любой извощикъ м-ра Траля.

Напротивъ, мы имѣемъ, кажется, полное право предполагать, что, по общему развитію, аѣниская чернь далеко превосходила низшіе классы любого изъ когда-либо существовавшихъ государствъ. Надо принять въ соображеніе, что быть гражданиномъ значило быть законодателемъ, воиномъ, судьей, — вообще, челоѣкомъ, отъ голоса котораго могла зависѣть участь богатѣйшей изъ подвластныхъ областей, судьба замѣчательнѣйшаго изъ обществен-

ныхъ дѣятелей. Низшій родъ занятій — земледѣліе и торговля — управлялись сообща рабами. Республика доставляла своимъ ничтожнѣйшимъ членамъ средства къ жизни, возможность имѣть досугъ и удовольствія. Книгъ было, дѣйствительно, немного, но онѣ были превосходны, и съ ними были всё коротко знакомы. Не пересматриваніемъ библіотекъ, но неоднократнымъ чтеніемъ и внимательнымъ размышленіемъ надъ нѣсколькими великими образцами — формируется умъ. Теперь литераторъ долженъ прочесть многое, что скоро забудетъ, и многое, чего не стоитъ помнить. Лучшія произведенія занимають, въ сложности, только небольшую часть его времени. Демосоеенъ, говорятъ, шесть разъ переписывалъ исторію Фукидида. Будь онъ молодымъ политикомъ нашего вѣка, онъ успѣлъ бы въ то же количество времени пересмотрѣть безчисленное множество газетъ и памфлетовъ. Я не осуждаю этого отрывочнаго способа изученія, которое положеніе вещей, въ наше время, дѣлаетъ необходимымъ. Но мнѣ позволяютъ усомниться, чтобы перемѣны, о которыхъ съ такимъ восторгомъ говорятъ поклонники новѣйшихъ учрежденій, на столько улучшили наше положеніе, въ дѣйствительности, на сколько это кажется свиду. Ромфордъ предложилъ, говорятъ, баварскому курфисту средство кормить солдатъ гораздо дешевле, чѣмъ прежде. Планъ его состоялъ, просто, въ томъ, чтобы принудить ихъ вполнѣ пережевывать свою пищу. По мнѣнію знаменитаго прожектёра, небольшое количество потребленной такимъ образомъ пищи болѣе питательно, чѣмъ большой обѣдъ, наскоро проглоченный. Не знаю, какъ было принято предложеніе Ромфорда, но для ума было бы питательнѣе, я думаю, переварить страницу, чѣмъ проглотить томъ.

Книги, впрочемъ, составляли самую меньшую часть воспитанія аенискаго гражданина. Перенесемъ, мысленно, на минуту, въ этотъ блестящій городъ. Вообразимъ, что мы входимъ въ его ворота, въ періодъ его могущества и славы. Вокругъ портика собралась толпа. Она съ восторгомъ смотритъ на антаблементъ, потому что Фидій устанавливаетъ фризь. Мы поворачиваемъ въ другую улицу; тамъ читаетъ раисодистъ; мужчины, женщины,

дѣти толпятся вокругъ него; слезы катятся по ихъ щекамъ, глаза устремлены на поэта, самое дыханіе сдерживается, потому что онъ рассказываетъ, какъ Приамъ упалъ къ ногамъ Ахиллеса и цѣловалъ его руки,—ужасныя, убійственныя руки, погубившія столькохъ его сыновей (*). Мы вступаемъ на публичную площадь; здѣсь стоитъ кружокъ юношей, наклонившихся впередъ со сверкающими глазами и въ видимомъ ожиданіи. Сократъ состязается съ знаменитымъ атеистомъ изъ Іоніи и только-что довелъ послѣдняго до противорѣчія въ выраженіяхъ. Но насъ прерываютъ. Глашатай возвѣщаетъ: «Мѣсто для притановъ!» Готовится общее собраніе. Народъ кишитъ со всѣхъ сторонъ. Сдѣлана прокламація: «Кто хочетъ говорить?» Раздаются крики и рукоплесканія: Периклъ всходитъ на трибуну. За этимъ слѣдуетъ драма Софокла и ужинъ съ Аспазіей. Я не знаю ни одного новѣйшаго университета съ такой превосходной системой воспитанія.

Знанія, прибрѣтенныя этимъ путемъ, и сужденія, составленныя этимъ способомъ, могли имѣть, дѣйствительно, свои недостатки. Предложенія, высказываемыя въ рѣчахъ, обыкновенно истекаютъ изъ односторонняго взгляда на вопросъ и не подлежатъ достаточно долго обсужденію, могущему ихъ исправить. Въ людяхъ съ большимъ даромъ слова почти всегда замѣчается склонность къ софизмамъ и преувеличенію, которыми они обманываютъ на мгновеніе и себя, и слушателей. Такимъ образомъ, мы видимъ, что доктрины, не выдерживающія строгой критики, постоянно имѣютъ успѣхъ въ гостиницахъ, обществахъ, гдѣ ведутся дебаты, и даже въ судебныхъ и законодательныхъ собраніяхъ. Такому разговорному воспитанію аѢніянъ я готовъ приписать значительную распущенность мышленія, которая замѣчается въ болѣе части ихъ ученыхъ сочиненій. Даже самый нелогичный изъ новѣйшихъ писателей сталъ бы въ тупикъ отъ ребяческихъ заблужденій, которыми, кажется, увлекались нѣкоторые изъ величайшихъ умовъ древности. Сэръ Томасъ Лейбриджъ широко раскрылъ бы глаза, читая политическую эконо-

(*) ...καὶ χύσε χεῖρας,

δεινὰς, ἀνδροφόνους, αἳ οἱ πολεῖς κτάνον υἱὰς.

мію Ксенофонта, и авторъ «*Soirées de St. Petersburg*» (2). устыдился бы нѣкоторыхъ метафизическихъ аргументовъ Платона. Но тѣ самыя обстоятельства, которыя задерживали ростъ науки, были особенно благоприятны развитію краснорѣчія. Отъ привычки съ раннихъ лѣтъ принимать участіе въ оживленныхъ преніяхъ понятливый ученикъ пріобрѣталъ ту находчивость, то богатство языка и то знаніе характера и пониманія слушателей, которыя гораздо болѣе цѣнны для оратора, чѣмъ величайшія логическія способности.

Гораций очень мило сравнилъ стихотворенія съ тѣми картинами, эффектъ которыхъ измѣняется по мѣрѣ того, какъ зритель перемѣняетъ мѣсто. То же сравненіе примѣняется, по крайней мѣрѣ, съ небольшою вѣрностью и къ рѣчамъ. Ихъ нужно читать съ настроеніемъ тѣхъ, для кого они говорились; иначе онѣ непременно покажутся нарушающими законы вкуса и разума, точно такъ же, какъ лучшая картина, видимая не въ томъ свѣтѣ, для котораго она назначалась, покажется годной только для вышески. Это постоянно забывается тѣми, кто разбираетъ ораторскія рѣчи. Читая на досугѣ, останавливаясь на каждой строчкѣ, обсуждая каждый аргументъ, они забываютъ, что слушатели такъ быстро увлекались отъ пункта къ пункту, что не могли замѣтить всѣхъ ложныхъ выводовъ, встрѣчавшихся на пути; они не успѣвали распутать софизмовъ или обращать вниманіе на легкую неточность выраженія; изысканная отдѣлка мысли и языка были бы совершенно излишни. Если прибѣгнемъ къ сравненію съ однороднымъ искусствомъ, то, можно сказать, что эти знатоки разсматриваютъ панораму въ микроскопъ и сердятся на декоратора за то, что онъ не далъ своей работѣ изящной отдѣлки Джераарда Доу.

Ораторство надо цѣнить по законамъ, отличнымъ отъ тѣхъ, какіе прилагаются къ другимъ произведеніямъ. Истина составляетъ предметъ философіи и исторіи. Истина—предметъ даже тѣхъ твореній, которыя, называются по преимуществу твореніями вымысла, но которыя, на самомъ дѣлѣ, относятся къ исто-

(2) Жозефъ-де-Мэстръ.

рин такъ, какъ алгебра къ ариметикѣ. Достоинство поэзіи, въ ея своенравнѣйшихъ формахъ, все-таки состоитъ въ ея истинѣ—истинѣ, переданной пониманію не прямо, словами, но окольнымъ путемъ, посредствомъ вымышленныхъ сочетаній, служащихъ ей проводниками. Только одно ораторство имѣетъ цѣлью не истину, а убѣжденіе. Восторгъ толпы не дѣлаетъ Мура болѣе великимъ поэтомъ, чѣмъ Кольриджъ, или Битти болѣе великимъ философомъ, чѣмъ Беркли. Но критериумъ краснорѣчія—другой. Ораторъ, который исчерпываетъ всю философскую сторону вопроса, показываетъ всё прелести слога, но не производитъ эффекта на слушателей, можетъ быть великимъ критикомъ, великимъ государственнымъ человѣкомъ, великимъ писателемъ вообще, но онъ не ораторъ. Какъ скоро онъ не попалъ въ цѣль, то не составляетъ разницы, слишкомъ ли высоко или слишкомъ низко онъ мѣтилъ.

Полная свобода печати въ Англии, въ значительной степени, способствовала уничтоженію этого различія, и у насъ осталось мало того, что я называю собственно ораторствомъ. Наши законодатели, наши кандидаты, даже, въ важныхъ случаяхъ, наши адвокаты обращаются не столько къ слушателямъ, сколько къ стенографамъ. Они заботятся, не столько о немногихъ слушателяхъ, сколько о безчисленныхъ читателяхъ. Въ АѢннахъ дѣло было иначе; тамъ единственною цѣлью оратора было непосредственное убѣжденіе и увѣреніе. И потому тотъ, кто хочетъ вѣрно оцѣнить достоинство греческихъ ораторовъ, долженъ стать, насколько это возможно, въ положеніе ихъ слушателей; онъ долженъ отрѣшиться на время отъ чувствъ и познаній новѣйшаго поколѣнія и усвоить себѣ предразсудки и интересы аѢннскаго гражданина. Тотъ, кто изучаетъ ихъ творенія въ этомъ духѣ, увидитъ, что многое изъ того, что для англійскаго читателя кажется погрѣшностями: частое нарушеніе тѣхъ превосходныхъ правилъ о доказательствѣ, которыми руководствуются наши суды; введеніе чуждыхъ дѣлу предметовъ; уступки политическимъ соображеніямъ въ судебныхъ изслѣдованіяхъ; бездоказательныя утвержденія; страстныя мольбы, яростныя нападенія,—все это составляетъ, на самомъ дѣлѣ, доказательство благоразумія и лов-

кости ораторовъ. Не останавливаясь умышленно на аргументахъ и фразахъ, читатель долженъ полагаться на свои первые впечатлѣнія. Неоднократное и внимательное чтеніе и размышленіе потребно для произнесенія вѣрнаго приговора по всякой другой отрасли литературы. Но относительно произведеній, достоинство которыхъ зависитъ отъ ихъ мгновеннаго дѣйствія, самое послѣднее сужденіе часто самое лучшее.

Исторія краснорѣчія въ АѢннахъ замѣчательна. Съ самыхъ раннихъ временъ тамъ процвѣтали великіе ораторы. Говорятъ, что Пизистратъ и Фемистоклъ много обязаны своимъ вліяніемъ таланту въ преніяхъ. Болѣе достовѣрно извѣстно намъ, что Периклъ отличался необыкновенными ораторскими способностями. Сущность нѣкоторыхъ изъ его рѣчей сообщена намъ Фукидидомъ, и этотъ превосходный писатель, безъ сомнѣнія, вѣрно передаетъ общій ходъ его аргументовъ. Но форма, которая имѣетъ въ ораторствѣ, по крайней мѣрѣ, такое же значеніе, какъ самое содержаніе, не представляла важности въ разсказѣ Фукидида. Понятно, что онъ не старался и сохранить ее. Въ его сочиненіи всѣ рѣчи — каковъ бы ни былъ ихъ сюжетъ, характеръ и языкъ оратора — совершенно одинаковы. Величавый спартанскій царь, яростный аѢннскій демагогъ, полководецъ, ободряющій войско, плѣнникъ, молящій о жизни, — всѣ говорятъ однообразнымъ слогомъ, слогомъ, сверхъ того, совершенно негоднымъ для ораторскихъ цѣлей. Его приемы мышленія необыкновенно эллиптически, — въ сущности чрезвычайно послѣдовательны, но часто съ виду несвязны. Мысль его, уже сама по себѣ довольно спутанная, сжата въ возможно меньшее количество словъ. Страсть его къ антитезамъ не мало способствовала этому. Каждый, вѣроятно, замѣтилъ, что въ стихахъ Попа и его подражателей, никогда не рѣшавшихся переводить фразу, начатую въ одномъ куплетѣ, въ другой, — мысль гораздо болѣе сжата, чѣмъ у повтовъ, которые позволяли себѣ эту вольность. Всякое искусственное дѣленіе, строго разграниченное и часто повторяющееся, имѣетъ то же свойство. Ясное выраженіе, внезапно и само по себѣ возникающее въ умѣ, часто отказывается приспособляться къ подобной формѣ. Тогда необходимо бываетъ или ослабить его раз-

глагольствованіемъ, или почти совершенно затемнить непроницаемой сжатостью. Даровитый человекъ, обыкновенно, избираетъ последнее; то же, понятно, избралъ и Фукидидъ.

Едвали нужно говорить, что подобныя рѣчи никогда не могли произноситься. Они составляютъ, можетъ быть, самыя трудныя мѣста въ греческихъ произведеніяхъ и, вѣроятно, были бы также непонятны для аэнискаго слушателя, какъ и для читателя новѣйшаго времени. Ихъ неясность была признана и Цицерономъ, который такъ же хорошо зналъ литературу и языкъ Греціи, какъ и самый образованный изъ ея природныхъ жителей, и который, повидимому, занималъ почетное мѣсто между греческими авторами. Ихъ трудность для новѣйшаго читателя лежитъ не въ словахъ, но въ разсужденіяхъ. При изученіи ихъ далеко не такъ нуженъ лексиконъ, какъ свѣтлая голова и глубокое вниманіе къ контексту. Они цѣнны для ученаго, потому что едвали не болѣе всѣхъ другихъ сочиненій выказываютъ богатство прекраснѣйшаго изъ языковъ; они цѣнны для философа, потому что характеризуютъ нравы и обычаи вѣка, въ высшей степени интереснаго; они изобилуютъ вѣрными и энергическими выраженіями. Но они не даютъ намъ возможности составить точное сужденіе о достоинствѣ древнихъ греческихъ ораторовъ.

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что до Персидскихъ войнъ Аэнины производили замѣчательныхъ ораторовъ, однако время, когда краснорѣчіе наиболѣе процвѣтало между гражданами, вовсе не совпадало со временемъ величайшаго могущества и славы страны. Оно началось по окончаніи Пелопонезскихъ войнъ. Въ сущности, кажется, шаги, которыми ораторское искусство аэнинянъ приближалось къ полнѣйшему своему совершенству, были почти одновременны съ шагами, которыми характеръ и владычество аэнинянъ шли къ паденію. Въ тѣ времена, когда маленькая республика одерживала побѣды, которымъ не было равныхъ въ продолженіе 25, полныхъ событіями, столѣтій, краснорѣчіе находилось въ младенчествѣ. Освободители Греціи сдѣлались ея грабителями и притѣснителями. Безвѣрныя вымогательства, жестокая мстительность, безуміе толпы, тираннія вельможъ наполняли Циклады слезами, кровью и трауромъ. Мечъ въ одинъ день

опустошалъ цѣлыя острова. Плугъ проходилъ по развалинамъ знаменитыхъ городовъ. Царственная республика цѣлыми тысячами отправляла дѣтей своихъ чахнуть въ каменоломняхъ Сиракузъ или кормить собою коршуновъ Эгоспотамоса. Наконецъ, голодъ и рѣзня принудили ее смириться передъ врагами и купить свое существованіе пожертвованіемъ своими законами и властью. Въ теченіе этихъ злополучныхъ и мрачныхъ лѣтъ ораторство достигло высшаго совершенства. Когда нравственный, политическій и военный характеръ народа былъ совершенно униженъ, когда на-мѣстникъ македонскаго государя предписывалъ законы Греціи, тогда-то учрежденія Аѣишъ сдѣлались свидѣтелями величайшаго изъ состязаній краснорѣчія, когда-либо видѣннаго миромъ.

Причины этого явленія, я думаю, легко опредѣлить. Раздѣленіе труда дѣйствуетъ одинаковымъ образомъ какъ на произведенія оратора, такъ и на произведенія механика. Древніе замѣчали, что пентатлетъ, раздѣлявшій свое вниманіе между сколькими упражненіями, хотя и не могъ соперничать съ кулачнымъ бойцомъ въ умѣнн владѣть цестомъ или со скороходомъ въ состязаніяхъ на стадіи, — тѣмъ не менѣ пользовался, вообще, гораздо большей силой и здоровьемъ, чѣмъ тотъ и другой ⁽³⁾. То же самое бываетъ и съ умомъ. Превосходство въ техническомъ искусствѣ часто болѣе нежели уравнивается слабостью общихъ способностей. Особенно часто встрѣчается это въ политикѣ. Государства были всегда лучше управляемы людьми, которые отличались широкимъ взглядомъ на общественныя дѣла и обладали скорѣе общимъ знакомствомъ со многими науками, чѣмъ полнѣйшимъ обладаніемъ одной. Соединеніе въ Греціи политической и военной отрасли не мало способствовало блеску раннихъ періодовъ ея исторіи. Послѣ раздѣленія этихъ отраслей появились болѣе искусные полководцы и болѣе великіе ораторы: но порода государственныхъ людей стала вырождатъься и почти угасла.Themistocles и Pericles были бы не-подъ-стать

(3) Pentathlon (Pentathlos, quinquertium) означало у грековъ совокупное понятіе о пяти любимыхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ: скаканіи, бросаніи диска, бѣганіи, борьбѣ и кулачномъ боѣ.—Caestus—ремень съ металлическими бляхами, которымъ обматывалась рука во время боя.

Демосфену въ собраніи или Ификрату на полѣ битвы, но для высшаго управленія дѣлами они навѣрное были несравненно способнѣе каждаго изъ нихъ.

Дѣйствительно, между развитіемъ въ грекахъ военнаго и ораторскаго искусства видно замѣчательное сходство. Оба совершенствовались одновременно и по сходнымъ причинамъ. Первые ораторы, какъ и первые воины Греціи, были, просто, милиціей. Оказалось, что въ обоихъ занятіяхъ практика и систематичность совершенствуютъ. (*) Поэтому, и то, и другое занятіе сдѣлалось сначала искусствомъ, потомъ промысломъ. Соразмѣрно съ тѣмъ, какъ люди, посвятившіе себя имъ, становились искуснѣе, каждый въ своемъ ремеслѣ, ихъ общій характеръ дѣлался менѣе достойнымъ уваженія. Ихъ искусство пріобрѣталось такой дорогой цѣной, что они не могли пользоваться имъ изъ однихъ безкорыстныхъ видовъ. Такимъ образомъ, воины забывали, что они граждане, а ораторы — что они государственные люди. Я

(*) Мнѣ часто приходило въ голову, что обстоятельствамъ, упомянутымъ въ статьѣ, слѣдуетъ приписать одно изъ замѣчательнѣйшихъ происшествій въ греческой исторіи: — я разумно безмолвное, но быстрое паденіе лакедемонскаго владычества. Вскорѣ послѣ окончанія Пелопонезской войны могущество Спарты начало клониться къ упадку. Ея военная дисциплина, ея общественныя учрежденія остались тѣ же. Агезилай, въ правленіе котораго произошла эта перемена, былъ даровитѣйшій изъ ея королей. Но спартацкія арміи часто разбивались въ рукопашныхъ бояхъ, что считалось невозможнымъ въ первые времена греческой исторіи. Всѣ признаютъ, что они сражались въ высшей степени храбро, но не имѣли уже того усилъа, къ которому были приучены прежде. Сколько я знаю, никто изъ древнихъ писателей не разъяснилъ этихъ обстоятельствъ. Я полагаю, истинная причина заключается въ слѣдующемъ. Изъ всѣхъ грековъ одни только лакедемоняне образовали постоянную армію. Между тѣмъ какъ граждане другихъ республикъ занимались земледѣліемъ и торговлею, спартаццы не имѣли другаго занятія, кромѣ изученія военной дисциплины. Потому-то, въ продолженіе Пелопонезскихъ и Персидскихъ войнъ, они имѣли надъ своими сосѣдями то преимущество, какое регулярныя войска всегда имѣютъ надъ милиціей. Они лишились этой выгоды, когда другія государства начали въ послѣдствіи употреблять наемныя войска, ставшія, вѣроятно, настолько выше спартаццевъ въ искусствѣ вести войну, насколько спартаццы до сихъ поръ были выше своихъ противниковъ.

не знаю болѣе вѣрнаго сравненія для Демосоеена и его знаменитыхъ современниковъ, какъ сравненіе съ тѣми наемными войсками, которыя, въ ихъ время, дѣлали набѣги на Грецію, или съ тѣми, которыя, вслѣдствіе подобныхъ же причинъ, были, назадъ тому нѣсколько вѣковъ, бичемъ Итальянской республики; съ наемниками, отлично знающими свое ремесло, неотразимыми на полѣ битвы, могучими въ защитѣ и истребленіи, но защищающими безъ любви и истребляющими безъ ненависти. Мы можемъ презирать характеръ этихъ политическихъ кондотьеровъ; но невозможно разбирать систему ихъ тактики, не удивляясь ея совершенству.

Я намѣревался заняться этимъ разборомъ и рассмотреть отдѣльно то, что осталось отъ Лизія, Эсхина, Демосоеена и Изократа, который, хотя, строго говоря, былъ скорѣе памфлетистомъ, чѣмъ ораторомъ, заслуживаетъ по многимъ причинамъ мѣсто въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода. Но длина моего введенія и моихъ отступленій заставляеть меня отложить эту часть предмета до другаго случая. «Magazines», поистинѣ, восхитительная выдумка для очень празднаго или очень занятаго чело-вѣка. (*) Онъ не обязанъ выполнять свой планъ или придерживаться своего сюжета. Онъ можетъ блуждать, сколько хочетъ, и останавливаться, какъ скоро почувствуетъ усталость. Никто не беретъ на себя труда помнитъ его противорѣчивыя сужденія или неисполненныя обѣщанія. Онъ можетъ быть столь поверхностенъ, непослѣдователенъ и беспеченъ, сколько ему угодно. «Магазинъ» походятъ на тѣхъ маленькихъ ангеловъ, которые, по прелестному раввинскому преданію, зарождаются, каждое утро, въ ручейкѣ, протекающемъ по райскимъ цвѣтамъ, жизнь которыхъ—пѣснь, которые щебечуть до заката солнца и потомъ безъ сожалѣнія возвращаются въ ничто. Подобные дѣти не имѣютъ ничего общаго съ пытливымъ копьемъ Игуриеля и съ побѣдоноснымъ мечомъ Михаила. Для нихъ достаточно — повра-виться и потомъ быть забытыми.

(*) Эта и нѣкоторыя другія статьи появились первоначально въ «*Knight's Quarterly Magazine.*»

ПРОРОЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ

О ВЕЛИКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЪ, КОТОРАЯ
БУДЕТЪ НАЗВАНА «ВЕЛЛИНГТОНІАДА» И БУДЕТЪ ИЗДАНА
ВЪ ЛѢТО ОТЪ РОЖЕСТВА ХРИСТОВА 2824-е.

(Ноябрь, 1824 г.)

Какъ я сдѣлался пророкомъ—это не очень важно для читателя. Тѣмъ не менѣе я ощущаю все безпокойство, которое, при подобныхъ обстоятельствахъ, смущало шекотливый умъ Сидрофеля, и, подобно ему, спѣшу очистить себя отъ подозрѣнія въ занятіяхъ запрещенными искусствами или въ сношеніяхъ съ существами инаго міра. Поэтому я торжественно объявляю, что никогда не видалъ призрака, подобно лорду Литтльтоу, не совѣщался съ цыганкой, подобно Жозефинѣ, и не слыхалъ своего имени, произносимаго отсутствующимъ лицомъ, подобно д-ру Джонсону. Хотя теперь являться своимъ друзьямъ въ моментъ смерти сдѣлалось, для джентльменовъ, такимъ же обыкновеннымъ дѣломъ, какъ посѣщать ихъ при жизни,—никто изъ моихъ знакомыхъ не былъ столь вѣжливъ, чтобъ почтить меня этимъ обычнымъ визитомъ. Я не почерпалъ моихъ знаній ни отъ мертвыхъ, ни отъ живыхъ, ни изъ линий на рукѣ, ни со дна чайной чашки, ни изъ звѣздъ небесныхъ, ни отъ духовъ подземной бездны. Я никогда не слыхалъ, подобно семьѣ Весли, чтобъ «тотъ могучій ангель-вождь», который «влекъ за собой третью часть снновъ неба», шевелился въ моемъ бѣдѣ. Я никогда не былъ

завлеченъ къ подписи тѣхъ обманчивыхъ обязательствъ, которые были гибелью столькихъ бѣдныхъ созданій, и, всегда будучи посредственнымъ наѣзникомъ, былъ слишкомъ остороженъ, чтобы рѣшиться ѣхать на метлѣ.

Мое предвидѣніе будущаго, подобно дару Джорджа Фокса—квакера и нашего великаго и философскаго поэта лорда Байрона, возникаетъ изъ простаго предчувствія. Это далеко не такой искусный способъ, какъ тѣ, которые употреблялись другими. Но я все-таки думаю, что мои предсказанія окажутся вѣрнѣе другихъ и во всякомъ случаѣ, какъ говорить сэръ Бенджаминъ Бакбайтъ въ комедіи, «обстоятельнѣе».

Итакъ, я пророчествую, что въ 2824 году, по нашему теперешнему счисленію, великая національная эпическая поэма, достойная сравненія съ «Илиадой», «Энеидой» и «Освобожденнымъ Іерусалимомъ», будетъ издана въ Лондонѣ.

Люди, естественно, интересуются подробностями жизни каждаго замѣчательнаго писателя. Поэтому, я хочу удовлетворить похвальному любопытству,—которое, въ настоящемъ случаѣ, безъ сомнѣнія, будетъ всеобщимъ,—предпославъ моему отчету о поэмѣ краткій мемуаръ о поэтѣ.

Ричардъ Квонгги родится въ Вестминстерѣ, 1 іюля 2786 года. Онъ будетъ младшимъ сыномъ младшей отрасли одной изъ самыхъ почтенныхъ фамилій въ Англіи. Онъ будетъ происходить по прямой линіи отъ Квонгги, знаменитаго китайскаго либерала, который, послѣ неудачи, постигшей героическую попытку его партіи получить конституцію отъ императора Фимъ-Фама, будетъ искать убѣжища въ Англіи въ XXIII столѣтіи. Здѣсь его потомки приобрѣтутъ большое значеніе, и одна отрасль ихъ рода будетъ возведена въ перство.

Однако Ричардъ, будучи предназначенъ доставить своей фамиліи отличіе, болѣе благородное, чѣмъ то, которое дается богатствомъ и титулами, наследуетъ при рожденіи весьма скудные средства. Въ отрочествѣ онъ выкажетъ такіе поразительные таланты, что они привлекутъ вниманіе виконта Квонгги, его родственника въ третьемъ колѣнѣ, статсъ-секретаря пароваго департамента. На счетъ этого замѣчательнаго нобльмена Ричарда

чарда отправить окончивъ образование въ университетъ Томбуку. Въ эту славную резиденцію музъ будутъ стремиться талантливые юноши всѣхъ странъ, привлеченные высоко-ученой репутацией профессора Квашабу и замѣчательными литературными дарованіями профессора Кисси - Кики. Но, не смотря на такое грозное соперничество, Квонгти достигнетъ высшихъ почестей во всѣхъ отрасляхъ знанія и приобрететъ своимъ любезнымъ и непринужденнымъ обращеніемъ уваженіе своихъ товарищей. Опекуны юнаго герцога Каррингтона, перваго пера Англіи и послѣдняго отпрыска древняго и знаменитаго дома Смитовъ, будутъ стараться приобрести для своего питомца такого даровитаго наставника. Квонгти совершитъ съ герцогомъ большое путешествіе и посѣтитъ просвѣщенные дворы въ Сидни и Капштатъ. Съ большимъ трудомъ убѣдивъ своего воспитанника подавить пылкую и неблагоприятную страсть, которую послѣдній возымѣетъ къ одной готентотской леди, замѣчательно красивой и талантливой, но сомнительной репутациі, онъ отправится съ нимъ въ Соединенные Штаты Америки. Но грозная война, которая сдѣлается пагубною для американской свободы, будетъ въ то время свирѣпствовать во всей федерациі. Въ Нью-Йоркѣ путешественники услышатъ объ окончательномъ пораженіи и смерти Юнатава Гиггинботома и возведеніи Эбевезера Гогсфлеша въ званіе безсмысленнаго президента. Они не захотятъ продолжать путешествія, которое подвергало бы ихъ оскорбленіямъ грубыхъ солдатъ, опустошившихъ своей жестокостью и алчностью Мексику и Колумбію и наконецъ поработившихъ собственное отечество.

По возвращеніи въ Англію, въ 2810 году, смерть герцога принудитъ его наставника искать средствъ къ существованію литературными трудами. Его слава возвысится многими небольшими произведеніями замѣчательнаго достоинства, а подѣ конецъ онъ приобрететъ, своей большой эпической поэмой, вѣчное мѣсто въ ряду величайшихъ писателей.

Это прославленное твореніе сдѣлается, съ небывалою быстротой, любимцемъ народа. Продажа его будетъ такъ выгодна для автора, что вмѣсто того, чтобъ двигаться по грязнымъ улицамъ

въ своемъ быстрокатѣ, онъ будетъ въ состояніи завести себѣ воздушный шаръ.

Характеръ этой благородной поэмы будетъ опредѣленъ такъ точно и вѣрно въ «Томбуктускомъ Обзорѣннн» за апрѣль 2825 г., что я не могу удержаться, чтобъ не перевести этого мѣста. Авторомъ статьи будетъ старый наставникъ нашего поэта, профессоръ Кисси-Кики.

«По пафосу, блестящему языку и прелести версификаціи, м-ръ Квонгги долго считался не имѣющимъ соперника. Въ его изящнѣйшей поэмѣ «*Ornithorynchus Paradoxus*» всѣ эти качества достигли полнѣйшаго совершенства. Какъ восхитительно схватываетъ и воплощаетъ это твореніе неопредѣленныя и смутныя тѣни, пролетающія въ умѣ, богатомъ воображеніемъ. Холодный свѣтскій человѣкъ можетъ не понять его; но оно найдеть отвѣтъ въ груди каждаго юнаго поэта, каждаго восторженнаго любовника, которые видѣли *Ornithorynchus Paradoxus* при лунномъ свѣтѣ. Но намъ еще предстояло убѣдиться, что онъ обладаетъ обширнымъ пониманіемъ, разсудочностью и плодovitостью ума, необходимыми для эпическаго поэта.

«Трудно придумать завязку совершеннѣе завязки «*Веллингтоніады*». Она въ высшей степени вѣрна нравамъ вѣка, къ которому относится. Она тщательно сохраняетъ всю историческую обстановку и чрезвычайно искусно переплетаетъ ее со всѣми *preciosa miracula* сверхъестественныхъ дѣятелей.»

Вотъ что будетъ говорить ученый профессоръ словесныхъ наукъ томбуктускаго университета. Боюсь, что критики нашего времени составятъ касательно тѣхъ же пунктовъ мнѣніе, діаметрально противоположное. Нѣкоторые изъ нихъ получаютъ, я опасюсь, отвращеніе къ чудесамъ, заимствованнымъ изъ мнелогіи древней Греціи. Я могу только сказать, что въ XXIX столѣтіи эти чудеса будутъ въ общемъ употребленіи у поэтовъ и что Квонгги будетъ пользоваться ими частью сообразуясь съ общимъ обычаемъ, частью изъ почтенія, можетъ быть излишняго, къ великимъ останкамъ классической древности, которые будутъ тогда, какъ и теперь, прилежно читаться каждымъ образованнымъ человѣкомъ:—между тѣмъ какъ пѣсни То-

наша Мура будутъ забыты и только три экземпляра сочиненій лорда Байрона уцѣлѣютъ къ тому времени: одинъ у короля Георга XIX; другой въ коллекціи герцога Каррингтона и третій въ библіотекѣ Британскаго музея. Наконецъ, если кого-нибудь изъ добрыхъ людей и огорчитъ извѣстіе, что языческіе вымыслы такъ долго удержатъ свое вліяніе на литературу, то пусть подумаютъ, что, какъ говорилъ Сентъ-Давидскій епископъ въ «*Proofs of the Inspiration of the Sibylline Verses*», на послѣднемъ митингѣ королевскаго литературнаго общества, «во всякомъ случаѣ язычникъ—не папистъ».

Нѣкоторые изъ современныхъ намъ читателей могутъ подумать, что Квонгги не имѣетъ права на похвалы, расточаемыя ему негритянскимъ критикомъ за вѣрность исторической обстановкѣ того времени, изъ котораго взять сюжетъ; что всякій разъ, какъ онъ вводитъ какую-нибудь черту нашихъ нравовъ, она не на мѣстѣ и что онъ смѣшиваетъ обычаи нашего вѣка съ обычаями гораздо болѣе отдаленныхъ періодовъ. Я могу только сказать, что это обвиненіе безконечно болѣе приложимо къ Гомеру, Виргилію и Тассо. Поэтому, если читатель замѣтитъ, въ послѣдующемъ изложеніи завязки, какое-нибудь ничтожное уклоненіе отъ строгой исторической точности, то пусть онъ съ секунду подумаетъ, не нашелъ ли бы Агамемнонъ столько же неточностей въ «*Иліадѣ*», Дидона въ «*Энеидѣ*» и Готфридъ въ «*Иерусалимѣ*». Его мнѣнія не должны составлять по подробностямъ, не могущимъ имѣть вліянія на правду или ложь представленія. Если одному человѣку невозможно убивать въ сраженіи сотни людей, то эта невозможность не уменьшается разстояніемъ времени. Если такъ же вѣрно, что Ринальдо никогда не снималъ чаръ съ палестинскаго лѣса, какъ вѣрно то, что этого не дѣлалъ герцогъ Веллингтонъ въ лѣсу Суаньи, то можемъ ли мы, какъ рациональные люди, снисходительно читать одну сказку и смѣяться надъ другой? Я убѣжденъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что всѣмъ, чѣмъ мы объясняемъ наше восхищеніе завязкой знаменитыхъ поэмъ, наши дѣти будутъ извинять свое восхищеніе «Веллингтоніады».

Я приступаю къ очерку этого повѣствованія. Сюжетъ взятъ изъ «Царствованія Ста Дней».

КНИГА I.

Поэма начинается, по формѣ, торжественнымъ изложеніемъ сюжета. Потомъ муза призывается дать поэту точное свѣдѣніе о причинахъ такихъ страшныхъ смуть. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, будучи, надо предполагать, соединеннымъ произведеніемъ поэта и музы, приписываетъ эти событія — обстоятельствамъ, ускользавшимъ, до сихъ поръ, отъ всѣхъ изслѣдованій политическихъ писателей, именно: вліянію бога Марса, который, будто-бы, лѣтъ сорокъ тому назадъ, захватилъ супружескія права стараго Карла Бонапарте и далъ жизнь Наполеону. По его-то настоянію и пустился императоръ, со своими преданными спутниками, чрезъ море, въ свои старыя владѣнія. Къ счастью для него, боги пировали въ это время съ эфіопянами, на праздникахъ которыхъ, согласно старинному обычаю, описанному Гомеромъ, они ежегодно присутствуютъ съ такого же рода снисходительнымъ обжорствомъ, какое ежегодно 9 ноября влечетъ нынѣ членовъ министерства въ Гильдголь (¹). Нептунъ, слѣдовательно, былъ въ отсутствіи и не могъ помѣшать врагу своего любимаго острова переплыть его стіхію. Но Борей, жившій на берегахъ русскихъ водъ и подобно Фетидѣ въ «Иліадѣ» не имѣвшій достаточно знатности, чтобъ получить приглашеніе въ Эфіопію, рѣшился истребить флотъ, несшій войну и опасность покровительствуемому имъ народу. Поэтому, онъ поднимаетъ бурю, описанную весьма сильно. Наполеонъ оплакиваетъ безславную судьбу, которая, по-видимому, его ожидаетъ.

«О! трижды счастливы, говорятъ онъ, тѣ, которые замерзли въ Красномъ и убиты на Лейпцигскомъ полѣ! О, Кутузовъ, храбрѣйшій изъ русскихъ, зачѣмъ не суждено мнѣ было пасть подъ ударами твоего побѣдоноснаго меча!» Потомъ онъ возноситъ молитву къ Эолу и общаетъ ему принести въ жертву чер-

(¹) Въ этотъ день бываетъ обѣдъ лондонскаго лорда-мера, въ память установленія должности.

наго барана. Вслѣдствіе этого, богъ отзываетъ своего беззаконнаго подданнаго; море утихаетъ, и корабль бросаетъ якорь въ портъ Фрежюсъ. Наполеонъ и Бертранъ, вездѣ называемый вѣрнымъ Бертраномъ, высаживаются на берегъ, чтобъ изслѣдовать страну; ихъ встрѣчаетъ Марсъ, переодѣтый уланомъ гвардіи и съ крестомъ почетнаго легіона. Онъ совѣтуетъ имъ обратиться за всѣмъ нужнымъ къ губернатору, показываетъ дорогу и исчезаетъ, оставивши сильный запахъ пороха. Наполеонъ произноситъ патетическую рѣчь и вступаетъ въ домъ губернатора. Здѣсь онъ видитъ прекрасную картину, изображающую Аустерлицкую битву и себя самого, стоящимъ на переднемъ планѣ и отдающимъ приказанія. Это придаетъ ему бодрости; онъ выступаетъ впередъ и привѣтствуетъ губернатора, который выказываетъ ему много преданности, угощаетъ и, по обычаю всѣхъ эпическихъ хозяевъ, требуетъ, послѣ обѣда, полнаго разсказа обо всемъ, что случилось съ нимъ со времени Лейпцигской битвы.

КНИГА II.

Наполеонъ передаетъ событія съ Лейпцигской битвы до своего отреченія. Но такъ какъ представляется громадное количество битвъ, то я полагаю лучше опустить эти подробности.

КНИГА III.

Наполеонъ описываетъ свое пребываніе на Эльбѣ и свое возвращеніе; разсказываетъ, какъ сильная непогода угнала его въ Сардинію, гдѣ онъ сражался съ гарпіями; какъ его унесло потомъ къ югу, въ Сицилію, гдѣ онъ великодушно принялъ на борту англійскаго матроса, котораго одинъ военный корабль, по несчастью, оставилъ тамъ и который подвергался неминуемой опасности—быть пожранымъ циклопами; какъ онъ высадился въ Неаполитанскомъ заливѣ, видѣлъ сивиллу и спускался въ Тартаръ; какъ онъ велъ долгій и трогательный разговоръ съ Понятовскимъ, который блуждалъ, непогребенный, на берегахъ Стикса; какъ онъ покаялся сдѣлать ему пышныя похороны; какъ

онъ также дружески бесѣдовалъ съ Дезе; какъ Моро и сэръ Ральфъ Аберкромби обратились въ бѣгство при видѣ его. Онъ повѣствуетъ, что потомъ опять пустился въ путь и не встрѣтилъ ничего важнаго до наступленія бури, которою открывается поэма.

КНИГА IV.

Сцена переносится въ Парижъ. Молва, въ образѣ курьера, приноситъ извѣстіе о высадкѣ Наполеона. Король совершаетъ жертвоприношеніе; но внутренности жертвы неблагопріятны: она оказывается безъ сердца. Онъ готовится встрѣтить похитителя престола. Молодой капитанъ гвардіи, сынъ Маріи-Антуанеты и Апполона, вбѣгаетъ въ образѣ скрипача, и объявляетъ, что Наполеонъ приближается съ большой арміей. Королевскія войска выстроены въ боевомъ порядкѣ. Представляется полное описаніе полковъ обѣихъ сторонъ, полковниковъ, подполковниковъ и мундировъ.

КНИГА V.

Король выступаетъ впередъ и вызываетъ Наполеона на поединокъ. Наполеонъ принимаетъ вызовъ. Приносятъ жертвы. Ней и Макдональдъ отиѣриваютъ разстояніе. Сражающіеся выступаютъ. Людовикъ тщетно щелкаетъ своимъ пистолетомъ. Пуля Наполеона, напротивъ, отрываетъ кончикъ королевскаго уха. Тогда Наполеонъ бросается къ нему съ мечемъ въ рукѣ. Но Людовикъ схватываетъ такой камень, какого не могли бы сдвинуть и десять человѣкъ этихъ выродившихся временъ, и швыряетъ имъ въ своего противника. Марсъ отклоняетъ камень. Наполеонъ хватаетъ Людовика и готовится нанести роковой ударъ; но тутъ вступается Бахусъ, подобно Венерѣ въ третьей книгѣ «Иліады», уноситъ короля въ густомъ облакѣ и сажаетъ въ отели города Лилль передъ столомъ съ бутылкой мараскину и миской супу. Обѣ арміи немедленно провозглашаютъ Наполеона императоромъ.

КНИГА VI.

Нептунъ, вернувшись съ эфіопскихъ пировъ, съ яростью видитъ событія, случившіяся въ Европѣ. Онъ бѣжитъ въ пещеру

Алекто, вытаскиваетъ ее оттуда и повелѣваетъ ей возбудить всеобщую вражду противъ Наполеона. Фурія предстаетъ предъ лорда Касльре, и подобно тому, какъ она являлась Турну, принявъ образъ старухи, она появляется теперь въ сходномъ образѣ м-ра Ванситарта и страстною рѣчью увѣщаетъ его милость начать войну. Его милость, подобно Турну, обращается съ большимъ неуваженіемъ къ этому странному совѣтнику, говоритъ ему, что онъ старшій, безумный дуракъ и предлагаетъ ему заняться финансовыми дѣлами, а вопросы о мирѣ и войнѣ предоставить людямъ поумнѣе. Тогда Фурія является ему во всемъ своемъ ужасѣ. Щегольски напудренные волосы шипятъ змѣями; черные чулки являются запятанными кровью, и, махая факеломъ, она объявляетъ свое имя и порученіе. Лордъ Касльре приходитъ въ ярость; онъ немедленно несется въ парламентъ и, въ потокѣ краснорѣчивой брани, предлагаетъ войну. Всѣ члены немедленно взываютъ ко мщенію, схватываютъ свое оружіе, висящее на стѣнахъ палаты, и спѣшатъ приготовиться къ немедленнымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

КНИГА VII.

Въ этой книгѣ приходитъ въ Лондонъ извѣстіе о бѣгствѣ герцогини Ангулемской изъ Франціи. Рассказывается, что герония, вооруженная съ головы до ногъ, защищала Бордо противъ приверженцевъ Наполеона, сражалась одинъ на одинъ съ Клозелемъ и побила его огромнымъ камнемъ. Оставленная своими приверженцами, она, наконецъ, подобно Турну, бросилась въ полномъ вооруженіи въ Гаронну и поплыла къ англійскому кораблю, дрейфовавшему вдоль берега. Эта вѣсть еще сильнѣе возбуждаетъ англичанъ къ войнѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе смѣлое бѣгство. Герцогъ Веллингтонъ отправляется прощаться съ герцогиней, и тутъ происходитъ сцена, совершенно равная знаменитому свиданію между Гекторомъ и Андромахой. Лордъ Дуро пугается отцовскаго султана, но проситъ дать ему вполетъ.

КНИГА VIII.

Нептунъ, трепеща за исходъ войны, умоляетъ Венеру, — которая, будучи плодомъ его стихіи естественно, его почитаетъ, — достать отъ Вулкана смертоносный мечъ и пару самыхъ мѣткихъ пистолетовъ для герцога. Они приготовлены согласно требованію и великолѣпно изукрашены. На ножнахъ меча, какъ на щитѣ Ахиллеса, награвированы чрезвычайно тонко мініатюрныя сцены изъ обыденной жизни того времени: танцы въ Альмакѣ, кулачный бой въ Fives-court, процессія лорда-мера и казнь челоуѣка повѣшеніемъ. Все это описано подробно и изящно. Герцогъ, вооруженный такимъ образомъ, спѣшитъ въ Брюссель.

КНИГА IX.

Герцогъ съ великою пышностью принять въ Брюсселѣ королемъ нидерландскимъ. Ему сообщаютъ о приближеніи армій всѣхъ союзныхъ королей. Авторъ, съ похвальнымъ рвеніемъ о славу отечества, совершенно пропускаетъ подвиги австрійцевъ въ Италіи и пренія на конгрессѣ. Англія и Франція, Веллингтонъ и Наполеонъ почти исключительно владѣютъ его вниманіемъ. Нѣсколько дней проходитъ въ пиршествахъ въ Брюсселѣ. Англійскіе герои приводятъ въ изумленіе своихъ союзниковъ великолѣпными играми, подобными тѣмъ, какіе привлекаютъ цвѣтъ англійской аристократіи въ Newmarket и Moulsey Hurst и на которые наши потомки будутъ смотрѣть съ такимъ же уваженіемъ, съ какимъ классическіе ученые нашего времени смотрятъ на олимпійскія и истмійскія состязанія. Въ кулачномъ бою лейбъ-гвардеецъ побѣждаетъ принца Оранскаго и получаетъ призъ, состоящій изъ быка. На скачкѣ герцогъ Веллингтонъ состязается съ лордомъ Оксбриджемъ; герцогъ одерживаетъ побѣду и вознаграждается двѣнадцатю оперными хористками. Въ послѣдній день праздника устраиваются блестящіе танцы, въ которыхъ участвуютъ всѣ герои.

КНИГА X.

Марсъ, видя, что англійская армія пребываетъ въ такомъ без-

дѣйствию, спѣшитъ поднять Наполеона, который, ведомый Ночью и Тишиною, неожиданно нападаетъ на пруссаковъ. Рѣзня страшная. Наполеонъ убиваетъ многихъ, жизнь и родословная которыхъ удачно и подробно описана. Онъ убиваетъ Германа, криолога, который жилъ на берегахъ оттѣняемой липами Эльбы и измѣрялъ на глазомѣрь черепа всѣхъ прохожихъ въ берлинскихъ улицахъ. Увы! его собственный черепъ разбитъ теперь корсиканскимъ мечомъ. Четыре воспитанника іенскаго университета нападаютъ на императора; четырьмя ударами онъ уничтожаетъ ихъ всѣхъ. Блюхеръ спѣшитъ остановить опустошеніе; Наполеонъ спшибаетъ его на землю и готовится убить, но Гнейзенау, Цитенъ, Буловъ и другіе герои прусской арміи собираются вокругъ него и уносятъ почтеннаго вождя на нѣкоторое растояніе отъ поля битвы. Рѣзня продолжается до ночи. Между тѣмъ, Нептунъ послалъ Молву съ извѣстіемъ объ этомъ къ герцогу, танцующему въ Брюсселѣ. Вся армія приведена въ движеніе. Конь герцога Брауншвейгскаго начинаетъ говорить, чтобъ предупредить господина объ угрожающей ему опасности,—но напрасно.

КНИГА XI.

Пиктонъ, герцогъ Брауншвейгскій и принцъ Оранскій нападаютъ на Нея при Катръ-Бра. Ней убиваетъ герцога Брауншвейгскаго, раздѣваетъ его и посылаетъ его португелю Наполеону. Англичане отступаютъ къ Ватерлоо. Юпитеръ собираетъ совѣтъ боговъ и повелѣваетъ не вмѣшиваться ни съ которой стороны. Марсъ и Нептунъ произносятъ очень краснорѣчивыя рѣчи. Начинается битва при Ватерлоо. Наполеонъ убиваетъ Пиктона и Деланси. Ней нападаетъ на Понсонби и убиваетъ его. Принцъ Оранскій раненъ Сультомъ. Лордъ Оксбриджъ мчится, чтобъ остановить рѣзню. Онъ тяжело раненъ Наполеономъ, и только лордъ Гилль, подоспѣвшій на помощь, спасаетъ его. Между тѣмъ герцогъ производитъ страшное опустошеніе между французами. Онъ нападаетъ на генерала Дюгэма, побѣждаетъ его, но шадитъ его жизнь. Онъ убиваетъ Туберта, содержавшаго игорный домъ въ Пале-Роялѣ, и Маронета, любившаго проводить цѣлыя ночи за

шампанскимъ. Клерваль, который былъ выгнанъ со сцены и сдѣлался потомъ капитаномъ императорской гвардіи, желалъ бы лучше попрежнему стоять лицомъ къ лицу съ безвредной неприязнью парижскаго партера. Ларре, сынъ Эскулапа, посвященный своимъ отцомъ во всѣ тайны его искусства и бывший генеральнымъ хирургомъ французской арміи, цѣлуетъ колѣна разрушителя и заклинаетъ его не предавать смерти того, котораго назначеніе—даровать жизнь. Герцогъ поднимаетъ Ларре и оставляетъ въ живыхъ.

Но мы должны слѣшить къ окончанію. Наполеонъ стремится на поединокъ съ Веллингтономъ. Обѣ арміи стоятъ въ нѣмомъ страхѣ. Герои стрѣляютъ изъ своихъ пистолетовъ. Пистолетъ Наполеона осѣкается, но пистолетъ Веллингтона, сдѣланный Вулканомъ и заряженный циклопами, ранитъ императора въ бедро. Онъ бѣжитъ и прячется среди войскъ. Бѣгство становится всеобщимъ. Изъ патріотическихъ видовъ поэтъ совершенно умалчиваетъ о прибытіи пруссаковъ.

КНИГА XII.

Дѣло приближается къ катастрофѣ. Наполеонъ бѣжитъ въ Лондонъ и, расположившись у очага регента и обвиняя домашнихъ боговъ, заклинаетъ его, почтенной старостью короля Георга III и раздвѣтающими прелестями принцессы Шарлотты, пощадить его. Принцъ склоняется на это, какъ вдругъ, взглянувши на грудь Наполеона, онъ видитъ на ней перевязь герцога Брауншвейгскаго. Онъ немедленно обнажаетъ мечъ и готовъ заколотъ убійцу своего родственника. Но благочестіе и гостепріимство останавливаютъ его руку. Онъ избираетъ средній путь и осуждаетъ Наполеона на житье на пустынномъ островѣ. Король Франціи снова вступаетъ въ Парижъ, и поэма этимъ заключается.

ОБЪ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ.

(Ноябрь, 1824).

«*History of Greece. by Mitford*». — «*Исторія Греціи* соч. Митфорда».

Эта книга пользуется большой и все-еще возрастающей популярностью; но, хотя она обратила на себя значительную долю вниманія общества, она была мало оцѣнена критикою. М-ру Митфорду вполнѣ удалось подняться на высокое мѣсто между историками, не будучи замѣченнымъ тѣми, чья обязанность — караулить такихъ выходцевъ. Онъ занялъ мѣсто подъ балдахиномъ, не будучи провозглашенъ ни однимъ сенешаломъ. Противъ возрастанію его славы есть теперь дѣло почти безнадежное. Еслибъ онъ подвергся безпристрастно-строгому разбору, когда только-что издалъ свой первый томъ, его сочиненіе или заслужило бы свою репутацію, или никогда бы не приобрѣло ея. «Тогда — какъ говоритъ Индра о Кегамѣ — было время для нападенія.» Случай былъ пропущенъ, и слѣдствіемъ того было, что м-ръ Митфордъ, какъ Кегамъ, наложилъ свою побѣдоносную руку на литературную Амриту и намѣренъ теперь вкусить дивный элексиръ безсмертія. Я постараюсь поравняться смѣлостью съ благороднымъ Глендовиромъ —

..... «When now
He saw the Amreeta in Kehama's hand,
An impulse that defied all self-command,
In that extremity,

Stung him, and he resolved to seize the cup,
 And dare the Rajah's force in Seeva's sight.
 Forward he sprung to tempt the unequal fray». (1)

Однимъ словомъ, я представляю нѣсколько замѣчаній, которыя помогутъ, можетъ быть, возвратить превознесеннаго писателя на принадлежащее ему мѣсто.

Главная особенность этого историка и источникъ всѣхъ его совершенствъ и недостатковъ состоитъ въ страсти къ оригинальности. Онъ вовсе не расположенъ идти съ массою по пути добра или зла. Отвергнутое мнѣніе или непопулярная личность имѣютъ для него непреодолимую прелесть. То же превратное пониманіе дѣла отражается и въ его способѣ выраженія. Слогъ его никогда не могъ быть изященъ; но онъ могъ, по крайней мѣрѣ, быть силенъ и точенъ, и нужны были особенныя старанія, чтобы сдѣлать его столь дурнымъ, какимъ онъ является. Онъ отличается угловатыми фразами, странною разстановкою словъ, ошибками, часто темнотою, а болѣе всего какими-то странностями, которыя одинаково трудно и передать, и не замѣтить. Но это еще не все. М-ръ Митфордъ хочетъ выставить себя знающимъ лучше всѣхъ своихъ соотечественниковъ правописаніе не только древнихъ названій, которыя онъ искажаетъ вопреки обычаю и смыслу, но и самыхъ обыкновенныхъ словъ англійскаго языка. Совершенно безразлично само по себѣ, называемъ ли мы иностранца тѣмъ именемъ, какое носитъ онъ въ своей странѣ, или тѣмъ, какое дано ему у насъ; будемъ ли мы говорить Lorenzo de Medici или Lawgence de Medici, John Calvin или Jean Chauvin. Въ такихъ случаяхъ всѣ

(1) И когда

Онъ увидѣлъ Амриту въ рукахъ Кегамы,
 Побужденіе, убивающее всякое самообладаніе,
 Въ этой крайности,
 Овладѣло имъ, и онъ рѣшился схватить кубокъ
 И испытать силы Раджи на глазахъ Шивы.
 Впередъ онъ кинулся въ неравный бой.

Какъ стихи эти, такъ и лица, упоминаемыя нѣсколько выше, взяты изъ «*The Surge of Kékata*», поэмы Соути.

*

писатели, кромѣ м-ра Митфорда, смотрятъ на установившійся обычай какъ на законъ. Еслибы притомъ м-ръ Митфордъ былъ всегда вѣренъ самому себѣ, то его еще можно бы было извинить за нѣкоторыя отступленія отъ обычая соотечественниковъ; но онъ дѣйствуетъ не изъ какого-нибудь принципа, а единственно изъ желанія быть непохожимъ на другихъ. Всякій ребенокъ слыхалъ о Linnæus; поэтому м-ръ Митфордъ называетъ его Linné; Руссо извѣстенъ всей Европѣ подъ именемъ Жанъ-Жака, — этого достаточно, чтобы м-ръ Митфордъ пожаловалъ ему странное названіе Джонъ-Джемса.

Еслибы м-ръ Митфордъ занимался исторіею не Греціи, а какой-нибудь другой страны, то указанная особенность сдѣлала бы трудъ его бесполезнымъ и смѣшнымъ. Случайныя замѣтки его о дѣлахъ древняго Рима и новѣйшей Европы полны ошибокъ. Но онъ писалъ о такихъ временахъ, относительно которыхъ почти всѣ другіе историки заблуждаются, и поэтому онъ часто имѣетъ полное право идти наперекоръ своимъ предшественникамъ.

Почти всѣ новѣйшіе историки Греціи обнаруживаютъ полнѣйшее незнаніе самыхъ обыкновенныхъ явленій человѣческой природы. Въ ихъ повѣствованіяхъ полководцы и государственные люди древняго міра лишены всякой индивидуальности. Они ничто иное, какъ олицетворенія: это страсти, таланты, мнѣнія, добродѣтели, пороки, — но не люди. О непослѣдовательности человѣческой эти писатели не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Для нихъ совершенно непостижимо, чтобы человѣкъ могъ быть точительнымъ въ юности и скупымъ въ преклонныхъ лѣтахъ, жестокимъ къ одному врагу и милостивымъ къ другому. Когда нельзя отрицать факта, они предполагаютъ странныя и сильныя внутреннія побужденія для объясненія того, что каждому человѣку, наблюдавшему за самимъ собою, ясно безъ всякихъ объясненій. Такой способъ изложенія очень нравится массѣ, привыкшей представлять себѣ людей богами или демонами, какъ скоро они сколько-нибудь лучше или хуже ея самой; но на него посмотритъ съ презрѣніемъ всякій, кто слѣдилъ за измѣненіями человѣческаго характера; кто наблюдалъ вліяніе времени, обсто-

ательствъ и общественныхъ условій на человѣчество; кто видалъ героя въ подагрѣ, демократа въ церкви, педанта въ любви и философа въ состояніи опьяненія. Привычка непремѣнно рисовать все или въ черномъ, или въ бѣломъ непростительна даже и въ драмѣ. Въ этомъ заключается главный недостатокъ Альфieri, а какъ много онъ вредитъ успѣху его сочиненій, всякій можетъ видѣть изъ сравненія личности его Розмунды съ Шекспировой леди Макбетъ. Одна ни что иное, какъ злая женщина; другая — дьяволъ. Каждое чувство ея — ненависть; каждое слово ея — проклятіе. Одновременно чувствуешь потрясеніе и утомленіе при видѣ этой неистовой жестокости, дѣйствующей безъ всякихъ побужденій, постоянно перемѣняющей свой предметъ и неизмѣнной только въ незаглушимой жаждѣ крови.

Въ исторіи такое заблужденіе еще непростительнѣе. Дѣйствительно, ни одна ошибка такъ глубоко не унижаетъ повѣствованія во мнѣніи разсудительнаго читателя, какъ эта. Мы знаемъ, что черты различія между добрымъ и злымъ человѣкомъ такъ тонки, что при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ для наблюденія онѣ часто ускользаютъ отъ вниманія изслѣдователя. Общественные дѣятели, въ особенности, окружены столь многими искушеніями и столкновеніями, что почти всегда является сомнѣніе относительно ихъ дѣйствительныхъ наклонностей и намѣреній. Намъ хорошо извѣстна жизнь Пима, Кромвелля, Монка, Кларендона, Марльборо, Борнета, Вальполя. Мы знакомы съ ихъ дѣяніями, рѣчами и сочиненіями; имѣемъ подъ руками множество писемъ и достовѣрныхъ анекдотовъ о нихъ: при всемъ томъ, какой чистосердечный человѣкъ рѣшится сказать положительно, кто изъ нихъ честенъ и кто безчестенъ? Легче, кажется, произносить рѣшительныя сужденія о великихъ характерахъ древняго міра, не потому, чтобы мы имѣли болѣе средствъ изслѣдовать истину, а потому, что представляется менѣе способовъ открыть ошибку. Новые историки Греціи забыли все это. Ихъ герои и злодѣи такъ тверды въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, что кажутся какими-то «основными добродѣтелями» и «смертными грѣхами» аллегорій. Мы могли бы столько же ожидать добра отъ великана *Slay-Good* у Боніана, какъ отъ

Діонисія, и преступленіе Эпаминонда показалось бы намъ столь же неправдоподобнымъ, какъ промахъ степенной и приличной дѣвицы, называемой *Discretion* и отворявшей по звонку двери дома Beautiful (2).

Такая погрѣшность была отчасти причиною, а отчасти слѣдствіемъ того высокаго уваженія, которымъ пользовались у новѣйшихъ ученыхъ позднѣйшіе изъ древнихъ писателей. Французскіе и англійскіе писатели, рассуждавшіе о дѣлахъ Греціи, обыкновенно съ презрѣніемъ отворачивались отъ простыхъ и безискусственныхъ повѣствованій Фукидида и Ксенофонта и обращались къ чудовищнымъ картинамъ Плутарха, Діодора, Курція и другихъ романтиковъ того же рода,—людей, которые описывали военныя дѣла, сами никогда не дѣйствовавъ мечемъ, и примѣняли къ исторіи раздоровъ маленькихъ республикъ взгляды, выведенные изъ наблюденій надъ имперією, занимавшею половину извѣстнаго тогда міра. О свободѣ они не знали ничего; она была для нихъ великою тайною, сверхчеловѣческимъ наслажденіемъ. Они рассуждали о свободѣ и патріотизмѣ по той же самой причинѣ, которая заставляетъ монаховъ съ большею горячностью, нежели другихъ людей, толковать о любви и жещинахъ. Умный человѣкъ уважаетъ политическую свободу, потому что она составляетъ гарантію личности и собственности гражданъ, потому что она стремится ограничить произволь правителей и подкупы судей, потому что она порождаетъ полезныя знанія и изящныя искусства, потому что она пробуждаетъ промышленность и увеличиваетъ благосостояніе всѣхъ классовъ общества. Эти же теоретики, напротивъ, вообразили, что она содержитъ въ себѣ какое-то вѣчное и имманентное ей благо, отличное отъ тѣхъ благодѣяній, которыя она вызываетъ. Они смотрѣли на нее не какъ на средство, а какъ на цѣль, которой нужно достигать всѣми возможными способами. Любимые ихъ герои были тѣ, которые за одно имя свободы жертвовали счастіемъ, безопасностью, справедливостью,—всѣмъ, что придаетъ свободѣ ея цѣну.

(2) См. т. 2, ст. «Боніанъ».

Есть еще отличительная черта этихъ писателей, которой тщательно подражали ихъ новѣйшіе поклонники: это привязанность ихъ къ замысловатымъ сказкамъ. Самые вѣрные факты, числа и характеры не имѣютъ у нихъ никогда права стоять наряду съ блестящими изреченіями или романтическими подвигами. Древніе историки оставили намъ безискусственные и простые описанія великихъ событій, которыхъ они были свидѣтелями, и характеристики великихъ людей, съ которыми они были въ сношеніяхъ. Читая повѣствованія отъѣхъ же самыхъ эпохахъ, сдѣланныя Плутархомъ и Ролленомъ, мы едва узнаемъ давно знакомые факты: насъ путаютъ мелодраматическіе эффекты разсказа и высокопарное щегольство характерами.

Вотъ главные погрѣшности, въ которыя впадали предшественники м-ра Митфорда и отъ большей части которыхъ онъ свободенъ. Его ошибка совершенно иного рода. Надо надѣяться, что занимающіеся исторіею могутъ быть спасены, подобно Дораксу въ комедіи Драйдена, проглатывая два различные яда, изъ которыхъ каждый можетъ служить другому противоядіемъ.

Главное и самое важное различіе между м-мъ Митфордомъ и его предшественниками состоитъ въ способѣ ихъ разсказа. Преимущество въ этомъ случаѣ, большею частью, на сторонѣ м-ра Митфорда. Онъ принялъ себѣ за правило держаться современныхъ историковъ, недоувѣрчиво смотрѣть на всѣ положенія, въ какомъ бы то ни было отношеніи несогласныя съ показаніями современниковъ, и положительно отвергать все противорѣчащее этимъ показаніямъ. Пока онъ слѣдуетъ за писателемъ, пользующимся его довѣріемъ, дѣло идетъ превосходно. Но какъ скоро онъ оставляетъ своего руководителя, онъ опускается на уровень и даже ниже уровня тѣхъ писателей, къ которымъ относится столь презрительно; онъ дѣлается такъ же безтолковъ, какъ они, и гораздо тупѣе ихъ. Рѣшительно забавно слѣдить за его повѣствованіемъ, когда онъ не имѣетъ лучшаго авторитета, нежели жалкій Діодоръ. Онъ принужденъ разсказывать что-нибудь, между тѣмъ самъ не вѣритъ ничему. Каждый фактъ онъ сопровождаетъ длиннымъ рядомъ возраженій. Разсказъ его о правленіи Діонисія ни въ какомъ случаѣ не можетъ

быть назвать исторією. Его правильнѣе можно бы было озаглавить такъ: «историческія сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ событій, будто-бы случившихся въ Сициліи.»

Впрочемъ, скептицизмъ этотъ, подобный скептицизму нѣкоторыхъ великихъ юристовъ, исчезаетъ, какъ только затрогиваются политическія пристрастія м-ра Митфорда. Онъ горячій поклонникъ тиранніи и олигархіи и считаетъ сильнымъ всякое доказательство, какое только можно привести въ пользу этихъ формъ правленія. Отъ демократіи онъ отвращается съ полнѣйшею ненавистью, съ ненавистью, проявляющеюся въ первомъ томѣ его исторіи только въ эпизодахъ и разсужденіяхъ, но искажающею все его повѣствованіе въ тѣхъ томахъ, гдѣ онъ становится менѣе вѣренъ своимъ руководителямъ и пробуетъ идти собственнымъ путемъ.

Принимая это мнѣніе, я убѣжденъ, что м-ръ Митфордъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ той же самой страсти къ оригинальности, которая заставляла его писать слово *island* безъ *s* и ставить двѣ точки надъ послѣднею буквою въ словѣ *idea*. Зато предшествующіе историки такъ страшно заблуждались въ противоположномъ направленіи, что даже худшія части книгъ м-ра Митфорда могутъ быть полезны, какъ коррективъ. Для молодого джентельмена, много трактующаго о своей странѣ, объ истребленіи тирановъ, объ Эламинондѣ, это сочиненіе, разжиженное въ достаточной степени Ролленомъ и Бартеlemi, можетъ послужить очень полезнымъ лекарствомъ.

Погрѣшности обѣихъ партій происходятъ отъ незнанія или отъ нераденія къ знанію основныхъ началъ государственной науки. Писатели одной партіи воображаютъ, что народное правительство составляетъ благословеніе; м-ръ Митфордъ, напротивъ, не упускаетъ случая увѣрить, что оно есть проклятіе. Нѣтъ сомнѣнія, что хорошимъ правительствомъ можно признать то, которое, подобно хорошему платью, принаровлено къ лицу, для котораго оно назначено. Человѣкъ, произносящій, на основаніи абстрактныхъ принциповъ, рѣшительное сужденіе въ пользу извѣстной формы правленія, безъ достаточнаго знакомства съ народомъ, подлежащимъ управленію, судить такъ же нелѣпо, какъ порт-

ной, который кроить платье для всѣхъ закащиковъ по мѣрѣ Аполлона Бельведерскаго. Демагоги, желающіе видѣть Португалию республикою, и мудрые критики, порицающіе виргинцевъ за то, что они не ввели у себя перскаго достоинства, кажутся одинаково смѣшными всѣмъ благоразумнымъ и чистосердечнымъ людемъ.

То правительство лучше всѣхъ, которое желаетъ сдѣлать свой народъ счастливымъ и знаетъ, какъ этого достигнуть. Ни желаніе, ни умѣнье, взятыя порознь, не достаточны; между тѣмъ, трудно найти ихъ вмѣстѣ.

...Дабы управляющіе неслись единственно только объ интересѣ управляемыхъ, необходимо, чтобы интересы управляющихъ были тождественны съ интересами управляемыхъ... Привилегированная часть общества, безъ сомнѣнія, будетъ извлекать извѣстную выгоду изъ общаго благосостоянія государства; но она будетъ извлекать еще болѣшую выгоду изъ притѣсненій и лихоимства. Правитель пожелаетъ бесполезной войны для своей славы или *ragc-aux-segfs* для своего удовольствія. Привилегированное сословіе пожелаетъ монополій и *lettres-de-cachet*. По мѣрѣ увеличенія числа управляющихъ зло будетъ уменьшаться. Является менѣ платящихъ и болѣе получающихъ. Доля добычи, которую каждый можетъ получить съ общества, становится менѣ и менѣ привлекательной.....

Но этого мало. «Желаніе безъ силы — говорилъ проникательный Казиміръ милорду Бифингтону—подобно дѣтямъ, играющимъ въ солдаты.» Народъ будетъ всегда стараться выдвинуть свои интересы; но сомнительно, чтобы въ какой бы то ни было общинѣ онъ былъ достаточно образованъ для ихъ пониманія. Даже въ Англіи, гдѣ толпа издавна была болѣе свѣдуща, нежели въ другихъ частяхъ Европы, только патріотизмъ немногихъ упрочивалъ права всѣхъ. Свободная торговля, одно изъ величайшихъ благодѣяній, какія можетъ даровать народу правительство, почти во всѣхъ странахъ не по-сердцу народу. Весьма сомнительно, чтобы либеральная политика въ нашихъ коммерческихъ дѣлахъ нашла какую-нибудь поддержку со стороны парламента, избраннаго всеобщею подачею головъ. Республи-

канцы по ту сторону Атлантики приняли недавно мѣры, которыхъ послѣдствія скоро покажутъ намъ,

«How nations sink, by darling schemes oppressed,
When vengeance listens to the fool's request.»^(*)

Народъ долженъ быть управляемъ для его же блага, а поэтому онъ не долженъ быть управляемъ собственнымъ невѣжествомъ. Есть страны, въ которыхъ ввести народное правленіе было бы столько же нелѣпо, какъ отмѣнить всё стѣсненіе въ школахъ или распустить всё смирительныя куртки въ домѣ сумасшедшихъ.

Отсюда слѣдуетъ, что самое счастливое состояніе общества есть то, въ которомъ верховная власть пребываетъ въ цѣлой массѣ достаточно свѣдущаго народа. Это воображаемый, можетъ быть, даже недостижимый порядокъ вещей. Однако въ известной степени мы можемъ къ нему приблизиться, и тотъ лишь заслуживаетъ названія великаго государственнаго человѣка, кто считаетъ своей обязанностью — расширять власть народа соразмѣрно степени его просвѣщенія и облегчать ему всѣми средствами достиженіе той высоты знаній, которая позволяла бы покойно вѣрить ему неограниченную власть. Между тѣмъ опасно абстрактно хвалить или порицать известныя формы правленія: изъ всѣхъ ихъ, отъ деспотизма Востока до демократіи Вашингтона, едвали отыщется хотя одна, которая бы не могла быть, по крайней мѣрѣ хоть въ вымышленномъ случаѣ, возможно-лучшею.

Если же есть форма правленія, которая во всё вѣка и у всѣхъ народовъ была и должна всегда быть пагубною, такъ это, конечно, та форма, которую м-ръ Митфордъ — по своей привычкѣ быть унѣе всего остальнаго міра — принялъ подъ свое особенное покровительство: чистая олигархія. Это у него тѣсно и неразрывно связано съ другою эксцентрическою наклонностью: съ явнымъ пристрастіемъ къ Спартѣ и съ отвращеніемъ къ Апеннамъ. Книга м-ра Митфорда, я подозреваю, распространила, до известной степени, тѣ же чувства въ публикѣ; а потому я разберу ихъ съ нѣкоторою подробностью.

(*) «Какъ падаютъ націи отъ давленія любимыхъ плановъ,
Когда месть слушается требованій глупцовъ.»

Пятна въ аѣнскомъ характерѣ бросаются въ глаза болѣе рѣзко чѣмъ въ спартанскомъ, не потому чтобы они были темнѣе, а потому что лежатъ на болѣе свѣтломъ грунтѣ. Законъ остракизма служить примѣромъ. Нельзя себѣ представить ничего ненавистнѣе обычая карать гражданина, единственно и явно, за его превосходство, и ничто въ учрежденіяхъ Аѣннѣ не порицается чаще и справедливѣе. Спарта была свободна отъ этого обычая. А почему? Спартанцы не нуждались въ остракизмѣ. Олигархія, сама по себѣ, остракизмъ—не случайный, но постоянный, не сомнительный, но вѣрный. Ея законы предупреждаютъ развитіе достоинствъ, вмѣсто того, чтобы поражать ихъ во время ихъ зрѣлости. Она не срѣзываетъ растеніе, когда оно высоко и величаво, но обрекаетъ почву на вѣчное безплодіе. Не смотря на остракизмъ, Аѣнины произвели, въ теченіе полутораста лѣтъ, величайшихъ общественныхъ дѣятелей, какіе когда-либо существовали. А кого было изгонять остракизмомъ Спартѣ? Она произвела едва четырехъ замѣчательныхъ людей: Бразида, Гилица, Лизандра и Агезилая. Изъ нихъ ни одинъ не возвысился въ самой Спартѣ. Только выбравшись изъ сферы, въ которой, подъ вліяніемъ аристократіи, чахло все прекрасное и благородное, только переставши быть спартанцами, они стали великими людьми. Бразидъ былъ во Фракіи строго демократическимъ вождемъ, любимымъ сановникомъ и народнымъ полководцемъ. То же можетъ быть сказано о положеніи Гилица въ Сиракузахъ. Лизандръ въ Гелеспонтѣ и Агезилая въ Азіи освободились на время отъ ненавистныхъ стѣсненій, налагавшихся законами Ликурга. Оба прославились въ чужихъ краяхъ, и оба возвратились на родину, чтобы подвергнуться преслѣдованіямъ и униженіямъ.—Но это не составляетъ особенностей Спарты. Гдѣ бы ни существовала олигархія, вездѣ она останавливала ростъ генія. Такъ было и въ Римѣ лѣтъ за сто до христіанской эры: мы видимъ массу консуловъ и диктаторовъ, одерживающихъ побѣды и награждаемыхъ триумфами; но тщетно искали бы мы хоть одного человѣка высшихъ способностей: Перикла, Демосѣена или Аннибала. Гракхи образовали строго-демократическую партію; Марій оживилъ ее; по-

шатнулся фундаментъ старой аристократіи, и явилось два поколѣнія, обильныхъ истинно-великими людьми.

Венеція представляетъ еще болѣе замѣчательный примѣръ; въ ея исторіи мы не видимъ ничего, кромѣ государства; аристократія убила всякій зародышъ генія и добродѣтели. Господство ея было, какъ и сама она, надменно и величаво, но основано на грязи и плевелахъ. Упаси Богъ, чтобы когда-либо явилось снова могущественное и цивилизованное государство, которое, послѣ 1300-лѣтняго существованія, не оставило бы человѣчеству въ воспоминаніе ни одного великаго имени, ни одного великаго дѣянія.

Многіе писатели, а въ числѣ ихъ и м-ръ Митфордъ, дивились стойкости спартанскихъ учреждений; въ сущности же тутъ нечему дивиться и нечего одобрять. Олигархія есть самая слабая и самая стойкая изъ правительственныхъ системъ; она стойка потому именно, что слаба. Она обладаетъ живучестью постоянно-больнаго человѣка; она живетъ на вѣсахъ Санторіо⁽⁴⁾; она не дѣлаетъ движеній, не подвергаетъ себя никакимъ случайностямъ; ужасъ ипохондрика охватываетъ ее при всякомъ новомъ впечатлѣніи; она дрожитъ при малѣйшемъ дуновеніи; она пускаетъ кровь при всякомъ воспаленіи, и такъ, не наслаждаясь никогда ни однимъ днемъ здоровья и веселья, влечитъ свое существованіе до тупой и разслабленной старости.

Спартанцы пріобрѣтали долговѣчность своего правленія, жертвуя счастьемъ на родинѣ и достоинствомъ за-границей. Они пресмыкались предъ сильнымъ, попирали ногами слабого, избивали своихъ илотовъ, измѣняли своимъ союзникамъ; они постарались опоздать сутками на сраженіе при Марафонѣ; они пытались уклониться отъ битвы при Саламинѣ; они потерпѣли, чтобы афиняне, которымъ они были обязаны своимъ существованіемъ и своею свободою, были вторично изгнаны персами изъ отечества,—а сами успѣли кончить свои укрѣпленія на перешейкѣ; разстройствомъ,

(4) Санторіо, венеціанскій врачъ XVII вѣка, извѣстенъ опытами надъ испариной и другими отдѣленіями. Опыты эти онъ производилъ надъ самимъ собою помощью вѣсовъ.

порожденнымъ усміями ихъ защитниковъ, пробовали они воспользоваться, чтобы сдѣлать этихъ защитниковъ своими рабами; тѣмъ, кто для ихъ защиты покинулъ свои стѣны, старались они воспрепятствовать возобновленію этихъ стѣнъ для собственной защиты; они начали Пелопонезскую войну нарушеніемъ обязательствъ къ Аѳинамъ; они кончили ее, нарушая обязательства къ союзникамъ; они предали мечу цѣлые города, отдавшіеся подъ ихъ покровительство; на личныя выгоды промѣнивали они интересы, свободу и жизнь тѣхъ, кто наиболѣе вѣрно служилъ имъ; съ одинаковымъ удовольствіемъ и одинаковой низостью принимали они удары Элиды и подкупы Персін; они никогда не выказывали ни злобы, ни благодарности; они не удерживались ни отъ какихъ оскорбленій и ни за что не мстили. Чаще всего они смотрѣли на гражданина, хорошо служившаго имъ, какъ на смертельнѣйшаго врага. Таковы искусства, которыя поддерживаютъ существованіа правительствъ.

Внутреннія учрежденія спартацевъ были не менѣ презрѣны и ненавистны, какъ и ихъ внѣшняя политика. Постоянное вмѣшательство во всѣ отрасли частной жизни, постоянная борьба противъ природы и разума характеризуютъ всѣ ихъ законы. Даже и предрасудки, пустившіе глубокіе корни въ умахъ народа, едва ли слѣдуетъ насилловать; а замышлять подавленіе естественныхъ побужденій и страстей—безумно. Внѣшнія ихъ проявленія могутъ быть на время подавлены, но чувства тѣмъ неменѣ существуютъ и, отвлеченные отъ своихъ естественныхъ предметовъ, поѣдаютъ разстроенный умственный и физическій организмъ своей жертвы. Такъ оно бываетъ въ монастыряхъ, такъ оно бываетъ въ аскетическихъ сектахъ, такъ было и въ Лакедемоніи. Отсюда то безуміе или та свирѣпость, близкая къ безумію, которыя, вопреки всѣмъ внѣшнимъ стѣсненіямъ, часто появлялись въ самыхъ замѣчательныхъ гражданахъ Спарты. Клеоменъ окончилъ свое поприще немстовой жестокости, изрѣзавъ себя въ куски. Павзаній сошелъ, кажется, совершенно съ ума: онъ составилъ отчаянный и гнусный планъ; онъ выдалъ его своимъ наглымъ поведеніемъ и неразумностью своихъ мѣръ; своею дерзостью онъ отдалилъ отъ себя всѣхъ, кто могъ бы служить ему или защи-

шать его. Ксенофонтъ, жаркій поклонникъ Спарты, представляетъ намъ самыя лучшія доказательства. Нельзя не замѣтить грубой и жестокой ярости, характеризовавшей любаго изъ спартацевъ, съ которыми онъ былъ въ сношеніяхъ. Клеархъ едва не лишился жизни вслѣдствіе своей жестокости. Хиризофъ, своей неразумной и жестокой строгостью, лишилъ свое войско вѣрнаго вождя. Но нѣтъ надобности увеличивать число примѣровъ. Ликургъ, любимый законодатель м-ра Митфорда, основалъ всю свою систему на ложномъ принципѣ. Онъ никогда не принималъ въ соображеніе, что правительства созданы для людей, а не люди для правительствъ. Вмѣсто того, чтобы приноравливать государственное устройство къ народу, онъ уродовалъ умы народа, чтобы приладить ихъ къ государственному устройству — дѣло, достойное Лапутской академіи прожектеровъ. ⁽⁵⁾ И для м-ра Митфорда это является главною заслугою Ликурга. Вотъ его слова: «Что намъ болѣе возвышаетъ этого необыкновеннаго человѣка надъ всеми другими законодателями, это то, что въ весьма многихъ вещахъ — повидимому, вовсе выходящихъ изъ области закона — онъ подчинялъ и направлялъ потребности и нравы своего народа согласно своимъ понятіямъ. Я готовъ предположить, что этотъ джентельменъ получилъ свое образованіе подъ ферулою д-ра Панглоса, потому что его метафизика совершенно та же, что и въ замкѣ Thunder-tronckh: «Remarquez bien que les nez ont été faits pour porter des lunettes, aussi avons nous des lunettes. Les jambes sont visiblement iustituées pour être chaussées, et nous avons des chausses. Les cochons étant faits pour être mangés, nous mangeons du porc toute l'année.» ⁽⁶⁾

Въ Аѳинахъ законъ не вѣнчивался постоянно въ стремленія народа. Дѣти не отнимались отъ родителей общей мачихой — государствомъ. Изъ нихъ не дѣлали воровъ посредствомъ голода или изверговъ посредствомъ мученій; тамъ не было установленной трапезы, за которой всякій долженъ былъ ѣсть; не было установленнаго слога, которымъ всякій долженъ былъ говорить. Аѳинянинъ могъ ѣсть все, что былъ въ состояніи купить, и могъ

⁽⁵⁾ У Свифта, въ *Gulliver's Travels.* — ⁽⁶⁾ Въ «*Candide*» Вольтера.

говорить до тѣхъ поръ, пока находилъ слушателей. Правительство не предписывало народу, какихъ онъ долженъ держаться мнѣній и какія долженъ пѣть пѣсни. Свобода породила отличіе. Такимъ путемъ явилась философія. Такимъ путемъ созданы были образцы поэзіи, краснорѣчія и искусствъ, которыя лишь незначительно удаляются отъ идеальнаго совершенства. Ничто такъ не способствуетъ къ достиженію довольства, какъ свобода отвлеченій ума въ предметахъ, подлежащихъ его изслѣдованіямъ. Этимъ довольствомъ въ Аѣнахъ, безъ сомнѣнія, болѣе наслаждались, нежели въ Спартѣ. Даже враги аѣнянъ признавали за ними особенную обходительность въ частной жизни. Ихъ легкомысліе было, во всякомъ случаѣ, лучше спартанской мрачности, и ихъ дерзость лучше спартанской наглости. Сомнительно еще, уступали ли они спартацамъ въ неустранимости. Великій аѣнскій историкъ сообщаетъ замѣчательное наблюденіе великаго аѣнскаго правителя. Периклъ утверждалъ, что его соотечественники, не подвергаясь жестокостямъ спартанскаго воспитанія, внолнѣ равняются со спартацами по дѣяніямъ мужества и что, повтому, удовольствія и развлеченія, которыми они наслаждаются, должны считаться чистымъ выигрышемъ. Аѣнская пѣхота, конечно, не могла соперничать со спартанскою; но это было, кажется, слѣдствіемъ недостатка практики: вниманіе аѣнянъ было отвлечено отъ дисциплины фаланги къ дисциплинѣ корабля. По той же причинѣ и спартацы, не смотря на ихъ прославленную храбрость, оказывались робкими и неловкими въ морскихъ сраженіяхъ.

Но намъ говорятъ, что аѣнское правительство и демократія, состоявшія подъ его покровительствомъ, совершили громаднѣйшія преступленія. Правда, что Аѣны слишкомъ часто пользовались полною силою законовъ войны въ такую эпоху, когда законы эти не были еще смягчены обычаями позднѣйшаго времени. Но это обвиненіе одинаково прилагается къ Аѣнамъ, къ Спартѣ, ко всѣмъ государствамъ Греціи и ко всѣмъ государствамъ, подобно имъ сложившимся. Въ большихъ государствахъ наибольшее зло, приносимое войною, чувствуется только немногими. Выиграна ли послѣдняя побѣда или нѣтъ,—рабочій за плугомъ все-таки поестъ, веретено все-таки дредеть, свадьба все-

такъ совершается. Не то бываетъ въ маленькихъ государствахъ: каждый видитъ тамъ на своей собственности и на своей личности дѣйствіе войны. Тамъ каждый человѣкъ — солдатъ, и солдатъ, сражающійся за ближайшіе свои интересы. Его собственныя деревья срублены, его собственная рожь сожжена, его собственный домъ разграбленъ, его ближайшіе родственники убиты. Какъ можетъ онъ питать къ врагамъ своего отечества тѣ же чувства, какія питаетъ человѣкъ, на которомъ война отозвалась только незначительнымъ возвышеніемъ его подати? Въ такихъ обстоятельствахъ человѣкъ не можетъ быть великодушенъ: у него слишкомъ большой кушъ на картѣ. Можно говорить пріятныя рѣчи и оказывать хорошія услуги своимъ врагамъ, когда игра ведется—если можно такъ выразится—изъ любви къ искусству, когда война оказывается болѣе шахматной игрой, когда она ведется за отдаленную колонію, за пограничный городъ, за честь флага, за салютъ или за титулъ. Черный Принцъ прислуживалъ своему плѣннику; Вилларъ бесѣдовалъ съ Евгениемъ; Георгъ II поздравлялъ во время войны Людовика XV, что онъ спасся отъ покушенія Даміена: все это очень мило, великодушно и очень назидательно для автора «*Broad Stone of Honour*» и всѣхъ остальныхъ глубокомысленныхъ мужей, предполагающихъ, какъ и онъ, что люди и весь свѣтъ созданы единственно на пользу джентльменовъ. Но, вообще, эти вещи происходятъ отъ совершеннаго отсутствія сердца. Никакая война не должна бы начинаться иначе, какъ при обстоятельствахъ, дѣлающихъ всякій обмѣнъ любезностей между воюющими невозможнымъ. Очень жаль, что людямъ приходится ненавидѣть другъ друга; но гораздо хуже, если они привыкаютъ рѣзать другъ друга безъ всякой ненависти. Война тогда только бываетъ кратка, когда она безцѣльна; когда же человѣкъ вынужденъ драться для собственной защиты, онъ долженъ ненавидѣть и мстить. Оно можетъ быть, дурно; но оно въ натурѣ человѣка: это глина прямо изъ рукъ гончара.

Правда, что въ государствахъ, подвластныхъ Аѳонцамъ, возмущенія имѣли едва ли не болѣе свирѣпый характеръ, чѣмъ получили, во Франціи, въ царство террора, проклятыя сатурналии про-

клятого рабства. Правда, что въ самыхъ Аѳинахъ, гдѣ такіе катализмы были едва извѣстны, положеніе высшихъ классовъ было непріятно; что они вынуждены были платить значительныя суммы на пользу и удовольствіе народа и что имъ досаждали иногда мучительными доносами. Какъ только представляется подобный случай, скептицизмъ м-ра Митфорда постоянно исчезаетъ. Слова: «если», «но», «говорять», «если вѣрить», которыми онъ сопровождаетъ всякое обвиненіе какого-нибудь тирана или какой-нибудь аристократіи, немедленно устраниются. Чѣмъ чернѣе исторія, тѣмъ сильнѣе его вѣра въ нее, и онъ никогда не упускаетъ случая желчно напасть на демократію, какъ на источникъ всевозможныхъ преступленій.

Аѳиняне пользовались, кажется, большею свободою, нежели сколько было имъ полезно. И я все-таки рѣшаюсь утверждать, что, между тѣмъ какъ блескъ, дарованія и энергія этого народа составляли его особыя свойства, — преступленія, въ которыхъ онъ обвиняется, имѣли причины, общія всѣмъ тогдашнимъ государствамъ. Злоба факцій порождалась тогда обстоятельствомъ, которое всегда было плодотворно всевозможными политическими и нравственными недугами: рабствомъ.

Послѣдствіе рабства есть полнѣйшее уничтоженіе связи, существующей отъ природы между высшими и низшими классами свободныхъ гражданъ. Богатый расточаетъ свое состояніе на приобрѣтеніе и содержаніе рабовъ. На трудъ бѣдняка нѣтъ спроса; басня Мененія становится непримѣнною: желудокъ не даетъ пищи членамъ, политическое тѣло чахнетъ. Обѣ партіи приходятъ, вслѣдствіе того, къ крайностямъ, совершенно неизвѣстнымъ въ странахъ, гдѣ партіи взаимно нуждаются одна въ другой. Въ Римѣ олигархія была слишкомъ мощна, чтобы ее можно было подавить силою, и ни трибуны, ни народныя собранія — всемогущія по смыслу учрежденій — не могли вести успѣшной борьбы противъ людей, владѣвшихъ всею собственностью государства. Отсюда вытекали необходимо такія мѣры, которыя вели къ потрясенію всего общественнаго строя и къ истребленію всякаго зародыша промышленности: уничтоженіе долговъ и аграрныя законы—постановленія, безсмысленно осужден-

ныя людьми, не выкинувшими въ обстоятельства, породившія таковой порядокъ вещей. Это были отчаянныя лекарства противъ отчаянной болѣзни. Въ Греціи олигархическіе интересы не пустили, вообще, такъ глубоко корней, какъ въ Римѣ. Масса часто силою устраняла тамъ тягости, на которыя въ Римѣ нападали подъ защитою государственныхъ учреждений. Греки изгоняли или избивали богатыхъ и дѣлили ихъ имущества. Если перевѣсъ силъ или военнаго искусства дѣлалъ побѣдителями богатыхъ, они принимали столь же жестокія мѣры: обезоруживали всѣхъ, къ кому не могли имѣть довѣрія, часто избивали цѣлыя массы, а иногда изгоняли все населеніе города и оставались, съ рабами своими, единственными его жителями.

Отъ такихъ золъ были избавлены только Аѳины и Спарта. Въ Аѳинахъ кошельки богатыхъ облагались правильной данью въ пользу бѣдныхъ, и, если основательно обсудить дѣло, дань эта была одинаково благодѣтельна и для платившихъ и для получающихъ,—такъ какъ никакая другая мѣра не могла бы спасти ихъ дома отъ грабежа и ихъ личности отъ насилія. Удивительно, что м-ръ Митфордъ постоянно порицаетъ политику, которая была возможно-лучшею при такомъ порядкѣ вещей и которая одна только и спасла Аѳины отъ страшныхъ неистовствъ, совершенныхъ въ Корцирѣ.

Спарта, пораженная системою рабства, болѣе отвратительною, нежели любая изъ такихъ системъ въ другихъ государствахъ, избѣжала указанныхъ выше золъ почти совершеннымъ уничтоженіемъ частной собственности. Ликургъ началъ съ аграрнаго закона. Онъ уничтожилъ всѣ профессіи, кромѣ военной; онъ обратилъ все населеніе въ постоянную армію, каждый членъ которой имѣлъ общія права на услуги цѣлой массы несчастныхъ рабовъ; насчетъ илотовъ обезпечивалъ онъ государство отъ возмущеній. Изъ всей его системы эта часть ея дѣлаетъ наиболѣе чести его головѣ и наименѣе чести его сердцу.

Эти и многія другія, одинаково важныя, соображенія м-ръ Митфордъ упустилъ изъ виду; но онъ подлежитъ еще отвѣту по гораздо значительнѣйшему обвиненію. Онъ не только дѣлалъ нелогическіе выводы, но должно излагать факты. Между тѣмъ какъ

онъ никогда не приводитъ обвиненій, вводимыхъ самыми ранними и лучшими историками на любимыхъ его тирановъ: Пизистрата, Гиппия и Гелона, не разбирая и не опровергая этихъ обвиненій, — онъ, не колеблясь, переписываетъ изъ наименѣ заслуживающихъ авторитета сочиненій грубѣйшія поруганія любой демократіи и любого демагога. Такого обвиненія нельзя дѣлать бездоказательно, и я приведу, поэтому, одно изъ многихъ мѣстъ, которое вполне поддержитъ обвиненіе и изобличитъ м-ра Митфорда въ умысленной лжи или не менѣ предосудительной небрежности. М-ръ Митфордъ говоритъ объ одномъ изъ величайшихъ людей, Демосѣенъ, и сравниваетъ его съ его соперникомъ Эсхиномъ. Мы будемъ приводить подлинныя слова м-ра Митфорда.

«Въ ранней молодости Демосѣенъ получилъ бранное прозвище за женственность своей одежды и своего обращенія». Знаетъ ли м-ръ Митфордъ, что Демосѣенъ устранилъ это обвиненіе и объяснилъ прозвище совсѣмъ иначе? (а) И если онъ зналъ это, не слѣдовало ли обратить на это вниманіе? Онъ говоритъ даѣе: «Съ достиженіемъ совершеннолѣтія, — по аѣнскимъ законамъ на двадцать-шестомъ году, — онъ получилъ другое бранное прозвище, вслѣдствіе иска противъ своихъ опекуновъ, иска, который считался безчестной попыткой вынудить у нихъ денегъ.» Вопервыхъ Демосѣену не было тогда 25 лѣтъ. М-ръ Митфордъ могъ бы узнать изъ такой общезвѣстной книги, какова «*Archaeologia Graeca*» архіепископа Поттера, что аѣнскій гражданинъ освобождался отъ опеки и вступалъ въ управленіе своимъ имуществомъ по достиженіи 20 лѣтъ. Самая рѣчь Демосѣена противъ опекуновъ ясно доказываетъ, что ему не было и 20 лѣтъ. Въ своей рѣчи противъ Мидіа онъ говоритъ, что когда началъ этотъ искъ, былъ совершеннымъ ребенкомъ. (б) Молодостью могъ бы поэтому извиниться такой поступокъ, даже еслибъ онъ и считался, какъ говоритъ м-ръ Митфордъ, безчестной попыткой вынудить денегъ. Но кто считалъ

(а) См. рѣчь Эсхина противъ Тимарха.

(б) *Μεταξύλλων* δι κοινῶν.

его таковы? Конечно, не суды, которые постановили приговоръ противъ опекуновъ. Аѳинскіе суды не были самыми безукоризненными судами; но все-таки ихъ рѣшенія были по меньшей мѣрѣ хоть настолько справедливы, насколько и нападки смертельныхъ враговъ. Въ подтвержденіе своихъ положеній м-ръ Митфордъ ссылается на Эсхина и Плутарха. Эсхинъ вовсе не поддерживаетъ его; а Плутархъ прямо противорѣчитъ ему. «Недолго спустя, говоритъ м-ръ Митфордъ, подвергся онъ публично, въ театрѣ, побоямъ одного блажнаго юноши высокаго происхожденія, по имени Мидія. Здѣсь двѣ постыдныя ошибки. Впервыхъ дѣло происходило гораздо позже: по крайней мѣрѣ восемью годами, а можетъ быть и болѣе. Во вторыхъ блажному юношѣ, о которомъ говоритъ м-ръ Митфордъ, было 50 лѣтъ. (*) Право, м-ру Митфорду гораздо менѣе причинъ порицать небрежность въ своихъ предшественникахъ, нежели самому исправляться отъ нея. «Трусость Демосокна на полѣ битвы сдѣлалась впоследствии общезвѣстной.» Демосокнъ былъ гражданинъ; война была не его дѣло. Раздѣленіе военныхъ и политическихъ должностей становилось въ его время сильно замѣтнымъ; но воспоминаніе о тѣхъ дняхъ, когда каждый гражданинъ былъ солдатомъ, было еще свѣжо. При такомъ положеніи общества извѣстная степень безславія постоянно достается на долю людей, ведущихъ сидячій образъ жизни; но чтобы какой-либо изъ предводителей аѳинской демократіи могъ, — какъ говоритъ нѣсколькими строками выше м-ръ Митфордъ о Демосокнѣ, — отличаться «особеннымъ недостаткомъ личнаго мужества» — это невозможно. Кто изъ наемныхъ воиновъ того времени подвергался большей и болѣе постоянной опасности? Имѣли ли хоть одинъ солдатъ при Херонѣ больше основанийъ опасаться за свою жизнь, нежели ораторъ, не имѣвшій возможности ожидать, въ случаѣ пораженія, милости отъ народа, которымъ онъ дурно руководилъ, или отъ властителя, которому сопротивлялся?

(*) Всякій, кто захочетъ прочесть рѣчь Демосокна противъ Мидіи, найдетъ подтвержденіе сказанному нами въ текстѣ и будетъ, сверхъ того, имѣть удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ изящѣйшихъ произведеній въ мірѣ.

Развѣ обычныя измѣненія общественныхъ чувствъ не были достаточны, чтобы отбить у трусливаго человѣка всякую охоту къ участию въ политическихъ распряхъ? Исократъ, котораго м-ръ Митфордъ превозноситъ за цвѣтистость школьной риторики, постоянно употребляемой для разукрашиванія олигархіи и тираніи, исключительно изъ робости избѣгалъ судебныхъ и политическихъ собраній въ Афинахъ и ненавидѣлъ демократію единственно, кажется, потому, что не дерзалъ взглянуть въ лицо народному собранію. Демосѣенъ былъ человѣкъ слабого сложенія; его нервы были разстроены; но его духъ былъ мощенъ, и энергія и энтузіазмъ его чувствъ поддерживали его и въ жизни, и при смерти.

Довольно говорить о Демосѣенѣ. Обратимся къ оратору аристократіи. Я не желаю нападать на Эсхина. Онъ, можетъ быть, былъ честный человѣкъ. Онъ, безъ сомнѣнія, былъ великій человѣкъ, и я чувствую глубокое уваженіе (о которомъ м-ръ Митфордъ не имѣетъ, кажется, и понятія) къ великимъ людямъ всѣхъ партій. Но когда м-ръ Митфордъ говоритъ, что личныя свойства Эсхина были безупречны, помнитъ ли онъ, что призналъ самъ Эсхинъ въ рѣчи своей противъ Тимарха? Точно такъ же, какъ м-ръ Митфордъ, я могъ бы быть снисходителемъ къ людямъ, жившимъ при совершенно другой системѣ законовъ и нравовъ; но надо же быть безпристрастнымъ. Если Демосѣенъ заслуживаетъ обвиненія за нѣсколько ребяческихъ промаховъ, доказанныхъ только увѣреніями его противника, то что должны мы сказать о тѣхъ болѣе зрѣлыхъ порокахъ, въ которыхъ этотъ противникъ самъ сознается? «Противъ частныхъ свойствъ Эсхина, говоритъ м-ръ Митфордъ, Демосѣенъ не могъ, повидимому, ничего сказать.» Читалъ ли когда-нибудь м-ръ Митфордъ рѣчь Демосѣена о посольствѣ? Или могъ ли онъ забыть то, чего не забывалъ никто изъ читавшихъ рѣчь: повѣсть, въ которой съ такой страшной энергіей рѣчи рассказываетъ Демосѣенъ о звѣрской грубости своего противника? Правда ли повѣсть или нѣтъ, она все-таки положительнѣе намека, и ничто не можетъ оправдать отъ обвиненія въ небрежности или пристрастіи историка, опустившаго ее. Но Эсхинъ

отвергаетъ эту повѣсть. А развѣ Демосеенъ не отвергалъ разсказа о прозвищахъ своего дѣтства, который м-ръ Митфордъ передаетъ безъ малѣйшаго разбора? Судьи, или нѣкоторые изъ судей, выказали, возгласами своими, недověріе къ показаніямъ Демосеена. А развѣ судьи, разбиравшіе дѣло между Демосееномъ и его опекунами, не выказали, гораздо болѣе явно, своего одобренія иску юноши? Но Демосеенъ демагогъ, и надъ нимъ должно ругаться. Эсхинъ аристократъ, и его должно превозносить. Что это такое: исторія или памфлетъ партіи?

Эти мѣста, взятые всѣ изъ одной только страницы произведенія м-ръ Митфорда, могутъ дать понятіе о его пристрастіи и небрежности тѣмъ изъ читателей, которые не имѣютъ возможности, для повѣрки его положеній, обратиться къ источникамъ. Когда историкъ этотъ говоритъ о Демосеенѣ, онъ нарушаетъ всѣ правила честности и даже приличія; онъ не взвѣшиваетъ источниковъ; онъ не дѣлаетъ никакихъ уступокъ; онъ забываетъ самые достовѣрные факты изъ исторіи того времени и самыя общепризнанныя основы человѣческой природы. Оппозицію великаго оратора политикѣ Филиппа онъ представляетъ не болѣе и не менѣе какъ обдуманною гнусностью. Я почти вполнѣ соглашаюсь съ м-мъ Митфордомъ во мнѣніи о характерѣ и стремленіяхъ этого великаго государя. Но развѣ я, поэтому, долженъ признать Демосеена мерзавцемъ и лгуномъ? Конечно, нѣтъ. Развѣ мы не видимъ постоянно, какъ люди громаднѣйшихъ дарованій и чистѣйшихъ стремленій заблуждаются вслѣдствіе національныхъ предразсудковъ или предразсудковъ партій? Не много менѣе сорока лѣтъ тому назадъ наиболѣе почтенные люди въ Англіи имѣли привычку самымъ жестокомъ образомъ нападать на Вашингтона и Франклина. Конечно, очень жаль, что люди могутъ такъ грубо заблуждаться при оцѣнкѣ характеровъ. Но никто, имѣющій понятіе о человѣческой природѣ, не приметъ такихъ ошибокъ порочности.

М-ръ Митфордъ такъ же непослѣдователенъ относительно самаго себя, какъ и относительно разума. Не смотря на то, что онъ приверженецъ всякой олигархіи, онъ жаркій поклонникъ всѣхъ государей и всѣхъ гражданъ, возвысившихся до того рода

державности, который греки называли тиранніею. Если, какъ считаетъ м-ръ Митфордъ, монархія составляетъ сама по себѣ благо, то демократія должна быть лучшею формою правленія, нежели аристократія, которая всегда сопротивляется державности и даже первенству отдѣльныхъ личностей. Съ другой стороны, отъ демагога до монарха только одна ступень.

Еслибъ эта статья не растянулась до столь обширныхъ размѣровъ, я сдѣлалъ бы еще нѣсколько замѣчаній о нѣкоторыхъ особенностяхъ этого писателя: о предпочтеніи, которое онъ оказываетъ варварамъ сравнительно съ греками, о пристрастіи его къ персамъ, кареагенянамъ, еракійцамъ, — короче, ко всѣмъ націямъ за исключеніемъ великой и просвѣщенной націи, которой онъ историкъ. Но я ограничусь однимъ предметомъ.

М-ръ Митфордъ справедливо и умно замѣтилъ, что «всякая хорошо написанная исторія, и въ особенности хорошо написанная исторія Греціи, должна бы быть политической школой для всѣхъ народовъ.» Онъ упустилъ изъ виду, что хорошо написанная исторія Греціи должна бы вмѣстѣ съ тѣмъ быть и подробнымъ отчетомъ о рожденіи и развитіи поэзіи, философіи и искусствъ. Въ этомъ отношеніи произведеніе его крайне неудовлетворительно. Какъ ни странно сказать подобную вещь о человѣкѣ, издавшемъ нѣсколько кварталовъ, но м-ръ Митфордъ питаетъ, кажется, къ литературнымъ и философскимъ изслѣдованіямъ чувство, сродное презрѣнію. Практическіе таланты почти исключительно обращаютъ на себя его вниманіе, и онъ отзывается о «досужихъ ученыхъ» съ весьма самодовольнымъ пренебреженіемъ. Гомеру, правда, онъ дивится; но я опасаюсь, что это удивленіе происходитъ, главнымъ образомъ, изъ убѣжденія, что Гомеръ не умѣлъ ни читать, ни писать. Онъ не могъ не говорить о Сократѣ; но при этомъ онъ гораздо болѣе заботился объ отвесеніи его смерти къ политическимъ причинамъ и о выводѣ отсюда заключеній, невыгодныхъ для Аѳинъ и народныхъ правительствъ, — нежели о томъ, чтобы бросить новый свѣтъ на характеръ и ученія удивительнаго человѣка,

«From whose mouth issued forth
Mellifluous streams that watered all the schools

Of Academics, old and new, with those
Surnamed Peripatetics, and the sect
Epicurean, and the Stoic severe.» (7)

Онъ какъ-будто не знаетъ, что Демосокенъ былъ великій ораторъ; онъ представляетъ его иногда честолюбивымъ демагогомъ, иногда ловкимъ посредникомъ, но всегда большимъ плутомъ. То, въ чемъ аѳиняне превзошли весь родъ человѣческой, — непобѣдимое краснорѣчіе, которое по простествіи слишкомъ 2000 лѣтъ волнуетъ нашу кровь и вызываетъ у насъ слезы, — онъ обходитъ нѣсколькими ничтожными фразами похвалы. Рожденіе драмы, доктрины софистовъ, ходъ аѳинскаго воспитанія, положеніе искусствъ и наукъ, весь складъ домашней жизни грековъ, — все это онъ оставляетъ совершенно безъ вниманія. А для разсудительнаго человѣка эти вещи покажутся едвали менѣе заслуживающими вниманія, нежели взятіе Сфактеріи или дисциплина щитовосцевъ Ификрата.

Это, впрочемъ, никакъ не составляетъ исключительнаго недостатка м-ра Митфорда. Большинство людей думаетъ, что перечисленіе общественныхъ дѣлъ — осадъ, измѣненій въ администраціи, трактатовъ, заговоровъ, возстаній — составляетъ всю исторію. Различія въ опредѣленіи словъ теоретически не важны; но на практикѣ они имѣютъ иногда огромное значеніе. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Почти всѣ безъ исключенія историки ограничились общественными дѣлами и предоставили область, по крайней мѣрѣ столь же обширную и важную, небрежному вѣдѣнію беллетристики.

Всѣ разсудительные государственные люди дошли уже до того, что признаютъ благоденствіе и злополучіе націй составляющимися изъ благосостоянія или бѣдствія отдѣльныхъ личностей и отвергаютъ, какъ химерическія, всѣ понятія о такомъ интересѣ цѣлаго государства, который былъ бы отличенъ отъ интересовъ

(7) «Изъ устъ котораго истекали
Сладкіе потоки, повившіе всѣ школы
Академиковъ, старыя и новыя, и тѣхъ, которыхъ
Прозвали перипатетиками, и секту
Эпикурейскую, и стоябовъ строгихъ.»

составныхъ его частей. Поэтому странно, что тѣ, дѣло которыхъ—представлять государственнымъ людямъ примѣры и предостереженія, опускаютъ, какъ недостойныя исторіи, нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія самое обширное вліяніе на положеніе государства. Вообще, нижній слой потока жизни человѣческой течетъ своимъ порядкомъ, не нарушаемый бурями, волнующими поверхность. Довольство большинства всегда почти зависитъ отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ побѣдами и пораженіями, съ революціями и реставраціями, — отъ причинъ, которыхъ нельзя регулировать никакими законами и которыхъ никакъ не сдашь въ архивъ. Знаніе этихъ-то причинъ и составляетъ для насъ предметъ особенной важности, а не повѣсть о томъ, какъ была разбита лакедемонская фаланга при Левктрахъ, или изслѣдованіе о томъ, отъ чего умеръ Александръ—отъ яду или отъ болѣзни. Безъ этого исторія—скорлупа безъ ядра, и такова она почти всюду. Жалкіе стычки и заговоры передаются съ нелѣпой и бесполезной мелочностью; но самыя важныя улучшенія въ удобствахъ жизни человѣческой успѣваютъ распространиться по всему свѣту, проникнуть въ каждую хижину прежде, нежели лѣтописецъ позволить себѣ снизойти отъ толковъ о генералахъ и посланникахъ до простаго указанія на эти усовершенствованія. Такъ, успѣхи самыхъ благодѣтельныхъ изобрѣтеній и открытій покрыты непроницаемой тайной; человечество лишено самой полезной отрасли знаній, а благодѣтели его—своей заслуженной славы. И въ то же время всякій ребенокъ знаетъ наизусть хронологію и приключенія длиннаго ряда варварскихъ королей. Исторія націй, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я принимаю это слово, часто лучше всего изучается въ сочиненіяхъ, не считающихъ себя историческими. Фукидидъ, въ своей мѣрѣ, отличный писатель; но онъ сообщаетъ намъ гораздо менѣ свѣдѣній о самыхъ важныхъ особенностяхъ Аѳинъ, нежели Платонъ или Аристофанъ. Маленькій трактатъ Ксенофонта о домашней экономіи содержитъ въ себѣ гораздо болѣе историческихъ данныхъ, нежели всѣ семь книгъ его «Эллиники». То же можетъ быть сказано о сатирахъ Горация, письмахъ Цицерона, повѣстяхъ Лесажа и мемуарахъ Мармонтеля. Можно бы-

ло бы привести много другихъ примѣровъ; но и эти достаточно поясняютъ мое мнѣніе.

Надо надѣяться, что появится еще писатель, который пренебрежетъ настоящими, узкими границами исторіи и утвердитъ ея права надъ всей ея естественной областью. Если такой писатель возьмется за дѣло, которое, по моему мнѣнію, вполне не удалось м-ру Митфорду, то онъ, конечно, передастъ все, что есть занимательнаго и важнаго въ военныхъ и политическихъ сношеніяхъ; но онъ ничего не сочтетъ слишкомъ ничтожнымъ для достоинства исторіи, что не слишкомъ ничтожно для того, чтобы увеличить или уменьшить довольство человѣка. Онъ передастъ живыми красками домашній бытъ, нравы, развлечения и разговоры грековъ. Онъ не сочтетъ лишнимъ разобрать положеніе земледѣлія, механическихъ искусствъ и удобствъ жизни. Успѣхи живописи, ваянія и архитектуры займутъ важное мѣсто въ его планѣ. Но болѣе всего обратитъ онъ вниманія на исторію той роскошной литературы, которая породила всю мощь, мудрость, свободу и славу западнаго міра.

О равнодушій, съ которымъ смотритъ на этотъ предметъ м-ръ Митфордъ, я не хочу и говорить, потому что не могу говорить безпристрастно. Въ этомъ дѣлѣ я охотно промѣняваю строгость судьи на обожаніе поклонника и благодарность дитяти. Если мы примемъ въ соображеніе только тщательность изслѣдованія, силу воображенія, необыкновенную энергію и изящество выраженія, которыя характеризуютъ великія произведенія аэинскаго генія, то мы должны уже признать ихъ въ высшей степени цѣнными. А что скажемъ мы, если подумаемъ, что отъ нихъ же, прямо или косвенно, получили свое начало всѣ благороднѣйшія творенія ума человѣческаго; что они породили обширныя познанія и блестящее воображеніе Цицерона, всеокрушающій огонь сатиръ Ювенала, пластическую фантазію Данте, юморъ Сервантеса, пониманіе Бэкона, остроуміе Ботлера, высочайшее и всеобщее совершенство Шекспира? Всѣ побѣды правды и генія надъ предрасудками и силой, всегда и вездѣ, были побѣдами Аэинъ. Всюду, гдѣ нѣсколько великихъ умовъ возставало противъ насилія и обмана, за дѣло свободы и разума,—всю-

ду являлся аѳонскій духъ, поощряя, утѣшая и воодушевляя: у одинокой лампы Эразма, у бессоннаго ложа Паскаля, на трибунѣ Мирабо, въ кельѣ Галилея, на эшафотѣ Сидни. Но кто можетъ оцѣнить вліяніе Аѳонъ на счастье отдѣльныхъ личностей. Кто можетъ опредѣлить, сколько тысячъ людей сдѣлалось умнѣе, счастливѣе и добродѣтельнѣе, благодаря тѣмъ занятіямъ, къ которымъ Аѳонны побуждали человѣчество; для сколькихъ дальнѣйшее развитіе этихъ занятій сдѣлалось богатствомъ въ бѣдности, свободой въ неволѣ, здоровьемъ въ болѣзни, обществомъ въ одиночествѣ? Сила Аѳонъ уже заявила въ судахъ, въ сенатахъ, на поляхъ битвы, въ философскихъ школахъ. Но не тутъ ихъ слава. Вездѣ, гдѣ литература утѣшаетъ печаль, облегчаетъ страданія; вездѣ, гдѣ она оживляетъ очи, истомленные бдѣніемъ и слезами и скорбящія по темномъ жилищѣ и вѣчномъ снѣ,—тамъ безсмертное вліяніе Аѳонъ является въ своей благороднѣйшей формѣ.

Дервишъ, въ арабской сказкѣ, не колеблясь отдалъ своему товарищу верблюда, навьюченнаго драгоценностями и золотомъ, оставивъ себѣ сосудъ съ таинственнымъ эликсиромъ, дѣлавшимъ его способнымъ однимъ взоромъ окинуть всё тайныя богатства вселенной. Безъ преувеличенія можно сказать, что никакое внѣшнее преимущество не можетъ сравниться съ тѣмъ образованіемъ умственнаго ока, которое даетъ намъ возможность созерцать безконечныя богатства умственнаго міра, всё нагроможденныя сокровища первичныхъ династій этого міра, всё до сихъ поръ неразработанныя жилы его рудниковъ. Этотъ даръ принесенъ человѣчеству аѳонянами. Ихъ свобода и ихъ власть уничтожены двадцать столѣтій тому назадъ; сами они переродились въ боязливыхъ рабовъ; ихъ языкъ—въ варварское нарѣчіе; ихъ храмы были поочередно преданы грабежу то римлянъ, то турокъ, то шотландцевъ⁽⁸⁾; но ихъ умственное господство несокрушимо. И

(8) Шотландецъ графъ Томасъ Брюкъ Эльджинъ вывезъ изъ Греціи въ началѣ XIX ст. огромную коллекцію художественныхъ сокровищъ, которая вошла въ составъ Британскаго музея подъ общимъ именемъ *Elgin Marbles*. Объ этомъ—то грабежѣ и говоритъ здѣсь Маколей.

когда тѣ, кто состязался съ ними въ величїи, раздѣлять ихъ участь; когда цивилизація и знаніе изберутъ себѣ прибѣжищемъ другїи части свѣта; когда скипетръ умственной державности исчезнетъ изъ Англіи; когда путешественникъ изъ дальнихъ странъ тщетно будетъ стараться разобрать на какомъ-нибудь разрушенномъ пьедесталѣ надпись имени славнѣйшаго изъ вождей нашихъ; когда дикіе гимны въ честь безобразныхъ идоловъ будутъ раздаваться надъ развалинами куполовъ самыхъ величественныхъ храмовъ нашихъ, и одинокій, нагой рыбакъ будетъ мыть свои сѣти въ рѣкѣ, покрытой теперь десятками тысячъ мачтъ,—влїаніе и слава Аѳинъ будутъ все-еще жить, оставаясь свѣжими въ вѣчной юности, изъятами отъ перемѣнъ и увяданій, бессмертными, какъ тотъ нравственный принципъ, который породилъ ихъ и которымъ они управляютъ.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

3-го и 4-го Т О М О В Ъ.

А.

Авганистанъ: храбрость жителей, IV. 229—233; ихъ грабительство въ Индіи, 12.

Августинъ, св., IV. 93.

Авиньонъ, перенесеніе папскаго престола, IV. 104.

Австрія, успѣхъ армій въ защитѣ католической церкви, IV. 124.

«Advancement of Learning», появленіе въ свѣтъ, III. 45.

Азвучныя письма, взгляды Платона и Бэкона на ихъ изобрѣтеніе, III. 102.

Азія, Центральная, IV. 228.

Азиатское общество, начало его дѣятельности при Гастингсѣ, IV. 289.

Академи: художествъ, ихъ значеніе, III. 320; французская, 321; отношенія ея къ Вольтеру, д'Аламберу и Корнелью, 322.

Академиа, характеръ ея доктринъ, III. 91.

Александръ Великій, сравненіе между нимъ и Клайвомъ, IV. 90.

Алквиадъ, въ «Демискихъ мрамлѣхъ», III. 338 и слѣд.

Аллахабадъ, IV. 227.

Альвигойцы, IV. 102 и слѣд.

Альворти, III. 116, прим.

Аль-Молькъ, IV. 16.

Америка, господство католической церкви IV. 93, война колоній съ Англіей, 253.

«Ана», IV. 136, прим.

Анаверди-Ханъ, губернаторъ Карнатика, IV. 16.

Анахарсисъ, изобрѣтатель гончарнаго станка, III. 88.

Англія: характеръ ея государственныхъ людей во второй половинѣ XVII столѣтія, III. 147; разница ея положенія при Карлѣ и при протекторѣ, 166; языкъ, IV. 101. См. также «Церковь.»

Англія, покореніе крѣпости Геріа Клайвомъ, IV. 31.

Анитъ, III. 73.

Антиохія, греческое краснорѣчіе, IV. 94.

Аристодемъ, IV. 95.

Аристотель: III. 95 и 119; основныя положенія его критики, IV. 359; различіе между нимъ и Діонисіемъ, 360.

Аристофанъ, IV. 137.

Ариометика, мнѣніе Платона и Бэкона, III. 98.

Ариосто, сравненіе съ Тассо, IV. 114.

Аркоть, сношенія съ англичанами, IV. 17.

Арлингтонъ, лордъ, его характеръ:

- III. 164; холодность къ Тройственному Союзу, 170; обвиненіе, 186.
- Армстронгъ, III. 37, прим.
- Арондель, графъ, III. 84.
- Архимедъ, мѣненіе о своихъ изобрѣтеніяхъ, III. 99.
- Архитъ, III. 98.
- Астрономія, взгляды на нее Сократа и Бэкова, III. 101.
- Аттербѣри, епископъ, III. 230.
- Аттила, IV. 93.
- Аугсбургское исповѣданіе, въ Швеціи, IV. 118.
- Аурингзевъ, IV. 11 и слѣд.
- «Альвинскіе пиры», сцены, III. 327—349.
- Аоныи: степень развитія населенія, IV. 364; воспитаніе гражданъ, 365; сходство въ развитіи военнаго и ораторскаго искусствъ, 372; сравненіе со спартацами, 395 и 399; общая характеристика правленія, 399; возмущеніе подвластныхъ государствъ, 401; литература, 136 и 407—412. См. также: «Ораторы» и «Краснорѣчіе».
- Б.**
- Бавръ, основатель могольской имперіи, IV. 10.
- Баварія, вражда протестантизма и католицизма, IV. 115.
- Барклай, м-ръ: IV. 234; поддерживаетъ Гастингса, 238, 241 и 251.
- Барильонъ, III. 195 и 201.
- Барло, епископъ, IV. 152.
- Бастилія, IV. 303.
- Бегомъ, Монни: IV. 241; владѣнія и сокровища, 278; смуты въ Аудъ, 279; протесты, 280; Гастингсъ обвиняется въ ея ограбленіи, 310.
- Безвѣріе, не можетъ возмутить спокойствія мира, IV. 128.
- Бейли, его отрядъ уничтоженъ Гайдеромъ-Али, IV. 266.
- Бейль, IV. 99.
- Бельгія, споръ между католицизмомъ и протестантизмомъ, IV. 115.
- Бенарксъ: богатство, IV. 268; при соединеніи къ британскимъ владѣніямъ, 276.
- Бенволенции, III. 46.
- Бентлики, лордъ, IV. 91.
- Бентли, Ричардъ: ссора съ Бойлемъ, III. 229; изданіе Милтона и примѣчанія къ Горацию, 232; примиреніе съ Бойлемъ и Аттербѣри, 233.
- Бераръ, занятъ бунслами, IV. 254.
- Билль Остъ-Индскій, Фокса, IV. 297, прим.
- Биографы, III. 225.
- Блекъ, III. 148, прим.
- Богемія, вліяніе доктрина въ Виллифа, IV. 104.
- Бодли, сэръ Томасъ, основатель библиотеки въ Оксфордѣ, III. 46, 84.
- Божество, атрибуты, IV. 93.
- Бойль, Чарльзъ, III. 229.
- Бокгорстъ, IV. 138.
- Боккингамъ, герцогъ, общій характеръ и отношенія къ Бэкову, III. 53—63 и IV. 156.
- Болинброкъ, III. 115.
- Бомарше, процессъ въ парижскомъ парламентѣ, III. 82.
- Бомбей, запутанность дѣлъ, IV. 238.
- Боргойтъ, президентъ слѣдственнаго комитета по дѣлу Клайва, IV. 86.
- Боркъ: сходство съ Бэкономъ, III. 134; рѣчи въ палатѣ, 238; отношеніе къ «Письмамъ Юліуса», IV. 235; участіе въ обвиненіи Гастингса, 294 и слѣд.
- Борлей: характеръ класса государственныхъ людей, къ которымъ онъ принадлежалъ, III. 8; его поведеніе относительно Бэкова, 19 и слѣд.; употребленіе пытки, 50; сношеніе съ Бэкономъ, 128.
- Борнхъ, епископъ, III. 234.
- Бохананъ, характеръ его сочиненій, III. 96.
- Браминны, IV. 98.
- Браунъ, IV. 79.
- Бреда, миръ, III. 168.
- Бресгвдаль, м-съ, знаменитая актриса, IV. 186.
- Бротерсъ, IV. 98.
- Брюссель, III. 167.

Будеръ, III. 266, прим.

Бэконъ, лордъ: обзоръ новаго изданія его сочиненій Базиля Монтегю, III. 1—139; мать, 12; молодость, 15—17; правитель-ство не принимаетъ его услугъ, поступленіе въ Gray's Inn, 19; юридическія познанія, засѣданіе въ парламентѣ 1593 года, 20; роль въ полтиктѣ, 22; дружба съ графомъ Эссексомъ, 28—33; раз-боръ дѣйствій относительно Эс-секса, 33 — 41; вліяніе коро-ля Якова на судьбу, 41; по-добострастіе къ Соутгамптону, вліяніе талантовъ на общест-венное мнѣніе, 43; успѣхи въ парламентѣ и судѣ, литера-турныя и философскія сочи-ненія, 45; «*Novum Organum*», приведеніе въ порядокъ и со-браніе законовъ Англіи, 46; влі-яніе на судей въ дѣлѣ Пичама, 47—51; приверженность къ Бок-кингаму, 53; назначеніе храни-телемъ большой печати, 56; уча-стіе въ ошибкахъ администраціи 57; ненависть къ сэру Эдуарду Коку, 61—63; мѣсто жительства въ городѣ и на дачѣ, 63; по-жалованіе барономъ Верулам-скимъ и Виконтомъ Сентъ-Аль-бансъ, 64; обвиненіе въ комите-тѣ для обрѣзизованія судовъ, 67; справедливость этихъ обви-неній, 68; признаніе виновности, 69; приговоръ, 70; послѣдніе го-ды жизни, 83—85; разборъ спо-соба защищенія Бэкона и-ромъ Монтегю, 70 и слѣд.; главная особенность Бэконовой филосо-фіи, 85—97; сравненіе съ Пла-тономъ, 97—109; причина об-ширной и прочной славы, 110; разсужденія о предметахъ нрав-ственныхъ, 114; взгляды какъ теолога, 116; методъ наведенія, 117; соединеніе смѣлости и тре-звости въ его натурѣ, 126; об-ширность взгляда, 127; отсут-ствіе духа полемики, 128; кра-сноубчіе и остроуміе, 129; спо-собность сдерживать воображе-ніе, 132; смѣлость, оригиналь-

ность и необыкновенный поря-докъ развитія способностей, 133; сходство съ умомъ Борка, 134; образцы двухъ слоговъ Бэкона, 135; значеніе его «*Опытовъ*», первая книга «*Novum Organum*», 136; разсужденія о жизни, 137—139; отношеніе къ Галилею, IV. 97.

Бэконъ, сэръ Николай, III. 6—12.

Бэкопъ, леди, III. 12.

Бюсси, IV. 25.

В.

Вайтфилдъ, III. 156, прим.

Валленштейнъ, IV. 8.

Вальполь, IV. 30 и 193.

Ванситтартъ, губернаторъ въ Бен-галѣ, IV. 211.

Варавва, III. 73, прим.

«*WAO OF THE WORLD*», Конгрива, IV. 183.

Вяддерборнъ, Александръ, защита Клайна, IV. 86.

Виксфордъ, III. 160, прим.

Велеръ, IV. 250.

Веллзл, IV. 139.

Веллесли, маркизъ, какъ государ-ственный человѣкъ, III. 193.

«Веллингтошлада», пророчество о ней, IV. 374—385.

Веллингтонъ, герцогъ, IV. 287.

Венгры, вторженіе въ Ломбардію, IV. 12.

Венеція, IV. 93 и 396.

«*VENISE PREGIETERO*», IV. 172, прим.

Веронскій конгрессъ, IV. 191.

Верресъ, III. 73.

Верховный судъ: въ Калькуттѣ, IV. 242; въ Англіи надъ Кар-ломъ, 346.

Весли, Джонъ, враждебность уче-нію о предопредѣленіи, III. 287.

Вестернъ, III. 174, прим.

Вестминстерская зала, во время су-да надъ Гастингсомъ, IV. 312.

Вестфальскій миръ, IV. 105 и 125.

Виги XVII столѣтія, III. 141.

Виклифъ, Джонъ, IV. 104.

Вилламсъ, сэръ Виллиамъ, ха-рактеръ какъ юриста, III. 37.

Вилламсъ, Джонъ, IV. 326.

Вильберфорсъ, IV. 309.

Вильгельмъ, III: 177, 182, 189 и 224; помощь, оказанная ему Римомъ противъ Людовика XIV, IV. 125; пороки, 173; заговоръ противъ него 175.
Вильерсъ, III. 63.
Вильки, IV. 201.
Вильямъ, деканъ Вестминстерскій, III. 66 и слѣд.
Виндгамъ, IV. 310 и 316.
Витгифтъ, директоръ Trinity College, III. 16, 287 и IV. 118.
Вичерилъ, Вилліамъ, общая его характеристика и разборъ сочиненій, IV. 151—182.
Война, ея необходимыя условія, IV. 400.
Вольтеръ, сходство характера съ характеромъ Бэкона, III. 43.
Вольтеръ: пристрастіе къ Англіи и намѣреніе писать исторію покоренія Бенгала, IV. 87; причина силы, 128; свиданіе съ Конгривомъ, 186.
Ворвортонъ, епископъ, III. 293 и слѣд.
Вортигертъ, III. 231, прим.
Воссій, III. 41, прим.
«Всадники», комедія, III. 187.
Вудфолль, Самсонъ, IV. 236 и прим.
Вальдонъ, сэръ Антоній, III. 62.

Г.

Наввас Corpus Act, III. 207 и 215.
Гайдеръ-Али, IV. 265.
Галилей, IV. 97.
Галифаксъ, лордъ, III. 211 и слѣд.
Гаммондъ, Генри, III. 181.
Гангъ, IV. 31.
Гарли, Робертъ, IV. 184.
Гастингсъ, Ворренъ: разборъ описанія его жизни и-ромъ Глейгомъ, IV. 203—332; родословная, 203; юность, 207; отъѣздъ въ Бенгалъ, 209; назначеніе членомъ совѣта въ Калькуттѣ, 211; денежныя сдѣлки, возвращеніе въ Англію и потеря состоянія, 213 и слѣд.; планъ разработкі персидской литературы въ Окс-

фордѣ, свиданіе съ Джонсономъ, назначеніе членомъ совѣта въ Мадрастѣ и возвращеніе въ Индію, 214; привязанность къ баронессѣ Имгофъ, 215; образъ дѣйствій въ Мадрастѣ, 217 и слѣд.; дѣла съ Нункомаромъ, 222; затруднительное положеніе финансовъ и мѣры для поправленія дѣла, 225; образъ дѣйствій съ сосѣдями, 226; дѣйствія относительно великаго могола и набоба, 227; продажа провинцій набобу, 228; варварства Суджа-Даулы, 232; административныя дарованія, 233 и слѣд.; раздоръ съ членами новаго совѣта, удаленіе отъ правленія и осужденіе его дѣйствій, 238; крайне непріятное положеніе и просьба объ отставкѣ, 241; разборъ дѣятельности, 247; письма къ А-ру Джонсону, 249; Макинъ подаетъ просьбу объ отставкѣ, которую и принимаютъ, 250; женитьба, 252; дуэль съ Франсисомъ, 264; финансовыя затрудненія и мѣры для ихъ устраненія, 267; дѣйствія съ Чентъ-Сингомъ, 272; опасность положенія въ Бенаресѣ, 274; образъ дѣйствій съ набобомъ-визиремъ, 277; дѣйствія относительно аудскихъ книгинъ, 278 и слѣд.; конецъ администраціи, 284; замѣтки о ея системѣ, 285 и слѣд.; приѣмъ въ Англіи, 294; приготовленія къ обвиненію, 295; защита, 303; появленіе въ палатѣ лордовъ, адвокаты и обвинители, 315; Боркъ читаетъ обвиненіе, 317; судебныя издержки, 323; послѣднее участіе въ политическихъ дѣлахъ, 327; жизнь въ Дейлзфордѣ, 328; появленіе въ палатѣ общинъ и приѣмъ въ Оксфордѣ, 330; приѣмъ у принца Регента, представленіе русскому императору и королю прусскому; смерть; общій взглядъ на характеръ, 331.

Гаттонъ, леди, III. 28.

Гвиговаръ, IV. 255.

Гезюдъ, III. 73.

- Гель, III. 148, прим.
 Геврихъ IV, III. 286 и IV. 117.
 Генуя, причины ея упадка, IV. 126.
 Геометрия, сравненіе взглядовъ на нее Платона и Бэкона, III. 98.
 Георгъ Трапезундскій, III. 94, прим.
 Гивсонъ, IV. 314.
 Гвзни, взятіе города, IV. 228.
 Гизъ, Геврихъ, герцогъ, сравненіе съ Эссексомъ, III. 32.
 Гитфильдъ, лордъ, IV. 313.
 Гладстонъ, обзоръ его сочиненія «Государство въ отношеніяхъ къ церкви», III. 236 — 302; способности, 239; основанія для защиты церкви, 241; доктрина объ отеческихъ обязанностяхъ правительствъ, 244; образчики аргументаціи, 246; аргументы въ пользу необходимости государственной религіи, 249; несостоятельность разсужденій, 239 и слѣд.
 Глейгъ, обзоръ сочиненія о жизни Воррена Гастингса, IV. 203—332.
 Говесъ, вліяніе на слѣдующія поколѣнія, III. 64.
 Гогенлоз, IV. 98 съ прим.
 Голландія, подъ управленіемъ де-Витта, III. 166; отношенія къ Франціи, 168; оборонительный союзъ съ Англійей и Швеціей, 173.
 Голландъ, лордъ: разборъ его мнѣній, IV. 190—202; родословная, 197; человѣколюбіе, 199; уваженіе къ его памяти, 200; характеръ, 201; послѣднія его строки, 202.
 Гольбахъ, IV. 134.
 Гольвель, IV. 34.
 Гомеръ-Хефороадъ, басня о немъ, III. 323.
 Гонтингдонъ, графиня, IV. 123.
 Гонтингтонъ, Вилліамъ, III. 287 и IV. 79.
 Гора Свята, IV. 12.
 Гораций, III. 232.
 Горгамейри, III. 63.
 Гордонъ, Джорджъ, IV. 302, прим.
 Государственные люди перваго поколѣнія въ Англійи, III. 7—12.
 Гозманъ, участіе въ процессѣ Бомарше, III. 82.
 Графи, маркизъ, IV. 58.
 Грей, леди Дженъ, ея высокое классическое образованіе, III. 12.
 Грей, графъ, IV. 317, 323.
 Греція, III. 72. См. также «Афинны» и «Спарта» и IV. 101; ея исторіи, 388 и 390.
 Гукеръ, III. 181.
 Гурдасъ, сынъ Нункомара, IV. 224.
 Гусейнъ, сынъ Али, праздникъ въ память его и легенда о его смерти, IV. 21.
 Густавъ Адольфъ, IV. 125.
 Гюгчянсонъ, ж-съ, III. 160.
- Д.
- Далласъ, IV. 315.
 Даны, графъ: связь съ Темплемъ, характеръ и способности, III. 186; обвиненіе и заключеніе въ Туузъ, 191.
 Данія, сравненіе съ Португалією, IV. 126.
 «Дартморъ», III. 323, прим.
 «De Augmentis Scientiarum», Бэкона, III. 45 и 85.
 Де-Виттъ, Іоаннъ: управленіе Голландією, III. 166; свиданіе съ Темплемъ, 169; простота въ обращеніи, 170; вѣра въ Темпля, 179; смерть, 182.
 Девонширъ, герцогиня, IV. 314.
 «DECLARATION of the Practices and Treasons attempted and committed by Robert Earl of Essex», Бэкона, III. 33.
 Дейльзфордъ, помѣстье семейства Гастингса, IV. 206 и 328.
 Дели, IV. 10.
 Делумъ, битва, III. 157.
 Демократія, ея преимущества, IV. 393 и слѣд.
 Демокритъ, III. 88.
 Демосенъ: III. 79; нападки на него Митфорда и защита отъ нихъ, IV. 403, 407 и 408.
 Де-Новъ, III. 232, прим.
 Де-Рюйтеръ, III. 182.

Джагиры, IV. 77, прим.
 Джардинъ, III. 31.
 Джиффардъ, леди, сестра сэра Вил-
 лиама Темпла, III. 169, 171, 222;
 смерть, 233.
 Джонсонъ, Бэиъ, III. 21, 63 и 83.
 Джонсонъ: сравненіе со Свифтомъ.
 III. 223; мнѣніе о Клайвъ, IV.
 79; его хвала пьесъ Конгрива
 «Mourning Bride», 172; свиданіе
 съ Гастингсомъ, 214.
 Джонъ, капралъ, III. 254, прим.
 Диссиденты, устраненіе ихъ отъ го-
 сударственныхъ должностей, III.
 262—268.
 Диодоръ, IV. 390.
 Дионисій, IV. 329 и 490; сравненіе
 его съ Аристотелемъ, 360.
 Доминданъ—Вокъ, IV. 76, прим.
 Дондасъ, его образъ дѣйствій въ
 дѣлѣ Гастингса, IV. 297 и 308.
 Дорсетъ, лордъ, IV. 158.
 «DOUBLE DEALER» Конгрива, IV.
 170 и 181.
 Драйдвиль, извиняетъ безнравствен-
 ность своихъ сочиненій, IV. 140;
 уваженіе къ талантамъ другихъ,
 169; мнѣніа о церковныхъ дѣ-
 лахъ, 177.
 Драма, причины ея распущенности
 вскорѣ послѣ Реставраціи, IV.
 130; обзоръ сочиненій Вичирли,
 Конгрива, Ванбру и Фарквара,
 135—189.
 Дроггеда, III. 160, прим.
 Дроггеда, леди, IV. 158.
 Дублинскій архіепископъ, III. 122.
 «DUNSLADA», IV. 164, прим.
 Дуодесимъ скрипта, III. 303, прим.
 Дупле, дѣйствія въ Индіи, IV. 10,
 15, 18, 25—30.

Е.

Европа, недостатокъ единства въ
 ней для противодѣйствія Людо-
 вичу, III. 169; смуты ея прекра-
 шены на короткое время Нимве-
 генскимъ трактатомъ, 189; ум-
 ственные успѣхи въ послѣднія
 7 столѣтій, IV. 100.
 Елисавета, III. 17, 23, 25, 30 и 41.
 Епископы англиканской церкви,
 преeminенство отъ апостоловъ,
 III. 280.

Ереси, III. 289 и слѣд.
 Естественная исторія, руководство
 Бэкона къ ея изученію, III. 84.

Ж.

«GENTLE MAN DANCING MASTER», IV.
 137.
 Житонъ Венеры, III. 313.

З.

Законодательство, сравненіе об-
 щихъ взглядовъ Платона и Бо-
 кона, III. 103; англійское въ Ин-
 діи, IV. 239.
 Заминдарты, IV. 292, прим.
 Зогакъ, царь, персидская басня,
 III. 273.
 Зоя, въ «Римской повѣсти», III.
 310 и слѣд.

И.

Ивлинь, III. 163, 179.
 Иджертонъ, III. 67 и 81.
 Ингофъ, баронъ, его характеръ,
 любовь жены къ Гастингсу, IV.
 213 и слѣд.
 Иппи, сэръ Эліа: IV. 208; главный
 судья верховнаго суда въ Каль-
 куттѣ, 237; ненависть къ совѣ-
 ту, 242; замѣтки и веденіе про-
 цесса Нункомара, 243 и слѣд.;
 отношеніе къ Гастингсу, 262;
 дѣло аудскихъ княгинь, незваніе
 туземныхъ нарѣчій, 282.
 Индія, см. Клайвъ и Гастингсъ;
 ея міеологія, IV. 98.
 Индульгенціи, IV. 105.
 Индусы, IV. 220, 228, 239, 244
 и 239.
 Инквизиція, IV. 102 и 115.
 Иппомахъ, въ «Амискихъ ми-
 ралъ», III. 338 и слѣд.
 Ирландія, управленіе Эссекса, III.
 29; управленіе Кромувелля, 160;
 сравненіе съ Шотландіею, 274;
 соединеніе съ Англіею, 275; не-
 успѣхъ реформаціи, IV. 118; она-
 сенія для Англии, 254.
 Исторія, IV. 408 и слѣд.
 Италия по отпаденію къ Реформа-
 ціи, IV. 106, 126, 131 и 133.

И.

- Иаковъ I: отношеніе придворныхъ, III. 39; характеръ, 41; отношенія къ Бакону, 42 и 46; планы соединенія Англіи съ Шотландіею, 48; отношенія къ Боккингаму, 53; характеристика правленія, 60, 65 и 67; отношенія къ Риму, IV. 117.
- Иаковъ II, отношенія къ Вичирли, IV. 160.
- Иезуиты, установленіе ордена, IV. 110; характеръ и доктрины, 111 и слѣд.; уничтоженіе Портъ-Рояля, 129.
- Иовъ, IV. 96.
- Йоркскій герцогъ, возвращеніе изъ Голландіи, общая ненависть, IV. 217.
- Йоркъ-Гаусъ, III. 63 и 83.

Ж.

- Каваль, III. 178, 179 и 185.
- Кабинеты новѣйшихъ временъ, III. 193.
- Кавендишъ, лордъ, III. 218.
- Кадиксъ, подвиги Эссекса при осадѣ его, III. 28.
- Казначейство, министерство Кабали прекращаетъ платежи, III. 183.
- Казобонъ, III. 41, прим.
- Каллидемъ, въ «*Аемскихъ пирахъ*», III. 327 и слѣд.
- Калликъ, въ «*Горгіастъ*», III. 337, прим.; въ «*Аемскихъ пирахъ*», 338 и слѣд.
- Калпе, проливъ, IV. 234, прим.
- Кальвинизмъ, въ Англіи въ XVI ст., III. 287; въ ученіи павлиціанъ, IV. 101.
- Калькутта, IV. 32; Черная Яма, 34; паденіе, 36; новыя угрозы Сураджа-Даулы, 39; возстановленіе значенія, 50; голодъ, 80; взятіе города, 210; сватъба Гастингса, 233.
- Камбизъ, наказаніе продажнаго судьи, III. 76.
- Капитанъ Великій, IV. 2, прим.
- Кароффъ, Джіанъ Піетро (Павелъ IV), IV. 109.
- Карлъ Великій и его преемники, IV. 11.
- Карлъ I, причина политическихъ промаховъ, III. 68; дѣйствіе побѣды надъ нимъ на національный характеръ, 148.
- Карлъ II, его характеръ, III. 168, 168, 171, 178, 179, 204 и IV. 156; сравненіе его двора съ дворомъ отца, III. 164; уступчивость Франціи, 171 и слѣд.; отреченіе отъ разрѣшающей власти, 183; отношенія къ Темплю, 188, 191, 217 и 218; подкупы въ палатѣ общинъ, 197; неприязнь къ Галифаксу, 214; увольненіе Темпля, 219.
- Карлъ V, IV. 107.
- Карлъ VIII, III. 129.
- Карлъ XII, IV. 90.
- Карнатикъ, богатство этой провинціи, IV. 16 и слѣд.; вторженіе Гайдеръ-Али, 268.
- Кастильцы, ихъ привязанность къ вѣрѣ предковъ, IV. 107.
- Католичество, причины его успѣха, IV. 95 и слѣд.; ассоціація въ Англіи, 191.
- Квинтилианъ, свойства его критики, IV. 360.
- Квотрантъ, IV. 148, прим.
- Кембриджъ, его университетъ, III. 8 и 152.
- Кирило, III. 266, прим.
- Клайвъ, лордъ, обзоръ описанія его жизни м-ра Джона Малькольма, IV. 1—91; родословная и дѣтство, 3 и 4; отъѣздъ въ Индію, 5; пріѣздъ въ Мадрасъ и положеніе въ этомъ городѣ, 7; прапорщикъ на службѣ Компаніи, 9; атака, взятіе и защита Аркота, 19 и слѣд.; женитьба и возвращеніе въ Англію, 27; выборъ въ парламентъ, 29; возвращеніе въ Индію, 30; дальнѣйшая дѣятельность, 31 и слѣд.; дѣйствія относительно Омичонда, 47; денежныя пріобрѣтенія и сдѣлки съ Миръ-Джеффиромъ, 50; назначеніе губернаторомъ Бенгала, 53; сраженіе съ арміею Шахъ-Алума, 55; возвращеніе въ Англію, 57 и слѣд.; новое назначеніе губернаторомъ въ Бенгалъ, 66; успѣхъ въ иво-

- стравной политикѣ, 71; возвращеніе въ Англію и причины непопулярности, 74 и слѣд.; жизнь послѣ удаленія отъ дѣлъ, 88; самоубійство, 89.
- Кларидовъ, лордъ: III. 2, 181, 191 и 200; его администрація, 164—171.
- Кларкъ, IV. 96.
- Клевверингъ, генералъ, IV. 234; оппозиція Гастингсу, 238 и слѣд.; назначеніе генералъ губернаторомъ, 251; принужденъ уступить мѣсто Гастингсу, 252; смерть, 253.
- Кливландъ, герцогиня, благосклонность къ Чорчиллю и Вичирли, IV. 184.
- Клиффордъ, лордъ, III. 178, 185 и 198.
- Клодъ, въ «Римской повѣсти», III. 73, прим. и 313.
- Коттабусъ, III. 327, прим.
- Кингопечатаніе, III. 94.
- Книстисосы, IV. 96, прим.
- Коалиція, въ министерствѣ Шортлава, IV. 300, прим.
- Ковгамъ, лордъ, III. 39.
- Кодвортъ, III. 152, прим.
- Кокъ, сэръ Эдуардъ, отношенія къ Бэкону, III. 19; оппозиція въ дѣлѣ Пичама, 47; опытность въ веденіи государственныхъ процессовъ, 49; удаленіе изъ суда Королевской скамьи и примиреніе съ Боккингамомъ, 61; примиреніе съ Бэкономъ, 63; участіе въ процессѣ Бэкона, 79.
- Колерунъ, IV. 266, прим.
- Кольеръ, Джерими, краткій обзоръ его жизни и сочиненій, IV. 173 и слѣд.; споръ съ Конгровомъ, 179.
- Комедіи аоніскія, IV. 136.
- Комическіе драматурги время Реставраціи, IV. 135—189.
- Конвей, его характеръ, IV. 58.
- Конгривъ, обзоръ его жизни и сочиненій, IV. 168—189.
- Конде, IV. 90.
- Копрадинъ, IV. 103, прим.
- Константискій соборъ, IV. 103.
- Кора, IV. 227.
- Корона, англійская, преобладаніе въ началѣ XVII ст., III. 195; упадокъ власти, 198; конецъ долгой распри съ парламентомъ, 200.
- Кортвей, обзоръ мемуаровъ о сэрѣ Вилліамѣ Темплѣ, III. 146—235.
- Коссимбазаръ, IV. 210.
- Когли, Абрагамъ, удивленіе Бэкону, III. 137; разговоръ съ Мильтономъ о междоусобной войнѣ, IV. 333—357; обвиненіе Долгаго парламента, 337—339; защита Карла, 342; мнѣніе о власти арміи въ то время, 346—348.
- «COUNTY WIFE» Вичирли, достоинства пьесы, IV. 157 и 166.
- Коперъ, IV. 208.
- Cousinhood, прованіе родни Темпля, III. 150.
- Краснорачіе, причины его развитія въ Аоніахъ, IV. 363; различіе древняго отъ новѣйшаго англійскаго, 368; исторія его въ Аоніахъ, 369; эпоха наибольшаго его развитія, 370; причины этого развитія, 371; его сродство съ развитіемъ военнаго искусства, 372.
- Критики, древніе. IV. 358—360; краткія оцѣнки: Аристотеля, 359; Квинтиліана и Діонисія, 360; Лонгина, 361; новѣйшіе, 361—363; вліяніе филологическихъ занятій, 361.
- Кромвелль, Генри, III. 153.
- Кромвелль, Оливеръ, дѣйствія въ Ирландіи, III. 160.
- Кукъ, сэръ Антоній, III. 12.
- Кумберландъ, герцогъ, IV. 58.
- Куть, сэръ Эйръ, IV. 256 и 267.

Л.

- Лабурдонне, IV. 8 и 87.
- Лакъ, IV. 52, прим.
- LALLA ROOHLI, III. 130.
- Лалли, IV. 87.
- Ламбъ, Чарльзъ, IV. 142 и 144.
- Лангедокъ, въ XII столѣтіи, IV. 100.
- Лансдаунъ, лордъ, IV. 296.
- Латимеръ, Гью, III. 78 и 79.
- LEADENHALL-STREET, IV. 61, прим.

- Левъ X, IV. 112 и 116.
Лей-Гонтъ, обзорѣніе его изданій драматическихъ сочиненій, Вичирли, Конгрива, Ванбру и Фарквара, IV. 133—189.
Левноокъ, Шарлотта, III. 139.
Лигарій, въ «Римской повѣсти», III. 303 и слѣд.
Лизій, III. 237.
Ликургъ, см. «Спарта», IV. 402.
Лингардъ, историкъ, III. 174.
Литература, классическая, ея значеніе въ XVI столѣтіи, III. 13.
Ло, IV. 315, 318 и 323.
Логанъ, IV. 326.
Лойола, IV. 110, 123.
Локкъ, IV. 96.
Лонгинъ, общая характеристика его произведеній; его опредѣленіе «высокаго», IV. 361.
Лондонъ, дѣйствіе великой моровой язвы, III. 166.
Лоренсъ, маіоръ, IV. 10 и 24.
Лоретто, ограбленіе Casa Santa, IV. 131.
Людовикъ св., преслѣдованіе еретиковъ, III. 74.
Людовикъ XIV, III. 143, 169 и 174.
Людовикъ XV, IV. 87.
Лютеръ, отношеніе къ философіи, III. 96.

ж.

- «Магазины», въ Англіи, IV. 373.
Магомить-Риза-Ханъ, IV. 219, 222 и слѣд.
Мадрасъ, IV. 3—10.
Майнугъ, III. 290.
Майсора, IV. 263.
Макшигошъ, IV. 201.
Макквизи, IV. 78.
Маклинъ, полковникъ, IV. 241, 250.
Максимилианъ, баварскій, IV. 117.
Малонъ, III. 231, прим.
Малькольмъ, сэръ Джонъ, обзоръ его описанія жизни Клайва, IV. 1—91.
Мансфилдъ, IV. 296.
Манфредъ, IV. 103, прим.
Маратты, краткій обзоръ ихъ исторіи, IV. 12, 231 и 286.
Маратъ, IV. 131.

- Марльборо, герцогъ, IV. 185; герцогиия, 186 и 188.
Мароны, III. 324, прим.
Маршъ, епископъ, III. 287.
Массинджеръ, IV. 140.
Математика, взгляды Платона и Бэкона, III. 99.
Медицина, взгляды Платона и Бэкона, III. 103.
Мекка, IV. 94.
Мексика, IV. 63.
Мемми, III. 232.
Ментшоузъ, мадамъ, IV. 148.
Мерлинъ, III. 227, прим.
Мяткафъ, сэръ Чарльзъ, IV. 91.
Методисты, IV. 108.
Миддлтонъ, замѣчанія о его «Жизнеописаніи Цицерона», III. 4; полемика съ Бенгли, 232.
Мишель, Джемсъ, его «Исторія Индіи», IV. 2; несправедливость къ Клайву, 38; строгость къ Гастингсу, 203.
Мизлтонъ, Джонъ, разговоръ съ Коули о междоусобной войнѣ, IV. 333—357; защита Долгаго парламента, 337; обвиненіе Карла, 339—341 и 343—345; мнѣніе о междоусобныхъ войнахъ, 341; оправданіе казни Карла, 345 и 346; взглядъ на парламентскую армію, 349; мнѣніе о Кроувеллѣ, 350—352; сравненіе анархіи и деспотизма, 354; мнѣніе о вліяніи свободы на благосостояніе государства, 354—356.
Миръ-Джеффиръ, заговоръ, IV. 40; поведеніе во время битвы при Плесси, 44; денежные сдѣлки съ Клайвомъ, 50; дѣло съ Шахъ-Алумомъ, 54; интриги противъ аугличанъ, 56; сверженіе и вторичное возведеніе англичанами, 63; смерть, 66; завѣщаніе Клайву, 74.
Миръ-Коссимъ, IV. 63.
Миссионеры, католическіе, IV. 94.
Митфордъ, его «Исторія Греціи», IV. 386—412.
Мичелъ, сэръ Франсисъ, III. 57.
Моголъ великій, IV. 227 и 268.
Монсей, сравненіе его съ Бэкономъ, III. 137.

Мойланъ, м-ръ, обзоръ его книги о лордѣ Голландѣ, IV. 190—202.
 Мольтеръ, IV. 167.
 Монмутъ, герцогъ, III. 221.
 Монни-Бягомъ, IV. 224 и 241.
 Монополи, въ концѣ царствованія Елисаветы, III. 25; увеличеніе ихъ при Іаковѣ, 57.
 Монпексонъ, сэръ Джильсъ, III. 37 и 66.
 Монро, сэръ Гекторъ, IV. 266.
 Монро, сэръ Томасъ, IV. 91.
 Мопсонъ, IV. 238.
 Монтягю, м-сь, IV. 314.
 Монтягю, Базиль, обзоръ его изданія сочиненій Бэкона, III. 1—139.
 Море, отвращеніе къ нему индійцевъ, IV. 260.
 «Морганте Маггіове», IV. 113, прим.
 Моръ, сэръ Томасъ, IV. 97.
 «Морвингъ Ввиде», Конгрива, IV. 172.
 Муршедабадъ, IV. 211.
 Муръ, III. 130.
 Мусульмане, IV. 260.
 Мюльбергъ, сраженіе, IV. 116.
 Мюнстерскій епископъ, союзникъ Англіи, III. 166.

III.

Набобы, въ Англіи, IV. 75.
 Навядникъ, методъ, его значеніе у Бэкона, III. 117.
 Наполеонъ I, IV. 21, 90, 191.
 «Нервичесоссуза», IV. 145, прим.
 «New Atlantis» Бэкона, III. 133.
 Никольсъ, IV. 208.
 Нимвегенскій трактатъ, III. 188.
 Нонджуроръ, IV. 180, прим.
 Нормандія, IV. 270.
 Норманны, ихъ дѣйствія относительно альбигойцевъ, IV. 102.
 Нортъ, лордъ, IV. 233, 249, 253, 316.
 Норфолькъ, IV. 140, прим.
 «Новум Органумъ», III. 46, 64, 86 и 136.
 Нункомаръ, IV. 220—246.
 Ньюкастль, герцогъ, IV. 29.
 Ньютонъ Джонъ, III. 74 и 287.

•

ОБРАЗОВАНИЕ: въ Англіи въ XVI в.,

III. 16; народное вообще по отношению къ правительству, 295.
 Оври, III. 67 и 81.
 Общество: литературное въ Англіи, III. 319—326; значеніе такихъ обществъ вообще, III. 320; ихъ преміи, III. 322; басня о Гомеръ-Хефороадѣ, III. 323 и слѣд.
 Овербѣри, сэръ Томасъ, III. 78.
 Одиннадцать, учрежденіе въ Аемпахъ, III. 331, прим.
 Окно, Бернардо, переводъ его проповѣдей леди Бэконъ, III. 12.
 Оксфордскій университетъ, III. 8.
 «Олдъ Васшеловъ» Конгрива, IV. 169.
 Олигархія, IV. 395; отношеніе ея въ Римѣ и Греціи, 402.
 Омичондъ, IV. 39, 41—47.
 ОРЕВА SUPEREROGATIONIS, IV. 308, прим.
 «Опытъ о правленіи», сэра Вилліама Темпла, III. 181.
 «Опытъ» Бэкона, III. 27, 46, 84, 127, 136.
 Оравжистъ, III. 151, прим.
 Ораторы: аеіискіе, IV. 358—474; см. также «Краснорѣчіе»; отзывы Джонсона о нихъ, 364; общія начала для критики, 367—369; англійскіе, 287.
 Ориэль, III. 273, прим.
 Ормъ, сочиненіе объ Индіи, IV. 3.
 Осборнъ, Дороти, III. 153 и слѣд.
 Осборнъ, сэръ Питеръ, III. 153.
 Остинъ, Сарра, IV. 92.
 Остракизмъ, IV. 393.
 Остъ-Индская Компания, ея факторіи въ Бенгалѣ, IV. 32; обогащеніе ея агентовъ, 60; ихъ превращеніе въ дипломатовъ и генераловъ, 209; ея организація и власть, 218; набобъ Аудскій уступаетъ ей свои права на Бенаресъ, 269.
 Откровеніи, IV. 97.
 Отчетъ о великомъ тяжбѣ между общинами Ст. Денисъ и Ст. Джоржъ въ водѣ (сатира), III. 389—398.

III.

Павелъ IV, папа, IV. 109, 113.
 Павловъ, III. 327, прим.
 Павлициане, IV. 101 и 104.

- Палата лордовъ въ 1770 году, IV. 197.
- Пали, архидіаконъ, III. 241 и IV. 93.
- Панаевни, III. 329, прим.
- Папизмъ, рубежъ въ Англии между нимъ и протестантизмомъ, III. 23.
- Папство, до Реформаціи, IV. 103.
- Папы, разборъ ихъ исторіи, написанной Ранке, IV. 92—131.
- Парижъ, вліяніе на образованные классы въ Италиі, IV. 130.
- Парръ, д-ръ, IV. 314.
- Паскаль, IV. 98.
- Патрикъ, св., III. 284.
- Пентагетъ, IV. 371 и прим.
- Пипись, III. 176, прим.
- Переселеніе изъ Англии въ Ирландію при Кромвеллѣ, III. 161.
- Периклъ, вознагражденіе судей, III. 73; рѣчи, передавныя Фукидидомъ, IV. 369.
- Петръ Ломбардскій, III. 52, прим.
- Пешва, происхожденіе и значеніе, IV. 253.
- Пивнстратъ, III. 32.
- Пирамида, великая, арабское преданіе о ней, IV. 132.
- «Письма Фаллариса», III. 228.
- «Письма Юнуса», IV. 238.
- Питтъ, Вилліамъ, отношеніе къ процессу Гастингса, IV. 297 и слѣд.
- Пичамъ, III. 47 и 50.
- Пій V, его изувѣрство, III. 293 и IV. 113.
- Пій VI, IV. 132.
- «Plain Deale» Вичирли, IV. 158 и слѣд.
- Платовъ, сравненіе съ Бэкономъ, III. 97 и слѣд.; искусство въ діалогѣ, 226.
- Пласси, сраженіе, IV. 43 и слѣд.; впечатлѣніе, произведенное имъ въ Англии, 53 и 57.
- Плеяды, III. 329, прим.
- Пломерь, сэръ Томасъ, адвокатъ Гастингса, IV. 313.
- Плутархъ, III. 73 и 237.
- Полезъ, сэръ Аміасъ, III. 17.
- Политическое равновѣсіе, въ интресахъ папы, IV. 125.
- Польза, ключъ къ философіи Бэкона, III. 86.
- Польша, борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, IV. 113 и 124.
- Пондишери, IV. 17; занятіе его англичанами, 256.
- Попгамъ, майоръ, IV. 276.
- Попъ; ненависть къ Бентли, III. 233; знакомство съ Вичирли, IV. 162; оцѣнка Конгрива, 185.
- Порохъ, его изобрѣтеніе, III. 94.
- Портикъ, его ученія, III. 91.
- Португалия, сравненіе ея съ Даниею, IV. 126.
- Портъ-Рояль, его разрушеніе, IV. 129.
- Посидоній, III. 87.
- Post-Nati, III. 45.
- Правительство, неумѣстность его вмѣшательства въ дѣла вѣры, IV. 146.
- Правовѣры, IV. 129.
- Прайоръ, сравненіе его съ Аристофаномъ и Ювеналомъ, IV. 137.
- Регисбургъ, III. 274, прим.
- Примѣчательство духовное отъ апостоловъ, III. 280 и слѣд.
- Прелюбодѣяніе, въ драмахъ времени Реставраціи, IV. 141.
- Премии, академическія, III. 322.
- Присуществованіе, IV. 98.
- Прозываніе святыхъ, IV. 97.
- Присяжные въ Афинахъ, ихъ вознагражденіе, III. 330.
- Провансъ, его языкъ и литература въ XII стол., IV. 100.
- Прогрессъ человѣчества въ послѣдніи 230 лѣтъ, IV. 94; значеніе этого слова у Бэкона, III. 86.
- Протестантизмъ: III. 279; вопросъ о его успѣхахъ, IV. 93; его побѣды на сѣверѣ, 103; неуспѣхъ въ Италиі, 106; движеніе за и противъ него, 108 и 114; борьба съ католицизмомъ во Франціи, Польшѣ и Германіи, 115 и 124; характеръ застоя въ немъ, 134.
- Проценты, IV. 146.
- Пруссія, вліяніе протестантизма, IV. 126.
- Пундиты въ Бенгалѣ, ихъ вражда къ европейцамъ, IV. 289.
- Шуритане, ихъ положеніе въ концѣ

царствованія Елисаветы, III. 24; ненависть къ нимъ во время Реставраціи, IV. 76; ошибки ихъ, 148 и слѣд.; вліяніе ихъ нравовъ на литературу, 149—152. Нытки, III. 47—51.

Р.

Рабство, IV. 401.
 Рале, III. 25 и 56.
 Рамусъ, III. 96, и прим.
 Ранке, Леопольдъ, обзоръ его «*Исторіи Памъ*», IV. 92—134.
 Расколъ, его причины въ Англіи, IV. 104 и 120.
 Революція, французская, предназначенія ея, IV. 127.
 Регіум Допум, III. 288.
 Regulating Act, вводится лордомъ Нортонъ, IV. 233; вліяніе въ Индіи, 249, 288 и 262.
 Рейнольдъ, IV. 314.
 Религія, по отношенію къ правительству, III. 298; естественная, IV. 93.
 Ревальва, III. 274, прим.
 Реставрація, ея вліяніе на нравы въ Англіи, IV. 150.
 Реформація, ея вліяніе въ Англіи, III. 8; обстановка, при которой она началась, IV. 105; ея вліяніе на Римъ, 113.
 «Римская повесть», отрывокъ изъ нея, III. 303 и слѣд.
 Римъ, III. 73.
 Ришельё, союзъ его съ Густавомъ, IV. 125.
 Ро, сэръ Томасъ, IV. 69.
 Робертсонъ, д-ръ, III. 118.
 Ровеспьеръ, IV. 131.
 Ромлы, ихъ вѣщность, IV. 229; дѣйствія Гастингса противъ нихъ, 230 и слѣд.
 Россель, лордъ, III. 218 и 221.
 Ротландъ, графъ, III. 66.
 Рочестеръ, графъ, III. 234.
 Рыцарство въ XII ст., IV. 100.

С.

Саванарола, IV. 107.
 Саквилъ, IV. 58.
 Саксонія, ея курфирстъ — глава протестанской партіи, IV. 117;

преслѣдованія кальвинистовъ, 118; вторженіе католиковъ, 124.
 Саллюстій, III. 2.
 Санскритскій языкъ, IV. 228 и 289.
 Служокъ, Іоанна, IV. 123, прим.
 Свифтъ, Джонатанъ, его положеніе у сэра Вилліама Темпля, III. 223 и слѣд.
 Свобода, III. 23 и 276; IV. 390 и 399.
 Свевджи, основатель имперіи мараттовъ, IV. 254.
 Седли, сэръ Чарльзъ, IV. 138.
 Сенка, III. 88, 92 и 123.
 Сесиль, Робертъ, III. 18 и слѣд. См. также Борлей.
 Сигизмундъ, шведскій, IV. 117.
 Сиддонъ, IV. 314, прим.
 Сикстъ V, IV. 114.
 Сильвестръ, папа, III. 273.
 Симоидъ, IV. 95.
 Скверъ, III. 116, прим.
 Скоттъ, майоръ, повѣренный Гастингса, IV. 231, 293, 303.
 Скоттъ, Майкель, III. 227, прим.
 Скотъ, Дунсъ, III. 52, прим.
 Смитъ, Адамъ, IV. 81.
 Соединеніе Англіи съ Шотландіею и Ирландіею, III. 274.
 Соединенныя Провинціи, III. 169 и 181.
 Сойеръ, III. 36 и 37.
 Сократъ, III. 13 и 101.
 Соливанъ, директоръ Остъ-Индской компаніи, IV. 62 и 66.
 Сомерсъ, лордъ, его оправданіе, IV. 313.
 Сомерсетъ, его паденіе, III. 53.
 Соутгамptonъ, графъ, замѣтка объ немъ, III. 42.
 Спарта, ея вѣшняя и внутренняя политика, IV. 397; основаніе системы Ликурга, 398; законы Ликурга, 402.
 Спартапы въ сравненіи съ ашьянами, IV. 393, 399.
 Спевзиппъ, въ «*Афискихъ пиряхъ*», III. 327 и слѣд.
 Ст. Денисъ, община, въ сатирѣ Маколея, III. 389 и слѣд.
 Ст. Джоржъ въ водѣ, община, въ сатирѣ Маколея, III. 389 и слѣд.

Стелла, III. 223.
 Стоикъ, ихъ философія, III. 93, 108, 111.
 Стоицизмъ бенгальца и европейца, IV. 221.
 Столъ 12-ти ливнейный, III. 303.
 Стоу, IV. 188, прим.
 Стража-Даула, аудскій набобъ-визирь, IV. 229—233 и 277.
 Судьи, III. 72—81.
 Сувары въ XIX ст., IV. 98, 99 и 123.
 Суража-Даула, вице-король Бенгала, IV. 33, 34, 45 и слѣд.
 Сундья, IV. 285.

Т. —

Тайный совѣтъ, планъ Темпля, III. 191 и слѣд.
 Талейранъ, III. 149 и IV. 201.
 Тассо, различіе между нимъ и Аріосто, IV. 114.
 Твокомъ, III. 116, прим.
 Тватицы, IV. 108.
 Тельмакъ, IV. 143.
 Тельфъ, у Эврипида, III. 341, прим.
 Темплъ, сэръ Вилліамъ, обзоръ мемуаровъ м-ра Кортнея о его жизни, III. 140—235; характеръ какъ государственнаго человѣка, 142 и слѣд.; родословная, 150; юность, 152; встрѣча съ Дороти Осборнъ, 153; ихъ письма, 155; бракъ и жизнь въ Ирландіи, 160; отношеніе къ Ирландіи, 162; отношеніе къ Арлингтону, 164; отъѣздъ въ Мюнстеръ и назначеніе резидентомъ при Брюссельскомъ дворѣ, 167; свиданіе съ Де-Виттомъ, 169; переговоры по поводу Тройственнаго союза, 170 и слѣд.; слава въ отечествѣ и за границей, 177; переговоры и прощаніе съ Де-Виттомъ, 179; отставка, 180; слогу и характеръ сочиненій, 181; заключеніе отдѣльнаго мира съ Голландіею, 186; предположеніе о назначеніи государственнымъ секретаремъ и аудіенціи у короля, 187; участіе въ дѣлѣ брака принца Оранскаго съ принцессой Маріей, Ним-

вегенскій трактатъ и обратный вызовъ въ Англію, 189; планъ касательно тайнаго совѣта, 191 и слѣд.; отчужденіе сотоварищей, 217; образъ дѣйствій по вопросу объ «Исключеніи», 219; удаленіе въ деревню, 220; отношенія къ Свифту, 223; «Опытъ о древней и новѣйшей учености», 226; смерть, 233.
 Темуть, лордъ (м-ръ Шоръ), IV. 293.
 Теология, ея характеристика, IV. 95 и слѣд.
 Терезъ, IV. 177, прим.
 Торнъ въ 1754 году, IV. 28.
 Торло, лордъ-канцлеръ, IV. 86 и 297.
 Трагедія, III. 156.
 Трибуналъ инквизиціи, IV. 103.
 Тридентскій соборъ, IV. 117.
 Таиеннал Вилл, совѣщанія Вильгельма съ Темплемъ, III. 224.
 Тройственный союзъ, III. 168 и слѣд.
 Трудъ, раздѣленіе его, III. 242; рабочіе часы, IV. 146.
 Туллія, III. 115, прим.
 Тюрго, IV. 91.

У.

Университеты, изученіе классиковъ, IV. 137.

Ф.

«Faint Penitent», IV. 172, прим.
 Фаронцаръ, III. 324.
 Феиславъ, IV. 143.
 Фердинандъ II, преданность католицизму, IV. 117.
 Филиппъ II, IV. 117.
 Филиппъ IV, Красивый, IV. 103.
 Филиппъ, сэръ Робертъ, III. 67.
 Философія: древняя, ея характеристика, III. 87 и 124; ея неподвижность, 92 и слѣд.; сравненіе съ Бюкеновою философіей, 104; нравственная, 114.
 Фитцджербертъ, IV. 314, прим.
 Фичино, Марсильо, III. 94, прим.
 Филковая корона, III. 332, прим.
 Фламійный, въ «Римской новостяхъ», III. 303 и слѣд.

Флегчеръ, драматургъ, IV. 141, 151.
 Флотъ, при Карлѣ II, IV. 157.
 Фоксъ: Чарльзъ, характеристика, IV. 192 и слѣд.; презрѣніе къ общественному мнѣнію и перемѣна послѣ смерти отца, 195; остъ-индскій билль, 297; соединеніе съ Боркомъ по дѣлу мира съ американской республикой, 300; великая партія, 304; столкновенія съ Питтомъ, 305; обвиненіе Гастингса, 306; появленіе въ судѣ надъ Гастингсомъ, 316; разрывъ съ Боркомъ, 323.

Фокусъ, III. 15.
 Фордъ, полковникъ, IV. 54 и 57.
 Франки, паденіе могущества, IV. 11.
 Франклинъ, IV. 96.
 Франсисъ, сэръ Филиппъ, IV. 234—312.
 Фривикъ, III. 336, прим.
 Фульда, островъ, бѣгство Гастингса, IV. 210.
 Фридрихъ II, IV. 103.
 Фридрихъ Великій, мелочность его характера, IV. 329.
 Фридрихъ, принцъ Валлійскій, IV. 29, прим.
 Футъ, представляетъ на сценѣ богатыхъ англо-индійцевъ, 77. IV.

Х.

Хариклея въ «Доминикъ пирагъ», III. 338 и слѣд.
 Холкаръ, IV. 225.
 Христіанство, III. 93 и IV. 107.
 Христовой церкви коллегія, ея слава послѣ революціи и изданіе писемъ Фалариса, III. 229.
 Христось, IV. 114.

Ц.

Цезарь, въ «Римской повѣсти», III. 305 и слѣд.
 Церковь: англиканская, III. 289 и IV. 118; римская, III. 93 и IV. 94, 97 и слѣд.
 Цестъ, IV. 371, прим.
 Цетегъ въ «Римской повѣсти», III. 310 и слѣд.

Цикронъ: пристрастіе къ нему Миддальтона, III. 4; проступки, 5; посланія, 22; мнѣніе о риторикѣ, 119.

Цѣлій, Маркъ, въ «Римской повѣсти», III. 313.

Ч.

Чадринджи, IV. 274, прим.
 Чальмерзъ, богословъ, III. 241.
 Чемпионъ, полковникъ, предводитель Бенгальской арміи, IV. 231.
 Чентъ-Сингъ, IV. 269 и слѣд.
 Черная Яма въ Калькуттѣ, IV. 84 и слѣд.
 Черный городъ въ Калькуттѣ, IV. 274, прим.
 Чиллингвортъ, III. 285 и IV. 99.
 Чиссура, IV. 32 и 57.

Ш.

Шандернагоръ, IV. 32 и 40.
 Шафтсбери, III. 150, 205 и слѣд.
 Швеція, участіе въ Тройственномъ союзѣ, III. 172; отношеніе къ католицизму, IV. 117.
 Шериданъ, Ричардъ, IV. 169; рѣчь противъ Гастингса, 310.
 Шитавъ-Рой, IV. 224.
 Шоръ, см. Теммутъ.
 Шотландія, церковь и соединеніе съ Англіей, III. 273 и слѣд.; вліяніе протестантизма, IV. 126.

Э.

Эдинбургъ, сравненіе съ Флоренціей, IV. 126.
 Элевзинскія таинства, III. 345; роль глашатаго и факеловосца, III. 348.
 Эленборо, лордъ, см. Ло.
 Эльфинстонъ, лордъ, IV. 91.
 Энтузиасты, IV. 119 и слѣд.
 Эпикуръ, III. 92 и 93.
 Эссексъ, графъ, III. 23—54.
 Эсквинъ, IV. 405 и слѣд.
 Этереджъ, Джорджъ, IV. 138.

Ю.

Ювеналъ, IV. 137.

Ж.

ЯКОВИЦЫ, IV. 131.

●.

ΘΑΒΥΣЬ или ΘΑΒΟ, III. 329, прим.

ΘΑΛΕΣЬ, IV. 95.

ΘОМАС АКВИНСКИЙ, III. 123.

ΘУКИДИДЬ, изложение рѣчей Перикла, IV. 369.

ВАЖНѢЙШЯ ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ТОМѢ.

Напечатано:

Читай:

Стр.—Строки

287 — 32 — *Sacra Scriptura*—свя- *Sinner Saved* — спасенный грѣш-
щенное писаніе, никъ,

ВЪ ЧЕТВЕРТОМЪ ТОМѢ.

270 — 6 — приказы, «ордонансы»

О Г Л А В Л Е Н І Е

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

Лордъ Клайвъ	1
Римскіе папы	92
Комическіе драматурги времянь Реставраціи	135
Лордъ Голландъ	190
Ворренъ Гастингсъ	203
Разговоръ между Коули и Мильтономъ о междуособной войнѣ	333
Аѳинскіе ораторы	358
Пророческій разсказъ о «Веллингтоніадѣ»	374
Объ Исторіи Греціи	386

Примѣчанія, означенныя цифрами, принадлежатъ русскому изданію; буквами — автору; а звѣздочками — заимствованы изъ нѣмецкаго и американскаго изданій Маколея.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0037104969

825.1
JP
v.3-4

